

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РАБОЧІЕ
НА
СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. И. СЕМЕВСКАГО.

Томъ I.

Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г.

Изданіе И. М. Сибирякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1898.

KF 4320

*Списокъ found
(2-й листъ)*

2682

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемый нынѣ трудъ обязанъ своимъ происхожденіемъ инициативѣ И. М. Сибирякова. Въ 1885 г. онъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ написать исторію быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Занятый тогда лекціями въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ И. М. Сибиряковъ былъ моимъ слушателемъ, я согласился принять его предложеніе лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы работа эта вовсе не была срочною. Я могъ приняться за нее только въ 1888 г. При собираніи библиографическихъ матеріаловъ о сибирской золотопромышленности, въ той части ихъ, которая относится ко времени имп. Николая, большое содѣйствіе оказали мнѣ покойный библиографъ В. И. Межовъ. Нѣсколько ящиковъ въ его маленькой квартирѣ было занято карточками, составлявшими матеріалъ для „Исторической библиографіи“ за первую половину XIX вѣка, лишь часть которой (т. I—III) была издана позднѣе И. М. Сибиряковымъ. Съ 1889 г. я началъ собирать архивные матеріалы для этого изслѣдованія. Здѣсь я долженъ прежде всего съ глубочайшею признательностью упомянуть о содѣйствіи, оказанномъ моему труду покойнымъ Н. Х. Бунге: онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на допущеніе меня въ архивъ Комитета Министровъ, гдѣ хранятся дѣла Сибирскаго Комитета 1852—64 гг., а также благодаря его посредничеству я получилъ доступъ и въ Архивъ Государственнаго Совѣта. Величайшую благодарность я

долженъ также принести В. И. Вешнякову, бывшему тогда товарищемъ министра государственныхъ имуществъ, которому я обязанъ допущеніемъ меня въ архивы Горнаго Департамента, гдѣ хранятся дѣла о золотопромышленности съ половины 30-хъ гг., и общаго архива Министерства Государственныхъ Имуществъ, гдѣ я воспользовался матеріалами 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Собравъ весьма значительное количество неизданныхъ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ, а также и изъ печатныхъ источниковъ, я не только приступилъ къ составленію моего труда, но и набросалъ вчернѣ значительную часть его, однако въ концѣ концовъ убѣдился, что архивы нашихъ центральныхъ учреждений даютъ достаточное количество данныхъ для исторіи законодательства о приисковыхъ рабочихъ, но не для исторіи ихъ быта. Это побудило меня въ 1891 г. предпринять поѣздку въ Сибирь для изученія тамошнихъ архивовъ и посѣщенія золотыхъ промысловъ. И. М. Сибиряковъ вполне обезпечилъ матеріальную возможность такой поѣздки, а затѣмъ достиженіе моей цѣли было чрезвычайно облегчено любезнымъ содѣйствіемъ нѣсколькихъ лицъ. В. И. Вешняковъ исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе тогдашняго министра государственныхъ имуществъ, М. Н. Островскаго, на пользованіе матеріалами архивовъ Томскаго и Иркутскаго горныхъ управленій, покойный членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ оказалъ мнѣ содѣйствіе въ полученіи разрѣшенія управляющаго Кабинетомъ Его Величества на доступъ въ архивъ Главнаго Управленія Алтайскаго горнаго округа и кромѣ того снабдилъ меня рекомендательными письмами въ нѣкоторымъ высшимъ представителямъ сибирской администраціи; то же сдѣлалъ по его просьбѣ и И. К. Педашенко, много послужившій въ Сибири въ званіи начальниковъ губерній. Покойный директоръ Археологическаго Института, И. Е. Андреевскій, снабдилъ меня рекомендаціею отъ этого учрежденія съ просьбою къ мѣстнымъ властямъ оказать мнѣ содѣйствіе въ моихъ архивныхъ занятіяхъ. Множество рекомендацій получено было также мною отъ Г. Н. Потанина и покойнаго Н. М. Ядринцева.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ отправился я въ Сибирь въ началѣ мая 1891 г. Сибирской желѣзной дороги тогда еще не

было, и обычный путь лѣтомъ лежалъ на Екатеринбургъ и Тюмень, откуда 3000 верстъ до Томска пришлось сдѣлать на пароходѣ по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби. Уже на пароходѣ я началъ погружаться въ міръ сибирской золотопромышленности, такъ какъ встрѣтилъ тамъ бывшаго золотопромышленника Олекминскаго округа и рабочихъ изъ Нижегородской губерніи, отправлявшихся на амурскіе промыслы. Одинъ рабочий, уже побывавшій тамъ, велъ за собою 50 человѣкъ на пріиски Зейской К⁰ на Амурѣ. Быть можетъ, за это онъ долженъ былъ получить какое нибудь вознагражденіе, по крайней мѣрѣ въ присутствіи товарищей онъ все расхваливалъ положеніе рабочихъ и заработки на пріискахъ этой компаніи. Онъ увѣрялъ, что каждый рабочий можетъ тамъ зарабатывать 2 р. въ день (мы увидимъ ниже, что средній заработокъ тамъ, правда на хозяйскихъ харчахъ, былъ около 1 р. 30 к.). По его словамъ, въ лѣтнюю операцію можно заработать рублей 200 чистыхъ, но путь изъ Нижегородской губерніи на промыслы обойдется до 70 р. и потому отправляться туда на одинъ годъ не стоитъ. Бывшій олекминскій золотопромышленникъ и одинъ изъ высшихъ чиновниковъ горнаго вѣдомства въ Иркутскѣ, ѣхавшій также съ нами, увѣряли меня, что официальные свѣдѣнія о числѣ рабочихъ на промыслахъ Олекминскаго округа невѣрны и гораздо ниже дѣйствительныхъ вслѣдствіе того, что поборы въ пользу горной администраціи (горныхъ исправниковъ и горнаго инженера) производятся по числу рабочихъ (по мнѣнію этого чиновника, дѣйствительное число рабочихъ Олекминскаго округа доходить до 18.000 ч.¹⁾).

Въ Томскѣ я ознакомился съ матеріалами архива Томскаго Горнаго Управленія, гдѣ хранятся дѣла съ начала 30-хъ гг., причемъ встрѣтилъ самое любезное содѣйствіе со стороны тогдашняго начальниа этого управленія, Н. А. Денисова, и съ документами общаго Губернскаго Архива, доступъ въ который былъ разрѣшенъ мѣстнымъ губернаторомъ, Г. А. Тобизеномъ, дозволившимъ мнѣ также пользованіе архивами волостныхъ правленій Томской губерніи и горнаго исправника Кузнецкаго округа. Въ общемъ Томскомъ Губернскомъ Архивѣ считается болѣе 300.000 дѣлъ, но въ

¹⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ, «вѣличныхъ рабочихъ адѣсь въ 1889 г. было 13,166 чел.

сожалѣнію документовъ прошлаго столѣтія почти не сохранилось. При посѣщеніи разныхъ лицъ въ Томскѣ я не упускалъ случая собирать свѣдѣнія о бытѣ пріисковыхъ рабочихъ. Не мало важныхъ матеріаловъ сообщилъ мнѣ, а также много интереснаго о пріисковой жизни разсказалъ А. К. Субботинъ, служившій въ южно-енисейской тайгѣ въ К^о Бенардаки съ половины 40-хъ до половины 60-хъ гг. и затѣмъ на Олекмѣ. Отмѣтимъ между прочимъ его мнѣніе, что работы артелей старателей-золотничниковъ спасли золотопромышленность въ енисейской тайгѣ. Они добывали золото изъ разработанныхъ уже „разрѣзовъ“ (мѣста открытыхъ работъ для добычи золота на пріискахъ). Бывали случаи, что золотопромышленники отбирали у золотничниковъ богатое золотомъ мѣсто, найденное ими на его пріискѣ, ставилъ хозяйскихъ рабочихъ и несъ только убытки; это заставляло его вновь отдать золотничникамъ участокъ, который начиналъ тогда приносить барыши, новая же попытка разработки собственными средствами опять оказывалась убыточною. А. К. Субботинъ объяснилъ также, какъ золотопромышленники повышали таксы на товары и припасы предъ утвержденіемъ ихъ исправникомъ: они представляли ему счета торговцовъ, гдѣ уже была выставлена стоимость доставки, а затѣмъ вновь навидывали плату за перевозъ. Въ Томскѣ я между прочимъ познакомился съ главноуправляющимъ одной изъ крупнѣйшихъ компаній Томскаго горнаго округа—Южноалтайской, покойнымъ И. Е. Горстомъ, и онъ пригласилъ меня посѣтить промыслы этой компаніи въ Кузнецкомъ округѣ.

Поручивъ въ Томскѣ снять копіи съ необходимыхъ для меня документовъ правительственныхъ архивовъ, я отправился въ Барнауль. Огромный архивъ Главнаго Управленія Алтайскаго горнаго округа помѣщенъ очень дурно: нѣкоторыя связки приносили мнѣ совершенно сырыя; противъ нѣкоторыхъ номеровъ въ описяхъ я нашелъ отмѣтки, что соотвѣтственныя дѣла потонули во время наводненія. Тѣмъ не менѣе въ архивѣ сохранилось много дѣлъ не только нынѣшняго, но и прошлаго столѣтія, начиная съ 1740-хъ годовъ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время архивомъ этимъ завѣдуетъ Н. С. Гуляевъ (сынъ извѣстнаго этнографа С. И. Гуляева), которому мы приносимъ признательность за сообщеніе многихъ матеріаловъ изъ собранія рукописей его отца.

Архивъ этотъ едва ли не наиболѣе важный въ научномъ отношеніи изъ всѣхъ сибирскихъ архивовъ, и Кабинетъ Его Величества оказалъ бы большую услугу наукѣ, если бы отвелъ для него болѣе приличное помѣщеніе. Въ Барнаулѣ я пересмотрѣлъ матеріалы по исторіи приисковаго труда, необходимыя для моей работы, а снимать копіи и дѣлать выборки изъ архивныхъ дѣлъ могъ, къ счастью, поручить Н. М. Зобнину (напечатавшему впослѣдствіи двѣ прекрасныя работы о мастеровыхъ и приписныхъ крестьянахъ Алтайскаго горнаго округа на основаніи архива Салаирскаго рудника), который съ величайшею добросовѣстностью и искусствомъ исполнилъ мое порученіе.

Изъ Барнаула я проѣхалъ въ Кузнецкъ чрезъ Салаирскій серебряный рудникъ, въ архивъ котораго не работалъ, такъ какъ онъ былъ уже использованъ Н. М. Зобнинымъ, сообщившемъ мнѣ собранные имъ тамъ матеріалы для исторіи мастеровыхъ, трудившихся на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ (гораздо большее количество данныхъ по этому предмету найдено было мною въ архивѣ въ Барнаулѣ). Здѣсь я спускался въ серебряный рудникъ на 30 сажень глубины, видѣлъ взрывъ руды динамитомъ, а на поверхности земли ознакомился съ работами старателей-золотниковъ. Старикъ сторожъ въ Салаирскомъ рудникѣ на вопросъ управляющаго, отчего въ старыя годы (до 1861 г.) при значительномъ количествѣ мастеровыхъ они такъ мало наработывали, отвѣчалъ, что нерѣдко работала только часть мастеровыхъ, а остальныхъ управляющій посылалъ для себя за ягодами. Кромѣ того не мало времени шло на сѣченіе мастеровыхъ. „Не успѣешь“, рассказывалъ онъ, „добѣжать къ началу работъ,—сейчасъ сѣчь, и потомъ въ наказаніе посылаютъ на другой рудникъ; туда, разумѣется, опоздаешь еще болѣе, и тамъ еще разъ сѣкутъ“. Этотъ старикъ началъ работать въ 12 лѣтъ, но онъ сообщилъ, что за дурное поведеніе въ школѣ дѣтей мастеровыхъ и ранѣе посылали на разборку рудъ. Отъ другихъ я также слышалъ, что въ видѣ наказанія заставляли разбирать руду съ 7-лѣтняго возраста. Не доѣзжая Кузнецка, я осмотрѣлъ архивъ волостного правленія села Ильинскаго (гдѣ между прочимъ сохранились дѣла прошлаго столѣтія) и нашелъ нѣкоторые контракты съ рабочими золотопромышленныхъ

компаній. Въ Кузнецѣ я встрѣтилъ самое любезное гостепріимство у И. Е. Горста и, въ ожиданіи возможности отправиться на пріиски Южно-алтайской К^о, ознакомился съ архивомъ горнаго исправника, гдѣ находились впрочемъ дѣла лишь послѣднихъ годовъ. Прежде былъ одинъ горный исправникъ для пріисковъ Маріинскаго и Кузнецкаго округовъ, и потому болѣе раннее дѣлопроизводство этихъ чиновниковъ я нашелъ впослѣдствіи частью въ архивѣ Дмитріевскаго волостного правленія въ селѣ Тисулѣ (Маріинскаго округа Томской губерніи), частью въ архивѣ городской полиціи въ Томскѣ. Здѣсь же я ознакомился съ дѣлами конторы Южно-алтайской К^о.

Промыслы этой компаніи находятся отъ Кузнецка въ 180 верстахъ, но изъ нихъ около 140 верстъ въ одинъ конецъ и 170 въ другой приходится плыть на лодкѣ. Особенно труденъ путь на промыслы: рѣка Томъ течетъ съ горъ весьма быстро, имѣетъ много пороговъ, и паденіе ея такъ велико, что даже простымъ глазомъ видно, какъ, подвигаясь противъ теченія, мы поднимались по водѣ точно въ гору. Въ виду этого, а также въ виду мелководья, плыть вверхъ по теченію на веслахъ невозможно, и двое лодочниковъ, которые везли насъ, принуждены были все время упираться шестами въ дно рѣки и такимъ образомъ подвигать впередъ лодку версты по $2\frac{1}{2}$ въ часъ. Вверхъ по теченію мы тащились вслѣдствіе этого четверо сутокъ. Въ началѣ пути по берегамъ рѣки расположены за нѣсколькими русскими деревнями татарскіе улусы. Иностранцы эти считаются кочующими, между тѣмъ они живутъ въ прекрасно построенныхъ двухъ-этажныхъ опрятныхъ домахъ; комнаты украшены картинками изъ разныхъ иллюстрированныхъ изданій. Они православные и довольно сносно говорятъ по-русски, но продолжаютъ вносить ясакъ мѣхами изъ опасенія, чтобы съ переводомъ его на деньги на нихъ не распространили воинской повинности, отъ которой они теперь избавлены. Они производятъ весьма пріятное впечатлѣніе: это народъ весьма честный, вѣжливый; они занимаются охотою, рыбною ловлею и скотоводствомъ, земли же не пахутъ. Послѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ плаванія инородческіе улусы прекратились, и мы плыли среди высокихъ, нерѣдко скалистыхъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ. Это уже настоящая сибирская лѣсная глушь,

„тайга“, гдѣ лишь мѣстами, версть черезъ 20, виднѣются „зимовья“, замѣняющія наши постоянныя дворы, съ особыми казармами для проходящихъ на пріиски и возвращающихся съ нихъ рабочихъ; а по притокамъ Томи посреди этой тайги разбросаны золотыя пріиски. Плаваніе по быстрымъ порогамъ мѣстами не совсѣмъ безопасно: другая лодка, подвигаемая вслѣдъ за нами также на шестахъ съ припасами для пріисковъ, въ одномъ мѣстѣ была захлестнута волнами и наполнилась водою, такъ что лодочникамъ пришлось ее вытаскивать на берегъ по шею въ водѣ. Бываютъ несчастные случаи, когда люди тонутъ во время распутицы, но у насъ были очень опытные лодочники, и мы, послѣ четырехъ дней путешествія на лодкѣ, пріѣхали на послѣднее зимовье и тотчасъ же отправились верхами на Неожиданный пріискъ Южно-алтайской К^о. Здѣсь я изучилъ дѣла архива этой компаніи, причемъ для меня сдѣлали, съ величайшей готовностью, всѣ необходимыя выписки, и посѣтилъ другіе ея пріиски: Магизинскій, Харлампіевскій, Ильинскій, и пріискъ на р. Камзасѣ, арендуемый у Южно-алтайской К^о. Здѣсь я впервые наглядно ознакомился какъ съ устройствомъ машинъ, на которыхъ промываютъ золотоносныя пески, такъ и съ веденіемъ работъ въ подземныхъ „ортахъ“ и въ открытыхъ разрѣзахъ, побывавъ въ общихъ казармахъ рабочихъ и въ отдѣльныхъ домикахъ, гдѣ живутъ нѣкоторые семейные рабочіе, посѣтилъ пріисковую школу, больницу и такъ называемую „каталажку“, т.-е. пріисковый карцеръ. Промыслы этой компаніи принадлежатъ къ числу наиболѣе порядочныхъ и благоустроенныхъ, но и тутъ бросалась въ глаза страшная утомительность горной пріисковой работы, на которую рабочіе поднимались уже въ 3 часа утра. Обратный путь по теченію я сдѣлалъ гораздо скорѣе, менѣе чѣмъ въ двое сутокъ, причемъ, какъ и въ первый переѣздъ, пришлось ночевать въ лодкѣ. Разница между температурою дня и ночи доходила въ это время почти до 30-ти градусовъ (одну ночь было всего 3^о тепла).

Затѣмъ чрезъ Кузнецкъ я проѣхалъ въ Томскъ; взявъ изъ архива томской городской полиціи нѣкоторые необходимыя мѣ дѣла, я отправился въ дальнѣйшій путь. Огромныя сибирскія расстоянія поглощаютъ много времени и заставляютъ торопиться. Теперь желѣзная дорога сберегаетъ путешественнику время при

прѣздѣ по главному тракту, но поѣздки къ сѣверу и югу отъ него попрѣжнему не легки. Но за то только въ сторонѣ отъ, главнаго почтоваго тракта знакомишься съ умнымъ сибирскимъ крестьяниномъ, который держитъ себя совершенно самостоятельно, безъ излишней услужливости, какъ будто подтверждая собственнымъ примѣромъ, что его предки не знали крѣпостного права.

Изъ города Маріинска я долженъ былъ свернуть съ большой почтовой дороги на проселочную, чтобы побывать въ селѣ Тисулѣ, лежащемъ въ 80-ти верстахъ, для ознакомленія съ архивомъ Дмитріевскаго волостного правленія. На пути, въ селѣ Баимѣ, я пересмотрѣлъ описи мѣстнаго волостного правленія и поручилъ списать для меня нѣсколько контрактовъ приисковыхъ рабочихъ. Въ с. Тисулѣ, мѣстѣ пребыванія маріинскаго горнаго исправника, находится старое Дмитріевское волостное правленіе, въ архивѣ котораго есть дѣла съ 1811 г., и между прочимъ—о частной золотопромышленности съ половины 30-хъ гг. до 1878 г.; эти послѣдніе въ совершенномъ безпорядкѣ: это не архивныя связки, а какая то крошка изъ бумагъ перерванныхъ, перепачканныхъ въ грязь, притомъ дѣлъ 60-хъ и первой половины 70-хъ гг. почти вовсе нѣтъ. Говорятъ, будто, вытаскивая связки во время пожара, сильно испортили ихъ. Въ этомъ архивѣ нашлось очень много важныхъ матеріаловъ (множество договоровъ рабочихъ съ золотопромышленниками, начиная съ 1830 и кончая 1871 годомъ) и пришлось заказать много копій. Пересмотрѣвъ массу дѣлъ, я успѣлъ еще съѣздить на два ближайшихъ прииска Маріинской системы. Прииски этой тайги пользуются дурною славой: тутъ по большей части мелкіе золотопромышленники, которые сильно эксплуатируютъ рабочихъ, особенно донимая ихъ дороговизною товаровъ въ приисковыхъ лавкахъ.

Въ Красноярскѣ я получилъ отъ доктора В. М. Крутовскаго нѣкоторые матеріалы изъ бумагъ его отца, занимавшагося золотопромышленностью. Оттуда на пароходѣ я спустился въ Енисейскъ, и здѣсь отобралъ изъ архива В. И. Базилевскаго необходимыя для меня матеріалы, которые мнѣ разрѣшили взять съ собою, получилъ также разрѣшеніе отъ золотопромышленника И. П. Кытманова ознакомиться съ его архивомъ на Гавриловскомъ приискѣ сѣверно-

енисейской системы и посѣтилъ архивъ енисейскаго полицейскаго управленія, изъ котораго потомъ получилъ нѣкоторые матеріалы, благодаря любезности преподавателя исторіи въ Красноярскѣ Н. Н. Бакаа.

26 іюля я выѣхалъ изъ Енисейска въ сѣверноенисейскую тайгу. До пріисковъ В. И. Базилевскаго нужно было проѣхать 230 верстъ, но это разстояніе возможно было сдѣлать только въ 2¹/₂ сутокъ. Дѣло въ томъ, что изъ всего этого пространства лишь верстъ 60 порядочной дороги, остальной же путь ниже всякой критики: это или полусгнившій „накатникъ“, т.-е. бревна, уложенныя по топямъ и болотамъ, или дорога поднимается въ гору и спускается съ нея по такимъ крупнымъ камнямъ, что нельзя себѣ представить, что это проѣзжій путь на значительные промыслы, или дорога прямо упирается въ русло горной рѣчки, и это обыкновенно еще одно изъ лучшихъ мѣстъ, такъ какъ камни тутъ не такъ крупны. Способъ путешествія такой: впереди ѣхалъ конюхъ верхомъ, а за нимъ слѣдовалъ я въ двухколесномъ кабріолетѣ, довольно покойномъ и приноровленномъ къ этимъ ужаснымъ дорогамъ; править здѣсь приходится самому, что впрочемъ не составляетъ особаго труда, такъ какъ лошадь приучена идти вслѣдъ за конюхомъ. Ко всѣмъ другимъ удовольствіямъ, немедленно по переправѣ близъ Енисейска чрезъ р. Енисей, присоединяется такое обиліе мошекъ и комаровъ, что тотчасъ оказалось необходимымъ надѣть тюлевый вуаль, который не только спереди покрываетъ лицо, но кругомъ окутываетъ голову, и лишь благодаря этому, можно подвигаться впередъ, не рискуя быть совершенно искусаннымъ и обезображеннымъ опухолями. Ночевать приходится на постоянныхъ дворахъ, такъ называемыхъ зимовьяхъ, весьма нечистыхъ и кишацихъ всевозможными паразитами. Берега нѣкоторыхъ горныхъ рѣкъ весьма живописны, но постепенно мѣстность становится все болѣе суровою, и попадаются горы, покрытыя уже не столько лѣсомъ, сколько бѣлымъ мхомъ, придающимъ пейзажу особенно печальный видъ. Унылое впечатлѣніе еще болѣе усиливается почти совершеннымъ, а въ послѣдствіи даже и полнымъ отсутствіемъ птицъ, что дѣлаетъ тасжную глушь совершенно безмолвною.

Разбитый ужасною дорогою, прїѣхалъ я на третій день вечеромъ на прїискъ В. И. Базилевскаго Эльдорадо и, переночевавъ здѣсь, отправился въ „резиденцію“, какъ здѣсь говорятъ, горнаго исправника сѣверной части Енисейскаго округа, а по дорогѣ осматрѣлъ „ортовны“ (подземныя) работы на Вознаграждающемъ прїискѣ г. Секистова. Въ архивѣ горнаго исправника, вслѣдствіе бывшаго когда-то пожара, сохранились дѣла только съ 70-хъ гг. Поручивъ здѣсь сдѣлать для меня нѣкоторые выписки, я поѣхалъ на Гавриловскій прїискъ И. П. Кытманова, гдѣ въ большемъ и хорошо сохранившемся архивѣ нашелъ дѣла съ 1850 г. Гавриловскаго и Никольскаго промысловъ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (а въ 60-хъ также Рязановыхъ, Горохова и Баландина). Разобравъ дѣла этого архива и отложивъ то, что было возможно (благодаря любезному разрѣшенію хозяина) взять съ собою, я осматрѣлъ здѣсь работы на глубокихъ торфахъ (пластахъ незолотоносныхъ породъ), причемъ видѣлъ „вѣчную мерзлоту“, т.-е. никогда не оттаивающіе слои торфа, побывалъ въ больницѣ, столовой и казармахъ рабочихъ. Съ Гавриловскаго прїиска я отправился обратно на прїискъ Базилевскаго Эльдорадо, откуда немедленно поѣхалъ на Разсвѣтъ, — недалеко лежащее мѣсто обработки золота (компанією Базилевскаго и Ратькова-Рожнова) не изъ золотыхъ россыпей, а изъ руды посредствомъ дробленія особою машиною и толченія ступою. Дѣло здѣсь было еще вновь, шло плохо и съ большимъ убыткомъ. На дробилку и отчасти на песты было поставлено мягкое красноярское желѣзо, которое совершенно истлѣлось; поэтому дробилка не дѣйствовала и приходилось твердые кварцы дробить молотами, а изъ 20 пестовъ дѣйствовало только 10. Устроена была здѣсь амальгамация (извлеченіе золота посредствомъ ртути), но по свойству воды ртуть не улавливала золота. Та часть завода, которая должна была современемъ химическимъ способомъ обрабатывать шламмы, была еще неготова, но пробы, сдѣланныя завѣдывавшимъ всѣмъ этимъ дѣломъ горнымъ инженеромъ А. А. Перрѣ, показывали, что и на химическую обработку надежда плоха. Въ это время на заводѣ, несмотря на работу въ двѣ смѣны днемъ и ночью, получали въ сутки золота только 10 золотниковъ. Нанимались здѣсь рабочіе по общему прїисковому контракту. По возвра-

щеніи на Эльдorado я видѣлъ добычу изъ копей рудъ, которыя вoзятъ на Разсвѣтъ за нѣсколько верстъ.

1-го августа я тронулся въ путь верхомъ изъ Эльдorado въ южноенисейскую тайгу съ конюхомъ, также верховымъ, и съ вьючною лошадию съ моими вещами; лошади эти были мнѣ даны, благодаря любезности В. И. Базилевскаго, нанять же ихъ здѣсь негдѣ. Предстояло проѣхать верхомъ 220 верстъ. Первые два дня мы ѣхали по прежней, заброшенной Старонифантьевской дорогѣ, болѣе ровной, чѣмъ та, которою я ѣхалъ изъ Енисейска, но съ разрушенными мостами,—ихъ приходилось объѣзжать по рѣчкамъ и болотамъ. Послѣ переѣзда въ 35 верстъ, въ концѣ котораго пошелъ сильный дождь, мы остановились на ночлегъ въ заброшенномъ, совершенно пустомъ зимовьѣ съ выбитымъ окномъ и выломанною дверью, но въ которомъ, къ счастью, уцѣлѣла желѣзная печка; конюхъ затопилъ ее и, вскипятивъ въ чайникѣ чай, мы могли согрѣться. На другой день, сдѣлавъ 60 верстъ, мы ночевали на Разгадномъ или Татьянинскомъ пріискѣ или развѣдкѣ, въ одной пещѣ съ тремя рабочими. Имъ дали на ужинъ такую гнилую солонину, что невыносимый запахъ заставилъ меня сначала выйти на улицу, а потомъ всю ночь держать дверь отворенною. Самый трудный переходъ мы сдѣлали на слѣдующій день. Пришлось ѣхать уже не проѣзжею нѣкогда дорогою, а прежнею верховою тропою, въ томъ числѣ нѣсколько верстъ по такимъ топямъ и болотамъ, что здѣсь, какъ мнѣ сказали, уже цѣлый годъ никто не проѣзжалъ. Къ счастью мнѣ попался превосходный конюхъ, знавшій этотъ путь въ прежніе годы, и только благодаря ему я не переломалъ себѣ шеи, ногъ и не выкололъ глазъ. Прежде, когда на весь Енисейскій округъ былъ одинъ окружной инженеръ, ему приходилось переѣзжать изъ сѣверноенисейской въ южноенисейскую тайгу и обратно, теперь же, когда эти округа имѣютъ совершенно отдѣльную горную администрацію, путь этотъ находится въ полномъ запущеніи. Правда, возможно избѣжать его, вернувшись въ Енисейскъ, и оттуда, уже окружною дорогою, пробраться въ южноенисейскую тайгу, но это потребовало бы не мало лишняго времени, а я долженъ былъ спѣшить, чтобы поспѣть въ Олекминскій округъ до прекращенія навигаціи. Путь на Енисейскъ представ-

лялъ также мало соблазна, и я рѣшилъ ѣхать напрямикъ, рассчитывая, что будетъ, если и хуже, то иначе; и дѣйствительно, вышло хуже, но зато совершенно въ другомъ родѣ. Въ этотъ, самый трудный, третій день пути мы сдѣлали всего 35 верстъ, но цѣль была достигнута: вечеромъ мы переправились черезъ р. Пить, отдѣляющую сѣверную часть Енисейскаго округа отъ южной.

Переночевавъ въ переполненномъ клопами зимовѣ Кадрѣ, я проѣхалъ въ четвертый день еще 60 верстъ и ночевалъ вмѣстѣ съ рабочими въ такомъ грязномъ зимовѣ, что не могъ заснуть почти всю ночь и все сидѣлъ на воздухѣ. Въ этотъ день я могъ, наконецъ, перестать злоупотреблять любезностью В. И. Базилевскаго и отпустилъ его лошадей, такъ какъ на пріискѣ Н. Ѳ. Востротина мнѣ дали пару лошадей, а одну оказалось возможнымъ нанять. Утромъ 5-го августа, сдѣлавъ верхомъ еще 12 верстъ, я пріѣхалъ къ золотопромышленнику Пичугину, который, уже на дрожкахъ, отправилъ меня на пріискъ, арендуемый А. А. Саввинныхъ (къ нему я имѣлъ рекомендацію). Переѣздъ на дрожкахъ былъ не безъ приключеній: дорога была такова, что одинъ разъ меня выбросило изъ дрожекъ, а въ другой—они совсѣмъ опрокинулись, но все сошло для меня благополучно. У А. А. Саввинныхъ я нашелъ самый радушный пріемъ, и тутъ былъ большой соблазнъ отдохнуть; но надо мною, какъ дамокловъ мечъ, висѣла необходимость поспѣть въ Олекминскій округъ, и потому на другой же день я былъ на работѣ въ архивѣ горнаго исправника южноенисейскаго округа, гдѣ хранятся дѣла съ конца сороковыхъ годовъ. Горный исправникъ Сергѣевъ предложилъ мнѣ взять съ собою большое количество матеріаловъ, и затѣмъ, благодаря любезному разрѣшенію г. иркутскаго генералъ-губернатора А. Д. Горемыкина, я могъ сохранить ихъ у себя до самаго конца работы. На слѣдующій день, окончивъ пересмотръ архива горнаго исправника, я поѣхалъ съ мѣстнымъ окружнымъ инженеромъ на Александровскій пріискъ В. И. Базилевскаго, спускался здѣсь въ шахту (30 аршинъ глубины) и осмотрѣлъ больницу, а оттуда проѣхалъ на Дополнительный участокъ Прокопьевскаго пріиска Асташева, гдѣ нашелъ самый старый и обширный пріисковый архивъ. Получивъ съ собою отобранные мною матеріалы, я осмотрѣлъ работы на богатомъ золото-

носномъ пластѣ, разрабатываемомъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, уступами. Здѣсь однако примѣняли нѣкоторыя техническія усовершенствованія: золотопромывальная машина (чаша) приводилась въ движеніе паровыми машинами, а песокъ подвозился къ ней по конножелезной дорогѣ. На слѣдующій день я разбираю архивъ на Воскресенскомъ пріискѣ, принадлежавшемъ нѣкогда извѣстной Удереиской К^о, а теперь арендуемомъ А. А. Саввинныхъ, и благодаря его любезности получилъ съ собою изрядное количество матеріаловъ. А. А. Саввинныхъ былъ такъ внимателенъ, что проводилъ меня далеко отъ своего пріиска, и благодаря его рекомендаціи, я добрался до такого мѣста, гдѣ могъ уже нанимать лошадей. Путь изъ южноенисейскаго округа (уже все на колесахъ) до Красноярска былъ сдѣланъ въ четверо сутокъ. Отсюда пришлось отправить въ Петербургъ нѣсколько пудовъ архивныхъ матеріаловъ, которыми я былъ нагруженъ на промыслахъ Енисейскаго округа.

Путешествіе изъ Красноярска въ Иркутскъ (около 1000 верстъ) потребовало болѣе 5 сутокъ. Послѣ енисейской тайги ѣзда въ хорошемъ тарантасѣ, въ которомъ можно было растянуться и спать, казалась просто наслажденіемъ. Въ Иркутскѣ на этотъ разъ я пробылъ менѣе двухъ сутокъ и, снабженный предписаніемъ мѣстнаго губернатора К. Н. Свѣтлицкаго горнымъ исправникамъ, полицейскимъ и волостнымъ правленіямъ о допущеніи меня къ изученію ихъ архивовъ, я отправился на пріиски Олекминскаго округа Якутской области. На лошадяхъ пришлось сдѣлать въ двое сутокъ 376 верстъ до станціи Жигаловой на Ленѣ. Собственно на Лену приходится выѣхать еще нѣсколько ранѣе, а до того болѣе 200 верстъ дорога идетъ степью, по которой разбросаны улусы некрещеныхъ бурятъ земледѣльцевъ. Это деревеньки, неправильно расположенныя, среди которыхъ изрѣдка попадаются не только отличныя деревянные, но даже каменные дома нѣкоторыхъ разбогатѣвшихъ бурятъ. Дорога отъ Качуга до Жигалова очень часто идетъ по рѣкѣ Ленѣ, берега которой изъ красныхъ песчаниковъ, частью вывѣтрившихся, частью выдвигающихся правильными слоями.

Въ Жигаловѣ я сѣлъ въ почтовую лодку, довольно вмѣстительную и съ дугообразною деревянною крышею, которая, вмѣстѣ съ войлочными занавѣсами спереди и сзади, хорошо защищаетъ

отъ дождя. Спереди сидятъ два гребца, сзади кормчіи, и такимъ образомъ, плывя внизъ по Ленѣ, можно сдѣлать верстъ по 6-ти въ часъ. Лодку приходится мѣнять на станціяхъ, какъ мѣняютъ у насъ почтовую телѣгу, когда ѣдутъ на перекладныхъ; но на почтовыхъ лошадяхъ я проѣзжалъ по 200 верстъ въ сутки, а на лодкѣ—не болѣе 120—130 верстъ, также не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. 27 августа я пріѣхалъ въ Усть-Кутъ, сдѣлавъ 335 верстъ въ почтовой лодкѣ. Весною пароходы ходятъ до Жигалова, но во время мелководья въ августѣ только до Усть-Кута. Если бы я захватилъ здѣсь пароходъ, я могъ бы сѣсть на него и спокойно продолжать путь; но, къ сожалѣнію, пароходъ ушелъ за два дня до меня, и такъ какъ срочнаго пароходства по Ленѣ въ то время не было, то ждать другого парохода было рисковано, и я рѣшился плыть далѣе на почтовой лодкѣ. Проѣхавъ еще 140 верстъ въ 27 часовъ, я встрѣтилъ, подѣзжая къ станціи Марковской, пароходъ, идущій вверхъ по Ленѣ въ Усть-Кутъ, и узналъ, что менѣе чѣмъ черезъ двое сутокъ онъ будетъ проходить мимо этой станціи на обратномъ пути. Оставшіяся мнѣ по Ленѣ 560 верстъ я могъ бы сдѣлать, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, только въ 5 сутокъ, дождавшись же парохода, я могъ пріѣхать въ Витимскъ гораздо скорѣе. Такимъ образомъ я не только выгадывалъ сутки, отдохнувъ на Марковской станціи, но и могъ ѣхать далѣе съ большимъ удобствомъ. Вслѣдствіе этого, чуть-ли не впервые въ Сибири, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи совершенно свободный день. На пути я обогналъ три пауза (барки) съ ссыльнопоселенцами, которыхъ развозятъ по Ленѣ. Проѣздъ такихъ барокъ составляетъ не малое несчастье для крестьянъ, и ихъ заранѣе предупреждаютъ о немъ изъ волостей, чтобы они могли наблюдать за цѣлостью скота, пасущагося по берегамъ Лены; но за всѣмъ не усмотришь, и поселенцы довольно нахально рѣжутъ первую попавшуюся корову, въ чемъ имъ, какъ говорятъ, не препятствуютъ и конвойные солдаты.

Ссыльнопоселенцы поставляли прежде самый главный контингентъ рабочихъ на большинство золотоносныхъ системъ, теперь же на пріискахъ ихъ менѣе, чѣмъ полноправныхъ рабочихъ, но все еще они нанимаются туда въ очень большомъ количествѣ. Это

даетъ мнѣ поводъ остановиться на сдачѣ въ волость поселенцевъ, при которой я присутствовалъ въ деревнѣ Марковской.

Партіи ссыльнопоселенцевъ плывутъ по Ленѣ два раза въ годъ: весною и осенью. Партія, приплывшая при мнѣ, цѣлый мѣсяцъ тащи́лась изъ Иркутска 700 верстъ; всего вышло изъ Иркутска 500 человѣкъ, а приплыло въ деревню Марковскую только 280,—остальныхъ постепенно распредѣлили по разнымъ волостямъ, къ которымъ они были приписаны, а человѣкъ 12 бѣжало на пути. Въ Марковской волости слѣдовало высадить 62 человѣка; большинство изъ нихъ были мужчины безъ семей, но нѣкоторые изъ нихъ были съ женами и даже съ грудными дѣтьми (жены добровольно сопровождаютъ мужей). Когда паузки остановились у селенія Марковского, поселенцевъ, которыхъ слѣдовало здѣсь оставить, стали выкликать по списку, и каждый изъ нихъ выносилъ на плечахъ свой скарбъ, но трое выскочили (несмотря на холодный, осенній день) въ однѣхъ рубашкахъ и нижнемъ бѣльѣ; оказалось, что двое изъ нихъ проиграли въ карты, а можетъ быть и пропили не только все свое имущество, но даже казенный халатъ, одного же обокралъ поселенецъ, бѣжавшій съ паузка и отправившійся бродяжить. Позднѣе, въ числѣ оставшихся на паузѣ, я видѣлъ такого, у котораго не было даже рубашки, а только одни штаны, спину же и грудь онъ прикрывалъ чѣмъ-то въ родѣ подушки, ужъ не знаю—своею ли. Появленіе при выкликѣ такихъ голяковъ безъ всякаго имущества вызывало дружный смѣхъ всей партіи, и сами они высказывали пожалуй даже беззаботнѣе тѣхъ, которые несли кое-какое имущество. Въ числѣ этихъ несчастныхъ одинъ носилъ кличку „баринъ“, потому что, какъ мнѣ сказали, онъ былъ изъ дворянъ; имущество свое на паузѣ онъ проигралъ въ карты. Выкликнувъ по списку 62 человѣка, ихъ повели въ волостное правленіе. Нѣкоторые, какъ оказалось, оставили свои семьи около Александровской тюрьмы (верстъ 70 отъ Иркутска), гдѣ сами они были въ каторжной работѣ. Одна женщина на вопросъ, есть ли у нея мужъ, отвѣчала: „законнаго нѣтъ, а незаконный-то здѣсь“. Въ числѣ поселенцевъ, высаженныхъ на берегъ, особенную жалость возбуждала семья цыгана: жена его была въ послѣдней степени беременности, и кромѣ того съ ними была

дѣвочка лѣтъ трехъ. Среди поселенцевъ находилась между прочимъ старуха 68-ми лѣтъ. Тутъ были представители всевозможныхъ національностей: русскіе, татары, киргизы, черкесы. Цыганъ оказался сосланнымъ за кражу бродней (обувь) изъ обоза ямщиковъ. Переключивъ всѣхъ принятыхъ въ этой волости, имъ отвели для ночлега этапное помѣщеніе, которое могло вмѣстить развѣ половину изъ нихъ. Такъ какъ вечеръ былъ очень холодный (днемъ шелъ дождь, а на горахъ—даже снѣгъ), то семейнымъ людямъ дозволили пріискивать себѣ на деревнѣ вольныя квартиры; да и вообще, когда караулъ былъ снятъ, надзоръ почти прекратился, такъ какъ устеречь такую ораву невозможно. Причисленіе ссыльно-поселенцевъ къ волостямъ чуть ли не одна формальность; большинство изъ нихъ, особенно тѣ, кто не находятъ себѣ работы, скоро бѣгутъ. Крестьяне въ день прибытія поселенцевъ и на другой день нанимаютъ ихъ частью для построекъ, главнымъ же образомъ для расчистки лѣса подъ пашню и луга. Нѣкоторые изъ оставленныхъ здѣсь просили волостного писаря, чтобы имъ позволили жить въ селеніи, гдѣ находится волость, такъ какъ въ большомъ селѣ легче найти заработокъ, и обѣщали за это волостному писарю „благодарность“.

Когда приемка была окончена, конвойный офицеръ показалъ мнѣ два паузка и многое рассказалъ изъ жизни арестантовъ. Въ помѣщеніи для поселенцевъ были сдѣланы нары въ два этажа, но часть людей размѣщалась и подъ нарами на холодномъ сыромъ полу; тамъ среди другихъ лежалъ хроническій больной, калѣка, не владѣвшій ногами, котораго предполагалось оставить въ больницѣ въ ближайшемъ городѣ Киренскѣ. Офицеръ указалъ мнѣ на поселенца, котораго онъ зналъ годъ тому назадъ совершенно здоровымъ, но который теперь вслѣдствіе сильнаго онанизма (болѣзни, очень распространенной среди арестантовъ) впалъ въ совершенный идиотизмъ. Такъ какъ мужчинъ въ партіи было гораздо болѣе, чѣмъ женщинъ, то нравы были очень свободные: въ ней былъ между прочимъ 11-ти лѣтній мальчикъ, который пилъ, игралъ въ карты и интересовался женщинами; была также 12-ти лѣтняя дѣвочка, которая составляла общее достояніе арестантской партіи. Но бываютъ и исключенія: конвойный офицеръ указалъ мнѣ на семью

изъ отца, матери и трехъ дочерей 15-ти и 17-ти лѣтъ, которыя, благодаря родительскому надзору, отличались безупречнымъ поведеніемъ. Нѣкоторыхъ поселенцевъ сопровождала очень многочисленная семья: у одного татарина было 6 человѣкъ дѣтей, у одной еврейки—тоже не мало. Офицеръ, молодой человѣкъ, повидимому довольно добродушный, рассказалъ однако о слѣдующемъ своемъ столкновеніи съ конвоируемой имъ партіею на одномъ этапѣ, когда она шла еще сухимъ путемъ. Съ одного предшествовавшаго этапа бѣжало нѣсколько человѣкъ поселенцевъ, а потому конвойные стали загонять арестантовъ на ночь въ зданіе этапа, которое обыкновенно изобилуетъ всевозможными насѣкомыми, и при этомъ ударили прикладомъ беременную женщину. Поселенцы закричали: „Нашихъ бьютъ, бей конвойныхъ“. Началась свалка. Тогда офицеръ принялъ энергическія мѣры: выстроилъ въ воротахъ 20 человѣкъ солдатъ съ заряженными ружьями и потомъ, „разгорячившись“, по его словамъ, онъ началъ бить поселенцевъ по зубамъ. А это еще одинъ изъ самыхъ добродушныхъ!

Помѣщеніе на дощаникѣ плохо защищало поселенцевъ отъ дождя, на продовольствіе же, которое выдается имъ натурою, полагается по 15-ти коп. въ сутки; мнѣ показали сухари довольно порядочные и солонину безъ запаха; поселенцамъ выдавали $\frac{1}{4}$ ф. мяса, $\frac{1}{8}$ ф. крупы, определенное количество хлѣба, соли, и, кажется, золотникъ кирпичнаго чая. Пищу готовятъ они не сообща, а каждый для себя въ отдѣльномъ котелкѣ. При вечерней повѣркѣ оказалось, что двое поселенцевъ опять бѣжало. На одной изъ остановокъ солдатъ завѣдомо отпустилъ поселенца и за это долженъ былъ пойти подъ судъ; но сами конвойные офицеры для прикрытія побѣговъ прибѣгаютъ къ такой уловкѣ: подымая къ волости, гдѣ нужно высадить часть партіи, и зная, что не хватаетъ нѣсколькихъ человѣкъ, офицеръ вызываетъ желающихъ, за извѣстное вознагражденіе, назваться именами отсутствующихъ. Ихъ сдаютъ въ волости, они немедленно бѣгутъ, черезъ нѣсколько верстъ догоняютъ паузокъ и вновь садятся на него.

Вотъ тотъ бездомный пролетаріатъ, ссылаемый ежегодно въ Сибирь въ большомъ количествѣ, который составлялъ прежде большинство рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ; понятно, почему

золотопромышленники въ прежнее время предписывали нанимать рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, находя, что они послушнѣе и безотвѣтнѣе другихъ рабочихъ.

30-го Августа я сѣлъ на пароходъ „Михайль“, какъ говорятъ, самый маленькій и самый плохой въ то время изъ всѣхъ пароходовъ на Ленѣ, не имѣвшій даже пароваго отопленія. Между тѣмъ настали порядочные холода, все время дулъ сильный вѣтеръ, и въ общей каютѣ I-го класса было до такой степени холодно, что и днемъ, и ночью нельзя было снять мѣховое пальто. На такомъ-то пароходѣ пришлось тащиться трое сутокъ до селенія Витимска (на р. Ленѣ, при впаденіи р. Витима, 1410 верстъ отъ Иркутска), знаменитаго былыми кутежами пріисковыхъ рабочихъ послѣ осенняго разсчета на промыслахъ 10-го сентября, убійствами и разбоями. Лена поглотила здѣсь не мало труповъ тѣхъ ограбленныхъ и убитыхъ рабочихъ, которые болѣе другихъ вынесли съ пріисковъ денегъ и золота. Теперь витимскіе нравы нѣсколько смягчились, такъ какъ администрація заставляетъ золотопромышленниковъ вывозить рабочихъ не въ Витимскъ, а на 400 слишкомъ верстъ выше по Ленѣ до ничтожнаго, грязнаго городишка Киренска, но все-таки еще не мало отчаяннаго народа гнѣздится въ Витимскѣ, такъ какъ туда сплошь и рядомъ возвращаются рабочіе, доведенные до Киренска.

По пріѣздѣ въ Витимскъ я немедленно поѣхалъ за нѣсколько верстъ на Виску: это, такъ называемая, „резиденція“ К^о Сибиряковыхъ, Базановыхъ и Нѣмчинова, т.-е. пристань ихъ пароходовъ и лѣтнее мѣстопробываніе главнаго управляющаго ихъ пароходствомъ; тутъ же находятся больница и богадѣльня (на 10 чело-вѣкъ) для рабочихъ, потерявшихъ здоровье на пріискахъ. Пріятнымъ сюрпризомъ для меня было то, что тотчасъ по пріѣздѣ моемъ на Виску пришелъ съ пріисковъ пароходъ „Тихонъ“, на которомъ часа черезъ три я и отправился въ дальнѣйшій путь. На этомъ, вполне благоустроенномъ пароходѣ, въ отдѣльной большой каютѣ, отапливаемой паромъ, я совершенно отдохнулъ отъ дорожнаго утомленія и скорбѣлъ только о томъ, что мы подвигались впередъ весьма медленно. Витимъ—рѣка очень быстрая, „сумашедшая“, какъ выражался капитанъ, а пароходъ нашъ тянулъ за собою

барку съ грузомъ около 20,000 пудовъ, и потому мы дѣлали всего какихъ-нибудь 7 верстъ въ часъ, да нѣкоторыя ночи еще стояли на мѣстѣ.

Берега р. Витима совершенно не населены; только верстъ черезъ 30 стоятъ „зимовья“, которыя зимою служатъ станціями на пріисковой почтовой дорогѣ, а теперь въ нихъ живутъ только караульные. Единственное болѣе населенное мѣсто—Воронцовская пристань (100 верстъ отъ Витимска), занятая исключительно складами и разными постройками КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской (см. т. II, стр. 309—310 моей книги).

5-го Сентября я пріѣхалъ на Бодайбо, пристань на Витимѣ при впаденіи въ Лену р. Бодайбо, сдѣлавъ болѣе 1700 верстъ въ двѣ недѣли—на лошадахъ, въ почтовой лодкѣ и на пароходѣ. Здѣсь живетъ горный исправникъ Витимской системы, находится „резиденція“ нѣсколькихъ золотопромышленныхъ компаній, въ томъ числѣ и К^о Промышленности, больница этой К^о, сюда подвозятъ сотни тысячъ пудовъ сѣна, пригоняютъ на баржахъ, буксируемыхъ пароходами, массу скота и живетъ, такъ называемый, „резидентъ“ компаніи. Здѣсь я присутствовалъ при медицинскомъ освидѣтельствovanіи рабочихъ, нанимаемыхъ на новую операцію, и затѣмъ въ тотъ же день послѣ обѣда выѣхалъ изъ Бодайбо на Успенскій пріискъ, гдѣ находится главное управленіе К^о Сибиряковыхъ, Базановыхъ и Нѣмчинова (40 верстъ отъ Бодайбо). Дорога проходитъ въ высшей степени гористою мѣстностью (отъ Бодайбо 5 верстъ идетъ подъемъ въ гору). Уже когда мы подъѣзжали къ Бодайбо, былъ ночью морозъ градусовъ 5, а такъ какъ чѣмъ далѣе, тѣмъ выше, а слѣдовательно и холоднѣе, то въ „дальней“ Олекминской тайгѣ выпалъ глубокій снѣгъ, и проѣзжавшіе ранѣе меня пробирались съ большимъ трудомъ. Мнѣ къ счастью пришлось ѣхать въ болѣе теплые дни и потому, хотя чѣмъ далѣе за Успенскимъ пріискомъ, тѣмъ болѣе лежало снѣгу по сторонамъ, но я ѣхалъ по грязи и мѣстами по камнямъ, а не по снѣгу. Какъ бы то ни было, тѣ 130 верстъ, которыя я проѣхалъ въ одинъ конецъ по Витимской и Олекминской системамъ Ленскаго горнаго округа, идетъ дорога неизмѣримо лучшая, чѣмъ въ енисейскихъ тайгахъ: я вездѣ ѣхалъ на тройкѣ и только удивлялся выносли-

вості и прочности мѣстныхъ тарантасовъ, такъ какъ везуть, гдѣ возможно, рысью.

Пріѣхавъ ночью на Успенскій пріискъ, я осмотрѣлъ на другой день шахтovyя работы, золотопромывальную машину, казармы рабочихъ, больницу, училище, библіотеку для служащихъ, устроенную на деньги, пожертвованныя И. М. Сибиряковымъ, церковь и кухню для рабочихъ, былъ также въ архивѣ, который оказался очень обширнымъ и благоустроеннымъ, и въ тотъ же день поѣхалъ далѣе вмѣстѣ съ окружнымъ инженеромъ, который живетъ на Успенскомъ пріискѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что сопровождаетъ меня на основаніи офіціального предписанія начальника Иркутскаго горнаго округа г. Л. Карпинскаго между прочимъ для того, чтобы обратить мое вниманіе на тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться мѣстной золотопромышленности. Такъ по дорогѣ онъ указалъ мнѣ на канаву, глубиною въ 4 саж., которую на протяженіи 2½ верстъ провелъ золотопромышленникъ Ѳ. И. Базилевскій и которая стоила ему 300.000 руб., для того, чтобы отвести въ другое мѣсто русло р. Бодайбо, такъ какъ безъ этого вода заливала шахты подъ русломъ этой рѣки, въ которыхъ начали добывать золотоносные пески. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ указывалъ мнѣ на то, что по мѣстнымъ условіямъ здѣсь должна существовать только крупная золотопромышленность (хотя въ дѣйствительности въ олекминской тайгѣ есть и мелкіе золотопромышленники, и старатели-золотничники). Проведя вечеромъ нѣсколько часовъ съ главноуправляющимъ Ѳ. И. Базилевскаго и мѣстнымъ докторомъ, я выѣхалъ далѣе къ ночи одинъ и, сдѣлавъ около 70-ти верстъ, раннимъ утромъ 7-го сентября былъ уже на промыслахъ Ленскаго Т-ва, откуда проѣхалъ къ живущему по близости исправнику Олекминской системы. Такъ какъ черезъ два дня предстоялъ расчетъ рабочихъ, и дѣла у исправника въ это время бываетъ очень много, а я торопился, чтобы успѣть возвратиться въ Иркутскъ до пріостановки навигаціи по Ленѣ и выѣхать изъ тайги вмѣстѣ съ рабочими, то пришлось лѣзть на чердакъ, гдѣ хранится архивъ горнаго исправника и съ помощью казака и рабочаго доставать нужныя мнѣ дѣла. Мнѣ все-таки удалось пересмотрѣть весь архивъ, гдѣ хранятся дѣла съ начала 50-хъ гг., и отобрать то,

что нужно было взять съ собой, а вечеромъ я возвратился на Тихоно-Задонскій приискъ Ленскаго Т-ва. Затѣмъ я осмотрѣлъ элеваторъ (машину для промывки золотоносныхъ песковъ силою воды, поднимавшей ихъ своимъ напоромъ на известную высоту), который былъ устроенъ здѣсь горнымъ инженеромъ М. Шостакомъ, но потомъ оставленъ; побывалъ въ больницѣ, казармахъ рабочихъ и въ разрывѣ, гдѣ производились работы, получилъ отъ главноуправляющаго К^о горнаго инженера Л. Ф. Граумана нѣкоторые документы изъ архива Ленскаго Т-ва и отправился въ обратный путь. Переночевавъ на приискѣ О. И. Базилевскаго, я осмотрѣлъ больницу, баню для рабочихъ и ихъ казармы и добылъ нѣкоторые архивные документы, а затѣмъ былъ по сосѣдству на приискѣ Бодайбинской К^о, гдѣ также осмотрѣлъ больницу, казармы и кухню рабочихъ и захватилъ нѣкоторые дѣла. Вечеромъ я былъ уже на Успенскомъ приискѣ, и на другой день работалъ въ обширномъ архивѣ двухъ соединенныхъ КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской. Здѣсь я между прочимъ встрѣтилъ весьма оригинальную личность: это мѣстный конторщикъ и въ то же время фотографъ изъ якутовъ. Онъ имѣлъ случай познакомиться съ ссыльными изъ государственныхъ преступниковъ, вполне цивилизовался, благодаря ихъ вліянію, и былъ однимъ изъ самыхъ интеллигентныхъ людей на главномъ „стану“ этихъ КК^о. Онъ такъ превосходно снималъ портреты, что его работы не уступаютъ лучшимъ петербургскимъ фотографіямъ. Приисковая цѣна (18 р. за дюжину кабинетныхъ карточекъ) не останавливаетъ многихъ рабочихъ сниматься у него. Здѣсь я присутствовалъ также при наймѣ рабочихъ, и затѣмъ вечеромъ выѣхалъ обратно на Бодайбинскую резиденцію, гдѣ поработалъ надъ дѣлами архива Витимскаго горнаго исправника (съ половины 70-хъ гг.) и захватилъ съ собою нѣкоторые дѣла, а 12-го сентября выѣхалъ съ Бодайбо на пароходѣ „Сивельниковъ“, который тащилъ за собою баржу, переполненную рабочими (см. ниже т. II, стр. 487—488).

Хотя поѣздку по Ленскому горному округу пришлось сдѣлать слишкомъ быстро, но я собралъ здѣсь массу интересныхъ документовъ, пониманіе которыхъ весьма облегчилось личными наблюденіями; особенно доволенъ былъ я тѣмъ, что удалось выѣхать съ

пріисковъ вмѣстѣ съ рабочими. Хотя непродолжительное пребываніе въ тайгѣ было куплено мѣсячнымъ путешествіемъ изъ Иркутска на пріиски и обратно, но оно было все-таки необходимо для правильнаго пониманія матеріаловъ, которые я вывезъ съ собою.

Въ Усть-Кутѣ пароходъ останавливается, и далѣе 335 верстъ пришлось ѣхать до Жигалова въ лодкѣ, но такъ какъ противъ теченія подвигаться на веслахъ было бы слишкомъ трудно, то лодку тянуть на лошадяхъ бичевой. Для этого я и мой спутникъ нанимали тройку лошадей; ихъ прикрѣпляли къ бичевѣ длиной саж. 50, на лошадей садилось 2 — 3 верховыхъ, часто 11—12-тилѣтнихъ мальчики, а въ лодкѣ находилось еще двое ямщиковъ (на кормѣ и носу), и мы подвигались такимъ образомъ среднимъ числомъ 5—6 верстъ въ часъ. Днемъ путешествіе совершалось вполнѣ благополучно, но ночью бичева безпрестанно задѣваетъ за какой-нибудь пень или камень, раздается крикъ—„заронило“, „зарочило“, и тогда верховому приходится на лошади, а то и слѣзая въ воду доставать бичеву. Разстояніе до Жигалова мы проплыли ровно въ трое сутокъ: нѣкоторые ночи были очень холодны, такъ что вода съ береговъ начинала замерзать, мѣстами мели очень замедляли плаваніе, такъ что однажды „становъ“ въ 17 верстъ мы плыли 5 часовъ, но все-таки мы благополучно добрались до Жигалова, пристани на Ленѣ, гдѣ пересаживаются уже въ экипажи.

Благодаря тому, что вслѣдствіе поломки парохода пришлось простоять четверо сутокъ на Ленѣ, мы пріѣхали въ Иркутскъ только 28-го Сентября, т.-е. послѣ 17-ти дней пути. Затѣмъ начались усиленные занятія въ архивѣ Иркутскаго Горнаго Управленія, самомъ важномъ для исторіи сибирской золотопромышленности, такъ какъ здѣсь хранится масса дѣлъ съ начала 50-хъ гг., и отчасти въ архивѣ канцеляріи Иркутскаго Генераль-Губернатора, пользованіе которымъ разрѣшилъ мнѣ А. Д. Горемыкинъ. Нѣкоторые интересные контракты съ пріисковыми рабочими я получилъ также въ архивѣ городской думы. Занятія въ первомъ архивѣ потребовали болѣе трехъ недѣль самаго напряженнаго труда, послѣ чего я могъ оставить Иркутскъ, заказавъ массу выписокъ изъ прочитанныхъ и отмѣченныхъ мною матеріаловъ. Не буду описывать обратнаго пути, который въ Восточной Сибири пришлось дѣлать то на колесахъ,

то на саяхъ. Упомяну только, что въ Красноярскѣ мнѣ удалось поработать еще въ архивѣ Губернскаго Суда, гдѣ я нашелъ интересныя дѣла о волненіяхъ присковъ рабочихъ, и, получивъ нѣкоторые документы изъ архива золотопромышленника А. П. Кузнецова, я отправилъ въ Петербургъ еще нѣсколько пудовъ архивныхъ матеріаловъ. Въ Томскѣ пришлось вновь позаняться въ архивѣ Горнаго Управленія. Возвратился я черезъ Тюмень, Екатеринбургъ и Златоустъ, гдѣ сѣлъ на Самаро-Уфимскую ж. д. Все путешествіе въ Сибирь продолжалось шесть съ половиною мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ мое историческое изслѣдованіе быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ основано преимущественно на неизданныхъ документахъ архивовъ слѣдующихъ учреждений: Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ (дѣла Сидирскаго Комитета), Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Горнаго Департамента, Томскаго Горнаго Управленія, Общаго Томскаго Губернскаго Архива, Томской Полиціи, Главнаго Управленія Алтайскаго Горнаго Округа (въ Барнаулѣ), конторъ и комиссіи военнаго суда въ Салаирскомъ рудникѣ (на Алтайѣ), Енисейскаго Губернскаго Суда, Енисейской Полиціи, Красноярской Городской Думы, Иркутскаго Горнаго Управленія, Канцеляріи Иркутскаго Генералъ-Губернатора, Иркутской Городской Думы, горныхъ исправниковъ: кузнецкаго, сѣверно-енисейскаго, южно-енисейскаго, Витимской и Олекминской системъ Ленскаго горнаго округа, волостныхъ правленій Дмитріевского (въ селѣ Тисулѣ) и въ Баимѣ (Маріинскаго округа) и архивовъ золотопромышленниковъ А. П. Кузнецова (въ Красноярскѣ), В. И. Базилевскаго (въ Енисейскѣ), И. П. Кытманова (на Гавриловскомъ прискѣ сѣверно-енисейскаго округа), Удереиской К^о (на Воскресенскомъ прискѣ, арендуемомъ А. А. Саввинныхъ), Асташевыхъ (на Дополнительномъ участкѣ Прокопьевскаго приска), КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимской (на Успенскомъ прискѣ Бодайбинской К^о Витимской системы Ленскаго горнаго округа), Ѳ. И. Базилевскаго и Ленскаго золотопромышленнаго т-ва (въ Олекминской системѣ) и Южно-Алтайской К^о (Кузнецкаго округа), всего—32 архивовъ.

Хотя изученіе документовъ этихъ архивовъ дало мнѣ возможность собрать массу данныхъ относительно быта рабочихъ на всѣхъ

сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, но во II-мъ т. моего труда я не нашелъ нужнымъ, во избѣжаніе излишняго повторенія однородныхъ фактовъ, описывать бытъ общекоонтрактныхъ рабочихъ на всѣхъ горныхъ системахъ (я не говорю, напримѣръ, о промыслахъ Ачинскаго, Минусинскаго, Красноярскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ и промыслахъ Забайкальской области), но относительно быта старателей-золотничниковъ и волненій рабочихъ я воспользовался всѣми имѣвшимися у меня матеріалами.

Въ предѣлахъ поставленной себѣ задачи я старался, кромѣ неизданныхъ матеріаловъ, разработать возможно полнѣе и печатные источники и пособія, розысканіе которыхъ было облегчено „Сибирскою библіографіею“ В. И. Межова (3 т.) и указателемъ статей о золотопромышленности въ сибирскихъ повременныхъ изданіяхъ Д. М. Головачева. Ссылки на книги и статьи сдѣланы вездѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, изъ болѣе же выдающихся трудовъ нашихъ предшественниковъ по изученію быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ слѣдуетъ упомянуть о сочиненіяхъ Кривошапкина „Енисейскій округъ и его жизнь“ (1865 г.), Уманскаго „Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ“ и статьяхъ неизвѣстнаго автора о рабочихъ на промыслахъ Олекминскаго округа въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ (прилож. къ „Восточному Обзорѣнію“ 1889 г. кн. 1-я и 2-я, 1890 г., кн. 1-я).

Въ числѣ многихъ, весьма крупныхъ, пробѣловъ нашей исторической литературы не послѣднее мѣсто занимаетъ почти совершенное отсутствіе изслѣдованій по исторіи фабричнаго и заводскаго, вообще промышленнаго труда. Правда, мы имѣемъ нѣсколько работъ о прошлой жизни крѣпостныхъ, приписныхъ и посессионныхъ рабочихъ и мастеровыхъ на фабрикахъ и заводахъ, но исторія фабричнаго и заводскаго труда въ Россіи во всемъ его объемѣ еще составляетъ одну изъ серьезныхъ задачъ науки. Для этого необходимо изучить подробно исторію крѣпостного труда на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, посессионныхъ мастеровыхъ (особенно въ эпоху крестьянской реформы) и, наконецъ, свободныхъ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, каменноугольныхъ копяхъ, золотыхъ промыслахъ на Уралѣ и т. п. Дѣло это нелегкое, такъ какъ собраніе подобнаго матеріала представляетъ едва-ли не боль-

нія трудности, чѣмъ его разработка. Часть неизданныхъ источниковъ по этому предмету найдется и въ столичныхъ архивахъ, но большинство ихъ разсѣяно въ архивахъ различныхъ казенныхъ провинціальныхъ учреждений или частныхъ имѣній, фабрикъ, заводовъ и т. п., а провинціальныя частныя и казенныя хранилища рукописей обыкновенно весьма мало доступны. Большую услугу при разработкѣ хранящихся въ нихъ матеріаловъ могли бы оказывать мѣстные изслѣдователи, но, къ сожалѣнію, проникнуть въ архивы родного города сплошь и рядомъ оказывается для нихъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ для нѣзжаго ученаго, нерасполагающаго ни такимъ количествомъ времени, какъ мѣстные работники, ни такимъ знаніемъ особенностей даннаго края.

Какъ это ни странно, у насъ оказывается еще нужнымъ доказывать пользу историческихъ изслѣдованій внутренняго быта, основанныхъ на неизданныхъ матеріалахъ, и иногда приходится слышать нападенія на „архивную науку“ со стороны людей, повидимому, развитыхъ и образованныхъ. Мы полагаемъ, что избыткомъ любви къ наукѣ мы вообще не особенно грѣшимъ; что же касается научной обработки громаднаго запаса неизданныхъ историческихъ матеріаловъ, то въ этомъ отношеніи сдѣлано поразительно мало. Мы не имѣемъ еще, напримѣръ, полной исторіи крестьянъ и городского сословія, исторіи податей и натуральныхъ повинностей, исторіи сельскаго хозяйства, цѣнъ, рабочей платы и т. п., а научная разработка всего этого невозможна безъ архивныхъ разысканій.

Наше историческое изслѣдованіе быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ послужить современемъ лишь однимъ изъ пособій для созданія вполне научной исторіи промышленнаго труда въ Россіи. Такую исторію мы будемъ имѣть вѣроятно не скоро, судя по тому, что у насъ нѣтъ до сихъ поръ еще болѣе необходимой для насъ исторіи крестьянъ, хотя научное изслѣдованіе ихъ прошлой жизни началось уже 40 лѣтъ тому назадъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что полной исторіи промышленнаго труда нѣтъ еще и въ западно-европейской литературѣ, несмотря на то, что промышленные рабочіе имѣли неизмѣримо болѣе важное значеніе въ жизни западной Европы, чѣмъ въ нашей, по преимуществу земледѣльческой странѣ.

Въ заключеніе мнѣ остается принести глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, такъ или иначе оказавшимъ содѣйствіе моему труду, въ томъ числѣ и тѣмъ представителямъ золотопромышленности, которые во время моей поѣздки по Сибири снабдили меня массою неизданныхъ матеріаловъ. За ихъ любезность и гостепріимство я могу отплатить только однимъ: правдивымъ изображеніемъ жизни рабочихъ.

Не могу не выразить также своей признательности бібліотекарямъ Публичной бібліотеки В. П. Ламбину, П. А. Соколовскому и А. И. Браудо, бібліотекарямъ бібліотеки Академіи Наукъ Э. А. Вольтеру, А. Д. Орлову и А. Б. Ламбиной и завѣдующему архивомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ П. А. Шафранову. Сообщеніемъ нѣкоторыхъ матеріаловъ и полезными указаніями я обязанъ также Л. О. Пантелѣву.

Нѣкоторые отдѣлы моего труда уже были напечатаны въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ: „Русскомъ Богатствѣ“, „Русской Мысли“, „Вѣстникѣ Европы“, „Сибирскомъ Сборникѣ“, „Восточномъ Обзорѣніи“, „Степномъ Краѣ“, „Сибири“ и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

ВВЕДЕНИЕ.

Золотопромышленность въ Америкѣ приняла первоначально инныя формы, чѣмъ въ Сибири, благодаря отсутствію тѣхъ стѣсненій, которыя въ большей или меньшей степени до сихъ поръ существуютъ у насъ относительно этого промысла. Въ Калифорніи (послѣ открытія золота въ 1848 г.) каждый явившійся туда, если только онъ принадлежалъ къ расѣ бѣлыхъ, могъ завладѣть частью россыпей, которая еще не разрабатывалась или оставалась безъ разработки въ теченіе извѣстнаго срока. При вступленіи во владѣніе какимъ либо участкомъ соблюдались лишь самыя ничтожныя формальности: къ дереву или къ воткнутому въ землю столбику прикрѣплялось письменное заявленіе, что отъ этой точки до другого соотвѣтствующаго знака на извѣстномъ пространствѣ ¹⁾ такое-то лицо предположило приступить къ разработкѣ золота. Если въ теченіе трехъ дней никто не предъявитъ спора на заявленный такимъ образомъ участокъ, работа немедленно начиналась, но должна была идти безостановочно подъ опасеніемъ лишенія права на сдѣланную заявку. Хотя, особенно въ первое время послѣ открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи, постоянные споры изъ за участковъ доходили до кровавыхъ битвъ между враждебными партіями ²⁾

¹⁾ Въ округѣ Марипоза—150 или 300 шаговъ, смотря по тому, о чемъ идетъ дѣло: о россыпи или о рудникѣ.

²⁾ См. *Del Mar*. A history of the precious metals. L. 1880, p. 304—307.

но тѣмъ не менѣ простота правилъ и отсутствіе излишнихъ стѣсненій вызвали здѣсь громадную разработку росыпей, и Калифорнія въ короткое время сдѣлалась страной спокойною подѣ защитой свободныхъ учреждений ¹⁾. Въ Австраліи въ первые годы по открытіи золота (въ 1851 г. въ Новомъ Южномъ Валлисѣ) на мѣста нахожденія его собирались десятки тысячъ „диггеровъ“, которые въ сравнительно короткое время вырабатывали свои маленькіе отводы (имъ давалось по 30 фут. вдоль по жилѣ) и разбогатѣвъ покидали мѣстность или бросали работу, какъ только добыча руды дѣлалась труднѣе при углубленіи выработокъ, предпочитая искать счастья во вновь открытыхъ округахъ; впоследствии изъ этихъ диггеровъ стали образовываться мѣстныя компаніи ²⁾.

Въ противоположность такой полной свободѣ золотого промысла въ Америкѣ и Австраліи, въ Сибири къ золотопромышленности допущены были по закону 1838 г. только дворяне, потомственные почетные граждане и купцы 1-й и 2-й гильдіи. Въ 1870 г. эти ограниченія были уничтожены, но остались сложныя формальности по заявкѣ площадей, и полной свободы занятія этимъ промысломъ, дающей возможность каждому рабочему заниматься имъ на свой страхъ безъ посредства эксплуатирующихъ его золотопромышленниковъ и подрядчиковъ, не существуетъ и до сихъ поръ. Благодаря этому золотопромышленность въ Сибири приняла форму довольно крупныхъ предпріятій, и въ 40-хъ гг. на одинъ пріискъ частныхъ предпринимателей приходилось въ Сибири въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 56 до 192 человекъ рабочихъ, въ 50-хъ гг. — въ среднемъ 131 ч., въ 60-хъ эта цифра уменьшилась почти вдвое — до 67 чел.; въ 70-хъ гг. было въ среднемъ по 59 и въ 80-хъ по 44 рабочихъ, а въ первой половинѣ 90-хъ гг. по 38 рабочихъ по расчету на всю операцію, считая же наличныхъ рабочихъ въ среднемъ въ 1880—84 гг. было по 66 ч. на одинъ пріискъ ³⁾.

¹⁾ *Simonin*. „La Californie en 1860, ses progrès et sa transformation“. *Revue des deux Mondes*, 1861, Avril, 3 livr. Извлеченіе изъ этой статьи см. въ „Трудахъ Ком. Высоч. утв. для пересм. системы податей и сборовъ“. Т. VIII, ч. I.

²⁾ *Л. Перръ*. „Золотопромышленность въ Австраліи, Тасманіи и Новой Зеландіи“. Спб. 1895 г., стр. 59.

³⁾ Въ Африкѣ, въ Трансваалѣ, гдѣ богатое рудное золото было открыто въ 1886 г., вслѣдствіе необходимости затрачивать крупныя капиталы на прове-

Частные предприниматели имѣли подъ рукою готовый контингентъ рабочихъ-пролетаріевъ въ видѣ ссыльно-поселенцевъ, которые составляли въ 1834 г. 82⁰/₀ всѣхъ сибирскихъ приисковыхъ рабочихъ; правда, число ихъ постепенно уменьшалось: въ 1847 г. на промыслахъ Енисейской губерніи ихъ было 68⁰/₀, въ 1850 г.—53⁰/₀, но и по перечисленіи въ крестьяне поселенцы все же сплошь и рядомъ нуждались въ заработкахъ на приискахъ; съ своей стороны золотопромышленники предпочитали поселенцевъ, какъ болѣе сговорчивыхъ рабочихъ, людямъ полноправнымъ, да и изъ ихъ среды бездомнымъ поселенцамъ отдавалось предпочтеніе предъ людьми болѣе обеспеченными. Однако постепенно все увеличивался притокъ полноправныхъ рабочихъ изъ Европейской Россіи, и среди приисковыхъ рабочихъ Восточной Сибири въ 1858 г. мѣщанъ и крестьянъ великороссійскихъ губерній было 21⁰/₀ (въ 60-хъ гг. число ихъ уменьшилось). Въ 80-хъ гг. ссыльнопоселенцы составляли уже меньшинство рабочихъ. Кромѣ русскихъ, на промыслахъ работаютъ въ Степномъ краѣ киргизы, а въ Амурской области допускаются на промыслы и китайцы и корейцы (съ 1894 г. съ тѣмъ, чтобы число ихъ не превышало половины общаго числа рабочихъ на промыслахъ Приамурскаго края ¹).

На ряду съ частными людьми крупнымъ предпринимателемъ явился съ начала 30-хъ гг. Кабинетъ Его Величества на принадлежащихъ ему промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ, гдѣ до 1861 г. въ Алтайскомъ округѣ рабочими почти исключительно, а въ Нерчинскомъ на половину были мастеровые, подчиненные военной дисциплинѣ и работавшіе на промыслахъ не по

деніе глубокихъ шахтъ, золотопромышленность сразу приняла форму весьма крупныхъ промышленныхъ предпріятій. *P. Leroy-Beaulieu*, „Les nouvelles sociétés Anglo-saxonnes“, Р. 1897, р. 350—351. Данныя о числѣ рабочихъ на частныхъ сибирскихъ золотыхъ приискахъ въ разное время приведены у меня ниже см. т. I, стр. 7—8, 93, 165—166, 563, т. II, 853, 866, 877; на кабинетскихъ промыслахъ т. I, 265, 298, 301, т. II, 911, 913—914.

¹) Въ Калифорнію китайцы были также привлечены открытіемъ золота, но въ 1893 г. имъ на 10 лѣтъ запрещено переселеніе въ Америку. *Levasseur*, „L'ouvrier américain“, Р. 1898, I, 462—467. Въ золотыхъ рудникахъ Трансваали работаетъ значительное количество негровъ; въ 1894 г. тамъ было 6500 бѣлыхъ рабочихъ и 42.000 негровъ. Въ Австраліи въ 1892 г. изъ 54.000 рабочихъ, занятыхъ золотопромышленностью, десятая часть были китайцы. *Leroy-Beaulieu*, 88, 356.

собственному желанію, а отбывавшіе тамъ обязательную службу, сначала безсрочно, а съ 1849 г. въ теченіе 35 лѣтъ; другимъ составнымъ элементомъ рабочихъ на Нерчинскихъ промыслахъ были ссыльно-каторжные. Такимъ образомъ до 1861 г. на кабинетскихъ промыслахъ золото добывалось малопроизводительнымъ несвободнымъ трудомъ; въ 1861—63 гг. мастеровые были замѣнены вольнаемными рабочими, но трудъ ссыльно-каторжныхъ продолжалъ примѣняться въ Нерчинскомъ округѣ до конца 80-хъ гг. Въ теченіе 70-хъ и первой половины 80-хъ гг. ссыльно-каторжныхъ отпускали еще для заработковъ на частные промыслы Якутской и Амурской областей; впрочемъ, въ Амурской области такіе случаи бывали еще и ранѣе—въ 60-хъ гг.

Въ первой половинѣ 60-хъ гг. на сибирскихъ промыслахъ появляются, такъ называемые, старатели - золотничники, которые составляли артели или совершенно самостоятельныя, или имѣвшія дѣло съ владѣльцемъ пріиска при посредствѣ подрядчиковъ. Названіе ихъ происходитъ отъ того, что они получали вознагражденіе съ золотника золота. Съ половины 80-хъ гг. на промыслахъ Амурской и Приморской областей такими золотничными работами стало заниматься значительное количество китайцевъ и корейцевъ.

На частныхъ промыслахъ рабочіе обыкновенно нанимались на работы въ теченіе весны и лѣта, и лишь сравнительно незначительное количество — на зимнія работы; эти послѣднія получили известное развитіе лишь тамъ, гдѣ, какъ напр. въ Олекминскомъ округѣ, золотоносный пластъ лежитъ настолько глубоко, что оказывается гораздо выгоднѣе разрабатывать его посредствомъ подземныхъ работъ. Въ прежнее время золотопромышленники нерѣдко испытывали затрудненія въ наймѣ достаточнаго количества рабочихъ, и вслѣдствіе этого въ 30-хъ и 40-хъ гг. является цѣлый рядъ проектовъ о введеніи на промыслахъ обязательнаго труда посредствомъ переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи и приписки къ промысламъ или составленія рабочихъ командъ изъ ссыльно-поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Мысль объ установленіи обязательнаго для поселенцевъ (по крайней мѣрѣ бездомныхъ) найма на частные золотые промыслы возникала среди золотопромышленниковъ и въ началѣ 60-хъ гг. Однако эти проекты потерпѣли

крушеніе и только обязательный трудъ ссыльно-каторжныхъ, и то въ небольшомъ количествѣ, нашелъ примѣненіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ гг. Но приливъ вольныхъ рабочихъ на золотые промыслы постепенно все возрасталъ и во второй половинѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. сталъ даже превышать спросъ (временный отливъ рабочихъ бѣлъ вызванъ только постройкою Сибирской ж. д.). Бывали, впрочемъ, случаи запродажи на промыслы сельскими обществами недоимщиковъ, какъ ссыльно-поселенцевъ, такъ и крестьянъ.

Наемъ рабочихъ на частные промыслы по закону 1838 г. совершался по договорамъ явочнымъ или безъ явки. Но условія, нигдѣ незаписанныя и неявленные, въ случаѣ нарушенія ихъ, не должны были подлежать никакому разбирательству у правительственныхъ властей, а могли разсматриваться только полюбовно выбранными посредниками, приговоръ которыхъ долженъ былъ считаться окончательнымъ. Мы не встрѣтили, впрочемъ, ни одного случая такого третейскаго суда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. По Уставу о золотопромышленности 1870 г. договоры должны были совершаться не иначе, какъ явочнымъ порядкомъ. Наконецъ и по закону 1895 г. для Сибири былъ сохраненъ явочный порядокъ договоровъ, кромѣ золотничниковъ и лицъ, нанимающихся изъ мѣстъ, лежащихъ вблизи приисковъ, не на всю промысловую операцію. Контракты свидѣтельствовались и въ волостныхъ правленіяхъ, и въ инородческихъ управахъ, и у городскихъ маклеровъ, и у горныхъ исправниковъ, но, не смотря на нѣкоторые административныя распоряженія, имѣющія въ виду охрану интересовъ рабочихъ, не подвергались контролю со стороны мѣстныхъ властей. Только особые условія о дополнительныхъ, такъ называемыхъ, старательскихъ работахъ, представлялись горнымъ исправникамъ, да и то, сколько намъ извѣстно, лишь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ одномъ Олекминскомъ горномъ округѣ Якутской области. Бездомные ссыльно-поселенцы и безграмотные крестьяне плохо умѣли отстаивать свои права при заключеніи договоровъ, и потому естественно, что эти послѣдніе составлялись преимущественно въ интересахъ предпринимателей. Золотопромышленники не только предоставляли себѣ въ договорахъ право расчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію до

истечения срока договора ¹⁾, но съ теченіемъ времени стали включать въ контракты даже условіе, предоставлявшее хозяевамъ право передавать рабочихъ, хотя бы и безъ ихъ согласія, на другіе промыслы. Такого условія не встрѣчается еще вовсе въ договорахъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ договорахъ 50-хъ годовъ мы находимъ его крайне рѣдко, но съ 60-хъ оно составляетъ явленіе самое заурядное, несмотря на протесты противъ этого въ печати, и включеніе такого условія въ договоры было запрещено только закономъ 1895 г.

Для найма рабочихъ, въ которыхъ прежде чувствовался недостатокъ ²⁾, золотопромышленники или посылали своихъ приказчиковъ по волостямъ, или подымали одно или нѣсколько лицъ за условное вознагражденіе доставить извѣстное число рабочихъ ³⁾. Тѣ и другіе обыкновенно обращались къ содѣйствію волостныхъ писарей и кромѣ того пускали въ ходъ спаваніе рабочихъ. При наймѣ на самихъ промыслахъ выдача извѣстнаго количества водки также играла огромную роль ⁴⁾. Пьянство сплошь и рядомъ. продолжалось и во время пути на промыслы въ сопровожденіи лица, производившаго наемку, а скупка при этомъ вещей у пьющихъ рабочихъ по дешевой цѣнѣ и выдача имъ другихъ по пріисковой таксѣ давала возможность эксплуатировать рабочихъ, которые вслѣдствіе этого являлись на пріиски съ весьма значительнымъ долгомъ. Рабочіе пропивались иногда до того, что, спустивъ всю свою одежду,

¹⁾ По закону 24 мая 1835 г. фабриканты въ Россіи имѣли право отпустить рабочаго и до срока договора „по причинѣ невыполненія“ ими обязанностей или дурного поведенія, но должны были предупредить рабочаго объ увольненіи за 2 недѣли (2 Пол. Собр. Зак., т. X, № 8157), но Положеніе о сибирской золотопромышленности 1838 г. не давало пріисковому рабочему даже и такой гарантіи.

²⁾ Въ Трансваалѣ не хватаетъ теперь отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ необходимыхъ для золотопромышленности рабочихъ. *P. Leroy-Beaulieu*, 357.

³⁾ Вознагражденіе до 25 франковъ съ человѣка получаютъ также въ Трансваалѣ вербовщики рабочихъ негровъ на золотые рудники; вербовщики эти, побуждаемые конкуренціею, прибѣгаютъ къ разнымъ незаконнымъ продѣлкамъ, напр., къ кражѣ паспорта у негровъ, который они возвращаютъ лишь въ случаѣ согласія наняться въ ту компанію, для которой они производятъ наемъ. *Leroy-Beaulieu*, 359.

⁴⁾ Въ Сѣверной Америкѣ въ настоящее время при наймѣ на знаменитые промыслы въ Клондайкѣ (въ Канадѣ) также прибѣгаютъ къ спаванію рабочихъ, кладутъ въ лодки пьяныхъ и увозятъ ихъ на мѣсто работъ. „Рус. Вѣд.“ 1898 г. № 90.

путешествовали на прински даже зимою нагѣ, напяливъ на себя мѣшокъ, набитый сѣномъ, а ноги и голову обернувъ въ тряпки. При странствованіи рабочихъ на промыслы золотопромышленныя компаніи обыкновенно выдавали имъ на свой счетъ только сухари, и лишь въ болѣе позднее время нѣкоторые изъ нихъ стали отпускать кирпичный чай и одинъ фунтъ мяса въ день. Иногда компаніи обязывали рабочихъ ѣхать на промыслы на свой счетъ на лошадяхъ, и тогда долгъ рабочихъ по прибытіи на мѣсто работъ доходилъ, какъ, напр., въ Олекминскомъ округѣ, до нѣсколькихъ сотъ рублей. Впрочемъ такіе заборы до прихода на принскъ были исключеніемъ, наиболѣе же обыкновенными были задатки (вмѣстѣ съ заборомъ на пути вещами) въ нѣсколько десятковъ рублей. Такой задатокъ, пока онъ не былъ отработанъ, въ значительной степени гарантировалъ рабочихъ отъ досрочнаго расчета. Но съ половины 80-хъ годовъ наплывъ рабочихъ на промыслы настолько увеличился, что извѣстная часть ихъ совсѣмъ не находила заработка, и потому они изъясляли готовность наниматься съ ничтожными задатками или и совсѣмъ безъ нихъ ¹⁾.

Въ началѣ золотопромышленности въ Сибири количество рабочихъ, неявившихся на промыслы, было весьма значительно: такъ въ 1835 г. изъ числа нанявшихся на прински Томской губ., не явилось 22⁰%, въ 1841 г. на промыслы Нижнеудинскаго и Канскаго округовъ—15⁰%; въ послѣдующіе же годы размѣръ неявки сильно уменьшился, и неявившихся рабочихъ было отъ 1 до 5⁰% всѣхъ нанявшихся. По закону 1870 года неявившихся на работу сильно-поселенцевъ, а также бѣжавшихъ съ промысловъ мѣстное начальство должно было препровождать къ золотопромышленникамъ для выполненія ихъ обязанностей по найму. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ циркуляромъ 1871 г. пояснилъ, что этотъ законъ не долженъ примѣняться къ полноправнымъ

¹⁾ На сѣздѣ золотопромышленниковъ южно-енисейскаго горнаго округа мѣстный горный исправникъ заявилъ и присутствовавшіе подтвердили, что въ настоящее время „не мало рабочихъ идетъ совершенно безъ задатка и даже нерѣдко рабочіе сами отъ себя даютъ задатки промышленнику, лишь бы ихъ приняли на промыслы“. „Вѣстн. Зол.“ 1898 г. № 3, стр. 65. При наймѣ въ Иркутскѣ въ мартѣ 1898 г. давали задатокъ не болѣе 10 р. и въ рѣдкихъ случаяхъ 15 руб. „Сиб. Жизнь“ 1898 г. № 70.

рабочимъ, а пересылка на присски ссыльно-поселенцевъ должна совершаться на счетъ золотопромышленника. Но нѣсколько позднѣе высшею мѣстною властью было сдѣлано распоряженіе, что полноправныя рабочіе, неявившіеся на промыслы или бѣжавшіе съ нихъ, не должны быть высылаемы этапнымъ порядкомъ, но ихъ слѣдуетъ обязывать подписками непременно являться на промыслы, выдавая для этого проходные виды. Ходатайства золотопромышленниковъ Западной Сибири о дозволеніи высылки такихъ рабочихъ по этапу (какъ это вошло въ обыкновеніе вопреки закону) были оставлены безъ вниманія. Въ законѣ 1895 г. были указаны причины неявки на промыслы, которые должны считаться уважительными.

Срокъ найма на промыслы по закону 1838 г. не могъ быть долѣе одного года, срокомъ же промывки золота на прискахъ, гдѣ не было теплыхъ промываленъ, было назначено 10 сентября. Но и до изданія этого закона, и послѣ него рабочіе нерѣдко обязывались въ контрактахъ оставаться нѣсколько позже—до 20 сентября, 1 и даже 10 и 15 октября. Однако въ дѣйствительности расчетъ обыкновенно производился 10 сентября, и потому золотопромышленники не разъ просили объ отмѣнѣ установленнаго закономъ 1838 г. срока промывки золота, но эти ходатайства не были удовлетворяемы въ виду суровости сибирскаго климата до изданія Устава о золотопромышленности 1870 г., когда обязательность этого срока была отмѣнена, вслѣдствіе чего въ менѣе отдаленныхъ золотопромышленныхъ округахъ расчетъ рабочихъ сталъ чаще, чѣмъ прежде, производиться позднѣе 10 сентября. По закону 1870 г. сроки найма на промыслы были опредѣлены для сибирскихъ крестьянъ и мѣщанъ не болѣе одного года, а для крестьянъ и мѣщанъ прочихъ частей имперіи не долѣе 7-ми лѣтъ (хотя по общимъ гражданскимъ законамъ наемъ долженъ былъ производиться не долѣе, чѣмъ на 5 лѣтъ). Въ 1876 г. было дозволено сибирскимъ крестьянамъ, мѣщанамъ и ссыльно-поселенцамъ наниматься на золотые промыслы Амурской и Приморской областей на сроки до двухъ лѣтъ, но въ дѣйствительности рабочіе обыкновенно нанимались не долѣе, чѣмъ на годъ. Въ настоящее время относительно сибирскихъ крестьянъ, мѣщанъ и ссыльно-поселенцевъ для областей Амурской и Приморской

и для Ленскаго горнаго округа ¹⁾ допускается двухлѣтній срокъ найма, въ иныхъ мѣстахъ Сибири не болѣе одного года, для прочихъ же лицъ максимумъ срока былъ установленъ въ 5 лѣтъ, какъ это допускается общими гражданскими законами и Положеніемъ о сельскихъ рабочихъ.

На зиму нанималось гораздо меньшее количество рабочихъ, чѣмъ на лѣтнюю операцію. Правда, еще въ 1834 году мы встрѣчаемъ случай, что золотопромышленники Асташевъ и К^о Рязанова и Баландина устроили на своихъ промыслахъ Маріинскаго округа Томской губ. теплыя зимнія промывальни (такъ какъ заложили подземныя работы) и оставили у себя рабочихъ на весь годъ, но случаи зимней промывки на частныхъ промыслахъ были рѣдки ²⁾, и тамъ, гдѣ не было подземныхъ работъ, осенью и зимою производились лишь подготовительныя работы (вскрытіе торфа и проч.), а тамъ, гдѣ были работы подъ землею, добывались и золотоносные пески, но промывка золота производилась все-таки лѣтомъ. На зимнія работы въ первой половинѣ 50-хъ годовъ на промыслахъ Енисейской губерніи оставалось только 15—21% лѣтнихъ рабочихъ. Въ Киргизскихъ степяхъ зимнія работы вовсе не прививаются; въ Томскомъ горномъ округѣ въ 1889—90-мъ годахъ на зиму оставалось 14—19% всего лѣтняго приискаваго населенія. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 80-хъ годахъ число рабочихъ, остававшихся на весь годъ, было не болѣе 14%; въ южной части Енисейскаго округа въ 80-хъ годахъ оставалось на зиму гораздо болѣе рабочихъ, такъ какъ тамъ болѣе развиты подземныя работы: въ первой половинѣ 80-хъ гг. здѣсь работало весь годъ 33—35% лѣтняго населенія, а въ 1890 г. даже 50%. Въ Олекминскомъ округѣ въ первой половинѣ 80-хъ гг. оставалось на весь годъ 28—35% рабочихъ.

Уже въ 40-е годы можно было встрѣтить рабочихъ, занимавшихся приисковымъ трудомъ болѣе 15 лѣтъ, а въ 70—90-хъ гг. бывали иногда даже такіе, которые провели на промыслахъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ.

Подземныя работы мы встрѣчаемъ въ 50-хъ гг. преимущественно въ южной части Енисейскаго округа и на Алтайскихъ ка-

¹⁾ „Изв. Мин. Землед. и Госуд. Имущ.“ 1896 г. № 19, стр. 290.

²⁾ Только на кабинетскихъ промыслахъ промывка производилась и зимою.

бинетскихъ промыслахъ; на этихъ послѣднихъ въ 1853 г. 39% всѣхъ добытыхъ песковъ было получено посредствомъ подземныхъ работъ. Въ настоящее время такія работы преимущественно развиты въ южно-енисейскомъ и Ленскомъ (Олекминскомъ) горныхъ округахъ: въ этомъ послѣднемъ въ 1892 г. $\frac{5}{6}$ всего золота было добыто подземными работами.

Продолжительность рабочаго дня опредѣлялась въ контрактахъ извѣстнымъ количествомъ часовъ, но въ дѣйствительности на горныхъ работахъ рабочіе трудились и болѣе, и менѣе назначеннаго времени, такъ какъ на этихъ работахъ имъ задавались уроки, и они дѣлались свободными только послѣ ихъ окончанія. Такъ въ контрактахъ, заключенныхъ въ половинѣ 30-хъ гг., мы встрѣчаемъ продолжительный рабочій день отъ восхода до заката солнца лишь съ часовымъ перерывомъ, но въ дѣйствительности собственно урочная работы оканчивались не позже 2—3-хъ часовъ пополудни. По закону 1838 г., рабочій обязанъ былъ трудиться не болѣе, какъ съ 5-ти часовъ утра до 8-ми пополудни съ промежуткомъ, опредѣленнымъ въ контрактѣ для обѣденнаго отдыха. Въ контрактахъ 40-хъ гг. продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ $12\frac{1}{2}$ —14 ч., но собственно урочная работа оканчивалась въ концѣ этого десятилѣтія обыкновенно около 5-ти ч., хотя нерѣдко кончалась и позднѣе—въ 6—8 ч. Введеніе машиннаго производства при промывкѣ золота вызвало удлиненіе рабочаго дня ¹⁾, продолжительность котораго контрактами этого времени опредѣлялась въ 12—15 ч., а въ дѣйствительности, по свидѣтельству одного золотопромышленника, работы на пріискахъ Енисейской губерніи въ это время продолжались съ 4-хъ часовъ утра до поздняго вечера ²⁾. Въ 60-хъ гг. рабочій день сталъ еще продолжительнѣе. Правда, на промыслахъ Киргизской степи онъ былъ не болѣе 11—12 ч. ³⁾, а въ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа обыкновенно не превосходилъ $12\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$ ч. и въ южной его части— $12\frac{1}{2}$ —

¹⁾ Ср. *Маркс*. „Капиталъ“, т. I, 1898 г., стр. 354, 357.

²⁾ Только подростки старше 15-ти лѣтъ на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ должны были работать не болѣе 8-ми ч.

³⁾ Въ контрактахъ Кабинета съ вольнонаемными рабочими на Алтай въ 60-хъ гг. продолжительность рабочаго дня опредѣлялась въ 12—13 ч.

14 ч., но въ нѣкоторыхъ договорахъ южно-енисейскаго округа устанавливалось начало работъ въ 3 ч. утра и окончаніе ихъ въ 9 ч. вечера, и по свидѣтельству одного изъ золотопромышленниковъ продолжительность рабочаго дня доходила на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17—18 ч. въ сутки ¹⁾. По дѣйствовавшему въ то время въ Сибири закону 1838 г. рабочій долженъ былъ трудиться не болѣе, какъ съ 5-ти ч. утра до 8-ми ч. пополудни, съ опредѣленнымъ въ контрактахъ перерывомъ для обѣденнаго отдыха, но такъ какъ въ этомъ законѣ упоминалось о „старательской работѣ“, какъ о „работѣ сверхъ условленнаго времени“, то золотопромышленники толковали это постановленіе такимъ образомъ, что указанное въ немъ количество рабочихъ часовъ относится только къ урочнымъ работамъ; но такъ какъ въ это время старательская работа сдѣлалась уже обязательной, то на нее должно было бы распространяться правило закона 1838 г. объ ограниченіи количества ежедневнаго труда. Такъ смотрѣла на это дѣло и сибирская администрація въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она въ 60-хъ гг. обращала вниманіе на законность контрактовъ. Золотопромышленники, очевидно, считали для себя стѣснительнымъ очень льготное для нихъ правило закона 1838 г., такъ какъ составители Устава о золотопромышленности 1870 г. отказались отъ регулированія продолжительности рабочаго дня. Въ послѣднее 25-лѣтіе количество рабочихъ часовъ, разумѣется, не могло уже увеличиваться, такъ какъ оно достигло возможнаго максимума въ 60-хъ гг. На промыслахъ Семипалатинской области средняя продолжительность рабочаго дня въ концѣ 80-хъ гг. была нѣсколько менѣе 10-ти ч., но на половинѣ пріисковъ она равнялась 10—12 ч. Во всякомъ случаѣ продолжительность рабочаго дня въ лѣтнюю операцію была здѣсь умѣреннѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ золотопромышленныхъ системахъ Сибири. По контрактамъ 70-хъ—90-хъ гг. Марійскаго и Алтайскаго округовъ продолжительность

¹⁾ Въ 30-хъ гг. рудокопы въ Англіи работали 15—16 ч. (*Held*, „Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands“, 1881, S. 627), но въ 1842 г. дѣтямъ до 10-ти лѣтъ и женщинамъ была запрещена подземная работа, и уже въ началѣ 50-хъ гг. западно-юркширскіе рудокопы работали по 9 ч., а въ концѣ 50-хъ гг. по 8 ч. въ сутки. *Туганъ-Барановскій*. „Промышл. кризисы въ соврем. Англіи“. Спб. 1894, стр. 50, 217.

этого дня устанавливалась обыкновенно въ 13—15 ч., и въ дѣйствительности, даже въ самыхъ благоустроенныхъ компаніяхъ, была лѣтомъ не менѣе 11—13 ч. На промыслахъ Енисейскаго округа рабочій день опредѣляется контрактами въ 13—14½ ч., но въ дѣйствительности максимумъ его доходилъ до 15½—16 и даже 18 ч. въ сутки. Въ контрактахъ Олекминскаго округа продолжительность зимняго дня устанавливается въ 10½—13½ ч. (здѣсь весьма развиты подземныя работы), лѣтняго въ 12—13½ ч., въ дѣйствительности же максимумъ работъ доходилъ до 15 ч. По контрактамъ Амурской области рабочій день равнялся 13—14 ч., въ дѣйствительности же въ половинѣ 90-хъ гг. полный урожай въ среднемъ могъ вырабатываться въ лѣтнюю операцію на одномъ промыслѣ Ниманской К^о на пескахъ въ 12¾ ч., на торфахъ въ 8 ч. Ссылно-каторжные на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ по Рабочему Положенію 1876 года должны были работать въ разныя мѣсяцы отъ 6 до 10 ч. въ день, но продолжительность рабочаго дня вольнонаемныхъ рабочихъ опредѣлялась здѣсь контрактами 80-хъ гг. въ 12 ч. Въ законѣ 1895 г. продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ такъ же не регулирована, какъ и въ Уставѣ о золотопромышленности 1870 г. Законъ 1897 г. установилъ продолжительность дневного труда для всѣхъ промышленныхъ рабочихъ въ 11½ ч., но онъ открываетъ возможность удлиненія рабочаго дня посредствомъ сверхурочныхъ работъ ¹⁾).

По закону 1838 г., работа должна была продолжаться не болѣе какъ съ 3-хъ ч. утра до 8-ми ч. пополудни, такимъ образомъ воспрещалась ночная работа, по крайней мѣрѣ урочная. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 40-хъ гг. мы находимъ на енисейскихъ промыслахъ ночную работу, продолжавшуюся, по свидѣтельству одного современника, 10 ч.; она встрѣчалась здѣсь и въ 50-хъ гг., хотя вѣроятно не часто, такъ какъ о ней не упоминается въ извѣстныхъ намъ контрактахъ. Мастерские на Алтайскихъ кабинет-

¹⁾ Въ золотыхъ рудникахъ Трансваала работа продолжается всего 8 ч. Въ Англіи средняя продолжительность труда въ угольныхъ копяхъ равняется 50-ти ч. въ недѣлю (*C. A. Schmid. „Beiträge zur Geschichte der gewerbl. Arbeit in England“.* Jena 1896, S. 37), слѣдовательно 8½ ч. въ день, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительная работа забойщиковъ въ забой равняется 6-ти ч. *Nasse u. Krümmner. „Bergarbeiter-Verhältnisse in Grossbritannien“, 1891, S. 28).*

ских промыслах работали въ 50-хъ гг. и ночью (продолжительность и дневной, и ночной смѣны, очевидно со включеніемъ временнаго отдыха, равнялась 12-ти часамъ). На Нерчинскихъ промыслахъ въ это же время мастеровые, а отчасти и ссыльно-кааторжные также употреблялись и на ночныя работы. Въ 60-хъ гг. на частныхъ промыслахъ ночныя работы были явленіемъ рѣдкимъ, и бывали случаи, что горные исправники запрещали ихъ, очевидно руководствуясь закономъ 1838 г. Въ Олекминскомъ округѣ въ 70-хъ гг. бывали ночныя работы (при подземныхъ выработкахъ) въ 2 или 3 смѣны, при чемъ, въ случаѣ трехсмѣнной работы, рабочіе трудились по 8-ми ч., не сходя съ мѣста. По контрактамъ Ленскаго Т-ва Олекминскаго округа 90-хъ гг. продолжительность ночной работы равнялась 11—12 ч. О ночныхъ работахъ упоминается и въ контрактахъ Амурскаго округа. По договорамъ кабинета съ вольнонаемными рабочими на Нерчинскихъ промыслахъ 80-хъ гг., продолжительность ночной работы устанавливается въ 9 ч. По закону 1897 г. для рабочихъ, занятыхъ хотя отчасти ночью, рабочее время не должно превышать 10 ч. въ сутки.

Кромѣ опредѣленія количества рабочихъ часовъ, въ контрактахъ обыкновенно указывается относительно горныхъ работъ размѣръ уроковъ, которые рабочіе обязаны были исполнить въ теченіе дня или ночи. Первоначально этотъ размѣръ былъ весьма умѣренный, но за исполненіе урока рабочій получалъ ничтожное мѣсячное жалованье. Увеличить размѣръ заработка онъ могъ только посредствомъ сверхурочной, такъ называемой старательской работы ¹⁾. Первоначально работы эти были не только не обязательны, но золотопромышленники предоставляли себѣ даже право давать или не давать рабочимъ „стараніе“, такъ что бывали случаи волненій изъ-за отсутствія старательскихъ работъ. Но по мѣрѣ введенія машиннаго производства при промывкѣ золота золотопромышленники стали стремиться къ добычѣ возможно большаго количества песковъ и постепенно стали устанавливать обязательность старательскихъ работъ, иногда встрѣчая при этомъ даже противодѣйствіе со стороны рабочихъ. Старательская работа пер-

¹⁾ О сверхурочной работѣ въ прежнее время въ Англіи см. *Маркс* „Капиталъ“, т. I, 476.

воначально производилась не всѣми рабочими сообща, а по одиночкѣ или небольшими артелями. Введеніе золотопромывальныхъ машинъ привело къ тому, что старательская работа постепенно превратилась въ простое продолженіе урочной и сдѣлалась также обязательною. Со введеніемъ обязательности старательскихъ работъ мы нерѣдко встрѣчаемъ систему полуторныхъ уроковъ, т.-е. къ прежнему уроку прибавлялась еще половина старательскаго, но уже обязательнаго замѣра. Когда рабочій не обязанъ былъ „стараться“, онъ могъ по желанію совратить свой рабочій день, хотя, конечно, лишаясь при этомъ повышеннаго вознагражденія, теперь же онъ долженъ былъ непременно „стараться“; такимъ образомъ продолжительность обязательнаго труда увеличивалась, къ тому же сдѣлалась обязательною и работа въ праздники, въ которые прежде, по закону 1838 г., они не обязаны были трудиться. Въмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе одного и того же урока по добычѣ золотоносныхъ песковъ или покрывающаго ихъ торфа стало возлагаться съ теченіемъ времени на все меньшее количество людей, слѣдовательно, трудъ становился все напряженнѣе ¹⁾).

Указанная эволюція совершается съ конца 40-хъ до начала 60-хъ гг. Одиночное стараніе на золотѣ постепенно замѣняется въ это время артельнымъ и наконецъ общимъ, а стараніе съ расчетомъ по количеству добытаго золота замѣняется расчетомъ по количеству добытыхъ золотоносныхъ песковъ, при чемъ система эта примѣняется затѣмъ и къ вскрытію торфа (незолотоносныхъ породъ). Очень важное значеніе въ этой перемѣнѣ имѣло обращеніе добровольныхъ стараній въ обязательныя. Нужно замѣтить, что перемѣны эти совершались не одновременно на различныхъ промыслахъ, такъ что во второй половинѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. мѣстами на ряду съ новой системой старательскихъ работъ встрѣчалась еще и прежняя. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ начала 60-хъ гг. только въ трехъ работа въ праздники считалась еще не обязательною; точно также въ ничтожномъ количествѣ договоровъ не обязательною является и старательская работа въ будни.

¹⁾ Объ увеличеніи напряженности промышленнаго труда вообще ср. *Маркс*, I, 358—365; тоже въ горныхъ работахъ см. *К. А. Tolle*. „Die Lage der Berg- und Hüttenarbeiter im Oberharze“, Berl. 1892, S. 15.

Затѣмъ урочная и старательская работы окончательно сливаются и дѣлаются обязательными и въ будни, и въ праздники ¹⁾. Такимъ образомъ размѣръ дневного урока чрезвычайно повышается. Между тѣмъ какъ въ 40-хъ гг. на добычу одной куб. саж. торфа или песковъ полагалось при работѣ на лошади три человѣка, въ новѣйшее время весьма обыкновеннымъ урокомъ считается $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ куб. саж., а иногда и 2 саж. на двухъ человѣкъ. Такимъ образомъ урокъ увеличился почти въ три, а мѣстами даже въ три раза. Обязательный трудъ мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ на кабинетскихъ промыслахъ былъ гораздо менѣе производительенъ. Исторія присковыхъ рабочихъ ясно показываетъ, какое вредное вліяніе имѣетъ допущеніе сверхурочныхъ работъ въ неограниченномъ количествѣ; въ сожалѣнію, законъ 1897 г. и изданныя на основаніи его инструкціи весьма плохо гарантируютъ рабочихъ отъ удлиненія рабочаго дня посредствомъ такихъ сверхурочныхъ работъ.

Тяжелый присковый трудъ очень вредно отзывался на здоровьѣ рабочихъ, и они послѣ извѣстнаго числа лѣтъ теряли силы, совершенно вырабатываясь. Не даромъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синальниковъ, доказывая необходимость разрѣшенія отпускать ссыльно-каторжныхъ на частные промыслы, писалъ, что подземныя работы на прискахъ Олекминскаго округа не легче работъ въ рудникахъ; офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными на тѣхъ же прискахъ, вообще относилъ присковыя работы, по свойству земли, суровости климата и числу рабочихъ часовъ, къ весьма тяжелымъ, а на Алтаѣ кабинетскіе промыслы считались мѣстомъ каторги для мастеровыхъ.

Съ установленіемъ обязательности праздничныхъ работъ необходимо было все таки допустить какіе-нибудь отдыхи для рабочихъ, и вотъ въ контрактахъ частныхъ золотопромышленниковъ 50-хъ и 60-хъ гг. опредѣляется одинъ праздничный день въ мѣсяцъ. Въ Уставѣ о золотопромышленности 1870 г. количество празд-

¹⁾ Такъ какъ золотопромышленники находили для себя выгоднымъ какъ можно болѣе напрягать силы рабочихъ, чтобы получить большее количество золота, то *сверхъ обязательныхъ общихъ урочныхъ и старательскихъ работъ* въ нѣкоторыхъ договорахъ, начиная съ 60-хъ гг. мы встрѣчаемъ еще условіе о старательскихъ работахъ по взаимному соглашенію между хозяевами и рабочими, — о такъ называемыхъ „частно-старательскихъ работахъ“.

никовъ не было опредѣлено. Въ слѣдующее затѣмъ 25-тилѣтіе на промыслахъ Киргизской степи въ воскресенья и большіе праздники работъ не было; въ остальныхъ округахъ рабочіе имѣли въ мѣсяцъ всего отъ одного до двухъ льготныхъ дней. По закону 1895 г. присковые рабочіе съ 1-го октября по 1 апрѣля „должны быть“ свободны отъ работъ каждое воскресенье и въ извѣстные праздники, въ лѣтнюю же операцію они только „имѣютъ право“ на увольненіе отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ; такимъ образомъ лѣтомъ не установлено обязательнаго для рабочихъ празднованія даже двухъ дней въ мѣсяцъ, и Горный Совѣтъ разъяснилъ, что они могутъ и не пользоваться по своему желанію правомъ на отдыхъ. Весьма вѣроятно, что подъ давленіемъ экономической необходимости они очень часто будутъ отказываться отъ этого права, пока и на присковыхъ рабочихъ не будетъ распространено обязательнаго празднованія воскресеній, предоставленнаго другимъ промышленнымъ рабочимъ закономъ 1897 г., что совершенно необходимо въ виду тяжести присковыхъ работъ ¹⁾.

При началѣ золотопромышленности въ Сибири рабочіе получали обыкновенно ничтожное мѣсячное жалованье (чернорабочіе на частныхъ промыслахъ отъ 8-ми до 15-ти руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ ²⁾ и за старательскія работы отъ 2 до 4 р. асс. съ золотника добытаго золота или извѣстную плату съ сажени торфа или золотоноснаго пласта; въ 50-хъ гг. простые рабочіе получали по 3—5 руб. сер. мѣсячнаго жалованья. Въ первой половинѣ 50-хъ гг. на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе давать рабочимъ не мѣсячную плату, а поурочную (за исполненіе извѣстнаго урока), при чемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни (праздничная поденная плата замѣняла въ такомъ случаѣ прежнее „старанье“); нерѣдко встрѣчаемъ съ этого времени и поденную плату. Въ послѣднее 25-тилѣтіе мѣсячное жалованье осталось весьма ничтожнаго размѣра на промыслахъ

¹⁾ Въ золотыхъ рудникахъ Трансваали обязательно празднованіе воскресенья. *Китаевъ*. „Золотое дѣло въ Южно-африканской республикѣ (Трансваалѣ)“⁴. „Горн. Журн.“ 1894 г. № 1, стр. 113.

²⁾ Въ 30-хъ гг. 1 серебр. рубль = 3,50—3,72 р. ассигнаціями. *Исторія*. „Матер. для истор. денежныхъ знаковъ въ Россіи“, Спб. 1868, стр. 59.

Киргизской степи, въ остальныхъ же мѣстностяхъ оно значительно возрасло, что объясняется прежде всего слияніемъ урочныхъ работъ со старательскими; возрасла также и поденная плата ¹⁾. Слѣдуетъ упомянуть еще о платѣ за такъ называемое подъемное золото, находящее во время работъ, самородки и пр. Не останавливаясь теперь подробно на измѣненіи отдѣльныхъ видовъ вознагражденія за трудъ, мы рассмотримъ ниже измѣненіе во времени заработка пріисковыхъ рабочихъ вообще.

Мастеровые и сильно-каторжные на кабинетскихъ промыслахъ за свой обязательный трудъ получали весьма ничтожное вознагражденіе, которое немного увеличивалось впрочемъ старательскими заработками въ свободное время; на частныхъ же промыслахъ они зарабатывали гораздо болѣе.

Въ началѣ сибирской золотопромышленности жилища рабочихъ строились ими самими, и такъ какъ за время, употребленное на это, они не получали никакого вознагражденія, то по большей части довольствовались нездоровыми землянками. Въ 40-хъ гг. мы встрѣчаемъ уже упоминаніе о томъ, что рабочіе жили не только въ землянкахъ, но строили себѣ и бревенчатые курныя избушки, предпочитая ихъ общимъ казармамъ, которыя начали строить нѣкоторые золотопромышленники, вѣроятно вслѣдствіе большей свободы жизни въ отдѣльныхъ избушкахъ и большей возможности скрыть похищенное золото. Въ первой половинѣ 50-хъ гг. въ Енисейскомъ округѣ стали гораздо чаще устраивать большія казармы, впрочемъ постройка ихъ обыкновенно бывала неудовлетворительною; но семейные рабочіе сплошь и рядомъ жили въ избушкахъ или землянкахъ. Въ 60-хъ гг. на нѣкоторыхъ пріискахъ Енисейскаго округа рабочимъ давали для устройства жилищъ три дня по приходѣ на пріискъ, но болѣе обыкновенною была постройка жилищъ на счетъ хозяевъ. Киргизы, работавшіе на промыслахъ Кюмбуктинскаго округа, жили со своими семьями въ войлочныхъ юртахъ, но въ новѣйшее время на промыслахъ Семипалатинской области вслѣдствіе обѣднѣнія киргизъ тѣ изъ нихъ,

¹⁾ Въ 90-хъ гг. въ одной компаніи Ленскаго горнаго округа вмѣсто платы за исполненіе урока на горныхъ работахъ введена была задѣльная плата безъ назначенія урока.

которые работают на приискахъ, сплошь и рядомъ живутъ въ жалкихъ землянкахъ, безъ половъ и печей, похожихъ скорѣе на ямы, чѣмъ на жилища помѣщенія. Въ послѣднее время рабочіе, нанятые по общему контракту, живутъ почти всегда въ общихъ казармахъ, далеко не всегда впрочемъ удовлетворительно построенныхъ: такъ въ 70-хъ гг. на олекминскихъ промыслахъ въ окнахъ рабочихъ казармъ не было вставлено стеколъ, и они были затянуты коленкоромъ или заклеены слядою, крыши протекали, помѣщенія были тѣсны. Съ теченіемъ времени жилища рабочихъ стали нѣсколько улучшаться подъ вліяніемъ настоятельныхъ требованій высшей мѣстной администраціи. Напротивъ жилища помѣщенія старателей-золотничниковъ были вездѣ неудовлетворительны, и они по большей части довольствовались шалашами или землянками. Законъ 1895 г. предоставилъ составленіе правилъ относительно жилищъ рабочихъ мѣстнымъ горнозаводскимъ присутствіемъ, и Томское присутствіе издало довольно удовлетворительныя правила по этому предмету, но они уже вызвали протесты со стороны золотопромышленниковъ.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, кромѣ артелей, такъ называемыхъ, золотничниковъ (первое появленіе которыхъ относится къ началу 60-хъ гг.) получали отъ хозяевъ сверхъ денежнаго вознагражденія за трудъ еще пищевое довольствіе ¹⁾, которое очень долго состояло изъ 1 ф. говядины въ день (со включеніемъ костей), нѣкотораго количества ячневой крупы (7—10 фунт. въ мѣсяцъ), хлѣба и соли. Съ 40-хъ гг. стали отпускать въ пищу рабочимъ небольшое количество масла, иногда давали квасъ. Въ постные дни вмѣсто мяса отпускали желающимъ горохъ и конопляное масло, а иногда и рыбу; количество говядины было увеличено на нѣкоторыхъ приискахъ до 1¹/₄ фунта въ день. Въ 50-хъ гг. рабочимъ давали мѣстами кислую капусту раза два въ недѣлю и кирпичный чай; послѣдній на енисейскихъ промыслахъ отпускался особенно охотно въ концѣ 50-хъ гг., такъ какъ въ это время, сравнительно съ первою половиною этого десятилѣтія, вздорожалъ хлѣбъ, и рабочіе съѣдали его меньше при употребленіи

¹⁾ Законъ 1838 г. не предвидитъ даже возможности найма рабочихъ безъ продовольствія отъ хозяевъ.

кирпичнаго чая. Въ 60-хъ гг. не замѣтно никакого улучшенія въ пищу рабочихъ сравнительно съ предшествовавшимъ десятилѣтїемъ; начавшаяся тогда выдача масла или сала производилась еще далеко не всегда и при томъ въ чрезвычайно ничтожномъ количествѣ, мясо давалось въ прежнемъ размѣрѣ. Введеніе въ пищевой пайкъ капусты составляло также явленіе исключительное; кирпичный чай, мѣстами выдававшійся въ 50-хъ гг. отъ хозяевъ, теперь пріобрѣтался рабочими, нанатыми по общему контракту, и большинствомъ ремесленниковъ и мастеровыхъ на свой счетъ.

Мастеровые на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ округѣ получали муку натурою, остальные же припасы должны были покупать на деньги, для чего имъ выдавались „порціонныя“ (на Алтаѣ по штатамъ 1849 г.—4 коп. сер. въ сутки, въ Нерчинскомъ округѣ въ 50-хъ гг. по 5 коп. кормовыхъ или суточныхъ). Ссылно-каторжные на промыслахъ Нерчинскаго округа получали натурою провіантъ, стоимость котораго по положенію 1852 г., кромѣ 2-хъ пудовъ муки, равнялась 75 коп. въ мѣсяцъ, а въ 60-хъ гг. казна отпускала 4 фунта печенаго хлѣба и 5 коп. въ сутки.

Уставомъ о золотопромышленности 1870 г. продовольствіе рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ регулировано не было, но скоро почувствовалась необходимость обратить вниманіе на то, чтобы рабочіе, при своемъ тяжеломъ трудѣ, получали на пріискахъ болѣе достаточную пищу. Въ 1877 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири баронъ Фредериксъ предписалъ горнымъ исправникамъ предложить золотопромышленникамъ, чтобы они давали рабочимъ говядины по 1½ фунта въ день. На промыслахъ Семипалатинской области, гдѣ работали киргизы, съ 1-го мая по 1-е октября рабочіе не получали ни крупы, ни мяса, а только одинъ хлѣбъ; такіе пріиски бывали еще и въ первой половинѣ 90-хъ гг. На промыслахъ остальныхъ округовъ выдавалось въ 70—90-хъ гг., кромѣ муки и крупы, мяса 1—1½ ф. въ день, масло и сало отпускали въ слишкомъ недостаточномъ количествѣ; мѣстами выдавали еще кирпичный чай и квашенную капусту.

По закону 1895 г. опредѣленіе размѣра пищевого пайка на пріискахъ (и на пути туда и обратно) рабочихъ, состоящихъ на хозяйскомъ довольствіи, предоставлялось горнозаводскимъ присут-

ствіямъ, и въ 1896 г. Томское присутствіе предписало выдавать рабочимъ на подвѣдомственныхъ ему прискахъ 1 п. 25 ф.—1 п. 35 ф. ржаной муки, пшеничной муки 10—20 ф., крупы 10—15 ф., коровьяго масла 1 ф., сала 1 ф., соли 3 ф., мяса свѣжаго или соленого $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ ф., капусты квашенной зимою по $\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ, кирпичнаго чаю не менѣе 60 золотниковъ. Такимъ образомъ выдача жировыхъ веществъ опредѣлена въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе и эти требованія золотопромышленники считаютъ для себя обременительными и протестуютъ противъ нихъ тѣмъ, что переводятъ рабочихъ на собственное ихъ продовольствіе.

Въ противоположность общекоонтрактнымъ рабочимъ старатели-золотники были почти всегда на собственныхъ харчахъ. Въ 1892 г. одна крупная компанія Олекминскаго округа перевела и общекоонтрактныхъ рабочихъ на ихъ собственное содержаніе, а въ послѣдніе годы ея примѣру послѣдовали многіе золотопромышленники Восточной Сибири, но этотъ опытъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ оказался невыгоднымъ, такъ какъ рабочіе, сберегая заработокъ, дурно питались, и это увеличило количество заболѣваній, вслѣдствіе чего промывка золота уменьшилась, и нѣкоторыя крупныя компаніи принуждены были возвратиться къ продовольствію рабочихъ отъ хозяевъ ¹⁾.

¹⁾ На южно-енисейскихъ промыслахъ въ настоящее время рабочіе переведены на собственное содержаніе („Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 3, стр. 66).—Стоимость хозяйскаго пищевого довольствія одного рабочаго на промыслахъ Томской губ. въ 1834 г. равнялась 7 р. 25 к. асс. (2 р. 2 к. сер.) въ мѣсяцъ или 24 к. асс. (около 7 к. сер.) въ день. Въ 60-хъ гг. стоимость содержанія рабочаго на прискахъ Енисейскаго округа равнялась 5—8 р. въ мѣсяцъ, а на Алтаѣ въ 1870 г. (безъ винныхъ порцій) 4 р. 29 к. въ мѣсяцъ. На прискахъ Киргизской степи въ началѣ 90-хъ гг. содержаніе черноработныхъ обходилось 3—4 р. въ мѣсяцъ (10—13 к. въ день), на промыслахъ Томскаго горнаго округа въ тѣ же годы 3—6 р. въ мѣсяцъ. На прискахъ Енисейскаго округа въ 70-хъ и 80-хъ гг. стоимость содержанія рабочаго въ мѣсяцъ равнялась 6—12 р., а на промыслахъ одной крупной компаніи сѣверно-енисейскаго округа составляла въ среднемъ за 11 лѣтъ 30, 5 к. въ день или болѣе 9 р. въ мѣсяцъ; на кабинетскихъ промыслахъ Нерчинскаго округа въ первой половинѣ 80-хъ гг. стоимость содержанія вольнонаемнаго рабочаго равнялась 24 к. въ день. На промыслахъ Олекминскаго округа, вслѣдствіе его отдаленности, содержаніе рабочихъ обходилось гораздо дороже, а именно въ 1877—90 гг. отъ 47 к. до 1 р. въ день; въ Амурской области въ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. 44—91 к., а въ новѣйшее время на прискахъ одной крупной компаніи около 50 к. въ день.

Своихъ женъ и дѣтей рабочіе могли приводить на промыслы не иначе, какъ съ позволенія хозяевъ и ихъ прикащиковъ. Въ договорахъ предпринимателей съ рабочими 40-хъ гг. обыкновенно находимъ правило, что рабочіе должны продовольствовать свое семейство „на собственный счетъ“ или „собственною пищею“, а если будутъ пользоваться, съ согласія присковаго управленія, хозяйскою пищею, то не иначе, какъ съ вычетомъ по мѣстнымъ присковымъ цѣнамъ ¹⁾. По обязательному постановленію Томскаго горнозаводскаго присутствія вычетъ за женщинъ, не исполняющихъ работъ, не долженъ превышать стоимости отпущенной муки по цѣнамъ утвержденной таксы ²⁾.

Сверхъ пищевого пайка хозяева промысловъ уже въ 40-хъ гг. отъ времени до времени отпускали рабочимъ вино, хотя и не вездѣ. Въ концѣ 40-хъ гг. на нѣкоторыхъ прискахъ винная порція выдавалась каждое воскресенье, на другихъ же ее отпускали въ извѣстные дни. Въ 50-хъ гг. о выдачѣ винной порціи упоминается чаще, чѣмъ въ предшествующіе годы (на нѣкоторыхъ промыслахъ—на счетъ рабочихъ). Въ слѣдующее десятилѣтіе стали давать гораздо большее количество вина на счетъ промысловаго управленія (въ Енисейскомъ округѣ у однихъ золотопромышленниковъ одинъ разъ въ недѣлю, у другихъ три раза въ мѣсяцъ, были и такіе, что давали рабочимъ вино по три раза въ недѣлю по $\frac{1}{100}$ ведра), такъ что высшая администрація Восточной Сибири возбудила даже вопросъ объ обязательной выдачѣ рабочимъ еже-

¹⁾ Въ договорахъ первой половины 50-хъ гг. встрѣчаемъ плату за прокормленіе женъ рабочихъ однимъ хлѣбомъ въ Томской губ. 1 р., въ сѣверно-енисейскомъ округѣ по 3 р. въ мѣсяцъ. Въ 70-хъ—80-хъ гг. въ Енисейскомъ округѣ за прокормленіе неисполняющихъ хозяйскихъ работъ женщинъ (въ договорахъ иногда пояснялось—однимъ хлѣбомъ или хлѣбомъ, солью и крупю) внималось 3—5 р. (въ одномъ договорѣ 1876 г. 7 р. 50 к.) въ мѣсяцъ. Въ Олекминскомъ округѣ пѣны на жизненные припасы дороже, и потому за прокормленіе женщинъ однимъ хлѣбомъ въ договорахъ 70-хъ и 80-хъ гг. здѣсь устанавливался вычетъ по 7 р. 70 к.—12 р. въ мѣсяцъ (за дѣтей половину). Въ Амурской области въ 70-хъ и 80-хъ гг. сначала за половинное продовольствіе сравнительно съ мужчинами, а затѣмъ и за одну крупу производили вычетъ отъ 4 до 10 р. въ мѣсяцъ.

²⁾ Съѣздъ южно-енисейскихъ золотопромышленниковъ въ 1897 году опредѣлилъ вычитать съ женъ рабочихъ не только за содержаніе (за $1\frac{1}{2}$ п. хлѣба 1 р. 95 к.), но и за квартиру и отопленіе 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, хотя жены рабочихъ живутъ въ однихъ казармахъ съ ними и потому для нихъ особаго отопленія и помѣщенія не полагается. „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 3, стр. 66.

дневно винныхъ порцій, но онъ остался нерѣшеннымъ; однако въ 1876 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири бар. Фредериксъ циркуляромъ горнымъ исправникамъ предписалъ, чтобы рабочимъ отпускали достаточныя для поддержанія силъ винныя порціи, особенно въ ненастное время, а непьющимъ вина рабочимъ выдавали взамѣнъ его соотвѣтственное количество масла, чаю и пр. или заносили въ расчетные листы денежную стоимость винныхъ порцій. Въ 1883 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ, вслѣдствіе одного волненія рабочихъ, обратилъ вниманіе на перепродажу рабочими другъ другу винныхъ порцій и предписалъ, чтобы онѣ отпускались безъ права передачи другому лицу и не болѣе $\frac{2}{100}$ ведра водки (40°) въ сутки каждому. Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе на промыслахъ Томской губ. винныя порціи выдавались рабочимъ въ небольшомъ количествѣ—отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю. Въ такомъ количествѣ винныя порціи подносились рабочимъ въ Енисейскомъ округѣ 70-хъ гг., но уже тогда при трудныхъ работахъ или въ сырую погоду ихъ отпускали ежедневно, позднѣе же ихъ давали отъ 2 до 5 разъ въ недѣлю, но обыкновенно выдача порцій служила поощреніемъ за исполненіе урока, въ случаѣ же спѣшныхъ работъ ее давали даже два-три раза въ день. На промыслахъ Олекминскаго округа отпускали послѣднее время всего чаще одну, двѣ порціи въ день, но такъ какъ и здѣсь водка служить главнымъ средствомъ къ чрезмѣрному напряженію силъ рабочихъ, то иногда она выдается и въ большемъ количествѣ, что, конечно, приводитъ уже къ вреднымъ для рабочихъ послѣдствіямъ. На промыслахъ нѣкоторыхъ компаній въ 80-хъ гг. выдача вина, необходимаго для поддержанія силъ рабочихъ при трудныхъ работахъ, нерѣдко въ сырыхъ мѣстахъ, далеко переходила границы дозволеннаго и превращалась въ противозаконную торговлю водкой. На крупныхъ промыслахъ Амурской области водка выдается ежедневно 1—2 раза въ день, на нѣкоторыхъ же прискахъ гораздо рѣже, но и здѣсь эта выдача связывается обыкновенно съ отработкою уроковъ. Законъ 1895 г. возложилъ регулированіе выдачи винныхъ порцій на горнозаводскія присутствія, но Томское присутствіе по большинству голосовъ признало ненужнымъ изданіе обязательнаго постановленія по этому предмету.

Настоятельная потребность въ винѣ и недостаточность винныхъ порцій, выдаваемыхъ рабочимъ, вызвали тайную торговлю виномъ на пріискахъ (открытая продажа его запрещена). Уже въ 60-хъ гг. на енисейскихъ промыслахъ сами золотопромышленники тайно торговали водкою, промысломъ этимъ занимались также и странствующие спиртоносы, появились наконецъ и осѣдлые продавцы спирта подъ видомъ арендаторовъ покосовъ въ тайгѣ, гдѣ находились промыслы, а въ 70-хъ гг. съ этою цѣлью заявляли пустопорожнія мѣста въ качествѣ пріисковъ, хозяева которыхъ занимались исключительно продажей спирта. Тайное приобрѣтеніе спирта по невѣроятнымъ цѣнамъ сильно уменьшало заработки рабочихъ. Особенное развитіе промысловъ спиртоносовъ получилъ въ Олекминскомъ округѣ и Амурской области въ 80-хъ гг., но и здѣсь сильную конкуренцію имъ составляли сами золотопромышленники.

Страсть къ пьянству, кромѣ тяжести пріисковыхъ работъ, поддерживалась въ рабочихъ какъ отсутствіемъ разумныхъ развлеченій, такъ и тѣми препятствіями, которыя встрѣчало развитіе семейной жизни на пріискахъ вслѣдствіе того, что золотопромышленники дозволяли рабочимъ приводить съ собою лишь весьма ограниченное количество женщинъ. Въ 1861 г. въ лѣтнюю операцію на промыслахъ Марининскаго округа было всего 9% женщинъ, на промыслахъ Киргизской степи 7% и въ сѣверно-енисейскомъ округѣ 5% ¹⁾. Гораздо болѣе была развита въ послѣднее время семейная жизнь на пріискахъ Томскаго горнаго округа (въ 1890 г. число женщинъ доходило до 29% всѣхъ взрослыхъ рабочихъ), но въ первой половинѣ 80-хъ гг. женщинъ было на промыслахъ Томской губ. 8—10%, Енисейской 5—10%, въ концѣ 80-хъ гг. въ Олекминскомъ округѣ 9—13% всего количества рабочихъ. Отсутствіемъ семейной жизни въ значительной степени вызывались безобразные кутежи рабочихъ по окончаніи операціи и такія ужасныя явленія на пріискахъ, какъ обычай такъ называемыхъ „помочей“ (насилованіе одной женщины многими рабочими).

¹⁾ Во всей Калифорніи количество женщинъ въ 1860 г. равнялось всего 4%. *Del Mar. A history of the precious metals. L. 1880, p. 313.* Рабочіе въ африканскихъ золотыхъ рудникахъ также почти всегда живутъ безъ семей. *Leroy-Beaulieu, 306.*

Такъ какъ одежду пріисковые рабочіе должны были имѣть свою и такъ какъ недостаточная выдача нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ вызывала потребность пріобрѣтать ихъ въ счетъ заработка, то на пріискахъ являются лавки или амбары, содержаніе которыхъ составляло и составляетъ до сихъ поръ монополію золотопромышленниковъ. По закону 1838 г. золотопромышленники не должны были отпускать рабочимъ предметовъ роскоши или платья и обуви, „несвойственныхъ ихъ званію“, подъ опасеніемъ потери уплаты за нихъ при окончательномъ разсчетѣ. Этимъ закономъ не была установлена еще обязательность таксъ для пріисковыхъ лавокъ, но одинъ изъ пунктовъ установленной имъ формы контракта требовалъ означенія, по какой цѣнѣ будутъ отпускать рабочимъ въ счетъ заработка вещи и товары, что и вызвало уже въ самомъ началѣ 40-хъ гг. утвержденіе таксъ администраціею въ Западной Сибири (на промыслахъ Енисейскаго округа въ 40-хъ гг. таксъ не существовало). Въ 40-хъ гг. администрація считала еще чай и сахаръ предметами роскоши, и потому мѣстами ихъ продавали въ пріисковыхъ лавкахъ тайкомъ, но все-таки употребленіе кирпичнаго чая (на счетъ рабочихъ) стало уже входить въ обыкновеніе. Однако въ 60-хъ гг. рабочіе настолько привыкли къ употребленію чая, сахара, масла и пшеничной муки, по крайней мѣрѣ на олекминскихъ промыслахъ, что въ нѣкоторыхъ договорахъ они условливались даже, чтобы эти припасы не считались предметами роскоши. Въ концѣ 50-хъ гг. высшая администрація Восточной Сибири предписала, чтобы въ пріисковыхъ лавкахъ были непременно таксы, подписанныя золотопромышленниками или ихъ довѣренными, и возложила на обязанность горныхъ исправниковъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы эти таксы не были обременительными, а въ 1861 г. горнымъ исправникамъ было предписано собирать золотопромышленниковъ въ общія собранія для установленія таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ. Вслѣдствіе этого таксы стали подлежать утвержденію горныхъ исправниковъ. Введеніе таксъ и обязательное хозяйское продовольствіе рабочихъ сдѣлали невозможнымъ появленіе на сибирскихъ пріискахъ такихъ цѣнъ на предметы первой необходимости, какія бывали въ 1849—1854 гг. въ Калифорніи во

время золотопромышленной горячки ¹⁾ или бывают въ настоящее время въ Клондайкѣ (въ Канадѣ, по близости отъ территоріи Аляска), но все-таки цѣны припасовъ и товаровъ были настолько высоки что при существованіи торговой монополіи золотопромышленниковъ пріисковыя лавки сдѣлались добавочнымъ орудіемъ эксплуатаціи рабочихъ и стали приносить хозяевамъ такіе барыши, что нѣкоторые бѣдные золотомъ пріиски даютъ доходъ только благодаря существующимъ на нихъ лавкамъ. Въ концѣ 80-хъ гг. нѣкоторыя солидныя компаніи промысловъ, подвѣдомственныхъ Томскому горному управленію, имѣли съ пріисковыхъ лавокъ 15—20 тыс. чистаго дохода на 600—700 чел. рабочей команды; такимъ образомъ средній барышъ съ лавокъ составлялъ въ этихъ компаніяхъ около 27 р. съ каждого рабочаго ²⁾; эти деньги составляютъ прямой вычетъ изъ заработка рабочихъ, невольная жертва съ ихъ стороны на алтарь торговой монополіи золотопромышленниковъ ³⁾. По закону 1895 г. утвержденіе пріисковыхъ таксъ предоставлено не горнымъ исправникамъ, какъ прежде, а окружнымъ инженерамъ, утвержденіе же росписаній допускаемыхъ къ продажѣ предметовъ — присутствіямъ по горнозаводскимъ дѣламъ, состоящимъ при горныхъ управленіяхъ ⁴⁾.

¹⁾ См. *Tooke u. Neumarch. „Die Geschichte und Bestimmung der Preise während der Jahre 1793—1857“*, 1862, II, 752—756; *Del Mar. A history of the precious metals*. L. 1880, 310, 316, 318—319.

²⁾ Ниманская Е^о (Амурской области) получила съ своихъ лавокъ въ операцію 1891—92 г. дохода почти 16.000 руб.

³⁾ По германскому закону 1891 г. и австрійскимъ горнымъ законамъ промышленникъ, снабжающій рабочихъ жизненными припасами, не долженъ получать отъ этого барыша. На нашихъ горныхъ заводахъ и промыслахъ, кромѣ золотыхъ, лавки для снабженія рабочихъ предметами продовольствія и потребленія могутъ быть открываемы потребительными товариществами (т.-е. съ товариществами, составленными изъ самихъ потребителей-рабочихъ). *Штофъ*, „Горное Право“ 1896 г. стр. 338, 370. За то лавки при фабрикахъ Московской губ. давали такой крупный доходъ фабрикантамъ, что нѣкоторые изъ нихъ ставили въ условіе найма рабочимъ обязательство брать припасы не иначе какъ отъ хозяевъ. По словамъ г. Янжула, большая доля барыша нѣкоторыхъ фабрикантовъ получалась ими съ фабричныхъ лавокъ, а не съ фабричнаго производства. „Фаб. бытъ Моск. губ.“, стр. 108.

⁴⁾ О запрещеніи даже и въ настоящее время вольнымъ торговцамъ продавать съѣстные припасы на пріискахъ Ленскаго горнаго округа, см. „Восточное Обозрѣніе“ 1898 г. № 35. Торговая монополія золотопромышленниковъ должна быть уничтожена, и прежде всего въ тѣхъ системахъ, гдѣ они перевели рабочихъ на собственное продовольствіе.

Тяжесть прискоковых работ въ открытыхъ разрѣзахъ, а еще болѣе подѣ землею при весьма антигигіеническихъ условіяхъ вызываетъ частыя заболѣванія среди рабочихъ, и потому еще въ первой половинѣ 30-хъ гг. администрація понудила золотопромышленниковъ Томской губ. позаботиться объ организаціи медицинской помощи на ихъ промыслахъ, и здѣсь на многихъ прискахъ во второй половинѣ 30-хъ гг. появились больницы, которыми завѣдывалъ докторъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ гг. на промыслахъ Енисейскаго округа одна больничная кровать приходилась на 24 рабочихъ, но въ большинствѣ случаевъ эти больницы содержались весьма неудовлетворительно. На промыслахъ Киргизской степи 50-хъ гг. медицинская помощь была организована все-таки лучше, чѣмъ въ послѣднее время; неудовлетворительны въ настоящее время больницы и на промыслахъ Томской губ., за исключеніемъ самыхъ крупныхъ компаній; въ Енисейскомъ округѣ благоустроенныхъ больницъ также немного, въ большинствѣ же случаевъ это лишь пріемные покои. Въ 80-хъ гг. въ южно-енисейской системѣ одна кровать приходилась на 15—22 рабочихъ, въ сѣверно-енисейской—на 20—23 рабочихъ. Въ Олекминскомъ округѣ есть превосходная больница на Успенскомъ прискѣ КК⁰ Промышленности и Прибрежно-Витимской, построенная въ 1884 г., и хорошія больницы на прискахъ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ компаній; всего во второй половинѣ 80-хъ гг. на промыслахъ Олекминскаго округа одна кровать приходилась на 40—57 чел. Фельдшера прискоковыхъ больницъ въ большинствѣ случаевъ люди довольно невѣжественные, да и доктора не всегда стоятъ на высотѣ своего положенія; нѣкоторые изъ нихъ къ тому же позволяютъ себѣ отвлекаться отъ своихъ прямыхъ обязанностей занятіемъ золотопромышленностью. Получая жалованье отъ предпринимателей, тѣ и другіе не оказываются достаточно самостоятельными, когда приходится отстаивать интересы рабочихъ.

По закону 1838 г. свободному соглашенію рабочихъ и хозяевъ предоставлялось рѣшить, должна ли врачебная помощь быть бесплатною, или дозволялось дѣлать за нее вычеты съ рабочихъ. По договорамъ 40-хъ и 50-хъ гг. бесплатное лѣченіе рабочихъ далеко не являлось общимъ правиломъ, и въ нѣкоторыхъ контракт-

тахъ устанавливались извѣстные вычеты за лѣчение и содержаніе во время болѣзни, въ другихъ бесплатное лѣчение и продовольствіе въ больницахъ допускались лишь въ теченіе трехъ сутокъ. Въ концѣ 50-хъ гг. небольшой вычетъ за лѣчение и содержаніе больныхъ мы находимъ и на одномъ изъ Нерчинскихъ кабинетскихъ промысловъ, гдѣ работали вольнонаемные рабочіе. Въ 1865 г. высшая администрація Восточной Сибири запретила частнымъ золотопромышленникамъ дѣлать вычеты за лѣчение рабочихъ, но за лѣчение старателей-золотичниковъ вычеты производились и въ 60-хъ гг., и позднѣе. Встрѣчалось и въ нѣкоторыхъ договорахъ съ общеконтрактными рабочими нарушеніе предписанія 1865 г., но это было рѣдкимъ исключеніемъ; устанавливаются впрочемъ въ договорахъ вычеты за лѣченіе женщинъ, не занятыхъ на хозяйскихъ работахъ, и дѣтей, а также и рабочихъ, уклоняющихся отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни. По закону 1895 г. медицинская помощь, регулированіе которой возложено на горнозаводскія присутствія, должна быть бесплатно какъ для общеконтрактныхъ рабочихъ, такъ и для золотичниковъ ¹⁾.

Статистика заболѣваемости рабочихъ далеко не удовлетворительна, между прочимъ и потому, что въ составъ больныхъ включались обыкновенно и пускавшіе себѣ кровь (наклонность въ кровопусканіямъ вызывалась потребностью дать толчокъ мускуламъ, утомленнымъ непосильными пріисковыми работами). На всѣхъ промыслахъ Енисейской губ. въ 1851 г. считалось больныхъ 32%⁰ всѣхъ рабочихъ, умерло почти 1%⁰; въ 1852 г. больныхъ было 34%⁰, умерло 1,5%⁰ всѣхъ рабочихъ. Въ 1859 г. въ южно-енисейской системѣ больныхъ было 47%⁰, умерло 1,5%⁰ всѣхъ рабочихъ ²⁾. На частныхъ промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1851 г. было больныхъ 32%⁰, умерло 1,3%⁰ всѣхъ рабочихъ, въ 1852 г. заболѣло 28%⁰, умерло 1%⁰, въ 1853 заболѣло 41%⁰, умерло 2,3%⁰ всѣхъ рабочихъ; въ 1856 г. умерло отъ болѣзней

¹⁾ Въ Англіи ховлева угольныхъ копей обязаны отпускать рабочимъ лекарства по своей цѣнѣ. Въ Германіи тоже предписываетъ законъ 1891 г. всѣмъ промышленникамъ относительно медикаментовъ и врачебной помощи.

²⁾ Въ первой половинѣ 50-хъ гг. въ одной крупной компаніи этой системы изъ всѣхъ поденщинъ было 4%⁰ больныхъ и „у открытія крови и на отдыхѣ“ 1%⁰.

и разныхъ случаевъ 1,4⁰/о, въ 1857 г. 1,2⁰/о. Такъ какъ на промыслахъ находились почти исключительно люди взрослые, то слѣдовательно смертность здѣсь была выше нормальной, несмотря на то, что она еще нѣсколько понижалась разсчитываніемъ тяжело-больныхъ рабочихъ. Повышенная смертность замѣчается на промыслахъ Восточной Сибири и въ слѣдующее десятилѣтіе. На прискахъ Енисейской губ. умерло въ 1865 г. 1,3⁰/о рабочихъ, въ 1866 г. 1,2⁰/о, въ 1867 г. даже 2,2⁰/о, въ 1868 г.—1⁰/о, въ 1869 г. 1,4⁰/о. Что касается числа заболѣвшихъ, то въ операцію 1865—66 гг. въ южной части Енисейскаго округа ихъ было 70⁰/о рабочихъ. По вычисленію на основаніи расчетныхъ книгъ нѣсколькихъ кабинетскихъ промысловъ Алтайскаго округа 1864—71 гг., гдѣ въ это время работали уже вольнонаемные рабочіе, оказалось около 10⁰/о больныхъ поденщинъ. Въ послѣдніе годы количество больныхъ поденщинъ на промыслахъ Томской губ. обыкновенно колебалось отъ 3,5 до 7⁰/о, но на прискахъ нѣкоторыхъ КК⁰ поднималось до 10—12⁰/о. Смертность въ присковухъ больницахъ этой губерніи въ первой половинѣ 70-хъ гг. колебалась отъ 0,6 до 1,4⁰/о всѣхъ рабочихъ. На прискахъ Енисейскаго округа заболѣвало въ 70-хъ гг.—въ южной его части 18—40⁰/о, въ сѣверной—33—46⁰/о; въ 80-хъ гг. заболѣваемость увеличилась и колебалась въ южной части между 29 и 61⁰/о, въ сѣверной—между 29 и 56⁰/о (въ 1890 г. заболѣло даже 74⁰/о рабочихъ). Въ поденщинахъ заболѣваемость на промыслахъ Енисейскаго округа колебалась въ 1881—83 гг. отъ 3-хъ до 4-хъ⁰/о поденщинъ. Смертность на прискахъ этого округа въ 70-хъ гг. колебалась между 0,4 и 1,1⁰/о, но въ 80-хъ гг. она значительно усилилась и равнялась въ 1883 г. во всемъ округѣ 1,4⁰/о, а въ южной его части въ 1888 г.—1,5⁰/о, въ 89 г.—1,7⁰/о всѣхъ рабочихъ. Смертность эту слѣдуетъ признать весьма значительною, принявъ во вниманіе, что присковое населеніе состоитъ почти исключительно изъ взрослыхъ рабочихъ. Въ Олекминскомъ округѣ заболѣваемость была сильнѣе: въ 1879 г. заболѣло 59⁰/о, въ 1880 г.—73⁰/о, въ 1881 г.—109⁰/о присковаго населенія (слѣдовательно, въ среднемъ не только всѣ рабочіе обращались за медицинскою помощью, но нѣкоторые даже по два раза); во второй половинѣ

80-хъ гг. заболѣваемость была значительно ниже: въ 1887 г.—49⁰/₀, въ 1889 г.—35⁰/₀. Такимъ образомъ заболѣваемость представляла здѣсь значительныя колебанія; напротивъ, смертность въ этомъ округѣ постепенно понижалась: въ 1879 г. отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ она равнялась 1,3⁰/₀, въ 1880—81 гг.—1,1⁰/₀, въ 1882—83 гг.—1⁰/₀, въ 1884 г.—0,9⁰/₀, въ 1887 г.—0,8⁰/₀ приискаго населенія. Что касается больныхъ поденщинъ, то въ Витимской системѣ онѣ составляли въ 1881 г.—2,1⁰/₀ всѣхъ поденщинъ, въ 1882 г.—1,1, въ 1883 г.—1,7⁰/₀; въ Олекминской системѣ больныхъ поденщинъ было гораздо болѣе: въ 1881 г.—4,2⁰/₀, въ 1882 г.—3,5, въ 1883 г.—4,5⁰/₀. Заболѣваемость на приискахъ Амурской и Приморской областей была еще выше, чѣмъ въ Олекминскомъ округѣ, а именно она колебалась въ 1881—83, 85—87 гг. отъ 92 до 146⁰/₀ всѣхъ рабочихъ, въ среднемъ же за эти годы равнялась 118⁰/₀; больныхъ поденщинъ было въ 1881—83 гг. отъ 3 до 5⁰/₀ всѣхъ поденщинъ, число же умершихъ равнялось 0,5—1⁰/₀ всѣхъ рабочихъ.

Господствующими болѣзнями на приискахъ были цынга, ревматизмъ, перемежающіяся лихорадки, ушибы, а въ 90-хъ гг. также и инфлюэнца.

Въ Уставѣ о золотопромышленности 1870 г. было опредѣлено, что если рабочій, при производствѣ работъ, подвергнется, вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности, смерти или тяжкому увѣчью, сдѣлавшему его неспособнымъ къ труду, то золотопромышленникъ обязанъ вознаградить его семейство или его самого выдачею тройной за весь наемный срокъ платы. При легкомъ же увѣчьи, происшедшемъ вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ узаконенныхъ мѣръ предосторожности и требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, больной помѣщается въ лазаретъ до совершеннаго выздоровленія, безъ всякаго вычета изъ условленной платы. Вознагражденіе рабочихъ и ихъ семействъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть или увѣчье рабочаго послѣдовали отъ вины золотопромышленника, должно было производиться по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ гражданскихъ. На основаніи этого правила мѣстная администрація заставляла золотопромышленниковъ выдавать пособія

(на олекинскихъ промыслахъ до 900 р.) пострадавшимъ рабочимъ, на что въ болѣе раннюю эпоху (до 1870 г.) мы не встрѣчаемъ указаній. Законъ 1895 г. не измѣнилъ правилъ Устава о золотопромышленности 1870 г. о вознагражденіи за увѣчья, но теперь въ горномъ вѣдомствѣ составленъ проектъ закона государственнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзней и потери способности къ труду. До сихъ поръ для „выработавшихся“ приисковыхъ рабочихъ ничего не было сдѣлано, кромѣ устройства одной маленькой богадѣльни на р. Ленѣ на средства К^о Промышленности, пожертвованія И. М. Сибиряковымъ 420 тыс. р. на помощь пострадавшимъ отъ увѣчья, потерявшимъ здоровье и силы на приискахъ ихъ и семействамъ такихъ рабочихъ, а также убитыхъ на промыслахъ Якутской области, и учрежденія благотворительнаго общества въ Томскѣ, между тѣмъ какъ даже ссыльно-каторжные, одрахлаѣвшіе на Нерчинскихъ кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ и заводахъ, содержались въ прежнее время въ богадѣльняхъ.

На сибирскихъ промыслахъ уже издавна существовало известное количество походныхъ или постоянныхъ церквей, содержавшихся такъ же, какъ и ихъ причты, на счетъ золотопромышленниковъ; но рабочіе могли очень рѣдко присутствовать при богослуженіи, такъ какъ они были заняты работою и въ воскресные дни, и въ большинство праздниковъ. Нѣкоторые рабочіе лѣтъ по 15-ти не бывали въ церкви. Чаше всего они обращались къ духовнымъ лицамъ для крещенія дѣтей, свадьбы вѣнчались рѣдко, вслѣдствіе большой распространенности вѣнчажнаго сожителства, а погребеніе умершихъ рабочихъ сопровождалось далеко не всегда религиозными обрядами.

На Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ школа для дѣтей мастеровыхъ была учреждена еще въ 1849 г.; школы существовали до 1861 г. и на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ, на приискахъ же частныхъ золотопромышленниковъ ихъ стали заводить лишь въ послѣдніе годы. Въ Томскомъ горномъ округѣ въ 1896 г. было на промыслахъ всего 5 школъ, на приискахъ Ленскаго горнаго округа въ 1895 г. 3 школы (первая была устроена КК^о Промышленности и Прибрежно-Витимскою въ 1881 г., а позднѣе на приискахъ Бодайбинской К^о и Ленскаго Т-ва), въ За-

байкальской области 4 школы ¹⁾, на промыслахъ Амурской области также 4 школы, въ Енисейскомъ же округѣ, на приискахъ киргизскихъ степей и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ школъ вовсе нѣтъ.

Съ увеличеніемъ количества праздничныхъ дней по закону 1895 г. мѣстами стали устраивать народныя чтенія и спектакли, а также и бібліотеки для рабочихъ, но все это еще рѣдкія исключенія ²⁾.

Такъ какъ въ первое время сибирской золотопромышленности было не мало волненій и беспорядковъ среди приисковыхъ рабочихъ, то хозяева добивались, чтобы рабочихъ за сопротивленіе не только правительственной администраціи, но даже привозчикамъ на промыслахъ судили военнымъ судомъ, но въ 1838 г. предписано было примѣнять эти суды, кромѣ дѣлъ о похищеніи золота, лишь къ вольнонаемнымъ изъ ссыльно-поселенцевъ за сопротивленіе „установленнымъ властямъ“, а слѣдовательно даже и въ этомъ случаѣ полноправные рабочіе должны были судиться обыкновеннымъ судомъ. Мастеровые же на Алтайскихъ и Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ, такъ какъ они были военно-служащими, подлежали за побѣги и преступленія военному суду, который за первый побѣгъ, а иногда и за кражу приговаривалъ ихъ къ наказанію розгами, за слѣдующіе же побѣги и болѣе серьезныя преступленія къ шпицрутенамъ отъ 500 до 5.000 ударовъ, а позднѣе къ 200 и болѣе ударамъ. Подобныя ужасныя наказанія сплошь и рядомъ бывали лишь медленною и мучительною смертною казнью. Въ этомъ отношеніи положеніе рабочихъ на промыслахъ было все-таки лучше, хотя и тамъ тѣлесныя наказанія, но не въ такой ужасной формѣ, были явленіемъ самымъ зауряднымъ, и въ первые годы сибирской золотопромышленности мы встрѣчаемъ тѣлесныя наказанія по про-

¹⁾ На Серафимовскомъ приискѣ Шушейтановыхъ въ Баргузинскомъ округѣ (основана въ 1894 г.), на Евграфовскомъ приискѣ Забайкальской К^о Останина, Бѣлоголовой и Второва, Маломазальскомъ приискѣ Шанявскаго и К^о п Дарасунскихъ приискахъ Полутова. „Вѣст. Золот.“ 1894 г. № 19, стр. 308, 1897 г. № 4, стр. 83, „Амур. Гав.“ 1896 г. № 13, стр. 448.

²⁾ Подробныя свѣдѣнія о чтеніяхъ, спектакляхъ и воскресной школѣ для рабочихъ на Неожиданномъ приискѣ Южно-алтайской К^о см. въ ст. *В. Прибытковой* въ „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. №№ 7 и 8.

изволу пріисковыхъ приказчиковъ въ количествѣ до 100 ударовъ. По закону 1838 г. для сохраненія порядка между рабочими хозяину дозволялось раздѣлять ихъ на артели и въ каждую изъ нихъ назначать отъ себя старосту, а рабочіе выбирали двухъ выборныхъ. Этой артельной расправѣ съ вѣдома промышленника или приказчика разрѣшалось подвергать составляющихъ артель рабочихъ „умѣренному домашнему“ наказанію: она имѣла право лѣнивыхъ, нетрезвыхъ, виновныхъ въ запрещенной карточнѣй или иной игрѣ, буйныхъ и пытавшихся бѣжать наказывать набавленіемъ на нихъ работы, вычетомъ въ пользу артели части ихъ платы или розгами не болѣе 100 ударовъ. Если хозяинъ и приказчикъ будутъ недовольны рѣшеніемъ артельной расправы, то они могли жаловаться мѣстной полицейской власти—отдѣльному засѣдателю частныхъ золотыхъ промысловъ (впослѣдствіи горному исправнику), а въ дѣлахъ, касающихся промысловой техники, горному ревизору. Отдѣльные засѣдатели имѣли право по золотопромышленнымъ дѣламъ за доказанное невиновеніе, развратное поведеніе, побѣги, запрещенныя игры и другіе проступки, не представляющіе уголовнаго преступленія, подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію“, т.-е. тѣлесному наказанію. Хозяинъ пріиска по закону 1838 г. обязанъ былъ обходиться съ рабочими безъ обиды и притѣсненія, челоѣколюбиво и не долженъ былъ причинять рабочему „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, его здоровью вредныхъ“; такимъ образомъ побои вообще считались дозволительными, а разбирать, насколько они были тяжелы, не всегда считали нужнымъ. Это правило долгое время буквально повторялось и въ договорахъ. Въ дѣйствительности обращеніе съ рабочими въ 40-хъ гг. было самое варварское: розги приносили прямо на мѣсто работъ, и тутъ же производилась жестокая расправа по усмотрѣнію не только управляющаго, но и другихъ служащихъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ второй половины 50-хъ гг. золотопромышленники договаривали для себя, своихъ управляющихъ и приказчиковъ право подвергать рабочихъ тѣлесному наказанію „по своему усмотрѣнію“, хотя законъ предоставлялъ это лишь артельной расправѣ и горнымъ исправникамъ. Фактически пріисковыя управленія широко пользовались и прежде этимъ правомъ, и они стали упоминать о

немъ въ договорахъ лишь тогда, когда оно стало подвергаться отрицанію или сомнѣнію подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ правительственной сферѣ.

На основаніи Улож. о Наказ. 1845 г. (ст. 651) и Горн. Устава, принсковые рабочіе по приговору артельной расправы и горныхъ исправниковъ должны были подвергаться наказанію розгами не болѣе 50 ударовъ, но ссыльно-поселенцевъ за побѣгъ съ промысловъ нѣкоторые горные исправники наказывали въ половинѣ 50-хъ гг. 20 ударами плетей; въ 1858 г. было разъяснено, что если ссыльные, оставивъ мѣсто работъ, явятся въ свое селеніе или волюсть, то наибольшее наказаніе должно быть 100 ударовъ розогъ съ отдачею въ работы на заводъ или въ арестантскую или поселенческую рабочую роту на время до одного года. Золотопромышленники находили это взысканіе слишкомъ слабымъ, и ослабленію репрессивныхъ мѣръ приписывали увеличеніе побѣговъ ¹⁾. Въ 60-хъ гг., по крайней мѣрѣ на енисейскихъ промыслахъ, произошло нѣкоторое смягченіе въ обращеніи принсковыхъ служащихъ съ рабочими.

По Уставу о золотопромышленности 1870 г. сохранены были партіонныя расправы (изъ назначаемого золотопромышленникомъ старосты и двухъ выборныхъ, выбираемыхъ рабочими), которые могли подвергать рабочихъ денежному взысканію до 3 р., или аресту до 7 дней, или наказанію розгами до 30 ударовъ. Горный исправникъ не могъ подвергать полноправныхъ рабочихъ тѣлесному наказанію иначе, какъ по приговору партіонной расправы, ссыльно-поселенцевъ же могъ наказывать тѣлесно собственною властью. Ссыльно-поселенцы, нанявшіеся на прински, должны были, отправляясь на мѣсто работъ партіями, подчиняться избираемому ими старостѣ, а за неповиновеніе ему подвергались наказанію розгами до 20 ударовъ по приговору большинства лицъ, составляющихъ партію. Офицеръ, завѣдывавшій ссыльно-каторжными на частныхъ промыслахъ, могъ подвергать ихъ за маловажные проступки между прочимъ наложенію оковъ и тѣлесному наказанію розгами до 100 ударовъ. Ссыльно-каторжные на кабинетскихъ золотыхъ про-

¹⁾ Около этого времени было разъяснено также, что рабочіе изъ мѣщанъ не могутъ подвергаться тѣлесному наказанію по приговору артельной расправы.

мыслахъ Нерчинскаго округа подвергались иногда жестокиѣмъ истязаніямъ.

Въ договорахъ золотопромышленниковъ Енисейскаго округа съ рабочими 70-хъ гг., въ противоположность предшествовавшему времени, очень рѣдко встрѣчаются упоминанія о тѣлесномъ наказаніи рабочихъ, но пріисковые нравы были все таки очень суровы, и мѣстные представители полиціи, по просьбѣ золотопромышленниковъ, усердно истязали рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ, противозаконно доводя иногда число ударовъ до нѣсколькихъ сотенъ. Но сами рабочіе постепенно обнаруживали все менѣе готовности истязать другъ друга, и потому очень трудно было вырвать у артельной расправы приговоръ къ тѣлесному наказанію, а безъ такого приговора нельзя было высѣчь полноправнаго рабочаго; слѣдствіемъ этого было крайнее недовольство золотопромышленниковъ артельными расправами. Въ Олекминскомъ округѣ эти расправы постепенно совершенно вывелись, но за то и урядники, и горные исправники въ угоду золотопромышленникамъ съ большимъ усердіемъ сѣкли рабочихъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ не стѣснялись наказывать такимъ образомъ полноправныхъ рабочихъ безъ приговора артельной расправы (въ Витимской системѣ это продолжалось даже въ 90-хъ гг.). Грубое обращеніе пріисковыхъ служащихъ съ рабочими и кулачная расправа, хотя и въ меньшей степени, продолжали существовать на промыслахъ до самаго послѣдняго времени, но въ то же время среди рабочихъ начинаетъ уже развиваться чувство собственнаго достоинства, и бывають случаи, когда побои, наносимые какимъ либо управляющимъ пріисла, вызываютъ серьезное волненіе; продолжать то, что легко сходило съ рукъ въ 40-хъ и 50-хъ гг., теперь уже невозможно, хотя положеніе обѣихъ сторонъ очень неравное и защита рабочими своего человѣческаго достоинства обходится имъ очень дорого. Закономъ 1895 г. уничтожены артельныя расправы, и въ немъ вовсе не упоминается о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но горные исправники сохранили право подвергать имъ ссыльно-поселенцевъ на основаніи особыхъ узаконеній объ этихъ послѣднихъ.

Нанимая рабочихъ до извѣстнаго срока, золотопромышленники всегда предоставляли себѣ въ договорахъ право разсчитать рабо-

чаго по своему усмотрѣнію (только въ немногихъ договорахъ такое право предоставлялось хозяевамъ лишь въ случаѣ прекращенія работъ на пріискахъ), и этотъ преждевременный расчетъ являлся однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній для провинившагося въ чемъ либо рабочаго, тѣмъ болѣе, что съ 50-хъ гг. горные исправники начинаютъ высылать съ пріисковъ уволенныхъ рабочихъ. Въ 60-хъ гг. на нѣкоторыхъ пріискахъ Енисейскаго и Олекминскаго округовъ рассчитывали до срока отъ 3 до 4⁰/₁₀ рабочихъ; единственною уздою, сдерживавшею болѣе частое примѣненіе золотопромышленниками этой мѣры, служило то, что многіе изъ рабочихъ, которыхъ хозяевамъ хотѣлось бы рассчитать, еще не отработали своихъ задатковъ и заборовъ, сдѣланныхъ изъ пріисковыхъ лавокъ; тѣмъ не менѣе въ концѣ 80-хъ гг. въ Олекминскомъ округѣ досрочный расчетъ практиковался очень часто (въ среднемъ за три года въ 1887—89 гг. было рассчитано 1489 человекъ въ годъ, причемъ лишь 3,5⁰/₁₀ этого количества получили разрѣшеніе рассчитаться до срока по собственному желанію). Правда, по контракту 70-хъ гг., по которому нанимались вольнонаемные рабочие на Нерчинскіе золотые промыслы, пріисковое управленіе не могло отказать рабочему до срока безъ его согласія, если онъ не будетъ обвиненъ въ преступленіи или его лѣность и дурное поведеніе не будутъ засвидѣтельствованы артельною расправою, въ случаѣ же увольненія безъ соблюденія этихъ условій рабочему должно быть выдано содержаніе впередъ за три мѣсяца; но въ договорѣ 80-хъ гг. этотъ пунктъ измѣненъ не въ пользу рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ золотопромышленники предоставляли себѣ право досрочнаго расчета по своему усмотрѣнію и относительно старателей-золотничниковъ, и только въ нѣкоторыхъ договорахъ это право предоставляется пріисковому управленію лишь въ томъ случаѣ, если артель не окажетъ содѣйствія къ прекращенію безпорядка. Закономъ 1895 г. точно установлены причины, по которымъ какъ золотопромышленникъ можетъ отказать рабочему, такъ и рабочій отказаться до срока найма.

Горные исправники присвоили себѣ право составлять на основаніи неprovѣренныхъ аттестацій, даваемыхъ золотопромышленниками рабочимъ, списки людей, которыхъ не слѣдуетъ нанимать на

промыслы за ихъ дурное поведеніе; нѣкоторые исправники даже печатаютъ такіе списки и рассылаютъ ихъ золотопромышленникамъ даннаго округа къ руководству. Какъ велики бываютъ подобные списки, видно изъ того, что въ спискѣ, составленномъ горнымъ исправникомъ Томской губ. въ 1884—85 гг., названо было 719 человѣкъ. Такая мѣра совершенно противозаконна, и только составленіе списковъ бѣжавшихъ рабочихъ основывается на циркулярѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

Очень частымъ наказаніемъ рабочихъ за разныя провинности, а также за недоработку уроковъ, несвоевременную явку на прииски и проч. служатъ вычеты и штрафы. Штрафамъ подвергались и старатели-золотничники. По договорамъ Олекминскаго округа въ 80-хъ гг. штрафы съ общеконтрактныхъ рабочихъ доходили даже до 25 р. (въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ—за уклоненіе женъ рабочихъ отъ работъ, за рытье въ забояхъ съ цѣлью отысканія золота, за переноску спирта). На Амурскихъ приискахъ штрафы взымались въ 90-хъ гг. въ размѣрѣ до 10 р.

По закону 1895 г. взысканіе за отдѣльныя нарушенія порядка, налагаемая золотопромышленникомъ, не должны превышать на промыслахъ Олекминской системы и Амурской области 5 р., а на промыслахъ прочихъ мѣстностей—2-хъ р. ¹⁾, а сумма взысканій съ одного рабочаго не должна превосходить $\frac{1}{2}$ заработка ²⁾. Взысканія, наложенныя на полноправныхъ рабочихъ, поступаютъ въ капиталъ, предназначенный для вспомошествованія больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, а взысканія съ рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ поступаютъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ.

Горные исправники получали сначала ничтожное, позднѣе же небольшое по мѣстнымъ условіямъ жалованье отъ казны, но за то возна-

¹⁾ Недавно и въ Витимской системѣ дозволено взымать штрафы до 5 р. „Изв. Мин. Землед. и Госуд. Имущ.“ 1898 г., № 19, стр. 290. Размѣръ штрафовъ слишкомъ великъ; по германскому закону 1891 г. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ штрафъ не долженъ превышать половины дневнаго заработка. *Толмось*. „Очерки законодательства о трудѣ въ Германіи“. „Рус. Богат.“ 1898 г. № 4, стр. 190.

²⁾ Относительно другихъ горныхъ рабочихъ, не приисковыхъ, присутствіемъ по горнымъ дѣламъ при Горномъ Департаментѣ было разъяснено, что указываемая закономъ доля ($\frac{1}{2}$) относится къ суммѣ не всего заработка, а лишь той его части, которая выдается рабочему на руки, за удержаніемъ изъ заработка взысканій и долговъ. *Штофъ*, 370, 373.

граждали себя огромными субсидіями отъ золотопромышленниковъ, которые ни для кого, не исключая и высшей сибирской администраціи, не были секретомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ и они, и ихъ помощники, и урядники на промыслахъ отдѣльныхъ компаній были вѣрными слугами золотопромышленниковъ, и рабочіе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могли найти у нихъ защиту отъ притѣсненій со стороны хозяевъ. По вѣрному замѣчанію генералъ-губернатора Вост. Сиб. Синельникова, внимательно относившагося къ нуждамъ приисковыхъ рабочихъ, до высшаго начальства не доходило свѣдѣній о разныхъ злоупотребленіяхъ на приискахъ, такъ какъ лица, обязанныя наблюдать за порядкомъ, „были широко вознаграждаемы за молчаніе“. По другому, недавнему офіціальному свидѣтельству, полицейскіе стражники на приискахъ „въ сущности играютъ роль приисковыхъ приказчиковъ“. Побыры горныхъ исправниковъ съ золотопромышленниковъ были настолько всѣмъ извѣстны, что бывали случаи даже обращенія исправниковъ съ жалобами къ губернаторамъ въ случаѣ недостаточнаго, по мнѣнію исправника, поступленія этихъ поборовъ, или разныхъ недоразумѣній при дѣлѣ сборовъ съ его помощникомъ. Въ Витимской системѣ Лепскаго горнаго округа горный исправникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ получалъ отъ золотопромышленниковъ 18,000 р. въ годъ, а окружный инженеръ этого округа—10,000 р. Жандармскіе офицеры, въ прежнее время наблюдавшіе за приисками, также регулярно получали дары отъ золотопромышленниковъ, но такъ какъ они были болѣе независимы по своему служебному положенію, чѣмъ горные исправники, то все-таки чаще ихъ сообщали неблагопріятные факты относительно дѣйствій того или другого приискаго управленія. Въ 1897 г. въ Сибири открыты новые суды, и мировые судьи на приискахъ получаютъ добавочное содержаніе уже не непосредственно отъ золотопромышленниковъ, а по офіціальному требованію отъ нихъ со стороны администраціи, что дѣлаетъ ихъ совершенно независимыми отъ золотопромышленныхъ компаній; очевидно необходимо примѣнить ту же систему къ горнымъ исправникамъ и окружнымъ инженерамъ.

Въ приисковой рабочей средѣ существуетъ глухое недовольство, которое нерѣдко проявляется въ беспорядкахъ, многочисленныхъ побѣгахъ, насиліяхъ надъ служащими. Побѣги являлись наиболѣе

частою формою протеста рабочихъ противъ тяготѣвшаго надъ ними гнета. Въ половинѣ 30-хъ гг. съ разныхъ промысловъ Томской губерніи бѣжало 6—9% рабочихъ. Въ 40-хъ и 50-хъ гг. процентъ бѣжавшихъ не превышалъ на сибирскихъ промыслахъ 5, и только въ 1847 г. въ Западной Сибири бѣжало до 11% рабочихъ. Въ 60-хъ гг. лишь въ немногихъ округахъ, и то изрѣдка, количество бѣглыхъ подымалось до 6—7%, да къ тому же значительную часть, иногда четверть, бѣжавшихъ ловили. Въ Томской губерніи въ 70-хъ гг. процентъ бѣжавшихъ увеличивался иногда до 9, но за то и ловили изъ нихъ до 50%. Въ Енисейскомъ округѣ средній процентъ бѣжавшихъ равнялся въ сѣверно-енисейской системѣ въ 70-хъ гг.—3,8, въ 80-хъ—2,2%, въ южно-енисейской—въ 70-хъ гг.—6,8, въ 80-хъ—5,7%. Побѣги съ промысловъ Олекминскаго округа были менѣе значительны: въ 70-хъ гг. въ среднемъ 3,3%, въ первой половинѣ 80-хъ гг.—1,2%. Побѣги съ приисковъ Амурской области были еще менѣе значительны, такъ что жалобы золотопромышленниковъ въ этомъ отношеніи несправедливы, и побѣги значительно усиливались только во время постройки Сибирской желѣзной дороги ¹⁾. Напротивъ, побѣги каторжанъ съ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа доходили въ 60-хъ гг. до 20—29% работавшихъ на нихъ ссыльно-каторжныхъ.

Между приисковыми служащими и рабочими обыкновенно существовали дурныя, натянутыя отношенія; исполненіе непосильныхъ уроковъ на горныхъ работахъ и вообще ненормальныя условія ихъ жизни доводятъ рабочихъ до такого нервнаго состоянія, что кака-нибудь грубая выходка служащаго переполняетъ иной разъ чашу терпѣнія и доводитъ до убійства или вызываетъ волненіе всѣхъ рабочихъ того или другого прииска. Въ старые годы волненій на приискахъ было немного: довольно часты они были въ 30-хъ гг., и затѣмъ очень обширное волненіе разразилось въ Енисейскомъ округѣ въ 1842 г. Въ 60-хъ гг. они были явленіемъ весьма рѣдкимъ, но въ теченіе 25-лѣтія съ 1870 г. они сдѣлались болѣе частыми, такъ что за это время намъ извѣстно на сибирскихъ про-

¹⁾ На послѣднемъ сѣздѣ золотопромышленниковъ южно-енисейскаго горнаго округа въ Красноярскѣ было признано, что теперь „съ уменьшеніемъ задатковъ“ побѣги почти прекратились. „Вѣстн. Золот.“ 1898 г. № 3, стр. 65.

мыслахъ 45 волненій и стачекъ. Были случаи волненій и послѣ изданія закона 1895 г., и это доказываетъ недостаточность этого закона и необходимость новыхъ мѣръ для улучшенія быта приисковыхъ рабочихъ, и прежде всего распространенія и на нихъ обязанности воскреснаго отдыха и въ лѣтнее время, какъ это установлено относительно другихъ промышленныхъ рабочихъ закономъ 1897 г.

Въ нашемъ изслѣдованіи собрано очень много данныхъ относительно размѣра заработка рабочихъ въ теченіе всей операціи въ различныя эпохи существованія сибирской золотопромышленности; но такъ какъ количество рабочихъ дней извѣстно гораздо рѣже, то мы имѣемъ менѣе данныхъ о среднемъ дневномъ заработкѣ рабочихъ. Теперь мы сопоставимъ только имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о среднемъ заработкѣ рабочихъ въ одну поденщину. (*вездѣ на хозяйскомъ продовольствіи*), такъ какъ такимъ образомъ мы всего яснѣе увидимъ измѣненіе размѣра средней рабочей платы. Мы нашли, что введеніе машинъ для промывки золота, усилившееся во второй половинѣ 40-хъ гг., повело къ пониженію рабочей платы вмѣстѣ съ удлиненіемъ рабочаго дня ¹⁾. Это ясно видно и изъ среднихъ дневныхъ заработковъ рабочихъ на промыслахъ южно-енисейскаго округа. Въ 1843 г. средній дневной заработокъ рабочихъ на Провопьевскомъ приискѣ Асташева равнялся 43 к. с., въ 1847 г. на Казанскомъ приискѣ Асташева 37 к. с. и на Николаевскомъ приискѣ Заангарской К⁰ 27 к. с.,—въ среднемъ на этихъ трехъ приискахъ дневной заработокъ равнялся 36 к. Въ 1852 г. на приискѣ Удереиской К⁰ Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева средній заработокъ въ теченіе года равнялся 22 к. и на Казанскомъ приискѣ Асташева 27 к. (въ 1847 г. средній заработокъ на этомъ приискѣ былъ 37 к.); на Манскихъ приискахъ рабочіе поисковыхъ партій заработали въ среднемъ въ 1855 г.—37 к., въ 1856 г.—33 к. Взявъ среднюю изъ этихъ двухъ цифръ (35 к.) и присоединивъ къ ней данныя 1852 г. о двухъ приискахъ южно-енисейскаго округа, мы получимъ средній дневной заработокъ

¹⁾ См. ниже т. I нашего труда, стр. 161—164. Ср. *Марксъ*. „Капиталъ“, изд. 1898 г. т. I, стр. 352—358, 476—478.

въ первой половинѣ 50-хъ гг.—28 к., т.-е. почти на 20% ниже среднего дневного заработка 40-хъ гг.

Мы указали въ своемъ мѣстѣ на то, что это пониженіе рабочей платы (такъ же какъ и удлиненіе рабочаго дня) связано съ введеніемъ на золотыхъ промыслахъ машиннаго производства при промывкѣ золота. Но удлиненіе рабочаго дня продолжалось и позднѣе, пониженіе же рабочей платы было особенно замѣтно въ первой половинѣ 50-хъ гг. Это заставляетъ искать еще какихъ-либо добавочныхъ причинъ для объясненія этого явленія ¹⁾. Такою причиною временнаго пониженія рабочей платы или по крайней мѣрѣ поводомъ къ нему могло быть также значительное повышение въ это время подати съ золота. Положеніемъ о золотопромышленности въ Сибири 1838 г. установлена была подать съ нея въ размѣрѣ 15% валоваго сбора натурою; сверхъ того введенъ былъ особый сборъ для возмѣщенія расходовъ на содержаніе полиціи и воинскихъ командъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ: по 4 р. золотомъ съ фунта лигатурнаго золота. Черезъ 2 года процентная подать была усилена для новыхъ промышленниковъ ²⁾ до 24% въ мѣстности по системѣ р. Удерея (въ Енисейскомъ округѣ) и до 20% въ прочихъ мѣстахъ Восточной и Западной Сибири. Пофунтовый сборъ былъ возвышенъ въ 1843 г.: 4-хъ рублевый сборъ съ фунта золота положено было сохранить только для промысловъ, добывающихъ менѣе двухъ пудовъ золота въ годъ, съ добывающихъ же большее количество взималось отъ 5-ти до 8-ми р. съ фунта. Но вскорѣ такое обложеніе было признано неуравнительнымъ и несоразмѣрнымъ съ выгодами, доставляемыми болѣе или менѣе богатыми промыслами, почему въ 1849 г. была введена прогрессивная подать. Пріиски были раздѣлены по количеству го-

¹⁾ Нельзя не отмѣтить еще, что паденіе заработковъ пріисковыхъ рабочихъ въ первой половинѣ 50-хъ гг. совпадало съ рѣзкимъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, а возвышеніе ихъ въ слѣдующее десятилѣтіе съ возвышеніемъ этихъ цѣнъ. Это можетъ между прочимъ объясняться тѣмъ, что съ увеличеніемъ цѣнъ на хлѣбъ сибирскіе крестьяне должны были увеличивать свои запашки, и такимъ образомъ болѣе рабочихъ силъ отвлекалось къ земледѣлію, и цѣны на трудъ повышались.

²⁾ Получившихъ дозволеніе на поиски золота послѣ 1840 г. или отводы по истеченіи 3-хъ лѣтъ со дня обнародованія новыхъ правилъ.

довой добычи на 10 разрядовъ и обложены minimum (добывающіе 1—2 п. золота) 5⁰/₀ сбора и 4 р. съ фунта, а высшій разрядъ (болѣе 50 п.), считая и пофунтныи сборъ,—до 43⁰/₀ валоваго дохода. Можно думать, что, ссылаясь на это болѣе тяжелое обложеніе добычи золота и опираясь на усиленіе машиннаго производства при его промывкѣ, золотопромышленники и попытались уменьшить свои расходы особенно замѣтнымъ уменьшеніемъ рабочей платы въ первой половинѣ 50-хъ гг. Но указанная система обложенія удержалась недолго, и уже черезъ 5 лѣтъ послѣдовало значительное уменьшеніе податей для присковъ высшихъ разрядовъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го августа 1854 г., введеннымъ въ дѣйствіе съ 1855 г. въ видѣ опыта на три года, приски въ Сибири были раздѣлены на 4 разряда (по добычѣ отъ 1 золотника до 2-хъ пудовъ, отъ 2-хъ до 5-ти п., отъ 5-ти до 10-ти и свыше 10-ти пуд.), и соотвѣтственно этимъ разрядамъ была установлена подать въ 5, 10, 15 и 20⁰/₀ добычи и пофунтныи сборъ въ 4, 6, 8 и 10 р. золотомъ ¹⁾). Вслѣдъ за тѣмъ заработная плата, подъ вліяніемъ причинъ, на которыя мы укажемъ ниже, начинаетъ постепенно возвышаться.

Для 60-хъ гг. есть много данныхъ относительно заработковъ въ теченіе операціи въ южной части Енисейскаго округа, но къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній о количествѣ рабочихъ поденщинъ на томъ или другомъ прискѣ. Общая сумма заработковъ выше, чѣмъ въ первой половинѣ 50-хъ гг., и близка къ заработкамъ 40-хъ гг. Что касается средняго заработка въ поденщину, то на кабинетскихъ промыслахъ Алтайскаго округа вольнонаемные рабочіе зарабатывали въ 1863—70 гг. въ среднемъ 42 к. въ день. Въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ 1860 г. на Гавриловскомъ и Никольскомъ прискахъ К⁰ Рязанова, Горохова и Мошарова средній

¹⁾ Съ присковъ, отданныхъ по Всемилостивѣйшему пожалованію и въ качествѣ остатковъ ввизмалась еще добавочная подать: съ 3-го разряда 2⁰/₀, а съ 4-го—4⁰/₀ добычи.—Взиманіе податей съ золота съ самаго начала у насъ частной золотопромышленности, какъ и теперь, было связано съ обязательнымъ доставленіемъ всего добытаго металла въ петербургскій монетныи дворъ, гдѣ удерживалась подать, остальное же золото возвращалось промышленникамъ въ видѣ монеты. *А. Штофъ*. „Горныи подати на западѣ Европы и у насъ“. „Горн. Журн.“ 1889 г. № 10, стр. 137—139.

дневной заработокъ равнялся 65 к., и нужно думать, что размѣръ заработковъ въ сосѣднемъ округѣ едва-ли могъ быть значительно ниже. Въ Олекминскомъ округѣ на промыслахъ Прибрежно-Витимской К^о рабочіе зарабатывали въ 1866 г. въ день въ среднемъ по 61 к. Ссылно-каторжные (обыкновенно болѣе слабы физически, чѣмъ профессиональные приисковые рабочіе) зарабатывали въ 1876 г. на приискахъ К^о Промышленности (Олекминскаго округа) въ среднемъ по 53 к. въ день.

Для 80-хъ гг. мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ за извѣстное число лѣтъ, среднія данныя не относительно отдѣльныхъ промысловъ, а относительно цѣлыхъ золотоносныхъ системъ. Въ южной части Енисейскаго округа въ 1883 г. рабочіе зарабатывали въ среднемъ по 64 к., т.-е. гораздо болѣе, чѣмъ получали въ этомъ округѣ въ 40-хъ гг. (36 к.,—увеличеніе на 77⁰/₀) и первой половинѣ 50-хъ гг. (28 к.,—увеличеніе 128⁰/₀). Въ сѣверной части Енисейскаго округа рабочіе зарабатывали въ среднемъ въ 1881 г.—59 к., въ 1882 г.—64 к., въ 1883 г.—46 к., въ среднемъ за три года 56 к. Постепенное повышеніе заработковъ рабочихъ въ этой части Енисейскаго округа всего яснѣе изъ данныхъ за 11 лѣтъ (съ 1877 по 1887 г.) на приискахъ В. И. Базилевскаго: въ 1877—79 гг. дневной заработокъ на всѣхъ этихъ промыслахъ равнялся въ среднемъ 55 к., въ 1881—83 гг.—61 к. и въ 1884—87 гг.—67 к. (на 22⁰/₀ выше, чѣмъ въ концѣ 70-хъ гг. ¹⁾).

Въ Витимской системѣ Олекминскаго округа въ среднемъ за 1881—84 и 88 гг. дневной заработокъ равнялся 1 р., въ 1885 г. въ среднемъ за весь Олекминскій округъ 1 р. 6 к. и въ Олекминской системѣ этого округа въ среднемъ за 1883 и 84 гг.—86 к. Въ 1892 г. средній дневной заработокъ въ К^о Промышленности равнялся 1 р. 6 к., Бодайбинской К^о 1 р. 8 к. и Ленскаго Т-ва 1 р. 3 к., слѣдовательно въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ гг. средній заработокъ рабочихъ Олекминскаго округа (какъ и въ другихъ мѣстностяхъ—на хозяйскихъ харчахъ) можно принять въ 1 р. Такъ какъ въ 1866 г. въ К^о Промышленности рабочіе зарабаты-

¹⁾ Заработокъ старателей-золотничниковъ на приискѣ К^о Малевинскаго сѣверно-енисейскаго округа равнялся въ 1875 г. (за вычетомъ истратенныхъ ими на продовольствіе 36 к. въ день)—1 р. 7 к.

вали въ среднемъ 61 к., то значительное повышеніе денежныхъ заработковъ съ того времени (на 65⁰/₀) несомнѣнно.

Въ Амурской области заработки рабочихъ также повысились. Въ Верхне-Амурской К⁰ они зарабатывали въ 1880 г. въ среднемъ 1 р. 3 к., въ 1881—84 гг.—1 р. 12 к.—1 р. 29 к., въ Зейскихъ КК⁰ въ 1882 г.—96 к., въ 90-хъ гг. въ среднемъ 1 р. 31 к. Повышеніе заработковъ особенно видно на промыслахъ Ниманской К⁰: въ 1877 г. средній дневной заработокъ равнялся 68 к., въ 1878—79 гг.—83 к., въ 1880—81 гг.—91 к., а затѣмъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ уроковъ, заработокъ еще болѣе увеличился и въ 1882—86 гг. равнялся 1 р. 9 к.—1 р. 31 к. Были впрочемъ на нѣкоторыхъ амурскихъ пріискахъ заработки и менѣе значительные: въ 1885—86 гг. на пріискахъ Бутинныхъ 81 к., Тетюкова 68—69 к.

Что касается средняго дневного заработка на промыслахъ Западной Сибири, то было вычислено, что въ 1893 г. на трехъ пріискахъ Буткевича Маріинскаго округа средній заработокъ равнялся 45 к., а на 5 другихъ пріискахъ—48 к. Сопоставивъ этотъ дневной заработокъ съ общою ничтожною суммою заработковъ на промыслахъ Западной Сибири начала 40-хъ гг. мы увидимъ, что и здѣсь денежная рабочая плата повысилась.

Общая сумма заработковъ рабочихъ нѣсколько повышалась тайнымъ хищеніемъ золота, но учеть величину этой прибавки, разумѣется, невозможно.

Денежная плата несомнѣнно повысилась, но нужно обратить вниманіе на то, повысилась ли реальная плата, а для этого нужно принять во вниманіе измѣненіе цѣнъ въ Сибири, и особенно цѣнъ на предметы продовольствія.

По даннымъ, собраннымъ А. А. Кауфманомъ, за 50 лѣтъ на томскомъ рынкѣ ¹⁾ среднія цѣны за пудъ равнялись:

¹⁾ „Матеріалы для изученія эконом. быта крестьянъ Западн. Сибири“. Вып. XIV. А. А. Кауфманъ. „Экон. бытъ крест. восточ. ч. Томск. окр. и сѣв.-зап. ч. Мар. окр.“, Спб. 1892 г., стр. 504—512, 515; „Сибирь и вел. Сиб. жел. дор.“, изд. 25, Спб. 1896 г., стр. 123.

Годы.	Ржаная мука.	Пшенич- ная мука.	Овесъ.	Масло.	
	К о п ѣ й к и.			Руб.	Коп.
1840—43	45	73	40	—	—
1845—49	42	84	49	—	—
1850—54	19	31	20	—	—
1855—59	33	46	28	—	—
1860—64	43	67	36	—	—
1865—69	59	91	56	5	58
1870—74	31	66	33	7	35
1875—79	32	54	34	6	62
1880—84	58	86	43	7	88
1885—89	60	86	44	7	49

Изъ этой таблицы видно, что въ 80-хъ гг. цѣны на ржаную и пшеничную муку на томскомъ рынкѣ были выше, чѣмъ когда-либо съ начала 40-хъ гг., за исключеніемъ второй половины 60-хъ гг.; сравнительно съ первой половиною 60-хъ гг. цѣна ржаной муки во второй половинѣ 80-хъ гг. была выше на 39%, цѣна пшеничной муки—на 28%, цѣна овса—на 22%, сравнительно со второю половиною 60-хъ гг. цѣна масла повысилась на 32%.

И въ Восточной Сибири цѣны на пшеничную муку, овесъ и гречневую крупу значительно возрасли. По даннымъ интендантскаго вѣдомства ¹⁾ четверть въ Восточно-Сиб. округѣ стоила въ среднемъ:

Годы.	Ржаная мука.		Овесъ.		Гречневая крупа.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1865—69	10	9	5	32	12	75
1870—74	9	41	6	41	11	85
1875—79	10	90	6	1	13	57
1880—83	12	86	7	72	16	17

¹⁾ „Цѣны на провіантъ и фуражъ по свѣдѣніямъ интендантскаго вѣдомства“. „Временникъ центр. стат. ком. М. В. Д.“ 1889 г., № 4, стр. 9—13.

И такъ цѣны ржаной муки и гречневой крупы въ первой половинѣ 80-хъ гг. были выше сравнительно со второю половиною 60-хъ гг. на 27⁰%, а овса—на 45⁰%. Въ Енисейской губ. цѣны на ржаную муку и овесъ во вторую половину 80-хъ гг. были еще выше, чѣмъ въ первую: въ 1880—85 гг. средняя цѣна пуда ржаной муки въ Красноярскѣ равнялись 71 к., а въ 1885—90 гг.—80 к., пудъ овса тамъ же въ 1880—85 гг.—65 к., въ 1885—1890 гг.—68 к.¹⁾ Возвышеніе цѣнъ на хлѣба было отмѣчено статистиками и въ Иркутской губ., а именно въ концѣ 60-хъ гг. въ Балаганскомъ округѣ цѣна пуда ржи равнялась 65 к., а въ концѣ 80-хъ гг.—89 к.²⁾, т.-е увеличилась на 37⁰%.

Мы видимъ, слѣдовательно, что и сравнительно съ 40-ми годами, и сравнительно съ 60-ми цѣны названныхъ предметовъ продовольствія, если и возрасли, то въ меньшей степени, чѣмъ рабочая плата. Пріисковыя таксы³⁾ показываютъ, что если цѣны однихъ предметовъ (черкасскій табакъ, холстъ, обувь, рукавицы) значительно повысились, то за то цѣны другихъ (сахаръ) упали. Все это заставляетъ насъ придти къ выводу, что не только денежная, но и реальная плата пріисковыхъ рабочихъ возрасла; между прочимъ это выражалось и въ улучшеніи ихъ продовольствія на пріискахъ. Но теперь, съ переводомъ во многихъ мѣстахъ рабочихъ на собственное продовольствіе, причемъ золотопромышленныя компаніи далеко не всегда достаточно вознаграждаютъ ихъ за лишеніе хозяйскихъ харчей, можно опасаться, что реальная рабочая плата понизится, тѣмъ болѣе, что понижать плату даетъ возможность наплывъ рабочихъ на промыслы. Указывая на повышеніе рабочей платы, нужно однако помнить, что размѣръ уроковъ на горныхъ работахъ постепенно возрасталъ и слѣдовательно большее вознагражденіе получалось за трудъ болѣе напряженный, чѣмъ прежде⁴⁾.

¹⁾ „Матеріалы по изслѣдов. землед. и хозяйств. быта сельск. нас. Енис. губ.“ т. IV, в. 6-й, стр. 51.

²⁾ „Матер. по изслѣд. землед. и хоз. быта сельск. нас. Иркут. и Енис. губ. Иркутск. губ.“, т. II, в. 4-й, стр. 275.

³⁾ См. ниже, т. I, стр. 554—555. т. II, стр. 883, 900—903.

⁴⁾ Исторія рабочей платы въ Европейской Россіи требуетъ еще внимательнаго, подробнаго изученія, въ Европѣ же и въ Америкѣ въ XIX вѣкѣ она

Для объясненія причинъ повышенія рабочей платы, особенно замѣтнаго на пріискахъ Восточной Сибири, укажемъ, во-первыхъ, на то, что рабочая плата повысилась и въ другихъ отрасляхъ труда, а именно въ земледѣліи. Изслѣдованіе хозяйственнаго быта крестьянъ и инородцевъ Иркутской губ., результаты котораго были опубликованы въ 1890 г., показало, что при годовомъ наймѣ плата повысилась за послѣднія 20 лѣтъ, судя по большинству показаній, процентовъ на 70, а по отдѣльнымъ мѣстностямъ отъ 40 до 100

несомнѣнно повысилась. См. объ этомъ слѣдующія сочиненія: *Bauregard*, *Essai sur la théorie du salaire. La main d'oeuvre et son prix*, P. 1877; *Em. Chevalier*, *Les salaires au XIX siècle*. P. 1887; *Levasseur*, *L'ouvrier américain*, P. 1898. 2 vols; *Levasseur*. *La population française*, t. III-me (P. 1892), p. 87—101 (здѣсь есть любопытныя картограммы повышенія рабочей платы въ связи съ измѣненіемъ цѣнъ съѣстныхъ припасовъ). О повышеніи рабочей платы въ Англіи см. *Giffen*, *The progress of the working classes in the last half century*, L. 1884; ср. *Шульце-Геверницъ*, „Крупное производство“. Спб. 1897, стр. 178); *Leone Levi*, *Wages and earnings of the working classes*, 1885. Срав. любопытныя данныя объ измѣненіи рабочей платы англійскихъ углекоповъ въ связи съ измѣненіемъ стоимости продовольствія рабочаго у *R. Nasse* и *Krümmer*, *Die Bergarbeiter-Verhältnisse in Grossbritannien*, 1891, S. 10.

Въ Санъ-Франциско (въ Калифорніи) послѣ открытія тамъ золота въ 1853—54 гг. рабочая плата была одно время особенно высока, отъ 8 шилл. до 2 ф. стерл. въ день (но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно поднялась и цѣна съѣстныхъ припасовъ), затѣмъ тѣ и другія цѣны сдѣлались болѣе нормальными. *Tooke* и *Newmarch*. *Die Geschichte u. Bestimmung der Preise*, 1862, II Bd., 755. Въ 1880 г. въ рудникахъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Сѣвер. Америк. Штатахъ средняя рабочая плата (на своемъ продовольствіи) равнялась 1,42 фр. въ часъ или за 10 часовъ работы—14,2 франка (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжительность рабочаго дня вслѣдствіе неудобствъ работы и высокой температуры понижалась до 8 и даже до 6 часовъ). На тамошнихъ пріискахъ рабочіе получали отъ 14,6 до 21,2 фр. въ день. Въ рудникахъ знаменитой жилы Комстоуъ, гдѣ работа вслѣдствіе высокой температуры рудничнаго воздуха очень затруднительна, платили еще больше: въ 1880 г. простые рабочіе и мастеровые получали тамъ отъ 18,7 до 31,8 фр. въ день; но продовольствіе здѣсь очень дорого. „Вѣст. Зол.“ 1894. № 4, стр. 90. Въ 1894 г. въ рудникахъ штата Монтана рабочіе получали въ день отъ 2,72 доллара до 4 и даже 5 долл. въ день. *Levasseur*. „L'ouvrier américain“, I, 340. Въ Австраліи въ разныхъ мѣстахъ плата рабочимъ въ золотыхъ рудникахъ полагается въ настоящее время отъ 7 до 12 шилл. въ день. (*Перро*. „Золотопромысл. въ Австраліи“, Спб. 1896, стр. 52, 76), а на Западѣ Австраліи отъ 14,6 до 16,6 франковъ въ день (*Leroy-Beaulieu*. „Les nouvelles sociétés Anglo-Saxonnes“, p. 68). Въ золотыхъ рудникахъ Трансвааля плата бывшимъ рабочимъ—15 шилл. (19 фр.) въ день при готовомъ помѣщеніи и даже 20—25 фр. мастеровымъ. Негры при готовомъ помѣщеніи и хозяйскихъ харчахъ получаютъ тамъ 3 ф. стерл. или 75 фр. въ мѣсяцъ. *Leroy-Beaulieu*, 307, 356, 358, 369—370.

и даже болѣе $\%$ ¹⁾). Естественно, что, имѣя возможность получить повышенную плату въ деревняхъ, рабочіе не соглашались идти на пріиски иначе, какъ за плату, также болѣе сравнительно съ прежнимъ временемъ. Вторую причину повышенія платы на хозяйскихъ работахъ составляетъ появленіе въ первой половинѣ 60-хъ гг. старателей - золотничниковъ, которые дѣлали конкуренцію промысламъ, разрабатывавшимся наемнымъ трудомъ, а также сильное развитіе спиртоносничества заставляло увеличивать плату за подъемное золото. Третьею причиною общаго повышенія рабочей платы на промыслахъ было паденіе нашего вексельнаго курса, т. е. повышение цѣны на золото, особенно замѣтное съ конца 70-хъ гг. ²⁾). Наконецъ причиною повышенія рабочей платы могло быть то, что среди пріисковыхъ рабочихъ все уменьшался процентъ ссыльно-поселенцевъ, которые при началѣ сибирской золотопромышленности представляли пролетаріатъ, служившій наиболѣе удобнымъ средствомъ для созданія крупной золотопромышленности. Рабочіе изъ крестьянъ являлись все-таки не такимъ сговорчивымъ элементомъ, какъ бездомные поселенцы.

Что касается барышей золотопромышленниковъ, то въ 40-хъ и 50-хъ гг. мы встрѣчаемъ доходы съ предпріятій въ 100—200 $\%$; въ 1891 г., по приблизительному вычисленію г. Герасимова, средняя прибыль золотопромышленниковъ, за вычетомъ податей натурую, равнялась на промыслахъ Забайкальской области 24 $\%$, Якутской области—29 $\%$, въ Амурской и Приморской областяхъ—49 $\%$ ³⁾). По вычисленію г. Штофа, въ восточно-сибирскимъ округахъ, кромѣ Енисейской губ., доходъ золотопромышленниковъ равенъ въ среднемъ 36 $\%$, въ Западной Сибири—26 $\%$ ⁴⁾). Но въ отдѣльных компаніяхъ и въ послѣднее время доходъ гораздо выше. Такъ КК⁰ Промышленности и Прибрежно-Витимская (Ленскаго горнаго округа) получили въ 1880 г. чистаго дохода—106 $\%$, въ

¹⁾ „Матеріалы по изслѣдов. землепольз. и хоз. быта сельск. населенія Иркут. и Енис. губ. Иркутская губ.“, т. II, в. 4, стр. 214.

²⁾ И. Кауфманъ. „Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ. 1841—90“. „Временн. центр. стат. комит. М. Вн. Дѣл“, 1892 г. № 22.

³⁾ „Труды Комис. Высоч. утв. для собр. свѣд. о сиб. золотопр.“, Спб. 1896 г. Зап. горн. инж. Герасимова, стр. 25—26.

⁴⁾ „Вѣстн. Золотопр.“ 1897 г. № 13, стр. 290.

1882 г.—86%, а въ среднемъ за 14 лѣтъ около 58%. Въ Амурской области Ниманская К^о въ 1881 г. имѣла 87% чистой прибыли, Верхне-Амурская К^о въ 1886 г.—100% и Зейская въ томъ же году даже 171%; Зейскія КК^о имѣли въ 1890—94 гг. барыша каждая въ среднемъ отъ 28 до 162%, а всѣ въ среднемъ за пять лѣтъ 90%.

Весьма значительную часть своего заработка рабочіе оставляли на промыслахъ, забирая изъ присконовыхъ лавокъ одежду и припасы; тотъ остатокъ отъ заработка, который они получали при расчетѣ деньгами, называется на прискахъ „додачею“. Въ 40-хъ гг. на прискахъ Восточной Сибири наиболѣе обыкновенный размѣръ додачи равнялся 30—40 р. Въ 50-хъ гг., насколько можно судить по нѣкоторымъ расчетнымъ книгамъ южно-енисейскихъ промысловъ, рабочіе меньшую долю заработка выносили съ присконовъ. На Олекминскихъ прискахъ среднюю додачею въ это время считали 40 р. Въ началѣ 60-хъ гг. въ южно-енисейскомъ округѣ рабочіе еще меньшій процентъ заработка выносили съ промысловъ, чѣмъ въ два предшествовавшія десятилѣтія, и средній размѣръ додачи всѣхъ рабочихъ, ее получившихъ, колебался отъ 15 до 47 р. Вольнонаемные рабочіе на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ тратили въ 60-хъ гг. въ среднемъ 40% своего заработка на заборъ изъ присконовыхъ лавокъ; средній размѣръ додачи равнялся тамъ почти 46 р., но ее получили лишь около 60% всѣхъ рабочихъ. Въ началѣ 90-хъ гг. средняя додача на промыслахъ Марининскаго округа Томской губ. равнялась 30 р., а на 48 прискахъ Алтайскаго округа въ 1894 г.—48 р. На промыслахъ Енисейскаго округа въ 80-хъ гг. рабочіе отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ всего заработка тратили на приобрѣтеніе вещей и припасовъ въ присконовыхъ лавкахъ, а додача составляла $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ всего заработка. Если раздѣлить всѣ выданныя рабочимъ при расчетѣ деньги на всѣхъ рабочихъ (хотя бы и не получившихъ додачи), то окажется, что такая средняя додача равнялась на промыслахъ сѣверно-енисейской системы въ 1881 г.—25 р., въ 1882 г.—29 р.; въ слѣдующіе годы додача рассчитана вмѣстѣ съ денежною выдачею во время работъ на прискахъ „на надобности рабочихъ“; такимъ образомъ деньгами на прискахъ и при расчетѣ было выдано въ

1883—89 гг. отъ 33 до 41 р. (при этомъ расчетъ не исключались и старатели-золотничники). На промыслахъ южно-енисейской системы одной додачи было получено рабочими въ среднемъ въ 1883—85 гг. отъ 39 до 52 р., въ 1894 г. на 47 прискахъ по 47 р. На прискахъ до расчета рабочіе могли получить деньгами лишь весьма небольшую часть заработка. На прискахъ Олекминскаго округа заработокъ рабочихъ распредѣлялся въ 80-хъ гг. такимъ образомъ: въ уплату податей и своимъ семействамъ рабочіе отправляли деньгами съ промысловъ Витимской системы отъ 6,8 почти до 14% заработка, въ Олекминской системѣ отъ 6 до 8,8%; было отослано ими на сбереженіе въ „банковыя учрежденія“ въ Витимской системѣ отъ 1 до 5%, въ Олекминской около 2%; выдано на прискахъ товарами и припасами въ Витимской системѣ отъ 27 до 59%, въ Олекминской отъ 40 до 65%, при чемъ процентъ забора на прискахъ въ концѣ 80-хъ гг. выше, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія. Додача составляла въ Витимской системѣ отъ 24 до 56%, въ Олекминской отъ 19 до 47%, при чемъ додача въ концѣ 80-хъ гг. была менѣе, чѣмъ въ первой половинѣ этого десятилѣтія. Средній чистый заработокъ всѣхъ рабочихъ (за исключеніемъ долговъ) составлялъ въ Витимской системѣ въ 1887 г.—87 р.; въ 1888 г.—31 р., въ 1889 г.—47 р., въ Олекминской системѣ въ 1887 г.—86 р., въ 1888 г.—30 р., въ 1889 г.—46 р. Слѣдовательно не особенно большія богатства выносили рабочіе съ этой богатой золотоносной системы. На промыслахъ Амурской области въ 1881—86, 92—93 гг. сумма, выданная въ задатокъ, составляла отъ 6 до 33% всего заработка, отосланная съ присковъ на подати и семействамъ рабочихъ равнялась 2—16%, выданная на руки деньгами, вещами и припасами во время работъ 24—76%, наконецъ додача составляла 10—40% заработка. Изъ этого видно, какую небольшую часть заработка составляла додача.

Въ законѣ 1822 г., на основаніи котораго первоначально производился наемъ рабочихъ на сибирскіе промыслы, было (согласно правилу общихъ законовъ, что крестьянамъ запрещается безъ разрѣшенія начальства вѣрить болѣе чѣмъ на 5 р. асс.) сказано, что если работникъ остается долженъ хозяину болѣе 5 р. асс.,

то этотъ долгъ не подлежитъ взысканію, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ дозволенія начальства и вопреки закону. Но правило это никогда не соблюдалось на сибирскихъ пріискахъ. По закону 1838 г. деньги, выдаваемые впередъ, не должны были превышать всей платы по договору (а задатки ссыльно-поселенцевъ—25 р. асс.), но правило это также не соблюдалось. Въ 1853 г. Главное Управление Восточной Сибири сдѣлало распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали взятыхъ у промышленника денегъ (по причинѣ болѣзни, неявки на промыслы или побѣга съ нихъ), если заборъ деньгами и вещами не превышалъ ихъ годовой платы, не было даваемо дозволенія для найма къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ этихъ денегъ у прежнихъ хозяевъ или не заплатятъ имъ долга. На промыслахъ южной части Енисейскаго округа въ 1862 г. 38% рабочихъ остались должниками, при чемъ средній размѣръ долга равнялся почти 25 р., и, по выраженію енисейскаго жандармскаго штабъ-офицера, рабочіе на промыслахъ „не зарабатывали деньги, а отработывали долги“. На Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ въ 1863—71 гг. около 25% рабочихъ нанимались со старымъ долгомъ, и въ среднемъ долгъ ихъ былъ около 30 р.

По Уставу о золотопромышленности 1870 г. репрессивныя мѣры относительно рабочихъ-должниковъ допускались лишь въ томъ случаѣ, если они были изъ ссыльно-поселенцевъ, а именно ссыльно-поселенцу, оставшемуся въ долгу по найму на пріискѣ, паспортъ не долженъ былъ выдаваться до уплаты имъ долга, и наняться къ другому золотопромышленнику дозволялось не иначе, какъ если этотъ послѣдній приметъ на себя долгъ прежнему хозяину. Пользуясь этою статьею закона, мѣстная администрація стала понуждать отработывать долги не только ссыльно-поселенцевъ, но и полноправныхъ рабочихъ. Такъ было, напримѣръ, въ 1872 г. на пріискахъ Олекминскаго округа. Въ 1874 г. Главное Управление Восточной Сибири предписало, чтобы въ особыхъ шнуровыхъ книгахъ волостныхъ правленій записывались долги рабочихъ и до отработки ихъ не дозволялось должникамъ наниматься въ другія компаніи, если только долги не будутъ взыскиваемы при самомъ наймѣ. При этомъ не было сдѣлано различія между ссыльно-поселенцами и полноправ-

ными рабочими, хотя такіе мѣры допускались закономъ 1870 г. только относительно первыхъ. Золотопромышленники жаловались обыкновенно, что за рабочими остаются слишкомъ большія суммы, но это несправедливо. Въ началѣ 90-хъ гг. долги, оставшіеся за рабочими на пріискахъ Томской губ., составляли лишь около 1% всѣхъ пріисковыхъ расходовъ, и въ среднемъ на каждаго годового рабочаго (считая всѣхъ рабочихъ, а не однихъ должниковъ) оставалось отъ 2 р. 80 к. до 5 р. 40 к. долгу, что составляло ничтожный накладной расходъ, да и то еще часть этихъ долговъ впоследствии отработывалась. Въ Сѣверно-енисейскомъ округѣ, считая однихъ должниковъ (неявившихся, умершихъ, бѣжавшихъ, рассчитанныхъ до срока) въ среднемъ за каждымъ изъ нихъ (въ 1881—86, 88—89 гг.) пришлось 37 р. долгу, а въ южно-енисейскомъ округѣ (въ 1883—5 и 88 гг.) — 45 р.; если же выдѣлить должниковъ, проработавшихъ до расчета, то средній размѣръ ихъ долга за указанные годы равнялся въ сѣверной и южной частяхъ Енисейскаго округа 29 р. На Амурскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 80-хъ гг. оставалось въ долгу за рабочими въ разныхъ компаніяхъ отъ 1 до 4% всей суммы, выданной рабочимъ.

Расчетъ между хозяевами и рабочими производится на пріискахъ по окончаніи операціи, и только ничтожную часть заработка удается рабочимъ получить деньгами до расчета (и то обыкновенно не на руки). Это имѣетъ для рабочаго большія неудобства, такъ какъ, получая сразу всю додachu, онъ легче подвергается соблазну растратить ее по окончаніи утомительнаго труда ¹⁾. Попытка ген.-губ. В. С. Синельникова, предложившаго рабочимъ отдавать на сохраненіе ихъ заработка командированнымъ чиновникамъ, была слишкомъ непрактична и не имѣла серьезныхъ результатовъ, а дозволеніе (съ тою же цѣлью охраненія заработка) выдавать рабочимъ вмѣсто денегъ квитанціи повело къ злоупотребленіямъ со

¹⁾ Такой порядокъ расчета, донинѣ существующій на золотыхъ промыслахъ, встрѣчался прежде и на нѣкоторыхъ фабрикахъ центральной Россіи: въ теченіе всего года (до окончанія срока найма) деньги не выдавались рабочему на руки, а если онъ былъ нуженъ для уплаты податей, то отсылались прямо волостнымъ старшинамъ или старостамъ (*Джжмз.* „Фабричн. бытъ Моск. губ.“, 91). Теперь законъ предписываетъ на фабрикахъ производить расчетъ не рѣже одного раза въ мѣсяцъ (ст. 97 Устава о Промышл. 1893).

стороны золотопромышленниковъ Восточной Сибири. Въ Маринскомъ округѣ нѣкоторые золотопромышленники навязываютъ рабочимъ при расчетѣ ненужные имъ товары.

Очень много говорили и писали про страшные кутежи рабочихъ осенью по окончаніи пріисковой операціи, но причиною этого были тѣ ненормальныя условія, въ которыхъ рабочіе жили на пріискахъ: переутомленные непосильнымъ трудомъ, лишенные на пріискахъ семьи (ссылно-поселенцы часто и вовсе не имѣли ея), они бросались въ омутъ разврата, чтобы хоть на нѣсколько дней забыть о своемъ грустномъ существованіи. Въ 50-хъ гг. нѣкоторые золотопромышленники, бывшіе въ то же время и откупщиками, сами толкали рабочихъ къ пьянству и кутежамъ, назначая мѣстомъ расчета свои кабаки, расположенные при выходѣ изъ пріисковаго района. Заработки могли нерѣдко пропиваться не оттого, что они были слишкомъ велики, а оттого, что были слишкомъ малы; при среднемъ размѣрѣ додачи въ три-четыре десятка рублей было не мало рабочихъ, получившихъ самую ничтожную сумму, съ которою нечего было дѣлать, какъ только пропить, чтобы затѣмъ вновь наняться на промыслы. Своими криками о кутежахъ рабочихъ золотопромышленники направили администрацію на ложный слѣдъ, и послѣдняя принимала цѣлый рядъ мѣръ, одна другой непрактичнѣе, начиная отъ сопровожденія рабочихъ подъ охраною полиціи, которая обирала опьянѣвшихъ рабочихъ, и кончая тѣмъ, что возвращавшимся рабочимъ запрещалось входить въ нѣкоторые населенныя мѣста, какъ напр. г. Енисейскъ, потому что они могли пропить свой заработокъ, между тѣмъ какъ нужно было измѣнить положеніе рабочихъ на пріискахъ, и тогда кутежи должны были сами собою ослабѣть. Улучшеніе до нѣкоторой степени стало замѣтно лишь съ того времени, когда администрація Восточной Сибири, начиная съ 70-хъ гг., стала обнаруживать нѣкоторую заботливость объ улучшеніи быта рабочихъ. На промыслахъ Олекминскаго округа была принята очень важная мѣра: золотопромышленники были понуждены вывозить выходящихъ съ промысловъ рабочихъ на значительное разстояніе на своихъ или нанятыхъ пароходахъ, какъ они дѣлаютъ это и въ Амурской области.

Для регулированія положенія рабочихъ на сибирскихъ золо-

тыхъ промыслахъ были изданы четыре главнѣйшихъ закона: Положеніе о частной золотопромышленности въ Сибири 1838 г., Уставъ о золотопромышленности 1870 г., законъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы и общій законъ 2-го іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Положеніе о частной золотопромышленности въ Сибири 1838 г., несмотря на всѣ его недостатки, все-таки болѣе защищало рабочихъ отъ эксплуатаціи со стороны хозяевъ, чѣмъ позднѣйшій Уставъ о частной золотопромышленности 1870 г. Въ первомъ, въ виду суровости сибирскаго климата, былъ опредѣленъ срокъ осенней промывки золота (10 сентября), и дальнѣйшую промывку дозволялось производить только въ теплыхъ промывальняхъ, тогда какъ во второмъ такое ограниченіе отсутствуетъ; въ законѣ 1838 г. установленъ максимумъ количества рабочихъ часовъ (правда, только для урочныхъ работъ), котораго вовсе не указано въ Уставѣ 1870 г., запрещены урочныя работы ночью и по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, между тѣмъ какъ въ 1870 г. эти ограниченія также уничтожены, сдѣлана была попытка (хотя и недостигшая цѣли) охранить хотя часть заработка ссыльно-поселенцевъ отъ растраты при возвращеніи съ присковъ и, наконецъ, хотя и не былъ узаконенъ административный надзоръ за установленіемъ цѣнъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ изъ присковыхъ лавокъ, но одинъ параграфъ этого закона скоро вызвалъ утвержденіе присковыхъ таксъ администраціею, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири (въ Восточной гораздо позднѣе).

Правила о наймѣ рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г. не только не представляли почти никакихъ улучшеній сравнительно съ закономъ 1838 г. въ дѣлѣ регулированія положенія рабочихъ, но, какъ было уже указано, были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже шагомъ назадъ: мы не находимъ въ нихъ ни одного изъ указанныхъ постановленій закона 1838 г., имѣвшихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ. Правда, нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ могли быть признаны недостигающими цѣли, но новый законъ, благодаря тому, что въ составленіи его участвовали представители золотопромышленниковъ и нѣкоторые защитники теоріи невмѣшательства государства, игнорировалъ уже назрѣвшія

потребности рабочих: онъ не опредѣлялъ продолжительности рабочаго дня, не ограничивалъ труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣлялъ размѣра пищевого довольствія рабочихъ, состоявшихъ на хозяйственныхъ харчахъ и пр. Впрочемъ эти недостатки закона 1870 г. во многихъ отношеніяхъ объясняются крайнею неудовлетворительностью тогдашняго общаго фабричнаго законодательства въ Россіи. Полезнымъ нововведеніемъ въ правилахъ 1870 г. было только опредѣленіе вознагражденія за увѣчые.

Главнѣйшія измѣненія, введенныя закономъ 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, состоятъ въ слѣдующемъ: соблюденіе порядка и благоустройства на золотыхъ промыслахъ было поставлено подъ надзоръ присутствій по горнозаводскимъ дѣламъ, имъ же предоставлена охрана наиболѣе существенныхъ интересовъ рабочихъ. Были указаны уважительныя причины неяви рабочихъ на промыслы, а также расторженія договора обѣими договаривающимися сторонами. Упразднены партіонныя расправы, разбиравшія до тѣхъ поръ дѣла о маловажныхъ проступкахъ рабочихъ; взаимно этого золотопромышленникамъ дано право подвергать рабочихъ денежнымъ взысканіямъ за точно-обозначенныя въ законѣ нарушенія договора. Съ другой стороны, окружнымъ инженерамъ и горнымъ исправникамъ предоставлено право налагать на завѣдующихъ промыслами денежные взысканія въ административномъ порядкѣ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Тѣ и другія взысканія поступаютъ въ капиталъ для выдачи пособій больнымъ и увѣчнымъ горнымъ рабочимъ, но взысканія съ поселенцевъ идутъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ. Установлено обязательное празднованіе воскресеній съ 1-го октября по 1-ое апрѣля, а въ остальные мѣсяцы рабочимъ дано право на два дня отдыха въ мѣсяцъ. Запрещено включеніе въ договоръ условія о передачѣ рабочихъ отъ одного предпринимателя другому. Отмѣнена большая часть особыхъ постановленій Горнаго устава о наймѣ ссыльно-поселенцевъ, и на нихъ распространены общія правила о наймѣ рабочихъ съ сохраненіемъ лишь немногихъ особенностей. Горнозаводскія присутствія, въ составѣ которыхъ есть два представителя золотопромышленниковъ, но нѣтъ представителей рабочихъ, должны были издать обязательныя постановленія о пищевомъ довольствіи рабочихъ, полу-

чающихъ пищу отъ нанимателя на прискахъ на пути къ нимъ или при возвращеніи съ нихъ, о выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій, о мѣрахъ къ охраненію жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ промысловыхъ зданіяхъ, а также относительно продовольствія больныхъ рабочихъ и оказанія имъ врачебной помощи, о доставкѣ рабочихъ по окончаніи операціи на средства промышленниковъ съ системъ промысловъ, отдаленныхъ отъ населенныхъ мѣстъ до жилыхъ пунктовъ; они должны утверждать росписанія предметовъ, допускаемыхъ въ продажу рабочимъ изъ промысловыхъ лавокъ, а также разсматривать утвержденныя окружными инженерами таксы на эти предметы, утверждать табели взысканій съ рабочихъ и проч. Такимъ образомъ важнѣйшія стороны жизни присковыхъ рабочихъ регулированы не закономъ, а обязательными постановленіями горнозаводскихъ присутствій. Все, что составляетъ въ этомъ законѣ улучшение сравнительно съ Уставомъ о золотопромышленности 1870 г., есть лишь примѣненіе къ присковымъ рабочимъ правилъ общаго фабричнаго законодательства, горное же вѣдомство не сдѣлало ни шагу впередъ сравнительно съ общими законами о промышленномъ трудѣ и мало считалось съ потребностями, создаваемыми особенностями быта присковыхъ рабочихъ, предоставивъ регулированіе этихъ особенностей горнозаводскимъ присутствіямъ. Томское присутствіе уже опубликовало составленныя имъ обязательныя постановленія; нѣкоторые изъ нихъ, при всей ихъ умѣренности, вызвали неудовольствіе золотопромышленниковъ.

Одна изъ самыхъ неблагопріятныхъ сторонъ въ жизни присковыхъ рабочихъ—тяжесть уроковъ на горныхъ работахъ и сопряженная съ нею слишкомъ большая продолжительность рабочаго дня. Между тѣмъ составители закона 1895 г. отказались отъ регулированія продолжительности рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ, и это сдѣлано было лишь въ 1897 г. общимъ закономъ о промышленныхъ рабочихъ, по которому установлена слишкомъ большая норма рабочаго времени въ 11¹/₂ часовъ для дневныхъ работъ и въ 10 часовъ дня ночныхъ, и кромѣ того допущены въ широкомъ размѣрѣ сверхурочныя работы, которыя, какъ мы видѣли изъ исторіи присковыхъ рабочихъ, и повели въ прежнее

время въ чрезмѣрному увеличенію продолжительности ихъ рабочаго дня. Относительно присковыхъ рабочихъ законъ 1897 г. къ тому же не установилъ обязательнаго празднованія воскресеній въ лѣтнее время, какъ это предписано относительно всѣхъ остальныхъ промышленныхъ рабочихъ. Дальнѣйшее развитіе нашего фабричнаго законодательства должно прежде всего состоять въ уменьшеніи продолжительности рабочаго дня. Другою настоятельною потребностью является дозволеніе соглашеній рабочихъ съ цѣлью добиться повышенія рабочей платы, которое существуетъ уже въ западно-европейскихъ законодательствахъ, такъ какъ безъ этого крайне затруднено столь необходимое развитіе самостоятельности рабочихъ.

Въ золотопромышленномъ дѣлѣ необходимо также введеніе свободы обращенія золота, такъ какъ эта реформа легализируетъ трудъ значительнаго количества рабочихъ, тайно добывающихъ теперь золото въ присковыхъ районахъ, дастъ возможность отдѣльнымъ рабочимъ и ихъ артелямъ сдавать золото прямо въ казну за настоящую цѣну и положить конецъ торговой монополіи золотопромышленниковъ.

ГЛАВА I.

Рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ до 1838 г.

Начало золотопромышленности въ Сибири. — Поисковыя партіи. — Число рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ. — Наемъ рабочихъ и договоры ихъ съ хозяевами. — Присковыя работы. — Рабочая плата. — Старательскія работы. — Жилища и пища рабочихъ. — Присковыя лавки. — Медицинская помощь. — Наказанія рабочихъ. — Побѣги и волненія.

Въ теченіе всего XVIII в. золото добывалось въ Россіи только изъ рудниковъ, а не изъ золотыхъ россыпей; добыча эта производилась лишь казною и Кабинетомъ, такъ какъ и Колывано - Воскресенскіе (Алтайскіе) заводы были взяты у Демидова въ 1747 г. на государственн., когда въ ихъ рудникахъ были найдены слѣды золота ¹⁾. Въ 1812 г. было дозволено всѣмъ русскимъ подданнымъ отыскивать и разрабатывать золотыя и серебряныя руды ²⁾, въ 1814 г. на казенныхъ Березовскихъ рудникахъ Екатеринбургскаго округа были открыты золотоносныя россыпи, а около того же времени — и на земляхъ Нейвинскаго завода Яковлева ³⁾. Съ 1823 г. разработка золотыхъ россыпей казною началась въ Богословскомъ и Гороблагодатскомъ округахъ, а черезъ годъ и въ Златоустовскомъ округѣ ⁴⁾. Разработка золота на пріискахъ владѣльческихъ и посессионныхъ горныхъ заводовъ была предоставлена

¹⁾ См. Дополненіе I въ концѣ этого тома.

²⁾ 1-е П. С. З. т. XXXII, № 25119.

³⁾ Тарасенко-Отрышковъ. „О золотѣ и серебрѣ“, ч. I, 1856, стр. 174. П. Н. „Разказы о сибир. золот. промыслахъ“. „Отеч. Зап.“ 1847 г. т. 53, стр. 23—24.

⁴⁾ Боголюбскій, „Золото“, стр. 50, 52, 54, 57.

только ихъ владѣльцамъ, другимъ же лицамъ не иначе, какъ по добровольнымъ съ ними условіямъ. Правительство не признавало еще необходимости стремиться къ возможно большему распространенію золотопромышленности, и въ журналѣ комитета финансовъ 15 іюля 1824 г. была высказана мысль, что открытіе вдругъ всѣхъ золотыхъ россыпей не желательно и что лучше сохранить эти сокровища для казны на будущее время, не отвергая, впрочемъ, совершенно предложеній частныхъ лицъ ¹⁾).

Имѣя въ виду это постановленіе, министерство финансовъ не рѣшалось сперва удовлетворить ходатайства нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ предпринять на собственный счетъ поиски золота въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Уралу. Но когда все чаще стали отыскивать золотосодержащіе пески въ дачахъ частныхъ заводовъ, то, по докладу министра финансовъ гр. Канкрина, въ 1826 г. государь дозволилъ выдать купцамъ Рязанцеву, Рязанову, Черепанову и Верходанову особыя привилегіи на отысканіе золота въ губерніяхъ Вятской и Тобольской въ казенныхъ дачахъ, не принадлежащихъ горнымъ заводамъ ²⁾). Въ слѣдующемъ году разрѣшено было прискивать золотосодержащія руды и пески купцу Андрею Попову въ сибирскихъ губерніяхъ и въ Омской области и князю Голицыну въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской. Въ 1828 г. допущены къ поискамъ и разработкѣ золота въ Иркутской, Енисейской и Томской губерніяхъ купцы Кузнецовы и Баландинъ, а въ слѣдующемъ году дозволена была разработка золотосодержащихъ песковъ въ Сибири и въ Омской области купцу Степану Попову ³⁾). Въ 1835 г. разрѣшена была частная золотопромышленность въ предѣлахъ Иркутской губерніи и на рѣкахъ, впадающихъ въ Анггару, кромѣ Забайкальскаго края ⁴⁾).

Изъ названныхъ искателей золота купецъ Андрей Поповъ успѣлъ прежде всѣхъ въ 1828 г. открыть весьма важныя мѣсторожденія золота въ Томской губерніи по рѣкамъ Бирикулю и Кіѣ ⁵⁾, а въ слѣдующемъ году компанія Рязанова, Казанцева и Баландина нашла въ той же губерніи необыкновенно богатый своею золотоносностью Кундустульскій ключъ. Этимъ важнымъ открытіемъ было положено прочное

¹⁾ 1-е П. С. З. т. XXXIX, № 30056 (9 Сент. 1824 г.).

²⁾ 2-е П. С. З. т. I, № 224, т. III, № 1712.

³⁾ 2-е П. С. З. т. III, №№ 1712 и 1780. *Раселли* „Свѣдѣнія о частномъ золотомъ промыслѣ въ Россіи“. Сиб. 1863, изд. 2-е (въ „Трудахъ Ком. Выс. утв. для пересм. системы податей и сборовъ“, т. VIII, ч. I, стр. 4—9). Въ 1835 г. министру финансовъ предоставлено было право разрѣшать и другимъ лицамъ производство рудного промысла во вѣшнихъ округахъ Омской области. 2-е П. С. З. т. X, № 8532.

⁴⁾ *Гатемейстеръ*. „Стат. Обзор. Сибири“, I, 210.

⁵⁾ „Горный Журналъ“, 1835 г. ч. III, 377.

основаніе развитію золотопромышленности въ Томской губерніи и во всей Сибири. Въ 1830 г. Поповымъ было открыто золото въ киргизской степи въ Ковбектинскомъ округѣ ¹⁾. Розысканіемъ золота въ Сибири занимались и не одни частныя лица: по вступленіи алтайскаго горнаго округа въ вѣдѣніе министерства финансовъ были отряжены золотонискательныя партіи, и въ 1830 г. открыта россыпь въ Салаирскомъ краѣ и заложенъ пріискъ подъ названіемъ Егорьевскаго ²⁾. Въ 1830 г. было найдено золото частными лицами въ округахъ Красноярскомъ и Минусинскомъ, а въ 1832 — 34 гг. и въ Ачинскомъ ³⁾. Богѣе богатая россыпь въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи была открыта въ 1833 — 35 гг., а въ 1836 г. сдѣланы были открытіи богатыхъ россыпей по системѣ рѣки Бирюсы (принадлежащей къ системѣ р. Ангары) ⁴⁾. Машаровъ, получившій названіе „таежнаго Наполеона“, открылъ въ 1838 г. россыпи на р. Удереѣ (системы Верхней Тунгуски). Найдя, что тамошнія россыпи богаче Бирюсинскихъ, сдѣлали отсюда выводъ, что по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, пески дѣлаются все богаче золотомъ, и вслѣдствіе этого поисковыя партіи стали стремиться все далѣе къ низовьямъ Енисея. Дѣйствительно, пески, добытые, начиная съ 1840 г., Зотовымъ, а потомъ Голубевымъ и Малевинскимъ на р. Октоинѣ (системы р. Пята), а потомъ на рр. Севагликонѣ и Кадами (системы р. Подкаменной Тунгуски) превзошли богатствомъ всѣ, до того открытыя ⁵⁾.

Такимъ образомъ почти по всей Сибири разсѣялось множество поисковыхъ партій. Въ каждой изъ нихъ бывало отъ 7 до 10 рабочихъ, большею частью изъ ссыльно-поселенцевъ, съ приказникомъ, штейгеромъ и вожаатымъ изъ инородцевъ. Партіи совершали передвиженія верхомъ, притомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ вьючныхъ лошадей. Участъ всякой партіи была въ рукахъ вожагаго: если онъ ее оставлялъ, партія, какъ это нерѣдко и случалось, погибала. „Вожатый, —

¹⁾ *Гагемейстеръ*. I, 205—206.

²⁾ „Горный Журналъ“ 1831 г. ч. II, 145—146. Въ Нерчинскомъ округѣ, составлявшемъ, какъ и Алтайскій, собственность государя, добываніе золота изъ россыпей началось съ 1832 г. Въ 1838 г. здѣсь были открыты богатая россыпи на р. Карѣ.

³⁾ *Пестовъ*. „Записки объ Енисейской губ. 1831 г.“. М. 1833, стр. 54 и 68. „Горный Журналъ“ 1837 г. ч. II, 543—545, 1835 г., III, 78.

⁴⁾ Правильная разработка золотыхъ россыпей въ Иркутскомъ округѣ началась въ 1836 г. „Горный Журналъ“, 1841 г., ч. 2, стр. 152; 2-е П. С. З. т. III, № 1780.

⁵⁾ *Гагемейстеръ*. „Стат. Обзор. Сибири“ I, 200—212; „Горн. Журн.“ 1837 г. II, 546—548. До 1838 г. числилось уже до 200 частныхъ лицъ, занимавшихся золотопромышленностью въ Сибири (*Расеми*, 10), несмотря на то, что въ началѣ 1837 г. была приостановлена на годъ министромъ финансовъ выдача дозволеній на разработку золотыхъ россыпей (Арх. Горн. Деп., по описи Минюсскаго, вѣд. 24, дѣло № 674).

читаемъ мы въ одномъ современномъ описаніи, — всегда идетъ или ѣдетъ впереди отряда, съ нимъ все его имущество — трубка, табакъ, огниво и платье. Прочіе члены партіи слѣдуютъ за нимъ одинъ позади другого, имѣя на каждой лошади пару кожаныхъ сумъ съ партіоннымъ имуществомъ, харчевыми припасами и желѣзными инструментами для шурфовки“ (т.-е. развѣдки, какъ велико содержаніе золота въ данномъ мѣстѣ); „съ ними всегда — вашгердъ для промывки песковъ и съемки золота..... Такъ кочуютъ искатели золота въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду“.

Остановившись для развѣдки по указанію вожаго, они тотчасъ развьючивали лошадей, готовили пищу и начинали рубить лѣсъ. Люди и животныя оставались подъ открытымъ небомъ, чтобы не терять времени на постройку „балагановъ“, которые ставились лишь при продолжительныхъ развѣздахъ около одного мѣста. Съѣстные припасы поисковыхъ партій состояли изъ сухой вяленой говядины, изъ черныхъ сухарей, превратившихся въ мелкій порошокъ, крупы и соли. Все это хранилось въ сумахъ изъ сыромятной кожи, висѣвшихъ по бокамъ лошади, и часто принимало отвратительный запахъ. Приготовленіе кушанья было весьма незамысловато: на обѣдъ варили, такъ называемыя, щи изъ говядины съ небольшимъ количествомъ крупы и соли (безъ капусты); на ужинъ готовилась каша; лишь изрѣдка удавалось наловить рыбы. Но партіи не могли запастись припасами на все лѣто: онѣ получали ихъ по мѣрѣ надобности изъ ближайшихъ селеній или магазиновъ, которые нарочно устраивались гдѣ-нибудь въ лѣсу и въ теченіе зимы снабжались всѣмъ необходимымъ. Посланные за припасами, по болѣзни или вслѣдствіе усталости лошадей, а чаще всего отъ разлива рѣчекъ, не успѣвали прибыть во-время къ своей поисковой партіи, и тогда оставшіеся товарищи терпѣли голодъ, не имѣя никакихъ средствъ спасенія, такъ какъ вожатый обыкновенно отправлялся съ посланными за припасами. — Переправа черезъ горныя рѣки съ ихъ крутымъ паденіемъ была вообще очень опасна, и иной разъ золотоискатели при этомъ погибали. Нѣкоторые изъ рѣкъ въ этихъ горныхъ странахъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ бывали покрыты льдомъ и снѣгомъ. Прибрежная почва растаивала на какой-нибудь аршинъ, и, снявъ этотъ слой, искатели золота должны были раскладывать огонь и ожидать часъ или два, чтобы опять углубиться на четверть аршина. Тѣмъ не менѣе ловкіе промышленники умѣли производить развѣдки не одной, а нѣсколькихъ рѣчекъ на пространствѣ десятковъ верстъ въ самое короткое время ¹⁾.

Развитіе золотопромышленности въ Сибири вызвало цѣлый рядъ

¹⁾ „Искатели золота“ въ „Библ. для Чтенія“ 1898 г. т. XXIX, № 8.

законодательныхъ мѣръ для ея регулированія. Въ 1829 г. министру финансовъ было предоставлено право выдавать дозвоительныя свидѣтельства на поискъ и разработку золота ¹⁾. Въ 1831 г. всѣ обязанности по надзору за частными золотыми промыслами были возложены въ Восточной Сибири на тамошняго генераль-губернатора, а въ Западной — на горное правленіе Колывано-Воскресенскихъ (алтайскихъ) заводовъ подъ наблюденіемъ ихъ главнаго начальника ²⁾. Площадь для золотосодержащаго прииска при ширинѣ не менѣе 100 сажень должна была не превышать въ длину 5 верстъ (всего не болѣе 250000 квадр. сажень); если промышленникъ въ теченіе двухъ лѣтъ по отведеніи ему прииска вовсе не начиналъ на немъ работъ, то отводъ признавался недѣйствительнымъ, и промышленникъ терялъ на него право ³⁾. Въ 1833 г. для надзора за частнымъ золотымъ промысломъ въ Томской губерніи учреждена была должность горнаго ревизора, назначаемого горнымъ правленіемъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ ⁴⁾. Для управленія полицейскою частью на частныхъ промыслахъ Томской губерніи назначенъ былъ особый чиновникъ въ составъ томскаго земскаго суда подъ названіемъ отдѣльнаго засѣдателя по золотымъ промысламъ (съ жалованьемъ всего въ 1000 р. асс.), который долженъ былъ во все время работъ жить на золотыхъ промыслахъ; при немъ состояли 5 казаковъ и 1 урядникъ ⁵⁾. Въ 1834 г. похитителей золота на частныхъ и казенныхъ сибирскихъ промыслахъ, скупщиковъ и всякихъ ихъ сообщниковъ безъ различія званія велѣно было судить военнымъ судомъ ⁶⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи (въ первыхъ шести главахъ) мы будемъ говорить о положеніи рабочихъ исключительно на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

Наемъ рабочихъ на частные золотые промыслы въ Сибири производился до 1838 г. на основаніи Высочайше утвержденнаго 22 іюля 1822 г. положенія о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ между сибирскими обывателями разныхъ сословій. Въ положеніи этомъ были довольно подробно опредѣлены какъ порядокъ самаго найма рабочихъ, такъ и отношенія ихъ къ нанимателю, а потому многія статьи его были приняты за основаніе при составленіи особыхъ по этому предмету правилъ для частныхъ золотыхъ промысловъ, вошедшихъ въ положеніе 1838 г.

¹⁾ *Расселли*, 17.

²⁾ 2-е П. С. З. т. VI, № 4793. Въ 1833 г. золотопромышленность въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губ. была передана въ вѣдѣніе Горнаго Правленія Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. 2-е П. С. З. т. VIII, № 6222.

³⁾ 2-е П. С. З. т. VI, № 5008.

⁴⁾ 2-е П. С. З. т. VIII, № 5977.

⁵⁾ 2-е П. С. З. т. VIII, № 6511 (1833 г.).

⁶⁾ 2-е П. С. З. т. IX, № 7065, 10 мая 1834 г.

На основаніи закона 1822 г. наемъ въ работу допускался двухъ родовъ: явочный и безъ явки. Условіе явочнаго найма должно было быть написано на гербовой бумагѣ, съ означеніемъ условленной платы и размѣра выданнаго задатка, срока найма, количества пищевого довольствія и т. п. Эти условія должны были быть явлены въ городѣ въ земскомъ судѣ, а въ селеніяхъ — въ волостномъ правленіи или инородномъ начальствѣ ¹⁾. Не запрещалось писать на одномъ листѣ многихъ работниковъ, но въ то же время заключать условіе долженъ былъ каждый за себя; ни въ какомъ случаѣ оно не могло распространяться на дѣтей работника, родственниковъ и еще менѣе на пріемышей ²⁾. Срокъ найма не могъ быть болѣе одного года. Задатокъ никогда не долженъ былъ превышать всего размѣра годовой платы, считая въ томъ числѣ взносъ податей и повинностей за работника, и выдавшій рабочему задатокъ, превышавшій годовую плату, лишался своего иска. Если работникъ останется должнымъ хозяину болѣе 5 рублей, то этотъ долгъ не подлежитъ взысканію, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ дозволенія начальства ³⁾ и допущенъ вопреки закону. Земскія и городскія полиціи по условіямъ, у нихъ явленнымъ, строго понуждаютъ работниковъ явиться на работу въ условленное время, и за всякое упущеніе въ этомъ отношеніи онѣ подвергаются ответственности. Въ кочевьяхъ инородцевъ условія явочнаго найма могутъ быть и словесныя, но они должны быть явлены у родового старшины въ инородной управѣ или въ степной думѣ при двухъ свидѣтеляхъ, и, если въ управѣ введено письменное производство, то съ запискою въ особую явочную по наймамъ книгу. Въ случаѣ неустойки по явочнымъ наймамъ споры и жалобы должны были разбираться, на основаніи условій, прежде всего словесно въ полицейскомъ учрежденіи, гдѣ вѣдома та или другая сторона, въ случаѣ же неудовольствія на словесный судъ дѣло разсматривалось судомъ по закону, причеиъ земскій судъ и городская полиція постановляли окончательныя рѣшенія по искамъ, не превышавшимъ 25 рублей. Не запрещалось нанимать въ работу словесно безъ письменныхъ условій и даже

¹⁾ Поселенецъ или крестьянинъ, нанимавшійся въ работу, долженъ былъ имѣть дозволеніе отъ мірскаго общества того селенія, въ которомъ онъ числился, при чемъ дозволеніе должно было быть явлено и записано въ волостномъ правленіи.

²⁾ Малолѣтнихъ дѣтей и пріемышей (менѣе 17 лѣтъ) отцы и матери хотя и могли отдавать въ легкую работу, но не иначе, какъ съ дозволенія волостнаго правленія или родового начальства, и то не болѣе, какъ на одинъ годъ. Принявшій такихъ въ работу безъ соблюденія указанныхъ условій въ случаѣ неустойки терялъ искъ и право, а когда малолѣтній выросъ, то по жалобѣ его подвергался взысканію по законамъ.

³⁾ По общимъ законамъ, крестьянамъ воспрещалось безъ разрѣшенія ихъ начальства вѣрять болѣе, чѣмъ на 5 рублей.

безъ явки въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, но такія, нигдѣ не записанныя, условія, основанныя на одномъ личномъ довѣріи, не подлежали въ случаѣ неустойки никакому судебному разбирательству ни въ инородныхъ управахъ, ни въ волостныхъ правленіяхъ, ни въ земскихъ и въ городскихъ общихъ и частныхъ судахъ. Въ случаѣ неустойки можно было разбираться полюбовно чрезъ посредниковъ, если стороны согласятся ихъ выбрать, и рѣшеніе такихъ посредниковъ не подлежало никакому обжалованію. Въ случаѣ неисполненія договоровъ найма безъ явки, полиціи строго воспрещались всякія понудительныя мѣры; при спорахъ такого рода она должна была прекращать самоуправство, а тѣмъ болѣе насиліе, но не могла входить въ разсмотрѣніе спора по существу ¹⁾.

Въ 1830 г. рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи было не болѣе 800 человекъ ²⁾, въ 1832 г. — уже болѣе 2,000 ³⁾, но съ развитіемъ золотопромышленности численность ихъ стала быстро возрастать, и въ 1834 г. на промысла было нанято 5,927 челов., въ томъ числѣ 4,863 ссыльно-поселенца (82⁰/₁₀₀) и 1,064 крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ; такъ какъ 955 чел. поселенцевъ не явилось, то, слѣдовательно, дѣйствительно было въ работѣ на промыслахъ Томской губерніи 4,972 челов. Наибольшее количество рабочихъ нанято было въ этомъ году на промысла наслѣдниковъ Поповыхъ (2,460 челов.) и купцовъ Рязанова и Баландина (1,763 челов.) ⁴⁾. Въ 1835 г. на промысла 9 владѣльцевъ или компаній Томской губерніи было нанято 7,698 челов., не явилось 1,681, слѣдовательно было въ работѣ 6,017; а въ 1836 г. на томскихъ промыслахъ было 5,821 челов. ⁵⁾. — Въ Минусинскомъ округѣ въ 1837 г. находилось на промыслахъ 2,309 рабочихъ, а въ Ачинскомъ въ то же время — 3,803 челов. ⁶⁾. Слѣдовательно, всего на пріискахъ, находившихся въ завѣдываніи Алтайскаго горнаго правленія ⁷⁾ (ему въ 1833 г., какъ мы видѣли, были подчинены и промысла Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губерніи), находилось въ это

¹⁾ 1-е П. С. З. т. XXXVIII, № 29184.

²⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. Вел. Канц. № 315, ч. IV, л. 194.

³⁾ Арх. Том. Гор. Упр., вѣз. 75, л. 13.

⁴⁾ Отчетъ жанд. кап. Миню въ Арх. Горн. Деп. по описи дѣлъ 1 деп. 3 ст. д-та горныхъ и соляныхъ дѣлъ, 1835 г. № 1061. *Лушисв.* „Частная золотопр. въ Томской губ. въ 1834 г.“. „Сибирь“, 1882 г. № 12, стр. 5.

⁵⁾ Томск. Губерн. Арх., св. 907, дѣло 1835 г. № 40/5165, л. 11, 24; Арх. Том. Горн. Упр. вѣз. 75, л. 633—634, 644.

⁶⁾ Арх. Том. Горн. Упр., св. 75, л. 887.

⁷⁾ Въ мартѣ 1834 г. горное правленіе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ было переименовано въ Алтайское горное правленіе и главный начальникъ этихъ заводовъ названъ главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ.

время около 10,000 чел. рабочихъ. На приискахъ, состоявшихъ въ за-вѣдываніи генераль-губернатора Восточной Сибири, „задолжалось“ въ 1838 г. — 3,150 чел. Главнѣйшая добыча золота производилась здѣсь въ это время по системѣ рѣки Большой Бирюсы ¹⁾. Въ 1839 г. на Бирюсинскіе золотые промысла было нанято 2,143 чел., а въ Енисейскомъ округѣ до 200 чел. ²⁾. Слѣдовательно, въ концѣ 30-хъ годовъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ, кромѣ Киргизской степи, было 12—13 тысячъ рабочихъ ³⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно 1834 г. видно, что изъ всего числа поселенцевъ (4,863 чел.), нанявшихся на частные золотые промысла Томской губерніи, не явилось 955 чел., что составляетъ почти 20%. Въ слѣдующемъ году на частные промысла той же губерніи не явилось 22% нанятыхъ рабочихъ; на промыслахъ же различныхъ владѣльцевъ количество неявившихся колебалось между 12 и 46% (последняя цифра на приискахъ купца Мыльниковъ; у Асташева—32%). Нѣкоторые ссыльно-поселенцы ухитрялись наниматься одновременно у нѣсколькихъ хозяевъ, забирая у каждаго задатокъ, и вовсе не являлись на работу.

По свидѣтельству жандармскаго капитана Мишо, командированнаго въ 1834 г. въ Томскую губернію, число крестьянъ-старожиловъ, нанимавшихся на золотые промысла, уменьшалось вслѣдствіе увеличенія прибыльности земледѣлія (очевидно, вслѣдствіе вызваннаго развитіемъ золотопромышленности вздорожанія хлѣба); изъ жителей соседнихъ волостей никто уже не шелъ на прииски, да и вообще изъ крестьянъ нанимались одни только бѣдняки „и по большей части дѣти, которыя посылаются отцами для заработка податей; но зато,—продолжаетъ Мишо,—безчисленная, можно сказать, толпа бродящихъ поселщиковъ представляетъ легкій способъ къ найму людей на частные промысла въ Сибири“. Какъ мы видѣли, въ 1834 г. изъ всего числа нанятыхъ на частные золотые промысла Томской губерніи поселенцы составляли 82%, а крестьяне и мѣщане (Томской и Енисейской губерній) вмѣстѣ съ разночинцами—18% ⁴⁾.

Наемъ рабочихъ на промысла повѣренные золотопромышленниковъ начинали обыкновенно съ ноября мѣсяца по окончаніи лѣтнихъ

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1839 г. ч. II, 305—306.

²⁾ А. „Очеркъ частныхъ золотыхъ промысловъ въ Восточной Сибири“. „Иркутск. Губ. Вѣдом.“, 1864 г. № 18, часть неоф., стр. 3.

³⁾ Во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ сказано, что въ 1838 г. на золотыхъ промыслахъ всей Сибири было 20000 рабочихъ, но это цифра гораздо болѣе дѣйствительной. Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло 1836, № 1.

⁴⁾ Арх. Том. Гор. Упр. св. 75, л. 634.

работъ и производили его въ теченіе всей зимы въ деревняхъ Енисейской и Томской губерній, и между прочимъ очень часто въ селѣ Кійскомъ (нынѣшній г. Маріинскъ) и въ городахъ Красноярскѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ и Томскѣ. Съ рабочими заключались общіе контракты, которые свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи, ивородномъ начальствѣ или земскомъ судѣ, а относительно поселенцевъ — и поселенческимъ смотрителемъ, причемъ у рабочихъ поселенцевъ отбирались выдаваемые имъ билеты, что не мѣшало, впрочемъ, поселенцамъ иной разъ подъ чужимъ именемъ наняться и у другого золотопромышленника.

Нѣкоторые изъ контрактовъ 30-хъ годовъ между золотопромышленниками и рабочими отличались замѣчательною краткостью. Такъ, напримѣръ, въ Дмитріевскомъ волостномъ правленіи (въ селѣ Тисулѣ) 1 февраля 1834 г. былъ явленъ договоръ нѣсколькихъ „государственныхъ крестьянъ и поселенцевъ, записанныхъ послѣ въ крестьяне“, съ прикащиками золотопромышленника Чоглокова. Нанявшіеся въ работу на прински обязывались: 1) „находиться въ полномъ послушаніи и повиновеніи“, и въ поисковыхъ партіяхъ, въ случаѣ отсутствія лошадей, носить на себѣ всѣ тяжести или, если возможно, возить ихъ на нартахъ; 2) „вести себя трезво, честно и добропорядочно, какъ долгъ честнаго и вѣрнаго человѣка требуетъ; 3) порученныя отъ прикащиковъ или щегеровъ“ (штейгеровъ) „работы производить прилежно и нелѣнностно и данные припасы и инструменты хранить, а въ случаѣ утраты можетъ прикащикъ высчитать изъ мѣсячной платы; 4) если кто изъ насъ останется послѣ зимнихъ работъ на весенніе или лѣтніе мѣсяцы, то и тогда обязуемся служить... одинаково безъ лѣности и безотлучно; 5) буде кто изъ насъ утаитъ при шурфовкѣ въ розыскной партіи или разработкѣ найденное золото или самородки, то мы должны въ такомъ случаѣ одинъ за другимъ смотрѣть“, если же кто учинитъ укрывательство, „то мы должны судиться по законамъ; 6) договорились мы получить платы по 13 рублей (ассигнаціи) въ мѣсяцъ каждому на ихъ содержаніи, въ чемъ и подписуемся“¹⁾. Никакихъ условій относительно количества работы, получаемой отъ хозяина пищи и проч., въ договорѣ мы не находимъ²⁾. Но уже и въ это время составлялись гораздо болѣе сложные

¹⁾ Арх. Дмитр. волостн. правл. въ сел. Тисулѣ, книга № 148 на записку актовъ 1834 г. № 4.

²⁾ Иногда дѣлалось еще проще: рабочіе, взявши задатокъ, давали подписку, что они нанялись на такомъ же условіи, какъ и другіе работники того же золотопромышленника. Такъ въ апрѣлѣ 1835 г. въ томскомъ земскомъ судѣ была явлена „подписка“, данная нѣсколькими крестьянами томскаго уѣзда купцу Мыльникову въ томъ, что они „подрядились у него въ чернорабочіе на золотые прински срокомъ отъ сего времени“ (26 апрѣля) „до 15 числа октября сего года по 10 руб. въ мѣсяцъ рабочихъ дней“

договоры. Такъ, договоръ между рабочими и золотопромышленниками Рязановымъ и Баландинымъ (1834 г.) состоялъ изъ 18 пунктовъ, договоръ съ Асташевымъ—изъ 20 пунктовъ.

Однако, по свидѣтельству томскаго земскаго исправника (1835 г.) золотопромышленники заключали съ рабочими и словесные договоры безъ всякой явки. Среди рабочихъ на приискахъ было не мало бѣглыхъ и бродягъ, по той причинѣ, что „вообще наемъ рабочихъ производится не въ мѣстахъ ихъ жительства, какъ бы то слѣдовало, а преимущественно въ г. Томскѣ и селѣ Кійскомъ (нынѣ г. Маринскѣ), куда со всѣхъ сторонъ стекаются бродяги и бѣгле и, называя себя поселенцами ближайшихъ волостей, жестоко обманываютъ прикащиковъ, и что довѣренныя промышленниковъ стремятся только нанять людей болѣе въ количествѣ, а не въ существѣ ихъ, упуская или вовсе не соблюдая правилъ по найму въ работу“, установленныхъ въ 1822 г. Весьма естественно, что рабочіе, не связанные письменными условіями, если они были недовольны своимъ положеніемъ на какомъ либо приискѣ (платою, пищею, цѣнами товаровъ въ приисковомъ амбарѣ и т. п.), покидали приискъ и переходили къ другому золотопромышленнику. На основаніи положенія 1822 года городская и сельская полиція не могли въ этомъ случаѣ прибѣгать къ какимъ бы то ни было мѣрамъ побужденія относительно рабочихъ, а между тѣмъ это вызывало недовольство золотопромышленниковъ ¹⁾.

Начинались работы обыкновенно съ апрѣля или 1 мая, смотря по тому, когда стаеетъ снѣгъ; срокомъ окончанія работъ назначалось 1-е, а иногда и 15 октября ²⁾; но работать до этого послѣдняго срока, въ виду суровости сибирской осени, оказывалось нерѣдко весьма труднымъ. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ писалъ въ 1837 г.: „Срокъ продолженія работъ обыкновенно назначается до 1 октября, но такъ какъ въ гористыхъ мѣстахъ, гдѣ по большей части находятся розсыпи, въ половинѣ сентября весьма часто выпадаетъ снѣгъ и случаются приморозки, несносныя для производства работъ людямъ постоянно мокрымъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые промышленники непремѣнно требуютъ точнаго исполненія условія“, то это „производить не тожко

(т.-е. за 30 рабочихъ дней) „на такомъ условіи во всемъ, какое у него, Мыльниковъ, заключено на сей годъ съ прочими рабочими. На обувь и дорогу для пищи содержаніе получили мы отъ него, Мыльниковъ, по 6 рублей на каждого человѣка, въ число слѣдующей намъ за работу платы, и другъ за друга ручаемся, въ чемъ и подписуемся“. „Томск. Губ. Арх.“, вяз. 907, дѣло № 40/5165, 1835 г., л. 32.

¹⁾ Ibid. л. 21—23, 25, 30.

²⁾ Арх. Том. Гор. Упр. вяз. 40, л. 479; Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр. въ Барнаулѣ, вяз. 37, дѣло № 654 (1833 г.) л. 10; Том. Губ. Арх. вяз. 491, № 1, л. 4; Арх. Дмитр. Волост. Пр. въ Тисулѣ, книга догов. 1834 г. № 148, л. 21.

болѣзни, но даже иногда между рабочими и явный бунтъ“¹⁾. Дѣйствительно, мы познакоимся ниже съ волненіями рабочихъ, вызванными требованіемъ работы позднѣю осенью. По свидѣтельству капитана Мишо (1834 г.), работы обыкновенно оканчивались въ исходѣ сентября; по словамъ горнаго ревизора Семенова (1836 г.), онѣ продолжались до половины сентября и рѣдко до октября²⁾. Бывало, что нанимали рабочихъ не только на лѣто, но и на зиму, причемъ работы начинались обыкновенно съ зимы.

Въ договорахъ рабочихъ съ золотопромышленниками мы встречаемъ иной разъ крайне неопредѣленные условія относительно срока работъ, открывавшія для хозяевъ возможность широкаго произвола. Такъ, по договору съ Асташевымъ, заключенному въ сентябрѣ 1834 г., рабочіе обязались работать на его приискахъ Томской и Енисейской губерній „втеченіе зимы 1834 г. и въ лѣто будущаго 1835 г. по октябръ мѣсяцъ, а буде удобность позволить производить далѣе вышеупомянутыя работы и особенно заготовленіе песковъ и рудъ далѣе послѣдующаго времени, то и тогда обязуемся выполнять ихъ безпрекословно по волѣ г. Асташева“.

Обязывая рабочаго оставаться на промыслахъ до опредѣленнаго срока, золотопромышленники оговаривали, однако, случаи, когда они сами могли расчитать ихъ ранѣе. Такъ, по договору Рязанова и Баландина (1833 г.), если работы по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ прекратятся прежде назначеннаго срока, рабочіе должны были произвести съ хозяевами расчетъ „безъ всякаго прекословія“; золотопромышленники предоставили себѣ также право удалять рабочихъ съ прииска за нерадѣніе, ослушаніе или буйство и нанимать на ихъ мѣсто другихъ, хотя бы и по болѣе дорогой цѣнѣ, при чемъ вознагражденіе хозяевъ за убытки возлагалось на виновныхъ. Золотопромышленники предоставляли себѣ также право переводить рабочихъ съ одного изъ своихъ приисковъ на другой или съ одной работы на другую на томъ же приискѣ³⁾. Въ нѣкоторыхъ договорахъ рабочіе ручались другъ за друга.

Въ договорѣ съ Чоглоковымъ (1834 г.) мы уже видѣли условіе относительно безпрекословнаго послушанія и трезваго поведенія рабочихъ. Въ договорѣ съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) они обязались еще „не имѣть между собой никакихъ азартныхъ денежныхъ игръ“.

¹⁾ Арх. Госуд. Сов., дѣло Департ. Законовъ 1838 г. № 31 (по журналу).

²⁾ Арх. Том. Гор. Упр. вѣз. 75, л. 634.

³⁾ Въ договорахъ Рязанова и Баландина (1833 г.) оговорено, что при переходѣ съ одного прииска на другой полагалось проходить въ день по 80 верстъ.

а въ договорѣ съ Асташевымъ (1834 г.)—„никуда и ни въ какое время не отлучаться“ безъ разрѣшенія хозяина или прикащика.

Что касается размѣра задатка, то въ нѣкоторыхъ контрактахъ первой половины 30-хъ годовъ онъ опредѣленъ всего въ 5 — 6 р.; по свидѣтельству же Алтайскаго горнаго правленія (1837 г.), рабочимъ обыкновенно давали въ задатокъ отъ 20 до 35 р. ассигн. для уплаты податей и на другія ихъ нужды ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ договорахъ опредѣлялось, что путь на приски и обратно рабочіе должны были совершать на свой счетъ.

Заключивъ договоръ съ золотопромышленникомъ или его прикащикомъ, рабочіе обязаны были отправиться въ путь на прискъ по первому требованію. По словамъ Алтайскаго горнаго правленія (1837 г.), „весною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ промышленники отправляютъ рабочихъ на промысла партіями съ прикащиками“, а неявившихся розыскиваютъ „посредствомъ волостного и сельскаго начальства и отправляютъ за конвоемъ“, но хозяева присковъ жаловались, что просьбы ихъ о высылкѣ неявившихся сплошь и рядомъ не исполнялись.

По прибытіи на мѣсто работъ, рабочіе могли быть назначены или въ поисковую партію, или на прискъ. Относительно поисковыхъ партій въ договорѣ Асташева (1834 г.) рабочіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было проѣхать ни на лодкахъ, ни на лошадяхъ, обязывались идти пѣшкомъ и нести на себѣ всѣ необходимые инструменты и провіантъ. На прискахъ они копали шурфы (четвероугольныя ямы для опредѣленія содержанія золота въ пескѣ; ихъ приходилось, впрочемъ, копать и поисковымъ партіямъ), работали въ открытыхъ „разрѣзахъ“, т.-е. углубленіяхъ или корридорахъ, образовавшихся по снятіи незолотоносныхъ породъ (такъ называемаго турфа или торфа), гдѣ они добывали золотоносный песокъ и откуда въ ручныхъ тачкахъ или на лошадяхъ вывозили его для промывки, или, если турфа были очень глубоки, добывали золотоносный песокъ, проводя подземныя галлерей (такъ называемыя *орты*); другіе рабочіе занимались промывкой золота, третьи — разными ремеслами.

Первоначально добываніе песковъ производилось исключительно поверхностными разрѣзами, но въ 1834 г. Асташевъ и К^о Рязанова и Баландина на своихъ богатыхъ прискахъ по рѣкѣ Кундустьюлу (Томской губ.) zaloжили внутреннія горныя ортовыя работы для выемки золотыхъ россыпей, содержащихся подъ глубокимъ турфомъ въ пластѣ, имѣвшемъ до 12 арш. толщины. Работы эти, несмотря на то, что онѣ требовали техническихъ знаній, производились въ этомъ году подъ над-

¹⁾ Арх. Том. Гор. Упр. вѣз. 40, л. 479, вѣз. 75, л. 644.

зоромъ лишь самихъ владѣльцевъ и, по официальному свидѣтельству (Мишо), только „счастье“ предохраняло „отъ бѣдственныхъ случаевъ“, которые могли бы стоить жизни многимъ рабочимъ. Въ Восточной Сибири въ 1838 г. еще нигдѣ на золотыхъ промыслахъ не было подземныхъ работъ ¹⁾).

Промывка песковъ на всѣхъ промыслахъ Томской губерніи производилась еще весьма первобытнымъ способомъ — на ручныхъ вашгердахъ и полустанкахъ съ рѣшетками и потому весьма медленно, сравнительно съ нынѣшними усовершенствованными машинами. Въ 1835 г. на ручныхъ вашгердахъ тамъ промывали въ день отъ 80 до 120 пудовъ песка, а на станкахъ отъ 300 до 350 пудовъ и болѣе, смотря по вязкости пласта ²⁾. По свидѣтельству алтайскаго горнаго правленія 1837 г. на нѣкоторыхъ промыслахъ Западной Сибири, для уменьшенія числа рабочихъ, были устроены для промывки песковъ бутары, приводимыя въ движеніе руками или лошадьми. На промыслахъ Восточной Сибири промывка песковъ производилась (въ 1838 г.) также на „мутильных или бутарахъ“ и ручныхъ вашгердахъ; только на одномъ приискѣ К^о Рязановыхъ на рѣкѣ Бирюсѣ и на одномъ приискѣ по рѣкѣ Манѣ были устроены для этой промывки болѣе усовершенствованные снаряды, такъ называемыя чаши, которыя съ этого времени и стали распространяться на промыслахъ Восточной Сибири ³⁾.

Какъ мы уже упоминали, на нѣкоторыхъ приискахъ работы производились и зимою. Асташевъ и К^о Рязанова и Баландина, по свидѣтельству Мишо, желая вести зимою ортовые работы, устроили на своихъ промыслахъ по рѣкѣ Кундустуюлу теплыя зимнія промывальни и потому въ 1834 г. оставили на цѣлый годъ рабочихъ — Асташевъ до 300, а Рязановъ и Баландинъ до 250 человекъ ⁴⁾.

На промыслахъ Томской губерніи рабочіе получали (въ 1834 — 37 гг.) слѣдующую мѣсячную плату: чернорабочіе отъ 10 до 13 руб. ассигн. за 30 дней работы ⁵⁾, промывальщики и шурфовщики до 15 руб.,

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1839 г. ч. II, 306.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1836 г. т. II, 207.

³⁾ „Горн. Журн.“ 1839 г. ч. II, 308—309; „Иркутск. Губ. Вѣд.“ 1864 г. № 18, часть неоф., стр. 2—3.

⁴⁾ Въ договорѣ съ Асташевымъ (1834 г.) сказано: „въ подземныхъ работахъ, которыя обязываемся производить во всякое время года, сохранять должную осторожность и ставить крѣпи“ (подпорки изъ бревенъ) „безъ упущенія, какъ приказано будетъ. За всякій же вредъ, отъ небреженія нашего происшедшій, ответственность остается на самихъ насъ“.

⁵⁾ Въ эти годы 3 р. 54 к. — 3 р. 59 к. ассигн. равнялись одному серебрян. рублю. Шторхъ, „Матеріалы для ист. денежн. знак. въ Россіи“. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868 г. т. 137, стр. 823.

ремесленники же (кузнецы, плотники и др.) отъ 15 до 35 р. ассигнаціями (штейгерамъ и смотрителямъ производилось болѣе высокое вознагражденіе).

Въ договорѣ съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) было пояснено, что мѣсяцъ, за который рабочіе договорились получать плату, должно считать въ 30 *рабочихъ* дней, а праздничные, воскресные и вообще неприсутственные дни „должны оставаться свободными“, кромѣ экстренныхъ случаевъ—укрѣпленія плотинъ, ортъ, шурфовъ, устройства водопровода, отливки воды и проч.; эти послѣднія работы они обязаны были исполнять „не только во всѣ табельные дни, но и во всякое ночное и ненастное время“ безпрекословно. Напротивъ, по договору съ Асташевымъ (1834 г.), они обязывались работать „во всякое время, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней“.

Что касается количества рабочихъ часовъ, то, по только что упомянутому договору съ Асташевымъ, рабочіе должны были выходить на работу поутру не позднѣе 5-го часа, т.-е. при „самомъ появленіи солнца“, и оканчивать ее „по совершенномъ закатѣ“ его; обѣдъ и ужинъ они должны были имѣть „по одному разу“. За обѣдомъ и послѣ него полагалось отдыха одинъ часъ; такъ какъ время на ужинъ не определено, то, вѣроятно, его давали по окончаніи работъ. По договору съ Рязановымъ и Баландинымъ (1833 г.) работа начиналась въ 4 часа утра, а оканчивалась послѣ заката; втеченіе дня былъ назначенъ одинъ перерывъ работы для обѣда: и на него полагалось съ 20 іюня по 1 августа не болѣе полутора часа, а въ прочее время года по одному часу. Впрочемъ, для тѣхъ рабочихъ, которые занимались добычею и промывкою золотоноснаго песка, по этому договору былъ назначенъ урокъ: „двое растиральщиковъ на рѣшеткѣ песковъ, одинъ промывальщикъ, одинъ катальщикъ (на тачкѣ) и одинъ копщикъ“ должны были промывать въ день 400 пудовъ песку на каждый станокъ такимъ порядкомъ, какъ будетъ приказано, по окончаніи же урока они могли быть свободными. 400 пудовъ песку составляетъ приблизительно около $\frac{1}{3}$ куб. саж., и это количество обязаны были поставить въ день для промывки два человека—одинъ „копщикъ“ (по нынѣшнему забойщикъ) и одинъ катальщикъ, слѣдовательно, уроки были гораздо менѣе нынѣшнихъ, что объясняется съ одной стороны несовершенствомъ промывательныхъ машинъ, съ другой—ручною откаткою песка. По официальнымъ свидѣтельствамъ (Мишо, горнаго ревизора Семенова и алтайск. горн. правленіи 1837 г.)¹⁾, уроки, которые впрочемъ существовали не на всѣхъ промыслахъ, оканчивались рабочими не позже 2—3 часовъ пополудни.

¹⁾ Арх. Том. Горн. Управл. вѣз. 75, л. 646.

По окончаніи урока, по словамъ капитана Мишо, „трудлюбивые рабочіе“ могли заняться, такъ называемою, „старательскою“ работою за особую опредѣленную плату. Но одного трудолюбія рабочихъ и желанія получить старательскую работу, какъ оказывается, было, по крайней мѣрѣ первоначально, недостаточно, такъ какъ дозволеніе этихъ работъ по праздникамъ зависѣло отъ золотопромышленниковъ. Какъ мы видѣли, Асташевъ, по договору 1834 г., обязывалъ рабочихъ трудиться и въ праздничные дни, но, вѣроятно, они не всегда исполняли въ такіе дни урочныя работы, такъ какъ въ томъ же контрактѣ мы находимъ слѣдующія условія: „если по усмотрѣнію г. Асташева, или его управляющаго, или прикащика, дозволена будетъ намъ *за усердную службу*, безъ вычета за содержаніе, свобода отъ работъ въ воскресные и праздничные дни, *чего мы сами собою отнюдь требовать и дѣлать не въ правѣ*, то въ таковыя свободныя дни можемъ мы, *но не иначе, какъ съ дозволенія хозяина или прикащиковъ*, производить собственнымъ нашимъ стараніемъ добычу песковъ и промыску золота, получивъ за то особую, по условію съ г. Асташевымъ, плату съ золотника, но при семъ случаѣ обязуемся не дѣлать ни малѣйшаго самовольства и довольствоваться тѣмъ, что будетъ намъ отъ хозяина дозволено, т.-е. производить добычу песковъ тамъ, гдѣ будетъ назначено безъ всякаго выбора, и въ работѣ наблюдать учрежденный порядокъ и правильность; за всякое же своевольство подвергаемъ себя законному сужденію и наказанію“. Даже въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.), по которому рабочіе были свободны въ праздничные дни, мы находимъ такое условіе: „работы подъ именемъ старательныхъ, производимыя до сего въ праздничные дни промыскою песковъ и скрышею (вскрытіемъ) торфа, оставляемъ нынѣ на *собственное распоряженіе ихъ*, Рязанова и Баландина, т.-е. *допускать мы насъ до оной, или нѣтъ*, и по какой платѣ съ вымытаго золотника или кубической сажени, *что все рѣшительно остается на собственной ихъ волѣ*, а потому ни требовать сихъ работъ, ни выбирать для того лучшихъ песковъ не должны и не имѣемъ права, а должны пользоваться тѣмъ, что будетъ отведено и назначено“. Но старательскія работы составляли главную приманку на пріискахъ: изъ-за одного жалованья въ 10 — 15 руб. асс. въ мѣсяцъ никто не сталъ бы забираться въ таежную глушь, и потому „стараніе“ не могло быть отмѣнено. По словамъ горнаго ревизора Семенова, „рабочихъ дозволялось“ въ 1836 г. „производить старательныя работы не токио въ праздничные дни, но и каждодневно по окончаніи дневныхъ уроковъ“. Алтайское же правленіе выражается (въ 1837 г.) менѣе рѣшительно относительно стараній въ будни: „на всѣхъ вообще золотыхъ промыслахъ въ Томской губерніи введены старательскія работы; онѣ дозволяются *исключительно въ праздники*, на *нѣкоторыхъ же промыслахъ допускались во всякій день* по исполненіи уроковъ

въ работахъ". Впрочемъ и Мишо говоритъ, что старательская промывка золота производилась по воскресеньямъ и праздникамъ, а относительно буднихъ дней онъ упоминаетъ только о стараніи на турфахъ, т.-е. снятіи турфа за особую повышенную плату.

Какъ дорожили присковые рабочіе старательскими работами, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1833 г. главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ нашелъ на нѣкоторыхъ прискахъ купца Попова безпорядочное веденіе работъ вслѣдствіе допущенія старанія на мѣстахъ, *выбираемыхъ самими рабочими*, и вслѣдствіе того старательскія работы на этихъ прискахъ, какъ состоящихъ въ спорѣ съ казною, были вовсе запрещены. Тогда съ этихъ присковъ изъ 700 чел. рабочихъ бѣжало 680. Поповъ жаловался министру финансовъ, и гр. Канкринъ нашелъ это запрещеніе „несовмѣстнымъ съ общими пользами“, тѣмъ болѣе, что оно вызываетъ неудовольствіе рабочихъ и побуждаетъ къ побѣгамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ мѣстному начальству употребить всѣ зависящія отъ него мѣры къ возврату рабочихъ на приски Попова, объявивъ имъ, что старанія имъ по прежнему дозволяются ¹⁾. Такъ какъ это случилось въ 1833 г. и такъ какъ запрещеніе старательскихъ работъ было вызвано безпорядочнымъ веденіемъ ихъ на мѣстахъ, выбираемыхъ самими рабочими, то этимъ, вѣроятно, и объясняются приведенныя выше условія договоровъ Рязанова и Баландина (1833 г.) и Асташева (1834 г.), ставившія допущеніе старательскихъ работъ и выборъ мѣста для нихъ въ полную зависимость отъ воли присковаго управленія.

Рабочіе такъ стояли за старательскія работы потому, что онѣ гораздо лучше оплачивались. За снятіе кубической сажени торфа или турфа съ золотосодержащихъ песковъ они получали по 4—5 руб. ассигн., а за каждый золотникъ добытаго и промытаго ими золота—на богатыхъ промыслахъ 2—3 руб., на убогихъ—до 4 руб. ассигн. (на „убогихъ“ промыслахъ плата выше, такъ какъ тамъ рабочимъ, при томъ же количествѣ труда, удавалось добыть менѣе золота). За самородки (болѣе крупныя куски золота), найденные рабочими, имъ платили по 2 руб. ассигн. за золотникъ, если самородокъ вѣсилъ отъ 1 до 2 золотниковъ, и по 3 р. за золотникъ, если онъ былъ тяжелѣе 2 золотниковъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ (1837 г.) говоритъ, что бывшіе до того времени волненія на прискахъ „по большей части получили свое начало отъ притѣсненій хозяевъ или нарушенія обѣщаній по такъ называемому старанію, коимъ при наймѣ обольщаютъ рабочихъ“ и которое составляетъ „предметъ вѣчныхъ распрей“ ²⁾. На запросъ по этому

¹⁾ Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № ²/₃₃, вѣз. 2, л. 183 об.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., прилож. къ дѣлу департ. зак. 1838 г. № 31 (по журналу).

предмету главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ, горный ревизоръ подполковникъ Семеновъ отвѣчалъ, что въ продолженіе его пятилѣтней службы горнымъ ревизоромъ частныхъ золотыхъ промысловъ онъ не только не замѣчалъ, чтобы управляющіе промыслами обвѣщивали рабочихъ при приѣмѣ старательскаго золота, но „ни прямо, ни косвенно не слыхалъ отъ нихъ на это жалобъ или ропота“ и не можетъ допустить мысли, „чтобы подобное обстоятельство было хотя малѣйшимъ поводомъ въ безпокойствамъ, возникшимъ на промыслахъ“ лѣтомъ 1837 г. ¹⁾). Но дѣло было не въ одномъ обвѣщиваньи, а также, какъ мы видѣли изъ договоровъ, въ правѣ присковаго управленія не допускать старанія въ спорахъ изъ-за болѣе или менѣе обильныхъ золотомъ мѣстъ и т. п.

Заработокъ на старательскихъ работахъ былъ весьма не одинаковъ: однимъ удавалось промыть и найти много золота, другимъ мало, но отдѣльные случаи крупныхъ заработковъ производили впечатлѣніе и, какъ соблазнительный выигрышъ въ лоттерей, влекли работниковъ на приски. „Многіе изъ рабочихъ“,—говоритъ капитанъ Мишо,—„отъ ихъ старанія выносить съ присковъ по нѣсколько сотъ рублей“, и въ 1834 году бывали случаи, что на богатыхъ промыслахъ Асташева и Рязанова работникъ получалъ въ одинъ разъ болѣе 500 руб. асс. за найденные самородки. Но такіе отдѣльные случаи еще ничего не доказываютъ, и нужно, если возможно, опредѣлять средній заработокъ рабочаго на старательскомъ золотѣ. Всего частными золотопромышленниками Томской губерніи израсходовано въ 1834 г. на старательское золото 153,861 р. асс., а такъ какъ тогда на этихъ промыслахъ работало 4,972 чел., то, слѣдовательно каждый изъ нихъ въ среднемъ заработалъ на стараніи 31 р. асс. ²⁾, т.-е. считая 5 мѣсяцевъ лѣтней операціи, всего по 6 руб. въ мѣсяцъ ³⁾. Такъ какъ это средняя цифра, и были приски болѣе или менѣе богатые золотомъ ⁴⁾, то слѣдовательно, хотя на нѣкоторыхъ промыслахъ рабочіе получали болѣе за старательское золото, но зато на

¹⁾ Арх. Том. Гор. Упр., вѣз. 75, л. 880—881.

²⁾ Отчетъ Мишо въ Арх. Горн. Деп., по описи дѣламъ 1 ст. 3 отд. д-та горн. и сол. дѣлъ 1835 г. № 1061; статья *Лучишева* въ газ. „Сибирь“ 1882 г. № 12, стр. 5.

³⁾ Въ виду этого понятно, что по договору Рязанова и Баладина (1833 г.) рабочіе, назначенные на шурфовку и вовсе не пользовавшіеся стараніемъ, получали 15 р. асс. въ мѣсяцъ, а остальные чернорабочіе—вѣроятно рублей по 10, по крайней мѣрѣ такая плата назначена по договору Асташева (1834 г.).

⁴⁾ Въ половинѣ 30-хъ гг. на различныхъ частныхъ золотыхъ прискахъ Томской губерніи содержаніе золота колебалось между 4 долями и 3 золотниками 70 долями на 100 пудовъ песку. (Гор. Журн. 1835 г. ч. IV, 557—565). На нѣкоторыхъ прискахъ по рѣкѣ Бирисѣ, на границѣ Иркутской и Енисейской губерній, содержаніе золота доходило въ 1838 г. до 6 золотниковъ, а среднее содержаніе бирюсинскихъ россыпей было около 1¼ золотника. (Гор. Журн. 1841 г., II, 148, 1839, II, 308).

другихъ зарабатывали еще менѣе. Очень естественно, что различіе въ выгоды старательскихъ работъ часто вызывало неудовольствіе рабочихъ и ихъ побѣги съ небогатыхъ золотомъ промысловъ ¹⁾).

Жилища рабочихъ на приискахъ строились ими самими; для этого по приходѣ на прииски хозяева давали имъ нѣсколько свободныхъ дней, но, по словамъ Мишо, рабочіе „до того небрежны къ самимъ себѣ“, что, несмотря на „избытокъ лѣса и свободного времени“, они, „по большей части, довольствуются нездоровыми землянками“. Дѣло тутъ, однако, не въ „небрежности къ самимъ себѣ“, а въ томъ, что за время, употребленное рабочими для строенія себѣ жилищъ, они не получали никакого вознагражденія ²⁾); понятно, что нужда заставляла ихъ поскорѣе приступить къ работѣ, дающей извѣстный заработокъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, по свѣдѣніямъ Алтайскаго горнаго правленія, „многіе рабочіе“ были на промыслахъ съ семьями.

Пищу рабочіе получали отъ хозяевъ, и количество ея опредѣлялось контрактами. По договору съ Рязановымъ и Баладиннымъ (1833 г.) они должны были получать въ скоромные и постные дни ржаной хлѣбъ и щи (безъ капусты) „съ малою частью ячной крупы и говядины, которой должно быть отпускаемо на каждого человѣка каждый день по 1 фунту со включеніемъ костей“, а желающіе поститься должны были довольствоваться только кашцею изъ ячной крупы безъ масла и болѣе ничего не требовать. По договору съ Асташевымъ (1834 г.) говядины свѣжей или соленой полагалось по 1 фунту, а хлѣба, крупъ и соли сколько потребуется, болѣе же ничего „по прихотямъ“ требовать они не должны были ³⁾).

Одежду (армяки, кафтаны, полушубки и проч.) и всѣ остальные необходимыя имъ вещи (сапоги, рукавицы, холстъ и т. п.) рабочіе получали въ счетъ платы изъ приисковыхъ амбаровъ. Капитанъ Мишо гово-

¹⁾ Золопромышленникъ Клепаловъ въ прошеніи министру государственныхъ имуществъ Киселеву (1839 г.) говоритъ, что поселенцы, работающіе на частныхъ промыслахъ Томской губерніи, зарабатываютъ до 12 р. въ мѣсяцъ, а со старательскими работами до 35 р. асс., въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ и болѣе. Среднее мѣсячное жалованіе дѣйствительно, какъ мы видѣли, слѣдуетъ принять въ 12 руб. асс.; но едва-ли можно признать среднимъ мѣсячнымъ заработкомъ на стараніи 23 руб. на каждого, судя, по крайней мѣрѣ, по вышеприведеннымъ даннымъ 1834 г.

²⁾ Напримѣръ, въ договорѣ Рязанова и Баладина сказано: „постройку для усюкоенія своего балагановъ, избушекъ, бань и прочаго должны сдѣлать собственно сами въ такое время, въ которое мы будемъ свободны отъ хозяйскихъ работъ“.

³⁾ Стоимость пищевого довольствія одного рабочаго, по свидѣтельству горнаго ревизора Семенова (1834 г.), равнялась 7 р. 25 к. асс. въ мѣсяцъ или около 25 к. асс. въ день. Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр. въ Барнаулѣ, связ. 47, дѣло № 815, л. 3.

реть: „отдаленность промысловъ отъ деревень, почти неприступность горъ, въ которыхъ они находятся, къ тому же и опасность допускать къ нимъ постороннихъ людей, принуждаютъ промышленниковъ запасаться всѣми потребными вещами для рабочихъ, въ чемъ они обязываются въ своихъ контрактахъ. Хотя не примѣчается, чтобы хозяева пользовались“ (т.-е. получали барыши) „отъ перепродажи рабочимъ необходимыхъ имъ вещей, не менѣе того можно желать, чтобы прочность сихъ предметовъ, ихъ доброта и положенныя на нихъ цѣны были подвергаемы повѣркѣ. Промышленники дозволяютъ своимъ прикащикамъ торговать разными вещами для удовлетворенія прихоти рабочихъ; когда примутся мѣры къ благоустройству людей, нанимающихся на промыслы, тогда эта торговля необходимо должна быть воспрещена, ибо неразсчетливый поселщикъ, заплативъ *двойную цѣну* за плисовый нарядъ, красную рубаху и подобныя вещи, отдаетъ все ни за что въ кабакъ, когда по выходѣ изъ работъ онъ промоталъ свои деньги“. Такимъ образомъ, хотя, по мнѣнію Мишо, золотопромышленники и не получали барышей съ присковскихъ амбаровъ, но въ то же время онъ признавалъ, что за товары, считавшіеся предметами роскоши, рабочіе платили двойныя цѣны, между тѣмъ какъ приски Томской губерніи находились не въ такомъ отдаленіи отъ городовъ, чтобы расходы по доставкѣ могли удваивать стоимость вещей. Алтайское горное управленіе утверждало (въ 1837 г.), что одежда и обувь выдается рабочимъ „по цѣнамъ довольно умѣреннымъ“; но въ томъ же году генералъ-губернаторъ Западной Сибири, требуя установленія таксы на товары, выдаваемые рабочимъ въ счетъ платы, и записыванія ихъ въ расчетные листы не иначе, какъ при свидѣтеляхъ, писалъ слѣдующее: „строгое соблюденіе сей мѣры безусловно необходимо для прекращенія плутовства прикащиковъ и ограниченія существующей на прискахъ между рабочими роскоши, которой вообще золотопромышленники потворствуютъ изъ личныхъ выгодъ, продавая за *тройную цѣну* вещи бесполезныя—плисы, ситцы, шелковые платки и тому подобныя предметы роскоши, вовлекая въ неоплатный долгъ людей легкомысленныхъ, которые, надержавъ безразсудно приобретенное въ теченіе лѣта тамъ, гдѣ обезпечены въ необходимостяхъ жизни, по прекращеніи работъ, не имѣя денегъ для возвратнаго пути, вынуждаются вступать въ новыя обязательства на какихъ бы то ни было условіяхъ и, возвращаясь на жительство необезпеченные въ своемъ существованіи до будущей весны, невольно должны изыскивать себѣ способы къ пропитанію воровствомъ или даже злодѣянiami“ ¹⁾. Слѣдуетъ упомянуть, что ввозъ вина и спиртныхъ напитковъ на приски былъ воспрещенъ.

Когда частныя золотыя промыслы въ Сибири стали привлекать

¹⁾ Арх. Госуд. Сов.

значительное количество рабочихъ, явилась потребность въ организаціи на нихъ медицинской помощи заболѣвающимъ; золотопромышленники объ этомъ не заботились, и потому администраціи пришлось принять принудительныя мѣры. Въ 1882 г. томская врачебная управа сдѣлала слѣдующее представленіе мѣстному губернатору: „Имѣя въ виду, что на золотопромышленныхъ заводахъ“ (т.-е. промыслахъ) „Томской губерніи, принадлежащихъ разнымъ частнымъ лицамъ, находится нынѣ болѣе 2,000 чел. работниковъ, какъ изъ ссыльныхъ, такъ и изъ государственныхъ крестьянъ, которые, въ случаѣ приключившихся имъ тяжкихъ или заразительныхъ болѣзней, необходимо должны быть жертвами оныхъ, потому что владѣльцы заводовъ, пользуясь доходами не первый уже годъ, никакъ не принимаютъ мѣръ“, чтобы подавать въ нужныхъ случаяхъ медицинскую помощь, врачебная управа считала справедливымъ, чтобы частныя лица, употребляющія для собственной пользы нѣсколько тысячъ человѣкъ въ работу, которая, безъ сомнѣнія, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье, ревностно заботились бы объ ихъ излѣченіи, а между тѣмъ золотопромышленники не приступаютъ къ этому „добровольно и изъ собственнаго побужденія“. Въ виду этого управа считала необходимымъ устроить на счетъ золотопромышленниковъ на ихъ „заводахъ“ временныя больницы, по одной кровати на 30 чел. рабочихъ, и опредѣлять туда опытныхъ лѣкарскихъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы разъ въ мѣсяцъ одинъ изъ членовъ управы осматривалъ эти больницы и руководилъ лѣченіемъ. Кромѣ пользы отъ этой мѣры для здоровья рабочихъ, врачебная управа находила это полезнымъ и потому, что „они тогда во всякомъ случаѣ увѣрены будутъ въ неслишкомъ строгомъ съ ними обращеніи управляющихъ“, теперь же можно предполагать противоположное, имѣя въ виду частыя побѣги рабочихъ. Такой контроль надъ управляющими, при которомъ „явные доказательства жестокости могутъ быть засвидѣтельствованы“ лѣченіемъ въ больницѣ и который, слѣдовательно, наложить узду на ихъ самоуправство, будетъ, по мнѣнію врачебной управы, полезенъ и для самихъ золотопромышленниковъ.

Алтайское горное правленіе, на разсмотрѣніе котораго было передано это представленіе томской врачебной управы, съ своей стороны нашло, что частныя золотопромышленники, на основаніи проекта горнаго положенія (1806 г.)¹⁾, обязаны имѣть на своихъ промыслахъ госпитали для лѣченія больныхъ, но выборъ мѣста для больницъ, число ихъ и изысканіе на нихъ средствъ должно предоставить „общему соглашенію самихъ частныхъ промышленниковъ“. Въ заключеніе Алтайское горное правленіе сдѣлало такое замѣчаніе: „что же принадлежитъ до описываемаго“ врачебною „управою будто бы жестокаго обращенія прикащи-

¹⁾ 1-е П. С. З. т. XXIX, стр. 586.

ковъ съ рабочими, то какъ горному правленію не извѣстно, изъ какихъ источниковъ управа получила о семъ свѣдѣніи и какъ обстоятельство сіе до врачебной управы вовсе не относится, а есть дѣло мѣстной полиціи, то, не входя въ изслѣдованіе справедливости сего извѣщенія“, горное правленіе предоставило его на благоусмотрѣніе томскаго губернатора.

Согласившись съ мнѣніемъ Алтайскаго горнаго правленія, губернаторъ предписалъ 10 октября 1832 г. томскому земскому суду предложить частнымъ золотопромышленникамъ устроить совѣщаніе по вопросу объ устройствѣ больницъ на ихъ приискахъ, но это почему-то исполнено не было, такъ что пришлось сдѣлать земскому суду строжайшее подтвержденіе и поручить губернскому правленію наблюдать за исполненіемъ этого предписанія. „Не предполагая успѣха въ семъ дѣлѣ и со стороны губернскаго правленія, сколько по первымъ его распоряженіямъ судить можно“ (?!), губернаторъ былъ вынужденъ предложить въ маѣ 1833 г. горному правленію, чтобы горный ревизоръ немедленно по прибытіи на золотые промысла предложилъ золотопромышленникамъ устроить совѣщаніе по вопросу о больницахъ. (Съ учрежденіемъ въ 1833 г. должности горнаго ревизора на него было возложено наблюденіе за внѣшнею исправностію промысловыхъ госпиталей, внутренняя же инспекція этихъ заведеній должна была производиться медицинскими чинами).

Настоянія администраціи стали обнаруживать свое дѣйствіе. Золотопромышленникъ Асташевъ и уполномоченный другого золотопромышленника, Андрея Попова, еще въ мартѣ 1833 г. обратились въ горное правленіе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ съ просьбою прислать имъ на время производства работъ двухъ опытныхъ подлѣзарей или лѣварскихъ учениковъ, которымъ они обязывались платить жалованье и давать содержаніе. Желаніе ихъ было исполнено, и на ихъ прииски были отправлены подлѣкаръ и лѣварскій ученикъ съ необходимыми лѣкарствами и инструментами, съ тѣмъ, чтобы золотопромышленники платили имъ жалованье, а по минованіи надобности отправили бы ихъ обратно въ Барнауль. По словамъ Мишо, золотопромышленники на главныхъ промыслахъ устроили „хорошія больницы“, но это показаніе едва ли заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ и въ позднѣйшее время приисковыя больницы въ большинствѣ случаевъ были крайне плохи. Въ 1837 г. уже были „больничныя заведенія“ на приискахъ наслѣдниковъ Поповыхъ, Асташева, Рязанова, Мясникова и Пѣшкова; ими завѣдывалъ принятый на русскую службу иностранецъ д-ръ Лессингъ ¹⁾.

¹⁾ Арх. Том. Горн. Упр. вѣз. 52, л. 479—480; вѣз. 75, л. 13—16, 27—29, 41—42, 50, 642.

При ничтожномъ мѣсячномъ жалованьи рабочіе принуждены были усиленно заниматься старательскими работами. Естественно, что они должны были чувствовать крайнее утомленіе и, иногда, быть можетъ, и безъ опредѣленной болѣзни являлись въ больницу для отдыха, а съ другой стороны присковый фельдшеръ могъ и дѣйствительно больного признать здоровымъ. Что такіа недоразумѣнія между рабочими и присковымъ управленіемъ бывали тогда, какъ и теперь, видно изъ тогдашнихъ контрактовъ. Въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.) сказано: „поелику на золотыхъ промыслахъ... многіе изъ рабочихъ людей показываютъ себя больными притворно изъ одной только лѣности и чрезъ то не только причиняютъ имъ, Рязанову и Баландину, напрасный убытокъ харчевымъ продовольствіемъ, которымъ они довольствуются безъ всякаго вычета“, но еще вынуждаютъ ихъ „приготовлять разныя лѣкарства, устраивать особыя комнаты и содержать лѣкарскихъ учениковъ“, и такимъ образомъ, причиняя весьма значительныя издержки, „въ необходимость поставляютъ Рязанова и Баландина при договорѣ уменьшать у нихъ мѣсячныя платы, въ такомъ случаѣ, желая воспользоваться преимуществомъ въ сихъ мѣсячныхъ платахъ, мы предоставляемъ впредь имъ, Рязанову и Баландину, на собственную ихъ волю имѣть извѣстныя приготовленія и постройки для больныхъ“. Это мѣсто контракта, очевидно, вызвано требованіями администраціи въ томъ же самомъ году устроить, какъ слѣдуетъ, врачебную помощь для рабочихъ. Далѣе рабочіе, „желая устранить напрасный убытокъ въ продовольствіи больныхъ“ и трату на лѣченіе, дозволяли Рязанову и Баландину взыскивать съ нихъ за то и другое, во время прогульныхъ дней, сполна. Такимъ образомъ, хотя въ началѣ этого параграфа контракта дѣло шло лишь о притворно-больныхъ (если даже признать присковыхъ фельдшеровъ компетентными въ отличеніи притворной болѣзни отъ настоящей), въ цѣломъ это условіе могло давать хозяевамъ поводъ дѣлать вычеты за лѣченіе и содержаніе со всѣхъ больныхъ. По договору съ Асташевымъ (1834 г.), хозяину предоставлялось право дѣлать вычеты только съ притворно больныхъ (и то, если они проболѣютъ болѣе трехъ дней въ мѣсяцъ) по 20 коп. ассигн. въ сутки.

Хотя, какъ мы видѣли, золотопромышленники въ договорахъ съ рабочими требовали отъ нихъ безпрекословнаго послушанія, но, разумѣется, эти требованія нерѣдко не исполнялись, и потому хозяева присковъ выговаривали себѣ въ контрактахъ право подвергать рабочихъ извѣстнымъ штрафамъ и наказаніямъ. Такъ, въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.) было сказано: „буде кто либо изъ насъ съ присковъ отлучится тайно, или по лѣности, развратному и буйному поведенію своему выходить будетъ (съ работы) ранѣе назначеннаго времени, или же промывать будетъ менѣе“ опредѣленнаго „количества песковъ, въ такомъ

случаѣ дозволяемъ имъ, Рязанову и Баландину, штрафовать таковыхъ вычетомъ за каждый просроченный часъ однимъ уповодомъ ¹⁾, за уповодъ — однимъ днемъ, а за день — тремя днями“. Другимъ пунктомъ того же договора опредѣленъ былъ штрафъ за преждевременное, досрочное окончаніе работъ: „такъ какъ на прискахъ гг. Рязанова и Баландина втеченіе прошлыхъ двухъ лѣтъ рабочими людьми всѣ работы оставлены были прежде срочнаго времени, то посему, если кто либо изъ насъ потребуетъ расчета прежде 1 числа октября и работы прекратитъ самовольно, въ такомъ случаѣ позволяемъ имъ, Рязанову и Баландину, штрафовать каждаго 9 руб.“ ассигн. (т. е. почти мѣсячною платою). Далѣе въ томъ же договорѣ постановлено: „если кто изъ насъ съ присковъ бѣжитъ или окажется себя къ работѣ нерадивымъ, ослушнымъ или буйнымъ и потому съ приска будетъ удаленъ, то вмѣсто таковыхъ имѣютъ они, Рязановъ и Баландинъ, право нанимать другихъ, хотъ и съ передачею въ цѣнѣ, въ вознагражденіе же сего, взятыхъ вещей и задаточныхъ денегъ позволяемъ имъ... отбирать отъ таковыхъ обувь, одежду и все, что при немъ и въ его селеніи найдется“, а если этого окажется недостаточно, то заработать, когда будетъ назначено ²⁾. Въ договорѣ Асташева мы находимъ по вопросу о наказаніяхъ рабочихъ два постановленія: 1) „Буде мы во время нахождения нашего въ рабочихъ куда либо отлучаться будемъ, или по лѣности уклоняться отъ работъ, или пьянствовать, то находящіеся при насъ приказчики могутъ насъ принуждать въ онимъ *полицейскими мѣрами*“ (т. е. тѣлесными наказаніями) „или отказывать отъ работы, чему и подвергаемся мы добровольно и, сверхъ того, за всякое ослушаніе законному сужденію“. 2) За небрежную промывку песковъ присковая администрація могла обратить промывальщиковъ въ чернорабочихъ, получавшихъ низшую

¹⁾ Время работы въ одинъ пріемъ до ѣды или отдыха.

²⁾ Наконецъ, въ томъ же договорѣ находимъ еще одно постановленіе о наказаніяхъ рабочихъ: „если кѣмъ либо изъ насъ учинено будетъ похищеніе золота или кто-либо изъ насъ къ сему похищенію кого-либо подговорить, или же о томъ зналъ и не доказалъ, то таковые, какъ похитители государственнаго интереса, должны подлежать суду уголовному; также конъ изъ насъ поступать будутъ вопреки сего контракта или во вредъ распоряженіямъ управляющаго промыслами, или, тѣмъ паче, окажутъ ослушаніе и буйство, таковые подвергаются тому наказанію и взысканію, какое опредѣлено проектомъ горнаго положенія заводскимъ мастеровымъ“. А по проекту горнаго положенія (для управленія горныхъ заводовъ хребта Уральскаго) 1806 г. мастеровые за всѣ уголовныя преступленія предаются военному суду и „по надлежущему и закономъ опредѣленному наказанію“ (всего чаще практиковалось на казенныхъ и кабинетскихъ заводахъ сѣченіе шпидрутенами) не отправляются (кромя самыхъ важныхъ преступленій) въ ссылку, а „употребляются въ самыя тяжчайшія работы или при томъ же заводѣ, или переводятся на другой заводъ того же начальства“. 2 П. Соб. Зак. т. XXIX, стр. 612—613, §§ 860 и 869.

плату. Слѣдовательно, кромѣ наказаній по суду, рабочіе подлежали на пріискахъ слѣдующимъ взысканіямъ: денежнымъ штрафамъ, переводу съ работы, лучше оплачиваемой, на худшую, отказу отъ работы, отказу отъ работы съ наймомъ на ихъ счетъ другихъ рабочихъ и, наконецъ, „полицейскимъ мѣрамъ“, т. е. тѣлеснымъ наказаніямъ: недаромъ томская врачебная управа упоминала о жестокихъ наказаніяхъ рабочихъ пріисковыми управляющими. Въ 40-хъ годахъ тѣлесныя наказанія также въ самомъ широкомъ размѣрѣ практиковались на пріискахъ.

По нѣкоторымъ договорамъ рабочіе обязывались „не имѣть между собой никакихъ азартныхъ денежныхъ игръ“, но подобныя обязательства плохо исполнялись. По словамъ Мишо, на промыслахъ существовало „пагубное зло, которое ни полицейскій чиновникъ, ни промышленники не въ силахъ прекратить,—это игры въ карты, кости, орлянку и т. п.“. Въ 1833 г. „хозяева покушались отнять карты у рабочихъ, но они вдругъ собрались толпами съ рѣшительнымъ намѣреніемъ оставить промыслы“. Эти игры, продолжаетъ Мишо, „до того усилились, что поселящии проводятъ за ними все свободное время, обыгрывая одинъ другого“; были примѣры, что выигрыши искусныхъ игроковъ доходили до 500 руб. и болѣе.

Въ договорахъ съ золотопромышленниками рабочіе обязывались не только не похищать золота, но и смотрѣть за другими и доносить о зломъ умыслѣ въ этомъ отношеніи своихъ товарищей. По словамъ горнаго ревизора Семенова (1836 г.), „рабочіе во время обыкновенныхъ работъ на промыслахъ во множествѣ похищаютъ золото“, но они большею частью сдаютъ его владѣльцамъ „подъ видомъ полученнаго отъ старательскихъ работъ“. По упомянутому выше указу 1834 г., похитители золота, скупщики и всякіе ихъ сообщники должны были судиться военнымъ судомъ.

Мы видѣли, что, по признанію самой мѣстной администраціи, у пріисковыхъ рабочихъ могло быть не мало серьезныхъ причинъ для недовольства: или ихъ заставляли (хотя бы и на основаніи контракта) оставаться на работѣ позднюю осень, такъ что могло явиться опасеніе, удастся ли благополучно добраться до дому, или пріисекъ былъ бѣденъ золотомъ, или при отводѣ мѣстъ для старательскихъ работъ совершались несправедливости, или плохо кормили, цѣны въ пріисковомъ амбарѣ были слишкомъ высоки, или, наконецъ, управляющіе жестоко обращались съ рабочими и т. п. Недовольство рабочихъ проявлялось двумя способами: побѣгами и волненіями, причемъ побѣгъ значительнаго количества рабочихъ иной разъ переходилъ въ открытое волненіе. Еще въ договорѣ Рязанова и Баландина (1833 г.) упомянуто, что, втеченіе двухъ предшествующихъ лѣтъ, рабочіе прекратили работу на ихъ пріискахъ ранѣе срока. Такъ какъ этотъ договоръ былъ заключенъ осенью 1833 г., то,

слѣдовательно, тутъ, вѣроятно, подразумѣваются лѣтнія операціи 1832 и 1833 гг. Относительно 1832 г. намъ неизвѣстно никакихъ подробностей, но о волненіи слѣдующаго года мы имѣемъ обстоятельныя свѣдѣнія.

26 іюня 1833 г. управляющій промыслами Рязанова и Баландина донесъ горному ревизору Семенову, что рабочіе (крестьяне и поселенцы Ачинскаго округа), находившіеся на Большеникольскомъ приискѣ его довѣрителей, въ числѣ 78 человекъ, взбунтовались и ушли самовольно съ прииска въ деревню Тамбаръ, а такъ какъ большинство ихъ крестьяне, за нихъ внесено въ уплату податей по 25—35 р. за каждого и деньги эти еще не заработаны, и такъ какъ по контракту они обязаны работать до 1 и даже до 15 октября, то управляющій промыслами просилъ Семенова вернуть рабочихъ на прииски и привести ихъ въ должное повиновеніе. Пріѣхавъ въ деревню Тамбаръ (нынѣ Маріинскаго округа въ 115 верст. отъ города), Семеновъ уговорилъ рабочихъ возвратиться на прииски, но они, утомившіеся послѣ труднаго двухдневнаго пути, просили позволенія переночевать въ деревнѣ, что имъ и было дозволено. Однако, на другой день толпа ихъ (63 чел.) заявила, что они не возвратятся на промысла и пойдутъ домой, о чемъ и было дано знать Ачинскому земскому исправнику. Вслѣдъ за тѣмъ, Семеновъ получилъ извѣстіе, что 27 іюня съ Бурлевскаго прииска Поповыхъ¹⁾ также самовольно ушло 160 чел., и послалъ донесеніе главному начальнику Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, прося его предписать томскому земскому исправнику и смотрителю поселеній немедленно прибыть въ Дмитріевскую волость, вмѣстѣ съ нимъ, Семеновымъ, изслѣдовать причины побѣга рабочихъ и принять мѣры для того, чтобы они выполнили свои обязанности по контрактамъ, „ибо, въ противномъ случаѣ, начальные примѣры самовольства, оставленные безъ скорого взысканія, могутъ родить самыя вредныя послѣдствія для всѣхъ частныхъ золотопромышленниковъ“.

Дѣйствительно, волненіе не ограничилось двумя названными приисками. 3 іюля управляющій промыслами Рязанова и Баландина послалъ донесеніе Семенову, что крестьяне и поселенцы Ачинскаго уѣзда, находящіеся на Воскресенскомъ приискѣ²⁾, „выхода время отъ времени изъ повиновенія“, постепенно усилили „буйство и матажъ до такой степени, что сочили уже себя вправѣ производить на томъ приискѣ въ табельные дни добычу и промыску самыхъ богатѣйшихъ песковъ самовольно, хищническимъ образомъ, вопреки заключеннаго съ ними контракта и вопреки горнымъ узаконеніямъ, такъ что при таковой добычѣ песковъ не только не принимали они въ уваженіе никакихъ распоряженій прикащиковъ и

¹⁾ На притокѣ р. Тайдона, впадающей въ Томь.

²⁾ На р. Кундустуулѣ; богатый приискъ съ среднимъ содержаніемъ золота въ 2 золотника 33 доли. „Горн. Журн.“ 1835 г. ч. IV, 561.

горныхъ штейгеровъ, но даже не дозволяли имъ приближаться къ разрѣзу, устрашивая ихъ ножами“. Посредствомъ такой „хищнической добычи песковъ могли они усилить свою вымывку золота до 6 фун. и получить въ одинъ день болѣе 1,500 руб. за свою работу“ (число рабочихъ на этомъ промыслѣ намъ неизвѣстно), при всякомъ же замедленіи выдачи денегъ или малѣйшемъ противорѣчіи приказчиковъ и штейгеровъ „возмутители дѣлали разныя устраиванія и показывали духъ совершеннаго разбоя“. Наконецъ, буйствовавшіе сильнѣе другихъ 28 чел. рабочихъ (Ачинскаго округа) 1 іюля бѣжали съ пріиска, а на другой день бѣжало еще столько же. Двое приказчиковъ погнались за ними и нагнали ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пріиска, но рабочіе схватились за камни, а одинъ поселенецъ хотѣлъ ударить ножомъ упавшаго съ лошади приказчика, но тотъ остановилъ его выстрѣломъ дробью, ранивъ рабочаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Ачинскій земскій исправникъ (описанное событіе произошло на границѣ ачинскаго уѣзда), получивъ извѣстіе о томъ отъ Семенова, далъ ему знать, что 51 челов. изъ числа бѣжавшихъ пойманы и находятся подъ присмотромъ въ г. Ачинскѣ, а объ отысканіи остальныхъ и отправкѣ подъ карауломъ на мѣсто производства работъ сдѣлано распоряженіе. Съ своей стороны томскій губернаторъ отправилъ изъ Томска ревизора экспедиціи о ссыльных Миллера съ командою казаковъ для того, чтобы онъ возвратилъ рабочихъ, бѣжавшихъ съ пріиска Попова, и произвелъ слѣдствіе о причинѣ ихъ побѣга. Встрѣтивъ сопротивление со стороны рабочихъ, Миллеръ вызвалъ Семенова въ с. Кію (нынѣ г. Маріинскъ, Томской губ.), гдѣ находилась тогда вся толпа бѣглецовъ, но и ему не удалось уговорить рабочихъ. Однако, когда вскорѣ послѣ того 3 поселенца, руководившіе толпою, были арестованы при помощи военной команды, то остальные бѣглецы возвратились на пріискъ.

Рабочіе, ушедшіе съ Большеникольскаго пріиска Рязанова и Баландина, заявили, что главная причина ихъ побѣга — суровое обращеніе съ ними двухъ надзирателей, избранныхъ изъ ихъ же среды, что затѣмъ имъ не отпускали полного пайка говядины и, наконецъ, что при отводѣ мѣстъ для старательскихъ работъ надзирателямъ давали лучшія, а имъ худшія мѣста. Бѣжавшіе же съ Бурлевскаго пріиска Поповыхъ жаловались, главнымъ образомъ, на непозволеніе вынимать пески для старательскихъ работъ на мѣстахъ, приготовленныхъ ими самими, и на то, что имъ не заплатили денегъ за прежнее стараніе. Но мѣстная администрація тогда, какъ и теперь, держала гораздо болѣе сторону золото-промышленниковъ, чѣмъ рабочихъ, и потому бергмейстеръ Семеновъ, сообщая жалобы послѣднихъ горному правленію Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, съ своей стороны замѣтилъ: „Всѣ сіи причины“ побѣговъ, „почти съ достовѣрностью (!) могу доложить, есть едва ли не

одна только выдумка для прикрытія своего преступленія. Заключение свое основываю я на слѣдующемъ: 1) во время личнаго моего обзора промысловъ нѣто изъ рабочихъ людей, нахолившихся на пріискѣ Больше-никольскомъ, не приносилъ мнѣ жалобы ни на суровое обращеніе съ ними нарядчиковъ, ни на содержаніе ихъ пищею, и въ семъ послѣднемъ отношеніи единогласно всѣ рабочіе, на всѣхъ вообще промыслахъ, отзывались весьма довольными. 2) Суровое обращеніе надзирателей, избирающихся изъ среды же рабочихъ, всегда можетъ быть прекращено жалобами прикащикамъ (?), а кольми паче самимъ управляющимъ промыслами, и даже нѣтъ причинъ къ подобному съ рабочими обращенію, ибо вскрывша и промывша песковъ на промыслахъ Рязанова и Баландина производится уроками, которые назначаются всегда съ согласіемъ самихъ рабочихъ" (т. е. по договору, заключаемому подъ давленіемъ нужды), „а иначе и они имѣютъ полную свободу не брать работы на урокъ" (но тогда, значить, нужно работать цѣлый день, не пользуясь старательскими работами, которыя только однѣ и увеличивали нѣсколько ничтожный заработокъ рабочихъ); „полагаемые же нынѣ уроки", продолжаетъ Семеновъ, „какъ лично удостовѣрился я, столь не обременительны, что рабочіе оканчиваютъ ихъ въ половинѣ дня и бываютъ остальное время свободны. 3) Личныя выгоды промышленниковъ требуютъ, чтобы привлекать рабочихъ на промыслы, и они всѣ, въ чемъ совершенно я удостовѣренъ, строго придерживаются сего правила и потому стараются, сколь возможно, довольствовать рабочихъ пищею самою сытною и самою хорошею, удаляютъ отъ нихъ всякій поводъ къ притѣсненію и не токмо вполне соблюдаютъ съ своей стороны условія контрактовъ, но даже и весьма нерѣдко дѣлаютъ въ пользу рабочихъ нѣкоторыя пожертвованія... и 4) Старательныя работы я считаю милостію со стороны владѣльцевъ въ пользу рабочихъ, ибо владѣльцы не обязываются въ контрактахъ дѣлать имъ сего угожденія и слѣдовательно въ семъ отношеніи претензія бѣжавшихъ... совершенно ничтожна". Семеновъ упускалъ только изъ виду, что старательскія работы уже установились обычаемъ и что безъ нихъ рабочіе не пошли бы на промыслы изъ за ничтожнаго мѣсячнаго жалованья въ 10—15 руб. ассигн.

Возвращенные съ помощью военной команды на пріиски Рязанова и Баландина рабочіе оставались въ полномъ повиновеніи до 20 сентября, но затѣмъ работать рѣшительно отказались (вѣроятно, въ виду осенняго времени) и, хотя по контракту они обязаны были оставаться на пріискахъ до 1 октября, но сами хозяева признали ихъ неповиновеніе извинительнымъ.

Въ сентябрѣ 1833 года главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ (бывшій въ то же время и томскимъ губернаторомъ), Е. П. Ковалевскій, отправился изъ Томска на частные золотые промысла, съ цѣлю выяснитъ себѣ причины частыхъ побѣговъ рабочихъ, и на пути

получилъ извѣстіе, что 500 рабочихъ съ Рождественскаго и Бурлевскаго принсковъ Поповыхъ отправились на ихъ же Бирикульскій (или Бирикюльскій) промыселъ для расчета подъ предлогомъ, что промысла эти „отбираютъ въ казенный присмотръ, подъ конимъ они, рабочіе, не хотятъ продолжать работу по контракту, заключенному ими съ Поповымъ“. Ковалевскій отправился на Бирикульскіе промысла ¹⁾, гдѣ, дѣйствительно, нашелъ рабочихъ съ Рождественскаго и Бурлевскаго принсковъ. Они единогласно заявили, что готовы были продолжать тамъ работы, но сами приказчики и особенно главноуправляющій Христофоръ Поповъ сказали имъ, что промысла поступаютъ въ казну и что если они хотятъ работать для казны, то пусть остаются, но что Поповымъ они болѣе не нужны, и для окончательнаго расчета послали ихъ на Бирикульскіе промысла. То же самое рабочіе подтвердили при увѣщаніи ихъ священникомъ и на слѣдствіи. Убѣдившись въ томъ, что сами приказчики отказали рабочимъ и заставили ихъ отправиться на другіе принскы, и что нѣтъ возможности возвратить ихъ на прежнее мѣсто, такъ такъ они единодушно заявили, что подъ распоряженіемъ управляющаго этими промыслами они оставаться не могутъ (да и приспособленія для промыски золота, по распоряженію приказчиковъ Поповыхъ, уже были сняты), Ковалевскій потребовалъ отъ уполномоченнаго золотопромышленниковъ, чтобы онъ или употребилъ пришедшихъ на Бирикуль рабочихъ по своему усмотрѣнію, или далъ имъ окончательный расчетъ. Получивъ въ послѣдствіи свѣдѣніе, что нѣкоторые изъ рабочихъ не выполнѣ отработали выданныя имъ деньги, Ковалевскій приказалъ отправить этихъ людей на ближайшіе принскы Поповыхъ, вслѣдствіе чего они поступили на Бирикульскіе промысла, но 129 челов., несмотря ни на какія усилія, ушли съ принсковъ.

Сверхъ описанныхъ происшествій на промыслахъ Поповыхъ и К^о Рязановыхъ и Баландинныхъ рабочіе уходили еще съ принсковъ Черепанова и Верходанова и К^о Осипова ²⁾. Донося обо всѣхъ этихъ событіяхъ министру финансовъ, Е. П. Ковалевскій пояснилъ, что причиною ихъ, „кромѣ своевольтва и наклонности къ бродяжничеству“ рабочихъ, являются „также и *поступки съ ними, если не хозяевъ, то жмущихъ приказчиковъ*“ ³⁾.

¹⁾ Въ 35 верстахъ къ югу-западу отъ села Тисуля (или, какъ тогда писали, Тисюля).

²⁾ Принскъ первыхъ находился всего въ полуверстѣ отъ Большеникольскаго промысла Рязанова и Баландина, и на тамошнихъ рабочихъ, вѣроятно, повліяло волненіе ихъ сосѣдей, принскъ же Осипова былъ очень бѣденъ золотомъ.

³⁾ Арх. Томск. Горн. Управл., вяз. 40, л. 479 — 489, 505 — 506. Арх. Главн. Управл. Алтайск. Горн. Окр. (въ Барнаулѣ), вяз. 37, № 653 (1893 г.), л. 10.

Ранѣе въ донесеніи министру финансовъ (1833 г.) Е. П. Ковалевскій высказалъ, что для удержанія рабочихъ отъ побѣговъ съ частныхъ золотыхъ присковъ Томской губерніи онъ считаетъ необходимымъ учрежденіе особой военной стражи. Когда отъ него потребовали болѣе подробныхъ данныхъ по этому вопросу, то онъ въ свою очередь обратился къ частнымъ золотопромышленникамъ, изъ отвѣтовъ которыхъ мы остановимся на одномъ.

Золотопромышленникъ, надворный совѣтникъ Асташевъ, находилъ на первый разъ достаточнымъ расположить военную стражу въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ Дмитріевской волости, что же касается учрежденія военной стражи на самихъ приискахъ, то это можно сдѣлать лишь „постепенно и то съ крайнею осторожностью, дабы не возбудить въ рабочихъ ропота на введеніе военнаго за ними караула, тогда какъ они находятся въ работѣ по вольному найму“. Впрочемъ, если содержать военную стражу по близости промысловъ, то все-таки можно будетъ подъ разными предлогами помѣстить часть ея и на самыхъ промыслахъ, но этого Асташеву казалось недостаточно. Управляющій промыслами Рязанова и Баландина, мѣщанинъ Рязановъ, въ своемъ заявленіи предлагалъ распространить на рабочихъ частныхъ золотыхъ промысловъ горныя узаконенія, такъ какъ при невыполненіи контрактовъ всякое взысканіе на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ „вовлечетъ золотопромышленниковъ въ такія тяжбы, которыя неминуемо разстроитъ промысла“ и остановить ихъ производство. Заявление Асташева показываетъ, что всего болѣе изъ „горныхъ узаконеній“ правилось золотопромышленникамъ. „Опытъ доказалъ уже“, говоритъ Асташевъ, „что опредѣленіе отдѣльнаго засѣдателя на частные золотые промыслы въ качествѣ полиціймейстера и съ властью штрафовать буйныхъ и непокорныхъ рабочихъ изъ ссылныхъ, по силѣ Полковничьей Инструкціи, принесло ощутительную пользу, и покорность въ нихъ видимо увеличилась; а посему, еслибъ и благоудобно было, принявъ въ соображеніе классъ и свойство людей, на частныхъ золотыхъ промыслахъ находящихся“, постановить, „чтобъ они за два преступленія, наиболѣе важныя въ отношеніи общей тишины и спокойствія, т. е. за явное неповиновеніе и побѣгъ, подвергаемы были, примѣняясь къ силѣ §§ 860 и 869 Проекта Горнаго Положенія ¹⁾ военному суду (!), то я убѣжденъ несомнѣнно, что полицейская часть на промыслахъ и спокойствіе жителей смежныхъ селеній никогда или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко бѣглецами были бы нарушены, а учреждаемая военная стража положить рѣшительную къ тому преграду“. Препровождая къ Ковалевскому отвѣты золотопромышленниковъ на сдѣланный имъ запросъ, горный ревизоръ Семеновъ рекомендовалъ его вниманію мнѣ-

¹⁾ Мы сообщимъ выше содержаніе этихъ параграфовъ.

ніе Асташева, какъ основательнѣйшее и сообразное съ тогдашнимъ состояніемъ промысловъ.

Однако, вопросъ объ учрежденіи военной стражи на частныхъ золотыхъ промыслахъ былъ рѣшенъ пока отрицательно: въ маѣ 1834 г. начальникъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, ген. Чевкинъ, извѣстилъ Е. П. Ковалевского, что главноуправляющій корпусомъ горныхъ инженеровъ (министръ финансовъ Канкринъ) не призналъ учрежденія такой стражи „необходимымъ и дѣйствительнымъ выгодамъ казны соотвѣтственнымъ, тѣмъ болѣе, что и сами промышленники доселѣ не приносили жалобъ на непослушаніе посельщиковъ, ими въ работу принимаемыхъ“ ¹⁾.

Бѣгство рабочихъ съ промысловъ продолжалось и въ слѣдующіе годы. Въ 1834 г., по свидѣтельству кап. Мишо, съ приисковъ Томской губерніи бѣжало 349 чел., что составляло 7% всего числа явившихся на работу (послѣднихъ было 4,972 ч.), по различнымъ же промысламъ число бѣжавшихъ колебалось между 2% (на приискахъ Рязанова и Баландина) и 52% (на приискахъ Мыльниковъ, 87 чел.). Съ промысловъ Попова бѣжало 148 чел., что составляетъ болѣе 7% явившихся на работу. Въ 1835 г. явилось на работу 6,017 чел., изъ нихъ бѣжало 344 чел. (6%); по отдѣльнымъ промысламъ число бѣжавшихъ колебалось между 2 и 43% (послѣднее на промыслахъ Мыльниковъ, 59 чел.). На приискахъ Мясникова бѣжало 130 чел., что составляетъ 9% всѣхъ явившихся на работу ²⁾. По мнѣнію Мишо, „бѣгство рабочихъ... должно болѣе отнести къ ихъ самовольству, нежели къ дурному обращенію владѣльцевъ съ ними. Лѣнivecъ, бродяга, забравъ у своего хозяина условленную плату за мѣсяцъ впередъ, скучаетъ трудиться, ему кажется, что это онъ дѣлаетъ даромъ“ и онъ „оставляетъ работу“. Но если бѣжало, какъ это было на промыслахъ Мыльниковъ, около половины рабочихъ (52% въ 1834 г. и 43% въ 1835 г.), то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что на этихъ промыслахъ были какія нибудь особенно неблагоприятныя условія въ жизни рабочихъ.

Въ виду значительныхъ побѣговъ рабочихъ въ 1834 г., по большому сибирскому тракту, отъ Томска къ границамъ Енисейской губерніи, и около золотыхъ промысловъ были расположены 5 эскадроновъ казаковъ, а въ 1835 г. одинъ эскадронъ былъ поставленъ въ селахъ Кійскомъ и Тисульскомъ; въ 1836 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири предписалъ, чтобы въ половинѣ мая было командировано 200 си-

¹⁾ Арх. Главн. Управл. Алтайск. Горн. Окр., вѣз. 37, дѣло № 654 (1833 г.), л. 1, 4, 9—13 об., 36.

²⁾ Томск. Губ. Арх., вѣз. 907, дѣло №40/5145, 1835 г., л. 24.

бирскихъ казаковъ для охраненія частныхъ промысловъ Томской губерніи¹⁾.

Всего болѣе возможны были злоупотребленія со стороны золото-промышленниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всего легче было и оставленіе ихъ рабочими въ томъ случаѣ, если послѣдніе были наняты не по явочнымъ договорамъ. Мы видѣли выше, что по закону 1822 г. такой наемъ былъ дозволенъ, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неисполненія нигдѣ не явленныхъ договоровъ дѣло не подлежало никакому судебному разбирательству (въ томъ числѣ и въ волостныхъ правленіяхъ, и въ земскихъ судахъ). Имѣя въ виду этотъ законъ, томскій земскій исправникъ Кусенковъ 24 мая 1835 г. далъ слѣдующее предписаніе засѣдателю (тоже, что въ Европейской Россіи становой) Безрядову: „изъ поступившаго ко мнѣ отъ прикащика купца Мясникова... прошенія усмотрѣлъ я, что вы, принявъ словесную просьбу... насчетъ неявившихся на пріиски для работъ крестьянъ, давали отъ себя личныя приказанія и письменныя предписанія сельскимъ начальникамъ о побужденіи къ тому крестьянъ“. Находя такія побужденія противными закону, воспреещающему „всѣ по-нудительныя мѣры со стороны полиціи въ случаѣ „неисполненія условій“ по найму въ работу, тѣмъ болѣе, что наемъ въ работу означенныхъ людей... производимъ былъ безъ условій, а выдача задаточныхъ денегъ основана была на личномъ его и хозяина его довѣріи къ крестьянамъ, я вынужденнымъ себя нахожу предписать, чтобы вы на будущее время ни въ какомъ случаѣ не осмѣливались принимать на себя неподлежащія до должности вашей обязанности, предваряя притомъ, что если еще я замѣчу, что вы осмѣливаетесь давать подобныя предписанія, то я доведу до свѣдѣнія... томскаго гражданскаго губернатора для поступленія съ вами по законамъ“. Такъ какъ по предписанію засѣдателя одно изъ волостныхъ правленій также дѣлало распоряженія о высылкѣ неявившихся на пріиски крестьянъ и поселенцевъ, то Кусенковъ послалъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ томскаго уѣзда предписанія не только не принимать ни отъ кого просьбъ, подобныхъ просьбѣ золотопромышленника Мясникова (въ случаѣ найма по неявочнымъ условіямъ), но и не исполнять предписаній засѣдателей, данныхъ по подобнымъ дѣламъ, не представивъ ихъ предварительно на разрѣшеніе исправника.

Хотя дѣйствія Кусенкова были въ этомъ случаѣ совершенно законны, но не даромъ говорится: „съ сильнымъ не борись“. Многіе частные золотопромышленники принесли томскому губернатору жалобу, будто бы Кусенковъ, вмѣсто побужденія нанимающихся у нихъ по условіямъ рабочихъ, далъ строжайшія предписанія „не принимать *никакихъ* (?)

¹⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 37, дѣло № 654, л. 37—40, вяз. 48, дѣло № 896, л. 1—3, 9—10, Том. Губ. арх., вяз. 907, дѣло № 40/5106, л. 52.

просьбъ по сему предмету отъ частныхъ золотопромышленниковъ". Въ такой формѣ жалоба была совершенно ложью, такъ какъ предписаніе Кусенкова касалось только рабочихъ, нанятыхъ по *нелегальнымъ договорамъ*. Тѣмъ не менѣе земскій исправникъ въ сентябрѣ 1835 г. получилъ предписаніе „о прекращеніи стѣснительныхъ для золотопромышленниковъ дѣйствій и о дѣятельномъ оказаніи вообще земскою полиціею всѣхъ законныхъ пособій въ побужденіи и въ выселѣніи нанимающихся у нихъ по условіямъ крестьянъ и поселенцевъ" и вслѣдствіе этого „въ дополненіе предписанія отъ 24 мая" предписалъ волостнымъ правленіямъ, „въ случаѣ предъявленія кѣмъ либо изъ золотопромышленниковъ жалобы на неявку на приски рабочихъ, побѣгъ ихъ съ присковъ и т. п.", оказывать имъ „всевозможныя пособія въ выселѣніи рабочихъ" безъ малѣйшаго промедленія, а о содержаніи жалобъ и своихъ распоряженіяхъ доносить ему, исправнику, не дѣлая предварительныхъ представленій (какъ было прежде имъ предписано) „во избѣжаніе потери времени и излишней переписки". Въ подобномъ же распоряженіи Кусенкова, посланномъ отдѣльному засѣдателю по золотымъ промысламъ, было кромѣ того предписано, чтобы золотопромышленники всѣ контракты ихъ съ рабочими послѣ того, какъ они будутъ заключены, предъявляли земскому суду, „дабы судъ, вѣдая силу условій, не затруднился и въ удовлетвореніи требованій промышленниковъ".

Но этимъ не окончилось дѣло, возбужденное недовольствомъ золотопромышленниковъ на совершенно законное предписаніе исправника; въ него вмѣшался шефъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ. „До свѣдѣнія моего дошло", писалъ онъ секретно 18 ноября 1835 г. генераль-губернатору Западной Сибири Сулимъ, „что управляющій составившагося въ С.-Петербургѣ общества золотыхъ промысловъ въ Томской губерніи коллежскій совѣтникъ Асташевъ лишенъ всякой помощи въ удержаніи на промыслахъ людей, нанятыхъ имъ для работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло сдѣлалось извѣстно, что таковыя безпорядки въ особенности поощряетъ томскій земскій исправникъ Кусенковъ", который (будто бы) предписалъ не принимать „никакихъ (!) просьбъ о понужденіи нанятыхъ въ работу людей къ исполненію ихъ обязанностей и никакого пособія въ семъ случаѣ не дѣлать... Отъ столь неблагонамѣренныхъ дѣйствій сего чиновника кол. сов. Асташевъ терпитъ величайшее затрудненіе въ своихъ распоряженіяхъ", и потому гр. Бенкендорфъ просилъ генераль-губернатора Западной Сибири „обратить начальственное вниманіе на злоупотребленіе власти (?) со стороны исправника Кусенкова и другихъ, ему подобныхъ, чиновниковъ и прекратить имъ возможность къ продолженію ихъ незаконныхъ притѣсненій". Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Бенкендорфъ просилъ генераль-губернатора принять Асташева въ свое „милостивое покровительство" и удостоить „особеннаго вниманія" предпріятіе общества, которымъ

онъ завѣдуеть. Чѣмъ, однако объясняется такое „особенное вниманіе“ къ просьбѣ Асташева со стороны самого шефа жандармовъ? Тѣмъ, что *гр. Бенкендорфъ имѣлъ 14 павѣ въ обществѣ*, учрежденномъ въ іюлѣ того же 1835 г. и представителемъ интересовъ котораго являлся Асташевъ ¹⁾.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири поспѣшилиъ принять весьма рѣшительныя мѣры для прекращенія, по мнѣнію гр. Бенкендорфа, неблагонамѣренныхъ, а въ сущности весьма законныхъ, дѣйствій Кусенкова: онъ предписалъ 12 октября 1835 г. немедленно удалить его отъ должности и причислить къ губернскому совѣту впредь до усмотрѣнія. Любопытно, что всего за двѣ недѣли до написанія гр. Бенкендорфомъ письма, имѣвшего такое рѣшительное вліяніе на судьбу бѣднаго исправника, состоялось Высочайше утвержденное постановленіе Сибирскаго Комитета (распубликованное впрочемъ 20 декабря), которымъ воспрещалось служащимъ въ Сибири заниматься руднымъ промысломъ. Гр. Канкринъ предложилъ эту мѣру именно въ виду того, что въ противномъ случаѣ эти чиновники могутъ быть „судьями и исполнителями въ дѣлахъ слѣдственныхъ, судебныхъ и тяжбныхъ“ по золотопромышленности ²⁾. А въ данномъ случаѣ одинъ изъ пайщиковъ частной золотопромышленной компаніи, гр. Бенкендорфъ, благодаря громадному вліянію, доставляемому ему его официальнымъ положеніемъ, лишаетъ должности исправника. непріятнаго этой компаніи, не смотря на то, что послѣдній дѣйствовалъ вполне законно.

Нужно замѣтить, что еще ранѣе полученія письма гр. Бенкендорфа, генералъ-губернаторъ Западной Сибири 22 ноября препроводилъ къ исправляющему должность томскаго губернатора поданную ему частными золотопромышленниками записку противъ того же исправника ³⁾,

¹⁾ Другіе пай этой золотопромышленной компаніи имѣли слѣдующія лица: гр. Чернышевъ—6 павѣ, Адлербергъ—10, Брискорнъ—15, Позень—25, Асташевъ—20 и Якобсонъ—10. Условія, на которыхъ составилаь эта К^о, см. 2 П. С. З. т. X, № 8296.

²⁾ П. С. З. т. X, № 8531; *Рассели*, стр. 26—27.

³⁾ Въ ней, между прочимъ, было сказано: „Дерзость исправника такъ велика, что по жалобѣ на его дѣйствія губернатору, получа строгое предписаніе тотчасъ уничтожить неправильное свое распоряженіе (?), онъ и не подумалъ исполнить этого съ сама до конца августа“, дозволивъ все гдѣ работникамъ промышленниковъ неволебно бродяжничать изъ одного мѣста въ другое. По вновь поданной губернатору просьбѣ онъ далъ слово подтвердить исправнику прежнее приказаніе, но, судя, по непокорности послѣдняго, нельзя ожидать исполненія, если не будетъ употреблена особая строгость въ наблюденіи за его поступками“. Между тѣмъ изъ подлиннаго дѣла видно, что первое (а не второе) предписаніе губернатора Кусенкову по этому вопросу было дано въ сентябрѣ, послѣ чего тотъ немедленно и измѣнилъ свое прежнее распоряженіе.

вслѣдствіе чего чиновнику особыхъ порученій Болдыреву было предписано разслѣдовать это дѣло.

На запросъ Болдырева Кусенкову было не трудно отвѣтить. Онъ объяснилъ ему, что: 1) относительно найма рабочихъ золотопромышленниками по томскому округу имъ, Кусенковымъ, съ самаго вступленія его въ должность 5 мая 1835 г. не было, да и не могло быть принято никакихъ мѣръ, такъ какъ наемъ рабочихъ на этотъ годъ производился съ ноября 1834 по февраль 1835 г., а явка рабочихъ на пріиски происходила съ 1 апрѣля по 1 мая, т.-е. когда онъ еще не былъ назначенъ исправникомъ; 2) что касается будто бы непринятія имъ просьбъ золотопромышленниковъ, то онъ препроводилъ Болдыреву копіи съ своихъ предписаній заსѣдателью Безрядову и волостнымъ правленіямъ, гдѣ указанъ и законъ, на основаніи котораго они даны, пояснивъ притомъ, что „распоряженіе о непринятіи волостными правленіями вообще просьбъ на бумагѣ, до обязанности ихъ не подлежащихъ“, сдѣлано было и со стороны земскаго суда и затѣмъ подтверждено губернаторомъ; 3) что, по полученіи имъ предписанія управляющаго губерніею отъ 25 сентября, онъ тогда же исполнилъ его. Жалобы же на то, будто бы онъ „дозволилъ все лѣто работникамъ промышленниковъ невозбранно бродяжничать изъ одного мѣста въ другое“, продолжаетъ Кусенковъ, „почитаю я сущою несправедливостію, потому что рабочіе въ то время, когда послѣдовали отъ меня вышеозначенныя предписанія, находились на пріискахъ при исполненіи обязанностей своихъ“, и предписанія эти не могли быть имъ извѣстны, такъ какъ не были опубликованы, а если въ продолженіе лѣта рабочіе переходили отъ одного золотопромышленника къ другому, то это „съ достовѣрностію должно происходить отъ того, во-1-хъ, что рѣдкій изъ золотопромышленниковъ соблюдаетъ въ точности правила, предписанныя въ положеніи о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ между сибирскими обывателями“ (законъ 1822 г.), и во-2-хъ, что главнѣйшею причиною переходовъ рабочихъ отъ одного золотопромышленника къ другому онъ считаетъ то, что у одного продовольствіе лучше, у другого хуже, да и плата не вездѣ одинакова, — „слѣдовательно, рабочіе, не бывъ обязаны письменными условіями, а терпя, можетъ быть, отъ управителей стѣсненія отъ дурного продовольствія, высокихъ цѣнъ за разныя потребности, какъ-то чирки (обувь), холстъ, рукавицы и т. п. и будучи, какъ съ достовѣрностію полагать можно, подстрекаемы приказчиками и управителями возвышеніемъ цѣнъ за работы, весьма естественно стремятся или переходятъ туда, гдѣ выгодно“. Справедливость этого, по мнѣнію Кусенкова, не трудно подтвердить разспросами нѣсколькихъ человѣкъ, бывшихъ на пріискахъ минувшимъ лѣтомъ, особенно у тѣхъ золотопромышленниковъ, которые жаловались „на бродяжничество рабочихъ, за что, впрочемъ“, продолжаетъ онъ, „я ни по какимъ зако-

намъ и ни въ какомъ случаѣ не обязать отвѣтственностью“, такъ какъ „во всемъ, что относится до полицейской части собственно на приискахъ, обязанъ содѣйствовать золотопромышленникамъ отдѣльный засѣдатель по золотымъ промысламъ Андрюковъ“, имѣющій для этого казачью команду, посредствомъ которой „долженъ прекращать всѣ своевольные переходы рабочихъ“ или же требовать содѣйствія отъ земскаго исправника и земскаго суда, а между тѣмъ въ теченіе дѣлаго года отъ него получено только одно донесеніе о побѣгѣ 4 рабочихъ съ присковъ Коновалова, о помѣтѣ которыхъ и сдѣлано распоряженіе. Далѣе Кусенковъ пояснилъ, что на основаніи его предписаній волостнымъ правленіямъ отъ 24 мая никакихъ распоряженій сдѣлано не было, такъ какъ никто изъ золотопромышленниковъ и не обращался съ просьбами въ волостныя правленія. Кусенковъ привелъ также официальные данныя о неявѣ и побѣгахъ рабочихъ для доказательства, что 1835 г. въ этомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличался отъ предшествующаго (мы видѣли, что въ 1834 г. неявившихся было 20% нанятыхъ рабочихъ, а въ 1835—22%, но за то количество бѣжавшихъ уменьшилось съ 7 на 6% всѣхъ явившихся на прииски). Наконецъ, Кусенковъ указалъ на то, что значительная часть рабочихъ на частныхъ томскихъ промыслахъ живетъ не въ находившемся въ его завѣдываніи округѣ и что много рабочихъ, бывшихъ на приискахъ въ 1831—32 гг., *считается неявившимися* потому, что за ними при разсчетѣ остались долги, не подлежащіе, на основаніи закона 1822 г., взысканію безъ дозволенія начальства¹⁾. Мы остановились такъ долго на этой исторіи, чтобы показать, какъ трудно было низшей мѣстной администраціи защищать рабочихъ отъ притѣсненій со стороны золотопромышленниковъ.

Въ 1836 г. были вновь нѣкоторые волненія на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской губерніи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ съ Талаюльскихъ присковъ Поповыхъ самовольно ушло болѣе 30 чел. на Закожухскіе прииски тѣхъ же владѣльцевъ. Посланные за ними казаки вернули ихъ, но они, захвативъ съ собою еще 40 чел., вновь туда отправились. Ихъ опять настигли казаки, и въ это время рабочіе были встрѣчены на пути горнымъ ревизоромъ Семеновымъ и отдѣльнымъ засѣдателемъ Андрюковымъ. На вопросъ, почему они ушли съ Талаюльскихъ промысловъ, они отвѣчали: „Потому что тамъ нѣтъ старательскихъ работъ“. Такъ какъ на основаніи контрактовъ причина эта признана была неуважительною,

¹⁾ Послѣ такого убѣдительнаго оправданія управляющій Томскою губерніею послалъ генералъ-губернатору Западной Сибири исполнѣ благопріятное для Кусенкова заключеніе по этому дѣлу, называлъ его чиновникомъ „отлично способнымъ, дѣлательнымъ и усерднымъ“ и предлагалъ опредѣлить его земскимъ исправникомъ въ Канскій округъ. Томск. Губ. Арх., вѣз. 907, дѣло № 40—5165.

то рабочихъ заставили возвратиться на Талаюльскіе промысла, причемъ двое изъ нихъ, признанныхъ зачинщиками, были, не смотря на упорное сопротивленіе, арестованы ¹⁾).

10 сентября 1836 г. на промыслахъ наследниковъ Поповыхъ, Рождественскомъ и Бурлевскомъ, рабочіе отказались долѣе ходить на работы и настоятельно потребовали расчета. Горный ревизоръ Семеновъ послалъ 10 казаковъ къ отдѣльному засѣдателю частныхъ золотыхъ промысловъ, находившемуся въ то время на другихъ пріискахъ, и просилъ его съ помощью этого маленькаго отряда усмирить рабочихъ. Пріѣхавъ на промысла Попова въ ночь съ 12 на 13 число, засѣдатель уговаривалъ рабочихъ исполнять контрактъ, но они, собравшись толпою человекъ въ 300 (большую частью изъ каинскаго округа), отвѣчали, что въ виду приближенія холоднаго времени работать не пойдутъ, такъ какъ нѣкоторые родомъ изъ дальнихъ волостей и потому опасаются, что на пути ихъ застигнетъ зима, требовали расчета и отпуска съ промысловъ. Правда, часть ихъ, изъ поселенцевъ томскаго округа, согласилась выйти на работу, но съ условіемъ работать лишь до 15 сентября. Попытка арестовать поселенца Дегтерева, который уговаривалъ остальныхъ не работать, оказалась, вслѣдствіе сопротивленія рабочихъ, неудачною. Онъ все-таки вышелъ на работу со словами: „ежели я пойду на работу, то и всѣ будутъ работать безпрекословно“. Однако 95 чел., почти всѣ изъ поселенцевъ каинскаго округа, ушли самовольно, не получивъ никакого расчета, черезъ тайгу къ р. Томи. Дегтеревъ потомъ былъ все-таки арестованъ.

Вообще на важнѣйшихъ томскихъ частныхъ промыслахъ лѣтнія работы прекратились въ 1836 г. 12 сентября, по словамъ горнаго ревизора Семенова, „не столько по доброй волѣ владѣльцевъ, сколько по упорству рабочихъ людей не продолжать болѣе работы“, хотя онъ находилъ, что въ это время была еще благоприятная погода. Только на Воздвиженскомъ пріискѣ Коновалова (въ 6 вер. отъ дер. Чумай) небольшое количество рабочихъ оставалось до 1 октября. Во время выхода рабочихъ съ промысловъ, цѣль линейныхъ казаковъ, окружавшихъ пріисковый районъ, была расположена по пути отъ с. Тисуль на главный сибирскій трактъ и по немъ до села Бирикульскаго для наблюденія за тѣмъ, чтобы рабочіе на пути „не предавались пьянству, буйству и другимъ зловреднымъ поступкамъ“, и выпроваживались бы въ мѣста ихъ причисленія. Семеновъ находилъ, что мѣра эта была полезна и что рабочіе прошли тише и спокойнѣе, чѣмъ въ прежніе годы ²⁾).

¹⁾ Арх. Глав. Управл. Алт. горн. окр., вяз. 48, дѣло № 896, л. 25—28.

²⁾ Слѣдствіе о волненіи рабочихъ на Бурлевскомъ и Рождественскомъ промыслахъ Поповыхъ тянулось очень долго: черезъ семь лѣтъ, въ 1843 г., нужно было еще

Въ маѣ и іюнѣ 1837 г. на пріискахъ Томской губерніи опять произошли небольшія волненія. На Вознесенскомъ пріискѣ Мясникова рабочіе, собравшись большою толпою въ конторѣ, требовали, чтобы изъ 50 урочныхъ конныхъ тачекъ было убавлено 10, причемъ одинъ изъ нихъ схватилъ за ворота управляющаго; штейгеръ оттолкнулъ рабочаго, но патеро его товарищей бросились на штейгера, таскали его за волосы, потомъ били нарядчика и, обругавъ управляющаго, разошлись. На другой день 41 человекъ бѣжали съ этого пріиска (14 было поймано). Четверо изъ оставшихся, найденные при предварительномъ слѣдствіи болѣе виновными, были арестованы и отправлены въ томскій острогъ.

На Воскресенскомъ пріискѣ купцовъ Рязановыхъ, Казанцева и Баландина безпорядки произошли нѣсколько позднѣе, чѣмъ на Вознесенскомъ пріискѣ Мясникова. Никита Казанцевъ, братъ одного изъ владѣльцевъ пріиска, пожаловался засѣдателю Безрядову, что рабочіе 23 мая, въ праздничный день, ссылались на то, что имъ даны пески, содержащіе въ себѣ мало золота, оставили старательскую работу; при этомъ одинъ изъ нихъ, Небараковъ, бросивъ лопатку, кричалъ другимъ: „что намъ промывать турфъ, марш!“ и при этомъ „произносилъ дерзкія слова и брань“. Безрядовъ, прибывъ 23 мая на пріискъ, по разспросѣ о случившемся, наметъ, кромѣ Небаракова, виновными двухъ рабочихъ, которыхъ и наказалъ розгами, а Небараковъ въ то время розысканъ не былъ. Вскорѣ послѣ того засѣдатель пріѣзжалъ вторично и требовалъ въ себѣ чрезъ казаковъ Небаракова, по онъ ихъ не послушался и, махая кайлою, кричалъ самому Безрядову: „не троньте меня, или я васъ пришибу“, при чемъ другой поселенецъ, Малявинъ, просилъ рабочихъ не выдавать его. 8 іюня Безрядовъ пріѣхалъ на пріискъ въ третій разъ, съ ревизоромъ и сотникомъ; посланные за Небараковымъ и Малявиннымъ казаки перваго не нашли, а втораго захватили въ его избушкѣ, но сбѣжавшаяся толпа рабочихъ вырвала его изъ рукъ казаковъ. Безрядовъ, а за нимъ ревизоръ и сотникъ съ командою поспѣшили туда, но толпа встрѣтила ихъ камнями и преслѣдовала до самой квартиры. Казаки сдѣлали четыре выстрѣла на воздухъ, и это остановило рабочихъ. Чинovníики на другой день уѣхали съ пріиска. Таковы официальные свѣдѣнія о событіяхъ на Воскресенскомъ пріискѣ; при производствѣ же слѣдствія Небараковъ, Малявинъ и еще двое рабочихъ заявили,

опросить 280 свидѣтелей, но это оказывалось дѣломъ не легкимъ, такъ какъ одни изъ нихъ находились въ отлучкѣ, другіе работали на разныхъ золотыхъ промыслахъ, но волостныя правленія не могли сообщить свѣдѣнія, на какихъ именно промыслахъ они находятся. Только въ 1848 г. томскій окружной судъ донесъ управляющему Томскою губерніею, что дѣло это отослано для рѣшенія въ комиссію военнаго суда. Томск. Губ. Арх., ваз. 491, дѣло 1836 г. № 1.

что 23 мая оставили старательскую работу потому, что въ отведенныхъ имъ пескахъ не было золота въ количествѣ, достаточномъ для вознагражденія ихъ за трудъ, и прибавили: первый,—что не пошелъ къ Безрядову, боясь незаслуженнаго изъ наказанія, второй, — что когда требовали Небаракова къ засѣдателью, то онъ, Малавинъ, не кричалъ рабочимъ: „не выдавайте“ ¹⁾, а когда былъ взятъ казаками 8 іюня, то рабочіе, считая его невиннымъ, „задержали при себѣ“ и онъ, воспользовавшись этимъ, ушелъ въ лѣсъ; два другихъ рабочихъ, подвергнутые засѣдателемъ тѣлесному наказанію, заявили, что никакихъ грубостей Казанцеву они не дѣлали. Наконецъ, всѣ они утверждали, что 8 іюня въ беспорядкахъ не участвовали. Остальные рабочіе также показали, что не принимали участія въ беспорядкахъ ²⁾, и многіе изъ нихъ подтвердили, что оставили 23 мая старательскія работы потому, что имъ дали пески, не имѣющіе золота, и лучшихъ брать не позволяли; 9 іюня они не пошли на работу, ожидая пріѣзда на пріискъ купца Казанцева, а 10, по его прибытіи, принялись за работу и продолжали ее спокойно. Семеро изъ приказчиковъ и служителей дали на слѣдствіи такое показаніе, что Небараковъ и двое наказанныхъ розгами рабочихъ никакихъ грубостей купеческому брату Казанцеву не дѣлали.

Слѣдствіе выяснило и истинныя причины волненія. Болѣе 600 чел. рабочихъ заявило, что добываемое ими старательское золото отбирается приказчиками и свѣшивается безъ нихъ, послѣ чего и выдаются имъ ярлыки для полученія денегъ, „считая за общее золото“ (т.-е. добытое на общемъ стараніи) „по 2 р. 50 к., а за частное“ (т.-е. добытое на одиночномъ стараніи), „по 3 р. 5 к. (ассигн.) за золотникъ“, но они постоянно замѣчаютъ, что золота въ ярлыкахъ показывается менѣе, чѣмъ взято отъ нихъ. Приказчики (14 человекъ) пояснили, что старательское золото, добытое до обѣда, отбирается у рабочихъ, относится въ золотовѣсную, гдѣ взвѣшивается вмѣстѣ съ добытымъ послѣ обѣда, рабочіе же въ это время стоятъ у окна на дворѣ. Но въ шнуровой книгѣ, выданной горнымъ правленіемъ для записки золота, было записано, что старательскаго золота промыто: 16 мая—10 ф. 40 зол. 24 доли и съ 22 мая по 1 іюня—16 фун. 50 зол.; предписаніями же управляющаго Суетина, данными приказнику 20 мая и 1 іюня, велѣно выдать рабочимъ за первое золото 952 р. 50 к., а за второе—1791 р. 75 к., т.-е. за каждый золотникъ перваго менѣе, чѣмъ по 1 рублю, а второго, по словамъ офиціальнаго донесенія, менѣе 1 р. 50 к. (собственно по 1 р. 13 к.),

¹⁾ Семеро приказчиковъ и служителей опровергали это показаніе Малавина.

²⁾ Относительно трехъ изъ нихъ приказчики заявили, что они буйствовали 9 іюня, когда ихъ убѣждали идти на работу.

между тѣмъ какъ рабочимъ было обѣщано платить за золотникъ болѣе, чѣмъ вдвое. Прикащикъ на слѣдствіи показалъ, что болѣе денегъ за это золото онъ не выдавалъ, а Суетинъ объяснилъ, что остальные деньги онъ выдалъ рабочимъ лично, но кому сколько—не знаетъ и документа, подтверждающаго его заявленіе, не имѣетъ. Очевидно, что заявленіе прикащика было ложно, что рабочіе получали гораздо меньшее вознагражденіе за свой трудъ, чѣмъ было назначено, а потому и раздраженіе ихъ противъ присковскаго управленія становится вполне понятнымъ. Съ однимъ рабочимъ администрація промысла продѣлала вещь, еще болѣе возмутительную. Крестьянинъ Дятловъ въ маѣ того же 1837 г. нашелъ во время работы самородокъ золота, величиною съ куриное яйцо, который и отдалъ служителю въ присутствіи двухъ крестьянъ и за который ему слѣдовало получить по 2 р. 50 к. за золотникъ, но вмѣсто того, по приказанію брата одного изъ хозяевъ приска Казанцева и прикащика Бутурлина, онъ былъ наказанъ 100 ударами розогъ подъ предлогомъ, будто бы онъ хотѣлъ украсть этотъ самородокъ. На слѣдствіи Казанцевъ и Бутурлинъ отрицали этотъ фактъ, но были уличены показаніями двухъ служителей, производившихъ по ихъ приказанію это сѣченіе. Двое крестьянъ, въ присутствіи которыхъ Дятловъ отдалъ самородокъ служителю, подтвердили это подъ присягою и пояснили, что за голенище онъ его не пряталъ и намѣренія украсть не имѣлъ. Управляющій Суетинъ и прикащикъ Зуевъ принуждены были сознаться, что Дятлову за найденный имъ самородокъ ничего не было заплачено.

Слѣдствіе открыло и то, какіе контракты заключала администрація Воскресенскаго приска съ нанимаемыми ею рабочими. Вмѣсто обыкновеннаго начала— „такого-то года, мѣсяца и числа“, контрактъ, заключенный съ рабочими Воскресенскаго приска, начинался такъ: „1836 и 1837 год. въ лѣтніе мѣсяцы мы нижеподписавшіеся и проч.“ 9 пунктъ былъ написанъ такимъ образомъ: „тѣ, кои опредѣлены будутъ на промыску песковъ, обязаны и должны промывать онаго каждый день на станкахъ по 100.... (пробѣлъ), а на мутильняхъ“ (буторахъ) „по.... (пробѣлъ) тачекъ“ ¹⁾. Вмѣсто 5 грамотныхъ на этомъ контрактѣ подписались другіе, якобы по ихъ безграмотству. Очевидно, что такой контрактъ нисколько не гарантировалъ рабочихъ отъ произвола присковской администраціи, и, несмотря на его полную незаконность, онъ былъ засвидѣтельствованъ смотрителемъ поселеній Быстрицкимъ въ декабрѣ 1836 г. ²⁾.

¹⁾ Пунктъ 15-й таковъ: „тѣ, кои изъ насъ поступятъ вопреки сего контракта, подвергаютъ себя наказанію и взысканію тому, какое опредѣлено Проектомъ Горнаго Положенія заводскимъ мастеровымъ“ (т.-е. „по надлежащемъ и законами опредѣленномъ наказаніи употребляются въ самыя тяжчайшія работы“).

²⁾ Слѣдствіе обнаружило также, что изъ 727 рабочихъ, явившихся на Воскресенскій прискъ въ апрѣлѣ 1837 г., только 439 имѣли виды, высланные Бис-

На Митрофановскомъ приискѣ Мясникова управляющій приискомъ и служителя заявили, что 5 іюня того же года поселенецъ Афанасій Непомнящій не вышелъ на хозяйскую работу, а послѣ обѣда явился на старательскую; на вопросъ отвѣтственнаго унтеръ-шихтмейстера Гребенщикова онъ отвѣчалъ, что можетъ отдохнуть отъ хозяйской работы, когда захочетъ, и кликнулъ товарищей, вѣроятно, въ видахъ самозащиты. На зовъ его сбѣжалось до 50 рабочихъ, которые, схвативъ Гребенщикова и перебросивъ черезъ себя, избili его, втолкнули управляющаго въ контору со словами: „ступай, а то тебѣ тоже будетъ“, одного нарядчика, вытащивъ изъ конторы на дворъ, били розгами и палками, били также одного штейгера, а затѣмъ черезъ нѣсколько часовъ стали вновь работать и болѣе не волновались. Впослѣдствіи Афанасій Непомнящій и еще двое рабочихъ были арестованы.

17 іюня на Бурлевскомъ приискѣ Попова и К^о 54 рабочимъ второго стана ¹⁾ было отведено мѣсто для старательской работы, но такъ какъ пески находились глубоко подъ турфомъ и притомъ содержали мало золота, то они требовали, чтобы имъ дали другое, болѣе выгодное мѣсто. Смотритель прииска отказалъ, и они рѣшили прекратить работу, а когда на томъ же мѣстѣ хотѣли работать 44 ч. изъ перваго стана, то тѣ не позволили, грозя ихъ избить, послѣ чего и послѣдніе оставили работу. 18 іюня рабочіе второго стана также не пошли на хозяйскую работу, желая просить разчета, но на другой день смотритель убѣдилъ ихъ отказаться отъ этого намѣренія. Когда 20 числа пріѣхалъ губернаторъ, на приискѣ было уже все спокойно, но тѣмъ не менѣе 12 чел. второго стана онъ подвергъ тѣлесному наказанію ²⁾.

Томскій губернаторъ, корпуса горныхъ инженеровъ генералъ майоръ Шленевъ, донесъ министру финансовъ о безпорядкахъ и неповиновеніи рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Томской и Енисейской губерній и о томъ, что они были прекращены принятыми мѣстными начальствомъ мѣрами безъ особыхъ послѣдствій. Несмотря на всю мало-

тридцимъ, остальные же 288 челов. еще въ половинѣ августа оставались безъ нихъ; по словамъ Быстрицаго, онъ самъ дозволилъ держать на приискѣ 727 чел. до получения отъ него билетовъ, для которыхъ бланковъ онъ ожидалъ изъ экспедиціи о ссыльных, но положеніемъ томскаго губернскаго совѣта 25 мая 1893 г. было воспрещено держать безпаспортныхъ рабочихъ.

¹⁾ Станомъ называется отдѣльный приискъ, и потому управляющій станомъ носитъ названіе становаго; очевидно Бурлевскій промыселъ состоялъ изъ нѣсколькихъ приисковъ.

²⁾ На Тулунскомъ приискѣ того же Попова и К^о рабочіе просили-было въ іюнѣ того же года, безъ всякихъ, впрочемъ, угрозъ, прибавки платы за старательское золото (имѣсто 3 по 4 р. асс. за золотникъ), но управляющій убѣдилъ ихъ отказаться отъ этого требованія.

важность волненій и на то, что, какъ оказалось по слѣдствію, администрація нѣкоторыхъ принсковъ была сама въ нихъ виновата, томскій губернаторъ просилъ разрѣшенія предать арестованныхъ зачинщиковъ этихъ беспорядковъ военному суду, назначивъ судьями горнаго ревизора, отдѣльнаго засѣдателя и офицера казачьяго отряда, находящихся на частныхъ золотыхъ промыслахъ, и поступать такимъ же образомъ и на будущее время. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому поводу министръ финансовъ, принимая во вниманіе, что ослушаніе и сопротивленіе начальству на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ Сибири случилось въ одно время въ разныхъ мѣстахъ „и что зло сіе въ столь отдаленномъ краю надобно искоренить въ самомъ началѣ дѣйствительными мѣрами“, испрашивалъ разрѣшенія государя, чтобы вольнонаемные рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ въ Сибири, въ случаѣ ослушанія начальству и сопротивленія воинской командѣ, были судимы военнымъ судомъ; но выѣстъ съ тѣмъ онъ находилъ неприличнымъ поручать этотъ судъ тѣмъ лицамъ, на которыхъ указалъ томскій губернаторъ, такъ какъ эти чиновники обязаны „наблюдать за благочиніемъ и производить слѣдствія на промыслахъ, а потому неудобно было бы возлагать на нихъ же и судную власть“. Въ виду этого министръ финансовъ полагалъ зачинщиковъ волненій на принскахъ лѣтомъ 1837 г. немедленно предать военному суду, назначивъ судьями военного, горнаго и гражданскаго чиновниковъ, не участвовавшихъ однако же въ усмиреніи волненія и производствѣ о томъ слѣдствія, и для ускоренія наказанія виновныхъ предоставить Шленеву утвержденіе приговора военного суда; на будущее же время производство дѣлъ о такого рода преступникахъ возложить на восточныя военно-судныя коммиссіи, которыя предполагается учредить въ Томской и Енисейской, а впослѣдствіи и въ Иркутской губерніяхъ. Имп. Николай на докладѣ министра финансовъ положилъ такую резолюцію: „Всѣхъ виновныхъ изъ каторжныхъ судить по полемому уголовному уложенію, прочихъ военнымъ судомъ, и генераль-майору Шленеву приговоры приводить въ исполненіе, кромѣ одной смертной казни“¹⁾.

Между тѣмъ генераль-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ (назначенный въ 1836 г.) еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1837 г. сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ считаетъ недостаточными и голословными свѣдѣнія о волненіяхъ, представленныя ему томскимъ губернаторомъ, а требованіе Шленева о преданіи виновныхъ военному суду, состоящему изъ тѣхъ самыхъ лицъ, дѣйствія которыхъ подлежали повѣрѣ, неосновательнымъ, почему онъ, генераль-губернаторъ, и распорядился о строжайшемъ изслѣдованіи этихъ происшествій чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ, не состоящихъ на службѣ въ Томской губерніи.

¹⁾ 2-е II. С. З. т. XII, № 10521, 28 Авг. 1837 г.

Кн. Горчаковъ по полученіи данныхъ слѣдствія, „вполнѣ раскрывающаго“, по его словамъ, „всѣ обстоятельства безпорядковъ и существенныя причины волненій на Воскресенскомъ примскѣ“ (эти свѣдѣнія изложены нами выше) передалъ суду: братьевъ Казанцевыхъ и управляющаго примскомъ мѣщанина Суетина „за дѣйствительныя поступки и притѣсненія рабочихъ“, отдѣльнаго засѣдателя Безрядова—за несправедливое на казаніе двухъ поселенцевъ, „подавшее первый поводъ къ сопротивленію, безразсудное повтореніе распоряженій своихъ по тому же предмету чрезъ нѣсколько дней и непростительное потворство“, выразившееся въ нахожденіи во вѣренномъ ему примскомъ округѣ нѣсколькихъ сотъ безпаспортныхъ людей, а также и причастнаго къ послѣднему злоупотребленію смотрителя поселеній Быстрицкаго. Сообщая объ этомъ 5 октября министру внутреннихъ дѣлъ и прилагая при томъ записку о слѣдствіи, произведенномъ назначенными имъ чиновниками о безпорядкахъ на золотыхъ примскахъ, кн. Горчаковъ прибавилъ: „что же касается до рабочихъ, болѣе или менѣе виновныхъ въ приключившихся безворадахъ, то, согласно Высочайшей волѣ..., предоставилъ я окончательное распоряженіе начальнику Алтайскихъ горныхъ заводовъ“.

Далѣе въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ кн. Горчаковъ обращалъ его вниманіе на то: „сколь предосудительно было“ въ этомъ дѣлѣ поведеніе гражданскаго губернатора, который долженъ былъ „оказывать столько же справедливости, сколько и строгости, а не потворствовать явному злоупотребленію“ хозяевъ примска купцовъ Казанцевыхъ и управляющаго мѣщанина Суетина. Столь же неизвинительнымъ находилъ кн. Горчаковъ и „равнодушіе“ губернатора Шленева къ тому, что на примскѣ было нѣсколько сотъ безпаспортныхъ людей, — „безпорядокъ, котораго онъ не умѣлъ или не хотѣлъ видѣть, хотя самъ не малое время находился на мѣстѣ, будто бы для водворенія нарушеннаго спокойствія“.

Что касается рабочихъ, то кн. Горчаковъ нашелъ нужнымъ замолвить за нихъ слово предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ: „Безразсудно было бы утверждать“, писалъ онъ, „что ссыльно-поселенцы, собирающіеся для золотонискательства, строгой нравственности, и не склонны къ своевольству, однако же чувство справедливости такъ вѣщательно въ сердцахъ каждого человѣка, что бывшія доселѣ безпокойства по большей части получили свое начало отъ притѣсненія хозяевъ или нарушенія обѣщаній по такъ называемому старанію“. По словамъ кн. Горчакова, разборъ „вѣчныхъ распрей“, вызываемыхъ старательскими работами, тѣмъ затруднительнѣе, что не всегда золотопромышленники нанимаютъ рабочихъ на мѣстѣ ихъ постоянного жительства, откуда они должны были бы получить законные виды и гдѣ заключаемыя условія были бы засвидѣтельствованы и объявлены нанимающимся, и слѣдовательно могли бы служить безспорнымъ актомъ, а къ сожалѣнію, при потворствѣ мѣстнаго

начальства, хозяева промысловъ разсылаютъ прикащиковъ, которые, гдѣ воняло, набираютъ рабочихъ, нерѣдко безпаспортныхъ и „обязываютъ ихъ подписью на контрактахъ, заблаговременно и незаконно составленныхъ“, условія которыхъ, „по дошедшимъ жалобамъ, не всегда имъ даже *только сообщаются*“. Въ заключеніе своего донесенія министру внутреннихъ дѣлъ, кн. Горчаковъ еще разъ повторяетъ, „что введеніе устройства болѣе строгаго на золотыхъ приискахъ необходимо и что всѣ возможныя мѣры укрощенія“ не будутъ имѣть „успѣха безъ справедливости и порядка, такъ что впослѣдствіи не токмо потерпѣть отъ того самый проныселъ, но что безпокойства могутъ возродиться самыя опасныя“ ¹⁾).

Кн. Горчаковъ нашелъ невозможнымъ оставить безъ возраженій и то, что окончательное рѣшеніе по дѣлу о волненіяхъ приисковыхъ рабочихъ предоставлено было тому же лицу, которое онъ считалъ во многихъ отношеніяхъ неправымъ и которое, по общимъ законамъ, должно было быть подчинено ему, генералъ-губернатору. Онъ признавалъ также несправедливымъ судить рабочихъ за всякое столкновеніе съ приисковыми прикащиками военнымъ судомъ.

Находясь въ началѣ 1838 г. въ Петербургѣ, кн. Горчаковъ 11 января подалъ всеподданнѣйшее донесеніе, въ которомъ, приведя резолюцію государя на докладъ министра финансовъ (гдѣ между прочимъ Шленеву было предоставлено право приводить въ исполненіе приговоръ суда, „кромя одной смертной казни“), онъ далѣе говоритъ: „но такъ какъ по законному изслѣдованію оказалось, что дѣйствія начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ были пристрастны и основанное на его рапортѣ донесеніе гр. Канкринна представляло дѣло не въ настоящемъ его видѣ, то, хотя нынѣ во исполненіе воли Вашей и передалъ я безъ умедленія всѣхъ виновныхъ въ распоряженіе горнаго начальства“; однако же затрудняюсь въ будущемъ, „кого именно судить военнымъ судомъ: однихъ ли сопротивляющихся мѣстной власти, или всѣхъ прочихъ, оказывающихъ буйство противъ прикащиковъ или другихъ частныхъ лицъ, и долженъ ли я при подобныхъ происшествіяхъ, согласно постановленіямъ, удержатъ высшій надзоръ за распоряженіемъ томскаго губернатора, или почитать его по сей части уже независимымъ“. Въ первомъ случаѣ онъ предложилъ: 1) учредить въ Томскѣ, по его назначенію, постоянную комиссію изъ благонадежныхъ чиновниковъ военнаго, горнаго и гражданскаго вѣдомства „для немедленнаго сужденія рабочихъ частныхъ золотыхъ приисковъ въ случаѣ сопротивленія ихъ военной силѣ“. 2) Для ускоренія дѣла вообще подтвердить сентенціи этого военного суда и приводить въ исполненіе приговоры — томскому гражданскому

¹⁾ Арх. Госуд. Сов. Приложение къ дѣлу департамента законовъ 1838 г за № 31 (по журналу), л. 92—95.

губернатору, но съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ какого нибудь сомнѣнія въ правильности дѣлопроизводства, генераль-губернатору Западной Сибири было бы предоставлено право требовать дѣло на его личное разсмотрѣніе. Наконецъ 3) „дабы указать различіе въ мѣрѣ преступленія и самаго наказанія между сопротивляющимися властямъ“, правительствомъ „установленными, и буйственными поступками сихъ вольнонаемныхъ рабочихъ противъ частныхъ лицъ, прикащиковъ и служителей присковъ, почти всегда изъ мѣщанскаго сословія, а даже иногда и посельщиковъ, то предоставить разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ проступковъ и наказаніе общему ходу правосудія“, т. е. судить такихъ рабочихъ не военнымъ судомъ, какъ это повелѣвалось резолюціею государя на докладѣ министра финансовъ, а обыкновеннымъ порядкомъ судопроизводства,

Комитетъ министровъ, куда, по повелѣнію имп. Николая, было внесено это донесеніе кн. Горчакова, въ засѣданіяхъ 18 и 25 января увидѣлъ изъ дѣлъ бывшаго Сибирскаго Комитета, что послѣ Высочайшаго повелѣнія, упоминаемаго въ донесеніи Горчакова, государь повелѣлъ, чтобы предположеніе министра финансовъ о преданіи вообще военному суду какъ похитителей золота, такъ и рабочихъ, оказывающихъ неповиновеніе установленнымъ властямъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ, было внесено въ Государственный совѣтъ, и что туда передана и записка статсъ-секретаря Мордвинова о недостаточности существующихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ на частныхъ промыслахъ Сибири, по поводу которой послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сходное съ тѣмъ, о какомъ ходатайствовалъ генераль-губернаторъ Западной Сибири. Поэтому комитетъ министровъ предложилъ внести донесеніе кн. Горчакова въ Государственный совѣтъ, что и было разрѣшено государемъ ¹⁾).

Между тѣмъ 6 іюня 1838 г. состоялся именной указъ сенату о томъ, чтобы для суда надъ виновными въ похищеніи и переводѣ золота открыть на основаніи правилъ, изложенныхъ въ указѣ 10 мая 1834 г. ²⁾, двѣ постоянныя военно-судныя комиссіи: одну въ Томскѣ для Западной Сибири и другую въ одномъ изъ городовъ Енисейской губерніи; впоследствии же, если окажется нужнымъ, учредить и третью комиссію въ Иркутской губерніи, и распоряженія по этому предмету возложить на генераль-губернаторовъ. „Сужденію сихъ комиссій, кромѣ похитителей и переводчиковъ золота, подвергать и вольнонаемныхъ людей изъ осмысленныхъ ³⁾, на казенныхъ и частныхъ промыслахъ находящихся, въ случаѣ неповиновенія и сопротивленія ихъ установленнымъ властямъ, предо-

¹⁾ Арх. Госуд. Сов. Дѣло департамента законовъ 1838 г. № 40, л. 2—5.

²⁾ П. С. З. т. IX, № 7065.

³⁾ Курсивъ подлинника.

ставя утвержденіе приговоровъ" по этимъ дѣламъ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ ¹⁾). Слѣдовательно, присковые рабочіе изъ крестьянъ, мѣщанъ и разночинцевъ должны были судиться въ этомъ случаѣ обыкновеннымъ судомъ, но ихъ, какъ мы знаемъ, было очень немного; еще важнѣе было то, что и ссыльные подлежали военному суду лишь въ случаѣ „неповиновенія и сопротивленія установленнымъ властямъ“, а не за столкновенія съ управляющими, прикащиками и служителями частныхъ присковъ.

Государственный совѣтъ нашелъ, что этими новыми правилами разрѣшаются и тѣ недоумѣнія, на которыя указалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи генераль-губернаторъ Западной Сибири ²⁾).

Въ концѣ 1836 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири, сообщая министру финансовъ свѣдѣнія о положеніи въ этомъ краѣ частныхъ золотыхъ промысловъ и указывая на то, что почти вся работа на нихъ производится ссыльными, собирающимися въ количествѣ „многихъ тысячъ человекъ“, признавалъ необходимымъ „имѣть войско въ центрѣ этого сборища, для предупрежденія безпорядка и страха рабочимъ“. Поэтому онъ просилъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о командированіи изъ Западной Сибири казачьяго полка и двухъ орудій конной артиллеріи. Министръ финансовъ сообщилъ объ этомъ военному министру, полагая и съ своей стороны, что командированіе съ этою цѣлью до 200 казаковъ было бы весьма не излишнимъ. Весною 1837 г. требуемый отрядъ казаковъ былъ отправленъ изъ Западной Сибири въ Красноярскъ.

Волненія, бывшія лѣтомъ 1837 г., между прочимъ и на прискахъ Енисейской губерніи, заставили мѣстныя власти ходатайствовать о томъ, чтобы этотъ отрядъ былъ оставленъ въ Енисейской губерніи на слѣдующій годъ. Енисейскій губернаторъ сообщилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ совѣту главнаго управленія Восточной Сибири, что хотя отрядъ линейныхъ казаковъ прибылъ въ канскій округъ уже довольно поздно (около половины іюля) и потому не могъ дойти до самыхъ присковъ, гдѣ пребываніе его необходимо для страха и усмиренія рабочихъ, однако же польза въ немъ очевидна, „потому что часть этого отряда остановила „взбунтовавшихся“ и бѣжавшихъ съ присковъ Меджера поселенцевъ, усмирила ихъ „безъ дальняго“ съ ихъ стороны „сопротивленія“ и возвратила ихъ подъ своимъ прикрытіемъ на приски. А такъ какъ „подобныя прихѣтры неповиновенія рабочихъ хозяевамъ и самовольныя отлучки ихъ отъ работъ бываютъ довольно часто“, то енисейскій губернаторъ признавалъ необходимымъ, чтобы отрядъ казаковъ былъ въ кан-

1) П. С. З. XIII, № 11279.

2) Арх. Госуд. Сов., Дѣло департамента зак. 1838 г. № 40, л. 8—10.

скомъ округѣ уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда всѣ рабочіе, нанятые промышленниками, отправляются на приски и чтобы казаки послѣдовали туда за ними: находясь въ продолженіе всего лѣта „въ виду рабочихъ“, они совершенно выполнили бы то, зачѣмъ ихъ командировали въ Восточную Сибирь. Предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири разрѣшилъ енисейскому губернатору оставить казачій отрядъ во ввѣренной ему губерніи до августа 1838 г. съ тѣмъ, чтобы въ это время его смѣнилъ новый отрядъ. По вступленіи въ должность, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ объяснилъ въ ноябрѣ 1837 г. военному министру всю необходимость, по его мнѣнію, этого распоряженія, почему и состоялась соответственное Высочайшее повелѣніе. Всего въ казачьихъ отрядахъ, командированныхъ для охраненія золотыхъ присковъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ было въ іюнѣ 1838 г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ 447 чел. ¹⁾.

Печальная картина возвращенія рабочихъ съ присковъ обращала на себя вниманіе уже самыхъ раннихъ наблюдателей жизни сибирскихъ присковыхъ рабочихъ. „Дабы имѣть полное понятіе о нравственномъ свойствѣ поселщиковъ“, говоритъ капитанъ Мишо, „дабы видѣть, до чего они оставлены мѣстнымъ начальствомъ, дабы знать“, какъ бесполезно употребляютъ они деньги, „заработанныя въ цѣлое лѣто, надобно быть свидѣтелемъ выхода этой буйной толпы“ съ частныхъ золотыхъ промысловъ. „Дошедши до первой деревни, никто уже изъ поселщиковъ не пойдетъ пѣшкомъ: они нанимаютъ во что бы то ни стало лошадей, скачутъ отъ одного кабака до другого, пока, промотавши все, принуждены разбрестись по мѣстамъ безъ денегъ, нагіе, какъ съ весны отправлялись на работы“. Тогда нѣкоторые изъ этихъ поселенцевъ „проклинаютъ свое воздержаніе“ и жалѣютъ, что не принимается никакихъ мѣръ для того, чтобы остановить ихъ распутство. Подобныя же свѣдѣнія о выходѣ присковыхъ рабочихъ сообщалъ въ 1837 г. и генералъ-губернаторъ Западной Сибири: „Самое поверхностное наблюденіе за ихъ движеніемъ“, говоритъ онъ, „указываетъ, что почти никто не отправляется прямо къ своему жительство, но что на первомъ шагу въ мѣста обитаемыя всѣ... рассыпаются въ разныя стороны, направляясь наипаче туда, гдѣ есть гласная или корчемная продажа вина, и въ волости, въ коихъ подобно Кійской и Дмитріевской“ (въ нынѣшнемъ Маринскомъ уѣздѣ Томской губерніи) „водворившіеся въ превосходномъ числѣ ссыльные въ высочайшей степени постыли развратъ и даютъ открытое убѣжище всякаго рода пороку, основывая на безнравственности временно наводняющей ихъ толпы столь же предосудительную, какъ и

¹⁾ Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1836 г. № 1.

выгодную для себя промышленность. Въ семь околodeвъ не токмо безпутнымъ образомъ издерживаются въ короткое время всѣ наличныя деньги, добытыя усиленными трудами, но нерѣдко пропивается самая необходимая одежда и большая часть работавшихъ болѣе или менѣе выгодно на прискахъ, истощивъ въ развратѣ послѣдніе свои способы, отправляясь далѣе, должны уже прибѣгать къ преступленію и производить безпорядокъ, коимъ въ то время года ознаменовывается городъ Томскъ и его окрестности“. Очень естественно, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ страшно тяжелой работы, безъ отдыха и какихъ бы то ни было развлеченій, лишенные вина и обыкновенно разлученные съ семьями, рабочіе по выходѣ съ присковъ предавались отчаянному кутежу, сплошь и рядомъ истрачивая при этомъ большую часть своего заработка, который впрочемъ, какъ мы видѣли выше, въ среднемъ выводѣ и не могъ быть особенно значительнымъ.

ГЛАВА II.

Положеніе 1838 г. о частной золотопромышленности въ Сибирѣ.

Въ первые годы существованія золотопромышленности въ Сибирѣ были особенно часты недоразумѣнія между рабочими и золотопромышленниками, побѣги и волненія рабочихъ. Это указывало на необходимость болѣе подробнаго регулированія взаимныхъ отношеній обѣихъ сторонъ. Въ 1836 г. начальникъ штаба горныхъ инженеровъ генералъ-маіоръ Чевкинъ, осматривавшій горные заводы, представилъ свои соображенія о лучшемъ устройствѣ золотого промысла ¹⁾. Составленный имъ проектъ правилъ министръ финансовъ поднесъ на усмотрѣніе имп. Николая, и государь повелѣлъ предварительно разсмотрѣть его въ Сибирскомъ Комитетѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ министерствѣ финансовъ былъ выработанъ въ 1836 г. проектъ „Положенія объ устройствѣ частныхъ золотыхъ промысловъ въ Сибирѣ“, при составленіи котораго были приняты во вниманіе многія предположенія Чевкина. Сибирскій комитетъ призналъ безполезнымъ, чтобы этотъ проектъ былъ предварительно сообщенъ сибирскимъ губернаторамъ, а затѣмъ въ ноябрѣ 1837 г., разсмотрѣвъ всѣ статьи проекта съ полученными на него замѣчаніями, комитетъ предложилъ министру финансовъ вновь переработать его для внесенія въ государственный совѣтъ. Государь въ январѣ 1838 г. согласился съ этимъ предложеніемъ, повелѣвъ привлечь къ участию въ этомъ дѣлѣ генералъ-губернатора Западной Сибири кн. Горчакова, прибывшаго тогда въ Петербургъ ²⁾.

¹⁾ *Рассели*, 21.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., дѣло департамента законовъ 1838 г. № 31 (по журналу) и приложеніе къ нему.

30 апрѣля 1838 г. было Высочайше утверждено „Положеніе о частной золотопромышленности на казенныхъ земляхъ въ Сибири“. Мы остановимся почти исключительно на томъ отдѣлѣ его, который посвященъ „порядку найма и управленія рабочихъ“.

На основаніи этого закона, безъ надлежащаго вида, билета или паспорта никто не могъ наняться къ золотопромышленнику, и если послѣдній допускалъ къ себѣ на пріискъ безпаспортнаго рабочаго, то онъ подвергался уголовному суду, какъ пристанодержатель. Ссылно-поселенцевъ, не получившихъ еще званія крестьянъ или мѣщанъ, дозволялось отпускать на золотые промысла съ особыми печатными билетами, которые выдавались не болѣе, какъ на одинъ годъ. Если по истеченіи срока билета ссылно-поселенецъ желалъ еще остаться на работѣ, то, по засвидѣтельствваніи земскою полиціею этого желанія, высылался къ нему, или, если онъ просилъ, прямо къ нанимателю, новый билетъ. Такимъ же образомъ перемѣнялись виды и другихъ рабочихъ, остававшихся у нанимателей долѣе сроковъ ихъ увольненія. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири рѣшительно протестовалъ противъ допущенія условій золотопромышленниковъ съ рабочими, нигдѣ не записанныхъ и не заявленныхъ (какъ это предлагалось въ проектѣ министра финансовъ), такъ какъ такіа условія вызывали серьезныя недоразумѣнія между обѣими сторонами. Тѣмъ не менѣе, согласно проекту министра финансовъ, законъ 1838 г. допустилъ договоръ найма и безъ явки. „Наймы сибирскихъ мѣщанъ, крестьянъ, инородцевъ и ссылно-поселенцевъ въ работу или для услугъ на золотые промысла“, сказано въ этомъ законѣ, „могутъ быть явочные или безъ явки по общему положенію о наймѣ рабочихъ въ Сибири. Но какъ промышленники, такъ и рабочіе должны знать, что по тому же положенію условія, нигдѣ не записанныя и неявленные, бывъ основаны на одномъ личномъ довѣріи, въ случаѣ неустойки, не подлежатъ никакому разбирательству со стороны правительства; обѣ стороны въ сей неустойкѣ могутъ разбираться только полюбовно черезъ посредниковъ, если обѣ выбрать ихъ согласятся и сей разборъ есть окончательный; жалобы на него нигдѣ не пріемлется“.

Кн. Горчаковъ предложилъ постановить, чтобы долѣе 10 сентября промывка золота продолжалась не иначе, какъ „смотря по погодѣ и со взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ“, такъ какъ въ половинѣ сентября часто выпадаетъ снѣгъ и начинаются заморозки, при которыхъ крайне затруднительно работать людямъ, находящимся въ постоянной мокротѣ. Напротивъ, министръ финансовъ, вообще вооружавшійся противъ всякихъ стѣсненій золотопромышленниковъ, считалъ неудобнымъ опредѣлить одинъ срокъ для окончанія работъ на всѣхъ промыслахъ, „ибо на нѣкоторыхъ изъ нихъ по мѣстнымъ удобствамъ работы могутъ продолжаться круглый годъ, а на другихъ, напротивъ, только нѣсколько мѣсяцевъ: здѣсь все“,

по его мнѣнію, „должно зависѣть отъ взаимнаго условія“. Къ счастью для рабочихъ, государственный совѣтъ не согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ, и законъ 1838 г. установилъ срокомъ промывки золота на пріискахъ, гдѣ нѣтъ земскихъ промысловъ,—10 сентября, между тѣмъ прежде, на основаніи контрактовъ, рабочіе должны были оставаться на промыслахъ до 1 и даже 15 октября. Кн. Горчаковъ предлагалъ также, чтобы мѣстное начальство ежегодно съ началомъ работъ устанавливало таксу на вещи, продаваемые рабочимъ на промыслахъ, набавляя противъ городскихъ цѣнъ не болѣе 20%; но министръ финансовъ высказался противъ этого предложенія, и оно не получило силы закона, что не помѣшало, впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, скорому введенію таксъ на промыслахъ Западной Сибири.

Явочный договоръ по закону 1838 г. долженъ былъ быть написанъ на гербовой бумагѣ и заключать въ себѣ слѣдующія условія: 1) гдѣ нанявшійся долженъ работать, на одномъ ли мѣстѣ, или вездѣ, гдѣ прикажетъ промышленникъ; 2) опредѣленный срокъ, долѣе котораго наниматель не имѣлъ права требовать работъ или услугъ безъ новаго договора; хотя назначеніе этого срока предоставлялось свободному договору обѣихъ сторонъ, однакоже, по свойству сибирскаго климата принято было общимъ правиломъ, что если на промыслахъ не было устроено зимнихъ промысловъ, то промышленникъ не могъ заставлять рабочихъ производить промывку золота позже 10 сентября, и если другихъ занятій на промыслахъ не было, то долженъ былъ увольнять ихъ съ платою по расчету съ вычетомъ за недоработанные дни; 3) число часовъ, въ теченіе которыхъ на основаніи положеній, существующихъ на горныхъ заводахъ, нанимающійся долженъ каждый день работать (однакоже, не болѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 ч. пополудни) съ означеніемъ, сколько изъ этого времени опредѣляется на обѣденный отдыхъ и съ исключеніемъ воскресныхъ и „торжественныхъ“ дней ¹⁾; такимъ образомъ этотъ параграфъ закона 1838 г. воспрещалъ урочную работу по ночамъ, но мы увидимъ, что она существовала на промыслахъ; 4) во время работъ на пріискахъ обязывается или нѣтъ наниматель давать рабочему, такъ называемую, старательскую работу (сверхъ условленнаго времени), и если обязывается, то въ какихъ именно мѣстахъ или же только тамъ, гдѣ прикажетъ на-

¹⁾ Въ проектѣ, составленномъ въ Сибирскомъ Комитетѣ, предполагалось требовать въ условіи болѣе точнаго опредѣленія того, сколько часовъ долженъ работать нанимающійся и притомъ съ указаніемъ, какъ должна производиться работа — безсмынно, по смысламъ или же поурочно, но министръ финансовъ замѣтилъ, что хотя это постановленіе имѣетъ благую цѣль оградить рабочихъ отъ притѣсненій со стороны промышленниковъ, но подобныя подробности „могутъ быть для обѣихъ сторонъ стѣснительны“, и это мѣсто проекта было измѣнено.

ниматель; 5) обязательство рабочего все находимое имъ, какъ во время обыкновенной, такъ и во время старательской работы, золото, самородки и другія драгоценности или рѣдкости непремѣнно безъ малѣйшей утайки, подѣ опасеніемъ наказанія по военному суду, — представлять, кому будетъ приказано ¹⁾; 6) кѣмъ должно быть устроено помѣщеніе для рабочего: имъ ли самимъ или нанимателемъ; 7) чья должна быть одежда и обувь какъ во время работъ, такъ и въ дорогѣ туда и обратно: собственная ли рабочего, или отъ нанимателя, и въ послѣднемъ случаѣ какая именно, и сверхъ ли договорной платы, или должна быть выдаваема въ счетъ ея, по какой цѣнѣ — городской ли или съ надбавкою какихъ-либо процентовъ; 8) порядокъ отпуска этихъ вещей, который вообще долженъ состоять въ томъ, что въ расчетномъ листѣ работника записываются всѣ отпущенныя ему вещи съ обозначеніемъ ихъ цѣны, причемъ было постановлено, чтобы никакихъ вещей, „принадлежащихъ къ роскоши“, или платья и обуви, не свойственныхъ званію рабочихъ, промышленники имъ не отпускали, подѣ опасеніемъ при окончательномъ расчетѣ потери ихъ стоимости; 9) какую работѣ долженъ получать отъ хозяина повседневную пищу во время пребыванія на мѣстѣ работы, а также обязывается ли наниматель во время путешествія рабочего на прински и обратно выдавать какое либо пособіе на пищу сверхъ прочаго условленнаго вознагражденія; 10) за лѣченіе рабочего въ случаѣ его болѣзни и за другіе противъ условія прогульные дни вправѣ ли наниматель дѣлать какіе либо вычеты; 11) сколько промышленникъ долженъ заплатить рабочему деньгами за все время найма и сколько въ счетъ этого долженъ выдать при заключеніи договора или при началѣ работы; 12) обязанъ ли наниматель платить рабочему за золото, добытое на старательскихъ работахъ; и если обязанъ, то должно быть указано, что плата за золотникъ такого золота будетъ опредѣлена на мѣстѣ особымъ письменнымъ условіемъ ²⁾; 13) обязательство рабочего быть честнымъ, почтительнымъ и самовольно

¹⁾ За утайку золота въ урочную рабочую пору съ намѣреніемъ выдать его за добытое во время старательской работы Высочайше утвержденнымъ 28 іюня 1838 г. мѣншіемъ государственнаго совѣта велѣно было наказывать виновныхъ въ первый разъ по приговорамъ мѣстныхъ земскихъ судовъ розгами до ста ударовъ, во второй разъ по приговорамъ военныхъ судовъ плетью при полиціи съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и въ третій разъ къ ссылкѣ въ отдаленные казенные заводы въ работы отъ пяти до десяти лѣтъ съ наказаніемъ публично плетью или шипиротенами. 2-е П. С. 3. XIII, № 11365.

²⁾ Этотъ пунктъ былъ постановленъ согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, который находилъ, что относительно старательскихъ работъ нельзя установить положительныхъ правилъ, такъ какъ плата за старательское золото зависитъ отъ свойства золотосодержащихъ песковъ, „до неимовѣрности измѣняющихся не только на двухъ смежныхъ принскахъ, но даже въ одной и той же площади“.

никуда не отлучаться; 14) обязательство нанимателя „обходиться съ наемникомъ безъ обиды, безъ притѣсненія, челоувѣколюбиво, не причиняяъ ему самовольно *тяжкихъ* побоевъ или какихъ либо жестокостей, его здоровью вредныхъ“. Въ явочномъ договорѣ должно было быть означено время и мѣсто его составленія и размѣръ выданнаго задатка; онъ долженъ быть явленъ: въ городѣ—въ земскомъ судѣ, а въ селеніи—въ волостномъ правленіи, инородческой управѣ или у смотрителя казеннаго поселенія ¹⁾). Не только не запрещалось писать на одномъ листѣ или въ одномъ договорѣ многихъ работниковъ, если условія съ ними одни и тѣ же, но каждый промышленникъ долженъ былъ стараться нанимать къ себѣ рабочихъ артелями, если они нужны ему въ немаломъ числѣ, и особенно—съ круговою порукою другъ за друга относительно явки на работы и исполненія съ ихъ стороны другихъ условий ²⁾).

Чевкинъ въ своемъ проектѣ предлагалъ дозволить промышленникамъ нанимать на промыслы и малолѣтнихъ, но не иначе, какъ съ ихъ родителями, воспитателями или близкими родственниками ³⁾). Въ законѣ 1838 г., вопреки мнѣнію Чевкина, постановлено: „условія составляются каждымъ работникомъ лично за себя; ни въ какомъ случаѣ они не могутъ простираются на дѣтей работника или на другихъ лицъ вопреки общему положенію о наймѣ рабочихъ въ Сибири“. Такимъ образомъ было вновь подтверждено правило, установленное закономъ 1822 г. ⁴⁾).

Срокъ найма по закону 1838 г. не могъ быть долѣе одного года со времени явки договора, хотя бы срокъ увольнительному акту нанимающаго былъ и болѣе года. По прошествіи условленнаго времени производился расчетъ между рабочимъ и нанимателемъ, и если онъ удовлетворялъ обѣ стороны, то договоръ могъ быть возобновленъ при волостномъ правленіи ⁵⁾).

Чевкинъ въ своемъ проектѣ предлагалъ, чтобы задатокъ, выдаваемый рабочему при заключеніи условія, не превышалъ той суммы, какую нанимающійся могъ заработать въ продолженіе одного мѣсяца, чтобы изъ задатка промышленники удерживали съ cadaго рабочего за половину года слѣдующія съ него подати и повинности и, наконецъ, чтобы кромѣ

¹⁾ Паспорты или виды предписывалось выдавать на руки самимъ нанимающимся или кому они довѣрятъ, но никакъ не нанимателямъ.

²⁾ Этотъ параграфъ составленъ на основаніи Положенія о наймѣ рабочихъ въ Сибири п. 8 и Положенія 1836 г. о бурлакахъ. (2 П. С. З. т. XI, № 9818, § 10).

³⁾ Жандармскій же капитанъ Мишо въ 1834 г. указывалъ на настоятельную необходимость отнять у родителей-крестьянъ возможность посылать своихъ дѣтей на приисковыя работы, находя для нихъ вреднымъ общество ссыльно-поселенцевъ.

⁴⁾ 1-е П. С. З. т. XXXVIII, № 29134, п. 9, 40—42.

⁵⁾ Изъ Положенія о наймѣ рабочихъ въ Сибири, п. 10 и 21.

здатка дозволялось по наступленіи времени работъ выдавать рабочимъ деньги въ размѣрѣ половины задатка на путевые расходы (въ счетъ условленной платы). Въ законѣ же 1838 г. мы находимъ иное постановленіе: на основаніи его, деньги, выдаваемые впередъ, не должны были превышать всей платы по договору ¹⁾, считая въ томъ числѣ взносъ податей и повинностей за нанимающагося рабочаго ²⁾; задатки же ссыльно-поселенцевъ во всякомъ случаѣ не должны были превышать 25 р. ассигн. при выдачѣ которыхъ непремѣнно взыскивался годовой окладъ податей.

Относительно явки нанятыхъ людей на мѣсто работъ мы находимъ въ законѣ 1838 г. слѣдующія постановленія: если изъ одного селенія, волости или города нанято нѣсколько человекъ, то имъ вѣнялось въ обязанность отправляться на работу артелями, избравъ въ каждой изъ нихъ на весь путь для сохраненія порядка старосту съ двумя или болѣе помощниками и вручивъ ему свои паспорта съ круговою порукою въ томъ, что рабочіе не будутъ отлучаться отъ артели и будутъ повиноваться старостѣ ³⁾. Артельный староста имѣлъ право (по совѣщаніи съ помощниками) наказывать за всякое буйство рабочаго, принадлежащаго къ его артели, принимаясь къ постановленіямъ объ артельной расправѣ на прискахъ (см. ниже). Мѣстные власти обязаны были строго наблюдать, чтобы нанятые люди во-время отправлялись на условленную работу и слѣдовали туда безостановочно; для этого наниматели могли препровождать къ начальству списки нанятыхъ.

По прибытіи на мѣсто работы каждый нанявшійся долженъ былъ отдать свой паспортъ промышленнику и взаимѣнъ его получить расчетный листъ на простой бумагѣ. Если съ нанимателемъ не заключено явочнаго договора, то, по крайней мѣрѣ, въ этомъ листѣ должны быть кратко означены условія его съ промышленникомъ. Для сохраненія порядка между рабочими и большаго удобства въ производствѣ хозяину дозволялось раздѣлять рабочихъ на новыя артели, причемъ въ каждую изъ нихъ онъ назначалъ отъ себя старосту, а рабочіе съ своей стороны двухъ выборныхъ ⁴⁾. Этой артельной расправѣ съ вѣдома промышленника или его прикащика предоставлялось право „умѣренного домашняго исправленія“ рабочихъ, составляющихъ артель: она имѣла право лѣннихъ, нетрезвыхъ, виновныхъ въ запрещенной карточной или иной игрѣ, буйныхъ и пытавшихся бѣжать наказывать, по словесному ея приговору, навлеченіемъ на нихъ работы, удержаніемъ въ пользу артели

¹⁾ Очевидно, кромѣ вознагражденія за старательскую работу, размѣръ которой предполагалось опредѣлять на мѣстѣ особыми условіями.

²⁾ Изъ Положенія о наймѣ рабочихъ въ Сибири, п. 11.

³⁾ Изъ положенія о бурлакахъ 1836 г., § 10.

⁴⁾ Изъ проекта министра финансовъ.

части ихъ платы и, смотря по винѣ и послѣдствіямъ проступка, розгами, однако, не болѣе ста ударовъ ¹⁾). Если хозяинъ или его прикащикъ были недовольны рѣшеніемъ артельной расправы, то они могли жаловаться отдѣльному засѣдателю частныхъ золотыхъ промысловъ, а въ дѣлахъ, касающихся промысловой техники,—горному ревизору.

Рабочіе не должны были оставлять промысловъ до истеченія условленнаго срока безъ согласія на то хозяевъ или ихъ прикащиковъ, а равно требовать прибавки платы. Начальство, выдавшее рабочему билетъ, также не имѣло права отзывать его обратно съ промысла до истеченія условленнаго срока, кромѣ случая прикосновенности его къ уголовному дѣлу или обязанности отбывать рекрутскую повинность. Строго воспрещалось рабочимъ переходить съ одного промысла на другой, а промышленникамъ принимать ихъ безъ надлежащихъ паспортовъ или съ такими видами, которые показывали, что предъявитель его подрадилъ уже у другого промышленника ²⁾). За нарушеніе этого правила виновный промышленникъ подвергался за каждаго рабочаго штрафа въ 250 руб. въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, взысканію убытковъ, нанесенныхъ прежнимъ хозяиномъ и сверхъ того предавался суду, какъ пристаиодержатель. Неповиновеніе хозяину, его повѣренному или прикащику на принскѣ цѣлою артелью наказывалось судомъ по всей строгости законовъ ³⁾).

Кн. Горчаковъ считалъ очень важнымъ, чтобы записываніе выдаваемыхъ рабочимъ вещей въ расчетные листы производилось всякій разъ при свидѣтеляхъ; онъ требовалъ также установленія правила, чтобы промышленники отпускали рабочимъ „вещи самыя простыя“ и, какъ мы уже упоминали, наставлялъ и на введеніи таксы. Это послѣднее предложеніе принято не было, но необходимость контроля со стороны рабочихъ надъ записываніемъ того, что ими было забрано, въ расчетные листы была признава и въ законѣ 1838 г. Всякую плату рабочему деньгами или вещами, всякое особенное вознагражденіе, также, какъ и вычеты, сдѣланные на основаніи договора или по приговору артельной расправы за прогульные дни и разныя проступки, законъ 1838 г.

¹⁾ Въ проектѣ министра финансовъ не было указано высшаго размѣра наказанія; приведенный въ текстъ максимумъ числа ударовъ былъ предложенъ кн. Горчаковымъ, съ которымъ согласился и Сибирскій Комитетъ.

²⁾ На оборотѣ вида промышленнику разрѣшалось надписывать, гдѣ и до какого срока нанятъ тотъ рабочій, которому принадлежалъ паспортъ.

³⁾ Сибирскій Комитетъ въ засѣданіи 30 ноября 1837 г. предлагалъ судить въ этомъ случаѣ рабочихъ военнымъ судомъ, но это было измѣнено на основаніи позитивныхъ Высочайшихъ повелѣній (по именному указу 6 іюня 1838 г. военному суду рабочіе должны были подвергаться лишь за сопротивленіе правительственной администраціи, а не за неповиновеніе управляющимъ и прикащикамъ).

предписывать вносить своевременно въ присутствіи артели въ расчетный листъ, выданный рабочему. Выдача рабочему денегъ при окончательномъ расчетѣ также должна была быть отмѣчена въ расчетномъ листѣ.

Чевкинъ въ своемъ проектѣ предлагалъ постановить, что промышленникъ не долженъ, снабжая рабочихъ разными вещами, допускать, чтобы весь ихъ долгъ превосходилъ размѣръ заработка или, въ крайнемъ случаѣ, могъ дозволить превышеніе долга надъ всею заработанною суммою не болѣе, какъ на 5 руб. Одолжившій большую сумму, по этому проекту, лишался права на искъ. Но министръ финансовъ Канкринъ, вообще, какъ мы уже замѣтили, не сочувствовалъ регулированію отношеній рабочихъ къ хозяевамъ пріисковъ, не включилъ ни этого, ни какого либо подобнаго условія въ свой проектъ. Въ законѣ 1838 г. мы находимъ только неопредѣленное постановленіе, чтобы промышленники не отпускали рабочимъ вещей, „принадлежащихъ къ роскоши“, или платья и обуви, „несвойственныхъ ихъ званію“, подъ опасеніемъ потери уплаты за нихъ при окончательномъ расчетѣ. Такое правило оказалось мало полезнымъ.

Кн. Горчаковъ предлагалъ, чтобы половина заработка рабочихъ изъ ссыльныхъ, для предупрежденія растраты на пути, выдавалась имъ только по возвращеніи домой, а до того времени хранились у артельного старосты. Сибирскій Комитетъ постановилъ, чтобы десятая часть наемной платы каждаго рабочаго изъ ссыльно-поселенцевъ отдавалась ему чрезъ его артельного старосту не прежде, какъ по возвращеніи его въ деревню или волость, къ которой приписанъ. Мѣстному начальству Комитетъ ставилъ въ обязанность принять строгія мѣры къ тому, чтобы эти деньги не растрчивались артельными старостами. Напротивъ, министръ финансовъ, указывая на то, что староста можетъ растратить ввѣренныя ему деньги, вообще считалъ эту мѣру вредною для развитія золотопромышленности: половину „всей платы“ не нашли возможнымъ удерживать, а даже пятая часть не могли составить значительной суммы; въ виду этого кн. Горчаковъ готовъ былъ при обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ отказаться отъ этой мѣры. Но департаментъ законовъ государственнаго совѣта призналъ, что это постановленіе необходимо ¹⁾. Имѣя въ виду, что кн. Горчаковъ предлагалъ удерживать

¹⁾ „По дѣлу о ссыльныхъ извѣстно“, сказано въ резолюціи изъ журналовъ его засѣданій въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1838 г., „что возвращаясь по окончаніи работы въ дома, они растрчиваютъ немедленно все, что, получали, и возобновляютъ свое бродяжничество, а затѣмъ пускаются и въ преступленія; слѣдовательно, дѣлъ предлагаемой тутъ мѣры состоитъ въ томъ, чтобы работникъ по возвращеніи что нибудь имѣлъ еще для пропитанія. Наблюденіе за симъ не можетъ быть трудно потому, что

половину заработка ссыльных съ тѣмъ, чтобы выдавать ее по возвращеніи домой, департаментъ законовъ призналъ полезнымъ вмѣсто десяти назначить пятую часть для врученія старостѣ. Въ такомъ видѣ это правило было внесено и въ законъ 1838 г., т.-е. предписано было выдавать на руки старостѣ пятую часть „наемной платы ссыльно-поселенцевъ“.

Сверхъ расчетныхъ листовъ промышленники должны были имѣть у себя расчетныя книжки и записывать въ нихъ все вносимое въ эти листы. По окончаніи срока работъ на прискахъ, рабочій получалъ свой паспортъ и, если доволенъ былъ расчетомъ хозяина, возвращалъ ему свой расчетный листъ, что считалось доказательствомъ безспорнаго окончанія расчета.

Кн. Горчаковъ указывалъ на необходимость окружить строгимъ надзоромъ возвращеніе рабочихъ съ присковъ. По его мнѣнію, слѣдовало постановить, чтобы рабочіе послѣ расчета сдавались находящемуся на прискахъ засѣдателю и его помощникамъ, которые, составивъ изъ нихъ партіи, должны были отправлять ихъ до перваго волостного правленія, откуда каждый долженъ былъ слѣдовать къ своему мѣсту жительства; земскимъ засѣдателямъ во все время прохожденія рабочихъ слѣдовало находиться на большой дорогѣ съ достаточнымъ числомъ казаковъ и совмѣстно съ волостными правленіями наблюдать за порядкомъ, „чтобы никто не проживалъ праздно, а паче того не сворачивалъ въ сторону для бродяжничества“. Предложеніе кн. Горчакова было отчасти принято во вниманіе. По закону 1838 г. рабочимъ предписывалось послѣ расчета „безостановочно слѣдовать въ мѣста ихъ жительства такими же артелями, какъ они обязаны отправляться на работы“, а затѣмъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ по окончаніи работъ на промыслахъ располагались казачьи команды по главнымъ путямъ слѣдованія рабочихъ для удержанія ихъ въ должномъ повиновеніи и порядкѣ. Впослѣдствіи, въ концѣ 40-хъ годовъ, какъ мы увидимъ ниже, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ обратилъ болѣе серьезное вниманіе на этотъ вопросъ.

Законъ 1838 года предоставлялъ отдѣльнымъ засѣдателямъ по золотопромышленнымъ дѣламъ право „за доказанное неповиновеніе, развратное поведеніе, побѣги, запрещаемыя игры и другіе проступки, не заключающіе уголовнаго преступленія, подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію“, т.-е. тѣлесному наказанію. Они должны были также преслѣдовать похищеніе съ промысловъ золота и надзирать, чтобы не

староста, растратившій или только недонесшій ввѣренной ему суммы, безъ сомнѣнія будетъ строжайше наказываемъ“.

было частной продажи вина или учрежденія недовольныхъ питейныхъ мѣстъ (питейныя „выставки“ ближе 50 верстъ къ промысламъ не дозволялись). Въ распоряженіе засѣдателя назначалось по 20 казаковъ, а въ случаѣ надобности и болѣе ¹⁾.

Изъ особыхъ правилъ о золотопромышленности въ киргизскихъ округахъ слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ лица, сосланные въ Сибирь по приговорамъ, на основаніи устава о ссыльныхъ не пропускались въ киргизскіе округа ни въ качествѣ промышленниковъ, ни для работы ²⁾.

Таковы главнѣйшія постановленія относительно рабочихъ закона о частной золотопромышленности 1838 г. При всѣхъ его недостаткахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, этотъ законъ все-таки болѣе защищаетъ ихъ отъ эксплуатаціи со стороны хозяевъ, чѣмъ позднѣйшій Уставъ о частной золотопромышленности 1870 г.: въ первомъ, какъ мы видѣли, опредѣленъ срокъ осеннихъ работъ (10 сентября), тогда какъ во второмъ такое ограниченіе отсутствуетъ; въ законѣ 1838 г. установленъ шахимит количества рабочихъ часовъ (правда, только для урочныхъ работъ), котораго вовсе не указано въ уставѣ 1870 г., запрещены урочныя работы по ночамъ и по воскресеньямъ и праздникамъ (въ Уставѣ 1870 г. эти ограниченія также уничтожены). Такса вещамъ и припасамъ не узаконена положеніемъ 1838 г., но одинъ изъ пунктовъ установленной имъ формы контракта требуетъ обозначенія, „по какой цѣнѣ, городской ли, или съ надбавкою какихъ либо процентовъ“ будутъ отпускаемы рабочимъ въ счетъ заработка вещи и товары, что и вызвало очень скоро послѣ того утвержденіе таксы администраціею въ Западной Сибири. Весьма непріятно поражаетъ въ положеніи 1838 г. постановленіе о томъ, чтобы хозяинъ не причинялъ рабочему „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ либо жестокостей, его здоровью вредныхъ“: такимъ образомъ побои вообще считались дозволительными, а разбирать, насколько они были тяжелы, не всегда находили нужнымъ. Только что цитированное правило потомъ постоянно повторялось въ договорахъ и поражало позднѣйшихъ изслѣдователей, не замѣчавшихъ, что оно прямо

¹⁾ Къ занятію золотопромышленностью въ Сибири допущены были: 1) дворяне потомственные и личные, исключая вообще служащихъ въ Сибири и въ Петербургѣ при главномъ управленіи горною частью (а также ихъ женъ и семействъ); 2) потомственные почетные граждане; 3) купцы 1-й и 2-й гильдіи. Отставленные отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь на нее не опредѣлять и изблеченные по суду въ поступкахъ предосудительныхъ не имѣли права на занятія золотопромышленностью. — Занятія этимъ промысломъ дозволялись во всей Сибири, кромѣ Верхнеудинскаго и Нерчинскаго округовъ Забайкальскаго края и Алтайскаго горнаго округа.

²⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло по описи Минюсскаго 1836 г. № 674 (выз. 24), л. 3—5, 52—53; Арх. Госуд. Сов., дѣло департам. законовъ 1838 г. № 31 и приложение къ нему; 2-е П. С. З. т. XIII, № 11188, отд. I, стр. 390—405, отд. II, стр. 113—114.

подсказывалось закономъ. Норма тѣлеснаго наказанія, которому могла подвергать рабочихъ артельная расправа (100 ударовъ розгами), была, конечно, слишкомъ высока, но для николаевской эпохи, когда на кабинетскихъ промыслахъ сотнями и тысячами сыпались на спины рабочихъ удары шипирутенами, сто ударовъ розгами признавалось совершенными пустяками. Повторяетъ, въ законъ 1838 г. (несмотря на то вредное вліяніе, какое имѣлъ на составленіе его Канкринъ), мы замѣчаемъ стремленіе оградить интересы рабочихъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) все-таки въ большей степени чѣмъ это мы видимъ въ Уставѣ о частной золотопромышленности 1870 года, составившемся при участіи такого рода защитниковъ системы „laissez faire, laissez passer“, каковымъ былъ экономистъ Вернадскій.

ГЛАВА III.

Законодательныя и административныя мѣры относительно сибирскихъ присковъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ.

Въ первое время послѣ изданія закона 30-го апрѣля 1838 г. мѣстная сибирская администрація дѣлала иной разъ распоряженія, несогласныя съ этимъ закономъ, и подсказанныя стремленіемъ къ излишней опекѣ крестьянъ и поселенцевъ. Такъ тобольскій губернаторъ 15-го декабря 1838 года предписалъ, чтобы ни одинъ изъ неводворившихся ссыльно-поселенцевъ Tobольской губерніи не былъ увольняемъ для работъ въ прочія сибирскія губерніи. Въ Енисейской губерніи были также сдѣланы весьма важныя распоряженія, ограничивающія наемъ работниковъ на золотыя прииски.

До генерала-лейтенанта Руперта при самомъ назначеніи его генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири (въ 1837 г.) дошли слухи, что многіе крестьяне и поселенцы, увлекаемые выгодами работъ на золотыхъ промыслахъ, вовсе оставили занятіе хлѣбопашествомъ.

„При обозрѣніи моемъ Енисейской губерніи, — писалъ Рупертъ поздне (2-го Августа 1839 г.) управляющему дѣлами Комитета Министровъ, — обнаружилось, что во всѣхъ казенныхъ поселеніяхъ, гдѣ водворены ссыльные, большая часть домовъ или совершенно пусты, или живущіе въ нихъ состояли изъ мало-лѣтнихъ дѣтей и женщинъ; что всѣ хозяева сихъ домовъ, способные къ работамъ, прельстясь легкостью трудовъ на золотыхъ промыслахъ и большою платою, находятся на этихъ промыслахъ“, что многіе крестьяне красноварскаго и канскаго округовъ, ближайшихъ къ мѣстамъ присковъ, увлекшись сими же выгодами, послѣдовали примѣру ссыльныхъ; что принадлежащія какъ первымъ, такъ и послѣднимъ поля остаются невоздѣланными и что даже нѣкоторые изъ зажиточныхъ хозяевъ, несмотря на желаніе поддерживать хлѣбопашество въ прежнемъ видѣ, лишаются возможности выполнить свое.. намѣреніе или потому, что не находятъ

вовсе работниковъ, бывшихъ у нихъ прежде и ушедшихъ на золотые промыслы, или же потому, что отыскиваемые ими домохозяевами работники, надѣясь на чрезмѣрно выгодную плату, которую получить они могли на золотыхъ промыслахъ, требовали отъ нихъ цѣны слишкомъ высокія“.

Рупертъ напелъ, что вслѣдствіе этого хлѣбопашество Восточной Сибири „склоняется видимо къ упадку“.

Къ тому же по окончаніи пріисковыхъ работъ поселенцы на возвратномъ пути „проматываютъ если не въ первомъ, то въ слѣдующихъ селеніяхъ, гдѣ имѣются питьевые дома, не только заработанныя деньги, но и самое платье и, прибывъ на мѣсто жительства въ такомъ несчастномъ положеніи и съ привычками къ роскошной или, справедливѣе сказать, распутной жизни,“ впадаютъ въ новыя преступленія, чтобы имѣть средства удовлетворять своимъ страстямъ, и живутъ въ селеніяхъ болѣе полугода къ обремененію честныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ“.

Вслѣдствіе всего этого по предписанію Руперта, данному въ декабрѣ 1838 г., енисейскій губернаторъ 19 января 1839 г. сообщилъ губернскому правленію объ установленіи слѣдующихъ правилъ относительно увольненія крестьянъ и поселенцевъ на золотые промысла: 1) Изъ семей малолюдныхъ, занимающихся хлѣбопашествомъ, гдѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, двухъ человекъ, способныхъ къ полевымъ работамъ, не увольнять на золотые пріиски ни подъ какимъ предлогомъ ни одного крестьянина и ни одного „казеннаго поселенца“. 2) Изъ семей, состоящихъ изъ двухъ или трехъ работниковъ, увольнять не болѣе одного, и то только тогда, когда будетъ дознано, что желающій идти на пріиски или самъ успѣлъ, или оставшіеся дома работники обязались за него обработать и засѣять принадлежащія ему поля, прокормить до возвращенія его оставленное имъ семейство и собрать жатву будущаго года. 3) Каждый, желающій получить увольненіе, долженъ первоначально взять письменное свидѣтельство отъ старшины своего селенія, что онъ удовлетворяетъ указаннымъ выше условіямъ и что общество согласно уволить его; затѣмъ это свидѣтельство волостное правленіе препровождаетъ на усмотрѣніе земскаго исправника или смотрителя поселеній, если желающій идти на пріиски „казенный поселенецъ“; впрочемъ, эти мѣстныя власти не могутъ не допустить желающихъ наняться на работу, если они удовлетворяютъ установленнымъ условіямъ. 4) Исправники и смотрители поселеній должны составить именныя списки крестьянъ и поселенцевъ, которые прежде занимались хлѣбопашествомъ, а теперь оставили его вслѣдствіе работъ на золотыхъ пріискахъ, обозначивъ, кто изъ нихъ имѣетъ постройки, рогатый скотъ, лошадей и прочее. Произведя затѣмъ осмотръ на мѣстахъ, исправники и смотрители должны не увольнять на пріиски тѣхъ изъ нихъ, кто имѣетъ возможность возобновить запашку, а непременно принудить къ этому, выдавъ имъ для посѣва достаточное количество зерна изъ запасныхъ магазиновъ. Тѣхъ, кто по неимѣнію скота и земледѣльческихъ орудій не въ состояніи сдѣлать этого, пред-

писывалось отдать въ работники зажиточнымъ крестьянамъ и поселенцамъ, преимущественно въ тѣхъ же деревняхъ и селеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы хозяинъ, изъявившій желаніе взять работника изъ такихъ людей за плату или даже и безъ нея, во всякомъ случаѣ обязался внести за него подати и повинности, обработать и засѣять часть поля, принадлежащаго нанимаемому, или, если тотъ изъ другой дальней деревни, сдѣлать для него запашку и посѣвъ на собственной землѣ въ такомъ количествѣ, чтобы по окончаніи работы нанимающійся могъ обезпечить на всю зиму свое пропитаніе и отдѣлить сѣмена для будущаго посѣва. Количество запашки, требуемой какъ отъ этихъ лицъ, такъ и отъ увольняемыхъ на пріиски, опредѣлялось въ такомъ размѣрѣ: для холостыхъ и женатыхъ, но бездѣтныхъ по полудесятинѣ, для женатыхъ же, имѣющихъ дѣтей и сежейство,—не менѣе одной десятины.¹⁾ Но чтобы не стѣснять золотопромышленниковъ въ наймѣ нужнаго для нихъ количества работниковъ предписывалось: 5) дѣйствіе этихъ правилъ отнюдь не распространять на тѣхъ поселенцевъ, которые, приписанные къ волостямъ, вслѣдствіе недавняго причисленія къ нимъ, „по неспособности къ осѣдой жизни или чему-либо другому“ не имѣютъ „прочнаго домообзаводства“ и вовсе не занимаются земледѣліемъ, предоставивъ имъ полную свободу безпрепятственно получать увольненіе на золотые промысла на прежнемъ основаніи во всякое время. Наконецъ 6) въ видѣ опыта на настоящій годъ постановить, чтобы золотопромышленники выдавали пріисковымъ рабочимъ не всю договоренную сумму, а только половину, другую же половину препровождали по окончаніи работъ въ земскіе суды и къ смотрителямъ поселеній для врученія этихъ денегъ рабочимъ уже по возвращеніи ихъ домой.

Правила эти вызвали неудовольствіе золотопромышленниковъ, и одинъ изъ нихъ, Якобсонъ (какъ мы видѣли, пайщикъ виѣстѣ съ гр. Бенкендорфомъ въ той компаніи, уполномоченнымъ которой былъ Асташевъ), въ мартѣ 1839 г. подалъ министру финансовъ прошеніе. Указывая въ немъ на то, что по закону 30-го апрѣля 1838 г. предписывалось выдавать рабочимъ весь ихъ заработокъ и только поселенцамъ вручать пятую часть его по возвращеніи домой, а также ставилось на нанимателей въ обязанность содѣйствовать мѣстному начальству во взнисканіи съ рабочихъ податей и повинностей посредствомъ условій въ договорахъ о взносѣ податей за нанимающихся, Якобсонъ спрашивалъ: должно ли считать отиѣненными эти правила и должно ли удерживать

¹⁾ Первоначально генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предписалъ, чтобы на каждаго уволеннаго работника засѣвалось по двѣ десятины, но потомъ уменьшилъ свои требованія въ виду замѣчанія министра финансовъ.

половину платы у однихъ ссыльно-поселенцевъ или также и у рабочихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, которымъ до сихъ поръ она выдавалась сполна? „Не могу скрыть“, писалъ Якобсонъ, „что каждый золотопромышленникъ, имѣющій пріиски въ Восточной Сибири, встрѣтитъ большія затрудненія въ наймѣ рабочихъ“ вслѣдствіе воспрещенія выдавать заработанную ими плату на самыхъ промыслахъ и введенія енисейскимъ губернаторомъ „новыхъ обрядовъ и формъ для увольненія нанятыхъ работниковъ“. Далѣе Якобсонъ указалъ на то, что распоряженія енисейскаго губернатора не согласны съ законами о ссыльныхъ, по которымъ: 1) приселяемые въ деревнямъ старожиловъ обязаны водвориться собственными трудами не болѣе, какъ черезъ пять лѣтъ, въ противномъ случаѣ взыскивать съ нихъ подушную и оброчную подать наравнѣ съ крестьянами и по 50 коп. въ экономическую сумму ссыльныхъ, оставляя ихъ въ прежнемъ положеніи, и 2) водворенные ссыльные могутъ быть увольняемы для промысловъ по всей Сибири. Якобсонъ жаловался также на то, что начальство Восточной Сибири запретило частнымъ промышленникамъ закупать хлѣбъ на пріиски ¹⁾).

По полученіи жалобы Якобсона министръ финансовъ представилъ въ Комитетъ министровъ записку, въ которой, указавъ на развитіе золотопромышленности въ Сибири, на то, что въ 1838 г. было добыто тамъ частными лицами 165 пудовъ золота, что казна получила въ подать 25 пудовъ его стоимостью въ 1.250.000 р. асс. и что этимъ промысломъ занято до 20 тысячъ рабочихъ, обращалъ вни-

¹⁾ Въ виду сильнаго неурожаа и необходимости заготовлять хлѣбъ для казны Рупертъ запретилъ золотопромышленникамъ покупать хлѣбъ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ безъ особаго разрѣшенія. „Правда“, говоритъ г. Вагинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „разрѣшенія на покупку хлѣба въ видѣ исключеній давались золотопромышленникамъ довольно легко, такъ что почти обратились въ общее правило, но они, вѣроятно, стояли не дешево, и во всякомъ случаѣ общее запрещеніе оставалось въ своей силѣ“. („Литер. Сборникъ, изд. редакц. „Восточнаго обозрѣнія“ 1886 г., стр. 258—254). Якобсонъ жаловался, что четверть хлѣба, заготовлявшаяся осенью 1888 г. не дороже 9—10 руб., продавалась теперь вслѣдствіе запрещенія свободной торговли хлѣбомъ отъ 27 до 30 р. асс., а если къ этому присоединить издержки по перевозкѣ хлѣба весною на пріиски, то четверть обходилась до 55 руб. асс. (Якобсонъ забывалъ только, что вздорожаніе хлѣба объяснялось не однимъ только запрещеніемъ свободной торговли, но и сильнымъ неурожаемъ). „Никто не осмѣливается жаловаться на это“, продолжаетъ онъ, „не зная, не получило ли начальство Восточной Сибири нинѣ особаго полномочія отмѣнить существующіе законы“, но 207-я и 208-я ст. XI-го т. Св. Зак. о повсемѣстной свободной торговлѣ хлѣбомъ и опубликованное, Высочайше утвержденное 14-го іюля 1823 г. положеніе Сибирскаго Комитета, чтобы въ Сибири ни подъ какомъ видомъ при казенныхъ заготовленіяхъ не стѣснять частныхъ людей въ закупкѣ хлѣба, не имѣютъ болѣе никакой силы въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ“.

маніе Комитета министровъ и на запрещеніе продажи и покупки хлѣба въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, пока казна не сдѣлаетъ запасовъ, и на мѣры относительно найма рабочихъ, подрывающія золото-промышленность. „Все сіе дѣлается для того“, писалъ Канкринъ, „дабы поддержать хлѣбопашество. Но оно тогда только можетъ прочно распространиться, когда есть въ виду надежные и постоянные потребители, золотые же промысла въ Сибири составляютъ вѣрнѣйшій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже единственный источникъ потребленія хлѣба“. При томъ возвышеніе цѣнности на него скорѣе всего заставитъ крестьянъ и нѣкоторыхъ ссыльно-поселенцевъ, прежде занимавшихся хлѣбопашествомъ, не оставлять земледѣлія и безъ всякаго побужденія со стороны правительства. Относительно правилъ, установленныхъ енисейскимъ губернаторомъ, о наймѣ рабочихъ на промысла министръ финансовъ замѣтилъ: 1) что они вводятъ формальности излишнія и затруднительныя; 2) что отдача оставившихъ занятіе земледѣліемъ въ работники къ другимъ крестьянамъ „есть мѣра новая, не подкрѣпленная закономъ“; 3) что доволненіе поселенцамъ, не имѣющимъ прочнаго домообзаводства „по неспособности къ осѣдлой жизни или чему либо другому“ наниматься на промысла такъ неопредѣленно, что можетъ подорвать всѣ предыдущія постановленія новыхъ правилъ, и наконецъ 4) что требованія не выдавать рабочимъ на руки половины ихъ заработка противорѣчить закону 30-го апрѣля 1838 г. Ввиду всего этого министръ финансовъ предлагалъ комитету министровъ: 1) запрещеніе продажи и покупки хлѣба между частными лицами немедленно отмѣнить; 2) въ распоряженіяхъ относительно найма рабочихъ, выдачи заработной платы и другихъ вопросовъ, касающихся частной золотопромышленности въ Сибири, въ точности слѣдовать изданнымъ узаконіямъ; 3) не отрицая, что золотопромышленность могла отвлечь отъ хлѣбопашества часть мѣстнаго населенія, министръ финансовъ предложилъ поручить волостному и сельскому начальству „имѣть нѣкоторое наблюденіе (?), чтобы въ семействахъ казенныхъ крестьянъ и водворенныхъ ссыльно-поселенцевъ оставались рабочіе для хлѣбопашества и чтобы поля не были запускаемы. Земскіе чиновники при разъѣздахъ своихъ должны имѣть за сими надворъ, не затрудняя однакожъ ни подъ какимъ видомъ найма рабочихъ представленіемъ письменныхъ удостовѣреній и т. п. и не требуя отъ ссыльно-поселенцевъ, не водворенныхъ и не имѣющихъ никакого ховяйства, чтобы они прежде увольненія на золотые промыслы засѣвали известное число десятинъ“. Последнее не предписывалось и правилами енисейскаго губернатора, требованіе же „нѣ котораго наблюденія“ за хлѣбопашествомъ отъ сельскаго и волостного начальства и мѣстной полиціи, конечно, осталось бы лишь мертвою буквою.

Комитетъ министровъ согласился съ тѣмъ, что необходимо отмѣ-

нить распоряженіе генераль-губернатора относительно закупки хлѣба, что въ вопросахъ, касающихся золотопромышленности, необходимо слѣдовать закону 30-го апрѣля 1838 г., и указалъ на то, что если нужны какія либо мѣры къ ограниченію стремленія крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ на золотые промысла, то генераль-губернаторъ Восточной Сибири долженъ войти объ этомъ съ представленіемъ къ министру, финансовъ, который, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, внесетъ свое заключеніе на дальнѣйшее разсмотрѣніе.

На этомъ положеніи Комитета министровъ императоръ Николай 7-го мая 1839 г. написалъ слѣдующее: „Съ этимъ я никакъ не могу согласиться; можно ли здѣсь рѣшить, какія причины могли побудить генераль-губернатора принять на свою отвѣтственность подобныя мѣры. Чѣмъ выше занимаемое мѣсто, тѣмъ болѣе должно быть и довѣрія, и не выслушавъ опровергать—значило бы уничтожить всякое уваженіе къ мѣстной главной власти. Поэтому послать сейчасъ фельдъегеря съ симъ журналомъ къ г. л. Руперту и спросить, почему, не предвара въ то же время здѣсь, рѣшился принять подобныя мѣры, и буде *другою въ виду нтъ какъ то, что здѣсь извѣстно*, чтобы исполнилъ не медля по мнѣнію Комитета, въ противномъ случаѣ, чтобы ни къ чему не приступалъ въ отиѣну своихъ распоряженій, но подробно донесъ о *причинахъ*“.

Рупертъ въ своемъ отвѣтѣ (2-го августа 1839 г.), указавъ на то, что золотопромышленность производитъ въ низшемъ классѣ народа, и въ особенности среди ссыльныхъ, „порчу нравовъ въ высшей степени“ и выѣстъ съ тѣмъ вызываетъ упадокъ земледѣлія, изложилъ тѣ мотивы, которые побудили его къ введенію нѣкоторыхъ новыхъ правилъ для ограниченія найма на промыслы крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ (см. выше). Разбирая затѣмъ возраженія министра финансовъ на эти правила, Рупертъ говоритъ, что установленныя по его желанію мѣры не могутъ подорвать золотопромышленности, такъ какъ если онѣ и заставятъ часть работниковъ обратиться къ хлѣбопашеству, то послѣдніе будутъ замѣнены новыми поселенцами, ежегодно присылаемыми въ Сибирь, и тѣми жителями, которые не занимаются земледѣліемъ. Обязательство, требуемое отъ золотопромышленниковъ о невыдачѣ рабочимъ половины ихъ заработка и объ отсылкѣ ея въ земскіе суды или къ смотрителямъ поселеній, по мнѣнію Руперта, „въ существѣ своемъ не измѣняетъ силы Положенія о частной золотопромышленности въ Сибири, ибо полученіе въ томъ и другомъ случаѣ полного количества заработанныхъ денегъ несомнѣнно съ тою только разницею“, что при выполненіи такого обязательства деньги рабочихъ будутъ сбережены, при выдачѣ же всѣхъ денегъ имъ на руки онѣ будутъ растрчены до возвращенія рабочихъ домой. Въ заключеніи своей записки Рупертъ говоритъ: 1) что принятыя имъ мѣры относительно найма рабочихъ на золотые прииски

дѣйствовали въ первые четыре мѣсяца этого года, т.-е. въ самое время найма; онъ не отмѣняетъ ихъ пока въ виду того, что если онѣ будутъ признаны правительствомъ вовсе неудобными или подлежащими измѣненію, то будетъ еще достаточно времени для этого до будущей операціи.

2) Принятые имъ мѣры относительно отдачи въ работу тѣхъ, которые, занимаясь прежде хлѣбопашествомъ, покинули его и не имѣютъ ни скота, ни земледѣльческихъ орудій, оставлены имъ въ силѣ въ виду того, что всѣ, отданные по этому распоряженію, люди, вѣроятно, были употреблены при воздѣлываніи полей и что нанявшіе ихъ крестьяне будутъ имѣть въ нихъ надобность при уборкѣ хлѣба съ полей. 3) Распоряженіе, сдѣланное въ видѣ опыта относительно удержанія у рабочихъ половины выработанныхъ ими денегъ для выдачи ихъ на мѣстѣ жительства, оставлено имъ, Рупертомъ, безъ измѣненія, чтобы видѣть пользу, ожидаемую при сбереженіи заработка отъ растраты во время возвращенія рабочихъ съ присковъ. Наконецъ, 4) ограниченіе въ покупкѣ хлѣба золотопромышленниками по окончаніи заготовленія его на казенныя потребности тогда же отмѣнено, и съ того времени имъ предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода.

Комитетъ министровъ былъ совершенно не удовлетворенъ объясненіями Руперта, а относительно замѣчанія, что отдача прежде занимавшихся земледѣліемъ въ работники къ зажиточнымъ крестьянамъ не основана на законѣ, не нашелъ въ его запискѣ никакого объясненія. По мнѣнію Комитета министровъ, мѣры, принятые Рупертомъ, не ведутъ къ предполагаемой цѣли. Воспрещеніе свободной продажи хлѣба и отдача людей въ заработки не могутъ поддерживать хлѣбопашества ¹⁾. Такъ какъ изъ объясненія генераль-губернатора не видно рѣшительно ничего, что не было бы извѣстно при составленіи прежняго положенія Комитета министровъ, то по смыслу Высочайшаго повелѣнія генераль-губернатору слѣдовало немедленно приступить къ исполненію требованій Комитета, чего онъ, однако, не сдѣлалъ.

Комитетъ министровъ (въ засѣданіи 5 сентября 1839 г.) пришелъ къ заключенію, что нужно: 1) „предоставить министру финансовъ по соображенію обстоятельствъ, изложенныхъ въ объясненіи генераль-губернатора, составить дополнителныя правила насчетъ найма рабочихъ и выдачи имъ платы въ видахъ огражденія отъ упадка земледѣлія и предупрежденія мотовства и развратной жизни въ рабочемъ классѣ и пра-

¹⁾ „Тамъ, гдѣ по необходимости стекается значительное число самаго низшаго класса людей, едва-ли можно избѣгнуть нѣкоторыхъ безпорядковъ..., но, конечно, стѣсненіе ихъ въ полученіи платы за работу и передача принадлежащихъ имъ денегъ въ руки земской полиціи не... тѣ мѣры, какія слѣдовало бы принять въ настоящемъ случаѣ“.

вила сіи, по... соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, внести куда слѣдуетъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе"; 2) сообщить генералъ-губернатору, чтобы онъ впредь до изданія этихъ правилъ руководствовался въ точности закономъ 30 апрѣля 1838 г. и не дѣлалъ распоряженій, отиѣвляющихъ предписанія этого закона. Государь императоръ утвердилъ это положеніе Комитета министровъ ¹⁾. Такимъ образомъ попытка Руперта регулировать наемъ рабочихъ на золотые промыслы и выдачу имъ платы повела къ тому, что признана была необходимость составленія дополнительныхъ правилъ по этому предмету.

Министръ финансовъ первоначально отнесся къ порученію, возложенному на него высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета министровъ, недостаточно внимательно и въ своемъ отношеніи къ министру государственныхъ имуществъ (4 декабря 1839 г.) только повторилъ то, что онъ уже предлагалъ Комитету министровъ по поводу жалобы Якобсона. Напротивъ, гр. Киселевъ пожелалъ обстоятельнѣе разсмотрѣть этотъ вопросъ, и такъ какъ въ началѣ 1840 г. были назначены особая коммисіи для ревизіи государственныхъ имуществъ въ Восточной и Западной Сибири, то онъ поручилъ имъ представить свои соображенія и относительно найма рабочихъ на золотые промыслы. Гр. Канкринъ изъявилъ согласіе командировать и отъ министерства финансовъ горныхъ чиновниковъ для совмѣстныхъ изслѣдованій. А пока гр. Киселевъ предложилъ министерству финансовъ принять временныя мѣры для поддержанія земледѣлія, приходящаго въ упадокъ отъ нерадѣнія крестьянъ, отвлекаемыхъ на золотые промыслы. Въ октябрѣ 1840 г. товарищъ министра финансовъ, Вронченко, отвѣчалъ Киселеву, что онъ не встрѣчаетъ препятствія къ введенію предложенныхъ послѣднимъ временныхъ правилъ относительно найма рабочихъ на золотые промыслы „впредь до составленія общаго о томъ положенія“.

Въ апрѣлѣ 1841 г. Киселевъ сообщилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, чтобы до изданія дополнительныхъ правилъ приняты были слѣдующія „мѣры предосторожности“: 1) крестьянамъ и ссыльно-поселенцамъ, не водвореннымъ и не имѣющимъ никакого хозяйства, предоставлять, на основаніи существующихъ правилъ, безусловно полную свободу наниматься къ золотопромышленникамъ и при увольненіи ихъ не требовать, чтобы они засѣвали какое-либо количество земли. 2) Крестьянъ же и ссыльно-поселенцевъ, прочно водворенныхъ въ селеніяхъ и имѣющихъ участки земли, увольнять на работы не иначе, какъ по выданнымъ отъ общества свидѣтельствамъ, въ которыхъ должно быть

¹⁾ Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло 1839 г № ²/₁₃, л. 27—163, ср. Вагинъ. „Сороковые года въ Иркутскѣ“. „Литературный сборникъ изд. редакц. „Восточнаго Обзорѣнія“, 1885 г., стр. 254, 275—277.

удовольствие, что участки ихъ будутъ обработаны и прокормленіе семействъ, остающихся дома, обезпечено. Предосторожность эта особенно необходима относительно крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ ближайшихъ къ приискамъ округовъ, а равно такихъ, въ семействахъ которыхъ не болѣе одного работника. О всѣхъ уволенныхъ такимъ образомъ хозяевахъ волостныя правленія должны доставлять точныя свѣдѣнія исправникамъ и носеленческимъ смотрителямъ, которые при своихъ объѣздахъ наблюдаютъ, чтобы этими хозяевами ихъ участки были воздѣланы, а въ противномъ случаѣ приказываютъ обработать ихъ на счетъ обществъ, допустившихъ такое упущеніе. 3) Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ случаѣ недостатка въ хлѣбѣ находившіеся на работахъ и, слѣдовательно, мало или вовсе не занимающіеся хлѣбопашествомъ болѣе другихъ будутъ нуждаться въ ссудѣ на продовольствіе, то изъ денегъ, которыя они въ слѣдующій затѣмъ годъ выработаютъ на промыслахъ, вычитать не только цѣнность отпущеннаго имъ хлѣба, но принять мѣры, чтобы на счетъ тѣхъ же заработковъ внесенъ былъ въ запасныя магазины слѣдующій на семейство ихъ по числу душъ запасъ хлѣба.

Въ февралѣ 1841 г. коммиссія, учрежденная для ревизіи государственныхъ имуществъ Западной Сибири, окончила свои занятія по обревизованію частныхъ золотыхъ промысловъ и обсужденію вопроса о выработкѣ дополнительныхъ правилъ о частной золотопромышленности для огражденія отъ упадка земледѣлія и предупрежденія мотовства и развратной жизни въ рабочемъ классѣ. Коммиссія не пришла къ единогласному заключенію: чиновникъ особыхъ порученій Смирновъ остался при отдѣльномъ мнѣніи.

Большинство коммиссіи пришло къ заключенію, что, несмотря на значительное увеличеніе народонаселенія въ томскомъ округѣ, земледѣліе въ немъ пришло въ упадокъ вслѣдствіе того, что сосѣдніе приiski отвлекали массу работниковъ ¹⁾; объяснить же это неурожаами нельзя, такъ какъ въ томскомъ округѣ было менѣе неурожайныхъ лѣтъ сравнительно съ другими округами томской губерніи.

Приписку администраціею множества ссыльно-поселенцевъ именно въ томскомъ округѣ коммиссія объяснила также вліяніемъ золотопромышленности, для которой нужно имѣть „депо рабочихъ на приiski подъ рукою“. Золотопромышленность вредитъ развитію осѣлости среди ссыльно-поселенцевъ; вызываемое ею увеличеніе приписки ссыльныхъ въ томскомъ округѣ развращаетъ мѣстное населеніе, а повинность ловить бѣглыхъ съ приисковъ ложится на него тяжелымъ бременемъ. Коммиссія между прочимъ обратила вниманіе на то, что не всѣ правила положенія 30 апрѣля 1838 г. точно соблюдаются: она нашла на приискахъ работниковъ безъ паспортовъ, рабочіе идутъ на приiski и обратно безъ всякаго надзора и порядка, не выбирая артельныхъ старостъ, и, наконецъ, предписаніе закона 1838 г. объ удержаніи у рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ пятой части платы не исполняется.

¹⁾ Впрочемъ, членъ коммиссіи маркшейдеръ Мурзинъ не согласился съ мнѣніемъ объ упадкѣ земледѣлія въ томскомъ округѣ.

Большинство комиссии предложило ввести слѣдующія дополнительные правила для частной золотопромышленности въ Сибири: 1) по томскому округу числится поселенцевъ, не имѣющихъ никакой осѣдлости, бездомныхъ людей 19943 чел., а на частные золотые пріиски въ томской губерніи требуется не болѣе 8000 чел. рабочихъ, слѣдовательно „исключительно одними бездомными поселщиками можетъ быть удовлетворена потребность золотопромышленности въ рабочихъ, которые, какъ показываетъ восемнадцатилѣтній опытъ, къ заселенію и воздѣлыванію земель въ Сибири по доброй волѣ вовсе неспособны“. Поэтому, впредь до введенія лучшаго устройства и управленія ссыльныхъ, комиссия предложила предоставить золотопромышленникамъ право свободно нанимать незанимающихся земледѣліемъ поселенцевъ на золотые пріиски по добровольнымъ соглашеніямъ на основаніи положенія 30 апрѣля 1838 г. 2) На основаніи того же закона золотопромышленники должны непремѣнно удерживать пятую часть всей наемной платы поселенцевъ, обозначая это въ расчетныхъ листахъ и надписывая на паспортахъ, но деньги эти не выдавать ни старостамъ, что „и нынѣ не исполняется“, ни поселенцамъ, которые ихъ безпутно проматываютъ, но доставлять въ губернское правленіе, которое обязано закупать на эти деньги хлѣбъ для ссуды на продовольствіе поселенцамъ и ихъ семействамъ въ зимнее время и на сѣмена тѣмъ, которые пожелаютъ заняться земледѣліемъ. 3) „Государственные крестьяне, какъ люди свободнаго состоянія, не должны быть стѣсняемы ничѣмъ въ добровольномъ избраніи промысловъ по ихъ усмотрѣнію“, а потому относительно пайма на пріиски имъ слѣдуетъ предоставить полную свободу, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые оказались „небрежными и безпутными“ въ земледѣліи и вообще въ своемъ хозяйствѣ „ко вреду и разстройству собственному и въ отягощеніе своего общества по отбыванію за нихъ разныхъ общественныхъ повинностей“. Для такихъ въ каждомъ селеніи, гдѣ есть не менѣе 25 домовъ крестьянъ-старожиловъ, слѣдуетъ учредить „опекунскій надзоръ, который обязанъ всякаго крестьянина, разстроившаго свое хозяйство, исправлять и обращать къ земледѣлію, ибо оно при настоящихъ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ томскомъ округѣ и плодородной почвѣ“, несомнѣнно принесетъ крестьянамъ болѣе выгодъ, нежели работы на золотыхъ пріискахъ, гдѣ „крестьянинъ за наемную плату въ четыре лѣтніе мѣсяца по уплатѣ податей не можетъ обезпечить продовольствіе своего семейства на годъ“, если не занимается хлѣбопашествомъ. При волостныхъ правленіяхъ слѣдуетъ учредить „главное опекуное собраніе“ и назначать почетныхъ опекуновъ по выбору крестьянъ также, какъ и въ деревняхъ, Волостное опекуное собраніе обязано смотрѣть за частными опеками по деревнямъ, чтобы они имѣли неослабое наблюденіе за хозяйствомъ и исправленіемъ отданныхъ подъ опекунскій надзоръ крестьянъ. Крестьянъ, оказавшихся неблагонадежными въ хозяйствѣ, слѣдуетъ отдавать подъ опеку по сельскому мірскому приговору и не увольнять ихъ на промысла безъ письменнаго разрѣшенія опекуновъ, которые отвѣчаютъ за то, чтобы земельный участокъ отпущеннаго былъ воздѣланъ, засѣянъ и хлѣбъ убранъ съ поля. 4) Такъ какъ въ семействахъ поселенцевъ всегда бываетъ по одному работнику, то всѣхъ осѣдло водворенныхъ ссыльно-поселенцевъ, занимающихся земледѣліемъ (которыхъ въ томскомъ округѣ было въ это время всего 1219 чел.), нужно отдать подъ опеку и паспорта выдавать имъ не иначе, какъ по письменнымъ разрѣшеніямъ опекуновъ. 5) Воспретить при наймѣ государственныхъ крестьянъ и поселенцевъ-земледѣльцевъ выдачу задатковъ при договорахъ впредь до рабочаго времени, такъ какъ это представляетъ „косвенное насильственное средство золотопромышленниковъ отвлекать крестьянъ отъ земледѣлія“ и является настоящею причиною упадка его въ томскомъ округѣ. Выдача задат-

ковъ, по мнѣнію комиссій, обращаетъ наемъ въ „искусительное вербованіе“; рабочую плату слѣдуетъ выдавать тогда, когда она будетъ заработана. Недостатка въ рабочихъ не будетъ, если плата на пріискахъ будетъ для нихъ выгодна.

Если золотопромышленники и послѣ запрещеніи будутъ выдавать задатки крестьянамъ, то не слѣдуетъ принимать отъ нихъ жалобъ на неявку на работу получившихъ задатки. Каждый, отданный подъ опеку, крестьянинъ и ссыльно-поселенецъ, занимающійся хлѣбопашествомъ, долженъ заработанныя имъ деньги представить сполна своимъ опекунамъ за вычетомъ надержанныхъ на пути, и опекуны обязаны наблюдать, чтобы эти деньги не были безпутно промотаны, а обращались бы за вычетомъ податей и повинностей на улучшеніе хозяйства. Чувствуя, что вообще предлагаемое введеніе опокъ вызоветъ возраженія, комиссія, въ оправданіе предлагаемой ею мѣры, ссылаясь на то, что дворяне и купцы, проматывающіе свое имущество, отдаются подъ опеку, хотя отъ разоренія ихъ терпятъ только они и ихъ кредиторы, а разстройство хозяйства крестьянъ и унадокъ земледѣлія угрожаютъ недостаткомъ продовольствія всему народонаселенію 6) Золотопромышленники, торгуя на пріискахъ вещами, необходимыми для рабочихъ, имѣютъ возможность возвратитъ имъ барышей, получаемыхъ на товары, если не всю плату рабочимъ за четыре мѣсяца, то весьма значительную часть ея. По вѣдомостямъ купца Пѣшкова оказывается, что на его пріискахъ рабочимъ имъ всего ихъ заработка, за вычетомъ задатковъ, которыхъ поселенцамъ опредѣлено выдавать не болѣе 25 руб. асс., и забора товаровъ, при расчетѣ нерѣдко не оставалось для выдачи на руки ни одной копѣйки, или оставалось очень мало. Столь же заботятся о своей выгодѣ и остальные золотопромышленники. Комиссія считала необходимымъ постановить, чтобы рабочимъ поселенцамъ и крестьянамъ не выдавалось товаровъ болѣе, чѣмъ на 7 руб., если „они ничего не заработали на старательской работѣ ¹⁾“, тѣмъ же, которые на старательскихъ работахъ зарабатываютъ болѣе 50 руб., можно выдавать товаровъ на 20 руб. и на паспортахъ означать, сколько получено денегъ при расчетѣ. 7) Чтобы золотопромышленники не могли брать съ рабочихъ за товары дороже дѣйствительной стоимости и не могли бы продавать предметовъ роскоши, слѣдуетъ постановить, чтобы для товаровъ, дозволенныхъ для продажи на пріискахъ, ежегодно утверждалась томскимъ губернаторомъ такса, обязательная для золотопромышленниковъ, которая должна быть прибита на стѣнѣ къ пріисковому магазинѣ ²⁾.

Чиновникъ Смирновъ, оставшійся при особомъ мнѣніи (9 января 1841 г.) утверждать, что золотопромышленность не только не вредна, но даже полезна для развитія земледѣлія и устройства быта поселенцевъ. По его словамъ, чѣмъ ближе волость къ пріискамъ, тѣмъ менѣе въ ней крестьянъ, не занимающихся земледѣліемъ; посѣвъ хлѣба въ томскомъ округѣ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ пріискамъ ³⁾. Число поселенцевъ, имѣющихъ дома, въ волостяхъ,

¹⁾ По слѣдующему расчету: рабочіе получаютъ отъ 8 до 12 р. асс. въ мѣсяцъ за условленную урочную работу, что составитъ въ среднемъ 40 руб. въ четыре мѣсяца, изъ которыхъ 25 выдается рабочему въ задатокъ, пятая часть—8 руб. должна быть удержана, слѣдовательно остается къ выдачѣ на руки товарами только 7 руб.

²⁾ Въ заключеніе комиссія указала на то, что для надзора за спокойствіемъ на пріискахъ недостаточно одного засѣдателя съ 20-ю казаками.

³⁾ За исключеніемъ Боготольской волости, гдѣ много „пропитанныхъ“, то есть поселенцевъ, не способныхъ ни къ какому труду, выпущенныхъ съ двухъ винокуренныхъ заводовъ.

близкихъ къ прискамъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ въ болѣе отдаленныхъ ¹⁾ Въ виду этого Смирновъ предлагалъ оставить прежній порядокъ найма рабочихъ на приски. Учрежденіе опекунскихъ совѣтовъ, по его мнѣнію, затруднительно и едва ли полезно. Хотя комиссия и утверждаетъ, что въ Сибири много грамотныхъ, но на самомъ дѣлѣ, говоритъ Смирновъ, есть много деревень, гдѣ нѣтъ ни одного грамотнаго. Онъ предлагаетъ также не удерживать съ поселенцевъ пятой части ихъ наемной платы, такъ какъ ничто не можетъ помѣшать желающимъ промотать эти деньги, если не во время возвращенія съ приска, то на мѣстѣ. Взамѣнъ этого Смирновъ предлагалъ обязать промышленниковъ за каждаго бывшаго въ работѣ поселенца вносить въ сельскіе запасные магазины по 3 или 4 пуда хлѣба зерномъ для обезпеченія продовольствія ссыльныхъ въ неурожайные годы.

Генераль-губернаторъ Западной Сибири высказался вообще противъ заключенія комиссій. Предположеніе объ учрежденіи волостныхъ опекуновъ для удержанія крестьянъ отъ работъ на золотыхъ промыслахъ было бы противно предоставленной каждому свободѣ „выбирать себѣ промышленность по усмотрѣнію“ и къ тому же бесполезно, такъ какъ, по словамъ кн. Горчакова, въ теченіе десяти лѣтъ въ числѣ семи и восьми тысячъ рабочихъ никогда въ Западной Сибири на золотые промысла не занималось болѣе 300 или 400 крестьянъ, да и то разстроившихъ свое хозяйство. Для обезпеченія бездомныхъ ссыльныхъ князь Горчаковъ предлагалъ, подобно Смирнову, вмѣсто удержанія при окончательномъ расчетѣ пятой части „завѣтной платы“, взыскивать хлѣбъ при заключеніи контрактовъ по цѣнамъ, условленнымъ съ рабочими. Запрещеніе выдачи задатковъ при наймѣ крестьянъ и занимающихся земледѣліемъ поселенцевъ, противорѣчащее закону 30 апрѣля 1838 г., неминуемо остановило бы наемъ рабочихъ на приски. Предложеніе установить таксу продаваемыхъ на прискахъ товаровъ было осуществлено на промыслахъ Томской губерніи съ самаго начала 1841 г. (и подтверждено распоряженіемъ генераль-губернатора отъ 7-го февраля 1843 г. объ установленіи таксы, ежегодно утверждаемой мѣстнымъ начальствомъ). Ограничивать отпускъ товаровъ рабочимъ, ничего не заработавшимъ на старательской работѣ, 7-ю рублями, а остальнымъ 20-ю рублями кн. Горчаковъ считалъ невозможнымъ, такъ какъ продаваемые на прискахъ товары (одежда, обувь и табакъ) необходимы для сохраненія здоровья рабочихъ и продолженія ими работы.

Ревизіонная коммиссія по Восточной Сибири считала развитіе золотопромышленности весьма полезнымъ для ссыльно-поселенцевъ ²⁾, но въ то же время она нашла, что подъ вліяніемъ золотопромышленности поднялись цѣны на трудъ, работниковъ мало и нѣкоторые земледѣльцы говорятъ, что половину полей надо

¹⁾ Такъ напримѣръ, въ Дмитріевской волости, близкой къ прискамъ, приходится одинъ домъ на четырехъ съ небольшимъ поселенцевъ, въ Нелюбинской же, отстоящей отъ присковъ слишкомъ на 300 верстъ, одинъ домъ на пять слишкомъ человѣкъ поселенцевъ.

²⁾ Коммиссія сообщаетъ, что какъ 62-й § закона 30 апрѣля 1838 г. объ удержаніи у поселенцевъ пятой части наемной платы, такъ и „подтвердительное“ (?) распоряженіе генераль-губернатора отъ 1-го сентября 1839 г. объ удержаніи половины этой платы и о пересылкѣ въ мѣста жительства поселенцевъ не выполняются промышленниками изъ опасенія возмущенія рабочихъ. О томъ, что пятая часть заработка не удерживается у ссыльно-поселенцевъ, свидѣтельствовала и коммиссія по Западной Сибири.

оставить, такъ что комиссія предлагала даже перевести въ Восточную Сибирь поселенцевъ изъ Томской и Тобольской губерній. Предложеніе этой комиссіи весьма сходно съ тѣми правилами, которыя генераль-губернаторъ Восточной Сибири предполагалъ ввести въ 1839 г. и которыя были признаны комитетомъ министровъ неудобными ¹⁾. Понятно, что генераль-губернаторъ Восточной Сибири вполне согласился (въ апрѣлѣ 1841 г.) съ заключеніями комиссіи и нашелъ предлагаемыя ею дополнительныя правила полезными.

Несмотря на то, что ревизіонныя комиссіи и генераль-губернаторы обѣихъ половинъ Сибири представили въ министерство государственныхъ имуществъ свои замѣчанія еще въ первой половинѣ 1841 г., гр. Киселевъ высказалъ свое мнѣніе по этому предмету лишь въ ноябрѣ 1843 г. Гр. Киселевъ нашелъ, что свѣдѣнія, доставленныя комиссіями, по ихъ „недостаточности, противорѣчію и несогласію съ мнѣніями главнаго губернскаго начальства“, не могутъ послужить основаніемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о вліяніи золотопромышленности на состояніе земледѣлія въ Сибири и для принятія по этому поводу рѣшительныхъ мѣръ. Киселевъ полагалъ, что временныя правила, введенныя по распоряженію его въ 1841 г. въ Восточной Сибири, „оказываются вполне достигающими предположенной цѣли, что отъ дальнѣйшаго ихъ тамъ дѣйствія можно ожидать благоприятныхъ послѣдствій и что распространеніе ихъ и на Западную Сибирь послужитъ къ огражденію замѣченнаго упадка земледѣлія въ томскомъ округѣ“, что включеніе этихъ правилъ въ видѣ дополненія въ положеніе 1838 г.—единственная мѣра, которая можетъ быть допущена въ настоящее время при недостаткѣ мѣстныхъ свѣдѣній, и что сверхъ того въ Восточной Сибири слѣдуетъ теперь же обратить вниманіе на замѣченный тамъ недостатокъ въ рабочихъ, происходящій, по удостовѣренію генераль-губернатора, преимущественно отъ накопленія ссыльныхъ въ Западной Сибири.

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса, какія слѣдуетъ принять мѣры и какія постановить правила для предупрежденія мотовства и развратной жизни рабочихъ, гр. Киселевъ нашелъ, что неудобно было бы принять правила, составленныя обѣими комиссіями: во первыхъ, они во многомъ не согласны между собою, затѣмъ правила, предложенныя ревизіонною комиссіею Западной Сибири, признаны тамошнимъ генераль-губернаторомъ стѣснительными, а правила комиссіи по Восточной Сибири, „почти тѣ же самыя“, которыя предполагалъ ввести тамошній генераль-губернаторъ и которыя были признаны Комитетомъ министровъ неудобными. Ввиду всего этого, руководствуясь, съ одной стороны, положеніемъ о бурлакахъ ²⁾, а съ другой, имѣя въ виду, что золотопромышленники жалуются на частыя побѣги рабочихъ и ссыльно-поселенцевъ и что поимка бѣглыхъ служить тяжелымъ бременемъ для крестьянъ-старожиловъ, гр. Киселевъ предложилъ къ положенію о частной золотопромышленности въ Сибири сдѣлать слѣдующее

¹⁾ Комиссія по Восточной Сибири также предлагала требовать, чтобы крестьяне и поселенцы, занимавшіеся хлѣбопашествомъ, увольнялись на приски не иначе, какъ по удостовѣренію мѣстнаго начальства (смотрителей поселеній и земскихъ исправниковъ), что ихъ поля будутъ воздѣланы ихъ семействами или наемными рабочими съ ручательствомъ за это общества, но въ тоже время, чтобы поселенцы, не имѣющіе „прочнаго домообзаводства“, не стѣснялись въ наймѣ; также предлагала вычитать у рабочихъ половину ихъ заработка и высылать остальную половину черезъ полицію и проч.

²⁾ Св. Зак. т. XII, изд. 1842 г., ст. 348—390.

дополненіе: 1) постановить, что для предупрежденія побѣга рабочихъ вся артель отвѣчаетъ другъ за друга круговою порукою, и потому хозяинъ вправе потребовать съ нея тѣ деньги, которыя не заработалъ бѣжавшій, если онъ получитъ задатокъ или былъ на харчахъ хозяина. 2) „При наймѣ рабочихъ на золотые промыслы допустить два рода наймовъ: гуртовой, т.-е. черезъ сдѣлку хозяина съ однимъ поставщикомъ рабочихъ, и раздробительный—черезъ личное съ хозяиномъ соглашеніе каждаго вольнорабочаго“. При наймѣ «гуртовымъ» должны соблюдаться дѣйствующія нынѣ въ Восточной Сибири временныя правила, установленныя министерствомъ государственныхъ имуществъ въ апрѣлѣ 1841 г. Для опредѣленія, кому могутъ быть выданы отъ общества свидѣтельства для найма на частныя золотыя промысла, слѣдуетъ допустить разъ въ году составленіе общественныхъ мирскихъ приговоровъ. Для предупрежденія мотовства и развратной жизни рабочихъ слѣдуетъ подтвердить, чтобы исполнялись правила Положенія 30 апрѣля 1838 г. о порядкѣ слѣдованія артелей на работы и обратно, о повинновеніи старостамъ и ихъ помощникамъ и о выдачѣ одной пятой части наемной платы на руки не ссыльно-поселенцамъ, а артельнымъ старостамъ. Кромѣ того Киселевъ предлагалъ предоставить генералъ-губернаторамъ сообразить, нельзя ли удерживаемую пятую часть наемной платы поселенцевъ пересылать по окончаніи работъ прямо въ общество для выдачи по принадлежности. Дополнитъ теперь же указанными правилами положеніе 1838 г., Киселевъ предлагалъ съ открытіемъ палатъ государственныхъ имуществъ въ Сибири поручить имъ выработать правила, которыя, безъ стѣсненія золотопромышленности указали бы истинный путь развитію хлѣбопашества, скотоводства и вообще сельской промышленности въ томъ краѣ, и въ то же время, опредѣливъ правила и обязанности золотопромышленниковъ по найму рабочихъ, выдачѣ имъ заработной платы“ и проч. положили бы предѣлъ мотовству рабочихъ на золотыхъ пріискахъ¹⁾.

Жандармскій полковникъ Казимирскій, наблюдавшій за золотыми промыслами Восточной Сибири, въ своемъ отчетѣ за 1843 г., съ своей стороны, предложилъ принять рядъ мѣръ относительно золотопромышленности. Вѣруя во всемогущество административныхъ предписаній, онъ навѣрно предлагалъ постановить правиломъ на всѣхъ пріискахъ, чтобы отнюдь не исполнялись руками челоуѣка тѣ работы, которыя можно исполнить машинами или силою животныхъ: напримѣръ, вскрытіе торфа и подвозъ песковъ изъ разрѣзовъ къ мѣсту промывки производить на лошадяхъ, протирку песковъ на рѣшетахъ исполнять особымъ механизмомъ. Это будетъ вдвойнѣ полезно, такъ какъ съ уменьшеніемъ числа рабочихъ на пріискахъ сберегутся силы, необходимыя для потребностей края и въ которыхъ чувствуется большой недостатокъ. За исполненіемъ этого правила могутъ наблюдать горные ревизоры. Далѣе Казимирскій предлагалъ взять съ золотопромышленниковъ подписки, что они не будутъ выдавать задатка болѣе положеннаго уставомъ 1838 г. Онъ предлагалъ также постановить, чтобы контракты, заключенные рабочими съ золотопромышленниками, читались засѣдателями при собраніи всѣхъ рабочихъ:

¹⁾ Арх. Горн. Департ. по описи № 91, дѣло 1839 г. № 8/13.

тогда послѣдніе не будутъ имѣть возможности отговариваться незнаніемъ условій по безграмотности ¹⁾).

Отчетъ Казимирскаго былъ представленъ гр. Бенкендорфомъ императору Николаю ²⁾; государь 31 января 1844 г. прочелъ его съ интересомъ, приказалъ благодарить Казимирскаго и препроводить его отчетъ къ товарищу министра финансовъ, Вронченко, съ тою цѣлью, не найдетъ ли онъ нужнымъ назначить комитетъ для разсмотрѣнія предположеній Казимирскаго. Согласно представленію Вронченко комитетъ былъ учрежденъ 18 февраля 1844 г., и членами въ него были назначены: генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, генералъ-маіоръ Бегеръ, дѣйств. стат. сов. Ламанскій, коллежскій совѣтникъ Гофманъ, осматривавшій, по порученію министра финансовъ, золотые промыслы Восточной Сибири въ 1843 г. (печатнымъ трудомъ его мы воспользуемся ниже) и подполковникъ Казимирскій.

Комитетъ, разсмотрѣвъ предположенія Казимирскаго, нашелъ, что многіе изъ нихъ разрѣшаются уже изданными законами, по другимъ же требуется или нѣкоторое измѣненіе существующихъ правилъ, или внушеніе золотопромышленникамъ, или предварительныя соображенія мѣстнаго начальства и потому предложилъ: 1) внушить золотопромышленникамъ, что собственная ихъ польза требуетъ, чтобы они старались замѣнять на промыслахъ ручную работу лошадыми и машинами: конными вододѣйствующими или паровыми сообразно мѣстнымъ условіямъ. 2) Для болѣе успѣшной высылки на промыслы неявившихся работниковъ подтвердить мѣстному начальству о точномъ исполненіи предписаній закона по этому предмету ³⁾. 3) Для предупрежденія без-

¹⁾ Считая казаковъ мало пригодными для охраненія спокойствія на пріискахъ, Казимирскій предложилъ устроить на время лѣтнихъ работъ лагеря изъ пѣхотныхъ солдатъ, расположивъ ихъ внѣ пріисковъ въ окрестностяхъ селеній и подчинивъ жандармскому штабъ-офицеру. Для сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа онъ считалъ необходимыми отряды по 100 чел., а для Бирюсинской—70 чел. По его мнѣнію, эти „три небольшія пѣхотныя команды были бы достаточны для удержанія въ тишинѣ и порядкѣ всѣхъ (трехъ) системъ потому, что штыки и пули есть страшное оружіе для русскаго мужика“. Въ случаѣ устройства предлагаемыхъ имъ лагерей; Казимирскій считалъ возможнымъ уменьшить число находящихся на промыслахъ казаковъ, но не желалъ удалить ихъ вовсе, такъ какъ они необходимы для ночныхъ обходовъ по избушкамъ, гдѣ живутъ рабочіе, для карауловъ въ разрѣзахъ и въ мѣстахъ храненія золота и, наконецъ, для кордоновъ и развѣздовъ въ случаѣ надобности.

²⁾ Фактическими данными изъ отчета Казимирскаго мы воспользуемся ниже.

³⁾ Закономъ 1838 г. предписывалось городской полиціи, волостнымъ правленіямъ, а въ особенности сельскимъ начальникамъ наблюдать за отправленіемъ на промыслы нанявшихся рабочихъ. Кромѣ того высочайше утвержденнымъ 12 марта 1840 г. положеніемъ Комитета Министровъ было повелѣно, если золотопромышленники пожела-
ютъ, а главное мѣстное начальство признаетъ это нужнымъ, опредѣлять сверхъ отдѣль-

порядковъ при наймѣ рабочихъ: а) подтвердить золотопромышленникамъ, чтобы они не выдавали поселенцамъ задатковъ, болѣе установленныхъ закономъ (7 руб. 50 коп. сереб. на человѣка); в) предупредить ихъ, что жалобы на незаработку выданныхъ сверхъ этого задатковъ будутъ оставлены безъ вниманія и с) обязать золотопромышленниковъ, чтобы они не нанимали для своихъ работъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ; если же подобные люди окажутся на промыслахъ, то высылать ихъ въ мѣста жительства на счетъ золотопромышленниковъ. 4) Такъ какъ законъ 1838 г. воспрещаетъ отпускъ рабочимъ на промыслахъ предметовъ роскоши и требуетъ, чтобы они возвращались домой безостановочно, — воспретить въ селеніяхъ, лежащихъ на пути ихъ до перваго города, всякую продажу „роскошныхъ товаровъ“ во время главнаго слѣдованія рабочихъ съ промысловъ, т.-е. съ 1-го до 20-го сентября. 5) Поручить генералъ-губернатору Восточной Сибири, по надлежащемъ соображеніи съ мѣстными условіями, войти съ представленіемъ о томъ, чтобы „вмѣсто посылаемыхъ нынѣ для охраненія промысловъ командъ изъ городовыхъ казаковъ, разсланныхъ на значительномъ пространствѣ и находящихся во вредномъ съ рабочими сообществѣ, имѣть“ по сосѣдству съ промыслами „небольшіе лагерные отряды отъ 80 до 100 чел. каждый изъ ближайшихъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, и по мѣрѣ надобности, съ однимъ орудіемъ и нѣсколькими конными казаками только для разъѣздовъ и кордоновъ“ съ подчиненіемъ этихъ командъ во время нахожденія ихъ на промыслахъ жандармскому штабъ-офицеру. 6) Отдѣльныхъ засѣдателей на промыслахъ переименовать въ горные исправники. Всѣ эти предложенія Комитета были утверждены государемъ 3 марта 1844 г. ¹⁾

Статсъ-секретари, тайные совѣтники Брискорнъ и Позень, излагая въ письмѣ къ министру финансовъ отъ 9 апрѣля 1844 г. свои предположенія о введеніи новой системы пошлиннаго сбора съ добываемаго въ Сибири на казенныхъ земляхъ золота, между прочимъ писали, что „при выходящихъ изъ предѣловъ всякой соразмѣрности выгодахъ отъ богатыхъ приисковъ, хозяева ихъ... стараются пріобрѣсти каждый въ свою исключительную пользу елико возможно большее число рабочихъ рукъ, продовольственныхъ припасовъ и другихъ пособій для промысловыхъ работъ... При взаимномъ соперничествѣ въ короткое время они подняли на 100% и болѣе цѣны: на дневную работу“ (вѣроятно, сравнительно съ платою

ныхъ засѣдателей еще особыхъ полицейскихъ чиновниковъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ промыслы преимущественно распространены, для поимки бѣглыхъ и высылки нанявшихся, но не явившихся работниковъ съ тѣмъ, чтобы они состояли членами земскихъ судовъ и содержаніе ихъ производилось на счетъ золотопромышленниковъ. П. С. З. т. XV № 18.253.

¹⁾ Арх. Горн. Департ. по описи № 90 дѣло 1844 г. № 27/23, л. 3—39, 88, 99, 106—107. О переименованіи отдѣльныхъ засѣдателей въ горные исправники, но съ оставленіемъ членами земскихъ судовъ см. П. С. З. т. XIX № 17.775.

за трудъ въ Сибири до развитія тамъ золотопромышленности), „жизненные припасы первой необходимости и на всѣ вообще предметы мѣстной торговли и промышленности. Искусственное или насильственное возвышеніе цѣнъ обратилось не въ пользу, а во вредъ края. Цѣнами этими мѣстная промышленность во всѣхъ ея видахъ и отношеніяхъ выведена изъ естественнаго своего положенія; совратилась со свойственнаго ей пути, она приняла ходъ, направленный къ развитію роскоши и разврата въ низшихъ классахъ народа и долженствующій въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своихъ произвести разстройство не только самаго промысла, но и земледѣльческой производительности какъ мѣстной, такъ и соседнихъ внутреннихъ губерній. Для отвращенія этихъ послѣдствій частная (золотопромышленность необходимо должна быть приведена къ большому единству въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ“. Въ этихъ замѣчаніяхъ въ укоръ золотопромышленности ставилось уже то, что могло составлять лишь полезную ея сторону, т.-е. поднятіе цѣнъ на трудъ, хотя слѣдуетъ оговориться, что заработки собственно на промыслахъ, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находились тамъ рабочіе, схожи у нихъ сохранялись и, слѣдовательно, рѣдко содѣйствовали развитію благосостоянія присковскихъ рабочихъ.

По всеподданѣйшемъ докладѣ о предположеніяхъ Брискорна и Позена послѣдовало 14 апрѣля 1844 г. высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи этихъ предположеній въ особомъ комитетѣ подѣ председательствомъ герцога Лейхтенбергскаго для обсужденія предметовъ, относящихся до частной золотопромышленности. Членами комитета были назначены: генералъ-лейтенантъ Чевкинъ, корпуса горныхъ инженеровъ генералъ-маіоръ Бегеръ, полковникъ Гофманъ и сенаторъ Толстой. Въ необходимыхъ случаяхъ Комитетъ долженъ былъ приглашать также Брискорна и Позена. Однако Комитетъ былъ открытъ лишь по возвращеніи изъ Сибири сенатора Толстого 2 августа 1846 г. ¹⁾

Между тѣмъ министерство финансовъ все еще не окончило составленія дополнительныхъ правилъ относительно найма рабочихъ на приски. Было уже упомянуто о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Киселевымъ въ ноябрѣ 1843 г. Послѣ утвержденія государемъ 3 марта 1844 г. положеній Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній подполковника Казимирскаго, и высочайшаго повелѣнія 4 апрѣля того же года объ учрежденіи комитета подѣ председательствомъ герцога Лейхтенбергскаго, департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ представилъ (19 іюня 1844 г.) министру финансовъ докладъ по дѣлу о составленіи правилъ о наймѣ рабочихъ на сибирскіе золотые промыслы, въ которыхъ выразилъ слѣдующее мнѣніе: такъ какъ въ числѣ предположеній гр. Киселева есть такіе, о которыхъ представлялъ и Казимирскій ²⁾ и которыя высочай-

¹⁾ Арх. Горн. Департ. по описи № 91 дѣло 1839 г. № 3/13, л. 346—348, дѣло 1846 г. № 3/101, вѣз. 3-я, л. 4—5.

²⁾ Какъ, напримѣръ, о томъ, чтобы золотопромышленники не нанимали престарѣлыхъ и увѣчныхъ, о подтвержденіи имъ, чтобы они не выдавали рабочимъ задаткомъ болѣе опредѣленныхъ закономъ, о высылкѣ на промыслы нежившихся рабочихъ о пресѣченіи между рабочими роскоши и мотовства и проч.

шимъ повелѣніемъ 3 марта 1844 г. предписаны уже къ непремѣнному и точному исполненію, а сверхъ того имѣется въ виду, что въ числѣ предположеній Брискорна и Позена, подлежащихъ разсмотрѣнію особаго комитета подъ предсѣдательствомъ принца Лейхтенбергскаго, также заключаются вопросы о наймѣ рабочихъ и предупрежденіи ихъ мотовства, то во избѣжаніе противорѣчій между рѣшеніемъ Комитета герцога Лейхтенбергскаго и предположеніями гр. Киселева, департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ предложилъ управляющему министерствомъ финансовъ, въ ожиданіи рѣшенія по предположеніямъ Брискорна и Позена, дальнѣйшее производство по присланному министромъ государственныхъ имуществъ дѣлу о наймѣ рабочихъ приостановить. Совѣтъ Корпуса горныхъ инженеровъ, на заключеніе котораго управляющій министерствомъ финансовъ передалъ этотъ вопросъ, предложилъ 7 февраля 1845 г. предоставить дѣло о наймѣ рабочихъ разсмотрѣнію комитета подъ предсѣдательствомъ герцога Лейхтенбергскаго ¹⁾).

Въ мартѣ 1846 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Рупертъ отправилъ министру финансовъ конфиденціальное отношеніе о частной золотопромышленности, гдѣ затронулъ вопросъ о наймѣ рабочихъ и выдалъ имъ задатковъ.

„На промыслы въ Енисейской губерніи,—писалъ Рупертъ,—стекается до 30,000 работниковъ, между тѣмъ какъ все народонаселеніе ея съ инородцами простирается до 110 т. душъ м. п. на пространствахъ болѣе 50 т. кв. м. Изъ этого числа, за исключеніемъ класса служащихъ, нанимающихся на промыслы, малолѣтнихъ и бродячихъ тунгусовъ, остается дѣйствительныхъ производителей не болѣе 40 т. чел., на которыхъ лежатъ народное продовольствіе всей губерніи, снабженіе хлѣбомъ войска, винокуренныхъ заводовъ и золотопромышленниковъ. При такой малочисленности производителей предъ потребителями всѣ нуждаются въ рабочихъ рукахъ, земледѣлецъ же и золотопромышленникъ преимущественно. Возвышается состязаніе“ и „плата рабочимъ возвышается непомѣрно. А чтобы заохотить работника и скорѣе привлечь его къ себѣ, золотопромышленникъ выдаетъ ему задатокъ обыкновенно отъ 100 до 200 р. асс. вмѣсто 7 р. 50 к. сереб., опредѣленныхъ закономъ, и при всемъ томъ еще терпитъ отъ неявки на работы четвертой или пятой части изъ получившихъ задатки ²⁾“).

Въ виду затруднительнаго положенія золотопромышленниковъ Рупертъ предложилъ разрѣшить при наймѣ рабочихъ выдавать имъ задатки въ размѣрѣ одной трети годовой платы, не исключая изъ этого и старательскихъ денегъ. Нанимающійся требуетъ въ задатокъ болѣе 7 р. 50 к., такъ какъ этихъ денегъ часто было бы ему недостаточно на уплату однихъ казенныхъ повинностей; сверхъ того рабочему предстоитъ путь до приисковъ отъ 600 до 2000 верстъ, и ему нужно приобрести одежду для дороги и оставить средства для жизни своему семейству. Но чтобы оградить золотопромышленниковъ отъ неявки рабочихъ, Рупертъ предложилъ принять суровыя мѣры относительно взявшихъ задатки и „умышленно“ не явившихся на работу, а именно отсылать на одинъ годъ въ работы на казенные

¹⁾ Арх. Горн. Департ. по описи № 91 дѣло № 3/13, л. 339—349, 474—475.

²⁾ Цифра эта сильно преувеличена (см. ниже).

заводы, не освобождая при томъ, отъ возвращенія задатковъ. Если же кто не явился по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ, то взыскивать съ него только забранныя деньги или предоставить отработать въ слѣдующемъ году, не допуская наниматься къ другимъ лицамъ до окончательнаго расчета съ тѣмъ, у кого онъ взялъ задатокъ. Для развитія золотопромышленности Рупертъ находилъ нужнымъ принять еще и нѣкоторыя мѣры, а именно—разрѣшить золотопромышленникамъ переселеніе изъ Европейской Россіи крѣпостныхъ и свободныхъ людей (см. ниже гл. IV-я).

По предложенію Вронченко государь повелѣлъ передать записку Руперта въ комитетъ герцога Лейхтенбергскаго, гдѣ и положено было имѣть ее въ виду при окончательномъ разсмотрѣніи найма присковыхъ рабочихъ ¹⁾.

Во время ревизіи Восточной Сибири, произведенной сенаторомъ Толстымъ, три состоявшіе при немъ чиновники были командированы на Удерецкую, Питскую и Бирюсинскую системы золотыхъ присковъ. По словамъ Казимирскаго они „входили во всѣ подробности управленія и хозяйства промысловъ, содержанія рабочихъ и ихъ уроки, повѣряли рабочихъ по спискамъ и билетамъ“ ²⁾. Въ 1845 г. Толстой лично осматривалъ золотые промыслы Енисейской губерніи и сообщилъ министру финансовъ свои соображенія объ охраненіи тишины и спокойствія на промыслахъ и объ удержаніи рабочихъ отъ побѣга отсылкою пойманныхъ во временную работу на солеваренные заводы и другими мѣрами. По окончаніи ревизіи Восточной Сибири Толстой во всеподданнѣйшемъ рапортѣ государю слѣдалъ обзоръ состоянія частной золотопромышленности ³⁾. Толстой нашелъ между прочимъ различныя опущенія въ дѣйствіяхъ находившейся въ Енисейскѣ экспедиціи о ссыльных ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Гор. Департ. по описи № 90 дѣло 1846 г., влз. 9-я, № 84—77. л. 2—19, 53; по описи № 91, дѣло № 3—13, ч. 2-я, л. 119—120.

²⁾ Арх. Гор. Департ. по описи № 90 дѣло 1844 г., № 27—23, л. 61.

³⁾ Золотопромышленность, по мнѣнію Толстого, оказала „полезное вліяніе на ссыльно-поселенцевъ, составляющихъ главную массу рабочихъ на прискахъ, удержаніемъ ихъ отъ обыкновеннаго прежде бродяжничества“, но однако она „не могла еще упрочить хозяйственный бытъ ссыльнаго“ вслѣдствіе разгула рабочихъ по окончаніи присковой операціи, такъ что они возвращаются домой не только безъ денегъ, но даже „часто безъ одежды“ и нанимаются вновь на слѣдующую операцію, которая оканчивается такимъ же образомъ.

⁴⁾ Между прочимъ онъ замѣтилъ безпорядокъ въ изготовленіи, разсылкѣ и выдачѣ увольнительныхъ билетовъ поселенцамъ и недостатокъ отчетности во взыскиваемыхъ за эти билеты деньгахъ, преимущественно въ экономическій капиталъ ссыльныхъ, при наймѣ на частныя золотыя промыслы, по 1 р. 50 к. сереб. съ cadaго рабочего. Подробно разсмотрѣвъ правила и порядокъ увольненія ссыльныхъ въ Сибири, Толстой нашелъ недостаточность, неполноту и неопредѣленность соотвѣствующихъ законовъ. По его мнѣнію, необходимо: „во 1-хъ, опредѣлить власть cadaго въ увольненіи ссыльныхъ и черезъ установленіе единообразной и постоянной формы вытѣснить изъ употребленія неправильныя и фальшивыя билеты и по возможности пресѣчь самое бродяж-

Толстой составилъ предположеніе о дополненіи и измѣненіи существующихъ правилъ объ увольненіи ссыльныхъ и о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы. Проектъ этотъ былъ препровожденъ министромъ финансовъ въ комитетъ герцога Лейхтенбергскаго. Рассмотрѣвъ его, комитетъ 26 марта 1848 г. нашелъ, что: 1) печатаніе въ Петербургѣ бланковъ для дозволительныхъ билетовъ можетъ послужить къ лучшему ихъ учету; 2) допущенная существующими законами выдача письменныхъ билетовъ при недостаткѣ печатныхъ можетъ подать поводъ, какъ показалъ опытъ, къ разнымъ злоупотребленіямъ; 3) взысканіе податей съ поселенцевъ, работающихъ на промыслахъ, можетъ быть поручено золотопромышленникамъ, но справедливость требуетъ, чтобы эти подати, а также полуторарублевый сборъ за билетъ были взыскиваемы съ тѣхъ только поселенцевъ, которые дѣйствительно работали на промыслахъ, и наконецъ, 4) установленное закономъ правило объ удержаніи пятой части изъ денегъ, заработанныхъ на пріискахъ ссыльно-поселенцами, съ тѣмъ, чтобы эти деньги выдавались на руки артельному старостѣ и вручались работнику по возвращеніи его домой, оказалось на дѣлѣ неудобнымъ. Толстой предлагалъ разрѣшить увольнять неводворенныхъ поселенцевъ, не получившихъ еще званія крестьянъ, не только на золотые промыслы, но и на другія работы и промыслы во всей Сибири; но комитетъ нашелъ это не удобнымъ, опасаясь, что такое разрѣшеніе уменьшитъ число пріисковыхъ рабочихъ и откроетъ имъ возможность уклоняться отъ хлѣбопашества. Предположенія Толстого объ увеличеніи пошлиннаго сбора при наймѣ рабочихъ на золотые промысла комитетъ также отклонилъ, такъ какъ въ виду предполагаемаго возвышенія подати съ золота было бы не удобно увеличивать и денежные сборы, взимаемые при наймѣ рабочихъ на золотые промыслы.

Въ маѣ 1848 г. комитетъ герцога Лейхтенбергскаго окончилъ разсмотрѣніе предположенныхъ измѣненій въ статьяхъ горнаго устава относительно найма рабочихъ и представилъ свое заключеніе министру финансовъ ¹⁾. Министръ финансовъ внесъ проектъ о дополненіи правилъ найма рабочихъ на частные золотые промыслы съ своимъ заключеніемъ

ничество; во 2-хъ, посредствомъ устраненія смотрителей поселеній и волостныхъ правленій отъ участія въ сборахъ и правильной отчетностью обезпечить казну и экономическій капиталъ ссыльныхъ отъ утратъ, а ссыльныхъ отъ двойныхъ взысканій; въ 3-хъ, оградить золотопромышленниковъ отъ стѣсненій, которыя они встрѣчаютъ при полученіи билетовъ на рабочихъ и въ 4-хъ, возвысить казенный доходъ... чрезъ распространеніе на выдачу увольнительныхъ актовъ ссыльнымъ общимъ правилъ о паспортахъ и билетахъ и чрезъ установленіе новаго сбора за билеты для работъ на золотыхъ промыслахъ“.

¹⁾ Арх. Гор. Департ., по описи № 91 дѣло 1839 г. № 3—13, ч. 2-я. Комитетъ новелѣно было закрыть 5 октября 1861 г.

въ государственный совѣтъ, и, по разсмотрѣніи его, онъ былъ утвержденъ государемъ 4 іюня 1851 г. Отмѣтимъ наиболѣе важные пункты этихъ новыхъ правилъ.

По закону 1838 г. паспорта или виды выдавались при наймѣ въ руки самимъ нанимающимся. Теперь было постановлено, что печатные билеты ¹⁾, съ которыми отпускаются на золотые промыслы ссыльно-поселенцы, не получившіе еще званія крестьянъ или мѣщанъ, „выдаются по обоюдной словесной просьбѣ наемника и нанимателя, но *вручаются сему послѣднему* и должны оставаться до окончанія на приискахъ работъ въ рукахъ его; нанявшимся же рабочимъ выдаются по наступленіи удобнаго для прохода на золотые прииски времени особые путевые виды“. Если срокъ билету истекъ, а ссыльно-поселенецъ пожелаетъ остаться на работѣ еще на годъ или менѣе, то, по засвидѣтельствованіи земскою полиціею объ этомъ желаніи, высылается *прямо къ нанимателю* ²⁾ новый билетъ для поселенца, если нѣтъ законнаго препятствія. Золотопромышленикамъ поставлено было въ обязанность удерживать съ работающих у нихъ поселенцевъ и представлять вслѣдъ за окончаніемъ на приискахъ лѣтнихъ работъ всѣ состоящія на поселенцахъ въ недоимкахъ подати и озваченные на билетѣ сборы ³⁾. Вотъ и всѣ, имѣющія значеніе, постановленія высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 4 іюня 1851 г. ⁴⁾. И къ этому закону подготавливались съ 1839 г., т.-е. въ теченіе двѣнадцати лѣтъ! По-истинѣ гора родила мышь! Можно отмѣтить лишь отрицательное значеніе этого закона: при составленіи его была отвергнута та крайняя регламентація найма рабочихъ, на которой настаивали нѣкоторые администраторы.

9-го іюня 1851 г., т.-е. еще до распубликованія выше изложеннаго закона, министръ финансовъ обратился къ предсѣдательствовавшему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири съ просьбою о доставленіи заключенія относительно того, слѣдуетъ ли оставить въ силѣ или отмѣнить правила объ удержаніи у рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, изъ ссыльно-поселенцевъ пятой части наемной платы и врученіе ея артельнымъ старостамъ для выдачи рабочимъ на мѣстѣ ихъ постояннаго жительства. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири въ ноябрѣ 1851 г. предложилъ отмѣнить это правило, „тѣмъ болѣе, что

¹⁾ Бланки которыхъ должны были печататься въ Петербургѣ при экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

²⁾ По закону 1838 г. „къ нему“ (работнику) „или, *если онъ проситъ*, прямо къ нанимателю“.

³⁾ Правило о невыдачѣ задатковъ болѣе 7 р. 50 к. сереб. было сохранено, также какъ и правило о выдачѣ по окончаніи работъ пятой части наемной платы поселенца не ему, а артельному старостѣ для врученія рабочему по возвращеніи домой.

⁴⁾ П. С. З. т. XXVI № 25,254 (распубликовано 28 іюня).

цѣль сбереженія рабочими заработанной ими платы въ достаточной степени достигается принятыми г. генералъ-губернаторомъ и испытанными уже на дѣлѣ" мѣрами охраненія рабочихъ ¹⁾. Отиѣнить это правило совѣтъ считалъ возможнымъ и потому, что въ то время, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ Иркутскѣ составлялся проектъ правилъ объ учрежденіи въ Сибири сберегательныхъ кассъ для простаго народа и въ особенности для рабочихъ на приискахъ и что по разсмотрѣніи и утвержденіи этихъ правилъ правительствомъ сберегательныя кассы принесутъ пользу, и, слѣдовательно, правило объ удержаніи у поселенцевъ пятой части ихъ заработка будетъ излишнимъ ²⁾. Но сибирскому населенію долго пришлось еще ждать сберегательныхъ кассъ, а на приискахъ ихъ нѣтъ и до сихъ поръ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ изданныхъ въ 40-хъ годахъ узаконеніяхъ относительно рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Въ 1840 г. было постановлено взыскивать съ золотопромышленниковъ за каждаго ссыльнаго, нанимаемаго ими для работы на приискахъ въ теченіе дѣта или цѣлаго года, въ пользу экономическаго капитала ссыльныхъ, „независимо отъ наемной платы“, по 1 р. 50 коп. сереб. ³⁾.

Въ 1841 г. былъ возбужденъ вопросъ о дозволеніи владѣльцамъ посессионныхъ горныхъ заводовъ посылать въ Сибирь заводскихъ людей для производства золотого промысла. Государственный совѣтъ принялъ во вниманіе съ одной стороны затрудненія, встрѣчаемыя заводчиками въ приисканіи надежныхъ людей изъ туземцевъ для „высшихъ занятій“ по производству золотого промысла, требующихъ особеннаго искусства и опытности въ этомъ дѣлѣ, а съ другой „тѣ неудобства, съ которыми была бы сопряжена принужденная посылка въ Сибирь людей, не составляющихъ безусловной собственности владѣльцевъ“, и потому положилъ: „не касаясь никакими ограниченіями пространства власти лицъ, владѣющихъ горными заводами или состоящими при нихъ людьми на *помѣщичьемъ* правѣ, относительно тѣхъ людей, которые приписаны къ симъ заводамъ на правѣ посессионномъ постановить, что посылка ихъ на золотые промыслы въ Сибирь западную и восточную владѣльцамъ хотя также разрѣшается, но не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ собственнаго со стороны сихъ людей согласія, надлежащимъ образомъ заявленнаго“. Императоръ Николай 17 сентября 1841 г. утвердилъ это мнѣніе государственнаго совѣта ⁴⁾.

Въ 1846 г. было дозволено отпускать мастеровыхъ и нижнихъ чиновъ съ казенныхъ уральскихъ заводовъ на частные золотые промыслы въ Сибири и другихъ мѣстахъ, не требуя зато отъ золотопромышленниковъ никакой платы въ пользу заводовъ, ни замѣны этихъ людей другими работниками, но съ соблюде-

¹⁾ Изложеніе этихъ мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ въ 1848 г., см. ниже въ главѣ V.

²⁾ Арх. Гор. Департ. по описи № 91 дѣло 1839 г. № 8—18, ч. 2-я, л. 465—472.

³⁾ П. С. З. т. XV № 13657, II, п. 7. Въ источникахъ начала 50-хъ гг. есть указанія, что этотъ сборъ вычитался нанимателями изъ задатка ссыльно-поселенцевъ. Законъ 1843 г. о наказаніи ссыльно-поселенцевъ военнымъ судомъ за тяжкія преступленія (П. С. З. т. XVIII № 16611) см. ниже въ главѣ V.

⁴⁾ П. С. З. т. XVI № 15031.

нїемъ слѣдующихъ правилъ: 1) командировки допускаются лишь при избыткѣ мастеровыхъ на заводахъ, вообще въ умѣренномъ количествѣ, не долѣе, какъ на три года для однихъ техническихъ занятій по золотому промыслу и не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго начальника завода. 2) Золотопромышленники, которымъ командироваются казенные люди, обязаны назначить имъ со дня отбытія ихъ на промыслы по дню возвращенія на заводы жалованье не менѣе, какъ въ двойномъ размѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, какое они получали на заводахъ, и три четверти изъ него выдавать самимъ этимъ людямъ, а остальную четверть ежемесячно отсылать заводскому начальству для выдачи ихъ семействамъ. 3) Сверхъ того золотопромышленники должны продовольствовать командируемыхъ къ нимъ людей какъ на промыслахъ, такъ и на пути туда и обратно наравнѣ съ другими занимающими у нихъ такія же должности; при увольненіи же ихъ обратно съ промысловъ выдавать имъ годовое жалованье, какое они получали во время командировки. 4) На содержаніе ихъ семействъ при заводахъ золотопромышленники должны выплачивать деньги для пріобрѣтенія провіанта въ такомъ количествѣ, въ какомъ онъ выдавался имъ и прежде ¹⁾.

Въ 1841 г. былъ также возбужденъ вопросъ, могутъ ли находиться евреи на золотыхъ промыслахъ. Отдѣльный засѣдатель по частнымъ золотымъ промысламъ енисейскаго округа донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что на нѣкоторыхъ промыслахъ оказались въ числѣ рабочихъ евреи изъ ссыльно-поселенцевъ. Хотя ихъ было очень немного, но такъ какъ на горныхъ заводахъ пребываніе ихъ воспрещено, то онъ сообщилъ золотопромышленникамъ, чтобы на будущее время они старались евреевъ на промыслы не принимать, но такъ какъ въ положеніи о золотопромышленности 1838 г. ничего не сказано о нихъ, то отдѣльный засѣдатель представилъ объ этомъ на усмотрѣніе генералъ-губернатора Восточной Сибири, а тотъ въ своемъ представленіи министру финансовъ также высказался за воспрещеніе найма евреевъ на золотые промыслы. Министръ нашелъ, что указъ императора Александра I 19 декабря 1824 г., воспрещавшій держать евреевъ какъ на частныхъ, такъ и на казенныхъ горныхъ заводахъ, „долженъ относиться и до частныхъ золотыхъ промысловъ въ Сибири, ибо имѣетъ единственную цѣль—отвращеніе вреда, какой могутъ евреи причинять вообще горной промышленности противозаконнымъ переводомъ горныхъ металловъ ²⁾).

¹⁾ П. С. З. т. XXI № 20621.

²⁾ Арх. Гор. Департ. по описи Минюскаго, связ. 42-я, дѣло № 6.

ГЛАВА IV.

Проекты введенія обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Въ исторіи развитія фабричной и заводской промышленности въ Европейской Россіи въ XVIII вѣкѣ весьма видную роль сыгралъ трудъ рабочихъ несвободныхъ или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ работать въ извѣстномъ промышленномъ заведеніи. Помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ отбывать барщину на фабрикахъ; купцамъ дозволено было приобретать деревни къ фабрикамъ и заводамъ съ тѣмъ, чтобы онѣ составляли ихъ неотъемлемую принадлежность, или на такія фабрики правительство отдавало нищихъ, бродягъ и т. п. (всѣ эти крестьяне и рабочіе, навсегда прикрѣпленные къ фабрикамъ, получили впоследствии названіе посессионныхъ); наконецъ, къ горнымъ заводамъ приписывались государственные крестьяне для отработки на нихъ податей (такъ называемые приписные). Въ Сибири, какъ извѣстно, крѣпостныхъ почти вовсе не было, но за то для работъ на алтайскихъ и нерчинскихъ заводахъ вѣдомства Кабинета Е. В. было приписано не мало государственныхъ крестьянъ, которые должны были нести свой тяжелый, подневольный трудъ въ Нерчинскомъ округѣ до начала 50-хъ, а на Алтаѣ до нач. 60-хъ годовъ, между тѣмъ какъ крестьяне, приписанные къ уральскимъ горнымъ заводамъ, были избавлены отъ него еще при императорѣ Александрѣ I; было въ Сибири и нѣсколько посессионныхъ фабрикъ: Тальцинская фаансовая близъ Иркутска, гдѣ работали ссыльно-поселенцы, Тельминская суконная (принадлежала р. Тельмы въ Анггару), гдѣ работали ссыльно-поселенцы и крестьяне, и нѣкоторыя другія.

Съ самаго начала золотопромышленности въ Сибири владѣльцы промысловъ нашли въ ссыльно-поселенцахъ готовый контингентъ деше-

ныхъ рабочихъ; но такъ какъ въ тридцатыхъ годахъ на приискахъ было не мало волненій, а также весьма часты были побѣги рабочихъ¹⁾, то и частныя лица, и мѣстная администрація стали задумываться надъ введеніемъ на золотыхъ промыслахъ обязательнаго труда крѣпостныхъ или ссыльно-поселенцевъ, причемъ, какъ мы увидимъ, иногда подъ видомъ государственной пользы нѣкоторые предприниматели преслѣдовали свои узко-эгоистическіе интересы.

Въ 1837 г. на разсмотрѣніе сибирскаго комитета было внесено по Высочайшему повелѣнію слѣдующее предложеніе егермейстера Павла Демидова. Развитие золотопромышленности въ Сибири подало ему мысль воспользоваться этимъ промысломъ „не только для приобрѣтенія выгодъ личныхъ“, но и для пользы тамошняго края и особенно „для нравственнаго улучшенія состоянія ссыльно-поселенцевъ“. Онъ предполагалъ безвозвратно пожертвовать въ теченіе 5 лѣтъ на производство розысковъ капиталъ въ 20,000 р. асс. съ тѣмъ, что если въ первые четыре года найденныя прииски окажутся невыгодными, то предпріятіе это прекращаетъ свое существованіе. Кромѣ названной суммы Демидовъ на разработку приисковъ назначалъ капиталъ въ 300,000 р. съ возвратомъ изъ прибылей ему или его наслѣдникамъ. Если затѣмъ накопится изъ прибылей капиталъ не менѣе 500,000 руб., то онъ употребляется на производство работъ, и затѣмъ послѣдующая прибыль раздѣляется на сто равныхъ паевъ, изъ которыхъ 25 составляютъ собственность Демидова или его наслѣдниковъ, другіе 25 употребляются на развѣдки или разработку приисковъ, а остальные 50 — на принятіе мѣръ для устройства быта ссыльно-поселенцевъ. Изъ сказаннаго видно, что очередь для этихъ послѣднихъ мѣръ должна была наступить не скоро.

Предложенныя Демидовымъ „мѣры нравственнаго устройства ссыльно-поселенцевъ“ должны были имѣть цѣлью „всегдашнимъ примѣромъ добрыхъ нравовъ, семейной жизни и постояннымъ надзоромъ обратить ихъ къ порядку и трудолюбію“. Для этого Демидовъ предлагалъ: увеличить населеніе преимущественно въ мѣстахъ золотопромышленности посредствомъ вызова въ Сибирь или *покупки и переселенія* туда земледѣльцевъ, и дѣйствіемъ обоюдныхъ выгодъ, наградъ и поощреній соединить съ ними соразмѣрное число ссыльно-поселенцевъ“. Демидовъ предлагалъ назвать переселенцевъ „*приписными къ золотымъ промысламъ*“ и употреблять ихъ въ работу на общемъ основаніи, за опредѣленную задѣльную плату. „На счетъ прибылей имъ могутъ быть предоставлены особыя облегченія отъ податей и денежныхъ повинностей“. По мѣрѣ устройства переселяемыхъ крестьянъ авторъ проекта предлагалъ присоединять къ нимъ ссыльно-поселенцевъ, которые должны были входить въ составъ

¹⁾ См. выше, гл. I.

ихъ семействъ и, завися отъ главы дома, работать, какъ и переселенные, „участвуя съ ними въ земледѣльческихъ занятіяхъ и выгодахъ“, получаемыхъ отъ разработки. Каждому семейству, изъ котораго будетъ добровольно выдана дочь или родственница въ замужество за ссыльнаго, предполагалось опредѣлить денежное вознагражденіе.

Сибирскій комитетъ постановилъ, что начало осуществленія этого предпріятія зависить отъ самого Демидова, такъ какъ онъ уже имѣетъ дозволеніе заниматься золотопромышленностью; предложенныя же имъ мѣры для устройства быта ссыльныхъ, связанныя съ успѣшною разработкою приисковъ и слѣдовательно не требующія немедленнаго разрѣшенія, комитетъ нашелъ болѣе удобнымъ обсудить впослѣдствіи, а пока поручилъ сибирскимъ ген.-губернаторамъ подробно разсмотрѣть эти предположенія относительно устройства быта ссыльныхъ. Заключение комитета было утверждено государемъ.

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, кн. Горчаковъ, указалъ на то, что золотыя россыпи разбросаны небольшими участками среди неприступныхъ горъ, болотъ и дремучихъ лѣсовъ, что онѣ очень скоро истощаются и вынуждаютъ промышленниковъ искать золота въ другихъ мѣстахъ; поэтому устроить „постоянное водвореніе“ вдали отъ жилыхъ мѣстъ и при самыхъ неудобныхъ путяхъ сообщенія, „въ полосѣ возвышенной и суровой“, гдѣ невозможно ожидать успѣшнаго занятія земледѣліемъ, было-бы крайне затруднительно, сопряжено съ большими издержками и тягостью для поселяемыхъ“. Если же переселенцы будутъ заниматься только приисковыми работами, то лѣтомъ они будутъ имѣть заработокъ, а зимою ихъ придется содержать „себѣ въ убытокъ“. Но это генералъ-губернаторъ Западной Сибири считалъ совершенно частнымъ дѣломъ и не нашелъ ничего противозаконнаго въ предположеніяхъ Демидова. Рѣшительнѣе отнесся кн. Горчаковъ къ предположеніямъ Демидова о „причисленіи ссыльно-поселенцевъ къ вновь возводимымъ собственнымъ его селеніямъ“. Онъ замѣтилъ, что хотя въ проектѣ Демидова „не объяснено, какимъ образомъ, добровольно или дѣйствіемъ власти, и на какомъ положеніи будутъ эти посельщики смѣшаны съ покупными во внутреннихъ губерніяхъ и переселяемыми сюда собственными его крестьянами, но должно подразумѣвать, что, бывъ правительствомъ причислены къ симъ послѣднимъ, должны они сдѣлаться его крѣпостными, какъ хозяина золотопромышленнаго завода,—распоряженіе, противное существующимъ узаконеніямъ, на которое, дорожа своей свободой, безъ сомнѣнія, никто изъ поселенцевъ по доброй волѣ не согласится, и не только не представляющее надежды на прочное ихъ водвореніе“, но весьма вѣроятно способное повлечь за собою „явное сопротивленіе или, по крайней мѣрѣ, сопряженное съ усугубленіемъ бродяжничества, разбоя и другихъ безпорядковъ около тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ наиболѣе

необходимо обратить вниманіе на сохраненіе благоустройства". Однимъ словомъ, предположенія Демидова относительно устройства быта ссыльных кн. Горчаковъ нашелъ неудобноисполнимыми.

Въ Восточной Сибири проектъ Демидова былъ предварительно переданъ на заключеніе губернскихъ совѣтовъ. Иркутскій совѣтъ отнесся къ нему сочувственно, напротивъ енисейскій—нашелъ, что „въ настоящихъ обстоятельствахъ губерніи, когда для нея гораздо полезнѣе поддержаніе земледѣлія, нежели распространеніе золотопромышленности, и когда послѣ двухъ неурожайныхъ годовъ при нынѣшнемъ почти неизмѣрномъ возвышеніи цѣны на хлѣбъ¹⁾, мѣстное начальство не совершенно увѣрено въ свободномъ продовольствіи даже коренныхъ жителей или водворенныхъ уже здѣсь поселенцевъ, всякій новый приливъ сюда народа можетъ быть даже вреднымъ для благосостоянія Енисейской губерніи“, а потому предположеніе Демидова не можетъ быть теперь исполнено безъ важныхъ безпорядковъ, затрудненія и народнаго отягощенія. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири (мнѣніе котораго было утверждено генераль-губернаторомъ Рупертомъ въ мартѣ 1839 г.) согласился съ мнѣніемъ енисейскаго губернскаго совѣта и не нашелъ возможнымъ обсуждать правила относительно выписки людей изъ Россіи, не будучи увѣреннымъ, что составится нужный для этого капиталъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обстоятельства могутъ сильно измѣниться.

Въ 1839 г. Павелъ Демидовъ обратился къ министру финансовъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на то, что на жертвуемый имъ капиталъ третій годъ производится розыски въ Западной и Восточной Сибири, но до сихъ поръ почти безъ всякаго успѣха, и не желая, чтобы капиталъ его былъ затраченъ безплодно, просилъ надѣлать его двумя благонадежными золотыми пріисками изъ тѣхъ, которые по какимъ-либо причинамъ поступили или должны будутъ поступить отъ другихъ золотопромышленниковъ въ казну. Съ соизволенія государя, просьба Демидова была исполнена. Но со стороны Демидова представлялись и гораздо большія притязанія. Въ 1838 г. его повѣренный, купецъ Ѳ. Соловьевъ, подалъ прошеніе о предоставленіи для задуманнаго Демидовымъ предпріятія—улучшенія нравственности ссыльно-поселенцевъ — пустопорожняго мѣста (въ Колыонской волости Томскаго, нынѣ Маріинскаго округа), простирающагося въ длину отъ 30 до 35, а въ ширину отъ 25 до 30

¹⁾ Изъ донесенія жандармскаго генерала Фалькенберга (1839 г.) видно, что вслѣдствіе неурожая ржи цѣна его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской и Иркутской губ. доходила до 4 р. асс. за пудъ. Въ Томской губ. въ 1838 г. цѣна четверти ржи, по официальному извѣстію, доходила до 9 р., а въ 1839 г., до 15 р. асс. за четверть. Арх. Горн. Деп., опись 91, дѣло № 3/13.

версть (!), на которомъ Соловьевымъ были найдены золотыя россыпи съ тѣмъ, чтобы не дозволялось никому изъ частныхъ золотопромышленниковъ дѣлать поиски и давать отводы, такъ какъ на этомъ мѣстѣ удобно поселить, согласно извѣстному выше проекту, крѣпостныхъ людей его довѣрителя. Тутъ уже довольно откровенно раскрывалась настоящая подкладка филантропическихъ затѣй Демидова! Прежде, чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ на эту просьбу, Демидовъ умеръ, и наконецъ въ іюлѣ 1841 г. товарищъ министра финансовъ приказалъ объявить Соловьеву, что пространство, которое онъ просилъ отвести для предпріятія Демидова, оказалось не пустопорожнимъ, а на немъ находится много пріисковъ другихъ промышленниковъ, и что водвореніе тамъ крѣпостныхъ людей Демидова главное начальство Западной Сибири признаетъ во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ, да притомъ допущеніе такого водворенія было-бы несогласно съ Высочайше утвержденнымъ 12-го августа 1830 г. положеніемъ комитета министровъ, воспреещающимъ селить на земляхъ въ Сибири людей крѣпостного состоянія ¹⁾, а потому просьба его, Соловьева, не можетъ быть удовлетворена; разработку же россыпей, открытыхъ имъ на указанномъ пространствѣ, онъ можетъ производить по выданному уже прежде Демидову дозволительному свидѣтельству и на основаніи существующихъ правилъ о частной золотопромышленности въ Сибири.

Вскорѣ послѣ того въ августѣ 1842 года опекуны малолѣтнихъ наслѣдниковъ Демидова заявили министру финансовъ, что развѣдки, предпринятія для осуществленія извѣстнаго предположенія Демидова, оказались неудачными, а между тѣмъ на нихъ уже затрачено 207,000 р. ассигн., и потому просили считать это предпріятіе оконченнымъ ²⁾.

По проекту Демидова предполагалось воспользоваться для работъ на золотыхъ промыслахъ трудомъ и крестьянъ, переселенныхъ изъ Европейской Россіи, и ссыльно-поселенцевъ. Но правительству было сдѣлано не мало предложеній и относительно приложенія къ золотопромышленности обязательнаго труда тѣхъ или другихъ отдѣльно. Въ 1839 г. одинъ помѣщикъ ходатайствовалъ о дозволеніи переселить въ Сибирь часть его крестьянъ для добыванія золота въ пользу богоугод-

¹⁾ Въ опубликованномъ въ Полн. соб. зак. указѣ 12-го августа 1830 г. нѣтъ такого запрещенія (см. 2-е П. С. З. т. V, № 3,849), а указомъ 27-го октября 1839 г. (2-е П. С. З. т. XIV, № 12,814) оно установлено лишь относительно земель, пожалованныхъ для учрежденія фабричныхъ и промышленныхъ заведеній. Правда, на докладѣ Киселева 1839 г. императоръ Николай положилъ такую резолюцію: „ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ допущено въ Сибири быть не можетъ“, но эта резолюція государя осталась не обнародованною. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. II, 546—547.

²⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло деп. горн. и соляныхъ дѣлъ, 1 разр., № 2/161.

наго заведенія, но императоръ Николай приказалъ отвѣтить, что ни въ какомъ случаѣ поселеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь допущено быть не можетъ ¹⁾. Послѣ изданія указа 1842 г., по которому помѣщикамъ было дозволено обращать своихъ крестьянъ въ обязанныхъ, явилась попытка воспользоваться этимъ указомъ въ интересахъ золотопромышленности. Въ 1844 г. отставной оберъ-бергмейстеръ Порѣцкій представилъ при прошеніи на имя государя проектъ устава компаніи на акціяхъ для колонизаціи Сибири обязанными крестьянами съ цѣлью улучшенія въ этомъ краѣ сельскаго хозяйства и золотопромышленности. Графъ Бенкендорфъ, самъ бывшій пайщикомъ одной золотопромышленной компаніи и потому неравнодушный ко всему, что могло быть выгодно для золотопромышленниковъ, доложилъ о содержаніи этого проекта государю, который и повелѣлъ сообщить его министрамъ финансовъ и государственныхъ имуществъ.

По проекту Порѣцкаго предполагалось учредить компанію для водворенія въ Сибирь на отведенныхъ отъ казны земляхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые по прибытіи туда обращаются сначала въ крестьянъ обязанныхъ, а потомъ получаютъ полную свободу. Компаніи этой (капиталъ которой долженъ былъ состояться изъ 1000 акцій и акціонерами которой могли быть только дворяне) предоставляется десятилѣтняя „исключительная привилегія“. Компанія въ теченіе этого времени каждый годъ заявляетъ мѣстному начальству, какое количество земли необходимо для водворенія колонистовъ, считая по 15 десятинъ на ревизскую душу, и если въ 10 лѣтъ отмежеванное количество удобной земли не будетъ заселено, то излишнія десятины по числу ревизскихъ душъ поступаютъ обратно въ казну. „Дабы основать благосостояніе колонистовъ и устранить долговременныя ихъ отлучки отъ семействъ“, говоритъ Порѣцкій въ своемъ проектѣ, „необходими совокупность промысловыхъ работъ и удобное размѣщеніе мастеровыхъ при самыхъ золотыхъ приискахъ“. Для этой цѣли никому не принадлежація золотныя россыпи должны быть отведены компаніи, не ограничиваясь ни пятиверстнымъ протяженіемъ ихъ въ длину, ни стосаженою шириною, какъ это требовалось правилами 1838 г., но смотря по мѣстности и средствамъ компаніи; не слѣдуетъ также ограничивать владѣніе приисками 12-лѣтнимъ срокомъ. Компанія должна была приобрѣтать людей или по расчетамъ съ помѣщиками-акціонерами, или выкупомъ у постороннихъ помѣщиковъ цѣлыми селеніями. Переселеніе въ Сибирь должно было совершаться постепенно, по мѣрѣ притовленія домовъ для колонистовъ, которыхъ предполагалось переселить въ первый годъ отъ 700 до 1000 душъ, а въ послѣдующіе годы болѣе 1000 въ каждый:

¹⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 894/790, л. 35—37.

колонистамъ предоставляется трехлѣтняя льгота отъ платежа податей и повинностей, которыя въ это время должна была платить за нихъ компанія. Изъ крестьянъ и мастеровыхъ, пока они будутъ „обязанными“ компаніи, половина годныхъ къ труду должна была всегда находиться на присковой работѣ, остальные-же при сельскихъ занятіяхъ, а черезъ 35 лѣтъ по переходѣ въ вѣдѣніе компаніи они получаютъ свободу съ усадьбами, пашенною и сѣнокосною землею; техническія-же заведенія остаются собственностью компаніи. Крестьяне и мастеровые, получившіе увѣчья или болѣзни, пользуются пенсією на основаніи горнаго устава; на средства компаніи содержатся также безродные и престарѣлые колонисты и ихъ дѣти сироты. Министерство финансовъ нашло проектъ Порѣцкаго „не заслуживающимъ уваженія“ въ виду воспрещенія селить въ Сибири крѣпостныхъ и такъ какъ предположенія объ отводѣ компаніи присковъ противорѣчатъ закону 1838 г. и послужили бы къ стѣсненію другихъ золотопромышленниковъ¹⁾; вслѣдствіе этого государь повелѣлъ отказать Порѣцкому въ его просьбѣ²⁾.

Въ 1846 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ предлагалъ переселить изъ малоземельныхъ великороссійскихъ губерній отъ 100 до 150 тысячъ крестьянъ для содѣйствія развитію золотопромышленности. Кромѣ того, онъ совѣтовалъ дозволить золотопромышленникамъ переселять на свой счетъ (по предварительному разрѣшенію властей) крѣпостныхъ и вольныхъ людей, снабжая ихъ домами, скотомъ, сѣменами и другими хозяйственными принадлежностями съ тѣмъ, чтобы выведенные владѣльцемъ золотыхъ промысловъ крѣпостные, послѣ поселенія ихъ на удобныхъ казенныхъ земляхъ, должны были прослужить владѣльцу пятнадцать лѣтъ за умѣренную плату (изъ нихъ половина должна была быть на присковыхъ работахъ, а другая заниматься хлѣбопашествомъ). На переселеніе въ этотъ край свободныхъ людей (мѣщанъ и крестьянъ) золотопромышленники должны были заключать съ ними условія, которыя должны были представляться на разсмотрѣніе министра финансовъ и исполняться по распоряженію сената. Предположеніе Руперта, какъ и проектъ Порѣцкаго, было оставлено безъ всякихъ послѣдствій³⁾.

¹⁾ Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ съ своей стороны замѣтилъ по поводу проекта Порѣцкаго, что поселенія для разработки частныхъ золотыхъ присковъ „въ мѣстахъ, болѣею частью неудобныхъ“ и удаленныхъ отъ жилищъ мѣстъ, „не обезпечиваютъ быта крестьянъ на будущее время и могутъ поставить правительству въ затрудненіе на счетъ устройства поселенъ по освобожденіи ихъ отъ обязанностей относительно владѣльцевъ“.

²⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 894/730.

³⁾ Архивъ Горн. Департам., по описи № 90, 1846 г. № 84 — 79 (выз. 9) л. 21—23, 54—57.

Таковы предположенія о переселеніи въ Сибирь крестьянъ въ интересахъ золотопромышленниковъ. Что касается ссыльно-поселенцевъ, то мы находимъ по этому поводу предположенія въ запискѣ жандармскаго офицера Мишо (1834 г.). По его мнѣнію, частные золотые промыслы представляютъ „вспомогательный способъ для необходимаго устройства скитающихся нынѣ по Сибири жалкихъ, несчастныхъ поселщиковъ... Работникъ въ продолженіе лѣта можетъ тамъ приобрести съ большимъ избыткомъ средства на содержаніе себя“, которыя „при точныхъ исполнителяхъ хорошихъ мѣрь... послужатъ къ обзаведенію, къ устройству людей, сосланныхъ на поселеніе“. Съ этою послѣднею цѣлью, т.-е. для улучшенія быта ссыльно-поселенцевъ посредствомъ обязательной работы на золотыхъ промыслахъ, капитанъ Мишо предложилъ слѣдующія мѣры. Часть поселенцевъ Томской губерніи, которые не сумѣли собственными средствами создать себѣ прочную осѣдность, онъ совѣтовалъ назначить для составленія рабочихъ командъ, по 200 человекъ каждая, для работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ той же губерніи. Команды доставляются начальствомъ на работы по требованію промышленниковъ, причемъ главные условія контрактовъ, плата рабочимъ, ихъ содержаніе, размѣръ уроковъ — должны быть опредѣлены разъ навсегда по предварительному соглашенію администраціи съ промышленниками. Рабочія команды подчиняются военной дисциплинѣ, и ихъ начальство строго наблюдаетъ какъ за поведеніемъ рабочихъ, такъ и за точнымъ исполненіемъ всѣхъ условій контрактовъ. Деньги, заработанныя поселенцами на промыслахъ, считаются ихъ собственностью, но получаютъ и хранятся главнымъ начальникомъ рабочихъ командъ. Во время пріисковыхъ работъ они получаютъ пищу отъ хозяевъ, въ зимнее время составляются артели для закупки припасовъ на заработанные ими деньги; квартиры на зиму имъ можно отводить въ селеніяхъ на основаніяхъ постоянной повинности. Для ихъ зимнихъ занятій Мишо предлагалъ строить мастерскія для изготовленія одежды, обуви и проч. Люди, заработавшіе на промыслахъ сумму, достаточную для ихъ полнаго обзаведенія своимъ домомъ, препровождаются для водворенія въ особые поселенія, приготовляемые другими рабочими командами изъ поселенцевъ, причемъ слѣдовало вычитать изъ заработанныхъ ими денегъ по установленнымъ цѣнамъ за дома, вещи и все хозяйство, которымъ они будутъ снабжены. Графъ Канкринъ, которому были сообщены предположенія Мишо, препроводилъ ихъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны нашедъ ихъ неудобными ¹⁾.

Къ той же мысли возвратился въ 1839 г. жандармскій генералъ Фалькенбергъ, который также предлагалъ составить команды чернорабо-

¹⁾ Арх. Гор. Деп., по описи дѣламъ 1 стола 3 отд. Д-та Горн. и Солян. Дѣл., 1835 г. № 1061.

чихъ на золотыхъ промыслахъ изъ ссыльно-поселенцевъ, преимущественно неженатыхъ и тѣхъ, которые уклоняются отъ заведенія своего хозяйства, съ тѣмъ, чтобы вырабатываемыя ими деньги употреблялись на ихъ одежду, пищу и уплату государственныхъ податей. Такъ какъ потребность въ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ увеличилась, то возможно было бы, по мнѣнію Фалькенберга, допустить на нихъ и каторжныхъ, употребляя выработанныя ими деньги на ихъ одежду и прокормленіе, а частію и на содержаніе надзирающей за ними военной команды. Предположенія Фалькенберга были оставлены безъ всякихъ послѣдствій ¹⁾; что же касается работъ ссыльно-каторжныхъ на золотыхъ промыслахъ, то эта мысль была осуществлена администраціею Восточной Сибири гораздо позднѣе, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, при генералъ-губернаторѣ Сивильниковѣ, на олекминскихъ и амурскихъ промыслахъ.

Министръ государственныхъ имуществъ Биселевъ, при обсужденіи имъ въ 1844 г. проекта Порѣцкаго, замѣтилъ, что съ цѣлю обезпеченія золотопромышленниковъ рабочими имъ было бы удобнѣе позаботиться объ устройствѣ осѣдлости ссыльно-поселенцевъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе, послѣ известнаго числа лѣтъ работы, получали бы въ собственность устроенные для нихъ дома и хозяйства и такимъ образомъ имѣли-бы побужденіе къ работѣ и хорошему поведенію. Биселевъ напомнилъ, что при Сперанскомъ было приступлено въ Сибири къ учрежденію изъ ссыльно-поселенцевъ рабочихъ ротъ для устройства дорогъ ²⁾. Эту мысль Биселевъ повторилъ 2 года позднѣе во всеподданнѣйшемъ докладѣ о послѣдствіяхъ ревизіи государственныхъ имуществъ въ Сибири ³⁾, но, тѣмъ не менѣе, она не была осуществлена ⁴⁾.

Такимъ образомъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ всѣ попытки прикрѣпленія къ сибирскимъ золотымъ промысламъ крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ къ счастію потерпѣли крушеніе (точно также была отвергнута мысль объ отправленіи на присковныя работы поселенческихъ и

¹⁾ Арх. Гор. Деп., по описи № 91, № 3—13, ч. I, л. 165—170.

²⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V, Отд. № 894—730, л. 37.

³⁾ Арх. М. Г. И., дѣло V, отд. № 315—229, т. 5-й, л. 10.

⁴⁾ Были и совершенно противоположныя предложенія: совершенно воспретить сибирскимъ поселенцамъ и крестьянамъ наниматься на золотые промыслы для предупрежденія упадка земледѣлія въ Сибири и дозволить наниматься туда только рабочимъ изъ европейской Россіи. Двѣ записки съ такимъ предложеніемъ были присланы изъ Красноярска и Иркутска. Комитетъ герцога Лейхтенбергскаго (см. гл. III) въ 1846 и 1847 гг. нашелъ, что осуществленіе такой мѣры было бы въ высшей степени затруднительно по отдаленности великороссійскихъ губерній отъ золотыхъ промысловъ „и по крайнему неудобству (?) поощрять свободный переходъ изъ Россіи людей въ страну, назначенную по законамъ нашимъ мѣстомъ ссылки и каторги“. Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло № 3—10, 1846 г., ч. II, л. 19—20, 62—66; по описи № 90, дѣло № 95—87 (св. 11), л. 4—8.

каторжныхъ командъ); но то, чего золотопромышленники не приобрѣли путемъ юридическаго закрѣпленія, было въ извѣстной степени достигнуто ими посредствомъ экономическаго закабаленія рабочихъ вслѣдствіе полной нищественной несостоятельности поселенцевъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, разъ начавши тяжелую карьеру пріисковаго труда, не имѣли возможности покинуть ее до тѣхъ поръ, пока, истощивъ всѣ свои силы, были разсчитаны за ненадобностью, а иной разъ и умирали на пути гдѣ-нибудь въ тайгѣ; уже въ первой половинѣ 40-хъ годовъ можно было встрѣтить на сибирскихъ промыслахъ рабочихъ, которые занимались этимъ трудомъ болѣе 15-ти лѣтъ.

ГЛАВА V.

Бытъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ.

Число и составъ рабочихъ въ сороковыхъ годахъ.—Поисковыя партіи.—Наемъ рабочихъ.—Размѣръ задатка.—Контракты.—Путешествіе на пріиски.—Число неявившихся.—Количество рабочихъ часовъ.—Размѣръ уроковъ.—Рабочая плата.—Старательскія работы.—Жилища и пища.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Введеніе таксъ на промыслахъ Западной Сибири.—Болѣзни и врачебная помощь.—Наказаніе рабочихъ.—Пріисковая полиція.—Побѣги и волненія.—Общій размѣръ заработка.—Величина додачи, забора до разсчета и долговъ.—Похищеніе золота.—Выходъ съ пріисковъ послѣ осенняго разсчета.—Мѣры Муравьева 1848 г.—Наемъ на зимнюю операцію.

Въ 40-хъ годахъ золотопромышленность въ Сибири пошла впередъ быстрыми шагами. Въ 1840 г. была открыта сѣверная система золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа, вскорѣ послѣ того началась частная добыча золота въ Верхнеудинскомъ округѣ (за Байкаломъ) ¹⁾ и въ Олекминскомъ округѣ Якутской области ²⁾. Количество добываемаго золота постепенно все увеличивалось, и съ 216 пуд. (въ 1840 г.) оно поднялось въ 1847 г. до 1.337 пуд., послѣ чего вновь стало нѣсколько уменьшаться (въ 1849 г.—1.214 пуд.). Самыми богатыми золотомъ изъ всѣхъ золотопромышленныхъ раіоновъ были сѣверная и южная часть Енисей-

¹⁾ Въ 1843 г. было дозволено заниматься золотопромышленностью въ Верхнеудинскомъ округѣ лишь нѣкоторымъ лицамъ (П. С. З. т. XVIII, № 16877, ср. № 16883, т. XXII, № 20931) и до 1849 г. промывка золота производилась здѣсь въ довольно ничтожномъ количествѣ. *Раселли*, 11, *Боголюбскій* „Золото“, 100.

²⁾ Поиски золота начались здѣсь съ 1842 г. (см. письмо *Земцова* въ „Москвитинѣ“ 1843 г. № 6), и въ 1844 г. на олекминскихъ пріискахъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ находилось уже болѣе 1000 рабочихъ (Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № 3—13, 1839 г. ч. 2-я, л. 12); по другимъ источникамъ менѣе (ср. „Горн. Журн.“, 1845 г. № 8, стр. 430).

скаго округа (въ 1847 г. въ первой изъ нихъ было добыто 895 пуд., во второй 316 пуд. золота).

Всего рабочихъ на приискахъ, находившихся въ завѣдываніи Алтайскаго горнаго правленія (въ томъ числѣ въ Ачинскомъ, Минусинскомъ и Красноярскомъ округахъ), числилось по официальнымъ свѣдѣніямъ: 1843 г.—6.181, въ 1844 г.—8.080, въ 1846 г.—6.841, въ 1847—6.059, въ 1848 г.—5.801 чел. На приискахъ восточной Сибири числилось: въ 1846 г.—24.512, въ 1847 г.—21.665, въ 1848 г.—18.582, въ 1849 г.—19.553 чел. Такимъ образомъ во всей Сибири рабочихъ, занятыхъ добычаніемъ золота на частныхъ промыслахъ, считалось: въ 1846 г.—31.353, въ 1847 г.—27.724, въ 1848 г.—24.383 чел. Но по другимъ даннымъ рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ было въ Сибири 1847 г.—32.518, въ 1848 г.—27.463, въ 1849 г.—29.208. Такимъ образомъ между двумя официальными цифрами мы находимъ разницу въ 1847 г. почти въ 5.000, въ 1848 г. болѣе, чѣмъ въ 3.000 чел.¹⁾ Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что меньшія цифры показываютъ число рабочихъ „по расчету на одинъ день“, причемъ общее число рабочихъ дѣлилось на все число дней операціи и, слѣдовательно, получалось число не дѣйствительныхъ, а такихъ фиктивныхъ рабочихъ, которые будто бы трудились все время безъ пропусковъ, чего на дѣлѣ, конечно, не было. Количество рабочихъ, дѣйствительно бывшихъ на приискахъ, всегда болѣе числа подобныхъ фиктивныхъ годовыхъ работниковъ и потому изъ двухъ цифръ, показанныхъ въ официальныхъ источникахъ, ближе къ дѣйствительности болѣшая, а не меньшая цифра.

Въ Восточной Сибири золотопромышленность приняла форму болѣе крупнаго производства, чѣмъ въ Западной: въ Киргизской степи приходилось въ 40-хъ годахъ среднимъ числомъ („по расчету на одинъ день“) по 56 чел. рабочихъ на каждый приискъ, въ Томскомъ округѣ по 87 чел., между тѣмъ въ южной части Енисейскаго округа въ 1846—49 гг. по 156 ч., въ сѣверной части того же округа по 192 чел.

Въ числѣ приисковыхъ рабочихъ преобладающимъ элементомъ были ссыльно-поселенцы: на томскихъ промыслахъ въ 1847—49 гг. они составляли 72—73%, на промыслахъ всей Енисейской губерніи въ 1847 г.—68%, въ 1848 г.—67%, въ 1849 г.—62%. Слухъ о большихъ заработкахъ на сибирскихъ промыслахъ привлекалъ туда рабочихъ и изъ Европейской Россіи: на приискахъ Енисейской губерніи въ 1847—48 гг. ихъ было 12% всѣхъ рабочихъ, а въ 1849 г. уже 16% (на промыслахъ Томской губерніи менѣе 5—8%²⁾).

¹⁾ См. Дополненіе II (въ концѣ тома).

²⁾ Въ 1840 г. на приискахъ Томской губерніи поселенцы составляли около 79% всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ ссыльно-драхлыне около 4%, мѣстные крестьяне—5%,

Въ числѣ крестьянъ изъ Европейской Россіи были и крѣпостные. Такъ, въ Восточной Сибири работало на присакахъ въ 1847 г.—1.722 помѣщичьихъ крестьянина, въ 1848 г.—1.437 чел. и въ 1849 г. 2.118 чел. Значительный процентъ среди великороссовъ составляли уроженцы Нижегородской губерніи, вслѣдствіе чего всѣхъ присаковыхъ рабочихъ изъ Европейской Россіи стали называть „нижегородами“. Мѣстныя власти впервые обратили вниманіе на это стремленіе нижегородскихъ крестьянъ на промыслы въ половинѣ 40-хъ годовъ. Въ 1845 г. предсѣдатель нижегородской казенной палаты нашелъ нужнымъ „секретно“ донести министру финансовъ, что въ прошломъ 1844 г., вслѣдствіе разнесшихся между крестьянами Нижегородской губерніи слуховъ о выгодныхъ заработкахъ на золотыхъ промыслахъ въ Сибири, нѣсколько крестьянъ отправились туда и по возвращеніи убѣдили и другихъ заняться этимъ промысломъ, который они нашли для себя выгоднымъ. Въ мартѣ 1845 г. отъ партіи въ 27 чел. крестьянъ, принадлежавшихъ къ одной вотчинѣ, получено было на родинѣ письмо изъ Томска, что они подрадились тамъ у золотопромышленника Бекетова заниматься на присакахъ вскрытіемъ турфа (незолотоносной породы) по 3 р. сер. за кубическую сажень; они получили впередъ по 150 р. ассигн. (около 43 р. сер.)¹⁾ на каждого и прислали своимъ семействамъ 3.765 р. ассигн., т.-е. почти весь свой задатокъ. Вслѣдъ за ними отправились и другіе²⁾.

Кромѣ общихъ данныхъ о процентномъ отношеніи различныхъ категорій присаковыхъ рабочихъ, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ относительно отдѣльныхъ присаковъ, и болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ 1843 г. сенаторъ И. Н. Толстой, производившій ревизію въ Восточной Сибири, потребовалъ отъ мѣстныхъ золотопромышленниковъ сообщенія свѣдѣній относительно рабочихъ на ихъ промыслахъ. Въ присланныхъ на этотъ запросъ вѣдомостяхъ мы находимъ данныя относительно поселенцевъ: 1) такъ называемыхъ „пропитанныхъ“, т.-е. неспособныхъ къ труду и требовавшихъ призрѣнія, 2) окладныхъ и 3) льготныхъ. Изъ такихъ вѣдомостей, присланныхъ съ Прокопьевскаго присака К^о Боровкова (южной части Енисейскаго округа), мы видимъ, что тамъ въ 1843 г. было 32 пропитанныхъ поселенца, возрастъ которыхъ колебался между 35 и 82 (!) годами, въ среднемъ же равнялся 54 годамъ. Продолжительность пребыванія ихъ на промыслахъ колебалась между 1 и 12 годами, а въ

женщины — 5%, дѣти — менѣе 3%, мѣщане и разночинцы другихъ губерній болѣе 8%. *Гагемейстеръ*, „Стат. Обзор. Сибири“ II, 431, 462; Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 8—39 вяз. 2, л. 75—99, 239, ч. 7-я, л. 45—54; Арх. Мин. Госуд. Имущ., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, т. IV, л. 194.

¹⁾ Считаю 1 р. сер. равнымъ 3 р. 50 к. ассигн.

²⁾ Арх. Горн. Деп., по описи Минюскаго, св. 54, дѣло № 9, л. 7—9.

среднемъ составляла 4 года. Изъ нихъ 8 чел. (т.-е. 25%) имѣли „домо-обзаводство“. „Окладныхъ“ поселенцевъ (т.-е. обложенныхъ податями) на томъ же пріискѣ было 150, въ возрастѣ отъ 18 до 77 лѣтъ (въ среднемъ 43 года); продолжительность пребыванія ихъ на промыслахъ колебалась между 1 и 16 годами (въ среднемъ—6 лѣтъ!); о семейномъ и имущественномъ положеніи 144 изъ нихъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: 37 чел. (26%) были женаты и 24 изъ нихъ имѣли дѣтей (у одного 7 челов.); дома имѣли только 28 чел. (19,5%), лошадей—15 чел. и коровъ—13 чел. (у большинства по одной). Льготныхъ поселенцевъ (въ первые три года по прибытіи въ Сибирь они освобождались отъ всякихъ податей) на тѣхъ же промыслахъ было 198 чел.; возрастъ ихъ колебался между 16 и 65 годами (въ среднемъ 37 лѣтъ); продолжительность пребыванія на промыслахъ отъ 1 до 10 лѣтъ (въ среднемъ менѣе 2 лѣтъ), 9% были женаты, менѣе 9% имѣли дома; еще у меньшаго количества были лошади и коровы. Естественно, что болѣе всего нанималось льготныхъ поселенцевъ: они были, во-первыхъ, моложе другихъ разрядовъ, а во-вторыхъ, сравнительно менѣе обезпечены, такъ какъ вскорѣ по приходѣ въ Сибирь еще не успѣвали найти себѣ занятій. Въ описаніи Минусинскаго округа, составленномъ въ 1841 г. чиновникомъ министерства государственныхъ имуществъ Щукинымъ, есть указаніе, что въ казенныхъ поселеніяхъ были учреждены общественныя запашки, и если поселенецъ не въ силахъ былъ обработать назначенный ему участокъ, то его посылали на золотые промыслы и взыскивали за десятину по прижрному умолоту и существующимъ цѣнамъ ¹⁾).

Какъ мы видѣли выше, отъ 12 до 16% рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Енисейской губерніи (въ 1847—49 гг.) были изъ Европейской Россіи. Небольшинъ, посѣтившій не задолго передъ тѣмъ пріиски Минусинскаго округа, говоритъ въ своей статьѣ о сибирскихъ пріискахъ: „много пришло крестьянъ изъ Вятской, едва-ли не больше изъ Ярославской и Нижегородской губерній; нынѣе дошло до того, что явился новый промыселъ: явились новые барышники для снабженія золотопромышленниковъ людьми изъ нехлѣбородныхъ губерній, а все рукъ мало“ ²⁾.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію быта рабочихъ на пріискахъ, мы сообщимъ свѣдѣнія о поисковыхъ партіяхъ въ Удереиской и Питской системахъ (Енисейскаго округа) на основаніи одной, весьма обстоятельной, журнальной статьи того времени.

Поисковыя партіи могли быть раздѣлены на полныя и неполныя; первыя сверхъ того—на тяжелыя и легкія конныя, тяжелыя и легкія

¹⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. № 315, прилож. В. № 2 ж.).

²⁾ П. Н. „Разсказы о сибирскихъ золотыхъ пріискахъ“. „Отечеств. Записки“ 1847 г. т. 55, стр. 107.

пѣшія. Въ тяжелыхъ партіяхъ всѣ запасы забирались въ походъ сполна на все время поисковъ; въ легкихъ—брали только нѣкоторую часть, а остальное размѣщали по избраннымъ для этого мѣстамъ; въ конныхъ партіяхъ всѣ люди совершали походъ верхами, а въ пѣшихъ—только партіонистъ, его помощникъ и вожакъ ѣхали верхомъ. Неполныя партіи болѣею частію бывали пѣшія, за исключеніемъ партіовиста. Были еще зимнія или лыжеходныя партіи. Въ полныхъ партіяхъ обыкновенно полагалось не болѣе 13 чел., въ неполныхъ 8—10 чел. Въ тяжелыхъ партіяхъ брали до 30 вьючныхъ лошадей (кромя верховыхъ), въ легкихъ гораздо менѣе. Въ зимнихъ партіяхъ совсѣмъ не брали лошадей; люди ходили на лыжахъ и занасы и инструменты тащили на нартахъ, а остальной грузъ хранили въ складочныхъ мѣстахъ. Въ поисковую партію выбирали людей нестарыхъ и крѣпкаго сложенія; партіонистами и ихъ помощниками бывали крестьяне, мѣщане, купцы и бывшіе чиновники (нерѣдко партіонистами дѣлались и сами хозяева), но во всякомъ случаѣ старались ставить во главѣ партій людей грамотныхъ и умѣвшихъ различать породы, служащіе спутниками золота. Рабочими въ поисковыхъ партіяхъ бывали преимущественно ссыльно-поселенцы, а также крестьяне, мѣщане и киргизы.

Годовой окладъ партіониста обыкновенно бывалъ до 3000 р. асс., его помощника—до 1000 р. при готовомъ содержаніи: рабочіе получали жалованья отъ 40 до 60 р. асс. въ мѣсяцъ при готовомъ содержаніи (въ томъ числѣ имъ полагался кирпичный чай). Болѣе обыкновеннымъ жалованьемъ рабочихъ авторъ считаетъ 40 р. асс. въ мѣсяцъ (около 12 р. сер.) ¹⁾. Вожаку обыкновенно платили по 70 р. асс. въ мѣсяцъ, а иногда до 100 р. и болѣе. Въ случаѣ открытія золота рабочимъ назначалась иногда награда по усмотрѣнію хозяина по 100 р. асс. и болѣе, а для поощренія къ болѣеуспѣшной шурфовкѣ розсыпей давалась „старательская работа“, которою они занимались и ночью. Пища поисковыхъ партій состояла, во-первыхъ, изъ солено-вяленаго мяса домашняго приготовленія. Золотопромышленники скупали быковъ, коровъ и барановъ въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ и съ киргизской линіи, выдерживали такой скотъ на хорошемъ корму и потомъ солили и вялили мясо на открытомъ воздухѣ подъ защитою отъ непогоды. Сухари приготовляли изъ ржаного хлѣба. Брали съ собою еще ячную крупу и коровье масло или сало. Пища на походѣ преимущественно состояла изъ щей съ мясомъ и крупою и каши; щи бывали ежедневно, а каша два раза въ недѣлю. Иногда, гдѣ возможно, били на пути птицъ или ловили рыбу. Обыкновенное дневное продоволь-

¹⁾ По другой статѣ, среднее жалованье рабочаго въ поисковыхъ партіяхъ 14—17 р. сер. въ мѣсяцъ. „Библ. для чтенія“, 1848 г. т. 58, стр. 18. Жалованье рабочимъ поисковыхъ партій въ контрактахъ 40-хъ годовъ гораздо менѣе (см. ниже).

ствіе, по словамъ автора статьи, которою мы пользуемся, было таково: ржаныхъ сухарей 3 фунта на человѣка, ячной крупы $\frac{1}{4}$ ф. въ день для щей и 2 ф. въ мѣсяцъ для 8 кашъ, мяса 1 фунтъ, масла $\frac{1}{8}$ ф. и соли $\frac{1}{16}$ ф. въ день. Нужно замѣтить, однако, что данныя нѣкоторыхъ контрактовъ не вполне совпадаютъ съ этою, какъ видно, нѣскольکو прикрашеною нормою: такъ, въ договорѣ съ Асташевымъ 1843 г., послѣ опредѣленія количества сѣстныхъ припасовъ для рабочихъ на принскахъ, сдѣлана такая оговорка: „а гдѣ не будетъ возможности имѣть этихъ припасовъ“ (т.-е., очевидно, прежде всего въ поисковыхъ партіяхъ), „получать на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы по $\frac{3}{4}$ фунта и сухарей по $2\frac{1}{4}$ фунта въ день на каждого человѣка“.

Одежда и обувь у рабочихъ поисковыхъ партій была или своя, или выдавалась имъ въ счетъ жалованья и состояла изъ бродней, азамовъ, тулуповъ и рукавицъ съ варегами. Ночные холода, особенно въ Питской системѣ, въ августѣ и даже въ концѣ іюля бывали такіе, что иногда являлся иней и даже подмерзала вода. Партія везла съ собою инструменты для шурфовки—кайла, лопаты, ломы, молоты, для прошивки—пробный ваштердъ, смывныя щетки, гребки, лопаточки и проч. Захватывали съ собою и нѣкоторыя простыя и лечебныя средства—винный и нашатырный спиртъ, перецъ, скипидаръ и проч. Главное условіе успѣха поисковой партіи составляли хорошія лошади. На привалахъ для ночлега обыкновенно разбивали палатку для людей, рабочіе же зимнихъ партій разгребали снѣгъ на значительномъ пространствѣ, разводили большой огонь и ночевали, не снимая верхней одежды (овчинныхъ тулуповъ и козьихъ дохъ); иногда устраивали изъ жердей и хвойныхъ вѣтвей шалаши конической формы, а иной разъ, во гораздо рѣже, ставили наскоро срубы или избушки, покрытыя берестою, вѣтвями и хвоею. Такіе шалаши бывали уже временными станами, отъ которыхъ люди отдалялись въ теченіе дня на извѣстное разстояніе, а къ ночи возвращались, и такъ бывало до тѣхъ поръ, пока не переходили въ другую мѣстность. Вожакими служили природные жители тайги—тунгусы. Кромѣ денежной платы ихъ угощали виномъ, дарили имъ бродни, рукавицы, однорядки, кушаки, шапки. За вожакомъ зорко слѣдили, чтобы онъ не бросилъ партіи.

Поисковыя партіи безропотно подчинялись партіонисту. Случаи неповиновенія были весьма рѣдки, и тамъ, гдѣ менѣе половины людей оказывалось непослушными, большинство усмиряло ихъ, и артельный приговоръ назначалъ виновнымъ наказаніе; если же непокорные составляли большинство, то приходилось или какънибудь успокоить партію, или, въ случаѣ близости селенія, секретно послать извѣщеніе о присылкѣ помощи. Но примѣры неповиновенія и возмущенія бывали весьма рѣдко, а посягательства на жизнь партіонистовъ, кажется, даже и не было вовсе; по-

бѣги, напротивъ, случались. Въ 1843 г. въ сѣверной и южной системахъ Енисейскаго округа было около 200 поисковыхъ партій.

Шурфовальныя работы производили такимъ образомъ: осмотрѣвъ рѣчку, выбирали мѣсто недалеко отъ русла и опредѣляли смѣны работниковъ; землю выбрасывали на поверхность сначала лопатами, потомъ поднимали на веревкахъ желѣзными ведрами, воду отливали сначала ведрами, а потомъ выкачивали помпами или водоотливными машинами; чтобы земля не обваливалась, ее укрѣпляли деревянными вѣнцами, а для остановки бокового притока воды законопачивали или забивали закрѣпками, иломъ, щебнемъ и глиною. По появленіи золотоноснаго пласта производили при постепенномъ углубленіи пробныя промывки, продолжая ихъ до самой почвы, а если притокъ воды былъ очень силенъ, такъ что нельзя было осушить шурфа никакими средствами, то его оставляли неоконченнымъ, особенно, если не оказывалось знаковъ золота, и закладывали новый шурфъ на болѣе удобномъ мѣстѣ. При рытѣ шурфовъ рабочимъ приходилось стоять въ глубокой грязи; понятно, что это нѣрѣдко вело къ простудѣ и разнымъ болѣзнямъ.

Заболѣвшаго рабочаго везли, если онъ былъ въ состояніи, верхомъ на лошади, стараясь излѣчить его хорошею порціею вина и простыми врачебными средствами, или оставляли въ тайгѣ подъ надзоромъ одного изъ рабочихъ, который устраивалъ для себя и больного балаганъ или шалашъ, а не то оставляли больного въ зимовѣ (въ избѣ, служащей для остановокъ на дорогѣ къ пріискамъ), или, наконецъ, отправляли въ ближайшую деревню. Кромѣ лихорадки и горячки, рабочіе поисковыхъ партій заболѣвали всего чаще цынгою. Сильно страдали они отъ комаровъ и мошекъ, которыя носятся въ тайгѣ цѣлыми тучами ¹⁾.

Относительно найма рабочихъ на пріиски жандармскій полковникъ Казимирскій, состоявшій при золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, въ своемъ неизданномъ отчетѣ за 1843 г. говоритъ, что довѣренныя или прикащики обрашали все свое усердіе на то, чтобы успѣть нанять поболѣе рабочихъ и такимъ образомъ выслужиться у своего хозяина. „Не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на здоровье нанимающихся, не прочитавъ имъ условій контракта, они спѣшатъ только получить на нихъ билеты, съ которыми и возвращались къ своему хозяину... Престарѣлые, увѣчные и малолѣтки являются на промысловую работу, гдѣ они въ тягость хозяину и даже себѣ“. Не желая кормить ихъ даромъ, „хозяинъ отпускаетъ ихъ съ пріиска, хотя и теряетъ задатокъ; они возвращаются въ самомъ жалкомъ положеніи, измученные труднымъ путемъ. Встрѣчая ихъ въ объѣздъ мой“, продолжаетъ Казимирскій, „я получалъ отъ нихъ

¹⁾ *Бороздинъ*. Сибирское золото и способы его добыванія. „Отечеств. Зап.“ 1845 г. т. 42, срав. *Гофманъ* „О золотыхъ промыслахъ Вост. Сиб.“ Сиб. 1844, стр. 5—8.

объясненія, что, увлеченные приманкою выгодныхъ заработковъ, они слишкомъ надѣялись на свои силы“ ¹⁾). Болѣе подробныя свѣдѣнія о наймѣ на пріиски сообщаетъ авторъ „Описанія частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“, составленнаго въ 1848 г. По его словамъ, способъ найма былъ двоякій: черезъ прикащиковъ и подрядный. При первомъ способѣ хозяева разсылали своихъ прикащиковъ по волостямъ для наемки людей, при второмъ—подряжали одно или нѣсколько лицъ за условное вознагражденіе доставить извѣстное число рабочихъ. Этотъ послѣдній способъ найма, хотя и болѣе дешевый, сталъ малоупотребительнымъ вслѣдствіе неточнаго соблюденія условій со стороны подрядчиковъ, не имѣвшихъ побудительныхъ причинъ къ высылкѣ и отысканію скрывавшихся людей. Наемъ начинался съ октября мѣсяца и оканчивался въ январѣ. Каждый нанимавшійся долженъ былъ имѣть увольненіе отъ общества, съ которымъ и являлся къ нанимателю. Сельскіе старшины давали это увольненіе на простой бумагѣ съ приложеніемъ печати; въ нѣкоторыхъ волостяхъ эти печати бывали не казенныя, а съ какимъ нибудь вымышленнымъ знакомъ и въ этомъ случаѣ нисколько не гарантировали достовѣрности увольненія. Многіе рабочіе съ поддѣльными увольнительными свидѣтельствами являлись къ прикащикамъ разныхъ компаній, брали у нихъ задатки и потомъ скрывались. Эти злоупотребленія заставили прикащиковъ обращаться къ волостнымъ писарямъ, которые брали на себя обязанность доставить требуемое количество рабочихъ за извѣстное вознагражденіе. Этотъ способъ найма былъ сопряженъ съ большими злоупотребленіями. Волостной писарь обывался только представить списокъ нанявшихся, контракты и билеты нанятыхъ имъ лицъ, но онъ нисколько не отвѣчалъ за то, что нанятые люди явятся. Не мудрено поэтому, что въ списокъ нанятыхъ ими писаря включали и жертвы души давно бѣжавшихъ поселенцевъ, или старыхъ и больныхъ людей, которые, придя на пріиски, прямо поступали въ госпиталь, или же, наконецъ, подъ именемъ полносильныхъ работниковъ записывали 12—15-ти лѣтнихъ подростковъ. Такъ какъ такой способъ найма основывался на частномъ, никѣмъ не утвержденномъ уговорѣ, то въ случаѣ жалобы нанимателя, писарь, какъ главная пружина волостного управленія, всегда имѣлъ возможность скрыть свой обманъ. При наймѣ бывали также случаи, что волостной писарь, повѣренный и сидѣлецъ питейнаго откупа и разные мелочные торговцы передавали прикащикамъ въ работу крестьянъ и поселенцевъ, задолжавшихъ имъ за вино или другіе товары, подъ условіемъ возмѣщенія ихъ долга. Наемка въ волостномъ правленіи, по словамъ автора того же описанія, обходилась нанимателю до 3 руб. сер. съ каждаго человѣка за выдачу билета и засвидѣтельствованіе контракта.

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 90, дѣло 1844, № 27/33.

Каждый работникъ долженъ былъ и съ своей стороны за выдачу увольненія уплатить сельскому старшинѣ отъ 30 до 75 копѣекъ, волостному писарю и его помощникамъ до 2 р. ¹⁾. Сборъ этотъ въ волостяхъ, гдѣ нанималось до 3,000 чел., составлялъ сумму, весьма значительную ²⁾.

Относительно уплаты за рабочихъ, при наймѣ ихъ, податей и повинностей мы находимъ слѣдующія условія въ контрактахъ рабочихъ съ золотопромышленниками. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1842 г. при наймѣ на его приiski Томской и Енисейской губерніи сказано: „Въ число платы выдать намъ по заключеніи сего договора на необходимое путевое обзаведеніе каждому отъ 5 до 10 рублей и ни въ какомъ случаѣ не болѣе 25 руб. (ассигнац.), включая въ то число взносъ за насъ годовыхъ податей и повинностей, которыя онъ, господинъ Асташевъ, имѣетъ право уплачивать за насъ по требованію начальства изъ задѣльной платы“. Размѣръ задатка въ 25 р. опредѣленъ здѣсь согласно закону 1838 г., установившему, впрочемъ, эту норму только для ссыльно-поселенцевъ, но мы увидимъ ниже, что въ дѣйствительности задатки были обыкновенно болѣе. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1843 г. сказано: „Все то количество“ (денегъ), „какое будетъ за насъ заплачено въ подати и повинности, принимаемъ въ счетъ наличной намъ выдачи и имѣемъ опыи заработать, но во всякомъ случаѣ платежъ податей за поселенцевъ ограничивается тѣмъ, что не долженъ превышать за податного—повинностей за одинъ годъ, а за льготнаго—50 коп. ассигн.“.

Въ 30-хъ годахъ поселенцы, признанные способными къ сельскимъ работамъ, разсылались по волостямъ и послѣ трехлѣтней льготы облагались подушными и оброчными податями наравнѣ съ крестьянами и кромѣ того съ нихъ взыскивали по 50 коп. ассигн. въ экономическій капиталъ ссыльных ³⁾. По закону 1840 г. поселенцы въ первые три года были освобождены отъ всякихъ податей, въ слѣдующіе семь лѣтъ должны были платить половинный окладъ подушныхъ и оброчныхъ денегъ съ надбавкою 15 коп. сер. для составленія экономическаго капитала ссыльныхъ, а по истеченіи 10 лѣтъ, по принятіи ихъ въ общество крестьянъ съ согласія этихъ послѣднихъ, облагались уже полными податями ⁴⁾.

¹⁾ Деньги эти распределялись такимъ образомъ: земскому исправнику 1 руб., поселенческому смотрителю 50 коп. и записателю 25 коп., такъ что самому писарю оставалось всего 25 коп.

²⁾ Наемка рабочихъ, принимая въ расчетъ путевыя издержки и содержаніе прикащиковъ, а также потерю задатковъ, выданныхъ по подложнымъ увольненіямъ, обходилась хозяевамъ, по свидѣтельству того же автора, отъ 7 до 9 р. сер. на каждого человека. „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г. №№ 21, 24, 26, 27, 32, 33.

³⁾ Св. Зак. 1832 г., т. XIV, ст. 747, 749, 750.

⁴⁾ П. С. З. т. XV, № 13657, II, п. 4 (12 іюля 1840 г.) Въ дѣйствительности взносы податей и повинностей при наймѣ рабочихъ на золотныя промыслы были такой

Относительно размѣра задатковъ мы находимъ въ контрактахъ слѣдующія условія. По договору съ золотопромышленникомъ Томской губерніи Коноваловымъ 1842 г. послѣдній обязывался выдать рабочимъ „на платежъ государственныхъ податей, общественныхъ повинностей, получение паспортовъ и билетовъ и на необходимое путевое“ обзаведеніе каждому отъ 10 до 15 рублей или сколько *забаиоразсудится* ему выдать ¹⁾. Какъ мы видѣли выше въ договоръ съ Асташевымъ 1842 г. тахіишм задатка былъ опредѣленъ въ 25 руб. асс.; но по договору съ нимъ же 1847 г. рабочіе изъ *Нижгородской губерніи*, нанявшіеся на Прокопьевскій принскъ для снятія турфа, выговорили себѣ задатокъ по 30 руб. *серебромъ*. По договору рабочихъ 1848 г. съ Удереискою компаніею (Бенардаки, Рязанова и др.) рабочимъ полагалось выдать въ задатокъ всего по 5—10 руб., со включеніемъ въ это число взноса податей и повинностей ²⁾.

Но, какъ мы уже замѣтили, въ дѣйствительности задатки были обыкновенно выше опредѣленныхъ въ договоръ ³⁾.

При наймѣ рабочихъ Удереискою К^о въ 1848 г., очевидно, для соблюденія закона, сдѣлали такимъ образомъ: сначала всѣ рабочіе расписались въ полученіи задатка по 25 руб., а затѣмъ онѣ дали вторую подписку, въ которой значится, что, сверхъ опредѣленнаго по договору задатка, „на одежду и обувь“ получили отъ 20 до 120 руб., слѣдовательно, всего имъ было выдано отъ 45 до 150 р.

величины. Изъ книги для наемки на принскъ Ив. Кузнецова 1839 г. видно, что подати съ окладного поселенца за одно полугодіе равнялись 5 руб. 75 коп. асс., причемъ приходилось иной разъ вносить за два и за три полугодія; за нѣсколькихъ крестьянъ пришлось заплатить податей отъ 8 до 20 руб., за мѣщанъ отъ 2 до 14 руб. (Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ). Изъ расчетной книги Прокопьевскаго принска Боровкова 1843 г. видно, что за окладныхъ поселенцевъ платили податей за полугодіе 5 р. 51 к. асс., но оказывалось нужнымъ за нѣкоторыхъ платить за 2—5, даже за 7 полугодій; за нѣсколькихъ крестьянъ внесено было податей отъ 40 до 55 руб. асс. Изъ расчетной книги казанскаго промысла Асташева 1847 г. видно, что за поселенцевъ приходилось иногда уплачивать подати за 13 полугодій (71 руб. 70 коп. асс.). Всѣ эти деньги, разумѣется, ставились на счетъ нанятымъ рабочимъ. Изъ расчетной книги Удереиской К^о 1846 г. видно, что за нѣкоторыхъ крестьянъ уплачивали податей даже до 120 р. асс., въ среднемъ же за 65 чел. мѣщанъ, крестьянъ и поселенцевъ было внесено по 23 р. 64 коп. асс.

¹⁾ Арх. Дмитр. волостн. прав., книга на записку актовъ 1843 № 18, ст. № 28.

²⁾ Арх. Воскрес. принска, аренд. А. А. Саввинныхъ, въ южно-енисейской системѣ.

³⁾ Такъ при наймѣ на принскъ Коновалова въ 1842 г., хотя по договору задатокъ назначенъ былъ въ 10—15 руб., но въ дѣйствительности онъ доходилъ до 36 руб. Изъ расчетной книги Прокопьевскаго принска Боровкова въ 1843 г. видно, что размѣръ задатка колебался между 5 и 75 руб. асс., а при наймѣ той же компаніею черезъ два года онъ повышался для нѣкоторыхъ рабочихъ до 97 руб., а въ среднемъ для 49 чел. равнялся 64 р. асс. На Казанскомъ принскѣ Асташева въ томъ же году задатокъ поднимался до 121 р., а въ среднемъ для 202 чел. равнялся 70 руб. (нѣкоторымъ засчитывался въ задатокъ прежній долгъ, который у одного рабочаго равнялся 377 р. асс.). Въ 1846—47 гг. средній задатокъ на казанскомъ принскѣ Асташева былъ значительно ниже: онъ равнялся всего 35 руб., хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ возмѣшался до 200 р., а въ Удереиской К^о средній задатокъ въ томъ же году равнялся 50 руб. асс.

ассигн. Что это было явленіемъ обычнымъ, видно и изъ словъ Небольсина, что размѣръ задатка доходилъ иногда до 200 р. асс., причѣмъ наличными сверхъ 25 р. заносился подъ рубрику: на обувь и одежду и т. п. ¹⁾ Въ расчетныхъ книгахъ среди различныхъ категорій забора до начала работъ на промыслахъ мы находимъ еще выдачу: „на проходъ“, или „при отправкѣ“ ²⁾. На Казанскомъ прискѣ Асташева средній „размѣръ задатка“ въ 1846—47 гг. былъ не великъ, всего 35 р., но зато рабочіе получали тамъ еще, такъ называемую, „ссуду“: въ среднемъ около 40 руб., максимумъ — 134 рубля; да кромѣ того эти рабочіе получали еще деньги на „проходъ“ (въ среднемъ на каждого изъ получившихъ около 14 руб.). Эти же рубрики: „задатокъ“, „ссуда“ и „на проходъ“ мы находимъ и въ расчетной книгѣ Удереиской К^о 1846—47 гг.

Если мы соединимъ всѣ выдачи до начала работъ на пріискахъ, то получимъ, что при наймѣ на пріискъ Кузнецова (1839 г.) дано было всего (въ задатокъ, на дорогу, подати и проч.) по 24 руб. ассигн. на человѣка. По расчетной книгѣ Прокопьевскаго пріиска (1843 г.) приходится задатка, на проходъ и при отправкѣ, за билетъ и паспортъ, на подати и экономическихъ въ среднемъ на каждого по 40 руб.; но кромѣ того были выдачи и вещами (въ среднемъ на каждого изъ получившихъ ихъ до начала работъ на 13 р.). Если мы весь заборъ на Прокопьевскомъ пріискѣ до начала работъ раздѣлимъ на число получившихъ задатокъ въ томъ или другомъ видѣ, то получимъ 42 руб.; но были и такіе рабочіе (болѣе 12%, всѣхъ мужчинъ), которымъ не было дано никакого задатка, хотя лишь за немногими изъ нихъ числился старый долгъ. На Казанскомъ пріискѣ Асташева (1847 г.) весь средній заборъ до начала работъ составилъ на каждого 77 руб. асс., но тѣ, за кѣмъ числился старый долгъ, никакой выдачи въ это время не получали. Въ Удереиской К^о 1846—47 гг. заборъ до начала работъ былъ производимъ также почти исключительно деньгами (въ среднемъ на каждого изъ получившихъ выдачу пришлось около 67 р.).

Генералъ-адъютантъ Анненковъ, пріѣзжавшій для ревизіи въ Западную Сибирь въ 1851 г., считалъ наиболѣе обычнымъ задаткомъ въ концѣ 40-хъ годовъ 20—30 руб., а авторъ описанія Енисейскихъ промысловъ въ 1848 г.—25—30 р. серебромъ ³⁾. Во всякомъ случаѣ сравнительно съ 30-ми годами размѣръ задатка значительно увеличился.

По закону 1838 г. срокъ найма на пріиски не долженъ былъ превышать одного года, и въ общихъ контрактахъ это правило всегда соблюдалось, но въ договорахъ съ отдѣльными лицами возможны были его нарушенія ⁴⁾.

¹⁾ „От. Зап.“ 1847 г. т. 55, стр. 107.

²⁾ Изъ расчетной книги Прокопьевскаго пріиска Боровкова 1843 г. видно, что тамъ съ этою цѣлью выдавалось многимъ рабочимъ въ добавленіе къ задатку отъ 5 до 40 руб. ассигн. (Арх. дополнит. участка Провол. пріиска Асташевыхъ въ южно-ен. сист.).

³⁾ Мы видѣли выше, что „нижегороды“ нанялись въ 1845 г. на промыслы Бекедова съ задаткомъ въ среднемъ по 43 р. сер.

⁴⁾ Въ 1840 г. Асташевъ далъ одному крестьянину 142 р. 85 к. сер. на наемъ рекрута съ тѣмъ, чтобы два его сына поступили въ работу на промыслы съ платою въ годъ по 34 р. 28 коп. сер. каждому, слѣдовательно, для отработки этого долга нужно было болѣе двухъ лѣтъ.

При наймѣ рабочихъ съ ними обыкновенно заключались письменные договоры, въ которыхъ опредѣлялись условія о мѣстѣ и родѣ работы, о размѣрѣ вознагражденія, о пищѣ, помѣщеніи для рабочихъ, о времени прекращенія работъ, о количествѣ рабочихъ часовъ, о старательскихъ работахъ и проч.¹⁾

Закономъ 1838 г. былъ установленъ, какъ мы уже знаемъ, срокъ промыски золота (10 сентября) тамъ, гдѣ нѣтъ зимнихъ промываленъ; этотъ срокъ и назначенъ въ нѣкоторыхъ имѣющихся у насъ договорахъ, составленныхъ въ самомъ концѣ 30-хъ гг. послѣ изданія вышеупомянутого закона, и въ 40-хъ годахъ, но въ другихъ назначалось и болѣе позднее время окончанія работъ: 15 сентября, даже 1 октября (до изданія закона 1838 г. по нѣкоторымъ контрактамъ опредѣленъ былъ срокъ работъ даже 15 октября). Въ нѣкоторыхъ договорахъ промывка золота послѣ 10 сентября обуславливалась согласіемъ рабочихъ; другія же работы они обязывались исполнять безпрекословно до октября мѣсяца; наконецъ, въ нѣкоторыхъ контрактахъ оставался пробѣлъ для обозначенія того числа сентября мѣсяца, до котораго рабочіе обязывались оставаться на приискахъ. Время начала работъ при наймѣ на лѣтнюю операцію обыкновенно опредѣлялось 1 февраля или 1 марта; зимняя же операція начиналась съ 1 октября. Въ договорахъ оставались иногда пробѣлы не только при назначеніи срока работъ. Такъ, въ имѣющемся у насъ контрактѣ съ К^о Боровкова 1845 г. оставлены подобныя же пробѣлы при опредѣленіи размѣра мѣсячнаго жалованья рабочихъ, величины задатка, платы за старательскую работу и т. п. Очевидно, такой договоръ вовсе не могъ гарантировать рабочихъ отъ произвола золотопромышленника.

Хозяева обыкновенно выговаривали себѣ право не только переводить рабочихъ съ одного промысла на другой, съ одной работы на другую, но и рассчитывать ихъ по своему усмотрѣнію до срока, рабочимъ же требовать этого не разрѣшалось. Въ извѣстныхъ намъ договорахъ конца 30-хъ и всего десятилѣтія 40-хъ годовъ мы ни разу не нашли условія, позволяющаго золотопромышленнику передавать по его усмотрѣнію нанятыхъ имъ рабочихъ на прииски другихъ хозяевъ, между тѣмъ въ договорахъ болѣе поздняго времени такое дозволеніе встрѣчается. Правда, намъ извѣстенъ договоръ (1849 г.) о передачѣ 11 рабочихъ съ одного прииска Томскаго уѣзда на другой по случаю излишка рабочихъ, но передача эта, какъ сказано въ контрактѣ, совершалась съ согласія передаваемыхъ.

Рабочіе обязывались безпрекословно слушаться прикащиковъ, штей-

¹⁾ Договоры свидѣтельствовались чаще всего въ волостныхъ правленіяхъ, а въ городахъ маклерами и въ земскомъ судѣ.

героѣвъ и нарядчиковъ, не играть въ азартныя игры, не пьянствовать, не грубить; они обязывались также съ приска не отлучаться, не принимать у себя на прискахъ постороннихъ людей подъ опасеніемъ за несоблюденіе договора отвѣтственности по закону. Не только за скрытіе и тайную продажу золота, но и за недонесеніе объ этомъ рабочимъ грозилъ военный судъ, на что также указывалось въ договорахъ. Въ контрактѣ съ Асташевымъ 1843 г. установлена была круговая порука рабочихъ другъ за друга: если при расчетѣ оставался за кѣмъ нибудь изъ нихъ долгъ, то они должны были или немедленно уплатить его, или «заслуживать въ будущемъ», не переходя къ другому золотопромышленнику: «въ семъ другъ по другъ ручаемся и отвѣтствовать обязуемся; такъ равно и отвѣтствуемъ круговымъ нашимъ поручительствомъ и за всѣхъ нашихъ товарищей, въ одномъ условіи заключенныхъ, которые не явятся на промыслы, исключая смерти, или ссылки, или подсудности и другихъ случаевъ, не собственно отъ нихъ зависящихъ» ¹⁾.

Въ контрактахъ обыкновенно опредѣляется, чтобы по требованію золотопромышленника или его прикащика рабочіе являлись изъ своихъ деревень въ извѣстный сборный пунктъ (для томской тайги въ село Тисюль, для южной енисейской въ село Усть-Тунгузское, при впаденіи Ангары въ Енисей, или въ село Рыбное, на Ангарѣ) и затѣмъ слѣдовали бы артелями на промыслы. При этомъ золотопромышленники или выговаривали, чтобы рабочіе во время всего пути кормились на свой счетъ, или съ опредѣленнаго мѣста имъ полагалось извѣстное количество сухарей ²⁾.

Таковы постановленія договоровъ относительно путешествія рабочихъ на приски; посмотримъ, какъ они совершали его въ дѣйствительности. По свидѣтельству комиссіи, ревизовавшей государственныя имуществы въ Сибири (1841 г.), требованіе закона 1838 года о выборѣ артельныхъ старостъ съ двумя помощниками во время слѣдованія рабочихъ на приски и обратно не исполнялось, и они шли „безъ всякаго надзора и порядка“ ³⁾. Нанятымъ людямъ, рассказываетъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), для свободнаго путешествія на приски

¹⁾ Круговую поруку мы встрѣчаемъ также въ договорѣ Асташева съ нижегородцами 1847 г.

²⁾ По договору съ Асташевымъ 1843 г. рабочіе, нанятые на его енисейскіе промыслы, обязаны были на пути „до ближайшихъ къ промысламъ деревень“ кормиться на свой счетъ и не требовать никакого денежнаго пособія на проходъ или проѣздъ; на время же прохода отъ послѣдней къ промысламъ деревни до приска они имѣли право получать по 2½ фунта ржаныхъ сухарей въ день на каждого (по договору съ Боровковымъ 1845 г., отъ села Рыбнаго на Ангарѣ по 2 фунта въ день, а по другому договору съ нимъ же—всего до 15 фунтовъ).

³⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло 1839 г. № 3/13, ч. I.

давали вмѣсто билетовъ „проходныя свидѣтельства“ съ обозначеніемъ, на какой прискѣ рабочій нанятъ и къ какому числу онъ долженъ явиться для работъ; на билетѣ же отмѣчалось, сколько дано денегъ въ задатокъ. Рабочіе рѣдко шли на прискѣ артелями, хотя правительство и находило это желательнымъ; когда же присмотрѣ за ними ввѣрялся прикащикамъ, то это стоило дорого и никакой пользы не приносило. Рабочіе шли разными дорогами по одному и по два; болѣе зажиточные ѣхали иногда на собственныхъ лошадяхъ, зная, что лошадь можетъ столько же заработать на прискѣ, сколько и работникъ¹⁾. По дорогѣ рабочіе иногда занимали деньги у крестьянъ подъ формальныя расписки. Нѣкоторые изъ поселенцевъ до такой степени пьянствовали на пути, что оставались не только безъ денегъ, но и безъ платья; въ такомъ случаѣ крестьяне иногда подговаривали ихъ остаться и работать у нихъ на пашнѣ или косить сѣно. Поселенецъ, лишенный платья и денегъ, соглашаяся, крестьянинъ одѣвалъ его и угощалъ виномъ и затѣмъ отправлялъ въ самое дальнее отъ деревни поле, гдѣ тотъ и жилъ до конца лѣта; то же самое бывало и съ людьми, бѣжавшими съ присковъ. По окончаніи работъ хозяинъ, обсчитавъ, какъ только можно, рабочаго, выгонялъ его отъ себя. Большинство рабочихъ являлось въ резиденцію нававшей ихъ компаніи (мѣсто, гдѣ находилась контора компаніи, склады припасовъ и матеріаловъ и т. п.) не только безъ денегъ, но часто и почти вовсе безъ одежды, и здѣсь ихъ снабжали сухарями для путешествія по тайгѣ, а также нуждающимся выдавали известную сумму денегъ и платье (въ счетъ платы), которое рабочіе иной разъ вновь пропивали. Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ рабочихъ, особенно поселенцы, входили въ большіе долги и затѣмъ вовсе не являлись на приски.

Въ 1841 г. на промыслы Енисейскаго, Нижнеудинскаго и Канскаго округовъ, гдѣ работало 7,280 чел., не явилось 1,300 чел. (15% *нанявшихся*)²⁾. Въ 1842 г. на тѣ же приски, гдѣ работало до 11,000 чел., не явилось 1,680 чел. (13% *нанявшихся*)³⁾. Въ 1843 г. на приски Енисейскаго округа и на Бирюсинскую систему (Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ) не явилось 1,481 чел. Для избѣжанія ошибки въ расчетахъ золотопромышленники, по словамъ Казимирскаго, прибавляли къ числу нужныхъ на лѣто рабочихъ около 8% на случай неявки; а по словамъ автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) золотопромышленники неявку $\frac{1}{10}$ части рабочихъ считали умѣренною и въ такомъ

¹⁾ Впрочемъ, во многихъ договорахъ рабочимъ запрещалось держать на прискахъ своихъ лошадей.

²⁾ Горн. Журн. 1842 г. № 11, стр. 234.

³⁾ Арх. Горн. Деп., по описи всеподд. докл., № 3, л. 156.

случаѣ не заявляли жалобъ мѣстной администраціи; да это, впрочемъ, было и бесполезно, такъ какъ, по словамъ того же автора, „участіе земской полиціи въ розыскѣ скрывающихся людей ограничивалось только перепискою“, розысковъ же никакихъ не дѣлалось. Въ 1847 г. на пріиски Западной Сибири, т.-е. Томской губерніи и киргизскихъ округовъ не явилось 8% нанявшихся, въ 1848 г. даже 15%, въ слѣдующемъ же году не явилось только 1% нанявшихся ¹⁾. На пріиски Восточной Сибири не явилось въ 1847 г. 6% нанявшихся, въ 1848 г. — 7%, въ 1849 г. болѣе 4% ²⁾.

Просматривая расчетныя книги съ рабочими, мы видимъ, что они приходили на промыслы не всѣ въ одно время. На промыслахъ, гдѣ работа велась и зимою, нѣкоторые являлись и начинали работать еще въ сентябрѣ или октябрѣ, другіе же позднѣе; нѣкоторые рабочие и вновь нанимались на томъ же промыслѣ по окончаніи лѣтней операціи. Если же работы велись только весною и лѣтомъ, то рабочие являлись на промыслы въ февралѣ и мартѣ и не позже апрѣля прежде, чѣмъ оттепель испортитъ дороги ³⁾.

По прибытіи рабочихъ на промыслы имъ давалось отъ 1 до 3 дней для устройства жилищъ (за что они не получали никакого вознагражденія), а затѣмъ начиналась настоящая работа, продолжавшаяся обыкновенно до 10-го, рѣже до 20-хъ чиселъ сентября. Въ сѣверной Енисейской системѣ работы оканчивались ранѣе, чѣмъ въ южной.

Работы на сибирскихъ промыслахъ производились почти вездѣ открытыми разрѣзами. Въ Барюсинской системѣ ортовыхъ (подземныхъ) работъ, по словамъ Казимирскаго, въ то время вовсе не было, а въ южной части Енисейскаго округа (по рѣкамъ Удерею, Мурожной и Севагликону) на промыслахъ только 6-ти золотопромышленниковъ. Штольни рѣдко бывали глубже 20—30 арш. ⁴⁾. Какъ турфѣ, такъ и пески на мѣсто промывки перевозились рабочими почти всегда въ ручныхъ тачкахъ, куда помѣщалось отъ 2 до 3 пудовъ, а иногда на конныхъ таратайкахъ (20—25 пуд.); Казимирскій свидѣтельствуетъ, что болѣе легкая и выгодная работа на лошадяхъ была введена лишь на немногихъ промыслахъ. Промывка песковъ въ началѣ 40-хъ годовъ производилась

¹⁾ По другому официальному свидѣтельству (ген.-адъют. Анненкова) въ Томской губ. въ 1847—50 гг. среднее число неявившихся было около 10% нанявшихся; въ такомъ случаѣ процентъ неявившихся былъ вдвое менѣе, чѣмъ въ половинѣ 30-хъ годовъ. Арх. Горн. Дец., по описи № 91, № 3/39, ч. 2-я, л. 75—99.

²⁾ Ibid. л. 239.

³⁾ На промыслахъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ работа въ началѣ 40-хъ годовъ начиналась въ большинствѣ случаевъ въ маѣ мѣсяцѣ.

⁴⁾ Бар. Зедделеръ. „Част. золот. пром. Удереиской системы“. („Сѣв. Пчела“ 1846 г. №№ 86, 88, 89, 101).

на вашгердахъ, бутарахъ, чашахъ и бочкахъ. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири еще въ 1841 г. высказалъ въ своемъ отчетѣ предположеніе, что со временемъ войдутъ въ общее употребленіе бочки ¹⁾, но въ теченіе 40-хъ годовъ ихъ было гораздо менѣе, чѣмъ другихъ промывальныхъ машинъ. Въ началѣ этого десятилѣтія особенно распространены были бутары, имѣющія корытообразныя съ граблями вашгерды; грабли прикрѣплялись къ особымъ штангамъ, приводимымъ въ движеніе руками рабочихъ. Въ теченіе 10 часовъ на такой бутарѣ промывалось всего до 1,000 пуд. песку ²⁾ (между тѣмъ какъ нынѣшняя бочешная машина промываетъ въ день 25—30,000 пуд. ³⁾).

Относительно продолжительности рабочаго дня мы находимъ слѣдующія указанія въ контрактахъ рабочихъ съ золотопромышленниками. По договору съ Зотовымъ рабочіе, нанявшіеся осенью 1833 г. на его промыслы Томской губерніи, обязывались „выходить на работу, не смотря ни на какое холодное, дождливое и ненастное время, исправно и съ повиновеніемъ, поутру въ пять и оканчивать въ семь часовъ вечера; въ теченіе дня обѣдъ должны имѣть только разъ, полагая для сего времени съ 20 іюня по 1 августа не болѣе полутора часа, а въ прочее время года по одному часу“, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня равнялась 12½—13 часамъ. По договору съ компаніею томскихъ золотопромышленниковъ Разановыхъ, Баландина и Казапцева 1844 г. рабочіе обязывались трудиться съ 5 часовъ утра до 8 пополудни, какъ это дозволялось закономъ 1838 г., за исключеніемъ одного часа на обѣдъ (къ сожалѣнію, размѣръ отдыха не былъ опредѣленъ закономъ), слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня въ этомъ случаѣ равнялась 14 часамъ. По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ тѣ рабочіе, которые трудились не по урокамъ, какъ-то — плотники, пильщики и проч., должны были выходить на работу „не позже пяти часовъ, т.-е. къ появленію солнца“, и работать до восьми. Въ договорѣ рабочихъ 1842 г. съ томскими и енисейскими золотопромышленниками Поповыми рабочіе обязывались трудиться „урокомъ по особому обоюдному согласію или безусловно на основаніи положенія на горныхъ заводахъ быть каждый день въ работѣ съ 5 часовъ утра и до 8 часовъ вечера“,

¹⁾ Горн. Журн. 1842 г. № 11, стр. 231.

²⁾ Горн. Жур. 1843 г. № 10, стр. 36—37.

³⁾ Если взять все количество песку, промитаго въ 1843—48 гг. на приискахъ, подѣломственныхъ Алтайскому горному правленію и все число рабочихъ („по расчету на одинъ день“), то окажется, что среднимъ числомъ въ годъ на одного рабочаго было промито песку въ Киргизскихъ округахъ 6,432 пуда, въ Томскомъ округѣ 6,792 пуда, въ Ачинскомъ, Минусинскомъ и Красноярскомъ—10,061 пудъ. Въ сѣверной Енисейской системѣ въ 1846—49 гг. на одного рабочаго среднимъ числомъ промывалось 9,984 пуда въ годъ, въ южной—7,240 пудовъ.

имѣя на обѣдъ не болѣе двухъ часовъ (слѣдовательно, 13 рабочихъ часовъ въ день ¹⁾).

По свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), накануне каждого дня дѣлали въ конторѣ расчетъ рабочимъ и опредѣляли, сколько слѣдуетъ вскрыть сажень торфа и сколько промыть нудовъ песку. Утромъ въ 4 часа людей вызывали къ „раскомандировкѣ“: тутъ приващикъ распредѣлялъ рабочихъ, однихъ для вскрыши торфа, другихъ для выемки золотоноснаго пласта и возки песковъ, третьихъ къ промывальнымъ машинамъ, послѣ чего они и расходились по мѣстамъ работы. Въ 11 часовъ на промывальныхъ машинахъ опускались флаги, работы прекращались и люди шли обѣдать; въ часъ пополудни снова начиналась работа, оканчивавшаяся къ 5 часамъ, послѣ чего рабочіе шли ужинать. Слѣдовательно, по словамъ этого автора, на енисейскихъ промыслахъ былъ въ обыкновеніи одиннадцатичасовой рабочій день. Но въ контрактахъ этого округа мы находимъ болѣе значительную норму продолжительности рабочаго дня. По договору 1843 г. съ Асташевымъ, рабочіе обязывались трудиться на Проконьевскомъ приискѣ (южной части Енисейскаго округа) съ 5 часовъ утра до 8 вечера съ отдыхомъ не болѣе двухъ часовъ, слѣдовательно, рабочій день былъ не менѣе 13 часовъ. По другому договору того же года съ Асташевымъ рабочіе обязывались выходить на работу въ пятомъ часу, а оканчивать ее въ 8 часовъ пополудни, причемъ на обѣдъ и отдыхъ полагался одинъ часъ; напротивъ по договору того же года съ К^о Боровкова и Асташева, при началѣ работъ въ 5 часовъ и окончаніи въ 8, на отдыхъ было опредѣлено 2½ часа, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня равнялась 12½ часамъ, а по контракту съ Боровковымъ 1845 г.—13 часамъ. Въ договорѣ крестьянъ-нижегородовъ съ Асташевымъ (1847 г.), при отдыхѣ въ одинъ часъ, рабочій день равнялся 14 часамъ, точно также какъ и по договору (1848 г.) съ Удереискою К^о Бенардаки, Рязановыхъ и др. Слѣдовательно, вообще продолжительность рабочаго дня опредѣлялась контрактами въ 12½—14 часовъ.

Но вмѣстѣ съ опредѣленіемъ числа рабочихъ часовъ во многихъ договорахъ горнорабочимъ, вскрывавшимъ торфъ и добывавшимъ и промывавшимъ золотоносный пластъ, назначались и уроки, по исполненіи которыхъ они могли быть свободны. Такъ въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Конораловымъ (1842 г.), назначены были слѣдующіе уроки: растиральщики на рѣшеткахъ песковъ должны были два человѣка пропустить черезъ свои руки 250 трехпудовыхъ тачекъ; подкатывавшіе же пески изъ разрѣза на промывку обязаны были при раз-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ, заключенныхъ въ половинѣ 30-хъ годовъ, время начала и окончанія работъ опредѣлялось восходомъ и заходомъ солнца.

стояніи не болѣе 60 сажень вывезти 150 тачекъ (слѣдовательно, при разстояніи 60 сажень рабочему приходилось сдѣлать въ день 36 верстъ, изъ нихъ 18 съ нагруженною тачкою)¹⁾; при вскрышѣ торфа 5 человѣкъ должны были выработать 1 кубич. сажень, если бы даже пришлось выгружать торфъ и на разстояніи до 80 сажень. Назначеніе уроковъ зависѣло отъ мѣстныхъ условій и грунта земли. Наиболѣе обыкновеннымъ урокомъ Казимирскій считаетъ назначеніе на вскрышу 1 кубич. сажени торфа въ день, при отвозкѣ въ тачкахъ,—6 чел., при отвозкѣ же на лошадяхъ въ таратайкахъ 3 челов. По свидѣтельству бар. Зедделера (1846 г.) относительно южной части Енисейскаго округа столько же рабочихъ требовалось для добычи кубической сажени песку и отвозки ея на промывальную машину. По словамъ Гофмана, изслѣдовавшаго золотые промыслы Восточной Сибири въ 1843 г., количество ежедневной работы при добычѣ песку опредѣлялось числомъ тачекъ вмѣстимостью въ 3 пуда, которыя одни рабочіе нагружали, другіе перевозили, а третьи промывали. На одного человѣка, по свидѣтельству Гофмана, приходилось перевезти отъ 100 до 120 тачекъ, смотря по отдаленности промывальныхъ машинъ отъ мѣста добыванія золотоноснаго песку, т.-е. отъ 300 до 360 пудовъ (по договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Боноваловымъ рабочіе, какъ было указано выше, должны были вывезти 150 тачекъ). Принявъ среднее разстояніе промывальныхъ машинъ отъ разрѣза въ 40 сажень, Гофманъ вычислилъ, что подвозчикъ сдѣлаетъ въ день отъ 8,000 до 9,600 сажень или отъ 16 до 19 верстъ, въ томъ числѣ половину съ нагруженною тачкою. Въ договорѣ Асташева 1843 г. опредѣленъ урокъ и для подземныхъ работъ, а именно, въ теченіе опредѣленнаго количества рабочихъ часовъ (съ пятаго часа утра до восьми пополудни съ обѣденнымъ отдыхомъ въ одинъ часъ), „т.-е. въ смѣну выработывать тремя человѣками въ каждой погонной сажени по длинѣ орта по одному аршину, съ постановкою 3 стоекъ или огнивъ, и выкатомъ песковъ на указанное мѣсто“, при чемъ на рабочихъ возлагалась отвѣтственность „за прочность крѣпленія ортъ по указаніямъ штейгеровъ и смотрителей“, и всѣ требованія по производству горныхъ работъ они обязывались выполнять безпрекословно²⁾.

¹⁾ Между тѣмъ при переводѣ рабочихъ съ одного пріиска на другой обыкновенно опредѣлялось проходить не болѣе 30 верстъ.

²⁾ По свѣдѣніямъ, собраннымъ ревизіонною комиссіею министерства государственныхъ имуществъ въ 1841 г., на 15 пріискахъ Минусинскаго и Ачинскаго округовъ при добычѣ и отвозкѣ песковъ уроки были таковы: на одномъ пріискѣ 200 пудовъ въ день на человѣка, на двухъ по—225 пудовъ, на двухъ—по 250, на одномъ—300 пудовъ, на трехъ—по 360 пудовъ; на трехъ пріискахъ 5 человѣкъ рабочихъ должны были промывать въ день 800 пудовъ песку и вскрыть одну кубическую сажень турфа, на двухъ пріискахъ 13 человѣкъ должны были вывезти въ день 1,200 пудовъ песку и

Время окончанія рабочими урока зависѣло отъ мѣстныхъ условій. По словамъ Казимирскаго, „приблизительно можно положить, что на всѣхъ промыслахъ исполняется хозяйская урочная работа въ продолженіе 10 часовъ“, слѣдовательно, если принять начало работы въ 5 часовъ, то при двухчасовомъ обѣденномъ отдыхѣ она должна была оканчиваться въ 5 часовъ пополудни, а при одномъ часѣ отдыха въ 4 часа, и затѣмъ рабочимъ предоставлялось заниматься старательскою работою за особую плату ¹⁾. По свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ 1848 г., какъ мы видѣли, урочная работа обыкновенно оканчивалась въ 5 часовъ. Во время путешествія нашего по Сибири мы слышали въ Енисейскѣ отъ А. П. Кытманова, помнящаго сороковые годы на промыслахъ, что уроки обыкновенно оканчивались въ 6, 7 и даже 8 часовъ, а старательскія работы производились по желанію рабочихъ до поздней ночи при берестяныхъ свѣчахъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вообще въ сороковыхъ годахъ урочныя работы оканчивались ранѣе и трудъ былъ менѣе интенсивнымъ, чѣмъ въ пятидесятыхъ.

Изъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) мы узнаемъ, что въ это время бывали работы въ двѣ сѣтны: одна дневная, другая почная. Очевидно съ развитіемъ золотопромышленности нѣкоторые владѣльцы пріисковъ спѣшили въ короткое сибирское лѣто промыть какъ можно болѣе золотоноснаго песку. При расчетѣ на двѣ сѣтны, по свидѣтельству автора этого описанія, одна половина людей работала отъ 5 ч. пополудни до 5 пополудни съ часовымъ отдыхомъ для обѣда (11 часовъ), а другіе послѣ ужина отъ 7 часовъ по полудни до 5 часовъ по полуночи (10 часовъ). „Ночныя работы“, по мнѣнію этого автора, „для хозяевъ неудобны по той причинѣ, что нужно усиливать надзоръ за рабочими... да и за самими прикапиками; кромѣ того работа идетъ всегда медленно“; однако нѣкоторые золотопромышленники были, очевидно, дру-

вскрыть одну кубическую сажень турфа. На одномъ пріискѣ дневной урокъ былъ слѣдующій: каждые 6 человекъ должны были вскрыть 1 кубич. сажень турфа и въ то же время каждые 25 человекъ (изъ тѣхъ же рабочихъ), въ добавленіе къ уроку на торфахъ, должны были вывезти и промыть 400 пудовъ песку. Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, Прилож. В, № 5.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ продолжительность урочной работы еще болѣе уменьшается. Такъ во всеподданѣйшемъ отчетѣ генераль-губернатора Восточной Сибири за 1842 г. (Арх. Горн. Деп., по описи всепод. докл., № 3, 1843 г., л. 156) сказано, что на пріискахъ Енисейскаго округа рабочіе оканчивали уроки *почти всегда* къ двумъ и не позже какъ къ 3 или 4 часамъ пополудни, но такъ какъ тутъ же говорится, что рабочіе будто бы выходили на работу въ 6 часовъ утра, тогда какъ ихъ „выговяли“ на раскомандировку въ четыре часа или въ пять, то очевидно и свидѣтельство о раннемъ окончаніи уроковъ слѣдуетъ принимать не какъ общее правило. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать о свидѣтельствѣ Гофмана, что рабочіе оканчивали урокъ въ полдень или не позже 3 часовъ.

гого мнѣнія о ночныхъ работахъ, такъ какъ никто не мѣшалъ имъ прекратить ихъ, если бы они нашли ихъ невыгодными. Впрочемъ и по словамъ автора упомянутого описанія, „ночныя работы необходимы, когда случается недостатокъ воды при устройствѣ большаго числа промывальныхъ машинъ“, но онѣ „вредно дѣйствуютъ на здоровье людей“, такъ какъ ночи „вообще бываютъ очень сыры“, а также и потому, „что на работу въ каждую смѣну назначаются постоянно одни и тѣ же люди, иначе имъ бы пришлось проработать цѣлыя сутки“. По свидѣтельству этого автора ночная смѣна работала 10 часовъ, дневная 11; напротивъ въ договорѣ рабочихъ 1844 г., съ золотопромышленною компаніею Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (Томскаго округа) сказано: „если по распоряженію конторы или управляющаго промыслами допущены будутъ ночныя работы на принскѣ, то мы обязуемся исполнять оныя безотговорочно съ тѣмъ, что кто изъ насъ будетъ командированъ въ таковую, тотъ долженъ находиться на работѣ... не болѣе и отнюдь не менѣе, какъ столько же часовъ, сколько назначено выше сего работать въ день“ (т.-е. 14 часовъ!) „и потомъ по окончаніи ночной смѣны быть въ продолженіе дня столько же часовъ свободнымъ отъ всѣхъ промысловыхъ работъ“. Но такъ какъ въ сутки бываетъ не 28, а только 24 часа, то слѣдовательно, количество отдыха въ сутки на принскѣ этой компаніи по договору равнялось всего 10 часамъ.

За урочную работу рабочіе получали мѣсячное жалованье. По наблюденіямъ комиссія, ревизовавшей государственныя имущества въ Западной Сибири въ 1840 году, рабочіе за условленную урочную работу получали въ мѣсяцъ не болѣе 8 — 12 руб. асс. ¹⁾ (отъ 2 р. 29 к. до 3 р. 43 к. сер.). Приведемъ еще нѣсколько указаній на мѣсячное вознагражденіе изъ договоровъ съ золотопромышленниками Западной Сибири, при чемъ увидимъ, что часть рабочихъ получали и нѣсколько большее вознагражденіе. Въ договорѣ рабочихъ съ компаніею золотопромышленника Зотова (Томской губерніи) осенью 1838 года сказано: „за работу договорились мы получать плату въ зимнее и лѣтнее время по 11 рублей (асс.) за каждый мѣсяцъ, но если кто изъ насъ избранъ будетъ въ нарядчики или мастеровые, какъ то: столяры, плотники, слесари, кузнецы, каменщики, сапожники, портные, повара и проч., по разряду цеховъ нужные, таковымъ плата будетъ назначена различная, смотря по искусству cadaго въ мастерствѣ и честному поведенію. Изъ сихъ мастеровыхъ въ продолженіе времени ежели не будетъ въ комъ надобности, то таковой долженъ поступить въ простые работники изъ обыкновенной платы и въ томъ никакой претензіи не дѣлать“. Такъ какъ рабочіе, назначенные въ шурфовку, лишались вслѣдствіе этого старательскихъ работъ въ

1) Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/13.

праздничные дни, то они должны были получать, на основаніи того же договора, по 15 р. асс. въ мѣсяцъ ¹⁾. Крестьяне-нижегороды получали въ Западной Сибири, по свидѣтельству комиссіи 1840 г., вадѣльную плату гораздо болѣе значительную—по 3 р. сер. съ кубической сажени торфа, а такъ какъ сажень добывали въ день 5—6 человѣкъ, то, слѣдовательно, они зарабатывали въ день 50—60 коп. сер.; но ниже мы увидимъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ на енисейскихъ промыслахъ имъ приходилось иногда довольствоваться и гораздо меньшею платою.

На промыслахъ Восточной Сибири, по свидѣтельству Казимирскаго (относительно енисейскихъ промысловъ и Бирюсинской системы) и барона Зедделера (1846 г., относительно южной части Енисейскаго округа) чернорабочіе, вскрывавшіе торфъ и пески и отвозившіе ихъ на тачкахъ, а также исполнявшіе разныя ручныя работы, получали обыкновенно отъ 10 до 11 руб. асс. въ мѣсяцъ, забойщики въ разрѣзъ 15 руб., промывальщики перваго и втораго разряда 25—20 руб., шурфовщики 30 руб., асс. Плата „цеховымъ“ мастеровымъ была выше: плотники четырехъ разрядовъ получали 40—50, 30 рублей, 25 и 18 рублей; кузнецы трехъ разрядовъ—30—35 руб., 25 и 18 руб.; хлѣбопеки трехъ разрядовъ—30, 20 и 18 руб.; квасники 18 руб., повара — 18—25 руб. асс. Наконецъ, конюхи, надзиравшіе за конюшными, употреблявшіеся для посылокъ и доставки транспортовъ жизненныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ вещей, получали: конюхи перваго разряда отъ 35 до 100 руб., втораго—30 руб., третьяго—25 руб. По свидѣтельству комиссіи, назначенной министерствомъ государственныхъ имуществъ для ревизіи Восточной Сибири (1841 г.), рабочіе на тамошнихъ золотыхъ приискахъ получали мѣсячнаго жалованья 8, 10, 15 и даже до 50 руб. асс. ²⁾, но для того, чтобы указанные размѣры мѣсячнаго вознагражденія не ввели въ заблужденіе, нужно помнить, что большинство рабочихъ занималось простыми горными работами и, слѣдовательно, получало низшую норму

¹⁾ По контракту 1842 г. съ золотопромышленникомъ Коноваловымъ рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ (т. е. за тридцать рабочихъ дней) взрослые (болѣе 20 лѣтъ отъ роду) по 15 руб. асс., а на серебро 4 р. 28 к., тѣ же, которымъ было отъ 12 до 20 лѣтъ по 10—12 руб., а на серебро отъ 2 р. 85 к. до 3 р. 42 к. По договору того же года съ золотопромышленниками Томской и Енисейской губерній Поповыми за 30 рабочихъ дней горнорабочіе, караульные и возчики припасовъ должны были получать по 12 руб., при промывкѣ песковъ, а также плотники и кузнецы по 13 р., нарядчики по 15 руб. асс. По договору 1844 г. чернорабочіе на приискѣ Рязановыхъ, Баладинна и Казанцева (Томскаго округа) должны были получать за 30 рабочихъ дней съ 1 октября по 1 апрѣля по 2 р. 28 к. сереб., а съ 1 апрѣля по 1 октября по 3 р. 14 к. сер.; цеховые рабочіе—по усмотрѣнію конторы, но не менѣе 3 р. 14 коп. сер., а назначенные въ шурфовку и такимъ образомъ лишенные старательскихъ работъ 3 р. 14 к.—4 р. 28 к. въ мѣсяцъ.

²⁾ Арх. Гор. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/13.

вознагражденія. Мѣсячная плата вездѣ полагалась за 30 рабочихъ дней. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ (1838 г.), какъ и во многихъ другихъ договорахъ 40-хъ годовъ, сказано: „мѣсяцъ, за который договорились мы получать плату, считать 30 рабочихъ дней, почему воскресные, праздничные и табельные дни.., должны оставаться свободными, кромѣ однакожъ тѣхъ случаевъ, которые требовать будутъ особенной надобности, какъ то: укрѣпленіе плотинъ, ортъ, шурфовъ, устройства водопроводовъ, отливъ воды и проч., что все должны и непремѣнно обязаны производить не только въ табельные дни, но и въ самое ночное и ненастное время безъ всякаго прекословія“.

Въ контрактахъ Асташева и Боровкова 40-хъ годовъ плата чернорабочимъ, промывальщикамъ, шурфовщикамъ и цеховымъ мастеровымъ назначалась отъ 10 до 15 руб. асс. въ мѣсяцъ. Изъ разсчетной книги 1843 г. по Прокопьевскому пріиску Асташева видно, что для плотниковъ, хлѣбопечовъ и кузнецовъ она равнялась 15—20 р., для нарядчиковъ 20—25 р., для конюховъ — 15—30 руб. асс. Средняя поденная плата, какъ видно изъ этой книги, равнялась на этомъ пріискѣ 40 коп. асс., слѣдовательно, за мѣсяцъ въ 30 дней рабочіе получали 12 руб. асс. По договору 1848 г. съ Удереискою К^о чернорабочіе должны были получать 2 р. 85 к. сер. или 10 р. асс. въ мѣсяцъ, промывальщики, нарядчики и мастеровые — по усмотрѣнію управляющаго, нахолящіеся же „въ присмотрѣ и пропускѣ песковъ на вашгердахъ“—отъ 2 р. 85 к. до 8 руб. сер. (До открытія промывки всѣ должны были получать плату наравнѣ съ чернорабочими). Въ поисковыхъ партіяхъ и при шурфовкѣ новыхъ мѣстъ по этому договору чернорабочимъ было назначено жалованье въ 3 р. 42 к., а промывальщикамъ и штейгерамъ по 6 р. 85 к. сер.

Рабочіе изъ Европейской Россіи, такъ называемые *нижегороды*, притокъ которыхъ все увеличивался, нанимались по большей части для вскрыши турфовъ; они, по свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), заключали условія о платѣ имъ съ кубической сажени (отъ 80 к. до 3 руб. сер. съ каждой). Крестьяне Нижегородской губерніи, нанявшіеся въ 1847 г. на Прокопьевскій пріискъ Асташева для вскрытія турфа, должны были получать за каждую выработанную кубическую сажень съ отвозомъ и выкаткомъ съ 1 апрѣля по 3 руб. 14 коп. сер. или по 11 р. асс., а въ теченіе марта должны были находиться на такой работѣ, на какую ихъ назначать, не исключая ортовыхъ и шахтовыхъ работъ, съ платою по 4 р. 28 к. сер. въ мѣсяцъ.

Въ минусинскомъ и ачинскомъ округахъ Енисейской губерніи по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1841 г. ревизіонною комиссіею министерства государственныхъ имуществъ, чернорабочіе получали жалованья на двухъ пріискахъ по 8 руб. асс. въ мѣсяцъ, на одномъ пріискѣ—по 11 р., на одномъ—по 12 р., на семи—по 13 р. и на одномъ—14 р. асс.

Какъ мы видѣли, рабочіе на золотыхъ промыслахъ нерѣдко брали въ задатокъ сумму, превосходящую ту, какую имъ слѣдовало получить за все лѣто въ видѣ мѣсячной платы; очевидно, всѣ свои дальнѣйшія надежды они возлагали на старательскія работы въ свободное отъ урочныхъ занятій время. Какъ до изданія закона 1838 г. о частной золотопромышленности въ Сибири, такъ и послѣ него, въ концѣ 30-хъ и въ теченіе 40-хъ годовъ, рабочіе во многихъ договорахъ предоставляли разрѣшеніе старательскихъ работъ въ воскресные и праздничные дни при вскрытіи торфа и промывкѣ песковъ, а также и назначеніе вознагражденія за этотъ трудъ усмотрѣнію хозяина или его управляющаго ¹⁾. Тѣмъ не менѣе старательскія работы повсемѣстно существовали, такъ какъ безъ нихъ рабочіе не пошли бы на золотые промысла по крайней мѣрѣ за указанную выше ничтожную мѣсячную плату. Порѣцкій въ проектѣ колонизаціи Сибири обязанными крестьянами (1844 г.) писалъ, что рабочіе поселенцы на старательскихъ работахъ „преимущественно избираютъ лучшія мѣста или гнѣзда съ золотомъ. Промытый ими песокъ и пустую породу, называемую турфомъ, они сваливаютъ на смежныя съ гнѣздами и также золотосодержащія мѣста. Отвалы сіи время отъ времени увеличиваются, и всѣ тѣ мѣста послѣ будетъ уже невыгодно разрабатывать не только за обыкновенную подать“ (вносимую золотопромышленниками въ казну), „но даже безъ подати. Въ случаѣ настоятельнаго запрещенія хозяевами присковъ продолжать такіе безпорядки, поселенцы упорствуютъ и нерѣдко въ отмщеніе за то останавливаютъ урочныя работы до тѣхъ поръ, пока мѣстное начальство поставитъ ихъ въ предѣлы законныхъ обязанностей“. Упомянувъ о возмущеніи 1842 г. на приискахъ К^о Асташева, Рязанова, Толкачева (см. ниже), авторъ прибавляетъ: „обнаруженныя выгоды ссыльно-поселенцевъ ясно показали причины ихъ самовольства въ старательскихъ работахъ, ибо они зарабатывали на гнѣздовыхъ мѣстахъ въ старательскіе часы послѣ урочныхъ работъ отъ 4 до 10 руб. асс.“ (въ день) ²⁾.

На енисейскихъ промыслахъ за старательскую работу, которую рабочіе занимались по окончаніи урочной, а также въ воскресные и праздничные дни, они получали, по словамъ Гофмана (1843 г.), на бѣдныхъ золотомъ промыслахъ по 3 руб., а на богатыхъ по 2 руб. асс. за золотникъ добытаго золота; по словамъ бар. Зедделера (1846 г.), на про-

¹⁾ Договоры съ томскими золотопромышленниками Зотовымъ (1838 г.), Коноваловымъ (1842 г.), К^о. Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (1844 г.). Въ этомъ послѣднемъ договорѣ прибавлено: „почему никакого особеннаго условія о семъ заключать не считаемъ нужнымъ“, не смотря на то, что закономъ 1838 г. предписывалось обоеначать въ договорахъ, обязывается ли хозяинъ давать рабочимъ старательскую работу, а размѣръ платы за золото долженъ былъ опредѣляться особнымъ условіемъ.

²⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. 1844 г. № 894/730.

мыслахъ южной части енисейскаго округа отъ 2 до 4 р. асс., а по свидѣльству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) отъ 60 коп. до 1 р. сер. „Этимъ способомъ“, говоритъ Гофманъ, „наилучше отстраивается хищничество золота, ибо если кому и удастся во время урочной работы утаить что нибудь отъ надзирателя, то онъ отдаетъ это за время своей свободной работы. Каждый вечеръ являются эти люди съ своею выработкою, золото взвѣшивается тотчасъ же въ ихъ присутствіи и потомъ дѣлается расчетъ, сколько приходится изъ того на каждого человѣка въ артели, что и записывается въ книгу и на листокъ находящійся въ рукахъ каждого рабочаго. Этотъ способъ работы равно выгоденъ для владѣльца и для рабочихъ: первому доставляетъ онъ чистый барышъ, отъ 8 до 10 рублей асс. на золотникъ, ибо всѣ расходы должно естественно рассчитывать только на условленную работу, а послѣднимъ доставляетъ онъ значительныя деньги по мѣрѣ ихъ усердія и счастья, ибо если попадаетъ артель на богатое мѣсто, или попадаетъ большой самородокъ, то заработка ихъ бываетъ весьма значительна ¹⁾... Ремесленникамъ и всѣмъ прочимъ, занятымъ цѣлый день какою либо особою работою, доставляется подобная заработка временно въ видѣ награжденія и отводится именно на богатыхъ мѣстахъ, уже вскрытыхъ. При этомъ случаѣ заработка бываетъ еще больше... Конечно это“, продолжаетъ Гофманъ, „особенно счастливые случаи, показывающіе, однако, какъ велика можетъ быть иногда заработка, и это-то самое и привлекаетъ рабочихъ и удерживаетъ ихъ на промыслахъ. И какъ только эти работы пойдутъ худо, т. е. пески станутъ бѣднѣе, то и начинаютъ рабочіе бѣгать и не выходить на работу... Чтобы пособить этому неудобству, введенъ на многихъ промыслахъ еще другой способъ заработка: именно платится 25 р. асс. за каждую сажень вскрыши (торфа), которую они снимутъ и отвезутъ въ свободное время. Если при этомъ заработка и не можетъ быть столь велика, какъ при счастливыхъ случаяхъ промыски песка, то за то она вѣрнѣе и потому предпочитается многими рабочими“ ²⁾. Такимъ образомъ уже въ это время начинали вводить старанія на торфахъ. Очень важно также свидѣтельство автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) о появленіи мѣстами общихъ стараній, въ которыхъ участвовали всѣ рабочіе, занятые урочными работами. „На нѣкоторыхъ пріискахъ“, говоритъ онъ, „старательскія работы бывають

¹⁾ По словамъ Гофмана, въ его присутствіи на Бирюсѣ въ одинъ вечеръ пришлось на каждого рабочаго въ одной артели по 72 руб. асс., а въ другой, работавшей въ воскресенье, по 105 р. на каждого.

²⁾ По словамъ Казимирскаго (1848 г.), при святіи старательскими работами пустой породы платили, смотря по богатству пріиска, отъ 10 до 25 р. асс. за кубическую сажень, а по свидѣтельству автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.)—отъ 4 до 7 руб. сер.

не артелями, а общія; промывка песковъ производится какъ въ обыкновенное время, но добытое въ то время золото записывается въ стараніе рабочихъ; иногда дѣлается съ ними условіе, чтобы они вырабатывали болѣе положеннаго урока, за что имъ дается плата по 1 р. за каждого человѣка; впрочемъ это дѣлается только на большихъ и самыхъ богатыхъ приискахъ". Казимирскій находилъ, что „старательскія работы положительна полезны какъ для промышленника, такъ и для рабочаго": промышленникъ съ помощью ихъ ускоряетъ выработку прииска, а трудолюбивый работникъ зарабатываетъ больше лѣниваго ¹⁾.

На приискахъ минусинскаго и ачинскаго округовъ Енисейской губерніи рабочіе получали въ 1841 г. за старательское золото по 3 руб. асс., а за найденные при хозяйскихъ работахъ самородки и „крупныя золотины" по 1 руб. асс. за золотникъ ²⁾. Такимъ образомъ, по извѣст-

¹⁾ Приведемъ нѣкоторые условія договоровъ рабочихъ съ золотопромышленниками енисейскихъ промысловъ относительно старательскихъ работъ. Въ договорѣ 1843 г. съ Асташевымъ сказано: „если господинъ хозяинъ или его прикащики согласны будутъ дозволить намъ въ свободное отъ своихъ постоянныхъ работъ время производить добычу и промывку песковъ, а также и вскрышу турфа... старательскими работами, но не иначе какъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ" хозяиномъ „приказано будетъ", то за добытое на такой работѣ золото „получать плату за каждый золотникъ по 3 руб., за вскрышу турфа для хозяйскихъ работъ по 5 руб. (асс.) за кубическую сажень или какая будетъ отъ г. хозяина или его прикащиковъ опредѣлена особымъ условіемъ на мѣстѣ промысла, но за турфъ, вскрытый для добычи песковъ старательскими работами никакой особой платы не требовать... Впрочемъ состоятъ будетъ въ полной власти хозяина опредѣлить плату или вовсе не дозволить старательскихъ работъ, чего мы и требовать безъ согласія его не имеемъ". Выдачу денегъ за старательскія работы производить, смотря по существенной въ нихъ рабочимъ надобности, а иначе до общаго осенняго разсчета намъ не требовать, а означать только въ разсчетныхъ листахъ" (слѣдовательно, все таки въ случаѣ „существенной" надобности рабочіе могли получать плату за старательскія работы и до разсчета). Въ другомъ контрактѣ Асташева того же 1843 г. плата за старательское золото была назначена 2 р. асс. за золотникъ, а за отвозъ турфа старательскими работами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ промывка песковъ имъ не дозволялась, рабочіе должны были получать плату по взаимному соглашенію, но за то и другое при окончательномъ разсчетѣ. Въ свидѣніяхъ, доставленныхъ въ томъ же году о Прокопьевскомъ приискѣ Боровкова сенатору Толстому, сказано, что за золотникъ золота, добытаго, на старательскихъ работахъ, рабочіе получали по 2 р. 50 к. асс. Въ договорѣ 1848 г. съ К^о Бенардаки (южной части Енисейскаго округа) рабочіе обязывались производить добычу песковъ старательскою работою (если она будетъ имъ дозволена) „общеою артелью" и получать плату за золотникъ старательскаго золота по 57 коп. сер., а за найденные самородки, если они менѣе фунта,—по 1 р. асс. за золотникъ, а если болѣе фунта, то вмѣсто этой платы давалась особая награда при окончательномъ разсчетѣ; за отвозъ турфа старательскими работами тамъ, гдѣ не дозволялась промывка песковъ, плата назначалась по взаимному соглашенію. Наконецъ, рабочіе-нижегороды, нанявшіеся въ 1847 г. на Прокопьевскій приискъ Асташева, выговаривали себѣ плату за золотникъ старательскаго золота по 71 коп. сер.

²⁾ Арх. М. Г. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, прилож. В, № 5.

ными намъ договорамъ съ рабочими, они получали на пріискахъ Восточной Сибири по 2—3 руб. асс. за золотникъ старательскаго золота и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по 1 р. асс. съ золотн. за найденные самородки ¹⁾. Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что по договору съ Асташевымъ (1843 г.), при стараніи на торфяхъ рабочіе должны были получать за каждую вскрытую для хозяйскихъ работъ кубическую сажень торфа съ откаткою по 5 р. ассигн. „или какаѣ плата будетъ... опредѣлена особнымъ условіемъ на мѣстѣ промысла“, между тѣмъ, какъ по свидѣтельству Казимирскаго въ этомъ случаѣ платили отъ 10 до 25 р., по Гофману — 25 руб. асс., а по описанію 1848 г. 4—7 р. сер. за кубическую сажень (безъ сомнѣнія также съ ручною откаткою). Что и послѣднія цифры возможны, видно какъ изъ того, что три приведенныя данныя взаимно другъ друга подтверждаютъ, такъ и изъ того, что нижегороды по контракту съ Асташевымъ (1847 г.) должны были даже не за старательскую, а за урочную работу получать при снятіи торфа по 3 р. 14 к. сер. или по 11 руб. асс. за кубическую сажень.

Отдѣльные случаи крупнаго заработка на старательскихъ работахъ и болѣе высокія нормы вознагражденія за нихъ не должны вводить однако въ заблужденіе. Мы увидимъ ниже, что общій заработокъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ былъ въ среднемъ размѣрѣ вовсе не такъ великъ, какъ многіе думаютъ на основаніи разсказовъ о безшабашныхъ кутежахъ рабочихъ при выходѣ съ промысловъ въ это время.

По прибытіи рабочихъ на пріискъ имъ давали нѣкоторое время (до 3 дней) для сооруженія себѣ жилищъ (если они не были уже построены въ предшествующія операціи). Въ это время, во словамъ Казимирскаго, рабочіе строили бревенчатыя избушки ²⁾ съ окнами, нарами и печью изъ камней и размѣщались артелями человекъ отъ 5 до 10 и болѣе въ каждой избушкѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ, селились и въ землянкахъ. По словамъ одного золотопромышленника, дома рабочихъ въ южной части Енисейскаго округа, въ половинѣ 40-хъ годовъ, составляли „лѣтнія избушки низенькія; иногда съ плоскими накатами вмѣсто крышъ, величиною въ 6 и 7 аршинъ квадрата“ ³⁾. Авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) говоритъ: прикащики, конюхи, мастеровые и другіе служащіе живутъ въ избушкахъ, „хотя снаружи некрасивыхъ, но внутри очень чисто и удобно устроенныхъ. Рабочіе въ

¹⁾ По словамъ Казимирскаго платили отъ 2 р. до 3 р. 50 коп., по свидѣтельству генерала Анненкова отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. асс. за золотникъ.

²⁾ Одинъ рабочий утверждалъ поэтому, что избушки принадлежатъ не хозяевамъ пріисковъ, а тѣмъ, кто ихъ строилъ (рукоп. дневникъ золотопромышленника, принадлежащій Обществу изслѣдованія Алтая).

³⁾ Шмаковъ. „Объ Удереиской золотоносной системѣ“. „Сѣв. Пчела“ 1844 г. № 268.

ужной системѣ помѣщаются въ курныхъ избушкахъ, въ которыхъ есть нары и въ большей части полы; въ сѣверной же системѣ въ землянкахъ и курныхъ избушкахъ безъ половъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и безъ наръ. Помѣщеніе въ землянкахъ вредно; избушки же съ полами и нарами¹⁾, въ которыхъ рабочіе помѣщаются по 5—9 чел., по мнѣнію автора, „весьма удовлетворительны, такъ какъ во всякомъ случаѣ онѣ могутъ быть только временнымъ мѣстопробываніемъ работниковъ“. Авторъ увѣряетъ, что многіе изъ золотопромышленниковъ пробовали строить хорошія большія избы для 25 и 30 человѣкъ, но будто бы никакъ не могли заставить рабочихъ жить въ нихъ: „тѣ, которые пробовали помѣщаться въ такомъ многолюдствѣ, черезъ нѣсколько дней приходили къ хозяевамъ съ жалобами, что ихъ обокрали“. Есть извѣстіе, что рабочіе предпочитали небольшія избушки, потому что туда имъ было удобнѣе приносить золотоносный песокъ и тайно промывать золото въ свою пользу¹⁾. По словамъ доктора Кривошапкина, „при началѣ развитія золотопромышленности“ въ Енисейской тайгѣ „помѣщенія... для рабочихъ... срубались наскоро, кое-какъ. Оттого тѣснота, темнота и нечистота въ нихъ способствовали развитію болѣзней, особенно цынги“. Избушки строились рабочими по приходѣ на примски, въ мартѣ мѣсяцѣ, такимъ образомъ: на голой землѣ, безъ пола, срубались стѣны, отъ 2 до 3 сажень длины, отъ 1½ до 2 ширины и не болѣе 2½ арш. высоты. Внутри избушки складывалась черная печь, въ видѣ груды камней, безъ трубы; во время топки ея дымъ не могъ выходить весь въ отверстіе на потолокъ, и потому большая часть избушки наполнялась дымомъ. Около стѣнъ дѣлались нары; окошки были маленькія. „Если припомнимъ грунтъ земли“, продолжаетъ Кривошапкинъ, „время, когда онѣ строились, да прибавимъ, что въ каждой изъ такихъ избушекъ жило столько“²⁾“ человѣкъ, сколько могло „помѣститься, что тутъ же высушивали свою вымокшую на работѣ одежду и наполняли воздухъ какъ прѣлымъ отъ нея запахомъ, такъ и испареніями постоянно разгоряченнаго въ тяжелыхъ работахъ тѣла, то и можно заключить, что едва-ли эти избушки не хуже якутскихъ зимниковъ и самоѣдскихъ чумовъ: тамъ хоть свѣту Божьяго меньше, да есть, по крайней мѣрѣ, полъ, а огонь, ривольный среди чумовъ, очищаетъ воздухъ“²⁾.

¹⁾ Лчевскій. „Очеркъ соврем. сост. енис. золотопр.“ Горн. Журн. 1892 № 8—9.

²⁾ Кривошапкинъ. „Енисейскій округъ и его жизнь. Сиб. 1865, стр. 176—177. Въ договорахъ золотопромышленниковъ съ рабочими относительно помѣщенія послѣднихъ мы находимъ условія двухъ родовъ. Въ однихъ — въ такомъ родѣ: „постройку для помѣщенія себѣ избушекъ, бань и прочаго производить должны собственно сами въ такое время, въ которое свободны будемъ отъ хозяйскихъ работъ“. Въ другихъ же контрактахъ встрѣчаемъ такое постановленіе относительно жилищъ рабочихъ: „на дѣйствующихъ постоянно промыслахъ, такъ равно и прочихъ, ежели нѣтъ достаточно

Сверх жалованья, рабочіе получали хозяйскую пищу. О качествах ея мы встрѣчаемъ почти все благоприятные отзывы. По словамъ Гофмана, рабочихъ кормили „весьма хорошо“; Казимирскій свидѣтельствуется, что „недостатка въ продовольствіи на принсахъ и жалобъ не было“. Баронъ Зедделеръ также писалъ, что „не было никакихъ жалобъ“ со стороны рабочихъ относительно пищи „даже въ то время, когда неурожай, падежъ скота, засуха и другого рода бѣдствія чрезвычайно затрудняли привозъ необходимыхъ на принсахъ“ припасовъ. По мнѣнію Небольсина, рабочій народъ на золотыхъ промыслахъ „ѣсть не только весьма сытно, но еще очень и очень вкусно“ ¹⁾, наконецъ, по словамъ автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), принсковые рабочіе получали пищу „по большей части очень хорошую“. Есть, однако, указанія и другого рода: авторъ однихъ воспоминаній о енисейской золотопромышленности въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ говорить, что рабочихъ частенько кормили испорченнымъ мясомъ ²⁾.

Осенью 1842 г., нѣкоторые золотопромышленники Восточной Сибири довели до свѣдѣнія министра финансовъ, что послѣ почти трехлѣтнихъ затрудненій въ продовольствіи принсковыхъ рабочихъ хлѣбомъ, цѣна котораго доходила на мѣстахъ закупки до 5 рублей, а на самыхъ промыслахъ съ доставкой отъ 8 до 14 руб. асс. за пудъ ³⁾, предстоитъ не менѣе важное затрудненіе въ заготовленіи говядины, цѣна которой на промыслахъ дошла до 11 р. асс. за пудъ. Затрудненіе это происходитъ оттого, что на всѣхъ золотыхъ промыслахъ Восточной и Западной Сибири находится до 30,000 рабочихъ и, на основаніи заключаемыхъ съ ними контрактовъ, слѣдуетъ каждому давать въ день говядины по одному фунту. По словамъ золотопромышленниковъ, доставленіе скота

для жилищъ помѣщеній, то обязуемся мы устроить для себя сами на приличныхъ мѣстахъ, отведенныхъ хозяевами или прикащиками ихъ, но такіа помѣщенія, какія опредѣлены будутъ отъ хозяина. По окончаніи же лѣтнихъ работъ всѣ эти помѣщенія должны остаться въ пользу хозяевъ безденежно, передавать же ихъ продажею, или уступать кому либо другому мы не имѣемъ права, какъ выстроенныхъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Впрочемъ, ежели бы угодно было хозяину выстроить казармы для жилищъ болѣе или менѣе артелями, то мы должны въ нихъ безпрепятственно жить. А отапливанія и освѣщенія не требовать, а приготавливать это, въ свободное послѣ работы время, самимъ намъ безъ особой платы“.

¹⁾ „Отечеств. Зап.“ 1847 г. т. 55, стр. 120.

²⁾ „Сибирскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 184, ср. 174.

³⁾ По официальному донесенію, въ Красноярскѣ въ началѣ 1841 г. цѣна хлѣба дѣйствительно доходила до 5 р. асс. за пудъ. Арх. Мин. Гос. Им. Дѣло V отд. Соб. Е. И. В. Канц. № 315, т. IV, л. 255. Въ 1845 г. К^о Малевинскаго (сѣв. часть Енис. окр.) закупала хлѣбъ по 3 р. 25 к. — 4 р. асс. за пудъ, а за перевозку только отъ Енисейска и отъ деревни Назимовой до промысловъ платила по 4 р. 50 к. съ пуда. Арх. Горн. Деп. по описи № 90, дѣло № 84/77, л. 36.

изъ-за Киргизской границы на промыслы Восточной Сибири не удобно, такъ какъ въ каждое жаркое лѣто киргизскій скотъ подвергается заразительнымъ болѣзнямъ. Поэтому золотопромышленники Енисейскаго округа обратились къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Руперту съ просьбой не только разрѣшить имъ покупке рогатаго скота въ Якутской области и прогонъ его на золотые промыслы по пролагаемой ими дорогѣ изъ Киренскаго округа въ Енисейскій, но даже, въ виду значительныхъ затратъ на проведеніе этой дороги, предоставить имъ однимъ право покупки скота въ Якутской области въ теченіе 5 лѣтъ. Рупертъ вздумалъ поддерживать предъ министромъ финансовъ это ходатайство золотопромышленниковъ и старался убѣдить его, что оно даже выгодно для жителей Якутской области, но министръ нашелъ противозаконнымъ предоставленіе такого исключительнаго права. Вслѣдъ затѣмъ Рупертъ сообщалъ министру о слѣдующемъ своемъ мудромъ распоряженіи. Ему сдѣлалось извѣстнымъ, что для пріисковъ Енисейскаго округа было заготовлено въ 1841 г. 36,000 пуд. мяса, между тѣмъ какъ всѣхъ рабочихъ на промыслахъ этого округа было въ то время до 4,000; Рупертъ вычислилъ, что, считая въ лѣтнюю операцію 150 рабочихъ дней (вмѣстѣ съ проходомъ на пріиски и обратно), на каждого чело-вѣка въ день приходилось по $2\frac{1}{2}$ фунта мяса, хотя не трудно было узнать изъ контрактовъ съ рабочими, что имъ обыкновенно полагалось выдавать лишь по 1 фунту въ день, слѣдовательно, цифра заготовки была преувеличена, что подтверждается и заявленіемъ самихъ золотопромышленниковъ министру финансовъ. Но Рупертъ, „для отвращенія столь непомерно роскошнаго довольствія рабочихъ людей, которые почти всѣ (?) изъ класса ссыльно-поселенцевъ, равно для облегченія золотопромышленниковъ въ заготовленіи говядины“, предписалъ циркуляромъ въ іюль 1842 г. всѣмъ управляющимъ частными золотыми промыслами, „чтобъ впредь, при заключеніи контрактовъ съ рабочими, оговариваемо было, что выдача имъ мяса будетъ не болѣе $1\frac{1}{4}$ фунта въ день, и то по поскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ прочіе же дни, равно въ посты, установленные православною церковью, выдаваема будетъ лишь рыба, какую кто изъ золотопромышленниковъ можетъ заготовить, или взамѣнъ оной кушанье, приправленное коноплянымъ масломъ“¹⁾. Это предписаніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не осталось безъ вліянія на контракты рабочихъ съ золотопромышленниками.

Изъ договоровъ съ рабочими и свидѣтельствъ современниковъ видно, что каждый работникъ ежедневно получалъ по 1 фунту свѣжаго или соленнаго мяса, т.-е. менѣе, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ дають

¹⁾ Арх. Горн. Деп., по описи Минюсскаго, св. 45, № 7/99.

на принсахъ въ настоящее время ¹⁾. По словамъ автора описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), въ южной части этого округа съ конца юля, а въ сѣверной—съ августа мѣсяца послѣ пригона скота солонина замѣнялась свѣжею говядиною ²⁾. Щи или похлебка приготавливались съ крупой (безъ капусты); изъ контрактовъ видно, что рабочимъ давалось ячной крупы отъ 7¹/₄ до 10 ф. въ мѣсяцъ ³⁾; для предупрежденія цынги въ щи клалась черемша или дикій лукъ. Изъ крупы готовилась также каша. Объ отпускѣ мяса или сала въ извѣстныхъ намъ контрактахъ вовсе нѣтъ указаній, но, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, того или другого отпускалось два раза въ недѣлю по 1 фунту на 10 человѣкъ ⁴⁾. Соли по нѣкоторымъ контрактамъ полагалось по 5 ф. въ мѣсяцъ, а хлѣба по нѣкоторымъ договорамъ по 3 фунта, а по одному контракту съ Асташевымъ (1843 г.) по 4 фунта въ день ⁵⁾. По свидѣтельству современниковъ, принсковымъ рабочимъ давали и квасъ. Хлѣбъ и квасъ, по словамъ Гофмана, употреблялись „безъ всякой бережливости“, такъ что на промыслахъ нанимали нѣсколькихъ ребятъ „собственно для подбيرانія разбросанныхъ повсюду кусковъ хлѣба“, которые и обращались потомъ въ сухари или шли на кормленіе скота. Въ постъ рабочіе, не желавшіе ѣсть скоропного, получали, по свидѣтельству современниковъ, по 1 фунту гороха, по ¹/₄ фунта крупы для каши и 3 золотника постнаго коноплянаго масла на человѣка, а по словамъ Гофмана, вмѣсто мяса—такое же количество рыбы (по свидѣтельству бар. Зедделера, соленой или копченой); но контрактами постная пища рабочихъ рисуется въ болѣе неприглядномъ видѣ. Вообще мы считаемъ необходимымъ остановиться на условіяхъ нѣкоторыхъ контрактовъ относительно пищи.

Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ (1838 г.),

¹⁾ Генераль-губернаторъ Восточной Сибири во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1843 г. и бар. Зедделеръ принимаютъ ежедневную порцію мяса въ 1—1¹/₂ ф., но мы ни въ одномъ контрактѣ не встрѣтили указанія на 1¹/₂-фунтовую порцію, а если и выдавалось у Асташева 1¹/₄ ф., то за то всего 4 раза въ недѣлю, т.-е. въ среднемъ менѣе фунта въ день. Авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.) говоритъ, что чернорабочимъ даютъ говядины въ мѣсяцъ 30 фун., а мастеровымъ, „довольствующимъ улучшенною пищею“, 37¹/₂ фун.

²⁾ Скотъ били на промыслахъ; говядину солили и сохраняли въ подвалахъ въ большихъ чанахъ.

³⁾ По словамъ генераль-губернатора Восточной Сибири, крупы полагалось на cadaго работника въ день по 1¹/₂ фун. (Арх. Гор. Деп., по описи всепод. докл. 1843 г., Ж 3, л. 152 об.), но это показаніе контрактами не подтверждается.

⁴⁾ По словамъ автора описанія Енисейскихъ промысловъ (1848 г.), полагалось масла для каши по ¹/₂ фун. въ мѣсяцъ на человѣка.

⁵⁾ По договору съ Зотовымъ (1838 г.) отпускалось на cadaго рабочаго по 2 п. 10 фун. ржаной муки (это выйдетъ по 4 фун. печенаго хлѣба).

между прочимъ, сказано: „если кто изъ насъ пожелаетъ употреблять въ постные дни пищу постную, то таковые должны довольствоваться жидкою только кашницею изъ одной только ячной крупы безъ масла и болѣе ничего не требовать и за это время лишаются полученія опредѣленнаго количества говядины“. По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1842 г.) рабочіе, кромѣ 1 фунта соленой или свѣжей говядины, получали „хлѣба или крупъ въ щи, сколько будетъ надобно, болѣе же ничего“ (обязывались они) „по прихотямъ“ своимъ не требовать. По договору съ томскими золотопромышленниками Рязановыми, Баландинымъ и Казанцевымъ хлѣба и квасу рабочимъ предоставлялось, „сколько будетъ нужно“; кто же не захочетъ получать въ постные дни говядины, тому отпускатся для жидкой кашицы „приличное количество ячной крупы безъ масла“ и предписывалось болѣе ничего не требовать. По одному договору съ Асташевымъ 1843 г. постановлено, что каждый рабочій долженъ получать „въ сутки говядины соленой или свѣжей по 1¹/₄ фунта, но только такую выдачу производить по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ“ (тутъ видно вліяніе предписанія Руперта 1842 г.), „въ прочіе же дни, равно въ посты... обязался г. хозяинъ выдавать рыбу, какая ими будетъ приготовлена, или, взамѣнъ этого кушанья, кашу, приправленную коноплянымъ масломъ, хлѣба печенаго каждадневно по 3 фунта, крупы для щей и каши по ¹/₄ фунта“ ¹⁾. Въ договорѣ 1843 г. съ компаніею Боровкова, Асташева и друг. есть такое постановленіе: „хлѣба не растрчивать, а кто изоблится въ этомъ, тотъ отвѣтствуетъ за то по настоящей на принскѣ заготовительной цѣнѣ“. Нельзя не признать впрочемъ, что постановленія относительно пищи контрактовъ, составленныхъ въ концѣ 30-хъ и въ теченіе 40-хъ годовъ, болѣе благоприятны для рабочихъ, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ въ договорахъ первой половины 30-хъ годовъ ²⁾.

Всѣ работники на промыслахъ, по свидѣтельству Гофмана, дѣлились на нѣсколько артелей, и каждая артель выбирала отъ себя повѣреннаго, который долженъ былъ присутствовать при отвѣшиваніи говядины и вообще заботиться обо всемъ нужномъ для его артели, а та отвѣчала за него и въ случаѣ обмана сама подвергала его наказанію. Сходное съ этимъ постановленіе мы находимъ въ договорѣ (1848 г.) съ К^о. Бенардаки, въ которомъ сказано: „при принятіи съѣстныхъ припасовъ для содержанія насъ пищею должны находиться староста, из-

¹⁾ По другому договору съ Асташевымъ (1843 г.), тамъ, гдѣ нельзя имѣть названныхъ припасовъ, рабочіе должны были получать по ³/₄ ф. сушеной говядины или крупы и сухарей по 2¹/₄ ф. на каждаго въ день.

²⁾ Стоимость содержанія рабочихъ на одномъ изъ крупныхъ принсковъ равнялась 21 р. асс. въ мѣсяцъ.

бренный самимъ хозяиномъ, а со стороны нашей два выборныхъ, а когда ими получена будетъ провизія и приготовлена въ пищу, въ такомъ случаѣ рабочіе уже не вправѣ оуждать ее въ качествѣ доброты и шуму не дѣлать, подъ видомъ дурного приготовленія“.

Нѣкоторые современные наблюдатели старались придать описанію обѣденной трапезы на пріискахъ нѣсколько идиллическій характеръ. „Рабочіе обѣдаютъ“, рассказываетъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), „подъ прекрасными навѣсами, устроенными близъ кухни. Во всю длину навѣсовъ стоятъ въ нѣсколько рядовъ большіе столы, а подлѣ нихъ скамейки; на Пророже-Ильинскомъ пріискѣ К°. Горохова столы покрываются даже скатертью толстаго полотна“. „Къ обѣду“, продолжаетъ авторъ, „кладутъ хлѣбъ на столы, говядину вынимаютъ изъ котловъ, разрѣзываютъ на мелкіе куски и накладываютъ въ деревянные чашки, по приходѣ же рабочихъ наливается супъ въ подобнаго же рода чашки и кашу приправляютъ масломъ. Каждая чашка дается на 10 человекъ“. Что касается масла, то выше было указано, въ какомъ ничтожномъ количествѣ оно отпускалось рабочимъ (а въ контрактахъ 40-хъ годовъ мы и вовсе не находимъ указаній о выдачѣ масла), не смотря на то, что при тяжелыхъ пріисковыхъ работахъ въ немъ чувствовалась особенная потребность.

При напряженной работѣ, къ тому же въ сырыхъ разрѣзахъ, во всякую ненастную погоду или въ мокрыхъ ортахъ, у рабочаго, естественно, являлась потребность выпить, что и побудило въ послѣдствіи нѣкоторыхъ сибирскихъ администраторовъ хлопотать объ обязательной выдачѣ рабочимъ винныхъ порцій. Напротивъ въ 40-хъ годахъ заботились только о совершенномъ недопущеніи вина на пріиски, хотя на дѣлѣ этого не удавалось добиться. Какъ мы уже знаемъ, по положенію о частной золотопромышленности 1838 г., не только запрещенъ былъ ввозъ вина и продажа его на самыхъ пріискахъ, но запрещалось устраивать питейныя выставки ближе 50 верстъ къ золотымъ промысламъ. Въ 1844 г. золотопромышленники Томской губерніи сдѣлали попытку выхлопотать дозволеніе ввоза вина на ихъ пріиски „для выдачи порцій больнымъ и рабочимъ“, но генералъ-губернаторъ Западной Сибири не разрѣшилъ этого, и его распоряженіе было одобрено высшею властью ¹⁾. Это не значитъ, однако, чтобы вина вовсе не было въ употребленіи на пріискахъ. Авторъ одной газетной статьи о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ, пользовавшійся старыми разсчетными книгами и отчетами Удереиской К°. (южной части Енисейскаго округа), дѣлаетъ слѣдующее, слишкомъ поспѣшное, заключеніе: „изъ отчетныхъ документовъ той же компаніи 40-хъ и 50-хъ годовъ видно, что спирта

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи Минюскаго, св. 56, дѣло № 3.

или водки совѣтъ не было на прискахъ въ употребленіи¹⁾, но этотъ выводъ опровергается показаніями современниковъ. На вопросъ одного изъ чиновниковъ, производившихъ по порученію сенатора Толстого ревизію золотыхъ промысловъ Удереиской системы, „не производится ли гдѣ либо незаконная продажа вина на дорогахъ, ведущихъ къ ихъ промысламъ, и не провозятъ ли отправляемые въ командировку рабочіе, особливо конюхи, тайно вина“, управленіе Прокопьевскаго приска въ 1843 г. отвѣчало, что недозволенный ввозъ вина на промыслы лѣтомъ „отнюдь не производится, въ теченіе же зимы“ это „легко случиться можетъ при поставкѣ вольными возчиками разныхъ тяжестей“. Гофманъ въ своей книгѣ говоритъ: „вино отпускается только въ особенныхъ случаяхъ, продажа его строго воспрещена“. Небольшинъ, самъ посѣтившій въ 40-хъ годахъ золотые промыслы Енисейской губерніи, рассказываетъ слѣдующее: „вино на прискахъ не вездѣ бываетъ; въ послѣдніе годы, кажется, всюду ввозъ хлѣбнаго вина на приски, даже для раздачи порцій рабочимъ, запрещенъ мѣстнымъ начальствомъ, съ цѣлю не подавать повода, подъ видомъ даровой раздачи порцій, продавать вино рабочимъ. Распоряженіе это, не для всѣхъ пріятное въ одномъ отношеніи, т. е. насчетъ подкрѣпленія силъ рабочаго, изнуреннаго тягостными трудами во всегдашней сырости, имѣеть, съ другой стороны, самыя благодѣтельныя послѣдствія; народъ рабочій всегда трезвъ и не выходитъ изъ повиновенія. Однако жъ и тутъ не обходится „безъ поползновенія къ тайному провозу вина на приски: въ зимовьяхъ, чрезъ которыя проходятъ рабочіе къ мѣсту назначенія, не разъ казаки... брали въ плѣнъ контрабандистовъ“ (по нынѣшнему—спиртоносовъ), „придумывавшихъ особеннаго вида желѣзныя вмѣстительныя посудины, весьма удобныя для сокрытія тайно провозимой драгоцѣнности въ шараварахъ, на груди или подъ мышками. Въ отношеніи къ простымъ рабочимъ надзоръ за этимъ очень строгъ. Что же касается до другихъ лицъ, то трудно найти хотя одинъ прискъ, гдѣ бы въ конторѣ или амбарахъ, подъ замкомъ матеріальнаго, не хранилось нѣсколько ведеръ хлѣбнаго вина. Угладѣть трудно“²⁾. Наконецъ, другой современникъ прямо свидѣтельствуешь, что настоящая потребность рабочихъ въ винѣ во время тяжелой присковой работы оказалась сильнѣе всякихъ стѣсненій и запрещеній. „Винная порція“, говоритъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ 1848 г., „на нѣкоторыхъ прискахъ раздается каждое

¹⁾ Статья А. Саввинныхъ въ „Сиб. Вѣстн.“ 1890 г. № 66.

²⁾ От. Зап. 1847 г. т. 55, стр. 120. Баронъ Зедделеръ также говоритъ: только владѣльцы или управляющіе присковъ „могутъ имѣть при себѣ, и то подъ ключомъ, извѣстное количество крѣпкихъ напитковъ, какъ для собственнаго своего употребленія и лѣченія больныхъ, такъ и для угощенія работниковъ въ особыхъ случаяхъ“.

воскресенье, на другихъ же даютъ порцію рабочимъ въ извѣстные дни. Каждый рабочій очень хорошо знаетъ, сколько онъ получитъ въ тѣто винныхъ порцій. При раздачѣ порцій прикащики выводятъ иногда на счетъ большее количество вина, чѣмъ было его выпито, а рабочіе, болѣе трезваго поведенія, взявъ въ котелокъ свою порцію вина, отдаютъ ее другимъ рабочимъ за деньги или за старательское золото“.

Женъ и дѣтей рабочимъ позволялось приводить на пріиски не иначе, какъ съ разрѣшенія хозяевъ. Въ договорѣ съ томскимъ золото-промышленникомъ Зотовымъ (1838 г.) постановлено: „никто изъ насъ не имѣетъ права привести съ собою на пріиски жену и дѣтей, а также имѣть при себѣ на промыслѣ безъ дозволенія хозяевъ, но еслибъ кому и дозволено было, въ такомъ случаѣ жены и дѣти наши должны принять на себя какія либо обязанности, смотря по способностямъ и возрасту“, по особому условію. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Поповымъ къ обязательству имѣть при себѣ женъ и дѣтей не иначе, какъ съ дозволенія хозяевъ и прикащиковъ, прибавлено условіе, чтобы рабочіе продовольствовали ихъ собственною пищею, а не хозяйскою. Въ договорѣ съ Асташевымъ (1842 г.) сказано: „содержаніе семействъ, у кого они будутъ, имѣть намъ на собственный счетъ, а если нѣкоторые изъ семействъ будутъ пользоваться, по согласію г. Асташева или его довѣреннаго хозяйскимъ содержаніемъ, то не иначе, какъ съ вычетомъ за употребляемые на то припасы денегъ по стоящимъ на мѣстѣ цѣнамъ изъ платы нашей“. По свидѣтельству генералъ-губернатора Восточной Сибири (1842 г.), „женщины, работающія на промыслахъ, какъ и всѣ, пришедшія съ мужьями, обѣдаютъ въ своихъ избахъ, получая всѣ нужные припасы изъ магазиновъ“. Что послѣднія, какъ видно изъ указанныхъ постановленій контрактовъ, получали припасы въ счетъ заработка своихъ мужей, это несомнѣнно; женщины же, находившіяся въ постоянной работѣ, безъ сомнѣнія, получали хозяйское содержаніе. По крайней мѣрѣ, въ договорѣ съ К^о Бенардаки есть постановленіе, что, если рабочимъ дозволено будетъ привести на пріискъ „женъ и дѣтей, или другихъ женщинъ“, то онѣ должны были „производить всякія пріисковыя работы наравнѣ съ мужчинами, получая жалованье и содержаніе“, назначенное „чернорабочимъ; ежели же нѣкоторые изъ женщинъ вздумали бы отказаться отъ работъ“, то хозяинъ можетъ немедленно выслать ихъ съ пріисковъ, „чему онѣ должны подвергнуться добровольно“; вообще золотопромышленники старались стѣснить приливъ женщинъ на пріиски. „Тѣ изъ нанявшихся“, сказано въ томъ же контрактѣ, „кто приведетъ съ собою женщинъ, не вправѣ просить у хозяина на промыслѣ за деньги или въ счетъ своей заслуги для содержанія семейства

своего припасовъ, въ особенности на тѣхъ женщинъ, которыя вздумали бы уклоняться отъ работъ“ ¹⁾).

Одежду рабочіе носили свою, въ случаѣ надобности беря ее въ счетъ заработка изъ хозяйскихъ лавокъ на прискахъ; тамъ же покупали они обувь, табакъ и другіе предметы для удовлетворенія своихъ самыхъ насущныхъ потребностей. Товары выдавались рабочимъ изъ магазиновъ по запискѣ изъ присковой конторы, и стоимость ихъ записывалась въ расчетные листы. По договору съ Зотовымъ (1838 г.), рабочіе обязывались „въ излишество вещей не брать, а только то, что дѣйствительно будетъ необходимо, и изъ сихъ вещей ни въ какомъ случаѣ одинъ другому не передавать ни мѣною, ни продажей“, а также не пересылать ихъ родственникамъ; виновные же въ этомъ должны были подвергаться по закону 1838 г. тѣлесному наказанію или штрафу по приговору артельной расправы. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Поповымъ упоминается о томъ, что изъ конторы должна быть выдана рабочимъ такса вещамъ на одежду и обувь, забираемую рабочими въ счетъ своего заработка, а въ контрактѣ съ К^о Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (1844 г.) говорится уже о таксѣ, утвержденной начальствомъ. Совершенно несходное съ другими контрактами постановленіе мы находимъ въ договорѣ съ К^о Боровкова, Асташева и др. (1843 г.): „Одежду, обувь и разныя вещи брать намъ въ счетъ заработка изъ запасовъ компаніи за установленную имъ цѣну, а буде чему цѣна покажется намъ несообразною съ достоинствомъ товара, то мы волимы покупать это у постороннихъ людей“. Является только при этомъ вопросъ, можно ли было достать въ тайгѣ нужныя рабочимъ вещи гдѣ нибудь, кромѣ хозяйской лавки.

Казимирскій говоритъ о продажѣ вещей изъ присковыхъ амбаровъ въ весьма оптимистическомъ тонѣ: по его словамъ, товары изъ лавокъ, не принадлежащіе къ предметамъ роскоши (о недопущеніи послѣднихъ было „строгое наблюденіе“), „отпускаются рабочимъ по справочнымъ цѣнамъ съ прибавкою издержекъ“ за доставку этихъ вещей на приски. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири называлъ въ своемъ отчетѣ (1842 г.) цѣны этихъ товаровъ „весьма умѣренными“; о томъ же свидѣлствуетъ и бар. Задделеръ. Уголокъ завѣсы приподнимаетъ только авторъ описанія 1848 г., который говоритъ, что „иногда сами конторы

¹⁾ Обыкновенно въ одномъ пунктѣ съ постановленіемъ о неприводѣ рабочими на приски женъ безъ согласія хозяевъ мы встрѣчаемъ ихъ обязательство не держать на прискахъ лошадей, коровъ, свиней и вообще какого бы то ни было скота. Впрочемъ въ договорѣ съ Зотовымъ (1838 г.) при этомъ сдѣлана оговорка, что, если будетъ разрѣшено „нѣкоторымъ извѣстнымъ и благонадежнымъ людямъ“ держать лошадей, то владѣльцы ихъ должны имѣть для прокормленія ихъ свое сѣно.

умышленно увеличивают долгъ" рабочихъ: „чтобы связать болѣе рабочаго, онѣ дають ему на значительную сумму одежду и обувь, которую неминуемо поселенцы берутъ охотно, чтобы имѣть хоть что нибудь. Конечно, этими задолженіями конторы часто безвозвратно растрачиваютъ свой капиталъ, но всегда увеличиваютъ занятія сельской и земской полиціи, обязанныхъ отыскивать бѣглецовъ и высылать ихъ на приски". Что при продажѣ изъ этихъ лавокъ дѣло не обходилось безъ большихъ злоупотребленій, видно и изъ предложеній нѣкоторыхъ администраторовъ при обсужденіи проекта закона 1838 г. объ установленіи таксы на отпускаемые рабочимъ товары.

По словамъ Небольсина, самое значительное требованіе изъ присковыхъ магазиновъ бывало на бродни, чарки (обувь), рукавицы, вареги, аямы (верхніе кафтаны халатнаго покрою), полушубки, сукно, холстъ, кожи, черкасскій и русскій табакъ. „Первые пять предметовъ составляютъ главнѣйшую статью сбыта: безъ нихъ рабочему невозможно работать; но они требуютъ частой перемѣны, потому что аямы недолго служатъ и скоро ветшаютъ; рукавицы скоро избиваются отъ тренія о рукоятъ ломовъ и лопатокъ; обувь изнашивается въ нѣсколько дней подъ вліяніемъ всегдашней сырости и грязи, въ которой человекъ трудится, извлекая золото". Расхваливая честность золотопромышленниковъ, Небольсинъ признаетъ однако, что „бывали въ старыя годы такіе матеріальныя" (завѣдывающіе магазинами), которые, при слабомъ надзорѣ со стороны главнаго производителя работъ, пользовались его нерадѣніемъ и пристрастіемъ русскаго человека къ запрещеннымъ вещамъ. Они тайкомъ отъ старшихъ, торговали всѣмъ, чѣмъ угодно. Но чтобы не замѣтно было ихъ прохѣлокъ, въ расчетномъ листѣ рабочаго ставили виѣсто восьмушки сахара—пару варегъ, виѣсто четвертки чаю—пару броденъ и такимъ образомъ... наживались въ тихомолку на счетъ ближняго" ¹⁾. Въ тайномъ отпускѣ сахара и чая само по себѣ не было, конечно, ничего, преступнаго; не имѣя на прискахъ вина въ достаточномъ количествѣ, присковый рабочій чувствовалъ весьма естественную и настоятельную потребность согрѣться и возбудить свои утомленные мускулы хотя бы чаемъ, и впоследствии эта потребность была признана вполне законною ²⁾; въ разсматриваемое же время оя удовлетвореніе, какъ и всякое пользованіе запретнымъ товаромъ, должно было обходиться рабочимъ не дешево.

Хотя при составленіи положенія о частной золотопромышленности генералъ-губернаторъ Западной Сибири кн. Горчаковъ настаивалъ на томъ, чтобы установлены были таксы на припасы, продающіеся въ при-

¹⁾ Отеч. Зап. 1847 г. т. 55, стр. 120—121.

²⁾ О возбуждающемъ вліяніи водки и чая на мышцы см. въ статьѣ М. Манасеиной объ усталости. („Сѣверный Вѣстникъ" 1892 г. кн. 4-я).

исковыхъ лавкахъ, однако, въ законъ 1838 г. это правило включено не было. Тѣмъ не менѣе въ Западной Сибири таксы уже въ 1841 г. утверждались администраціею, быть можетъ, потому, что мѣстный генералъ-губернаторъ понималъ, что онѣ, дѣйствительно, необходимы. Уже въ этомъ году золотопромышленникамъ Томскаго округа было предложено войти въ соглашеніе между собою относительно установленія однообразной таксы на припасы и одежду, и, по рассмотрѣніи ея горнымъ ревизоромъ частныхъ золотыхъ промысловъ, она представлена была на утвержденіе управляющаго Томскою губерніею. Въ іюнѣ 1842 г., по примѣру предыдущаго года, отдѣльному засѣдателю по частнымъ золотымъ промысламъ было предписано сдѣлать золотопромышленникамъ такое же предложеніе, и если на какіе нибудь предметы будутъ выставлены цѣны выше предыдущаго года, то засѣдатель обязывался объяснить причины такого возвышенія. Когда таксы въ іюлѣ мѣсяцѣ были представлены губернатору ¹⁾, онъ утвердилъ указанныя въ ней цѣны, кромѣ двухъ товаровъ ²⁾. Съ этими измѣненіями такса была напечатана, и отдѣльному засѣдателю по частнымъ золотымъ промысламъ было въ августѣ мѣсяцѣ предписано прибить ее для вѣдома рабочимъ на всѣхъ прискахъ золотопромышленниковъ, подписавшихся подъ общимъ соглашеніемъ, при чемъ впредь ему было поставлено въ обязанность представлять таксу на утвержденіе не позже 15 апрѣля ³⁾.

Между тѣмъ какъ для промысловъ Томскаго округа уже въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ такса утверждалась администраціею,—на промыслахъ Енисейскаго округа, какъ доказываетъ изученіе расчетныхъ книгъ нѣсколькихъ компаній, ея не существовало въ теченіе всего десятилѣтія 40-хъ годовъ. Мы заключаемъ это не только изъ того, что цѣны на одинъ и тотъ же предметъ измѣнялись во время одной годовой операціи, но бывали даже случаи, когда одному рабочему какой нибудь товаръ ставился по одной цѣнѣ, а другому по иной: такъ, напр., въ Удереиской К^о одному рабочему въ январѣ мѣсяцѣ 1847 г. фунтъ сахара поставленъ 2 руб., другому—въ 3 руб. асс. Отсутствіе таксъ, хотя бы и не утвержденныхъ начальствомъ, составляло нарушеніе правила закона 1838 г. о частной золотопромышленности, по которому въ договорѣ съ рабочимъ должно было быть обозначено, „по какой цѣнѣ, городской или съ надбавкою какихъ либо процентовъ“ должно было отпускать ра-

¹⁾ Въ соглашеніи участвовали золотопромышленники Поповъ, Асташевъ, управляющій промыслами Рязановыхъ и нѣкоторыхъ другихъ, всего 9 человекъ. (Въ 1843 г. промыслами Томской губ. владѣли 13 золотопромышленниковъ и золотопромыш. компаній).

²⁾ Цѣны варегамъ онъ понизилъ до 18 коп. и линейному табаку до 7¼ коп. сер. за фунтъ.

³⁾ См. Дополненіе III (въ концѣ тома).

бочимъ одежду и обувь. Затѣмъ мы находимъ, что присковые амбары были весьма различной полноты: на однихъ прискахъ (напр., Удереиской К°) выдавались болѣе разнообразные предметы, на другихъ (Асташева) выдача строже ограничивалась. Во всякомъ случаѣ употребленіе кирпичнаго чая (на счетъ самихъ рабочихъ) сдѣлалось довольно обычнымъ, и мы встрѣчаемъ его и на Казанскомъ прискѣ Асташева, и въ Удереиской К°, и на Николаевскомъ прискѣ Заангарской К°; сахаръ былъ менѣе распространенъ: на прискахъ Асташева его не продавали, или по крайней мѣрѣ, не записывали въ расчетныя книги. (Изъ словъ Небольсина мы только что видѣли, что чай и сахаръ считались тогда за претными товарами, предметами роскоши, и ихъ продавали иногда тайкомъ, записывая вмѣсто нихъ въ расчетныя листы другіе предметы). Слѣдуетъ отмѣтить также, что изъ четырехъ, рассмотрѣнныхъ нами, расчетныхъ книгъ (40-хъ годовъ) присковъ южной части Енисейскаго округа видно, что, не смотря на весьма ничтожное количество выдаваемого въ пищу масла, его продавали рабочимъ только въ Удереиской К°. Какъ велики были вообще заборы рабочихъ въ присковыхъ лавкахъ, мы увидимъ ниже, теперь же отмѣтимъ только, что весьма значительную статью ихъ расхода составляла обувь: такъ, напр., одинъ рабочій на Прокопьевскомъ прискѣ Асташева въ операцію 1843 г., при общемъ заборѣ вещами въ 59 р. 46 к. асс., истратилъ въ томъ числѣ на обувь 22 р. 75 к.: это нисколько не удивительно при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходилось трудиться присковому рабочему во всякую ненастную погоду.

Относительно болѣзней рабочихъ и оказанія имъ медицинской помощи мы находимъ слѣдующія постановленія въ контрактахъ разсматриваемаго періода. По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Зотовымъ, за лѣченіе и содержаніе дѣйствительно больныхъ рабочихъ никакой платы не полагалось, также, какъ и по договору 1844 г. съ К° Рязановыхъ, Баландина и Казанцевыхъ; жалованье же за время болѣзни рабочихъ нигдѣ не платили, такъ какъ мѣсячную плату рабочіе вездѣ получали за 30, дѣйствительно проведенныхъ въ работѣ, дней. Но и безплатное лѣченіе рабочихъ далеко не является общимъ правиломъ. По договору съ золотопромышленниками Поповыми 1842 г., за содержаніе въ больницѣ и за лѣченіе полагалось вычитать въ сутки по 1 р. асс. съ человѣка, а по договору съ Асташевымъ—по 40 к. асс. Въ другомъ договорѣ съ нимъ же 1843 г. постановлено въ случаѣ болѣзни не долѣе 3 дней за содержаніе больныхъ не дѣлать никакого вычета, а затѣмъ они обязаны были уплачивать по 50 коп. асс. въ сутки. По договору съ К° Боровкова, Асташева и друг. (1843 г.) заболѣвшіе рабочіе обязывались вознаградить компанію за издержки на ихъ лѣченіе, причемъ въ исчисленіи этихъ издержекъ они безусловно полагались на добросовѣст-

ность тѣхъ лицъ, которымъ это будетъ поручено отъ компаніи. Въ имѣющемся у насъ договорѣ съ Боровковымъ (1845 г.) былъ назначенъ вычетъ съ рабочихъ за содержаніе и лѣченіе, но разиѣръ его не указанъ, а оставленъ пробѣлъ. По договору съ Бенардаки (1848 г.) полагалось болѣть безъ вычета всего два дня, а затѣмъ за содержаніе и лѣченіе вычиталось въ день 28 коп. сер. Трудно сказать положительно, исполнялись ли эти постановленія контрактовъ въ дѣйствительности, или они оставались мертвою буквою. Въ извѣстныхъ намъ расчетныхъ книгахъ 40-хъ годовъ мы не нашли прямо вычетовъ за лѣченіе, но, быть можетъ, золотопромышленники дѣлали такимъ образомъ, что не записывались въ активъ рабочаго не только дни, употребленные на лѣченіе, но и нѣкоторое число такихъ дней, во время которыхъ они были на работѣ. Во всякомъ случаѣ въ шестидесятыхъ годахъ на золотыхъ промыслахъ нерѣдко производились вычеты за лѣченіе больныхъ рабочихъ.

Тяжелыя условія прискоковаго труда вызывали заболѣванія рабочихъ, свѣдѣнія о которыхъ едва ли можно считать точными. Въ 1842 г. по свидѣтельству генералъ-губернатора Восточной Сибири всего больныхъ на прискахъ Енисейскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ было 831 (7% всего числа), изъ нихъ умерло 28. Весною этого года на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа было не мало больныхъ цынгомъ, впрочемъ, безъ смертныхъ случаевъ. Отъ этой болѣзни сами рабочие лѣчились настойкою и примочкою изъ пихты, а въ пищу употребляли дикій лукъ. Съ начала весны 1843 г. на золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, по свидѣтельству Казимирскаго, сильно свирѣпствовали горячка и цынга, хотя смертность была не велика: отъ этихъ болѣзней на сѣверной системѣ Енисейскаго округа изъ всего числа—6,610 рабочихъ умерло 37 чел., на южной изъ 8,453 рабочихъ—55 челов., на Бирюсинской системѣ изъ 4,106 чел. умерло 18. Значительную болѣзненность и нѣсколько большую смертность мы замѣчаемъ въ 1844 г. на Удереиской системѣ (южн. части Енисейск. окр.): изъ всего числа 4,389 больныхъ ¹⁾ умерло 105 чел. (2,4%), на Бирюсинской—изъ 654 челов. умерло 29. Господствующею болѣзнию была цынга ²⁾.

Въ 30-хъ годахъ администраціи пришлось настоять на устройствѣ врачебной помощи на промыслахъ Западной Сибири, но и въ половинѣ слѣдующаго десятилѣтія нѣкоторые золотопромышленники слишкомъ небрежно относились къ своимъ обязанностямъ въ этомъ отношеніи. Въ 1845 г. горный исправникъ частныхъ золотыхъ промысловъ Томскаго округа довелъ до свѣдѣнія главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ

¹⁾ Намъ неизвѣстно общее количество рабочихъ въ этомъ году на промыслахъ южной части Енисейскаго округа, но въ 1846 г. ихъ было 10,949, въ 1847—9,196 чел.

²⁾ Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло № 3/18, ч. 2-я, л. 12—13.

заводовъ, что на Николаевскомъ пріискѣ купца Серебренникова нѣтъ помѣщенія для больныхъ, и потому заболѣвшіе оставались „въ своихъ закоптѣлыхъ дымныхъ избушкахъ, одежда на нихъ грязная, изношенная“, принадлежавшая самимъ рабочимъ, лѣчилъ же ихъ какой то „вольнопрактикующій лѣкарь“. Люди эти были ушиблены обваломъ песка въ разрѣзѣ, и двое изъ нихъ лежали съ переломленными ногами. Оказалось, что вышина разрѣза 8—9 аршинъ, и что онъ имѣетъ всего одинъ уступъ въ полъ-аршина, такъ что всегда можно ожидать несчастныхъ случаевъ. Всѣ рабочіе въ присутствіи жандармскаго полковника заявили, что они просили управляющаго сдѣлать въ разрѣзѣ, по вышинѣ забоя, отъ двухъ до трехъ уступовъ и гораздо шире, чѣмъ въ полъ-аршина, но онъ не согласился. Управляющій же отозвался, что въ законѣ нѣтъ правилъ, какъ вести разрѣзъ и сколько дѣлать уступовъ, и прибавилъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнять желанія рабочихъ и не отвѣчаетъ, если даже всѣ они будутъ раздавлены песками. Получивъ это донесеніе, главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ приказалъ потребовать отъ горнаго ревизора объясненія, принималъ ли онъ законныя мѣры для устраненія указаннаго безпорядка, и также велѣлъ предписать, чтобы Николаевскій пріискъ разрабатывался по правиламъ горнаго искусства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ томскому губернскому правленію понудить купца Серебренникова къ устройству на Николаевскомъ пріискѣ приличнаго помѣщенія для больныхъ рабочихъ и снабженію ихъ одеждою, а также разсмотрѣть отзывъ управляющаго промысломъ ¹⁾).

Что касается Восточной Сибири, то тамъ на енисейскихъ и бирюсинской золотопромышленныхъ системахъ находился на каждой докторъ, опредѣленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по представленію мѣстнаго генералъ-губернатора, къ которому предварительно обратились золотопромышленники по общему соглашенію. Жалованье имъ производилось на счетъ золотопромышленниковъ въ размѣрѣ отъ 5 до 6 тысячъ руб. асс. въ годъ при готовомъ содержаніи во время пребыванія ихъ на промыслахъ съ 1 апрѣля по 10 сентября. Весною они обязаны были ежегодно отправляться на промысла и оставаться тамъ до окончанія операціи, завѣдывая всѣми пріисковыми больницами ²⁾; помощниками ихъ были вольнонаемные лѣкарскіе ученики, обыкновенно отличавшіеся, по свидѣтельствамъ даже болѣе позднаго времени, величайшимъ невѣжествомъ.

По словамъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, во всеподдан-

¹⁾ Арх. Том. Горн. Упр., св. 269, л. 860—862, 872.

²⁾ По словамъ бар. Зедделера, на нѣкоторыхъ большихъ пріискахъ были еще и особые врачи.

пѣйшемъ отчетѣ за 1842 г. о промыслахъ Енисейскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, больные помѣщались „на главныхъ промыслахъ въ лазаретахъ, а въ прочихъ мѣстахъ въ избушкахъ“. По его словамъ, на всѣхъ промыслахъ, и особенно на Бирюсѣ, въ больницахъ соблюдалась „отличная чистота“; пищу больные получали назначенную врачомъ. Но далѣе генераль-губернаторъ самъ себѣ противорѣчитъ. Указавъ на то, что „самые отличные по исправности лазареты устроены на пріискахъ Мясниковыхъ“, онъ продолжаетъ: „на прочихъ же — не соответствующую назначенію, и особенно неисправность отличаются промыслы Бунакова, несмотря на настоянія застѣдателей“, такъ что генераль-губернатору пришлось предписать золотопромышленникамъ особымъ циркуляромъ, чтобы они позаботились объ устройствѣ лазаретовъ и снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ ¹⁾).

Изъ описанія енисейскихъ промысловъ 1848 г. мы видимъ, что на 22 золотыхъ промыслахъ сѣверной системы было 20 госпиталей, отъ 5 до 70 кроватей въ каждомъ, а всего на 8,850 чел. рабочихъ (8,351 мужчина и 209 женщинъ)—405 кроватей, т. е. одна кровать на 21 рабочего; на 23 промыслахъ южной системы было только 15 госпиталей, въ томъ числѣ на четырехъ промыслахъ двухъ компаній было по одному госпиталю на два пріиска, а съ 6 пріисковъ отправляли больныхъ въ госпитали другихъ владѣльцевъ; всего на южной системѣ Енисейскаго округа на 6,825 рабочихъ (6,419 мужч. и 406 женщ.) было 242 кровати, т. е. одна кровать на 28 рабочихъ, а на обѣихъ системахъ въ среднемъ одна кровать на 24 рабочихъ.

¹⁾ Казимирскій, по обыкновенію, представляетъ состояніе больницъ на промыслахъ Восточной Сибири въ весьма радужномъ свѣтѣ. „Больницы“, говоритъ онъ, „устроены на каждомъ дѣйствующемъ пріискѣ на число больныхъ соразмѣрно числу рабочихъ. Изъ нихъ отличаются обширностью, чистотою и порядкомъ: въ сѣверной части (Енисейскаго округа) на Дитинѣ больница купца Соловьева и на Калами—Горохова; въ южной—больницы обонихъ Мясниковыхъ, К^о Кузнецова и Щеголева, и въ особенности больница почетнаго гражданина Н. Мясникова на 30 чел., которая своимъ благоустройствомъ и щеголеватостію можетъ поровняться съ лучшими больницами уѣздныхъ городовъ Россіи“. Такой же хвалебный отзывъ даетъ Казимирскій и объ аптекахъ. Лучшія изъ нихъ, по его словамъ, находились „при главныхъ станяхъ или пріискахъ. Онѣ выписываются хозяевами промысловъ изъ столицъ въ самомъ удовлетворительномъ и даже роскошномъ количествѣ и качествахъ медикаментовъ; ими пользуются окрестные пріиски“. Бѣда только въ томъ, что, какъ это бываетъ обыкновенно и въ настоящее время, при существованіи порядочной по внѣшности аптеки, врачебный персоналъ былъ, безъ сомнѣнія, очень плохъ. Впрочемъ и затраты на лѣкарства не вездѣ были велики: такъ на промыслахъ Заангарской К^о купца Коростелева въ годовую операцію 1841 г., при общемъ расходѣ на производство около 70,000 руб., на лѣкарства для больныхъ было истрчено всего 61 руб., изъ которыхъ болѣе половины на горчицу, камфару, нашатырь, перецъ, сѣру, скипидаръ, нефть, коноплянное сѣмя, клюкву и бруснику, и лишь остальные 28 р. на „медикаменты“. (Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ).

Въ 1842 г. К^о Голубкова и Кузнецова устроила на приискахъ Енисейскаго округа двѣ походныя церкви: одна должна была находиться на системѣ р. Калами, другая—на системѣ р. Пита. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ на Святидуховскомъ приискѣ К^о Соловьева была прекрасная деревянная церковь. Священники и весь причтъ при церквяхъ содержались на счетъ золотопромышленниковъ. Но все это не могло особенно поддерживать въ рабочихъ религіозное чувство, такъ какъ на приискахъ работали обыкновенно и по праздникамъ на старательскихъ работахъ, и, слѣдовательно, некому было посѣщать богослуженіе. Впрочемъ священники обязаны были также посѣщать прииски для исполненія разныхъ требъ.

Въ январѣ 1848 г. генераль-губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ, указывая на то, что рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ сверхъ безпрестанныхъ побѣговъ, причиняющихъ весьма ощутительный вредъ золотопромышленникамъ, часто совершаютъ убійства и другія тяжкія преступленія, ходатайствовалъ, чтобы приисковые рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ за важныя преступленія, за которыя они по закону должны подвергаться торговой казни, а также за и побѣги судились военнымъ судомъ; съ тѣмъ, чтобы приговоры по такимъ дѣламъ восходили на ревизію и рѣшеніе къ генераль-губернатору Восточной Сибири. Министръ финансовъ, также находя, что необходимо принять строжайшія мѣры къ удержанію ссыльно-поселенцевъ отъ преступленій, предлагалъ за указанныя генераль-губернаторомъ преступленія судить ихъ военнымъ судомъ въ тѣхъ же комиссіяхъ, въ которыхъ они судились за похищеніе и переводъ золота и за сопротивленіе установленнымъ властямъ и воинскимъ командамъ, съ утвержденіемъ приговоровъ генераль-губернаторами; что же касается отдачи ссыльно-поселенцевъ подъ военный судъ за побѣги съ приисковъ, то министръ финансовъ нашелъ это неудобнымъ, не потому, что наказанія, налагаемыя военнымъ судомъ, едва ли соответствовали бы проступку, а лишь потому, что разсмотрѣніе многочисленныхъ дѣлъ этого рода было бы для военносудныхъ комиссій обременительно. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ, и заключеніе совѣта было утверждено государемъ въ мартѣ 1843 г. ¹⁾.

По положенію о частной золотопромышленности 1838 г., для сохраненія порядка между рабочими дозволялось устраивать артельныя расправы, состоящія отъ назначаемаго золотопромышленникомъ старосты и двухъ выборныхъ изъ рабочихъ. Этой расправѣ, съ вѣдома хозяина или прикащика, предоставлялось право лѣннихъ, нетрезвыхъ, обличенныхъ въ запрещенной картежной или иной игрѣ, буйныхъ и порывавъ-

¹⁾ П. С. З. т. XVIII, № 16611.

шихся къ побѣгу, наказывать по словесному приговору набавленіемъ на нихъ работы, вычетомъ изъ платы *въ пользу артели* или розгами до 100 ударовъ, при чемъ, если хозяинъ или прикащикъ были недовольны приговоромъ расправы, то они могли жаловаться отдѣльному засѣдателю, а по технической части горному ревизору. Въ контрактахъ рабочіе, какъ мы уже упоминали, обыкновенно обязывались вести себя честно, быть почтительными къ хозяину и прикащикамъ, не пьянствовать, въ карты и инныя игры не играть, никуда самовольно не отлучаться, не грубить, и не прекословить ¹⁾. Далѣе въ контрактахъ обыкновенно излагалось постановленіе закона объ артельной расправѣ ²⁾.

Въ контрактахъ съ рабочими обыкновенно опредѣлялся размѣръ денежнаго штрафа за уклоненіе отъ работъ подѣ предлогомъ болѣзни, хотя нельзя не замѣтить, что невѣжественные присковые фельдшера сплошь и рядомъ могли и не отличить дѣйствительной болѣзни отъ мнимой; къ тому же при этомъ не принималось во вниманіе, что напряженная присковая работа могла иногда требовать отдыха, хотя, въ виду необязательности старательскихъ работъ въ воскресные и праздничные дни, положеніе рабочихъ въ 40-хъ годахъ въ этомъ отношеніи было благоприятнѣе, чѣмъ въ настоящее время. По договору съ Зотовымъ 1838 г. съ притворно больныхъ за всякій прогульный день постановлено было изыскивать по 40 коп. По контракту съ Коноваловымъ (1842 г.) за уклоненіе отъ работъ сверхъ трехъ дней въ мѣсяцъ назначенъ штрафъ 1 р. асс. въ сутки. По договору съ Поповымъ (1842 г.) опредѣлено было дѣлать вычетъ въ размѣрѣ убытковъ, причиненныхъ прогуломъ рабочаго. По контракту съ К^о Рязановыхъ, Баландина и Казанцева (1844 г.) съ притворно больныхъ производился вычетъ не только за харчевое содержаніе, но и за прогульные дни по 15 коп. асс. По договору съ Асташевымъ (1842 г.) въ случаѣ притворной болѣзни болѣе 3 дней въ мѣсяцъ вычиталось за харчи по 20 коп. въ сутки; по другому договору съ Асташевымъ (1843 г.) полагалось вычитать съ самовольно уклоняющимися отъ работъ по 5 руб. асс., т.-е. почти половину мѣсячнаго жалованья чернорабочихъ, и, наконецъ, въ третьемъ договорѣ съ Асташевымъ (1843 г.) было сказано, что съ того, кто не будетъ являться къ работѣ, или будетъ исполнять ее не такъ, какъ слѣдуетъ, „по упрямству, лѣности, подѣ предлогомъ праздника (но когда публичныя работы дозво-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ рабочіе обязывались не переходить съ одного прииска на другой, а быть всегда, хотя бы и въ свободное время, на одномъ приискѣ, приѣзжающихъ изъ деревень и съ другихъ промысловъ къ себѣ не принимать и никакихъ связей съ ними не имѣть.

²⁾ Въ договорѣ съ Зотовымъ 1838 г. упоминалось о журналѣ постановленій артельной расправы, который долженъ былъ вести артельный староста.

ляются), при ложномъ предлогѣ болѣзни и тому подобнымъ отзывамъ“, Асташевъ могъ взыскивать по 1 руб. *серебр.* По договору съ Боровковымъ 1845 г. съ каждого уклонившагося отъ работъ долженъ былъ производиться вычетъ въ двойномъ размѣрѣ противъ условной платы. Въ договорѣ съ Боровковымъ и К^о (1843 г.) сказано: „Чтобы при отправленіи работъ дать средство къ истребленію между нами лѣности и нерадѣнія, то предоставляемъ компаніи и ея довѣреннымъ *безотѣтное* право штрафовать провинившихся, а именно у изобличенныхъ при урочной работѣ въ подкатѣ тачекъ съ пескомъ вѣсомъ менѣе 3 пудъ считать двѣ тачки за одну; за отлучку безъ дозволенія съ пріиска, за выходъ на работу позже и за отбытіе съ оной ранѣе опредѣленнаго времени и за уклонность (sic) отъ работы подъ предлогомъ болѣзни и прочаго *зачитатъ* за каждый часъ половиною рабочаго дня, за полдня двумя, за цѣлый день тремя днями, за непротирку на бутарахъ песковъ взыскивать при малѣйшемъ знакѣ золота въ откидныхъ породахъ какъ бы за золотникъ онаго по цѣнѣ, платимой за старательскую работу“.

Мы должны прибавить, что въ извѣстныхъ намъ разсчитанныхъ книгахъ 40-хъ годовъ не нашли штрафовъ съ рабочихъ, если только они не скрывались подъ видомъ незаписыванія исполненной работы; а что штрафы въ такой формѣ были возможны, доказываетъ только что приведенное условіе изъ договора съ Боровковымъ (1843 г.). Штрафъ могъ записываться также и подъ видомъ денегъ, выданныхъ на руки. Въ разсчитанныхъ книгахъ 40-хъ годовъ мы встрѣчаемъ прямое упоминаніе о вычетахъ только за утрату хозяйскихъ вещей и инструментовъ.

Пріисковыя управленія выговаривали себѣ въ договорахъ право переводить рабочихъ съ одной работы на другую, хуже оплачиваемую, а также право разсчитывать ихъ до срока въ видѣ ли наказанія, или по другимъ причинамъ ¹⁾.

Во многихъ договорахъ рабочіе ставили условіемъ, чтобы пріисковое начальство обходилось съ ними „безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво“ и не причиняло „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ жестокостей, здоровью вредныхъ“ (согласно тексту закона 1838 г.); въ договорѣ съ К^о Бенардаки къ этому прибавлена оговорка: „однако-жъ претензіи наши о семъ должны быть предъявлены, кому слѣдуетъ, въ то же время или при первой возможности, а иначе онѣ приниматься не должны“, и при томъ рабочіе не могли жаловаться на прикащиковъ, смотрителей и нарядчиковъ, не принося предварительно жалобы управляющему. Условіе о человѣколюбивомъ обращеніи съ рабочими плохо выпол-

¹⁾ Одинъ золотопромышленникъ томской губ. упоминаетъ въ своемъ дневникѣ (начала 40-хъ г.) о невыдачѣ табаку и одежныхъ вещей рабочимъ за невыходъ ихъ на работу (Рукопись Общества изслѣдованія Алтая).

нялось на дѣлѣ: старики, служившіе на промыслахъ въ 40-хъ годахъ, рассказывали намъ, что, напротивъ, обращеніе въ то время съ рабочими было самое варварское: розги приносили прямо въ разрѣзъ, и тутъ же производилась жестокая расправа по усмотрѣнію не только управляющаго, но и другихъ служащихъ.

Для исполненія полицейскихъ обязанностей на прискахъ находились казаки городскихъ полковъ Восточной Сибири, Забайкальскаго, Иркутскаго и Енисейскаго. Каждый отрядъ былъ подъ начальствомъ одного казачьяго офицера; они располагались по системамъ и по приходѣ на промысла, поступали въ распоряженіе отдѣльнаго застѣдателя ¹⁾. По словамъ Казимирскаго, городской казакъ „болѣе мирный гражданинъ, чѣмъ воинъ: съ малыхъ лѣтъ онъ приучается къ хозяйству, а не къ оружію“, и болѣе готовится къ гражданской службѣ, чѣмъ къ военной, и потому „въ немъ не бываетъ ни воинской ловкости, ни строгой дисциплины регулярнаго войска“. Рабочіе „поняли очень хорошо, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и почти явно смѣются надъ сей стражей, увѣренные вполнѣ въ превосходствѣ силъ своихъ“. По словамъ автора описанія енисейскихъ золотыхъ промысловъ 1848 г., „казаки наблюдаютъ, чтобы рабочіе не дѣлали безпорядковъ, не производили шума, картежной игры, чтобы они исполняли все по договору, сохраняли бы чистоту въ помѣщеніяхъ. По окончаніи работъ на прискахъ остается небольшая часть казаковъ для наблюденія за служащими и людьми, оставшимися для зимнихъ работъ, всѣ же остальные казаки, сопровождая рабочихъ, слѣдуютъ на зиму въ города Иркутскъ и Красноярскъ къ своимъ полкамъ“. Авторъ описанія даетъ весьма неодобрительный отзывъ о нравственномъ состояніи этихъ казаковъ, и жизнь на прискахъ не могла содѣйствовать улучшенію ихъ поведенія. Военная дисциплина въ этихъ отрядахъ была также весьма слаба. „Бывали случаи на прискахъ, что отрядъ казаковъ, посланный для усмиренія взбунтовавшихся рабочихъ, не повиновался своему начальнику; казаки боялись даже обнажить сабли, и офицеръ, прежде усмиренія рабочихъ, долженъ былъ приступать къ наказанію команды, а нерѣдко самъ съ помощью служащихъ и прикащиковъ—усмирять рабочихъ. На нѣкоторыхъ прискахъ“, продолжаетъ тотъ же авторъ, „казаки допускаются къ старательскимъ работамъ, а какъ они, имѣя полное желаніе достать деньги, по обязанностямъ службы мало бываютъ свободны, то казаки вмѣсто себя нанимаютъ рабочихъ. Обстоятельство это весьма важно: оно сближаетъ казаковъ съ рабочими и, кромѣ того, стоя на часахъ при добычѣ золотоноснаго пласта, при промывкѣ песковъ на ма-

¹⁾ Въ 1843 г., въ сѣверной части Енисейскаго округа, казачій отрядъ состоялъ изъ 1 офицера, 12 урядниковъ и 110 казаковъ, въ южной—1 офицера, 17 урядниковъ и 144 казаковъ и на Бирюсинской системѣ—1 офицера, 12 урядниковъ и 45 казаковъ.

шинахъ и вашгердахъ, казаки могутъ не только сами покищать золото, но и допускать къ этому рабочихъ“.

На каждую систему золотыхъ промысловъ опредѣлялся одинъ отдѣльный засѣдатель изъ членовъ земскаго суда. Онъ ежемѣсячно представлялъ генералъ-губернатору и губернатору вѣдомости о прибыли и убыли рабочихъ, а по окончаніи года—отчетъ о всемъ входящемъ въ кругъ его вѣдомства. Въ 1844 г. отдѣльные засѣдатели были переименованы въ горныхъ исправниковъ, съ оставленіемъ при земскомъ судѣ¹⁾. Какія безобразія чинили иной разъ отдѣльные засѣдатели на прискахъ, видно изъ слѣдующаго письма къ какому-то властѣ имѣющему лицу. Гаврила Устюжанинъ писалъ съ Прокопьевскаго приска въ іюль 1838 г., что наканунѣ къ нему явились съ Екатерининскаго приска прикащикъ Шагановъ и рабочіе-поселенцы Осиповъ, Кіянъ и Алексѣевскій и объявили, что на ихъ прискъ пріѣзжалъ отдѣльный засѣдатель по частнымъ золотымъ промысламъ Розенбергъ съ тремя казаками и управляющимъ Вознесенскимъ прискомъ Мясникова, Панаевымъ, „весьма въ пьяномъ видѣ“, и засѣдатель безъ всякаго спроса, неизвѣстно по какой причинѣ, началъ бить по щекамъ рабочихъ Алексѣевскаго и Осипова. Когда прикащикъ Шагановъ спросилъ Розенберга: „что ему нужно, и за что бьетъ рабочихъ“, то управляющій Панаевъ сталъ просить засѣдателя, чтобы онъ наказалъ Шаганова, и тотъ велѣлъ казакамъ отстегать его плетями. Когда, послѣ наказанія, Шагановъ побѣждалъ въ комнату, засѣдатель поймалъ его и самъ началъ бить его. Затѣмъ, опять-таки по просьбѣ Панаева, Розенбергъ наказалъ плетями рабочаго Кіяна и приказалъ казакамъ вести его за бороду; этого несчастнаго вели такимъ образомъ версты три, причемъ казаки и Панаевъ стегали его плетями. Нѣсколько рабочихъ подтвердили Устюжанину этотъ рассказъ. Описанная расправа была произведена, вслѣдствіе шурфованія въ какомъ-то спорномъ мѣстѣ, и послѣ нея, какъ писалъ Устюжанинъ, рабочіе не пошли на работу, опасаясь подвергнуться такому же тѣлесному наказанію, а рабочій Кіянъ послѣ наказанія такъ заболѣлъ, что просилъ исповѣдать и причастить его.—Горный исправникъ и его помощникъ получали съ золотопромышленниковъ опредѣленную дань. Въ однихъ воспоминаніяхъ конца 40-хъ годовъ мы находимъ слѣдующее упоминаніе объ одномъ помощникѣ горнаго исправника: „и мосты могли проваливаться, и отвалы засыпать народъ, и кормить плохо рабочихъ дозволялось, и на поздній часть работъ смотрѣлось скуповъ пальцы, лишь бы ему не забывали приносить должное“²⁾...

¹⁾ П. С. З., т. XIX, № 17775, 28 марта 1844 г.

²⁾ А. Б.—а. „Воспоминанія о сибирской золотопромышленности“. „Сибир. Сборн.“ 1887 г., стр. 174.

Въ 1841 г. императоръ Николай повелѣлъ назначить особаго жандармскаго штабъ-офицера для наблюденія за порядкомъ на частныхъ золотыхъ приискахъ въ Сибири съ тѣмъ, чтобы онъ находился тамъ постоянно во время производства работъ и „о замѣчаемыхъ имъ случаяхъ“ доносилъ генераль-губернатору Западной Сибири и начальнику VIII округа корпуса жандармовъ ¹⁾. Въ 1842 г. былъ назначенъ жандармскій штабъ-офицеръ и на прииски Восточной Сибири ²⁾. Жандармскій штабъ-офицеръ приисковъ Западной Сибири получилъ слѣдующую инструкцію, составленную шефомъ жандармовъ согласно съ мнѣніемъ мѣстнаго генераль-губернатора. Съ начала работъ и до окончанія ихъ, т.-е. съ 1 мая по 1 октября, онъ долженъ былъ постоянно находиться на приискахъ и обязанъ былъ доставлять начальству самыя безпристрастныя и вѣрныя свѣдѣнія о томъ, насколько точно исполняются Высочайше утвержденныя правила мѣстною полиціею, золотопромышленниками и рабочими. Ему дозволялось принимать жалобы какъ отъ хозяевъ промысловъ, такъ и отъ рабочихъ, но удовлетвореніе по нимъ онъ долженъ былъ предоставлять мѣстной полиціи и, лишь въ случаѣ ея медленности и невниманія къ дѣлу, доносить вышему начальству. Онъ обязанъ былъ сообщать мѣстной полиціи о всѣхъ замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, и о важнѣйшихъ изъ нихъ доносить генераль-губернатору и окружному начальнику; объѣзжая промыслы, онъ обязанъ былъ собирать подъ рукою достовѣрныя свѣдѣнія о вознагражденіи и продовольствіи рабочихъ людей и доносить о тѣхъ хозяевахъ, которые не довольно къ нимъ внимательны, а также, въ случаѣ дошедшихъ до него жалобъ, принимать участіе въ расчетѣ хозяевъ съ рабочими и защищать послѣднихъ отъ притѣсненій, дѣйствуя, впрочемъ, при этомъ чрезъ мѣстное начальство ³⁾. Несмотря на серьезность возложенныхъ на нихъ обязанностей, жандармскіе штабъ-офицеры на приискахъ принесли мало пользы рабочимъ. По словамъ автора однихъ воспоминаній о концѣ 40-хъ и о 50-хъ годахъ, изъ наблюденія жандармскихъ офицеровъ на приискахъ „выходило мало толку“, такъ какъ „всякій золотопромышленникъ заранѣе зналъ, когда его посѣтитъ начальство; разумѣется, въ этотъ день не кормили рабочихъ испорченнымъ мясомъ, что зачастую случалось въ другіе дни, кончали работы рано, давали отдыхать, т.-е. соблюдали свято всѣ правила“. Однажды ловкій управляющій Зотова показалъ жандармскому полковнику новыя казармы сосѣднаго прииска, и тотъ не догадался, что уже видѣлъ ихъ дня четыре тому назадъ. Съ однимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ пріѣзжали на прииски его жена и

¹⁾ П. С. З. т. XVI, № 14537.

²⁾ П. С. З. т. XVII, № 15621.

³⁾ Арх. Горн. Департ. по описи Минюсскаго, св. 43, дѣло № 6.

связченица, и тогда, вмѣсто производства Инспекціи, устраивались танцы и пикники ¹⁾). За технической частью и правильностью работъ обязанъ былъ наблюдать горный инженеръ, носившій названіе горнаго ревизора.

Вопреки прикрашенному изображенію положеніи рабочихъ на прискахъ, какое мы находимъ въ отчетѣ Казимирскаго, въ статьяхъ Гофмана и бар. Зедделера и отчасти въ описаніи Енисейскихъ промысловъ 1848 г., тяжелое положеніе присковъ рабочихъ доказывается какъ ихъ побѣгами съ золотыхъ промысловъ, такъ и волненіями на прискахъ.

Въ 1841 г. на прискахъ Енисейскаго, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, гдѣ работало 7,280 чел., бѣжало 350 рабочихъ (около 5%) ²⁾. Въ 1842 г., съ присковъ тѣхъ же округовъ, гдѣ находилось до 11,000 рабочихъ, бѣжало 290 человекъ (2,6%) ³⁾. Лѣтомъ 1843 г. побѣги были самые ничтожные: съ сѣверной системы Енисейскаго округа бѣжало 15, съ южной—35, съ Бирюсинской—58 ч., что, вѣроятно, объясняется тѣмъ страхомъ, какой нагнало на рабочихъ суровое усмиреніе волненій 1842 г. „Бѣжавшіе съ промысловъ,—говоритъ Казимирскій,—не доходятъ до мѣстъ водвореній своихъ, а останавливаются у жителей въ деревняхъ, нанимаясь за самую низкую плату, лишь бы имѣть только убѣжище. Житель селенія для собственной пользы не открываетъ бѣглеца, сельское же и волостное начальство не старается преслѣдовать ихъ“, „извлекая тутъ свои личныя выгоды“. Въ 1847 г. изъ числа паходившихся на прискахъ Восточной Сибири рабочихъ бѣжало 3,7%, въ 1848 г.—2,8%, въ 1848 г. почти 3% ⁴⁾. Въ Западной Сибири весьма значительные побѣги были въ 1847 г. (11%), но зато въ слѣдующіе два года менѣе 1% ⁵⁾. Въ общемъ процентъ бѣжавшихъ былъ менѣе значителенъ, чѣмъ въ первой половинѣ 30-хъ годовъ ⁶⁾.

Въ 1842 г. на прискахъ Енисейскаго округа было сильное волненіе среди рабочихъ, подробныхъ свѣдѣній о которомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось въ сибирскихъ архивахъ, такъ какъ множество старыхъ

¹⁾ „Сиб. Сборн.“ 1887 г., стр. 184.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1842 г. № 11, стр. 234.

³⁾ Арх. Горн. Деп. по описи всеподх. докл. № 3, л. 256.

⁴⁾ Гаемейстеръ, II, 462.

⁵⁾ Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1851 г. № 3/99, ч. 7-я, л. 46—54, Гаемейстеръ, II, 462.

⁶⁾ На одномъ промыслѣ Тоиской губ. рабочій увѣрялъ въ началѣ 40-хъ годовъ, что „по новому указу за побѣгъ съ присковъ не будутъ драть плетями, если объявить земскимъ начальникамъ, что худо кормятъ, или задавили работою, или не одѣваютъ“. (Рукоп. дневникъ золотопром., принадлеж. Общ. изсл. Алтая).

дѣлъ въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ сгорѣло во время пожаровъ этихъ городовъ; дѣла этого времени въ архивахъ исправниковъ Енисейскаго округа также не сохранились. Объ этомъ обширномъ волненіи, самомъ сильномъ изъ всѣхъ волненій присковъ рабочихъ за все время существованія частной золотопромышленности въ Сибири, мы находимъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири только слѣдующія сухія свѣдѣнія подъ рубрикою „чрезвычайныхъ происшествій“: „смертоубійства и грабежей въ 1842 г. не происходило, но общественное спокойствіе было нарушено: а) На прискахъ Асташева и К°, 7 мая, замѣчено между рабочими своеволие, а потомъ 27, 28 и 29 мая открылось явное неповиновеніе хозяевамъ и мѣстнымъ начальствамъ. Беспорядки были прекращены 12 и 13 іюня; зачинщики по рѣшенію военного суда наказаны. б) На прискахъ Малевинскаго, Голубкова, Пашкова, К° Красиленкова и Бобкова, Зотова и, наконецъ, Мясникова, 10 августа рабочіе самовольно прекратили работы и ушли съ промысловъ, многіе безъ расчетовъ, прежде 1 сентября; но зачинщики схвачены и, по мѣрѣ вины, наказаны. в) На прискахъ Асташева и Сосулина, по системѣ Удеря, и К° Кузина рабочіе оказали неповиновеніе, но принятыми отдѣльнымъ засѣдателямъ мѣрами спокойствіе немедленно возстановлено“¹⁾. По свидѣтельству одного современника, было еще волненіе на прискахъ Рязанова и Толкачева²⁾. По словамъ Казимирскаго, въ 1842 г. „вся сѣверная часть Енисейскаго округа, заключающая приски, была взволнована непослушаніемъ и самовольствомъ рабочихъ“. Авторъ одного позднѣйшаго описанія Енисейскихъ промысловъ, который самъ служилъ тамъ въ это время, ничего не упоминая о майскихъ и іюньскихъ волненіяхъ, говоритъ только о событіяхъ въ августѣ; по его словамъ, „въ 1842 г. рабочіе почти на всѣхъ прискахъ сѣверной системы потребовали расчета въ августѣ мѣсяцѣ, причемъ, кажется, потребали кого-то изъ управляющихъ и добились того, что ихъ почти на всѣхъ прискахъ рассчитали. Зачинщики бунта, по опредѣленію суда, подверглись строгому взысканію“³⁾. Одинъ изъ самыхъ старыхъ присковъхъ служахъ, А. К. Субботинъ, рассказывалъ намъ, что волненіе 1842 г. было усмирено самымъ суровымъ образомъ. Жандармскій офицеръ окружалъ рабочихъ военнымъ отрядомъ, приказывалъ солдатамъ держать ружья на прицѣлъ и объявлялъ, что если кто нибудь изъ рабочихъ пикнетъ, то онъ велитъ стрѣлять. Затѣмъ нѣкоторыхъ арестовывали и

¹⁾ Арх. Гор. Деп., по описи всеподд. доклад. № 3, л. 155—156.

²⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V отд., № 894/780.

³⁾ А. Лопатинъ. „Замѣтки о положеніи рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ промыслахъ“. „Изв. Сиб. Геогр. Общ.“ 1871 т. II, № 4, стр. 41.

отвозили для отдачи подъ военный судъ съ его нещадными приговорами ¹⁾). Усмирение это надолго нагнало панику на рабочихъ ²⁾).

Въ 1843 г. былъ такой оригинальный случай. На одномъ изъ пріисковъ на р. Нойбѣ (системы Подкаменной Тунгуски) рабочіе отказались исполнить заданную имъ работу. Управляющій далъ знать владѣльцу пріиска и просилъ о присылкѣ военного отряда. Казачій офицеръ съ 5 или 6 казаками и 3 жандармами, пріѣхавшіе съ полковникомъ Казимирскимъ, отправились на пріискъ. Когда этотъ маленькій отрядъ прибылъ на Нойбу, началась гроза, и въ ту минуту, когда онъ вступилъ на пріискъ, надъ толпою рабочихъ разразился сильный ударъ грома причѣмъ одинъ изъ зачинщиковъ, стоявшій среди нея, палъ пораженный на смерть. Это такъ подѣйствовало на рабочихъ, что они съ крикомъ: „это судъ Божій“ немедленно вновь принялись за работу ³⁾. Казимирскій въ своемъ отчетѣ за 1843 г., указывая на слабость и ненадежность казачьихъ отрядовъ, заявляетъ, что если тѣмъ не менѣе въ этомъ году „повсемѣстно на промыслахъ сохранилась тишина и послушаніе“, то причиною этого были не казачьи отряды, а главное „свѣжія воспоминанія о военномъ судѣ надъ оказавшими неповиновеніе рабочими въ прошломъ году, по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири“; онъ придаетъ также значеніе и постоянному пребыванію на пріискахъ, во время лѣтней операціи, штабъ-офицера корпуса жандармовъ: „для рабочихъ“, по его словамъ, „все это было ново и грозно“.

Другихъ волненій пріисковыхъ рабочихъ въ сороковыхъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было, да и вообще, кромѣ болѣе серьезной вспышки 1842 г., они обнаруживали большое миролюбіе.

Попробуемъ теперь опредѣлить, какъ великъ былъ заработокъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ.

Въ Западной Сибири, по свидѣтельству ревизовавшаго ее чиновника министерства государственныхъ имуществъ Вонлярларскаго (1840 г.),

¹⁾ Отъ А. П. Кытманова, служившаго въ то время на Ольгинскомъ пріискѣ К^о Малевинскаго, мы слышали, что въ августѣ рабочіе не работали двѣ недѣли. Многихъ арестовали при выходѣ ихъ изъ тайги, и потому нѣкоторые выходили не въ Енисейскъ, а верстъ на 200 къ сѣверу отъ этого города, и старались избѣгнуть ареста. Пойманныхъ заковывали въ кандалы и потомъ судили въ Красноярскѣ военнымъ судомъ.

²⁾ Нельзя не упомянуть о томъ, что нѣкоторые золотопромышленники, по случаю волненія рабочихъ, задержали часть слѣдовавшихъ этимъ послѣднимъ денегъ и не сдѣлали представить ихъ начальству и по окончаніи всего этого дѣла. Еще въ декабрѣ слѣдующаго 1843 г. Голубковъ не уплатилъ рабочимъ 2.867 р., флигель-адъютантъ Пашковъ 478 р. и Ко Красильникова 1,293 р., и деньги эти были внесены лишь тогда, когда уже дано было знать въ Петербургъ о вычетѣ ихъ изъ платы за золото.

³⁾ Гофманъ. „О золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири“. Сиб. 1844 г., стр. 106.

ремесленникъ и трудолюбивый рабочій могъ заработать на промыслахъ въ это время (въ лѣтнюю операцію втеченіе 4—5 мѣсяцевъ) отъ 70 до 150 руб. асс., но счастливцевъ, нашедшій самородокъ, могъ, конечно, получить значительно болѣе ¹⁾). Что касается Восточной Сибири, то тамошній генералъ-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1888 г. писалъ о ссыльно-поселенцахъ, нанимавшихся на пріиски и, какъ мы уже знаемъ, составлявшихъ тамъ большую часть рабочихъ, что каждый изъ нихъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ могъ получить мѣсячнаго жалованья отъ 40 до 60 р. асс. Старательскими работами, по его словамъ, занимались не всѣ, такъ какъ многіе, истощенные урочными работами, не находили въ себѣ для этого силъ и притомъ не всѣ пріиски обильны золотомъ, а самородки попадались рѣдко. Генералъ-губернаторъ полагаетъ, что „счастливѣйшій и усерднѣйшій“ могъ заработать еще на старательскихъ работахъ до 100 р., слѣдовательно, весь заработокъ такого рабочаго былъ не болѣе 160 р. асс. ²⁾). Казимирскій считалъ среднимъ заработкомъ рабочаго на промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы—200 р. асс. По словамъ Н. Щукина, въ Минусинскомъ округѣ въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, многіе рабочіе вырабатывали въ мѣсяцъ 30—40 р. асс., а въ счастливое лѣто иной добывалъ и 300—400 р. асс. ³⁾). Коммиссія, ревизовавшая Восточную Сибирь, пришла къ заключенію, что хорошій работникъ на тамошнихъ золотыхъ промыслахъ въ началѣ 40-хъ годовъ получалъ въ лѣто до 85 р. сер. и болѣе ⁴⁾). Наконецъ, нѣкоторые современники указывали цифры весьма преувеличенныя ⁵⁾). Къ такимъ преувеличеннымъ показаніямъ уже потому слѣдуетъ относиться критически, что среднимъ числомъ одинъ работникъ въ сѣ-

¹⁾ Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, т. IV.

²⁾ Арх. Гор. Деп., по описи № 91, дѣло 1888 г. № 3/13, л. 208—209.

³⁾ Арх. Мин. Гос. Им., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315. Прилож. В., № 2 л. 32—33.

⁴⁾ Ibid., дѣло № 315/220, т. V.

⁵⁾ По словамъ одного золотопромышленника, „усердный старатель“ зарабатывалъ въ лѣто каждый по 200, 500 и до 800 руб. (ассигн.), причемъ послѣдніе заработки бывали только въ сѣверной части Енисейскаго округа. (Шмаковъ, „Объ Удереиской золотодобывной системѣ“, „Сѣв. Пчела“ 1845 г. № 221). Есть указанія, что рабочіе зарабатывали на золотыхъ пріискахъ въ половинѣ 40-хъ годовъ отъ 500 до 1000 р., а „нерѣдко“ и до 2000 р. асс. (Арх. Горн. Деп., по описи № 90, дѣло 1846 г. № 95/87, л. 5.); но послѣдней цифры мы ни разу не нашли ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ расчетныхъ книгъ 40-хъ годовъ. Встрѣчаются, наконецъ, не только вздорныя, но какъ видно, прямо недобросовѣстныя свидѣтельства. Такъ авторъ одной газетной статьи о золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, написанной по документамъ какого-то извѣстнаго золотопромышленника, говоритъ, что рабочій, проведя на пріискѣ около 3-хъ мѣсяцевъ (?), выручалъ нерѣдко (!) въ первой половинѣ 40-хъ годовъ отъ 300 до 900 руб. сер. („Моск. Вѣд.“ 1854 г. № 65—67.). Это совершенный вздоръ.

верной части Енисейскаго округа добывалъ въ 1846 г. золота приблизительно на 900 руб., а въ южной—472 р. сер., и изъ этого валового дохода золотопромышленникъ долженъ былъ не только вознаградить рабочаго за трудъ и содержать его, но кромѣ того и платить жалованье служащимъ, пріобрѣтать и кормить рабочій скотъ, поддерживать строенія и машины, платить подать съ золота и, наконецъ, имѣть доходъ на затраченный капиталъ. Принявъ все это во вниманіе, мы поймемъ, что о „нерѣдкихъ“ заработкахъ рабочихъ въ 900 руб. сер. въ годъ не можетъ быть и рѣчи.

Подъ стоимостью рабочаго на техническомъ языкѣ пріисковъхъ отчетовъ разумѣютъ частное, получаемое отъ раздѣленія всѣхъ расходовъ на пріискъ (какъ-то: содержаніе рабочаго, т.-е. плата ему и продовольствіе, расходы на материалы, содержаніе служащихъ и т. п.) на среднее число рабочихъ въ теченіе всей операціи. По словамъ Казимирскаго, стоимость рабочаго въ южной части Енисейскаго округа равнялась 350—600 руб. асс. Въ сѣверной части Енисейскаго округа и на Вилюйскаго системѣ (Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ), вслѣдствіе дальности и дороговизны провоза припасовъ, стоимость рабочаго равнялась 700—900 р. асс. Баронъ Зедделеръ опредѣляетъ стоимость рабочаго въ 1846 г. въ южной части Енисейскаго округа въ 100—115 р. сер., а въ Питской (сѣверной Енисейской системѣ)—отъ 230 до 300 р. Наконецъ, генералъ губернаторъ Восточной Сибири гр. Муравьевъ въ 1848 г. писалъ, что, по увѣренію нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, стоимость рабочаго можно принять среднимъ числомъ въ 350 руб. сер. въ годъ, но онъ считалъ это показаніе преувеличеннымъ и находилъ, что будетъ ближе къ истинѣ принять среднюю стоимость рабочаго въ 200 руб. сер.¹⁾ Дѣло однако, въ томъ, что, въ виду различія стоимости рабочаго въ разныхъ золотопромышленныхъ округахъ, средняя цифра въ данномъ случаѣ имѣетъ очень мало значенія. Ревизовавшій Западную Сибирь въ 1851 г. генералъ-адъютантъ Анненковъ считалъ стоимость рабочаго въ Западной Сибири въ 100—150 руб. сер. въ годъ, въ Восточной Сибири въ 200—400 руб. сер.

Если мы примемъ, согласно показанію Казимирскаго, стоимость рабочаго въ сѣверной части Енисейскаго округа въ 800 руб. асс., то, такъ какъ тамъ же работникъ давалъ хозяину золота на 900 р. сер.²⁾, то доходъ золотопромышленника (принявъ во вниманіе подать съ золота въ размѣрѣ 20% и горную подать съ фунта золота) равнялся 200% на затраченный въ этомъ же году капиталъ; почти то же было и въ южной части Енисейскаго округа, такъ какъ тамъ, по показанію Казимир-

¹⁾ Арх. Горн. Департ. по описи № 90, дѣло 1848 г. № 212/200, л. 30.

²⁾ Одинъ рубль сер. равнялся $3\frac{1}{2}$ руб. ассигн.

скаго, можно принять среднюю стоимость рабочаго въ 475 руб. асс., а золота онъ добывалъ, какъ было указано выше, на 472 р. сер., то, имѣя въ виду подать съ золота (въ системѣ рѣки Удерея) въ 24%, найдемъ, что доходъ золотопромышленника равнялся 160—170% на затраченный въ этомъ году капиталъ ¹⁾). Правда, золотопромышленники дѣлали значительныя затраты при первоначальныхъ развѣдкахъ и поискахъ золота, но тѣмъ не менѣе все-таки очевидно, что они получали громадныя доходы, между тѣмъ, какъ заработки рабочихъ были весьма не велики. Кромѣ приведенныхъ выше общихъ указаній о ихъ размѣрѣ, мы сообщимъ нѣкоторыя данныя относительно отдѣльныхъ приисковъ.

Въ концѣ 1843 г. засѣдатель частныхъ золотыхъ промысловъ Томскаго округа обратился къ мѣстнымъ золотопромышленникамъ съ запросомъ о томъ, сколько у нихъ было рабочихъ и сколько каждый изъ нихъ заработалъ; когда же ему отвѣтили, что дать свѣдѣнія о каждомъ рабочемъ за нѣсколько лѣтъ затруднительно, то онъ согласился удовольствоваться общими итогами. На этотъ запросъ контора Воскресенскаго прииска Рязановыхъ, Баландинъ и Казанцева сообщила слѣдующія свѣдѣнія. На промыслахъ этой компаніи въ 1841—43 гг. зимою было отъ 557 до 604 рабочихъ, лѣтомъ 1281—1472. Зимою 1841 г. каждый рабочій въ среднемъ заработалъ по 19 руб. сер., лѣтомъ по 24 р. 50 коп., итого въ годъ въ среднемъ работникъ получилъ всего 43 р. 50 коп. сер. Въ 1842 г. средній зимній заработокъ равнялся 21 руб. 32 коп., лѣтній—30 руб. 76 коп., слѣдовательно, годовой заработокъ около 52 руб. сер. Наконецъ, въ 1843 г. зимою каждый работникъ получилъ въ среднемъ по 17 руб. 64 коп., лѣтомъ по 30 руб. 5 коп., а во весь годъ—47 руб. 69 коп. сер. Довольно важно опредѣлить, какую часть заработка составляло мѣсячное жалованье и какую—вознагражденіе за старательскую работу. По произведеннымъ вычисленіямъ оказывается, что старательскій заработокъ составлялъ гораздо большій процентъ лѣтомъ, чѣмъ зимою (зимою 16—30%, лѣтомъ 43—55%, а мѣсячное жалованье зимою 70—84%, лѣтомъ 45—57%); это и не мудрено, такъ какъ только лѣтомъ производилась промывка золота. Если взять весь годовой заработокъ, то вознагражденіе за старательскую работу въ указанные годы на Воскресенскомъ приискѣ составляло отъ 39 до 47% всего заработка.

Въ отвѣтъ на запросъ отдѣльнаго засѣдателя Томскаго округа были также получены подробныя свѣдѣнія съ Александровскаго прииска

¹⁾ Срав. о размѣрѣ подати съ золота *Раселли* стр. 89,91; *Гагемейстеръ* II, 434. О количествѣ фунтовъ золота, добываемыхъ однимъ рабочимъ см. *Гагемейстеръ* II, 416. О большихъ барышахъ въ прежнее время (отъ 1 р. до 2 р. на затраченный рубль) упоминаетъ и *Н. Латкинъ* въ своей книгѣ „Очеркъ сѣв. и южн. сист. золот. пром. Енис. окр.“ Спб. 1869, стр. 48.

Андрея Попова (гдѣ было гораздо менѣе рабочихъ, чѣмъ на Воскресенскомъ приискѣ К^о Рязановыхъ, Баландина и Казанцева, а именно, въ 1840—43 гг. 112—139 челов.). Въ 1840 г. (годъ открытія этихъ промысловъ) каждый изъ рабочихъ получилъ мѣсячной и старательской платы отъ 5—280 руб., въ среднемъ же болѣе 64 руб. на каждого; въ 1841 г. отъ 1 руб. до 241 руб., въ среднемъ по 75 руб.; въ 1842 г. отъ 2 до 347 руб., въ среднемъ—119 руб., наконецъ, въ 1843 г. отъ 1 до 434 руб., въ среднемъ по 157 руб. ¹⁾ Хотя въ вѣдомости относительно этого прииска не сказано, идетъ ли здѣсь счетъ на ассигнаціи или на серебро, но мы полагаемъ, что тутъ указаны ассигнаціонные рубли, какъ потому, что въ эти годы такой счетъ на сибирскихъ промыслахъ былъ наиболѣе обычнымъ, такъ и въ виду приведеннаго нами показанія Вонлярларскаго, что рабочій на промыслахъ Западной Сибири могъ получить отъ 70 до 150 руб. ассигнаціями.

Переходимъ къ промысламъ Восточной Сибири, относительно которыхъ мы приведемъ выводы, извлеченные изъ четырехъ расчетныхъ книгъ южной части Енисейскаго округа.

Изъ расчетной книги Проконьевскаго прииска Асташева 1843 г. мы имѣемъ свѣдѣнія о 274 рабочихъ муж. п., которые работали на приискахъ различное количество времени—отъ 3 дней до цѣлаго года въ среднемъ же на каждого приходится по 176 рабочихъ дней. Наименьшій заработокъ 1 р., наибольшій 1058 р. асс., въ среднемъ же каждый заработалъ по 264 руб. асс., въ томъ числѣ по 160 руб. (66%) старательскимъ трудомъ ²⁾. Весь средній заработокъ въ день равнялся 1 р. 50 к. асс., или 43 к. сер. ³⁾.

Изъ расчетной книги Казанскаго прииска Асташева 1847 г. мы располагаемъ свѣдѣніями относительно 207 рабочихъ, трудившихся отъ 3 дней до цѣлаго года, въ среднемъ же на каждого приходится по 153 рабочихъ дня. Наименьшій ихъ заработокъ 7 руб., наибольшій 629 руб., въ среднемъ же каждый изъ нихъ получилъ по 200 руб. асс. ⁴⁾, изъ

¹⁾ Арх. Дмитр. Волостн. Правл. въ селѣ Тисулѣ, дѣла отд. засѣд. том. окр. 1844 г. № 28.

²⁾ Если же принять во вниманіе только тѣхъ рабочихъ, которые пользовались „стараніемъ“ (изъ 274 челов.—237), то средній старательскій заработокъ будетъ еще болѣе, а именно 185 руб. асс. Относительно 9 рабочихъ женщинъ на этомъ приискѣ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: каждая изъ нихъ работала среднимъ числомъ по 122 дня и получила въ среднемъ по 95 р. асс., въ томъ числѣ половина денегъ была добыта стараніемъ; если же принять во вниманіе, что имъ пользовалось изъ 9 женщинъ только 6, то на каждую изъ этихъ послѣднихъ получится старательскаго заработка по 72 руб.

³⁾ Арх. Дополн. Уч. Прокон. пр. Алфавитъ рабочимъ 1843 г. № 2.

⁴⁾ 38 рабочихъ, пробывшіе весь годъ на этихъ промыслахъ, заработали въ среднемъ по 235 руб. асс. на человѣка, а 93 чел., работавшіе съ марта и апрѣля по 10 сентября, получили въ среднемъ по 166 руб. асс.

которыхъ половина приходилась на долю урочной и половина—старательской работы. Весь средній заработокъ въ день равнялся 1 р. 31 к. асс. или 37 к. сер.¹⁾

На присскѣ Удереиской К^о 1846—1847 гг. мы имѣемъ данныя изъ разсчетной книги о 178 рабочихъ. Наименьшій заработокъ равнялся 9 руб., наибольшій 918 руб. асс., средній же составлялъ 267 руб. асс., въ томъ числѣ 82% приходилось на мѣсячную и задѣльную плату и только 18% на старательскую²⁾.

На Николаевскомъ присскѣ Заангарской К^о мы имѣемъ разсчетную книгу *лѣтной операціи* 1847 г., гдѣ есть данныя о 106 рабочихъ. Въ среднемъ каждый изъ нихъ получилъ около 50 руб. асс., проработавъ среднимъ числомъ по 53 дня (наименьшій заработокъ 2 руб., наибольшій—253 руб. асс.). Старательскія деньги составляютъ здѣсь всего лишь около 12% заработка. Средній дневной заработокъ равнялся 94 к. асс. или 27 к. сер.³⁾

Такимъ образомъ, въ Западной Сибири на Воскресенскомъ присскѣ Рязановыхъ и К^о годовой заработокъ рабочаго въ 1841—1842 гг. равнялся 43—52 руб. (въ среднемъ 47 руб. сер.); на Александровскомъ присскѣ Анд. Попова въ 1840—1843 гг. 64—157 руб. (въ среднемъ 104 руб. асс.). Въ Восточной Сибири на Прокопьевскомъ присскѣ Асташева въ 1843 г.—264 руб. асс., на Казанскомъ присскѣ его же въ 1847—г. 200 руб. асс. и на присскѣ Удереиской К^о въ 1847 г.—267 руб. асс. Считая 1 серебряный рубль равнымъ 3½ руб. асс., можно принять, что наиболѣе обычный годово́й заработокъ (на хозяйскихъ харчахъ) колебался въ 40-хъ годахъ между 100 и 350 руб. асс. (отъ 28 до 100 руб. сер.), что не противорѣчитъ и приведеннымъ выше общимъ указаніямъ заслуживающихъ довѣрія современниковъ. Въ настоящее время въ присковскихъ отчетахъ вычисленіе годоваго заработка рабочаго производится не на дѣйствительныхъ рабочихъ, а на такихъ фиктивныхъ, которые будто бы трудятся 365 дней въ году, и такимъ образомъ получаютъ повышенныя цифры, вводящія въ заблужденіе лицъ, которыя не обращаютъ вниманія на то, что собственно называется въ этихъ отчетахъ годовымъ работникомъ. Мы же предпочитаемъ брать работниковъ реальныхъ. Одни изъ нихъ трудятся на прискахъ всѣ 12 мѣсяцевъ, другіе по разнымъ причинамъ гораздо менѣе, но и послѣдніе, кромѣ собственно

¹⁾ Арх. Дополн. Уч. Прок. пр. Разсчетная книга рабочимъ Казанскаго промисла, 1847 г. ч. 1-я.

²⁾ Арх. Воскресенскаго пр., арендуемаго А. А. Саввинныхъ. Разсчетная книга съ рабочими 1846—47 г. Ч. II.

³⁾ Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ. Разсчетная (книга) по приску Николаевскому на лѣтнее производство 1847 г.

рабочихъ дней на присѣхъ, тратить не мало времени на проходъ изъ своихъ деревень въ тайгу и обратно и во всякомъ случаѣ обыкновенно должны на полученный на присѣхъ заработокъ просуществовать и остальное время года. Поэтому наши среднія цифры реальныхъ заработковъ яснѣе показываютъ, что могъ въ среднемъ добыть рабочій на присѣхѣ, чѣмъ вычисленіи заработка фиктивного годового рабочаго. Что касается одной изъ составныхъ частей общаго заработка, т.-е. старательскихъ денегъ, то на однихъ присѣхѣ вознагражденіе за стараніе было въ общей суммѣ менѣе платы за урочныя работы, на другихъ же болѣе; это могло зависѣть, съ одной стороны, отъ большей или меньшей продолжительности урочной работы, а, слѣдовательно, и количества свободнаго времени для старанія, главнымъ же образомъ, вѣроятно, отъ большаго или меньшаго обилія золота.

Опредѣливъ наиболѣе обычный размѣръ заработка рабочаго на присѣхѣ, посмотримъ теперь, какую часть его онъ забиралъ деньгами или натурою до расчета, сколько получалъ на руки послѣ него (эта послѣдняя получка называется на присковомъ языкѣ „додачею“) и, наконецъ, каковъ бывалъ размѣръ долга рабочихъ.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1838 г. писалъ, что изъ заработка въ 160 руб. асс. рабочій тратилъ на одежду, обувь и „разныя прихоти“, по крайней мѣрѣ, до 40 руб., „а заплативъ притомъ казенныя подати (которыя обыкновенно удерживаются у него изъ этой платы), выносить съ присковъ не болѣе 100 руб. асс“. Впрочемъ, по его словамъ, это бывало только съ усердными и счастливыми работниками, число же такихъ очень незначительно. У лѣннихъ (слѣдовало бы прибавить и у болѣе несчастныхъ) оставалось едва по 50, по 25 руб. асс., а иногда даже ровно ничего, „такъ что тамъ же на мѣстѣ многіе принуждены бываютъ выпрашивать себѣ задатки для работъ слѣдующаго года“ ¹⁾.

Коммиссія министерства государственныхъ имуществъ, ревизовавшая Восточную Сибирь (1841 г.), полагала, что наиболѣе обычная сумма, выносимая работникомъ съ промысловъ, составляла 150 руб. асс., а на богатыхъ присѣхѣ иногда доходила у нѣкоторыхъ работниковъ до 400 руб. асс. Коммиссія поясняетъ, что эта сумма можетъ показаться весьма значительною, но, въ виду трудности присковыхъ работъ и дальняго путешествія на присѣки, рабочіе не пошли бы туда при менѣе благоприятныхъ условіяхъ заработка ²⁾. Ревизовавшій Восточную Сибирь сенаторъ Толстой говоритъ, что въ половинѣ 40-хъ годовъ рабочіе будто бы получали на присѣхѣ въ одно лѣто за всѣми расхо-

¹⁾ Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1838 г. № 3/13, л. 208—209.

²⁾ Ibid, л. 400—418.

дами отъ 60 до 200 руб. сереб., а иногда и болѣе ¹⁾). Напротивъ, высшая администрація Восточной Сибири въ 1861 г. свидѣтельствовала, что „за произведенными выдачами, какъ при самомъ наймѣ рабочихъ, такъ и въ теченіе лѣта, изъ наемной платы причитается рабочему почти на всѣхъ промыслахъ, за исключеніемъ только одной Питской системы“ (сѣверной части Енисейскаго округа) „отъ 30 руб. сер. и менѣе“.

Въ заключеніи комиссіи, ревизовавшей Западную Сибирь въ 1841 г., сказано, что „додачи приходится получать большей части“ присковыхъ рабочихъ „очень мало, а многимъ и вовсе ничего, какъ видно изъ вѣдомостей купца Пѣшкова и другихъ золотопромышленниковъ“ ²⁾).

Въ Восточной Сибири на Прокопьевскомъ приискѣ Асташева въ 1843 г., какъ показываетъ вычисленіе на основаніи расчетной книги этого года, весь заборъ рабочихъ деньгами и вещами до расчета составлялъ 85 руб. асс. на каждого (32% заработка), въ томъ числѣ

¹⁾ Ibid., ч. 2-я т. 128—130 об. справ. по описи № 90, дѣло № 45/40, связ. 5-я, ч. 1-я, т. 2—5.

²⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло 1839 г., № 3/13, ч. I. Въ Западной Сибири на Александровскомъ приискѣ Андрея Попова въ 1840 г. (первомъ по открытіи этого прииска) выдано было деньгами и вещами до расчета среднимъ числомъ на каждого рабочаго по 50 руб., а додано по расчету въ среднемъ по 22 руб. на каждого изъ всѣхъ, получившихъ додachu; но часть рабочихъ осталась въ долгу (въ среднемъ по 36 руб. на каждого должника). Если выразить суммы, полученныя всѣми рабочими въ процентахъ, то окажется, что изъ всей выдачи заборъ до расчета, считая въ томъ числѣ и задатокъ, составилъ болѣе 72%, а додача болѣе 27%. Въ долгу за рабочими осталось 7% всей выданной суммы. Въ 1841 г. на томъ же приискѣ средний заборъ рабочаго до расчета равнялся 49 руб., а средняя додача тѣхъ, кто ее получилъ, по 46 руб.; заборъ до расчета всѣхъ рабочихъ составлялъ 60%; додача 40% выданной суммы; въ долгу осталось 8% этой суммы, въ среднемъ по 27 р. на каждого должника. Въ 1842 г. выдача до расчета составляла 49%, додача—51% всей выданной суммы (осталось въ долгу за рабочими около 5% этой суммы); выдано, было до расчета на каждого по 61 руб., додачи на каждого изъ получившихъ ее пришлось по 79 руб., долгу за каждымъ должникомъ въ среднемъ—по 33 руб. Наконецъ, въ 1843 г. выдача до расчета составляла 62%, додача 38% всей выданной суммы (въ долгу за рабочими осталось 2% этой суммы), выдано до расчета въ среднемъ на каждого около 100 р., додачи—по 78 р., долгу за каждымъ изъ должниковъ по 24 руб. (Какъ мы объяснили выше, счетъ на этомъ приискѣ производился, вѣроятно, на ассигнаціи).

На Воскресенскомъ приискѣ Рязановыхъ и К^о въ 1841 году размѣръ додачи по зимнему производству былъ болѣе 4 руб. сереб. (28% всего заработка), по лѣтнему производству болѣе 10 руб. сер. (44% всего заработка), въ 1842 году по зимнему производству—5 руб. (24% всего заработка), по лѣтнему—болѣе 11 руб. (37% заработка); наконецъ, въ 1843 г. размѣръ зимней додачи былъ болѣе 2 руб. (15%), лѣтней болѣе 8 руб. (29% всего заработка). Дѣло отд. засѣдателя томск. округа 1844 г. въ Арх. Дмитріев. волостн. правл. № 28.

деньгами около 60% и вещами около 40% всего забора. Средний размѣръ додачи составлялъ 189 руб. асс. на каждого изъ получившихъ ее, средний размѣръ долга по 40 руб. на каждого изъ должниковъ (оставшіе въ долгу составляли 15% всѣхъ рабочихъ).

Въ 1844 г. на Прокопьевскомъ присѣкѣ средний размѣръ додачи равнялся 133 руб.; средний размѣръ долга 37 руб. асс.; должники составляли 18% всѣхъ рабочихъ ¹⁾ (половина всѣхъ долговъ была взыскана).

На Казанскомъ присѣкѣ Асташева въ 1847 г. средний заборъ рабочаго до разсчета равнялся 126 руб. асс. (63% заработка), въ томъ числѣ деньгами 73% и вещами 27% всего забора. (Въ счетъ забора входитъ старый долгъ рабочихъ (13% всего забора); старые должники составляли почти 20% рабочихъ). Средний размѣръ додачи для получившихъ ее равнялся 115 (максимум додачи—401 руб. асс.), средний размѣръ долга 46 руб. Должниковъ было 26% всѣхъ рабочихъ, а получившихъ додачу 74%. Долгъ составлялъ болѣе 5% всей выданной рабочимъ суммы (15% долга было взыскано).

На присѣкѣ Удереѣйской компаніи въ 1847 г. средний заборъ рабочихъ до разсчета (за исключеніемъ неявившихся) составлялъ 148 руб. асс. (55% всего заработка); въ томъ числѣ деньгами 56%, вещами 44%. Средний размѣръ додачи для получившихъ ее равнялся 197 руб. (наибольшій размѣръ ея 773 руб. асс.). Средний размѣръ долга, если исключить неявившихся, равнялся 30 руб.

Такимъ образомъ, свидѣтельство комиссіи министерства государственныхъ имуществъ, ревизовавшей Восточную Сибирь въ 1841 г., что наиболѣе обыкновенный размѣръ додачи составляетъ 150 руб. асс. (около 43 р. с.), судя по даннымъ указанныхъ присѣковъ, близко къ истинѣ, показаніе же сенатора Толстого о додахъ въ 60—200 руб. сер. сильно преувеличено. Мы видимъ также, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе забирали еще до разсчета болѣе половины своего заработка.

На присѣкѣ Заавгарской К^о въ 1847 г. 66% рабочихъ окончили лѣтнюю операцію съ долгомъ (въ среднемъ на каждого по 49 руб.), а въ предшествующую зимнюю операцію на каждомъ должникѣ въ среднемъ остался долгъ въ 61 руб. (максимум долга—173 руб. асс.).

Относительно оставшагося за рабочими долга въ контрактахъ съ золотопромышленниками Западной Сибири мы обыкновенно встрѣчаемъ обязательство или возвратить его, или отработать въ слѣдующемъ году ²⁾.

¹⁾ Выводъ сдѣланъ на основаніи данныхъ о 737 рабочихъ.

²⁾ Въ договорѣ 1844 г. съ Рязановыми и К^о есть такой параграфъ: „Если кто изъ насъ утѣнитъ съ присѣка самовольный побѣгъ или по неспособности, буйству и подозрительнымъ поступкамъ будетъ съ присѣка удаленъ, или же по продолжительной болѣзни забравшихъ имъ денегъ не заработаетъ и чрезъ то останется должнымъ, то

Выше было нами указано, что въ двухъ договорахъ Асташева устанавливается круговая порука всѣхъ заключающихъ договоръ рабочихъ другъ за друга, но это условіе едва-ли примѣнялось на дѣлѣ. Мы видѣли, что часть долговъ взыскивалась тутъ же на пріискѣ, другая отработывалась въ слѣдующую операцію, но нѣкоторая сумма денегъ пропадала за рабочими.

Нѣкоторые рабочіе старались увеличить свои заработки похищеніемъ золота. „При небдительномъ надзорѣ прикащиковъ“, говоритъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ (1848 г.), „люди, стоящіе въ „забоѣ“ и при промывкѣ, успѣваютъ спрятать блески золота, а въ особенности самородки, и потомъ сдаютъ ихъ подъ видомъ старательскаго золота. Иногда же они передаютъ золото тайно на другой пріискъ“, съ цѣлью поскорѣе получить наличныя деньги. Количество этого добавочнаго заработка рабочихъ, разумѣется, не поддается никакому учету; весьма вѣроятно, что нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось значительно увеличить такимъ образомъ скудныя средства, легально приобретаемыя ими на золотыхъ промыслахъ¹⁾, но нужно помнить, что за похищеніе золота рабочій рисковалъ подвергнуться самымъ суровымъ наказаніямъ.

По окончаніи лѣтнихъ работъ производился общій расчетъ. Каждый рабочій получалъ приходившуюся на его долю додачу и сухари на дорогу черезъ тайгу и отправлялся въ путь. Въ нѣкоторые договоры включалось постановленіе, чтобы, согласно съ правиломъ закона 1838 г., относительно ссыльно-поселенцевъ, пятая часть „наемной платы“, а по другимъ—додачи удерживалась и передавалась артельному старостѣ съ тѣмъ, чтобы онъ вручалъ деньги рабочимъ по принадлежности уже по возвращеніи ихъ на родину; но правило это никогда не исполнялось, вслѣдствіе рѣшительнаго противодѣйствія рабочихъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и комиссія, ревизовавшая государственныя имущества въ Сибири, и Небольсинъ въ своей статьѣ²⁾.

Въ 1841 г. былъ слѣдующій несчастный случай при выходѣ рабочихъ съ пріиска К° Асташева, Бирюсинской системы, Канскаго округа Енисейской губерніи, отстоявшаго отъ жилыхъ мѣстъ на нѣсколько сотъ верстъ. Съ этой системы была проложена черезъ тайгу дорога въ дер. Коростелеву (Канскаго округа), которая служила сборнымъ пунктомъ для рабочихъ, отправлявшихся на пріиски; но одинъ поселенецъ угово-

съ таковыми контора имѣть право въ удовлетвореніе себя поступать начально посредствомъ отобранія найденнаго имущества, а потомъ посредствомъ употребленія таковыхъ въ работу“.

¹⁾ Быть можетъ, отдѣльные случаи такихъ крупныхъ хищеній и обыкновенно слѣдовавшіе за тѣмъ кутежи при выходѣ съ промысловъ и вызвали рассказы о „баснословныхъ“ заработкахъ на пріискахъ въ 40-хъ гг.

²⁾ „Отеч. Зап.“ 1847 г. т. 55, стр. 104—105.

рылъ болѣе 1,500 рабочихъ идти не этою, а кратчайшею дорогою, пролагавшеюся только зимою, которую онъ взялся указать за плату въ 10 коп. асс. съ души. Несмотря на уговоры управляющаго приискомъ Асташева, рабочіе отправились за этимъ поселенцемъ, но, пройдя три дня по необитаемымъ мѣстамъ, не нашли никакой дороги, увидѣли, что вожатый ихъ обманулъ, и нѣкоторые изъ нихъ возвратились на промыслы, а изъ остальныхъ одна часть выплыла на плотахъ въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губерніи и въ Рыбинскую волость Енисейской губерніи, другая же часть пустилась лѣсомъ къ дер. Коростелевой. Управляющій приискомъ Асташева, предвидя гибельныя послѣдствія непослушанія рабочихъ, 19 сентября далъ знать Канскому земскому исправнику, и тотъ, немедленно пріѣхавъ въ дер. Коростелеву, отправилъ навстрѣчу заблудившимся партію крестьянъ съ жизненными припасами на 10 вьючныхъ лошадяхъ съ провожатыми, данными конторою К^о Асташева. Они нашли сбившихся съ дороги рабочихъ въ ужасномъ положеніи: издержавъ бывшіе у нихъ съ собою запасы, они оставались безъ хлѣба отъ 5 до 18 дней и, уже выбившись изъ силъ, вслѣдствіе ходьбы по глубокому снѣгу, лежали совершенно истощенные, когда были найдены, и, послѣ подкрѣпленія пищею, отправлены въ дер. Коростелеву. До 21 октября, какъ видно изъ донесенія Енисейскаго прокурора министру юстиціи, изъ 1,500 человѣкъ явилось только 1,200, а въ отношеніи управляющаго III отдѣленія Собств. Его Величества Канцеляріи къ министру юстиціи (14 ноября) было сказано, что о слѣдованіи еще около 300 человѣкъ уже получено извѣстіе. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя, то онъ повелѣлъ подвергнуть строгому розыску виновнаго поселенца и, кромѣ того, предписать мѣстному начальству, чтобы оно „приняло самыя строгія мѣры къ удержанію рабочихъ въ вадлежащемъ повиновеніи властямъ, управляющимъ промыслами“¹⁾. Этимъ послѣднимъ повелѣніемъ, вѣроятно, и объясняется особенно строгое наказаніе рабочихъ, повинныхъ въ волненіи 1842 г., а вѣстѣ съ тѣмъ описанный фактъ—гибель многихъ рабочихъ при возвращеніи съ приисковъ въ предыдущемъ роду, былъ, какъ мы слышали отъ А. П. Кытманова, служившаго въ то время на одномъ изъ приисковъ сѣверной части Енисейскаго округа, причиною (или одною изъ причинъ) августовскаго волненія рабочихъ 1842 г., по крайней мѣрѣ, на этомъ приискѣ. По его словамъ, 9 августа рабочіе заявили, что не хотятъ болѣе работать и требуютъ расчета, потому что въ прошломъ году рабочіе въ Бирюсинской тайгѣ вышли 10 августа, ихъ захватила снѣжная буря, и они погибли. Слухъ этотъ, какъ мы только что видѣли, былъ не вѣренъ:

¹⁾ Арх. Гор. Деп., по описи Минюскаго, св. 44, дѣло № 110/18.

работіе вышли въ 1841 г. съ пріиска Асташева, Бирюсинской системы, не въ августѣ, а 10 сентября.

По выходѣ изъ тайги пріисковые работіе отчаяннымъ кутежомъ вознаграждали себя за продолжительный тяжелый трудъ и долгое воздержаніе. „Большая часть изъ нихъ“, говоритъ Гофманъ, „проматываетъ всѣ вырученныя деньги въ первыхъ деревняхъ“. По словамъ комиссіи министерства государственныхъ имуществъ, ревизовавшей Восточную Сибирь (1841 г.), „въ первые годы съ открытія пріисковъ работіе..., проходя черезъ селенія, предавались величайшему пьянству... и покупали совершенно неприличныя своему званію вещи, которыя, по растратѣ послѣднихъ денегъ, промѣнивали за безцѣнокъ на вино. Противъ сихъ безпорядковъ хотя и приняты генераль-губернаторомъ и мѣстнымъ начальствомъ мѣры, однако, торговцы постоянно выѣзжаютъ въ тѣ мѣста, которыхъ не могутъ миновать работіе, обольщаютъ ихъ блескомъ товаровъ и выманиваютъ почти всѣ деньги. Нерѣдко случается, что работій или приходитъ домой безъ всего, или, будучи не въ состояніи продолжать путь..., нанимается къ промышленникамъ на предстоящую зиму и будущій годъ и возвращается въ тайгу, претерпѣвая стужу, непогоду и всѣ неудобства пути, свойственныя тогдашнему времени“¹⁾. Такъ какъ безшабашный разгулъ рабочихъ при выходѣ съ пріисковъ продолжался, то жандармскій полковникъ Казимирскій сдѣлалъ представленіе о томъ енисейскому губернатору, и мѣстное начальство пыталось вновь принять мѣры къ тому, чтобы работіе безостановочно проходили въ свои деревни. Казимирскому казалось, что такимъ образомъ „положена была нѣкоторая преграда буйству... и безотчетной расточительности рабочихъ“, но, въ дѣйствительности, прежній разгулъ продолжался, и въ послѣдующіе годы администраціи опять приходилось задумываться надъ тѣмъ, какія мѣры слѣдуетъ противъ него предпринять. Возвращаясь съ промысловъ въ 1843 г., Казимирскій замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ, лежащихъ по близости къ промысламъ селеніяхъ, чрезъ которыя рабочимъ непременно нужно было проходить, „были устроены временныя лавки съ товарами, принадлежащими... къ предметамъ роскоши“, каковы: шалевые платки, плисовые шапки, шелковыя матеріи, „горскія“ вина и проч. Въ небольшой деревнѣ Рыбной (на Ангартѣ), состоявшей не болѣе, какъ изъ 30 избъ, Казимирскій насчиталъ до 10 импровизированныхъ лавокъ, такъ что селеніе имѣло видъ ярмарки, по его словамъ, „тѣмъ болѣе вредной, что главная цѣль торговли устремлена на мотовство рабочихъ, которые въ пьяномъ видѣ бросаютъ деньги на вовсе ненужныя для нихъ вещи“. Ревизовавшій Восточную Сибирь сенаторъ Толстой во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (1844 г.) также въ энергическихъ выраже-

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 2/12, л. 418 об.

нихъ говорить о грустныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ выходъ рабочихъ съ приисковъ: „въ первыхъ жилыхъ мѣстахъ... ожидаютъ ихъ торговцы, откупъ и развратъ; тамъ они съ жадностью предаются пьянству и всѣмъ неистовствамъ пагубныхъ страстей и въ нѣсколько дней безумія проматываютъ до послѣдней копѣйки“ вынесенныя съ приисковъ деньги, „не зная ни цѣны, ни счета имѣ, не зная ни цѣны, ни нужды покупаемымъ вещамъ. Напослѣдокъ, пропивши все съ себя и оставшись безъ дневного пропитанія и ночлега, они снова заключаютъ договоры съ золотопромышленниками, получаютъ задатки... и съ нуждою... доживаютъ до марта, когда всѣ опять потянутся на прииски“ ¹⁾. Бар. Зедделеръ въ своей статьѣ (1846 г.) утверждаетъ, что „вѣрное описаніе“ распутства и безпорядковъ при выходѣ рабочихъ съ приисковъ „затруднило бы даже талантъ знаменитаго Евгенія Сю“. Въ послѣднее время, по его словамъ, правительство приняло мѣры къ прекращенію этихъ безпорядковъ: „возвращающимся работникамъ были указываемы этапныя дороги, разставлены посты изъ казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ, положено, чтобы сельскія начальства и сами жители отвѣчали за безопасность путей“ ²⁾. Но эти распоряженія, по свидѣтельству Зедделера, не могли вполнѣ достигнуть своей цѣли. Наиболѣе прославились, отчаяннымъ разгудомъ приисковыхъ рабочихъ слѣдующія мѣста: въ Томскомъ округѣ село Тисюль (или Тисуль) и Кія (нынѣ г. Маринскъ), въ Минусинскомъ—село Каратузь и г. Минусинскъ, въ Енисейскомъ—с. Рыбное на Ангартѣ, Стрѣлка при впаденіи Ангарты въ Енисей, г. Енисейскъ и дер. Назимова по дорогѣ оттуда въ Красноярскъ ³⁾.

Въ 1848 г. Муравьевъ, исправлявшій тогда должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, обратилъ вниманіе на то, что вслѣдствіе отсутствія необходимаго надзора за приходящими съ золотыхъ приисковъ рабочими, между ними случаются иногда при участіи торговцевъ виною грабежи и даже убійства, часто остающіеся, особенно въ мѣстахъ необитаемыхъ, безъ преслѣдованія и наказанія. Доказательствомъ совершавшихся злодѣяній служили попадавшіеся иногда по дорогамъ трупы и кости. Имѣя въ виду также непроизводительную растрату приисковыми рабочими ихъ денегъ, „приобрѣтенныхъ кровавымъ потомъ“, Муравьевъ признавалъ необходимымъ, чтобы горные исправники раздѣляли рабочихъ, возвращающихся съ золотыхъ промысловъ, на партіи и препровождали каждую подъ надзоромъ особой команды казаковъ, которые должны были слѣдовать впереди, посреди и позади партіи съ тѣмъ, чтобы за самую большую партію слѣдовалъ и командиръ отряда. Провожать рабочихъ

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 90, дѣло № 45/40.

²⁾ „Сѣв. Пчела“ 1846 № 89.

³⁾ От. Зап. 1847 г. т. 55, стр. 105.

предписано было не только до первых деревень, но и далѣе по главнымъ путямъ ихъ слѣдованія: на западъ до границы Томской губерніи, а на востокъ—до Иркутской и въ ея предѣлахъ. Обязанность казачьихъ командъ должна была состоять въ охраненіи рабочихъ отъ убійствъ, грабежа и пьянства и въ побужденіи къ скорѣйшему выходу изъ находившихся на ихъ пути селеній; казакъ, повинный во взяткахъ, притѣсненіяхъ и дурномъ поведеніи, предавался военному суду. При проходѣ рабочихъ чрезъ Енисейскъ, Нижнеудинскъ и Троицкій солеваренный заводъ предписано было выпроваживать ихъ оттуда при помощи военной команды, давши только рабочимъ время для необходимаго отдыха. Начальникамъ Иркутской и Енисейской губерній было поручено командировать особыхъ чиновниковъ для встрѣчи рабочихъ въ округи Енисейской и Иркутской губерній и для надзора до прохода ихъ до границы губерній; предписано было также принять мѣры, чтобы по всѣмъ округамъ при проходѣ рабочихъ отнюдь не было бы продажи вина тамъ, гдѣ этого не установлено законами и откупными условіями и не разрѣшено главнымъ мѣстнымъ начальствомъ. Жандармскому штабъ-офицеру былъ порученъ общій надзоръ за исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ и съ тою же цѣлью командированы были на мѣста главнѣйшаго скопленія рабочихъ адъютанты Муравьева. Кромѣ того, было предписано напечатать извлеченія изъ законовъ противъ пьянства, еженедѣльно читать ихъ на мірскихъ сходахъ и разослать съ тою же цѣлью на всѣ присски, а въ волостяхъ завести особыя книги, куда вписывать имена крестьянъ, отличившихся трудолюбіемъ, воздержаніемъ и бережливостью, оказывать имъ покровительство, вниманіе и одобреніе, по окончаніи же года списки такихъ крестьянъ представлять на усмотрѣніе Муравьева, чтобы онъ могъ поощрять ихъ предоставленными ему средствами.

На запросъ министра финансовъ, какими послѣдствіями сопровождалось исполненіе этихъ мѣръ осенью 1848 г., Муравьевъ въ февралѣ слѣдующаго года отвѣчалъ, что результаты ихъ не только оправдали, но и превзошли его ожиданія. Сами „рабочіе“, кажется, успѣли убѣдиться въ полезной цѣли этого распоряженія и своею покорностью и безропотностью много способствовали тѣмъ кроткимъ и снисходительнымъ мѣрамъ, которыя были употребляемы командированными для этой цѣли лицами, дѣйствовавшими преимущественно убѣжденіемъ и внушеніемъ, но отнюдь не строгостью и угрозами... партіи рабочихъ, выходявшія осенью съ присковъ, не походя болѣе, какъ это было до сихъ поръ, на толпы шумныя, своевольныя, неограниченныя никакими мѣрами порядка и разсудка и наводившія „страхъ на жителей тѣхъ селеній, чрезъ которыя имъ нужно было слѣдовать, совершили путь свой мирно, тихо и подобными послѣдствіями разсѣяли прежнія опасенія на ихъ счетъ... Осо-

• быхъ же затрудненій при этомъ встрѣчено не было; все сдѣлано собственными присковыми средствами, т. е., при содѣйствіи казачьихъ отрядовъ, безъ всякаго важнаго стѣсненія и лишенія для мѣстныхъ обывателей". Въ заключеніе Муравьевъ сообщилъ, что изъ всѣхъ донесеній лицъ, наблюдавшихъ за исполненіемъ предписанныхъ имъ мѣръ, оказывается, что при возвращеніи рабочихъ съ промысловъ осенью 1848 г. „убійствъ и грабежей совершено весьма мало, преступники всѣ открыты и преданы въ руки правосудія, тогда какъ въ прежніе годы преступленій этихъ было несравненно болѣе, преступники всѣ почти оставались не открытыми и самыя преступленія неизвѣстными до тѣхъ поръ, пока тѣла и кости жертвъ не были случайно отысканы". Этотъ послѣдній результатъ,—по мнѣнію Муравьева самый важный,—„легко объясняется тѣмъ, что рабочіе расходились съ промысловъ подъ надзоромъ, да и имъ самимъ эти послѣдствія внушили довѣріе къ принятымъ мѣрамъ" ¹⁾.

Не разъ цитированное нами описаніе енисейскихъ промысловъ неизвѣстнаго современника, составленное въ 1848 г., но уже послѣ исполненія мѣръ, предписанныхъ Муравьевымъ для охраненія рабочихъ, подтверждаетъ, что на первое время принятія Муравьевымъ мѣры принесли нѣкоторую пользу. „10 сентября", говоритъ авторъ, „кончаются работы на обѣихъ енисейскихъ системахъ и съ людьми дѣлается расчетъ. Выдача денегъ на южной системѣ производится на самыхъ прискахъ, а на сѣверной—въ гор. Енисейскѣ и въ заведеніи, называемомъ „Ермакъ" (противъ деревни Назимовой на р. Енисей). На южной системѣ, „гдѣ жилия мѣста не очень отдалены отъ промысловъ, такъ что самое большое разстояніе не превышаетъ 100 верстъ, рабочимъ даются сухари на прискахъ на все время прохода до жилого мѣста. На сѣверной же системѣ, отъ которой обитаемыя мѣста болѣе отдалены и отстоятъ на 200 верстъ и болѣе, рабочимъ объявляютъ, по какимъ именно дорогамъ они должны слѣдовать съ каждаго приска, и на каждомъ „зимовьѣ" (которыя устроены на разстояніи 25 и 30 верстъ одно отъ другаго) рабочіе получаютъ сухари, заблаговременно приготовленные. Послѣ полученія денегъ и сухарей рабочіе, рѣшившіеся идти на Рыбную, въ нынѣшнемъ (1848 г.) собирались на Петропавловскомъ прискѣ К^о Рязановыхъ и Машарова, а идущіе на Усть-Тунгузку—на Крестовоздвиженскомъ прискѣ К^о Шеголева. Съ этихъ сборныхъ мѣстъ они слѣдовали подъ прикрытіемъ казаковъ. Каждый работникъ выходитъ съ присковъ съ котомкой на плечахъ, въ которой у него: нужныя для одежды и обуви вещи, сухари, кирпичный чай, а у нѣкоторыхъ и котелокъ для варенья пищи и чая. На груди подъ рубашкою виситъ мѣшечекъ, въ которомъ деньги и билетъ. Въ такомъ порядкѣ многіе изъ нихъ идутъ до

¹⁾ Арх. Горн. Департ., по описи № 90, дѣло 1848 г. № 212/200.

перваго кабака. Крестьяне, въ особенности ближайшихъ къ промысламъ деревень, до нынѣшняго (1848) года по большей части съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія рабочихъ, рассчитывая на то, что у пьяныхъ легко обирать деньги, а въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ,—продавать водку по возвышеннымъ цѣнамъ. За перевозъ черезъ рѣки брали также иногда большія деньги. Въ нынѣшнемъ году было обращено особенное вниманіе на корчемство, и оно, сколько средства позволяли, было устраняемо непрерывными обходами днемъ и ночью по избамъ и строгимъ наблюденіемъ за крестьянами. Для перевозовъ же черезъ рр. Енисей, Верхнюю Тунгузку и Тасѣву съ общаго согласія крестьянъ была установлена правильная плата. Картежная игра, доходившая прежде до 200 руб. сер. въ одной партіи, въ нынѣшнемъ году была совершенно уничтожена. Отъ пьянства же, при всемъ желаніи и всей дѣятельности, удержать рабочихъ было невозможно, потому что большая часть изъ нихъ идетъ на промыслы съ цѣлью, чтобы пропить заработанныя деньги. Посѣщая пріиски и видя всю трудность земляныхъ работъ, производимыхъ иногда подъ проливнымъ дождемъ, я часто заводилъ съ рабочими рѣчь о томъ, какъ они мало цѣнятъ свой трудъ, что деньги, добываемыя такимъ усиліемъ, употребляютъ не на улучшеніе своего состоянія, а все заработанное пропиваютъ. На это я всегда получалъ одинъ отвѣтъ: „если бы пьяницъ не было въ Сибири, тогда бы некому было и работать на промыслахъ“. Въ селѣ Рыбномъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ я встрѣчался съ возвращающимися рабочими, я непрерывно обращался къ нимъ и убѣждалъ не пьянствовать, но также получалъ отвѣты: „что они знаютъ свою глупость, знаютъ, что много денегъ у нихъ пропадаетъ въ пьяномъ видѣ, но что вино ихъ единственное утѣшеніе въ горькой долѣ“. Вообще о рабочихъ я могу сказать, что они народъ очень умный, но преданный пьянству до невѣроятности. На пріискахъ въ свободное время въ праздники рабочіе собираются иногда въ кучку, поютъ солдатскія пѣсни и пляшутъ подъ звуки бубна или балалайки, а иногда и скрипки. Въ это время нельзя не любоваться этими людьми, большею частью стройными, преисполненными энергіи; изъ нихъ можно бы составить превосходное войско, еслибы всѣ ихъ прекрасныя чувства не терялись при видѣ кабака. Многіе изъ нихъ за штофъ вина легко рѣшаются даже на убійство.

„Въ нынѣшнемъ (1848) году казаки частями сопровождали рабочихъ“ (мѣра, принятая Муравьевымъ). „Цѣль этого конвоированія состояла въ нижеслѣдующемъ: 1) чтобъ не позволять рабочимъ долѣе сутокъ оставаться въ одной деревнѣ: этимъ средствомъ предупреждаются болѣзни и даже самая смерть, происходящая часто отъ излишняго и долгаго употребленія водки. 2) Въ наблюденіи, чтобы крестьяне и рабочіе не грабили другъ друга. Только при этомъ многіе изъ рабочихъ

сберегаютъ свои деньги. 3) Въ наблюденіи, чтобы не было картежной игры, чѣмъ устраняются драки. 4) Въ наблюденіи, чтобы рабочіе, промотавши свои деньги, не предавались грабежамъ. Въ настоящемъ году у пятидесятника Селиванова набралось такого рода промотавшихся нищихъ до 100 чел., которымъ крестьяне, по убѣжденію Селиванова, давали изъ милости хлѣбъ, и, благодаря Бога, рабочіе прошли благополучно.

„Рабочій, придя въ деревню, тотчасъ идетъ въ кабакъ. Выпивши чарку, онъ покупаетъ съѣстного, а иногда и вещи, нужныя для одежды и обуви. Окончивъ покупку, онъ отправляется въ избу, тамъ садится съ товарищами за самоваръ и тутъ у нихъ обыкновенно рождается желаніе выпить; кто-то слѣдуетъ за штофомъ, деньги переходятъ съ груди въ карманы шароваръ и, напившись до-пьяна, они или ложатся спать, или выходятъ на улицу, гдѣ при встрѣчѣ съ обходомъ попадають подъ арестъ. Проспавшагося изъ арестантской выпускають, наблюдая притомъ, чтобы онъ тотчасъ взялъ свою котомку и уходилъ изъ деревни; попавшіеся въ другой разъ въ пьяномъ видѣ или производящіе шумъ, затѣвавшіе картежную игру, грозившіе убійствомъ, покушавшіеся на грабительство или уличенные въ подкупъ казаковъ для выпуска ихъ изъ крестьянской избы подвергаемы были полицейскимъ наказаніямъ. Правила, принятые въ нынѣшнемъ году для препровожденія рабочихъ, по моему мнѣнію“, продолжаетъ тотъ же авторъ, „самыя лучшія: они не измѣняютъ порядка выдачи денегъ на промыслахъ и не принуждаютъ увеличить число казаковъ, а только измѣняютъ нѣсколько распредѣленіе сихъ послѣднихъ.

„Все вышеописанное относится до рабочихъ изъ поселенцевъ. Рабочіе же, пришедшіе изъ Европейской Россіи, совсѣмъ иное дѣло: они живутъ на приискахъ тихо, очень дружны между собою, помогаютъ одинъ другому въ работѣ и большую часть заработанныхъ денегъ отправляютъ по почтѣ домой. Возвращаясь съ присковъ, они идутъ артелями, издержки на пищу и вино (котораго они употребляютъ очень мало) производятся у нихъ сообща, на ночлегъ они останавливаются въ полѣ, а если въ избахъ, то у извѣстныхъ имъ крестьянъ, гдѣ не ночуютъ другіе рабочіе изъ поселенцевъ. Даже между рабочими изъ поселенцевъ бываютъ такіе, которые, получивъ большія деньги и желая сберечь ихъ, употребляютъ всѣ средства, чтобы отдѣлаться отъ массы рабочихъ и дойти какъ можно скорѣе домой. Такіе преимущественно бываютъ изъ мастеровыхъ и женатые. Они нанимаютъ, а иногда и покупаютъ лошадей или плывутъ въ лодкахъ внизъ по теченію р. Верхней Тунгузки отъ сел. Рыбаго до самой рѣки Енисея“ ¹⁾).

¹⁾ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1868 г. № 27.

Администрація Восточной Сибири, и въ послѣдующіе годы продолжала рапортовать о спокойномъ выходѣ рабочихъ и о дѣйствительности мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ въ 1848 г. ¹⁾), но частныя свидѣтельства не совпадаютъ съ этими официальными показаніями.

Впослѣдствіи ходило не мало рассказовъ объ этомъ времени безшабашнаго разгула рабочихъ, съ которыми не могли сравниться послѣдующіе кутежи. „Рабочіе пьянствовали невѣроятно“, рассказываетъ г. Скарятинъ, „требовали шампанскаго, — вина, что́ господъ пьютъ“, котораго имъ, разумѣется, не давали и нюхать, продавая по 7—8 руб. бутылку какой-нибудь бурды вмѣсто влико. Они пропивали... не только всѣ деньги, заработанныя тяжкимъ полугодовымъ трудомъ, но и азамъ, и полушубокъ, и сапоги, и шапку, и рубашку, и все, что только не отвергается жрецомъ кабацкаго прилавка. Потомъ являлись въ золотопромышленную контору; брали сто и болѣе цѣлковыхъ задатка и всю новую одежду, сифшили пропить и деньги, и одежду, и затѣмъ, пропившись уже окончательно, или снова отправлялись на пріискъ, если требовалось, или перебиваясь кое-какъ со дня на день, ожидали марта мѣсяца, т.-е., времени открытія работъ на пріискахъ“. Скарятинъ рассказываетъ нѣсколько случаевъ, которые могутъ дать „понятіе о томъ, что творилось въ первый горячій или сумасшедшій, какъ многіе называли его въ Сибири, періодъ золотопромышленности. Въ Енисейскѣ рабочій, купивъ за баснословную цѣну кусокъ шелковой матеріи, велѣлъ постлать поперекъ грязной улицы, чтобы перейти по матеріи, и затѣмъ отдалъ его, съ прибавкою послѣднихъ 10 рублей, двумъ уже пропившимся товарищамъ, которые вели его подъ руки черезъ улицу и которые, разумѣется, не замедлили броситься въ кабакъ. Другой, придя на станцію пѣшкомъ, нанялъ дѣвушекъ, запрегъ ихъ въ сани, и онѣ тащили его въ половинѣ сентября по голой землѣ 15 верстъ до слѣдующей деревни. Процессія была встрѣчена на дорогѣ засѣдателемъ, который счелъ или притворился, будто счелъ за бунтъ такое оригинальное путешествіе, но важно развалившійся въ саняхъ рабочій удовлетворилъ засѣдателя „радушною бумажкою“, сказавъ: — „Не трошь, ваше благородіе. На тебѣ, затени несую-то глотку“. А на другой день рабочему не на что было купить хлѣба и пришлось, взявъ задатокъ, вновь закабалить себя на пріиски ²⁾).

Если о переходѣ черезъ грязь по шелковой матеріи рассказывали, какъ о явленіи исключительномъ, то разстиланіе по грязи ситцевъ и шали было, говорятъ, дѣломъ не рѣдкимъ. Раскутившіеся рабочіе ѣзжали и не только на саняхъ, а иной разъ и въ болѣе замысловатомъ экипажѣ: очевидцы рассказывали впослѣдствіи, что имъ случалось встрѣчать такіа процессіи:

¹⁾ Арх. Горн. Дең., по описи № 90, дѣло 1848 г. № 212/200, л. 98.

²⁾ Скарятинъ. Забѣтки золотопромышленника. Спб. 1862 г., ч. I, стр. 19—23.

двое присковыхъ рабочихъ, съ бабами и дѣвками, ѣдутъ на двухъ связанныхъ боронахъ, обернутыхъ зубцами къ землѣ и запряженныхъ 8 или 10 лошадьми. За разрѣшеніе выѣхать подобную штуку они предлагали мѣстной полиціи по нѣскольکو десятковъ и даже сотню рублей. Авторъ статьи, изъ которой мы заимствуемъ этотъ фактъ и которая была напечатана въ 1860 г., рассказываетъ, что „лѣтъ 10 тому назадъ въ городѣ, доселѣ служащемъ главнымъ пунктомъ выхода рабочихъ, квартирные надзиратели въ теченіе одного мѣсяца набивали пѣлые амбары сапогами, броднями, азиями и другимъ хламомъ, сдираемымъ съ пьяныхъ присчиковъ, забираемыхъ на улицахъ и въ тѣхъ теплыхъ уголкахъ, куда идетъ усердно всякій, прилично выпившій человѣкъ“ ¹⁾.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, по словамъ Кривошапкина, во время кутежа рабочіе бросали подъ ноги пятирублевныя ассигнаціи, чтобы не идти по грязи, велики выкатывать вино бочками и угощали всѣхъ желающихъ, требовали, наконецъ, господскаго вина. Имъ подносили подъ видомъ господскаго крѣпкой спиртъ, а затѣмъ сильно опьянѣвшимъ, потребовавшимъ шампанскаго рабочимъ—либо „горское“, чтобы они могли видѣть по крайней мѣрѣ, какъ пробки летятъ въ потолокъ, либо спиртъ, настоянный какими-нибудь одуряющими снадобьями ²⁾.

Противъ этого безшабашнаго разгула послѣ чрезмѣрно напряженнаго труда мѣры Муравьева оказались скоро безсильными: очевидно одной полицейской распорядительности лицъ, сопровождавшихъ рабочихъ съ присковъ, было недостаточно. Нужно было дать возможность рабочимъ выпивать вино въ извѣстномъ количествѣ и на промыслахъ, такъ какъ въ умѣренной дозѣ оно было положительно необходимо для поддержанія ихъ силъ; нужно было подумать о томъ, чтобы самый трудъ не былъ чрезмѣрнымъ. Но, что касается вина,—администрація заботилась только о его совершенномъ недопущеніи на приски, относительно же регламентаціи количества труда законъ 1838 г. хотя и выше устава 1870 г. о частной золотопромышленности, но все-таки онъ недостаточно охраняетъ силы рабочаго отъ истощенія. Разгулу рабочихъ содѣйствовало и преобладаніе въ числѣ ихъ ссыльно-поселенцевъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ бездомныхъ и безсемейныхъ. Съ увеличеніемъ количества крестьянъ, работающихъ на промыслахъ, и съ болѣе частой выдачею винныхъ порцій во время работъ (уже въ 70-хъ годахъ), безшабашный кутежъ „прискателей“ сильно ослабѣлъ.

Нѣкоторые рабочіе, какъ уже было указано, пропивъ заработанныя лѣтомъ деньги, на обратномъ пути, въ первыхъ же селеніяхъ, нанима-

¹⁾ *Цеттлюбовъ*. „Нѣсколько словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ прискахъ“. „Амуръ“ 1860 г. № 13.

²⁾ *Кривошапкинъ*. „Енис. округъ и его жизнь“. Спб. 1866 г., стр. 180—181.

лись тутъ же на зимнія пріисковыя работы. Работы эти, на которыхъ требовалось гораздо меньше рабочихъ, чѣмъ на лѣтнія ¹⁾, состояли въ постройкѣ и починкѣ промывальныхъ машинъ, исправленіи таратаекъ, постройкѣ различныхъ зданій, въ приготовительныхъ работахъ для лѣтней промывки, въ прорытіи канавъ, въ „разшурфовкѣ“ пріисковъ и весьма рѣдко въ промывкѣ песковъ, что допускалось при ортовыхъ (подземныхъ) работахъ и существованіи на пріискѣ теплой промывальни. Нѣкоторыхъ рабочихъ договаривали на зимнія работы на самомъ пріискѣ, при окончательномъ расчетѣ за лѣтній сезонъ; но и тѣ, которые соглашались остаться на зимнія работы, требовали непременно, чтобы имъ дозволено было выйти изъ тайги въ ближайшее селеніе, откуда, пробывъ тамъ дня два или три, они возвращались на пріискъ. Безъ этого, говоритъ авторъ описанія енисейскихъ промысловъ въ 1848 г., „рѣшительно никто не соглашается оставаться на зиму; даже тѣ, которые оставлены для зимнихъ работъ за долги, убѣгаютъ съ промысловъ“. Такъ въ 1848 г. съ Петропавловскаго пріиска К^о Рязановыхъ въ одинъ день, изъ числа людей, оставленныхъ для зимнихъ работъ, бѣжало 55 человекъ.

¹⁾ Въ концѣ 40-хъ годовъ въ Енисейской тайгѣ оставалось на зиму всего около 4,000 человекъ. Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло 1851 г., № 3/39, вкладка 2-я, л. 75—89 (отчетъ ген. лейт. Аппенкова).

ГЛАВА VI.

Вліяніе введенія золотопромывательныхъ машинъ на положеніе рабочихъ.

Новый періодъ сибирской золотопромышленности. — Число и составъ рабочихъ. — Насмъ и размѣръ задатковъ. — Контракты. — Усовершенствованіе золотопромышленной техники. — Огромные доходы золотопромышленниковъ. — Продолжительность рабочаго дня. — Размѣръ уроковъ. — Мѣсячное жалованье. — Измѣненіе въ системѣ статорательскихъ работъ. — Удешевленіе рабочей силы. — Отрядные рабочіе. — Жилища и пища рабочихъ. — Употребленіе вина. — Семейства рабочихъ. — Пріисковыя лавки. — Болѣзненность и смертность на промыслахъ. — Пріисковыя больницы; пріисковые фельдшера и врачи. — Наказаніе рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ и мѣшпанъ. — Денежныя штрафы. — Тѣлесныя наказанія. — Досрочный расчетъ. — Бѣгство съ промысловъ. — Размѣръ заработковъ. — Величина додачи. — Недоразумѣніе при расчетѣ. — Должники. — Возвращеніе рабочихъ. — Расчетъ съ ними въ кабакахъ. — Какъ охраняли рабочихъ отъ пьянства.

Золотопромышленность въ Сибири, начало которой относится къ концу двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, нашла здѣсь благоприятныя условія для своего развитія не только въ природныхъ богатствахъ страны, но и въ томъ, что въ этой мѣстности существовалъ весьма значительный контингентъ такихъ крайне нуждающихся въ заработкахъ рабочихъ, какими были ссыльно-поселенцы; они, дѣйствительно, и составляли въ первое время сибирской золотопромышленности преобладающее большинство пріисковыхъ рабочихъ (въ 1834 г. — 82%). Правда, тяжелыя условія пріисковаго труда первоначально вызывали въ нихъ особенно сильное стремленіе уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, такъ что въ первой половинѣ 30-хъ годовъ болѣе пятой части нанявшихся рабочихъ не являлась на пріиски и значительное количество ихъ бѣжало съ промысловъ, но, тѣмъ не менѣе, экономическая необходимость приковывала большинство изъ нихъ къ вновь народивше-

муса крупному промышленному производству, и въ половинѣ 40-хъ годовъ оказалось, что нѣкоторые изъ сильно-поселенцевъ уже по 10, 12 и даже 16 лѣтъ провели на промыслахъ. Такимъ образомъ, рабочія руки этого поселенческаго пролетаріата содѣйствовали созданію крупныхъ богатствъ Поповыхъ, Рязановыхъ, Асташевыхъ, Бенардаки и другихъ золотопромышленниковъ.

Первое время пріисковыя работы производились исключительно ручнымъ трудомъ: не только добыча золотоносныхъ песковъ и снятіе покрывающихъ ихъ пустыхъ породъ (такъ называемаго торфа или турфа) совершались, какъ и теперь, силою человѣческихъ мускуловъ, но и перевозка турфа и песковъ возлагалась на людей, а не на лошадей. Промывка золотоноснаго песка также производилась ручнымъ способомъ при помощи самыхъ первобытныхъ снарядовъ. Однако, постепенно ручной трудъ при перевозкѣ турфа и песковъ на тачкахъ, выѣщающихъ два-три пуда, сталъ замѣняться перевозкою лошадьми на таратайкахъ, куда можно было положить 25 и болѣе пудовъ (на нѣкоторыхъ пріискахъ, впрочемъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, стали класть даже рельсы, по которымъ передвигались лошадьми къ промывательнымъ машинамъ вагоны съ золотоноснымъ пескомъ). Тѣмъ не менѣе, ручной трудъ еще долго преобладалъ при перевозкѣ. Но промывка золотоносныхъ песковъ ручнымъ способомъ, слишкомъ медленная и неудовлетворительная, стала замѣняться введеніемъ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою и изрѣдка силою пара. Постепенная замѣна ручнаго труда лошадиною силою видна, наприм., изъ того, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1847—1851 г.) число лошадей на золотыхъ пріискахъ Енисейской и Иркутской губерніи удвоилось (съ 5,848 въ 1847 г. оно дошло въ 1851 г. до 11,750, хотя въ эти годы число рабочихъ на промыслахъ Восточной Сибири увеличилось всего на 23%). Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось и количество механическихъ снарядовъ для промывки золота, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою: въ 1847 г. на промыслахъ Западной Сибири ихъ было 46 (изъ нихъ 44 приводились въ движеніе водою и 2 лошадьми), а въ 1852 г. уже вдвое болѣе—93 (изъ нихъ 78 дѣйствовавшихъ водою и 15 конными приводами ¹⁾). На промыслахъ Восточной Сибири количество золотопромывательныхъ машинъ (такъ называемыя бочки, чаши и бороны) къ началу 50-хъ годовъ также не только сдѣлалось весьма значительнымъ, но онѣ даже преобладали надъ первоначальными простыми снарядами (см. ниже).

¹⁾ Галемейстеръ: „Историческое обозрѣніе Сибири“, I, стр. 218; II, стр. 462; срав. Горный Журналъ 1844 г., № 4, стр. 121—131, и 1853 г., № 2, стр. 297—312.

Такимъ образомъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ золотопромышленность въ Сибири переходитъ въ новый періодъ развитія: изъ мануфактуръ золотные промыслы постепенно превращаются въ промышленныя учрежденія съ преобладающимъ при промывкѣ золота машиннымъ производствомъ. Хотя ручной трудъ продолжалъ играть на промыслахъ весьма важную роль уже потому, что онъ былъ единственнымъ при добычѣ золотоноснаго песка и снятіи турфа, тѣмъ не менѣе, введеніе машинъ при промывкѣ золота повело къ тѣмъ же послѣдствіямъ для рабочихъ, къ каковымъ оно приводило и въ другихъ промышленныхъ производствахъ.

Какъ извѣстно, введеніе машинъ удлиняетъ рабочій день, вызываетъ усиленіе интенсивности труда, а удлиненіе дня сопровождается пониженіемъ рабочей платы ¹⁾. Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы путемъ внимательнаго изученія исторіи быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ ²⁾.

Золотопромышленность въ Сибири, какъ мы уже замѣтили, нашла въ многочисленномъ классѣ ссыльно-поселенцевъ въ высшей степени благоприятное условіе для своего развитія въ формѣ крупнаго промышленнаго производства. Существованіе этого бездомнаго пролетаріата ³⁾ и дало возможность золотопромышленникамъ установить вознагражденіе за трудъ по системѣ „излишняго“, лучше оплачиваемого времени ⁴⁾. При готовой пищѣ, рабочіе получали въ тридцатыхъ годахъ (въ 1834—37 гг.) на промыслахъ Томской губерніи ничтожную мѣсячную плату за 30 дней работы, а именно отъ 10 до 13 руб. ассиг. (отъ 2 руб. 80 к. до 3 руб. 65 коп. сер.), т.-е. отъ 9 до 12 к. серебр. въ день; увеличить же свой заработокъ рабочій могъ лишь добавочнымъ, такъ называемымъ, старательскимъ трудомъ за повышенное вознагражденіе. Эта старательская работа первоначально была обыкновенно необязательна и производилась не всѣми рабочими сообща, а по одиночкѣ или небольшими артелями. Введеніе машиннаго производства привело къ тому, что, какъ видно будетъ ниже, старательская работа постепенно превратилась въ простое про-

¹⁾ Срав. *Зибержъ*. „Рикардо и Марксъ“. Спб., 1885 г., стр. 451—453, 456, 459, 472, 500.

²⁾ Что высота рабочей платы находится въ обратномъ отношеніи съ продолжительностью рабочаго дня, это замѣтилъ и проф. Эрисманъ при изученіи современнаго быта рабочихъ на фабрикахъ Московскаго и Клинскаго уѣздовъ. Смотри его труды: *Санитарное изслѣдованіе фабричн. завед. Московскаго уѣзда*. Москва. 1882 г., ч. I, стр. 228; *Санитарное изслѣдованіе фабричн. завед. Клинскаго уѣзда*. Москва, 1881 г., стр. 69.

³⁾ Изъ числа поселенцевъ, работавшихъ въ 1843 г. на пріискахъ одной крупной золотопромышленной компаніи южной части Енисейскаго округа, какъ мы уже упоминали выше, менѣе 20% имѣли дома.

⁴⁾ Срав. *Зибержъ*, стр. 469—470.

долженіе урочной и сдѣлалось также обязательною ¹⁾. Прежде по окончаніи обязательнаго труда, который въ горныхъ работахъ производился по урокамъ, рабочій могъ, если хотѣлъ, приняться за старательскую работу. Въ половинѣ 30-хъ годовъ, по официальнымъ свидѣтельствамъ, *обязательный* трудъ длился около десяти часовъ. Законъ о сибирской золотопромышленности 1838 года установилъ тахіміи продолжительности рабочаго дня въ 15 часовъ, *со включеніемъ* времени на отдыхъ, а въ 50-хъ годахъ по нѣкоторымъ контрактамъ продолжительность обязательнаго труда опредѣляется уже въ 15 часовъ *за исключеніемъ* отдыха. Правда, въ большинствѣ контрактовъ 50-хъ годовъ количество рабочихъ часовъ опредѣляется въ нѣсколько меньшемъ количествѣ, но при урочной системѣ работъ въ дѣйствительности обращали вниманіе не на ту или иную продолжительность рабочаго дня, а только наблюдали за исполненіемъ установленныхъ уроковъ; со введеніемъ же обязанности старательскихъ работъ мы нерѣдко встрѣчаемъ систему *полумоторныхъ уроковъ*, то-есть къ прежнему уроку прибавлялась еще половина старательскаго, но уже обязательнаго замѣра. Когда рабочій не обязанъ былъ „стараться“, онъ могъ по желанію сократить свой рабочій день, хотя, конечно, лишаясь при этомъ повышеннаго вознагражденія,—теперь же онъ долженъ былъ непремѣнно „стараться“; такимъ образомъ, продолжительность обязательнаго труда увеличивалась, къ тому же, сдѣлалась обязательною и работа въ праздники. Мы увидимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что исполненіе одного и того же урока по добычѣ турфа или золотоносныхъ песковъ возлагается съ теченіемъ времени на меньшее количество людей, слѣдовательно, трудъ становился напряженнѣе. Наконецъ, приводимыя нами данныя относительно рабочей платы 50-хъ годовъ и сравненіе заработковъ рабочихъ съ предшествующимъ временемъ покажутъ намъ, что вознагражденіе за трудъ не возросло, а понизилось.

Въ другихъ родахъ производства, какъ извѣстно, введеніе машинъ усиливаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда ²⁾. Если мы не замѣчаемъ на золотыхъ промыслахъ того же явленія въ большихъ размѣрахъ, то это объясняется тѣмъ, что по условіямъ даннаго производства женскій трудъ имѣлъ въ немъ лишь весьма ничтожное примѣненіе (хотя и теперь еще я самъ видѣлъ на сибирскихъ промыслахъ женщинъ, про-

¹⁾ Пока этотъ процессъ не закончился, „вся сила механизмовъ, все дорогое стоющее устройство пропадала безъ всякой пользы, стояли неподвижно во время старательской работы, ибо рабочій промывалъ пески не на машинѣ, а каждый отдѣльно, про себя, гдѣ-нибудь на ватгердѣ или небольшою артелью на бутаркѣ“. *Скарятинъ*: „Замѣтки золотопромышленника“. Сиб. 1862 г., ч. II, стр. 121.

²⁾ Срав. *Зиберъ*, 450—451, 479.

тирающихъ пески на бутарѣ); что же касается труда дѣтей и подростковъ, то запросъ на него могъ увеличиться съ замѣною ручной откатки песковъ и турфа отвозкою на лошадяхъ, причемъ подростки дѣлались погонщиками, точно такъ же, какъ и при отвозкѣ не уносимыхъ водою отбросовъ золотопромывательной машины (эфеля и гальки).

Такимъ образомъ, изслѣдованіе исторіи прискового труда подтверждаетъ теоретическія положенія экономической науки, а это, въ свою очередь, даетъ лишній аргументъ въ пользу необходимости подобныхъ изслѣдованій, весьма важныхъ также и въ практическомъ отношеніи: для выработки болѣе совершеннаго фабричнаго законодательства.

До начала пятидесятихъ годовъ частная золотопромышленность въ Сибири существовала въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Киргизской степи, въ Томскомъ (а по нынѣшнему административному раздѣленію въ Маринскомъ) округѣ, Томской губерніи, во всѣхъ округахъ Енисейской губ., въ Иркутскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ Иркутской губ., въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области ¹⁾. Въ пятидесятихъ годахъ положено было начало частной золотопромышленности и въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области ²⁾.

На всѣхъ этихъ промыслахъ работало ³⁾: въ 1850 году въ Западной Сибири (въ Киргизской степи и Томскомъ округѣ) 3,551 чел., въ Восточной—28,822 чел., итого 32,373 чел.; въ 1851 г. въ Западной—3,510 ч., въ Восточной—31,920 чел., итого 35,430 чел. ⁴⁾ Относительно послѣдующихъ годовъ данныхъ о промыслахъ Западной Сибири мы не имѣемъ, а на прискахъ Восточной Сибири работало: въ 1853 г. 33,152 чел., въ 1856 г. 38,251 чел., въ 1857 г. 38,123 чел., въ 1858 г.

¹⁾ Въ 50-хъ годахъ золотопромышленность была дозволена въ слѣдующихъ мѣстахъ. Въ 1854 г. разрѣшено было производство частнаго золотого промысла въ предѣлахъ Аягузскаго округа Киргизской степи (въ большой Киргизской ордѣ) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде производилась разработка росыпей китайцами. П. С. З. т. XXIX, № 28.050, ср. XXXVI, № 31.658а и 36.812. Въ 1858 г. допущена была золотопромышленность и въ Малой Киргизской ордѣ. П. С. З. т. XXXIII. № 33.043. Въ 1848 г., какъ мы видѣли, было дозволено заниматься золотопромышленностью въ Верхнеудинскомъ округѣ за Байкаломъ лишь нѣкоторымъ лицамъ; въ 1856 г. производство золотого промысла въ этомъ округѣ было дозволено всѣмъ частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы доходы отъ этого промысла, слѣдующіе въ казну, поступали въ Кабинетъ Его Величества. П. С. З. т. XXXI, №№ 30.779, 30.789.

²⁾ *Богоямбскій*. Золото, стр. 102, срав. *Гагемейстеръ*, II, 425.

³⁾ Изъ различныхъ официальныхъ данныхъ беремъ максимальныя цифры, см. *Дополненіе IV* (въ концѣ тома).

⁴⁾ Въ дѣйствительности рабочихъ должно было быть болѣе, такъ какъ, по крайней мѣрѣ относительно Западной Сибири, тутъ имѣются въ виду рабочіе „по расчету на 1 день“, т. е. годовые рабочіе. Сравни. „Горн. Журн.“ 1852 г, № 1, стр. 149—154 и № 2, стр. 311—312.

34,960 чел. Сравнительно со второю половиною сороковых годовъ число рабочихъ въ Восточной Сибири значительно увеличилось.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ преобладающимъ составнымъ элементомъ пріисковой рабочей массы были ссыльно-поселенцы: они являлись тѣмъ рабочимъ пролетаріатомъ, существованіе котораго необходимо для развитія крупной промышленности; но затѣмъ золотопромышленность стала привлекать и другія рабочія силы. Генералъ-адъютантъ Анненковъ, производившій ревизію Западной Сибири въ 1851 г., обратилъ вниманіе на то, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, число ссыльно-поселенцевъ, работавшихъ на пріискахъ Енисейской губерніи, стало быстро уменьшаться: въ 1847 г. они составляли тамъ 68% всѣхъ рабочихъ, въ 1848 г. 67%, въ 1849 г.—62% и въ 1850 г. менѣе 53% ¹⁾. Другое обстоятельство, замѣченное Анненковымъ, было ежегодное увеличеніе притока на пріиски Енисейской губерніи рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній и особенно помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1847 г. рабочіе изъ Великороссіи составляли тамъ 13,7% всего числа рабочихъ (въ томъ числѣ помѣщичьи крестьяне 6,5%), въ 1849 г. первые 18% (въ томъ числѣ помѣщичьи—8,8%), въ 1850 г. великороссовъ было 19% рабочихъ (въ томъ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ—11,8%). Изъ числа великороссовъ, по свидѣтельству Анненкова, оставалось въ енисейской тайгѣ нѣсколько лѣтъ сразу до 1,600 чел. изъ одной Нижегородской губ. ²⁾. Анненковъ полагалъ, что „послѣдовательно уменьшающееся число ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ и въ той же послѣдовательности ежегодно увеличивающееся число рабочихъ изъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, и особенно помѣщичьихъ, показываетъ, что внутреннія губерніи непрестанно болѣе и болѣе сближаются съ Сибирью ³⁾ и что существовавшій прежде страхъ Сибири терять въ Россіи болѣе и болѣе свою силу“ и что „современемъ крестьяне могутъ совершенно замѣнить ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ“. Анненковъ признавалъ значеніе золотопромышленности въ томъ отношеніи, что она въ теченіе лѣтъ давала работу значительному количеству бездомныхъ ссыльно-поселенцевъ, но, въ то же время, онъ пришелъ къ выводу, что золотопромышленность не только не содѣйствуетъ устройству ссыльно-поселенцевъ, но, быть можетъ, даже препятствуетъ ему.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ своихъ замѣчаніяхъ на записку Анненкова по вопросу объ увеличеніе на при-

¹⁾ Во всей Восточной Сибири въ 1850 и 1851 гг. ссыльно-поселенцы составляли 52% изъ пріисковыхъ рабочихъ, а въ Западной Сибири въ 1847 году — 72%, въ 1851 г.—69%.

²⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 91 дѣло 1851 г. № 3/39.

³⁾ На это мѣсто доклада Анненкова обратилъ вниманіе имп. Николай.

искахъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, составляющемъ, по словамъ Муравьева, „предметъ особыхъ опасеній генераль-адъютанта Анненкова“, высказалъ мнѣніе, что нѣтъ причинъ „преграждать крестьянамъ великороссійскихъ губерній всѣхъ наименованій временно или постоянно селиться въ Сибирь“ въ виду ея малонаселенности и недостатка земель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ европейской Россіи. „Правительству едва ли полезно было бы, — продолжаетъ Муравьевъ, — отвращать жителей внутреннихъ губерній отъ Сибири, а напротивъ, должно желать, чтобы они переселились сюда охотно и свободно, не требуя пособій отъ правительства для сего переселенія, чего достигнуть можно тогда лишь, когда во внутреннихъ губерніяхъ убѣдятся, что въ Сибири работать выгодно и жить привольно“. По поводу предположенія Анненкова, что современемъ крестьяне великороссійскихъ губерній могутъ совершенно замѣнить ссыльно-поселенцевъ на золотыхъ промыслахъ, Муравьевъ замѣтилъ, что это только содѣйствовало бы „болѣе успѣшному обращенію“ ссыльно-поселенцевъ къ занятиямъ хлѣбопашествомъ и ремеслами, отъ которыхъ ихъ отвлекаетъ золотопромышленность, а въ Сибири „еще долго будетъ ощущаться недостатокъ рукъ, а не излишекъ ихъ“. Во всякомъ случаѣ, въ Сибири пока не чувствовалось, по мнѣнію Муравьева, никакого неудобства отъ постепенной замѣны на золотыхъ промыслахъ ссыльно-поселенцевъ крестьянами изъ внутреннихъ губерній, а также не замѣчено было, чтобы совмѣстная работа этихъ крестьянъ и поселенцевъ имѣла бы вредное вліяніе на первыхъ. Сибирскій комитетъ нашелъ, что „при настоящемъ положеніи дѣлъ едва ли удобно и возможно поощрять употребленіе на золотыхъ промыслахъ въ Сибири крестьянъ изъ великороссійскихъ губерній“. Нѣтъ сомнѣнія, что это было бы выгодно для золотопромышленниковъ, такъ какъ давало бы имъ средства и возможность дешевле нанимать рабочихъ на промысла, „но, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что многіе изъ ссыльныхъ, не получивъ до сихъ поръ надлежащаго устройства на прочныхъ основаніяхъ, существуютъ и оплачиваютъ подати единственно заработками на золотыхъ промыслахъ, и что поэтому, до принятія мѣръ къ устройству ссыльныхъ на иныхъ противу теперешняго началахъ, дѣйствительно надо опасаться, что если великороссійскіе крестьяне вытѣснятъ ссыльно-поселенцевъ съ работъ на золотыхъ промыслахъ, то бродяжество сихъ послѣднихъ можетъ еще усиливаться, преимущественно въ лѣтнее время, когда они могутъ быть наиболѣе вредны“, а это принесетъ „вредъ всему краю“. Комитетъ указалъ еще на то, что при огромномъ пространствѣ Сибири, слабости тамъ полиціи и возможности укрываться бѣглымъ и бродягамъ, трудно наблюдать за крестьянами, приходящими въ Сибирь для работъ на золотыхъ промыслахъ изъ внутреннихъ губерній. Не желая мирволить золотопромышленникамъ, сибирскій комитетъ чувствовалъ, однако, нѣкоторую сла-

бость къ великороссійскимъ помѣщикамъ: онъ считалъ „особенно вреднымъ“ то, что помѣщичьи крестьяне „бродяжничаютъ по Сибири, а помѣщики даже не знаютъ, куда и къ кому обратиться, чтобы отыскать своихъ людей“, и потому высказывался за необходимость мѣръ для ограниченія бродяжничества по Сибири великороссійскихъ крестьянъ. Муравьевъ, спрошенный по этому поводу, представилъ (въ 1853 г.) мнѣніе енисейскаго губернатора Падалки, который писалъ, что „крестьяне великороссійскихъ губерній, приходящіе для работъ на золотыхъ промыслахъ, не только не могутъ вытѣснить поселенцевъ съ промысловыхъ работъ, но, облегчивъ золотопромышленниковъ въ наймѣ на промысла рабочихъ, сохраняя, съ тѣмъ вмѣстѣ, рабочихъ и для прочихъ сословій Енисейской губерніи“. Нельзя также предполагать, что современемъ потребуется большое количество рабочихъ, „отдѣленіе которыхъ изъ числа ссыльных можетъ имѣть невыгодное вліяніе и на хлѣбопашество“; даже истощеніе въ настоящее время на нѣкоторыхъ промыслахъ богатства содержанія песковъ заставляетъ золотопромышленниковъ увеличивать число рабочихъ. Наконецъ, самое намѣреніе правительства устроить бытъ поселенцевъ можетъ встрѣтить препятствіе въ несоразмѣрномъ требованіи этихъ людей на промыслы, такъ какъ „для прочнаго водворенія ссыльных необходимо постоянное пребываніе ихъ на мѣстѣ причисленія“.

Ознакомившись съ полученными имъ по этому вопросу мнѣніями, сибирскій комитетъ пришелъ къ тому заключенію, что наемъ рабочихъ на частные золотые промыслы изъ крестьянъ великороссійскихъ губерній слѣдуетъ оставить „при прежнемъ порядкѣ“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ своимъ первоначальнымъ положеніемъ, одобреннымъ Государемъ (въ октябрѣ 1852 г.), призналъ существенно необходимыми особыя мѣры для предупрежденія бродяжничества этихъ крестьянъ въ Сибири и принялъ съ нѣкоторыми дополненіями правила, составленныя съ этою цѣлю министромъ финансовъ. Мнѣніе комитета было одобрено Государемъ 23 декабря 1853 г.¹⁾ Правила эти, повидимому, остались мертвою буквой.

Въ Енисейской губерніи въ 1851—54 гг. процентъ ссыльно-поселенцевъ въ общемъ числѣ приисковыхъ рабочихъ продолжалъ постепенно уменьшаться (съ 52,6 до 47,3%), но, въ то же время, уменьшался и процентъ рабочихъ, приходившихъ на прииски изъ Европейской Россіи (съ 17 до 11%); однако количество великороссійскихъ рабочихъ затѣмъ стало увеличиваться и дошло въ 1858 г. до 26% (въ 1859 г. 21%)²⁾.

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/39, ч. 7-я, л. 1—106 и дѣло Сибир. Комитета въ Арх. Комитета Министровъ 1852 г. № 116, см. *Дополненіе V* (въ концѣ тома).

²⁾ Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № 3/39, ч. 7-я, л. 45; то же дѣло вязка 2, л. 78—99; *Галейстеръ*, II, 431; отчеты енисейскихъ губернаторовъ за 1851—59 гг. въ дѣлахъ Сибирскаго Комитета въ Арх. Ком. Министровъ.

Точно такъ же и на промыслахъ всей Восточной Сибири мѣщане, крестьяне и ссыльно-поселенцы сибирскихъ губерній составляли еще въ 1856—1857 гг. 89—90%, а мѣщане и крестьяне великороссійскихъ губерній и разночипцы—11—10% всѣхъ рабочихъ; но въ 1858 г. притокъ рабочихъ изъ Великороссіи такъ увеличился, что мѣщане и крестьяне великороссійскихъ губерній составляли уже 21% всѣхъ приско-выхъ рабочихъ Восточной Сибири ¹⁾.

Отчеты енисейскаго губернатора даютъ возможность вычислить и распределение по поламъ рабочихъ, находившихся на промыслахъ этой губерніи. Оказывается, что женщинъ на прискахъ Енисейской губ. было въ 1851—1854 гг. чрезвычайно мало: minimum—3,3%, maximum—4,8% всего числа рабочихъ, а по округамъ наименьшій процентъ женщинъ былъ на промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа, какъ наиболѣе отдаленной и гдѣ золотопромышленники должны были особенно стремиться ограничить количество женщинъ въ виду дороговизны пропитанія (въ 1851 г. онѣ составляли здѣсь всего 1,3% рабочихъ), а наибольшій процентъ находимъ на промыслахъ Канскаго округа ²⁾.

Переходя къ характеристикѣ положенія рабочихъ на золотыхъ прискахъ въ пятидесятыхъ годахъ, мы, прежде всего, приведемъ нѣсколько свѣдѣній относительно найма рабочихъ въ Киргизской степи. Киргизскіе приски отличались весьма малымъ содержаніемъ золота (менѣе $\frac{1}{2}$ золотника въ 100 пудахъ песку) и золотопромышленность была тамъ возможна только вслѣдствіе дешевизны рабочихъ. „На золотыхъ прискахъ въ степи употребляются,—по словамъ генерала Анненкова,—большую частью чернорабочіе изъ киргизъ, нанимаемыхъ на три разные срока: одни на все время годового производства, другіе до сѣнокоса, т. е. до 15 іюля, третьи на нѣсколько дней“, во время прохода киргизъ мимо производства работъ. Нанимались киргизы безъ всякихъ формальностей, по однимъ домашнимъ, а часто и просто по словеснымъ условіямъ, однако случаи нарушенія ими договоровъ были довольно рѣдки ³⁾. Плата киргизамъ за все лѣто бывала, по свидѣтельству Анненкова, обыкновенно до 20 руб. сер., по другимъ же источникамъ киргизы мужчины получали по 4 руб., женщины—по 3 руб. въ мѣсяцъ. За старательское золото въ степи платили не болѣе 2 руб. 50 коп. ассигнаціями (71 коп. сер.) за золотникъ ⁴⁾.

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/39, вѣд. 2, л. 289; «Иркут. Губ. Вѣдом.» 1857 г. № 2, 1858 г. № 23, 1859 г. № 11. По Высоч. повелѣнію 8 авг. 1858 г. частные золотые промыслы Ачинскаго, Минусинскаго и Красноярск. окр. Енисейской губ., находившіеся до того времени подъ вѣдомствомъ Алтайскаго Горн. Правл. были подчинены съ 1859 г. генералъ-губернатору Восточной Сибири. П. С. З. т. XXXIII, 33.497.

²⁾ Арх. Горн. Департ. и дѣла Сибирскаго Комит. въ Арх. Комит. Министровъ.

³⁾ Арх. Том. Горн. Упр. № 420—20—14, л. 6 и № 421—21—62, л. 4—5.

⁴⁾ Тарасенко-Отрѣшковъ. „О золотѣ и серебрѣ“, ч. I, Спб. 1856, стр. 193.

Такъ какъ главною цѣлью киргизовъ былъ заработокъ суммы, достаточной на покупку скота и лошадей, то они рѣдко нанимались на присиски болѣе двухъ-трехъ лѣтъ сразу; однако нѣкоторые изъ нихъ оставались на присискахъ на зиму въ своей кибиткѣ и со своимъ небольшимъ стадомъ ¹⁾.

Въ другихъ золотопромышленныхъ округахъ Сибири владѣльцы присисковъ жаловались на недостатокъ рабочихъ. Такъ, въ одной газетной статьѣ (1854 г.), составленной по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ одного золотопромышленника, авторъ говоритъ: „При настоящемъ развитіи золотопромышленности въ Восточной Сибири потребность въ чернорабочихъ ежегодно возрастаетъ“, а потому въ нихъ „оказывается недостатокъ по малонаселенности этого отдаленнаго края. Вслѣдствіе этого... наемъ работниковъ весьма затруднителенъ, особенно на такой присискъ, который прослылъ въ народѣ неудобнымъ для работъ или хозяинъ котораго ведетъ дѣло нерасчетливо и недобросовѣстно. Только крайняя нужда, пьянство или обманчивая приманка большого задатка при наймѣ могутъ склонить рабочаго поступить на подобный присискъ“ ²⁾.

При наймѣ рабочихъ волостные писаря производили значительные поборы, большую часть которыхъ имъ приходилось отдавать исправникамъ и другимъ представителямъ мѣстной администраціи; понятно, что, въ виду этого, различные предписанія, воспрепятствовавшія взиманіе ихъ, должны были оставаться мертвою буквой. По словамъ Кривошапкина, эти поборы при наймѣ доходили до 3 р. 50 к. съ каждаго, причемъ расходъ этотъ, вмѣстѣ съ платою за паспортъ, ставили на счетъ рабо-

¹⁾ Арх. Горн. Деп. по описи № 91, дѣло № 3/39, вѣз. 2-я, л. 99.

²⁾ *И. К-го*, „О настоящемъ порядкѣ работъ и рабочей платѣ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Вост. Сибири“. „Москов. Вѣдом.“ 1854 г. №№ 65—67, отд. отд. стр. 28. Вотъ какъ, по словамъ Кривошапкина, нанимала рабочихъ одна компанія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ предыдущую операцію она очень плохо кормила рабочихъ и обидѣла ихъ при расчетѣ, сдѣлавъ разныя вычеты. Слухъ о томъ прошелъ между рабочими, и потому на новую операцію охотниковъ не явилось. „Попробовали посылать нанимателя. При одномъ имени компаніи рабочіе машутъ только руками, да покачиваютъ головой... И вотъ отыскивается ловкій плутъ, пройдоха изъ поселенцевъ, получаетъ 10 цѣлковыхъ, отправляется съ ними въ кабакъ, гдѣ и показывается видъ богача, кутащаго отъ благодѣяній компаніи. Затѣмъ набираетъ вина и отправляется къ кому-нибудь въ домъ; угощаетъ, поитъ съ прибавленіемъ, можетъ быть, и спеціей вродѣ бѣленн или дурмана, опьяняетъ и ведетъ къ нанимателю, а тамъ сидитъ уже волостной писарь съ готовымъ договоромъ, куда и вписываютъ имя приведеннаго. Тутъ же выдаютъ задатокъ, и... поселенецъ, поздравляя съ полученіемъ, проситъ отпечистовать за прежнюю его любезность; приходятъ они опять въ кабакъ, и пошла потѣха, такъ что когда мужикъ опомнится и отрезвится, денегъ прокучено довольно, взять для возврата негдѣ, договоръ подписанъ и явленъ... Словомъ, это ведется какъ при наемѣ рекрутовъ“. *Кривошапкинъ*. „Енисейскій округъ и его жизнь“, 1865 г., стр. 169—170. Авторъ собиралъ свѣдѣнія для главы о присисковыхъ рабочихъ въ 1859 г.

чаго, но въ южной системѣ Енисейскаго округа нѣкоторыя компаніи принимали на свой счетъ, что и выговаривалось въ контрактахъ съ ними.

По закону 1840 г. золотопромышленники должны были, „независимо отъ наемной платы“, вносить за каждого ссыльно-поселенца, нанимаемаго ими для работъ на приискахъ, по 1 р. 50 к. съ человека въ пользу экономического капитала ссыльныхъ. 15 мая 1853 г. высочайше утвержденнымъ положеніемъ сибирскаго комитета, сверхъ полуторарублеваго сбора, съ золотопромышленниковъ за каждого ссыльнаго, дѣйствительно, явившагося на приискъ, постановлено было еще взыскивать, также „независимо отъ наемной платы“, для устройства осѣдлости ссыльно-поселенцевъ, по 1 р. сер. Сборъ этотъ золотопромышленники обязаны были вносить прямо въ подлежащее окружное казначейство вслѣдъ за окончаніемъ лѣтныхъ работъ, распределение же его предоставлялось усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства. Вновь установленный съ золотопромышленниковъ сборъ по 1 р. сер. они отнюдь не должны были вычитать у ссыльно-поселенцевъ изъ задаточныхъ денегъ ¹⁾. Въ 1857 г. енисейская экспедиція о ссыльныхъ дала знать горнымъ исправникамъ, что со всѣхъ находящихся на промыслахъ ссыльныхъ женщинъ также слѣдуетъ взыскивать въ экономической капиталъ по 1 р. 50 к. ²⁾. Въ слѣдующемъ году высочайше утвержденнымъ положеніемъ сибирскаго комитета была введена, въ видѣ опыта на три года, отдача на золотые приiski въ Сибири ссыльно-поселенцевъ, неисправныхъ въ платежѣ податей и экономического капитала. Отдавались они туда по распоряженію земскихъ исправниковъ, съ которыми довѣренные золотопромышленниковъ, желающихъ нанять такихъ ссыльно-поселенцевъ, заключали условія найма съ тѣмъ, чтобы плата имъ соответствовала назначаемой вольнымъ работникамъ той же мѣстности ³⁾.

При взысканіи съ нанимающихся рабочихъ податей волостное начальство дѣлало на нихъ громадныя начеты. Въ 1851 г. шефъ жандармовъ гр. Орловъ довелъ до свѣдѣнія министра финансовъ гр. Вронченко, что на „всякомъ почти частномъ приискѣ Западной Сибири каждый годъ ноступаютъ отъ рабочихъ къ горному исправнику Томской губерніи... претензіи относительно взысканія съ нихъ волостными правленіями вдвойнѣ и втройнѣ податей и съ каждымъ годомъ претензіи эти увеличиваются, такъ что не видно ни конца имъ, ни мѣры къ удовлетворенію“. Гр. Орловъ предлагалъ ввести въ волостныхъ правленіяхъ шпуро-

¹⁾ П. С. З., т. XXVIII, № 27.248.

²⁾ Арх. Гавр. прииска Кытмановыхъ, № 122/582, л. 49.

³⁾ П. С. З., т. XXXIII, № 33.027. Срав. Арх. Мин. Гос. Им. дѣло I Деп. 1856 г. № 315/2997 или дѣло Слб. Комит. въ Арх. Ком. Мин. 1858 г. № 71.

выдавали книги съ тѣмъ, чтобы прикащики золотопромышленниковъ сами отпѣчали бы въ нихъ количество денегъ, внесенныхъ за каждаго рабочаго; однако, огромные начеты на рабочихъ продолжались, продолжаютъ и до сихъ поръ ¹⁾. „Удивляться нужно, — говоритъ Кривошапкинъ, — какія плутовства и притѣсненія дѣлаютъ при перемѣнѣ посылаемыхъ старыхъ паспортовъ или видовъ, съ приложеніемъ, по примѣру прежняго года, денегъ, да и большею частью съ прибавочкой для ублаговленія какого-нибудь писаря“. Къ ожидаемому сроку паспортъ не приходитъ, приходится послать въ подарокъ еще рубля три, потомъ новый подарокъ, и лишь тогда получаютъ ожидаемый документъ. „А въ это время бѣдный поселенецъ можетъ за безписьменность и плети получить, а крестьянинъ вдоволь въ острогѣ насидѣться. Горько смотрѣть на этихъ несчастныхъ, какъ они на колѣняхъ и со слезами на глазахъ представляютъ полицейскому... почтовые росписки въ отсылкѣ и документовъ, и денегъ, и удостовѣреніе лицъ, у которыхъ постоянно служили, въ ихъ званіи... Вздумай только присковая полиція схватить всѣхъ такихъ чающихъ документовъ... а присковые врачи пусть откажутся только удостовѣрять въ болѣзненности такихъ лицъ, то и работы на прискахъ, пожалуй, нужно будетъ остановить“ ²⁾.

По закону 1838 г. выдача впередъ денегъ при наймѣ рабочихъ не должна была превышать всей платы по договору, задатки же, выдаваемые ссильно-поселенцамъ, должны быть не болѣе 25 р. асс., со включеніемъ въ это число годового оклада податей, но, въ дѣйствительности, задатки всегда превышали эту сумму и, по свидѣтельству генерала Анненкова (1851 г.), обыкновенно равнялись 20—30 р. сер. Изъ расчетныхъ книгъ и контрактовъ съ рабочими пятидесятыхъ годовъ мы видимъ, что наиболѣе обычнымъ задаткомъ (считая въ томъ числѣ и такъ называемую ссуду) для южно-енисейской системы можно принять 30 р. сер., а для сѣверной части Енисейскаго округа—35—40 р. сер. Сравнительно съ сороковыми годами размѣръ задатковъ значительно увеличился. Кривошапкинъ, собиравшій свѣдѣнія относительно Енисейскаго округа въ 1859 г., говоритъ, что задатки выдаются не менѣе 40 р. и иногда восходятъ даже до 50—70 р. Особенною тароватостью въ этомъ отношеніи отличалась компанія Бенардаки, содержателя виннаго откупа, такъ какъ при искусныхъ, опытныхъ нанимателяхъ задатки могли очень скоро возвратиться чрезъ кабаки съ двойными барышами. Нужно замѣтить, что въ счетъ задатка рабочимъ выдавали одежду и обувь по возвышеннымъ

¹⁾ Арх. Гор. Деп. по описи № 90, дѣло № 321, 6|10, л. 1—2.

²⁾ Статья Кривошапкина въ жур. „Промышленность“ 1861 г., т. II, кн. 2 и 3, вошедшая въ сокращенномъ видѣ въ его книгу.

цѣнамъ и нерѣдко плохого качества ¹⁾). Впрочемъ, нѣкоторые рабочіе занимались совсѣмъ безъ задатка ²⁾).

Мѣстные наблюдатели съ различныхъ точекъ зрѣнія относились къ увеличенію размѣровъ задатка: одни считали это явленіе весьма вреднымъ для рабочихъ, такъ какъ видѣли въ немъ закабаливаніе ихъ золотопромышленникамъ, другіе, напротивъ, полагали, что деньги, получаемыя въ задатокъ, тратились производительнѣе, чѣмъ „додача“, выдаваемая по окончаніи работъ. Перваго мнѣнія держится авторъ одной изъ самыхъ раннихъ статей въ печати въ защиту интересовъ пріисконыхъ рабочихъ ³⁾. „Наниматели,—говоритъ онъ,—зная беззаботный, разгульный характеръ и слабую сторону сибирскаго мужичка, стараются другъ передъ другомъ дать работнику побольше задатку. Они знаютъ по опыту, что едва сотый изъ нихъ устоитъ противъ такого могучаго соблазна; остальные же 99 человѣкъ, сдѣлавъ самыя необходимыя покупки на дальнюю дорогу и оставивъ немного денегъ семейству на прокормленіе, всѣ остальные деньги вручаютъ на сохраненіе всепоглощающему сундуку услужливаго цѣловальника. Такимъ-то образомъ, гг. наниматели дѣлаютъ наемника своимъ должникомъ и, приобрѣтая право безусловно завладѣть его личностью на все время пріисковой работы, заставляютъ его работать до совершеннаго истощенія силъ“. Напротивъ, енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ въ отчетѣ о частной золотопромышленности въ Енисейской губерніи въ 1859 г. признаетъ, что при разсчетѣ осенью этого года большая часть рабочихъ Енисейскаго округа „вышла безъ денегъ и даже съ долгами“, и что это происходитъ отъ выдачи большихъ задатковъ при наймѣ, но „обстоятельство это“, по его мнѣнію, „едва ли можно назвать зломъ“, такъ какъ деньги, получаемыя на мѣстахъ найма, „идутъ на уплату разныхъ повинностей и устройство домашняго хозяйства; тѣ же, которыя получаютъ при разсчетѣ на промыслахъ, большею частью пропиваются дорогой“. Мы, съ своей стороны, добавимъ, что выдача значительныхъ задатковъ служила для рабочихъ нѣкоторою гарантіей отъ досрочнаго разсчета и еще болѣе отъ пониженія платы; нанятые же съ малыми задатками или совсѣмъ безъ нихъ находились въ гораздо большей зависимости отъ каприза золотопромышленника или его управляющаго.

При наймѣ служащихъ и рабочихъ заключались контракты, которые свидѣтельствовались въ городахъ въ окружныхъ судахъ, полицейскихъ частныхъ городскихъ управахъ и у публичныхъ маклеровъ, въ деревняхъ

¹⁾ Статья Кривошанкина, Ibid.

²⁾ О ходатайствахъ золотопромышленниковъ о дозволеніи выдавать ссильно-поселенцамъ задатки болѣе 7 р. 50 к. см. *Дополненіе VI* (въ концѣ тома).

³⁾ „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“ 1859 г., №№ 12 п 14.

въ волостныхъ правленіяхъ или инородческихъ управахъ и на пріискахъ горными исправниками. По содержанію можно различить нѣсколько типовъ договоровъ: контракты со служащими, съ разными мастеровыми, контракты при наймѣ въ поисковую партію, на вскрышу турфовъ (незолотосной породы) и, наконецъ, общій контрактъ на всѣ пріисковыя работы. При свидѣтельствѣ контрактъ, административныя власти Западной Сибири и Енисейской губерніи рѣдко касались ихъ содержанія¹⁾; напротивъ, въ Олекминскомъ округѣ Якутской области въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ горный исправникъ требовалъ, чтобы ему представлялись условія о старательскихъ и другихъ работахъ²⁾, и были случаи, когда, имѣя въ виду интересы рабочихъ, онъ не утверждалъ договора. Такъ, наприм., лѣтомъ 1858 года олекминскій горный исправникъ Измайловъ не утвердилъ постановленія ленскаго золотопромышленнаго товарищества Васнина и Катышевцева о старательскихъ работахъ, на которое, впрочемъ, и рабочіе не изъявили согласія, и предложилъ оставить въ силѣ прошлогоднее постановленіе относительно этихъ работъ, такъ какъ измѣненіе его „есть только поводъ къ неудовольствію со стороны рабочихъ людей на управленіе“, слѣдствіемъ чего является „нерадѣніе рабочихъ къ работѣ и даже ихъ побѣги“. Однако, какъ мы увидимъ ниже, рабочіе одного изъ пріисковъ этой компаніи согласились подписать договоръ, а на другомъ, хотя и не подписали его, но стали работать на условіяхъ, предложенныхъ пріисковымъ правленіемъ³⁾.

Въ общихъ контрактахъ съ рабочими или назначался опредѣленный срокъ явки на пріиски (первыя или послѣднія числа февраля, первое марта, начало апрѣля, первое мая, а при зимнихъ работахъ сентябрь или октябрь), или рабочихъ обязывали отправиться въ путь по первому требованію пріисковаго управленія. Неопредѣленный срокъ вызова на промысла былъ, конечно, крайне неудобенъ для рабочихъ, такъ какъ, связанные договоромъ, они не могли до отправки на пріиски наняться на другую работу. Для промывки золотосодержащихъ песковъ необходима вода, и потому въ годы съ раннею весной промывка начиналась съ 1 мая, а при поздней веснѣ съ 1 іюня, приготовительныя же работы—постройка

¹⁾ Впрочемъ енисейскій золотопромышленникъ М. Безобразовъ въ запискѣ, отправленной въ 1862 г. къ генералъ-губернатору Вост. Сибири жалуется, что волостные суды не утверждаютъ иногда контрактъ подъ предлогомъ „неясныхъ выраженій, относящихся къ угнетенію рабочихъ“ до полученія „очень тягостныхъ приложений и поясненій“. Арх. Г. Деп. № 68/650, ч. II, л. 548—554.

²⁾ Онъ ссылаясь при этомъ на Высоч. утв. положеніе сибирскаго комитета 17 апр. 1853 г. о производствѣ старательскихъ работъ (П. С. З. XXVIII, № 27.169), хотя о представленіи договоровъ съ рабочими на утвержденіе исправниковъ въ немъ ничего не было сказано.

³⁾ Арх. Олекм. Горн. Исправн., дѣло № 284, л. 1, 5 и 12.

нашинъ, рубка лѣса и дровъ и снятіе турфа—чаще всего начинались въ мартѣ и апрѣлѣ, иногда же производились и зимой, для чего оставляли на зиму на промыслахъ часть рабочихъ ¹⁾).

Наиболѣе обычный срокъ окончанія работъ, установленный закономъ 1838 г. для всѣхъ промысловъ, гдѣ не было теплыхъ промысловъ, былъ 10 сентября, но на промысла Томской губерніи и южной части Енисейскаго округа нанимали иной разъ и до 1 октября. Въ дѣйствительности же, общій расчетъ производился, какъ видно изъ расчетныхъ книгъ, въ южной-енисейской системѣ обыкновенно къ 10 сентября, а въ сѣверно-енисейской системѣ съ конца августа по 10 сентября. Въ сѣверной части Енисейскаго округа расчетъ начинался ранѣе, вслѣдствіе болѣе суроваго климата этой мѣстности и большей отдаленности отъ жилищъ рабочихъ.

Золотопромышленники не разъ ходатайствовали, чтобы имъ дозволено было продолжать приисковыя работы (безъ устройства теплыхъ промысловъ) и послѣ 10 сентября, но ихъ домогательства, въ виду климатическихъ условій Сибири, всякій разъ встрѣчали отпоръ со стороны высшей мѣстной администраціи. Съ появленіемъ мѣстнаго органа печати въ Иркутскѣ—„Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, золотопромышленники попытались подѣйствовать на общественное мнѣніе и силою печатнаго слова. Въ 1858 г. въ этой газетѣ появилась статья И. Селиванова, въ которой авторъ доказываетъ необходимость продлить срокъ приисковыхъ работъ ²⁾. Въ слѣдующемъ году статья эта вызвала чрезвычайно обстоятельное возраженіе въ той же газетѣ за подписью „Оппонентъ“, которая представляетъ едва-ли не первую горячую защиту въ печати интересовъ приисковыхъ рабочихъ. Авторы статей о золотопромышленности, ранѣе напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ, или очень мало говорили о положеніи рабочихъ, или рассматривали этотъ вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія выгодъ золотопромышленниковъ; напротивъ, лицо, скрывшее свое имя подъ указаннымъ псевдонимомъ, съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ нуждамъ рабочихъ. Авторъ статьи указываетъ на то, что если въ контрактахъ не обозначаютъ время, когда рабочіе должны явиться на прииски, то въ этомъ виноваты сами наниматели, которые „для своихъ собственныхъ выгодъ умышленно нарушаютъ постановленія закона“, обязывающія работника непременно явиться „въ означенное время и мѣсто“ къ нанимателю и, слѣдовательно

¹⁾ Ст. И. К—ва въ „Москов. Вѣдом.“ 1854 г. №№ 65—67. На промыслахъ Енисейской губ. на зиму 1850—1851 гг. оставалось 14,7% всѣхъ рабочихъ, бывшихъ на этихъ промыслахъ, зимой 1851—1852 гг.—17%, въ 1852—1853 гг.—почти 20%, въ 1853—1854 гг.—21%.

²⁾ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г., част. неофф., № 45.

требующія точнаго обозначенія срока явки. Если рабочіе не успѣваютъ отработать долга, то въ этомъ опять виновны наниматели, такъ какъ по закону „деньги, впередъ выдаваемые наемнику, никогда не должны превышать всей платы по договору“, между тѣмъ какъ наниматели выдаютъ большіе задатки. „Съ перваго взгляда казалось бы, что рабочій народъ пользуется огромными поощреніями и милостями со стороны хозяевъ; но... это милость злой мачихи къ своему пасынку-ребенку, которая даетъ ему ножъ въ руки, чтобъ его потѣшить“. Авторъ видитъ въ большихъ задаткахъ „существенную причину неотработыванія долга“. Не говоря уже о „страшныхъ послѣдствіяхъ въ нравственномъ отношеніи, кому не извѣстно, что этихъ бѣдныхъ должниковъ не разъ увозятъ силою на приски съ мѣста ихъ жительства (говоря правильнѣе, изъ кабака) пьяныхъ, избитыхъ, оборванныхъ? Кому не извѣстно, сколько ихъ уходитъ ежегодно изъ присковъ, не видя въ настоящемъ и не находя въ будущемъ другого исхода своему бѣдственному положенію?“ Возражая противъ мнѣнія Селиванова, что погода съ 10 сентября до 1 октября бываетъ лучше, чѣмъ весной, авторъ говоритъ: „Собственно присковья работы (не считая приготавительныхъ) начинаются съ того времени, какъ откроется вода, т.-е. никакъ не раньше 1 мая. Въ это время испаренія уже проникаютъ до поверхности земли, которая хотя и покрыта легкимъ слоемъ снѣга, но уже значительно размягчена. Съ половины же сентября она крѣпнеть до такой степени, что ее трудно взять заступомъ; самое же главное, что замерзшіе комки земли не размываются и уносятъ въ себѣ золото. Кажется, что это не маловажная причина для прекращенія промывки“. Очень важна также разница въ теплотѣ воздуха, а также и въ ясности погоды между весной и осенью, такъ какъ рабочій обыкновенно плохо одѣтъ и обутъ и, притомъ, уже изнуренъ четырехмѣсячнымъ непрерывнымъ трудомъ.

Золотопромышленники выговаривали въ договорахъ право перевести рабочихъ съ одной работы на другую, а также отправлять ихъ на другой прискъ; напротивъ, рабочіе не только не могли совсѣмъ оставить прискъ до истеченія срока найма, но даже и временно не могли отлучиться съ него безъ разрѣшенія подъ опасеніемъ взысканія, какъ за побѣгъ. Относительно разчета нанятыхъ рабочихъ прежде срока мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ намъ контрактахъ 50-хъ годовъ двоякаго рода постановленія: въ однихъ упоминается о такомъ разчетѣ только въ случаѣ прекращенія работъ на прискѣ, причемъ задолжавшіе рабочіе обязываются уплатить или отработать свои долги; въ другихъ же контрактахъ присковому управленію предоставляется право во всякое время по своему усмотрѣнію разсчитать рабочаго. Въ позднѣйшихъ контрактахъ золотопромышленники обыкновенно предоставляютъ себѣ право передавать рабочихъ на приски другихъ владѣльцевъ; но изъ всѣхъ извѣстныхъ

намъ договоровъ 50-хъ годовъ мы только въ трехъ встрѣтили подобное правило, да и то въ договорѣ Асташева 1856 г. такая передача обусловлена согласіемъ рабочихъ, а въ договорѣ съ нимъ же 1858 г. этого условія нѣтъ, но сдѣлана оговорка, что передача другому золотопромышленнику возможна лишь съ соблюденіемъ постановленій того контракта; на основаніи котораго они нанялись; наконецъ, въ договорѣ съ К^о Рязанова, Горохова и Мошарова (сѣверной части Енисейскаго округа) 1859 г. сказано: „Если бы почему-либо работы на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ прекратились *раньше срочнаго времени*, то управление можетъ насъ *продать* (sic!) на другой прискъ, въ чемъ мы не должны имѣть никакой претензіи, и кто останется должнымъ, тотъ обязанъ долгъ уплатить“. Пріисковые рабочіе въ заключаемыхъ ими контрактахъ обыкновенно ручались другъ за друга въ исполненіи принятыхъ ими на себя обязанностей, въ исправной явкѣ въ назначенному сроку и обязывались принять на себя убытки, причиненные неисполненіемъ контракта; по нѣкоторымъ договорамъ они должны были отвѣчать даже за долги товарищей, бѣжавшихъ или разсчитанныхъ вслѣдствіе дурного поведенія, и, притомъ, отвѣчать всею своею собственностью, находящеюся какъ на прискахъ, такъ и въ деревняхъ. Неявившіеся по болѣзни обязывались прислать вмѣсто себя другихъ, а за неявку безъ особо важныхъ причинъ полагался въ нѣкоторыхъ договорахъ штрафъ, напримѣръ, по 1 рублю въ день, а по другимъ—рабочій обязывался отработать пропущенное время послѣ 10 сентября.

Въ Восточной Сибири не явилось на приски въ 1850 г. всего 2,6% нанявшихся; въ слѣдующемъ году нѣсколько болѣе—4,1% ¹⁾. На промысла Енисейской губ. не явилось въ 1852 г. 5,1% нанявшихся, въ 1853 г.—4,3%, въ 1854 г.—3,6% ²⁾. Эти цифры показываютъ, что количество неявившихся было не велико; сравнительно съ сороковыми годами уклоненіе отъ явки на приски значительно уменьшилось.

Движеніе рабочихъ на приски, по словамъ одного мѣстнаго писателя, „представляло нѣчто оригинальное. Довольно удачное сравненіе, данное этому движенію, до сихъ поръ сохранилось въ народной памяти. Препровожденіе на приски рабочихъ обыкновенно сравнивалось у отправлявшихъ ихъ прикащиковъ и довѣренныхъ съ провозомъ стеклянной посуды. Какъ съ послѣдней необходимо осторожное обращеніе, чтобы она не разбилась, такъ точно съ промысловыми рабочими нужно знать сноровку, посредствомъ которой благополучно можно было бы прибыть на извѣстный прискъ. Тогда полагались особыя отъ хозяевъ награды

¹⁾ Арх. Горн. Департ. по описи № 91, дѣло № 3/39, влз. 2, л. 239.

²⁾ Отчеты енис. губернатора въ дѣлахъ сибирскаго Комитета въ Арх. Комит. Министровъ.

тѣмъ счастливымъ, которымъ безъ особенныхъ казусовъ, побѣговъ и проч. удавалось доставить на приски большія партіи. Буйства рабочихъ партій были обыкновенными явленіями, пьянство составляло насущную потребность ихъ. Нуженъ былъ непрерывный надзоръ для предупрежденія побѣговъ или пропиванія одежды и обуви ¹⁾. Нерѣдко случалось по нѣсколько разъ одѣвать рабочаго, — конечно, на его счетъ, — пока онъ дойдетъ до приска ²⁾. Такъ какъ золотопромышленники отпускали рабочимъ одежду по дорогой цѣнѣ, то ихъ пьянство могло бы приносить даже выгоду хозяевамъ, еслибъ ихъ не сдерживало опасеніе, что рабочій, слишкомъ много задолжавшій до начала работы, можетъ бѣжать съ приска, не заработавъ своего долга.

Дороги, по которымъ рабочимъ приходилось идти на приски и обратно, были по большей части въ крайне печальномъ состояніи. Енисейскій губернаторъ въ 1853 году, какъ свидѣтельствуемъ одинъ мѣстный писатель, разрѣшилъ золотопромышленникамъ проводить на промыслахъ дороги какъ кому издается. „На основаніи этого разрѣшенія всюду повалились вѣковыя деревья въ казенныхъ лѣсахъ, и появилась цѣлая стѣя варварски-мучительныхъ дорогъ“. Напримѣръ, въ сѣверной части Енисейскаго округа было въ концѣ 50-хъ годовъ пять присковъ, одна отъ другой въ самомъ близкомъ разстояніи. „Кажданъ изъ этихъ дорогъ стѣитъ столько денегъ, что на общую сумму давнымъ-давно можно бы провести не только широкое шоссе, но даже желѣзнодорожную дорогу и выстроить по всему протяженію обширныя и удобныя казармы“. Одинъ золотопромышленникъ, А. Н. Л. (Лопатинъ?), у котораго также была своя дорога, предлагалъ провести одну прямую и удобную дорогу и готовъ былъ принять на себя всѣ издержки на ея проведеніе съ условіемъ только, чтобы всѣ проходящія по ней транспорты вносили умѣренную плату за пользованіе дорогою и чтобы на ея поддержаніе золотопромышленники отдѣляли по нѣсколько человѣкъ. Проектъ этотъ былъ единогласно принятъ, но, однако, осуществленъ не былъ. Это упорное отстаиваніе *своихъ дорогъ* авторъ объясняетъ своекорыстными разсчетами присковыхъ уполномоченныхъ или главныхъ управляющихъ, а, между тѣмъ, благодаря всѣмъ этимъ изворотамъ, рабочіе принуждены были пробираться на приски и обратно по самымъ ужаснымъ дорогамъ, которыя весной и осенью бывали страшно грязны, лѣтомъ на нихъ ломались повозки и таратайки, а зимой онѣ были такъ узки, что не было возможности разѣхаться, и покрыты были такимъ глубокимъ снѣгомъ, что транспорты изъ Енисейска на промысла шли по нѣсколько недѣль. Зимовья далеко отстояли другъ отъ друга и были такъ тѣсны

¹⁾ „Сибирь“ 1882 г. № 2, стр. 7.

²⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1858 г. № 26.

и неудобны, что плохо защищали отъ холода худо одѣтаго рабочаго ¹⁾. Официальные отчеты енисейскаго губернатора не даютъ правильнаго понятія о состояніи путей сообщенія и представляютъ ихъ вообще въ довольно розовомъ свѣтѣ, но и въ нихъ прорываются иногда указанія на неудовлетворительность той или другой дороги. Такъ, напримѣръ, по отчету 1855 г. дороги съ Бирюсинскихъ промысловъ Канскаго округа были въ „неудовлетворительномъ состояніи“ и требовали улучшенія; по отчету 1858 г. сообщеніе съ золотыми промыслами сѣверной системы Енисейскаго округа, Минусинскаго и Канскаго округовъ „не вполне удовлетворительно“, и улучшеніе сообщеній съ присками двухъ послѣднихъ округовъ казалось губернатору невозможнымъ „сколько по мѣстнымъ препятствіямъ, столько же и по весьма ограниченному числу золотопромышленниковъ“, на счетъ которыхъ поддерживались дороги ²⁾. Для исправленія дорогъ лѣтомъ и протапыванія ихъ зимою назначалось золотопромышленниками извѣстное количество присковскихъ рабочихъ. Такъ какъ изъ-за пользованія присковскими дорогами выходили споры между различными компаніями, то въ октябрѣ 1857 г. исправляющій должность енисейскаго губернатора предписалъ, чтобы тою или другою присковою дорогой пользовались лишь тѣ компаніи, которыя ее устраивали и поддерживали, а другіе золотопромышленники не иначе, какъ съ согласія пладѣльцевъ.

Сравнительно съ сороковыми годами, золотыя россыпи самыхъ богатыхъ сибирскихъ системъ, Бирюсинской и Енисейскаго округа, значительно обѣднѣли, однако выгоды золотопромышленниковъ не уменьшились въ такой же степени вслѣдствіе усовершенствованія способовъ производства работъ, а именно: 1) употребленія лучшихъ снарядовъ для промывки песковъ, 2) употребленія воды и лошадей для приведенія въ движеніе золотопромышленныхъ машинъ и 3) подвозки песку къ машинамъ не людьми, а на лошадяхъ, по дорогамъ, выстланнымъ досками или иногда даже желѣзными рельсами.

Вскрыша турфа производилась открытыми разрѣзами. „Разрѣзы, — говоритъ Скарятинъ въ своихъ „Замѣткахъ золотопромышленника“ ³⁾, — это широкій ровъ, въ которомъ производятся работы. Ровъ вырывается до почвы. Сначала снимаютъ верхній пустой слой земли (турфъ) во всю ширину золотоносной россыпи, потомъ берутъ золотоносный пластъ, начиная съ одного конца, и гонятъ разрѣзъ впередъ, обыкновенно вверхъ по теченію рѣчки, пробѣгающей по площади... Бока разрѣза называются *бортами*, а отдѣленія пласта, отмѣриваемыя на артель рабочихъ, *забоями*,

¹⁾ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1859 г. № 17.

²⁾ Арх. Комит. Министровъ, дѣла Сибирскаго Комитета.

³⁾ Ч. II, стр. 136—137.

отчего и люди получили названіе *забойщиковъ*... Разрѣзовъ бываетъ иногда нѣсколько на одномъ и томъ же пріискѣ и каждый называется станомъ; отсюда названіе становой, т.-е. *приващикъ, завѣдующій станомъ*". Если турфъ и золотonosный пластъ очень толсты, то разрѣзъ ведется въ нѣсколько ярусовъ уступами, чтобы бока его не обваливались. Уступы бывали въ толщину до $1\frac{1}{2}$ аршина при ширинѣ отъ $1\frac{1}{2}$ до 7 аршинъ. При такомъ веденіи работы предупреждались обвалы верхнихъ слоевъ турфа на вырабатываемую площадь и при мерзлотѣ турфа скорѣе могла быть произведена его протайка. Толщина турфа на пріискахъ южно-енисейскаго округа бывала отъ $\frac{1}{4}$ арш. до 12 арш.; наиболѣе обыкновенная толщина турфа, по словамъ Скарятинна, равнялась 2—5 арш. Чиновникъ Разгильдѣевъ, осматривавшій пріиски южной части Енисейскаго округа въ 1853 году, свидѣтельствуетъ, что отвозка турфа въ это время производилась уже преимущественно на лошадяхъ, а на пріискѣ Игн. Рязанова по р. Талой съ этою цѣлью была устроена желѣзная дорога. Толщина лежащаго подъ турфомъ золотonosнаго пласта бывала также весьма различна. Само собою разумѣется, что чѣмъ толще пластъ и чѣмъ тоньше турфъ, тѣмъ пріискъ лучше. „На знаменитомъ Гавриловскомъ пріискѣ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова по р. Огне (сѣверной части Енисейскаго округа) толщина пласта доходила до 32 арш. и въ бытность мою въ Сибири,—говоритъ Скарятинъ ¹⁾,—еще не было извѣстно, насколько онъ углубится еще. Поэтому пріискъ этотъ считается неисчерпаемымъ богатствомъ, несмотря на то, что по содержанію золота онъ уступаетъ многимъ прежнимъ пріискамъ... Въ Гавриловскомъ пріискѣ содержаніе золота не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ золот. отъ 100 пуд. песку; но К^о Рязановыхъ, ставя 1,000 рабочихъ и намывая ежегодно болѣе 100 пуд. золота, уходитъ по длинѣ площади очень немного, благодаря именно этой необыкновенной толщинѣ пласта; а длина пріиска около 5 верстъ". Пріискъ этотъ до сихъ поръ разрабатывается (нынѣ онъ принадлежитъ г. Кытманову), и, посѣтивъ его въ 1891 г., мы видѣли образовавшіеся въ прежнихъ разрѣзахъ пруды такой глубины, что въ нихъ иной разъ тонуть люди.

Добыча песковъ производилась или открытыми разрѣзами, или ортовыми (подземными) работами. Последнія, выгодныя лишь тамъ, гдѣ слой турфа очень толстъ, производились, по свидѣтельству Разгильдѣева, преимущественно зимою и, притомъ, въ южной части Енисейскаго округа только по р. Мурожной на промыслахъ Асташева, Щеголева и Мошарова. „При этой работѣ предварительно углубляется въ росыпи, уже прежде этого обследованной шурфовкою, до самой постели (золотonosнаго) пласта шахта длиною въ 7 арш. и шириною въ 6 арш.; ее обыкновенно

¹⁾ Ч. II, 73—74.

раздѣляютъ“ на три части: „два крайніе отдѣла оставляются для подъема песковъ, средній же служитъ для выхода рабочихъ“; шахта крѣпится срубомъ. „Углубивъ, такимъ образомъ шахту до постели, приступаютъ къ проводу съ почвы ея во всѣ стороны четырехъ крестообразныхъ ортовъ, вышиною отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 арш., шириною въ 3 арш.“, которые крѣпятся „стойками и перекладами“. „Пройдя ортомъ отъ шахты не мене 5 саж. подъ прямымъ угломъ“, отъ каждого орта „пробиваютъ въ песокъ штреки (поперечные ходы)“, отъ соединенія которыхъ съ первыми образуются квадраты, вынимаемые постепенно, начиная съ удаленныхъ отъ шахтъ. Подъемъ песковъ изъ шахтъ производится коннымъ воротомъ въ бадьяхъ вѣсомъ до 30 пуд. каждая. „Иногда закладываютъ орта изъ самыхъ разрывовъ“, тогда „пески изъ нихъ выкачиваются въ тачкахъ“. При худомъ крѣпленіи ортъ рабочіе подвергались сильной опасности, такъ какъ обрушившаяся земля могла задавить ихъ.

Откатка турфа и песка производилась или въ ручныхъ тачкахъ, вмѣщающихъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 пудовъ, или на лошадяхъ въ таратайкахъ (вмѣстимостью отъ 15 до 35 пудовъ, въ среднемъ 25 пуд.), или въ вагонахъ (при подвозкѣ по желѣзной дорогѣ, какъ на пріискахъ Боровкова и Асташева по р. Мурожной и Рязанова по р. Удерею въ южной части Енисейскаго округа) вмѣстимостью отъ 60 до 90 пудовъ.

Промывка песковъ первоначально производилась на вашгердахъ и бутарахъ ¹⁾ или деревянныхъ наклонныхъ столахъ, по которымъ стекала вода, уносившая песокъ, оставляя на доскахъ крупинки золота. Этотъ способъ еще оставался въ началѣ 50-хъ годовъ, по словамъ Гатемейстера, единственнымъ на многихъ промыслахъ; на другихъ сверхъ бутаръ употреблялись разные снаряды, вращаемые людьми, лошадьми или водою. Снаряды эти — чаша, бочка и борона ²⁾. Изъ составныхъ

¹⁾ Вашгердъ дѣлается для ручной промывки изъ деревянныхъ досокъ и бываетъ длиною отъ $2\frac{1}{2}$ до 5 аршинъ, шириною отъ 1 до 2 аршинъ. Бутара или полустанокъ — тотъ же вашгердъ, но съ желѣзною рѣшеткой или съ просверленными дырами изъ кубоваго желѣза листомъ, который укладывается надъ верхнюю часть вашгерда; на этой рѣшеткѣ или листѣ пески протираются ручными желѣзными гребками (*Латкина*: „Очеркъ золотопромышленности Енисейскаго округа“, стр. 143).

²⁾ Увеличеніе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ количества машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми или водою, видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1843 г. на промыслахъ, подвѣдомственныхъ алтайскому горному управленію (т.-е. Томскаго, Минусинскаго, Ачинскаго и Красноярскаго округовъ), было изъ 288 различныхъ „промывальныхъ устройствъ“ — вашгердовъ 133 (болѣе 46%), ручныхъ мутильныхъ 117 (болѣе 40%), грохотовъ 6, бутаръ 2, чашъ 1, вододѣйствующихъ машинъ 11 (менѣе 4%), коннодѣйствующихъ 9 (болѣе 3%), мутильн. лодокъ — 9 („Горн. Журн.“ 1844 г. № 4, стр. 121—131). Въ 1852 г. на промыслахъ, подвѣдомственныхъ алтайскому горному управленію, количество вододѣйствующихъ и коннодѣйствующихъ снарядовъ значительно увеличилось, а именно, изъ 412 „промывальныхъ устройствъ“ тамъ было: ваш-

частей первой золотопромывательной машины назовемъ самую чашу, желѣзныя лапы на шарнирахъ, которыя поднимаются и опускаются и при этомъ размельчаютъ песокъ (ихъ называютъ теперь „солдатами“), чанъ для воды, прикрѣпленный къ чану кожаными рукавами желѣзныя трубочки съ отверстіями, откуда течетъ вода для обмывки песка въ чашѣ, западня въ чашѣ для выпуска гальки ¹⁾ въ рогъ, откуда ее вываливаютъ, наконецъ, вашгердъ, раздѣленный поперекъ плитусами или брусками. Машина дѣйствуетъ такимъ образомъ: пускаютъ воду въ чанъ и на колесо, отъ дѣйствія котораго приводится въ движеніе чаша и желѣзныя лапы, и въ то же время въ чашу вываливается песокъ; западня тогда бываетъ закрыта. „Вываленные пески,—говоритъ Разгильдѣевъ,—при помощи воды отъ тренія гальки и желѣзныхъ лапъ и пособія людей (которыя въ это время деревянными лопатами способствуютъ скорѣйшей обмывкѣ гальки) минуть въ 10 или 15 совершенно обмываются, т.-е. раздѣляются на крупную гальку и мелкій песокъ съ мутью; первый выпускается западней въ рогъ для отвозки въ отвалъ, второй же (въ которомъ заключается и золото) стекаетъ на наклонную плоскость или такъ называемую головку, гдѣ золото осѣдаетъ и удерживается плитусами въ значительномъ количествѣ, остальная же часть его уносится на вашгердъ, гдѣ уже по тяжести снова осѣдаетъ... По окончаніи промывки выгрузка песковъ съ плоскости вашгерда бываетъ такъ: начинаютъ промучивать песокъ деревянными гребками, приподнимая его вверхъ по плоскостямъ, послѣ чего останавливаютъ воду и начинается выгрузка песковъ или сѣрыхъ шлиховъ, которыхъ каждый отдѣлъ промывается особенно на ручныхъ вашгердахъ, гдѣ и получается золото и черный шликъ. По отмывкѣ полученное золото сушится на желѣзной сковородкѣ и всыпается смотрителемъ машины въ желѣзную банку за-

гердовъ 247 (60%), ручныхъ бутаръ 51 (болѣе 12%), ручныхъ мутилень 32 (менѣе 8%), вододѣйствующихъ боронъ 5, вододѣйствующихъ чашечныхъ машинъ 38 и вододѣйствующихъ бочечныхъ машинъ 26, т.-е. всего машинъ, приводимыхъ въ движеніе водою, 69 (около 17%); коннодѣйствующихъ чашечныхъ машинъ 10, коннодѣйствующихъ машинъ 2, итого машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, 12 (3%). наконецъ, паровая бочечная машина 1 („Горн. Журн.“ 1833 г. № 2, стр. 297—312). Цифры эти нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которыя мы привели въ началѣ этой главы, на основаніи данныхъ Гагемейстера, но изъ нихъ также видно увеличеніе вододѣйствующихъ и коннодѣйствующихъ снарядовъ. На промыслахъ Восточной Сибири въ 1851 г. изъ 354 „промывальныхъ устройствъ“ было вашгердовъ 9, бутаръ 44, боронъ 46, чашъ 49 и бочекъ 206 („Горн. Журн.“ 1852 г. № 3, стр. 463—477); о прекращеніи „ручной протирки“ песковъ на промыслахъ Удереиской системы (южной части Енисейскаго округа) см. „Горн. Журн.“ 1853 г. № 10, стр. 127.

¹⁾ Галька—обломки горныхъ породъ, небольшіе кругляки и бѣгуны изъ промытаго пласта, выбрасываемые при промывкѣ изъ золотопромывальной машины. *Латкинъ*, „Очеркъ“, стр. 144.

печатью управляющаго и потомъ... въ присутствіи самого управляющаго, смотрителя машины и становаго прикащика промысла“ производится очищеніе золота магнитомъ отъ чернаго шлиха и мелкихъ камешковъ. Машина такого устройства протирала въ смѣну до 13,500 пудовъ масниковатыхъ песковъ“, а по словамъ другого наблюдателя (Таскина въ 1859 г.), въ сутки 20—25 т. пудовъ, въ часъ до 2 т. пудовъ. Въ случаѣ недостатка воды, машина дѣйствовала коннымъ воротомъ.

Бочка представляла усѣченный конусъ въ $4\frac{1}{2}$ арш. и болѣе длины; она дѣлалась изъ котельнаго желѣза, усѣяннаго отверстіями и вращающагося на горизонтальной оси; внутри бочки дѣлали желѣзные плинтусы и зубчатая пластинки; съ одной стороны ея—отверстіе для засыпки песку, съ другой—для выбрасыванія гальки. Подъ бочкою помѣщается вашгердъ. Воду пускаютъ не на водяное колесо, а въ бочку; при помощи воды пески по жолобу спускаются въ бочку, а такъ какъ она отъ дѣйствія водяного колеса обращается около своей оси, то пески и отъ напора воды, и вслѣдствіе вращенія бочки трутся объ ея стѣнки, крупная галька постепенно отмывается и выбрасывается въ отверстіе на рѣшето, откуда по рогу сваливается на таратайку; золото же, находящееся въ мелкомъ пескѣ съ мутой, съ эфелями (мелкими камешками) и шлихами (желѣзо въ видѣ опилокъ, всегда сопутствующее золоту) сквозь дырочки бочки проходитъ на наклонную плоскость (или шлюзъ), идущую отъ бочки до земли, гдѣ золото задерживается плинтусами; окончательное отдѣленіе золота отъ оставшейся части песковъ производится уже ручнымъ способомъ на вашгердѣ, на которомъ одинъ рабочій съ гребкомъ и щеткою въ рукахъ окончательно промываетъ пески и такимъ образомъ получается золото ¹⁾. На бочкѣ промывали въ смѣну, по словамъ Разгильдѣева, до 10 тыс. пудовъ малоглинистыхъ песковъ, а на двухбочечной машинѣ до 30 тыс. разрушистыхъ песковъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ на бочкахъ промывали отъ 20 до 40 тыс. разрушистыхъ песковъ ²⁾. Борона, по словамъ Гагемейстера, представляла круглую наклонную плоскость, пробитую скважинами, чрезъ которыя песокъ уносится на бутару. Вода такъ быстро стекаетъ съ этой плоскости, что истребляется въ огромномъ количествѣ. Борона считалась удобною для промывки вязкихъ и полувязкихъ песковъ ³⁾. На трехъ промыслахъ юж-

¹⁾ *Скарятинъ*, II, 90—92.

²⁾ При промывкѣ на бочкѣ, по словамъ Скарятина, забойщиковъ вмѣстѣ съ возчиками песковъ, галечниками и прочюю враслугу приходилось по три человѣка на кубическую сажень, а такъ какъ она заключаетъ въ себѣ около 1,200 пудовъ, то на каждого рабочаго промывалось въ день до 400 пудовъ песку, между тѣмъ какъ при началѣ сибирской золотопромышленности рабочій мылъ „далеко менѣе 100 пуд. въ день“. *Скарятинъ*. „Замѣтки золотопромышленника“, II, стр. 186.

³⁾ Въ сѣверной части Енисейскаго округа промывка песковъ производилась болѣею частью въ бочечныхъ машинахъ, въ южной части въ чашахъ и также въ бочкахъ.

ной части Енисейскаго округа Разгильдѣевъ нашелъ паровыя машины; въ томъ числѣ на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева одна промывальная машина приводила въ движеніе двѣ растирательныя чаши ¹⁾).

Количество золота, добываемаго однимъ рабочимъ, и количество промываемыхъ имъ песковъ было весьма различно въ разныхъ сибирскихъ округахъ. На промыслахъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1851 году на каждого рабочаго было добыто золота 2 ф. 16 золот. (въ 1846 г. даже 3 фунта); въ южной части Енисейскаго округа въ 1851 г. 1 ф. 45 золот., въ Томскомъ округѣ 46 золотниковъ, въ Киргизской степи 20 золотниковъ. Количество промытыхъ песковъ на одного рабочаго колебалось отъ 6,630 пуд. (въ Киргизской степи) до 14,666 пуд. (въ сѣверной части Енисейскаго округа), причемъ въ Енисейскомъ округѣ количество промываемыхъ песковъ по расчету на одного рабочаго въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1846 года) увеличилось вдвое, что объясняется усовершенствованіемъ техники и увеличеніемъ продолжительности рабочаго дня. „Считая золотникъ лигатурнаго золота въ 3 руб. 15 коп.,—говоритъ Гагемейстеръ,—выходить, что работники производить, смотря по богатству росыпи и по легкости, съ которою добываются и промываются пески, отъ 60 до 900 руб.“, но зато и всѣ расходы, рассчитываемые на одного рабочаго, чрезвычайно различны ²⁾). Въ видѣ примѣра доходности нѣкоторыхъ промысловъ мы укажемъ слѣдующій фактъ. Въ Удереиской К^о (южно-енисейской системы) въ теченіе семи лѣтъ (1849—1856 гг.) было получено золота 81 пуд. 28 фунт. 28 золот. Считая золотникъ лигатурнаго золота по 3 р. 15 к., мы найдемъ, что стоимость всего добытаго въ это время золота равнялась 988,331 руб., расходовъ же въ семь лѣтъ въ этой К^о было 505,602 рубля; слѣдовательно, чистый доходъ—483,269 руб., т.-е. на затраченный капиталъ получалось въ среднемъ 95% ³⁾). Это вовсе не было явленіемъ исключительнымъ: Н. Латкинъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые промыслы сѣверной части Енисейскаго округа давали съ половины сороковыхъ до конца пятидесятихъ годовъ отъ 1 руб. до 2 руб. прибыли на одинъ рубль расходовъ, т.-е. отъ 100 до 200% ⁴⁾).

Продолжительность рабочаго дня, т.-е. урочныхъ работъ, опредѣляется контрактами пятидесятихъ годовъ въ 12—15 часовъ, причемъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. кн. 1337, № 3/11, л. 72, 184—217. *Гагемейстеръ*, I, 216—218. *Бутоскій*. „Опис. пром. южн. части Енис. окр.“ „Горн. Журн.“ 1853 № 10.

²⁾ *Гагемейстеръ*, II, 446.

³⁾ Изъ бумагъ А. К. Субботина.

⁴⁾ *Латкинъ*. „Очеркъ енис. пром.“, стр. 47—48. Объ огромныхъ барышахъ золотопромышленниковъ срав. *И. Барсукова*: „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“. М. 1891 г., II, стр. 30.

наименьшее количество часовъ находимъ въ договорахъ съ такъ называемыми *отрядными* рабочими (см. ниже). Въ этомъ отношеніи не только не замѣчается прогресса сравнительно съ сороковыми годами, но въ одномъ контрактѣ, а именно съ Асташевымъ 1859 г., рабочіе обязались трудиться съ 3 час. утра до 8 час. вечера, имѣя на обѣдъ и отдыхъ два часа, т.-е. 15 часовъ въ сутки, чего въ контрактахъ прежнихъ годовъ мы никогда не встрѣчали; а по закону 1838 г. работа должна была начинаться не ранѣе 5 час. утра. Въ договорахъ 1854—1855 гг. съ К^о Разановыхъ, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы) мы находимъ такое условіе относительно продолжительности рабочаго дня: за исключеніемъ времени на обѣдъ и отдыхъ, рабочіе должны были трудиться по 12½ часовъ въ день, но обязывались не имѣть „ни претензій, ни ропота“, если иногда работа продолжится и долѣе, такъ какъ при назначеніи въ этомъ контрактѣ платы за исполненіе извѣстнаго урока продолжительность работъ зависитъ отъ усердія рабочихъ. По показаніямъ одного золотопромышленника, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ рабочій при вскрышѣ турфа, принимаясь за дѣло въ 3 или 4 часа утра, могъ „свободно отработать свой урокъ во второмъ часу пополудни и даже нѣсколько ранѣе“ ¹⁾, но, во-первыхъ, это показаніе слѣдуетъ принимать съ осторожностью, а, во-вторыхъ, какъ мы увидимъ ниже, въ это время за исполненіемъ урока нерѣдко слѣдовала *обязательная* старательская работа. И потому не мудрено, что Кривошапкинъ засталъ на одномъ пріискѣ неоконченныя работы еще въ одиннадцатомъ часу ночи ²⁾. Скарятинъ также свидѣтельствуетъ, что работы на пріискахъ продолжаются „часовъ съ 4 утра и до поздняго вечера; отдыхаютъ только въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ“ ³⁾.

Въ пріисковыхъ контрактахъ, на ряду съ опредѣленіемъ количества часовъ, мы почти всегда находимъ указаніе размѣра уроковъ (по крайней мѣрѣ, для горнорабочихъ), которые они должны были исполнить каждый день. По свидѣтельству Разгильдѣева (1853 г.), для вскрыши турфа въ южно-енисейской системѣ наиболѣе обычными были слѣдующіе уроки: на выработку одной кубической сажени въ лѣтнее время обыкновенно ставили рабочихъ отъ 4 до 6 человѣкъ при ручной откаткѣ изъ разрыва на разстояніи отъ 20 до 40 саж.; съ лошадыю же ставили 2 человѣка на сажень съ отвозкою на разстояніе отъ 25 до 80 саж. Въ зимнее время къ этому числу прибавляли по 2 и по 3 человѣка на каждую вскрываемую сажень, смотря по качеству турфа. По другому свидѣтельству этого же времени, при ручной откаткѣ на одну

¹⁾ Статья К—ва въ „Москов. Вѣдом.“ 1854 г.

²⁾ „Енисейскій округ“, стр. 186—187.

³⁾ „Замѣтки золотопромышленника“. II, стр. 68.

кубическую сажень турфа въ южно-енисейской системѣ задолжалось около пяти человѣкъ ¹⁾. По словамъ жандармскаго офицера Казимирскаго (1843 г.), наиболѣе обыкновеннымъ урокомъ въ то время на прискахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы было вскрытіе одной кубической сажени турфа въ день при отвозкѣ въ тачкахъ шестью человѣками, при отвозкѣ же на лошадяхъ въ таратайкахъ тремя человѣками. По другому свидѣтельству (1846 г.) относительно южной части Енисейскаго округа, столько же рабочихъ требовалось для добычи кубической сажени песку и отвозки ея на промывальную машину. Изъ этого видно, что сравнительно съ сороковыми годами размѣръ уроковъ въ южно-енисейской системѣ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ увеличился.

О величинѣ уроковъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ на прискахъ сѣверной и южной системъ Енисейскаго округа весьма обстоятельныя свѣдѣнія мы находимъ въ отчетѣ капитана Севастьянова о его поѣздкѣ въ Восточную Сибирь въ 1859 году. Величина уроковъ *по вскрышѣ „пустой породы“* (турфовъ) измѣнялась и зависѣла отъ управляющаго прискомъ, но болѣе обыкновенный урокъ, по словамъ Севастьянова, былъ слѣдующій: „При четырнадцатичасовой смѣнѣ на уборку одной кубической сажени урочной“ (и извѣстнаго количества старательской см. ниже) „задолжается: *при ручной откаткѣ*, при разстояніи 20 саж.—2 челов., при 50 саж.—3 чел., при 80 саж.—4 чел., при вѣчной мерзлотѣ—5 чел.“ (слѣдовательно, сравнительно съ первою половиною пятидесятихъ годовъ уроки въ южно-енисейской системѣ еще увеличились). „Ручная откатка пустой породы употребляется только при недостаткѣ лошадей. *При отвозкѣ на лошадяхъ* задолжается на одну кубическую сажень урочныхъ“ (и извѣстное количество старательскихъ) „2 челов. и 1 лошадь при отвозкѣ на 90 саж. разстоянія (кромя того на 10 куб. саж. задолжается 1 человѣкъ на отвалѣ)“ ²⁾. По словамъ Таскина, посѣтившаго промыслы Енисейскаго округа въ 1859 г., тамъ задолжалось на вскрышу 1 куб. саж. турфа отъ 2 до 3 человѣкъ при одной лошади, но въ другой статьѣ онъ же говоритъ, что на большей части присковъ этого округа задолжается 2 человѣка и 1 лошадь, при мерзлотѣ же на 1 саж. употребляется и до 5 человѣкъ ³⁾. Наконецъ, по словамъ Скваритина, при легкихъ турфахъ 2 человѣка съ 1 лошадью убирали даже 1½ куб. саж. въ день ⁴⁾.

¹⁾ „Горный Журналъ“ 1853 г. № 10, стр. 122.

²⁾ „Горный Журн.“ 1862 г. № 3.

³⁾ „Горн. Журн.“ 1861 г. т. IV, 7; 1860 г. № 3, стр. 365.

⁴⁾ Ч. II, стр. 158. По договору, заключенному 1 мая 1857 г. съ Ленскимъ товариществомъ Баснина и Катышевцева, Олекминскаго округа Якутской области, рабочіе обязались вскрывать турфъ съ отвозкою его въ отвалъ кубическую сажень двумя человѣками при одной лошади.

Относительно добычи и промывки песковъ, по свидѣтельству Разгильдѣева, на чашу, гдѣ промывалось въ смѣну до 13,500 пуд. мясниковатыхъ песковъ, задолжалось 35 челов. съ 6 лошадьми (забойщики, возчики, промывальщики и проч.); при водяномъ дѣйствіи чаши выходило на 1,000 п. песку—2,59 человѣка, а если промывальными машинами были бочки разныхъ устройствъ, то на 1,000 пуд. песку требовалось отъ 2,86 до 3,3 человѣка. Кубическую сажень чистаго песку принято было считать на приискахъ въ 1,200 пудовъ,—слѣдовательно, на сажень требовалось отъ 3,1 до 3,96 чел. По словамъ Севастьянова, уроки по добычѣ (безъ перевозки) песковъ на приискахъ Енисейскаго округа были двухъ родовъ при четырнадцатичасовой смѣнѣ: 1) одна только урочная сажень; 2) урочная кубическая сажень и къ ней добавляется еще излишекъ такъ называемой старательской работы— $\frac{1}{4}$ куб. саж. Въ перпомъ случаѣ на 1 куб. саж. песковъ, смотря по трудности работы, задолжалось отъ $\frac{3}{4}$ челов. до $1\frac{1}{2}$ человѣка (другими словами, одинъ человѣкъ добывалъ $\frac{2}{3}$ — $1\frac{1}{3}$ куб. саж.). Во второмъ случаѣ на 1 куб. саж. песковъ урочную и четверть старательской задолжалось 2 человѣка ¹⁾. По словамъ Таскина, при добычѣ песковъ въ Енисейскомъ округѣ одинъ человѣкъ вырабатывалъ въ день отъ $\frac{1}{2}$ до 1 куб. саж. ²⁾.

Подземныя (ортовые) работы, какъ мы видѣли, встрѣчались на нѣкоторыхъ приискахъ южной части Енисейскаго округа. По словамъ Кривошапкина, подземныя ортовые работы чрезвычайно изнурительны, и онѣ очень много способствовали развитію простуды, цынги и водяноки. „Сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта сопутствовали этимъ работамъ, свѣтъ же въ ортахъ отъ сальныхъ свѣчей не только никакого и ничего не оживлялъ, но... увеличивалъ только испорченность воздуха“ ³⁾.

Кромѣ горныхъ рабочихъ, продолжительность ежедневнаго труда которыхъ обуславливалась большею частью исполненіемъ урока и гораздо рѣже назначеніемъ опредѣленнаго количества часовъ, на промыслахъ

¹⁾ При перевозкѣ песковъ, по словамъ Севастьянова, по хорошо устроенной вымощенной дорогѣ на отвозку 1 куб. саж. при разстояніи отъ 45 до 400 саж. полагалось отъ $\frac{1}{2}$ до 2 лошадей. и при каждыхъ 2 лошадяхъ одинъ возчикъ.

²⁾ „Горн. Журн.“ 1861 г. № 3, стр. 365. Въ Олекминскомъ округѣ Якутской области на приискѣ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева рабочіе въ 1857 г. обязались добывать и отвезти на машину въ каждый будній день по 1 куб. саж. золотосодержащихъ песковъ двумя человѣками при одной лошади; на отвозку же въ кучи гальки и эфеля на каждыя 2 куб. саж. песковъ должно было ставить по одному человѣку съ лошадей; для разравниванія отваловъ также полагалось ставить особыхъ людей по мѣрѣ надобности.

³⁾ На существованіе ночныхъ работъ въ 50-е годы мы нашли весьма неопредѣленное указаніе у Кривошапкина въ его книгѣ „Енисейскій округъ“, стр. 185, и въ вышеупомянутой статьѣ Селиванова („Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г. № 45), но ни въ одномъ извѣстномъ намъ договорѣ этого времени о нихъ не упоминается.

были еще плотники, кузнецы, слесаря, столяры, печники, машинисты, кашевары и т. п., такъ называемые *поторжные* рабочіе, работа которыхъ, напротивъ, опредѣлялась не уроками, а извѣстнымъ количествомъ рабочихъ часовъ. Въ договорѣ 1851 г. съ К^о Рязановыхъ (сѣв. части Енисейскаго округа) сказано: «Тѣмъ изъ насъ, кому не будетъ назначена (урочная) работа, какъ-то: находящимся въ плотничной, кузнечной и прочей, такъ называемой, *поторжной* работѣ, какой бы то ни было обязаны продолжать оную» (съ 4 час. утра) „до семи час. вечера, и ни подъ какимъ предлогомъ не должны считать окончаніе другихъ урочныхъ работъ знакомъ прекращенія своихъ“. Въ договорѣ 1859 г. съ Асташевымъ (южно-енис. система) къ числу поторжныхъ работъ отнесены также выдѣлка кирпича, кошеніе сѣна и пр.

Вознагражденіе за урочную работу производилось въ видѣ мѣсячнаго жалованья. Относительно размѣра его въ Западной Сибири мы имѣемъ лишь нѣсколько указаній въ отдѣльныхъ контрактахъ¹⁾; гораздо болѣе свѣдѣній о мѣсячной платѣ мы имѣемъ относительно промысловъ Восточной Сибири. Въ 1858 г. Главное Управление Восточной Сибири потребовало отъ горныхъ исправниковъ свѣдѣній о рабочей платѣ на золотыхъ промыслахъ, изъ которыхъ видно, что въ *южно-енисейской системѣ* простые рабочіе получали по контракту жалованья зимою, т. е. съ 10 сентября по апрѣль, около 5 руб. въ мѣс., лѣтомъ отъ 3 до 3 р. 50 коп. Лѣтомъ мѣсячная плата менѣе, очевидно, вслѣдствіе того, что есть возможность значительнаго заработка на старательской работѣ. Исправникъ *сѣверно-енисейской системы* сообщилъ, что на болѣе замѣчательныхъ по добычѣ золота промыслахъ «затѣльная плата въ мѣсяцъ» (т. е. жалованье) „простымъ рабочимъ не опредѣляется, потому что имъ назначается заработная плата, которая зависитъ отъ старанья“ (см. ниже); однимъ только поторжнымъ опредѣлена плата по 3 р. сер., но плата знающимъ ремесла гораздо выше²⁾. Изъ донесенія горнаго исправ-

¹⁾ Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Томскаго округа Онуфриевичемъ (1854 г.) рабочіе условились получать плату по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ, считая въ немъ 30 рабочихъ дней, назначеніе же вознагражденія цеховымъ рабочимъ (мастеровымъ) зависѣло отъ усмотрѣнія управляющаго, смотря по „усердію и способности каждаго“, но ни въ какомъ случаѣ оно не должно быть менѣе 4 р. 28 коп. сер. въ мѣсяцъ; откомандированные же для расшурфовки пріисковъ и, такимъ образомъ, лишенные старательскихъ работъ, „если онѣ будутъ допущены“, должны были получать отъ 3 до 7 руб. въ мѣсяцъ.

²⁾ По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1859 г. Севастьяновымъ на промыслахъ Енисейскаго округа, горные работники *до открытія промысла* песковъ получали контрактную плату отъ 10 до 10½ коп. сер. въ рабочий день, а на пріискахъ, гдѣ въ будни вѣтъ добавочныхъ старательскихъ работъ, 4 руб. сер. въ мѣсяцъ. Съ открытія же промысла рабочіе на этихъ послѣднихъ промыслахъ получали повышенную плату (см. ниже).

ника *Олекминскаго округа* мы узнаемъ, что жалованье чернорабочимъ обыкновенно равнялось 3 руб. въ мѣсяцъ, но на пріискахъ Прибрежно-Ленской К^о забойщики и свальщики получали по 15 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ, непраздничныхъ дней, турфовщики 12 р., возчики 9 руб. Такъ называемые „цеховые“ рабочіе или „разночинцы“¹⁾ всего чаще получали въ 1858 г. слѣдующее мѣсячное жалованье (кромя старательскихъ заработковъ или праздничной платы): конюхи 7—15 руб. (максимумъ 20, минимумъ 4 р.), плотники 6—18 руб. (макс. 20, мин. 4 р.), кузнецы 6—20 р. (мин. 5 р.), хлѣбопеки 6—12 р. (макс. 16 р.), новара 6—10 р. (мин. 5 р., макс. 20 р.), нарядчики 7—18 р. (мин. 5, макс. 30 р.), прислуга 3—10 р. сер. Сравнивая мѣсячное жалованье по округамъ, мы находимъ, что ниже другихъ оно было въ Верхнеудинскомъ округѣ и затѣмъ въ Бурянской системѣ, всего выше въ Олекминскомъ и Енисейскомъ округахъ. Сверхъ мѣсячной платы всѣ чернорабочіе и большинство разночинцевъ могли пользоваться старательскою работою, а въ случаѣ отсутствія ея получали лѣтомъ добавочное вознагражденіе (см. ниже).

Но въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе платить на мѣсячную плату по 3 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней, т.-е. по 10 коп. въ день, а за дѣльную плату за исполненіе извѣстнаго урока, причемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни (праздничная поденная плата замѣняла въ такомъ случаѣ прежнее стараніе²⁾).

Въ нѣкоторыхъ договорахъ указаны оба способа вознагражденія:

¹⁾ По словамъ олекминскаго исправника, въ составъ „разночинцевъ“ входятъ: хлѣбопеки, кашевары, квасовары, кузнецы, молотобойцы, слесари, плотники, столяры, бондари, конюхи, шорники, служители при больницахъ, караульные, повара, печники, прислуга, портные, сапожники, промывальщики и пр. Другіе различали мастеровыхъ отъ собственно „разночинцевъ“ (конюховъ, кашеваровъ, хлѣбопеконъ, поваровъ, прислуги и пр.).

²⁾ Такъ, по договору 1854 г. съ К^о Голубкова, Бенардаки и Кузнецовыхъ (сѣверно-енисейской системы) рабочіе должны были получить: „за вскрышу 1 куб. саж. турфа съ отвозкою его въ отвалы *двумъ* человѣкамъ при одной компанейской лошади въ будничныи день по 80 коп. (т.-е. каждому по 40 к.), а въ праздничныи по 1 р. 50 к.“; за добычу золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля и гальки за 1 куб. саж. въ будни 1 р. 20 к., въ праздники по 2 р. По договорамъ 1854 г. съ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (той же системы) назначено: за вскрышу 1 куб. саж. турфа съ отвозкою въ отвалы при одной компанейской лошади *двумъ* человѣкамъ въ будни 80 к., въ праздники 1 руб. 60 к.—2 р.; *четыремъ* человѣкамъ безъ лошади при отвозкѣ на тачкахъ въ будни 1 р. 50 к.—1 р. 60 к., въ праздники 3 р. 20 к.—4 р. За добычу золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля и гальки съ куб. саж. въ будни 1 р. 20 к., въ воскресные и табельные дни 2 р. 40 к.—3 руб. Такъ какъ для добычи и промывки 1 куб. саж. песку требовалось не менѣе трехъ человѣкъ, то, слѣдовательно, въ будни каждый получалъ 40 к., въ праздники 80 к. - 1 р. сер.

мѣсячное жалованье и задѣльная плата, и управленію предоставлялось выбрать тотъ или другой способъ. Въ 1858 г., по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, мѣсячная плата чернорабочимъ была отъ 3 до 7 р., а въ лѣтнее время съ открытія горныхъ работъ они получали плату съ выработки 1 куб. саж. въ будни: за турфъ по 80 к., за добычу и промывку песковъ 1 р. 40 к. Заработокъ чернорабочихъ равнялся въ будни: за турфъ 20—35 к., а за промывку песковъ: перваго разряда чернорабочихъ (забойщиковъ, промывальщиковъ, свальщиковъ, возчиковъ песковъ и конюховъ) 45—55 к. въ день, втораго разряда (разборщиковъ и возчиковъ) 35—45 к. въ день.

Мѣсячное жалованье рабочихъ на золотыхъ промыслахъ было такъ ничтожно, что для нихъ имѣли огромное значеніе, такъ называемыя, старательскія работы, порядокъ веденія которыхъ подвергся очень существеннымъ измѣненіямъ въ 50-хъ годахъ. Въ виду важной роли старательскихъ работъ въ жизни пріисковъ рабочихъ, мы должны подробно рассмотретьъ происшедшія въ нихъ измѣненія, мѣстами начавшіяся еще въ концѣ 40-хъ годовъ и почти закончившіяся во всей Сибири въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія.

Горный инженеръ Ковригинъ, служившій на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, въ официальномъ донесеніи (1853 г.) говоритъ: „При начальной разработкѣ сибирскихъ золотonosныхъ россыпей на частныхъ промыслахъ промывка песковъ была очень не сложна: она производилась ручною протиркой на плоскихъ и круглыхъ вашгердахъ или бутарахъ. Поэтому и стараніе на золотѣ предпочтительно допускалось одиночное, т.-е. каждый рабочій бралъ пески изъ хозяйскаго разрѣза и промывалъ ихъ на одномъ изъ вашгердовъ, установленныхъ для урочныхъ работъ. Впослѣдствіи, когда вашгерды замѣнились машинами, тачки уступили мѣсто коннымъ таратайкамъ и вагонамъ съ желѣзными дорогами, а дневная промывка песковъ при данномъ числѣ людей слишкомъ удешевилась, рабочіе сами по себѣ принялись составлять для старанія артели, завели лошадей и, такимъ образомъ, подражая урочнымъ работамъ, стали добывать несравненно болѣе золота, чѣмъ добывали его, работая по однопочкѣ. вмѣстѣ съ образованіемъ артелей, промысловыя управленія признали за лучшее отводить для старательскихъ работъ отдѣльныя мѣста, на которыхъ рабочіе закладывали свои разрѣзы и производили добычу золота правильными работами. Этотъ порядокъ старательскихъ работъ, сдѣлавшійся общимъ на всѣхъ промыслахъ Восточной Сибири, по мѣрѣ выемки богатыхъ пластовъ, особенно на Бирюсинской системѣ, на нѣкоторыхъ промыслахъ сталъ измѣняться: значительная часть рабочихъ, получая меньшіе сравнительно съ прежними заработки, уже не такъ охотно выходила на стараніе. Видя это, промысловыя управленія, сколько для поощренія команды, столько же

и для собственныхъ выгодъ, предложили послѣдней выработку *полуторныхъ уроковъ* съ тѣмъ, что каждый человѣкъ за лишніе полтурока получаетъ особую плату „въ повышенномъ размѣрѣ“. Артельное же стараніе, какъ главное и необходимое условіе взаимныхъ выгодъ нанимателя и наемщика, осталось при полуторныхъ урокахъ только въ праздничные дни... Такимъ образомъ, въ настоящее время, — продолжаетъ Ковригинъ, — на золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири существуетъ два рода старанія: *артельное*, при которомъ плата производится за золотникъ добытаго золота, и *общее*, когда платится не за золото, а за трудъ, употребленный сверхъ урока. *Одиночное* же стараніе допускается только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ выгоды работать ни хозяевамъ, ни артелямъ, именно при окончательной очисткѣ почвы, и къ этой работѣ допускаются одни только тѣ, которымъ по роду ихъ занятій невозможно ни участвовать въ артеляхъ другихъ рабочихъ, ни составлять изъ себя артели“. Ковригинъ свидѣтельствуетъ, что система полуторныхъ уроковъ *начинаетъ вводиться* на всѣхъ промыслахъ Восточной Сибири и постепенно сокращаетъ такъ *артельное* стараніе; но онъ считалъ необходимымъ поддерживать и послѣднее, хотя бы для того, чтобы золото, похищаемое на урочныхъ работахъ, не было выношено въ жилия мѣста и не шло въ постороннія руки, въ подрывъ казнѣ и золотопромышленникамъ; одиночное же стараніе такъ незначительно, что „не заслуживаетъ вниманія“ ¹⁾.

Авторъ статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) о порядкѣ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы также отмѣчаетъ измѣненіе, происшедшее въ порядкѣ старательскихъ работъ въ связи съ общимъ усовершенствованіемъ золотопромышленной техники. Онъ указываетъ на то, что прежніе способы добычи золотосодержащаго песка были „почти исключительно основаны на силѣ рабочаго“. Теперь же, по крайней мѣрѣ, на промыслахъ, наилучше устроенныхъ, перевозка турфа и пласта или розсыпи производится на лошадяхъ въ большихъ таратайкахъ, придуманныхъ золотопромышленникомъ Лопатинимъ, на которыхъ одна лошадь легко вывозитъ изъ разрѣза тяжесть отъ 25 до 50 пудовъ. Промывка производится на машинахъ, приводимыхъ въ движеніе водою, паромъ или лошадьми, почему измѣнилось распредѣленіе урочныхъ работъ, а потому и расчетъ съ рабочими производится на иныхъ основаніяхъ, такъ какъ для той работы, на которую требовалось отъ 20 до 25 человѣкъ, теперь достаточно отъ 3 до 6. „Въ прежнее время, — говоритъ авторъ, — старательскія работы при промывкѣ были основаны единственно на одной только добычѣ золота; что касается количества промытыхъ песковъ, которымъ опредѣ-

¹⁾ Арх. Горн. Департ., по описи № 91, дѣло № 3/39, вѣзка 2-я, л. 318—332.

ляется нивѣ, почти на всѣхъ благоустроенныхъ промыслахъ, степень труда, то оно вовсе не принималось тогда въ расчетъ. Рабочіе, промывая пески, получали плату съ золотника добытаго ими золота“. При новой системѣ нужно отличать стараніе на турфахъ отъ старанія на пескахъ. При стараніи на турфахъ желающій стараться объявляетъ объ этомъ управляющему прискомъ. „Ему отводятъ мѣсто и даютъ лошадь и таратайку. Выработавъ произвольное количество, рабочій сдаетъ смотрителю свою заработку, которая, по освидѣтельствованіи, записывается въ выдаваемомъ изъ конторы каждому рабочему расчетномъ листѣ, гдѣ отиѣчается также, сколько денегъ причитается ему за стараніе“, причемъ плата за старательскую работу гораздо выше, чѣмъ плата за урочную. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что стараніе на турфахъ было на нѣкоторыхъ промыслахъ нѣсколько позднѣе такъ же регулировано, какъ и стараніе на пескахъ, т.-е. обращено въ добавочную работу въ размѣрѣ известной доли урока: по свидѣтельству Севастьянова, на нѣкоторыхъ прискахъ Енисейской губ. въ концѣ 50-хъ годовъ сверхъ добычи урочной сажени турфа вскрывали еще „четверть сажени *добавочной (старательской)* пустой породы“. Что касается старательскихъ работъ при промывкѣ песковъ, то, по свидѣтельству автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ онѣ производились инымъ порядкомъ, чѣмъ при вскрытіи турфа. „Промывальщикамъ не предоставляется“ на ихъ волю „исполнять послѣурочную старательскую работу, какъ они хотятъ, т.-е. они не могутъ промывать столько розсыпи, сколько имъ вздумается, а, напротивъ того, съ ними предварительно, до начатія промывки золота, уговариваются..., чтобы они, за особую условную плату, непременно промывали, въ старательскіе часы, известное количество песковъ¹⁾“, обыкновенно *полъ-урка* въ день, и они уже не могутъ уклониться отъ выполненія этого условія. При промывкѣ песковъ отсутствіе одного или двухъ рабочихъ разстраиваетъ весь ходъ работъ, а потому другого условія и быть не должно“. Впрочемъ, авторъ прибавляетъ, что прежняя система старательскихъ работъ „существуетъ еще кое-гдѣ на дурно устроенныхъ прискахъ или у отсталыхъ золотопромышленниковъ“, но она „выходитъ мало-по-малу изъ употребленія“.

Приведемъ еще свидѣтельство Скарятина, автора „Замѣтокъ золотопромышленника“, о перемѣнѣ, совершившейся въ системѣ старательскихъ работъ на благоустроенныхъ прискахъ, какъ видно изъ показаній Ковригина и автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, уже въ первой половинѣ 50-хъ годовъ: „Въ первый періодъ золотопромышленности старательскія работы производились, во-первыхъ, *въ одиночку*, во-вторыхъ

¹⁾ Эта система начала вводиться на большихъ енисейскихъ промыслахъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ.

—на золото, т.-е. по окончаніи хозяйской урочной работы всякому рабочему дозволялось выбрать себѣ мѣстечко и промывать пески отдѣльно про себя". Позднѣе „стараніе въ одиночку и на золотѣ было замѣнено платою съ выработанной кубической мѣры песковъ и турфовъ. Само собою разумѣется, что мѣра эта была введена не вдругъ и не вездѣ: сначала отмѣнили старанія въ одиночку, сохранивъ стараніе на золотѣ, т.-е. рабочіе, по окончаніи хозяйскаго урока, производили промывку песковъ не въ одиночку и не каждый про себя, а всѣ вмѣстѣ, на машинахъ. Добытое такимъ образомъ золото дѣлилось между всѣми рабочими. Потомъ пошли далѣе и вовсе отмѣнили расчеты по количеству добытаго золота, а стали рассчитывать по количеству выработанной земли; впрочемъ,—продолжаетъ Скарятинъ,—есть и теперь еще (т.-е. около 1860 г.) пріиски, на которыхъ стараются не только на золотѣ, но и въ одиночку. Съ старыми привычками разстанутся не скоро, да и, кромѣ того, нѣкоторые изъ управляющихъ не замѣняютъ старый порядокъ новымъ потому, что видятъ въ этомъ свою личную выгоду. Но на большей части пріисковъ, въ особенности же въ Енисейскомъ округѣ, который далеко опередилъ всѣ другіе, давно уже введенъ новый порядокъ“¹⁾.

Сопоставивъ, такимъ образомъ, показанія современниковъ, мы видимъ, что одиночное стараніе на золотѣ замѣнилось затѣмъ артельнымъ и, наконецъ, общимъ, а стараніе съ расчетомъ по количеству добытаго золота замѣнилось расчетомъ по количеству добытой земли, и эта послѣдняя система была введена ранѣе при добычѣ песковъ, общія же старанія на турфахъ явились позднѣе. Очень важное значеніе въ этой эволюціи имѣло обращеніе (какъ увидимъ ниже) добровольныхъ старательскихъ работъ въ обязательныя. Перемѣны эти совершались не одновременно на различныхъ промыслахъ, такъ что мѣстами наряду съ новою системой старательскихъ работъ встрѣчалась еще и прежняя.

Какое же вліяніе имѣло введеніе новой системы старательскихъ работъ на вознагражденіе за трудъ? К—въ, авторъ вышеупомянутой статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“²⁾, составленной по матеріаламъ, полученнымъ отъ одного золотопромышленника, восхваляетъ новую систему. По его словамъ, при прежней системѣ, если случалось рабочимъ найти богатое мѣсто, „они извлекали при промывкѣ много металла и, слѣдовательно, получали много денегъ; но тѣ, которые трудились въ бѣдной розсыпи, добывали золота немного или вовсе ничего не добывали и даромъ тратили свои силы. Нерѣдко штейгеры или смотрители, изъ видовъ корысти, назначали на „стараніе“ однимъ рабочимъ мѣста бога-

¹⁾ В. Скарятинъ. „Затѣтки золотопромышленника“. Спб. 1862 г., ч. II, стр. 120, 133—136.

²⁾ 1854 г. №№ 65—67.

тыя, а другимъ пустыя. Во всякомъ случаѣ, „стараніе на золото“ есть рискъ, удача, какъ лотерея или карточная игра, а не вознагражденіе за трудъ, и потому, въ основаніи своемъ, оно не годится для чернорабочихъ, ибо соединено съ нравственнымъ вредомъ“. Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что при новомъ порядкѣ расчета за старательскія работы „нѣкоторые рабочіе не могутъ прибрѣтать случайныхъ, иногда огромныхъ выгодъ, возбуждавшихъ зависть и ропотъ между остальными товарищами, трудившимися въ потѣ лица въ пустой ровсыпи; за то плата за трудъ раздѣляется равнѣе и справедливѣе, и всѣ рабочіе прибрѣтаютъ въ сложности *едва ли не болѣе* прежняго, и, притомъ, не случайно, а за прямой и честный трудъ. Это измѣненіе въ расчетѣ, конечно, *мнѣнію многихъ рабочихъ*, любителей плутовства и риска, *возможности получить большія деньги посредствомъ* подкупа, *воровства или удачи*; за то честные и трудолюбивые работники довольнѣе прежняго, особенно тамъ, гдѣ, при строгомъ порядкѣ и справедливости, нѣтъ препятствій къ прибрѣтенію денегъ“.

И такъ, авторъ высказываетъ предположеніе, что при новомъ порядкѣ старательскихъ работъ „всѣ рабочіе прибрѣтаютъ въ сложности *едва ли не болѣе* прежняго“. Напротивъ, въ другомъ мѣстѣ статьи онъ самъ говоритъ: „*Рабочіе не могутъ добывать такъ много денегъ, сколько прибрѣтали прежде*“, хотя и спѣшитъ оговориться, что „за то распредѣленіе платы между ними гораздо уравнительнѣе, и на хорошо устроенныхъ промыслахъ не бываетъ обманувшихся бѣдняковъ, которые бы уходили съ пустыми руками; *если это изрѣдка случается*, то причиною неудачи могутъ быть только (?) продолжительная болѣзнь или лѣность рабочаго,—опаснѣйшее зло, отъ котораго терпитъ не одинъ рабочій, но и золотопромышленникъ“. Если принять во вниманіе, что статья эта написана по свидѣніямъ, доставленнымъ золотопромышленникомъ, и что конечная цѣль ея заключается въ томъ, чтобы доказать выгоду для крестьянъ Европейской Россіи работъ на промыслахъ и, такимъ образомъ, при посредствѣ помѣщиковъ, привлечь на сибирскіе промыслы новыя массы рабочихъ¹⁾, то признаніе автора, что „рабочіе

¹⁾ „Было бы полезно,—говоритъ К—въ,—какъ для золотопромышленниковъ, такъ и для владѣльцевъ населенныхъ имѣній и для крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, если бы они испитали, хотя въ маломъ на первое время размѣрѣ, эту промышленность, обратясь съ предложеніями въ конторы компаній Голубкова, Базилевскаго, Малевинскаго и др. Безъ сомнѣнія, каждый изъ этихъ... золотопромышленниковъ согласится принять на свои прински отъ 500 до 1000 рабочихъ, выдавъ имъ впередъ, смотря по условію, на проѣздъ до мѣста работъ значительныя деньги“. Въ 40-хъ годовъ золотопромышленники все хлопотали о переселеніи, при содѣйствіи правительства, въ Сибирь необходимыхъ для производства ихъ промысла рабочихъ; теперь они пытались уже дѣйствовать при посредствѣ печати на аппетиты помѣ-

не могутъ добывать нынѣ (1854 г.) столько денегъ, сколько приобрѣтали прежде“, окажется весьма знаменательнымъ.

Что и при прежней системѣ старательскихъ работъ могли быть многія злоупотребленія, это несомнѣнно¹⁾, но, тѣмъ не менѣе, и самъ авторъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ принужденъ, хотя и неохотно, признать, что заработки рабочихъ при новомъ порядкѣ работъ уменьшились. Кривошапкинъ, который собиралъ матеріалы для своего труда объ Енисейскомъ округѣ въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ, свидѣтельствуя о томъ, что „старательская работа съ золотника теперь почти вывелась“, высказываетъ мнѣніе, что прежнее вознагражденіе рабочихъ было „и полюбовно-правомѣрнѣе, и законнѣе“²⁾.

Извѣстный редакторъ газеты „Вѣсть“ В. Д. Скарятинъ въ своей книгѣ „Замѣтки золотопромышленника“, подобно К—ву, выражаетъ чувство новому порядку старательскихъ работъ, но и у него можно найти указанія на пониженіе размѣра заработковъ. По его словамъ, рабочій при новой системѣ этихъ работъ, „не участвуя въ большихъ ба-
рышкахъ, не страдаетъ и при убыткахъ. Правда,—продолжаетъ онъ,—прекратились баснословные (?) заработки, но они сдѣлались равномѣрнѣе и вѣрнѣе“. Еще яснѣе невыгодность новой системы для рабочихъ видна изъ слѣдующихъ словъ Скарятина: „Второй періодъ золотопромышленности можно въ его главнѣйшихъ чертахъ охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: приложеніе къ разработкѣ золотыхъ россыпей капита-
ла и искусства, усиленная промывка песковъ, удешевленіе рабочей силы и, наконецъ, какъ слѣдствіе всего этого, *разработка бѣдныхъ россыпей*“. И такъ, новая система принесла съ собою, по свидѣтельству лица, которое само занималось золотопромышленностью, *удешевленіе рабочей силы*: послѣ такого признанія Скарятинъ могъ бы не распространяться о вы-
годности новой системы для рабочихъ; за то онъ совершенно правъ, когда указываетъ на выгоду ея для золотопромышленниковъ: „При стараніи на машинѣ,—говоритъ онъ,—всѣми вдругъ, *когда ста-
рательская работа есть только прямое и непрерывное продолженіе урочной*, нисколько не разнящаяся отъ нея въ средствахъ производства, не теряется увеличеніе производительности человѣческой руки посред-
ствомъ машинъ и прочихъ приспособленій“. Бѣда только въ томъ, что это увеличеніе производительности труда не сопровождалось, по при-

жизновъ, желая побудить ихъ запродавать на принскі трудъ сотенъ и тысячъ ихъ крѣ-
постныхъ“.

¹⁾ Авторъ одной газетной статьи (1859 г.), написанной въ защиту интересовъ принсковыхъ рабочихъ, говоритъ, что „для урочныхъ работъ назначались всегда самыя лучшія мѣста, а для старательскихъ—самыя пустыя“. Иркут. Губ. Вѣд. 1859 г. № 14, стр. 1.

²⁾ „Енисейскій округъ“, стр. 182.

знанію самого Скарятина, увеличеніемъ заработковъ рабочихъ, а шло на пользу лишь капиталистовъ. Другая выгода золотопромышленниковъ состояла въ томъ, что *„кража золота при общемъ стараніи на машинѣ сократилась чрезвычайно. Теперь крадетъ лишь присковая аристократія, т.-е. промывальщики, иногда машинистъ и прикащики“* и еще рѣже управляющій. *„Плебеймъ, толпѣ рабочихъ красть нельзя“*. Такимъ образомъ, *исчезла (или, по крайней мѣрѣ, была затруднена) возможность для рабочаго увеличивать и незаконнымъ путемъ свой заработокъ¹⁾*, что, очевидно, нерѣдко случалось при прежней системѣ старательскихъ работъ, когда, по словамъ К—ва, рабочій, добывавшій золото на томъ прискѣ, гдѣ ему выдавали за золотникъ по 85 к. с., утаивалъ его и черезъ другихъ рабочихъ передавалъ на тотъ прискъ, гдѣ платили болѣе.

Мы указывали уже на то, что, кромѣ старанія на пескахъ, является и стараніе на турфахъ. Относительно послѣдняго Гагемейстеръ говоритъ: *„Неоднократно случалось, что, при оскудѣніи песковъ и невыгодности посему старательской работы, рабочіе бѣжали съ присковъ, находя убыточнымъ служить за одно жалованье. Для предупрежденія сего установлена нынѣ во многихъ мѣстахъ вольная работа на турфы, съ платежомъ условной цѣны за каждую куб. сажень вынудой земли. Выгоды, этимъ способомъ получаемыя рабочими, менѣе значительны, чѣмъ отъ промывки золота, но онѣ вѣрны, и потому способъ этотъ предпочитается на всѣхъ убогихъ золотосодержаніемъ прискахъ“²⁾*. Такимъ образомъ, и тутъ мы находимъ указанія серьезнаго, безпристрастнаго изслѣдователя на меньшую выгодность для промысловыхъ рабочихъ новыхъ порядковъ присковыхъ работъ.

Изъ приведенныхъ указаній современныхъ наблюдателей видна общая тенденція въ измѣненіи способовъ вознагражденія присковыхъ рабочихъ за старательскія работы въ 50-е годы, но перемѣны въ порядкѣ работъ не на всѣхъ промыслахъ совершались одинаково быстро, такъ какъ выгодность ихъ зависѣла отъ многихъ мѣстныхъ условій. Знакомясь съ контрактами и другими источниками, рисующими положеніе присковыхъ рабочихъ въ разныхъ округахъ Сибири, мы видимъ значительное разнообразіе въ старательскихъ работахъ и способахъ вознагражденія за нихъ; но приведенныя общія указанія помогутъ намъ разобратъ въ этомъ сложномъ матеріалѣ. По словамъ автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1854 г.), не всѣ золотопромышленники Енисейскаго округа и Бирюсинской системы одинаково распоряжались силами рабочаго и вознаграждали его за трудъ; всего правильнѣе (съ его

¹⁾ Скарятинъ, II, 135—139.

²⁾ „Статист. Обзор. Сибири“, II, 454.

точки зрѣнія) распредѣляли работы и вознагражденіе за нихъ компаніи: Малевинскаго, Голубкова, Базилевскаго, Мясникова, Ив. Рязанова, Щеголева, Зотова (крупныя компаніи) и Горчакова; онъ собственно и описываетъ тотъ порядокъ, который, съ ничтожными различіями, существовалъ тогда на промыслахъ этихъ компаній. Между тѣмъ, большинство изъюущихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ для разсматриваемаго въ этой главѣ времени (кромѣ общихъ указаній о цѣлыхъ системахъ и округахъ) относится къ другимъ компаніямъ, а часть ихъ и къ другимъ мѣстностямъ, а потому мы сплошь и рядомъ встрѣтимъ, особенно въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, другой порядокъ старательскихъ работъ.

Замѣна одиночнаго старанія на золото артельнымъ должна была происходить и на основаніи закона 17 апрѣля 1853 г. ¹⁾, по которому старательскія работы на золото, во избѣжаніе его тайнаго хищенія, должны были производиться не иначе, какъ артелями, по крайней мѣрѣ, изъ 10 человекъ, а это должно было облегчить и переходъ къ общимъ старательскимъ работамъ на пескахъ, которыя еще въ концѣ 40-хъ годовъ появились на большихъ и богатыхъ промыслахъ Енисейскаго округа. Отчасти изданіемъ этого закона объясняется и то, почему одиночное стараніе на турфахъ могло удержаться долѣе, чѣмъ такое же стараніе на золотѣ.

При началѣ сибирской золотопромышленности въ договорахъ съ рабочими хозяева предоставляли себѣ право позволять или не позволять старательской работы, хотя на практикѣ имъ почти всегда приходилось рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ безъ старательскихъ работъ рабочіе не захотѣли бы оставаться на промыслахъ ²⁾. Остатокъ этихъ прежнихъ формъ договоровъ мы находимъ въ контрактѣ 1854 года золотопромышленника Томскаго округа Онуфровича; а, между тѣмъ, въ этомъ же договорѣ мы встрѣчаемъ постановленіе, что по требующимся на промыслахъ „надобностямъ“ рабочіе не должны отказы-

¹⁾ П. С. З. т. XXVIII, № 27169.

²⁾ Впрочемъ, въ одной газетной статьѣ (1860 г.) мы нашли указаніе, что „старательскія работы не вездѣ даются“ („Амуръ“ 1860 г. № 12). Жандармскій штабъ-офицеръ Енисейской губ. Боркъ, въ своемъ донесеніи въ главное управленіе Восточной Сибирѣ (1861 г.), говоритъ: „При малыхъ заработкахъ урочная работа полагается въ размѣрѣ полныхъ силъ здороваго человѣка, старательскими работами въ будничные дни заняться почти некогда, въ праздничные дни зарабатывается немного, и это совершенно зависитъ отъ управляющихъ принсипамъ, которымъ ничто не воспрещаетъ не допускать старательскихъ работъ и при концѣ операціи разсчитать людей на основаніи общаго контракта тремя рублями въ мѣсяцъ,—платою, за которую ни одинъ рабочій на промысла не пошелъ бы“, такъ какъ ее едва хватить на одежду и обувь. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1673 № 27/30, л. 6—7.

ваться отъ работъ и въ воскресные и табельные дни подъ опасеніемъ взысканія по законамъ; вѣроятно, тутъ разумѣлись экстренные случаи въ родѣ прорыва плотинъ и проч., но выражено это было настолько неопредѣленно, что хозяинъ могъ бы на основаніи этого контракта потребовать рабочихъ на всякую работу въ праздники, хотя въ прежнее время праздничная работа была совершенно необязательною.

Артельные и общія старательскія работы нѣкоторые золотопромышленники Западной Сибири пытались ввести на своихъ промыслахъ еще ранѣе изданія закона 17 апрѣля 1853 г., но встрѣчали противодействие со стороны рабочихъ. Томскіе золотопромышленники маркизъ де-Траверсе и Олоровскій заявили въ 1852 г. алтайскому горному управленію, что для нихъ всего выгоднѣе общія старательскія работы или, по крайней мѣрѣ, артелями не менѣе 10 человекъ, но рабочіе-поселенцы не всегда соглашались на общія старательскія работы: нѣкоторые изъ нихъ, находя, что они успѣшнѣе другихъ занимаются „стараніемъ“, не хотятъ работать за лѣтнихъ или нерасторопныхъ и получать за добытое на стараніи золото равную съ ними плату. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что, по заявленію (1852 г.) горнаго ревизора, на промыслахъ Томской губерніи и Минусинскаго и Ачинскаго округовъ Енисейской губ., подвѣдомственныхъ алтайскому горному начальству, производились болѣе частныя (т.-е. одиночныя) старательскія работы (на золото) на отдѣльныхъ бутарахъ или вашгердахъ, устроенныхъ самими рабочими тамъ, гдѣ они находили это выгоднѣе и удобнѣе. И вотъ рабочіе стояли за это одиночное стараніе, хотя, по свидѣтельству горнаго ревизора, и случалось часто, что рабочій, проведя цѣлый свободный день на старательской работѣ, намывалъ золота менѣе $\frac{1}{8}$ золотника, за которое и получалъ самую ничтожную плату. Но современемъ вводятся артельные и общія старанія. Такъ въ договорѣ (1855 г.) съ золотопромышленникомъ Томскаго округа Коноваловымъ рабочіе выговорили себѣ право („должны мы“) пользоваться въ праздничные дни „артельными стараніями“, а именно съ осени до весны заготовлять на „общую артель“ пески, „которые должны промыться съ наступленіемъ лѣтнихъ работъ, и полученное изъ нихъ золото имѣетъ быть раздѣлено по равной части на каждого старателя, а въ лѣтнее время добывать пески изъ открытыхъ или ортовыхъ работъ и полученное изъ нихъ золото должно быть раскладываемо на старателя по окончаніи промывки того дня, въ который будутъ добываться пески, и, сверхъ того, дозволяется намъ стараться и въ будничные дни, по окончаніи работы урочной“, на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ дозволено, и промывать, гдѣ будетъ приказано ¹⁾). Впрочемъ, по

¹⁾ За добытое старательское золото рабочіе Коновалова должны были получать по 1 руб. 20 коп. за золотникъ, а за вскрышу по праздникамъ въ лѣтнее время турфа по 3 руб. съ сажени.

этому договору рабочіе, будучи свободны отъ хозяйскихъ работъ по праздникамъ, могли по своему усмотрѣнію заниматься старательскими работами или не браться за нихъ.

Однако, постепенно въ теченіе 50-хъ годовъ старательскія работы дѣлаются *обязательными* и являются главною гарантіей отработки взятаго задатка ¹⁾. Вообще въ договорахъ начала 50-хъ годовъ ²⁾ мы находимъ обыкновенно условіе, что рабочіе въ воскресные и табельные дни отъ хозяйскихъ работъ должны быть свободны и могутъ быть потребованы только на работы экстренныя и нетерпящія отлагательства, но затѣмъ постепенно праздничныя старательскія работы дѣлаются *обязательными*. Скарятинъ въ 1860 г. писалъ: „За 3 р. жалованья и за свое содержаніе на прискѣ рабочій обязанъ выработать ежедневно (кромя праздниковъ и воскресеній) опредѣленный урокъ. Урокъ этотъ обыкновенно успѣваютъ кончить до паужина, а при дружной артели даже и къ обѣду; остальную часть дня рабочій *старается*, т.-е. работаетъ на себя. Всякій рабочій *обязанъ* стараться; хочешь не хочешь, а старайся. Такой обязательный трудъ есть крайняя необходимость какъ для рабочаго, такъ и для хозяина, и сами рабочіе понимаютъ это такъ хорошо, что спорить очень рѣдко, и старательская работа приходится даже во всѣ праздничные дни, кромѣ трехъ первыхъ дней праздника Христова Воскресенія, да еще праздника Ильи пророка. Въ этотъ день рабочіе боятся, чтобы ихъ не убило громомъ, если они будутъ работать; однако же, высокая старательская плата съ прибавкою стакана вина успѣваетъ разсѣять даже и этотъ страхъ. Очень рѣдко, и только въ такомъ случаѣ, если рабочіе находятся въ сильныхъ неладахъ съ присковымъ управленіемъ, они отказываются стараться въ праздники, и, такимъ образомъ, наносятъ страшный убытокъ и себѣ, лишаясь высокой праздничной платы, и хозяину, для котораго время дороже всего. Вѣдь капиталъ затраченъ, машины построены, лошадей и людей надо кормить, къ довершенію всего—промывка продолжается всего съ небольшимъ сто дней, и вдругъ работа стоитъ въ праздникъ!“ А „рабочіе знаютъ очень хорошо, что по закону имѣютъ право не работать въ праздникъ“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ это время, въ концѣ 50-хъ годовъ, рабочіе еще умѣли отстаивать свое право на праздничный отдыхъ, и этимъ могли вліять на обращеніе съ ними хозяевъ. Это хорошо понималъ и Скарятинъ, который, указывая на право рабочихъ не работать въ празд-

¹⁾ Такъ, рабочіе, нанявшіеся въ 1854 г. на промысла Подсосова (Томскаго округа), въ роспискѣ на деньги, впередъ взятыхъ, или на одежду, обувь и уплату долговъ, обязываются отработать ихъ „старательскими работами, или какъ будетъ *приказано*, *безпрекословно*“.

²⁾ Въ договорахъ съ Асташевымъ (южно-енисейской системы) и въ 1857 г.

ники, говорить: „Вотъ и еще причина, по которой надобно хорошо содержать рабочаго и вообще не обижать его“ ¹⁾. Авторъ статьи въ одной сибирской газетѣ (1860 г.) говорить, что „нерѣдко“ встрѣчаются контракты „съ противозаконными условіями“. Года два тому назадъ ему случилось встрѣтить контракты, въ которыхъ рабочіе, условившись работать установленное закономъ число часовъ въ сутки, обязывались еще, „сверхъ того, какъ въ будни, такъ и въ праздничные дни выполнять старательскія работы въ теченіе такого времени, какое будетъ конторою назначено“. Такимъ образомъ, старательская работа изъ труда добровольнаго обращалась въ обязательный ²⁾. Не мудрено, что, по словамъ того же автора, работа, начинаясь „въ 5 ч. утра, если не раньше“, кончалась гораздо позже 8 час. вечера, съ отдыхомъ только во время обѣда, продолжающимся одинъ часъ.

Относительно старательскихъ работъ въ южно-енисейскомъ округѣ мы узнаемъ изъ донесенія командированнаго туда въ 1853 г. чиновника Разгильдѣева, что въ это время преобладали уже *артельныя* работы и, притомъ, стараніе было не только на золото, но и на торфъ. Старательскія работы на золото дозволялись, по словамъ Разгильдѣева, „съ такимъ условіемъ, чтобы рабочіе сами сняли торфъ и обнажили золотосодержащій пластъ. Гдѣ были ортовыя работы, тамъ дозволяли рабочимъ добывать пески безъ вскрыши торфа. Плата полагалась съ золотника золота отъ 85 к. до 90 к. сер. *Стараніе рабочими*,—говоритъ Разгильдѣевъ,—*производится болѣею частью значительными артелями*“; для промывки песковъ золотопромышленники даютъ имъ машины, лошадей съ упряжью и экипажами. Черезъ то въ праздники бывають въ дѣйствиі тѣ же машины, что въ будни; поэтому и полученіе золота въ праздники бываетъ не менѣе, но, случается, еще болѣе; это зависитъ отъ того, что рабочіе, добывая пески, стараются обнажить пластъ до чиста, т.-е. не оставляя знаковъ золота...“ Старательское золото, по словамъ Разгильдѣева, составляло отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{5}$ части всего количества, добываемаго на промыслахъ южно-енисейскаго округа. За выработку 1 куб. саж. торфа старателямъ полагалась плата отъ 3 до 5 руб. сер.; эта разниа въ цѣнѣ зависѣла отъ того, давались ли рабочимъ хозяйскія лошади или они возили торфъ на тачкахъ ³⁾.

Такой же размѣръ вознагражденія за старательскую работу указанъ и въ донесеніи горнаго исправника южно-енисейской системы 1858 г.: за выработку 1 куб. саж. торфа двумя человѣками съ лошадью, данною отъ компаніи, старательская плата въ праздники полагалась отъ 3 до

¹⁾ Скарятинъ II, 118—120.

²⁾ „Амуръ“ 1860 г. № 6, стр. 89.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. кн. 1337, № 4/14, л. 198—199.

4 р., а за выработку сажени турфа ручнымъ откатомъ—отъ 4 до 5 р.; съ золотника добытаго на стараніи золота платили отъ 85 к. до 1 р.; старательская плата въ зимніе дни—40 к. Старательская плата производилась также и разночинцамъ, находившимся при вспомогательныхъ работахъ. При производствѣ старательской работы артелями плата, назначенная съ золотника золота, дѣлилась между всѣми поровну. Лѣтомъ на нѣкоторыхъ промыслахъ простымъ работникамъ, сверхъ платы, опредѣленной въ контрактѣ, „въ поощреніе трудовъ“ платили ежедневно отъ 20 до 45 к. На нѣкоторыхъ промыслахъ дозволялось рабочимъ отдѣльно, сверхъ выработки извѣстнаго урока, производить работу за старательскую плату по расчисленію съ кубической сажени ¹⁾.

Въ договорахъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.) рабочіе выговаривали себѣ *право* на старательскія работы; въ договорѣ 1856 г. Асташевъ, подобно томскому золотопромышленнику Онуфровичу, оставилъ за собою право допускать или недопускать старательскія работы; наконецъ, въ договорѣ съ этимъ же золотопромышленникомъ 1859 г. является уже *обязательное* стараніе и въ будни, и въ праздники, причемъ въ будни въ видѣ прибавки половиннаго урока; слѣдовательно, старательскія работы сдѣлались общими и составляли простое продолженіе урочной работы лишь за повышенную плату. „Тогда, когда будетъ удобное время для старанія,—сказано въ этомъ договорѣ,—*обязаны* мы стараться зарабатывать выдаваемые намъ задатки и... деньги на взносъ государственныхъ податей и повинностей и на обезпеченіе семействъ, для чего имѣютъ быть намъ задаваемы *полуторные уроки*, какъ на промыслахъ при машинахъ, такъ и при вскрышѣ турфа“ ²⁾. Въ воскресные и праздничные дни рабочіе обязались работать не полуторный, а обыкновенный урокъ, какъ при промывкѣ золота ³⁾, такъ и при вскрышѣ турфа, но не воспрещалось и въ праздники выработать полуторный урокъ. Этимъ, однако, еще не ограничивалось страшное напряженіе силъ рабочихъ: „если же за исполненіемъ этихъ (т.-е. полуторныхъ) уроковъ,—

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1491, № 17/50, л. 5—6.

²⁾ За исполненіе полуторнаго урока забойщики, разборщики и свальщики должны были получать по 60 к. с. въ день, подвозчики песковъ и плотники при машинѣ столько же, мутильщики, отвозчики гальки и эфеля и отвальщики по 50 к., находящіеся же при вскрышѣ турфа за выполненіе полуторнаго урока должны были всѣ получать по 50 к. въ день. Такъ какъ обычная лѣтняя плата за урочную работу равнялась 3 р. за 30 рабочихъ дней, т.-е. по 10 к. въ день, слѣдовательно за добавочный половинный урокъ рабочимъ набавлялось отъ 40 до 50 к.

³⁾ За такой урокъ въ праздничные дни забойщики, разборщики, свальщики подвозчики песковъ, промывальщики и плотники должны были получать по 1 р. 20 коп., если же они выработаютъ столько же, сколько въ будни, т.-е. полуторный урокъ, то имъ выдавалось по 1 руб. 80 коп.; артельщикамъ, отвозчикамъ гальки и эфеля по 1 р. 50 к., находившимся при вскрышѣ турфа по 1 р.

сказано далѣе въ томъ же договорѣ, — будемъ имѣть свободное время, то предоставляется намъ вскрывать турфъ *собственно старательскими работами* съ отвозкою на промысловыхъ лошадяхъ“, съ платою по 3 р. с. за куб. сажень; „старанія же на тачкахъ не требовать, которое можетъ быть допускаемо по особому разрѣшенію управляющаго“. Такимъ образомъ, по этому договору „собственно старательскими“ работами назывались уже тѣ, которыя производились по окончаніи полуторныхъ уроковъ ¹⁾).

На промыслахъ сѣверно-енисейской системы по договору съ К^о Рязановыхъ (1851 г.) рабочіе *обязывались* „въ свободное время и въ праздничные дни“ стараться заработать выданные имъ задатки. „Если кто изъ насъ отъ старанія будетъ уклоняться, то управляющій имѣетъ право высылать насъ въ свободное время для зарабатыванія, а въ случаѣ неисполненія приносить жалобу начальству и *подвергаемся за это полицейскому взысканію*“. Такимъ образомъ, *обязательныя* старанія приходилось здѣсь вводить съ помощію розогъ; вообще, по свидѣтельству Кривошапкина, въ сѣверной части Енисейскаго округа было менѣе „человѣчности въ отношеніи къ рабочимъ“, чѣмъ въ южной. Въ договорѣ (1854 г.) съ тою же К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова о старательскихъ работахъ сказано: „Мы для пользы компаніи и для пользы собственной своей *обязываемся* на турфахъ и на добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ *стараться* въ табельные и воскресные дни, *производя эти старательскія работы непременно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ и въ будни*, и получая въ эти праздничные дни постоянную плату... съ выработки куб. сажени турфовъ и песковъ“, „затѣмъ уже отнюдь не имѣть никакого вліянія на добычу самаго золота и *никакихъ особыхъ для себя старательскихъ работъ* отъ управленія компаніи не требовать“ (т.-е. не требовать *одиночнаго* старанія). „Такимъ образомъ, поставляя здѣсь правиломъ стараться *непрерѣнно* во всѣ праздничные дни, въ которые по закону не можетъ быть хозяйскихъ работъ (впрочемъ, по усмотрѣнію управляющаго, дается въ мѣсяцъ *одинъ день праздничный* на починку одежды и обуви, и то по заработкѣ долга), мы въ противномъ случаѣ, когда будемъ уклоняться отъ этого, подлежимъ ответственности компаніи платежомъ всѣхъ тѣхъ убытковъ, какіе послѣдуютъ отъ остановки работъ“. По договору 1851 г. съ этою компаніею за вскрышу куб. сажени турфа на хозяйской лошади въ праздничные дни была назначена

¹⁾ Изъ отчета Удереиской К^о (южно-енисейской системы) за 1849—1856 гг. мы узнаемъ, что за добычу золота „*главными артельными стараніями въ рабочіе дни* послѣ хозяйской промывки“ платили по 20—40 к. на человѣка, а въ праздничные дни 75 к.—2 р. въ день; за добытое „*болыными стараніями мелочными*“ (т.-е. *одиночными*) было уплачено въ среднемъ по 1 р. 6 к. за золотинку; за вскрышу старательскаго турфа на лошади по 3 р. с. съ куб. сажени, а за вскрышу съ ручною откаткой на тачкахъ въ среднемъ по 5 р. 18 к. съ сажени.

плата 3 р. 20 к., между тѣмъ по договору съ нею же 1854 г. плата была понижена вдвое или нѣсколько менѣе, а именно до 1 р. 60 к.—2 р.; но по договору 1857 г. плата за ту же работу была опять повышена до 3 р. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тою же компаніей горному исправнику въ 1858 г., чернорабочіе получали старательскую плату за праздничные дни (до открытія лѣтныхъ работъ) отъ 50 до 80 к., плотники отъ 1 до 3 р., столары, слесари и кузнецы 1 р.—2 р. 50 к., молотобойцы 70 к.—1 р.; въ лѣтнее же время, съ открытія горныхъ работъ, чернорабочіе получали за выработку куб. сажени турфа въ праздники 3 р., а за добычу и промывку песковъ въ праздничные дни полагалась особая плата, „такъ называемая поденная“: чернорабочимъ 1 р.—1р. 50 к. и ремесленникамъ-разночинцамъ 1 р.—3 р. въ день каждому. По договору съ К^о Голубкова, Бенардаки и наслѣдницъ Кузнецовыхъ (1854 г.) за вскрышу куб. сажени турфа въ праздничные дни рабочіе должны были получать всего 1 р. 50 к., а за добычу и промывку куб. сажени песковъ 2 р.; слѣдовательно, по этому договору была назначена еще болѣе низкая плата, чѣмъ по договору того же года съ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова ¹⁾).

По донесенію горнаго исправника сѣверно-енисейской системы (1858 г.), „вольно-старательскихъ работъ“ по промывкѣ золота съ платою съ *золотника полученнаго металла* въ сѣверно-енисейскомъ округѣ въ это время уже вовсе не существовало.

Авторъ статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) К—въ о промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы говоритъ, что за добавочную старательскую плату („обыкновенно полъ-урока въ день“) каждый рабочій получаетъ 60—80 к. въ день, „что почти равняется платѣ за турфовое стараніе“. Но въ этомъ показаніи плата преувеличена; по крайней мѣрѣ, на Бирюсинской системѣ, по свидѣтельству горнаго ревизора Ковригина, за добавочную половину урока каждый рабочій на старательскихъ работахъ на пескахъ получалъ, смотря по свойству песковъ, 30—50 и не болѣе 60 к., а по договору съ Асташевымъ 1859 г., какъ мы видѣли, плата за исполненіе всего полуторнаго урока равнялась 50—60 к. въ день ²⁾). Относительно промысловъ Енисейскаго ок-

¹⁾ Какъ относилась К^о Голубкова и Бенардаки къ рабочимъ и какъ тяжелы были работы на пріискахъ этой компаніи въ 60-хъ годахъ, можно видѣть изъ книги Н. В. Латкина: „Очеркъ золотныхъ промысловъ Енисейскаго округа“. 1869 г.

²⁾ По словамъ К—ва, ремесленникамъ предоставлялось стараніе, но только въ праздничные дни, а въ будни они не имѣли для этого свободнаго времени: поправлять машины, чинить мости приходилось даже послѣ окончанія рабочими урочныхъ работъ. Въ праздничные дни ремесленники получали 86 к.—1 р. с. за каждый золотникъ промытаго золота или по 1 р. с. за промывку каждой сотни пудовъ песку. По словамъ Таскина, „разночинцы“ получали на промыслахъ Енисейскаго округа въ праздники за стараніе 1 р.—1 р. 50 к. въ каждый день. „Гор. Журн.“ 1861 г., № 3, стр. 376.

руга Севастьяновъ, посѣтившій ихъ въ 1859 г., сообщаетъ слѣдующее: „Съ открытія промывки песковъ до 10 сентября на тѣхъ приискахъ, гдѣ задается лишняя четверть сажени по добычѣ песковъ, каждому рабочему къ контрактной платѣ (10—10½ к. въ день) прибавляется еще 50 до 70 к. въ день“; но что послѣдняя норма добавочнаго вознагражденія была исключеніемъ, видно изъ того, что въ среднемъ *всей* контрактной и старательской платы рабочіе при работѣ на пескахъ, по свидѣтельству того же Севастьянова, получали до 70 к. въ день. При вскрываніи пустой породы „каждому рабочему прибавляется къ контрактной платѣ отъ 30 до 40 к.“.

Сверхъ будничныхъ старательскихъ добавочныхъ работъ были еще праздничныя работы. По свидѣтельству Севастьянова, до открытія промывки песковъ всѣмъ рабочимъ платили въ праздники 70 к.—1 р. 50 к. въ день. Съ открытія промывки песковъ онъ раздѣляетъ праздничныя работы на четыре разряда: 1) общая работа, при которой платили за каждую выработанную куб. сажень песковъ по 4 р. 80 к.; полученная сумма дѣлилась между всѣми рабочими поровну безъ различія занятій; 2) общая работа, при которой платили за полученное золото 80 к.—1 р. с. за золотникъ; полученная сумма дѣлилась между всѣми рабочими поровну безъ различія занятій; при этомъ на нѣкоторыхъ приискахъ отдѣлялась ¼ полученной суммы въ пользу компаніи за лошадей; 3) общая поденная работа, при которой каждый рабочій, находившійся на приискѣ, получалъ поденную праздничную плату отъ 60 к. до 1 р. 50 к. въ день; 4) частная праздничная плата, при которой каждый разрядъ рабочихъ получалъ особенную плату ¹⁾. Въ концѣ 40-хъ годовъ за вскрышу куб. сажени турфа старательскими работами на приискахъ Енисейскаго округа платили 4—7 р. с. Если даже принять, что это вознагражденіе было назначено при ручной откаткѣ, то все-таки очевидно пониженіе рабочей платы въ теченіе десятилѣтія, съ конца 40-хъ до конца 50-хъ годовъ (съ 4—7 р. до 3—3 р. 75 к. с.).

Мы видѣли выше, что по договору съ Асташевымъ 1859 г. рабочимъ по окончаніи полуторныхъ уроковъ предоставлялось, если они будутъ имѣть свободное время, вскрывать турфъ „*собственно старательскими работами*“; по словамъ Севастьянова, такія работы допускались

¹⁾ Напримѣръ, находившіеся при добычѣ, промывкѣ, перевозкѣ песковъ, эфелей и галекъ получали по 4 р. 80 к. за выработанную куб. саж. песковъ; находившіеся на вскрышѣ турфа получали при ручной откаткѣ на 20 саж. по 3 руб., при большомъ разстояніи по 3 р. 75 к., а при откаткѣ на компанейскихъ лошадяхъ по 2 р. 25 к. за каждую куб. саж. (тутъ мы опять видимъ пониженіе платы за трудъ, такъ какъ прежде за вскрышу куб. саж. турфа на хозяйскихъ лошадяхъ обыкновенно платили около 3 р.). Чернорабочіе при частной праздничной работѣ получали по 1 руб. сер. въ день.

только въ будничные дни при вскрышкѣ турфа съ платою съ кубической сажени отъ 3 до 6 р., по словамъ же Таскина, при хозяйской лошади—3 р., а на тачкахъ—4 р. ¹⁾ Насколько напрягались вообще силы приисковыхъ рабочихъ, видно изъ словъ Кривошапкина, что имъ приходилось спать не болѣе 5 часовъ въ сутки ²⁾.

Общій выводъ Севастьянова относительно платы рабочимъ на промыслахъ Енисейскаго округа таковъ: „Вообще рабочіе,—говоритъ онъ,—находящіеся на добычѣ, свалкѣ, промывкѣ песковъ, получаютъ платы контрактной, старательской (очевидно, въ среднемъ) до 70 к. въ день, а на турфахъ и возчики—до 60 к., прочіе же чернорабочіе до 40 к. въ день“ ³⁾.

Относительно промысловъ Олекминскаго округа упомянемъ, что въ 1858 году на Вознесенскомъ приискѣ Трапезникова за вольно-старательскія работы по вскрышѣ турфовъ платили 6 руб. съ куб. саж. (ручнымъ откатомъ?); на золотѣ старанія не производилось, но за каждую таратайку песковъ, вывезенную на промывку сверхъ урока, платили находившимся при промывкѣ рабочимъ по 15 коп. сер. На двухъ приискахъ Прибрежноленской компаніи за старательскую вскрышу турфовъ платили 3 руб. за куб. саж.

1 мая 1857 г. Управление компаніи Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева заключило со старостами и выборными отъ команды рабочихъ, находившихся на золотыхъ промыслахъ этого товарищества, условіе, по которому до открытія промывки песковъ въ воскресные и праздничные дни каждый находившійся въ работѣ человекъ долженъ былъ получать по 50 к. с. въ день. Со времени открытія промывки, сверхъ опредѣленной урочной работы (1 саж. на двухъ человекъ какъ турфа, такъ и песковъ), рабочіе *обязывались* „двумя человекѣми при одной лошади добывать песковъ и подвозить на машину, а турфа вскрывать и отвозить въ отвалы по $\frac{1}{4}$ куб. саж.“, а если возможно, и болѣе, за что каждый, находившійся при этой работѣ, долженъ былъ получать по 25 к. с. въ день, кромѣ обыкновенной мѣсячной платы ⁴⁾. Въ воскресные и праздничные дни рабочіе обязались выполнять обычные уроки, за что каждый изъ нихъ долженъ былъ получать по 1 р. 50 к.; такую же плату должны были получать плотники, кузнецы и т. п. Если кто изъ рабочихъ по выполненіи урочной и старательской работы изъявить желаніе, „составя между собою небольшія артели, промывать пески

¹⁾ „Горный Журналъ“ 1861 г., № 3, стр. 377.

²⁾ „Сѣверная Почта“ 1862 г., № 84.

³⁾ „Горный Журналъ“ 1862 г., № 3, стр. 561—566.

⁴⁾ Въ дѣйствительности рабочіе вывозили на двухъ приискахъ этой компаніи по 12 таратаекъ сверхъ урока и получали за это по 30 к. въ день.

или вскрывать турфъ", то управляющій не долженъ былъ имъ въ томъ отказывать, причемъ рабочіе должны были получать за это по 60 к. за золотникъ, а за куб. саж. торфа только по 2 р.

Въ слѣдующемъ 1858 г. управленіе промысловъ Ленскаго товарищества Баснина и Катышевцева сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ договорѣ съ рабочими, а именно: за добавочную дневную выработку (въ $\frac{1}{4}$ и болѣе сажени) обязалось платить не по 25, а по 20 к. въ день каждому рабочему и, притомъ, прибавлена еще слѣдующая оговорка: „за выработку же турфа и добычу песковъ менѣе $1\frac{1}{4}$ саж. (т.-е. если вмѣсто $1\frac{1}{4}$ саж. мы выработаемъ только $1\frac{1}{8}$ часть сажени) добавочная плата должна уменьшиться на половину,—вмѣсто 20 к. получать намъ только 10 к. на каждого, а за выработку только одной сажени добавочной платы намъ не производить, а получать одну мѣсячную; а разночинцамъ при постоянныхъ работахъ и мастеровымъ по 15 к. каждый день, кромѣ мѣсячной же платы“ ¹⁾. Однако, рабочіе на эти условія не согласились, а пожелали получать ту плату за старательскія работы, которая производилась въ 1857 г.

Какъ мы упоминали уже, въ Олекминскомъ округѣ договоры о старательскихъ и другихъ работахъ посылались на утвержденіе горнаго исправника, и исправникъ Измайловъ не утвердилъ условій, предложенныхъ управленіемъ Ленскаго товарищества на 1858 г., находя ихъ отяготительными для рабочихъ, и предложилъ оставить прошлагоднія условія. Въ отвѣтъ на его предписаніе управляющій промыслами товарищества, Рухловъ, прислалъ слѣдующее объясненіе: „По случаю удобной и легкой работы какъ добычи песковъ, такъ и вскрыши турфа на приискахъ моихъ довѣрителей, я имѣлъ въ виду не уменьшеніе заработка у рабочихъ людей, а увеличеніе такового, но только на другихъ условіяхъ, *соблюдая при этомъ пользу моихъ довѣрителей*. Уменьшая какъ будничную, такъ и праздничную плату рабочимъ людямъ въ настоящей операциі“ (но не уменьшая количества работы), Рухловъ „предложилъ имъ, сверхъ уроковъ, обозначенныхъ въ условіи, *еще вырабатывать $\frac{1}{7}$ часть*“ урока (слѣдовательно, или количество рабочихъ часовъ должно было увеличиться, или работа должна была сдѣлаться интенсивнѣе), за что имъ слѣдовало „получать уже съ причитающагося на эту часть количества золота по 60 к. с. за золотникъ“ ²⁾. На это, — продолжаетъ

¹⁾ Вмѣсто платы за воскресные и праздничные дни по 1 р. 50 к., какъ было назначено по договору 1857 г., въ договорѣ слѣдующаго года опредѣлено было платить находящимся при горныхъ работахъ и мастеровымъ по 1 р. с., а разночинцамъ при постоянныхъ работахъ—нарядчикамъ, конюхамъ, хлѣбопекамъ, кашеварамъ, поварамъ, прислугѣ и пр.—по 70 к. каждому, находившемуся въ работѣ, челоѣку.

²⁾ Изъ статьи К—ва въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1854 г.) видно, что на нѣкоторыхъ промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы существовалъ

Рухловъ, — рабочіе люди, находящіеся на Благодатно-Преображенскомъ приискѣ, тотчасъ же согласились и подписали на старательскія работы условіе, а люди на Павловскомъ приискѣ, хотя и не подписались къ условію, но, увидя выгоды для нихъ заработки, отъ выработки вышеозначенной седьмой части не отказывались“.

Въ доказательство большей выгодности для рабочихъ новаго порядка работъ Рухловъ сравнилъ заработки рабочихъ на двухъ приискахъ Ленскаго товарищества въ 1857 и 1858 гг. и нашелъ, что заработокъ по новому условію будетъ больше ¹⁾. Но нужно помнить, что это возвышеніе заработка куплено значительнымъ увеличеніемъ количества труда, а безъ этого заработокъ рабочихъ съ пониженіемъ платы значительно уменьшился бы. Прибавочная ¹/₇ часть урока дала въ день каждому рабочему на первомъ приискѣ 42 к., а на второмъ 48¹/₂ к., а безъ этой прибавки заработокъ рабочаго на первомъ приискѣ уменьшился бы на 17¹/₂ к., а на второмъ на 16 коп. въ день ²⁾. Слѣдовательно, и здѣсь, въ сущности, рабочая плата была значительно понижена, а увеличеніе заработка было достигнуто лишь сильнымъ увеличеніемъ интенсивности труда.

По договорамъ рабочихъ съ золотопромышленниками первые обязывались подъ опасеніемъ отвѣтственности предъ военнымъ судомъ представлять приисковому начальству находимое во время работъ (такъ называемое *подъемное*) золото, самородки и пр. За это золото имъ опредѣлялась плата, которая назначалась по усмотрѣнію управляющаго и которая на промыслахъ Енисейскаго округа въ 50-хъ годахъ равнялась 65 к.—1 р. с., а на приискахъ Олекминскаго въ 1858 г. 60—70 к. за

подобный же рассчетъ за старательскія работы на пескахъ. По словамъ К—ва, на нѣкоторыхъ тамошнихъ промыслахъ изъ промываго въ теченіе дня золота отдѣлялась по уговору ¹/₆, ¹/₈ или ¹/₁₀ часть (смотря по богатству росыпи), за которую и отчислялась въ пользу рабочихъ, добывавшихъ и промывавшихъ песокъ, извѣстная плата за каждый золотникъ металла; рабочимъ приходилось въ этомъ случаѣ почти такое же вознагражденіе, какъ и тѣмъ, которые получали плату по количеству промывнаго песка, но этотъ послѣдній рассчетъ (т.-е. по количеству промываго песка), по мнѣнію К—ва, гораздо основательнѣе и проще, ибо не возбуждаетъ въ рабочихъ никакихъ сомнѣній, которыя обыкновенно вызываются иными способами расчета. Какъ мы только что видѣли, это и случилось на промыслахъ Ленскаго товарищества, гдѣ, не довольствуясь добавочнымъ урокомъ, управленіе промысловъ потребовало еще большаго количества работъ.

¹⁾ На Благодатно-Преображенскомъ приискѣ съ 20 мая по 1 іюля въ 1857 году каждый рабочій заработалъ въ среднемъ въ день по 61¹/₂ к., а всего 22 р. 10 к., а въ 1858 г. въ день по 86 к., а всего 30 р. 92 к., т.-е. на 8 р. 82 к. болѣе; на Павловскомъ приискѣ съ 28 мая по 1 іюля въ 1857 г. въ среднемъ было заработано въ день 57³/₄ к., а всего 17 р. 90 к., а въ 1858 г.—по 89³/₄ к., а всего 27 р. 83 к. на cadaго, т.-е. на 9 р. 92 к. болѣе.

²⁾ Арх. Олекм. Горн. Исправ. дѣло № 284.

золотникъ; но за большіе самородки выдавалась обыкновенно меньшая плата за золотникъ.

Отъ рабочихъ, нанимающихся по общему контракту на всѣ работы, современные наблюдатели отличаютъ, такъ называемыхъ, *отрядныхъ*. Въ статьѣ К—ва (1854 г.) о нихъ сказано: при вскрытіи турфовъ „допускается особый порядокъ работъ подъ названіемъ *отрядныхъ или вахмныхъ*“: артели рабочихъ, составившіяся по добровольному соглашенію изъ, такъ называемыхъ, нижегородовъ, или крестьянъ, пришедшихъ изъ Европейской Россіи и преимущественно изъ Нижегородской губерніи, снимаютъ у золотопромышленника подрядъ вскрывать турфы съ платою по 1 р.—1 р. 20 к. съ сажени на хозяйскомъ продовольствіи; имъ даютъ рабочіе инструменты и нужное число лошадей. „Два человѣка съ одною лошадыю снимаютъ въ день куб. сажень. Отрядную работу они обязаны исполнять ежедневно съ того времени, когда оттаеетъ земли; впрочемъ, и ранѣе они снимаютъ турфы, сколько позволяетъ погода и твердость мерзлаго грунта“; въ праздники они пользуются стараніемъ наравнѣ съ другими рабочими, получая отъ 3 до 4 р. съ куб. саж. Отрядная работа выгоднѣе для рабочихъ, между прочимъ, потому, что они выбираютъ въ свою артель только способныхъ и старательныхъ товарищей; лѣнтяевъ они терпѣть не станутъ. „Рабочій, не надѣющийся на свои силы или прилежаніе, не пойдетъ нпкогда въ отрядную работу.... Больныхъ между обыкновенными рабочими бываетъ всегда больше, нежели между отрядными ¹⁾, поэтому отрядные рабочіе полезнѣе для золотопромышленника и зарабатываютъ болѣе денегъ, чѣмъ рабочіе по общему контракту“.

Кривошапкинъ, собиравшій матеріалы для своей книги въ 1859 г., сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ отрядныхъ рабочихъ: нижегороды „являются иногда артелями на пріиски и предлагаютъ свои услуги въ работу цѣлою артелью, непременно, и съ круговою порукою. Они заключаютъ особые договоры всею артелью, выпрашиваютъ, правда, значительную плату..., но зато и выполняютъ неимовѣрныя работы“, требуя только значительнаго количества пищи. „Эти рабочіе артелями, заключившіе законные и разумные договоры, не дадутъ уже себя ни въ обманъ, ни въ обиду, но они, по сознанію умныхъ управляющихъ, приносятъ дѣлу несравненно больше пользы.... Бѣглецовъ между ними не бываетъ, минимобольныхъ и растрavляющихъ язвы — тоже, а за настоящихъ

¹⁾ Но, въ то же время, авторъ отмѣчаетъ готовность членовъ артели помочь дѣйствительно больному товарищу: если кто-либо изъ артели заболѣетъ, остальные безпрекословно исполняютъ за него урокъ, и больной не лишается вслѣдствіе этого заработка, а получаетъ его наравнѣ съ прочими: „Чѣмъ же онъ виноватъ?—говорятъ его товарищи,—душа хочетъ, да силу Богъ отнять“.

больныхъ или умершихъ артель или зарабатываетъ, или платитъ ту часть задатка, которая отъ него останется не заработанною". Впрочемъ, размѣръ урока, указываемый Кривошапкинымъ для отрядныхъ рабочихъ, — вскрыша 1 саж. турфа въ сутки двумя человѣками при помощи одной лошади — довольно обыченъ и для общеконтрактныхъ рабочихъ, а указываемая имъ плата за исполненіе этого урока отъ 70 к. до 1 р. ниже того, что мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ контрактахъ съ отрядными рабочими. За старательскую работу въ будни и въ праздники отрядные рабочіе получали, по словамъ Кривошапкина, по 3 р. за вскрышу куб. сажени. „Такимъ образомъ, — продолжаетъ Кривошапкинъ, — не будучи подъ гнетомъ мысли, что они обмануты, обижены, они работаютъ не какъ-нибудь, лишь бы день за днемъ коротать, а, напротивъ, со всевозможнымъ усердіемъ, вырабатываютъ всегда болѣе противу данной сажени, потому и зарабатываютъ каждодневно болѣе другихъ. Послѣ операціи, въ итогѣ пѣнность ихъ заработковъ бываетъ всегда вдвое противу прочихъ рабочихъ. Зато они уже не дозволяютъ ни поздно сгонять себя съ работы, ни рано выгонять, ни умышленно увеличивать отводимыя мѣста, ни передергивать мѣтки и пр.“¹⁾

Изъ договора съ компаніей Асташева и Боровковыхъ (южно-енисейской системы) (1853 г.) мы видимъ, что отрядные рабочіе, вскрывая турфъ лѣтомъ двумя человѣками на одной лошади куб. сажень, получали плату 1 р. 15 к., а за старательскую работу 4 р.; за недоработку урока зимою болѣе извѣстнаго количества полагался вычетъ въ размѣрѣ старательской платы. По договору съ Асташевымъ 1858 г. плата нѣсколько понижена: по 1 р. за урочную сажень и по 3 р. за старательскую съ вычетомъ за недоработку по старательскому расчету, но при мерзломъ турфѣ вычета не дѣлать. Изъ договора отрядныхъ рабочихъ съ компаніей Рязановыхъ (сѣверной части Енисейскаго округа 1851 г.) видно, что при мѣсячномъ вознагражденіи (до 1 апрѣля) они получали болѣе значительную плату, чѣмъ общеконтрактные рабочіе, а именно, отъ 6 до 10 р. въ мѣсяцъ. Эту цифру генералъ Анненковъ считалъ вообще обыкновенною мѣсячною платою для рабочихъ изъ Великороссіи на сибирскихъ промыслахъ. На промыслахъ компаніи Рязановыхъ общеконтрактные чернорабочіе получали зимою въ 1852—1853 гг. по 5 р. въ мѣсяцъ, а отрядные нижегороды въ 1852 г. по 7 р., въ 1853 г. по 12 р. Задѣльная плата общеконтрактнымъ была на промыслахъ этой компаніи также меньше, чѣмъ отряднымъ нижегородамъ: по контракту, заключенному въ мартѣ 1851 г., общеконтрактные должны были получать за вскрышу куб. саж. турфа, „какого бы свойства они ни были“, по 60 к., между тѣмъ какъ отрядные получали въ этомъ же году по 1 р. Къ концу 50-хъ го-

¹⁾ Кривошапкинъ. „Енисейскій округъ и его жизнь“, стр. 174.

довъ на Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязанова, Горохова и Мошарова мы замѣчаемъ пониженіе платы отряднымъ рабочимъ: по договору 1859 г. съ артелью въ 10 человѣкъ рабочихъ при томъ же урокѣ на вскрышу торфа (куб. саж. на двухъ человѣкъ съ хозяйскою лошадыю) полагалась плата въ будни по 80 к., въ праздничные дни и за старательскую работу въ будни по 1 р. 80 к. съ куб. саж., между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ плата равнялась 1 р.—1 р. 15 к. въ будни и 3 р. 50 к.—4 р. въ праздники за ту же работу. Отрядные рабочіе всегда получали, какъ и общеконтрактные, годовое содержаніе отъ хозяина.

Отрядными работами производилась не только вскрыша турфа, а также рубка и распилка лѣса, приготовленіе смолы, угля, кирпича, кошеніе сѣна и т. п.; всѣ эти работы назывались иначе „подрядными“.

Въ первый періодъ сибирской золотопромышленности пріисковыми рабочимъ нерѣдко приходилось жить на промыслахъ не только въ курныхъ избушкахъ безъ пола, но и просто въ землянкахъ, но постепенно жилища ихъ улучшались. По словамъ К—ва, для жилья рабочихъ строились „улицею избы, почти квадратныя, имѣющія въ длину и ширину отъ 9 до 10 аршинъ. Въ каждой избѣ есть русская печь и нары и въ каждой помѣщается отъ 10 до 15 рабочихъ“. По словамъ Разгильдѣева (1853 г.), для помѣщенія рабочихъ на промыслахъ южно-енисейской системы „устроены казармы, но они большею частью, особенно семейные, живутъ въ избушкахъ или землянкахъ“. Для нерасположенія рабочихъ къ казарменнымъ помѣщеніямъ могли быть серьезныя причины. Рассказываютъ, что при возникновеніи золотопромышленности въ сѣверно-енисейской тайгѣ каждый домикъ рабочаго представлялъ промывальню, куда тайно приносились пески и гдѣ извлекалось изъ нихъ золото; такимъ образомъ, помѣщаясь въ отдѣльныхъ избушкахъ, рабочіе могло легче, посредствомъ хищенія золота, дополнять свои небольшіе заработки ¹⁾. Но вотъ, по словамъ Кривошапкина, съ 1852 г. стараніемъ горнаго исправника сѣверной системы Сорокина стали устраивать, вмѣсто избушекъ, постоянныя большія казармы. Въ санитарномъ отношеніи онѣ были лучше избушекъ своею обширностью, но устройство ихъ было незавидно: сберегая лѣтнее время для работъ, казармы строили зимой либо весной на мерзлой землѣ, а такъ какъ полъ въ нихъ сглади только на серединѣ, а у стѣнъ подъ нарами его не было, то въ теплое время земля оттаивала и испаренія наполняли казармы. Кромѣ того, несмотря на обширность казармы, воздухъ портился и отъ значительнаго количества помѣщавшихся въ ней рабочихъ: нары дѣлались въ два ряда и

¹⁾ Ячевскій. Очеркъ современнаго состоянія енисейской золотопромышленности. „Горный Жур.“ 1892 г. № 8—9, отд. от., стр. 27.

жило въ ней до 200 человѣкъ. „Какъ бы то ни было, между казармами и прежними избышками большая разница, и заведеніе ихъ нельзя не считать въ числѣ обстоятельствъ, ослабившихъ развитіе цынги и другихъ болѣзней. Впрочемъ, на южной системѣ,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—мнѣ пришлось видѣть оба устройства, но.., въ лучшемъ видѣ: тамъ есть мелкія избышки, но и съ поломъ, и съ хорошою русскою печью; тамъ и казармы не такъ громадны, съ однимъ только рядомъ наръ, да съ поломъ и подъ ними“¹⁾).

Сверхъ задѣльной платы или мѣсячнаго жалованья, рабочіе получали также хозяйскую пищу. На промыслахъ южно-енисейской системы, по свидѣтельству Разгильдѣева (1853 г.), на содержаніе рабочаго полагалось въ мѣсяцъ говядины отъ 30 до 37½ ф., крупы 7½ ф., соли 3½ ф. Сверхъ этого, выдавалась въ праздничные дни для каши ячневая или гречневая крупа и нужное для нея количество сала или масла. Хлѣбъ отпускался рабочимъ безъ вѣсу, но вообще полагалось на одного человѣка до 2½ пуд. муки: этого хватало и на квасъ, и на продовольствіе семействъ рабочихъ, питавшихся этимъ же хлѣбомъ, и, кромѣ того, ежедневно подбирали на разрѣзахъ куски хлѣба, которые отдавали въ кормъ лошадямъ. Южно-енисейскій горный исправникъ указываетъ (въ 1858 г.) почти такое же количество припасовъ, выдаваемыхъ одному рабочему: говядины 30 ф., муки 2 пуда, сала или масла ¾ ф., не считая крупы и соли. Иногда на нѣкоторыхъ прискахъ мастеровые и рабочіе, находившіеся при вспомогательныхъ работахъ, получали въ полтора раза большее количество припасовъ сравнительно съ простыми рабочими, но зато на другихъ рабочихъ выдавалось вообще меньшее количество говядины²⁾.

¹⁾ „Енис. окр.“, стр. 177. Въ договорахъ съ рабочими 50-хъ годовъ обыкновенно сказано, что постройку избышекъ, балагановъ или казармъ, бань и пр. рабочіе должны производить въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время (иногда для этого опредѣлялось 3 дня), и по прошествіи лѣта помещенія эти должны были принадлежать хозяину промысла.

²⁾ Арх. Иркут. Гор. Управл. кн. 1491, № 17/50, л. 7. По общимъ контрактамъ съ Асташевымъ 1850, 1853 и 1857 гг., рабочіе должны были получать печенаго ржаного хлѣба по 4 ф. въ день, затѣмъ „въ скоромные дни, а именно по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ“ (понедѣльникъ почему-то оказался постнымъ днемъ) мяса „свѣжаго или соленая не болѣе 1 ф.“ (т.-е. меньше, чѣмъ въ подобномъ же договорѣ съ Асташевымъ 1842 г., гдѣ было назначено въ эти дни по 1¼ ф.) „и крупы по ¼ ф. на каждого человѣка, а въ прочіе дни и въ посты довольствоваться кашею, приправленною коноплянымъ масломъ, а гдѣ не будетъ возможности имѣть этихъ припасовъ, получать на продовольствіе наше сушеной говядины или крупы по ¾ ф. и сухарей по 2¼ ф. въ день на каждого человѣка. По договору съ Асташевымъ, печеный хлѣбъ выдавался въ неограниченномъ количествѣ, но если кто будетъ его растрачивать, тотъ долженъ былъ подвергаться штрафу по 1 р. 50 к. с. и, сверхъ

Такой же размѣръ пайка для пріисковыхъ рабочихъ существовалъ и въ сѣверной части Енисейскаго округа, гдѣ въ 1858 г. отпускалось каждому изъ нихъ въ мѣсяцъ ржаной муки 2 п. 20 ф., ячной крупы—7¹/₂ ф., соли—3 ф., сала—¹/₂—1 ф., мяса—30 ф., ремесленникамъ же и забойщикамъ въ трудныхъ работахъ 37¹/₂ ф. Сверхъ того, ежедневно давали на всю команду рабочихъ на счетъ компаніи кирпичный чай и два раза въ недѣлю кислую капусту. Последнее очень важно, такъ какъ это вносило нѣкоторое разнообразіе въ прѣсную и постоянно одинаковую пищу рабочихъ ¹).

Кривошапкинъ, вообще рисующій въ своемъ трудѣ весьма мрачную картину быта пріисковыхъ рабочихъ, одобрительно отзываясь объ ихъ пропитаніи: „обидѣтъ рабочихъ пищею,—говоритъ онъ,—не въ модѣ, не принято“. На нѣкоторыхъ пріискахъ, какъ это было достоверно извѣстно Кривошапкину, давали рабочимъ чай, хотя пріисковое управленіе не было обязано къ тому договорами. Два раза въ сутки (въ 7 час. утра и въ 4 ч. пополудни) варили въ котлѣ чай, копечно, кирпичный или, по сибирскому названію, карымскій, полагая на человѣка по 1¹/₂ зол. „Прежде чай рабочіе готовили свой, не получая для него отъ хозяевъ по положенію хлѣба, почему и таскали отъ обѣда и ужина по цѣлой ковригѣ, прятали, портили и на половину бросали не съѣвши. Теперь же компаніи, приготовляющія свой чай, даютъ по ¹/₄ ковриги хлѣба на человѣка за каждый изъ четырехъ „присѣстовъ“ (чай, обѣдъ, чай и ужинъ); рабочій чувствуетъ себя довольнымъ, сытымъ и не имѣетъ ни малѣйшей надобности таскать, попрежнему, хлѣбъ. Впрочемъ,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—говоря откровенно, на такую милость... для рабочихъ компанія подвинута собственнымъ разсчетомъ: хлѣбъ съ 1857 г. страшно вздорожалъ ²), а чай остался въ той же цѣнѣ, и потому для компаніи гораздо выгоднѣе удѣлять рабочимъ по 3 зол. чая на человѣка, чѣмъ терять много хлѣба“ ³). Таскинъ, посѣтившій промыслы Енисейскаго округа въ

того, „наказанію, какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности“. Отрядные рабочіе выговаривали себѣ большее количество мяса: по договору съ Асташевымъ 1853 года, они должны были получать говядины свѣжей или соленой по 1¹/₂ ф. въ день.

¹) По общему контракту съ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова 1851 г., въ постные дни полагалось по ¹/₄ ф. крупы на человѣка и постное масло, „сколько будетъ выдано“. Въ поисковыхъ партіяхъ выдавалось сушеной говядины или крупы по ³/₄ ф. въ день и сухарей по 2¹/₄ ф. на человѣка. Отрядные, по договору 1854 г., выговаривали себѣ по 1¹/₂ ф. говядины, но безъ сала.

²) Въ началѣ 50-хъ годовъ (1850—58) среднія цѣны четверти ржи въ енисейской губ. равнялись 1 р. 92 к.—2 р. 18 к., а въ операцію 1858—59 гг. пудъ ржаной муки покупался на промысла южной системы по 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. *Егужовъ*. „О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи“, табл. VII, *Кривошапкины*. „Енис. окр.“, стр. 189.

³) „Енис. окр.“, стр. 188—190.

1859 г., опредѣляетъ въ гораздо меньшемъ размѣрѣ ежедневную выдачу чая, а именно по $\frac{1}{4}$ зол. въ день на человѣка или 40—50 к. въ мѣсяцъ. Говядина, по его словамъ, давалась все время соленая, исключая августъ мѣсяцъ, когда на пріиски пригоняютъ скотъ для убоя и заготовленія мяса. На пріискахъ К^о Зотовыхъ (гдѣ былъ введенъ американскій способъ промывки песковъ) лѣтомъ 1859 года давали рабочимъ около 2 ф. говядины въ день и замѣтили, что при этомъ они никогда не съѣдали положеннаго количества хлѣба и были весьма довольны. Чай на пріискахъ этой компаніи варили для сбереженія времени тутъ же въ разрѣзѣ¹⁾. По словамъ Севастьянова, содержаніе рабочаго на енисейскихъ пріискахъ стоило въ 1859 г. отъ 20 до 50 к. въ день. Такая значительная разниа въ стоимости содержанія рабочаго зависѣла отъ разности разстоянія пріисковъ отъ мѣста доставки припасовъ и неодновременнаго ихъ заготовленія²⁾.

На разныхъ промыслахъ Олекминскаго округа въ операцію 1857—58 г. выдавалось слѣдующее мѣсячное продовольствіе: ржаной муки чернорабочимъ и разночинцамъ 2 пуд. 10 фун., крупы ячмой или гречневой чернорабочимъ— $7\frac{1}{2}$ — $8\frac{1}{2}$ ф., разночинцамъ до 10 ф., мяса, соленого или свѣжаго, чернорабочимъ—30 ф., разночинцамъ—30 ф.—1 п. 5 ф., скоромнаго масла или сала чернорабочимъ— $\frac{1}{2}$ —1 ф., разночинцамъ— $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ ф., соли $2\frac{1}{2}$ до 5 ф., чаю кирпичнаго конюхамъ на нѣкоторыхъ промыслахъ по $\frac{1}{2}$ ф.³⁾

Въ общемъ сравнительно съ 40-ми годами, въ пищѣ пріисковыхъ рабочихъ замѣтно нѣкоторое улучшеніе; между тѣмъ какъ въ 40-хъ годахъ, при ежедневной выдачѣ мяса, давали его въ день не болѣе фунта, въ 50-хъ годахъ мѣстами начинаютъ давать по $1\frac{1}{4}$ ф. (отряднымъ и до $1\frac{1}{2}$ ф.), въ контрактахъ кое-гдѣ появляются уже условія о выдачѣ сала или масла, которыхъ вовсе нѣтъ въ договорахъ 40-хъ годовъ, а также постепенно, хотя и далеко не вездѣ, начинается входить въ употребленіе кирпичный чай. Попрежнему, пища пріисковыхъ рабочихъ отличалась крайнимъ однообразіемъ, но и тутъ мѣстами была сдѣлана попытка введенія въ паекъ рабочихъ кислой капусты.

Нѣсколько чаще, чѣмъ въ 40-хъ годахъ, упоминается и о выдачѣ рабочимъ на пріискахъ вина, необходимаго при тяжелыхъ условіяхъ промысловыхъ работъ и при привычѣ къ нему рабочихъ. Правда, Гаге-

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1861 г., № 3, стр. 376.

²⁾ „Горный Журн.“ 1862 г. № 3 стр. 567. За пищу и чистотой въ казармахъ наблюдалъ выбранный рабочими староста; онъ же служилъ посредникомъ между управляющимъ и рабочими при старательскихъ работахъ и при сдачѣ золота.

³⁾ На промыслахъ Соловьева въ операцію 1856—57 г. давали еще гороху чернорабочимъ 1 пудъ 20 ф., разночинцамъ—2 п. 10 ф.

мейстеръ едва-ли справедливо утверждаетъ, что рабочимъ „большою частью“ отпускается „винная порція болѣе или менѣе, значительная“, но тѣмъ не менѣе упоминанія о выдачѣ вина, все-таки, встрѣчаются. Разгильдѣвъ въ своемъ отчетѣ о положеніи рабочихъ въ южно-енисейской системѣ говоритъ, что „въ торжественные дни, раза 4 въ годъ, дается рабочимъ порція, т.-е. чарка хлѣбнаго вина. Въ общемъ контрактъ 1854 г. съ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова, вслѣдъ за опредѣленіемъ размѣра продовольствія рабочихъ, сказано: „кромѣ того, компанія въ награду нашего усердія въ теченіе лѣта обѣщаетъ намъ отпустить нѣсколько винныхъ порцій въ дни праздничные“. Это, конечно, очень неопредѣленно, но все-таки, мы видимъ, что рабочіе начинаютъ уже предъявлять требованія о выдачѣ имъ вина отъ хозяевъ. Дѣйствительно, потребность въ винѣ настолько настоятельна при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ производится работа на золотыхъ промыслахъ, что въ одномъ контрактѣ мы встрѣтили даже обязательство выдавать рабочимъ опредѣленное количество вина, но на ихъ собственный счетъ: „сверхъ опредѣленнаго намъ продовольствія,—сказано въ общемъ контрактѣ К^о Голубкова, Бенардаки и наслѣдницъ Кузнецовыхъ (сѣверно-енисейской системы),—мы, въ видахъ предупрежденія въ насъ цинготной и ревматической болѣзни и для поддержанія нашихъ силъ, просимъ управленіе компаніи, если оно сочтетъ нужнымъ и получить разрѣшеніе начальства, имѣть на пріискахъ на счетъ нашъ по три четверти ведра вина на человѣка съ тѣмъ, чтобы К^о, вычтя съ каждаго изъ насъ изъ заработка по 3 р. 75 к. и раздѣля означенное количество вина на 50 порцій (считая по полторы сотыхъ ведра), выдавало оныя по два раза въ будніе дни недѣли, кромѣ той, какая по усмотрѣнію К^о, можетъ быть отпущена намъ собственно на счетъ пріиска, также въ награду нашего усердія въ праздничные и табельные дни. (Напомнимъ, что Бенардаки былъ виннымъ откупщикомъ и потому ему было выгодно отпускать рабочимъ вино *на ихъ счетъ*). Такимъ образомъ, утвержденіе г. Саввинныхъ, что водка будто бы вовсе не употреблялась въ это время на пріискахъ, несправедливо. „Изъ отчетныхъ документовъ одной богатой компаніи 40-хъ и 50-годовъ,—говоритъ этотъ авторъ,—видно, что спирта или водки совсѣмъ не было на пріискахъ въ употребленіи“ ¹⁾. Компанія эта Удерейская (Бенардаки и Рязановыхъ), и документами ея пользовался для составленія своей статьи г. Саввинныхъ. Но вотъ что мы читаемъ въ неизданномъ отчетѣ этой Удереиской К^о за 1849—1856 гг., который мы получили изъ архива пріиска, арендуемаго г. Саввинныхъ съ его любезнаго разрѣшенія: „За семь указанныхъ лѣтъ на промыслахъ этой компаніи было куплено и употреблено на порціи—хлѣбнаго вина 267 ведеръ (по 6 р. 22 к. за

¹⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 66.

ведро) и хлѣбнаго спирта 198 ведеръ (по 13 р. 3 к.) ¹⁾. Скарятинъ, хорошо знавшій приiski Енисейскаго округа (въ концѣ 50-хъ годовъ), говоритъ, что рабочему „дають иногда стаканъ вина“ ²⁾. Въ росписаніи 1856 г. о выдачѣ припасовъ рабочимъ на двухъ приискахъ Соловьева Олекминскаго округа также предписывается отпускать рабочимъ каждое воскресенье по одной сотой ведра вина ³⁾. Наконецъ о раздачѣ винныхъ порцій на приискахъ говорится уже въ одномъ циркулярѣ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа какъ объ обычномъ явленіи. Когда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, обративъ вниманіе на усиленное пьянство среди приисковыхъ рабочихъ, предложилъ енисейскому губернатору принять мѣры противъ этого зла, южно-енисейскій горный исправникъ въ сдѣланномъ имъ по этому поводу циркулярномъ распоряженіи (1859 г.), между прочимъ, писалъ: „Во всякое время, когда бываетъ выдача рабочимъ порцій вина, полезно объявить имъ, что взаимнѣе порцій, кто отъ нея откажется изъ добрыхъ побужденій не употреблять вина, записываема будетъ въ расчетные листы равносильная денежная награда. Отъ исполненія сего, конечно, не откажутся гг. управляющіе“ ⁴⁾. Рабочимъ удавалось приобретать вино на промыслахъ и тайкомъ. „На сѣверныхъ промыслахъ,—писалъ енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ въ 1859 г.,—въ нынѣшнемъ году въ особенности замѣтенъ былъ тайный провозъ спирта и недовольная продажа его рабочимъ какъ на промыслахъ, такъ и по дорогамъ по выходѣ рабочихъ. Спиртъ тайно продается на промыслахъ рублей 5 за бутылку“ ⁵⁾. (Питейные дома по закону могли быть не ближе 50 верстъ отъ приисковъ).

Какъ и въ сороковыхъ годахъ, рабочіе обыкновенно могли приводить на приiski женъ и дѣтей лишь съ разрѣшенія приисковаго управленія; такъ было и въ первый періодъ сибирской золотопромышленности. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1855 г.) къ этому условію контракта прибавлено: „если же кто и будетъ женъ и дѣтей имѣть съ позволенія хозяина“, никто на нихъ „содержанія требовать не долженъ, кромѣ одного хлѣба“. Тутъ, очевидно, хлѣбъ семействамъ рабочихъ выдавался бесплатно, но по договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Онуфровичемъ (1854 г.) рабочіе, если они привели съ собою семейство и по особому разрѣшенію, должны были продовольствовать его на свой счетъ, причемъ за прокормленіе однимъ

¹⁾ Для провоза вина на приiski губернаторомъ выдавались особые свидѣтельства.

²⁾ „Замѣтки золотопромышленника“ ч. II, 218.

³⁾ Арх. Горн. Испр. Олекм. окр. дѣло 1857 г. № 229, л. 207 об.

⁴⁾ Арх. Дополн. участка къ Прокоп. пр. Асташева.

⁵⁾ Арх. Иркутск. Гор. Управ., кн. 1356, № 36/131, л. 142 об.

хлѣбомъ каждого члена семьи старше 13 лѣтъ вѣзилось по 1 руб. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ же привода семьи безъ разрѣшенія присковаго управленія, на нѣкоторыхъ прискахъ была положена весьма значительная плата за ихъ содержаніе. Такъ, въ договорѣ съ Асташевымъ (1859 г.) постановлено, что если кто изъ рабочихъ явится на прискъ съ женою и дѣтьми безъ разрѣшенія довѣреннаго золотопромышленника, то присковое управленіе можетъ вычитать за содержаніе жены и дѣтей по 5 руб. въ мѣсяцъ за каждого или же тотчасъ отправлять обратно съ присковъ. Въ случаѣ привода семьи съ разрѣшенія присковыхъ властей, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, на промыслахъ южно-енисейскаго округа платы за хлѣбъ для нея не вѣзилось, такъ какъ Разгильдѣевъ въ своемъ донесеніи (1853 г.) объ этомъ округѣ, упоминая, что на каждого рабочаго полагалось тамъ по $2\frac{1}{2}$ пуда муки, говорить, что „сѣмѣйства рабочихъ (которыхъ по числу душъ онъ считаетъ до $\frac{1}{6}$ части своего рабочаго населенія) питаются этимъ же хлѣбомъ“. На промыслахъ К^о Рязанова, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы), по договору 1854 г., семьи рабочихъ вовсе не допускались безъ разрѣшенія управляющаго; въ договорѣ же 1856 г. прибавлено, что въ случаѣ дозволенія привести на приски женъ, онѣ должны заниматься какою-либо работою: приготовленіемъ пищи, чисткою бѣлья, мытьемъ половъ и проч., а въ противномъ случаѣ рабочіе обязывались за отпускаемый ихъ женамъ хлѣбъ платитъ компаніи по 3 руб. въ мѣсяцъ.

Одежду, обувь и все для нихъ необходимое, за исключеніемъ предметовъ роскоши, присковые рабочіе могли получать изъ хозяйскихъ амбаровъ за установленную цѣну въ счетъ заработка. Какъ заработокъ, такъ и заборъ записывались въ концѣ каждого мѣсяца въ выданные рабочимъ расчетные листы. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ, какъ и въ 40-хъ годахъ, встрѣчается обязательство полученныя въ счетъ мѣсячной платы вещи ни въ какомъ случаѣ не передавать „въ свои селенія или въ другія мѣста“ подъ опасеніемъ наказанія (договоръ съ Онуфровичемъ 1854 г.), а въ контрактѣ съ К^о Рязанова и Мошарова 1854 г. (сѣверно-енисейской системы) воспрещалось передавать вещи одинъ другому подъ опасеніемъ законнаго взысканія. Въ договорѣ съ томскимъ золотопромышленникомъ Коноваловымъ (1855 г.) сказано, что одежда и обувь должны отпускаться рабочимъ по цѣнамъ, назначеннымъ хозяиномъ или управляющимъ, причемъ умалчивалось, что въ Западной Сибири золотопромышленникамъ не дозволялось назначать цѣнъ по своему усмотрѣнію, а они должны были руководствоваться утвержденною администраціею таксой. По договору съ К^о Рязанова и Мошарова (1854 г.), вещи должно было отпускать „по цѣнамъ, стоящимъ компаніи“, по контракту съ нею же 1856 г. „по цѣнамъ, стоящимъ компаніи, съ наложеніемъ процентовъ на задолженный капиталъ“; въ договорахъ съ Аста-

пшвымъ (1850, 1853 и 1857 гг.) по тѣмъ цѣнамъ, „какія будутъ объявлены по таксѣ“, причемъ оговорено, что „предметовъ, къ роскоши относящихся и званію рабочихъ неприличныхъ, отнюдь требовать они не должны“ (въ числѣ же вещей, приличныхъ для нихъ, названы бродни, чарки, армяки, рукавицы и т. п.); по договору съ Асташевымъ 1856 г. определено выдавать вещи „по стоящимъ въ Красноярскѣ цѣнамъ, съ наложеніемъ всѣхъ путевыхъ расходовъ“. Напротивъ, по контракту съ томскимъ золотопромышленникомъ Онуфровичемъ (1854 г.), вещи отпускались „по цѣнамъ, *утвержденнымъ правительствомъ*, съ наложеніемъ всѣхъ путевыхъ и прочихъ хозяйскихъ расходовъ“ (какъ будто дозволялась такая надбавка сверхъ таксы). Мы видимъ, во всякомъ случаѣ, что на промыслахъ Томской губерніи таксы утверждались администраціею, а на енисейскихъ промыслахъ составлялись приисковымъ управленіемъ и объявлялись рабочимъ, но утвержденію не подлежали. Однако, въ 1857 г. высшая администрація Восточной Сибири поставила тамошнимъ горнымъ исправникамъ въ обязанность наблюдать, чтобы цѣны на припасовъ и вещей, отпускаемыхъ рабочимъ, не были обременительны.

Къ запретнымъ на приискахъ предметамъ роскоши въ сороковыхъ годахъ относились чай и сахаръ, но въ пятидесятыхъ годахъ они стали дѣлаться все болѣе настоятельною потребностью рабочихъ, что и понятно въ виду возбуждающаго дѣйствія чая, и, наконецъ, нѣкоторыя компаніи стали отпускать рабочимъ на свой счетъ кирпичный чай. Это отразилось и на ослабленіи надзора за ввозомъ этихъ предметовъ, для котораго требовалась выдача разрѣзительныхъ „ярлыковъ“ горнымъ исправникамъ ¹⁾.

Въ сороковыхъ годахъ, какъ видно изъ расчетныхъ книгъ, таксъ на енисейскихъ промыслахъ еще не существовало, между тѣмъ какъ на томскихъ мы находимъ ихъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, въ пятидесятыхъ же годахъ мы встрѣчаемъ уже таксы и на промыслахъ Восточной Сибири. Относительно приисковъ Томскаго округа мы имѣемъ печатный указъ томскаго губернскаго правленія (въ октябрѣ 1852 г.), изъ котораго видно слѣдующее. Губернское правленіе сдѣлало въ августѣ мѣсяцѣ представленіе губернатору, что „хотя цѣны на нѣкоторыя вещи“, выдаваемые приисковымъ рабочимъ, „въ настоящемъ году и выше утвержденныхъ въ прошломъ 1851 году, но онѣ не превышаютъ среднесправочныхъ цѣнъ, утвержденныхъ городскою думой“, и потому губернаторъ утвердилъ доставленную ему губернскимъ правленіемъ таксу, съ тѣмъ,

1) Въ 1857 г. исправникъ сѣверо-енисейской системы сдѣлалъ циркулярное распоряженіе по кордонамъ всѣхъ приисковыхъ дорогъ, чтобы казаки пропускали слѣдующіе на прииски вещи и припасы (исключая спиртъ) по предъявленіи транспортныхъ фактуръ, не домогаясь ярлыковъ.

чтобы, по отпечатаніи ея въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ, она была отправлена къ томскому горному исправнику и прибита на всѣхъ приискахъ, вѣдѣнію исправнику въ обязанность, чтобы вещи отпускались рабочимъ хорошаго качества отнюдь не дороже утвержденныхъ цѣнъ ¹⁾. Изученіе расчетныхъ книгъ промысловъ Енисейскаго округа подтверждаетъ, что тамъ въ это время несомнѣнно были уже росписанія цѣнъ, установленныя присковымъ управленіемъ на всю операцію, но только въ Томскомъ округѣ была одна такса, обязательная для всѣхъ промысловъ, а въ Енисейскомъ были особыя цѣны на каждомъ приискѣ. Потребности присковыхъ рабочихъ, очевидно, возросли, такъ какъ заборъ нѣкоторыхъ предметовъ, рѣдкихъ въ сороковыхъ годахъ, сталъ явленіемъ гораздо болѣе обычнымъ, по крайней мѣрѣ въ южно-енисейской системѣ; масло и пшеничная мука стали продаваться на большемъ числѣ промысловъ; явился запросъ на такія вещи, какъ, на примѣръ, кожанныя шаровары. Напротивъ, въ сѣверно-енисейской системѣ, на Гавриловскомъ и Никольскомъ приискахъ К^о Рязановыхъ въ 1851 г. продавалось въ присковыхъ лавкахъ еще весьма ограниченное количество товаровъ. Сравнивая цѣны на различныхъ промыслахъ Енисейскаго округа, мы видимъ, что всего выше онѣ были на приискахъ Удереиской К^о (южно-енисейской системы), причемъ разница съ другими промыслами была иной разъ весьма значительна ²⁾. Сахаръ и чай продавались открыто какъ въ Енисейскомъ округѣ, такъ и на олекминскихъ промыслахъ.

„Чтобы вынести какую нибудь-копѣйку съ мучительныхъ работъ,—говоритъ Кривошапкинъ,—а не все отдавать компаніи“, рабочіе старались брать въ присковыхъ лавкахъ какъ можно менѣе одежды и обуви ³⁾. Поэтому они носили по нѣскольку недѣль одну и ту же рубашку, которая успѣвала такъ загрязниться, что уподоблялась плотной, непромываемой матеріи. Нѣкоторые изъ управляющихъ присками пускались на такую спекуляцію: ввозъ предметовъ роскоши на приски былъ запрещенъ, а отпускать холстъ на бѣлье имъ казалось невыгоднымъ; поэтому они скупали для рабочихъ гнилой ситецъ, рубашки изъ котораго скоро распадались, такъ что приходилось вновь покупать его ⁴⁾.

Въ маѣ 1857 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ разослалъ горнымъ исправникамъ циркуляры, въ которыхъ, указывая на свою заботливость о положеніи рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыс-

¹⁾ См. *Дополненіе VII* (въ концѣ этого тома).

²⁾ Коровье масло, одинъ изъ самыхъ необходимыхъ припасовъ, стоило на Казанскомъ приискѣ Асташева 15 к. ф., а въ Удереиской К^о—25 к.

³⁾ „Нижегородъ“ обыкновенно изъ дому запасались одеждою, или, какъ ее называютъ въ Сибири, „лопатыю“.

⁴⁾ „Енис. округъ“, 186—187.

лахъ, обращалъ вниманіе исправниковъ на то, что „нѣкоторыя товарныя вещи отпускаются рабочимъ за слишкомъ высокую цѣну и, притомъ, нерѣдко одна и та же вещь на всѣхъ пріискахъ въ разной цѣнѣ и на одномъ изъ нихъ гораздо дороже, чѣмъ на другихъ“. Не менѣе значительна разниа и въ цѣнахъ припасовъ. „Вообще же рѣдко замѣтно, чтобы одинъ и тотъ же товаръ былъ одинаковой стоимости, хотя и не на всѣхъ пріискахъ, но, по крайней мѣрѣ, на нѣсколькихъ“. Муравьевъ приказалъ: 1) представить ему реестръ товарныхъ вещей и припасовъ, отпускаемыхъ рабочимъ съ обозначеніемъ цѣнъ; 2) „объявить золотопромышленникамъ, что при снабженіи рабочихъ на частныхъ пріискахъ одежными вещами должно имѣть въ виду не тѣ выгоды, которыя дозволяютъ себѣ занимающіеся исключительно торговлей изъ барышей, часто весьма значительныхъ, а, напротивъ, по долгу челоуѣколюбія и добросовѣстности слѣдуетъ заботиться о положеніи рабочаго, приходящаго изъ отдаленнаго мѣста и жертвующаго для золотопромышленниковъ своими усиленными трудами и *сокращеніемъ жизни*“; 3) „предложить золотопромышленникамъ, чтобы они имѣли строгое наблюденіе за дѣйствіями своихъ конторъ, управляющихъ и прикащиковъ“, и 4) „смотреть безъ всякаго послабленія, чтобы въ магазинахъ, гдѣ продаются одежныя вещи и припасы, *были непременно таксы, подписанныя золотопромышленниками или уполномоченными отъ нихъ доверенными*“ (однако, объ утвержденіи этихъ таксъ правительственною администраціей не упоминается) ¹⁾. Но уже въ 1862 г. золотопромышленникъ Безобразовъ въ запискѣ, поданной генералъ-губернатору Восточной Сибири, жаловался, что горный исправникъ сѣверной части енисейскаго округа требуетъ отъ промысловыхъ управленій составленія по данной имъ формѣ таксъ на всѣ вещи и припасы и утверждаетъ ихъ своею подписью ²⁾.

Вслѣдствіе предписанія Муравьева 1857 г., горный исправникъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ, Измайловъ, отправилъ въ декабрѣ того же года въ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири сводную таблицу цѣнъ на промыслахъ этихъ округовъ ³⁾ и, притомъ, пояснилъ,

¹⁾ Въ томъ изъ этихъ циркуляровъ 1857 г., который былъ отправленъ къ олекминскому горному исправнику, въ примѣръ разницы цѣнъ на товары, было указано на то, что цѣна армяковъ перваго сорта на разныхъ олекминскихъ пріискахъ колебалась между 4 руб. (на Преображенскомъ пріискѣ К^о Баснина и Катывцевца) и 6 р. 50 коп. (на Анненскомъ пріискѣ Персина по р. Молво), такъ что разниа въ цѣнѣ на армякъ доходила до 2 руб. 50 коп. Цѣна на овчинныя шубы колебалась между 5 и 8 руб.; стоимость припасовъ была столь же различна: ржаная мука отъ 80 коп. до 1 руб. 80 коп., пшеничная—отъ 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп. за пудъ. Арх. Гавр. пріиска Китмановыхъ № 122/582, л. 41; Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 2519, № 1/36, л. 256—258.

²⁾ Арх. Горн. Дел., Отд. части, золотопр. дѣло 1857 г., № 68/650, ч. III.

³⁾ См. Дополненіе VIII (въ концѣ этого тома).

что „разительная разность въ цѣнахъ на вещи“ на различныхъ пріискахъ происходитъ отъ разнаго качества товаровъ и условій ихъ заготовки, т.-е. самъ ли владѣлецъ закупаетъ товары изъ первыхъ рукъ или по комиссіи, и на наличныя ли деньги или въ кредитъ, почему уравнять цѣны не предстоитъ почти никакой возможности. Судя же по добротѣ товаровъ въ магазинахъ пріисковъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и беря въ расчетъ дальность края отъ мѣста покупки, какъ, напримѣръ, отъ Тюмени, Екатеринбурга и Томска, гдѣ большая часть товаровъ золотопромышленниками заготавливается, существующія въ настоящее время цѣны почти равны цѣнамъ на таковыя же товары г. Иркутска и цѣнамъ товаровъ, отпускаемыхъ на промыслахъ Енисейскаго округа, изъ чего заключаю, что пріисковыя управленія Олекминскаго округа въ отпускѣ товаровъ поступаютъ еще довольно добросовѣстно. Впрочемъ, были случаи, что нѣкоторые управленія возвышали цѣны на товары, выставляя причиною этого „поспѣшную обстановку дѣла и оттого несвоевременное заготовленіе товарныхъ вещей“. „но,—продолжаетъ Измайловъ,—*по настоянію моему сбавляю цѣну*, уравнивая съ прочими, смотря по качеству товаровъ, не заставляя меня объ этомъ дѣлать представленія высшему начальству“. Изъ этого видно, что въ Олекминскомъ округѣ таксы на пріискахъ подлежали нѣкоторому контролю мѣстной администраціи (быть можетъ, послѣ циркуляра Муравьева 1857 г.).

Сопоставивъ цѣны на пріискахъ Олекминскаго округа съ цѣнами товаровъ и припасовъ на енисейскихъ промыслахъ, мы, пожалуй, можемъ согласиться, что, *сравнительно съ этими послѣдними*, ихъ вообще (за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ) можно признать довольно умѣренными въ виду отдаленности Олекминскаго округа, но нельзя не видѣть справедливости словъ Муравьева о страшной разницѣ между стоимостью нѣкоторыхъ припасовъ на различныхъ промыслахъ одного и того же округа: такъ, цѣна пшеничной муки, попрежнему, колебалась между 1 р. 20 к. и 2 р. 50 к. за пудъ; страшная разница въ цѣнѣ сахара (50—80 коп. за фунтъ) никакъ не можетъ оправдываться разницею въ условіяхъ пріобрѣтенія и доставки, да и такая цѣна его, какъ 80 коп. за фунтъ, уже никакъ не можетъ почитаться умѣренною. Но, въ общемъ, олекминскія цѣны не особенно выше, а на нѣкоторыхъ промыслахъ и ниже енисейскихъ; если олекминскіе золотопромышленники,—конечно, не безъ выгоды для себя,—продавали рабочимъ товары по этой цѣнѣ, то какіе же, значить, огромные барыши получали енисейскіе, особенно Удереysкая К^о? На запросъ о томъ, по какой цѣнѣ закупаются товары на олекминскіе пріиски и во что обходится перевозка, лишь немногіе представители тамошнихъ золотопромышленныхъ компаний сообщили свѣдѣнія горному исправнику; другіе же ссылались на то, что не они производятъ эти закупки, или отдѣлялись общою фразой, что

товары куплены у подрядчиковъ съ доставкой на промыслы и отпускаются служащимъ и рабочимъ „безъ взиманія процентовъ по стоящей компаніи цѣнѣ“. Но четыре компаніи сообщили довольно подробныя свѣдѣнія (насколько вѣрныя, это — другой вопросъ) о томъ, по какой цѣнѣ были закуплены припасы и товары и во что обошлась перевозка. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Желтуктинская К^о Каратаева брала подъ видомъ „траты“ или на комиссію весьма значительные проценты, размѣръ которыхъ чаще всего, по собственному показанію пріискаго управленія, колебался между 6 и 10, но иногда былъ и гораздо значительнѣе: такъ, на кирпичный чай налагалось 11%, крестьянское сукно — 15%, табакъ — 21%, пшеничную муку — 28% и на ржаную муку даже 33% покупной цѣны. При этомъ мы принимали въ расчетъ только то, что сама компанія указывала, какъ вознагражденіе за трату или комиссію, но, сверхъ того, она нерѣдко назначала себѣ еще совершенно произвольно громадное вознагражденіе подъ видомъ издержекъ на перевозку. Такъ, за провозъ *одного аршина* крестьянскаго сукна, покупная цѣна котораго равнялась 20 коп., назначена плата 7 коп., т.-е. 35% покупной цѣны, кромѣ 3 коп. за „трату“ или комиссію; такимъ образомъ, накладные расходы на крестьянское сукно равнялись въ суммѣ 50% первоначальной стоимости. Очевидно, компанія наживала на продажѣ товаровъ хорошенькіе барыши, и, притомъ, вполне вѣрные, такъ какъ золотопромышленники пользовались правомъ монопольной торговли на своихъ пріискахъ. А, между тѣмъ, были пріиски, хозяева которыхъ назначали еще высшія цѣны, чѣмъ Желтуктинское товарищество Каратаева: такъ, на пріискахъ этого послѣдняго пшеничная мука стоила 1 р. 80 к., а на Вознесенскомъ пріискѣ Трапезникова — 2 р. 40 к., на пріискахъ Соловьева — 2 р. 50 к., на пріискахъ Желтуктинскаго товарищества пудъ сахара продавался по 22 р., а по фунтамъ по 60 к., у Соловьева же — по 80 к.¹⁾

Что торговля въ пріисковыхъ лавкахъ была весьма значительною статьей дохода золотопромышленниковъ, видно и изъ того, что заборъ въ пріисковыхъ лавкахъ составлялъ весьма значительный процентъ заработка рабочихъ. Такъ, на пріискахъ Удереиской К^о въ 1850 г. рабочіе почти 37% своего заработка получили вещами и съѣстными припасами (въ томъ числѣ „амуничными“ вещами 24%, припасами болѣе 12%); въ 1858 г. въ этой же компаніи вещами и съѣстными припасами выдано было около 30%. Въ К^о Щеголева и Кузнецова (южно-енисейской системы) болѣе 22% заработка забрано было рабочими въ видѣ вещей и съѣстныхъ припасовъ (въ томъ числѣ 17% первыхъ и болѣе 5% вторыхъ).

Когда главное управленіе Восточной Сибири получило къ началу

¹⁾ Арх. Олекм. Горн. Испр., дѣло о таксахъ на промыслахъ 1857 г. № 229.

1858 г. всѣ донесенія горныхъ исправниковъ о пріисковыхъ таксахъ предыдущаго года, то предсѣдатель этого управленія, генералъ Венцель, разослалъ горнымъ исправникамъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ: „Я нахожу, что цѣны на припасы и матеріалы весьма различны не только на промыслахъ разныхъ округовъ, но даже въ одномъ и томъ же округѣ. Принимая въ соображеніе, что нѣтъ никакой возможности къ достиженію установленія одинаковыхъ цѣнъ на одни и тѣ же припасы и матеріалы не только на промыслахъ разныхъ, но даже одного и того же округа, ибо заготовленіе подобныхъ вещей зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ и другихъ условій, какъ-то: мѣстности, гдѣ они пріобрѣтаются, цѣнъ, зависящихъ отъ времени и подвозовъ, средствъ самихъ золотопромышленниковъ, способовъ заготовленія и доставки на промыслы на наличныя деньги или въ долгъ и проч., и проч.; но, желая, въ то же время, чтобы цѣны на припасы и матеріалы по всѣмъ частнымъ промысламъ Восточной Сибири не были обременительны для рабочаго класса, трудящагося на этихъ промыслахъ“, Венцель, согласно съ предписаніемъ Муравьева отъ 11 мая 1857 г., просилъ горныхъ исправниковъ „имѣть тщательнѣйшее наблюденіе“, „чтобы на каждомъ изъ дѣйствующихъ промысловъ существовали таксы на всѣ безъ исключенія припасы и матеріалы, отпускаемые рабочимъ, чтобы они не были для нихъ обременительны, чтобы на пріискахъ не были допускаемы предметы роскоши и, наконецъ, чтобы сами хозяева, по чувству человѣколюбія къ рабочимъ, для пользы ихъ трудящимся, зорко смотрѣли“ за своими довѣренными и не допускали назначенія произвольныхъ цѣнъ на припасы и товары ¹⁾).

Относительно болѣзней рабочихъ и ихъ лѣченія въ пріисковыхъ больницахъ во многихъ контрактахъ 50-хъ годовъ постановлено, что за время пребыванія въ больницѣ рабочіе не могутъ себѣ требовать платы съ хозяевъ, въ другихъ же договорахъ это подразумѣвается; затѣмъ по однимъ контрактамъ хозяева за расходы на лѣченіе въ больницахъ ничего не взыскивали съ рабочихъ; другіе, напротивъ, устанавливали за это извѣстную плату ²⁾. Въ извѣстныхъ намъ расчетныхъ книгахъ

¹⁾ Арх. Икрут. Горн. Управл. К. 2519 № 1/36, л. 298—299.

²⁾ По договору съ Онуфровичемъ, за лѣченіе и содержаніе въ лазаретахъ никакого вычета съ рабочихъ не установлено. По договору съ Асташевымъ (1850, 1853, 1857 и 1858 гг.) не должно было дѣлать вычетовъ только за пребываніе въ больницѣ въ теченіе трехъ дней, а затѣмъ „въ возмѣщеніе расходовъ на содержаніе“ должно было взыскивать съ нихъ за каждый день по 50 коп. асс., а по договору съ нимъ же 1856 г. никакого вычета не назначено. Въ договорѣ Асташева съ отрядными рабочими (1858 г.) установлено бесплатное лѣченіе въ пріисковой больницѣ и, кромѣ того, сдѣлана оговорка, что здоровые не обязаны отрабатывать уроковъ больного. По договорамъ съ К^о Голубкова, Бенардаки и Кузнецовыхъ (1854 г.) и съ К^о Рязановыхъ

50-хъ годовъ, такъ же, какъ и въ книгахъ предшествовавшаго времени, нигдѣ прямо вычетовъ за лѣченіе мы не нашли, но, быть можетъ, вычетъ состоялъ въ томъ, что сверхъ извѣстнаго числа нерабочихъ дней *не записывалось* еще нѣкоторое количество дней рабочихъ или вычетъ записывался подъ видомъ выдачи денегъ (см. о вычетахъ ниже).

На частныхъ золотыхъ приискахъ Томскаго округа въ теченіе года (1855—56 гг.) было 1,778 больныхъ, изъ которыхъ умерло 22 человека ¹⁾. Если принять во вниманіе, что въ первой половинѣ 50-хъ годовъ въ Томскомъ округѣ было всего 3—3½ тысячи приисковыхъ рабочихъ, то мы увидимъ, что процентъ заболѣвшихъ среди нихъ очень великъ (болѣе половины). На всѣхъ приискахъ Енисейской губерніи въ 1851 г. было больныхъ 32% рабочихъ, умерло 3,1% заболѣвшихъ; въ 1852 г. было больныхъ 34% рабочихъ, умерло 4,5% заболѣвшихъ. По отчету енисейскаго жандармскаго штабсъ-офицера Борка за 1859 г., на промыслахъ сѣверной системы Енисейскаго округа заболѣло 16,7% явившихся рабочихъ, умерло 7,5% заболѣвшихъ; въ южной системѣ того же округа было больныхъ гораздо болѣе—почти 47% явившихся на прииски, изъ нихъ умерло 3,2% заболѣвшихъ. Впрочемъ, Боркъ оговаривается, что „значительная часть больныхъ, показанная на южной системѣ Енисейскаго округа, состоитъ изъ тѣхъ рабочихъ, которые по маловажнымъ недугамъ ограничивались только *открытіемъ крови*. Они вошли въ общую цифру потому, что промысловыя управленія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ медикъ признаетъ необходимымъ открыть кровь рабочему, даютъ ему сутки отдыха, въ теченіе которыхъ онъ свободенъ отъ занятій и числится больнымъ для вѣрнаго учета рабочихъ дней“ ²⁾. Въ семилѣтнемъ расчетѣ работъ Удереиской К^о (1849—1856 гг.) больные отдѣлены отъ открывающихъ себѣ кровь: изъ всего числа поденщинъ за это время больныхъ. поденщинъ было болѣе 4% и „у открытія крови и на отдыхѣ“ болѣе 1%³⁾ Нужно замѣтить, что кровопусканіе и теперь очень распространено на сибирскихъ промыслахъ, что объясняется, по новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ, возбуждающимъ (на нѣкоторое время) вліяніемъ кровопусканія на переутомленные мускулы рабочихъ ³⁾, хотя, конечно, въ концѣ-концовъ, такіа частыя кровопусканія очень вредны. Въ томъ же расчетѣ

(1851 г.), сѣверной части Енисейскаго округа, рабочіе обязаны были уплатить издержки, употребленныя на ихъ лѣченіе, а по договорамъ съ К^о Рязановыхъ (1854 и 1856 гг.), съ дѣйствительно больныхъ за содержаніе и лѣченіе вычета не производилось.

¹⁾ Арх. Глав. Управ. Алт. Горн. окр. въ Барнаулѣ, св. 175, дѣло № 6,487, л. 34—35.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1356, № 36/131, л. 138, 140.

³⁾ См. М. Манассеина: „Объ усталости вообще и объ условіяхъ ея развитія“. Спб., 1893 г., стр. 16 (или въ „Сѣвер. Вѣстн.“ 1892 г. № 4).

работъ Удереиской К^о ¹⁾ мы находимъ за семь лѣтъ „не въ работѣ праздничныхъ“ поденщинъ болѣе 8% всего ихъ числа, что составляетъ болѣе 2 1/2 праздничныхъ дней въ мѣсяцъ, а вмѣстѣ съ днями „у открытія крови и на отдыхѣ“ составитъ болѣе трехъ дней отдыха въ мѣсяцъ.

Г. Саввиныхъ въ своей статьѣ „Положеніе рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ приискахъ“ говорятъ: „Нельзя не поражаться страшнымъ процентомъ больныхъ въ то время (въ пятидесятыхъ годахъ). У рѣдкихъ рабочихъ доходило въ мѣсяцъ до 24—26 дней въ работѣ, что даже составляло исключеніе; у большинства же меньше 20 дней, а много есть такихъ, у которыхъ въ мѣсяцъ обходилось по 5 и по 7 дней на работѣ, а остальное все время значились больными“ ²⁾. Этотъ выводъ г. Саввиныхъ основывается на расчетныхъ книгахъ Удереиской компаніи; познакомившись съ нѣкоторыми изъ нихъ, мы можемъ подтвердить, что, дѣйствительно, въ активъ рабочаго обыкновенно записано въ нихъ гораздо меньшее количество рабочихъ дней, чѣмъ можно ожидать, но предположеніе г. Саввиныхъ, что всѣ остальные рабочіе дни являются „больными поденщинами“, не только не на чемъ не основано, но даже прямо опровергается приведенными данными семилѣтняго отчета Удереиской компаніи, гдѣ процентъ больныхъ поденщинъ лишь нѣсколько болѣе 4, а если къ этому прибавить еще одинъ слишкомъ процентъ у „открытія крови на и отдыхѣ“, то всего больныхъ поденщинъ окажется 5—6%, а съ прибавкою праздничныхъ дней—до 14%, т.-е. въ мѣсяцъ болѣе 4 нерабочихъ дней. Это заставляетъ предполагать, что извѣстная часть рабочихъ поденщинъ не записывалась въ видѣ штрафа за какіе-либо проступки или въ видѣ вычета за лѣчение. Къ вопросу о штрафахъ, мы, впрочемъ, вернемся ниже.

Какъ свидѣтельствуетъ енисейскій врачъ Кривошапкинъ, промышленныя управленія весьма не рѣдко расчитывали тяжело-больныхъ рабочихъ и „всѣ эти несчастные, расчитанные и изгнанные страдальцы, кончающіе жизнь свою гдѣ-нибудь недалеко отъ вытолкнувшаго ихъ прииска, означаются въ больничномъ спискѣ и въ домострояхъ выздоровѣвшими“ ³⁾. „При каждомъ хроническомъ случаѣ: цынги, хроническаго ревматизма, водянки, завала, хроническаго слизистаго катарра, чахотки и т. п.,—говоритъ докторъ Кривошапкинъ,—рабочихъ расчитываютъ, съ означеніемъ въ расчетныхъ листахъ: „расчитанъ за болѣзнь; остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операцію будущаго года“. Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы от-

¹⁾ Сообщ. А. К. Субботинимъ.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 66.

³⁾ Статья Кривошапкина въ журн. „Промышленность“ 1861 г. т. II, кн. 2 и 3, стр. 210.

правляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ переменамъ суровой погоды... Вѣтры пронизываютъ насквозь его дыравую одежку, жуется онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. И вотъ, смотрите: одинъ въ конвульсіяхъ умираетъ на дорогѣ, еще въ границахъ присковъ, и предается землѣ съ вѣдома присковой полиціи жильцами сосѣднаго зимовья. Другого смерть застаётъ гдѣ-нибудь на зимовьѣ... Третій протащится всю тайгу, умереть гдѣ-нибудь вблизи дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себѣ на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья... и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра ¹⁾... Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ отъ чахотки гдѣ-нибудь въ уютномъ уголку у забора... Пятый препровождается въ городскую больницу—оборванный, безъ преувеличенія, до лоскутѣвъ, замаранный грязью, пылью даже до того, что нельзя узнать лица человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ, и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одною, то другою стороною, обличаютъ въ немъ живого человѣка... Другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ, и засыпаютъ на бѣки черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу. Вотъ такими-то больными наполняется енисейская больница, и число больныхъ въ ней бываетъ втрое противу комплекта... Что же дѣлать врачу..., если нѣтъ ни богадѣльни, ни дома неизлѣчимыхъ, если компаніи не хотятъ давать пріютъ и на сутки на своихъ подворьяхъ ²⁾, если у самихъ больныхъ нѣтъ ни копѣйки за душой, и никакой домохозяинъ не пуститъ ихъ переночевать, если имъ остается лежать на улицахъ, и полиція, поднимая ихъ, руководится однимъ правиломъ: „свозить къ больницѣ, выкладывать тамъ на крыльцо и уѣзжать...?“ Принимать—и по совѣсти, и чтобы не подвергнуться отвѣтственности за смерть людей на крыльцѣ больницы, безъ пріюта и помощи ³⁾... Пробо-

¹⁾ Въ губернаторскихъ отчетахъ мы можемъ найти этихъ несчастныхъ въ отдѣлѣ „пронсшествій на промыслахъ“ подъ рубрикою замерзшихъ, найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, скоропостижно умершихъ.

²⁾ Исключеніе, по словамъ Кривошапкина, составляла К^о Зотовыхъ. „Промышленность“, 1861 г. т. II, кн. 2 и 3.

³⁾ „По крайней мѣрѣ, такъ дѣлалъ я,—продолжаетъ Кривошапкинъ,—подвергая себя отвѣтственности и за недослугу бѣлыя, которое при двойномъ и тройномъ комплектѣ больныхъ должно было служить безсмѣнно, и за большую цифру умершихъ въ больницѣ приказа противу выздоровѣвшихъ, и за недостаточность сохраненія порядка и чистоты, когда и число кроватей, и прислуга, и посуда положены были сперва на 25, а потомъ... на 30 больныхъ, а случалось ихъ и по 85 человекъ... Въ числѣ умершихъ было много и калѣкъ, для которыхъ у насъ нѣтъ богадѣльни, и неизлѣчимо-хворныхъ, для которыхъ учрежденія существуютъ только по своду законовъ. Нѣ-

вано было и чувство человеколюбія въ золотопромышленникахъ, но оно оказалось прикрытымъ непроницаемою броней, и отвѣтомъ на официальное предложеніе помочь выходу изъ этого состоянія была ссылка на взносъ, дѣлающійся въ поселенческій капиталъ, хотя большая часть (?) изуродованныхъ—вовсе не поселенцы. А вѣдь ничего бы не стоило для всѣхъ компаній сѣверной системы давать ежегодно копѣйки по двѣ съ каждаго фунта золота“ ¹⁾).

Официальные документы подтверждаютъ слова Кривошапкина. Енисейскій губернаторъ въ предписаніи 30 мая 1856 г. горнымъ исправникамъ Енисейскаго округа указываетъ на то, что одинъ поселенецъ, присланный въ енисейскую городскую больницу, принять не былъ, такъ какъ всѣ кровати были заняты. По словамъ енисейскаго окружнаго начальника, „подобные случаи повторялись неоднократно, въ особенности при выходѣ съ пріисковъ рабочихъ, которые по непринятіи ихъ въ больницу, не могутъ имѣть въ городѣ никакого призрѣнія“. Поэтому губернаторъ предписалъ горнымъ исправникамъ „наблюдать, чтобы заболѣвающіе на промыслахъ рабочіе не были отправляемы въ путь въ болѣзненнымъ состояніи, сколько для отвращенія встрѣченныхъ затрудненій въ помѣщеніи ихъ въ енисейскую гражданскую больницу, а не менѣе того и для избѣжанія несчастныхъ послѣдствій, за которыя виновные будутъ отвѣчать предъ Богомъ и правительствомъ“.

Горные исправники довели объ этомъ предписаніи до свѣдѣнія золотопромышленниковъ ²⁾, но послѣдніе мало обратили на него вниманія, и въ августѣ 1858 г. горному исправнику южно-енисейской системы Чайковскому пришлось обратиться къ пріисковымъ управленіямъ своего округа съ циркуляромъ, въ которомъ онъ указываетъ на то, что они, „разсчитывая рабочихъ, оказавшихся неспособными къ работѣ по медицинскому освидѣтельствованію, отправляютъ ихъ съ пріисковъ, предоставляя слѣдовать до жилыхъ мѣстъ произвольно, не обращая вниманія на слабое ихъ состояніе“, вслѣдствіе чего „неможные остаются на дорогахъ безъ призрѣнія и съ трудомъ доходятъ до жилыхъ мѣстъ, а нѣкоторые даже въ пути умираютъ“. Исправникъ потребовалъ отъ золотопромышленниковъ, уполномоченныхъ и управляющихъ пріисками, чтобы рабочіе, „оказавшіеся неспособными къ работамъ и не имѣющіе достаточно силъ къ слѣдованію, отнюдь не были увольняемы съ пріиска, а помѣщались въ пріисковыхъ больницахъ впредь до восстановленія ихъ

которые изъ подобныхъ были изъ поселенцевъ, тогда какъ до сихъ поръ нѣтъ для нихъ домовъ призрѣнія, что есть въ сводѣ законовъ и на что составилъ уже огромный экономическій поселенческій капиталъ“.

¹⁾ *Кривошапкинъ*. „Енис. округъ“, стр. 191—194.

²⁾ Арх. Горн. Испр. южно-енис. сист., дѣло 1856 г. № 1, л. 316—318,

силъ; если же управленіе будетъ считатьъ это для себя обременительнымъ, то обязано такихъ людей отправлять подл. надзоромъ при подводахъ“ и не иначе, какъ препроводивъ въ канцелярію исправника, откуда они должны были отправляться партіями черезъ каждыя двѣ недѣли ¹⁾).

Другія показанія Кривошапкина также подтверждаются официальными документами. Такъ, изъ одного циркуляра южно-енисейской системы 1857 г. видно, что въ общемъ губернскомъ управленіи Енисейской губерніи возникла переписка „объ устройствѣ въ Енисейскѣ собственно для призрѣнія приисковыхъ рабочихъ особаго заведенія“. Эта переписка выстѣ съ доставленными Кривошапкинымъ соображеніями о расширеніи круга дѣйствій тамошней больницы „для удобнаго призрѣнія драхлыхъ и увѣчныхъ“ была передана енисейскомъ губернаторамъ на разсмотрѣніе приказа общественнаго призрѣнія, который увѣдомилъ, что на устройство новаго зданія, необходимаго для увеличенія помѣщенія больницы, приказъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ. Тогда енисейскій губернаторъ, принимая во вниманіе, что потребность въ расширеніи больницы вызывается настоятельною надобностью „дать призрѣніе людямъ, возвращающимся съ золотыхъ промысловъ, часто увѣчнымъ и одержимымъ неизлѣчимыми болѣзнями вслѣдствіе промысловыхъ работъ“, пришелъ къ мысли, что гораздо справедливѣе устроить если не въ Енисейскѣ, то на дорогѣ изъ него къ промысламъ особое заведеніе для призрѣнія увѣчныхъ и неизлѣчимыхъ больныхъ *на счетъ золотопромышленниковъ*, „подобно тому, какъ были устроены ими же на пути къ золотымъ промысламъ больничныя заведенія“. По порученію губернатора, горные исправники Енисейскаго округа предложили золотопромышленникамъ представить губернскому начальству свои соображенія по этому предмету ²⁾, но они сослались на то, что уже вносятъ деньги въ поселенческій капиталь.

Въ 1859 г. мѣстной администраціи вновь пришлось возвратиться къ вопросу объ обремененіи енисейской городской больницы больными рабочими, разсчитанными съ промысловъ. Въ это время въ енисейской больницѣ, по ходатайству завѣдующаго ею врача, т.-е. Кривошапкина, вмѣсто прежнихъ 25 кроватей, устроено было 30 и, кромѣ того, 10 запасныхъ. Для дальнѣйшаго увеличенія больницы не было средствъ, а, между тѣмъ, скопленіе больныхъ достигало тамъ до 55 человѣкъ, такъ что не хватало ни кроватей, ни прислуги. Такъ какъ накопленіе больныхъ обусловливалось присылкою рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, то приказъ нашелъ необходимымъ предложить исправникамъ Енисейскаго округа, чтобы они „не допускали разсчета и высылки съ приисковъ ра-

¹⁾ Арх. Гавриловскаго прииска Кытмановыхъ, дѣло 1858 г. № 114, л. 115—116.

²⁾ Ibid., л. 11—12.

бочихъ, не освѣдомясь предварительно, есть ли въ енисейской больницѣ свободныя кровати. Рабочіе, идущіе на присски, заболѣвающіе на пути и присылаемые городскою и земскою полиціями во множествѣ безъ предварительнаго освѣдомленія, также увеличиваютъ число больныхъ сверхъ комплекта". По мнѣнію приказа общественнаго призрѣнія, горные исправники Енисейскаго округа и общая полиція, освѣдомившись о неимѣніи свободныхъ кроватей въ больницахъ, „могли бы и даже обязаны" были „распорядиться, чтобы въ этой крайности заболѣвающіе присковые рабочіе помѣщались въ присковыя больницы, нарочно для того устроенныя, а въ городѣ—при конторахъ каждой компаніи". Въмѣстѣ съ тѣмъ, приказъ предписалъ, чтобы енисейская городская больница не принимала неизлѣчимо-больныхъ присковыхъ рабочихъ. Кромѣ этого распоряженія приказа, енисейскій земскій судъ получилъ и отношеніе енисейскаго городского врача Кривошапкина, въ которомъ тотъ говоритъ, что онъ „неоднократно доносилъ высшему начальству о безпорядкахъ, происходящихъ въ больницѣ и увеличивающихъ цифру умершихъ отъ того, что съ присковъ выпускаютъ больныхъ людей и выпускаютъ безъ призрѣнія. Приказъ общественнаго призрѣнія строго предписалъ конторѣ больницы не принимать сверхъ комплекта и не подлежащихъ приему по роду болѣзней", между тѣмъ, въ августѣ 1859 г. отъ земскаго суда былъ присланъ въ больницу „такой чахоточный больной, которому остается жить лишь нѣсколько дней и который могъ умереть на дорогѣ, а изъ расчетнаго листа видно, что онъ рассчитанъ по болѣзни и затѣмъ не препровожденъ попечительно, какъ бы слѣдовало, а выпущенъ просто". Кривошапкинъ просилъ земскій судъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи подобныхъ случаевъ, „могущихъ во множествѣ повториться при общемъ выходѣ рабочихъ съ присковъ". Земскій судъ признавалъ, что, дѣйствительно, иногда волостными правленіями представляются въ судъ для помѣщенія въ городскую больницу рабочіе съ золотыхъ промысловъ, рассчитанные тамъ по болѣзни безъ всякаго пособія отъ золотопромышленныхъ компаній, и которые, не имѣя силъ для путешествія, остаются въ какой-либо деревнѣ или на дорогѣ, „гдѣ или служатъ къ обремененію жителей, или же окончательно гибнутъ безъ всякаго призрѣнія и помощи"; онъ признавалъ также, что эти случаи особенно часто повторялись въ прошедшемъ году передъ временемъ общаго выхода рабочихъ съ золотыхъ промысловъ, и потому, въ виду приближенія времени осенняго расчета, земскій судъ „поручилъ" горнымъ исправникамъ Енисейскаго округа „убѣдить (!) золотопромышленниковъ, чтобы они не считывали людей, одержимыхъ болѣзнями, а помѣщали бы ихъ въ присковыя больницы для излѣченія"; хронически же больныхъ, какъ, на примѣръ, чахоточныхъ, не отсылали бы съ промысловъ безъ всякаго призрѣнія, а для облегченія ихъ участи отправляли на свой счетъ до

мѣста жительства ¹⁾). Горные исправники написали промышленнымъ управленіямъ новые циркуляры и затѣмъ, конечно, все осталось по-старому ²⁾).

Возвращаемся къ статистикѣ больныхъ и умершихъ на промыслахъ. На промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1851 году было больныхъ 32% рабочихъ, умерло 1,3% всѣхъ рабочихъ (или 5% заболѣвшихъ); въ 1852 году заболѣло 28%, изъ нихъ умерло почти 1% всѣхъ раб. (или 3,4% заболѣвшихъ); въ 1853 году заболѣло 41%, умерло 2,3% всѣхъ рабочихъ (или 5% заболѣвшихъ); въ 1856 г. умершихъ отъ болѣзней и разныхъ случаевъ было 1,4% рабочихъ и въ 1857 г. 1,2% ³⁾). Такъ какъ на промыслахъ находились почти исключительно люди въ возрастѣ 15—50, то, значитъ, смертность была выше нормальной для этого возраста ⁴⁾).

Лѣтомъ 1854 года горный ревизоръ частныхъ золотыхъ промысловъ поставилъ на видъ управляющимъ промыслами, чтобъ они, для предупрежденія частныхъ случаевъ убійствъ и сильныхъ ушибовъ рабочихъ, вслѣдствіе неправильнаго веденія работъ въ разрѣзахъ, вели бы ихъ, какъ слѣдуетъ, ибо иначе „всякій смертный случай и увѣче, происшедшіе отъ завала землею, повлекутъ къ отвѣтственности самихъ управляющихъ“. Несмотря на то, въ 1856 г. до августа мѣсяца уже было 4 смертныхъ случая на разныхъ промыслахъ этого округа. Главное управленіе Восточной Сибири предписало горному ревизору принять мѣры къ устраненію подобныхъ несчастій, и въ изданномъ имъ циркулярѣ онъ „просилъ“ управляющихъ промыслами „работы въ разрѣзахъ вести по правиламъ горнаго искусства, уступами“, какъ при вскрышѣ турфа, такъ и при добычѣ золотосодержащихъ песковъ, причемъ каждый уступъ долженъ быть отъ 1½ до 2 арш. вышины и не ближе аршина одинъ отъ другого. Въ случаѣ смерти отъ ушиба или членовредительства, управляющій прискомъ долженъ былъ доносить горному исправнику и оставлять мѣсто, гдѣ произошелъ несчастный случай, безъ обработки, въ томъ самомъ видѣ, до освидѣтельствованія горнымъ исправникомъ, а иначе горный ревизоръ грозилъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о преданіи виновныхъ суду ⁵⁾).

¹⁾ Арх. Горн. Исправ. южно-енис. сист., дѣло 1859 г. № 1, л. 112—117.

²⁾ Какое значительное количество рабочихъ рассчитывали на нѣкоторыхъ промыслахъ по болѣзни, видно изъ книгъ Удереиской компаніи 1852 г., гдѣ изъ 440 рабочихъ было уволено по болѣзни 37. *А. Саввинъ*. „Полож. рабочихъ на енис. золот. пром.“ „Сибир. Вѣстникъ“, 1890 г. № 66.

³⁾ Дѣла Сибир. Комит. въ Арх. Комит. Министр.; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2, 1858 г. № 23, 1859 г. № 11. Несчастныхъ случаевъ на промыслахъ енис. губ., окончившихся смертію, (въ 1851—54 г.) показано всего 24; на промыслахъ Восточной Сибири въ 1856 г.—14, въ 1857 г.—13.

⁴⁾ Срав. *Эрисманъ*. „Курсъ гигиены“, т. II, прилож. стр. 61, 75.

⁵⁾ Арх. Горн. Испр. южно-енис. сист. дѣло 1856 г. № 1, л. 474—475.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Семипалатинской области въ 1855 г. были больницы лишь на трехъ пріискахъ, а въ 1857 г., повидимому, на всѣхъ дѣйствовавшихъ тамъ промыслахъ. Въ Томскомъ золотопромышленномъ округѣ въ 1856 г. было 11 лазаретовъ ¹⁾. На большей части промысловъ Енисейскаго округа были устроены больницы, но на 11-ти промыслахъ въ 1851 г. и на 4-хъ въ 1852 г. ихъ не было вовсе. Въ больницахъ всѣхъ промысловъ Енисейскаго округа было въ 1851 г.—1,262 кровати (одна кровать на 24 рабочихъ) и въ 1852 г.—1,328 кроватей (одна кровать на 23 рабочихъ).

Официальные отчеты не даютъ истиннаго понятія о состояніи больницъ ²⁾. На золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа въ 1856 г. для завѣдыванія больницами было пять врачей, въ Минусинскомъ одинъ, а бирюсинскіе пріиски посѣщалъ нижеудинскій окружной врачъ; на чикойскихъ промыслахъ Верхнеудинскаго округа былъ одинъ врачъ, но тамъ чувствовался недостатокъ въ фельдшерахъ. Больницы олекминскихъ промысловъ, по заявленію горнаго исправника Измайлова, требовали „непремѣннаго улучшенія“ и необходимо было пригласить на эти промыслы двухъ медиковъ, такъ какъ на нихъ не было въ то время ни одного врача, а только лѣкарскіе ученики и одинъ помощникъ ³⁾. Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ въ мартѣ 1857 г., указавъ на равнодушіе владѣльцевъ пріисковъ къ облегченію участи больныхъ рабочихъ, просилъ золотопромышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ принять мѣры къ надлежащему устройству госпиталей на олекминскихъ промыслахъ и пригласить для завѣдыванія ими двухъ врачей. Находившіеся въ Иркутскѣ ленскіе золотопромышленники въ отзывѣ на это предписаніе, поданномъ черезъ нѣсколько дней Муравьеву, отвѣчали, что, несмотря на все желаніе, они не могутъ найти врачей, которые согласились бы ѣхать къ нимъ на промыслы, такъ какъ при этомъ они лишаются выгодъ коронной службы, и потому просили назначить трехъ медиковъ отъ правительства съ правами, присвоенными служащимъ на коронныхъ заводахъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ издержки на нихъ и жалованье имъ падали на счетъ золотопромышленниковъ ⁴⁾. Ходатайство

¹⁾ Арх. Том. Гор. Управл. дѣло № 420—20—14, л. 6, № 421—21—62, л. 5; Арх. Глав. Упр. Алт. Гор. Окр. въ Барнаулѣ, вѣд. 175, дѣло № 6487, л. 34.

²⁾ По отчету о золотыхъ промыслахъ Семипалатинской области (1857 г.), больницы на всѣхъ дѣйствовавшихъ промыслахъ были „въ порядкѣ и достаточно снабжены медикаментами, но киргизы неохотно идутъ туда лѣчиться; они предпочитаютъ свои средства европейской медицинѣ и только при особой настойчивости управляющихъ лѣчатся въ промысловыхъ больницахъ. Къ счастью болѣзни на промыслахъ очень рѣдки, чему много способствуютъ здоровый климатъ и хорошая пища рабочихъ“.

³⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2.

⁴⁾ Въ составленномъ ими при этомъ постановленіи они назначили каждому доктору (съ обязательствомъ для него жить безвыѣздно на промыслахъ и зимою) по

ихъ было исполнено, и въ Олекминскій округъ было назначено правительствомъ три врача ¹⁾).

Какое было дѣйствительное состояніе приисковыхъ больницъ, насколько могли находить въ нихъ врачебную помощь рабочіе, видно изъ свидѣтельства такого компетентнаго лица, какъ докторъ Кривошапкинъ. „Приисковыя больницы,—говоритъ онъ,—имѣютъ весьма хорошій видъ, а для тайги и лѣчащихся въ больницѣ рабочихъ нѣкоторые даже слишкомъ роскошны (?): хорошій домикъ, построенный правильно, съ корридормъ; на окнахъ шторы, на кроватяхъ чистыя принадлежности; въ аптекѣ много медикаментовъ, такъ что фельдшера воруютъ, не будучи замѣчены; можетъ быть порядочная и пища ²⁾. Но этимъ все и кончается. Такъ какъ больницы приисковыя не поручены мѣстному врачебному надзору, то для чиновъ немедицинскихъ онѣ прекрасны. Въ какой же степени выполняютъ цѣль, беру смѣлость судить я, какъ очевидецъ, на служебной дѣятельности котораго это очень отзывалось... Больница есть такого рода заведеніе, гдѣ лѣчатъ больныхъ съ цѣлью выздоровленія ихъ... Золотопромышленники же и ихъ управляющіе, особенно сѣверной системы, смотрятъ на больницы съ коммерческой точки зрѣнія: они говорятъ, что наши приисковыя больницы основываются только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ. Положимъ, что это отчасти справедливо. Но, вѣдь, изъ этого не слѣдуетъ, что можно выгонять на просторъ тайги всѣхъ трудно и затѣжно больныхъ³⁾. Сообщивъ далѣе уже извѣстные намъ факты объ изгнаніи съ промысловъ серьезно заболѣвшихъ рабочихъ, Кривошапкинъ продолжаетъ: „При больницахъ имѣется по фельдшеру и имѣются врачи, которые завѣдуютъ обыкновенно множествомъ больницъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ на разныхъ приискахъ и у разныхъ хозяевъ... Они же вскрываютъ трупы въ судебно-медицинскихъ случаяхъ и такимъ образомъ дѣлаются судьями тѣхъ хозяевъ, у которыхъ сами нанялись слу-

2,000 руб., съ готовою квартирой, освѣщеніемъ, отопленіемъ и съ готовымъ продовольствіемъ по числу членовъ его семейства; уволить доктора золотопромышленники могли не иначе, какъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, причемъ они должны были дать врачу средства для выѣзда съ промысловъ.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2520, № 6/62, л. 6—8, 32—36, 52. Въ 1858 году на енисейскихъ промыслахъ было уже семь врачей, на минусинскихъ и ачинскихъ 1, на олекминскихъ—3, на канскихъ и нижнеудинскихъ—1 и въ Забайкальской области—1; на верхнеудинскихъ промыслахъ, попрежнему, чувствовался недостатокъ въ лекарскихъ ученикахъ. Сверхъ того, на промыслахъ Енисейскаго округа была одна акушерка. „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1859 г. № 11.

²⁾ Больнымъ давали супъ съ мясомъ или съ пшеничнымъ хлѣбомъ, какую-нибудь жидкую кашницу изъ гречневыхъ или ячменныхъ крупъ, или кисель.

жить. Это и неестественно, и смѣшно ¹⁾. Пора бы назначить врача отъ правительства для дѣлъ судебно-медицинскихъ на приискахъ... А что за фельдшера, которымъ поручаются присковыя больницы? Одинъ... сосланный за кражу и т. п. и объявившій себя годнымъ въ фельдшера за знаніе нѣсколькихъ латинскихъ словъ и умѣнье читать по латыни. Другой хотя и изъ отставныхъ дѣльных фельдшеровъ, но тянетъ горькую и выпиваетъ всѣ спирты и тинктуры. Третій изъ аптекарскихъ помощниковъ, и если знаетъ приемъ лѣкарствъ, то ему темны анатомія, наука о переломахъ, перевязкахъ и т. п., что особенно нужно на приискахъ. А четвертый не только этихъ наукъ, но и приема лѣкарствъ знать не можетъ, какъ зубной врачъ, но за слово „врачъ“ онъ даже можетъ предпочитаться другимъ. Пятый... ну, да большею частью все въ этомъ же родѣ ²⁾. „Врачи же присковые, — говоритъ Кривошапкинъ въ другомъ мѣстѣ, — поставлены большею частью такъ, что видать, да не видать, и все зависитъ отъ управляющихъ. Если врачъ и видитъ негодность лица быть фельдшеромъ, а того хочетъ управляющій на томъ основаніи, что онъ не бѣлоручка — берется и воду, и дрова носить, т. е. прислуги не нужно, — или что можетъ управляющему поучить грамотѣ дѣтей, перебѣлнить бумагу и т. п.“, или землякъ ему и родственникъ, — „нужно кусокъ хлѣба дать“, или ловкій пройдоха и можетъ быть „на всякій случай“ правою рукой. А врачъ? — онъ только и существовать можетъ у мѣста при безмолвіи, потому что нанимаютъ его, какъ и всякаго служащаго, на лѣтнюю операцію копѣекъ по 80 съ человѣка, по числу команды; кончилась операція, врачъ и свободенъ, а не угодилъ, такъ и не возьмутъ на слѣдующую операцію“ ³⁾. Изъ всего сказаннаго выше видно, — продолжаетъ Кривошапкинъ, — „что внутреннее достоинство присковыхъ больницъ и самое лѣченіе далеко не идутъ въ уровень съ наружнымъ видомъ больницъ“ ⁴⁾.

Въ 1856 г. въ Восточной Сибири былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какимъ наказаніямъ слѣдуетъ подвергать ссыльно-поселенцевъ, работающих на золотыхъ промыслахъ. Присковые рабочіе за лѣность, пьянство, запрещенную картежную игру, побѣги и другіе маловажные проступки подвергались, по словесному приговору артельной расправы или горныхъ исправниковъ, удержанію нѣкоторой части слѣдующей имъ платы въ

¹⁾ Такой же неестественный порядокъ продолжается и до сихъ поръ на сибирскихъ промыслахъ.

²⁾ „Енис. округъ“, стр. 191, 194—195.

³⁾ Какъ мы видѣли выше, въ Олекминскій округъ врачи были назначены Муравьевымъ на иныхъ основаніяхъ, но въ настоящее время они и здѣсь находятся въ такой же зависимости отъ золотопромышленниковъ, какъ и въ остальныхъ промысловыхъ округахъ.

⁴⁾ Кривошапкинъ. „Взглядъ на состояніе золотопромышленности въ Енис. округѣ“. „Промышленность“, 1861 г., т. II, кн. 2 и 3, стр. 212—213.

пользу артели или, смотря по винѣ и по слѣдствіямъ проступка, наказанію розгами не болѣе 50 ударовъ ¹⁾). Но такъ какъ въ числѣ рабочихъ на промыслахъ было много ссыльно-поселенцевъ, которые, въ случаѣ совершенія ими преступленія и проступковъ до перечисленія въ званіе государственныхъ крестьянъ, должны были подлежать сужденію и наказанію не по общему уголовному закону, а по особымъ, собственно для нихъ изданнымъ, правиламъ ²⁾, то въ виду этого мѣстныя власти Восточной Сибири возбудили вопросъ, въ какой мѣрѣ 651 ст. улож. (15 августа 1845 г.) можетъ быть примѣняема къ рабочимъ изъ ссыльныхъ? Нѣкоторые изъ этихъ властей указывали на необходимость усилить строгость взысканія собственно за побѣги съ принсковъ рабочихъ изъ ссыльныхъ; находя недостаточнымъ подвергать ихъ за отлучки съ промысловъ дисциплинарному наказанію по 651 ст. улож., подобно рабочимъ изъ сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ, онѣ предлагали распространить на эти случаи тѣ строгія карательныя мѣры, какія опредѣлены ссыльнымъ за побѣги ихъ съ мѣстожителства ³⁾.

Вопросъ этотъ былъ представленъ на усмотрѣніе и разрѣшеніе министра финансовъ, а тотъ вошелъ въ сношеніе съ управляющимъ вторымъ отдѣленіемъ Собствен. Е. В. канцеляріи гр. Блудовымъ. Этотъ

¹⁾ На основаніи 651 ст. улож. о наказ. и 2396-й и 2420-й горнаго устава, по продолж., т. XV, ч. 2-я.

²⁾ Новая редакція VIII главы устава о ссыльныхъ 18 мая 1855 года. П. С. З. т. XXX, № 29330.

³⁾ Горный исправникъ Верхнеудинскаго и Иркутскаго округовъ Пороховъ находилъ необходимымъ распространить на поселенцевъ за побѣги съ принсковъ наказанія сообразно съ назначенными для нихъ въ 1791 ст. устава о ссыльныхъ (изд. 1842 г.) за самовольную отлучку изъ мѣстожителства въ слѣдующемъ разиѣрѣ: за первый побѣгъ наказанія розгами 100 ударами съ возвращеніемъ на прински; за второй—наказаніе 25 ударами плетьюми, также съ возвращеніемъ на прински; за третій — отъ 35 до 40 ударовъ плетьюми и отсылка въ ближайшій заводъ въ каторжную работу на 1 годъ (за всѣ эти три побѣга наказанія назначались полицейскою властью) и, наконецъ, за четвертый побѣгъ опредѣлять наказанія по судебному приговору на основаніи 1799 ст. устава о ссыльныхъ (40 ударами плетьюми и съ отдачею въ каторжную работу). Горный исправникъ Канскаго и Минусинскаго округовъ донесъ енисейскому губернскаму правленію, что въ 1856 году, при поимкѣ бѣжавшихъ съ промысловъ рабочихъ, онъ на основ. 1791 ст. новой редакціи наказывалъ, по своему постановленію, за первый побѣгъ 20 ударами плетьюми, послѣ чего „вторичныхъ побѣговъ“ они „уже не дѣлали“. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, при разсмотрѣніи вопроса о наказаніи ссыльныхъ за побѣги, также высказалъ мнѣніе, что если ихъ подвергать наказанію наравнѣ съ другими рабочими на промыслахъ по 651 ст. улож., то это поведетъ къ увеличенію ихъ побѣговъ, такъ какъ они „за побѣгъ съ принсковъ понесутъ болѣе слабое наказаніе, нежели за побѣгъ съ мѣста причисленія или жителства“, и что потому горные исправники должны наказывать рабочихъ и ссыльныхъ за побѣги съ промысловъ и другіе проступки на основаніи новой редакціи устава о ссыльныхъ.

послѣдній (1858 г.), прежде всего, рассмотрѣлъ вопросъ о примѣненіи къ поселенцамъ вообще постановленій 651 ст. улож. и высказалъ такое мнѣніе: что касается преступленій и проступковъ, за которые по уложенію виновные подвергаются наказанію, не восходящему до заключенія въ рабочемъ домѣ и лишенію особенныхъ правъ состоянія, то за нихъ въ новой редакціи устава о ссыльныхъ (18 мая 1855 г.) вовсе не положено особыхъ мѣръ наказанія и назначеніе ихъ предоставлено самимъ начальствамъ виновныхъ поселенцевъ и дозволено имъ возвышать наказаніе до 100 ударовъ розгами съ отдачею въ работу на заводъ или же въ арестантскую, или въ поселенческую рабочую роту на время до одного года (ст. 1769). Находя, что виновные поселенцы должны быть наказываемы на основаніи этого постановленія, гр. Блудовъ замѣчаетъ: „кажется, что упомянутый выше крайній размѣръ наказанія... не долженъ казаться слишкомъ слабымъ въ сравненіи съ тою мѣрой, которая положена для рабочихъ изъ свободныхъ состояній“. Далѣе гр. Блудовъ высказался за то, чтобы артельнымъ расправамъ и горнымъ исправникамъ было дозволено подвергать ссыльныхъ наказанію до 50 ударовъ розгами и заключенію не болѣе, какъ на недѣлю, при опредѣленіи же наказаній, превышающихъ эту мѣру, они должны испрашивать разрѣшеніе высшаго начальства. Переходя, наконецъ, къ рассмотрѣнію вопроса о мѣрѣ наказанія ссыльныхъ собственно за побѣги съ промысловъ, гр. Блудовъ высказалъ мнѣніе, что для правильного его разрѣшенія „необходимо обратить вниманіе на различіе въ самомъ родѣ и, такъ сказать, въ характерѣ отлучки рабочаго съ промысловъ“, на которые онъ занятъ. Если ссыльный, оставивъ хотя и своевольно работы, отправился къ мѣсту своего постоянного жительства и явился въ свое селеніе или волость (какъ это болѣею частью и бываетъ), то едва ли есть основаніе признавать его бѣглецомъ, такъ какъ рабочіе изъ сибирскихъ мѣщанъ и крестьянъ, отлучающіеся такимъ образомъ съ промысловъ, не подлежатъ дѣйствію правилъ о бродяжествѣ. „Въ подобныхъ случаяхъ достаточно подвергнуть виновнаго поселенца за своевольство и нарушеніе заключеннаго въ установленномъ порядкѣ контракта, примѣняясь къ постановленіямъ 651 ст. улож., одному лишь дисциплинарному наказанію, опредѣленному въ ст. 1769 и 1770 устава о ссыльныхъ, VIII гл. нов. ред. (максимумъ наказанія, опредѣленный статьею 1769 г., указанъ выше). Но если, отлучившись съ промысловой работы, бѣглецъ не явится въ свое селеніе или, будучи пойманъ на дорогѣ, не въ состояніи будетъ доказать, что онъ шелъ къ мѣсту своего жительства, то справедливо, кажется, приговорить его къ наказанію по общимъ правиламъ о бѣглыхъ ссыльныхъ“¹⁾.

¹⁾ Сибирскія власти предлагали, кромѣ того, взыскивать съ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ за невысылку на пріиски бѣглыхъ рабочихъ (на основ. 1201 ст.

Министръ финансовъ согласился съ мнѣніемъ гр. Блудова, точно также, какъ и министръ государственныхъ имуществъ гр. Муравьевъ, послѣдній съ тою оговоркой, чтобы взысканіе съ волостного и сельскаго начальства производилось лишь въ томъ случаѣ, когда его виновность въ „передержательствѣ“ бѣглыхъ будетъ обнаружена слѣдствіемъ и чтобы пойманные сельскими властями бѣглые рабочіе были передаваемы мѣстному земскому начальству для высылки ихъ на промысла ¹⁾). Золото-промышленники были очень недовольны распоряженіемъ, сдѣланнымъ по этому поводу министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 1858 г., и находили, что вслѣдствіе слабости взысканія, опредѣленнаго въ немъ за побѣги, эти послѣдніе очень усилились.

Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ возникъ также вопросъ, могутъ ли мѣщане, нанимающіеся на золотые промыслы, подвергаться за побѣги и прочіе проступки полицейской расправѣ. Правительствующій сенатъ нашелъ, что на основаніи законовъ о мѣщанахъ тѣ изъ нихъ, которые нанимались на пріиски, не могутъ быть подвергаемы за проступки тѣлесному наказанію наравнѣ съ крестьянами и ссыльно-поселенцами по приговору артельной расправы, но могутъ быть исправляемы другими мѣрами, постановленными на тѣ же случаи въ 651 ст. уложенія о наказаніяхъ, а именно удержаніемъ у нихъ части изъ платы въ пользу артели ²⁾).

Переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ взысканій и наказаній, которыми рабочіе подвергались на промыслахъ на основаніи ихъ договоровъ съ золотопромышленниками, причемъ мы увидимъ, что въ контрактахъ 50-хъ годовъ артельная расправа не играетъ уже той видной роли, какъ прежде, и чувствуется усиленіе произвола пріисковыхъ управленій.

Мы видѣли, что и за лѣченіе дѣйствительно больныхъ нѣкоторыя компаніи дѣлали съ рабочихъ извѣстные вычеты, уклоняющіеся же отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни вездѣ подвергались тѣмъ или другимъ штрафамъ, хотя фельдшера, о которыхъ намъ далъ хорошее понятіе Кривошапкинъ, конечно, были и не въ состояніи отличить притворяющагося отъ дѣйствительно больного ³⁾). Въ договорѣ 1859 г. съ Асташе-

уложенія) по два рубля за каждаго (за каждый день промедленія, срав. *В. Латкинъ*, „Золотопромышленность въ Сибири“, 23). Это предложеніе гр. Блудовъ нашелъ основательнымъ.

¹⁾ Арх. Горн. Департ., по описи № 90, дѣло № 395/608, л. 2—30.

²⁾ Арх. Горн. Департ., по описи № 90, дѣло № 291/502, л. 4—5.

³⁾ По договору съ Онуфровичемъ 1854 г., съ рабочихъ, притворно объявившихъ себя больными, пріисковому управленію предоставлялось право вычитать не только стоимость продовольствія, но и за употребленія (на лѣченіе здоровыхъ?) лѣкарства каждый день по 15 коп. По договору съ Кововаловымъ (1855 г.), съ тѣхъ, „кто не явится къ работѣ въ назначенное время по лѣности или упрямству“, пріисковое

вымъ рабочіе предоставляли присковому управленію право „взыскивать съ безусловно провинившихся, а именно: изболченныхъ при урочной работѣ въ подвозкѣ таратаекъ съ пескомъ въсомъ менѣе опредѣленнаго считать двѣ таратайки за одну; за отлучку безъ позволенія съ приска, за невыходъ на работу чрезъ лѣность и нерадѣніе подъ предлогомъ болѣзни, за отбытіе съ работъ ранѣе опредѣленнаго времени взыскивается и *записывается въ плату* въ разсчетный листъ по 1 р. 50 к. въ каждый день или подвергать себя полицейскому исправленію (т.-е. тѣлесному наказанію) горнымъ исправникамъ или артельною расправой“. Тутъ, прежде всего, обращаютъ вниманіе слова: вычеты „записываются въ плату“, т.-е., вѣроятно, заносится какъ бы выданные деньгами, „со счета кассы“ по присковой терминологіи. Изъ договоровъ съ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (сѣверно-енисейской системы) мы также видимъ, что размѣръ вычетовъ съ теченіемъ времени все увеличивается. Это заставляетъ думать, что условія о штрафахъ не оставались пустою формальностью, иначе ихъ незачѣмъ было бы увеличивать ¹⁾.

Въ договорахъ съ рабочими назначались вычеты не только за уклоненіе отъ работы, но и за недоработку урока ²⁾. Силы рабочаго напругались для исполненія урока, такъ какъ за недоработку въ будни ему грозилъ вычетъ по старательской оцѣнкѣ, хотя вознагражденіе за трудъ полагалось по будничной, гораздо болѣе дешевой нормѣ.

Различныя наказанія грозили рабочимъ за неповиновеніе присковымъ властямъ ³⁾. По договору съ Коноваловымъ 1855 г. за неповино-

управленіе имѣло право взыскивать по 1 р. с. за каждый прогульный день, между тѣмъ какъ по договору съ тѣмъ же Коноваловымъ 1842 г. полагалось взыскивать за уклоненіе отъ работъ по 1 руб. асс., и то лишь въ случаѣ прогула болѣе трехъ дней. По общимъ контрактамъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.), за уклоненіе отъ работъ, какъ и по договору 1843 г., назначался вычетъ въ размѣрѣ 1 руб. за каждый день, проведенный безъ работы, а по договору 1859 г., за пребываніе въ лазаретѣ съ притворною болѣзью опредѣлено уже взыскивать по 1 р. 50 к.

¹⁾ По договору съ К^о Рязановыхъ 1851 г. за уклоненіе отъ работъ и требованіе разсчета прежде срока компаніи предоставлялось за каждый прогульный день вычитать по 1 р. 50 к. По договору съ томъ же К^о 1854 г., присковое управленіе за самовольную отлучку, несвоевременный выходъ на работу, преждевременный уходъ съ нея и за уклоненіе отъ работы подъ предлогомъ болѣзни имѣло право вычитать съ виновнаго за каждый недоработанный часъ 50 к., за полдня 2 руб. и за цѣлый день 3 р., а въ договорѣ 1855 г. еще прибавлено: „за непротирку песковъ взыскивать при малѣйшемъ знакѣ золота въ откидныхъ отвалахъ, какъ бы за золотникъ онаго, по 4 р.“

²⁾ По договору Асташева 1853 г. съ рабочими, нанявшимися для снятія турфа, хозяинъ выговорилъ себѣ право дѣлать вычетъ за каждую недоработанную сажень въ размѣрѣ старательской платы, за исключеніемъ того случая, если встрѣтится мерзлота. По нѣкоторымъ договорамъ, вычетъ назначался лишь за недоработку, превышающую $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ сажени.

³⁾ Въ договорѣ съ Онуфровичемъ 1854 г. была почти дословно повторена статья закона 30 апрѣля 1838 года, по которой рабочіе подвергались за различныя про-

веніе, непослушаніе и непочтительность рабочихъ „имѣли право хозяинъ, управляющіе и старшіе приказчики *взыскивать*“ съ нихъ „по *усмотрѣнію сами* или отдавать на расправу артели“. Тутъ уже, очевидно, присковому управленію предоставлялась возможность самому подвергать рабочихъ тѣлесному наказанію, хотя по закону это право принадлежало только артельной расправѣ и горнымъ исправникамъ. По договорамъ съ Асташевымъ (1850, 1853 и 1857 гг.), „въ случаѣ прекращенія работъ ранѣе означеннаго въ контрактѣ срока всею артелью, на промыслѣ находящеюся, или скопищами изъ нѣсколькихъ человекъ, а въ особенности... съ намѣреніемъ препятствовать продолженію работъ другими артелями виновные“, сверхъ денежнаго взысканія за нерабочіе дни въ пользу Асташева, „за нарушеніе порядка и условія подвергаются отвѣтственности предъ судомъ“. Наконецъ, по договору 1858 г., рабочіе, нанявшіеся къ Асташеву для вскрыши турфа, прямо предоставляли промысловому управленію дѣлать съ нихъ „*полицейское взысканіе*“ въ случаѣ лѣности, неповиновенія и грубости. Такимъ образомъ, не предоставленное закономъ присковымъ управленіемъ право подвергать рабочихъ по собственному усмотрѣнію (безъ посредства артельной расправы) тѣлесному наказанію теперь уже откровенно выговаривалось золотопромышленниками въ договорахъ найма. Нужно, впрочемъ, думать, что и прежде золотопромышленники пользовались этимъ правомъ безъ всякихъ договоровъ и стали упоминать о немъ въ контрактахъ лишь тогда, когда оно стало подвергаться отрицанію или сомнѣнію подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ правительственныхъ сферахъ.

Рабочіе въ договорахъ пытались оградить себя отъ крайней жестокости со стороны промысловаго управленія, но самая форма подобныхъ оговорокъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало была защищена ихъ личность отъ суроваго произвола. Въ договорѣ съ Коноваловымъ (1855 г.) сказано: „Въ огражденіе себя поставляемъ въ непремѣнное наше требованіе, чтобы не было причиняемо намъ самовольно безъ вѣдѣнія управляющаго промысломъ *служителями тяжкихъ побоевъ и другихъ жестокостей*, вредныхъ здоровью, а поступлено было бы за всякіе противные проступки съ нами согласно уложенія о частной золотопромышленности въ Сибири §§ 51 и 55“ (т.-е. по постановленію артельной расправы). Самая необходимость подобной оговорки свидѣтельствуетъ, что кулаки и розги пускали въ ходъ даже и низшіе промысловые служащіе, а что тѣлесное наказаніе производилось по усмотрѣнію самой

ступки наказанію по приговору артельной расправы прибавкою работы, вычетомъ въ пользу артели и розгами до 100 ударовъ или „полицейскому исправленію“ чрезъ горнаго исправника.

пріисковой администраціи, это видно и изъ текста приведенныхъ выше договоровъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, и безъ свидѣтельства очевидцевъ мы могли бы не сомнѣваться въ томъ, что пріисковые служащіе часто пускали въ ходъ розги и кулаки, но мы можемъ сослаться и на показаніе Кривошапкина, по словамъ котораго были „извѣстны случаи“, что довѣренные сѣкли рабочихъ, когда они „либо не заслуживали никакого наказанія, либо подлежали уже судебнымъ разбирательствамъ“ ²⁾. По словамъ г. Саввинныхъ, въ „страшное и темное время сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ“ золотопромышленники „не знали себѣ границъ въ жестокостяхъ и деспотизмѣ къ рабочимъ. Сейчасъ хотя и рѣдко,—продолжаетъ онъ,—но встрѣчаются на пріискахъ дряхлые старики, всю жизнь свою прожившіе на пріискахъ,—эти могикане, служащіе намъ живую лѣтопись давно минувшихъ дней, вынесшіе на своихъ плечахъ весь ужасъ того страшнаго времени, когда на *бортахъ разрывовъ лежали врага приотловленныхъ розогъ*, когда рабочій не могъ пикнуть безнаказанно даже въ томъ случаѣ, когда онъ въ изнеможеніи не могъ работать“ ³⁾. Впрочемъ въ половинѣ 60-хъ годовъ, какъ увидимъ ниже, произошло въ этомъ отношеніи весьма замѣтное смягченіе нравовъ.

По нѣкоторымъ контрактамъ рабочимъ за дурное поведеніе грозилъ переводъ на хуже оплачиваемую работу, какъ, напримѣръ, изъ „цеховыхъ“ въ чернорабочіе. Во многихъ договорахъ пріисковыя управления предоставляли себѣ право разсчитывать во всякое время по своему усмотренію рабочихъ, для которыхъ такой досрочный расчетъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, тѣмъ болѣе, что мѣстная администрація начинала въ 50-хъ годахъ принимать мѣры для высылки съ пріисковъ уволенныхъ рабочихъ. Горный исправникъ южно-енисейской системы Чайковский обративъ вниманіе на то, что разсчитанные рабочіе „шатаются по пустымъ зимовьямъ и могутъ допустить себя до преступленій“, въ циркулярѣ отъ 8 августа 1858 г. просилъ пріисковое управленіе всѣхъ разсчитанныхъ рабочихъ представлять къ нему „для отправленія ихъ партіями при старостахъ“ ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ договорахъ хозяева вы-

¹⁾ Въ договорахъ съ Асташевымъ рабочіе также ставили условіемъ не причинять имъ „самовольно тяжкихъ побоевъ и жестокостей, здоровью вредныхъ“, какъ это показывалось и текстомъ закона 1838 года, однако же, претензіи по этому поводу они должны были предъявлять или немедленно, или при первой возможности, иначе онъ не принимался во вниманіе.

²⁾ „Енис. Округъ“, стр. 174.

³⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., № 64. Къ приведеннымъ словамъ автора редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе: „Ужасы эти дѣйствительно были. Теперь, слава Богу, они рѣдки, но не совсѣмъ немислимы, и нѣчто подобное происходитъ на пріискахъ иногда и нынѣ“.

⁴⁾ Арх. Гаврил. пріиска Кытмановыхъ, дѣло 1858 г. № 114, л. 115—116.

говаривали себѣ еще болѣе важное право нанять на счетъ разсчитаннаго другого рабочаго, „хотя и съ передачею въ цѣнѣ“, причемъ разсчитанные должны были отвѣчать всею своею собственностью, какая найдется не только при нихъ, но и на мѣстѣ ихъ причисленія. Впрочемъ, это постановленіе едва-ли когда либо примѣнялось.

Высшею полицейскою властью въ промысловыхъ округахъ были горные исправники (переименованные изъ особыхъ засѣдателей земскаго суда). Завѣдываніе техническою частью находилось въ рукахъ горныхъ ревизоровъ (изъ числа горныхъ инженеровъ). Казацкія команды, находившіяся на промыслахъ для охраненія порядка, подчинялись горнымъ исправникамъ ¹⁾.

Бѣгство рабочихъ съ промысловъ происходило не въ особенно значительныхъ размѣрахъ, волненій же ихъ въ 50-хъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было. Въ пятидесятыхъ годахъ бѣжало съ промысловъ всей Восточной Сибири отъ 2,6% (въ 1857 г.) до 4,1% рабочихъ (въ 1851 и 1856 гг.); изъ числа бѣжавшихъ ловили въ 1856—58 гг. отъ 29 до 38% ²⁾. Съ промысловъ Енисейской губ. въ этотъ же періодъ времени бѣжало отъ 2 до 4,8% рабочихъ, причемъ процентъ бѣжавшихъ къ концу этого десятилѣтія сталъ видимо уменьшаться; изъ числа бѣжавшихъ ловили отъ 19 до 41% ³⁾. Относительно южно-енисейской системы мы имѣемъ данныя (1856—59 гг.), которыя показываютъ, что бѣжали преимущественно поселенцы, а именно, въ 1856 г. поселенцы составляли 83% бѣжавшихъ, въ 1857 г.—80%, въ 1858 г.—79% и, наконецъ, въ 1859 г.—71% ⁴⁾. Постепенное уменьшеніе процента бѣглыхъ изъ ссыльно-поселенцевъ объясняется и вообще уменьшеніемъ процента поселенцевъ въ числѣ пріисковъ рабочихъ.

Что приходилось выносить рабочему, рѣшившемуся бѣжать съ пріиска, хорошо рисуется въ воспоминаніяхъ одного ссыльно-поселенца, нанявшагося на пріиски Енисейскаго округа въ 1857 г. и вскорѣ бѣжавшаго съ нихъ.

Съ мѣста причисленія онъ шелъ съ своею партіей до г. Енисейска въ мартѣ мѣсяцѣ 18 дней. Проживши здѣсь одни сутки, они получили по полпуда

¹⁾ На промыслахъ Восточной Сибири въ 1856—58 гг. было отъ 310 до 324 законовъ.

²⁾ Отчеты ген.-губ. Вост. Сиб. за 1851—53 г. въ дѣлахъ Сибир. Комит. въ Арх. Комит. Министровъ. Иркут. Губ. Вѣд. 1857 г. № 2, 1858 г. № 23 1859 г. № 11.

³⁾ Отчеты енис. губ. въ дѣлахъ Сибир. Комит. въ Арх. Ком. Мин. На нѣкоторыхъ промыслахъ процентъ бѣжавшихъ значительно выше: такъ, съ пріисковъ Удереиской К^о въ 1852 г. бѣжало почти 16%; это объясняется небольшими заработками рабочихъ этой компаніи, что въ свою очередь могло зависѣть отъ страшной дороговизны вещей и припасовъ въ пріисковыхъ магазинахъ. „Сиб. Вѣст.“ 1890 г. № 66.

⁴⁾ *Кривошапкинъ*. „Енис. округъ“, стр. 195.

сухарей и отправились въ тайгу за 270 верстъ, куда шли 10 сутокъ. По прибытіи на пріискъ имъ дали отдохнуть одни сутки, а затѣмъ пошла ежедневная работа, и начинавшаяся, и кончавшаяся по колокольчику; послѣ звонка подрядчики и козакі гнали всѣхъ на „раскомандировку“. „Какъ другіе, такъ и я началъ отваливать мерзлую землю, вывозить ее на лошадяхъ или на себѣ въ тачкѣ... Къ сѣверу отъ Енисейска климатъ холодный и очень непостоянный... Какъ во время дождя или послѣ снѣга придется возить одноколесную тачку, такъ и бѣда. Колесо... не имѣетъ ходу, самому также нѣтъ возможности идти; нога скользнетъ, спотыкаешься, падаешь... а тутъ еще руки опухли отъ работы, ослабъ весь, но нѣтъ тебѣ никакой поддержки въ болѣзненномъ положеніи, никакого облегченія... Пища худая, глѣчить не думаютъ ¹⁾... Наконецъ, прекратилось наше терпѣніе... коренные хорошіе работники не въ состояніи стали выносить тягости работъ и разбѣжалось около 70 человекъ“. Бѣжали и авторъ воспоминаній съ своимъ пріителемъ. Цѣлую ночь бѣжали они, не останавливаясь, по лѣсу, выбрались на енисейскую дорогу и стали пробираться лѣсомъ неподалеку отъ нея. Однако на третьи сутки безъ пищи они стали ослабѣвать, но проѣзжающій старикъ далъ имъ маленькій хлѣбецъ. Вдругъ около берега широкой и быстрой рѣчки, пересѣкающей дорогу, они увидѣли огонь. „Два козака побѣжали за нами, и мы, не рассчитывая тогда на жизнь и не дорожа ею, бросились въ рѣчку, кое-какъ переплыли ее, поднялись на берегъ и ударились прямо въ гору. Бѣжали мы тутъ безъ души—долго, очень долго и остановились тогда только, когда не могли уже бѣжать дальше. Мокрое платье стало застывать на тѣлѣ; мы начали мёрзнуть и принуждены были развести огонь, чтобы высушиться и отогрѣться. Утромъ на разсвѣтъ слышимъ началась переправа черезъ рѣчку для нашей поминки: повелительные крики козакѣвъ и лай собакъ раздавались гдѣ-то не очень далеко. Видимъ, нечего намъ тутъ охать и мѣшкать, схватили мы свои котомки и бросились въ путь. Голодъ уже порядочно истощилъ насъ, мы были слабы, а потому и бѣгство наше было нелегкое. Мы часто спотыкались и падали, пробираясь по сухому лѣсу, но не думали ни разу остановиться, хоть для небольшого отдыха, и все бѣжали впередъ и впередъ... А какое гористое было это мѣсто! Только и знали мы, что подниматься въ гору, да спускаться съ горы“. Наконецъ, они заблудились. „Обезсиленные и голодные, рѣшили мы ночевать на горѣ, покрытой мохомъ, разложили огонь и сварили чаю... Чай и котелокъ мы захватили еще съ пріиска“. Настали, наконецъ, девятые сутки со времени ихъ бѣгства; а они не употребляли „никакой пищи, кромѣ маленькаго хлѣба, подареннаго проѣзжимъ старикомъ. Голодъ сильно насъ мучилъ, мы теряли почти послѣднія силы“, когда, наконецъ, напали на тропинку, но были не въ силахъ двигаться далѣе и расположились на ночлегъ. На десятые сутки голода они стали уже прощаться другъ съ другомъ и готовиться къ смерти, какъ вдругъ увидѣли полевой лукъ, поѣли его немного, захватили съ собою про запасъ и, освѣжившись, двинулись впередъ. Скоро тропинка ко берегу рѣки вывела ихъ на мѣсто, гдѣ они спаслись бѣгствомъ отъ козакѣвъ. Переправившись вплавь черезъ рѣчку и чуть не утонувъ при этомъ, бѣглецы, высушивъ одежду на разведенномъ огнѣ, отправились дальше въ путь. „Шатаясь, какъ полумертвые, послѣ каждыхъ 10 шаговъ мы опускались на землю для отдыха и, разсматривая при этомъ другъ друга, не могли надивиться постнымъ, блѣднымъ и страшнымъ нашимъ лицамъ. Въ двѣнадцатые сутки вышли мы на дорогу“, легли совершенно обезсиленные и стали

¹⁾ Дѣло идетъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, о пріискахъ Голубкова и Бенардаки.

вновь прощаться другъ съ другомъ. Но тутъ ихъ нашли „золотопромышленники“, т.-е. присковые рабочіе, шедшіе съ одного дальняго прииска, которые и насыпали имъ въ шапку сухарей. Размочивъ часть ихъ въ ручейкѣ, бѣглецы подкрѣпились.

На слѣдующій день они подошли къ какому-то зимовью, и такъ какъ у нихъ было съ собою немного денегъ, то захотѣли купить у зимовщика сухарей, но не успѣли ихъ взять, какъ увидѣли спускающихся съ горы всадниковъ. Зимовщикъ указалъ имъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ можно было скрыться, но тутъ авторъ воспоминаній наткнулся на собакъ зимовщика и, спасаясь отъ нихъ, потерялъ своего товарища. На другой день Кузнецовъ ¹⁾ былъ арестованъ козакомъ, который поѣхалъ съ нимъ обратно къ зимовью. На встрѣчу имъ попался товарищъ Кузнецова, который на вопросъ козака о видѣ не потерялся и досталъ изъ котомки присковый расчетный листъ. Безграмотный козакъ удовлетворился этимъ, но потомъ, подслушавъ разговоръ Кузнецова съ зимовщикомъ, арестовалъ его товарища. Козакъ препроводилъ ихъ на Алиндахское зимовье и сдалъ другому козаку, но тотъ надѣлалъ каждому изъ нихъ четырьмя фунтами сухарей и отпустилъ, указавъ путь, идя по которому они могли встрѣтить двухъ рыболововъ и спокойно тамъ отдохнуть. Когда они уже скрылись, добрый козакъ поднялъ тревогу, но направилъ ее въ противоположную сторону. Они легко добрались до рыболововъ; тутъ, вслѣдствіе фальшивой тревоги, товарищъ Кузнецова бросился въ лѣсъ и не возвратился, но младшій изъ рыболововъ, какъ оказалось, тайно служившій по найму на рыбномъ промыслѣ, рѣшился замѣнить Кузнецову его товарища и пустился съ нимъ въ путь. Хозяинъ, вмѣсто денежной платы, далъ ему мѣшокъ сухарей. За ночь они изготовили себѣ плотъ и по р. Алиндахъ выплыли къ р. Питъ. Тутъ холодный сѣверный вѣтеръ заставилъ ихъ пристать къ берегу, чтобы развести огонь и отогрѣться. Когда стемнѣло, Кузнецовъ вдругъ увидѣлъ медвѣдя, который поднялся на заднія лапы и съ страшнымъ ревомъ бросился на него. „Не имѣя въ рукахъ ни малѣйшей обороны, я успѣлъ только сложить на груди руки и сталъ ожидать смерти. Но вдругъ, стремясь ко мнѣ, медвѣдь ваткнулся на спящаго... моего спутника... и остановился надъ нимъ. Онъ раскрылъ у него сперва одежду, какъ человѣкъ, приподнявъ за плеча, а потомъ сразу запустилъ ему въ тѣло когти и началъ немилосердно рвать лапами и грызть зубами... Скоро все смокло—и ревъ медвѣдя, и вопли несчастнаго“... Когда начало свѣтать, Кузнецовъ прыгнулъ на плотъ и поплылъ внизъ по рѣкѣ, но тотчасъ слышалъ умоляющій голосъ товарища, который просилъ не покинуть его и взять съ собою. Оказалось, что на головѣ у него ключами болталась кожа и страшно нависла надъ глазами, а самъ онъ весь былъ мокрый“. Кузнецовъ усадилъ его на плотъ, доплылъ съ нимъ до Питскаго зимовья и, оставивъ тамъ по его просьбѣ на берегу, поплылъ далѣе. „Чаще и чаще пошли такіа быстрыя мѣста, что я несся по нимъ подобно птицѣ. Между тѣмъ, начали еще встрѣчаться среди рѣки огромные камни; сильный вѣтеръ сталъ крѣпчать больше и больше, я выбился изъ силъ. Править потомъ мнѣ стало рѣшительно невозможно, я легъ на него и... отдался на волю Божію. Смотрю, плотъ мой то здѣсь, то тамъ началъ ударяться о камни, валы по временамъ чуть не ставили его ребромъ, и скоро почувствовалъ я, что мнѣ приходится довольно круто въ такомъ положеніи. А тутъ еще и быстрота рѣки при поворотѣ теченія въ южную сторону оказалась немнѣйшею; пороги пошли большіе и опасные; валы усилились еще больше, и мой плотникъ, какъ щепку, начало побрасывать изъ стороны въ сторону, отъ

¹⁾ Этимъ именемъ подписаны воспоминанія.

камня къ камню... Вдругъ плоть мой ударился со всего размаху о такъ называемый косою камень и разлетѣлся въ разные стороны. Самъ я едва успѣлъ ухватиться за два бревешка, которые какъ-то удержались на тонкой связи, и поплылъ съ ними весь въ водѣ, только придерживаясь руками и налегая грудью на нихъ, чтобы не утонуть окончательно... Меня несло почти по самой срединѣ рѣки и, вѣроятно, я проплылъ такимъ образомъ уже верстъ 15, какъ послѣднія силы стали окончательно оставлять меня. Вода въ р. Питъ, какъ и вообще въ здѣшнихъ рѣкахъ, чрезвычайно холодная, и потому, пробывши въ ней, можетъ быть, около часу, я закоченѣлъ. Ноги мои уже перестали двигаться, руки также потеряли всякую силу... Вдругъ увидѣлъ я на берегу строеніе зимовья Сухой Питъ, и подплывая къ нему, началъ звать на помощь... Быстро выбѣжали оттуда... два козака, бросились въ лодку, подплыли ко мнѣ и спасли меня". Черезъ два дня послѣ того „на рѣкѣ показались 6 плотовъ съ людьми, и козаки, завидя ихъ, сейчасъ же рѣшили, что это бѣглецы рабочіе съ присковъ, и пустились за ними въ лодкахъ. Пять плотовъ успѣли, однако, пристать къ противоположному берегу, и люди съ нихъ разбѣжались по тайгѣ, но шестой плотъ остался на рѣкѣ, и козаки бросились на него. Рабочіе долго отбивались шестью отъ преслѣдованія, но, наконецъ, козаки осилили ихъ, схватили и привели бѣглыхъ на зимовье". Среди нихъ оказался и первый товарищъ Кузнецова, вмѣстѣ съ которымъ онъ и былъ отправленъ подъ карауломъ казаковъ обратно въ тайгу въ распоряженіе исправника. Въ канцеларія его онъ встрѣтилъ своего знакомаго, какого-то разжалованнаго капитана, и по просьбѣ его получилъ по возвращеніи на прискъ болѣе легкую работу, а именно, его опредѣлили ночнымъ караульнымъ въ разрѣзъ. При расчетѣ 10 сентября его, какъ должника, хотѣли-было оставить на прискахъ и на зиму, но кое-какъ онъ получилъ увольнительный видъ и 10 фунтовъ сухарей и отправился обратно въ Енисейскъ ¹⁾).

Изъ этого разсказа видно, что бѣглецамъ не легко было выбраться благополучно изъ тайги и, какъ было указано выше, около трети ихъ и болѣе обыкновенно ловили, а пойманному поселенцу грозили первоначально плети (за второй побѣгъ), а за третій и каторжная работа, позднѣе же, со второй половины 50-хъ годовъ, розги, тюремное заключеніе и отдача въ арестантскую или поселенческую роту. При такихъ условіяхъ нужны были серьезныя причины, чтобы рѣшиться на побѣгъ. „Тогда были сильныя кордоны,—говорить г. Саввинъ въ своей статьѣ о времени сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ,—устраивались летучіе отряды изъ козаковъ и служащихъ для поимки бѣглыхъ, а золотопромышленныя компаніи были настолько сильны, что для нихъ ничего не значило доставать бѣжавшихъ живыми или полуживыми. Это было время жестокаго деспотизма и произвола. Рабочіе, находясь на частныхъ золотыхъ промыслахъ, были въ условіяхъ, можетъ быть, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ крѣпостные у нѣкоторыхъ помѣщиковъ" ²⁾).

Волненій на прискахъ въ 50-хъ годахъ, сколько намъ извѣстно, не было. Скарятинъ (въ 1860 году) писалъ: „Бунты бываютъ очень

¹⁾ „Томск. Губ. Вѣд.“ 1863 г., часть неофф. №№ 45, 47 и 48.

²⁾ „Положеніе рабочихъ на енис. золотыхъ прискахъ“. „Сибир. Вѣст.“ 1890 г. № 64.

рѣдко, въ теченіе 10 лѣтъ я не слыхалъ ни объ одномъ: да и кромѣ того бунты эти вовсе не такого свойства, чтобы нужны были военныя средства, — вѣдь, весь бунтъ заключается обыкновенно въ томъ, что рабочіе отказываются работать. Въ прежнее время въ Бирюсъ *взбунтовались*, такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ-за какихъ-то неладовъ съ управляющимъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, кромѣ отказа работать, прибавилъ еще кого-то. На пріиски пріѣхалъ адъютантъ генералъ-губернатора и сразу усмиривъ бунтъ. Теперь пусть читатель вообразить себѣ: съ одной стороны адъютанта со шпагой и нѣсколько козаковъ съ тѣмъ жалчайшимъ оружіемъ, какое имѣли сибирскіе козаки въ то время, а съ другой — тысячи раздраженныхъ рабочихъ съ ломами, топорами, кайлами и т. п., пусть прибавитъ еще къ этому, что дѣло происходило въ пустынной тайгѣ за сотни верстъ бездорожья отъ тѣхъ мѣстъ, откуда можно было получить вооруженную силу, и затѣмъ спросить себя, нуженъ ли военный судъ? Тутъ, какъ это случается очень часто, рабочіе сопротивлялись до тѣхъ только поръ, пока думали, что право и высшая мѣстная власть на ихъ сторонѣ, а затѣмъ покорились адъютанту“¹⁾).

Показанія современниковъ значительно расходятся относительно того, сколько рабочіе зарабатывали на промыслахъ въ рассматриваемое время. К — въ, авторъ уже извѣстной намъ статьи²⁾ о рабочей платѣ на промыслахъ Енисейскаго округа и Бирюсинской системы, приходитъ къ выводу, что въ теченіе лѣтней операции, т. е. 5 мѣсяцевъ, рабочіе могли тамъ заработать около ста рублей³⁾, но расчетъ нашего автора, по его словамъ, относится только къ промысламъ наиболѣе благоустроеннымъ. „Если нѣтъ остановки въ дѣйствіяхъ машины, — говоритъ онъ, — если лошади исправны и перевозка песковъ недалеко и удобна, въ такомъ случаѣ ра-

1) *Скарятинъ*. „Замѣтки золотопромышленника“. Спб. 1862 г., II, 218—220.

2) Напечат. въ „Москов. Вѣдом.“ 1854 г.

3) По его расчету рабочій, въ будній день на урочной и старательской работѣ, могъ получить 60 коп. (что для будняго дня слишкомъ много). Беря въ расчетъ 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ и считая въ каждомъ изъ нихъ 25 рабочихъ дней, онъ получаетъ всего 125 такихъ дней, но считаетъ необходимымъ исключить изъ нихъ 10—15 дней, во время которыхъ рабочій увольняется отъ урочныхъ занятій на отдыхъ, для кровопусканія или подъ предлогомъ именинъ и нездоровья. Такимъ образомъ, за 110 рабочихъ дней работникъ долженъ получить 66 рублей. Затѣмъ въ теченіе этого же времени авторъ насчитываетъ 28 праздничныхъ дней; исключивъ 8 праздниковъ на отдыхъ, онъ полагаетъ, что въ остальные 20 праздничныхъ дней каждый рабочій можетъ получить на „стараніи“ при снятіи турфа или промывки песковъ, считая ежедневно по $\frac{1}{2}$ сажени или по 1 р. 75 к., всего 35 р. с. Итого, за будничныя и праздничныя работы придется за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ 101 рубль или по 20 р. въ мѣсяцъ. „Надобно замѣтить, — прибавляетъ авторъ, — что есть много рабочихъ, которые въ праздникъ зарабатываютъ вдвое болѣе“.

бота идетъ скоро, и часто одинъ рабочій успѣваетъ за двухъ въ сравненіи съ тѣми промыслами, гдѣ менѣе порядка или удобства... Тамъ, гдѣ соблюдается строгій порядокъ, рабочій, исполнивъ хозяйскій урокъ, имѣетъ довольно времени для „старанія“ и для отдыха, но гдѣ машина не исправна и лошади плохи или голодны, тамъ рабочіе не только почти не имѣютъ времени на „стараніе“, но даже не всегда успѣваютъ исполнять хозяйскіе уроки. Отсюда происходитъ то, что рабочіе, находящіеся на небогатыхъ, но исправныхъ промыслахъ, получаютъ гораздо болѣе тѣхъ, которые работаютъ на прискахъ богатыхъ по достоинству разсыпей, но дурно устроенныхъ“.

Въ другомъ мѣстѣ статьи авторъ вновь возвращается къ этому вопросу. „Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—не всѣ золотопромышленники ведутъ дѣла свои правильно и благонамѣренно; многіе, не понимая дѣла или имѣя въ виду свои расчеты, дѣйствуютъ такъ, что рабочій, явившійся на прискъ получить вознагражденіе за трудъ, по справедливости тяжелый, удаляется изъ тайни съ пустымъ карманомъ, а иногда и въ дому. Это происходитъ сколько отъ распорядженія золотопромышленника, на прискъ котораго находится рабочій, столько и отъ различныхъ удобствъ самаго приска. На это послѣднее, весьма важное, обстоятельство рабочій обращаетъ особенное вниманіе. При встрѣчѣ съ работниками, вышедшими изъ другихъ присковъ, рабочіе обыкновенно освѣдомляются другъ у друга и передаютъ подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ ведутся дѣла у того и у другого хозяина, каковы условія, распоряженія, удобства и неудобства мѣстности, добросовѣстно ли рассчитываются съ рабочими, тяжелы или легки уроки?... Рабочіе очень хорошо знакомы съ состояніемъ промысловъ и, соображаясь съ обстоятельствами, стараются поступать, разумѣется, туда, гдѣ имъ лучше. Часто они охотно нанимаются на прискъ, хотя и бѣдный по добычѣ золота, но гдѣ существуетъ правильное устройство, удобства жизни, хорошее содержаніе, гдѣ обращеніе съ рабочими благоразумно, гдѣ справедливо и скоро рассчитываются и гдѣ даютъ средства къ заработкѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, К—въ не могъ не признать, что на нѣкоторыхъ прискахъ рабочіе не только не имѣли времени на „стараніе“, но даже не всегда успѣвали исполнить хозяйскіе уроки, что имъ случалось уходить съ присковъ не только съ пустымъ карманомъ, но и въ долгу; однако, эти признанія лишь мимоходомъ срываются у него съ пера, самъ же онъ рисуетъ положеніе рабочихъ въ весьма прикрашенномъ видѣ.

Ближе къ истинѣ выводъ Севастьянова (1859 г.), тѣмъ болѣе, что онъ принимаетъ во вниманіе разность заработка различныхъ разрядовъ рабочихъ. По его словамъ, рабочіе, занимающіеся добычею, свалкою и

¹⁾ Отдѣльный оттискъ ст. И. К—ва, стр. 16—17, 20—21, 25—26.

промывкою песковъ, получали контрактной, старательской и праздничной платы въ среднемъ 70 к. въ день, рабочіе, вскрывавшіе турфъ, и возчики, 60 к., прочіе чернорабочіе до 40 к.¹⁾ Если мы примемъ, какъ и К—въ, въ лѣтнюю операцію 130 рабочихъ дней, то первый разрядъ рабочихъ могъ заработать въ лѣто 91 рубль, второй 78 рублей и третій 52 рубля.

По разсчету автора статьи, напечатанной въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1859 г. за подписью „Оппонентъ“, присковые рабочіе въ 4^{1/2} лѣтніе мѣсяца могли заработать отъ 72 до 77 руб.²⁾, но и онъ указываетъ на то, что, вслѣдствіе полученія значительнаго задатка, рабочему сплошь и рядомъ приходится уходить съ промысловъ съ пустымъ карманомъ или даже оставаясь въ долгу.

Что касается заработка въ зимнюю операцію, то, по словамъ К—ва, рабочимъ платили тогда отъ 5 до 15 руб. въ мѣсяцъ (мы видѣли, что послѣднее вознагражденіе получали только немногіе мастеровые и конюхи). Принявъ средній размѣръ жалованья 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ (?), онъ вычисляетъ, что за семь мѣсяцевъ рабочий получить 52 руб. 50 к., что составитъ, по его разсчету, вмѣстѣ съ лѣтнимъ заработкомъ около 150 р. с. въ годъ на хозяйскомъ продовольствіи. „Эта цифра, — увѣряетъ К—въ, можетъ служить мѣрою самаго меньшаго (??) заработка простого работника, не знающаго никакого мастерства, а плотники, кузнецы, конюхи и другіе ремесленники легко могутъ пріобрѣтать до 200 р. с. и даже болѣе. На каждаго годоваго работника, по валовому разсчету присковой конторы, приходится обыкновенно въ выдачу отъ 160 до 180 р. с.“³⁾. Но мы увидимъ, что этого отнюдь нельзя принять не только за средній, но даже за болѣе или менѣе частый заработокъ.

Выводы К—ва о заработкѣ рабочихъ относятся къ Енисейскому округу и Бирюсинской системѣ, Севастьянова — также къ Енисейскому округу; къ южной части этого округа относится и новѣйшая статья г. Саввинныхъ „Положеніе рабочихъ на енисейскихъ золотыхъ прискахъ“⁴⁾ въ которой онъ сравниваетъ бытъ рабочихъ въ началѣ 50-хъ и въ концѣ 80-хъ годовъ. Выводы этого автора основаны на документахъ Удерейской компаніи (южно-енисейской системы). Изъ разсчетной книги компаніи Бенардаки, Рязановыхъ и Щеголева 1852 г. авторъ беретъ данныя о заработкѣ рабочихъ и указываетъ на то, что заработокъ 3 годо-

¹⁾ „Горн. Журн.“ 1862. № 3, стр. 566.

²⁾ К—въ принимаетъ для своего разчета 5 рабочихъ мѣсяцевъ лѣтней операціи, а „Оппонентъ“ 4^{1/2} (съ 1 мая по 10 сентября), но зато К—въ, кромѣ 8 праздниковъ, допускаетъ 15 прогульныхъ дней.

³⁾ И. К—въ. „О настоящемъ порядкѣ работъ“ (отд. отт., стр. 21).

⁴⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1890 г., №№ 64 и 66.

выхъ рабочихъ колеблется между 40 и 77 рублями (въ среднемъ 59 руб.), а заработокъ 7 лѣтнихъ рабочихъ колеблется между 27 и 42 руб. (въ среднемъ безъ малаго 34 р.). Общій выводъ автора изъ данныхъ о 10 рабочихъ тотъ, что средній ихъ заработокъ равнялся 41 руб. На основаніи отчета 1854 г. той же компаніи авторъ вычисляетъ, что рабочіе (379 человекъ) за урочную работу и старательскую работу въ будни и праздники получили въ среднемъ въ теченіе всей операціи около 37 руб. на человека, слѣдовательно, плата была не болѣе, чѣмъ въ 1852 году. Между тѣмъ, „добыча золота по отношенію къ расходамъ была настолько блестящая, что было изъ чего улучшать вознагражденіе рабочихъ“.

Выводъ г. Саввинныхъ относительно 1852 г. могъ бы возбуждать сомнѣнія, такъ какъ онъ основанъ на данныхъ о слишкомъ небольшомъ количествѣ, если бы онъ не подтверждался выводомъ о 1854 годѣ, основанномъ на свѣдѣніяхъ о всѣхъ рабочихъ Удереиской компаніи. Но, кромѣ того, благодаря любезности А. А. Саввинныхъ, мы могли проверить и его первый выводъ, такъ какъ въ нашихъ рукахъ находится первая часть той же самой расчетной книги компаніи Бенардаки, Разановыхъ и Щеголева, изъ которой онъ заимствовалъ данныя для своей статьи; съ этою цѣлью мы взяли свѣдѣнія о гораздо болѣе значительномъ количествѣ рабочихъ, а именно о 45 годовыхъ и 39 лѣтнихъ (всего 84 человекъ). Мы брали тѣхъ рабочихъ, которые работали все время, т.-е. не бѣжали, не умерли и не были рассчитаны прежде срока показимъ-либо причинамъ. При такихъ условіяхъ мы получаемъ даже наибольшіе, а не собственно средніе заработки, какіе мы будемъ имѣть, если возьмемъ всѣхъ находившихся на пріискѣ рабочихъ.

Прежде всего, мы должны отмѣтить, что въ среднемъ на каждого изъ 45 годовыхъ рабочихъ приходится около 280 рабочихъ дней. Если принять во вниманіе, что нѣкоторые начали работу лишь въ первыхъ числахъ октября, то это вовсе не мало; впрочемъ, это и естественно, такъ какъ мы взяли для расчета людей, остававшихся на промыслахъ весь годъ, т.-е. наиболѣе постоянныхъ и усердныхъ рабочихъ ¹⁾. Весь средній годовой заработокъ на каждого изъ 45 рабочихъ (т.-е. мѣсячная плата, вознагражденіе за подрядныя работы, за праздничную работу и за стараніе на золотѣ и турфахъ) окажется всего по 60 руб. 80 коп. (maximum заработка 150 руб., minimum—20 руб.), т.-е. въ среднемъ по 22 к. за каждый рабочій день, и это не такъ называемая „додача“, т.-е. чистая получка въ концѣ операціи за вычетомъ задатка и забора на промыслахъ, а весь валовой заработокъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что

¹⁾ Пищиковъ въ своей статьѣ о пріисковыхъ рабочихъ („Синѣ Отечества“ 1861 г.) говоритъ, что, считая мѣсяцъ въ 30 рабочихъ дней, на пріискахъ „въ году рабочихъ мѣсяцевъ насчитываютъ меньше 9“.

хотя выводъ г. Саввинныхъ о годовомъ заработкѣ сдѣланъ на основаніи данныхъ всего о 3 рабочихъ, но онъ весьма близокъ къ нашему: очевидно, г. Саввинныхъ удачно выбралъ дѣйствительно типичныхъ рабочихъ. Менѣе удачно онъ опредѣлилъ средній заработокъ лѣтнихъ рабочихъ на основаніи данныхъ о 7 человѣкахъ: по нашему разсчету, 39 лѣтнихъ рабочихъ, начавшіе работать въ апрѣлѣ и маѣ и кончившіе 6—9 сентября 1852 г., проработавъ среднимъ числомъ по 94 дня, заработали въ среднемъ по 43 р. 40 к. (maximum заработка 64 р., minimum—13 руб.) ¹⁾, но главная характерная черта, поразившая г. Саввинныхъ, т.-е. сравнительная незначительность заработка подтверждается.

Относительно Митрофановскаго промысла той же компаніи Бенардаки мы имѣемъ еще „разсчетъ съ рабочими жалованья и старательскаго разнаго рода работъ“ 1850 г., изъ котораго видно, что въ эту операцію средній заработокъ всѣхъ 284 рабочихъ равняется 155 руб. асс. или 44 р. сер. (maximum 615 руб. асс., minimum 5 р. асс.). Въ 1846—1847 г. средній заработокъ рабочихъ той же Удереиской компаніи равнялся 267 руб. асс. (76 р. с.), слѣдовательно, былъ значительно болѣе.

Наконецъ, въ 1858 г. заработокъ 354 рабочихъ Митрофановскаго и Воскресенскаго приискавъ Удереиской компаніи былъ нѣсколько выше 1850 г., а именно около 71 р. сер. (maximum 380 р., minimum 1 р. с.) ²⁾, т.-е., все-таки, средній заработокъ 1858 г. нѣсколько менѣе заработка 1846—1847 г. (считая 1 р. сер. равнымъ 3 1/2 р. асс.).

На промыслахъ компаніи Щеголева и Кузнецова (южно-енисейской системы) въ 1858 г. 312 рабочихъ получили въ среднемъ по 59 руб. сер. (заработали же менѣе, по 50 р.: тутъ за рабочими остался значительный долгъ) ³⁾.

На Казанскомъ промыслѣ Асташева въ операцію 1851—52 г. 44 рабочихъ, работая въ среднемъ приблизительно по 246 дней, заработали среднимъ числомъ по 67 руб. сер. (высшій заработокъ 140 руб., низшій 38 коп.), т.-е. въ среднемъ по 27 к. въ день ⁴⁾. Въ 1847 году средній заработокъ 207 рабочихъ Казанскаго промысла былъ нѣсколько ниже (200 рублей асс., около 57 руб. сер.), но нужно замѣтить, что въ числѣ 44 рабочихъ этого прииска въ 1851—1852 г. ⁵⁾ намъ пришлось взять преимущественно цеховыхъ рабочихъ, вознагражденіе которыхъ выше.

Слѣдовательно, на промыслахъ южной части Енисейскаго округа средній заработокъ рабочихъ въ 50-хъ годахъ колебался между 44 и

¹⁾ У г. Саввинныхъ средній лѣтній заработокъ 33 р. 76 к.

²⁾ Арх. Воскресен. прииска, арендуемаго г. Саввинныхъ.

³⁾ Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ („Разсчетъ съ рабочими за 1858 г.“).

⁴⁾ Арх. Асташевыхъ. Разсчеты, книга съ рабочими Каз. пром. 1851—52 гг.

⁵⁾ Годовая операція на золотыхъ промыслахъ считается отъ осени до осени.

71 р. с., а въ 40-хъ годахъ средній заработокъ въ этой же системѣ промысловъ колебался между 57 и 76 руб. сер. (въ среднемъ около 70 р.). Если мы на основаніи данныхъ относительно пріисковъ Удереиской компаніи (1850, 1852 и 1858 гг.) сдѣлаемъ выводъ за 3 года, то окажется, что средній заработокъ за это время равнялся 56 р., на промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 г. — 59 р. и на Казанскомъ промыслѣ Асташева — 67 р.; слѣдовательно, заработокъ 50-хъ годовъ на разныхъ промыслахъ колебался между 56 и 67 р. Такъ какъ по объясненнымъ причинамъ заработокъ рабочихъ Асташева выше нормальнаго, то можно признать, что абсолютная величина среднихъ заработковъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ южно-енисейской системѣ почти одинакова, причемъ, однако, заработки первой половины 50-хъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ значительно менѣе заработковъ 40-хъ годовъ. Но нужно при этомъ замѣтить, что количество рабочихъ дней въ 50-хъ годахъ весьма увеличилось сравнительно съ сороковыми. На Прокопьевскомъ пріискѣ въ 1843 г. въ среднемъ на каждого рабочаго приходилось всего 176 рабочихъ дней, на Казанскомъ пріискѣ Асташева въ 1847 г. на каждого рабочаго въ среднемъ — 153 рабочихъ дней, между тѣмъ, на томъ же Казанскомъ промыслѣ въ 1851—52 году мы считаемъ приблизительно по 246 рабочихъ дней, на пріискѣ Удереиской компаніи въ 1852 г. по 280 дней ¹⁾). Если принять это во вниманіе, то нельзя не признать, что въ дѣйствительности вознагражденіе за трудъ въ 50-хъ годахъ вообще значительно уменьшилось сравнительно съ сороковыми годами ²⁾).

На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязановыхъ (сѣверно-енисейской системы) въ операцію 1851 г. заработокъ рабочихъ былъ значительно выше, чѣмъ на извѣстныхъ намъ промыслахъ южно-енисейской системы: несмотря на то, что большинство рабочихъ начало работать въ мартѣ и апрѣлѣ и лишь весьма немногіе въ январѣ и февралѣ, такъ что здѣсь была собственно лишь лѣтняя операція, каждый

¹⁾ Средній подневный заработокъ на Казанскомъ промыслѣ въ 1847 г. равнялся 37 к. сер., а въ 1851—52 г. — 27 к. сер.

²⁾ Въ 1858 г. исправникъ южной части Енисейскаго округа въ своемъ донесеніи совѣту главнаго управленія Восточной Сибири утверждалъ, что „общая сложность заработка каждого рабочаго въ продолженіе всей годичной операціи простирается до 100 р. с. и болѣе“, но неизвѣстно, какъ онъ пришелъ къ этому выводу: быть можетъ, онъ сдѣлалъ вычисленіе относительно рабочаго, трудящагося чуть ли не 365 дней въ году, чего, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности не бывало. (Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1491, № 17/50, л. 6). Но этому свидѣтельству горнаго исправника южно-енисейской системы можно противопоставить показаніе енисейскаго жандармскаго офицера, что въ 1859 г. „большое количество рабочихъ“ вышло съ промысловъ „безъ денегъ и даже съ долгами“. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1536, № 36/131, л. 142 об.

изъ 126 рабочихъ, принятыхъ нами въ расчетъ, заработалъ по 108 р. с. (наибольшій заработокъ 230 р. с., наименьшій 80 к., кромѣ задатка ¹⁾). Значительные заработки на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ объясняются, во-первыхъ, тѣмъ, что тамъ было много отрядныхъ рабочихъ для вскрыши турфа, а отрядные, какъ мы видѣли, получали болѣе значительное вознагражденіе, и, во-вторыхъ, большимъ богатствомъ золота на пріискахъ этой компаніи ²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что указанный К—вымъ средній заработокъ въ 100 р. сер. въ лѣтнюю операцію оказался возможнымъ лишь на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ компаніи Рязановыхъ (сѣверной части Енисейскаго округа), на другихъ же промыслахъ онъ былъ гораздо менѣе, а именно въ разные годы колебался между 44 и 71 руб. средняго заработка въ годовую операцію.

Мы указали размѣръ всего заработка; теперь посмотримъ, какъ велика была одна изъ его составныхъ частей—заработокъ на старательскихъ работахъ.

Старательскія работы на промыслахъ Удереиской компаніи, а именно вознагражденіе за старательскую добычу турфа, песку и праздничные дни доставили въ 1852 г. годовымъ рабочимъ 28% заработка, а лѣтнимъ—70%; при общемъ выводѣ относительно *всѣхъ* рабочихъ въ 1850 и 1858 гг.—46%, между тѣмъ какъ въ 1846—47 гг. на пріискѣ той же компаніи старательская работа доставила всего 18% заработка.

На промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 году старательская плата (вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за золото) составляла 53% всего заработка ³⁾.

На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ компаніи Рязановыхъ (1851 г.) вознагражденіе за старательскія работы (распредѣленное на слѣдующія рубрики: „за общественное золото“, т.-е. общія старанія на пескахъ, „за почвенное золото“, т.-е. подъемное, „за вскрышу турфа“—

¹⁾ Арх. Гаврил. пр. Кытмановыхъ, „Разсчетная книга Гавр. и Ник. промысловъ“ 1851 г., № 1/139.

²⁾ Въ архивѣ А. П. Кузнецова, въ Красноярскѣ, мы нашли два реестра *поисковой партіи* (1855 и 1856 гг.), манскихъ пріисковъ (рѣка Мана, притокъ Енисея выше Красноярска); въ 1855 г. каждый изъ 50 рабочихъ, проработавъ въ среднемъ 149 дней, получилъ среднимъ числомъ 54 р., а въ 1856 г., проработавъ 120 дней, получилъ 40 р., т.-е. весь средній ежедневный заработокъ равнялся 33—37 коп. Въ поисковыхъ развѣдкахъ зимняя плата была нѣсколько выше обыкновенной.

³⁾ На Казанскомъ промыслѣ Асташева въ 1851—52 г. вознагражденіе за старательскую работу составляло всего 24% заработка. Но этотъ процентъ, выведенный изъ данныхъ о 44 рабочихъ, вѣроятно ниже дѣйствительнаго, вслѣдствіе того, что значительная часть этихъ рабочихъ принадлежала къ числу цеховыхъ, имѣющихъ менѣе времени для старанія; въ 1847 г. на этомъ пріискѣ старательская плата составляла половину заработка.

общее стараніе на турфахъ, „за выработку песка“, быть можетъ, артелями или въ одиночку и „поденныхъ“) вмѣстѣ съ небольшою суммой „наградныхъ“ составляли 55% заработка.

Слѣдовательно, если не считать Казанскаго пріиска, процентъ старательскаго заработка въ общемъ заработкѣ на енисейскихъ промыслахъ въ 50-хъ годахъ колебался между 43 и 55, между тѣмъ какъ въ 40-хъ годахъ на промыслахъ южно-енисейской системы составлялъ въ среднемъ отъ 12 до 66%.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на то, какую часть своего заработка рабочій забиралъ до разсчета деньгами и натурою и какую часть вознагражденія онъ получалъ деньгами и какую натурою, то мы увидимъ, что въ 50-хъ годахъ на двухъ промыслахъ южно-енисейской системы заборъ до разсчета составлялъ 68 и 87% всего заработка, а въ 40-хъ годахъ 32 — 63% всего заработка. Изъ всего забора до разсчета заборъ вещами и припасами составлялъ въ 50-хъ годахъ 46 — 62%, а въ 40-хъ годахъ 27 — 44%. Такимъ образомъ, въ 50-хъ годахъ рабочіе меньшую долю заработка выносили съ промысловъ, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи увеличилась эксплуатація рабочихъ.

Такъ какъ продовольствіе рабочій получалъ готовое, то естественно, что, какъ оказывается, на одежду шла большая часть заработка, чѣмъ на съѣстные припасы. Если принять для южно-енисейской системы, что годово́й заработокъ равнялся 60 руб. и что заборъ вещами вдвое превосходилъ заборъ припасами ¹⁾, то окажется, что вещами на разныхъ пріискахъ этой системы рабочій бралъ въ среднемъ на сумму отъ 8 до 15 руб., а припасами отъ 4 до 7 руб. въ теченіе цѣлаго года. Если затѣмъ навести справку въ разсчетныхъ книжкахъ о цѣнахъ на промыслахъ Енисейскаго округа, то мы убѣдимся, что на указанные маленькія суммы средній рабочій не могъ много раскутиться, такъ какъ одна пара бродней стоила отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 80 к., пара кунгурскихъ сапоговъ отъ 2 до 3 р., армякъ или азамъ второго сорта отъ 3 р. до 4 р. 50 к., полушубокъ отъ 2 р. 43 к. до 3 р. 50 к., гарусные кушаки, которые любятъ носить рабочіе, 50—60 к., рукавицы 30 и 40 к., табакъ черкасскій 20—25 к., фунтъ сахара 42—50 к., кирпичъ чернаго кирпичнаго чая 1 р. 15 к.—1 р. 80 к.

Законъ предписываетъ изъ заработка ссыльно-поселенцевъ удер-

¹⁾ Въ 1850 г. на промыслахъ Удере́йской компаніи заборъ припасами и вещами составлялъ около 37% всего заработка (въ томъ числѣ „аммуничными“ и другими вещами 24% и съѣстными припасами болѣе 12%); на промыслахъ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. заборъ вещами и припасами 22% всего заработка (вещами 17%, припасами 5%).

живать $\frac{1}{2}$ часть наемной платы и передавать ее для сохраненія артельному старостѣ, но это правило никогда не соблюдалось, такъ какъ оно совершенно противорѣчило желаніямъ рабочихъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого въ сводѣ Законовъ 1857 г. оно было исключено ¹⁾).

Въ 1850 г. администраціи Восточной Сибири пришлось обратить вниманіе на неисправность нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ въ уплатѣ денегъ рабочимъ: въ этомъ году комп. Зотовыхъ и комп. Красильникова, Бобковыхъ и Ярлыкова поставили въ крайнее положеніе рабочихъ, нанятыхъ ими для работъ на прискахъ, вслѣдствіе невысылки денегъ, нужныхъ для расчета съ рабочими. Подобныя же обстоятельства обнаружались у комп. Горохова и комп. Лерхе и Мошарова. Вышедшіе осенью съ присковъ рабочіе цѣлыми тысячами стекались въ промышленное управленіе, обращались и къ мѣстному начальству, требуя заработанныхъ денегъ. Такъ какъ неудовлетвореніе ихъ совершенно законныхъ требованій могло вызвать беспорядки ²⁾, то енисейскій губернаторъ прибѣгнулъ къ займу (подъ обезпеченіе золота, добытаго на прискахъ вышеупомянутыхъ компаній) въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ красноярской и енисейской городскихъ думахъ и другихъ учрежденіяхъ. Въ виду подобныхъ фактовъ, Муравьевъ считалъ необходимымъ принять мѣры для того, чтобы рабочіе не ставились впредь въ столь затруднительное положеніе ³⁾. 14 января 1852 г. состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ удовлетворенія денежныхъ взысканій, предъявляемыхъ на золотопромышленниковъ, которымъ было постановлено слѣдующее: состоящіе на золотопромышленникахъ частныя долги должно было предъявлять ко взысканію въ присутственныя мѣста тѣхъ губерній, гдѣ находятся приски этихъ промышленниковъ. Эти учрежденія, немедленно истребовавъ отъ мѣстной промышленной конторы должника расчетъ того, сколько нужно денегъ для дальнѣйшаго производства работъ, сносятъ съ департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ о высылкѣ ихъ въ означенную контору, остальная же часть денегъ за обезпеченіемъ работъ обращается на удовлетвореніе предъявленныхъ исковъ ⁴⁾.

¹⁾ Срав. Св. Зак. т. VII, изд. 1842 г. ст. 2408, прим. и изд. 1857 г. ст. 2508. Срав. Иркут. Губ. Вѣд. 1859 г., № 21, стр. 1—2.

²⁾ Енисейскій земскій судъ донесъ губернатору, что рабочіе комп. Красильникова, въ числѣ 700 человекъ, вслѣдствіе неполученія слѣдующихъ имъ денегъ, проживая въ тайгѣ около приска Красильникова и близъ деревни Нифантьевой, приходятъ партіями въ эту деревню, пьянствуютъ и производить разныя буйства.

³⁾ Арх. Горн. Дел., по описи 94, дѣло 1851 г. № 113—395—582.

⁴⁾ Если же остающейся суммы не достанетъ на уплату всѣхъ долговъ и кредиторы на ихъ разсрочку не изымаютъ согласія, то надъ прискомъ должника или принадлежащей ему части учреждается опека. П. С. З. т. XXVII, № 25900.

Въ сентябрѣ 1852 г. оказался на частныхъ промыслахъ Енисейской губерніи недостатокъ денегъ въ количествѣ 86,427 р. для расчета съ рабочими и служащими. Такъ какъ вслѣдствіе этого рабочіе должны были выйти съ промысловъ безъ всякихъ средствъ, то енисейскій губернаторъ опять принужденъ былъ занять эту сумму изъ учрежденій различныхъ вѣдомствъ съ обезпеченіемъ займа золотомъ, добытымъ на тѣхъ промыслахъ, гдѣ оказался недостатокъ денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, енисейскій губернаторъ, „убѣдившись изъ трехлѣтняго опыта“, что недостатокъ денегъ для расчета съ рабочими „увеличивается съ каждымъ годомъ“, представилъ въ декабрѣ 1852 г. свое мнѣніе о необходимости принятія мѣръ къ отвращенію недостатка въ деньгахъ для расчета съ рабочими и могущихъ произойти вслѣдствіе этого безпорядковъ со стороны рабочихъ ¹⁾, а пока, 5 августа того же 1852 года, енисейскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы управляющіе промыслами доводили свое временно до свѣдѣнія горнаго исправника, если они предвидятъ недостатокъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы не исполнившіе этого предписанія „подвергались отвѣтственности, установленной за ослушаніе въ исполненіи законныхъ требованій начальства“. Объ исполненіи этого циркуляра пришлось напомнить и въ 1858 г. ²⁾.

При расчетѣ рабочихъ дѣло не обходилось иной разъ безъ серьезныхъ недоразумѣній. Осенью 1859 г. ачинскій земскій исправникъ донесъ предсѣдательствующему въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, что рабочіе на ачинскихъ промыслахъ, въ особенности Цыбульскаго и Озерова, „обращались съ жалобами на разныя стѣсненія по расчету“. Кромѣ того, было сообщено, что изъ числа рабочихъ, находившихся на промыслахъ Цыбульскаго по общему контракту, 9 человекъ „насилственно оставлены были“ Цыбульскимъ для зимнихъ работъ и что при этомъ Цыбульскій „произвольно наказалъ (рабочихъ) розгами не менѣе 500 ударовъ cadaго и содержалъ въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ съ 11 до 25 сентября, т.-е. до того времени, когда прибылъ горный исправникъ Михайловъ и освободилъ ихъ“. На запросъ по этому поводу енисейскаго губернатора юрнй исправникъ ачинскихъ и минусинскихъ промысловъ отвѣчалъ, что на Оедоровскомъ промыслѣ купца Цыбульскаго дѣйствительно были арестованы 9 сентября 8 крестьянъ Каинскаго округа по слѣдующему поводу. Наканунѣ Цыбульскій узналъ, что рабочіе въ количествѣ 50 человекъ, обязанные по контракту находиться въ работѣ по 1 декабря, намѣреваются просить себя расчета вмѣстѣ со всѣми другими 10 сентября и рѣшили, во всякомъ случаѣ, уйти съ

¹⁾ Отчетъ енис. губ. за 1852 г., дѣло Сиб. Ком. 1853 г. № 73, л. 22 въ Арх. Ком. Министр.

²⁾ Арх. Гаврилов. пр. Кытмановыхъ, дѣло 1858 г. № 114, л. 45.

приска. Тогда хозяинъ прочелъ имъ контрактъ, причемъ „дѣлались должныя внушенія“; 42 рабочихъ подчинились требованію золотопромышленника, а 8 „остались при своемъ убѣжденіи, что они по условію обязывались работать до общаго разсчета (10 сентября)“, и потому оставаться на прискѣ долѣе не желаютъ. Тогда, чтобы дѣло не дошло до „общаго волненія въ рабочей командѣ“, 9 сентября, козакъ, представляющій собою полицейскую власть на прискѣ, и купецъ Цыбульскій арестовали 8 рабочихъ, заковали ихъ въ ножныя кандалы и послали донесеніе горному исправнику. По прибытіи послѣдняго на прискѣ арестованные настаивали на томъ, что въ работу они нанимались до 10 сентября, а почему въ контрактѣ назначенъ срокъ 1 декабря, не знаютъ, „и на всѣ улики нанимателей остались неувличенными“. Тогда Цыбульскій выразилъ желаніе этихъ 8 человекъ, „какъ негодныхъ работниковъ въ продолженіе всего лѣта, прежде условленнаго срока уволить съ приска“. Горный исправникъ Михайловъ, по его собственнымъ словамъ, „сдѣлалъ съ виновныхъ за упомянутый поступокъ надлежащее взысканіе“, а именно наказалъ розгами „главнаго зачинщика“ 70-ю, а прочихъ отъ 25 до 50 ударовъ и приказалъ уволить ихъ. При этомъ никто, по словамъ исправника, не наказывалъ рабочихъ 500 ударами розогъ и не заковывалъ ихъ въ ручныя кандалы ¹⁾.

Но если даже признать, что писавшій по слухамъ ачинскій земскій исправникъ былъ введенъ въ заблужденіе, то, все-таки, едва ли слѣдуетъ признать въполнѣ правильными и дѣйствія горнаго исправника. Дѣло въ томъ, что 10 сентября былъ общепринятый срокъ разсчета; правда, встрѣчаются договоры съ *отрядными* рабочими, гдѣ срокъ работы назначенъ 20 ноября или 1 декабря, но за то по договорамъ этимъ и работа начиналась съ 10 сентября того же года, т.-е. послѣ общаго разсчета; къ тому же, это отрядные рабочіе, во всѣхъ же извѣстныхъ намъ *обычныхъ* контрактахъ 50-хъ годовъ срокъ назначенъ былъ 10 сентября и лишь въ немногихъ 1 октября, но не далѣе. Если принять во вниманіе, какъ производилась наемка на сибирскіе золотые промыслы, то весьма вѣроятно, что рабочимъ не былъ прочитанъ контрактъ и что они были дѣйствительно введены въ заблужденіе, полагая, что нанимаются на обычныхъ условіяхъ.

Случались также недоразумѣнія при разсчетѣ и относительно выдачи рабочимъ денегъ ²⁾.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. кн. 1356, № 36/1311, л. 47—49, 203—208.

²⁾ Такъ въ 1856—57 гг. на прискахъ компаніи Рязановыхъ, Горохова и Мошарова была почему-то задержана выдача денегъ, заработанныхъ однимъ поселенцемъ (51 р.), и тотъ жаловался енисейскому губернатору Падальѣ. Объясненія, данныя по этому дѣлу присковымъ управленіемъ, были признаны неудовлетворительными и гор-

Имѣя въ виду небольшіе заработки присковскихъ рабочихъ и разныя злоупотребленія золотопромышленниковъ, авторъ статьи въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за подписью „Оппонентъ“, считалъ совершенно естественнымъ, что „быть крестьянъ и поселянъ не только не улучшается отъ развитія золотопромышленности, но еще годъ отъ году влонится къ упадку“, и потому онъ выразилъ надежду, что правительство „въ скоромъ времени обратитъ особенное вниманіе на „этотъ предметъ и приметъ рѣшительныя и благотворныя мѣры“. Авторъ желаетъ, чтобы, „сообразно мѣстнымъ условіямъ и времени года“, правительство „съ точностью“ опредѣлило бы „норму посильной работы, а также норму для совершенія найма (т.-е., вѣроятно, образецъ контракта), чтобы разъ навсегда оградить рабочихъ отъ произвола нанимателей, недобросовѣстно пользующихся крайнею нуждой наемника, заставляющей его соглашаться на всѣ условія. Если условія договора будутъ съ точностью обозначены въ наемномъ явочномъ листкѣ, то наемникъ будетъ положительно знать свои обязанности, а мѣстная полиція будетъ имѣть возможность на положительныхъ данныхъ защищать наемника отъ притѣсненій и несправедливости. Нынѣ эти условія договора, — продолжаетъ авторъ, — такъ разнородны, неопредѣленны и сбивчивы (*весьма часто ихъ вовсе не бываетъ*), что, я полагаю, и самимъ золотопромышленникамъ весьма трудно опредѣлить, гдѣ именно начинается нарушеніе договора и гдѣ оканчивается его исполненіе“. Авторъ требуетъ на будущее время увеличенія платы за урочныя работы или же уменьшенія уроковъ, чтобы оставить рабочему болѣе времени на старательскія работы ¹⁾.

Многіе рабочіе (на промыслѣ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. даже 64⁰/₁₀₀) оставались должными золотопромышленникамъ. Средній размѣръ долга на разныхъ прискахъ колебался между 7 и 15 руб. на каждого изъ должниковъ и только на Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ комп. Рязановыхъ дошелъ до 30 р. Главное управленіе Восточной Сибири сдѣлало въ 1853 г. распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали взятыхъ у промышленника денегъ (по причинѣ болѣзни, неявки на промыслы или побѣга съ нихъ), *если заборъ деньгами и вещами не превышалъ ихъ годовой платы*, не было даваемо дозволенія для найма къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ этихъ денегъ у прежнихъ хозяевъ или не заплатятъ имъ долга ²⁾.

Въ контрактахъ съ рабочими золотопромышленники старались огово-

ному исправнику велѣно было вытребовать эти деньги и выслать по принадлежности, что тотъ и исполнилъ. Арх. Гаврил. пр. Кытмановыхъ дѣло 1857 № 122/582, л. 22—24.

¹⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1859 г. №№ 12 и 14.

²⁾ П. С. З. т. XXXVI, № 37786.

рить всевозможные способы возвращенія долга ¹⁾. Иногда присковое управленіе брало съ рабочихъ долговую росписку, формально засвидѣтельствованную, съ обязательствомъ уплатить долгъ по первому требованію.

Въ нѣкоторыхъ расчетныхъ книгахъ отмѣчается, взысканъ или нѣтъ долгъ, оставшійся за рабочимъ, причемъ не взысканное немедленно записывалось на счетъ „неблагонадежныхъ долговъ“ ²⁾. У должниковъ, остающихся на работахъ на томъ же промыслѣ или поступившихъ на него и позднѣе, вычитался изъ заработка старый долгъ. Нѣкоторымъ рабочимъ бывали должны и присковыя управленія: это были обыкновенно такіе, которые оставались и на слѣдующую операцію и для большей сохранности не брали у хозяевъ своей додачи ³⁾.

Генераль-губернаторъ Западной Сибири въ 1852 г. предписалъ, чтобы по возвращеніи ссыльно-поселенцевъ съ присковъ въ село Кію (нынѣ г. Маринскъ, Томской губ.), гдѣ обыкновенно золотопромышленники нанимали ихъ для работъ на будущій годъ, находящійся въ немъ ревизоръ немедленно высылалъ оттуда всѣхъ окончившихъ расчеты съ золотопромышленниками ссыльно-поселенцевъ, не дозволяя жить имъ въ этомъ селѣ безъ всякой пользы и пропивать заработанныя деньги и выдаваемые имъ задатки ⁴⁾. Въ Восточной Сибири мѣры для охраненія рабочихъ при выходѣ ихъ съ присковъ были установлены Муравьевымъ, какъ мы видѣли, еще въ 1848 году. Горный исправникъ сѣверно-енисейской системы далъ въ 1858 г. циркулярное предписаніе промысловымъ управленіямъ, чтобы рабочіе были окончательно рассчитаны и удовлетворены деньгами къ 11 сентября и продовольствовались до самаго

¹⁾ Въ контрактѣ съ Онуфровичемъ 1854 г. сказано: „Кто изъ насъ учинитъ съ приска самовольный побѣгъ, или по неспособности, буйству и подозрительности будетъ съ приска удаленъ, или по продолжительной болѣзни забранныхъ имъ денегъ и вещей не отработаетъ и чрезъ то останется должнымъ, то съ таковымъ хозяинъ или управляющій имѣютъ право въ удовлетвореніе себя поступить начально посредствомъ отображенія найденнаго имущества, а потомъ посредствомъ употребленія таковыхъ въ другія работы“. По договору съ Асташевымъ (1853 г.), должникъ обязывался безъ всякихъ отговорокъ остаться для отработки долга на новую операцію. По контракту съ комп. Рязановыхъ (1856 г.), ей предоставлялось право требовать высылки должниковъ для отработки долга чрезъ начальство или просить объ описи ихъ имущества; по договору съ нею же 1851 г., устанавливалась круговая за долги порука, а по контракту 1854 г. рабочіе-должники обязывались уплатить долгъ даже въ томъ случаѣ, если работы на прискѣ будутъ прекращены самими промысловымъ управленіемъ по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ.

²⁾ На Митрофановскомъ прискѣ комп. Бенардаки (1850 г.) такіе „неблагонадежные долги“ составляли болѣе 6%, всей выданной въ эту операцію суммы; на промыслахъ Кузнецова и Щеголева въ 1858 г. за рабочими осталось въ долгу даже 16% этой суммы.

³⁾ Въ 1851 г. компанія Рязановыхъ осталась должна 6 рабочимъ на Гавриловскомъ и Никольскомъ прискахъ 281 р., т. е. почти по 47 руб.

⁴⁾ Арх. Горн. Деп., по описи № 91, дѣло № 3/39, вяз. 2-я, л. 306—307.

выхода съ присковъ на счетъ компаніи. Для надзора за рабочими при ихъ возвращеніи при партіи до 300 человекъ долженъ быть 1 староста, а при большемъ количествѣ онъ выбиралъ себѣ и помощниковъ. Къ этому времени должны быть расчитаны и казаки (значить, они, какъ и теперь, получали жалованье отъ присковыхъ управленій). Рабочихъ старыхъ и слабыхъ предписывалось выслать на приски подъ особымъ надзоромъ, снабдивъ ихъ, если они не могутъ итти, лошадыю ¹⁾. Принимались при этомъ нѣкоторые мѣры и для медицинской помощи рабочимъ. По словамъ енисейскаго губернатора въ его отчетѣ за 1855 годъ, съ этою цѣлью при возвращеніи рабочихъ съ промысловъ Енисейскаго округа командированы были фельдшера и медики; но Кривошапкинъ говоритъ о сопровожденіи партій рабочихъ лишь фельдшерами, да и то только до присковой границы ²⁾.

Раздавалось очень много жалобъ на повальное пьянство рабочихъ по выходѣ ихъ съ промысловъ, но не малая доля отвѣтственности за это печальное явленіе должна пасть на самихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ золотопромышленное и откупное дѣло нерѣдко соединялись въ однѣхъ рукахъ. Противъ этого зла старался бороться генераль-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, и мѣры, установленныя имъ въ 1848 г. для недопущенія чрезмѣрнаго разгула рабочихъ и излишней траты ими денегъ, принимались и въ пятидесятыхъ годахъ, но, какъ видно, онѣ не достигали цѣли. Однако, въ виду небольшихъ размѣровъ заработка рабочихъ и особенно получаемой ими додачи ³⁾, слѣдуетъ признать легендами рассказы о прокучиваніи сотенъ рублей чуть не большинствомъ рабочихъ. Такихъ денегъ они вовсе не получали: весь заработокъ на енисейскихъ промыслахъ обыкновенно ограничивался нѣсколькими десятками рублей, а додачу получали даже не всѣ рабочіе. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что откупщикамъ-золотопромышленникамъ удавалось значительную часть додачи присковыхъ рабочихъ возвращать опять въ свои карманы, какъ это указывалось и въ мѣстной печати.

¹⁾ Енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ въ своемъ отчетѣ за 1859 г. сообщаетъ, что „для продовольствія рабочихъ, выходящихъ послѣ расчета съ промысловъ, на каждомъ зимовѣ устроенъ запасъ сухарей“. До того времени сухари выдавались на промыслахъ; это крайне обременяло рабочихъ, увеличивая ихъ ноши, и дѣлало нерасчетливыми; случалось нерѣдко, что, истративъ продовольственные запасы въ началѣ пути, они въ послѣдніе дни оставались вовсе безъ хлѣба, и пособить этому было невозможно. Новымъ распоряженіемъ неудобство это было устранено. Арх. Иркут. Горн. Упр. кн. 1356, № 36/131, л. 141 об.

²⁾ „Енис. окр.“, стр. 200.

³⁾ Среднія додачи на разныхъ промыслахъ колебались въ 50-хъ годахъ между 8 и 58 руб., а самая большая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ додачъ этого времени равнялась 115 руб.; выносимыя съ присковъ суммы могли, впрочемъ, нѣсколько увеличиваться тайнымъ хищеніемъ золота.

Авторъ одной корреспонденціи, появившейся въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ ¹⁾, прежде всего, обращаетъ вниманіе на то, что рабочіе лишь малую часть своего заработка приносятъ домой, а большую часть оставляютъ въ кабакахъ, „расположенныхъ съ стратегическимъ знаніемъ дѣла у всѣхъ выходовъ изъ тайги. Ближайшій къ приску кабакъ является для нихъ раемъ обѣтованнымъ, мѣстомъ, съ котораго начинается ихъ ежегодный періодическій запой, продолжающійся до пропитія ими всего заработаннаго въ лѣто или до возвращенія на мѣсто постоянного ихъ жительства. Немногіе счастливыцы доходятъ трезвыми домой и приносятъ въ семейства часть заработка, нѣкоторые же, пропивъ все въ первомъ кабаѣ, возвращаются на оставленный ими прискъ и обзадачиваются снова у хозяевъ, которые не упускаютъ случая воспользоваться такимъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ. Сильному пьянству рабочихъ, возвращающихся съ присковъ, весьма можетъ способствовать соединеніе содержанія откупа съ занятіемъ разработкою золотыхъ промысловъ въ рукахъ одного лица или въ лицѣ компаніи-пайщицы во множествѣ такихъ присковъ. При такой двойной монополіи, кабаки, расположенные на пути присковыхъ рабочихъ при возвращеніи ихъ домой, вслѣдствіе „тождества интересовъ откупщиковъ съ интересами золотопромышленниковъ, превращаются для рабочихъ въ расчетныя конторы или кассы. При посредствѣ ихъ и при учетѣ въ деньгахъ, производимомъ цѣловальниками разныхъ наименованій, рабочимъ весьма трудно хоть сколько-нибудь денегъ принести домой“.

Авторъ указываетъ любопытный обрашкъ расчета съ рабочими подобныхъ хозяевъ, общеизвѣстный между золотопромышленниками, такъ какъ онъ былъ сдѣланъ въ большомъ размѣрѣ. Одному богатому золотопромышленнику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, откупщику однажды осенью предстояло уплатить рабочимъ его приска „чуть ли не болѣе 100 тысячъ руб. сер.“, а въ кассѣ у него было едва 10 тысячъ рублей. Распорядитель на промыслахъ убѣдилъ рабочихъ удовольствоваться, пока, полученіемъ малой части денегъ на руки. „Всѣ попутные кабаки были объявлены для нихъ мѣстами расчета, послѣдній же кабакъ, въ томъ пунктѣ пути, гдѣ должны были расходиться рабочіе, назначенъ былъ мѣстомъ окончательнаго расчета“, причемъ вино меньшей крѣпости, чѣмъ определено, продавалось по возвышеннымъ цѣнамъ, даже выше 10 р. с. за ведро. Такимъ образомъ, „нашъ откупщикъ-золотопромышленникъ не только расплатился съ рабочими, но даже успѣлъ не малое число ихъ обзадачить на будущій годъ и, что особенно замѣчательно, наличная сумма, выданная на эту двойную операцію, осталась почти нетронутою“ ²⁾.

¹⁾ 1859 г., № 12.

²⁾ Для предотвращенія пьянства рабочихъ авторъ статьи предлагаетъ немедленно принять слѣдующія мѣры: 1) воспретить кабаки и вообще всякія питейныя заведенія

Справедливость показаній корреспондента „Иркутскихъ Вѣдомостей“ подтверждается циркуляромъ южно-енисейскаго горнаго исправника, вызваннаго новымъ распоряженіемъ Муравьева о принятіи мѣръ къ охранѣ отъ растраты присковыми рабочими ихъ трудовыхъ денегъ. Въ маѣ 1859 г. исправникъ южно-енисейской системы разослалъ по промысламъ своего округа циркуляръ, въ которомъ говоритъ: до свѣдѣнія генераль-губернатора дошло, что „пьянство въ народѣ усиливается, чернорабочіе тратятъ на вино послѣднія трудовыя деньги, нисколько не заботясь о сбереженіи ихъ, и разительнѣе всего это высказывается между рабочими, находящимися на золотыхъ промыслахъ...“ Много способствуютъ „этому злу недобросовѣстныя дѣйствія откупщиковъ. Извѣстно, что лица, имѣющія золотые промысла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержащіе винныя откупа въ Сибири, при расчетахъ съ рабочими на промыслахъ, часто не выдаютъ на мѣстѣ всей заработной платы, назначая окончательную выдачу денегъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, предпочтительно же въ питейныхъ домахъ. Само собою разумѣется, что при такомъ расчетѣ большая часть рабочихъ, если не всѣ, денегъ не получаютъ нисколько, по невоздержанности пропивая ихъ въ расчетныхъ пунктахъ, и откупщики и золото-промышленники, сберегая этимъ огромныя суммы, подлежащія къ выдачѣ, находятъ съ тѣмъ вмѣстѣ незатруднительный сбытъ вина въ разореніе и развращеніе простого народа. Такая система дѣйствій не можетъ быть терпима, а потому... генераль-губернаторъ проситъ гражданскаго губернатора обратить на означенное обстоятельство вниманіе и принять участіе къ неотложному устраненію слабаго надзора и недобросовѣстныхъ дѣйствій, отъ коихъ поддерживается и увеличивается зло“.

Горный исправникъ просилъ поэтому золотопромышленниковъ исполнить слѣдующее: 1) Отслужить на каждомъ прискѣ объѣдную или молебнѣ въ присутствіи всѣхъ рабочихъ, причемъ онъ просилъ промысловыхъ священниковъ принять участіе въ распространеніи трезвости „посредствомъ назидательнаго слова“. Исправникъ выразилъ желаніе присутствовать на каждомъ богослуженіи и „лично убѣдиться чрезъ спросъ рабочихъ въ пользѣ общаго нашего въ ихъ дѣлѣ участія. 2) Хотя разъ въ недѣлю при раскомандировкѣ или послѣ окончанія работъ въ казар-

превращать въ расчетныя конторы; 2) предложить золотопромышленникамъ, вмѣсто выдачи всѣхъ денегъ на руки рабочимъ, посылать ихъ на мѣста жительства рабочихъ, гдѣ они по расчетнымъ листамъ, подписаннымъ хозяевами или управляющими присковъ, и могутъ получить ихъ отъ сельскихъ или земскихъ властей; на путевые же расходы рабочимъ нужно весьма немного денегъ. Къ сожалѣнію, авторъ не разработалъ своего предложенія подробно и не указалъ на то, какимъ образомъ возможно гарантировать при предложенномъ имъ способѣ исправное полученіе рабочими ихъ заработка и предупредить возможность растраты и присвоенія его тѣми представителями земской и сельской власти, черезъ руки которыхъ должны были бы при такомъ порядкѣ проходить эти деньги.

махъ прочитывать рабочимъ изъ газетъ, напиримѣръ, изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, случаи развитія трезвости въ Россіи, а также постановленія и приговоры о томъ сельскихъ обществъ“. 3) Полезно было бы предложить рабочимъ, оставивъ при себѣ необходимую для дороги часть денегъ, остальное „передавать въ конторы для пересылки чрезъ почту по назначенію рабочихъ или прямо на имя ихъ родныхъ, или же на имя волостного правленія для выдачи имъ по прибытіи на мѣсто жительства ¹⁾). Если же которыя изъ промысловыхъ конторъ не согласятся оказать въ этомъ дѣлѣ пособіе рабочимъ, то прошу объяснить имъ, что онѣ могутъ отсылать деньги чрезъ мою канцелярію и что за всякое злоупотребленіе въ волостныхъ правленіяхъ при выдачѣ имъ посланныхъ денегъ они могутъ обращаться ко мнѣ съ жалобами, и я буду входить съ представленіями къ начальнику губерніи объ удовлетвореніи ихъ жалобъ и о наложеніи строгаго взысканія на виновныхъ. Этою мѣрой многіе изъ рабочихъ предохраняютъ свои заработки отъ неизбѣжныхъ всегда почти или растраты въ кабакахъ, или отъ покражи злыми товарищами,—это послѣднее обстоятельство сдѣлалось зломъ, развившимся въ высшей степени между рабочими. Тѣ изъ рабочихъ, которые послѣ разчета выходятъ въ жилища мѣста только для кратковременнаго отдыха и послѣ найма возвращаются на промыслы, могутъ ввѣрить всѣ свои заработанные деньги или часть ихъ для храненія во время ихъ отлучки гг. управляющимъ лично подъ собственныя ихъ росписки или кому они пожелаютъ, но, во всякомъ случаѣ, съ вѣдома гг. управляющихъ; чтобы устранить впослѣдствіи всякій поводъ къ сомнѣнію и претензіямъ со стороны рабочихъ, полезно получаемыя отъ нихъ для храненія деньги записывать въ особыя памятниці тетради и выдавать имъ въ полученіи росписки за подписью управляющихъ и печатью конторъ“. 4) При выдачѣ рабочимъ порціи вина замѣнять ее для желающихъ соотвѣтственною денежною наградою. „Въ промысловые праздники устраивать для рабочихъ качели, пріохочивать ихъ къ разнаго рода играмъ и увеселеніямъ въ замѣнъ одного грубаго удовольствія опохмѣленіями, ссорами и драками“. Въ заключеніе исправникъ просилъ объявить это всѣмъ рабочимъ ²⁾).

Но увѣщанія, разумѣется, не дѣйствовали, о разумныхъ увеселеніяхъ рабочихъ золотопромышленники не заботились, и все оставалось по старому. Мы полагаемъ, что рабочіе не потому пропивали свои заработки, что они были слишкомъ велики, а наоборотъ потому, что они были очень

¹⁾ Мѣра эта, очевидно, навѣяна вышеупомянутою корреспонденціей „Иркутскихъ Вѣдомостей“ 1859 г., № 12.

²⁾ Арх. Асташевыхъ, дѣло 1859 г. № 18. Кривошапкинъ упоминаетъ о томъ, что въ 1859 г. въ южно-енисейской системѣ священникъ произносилъ проповѣди противъ пьянства и исправникъ бесѣдовалъ о томъ же съ рабочими. „Енис. Окр.“, 198.

малы: что дѣлать было съ додачею въ 8—12 руб., какъ не пропить ее? Золотопромышленники много кричали о пьянствѣ рабочихъ и тѣмъ надолго направили вниманіе высшей мѣстной администраціи на ложный путь. Нужно было, прежде всего, улучшить положеніе рабочихъ на промыслахъ, дать имъ возможность увеличить свои заработки регулированіемъ ихъ отношеній къ хозяевамъ, и тогда они сами стали бы бережливыѣ. Мы видѣли, что уже въ мѣстной печати въ 1859 г. раздался голосъ, требовавшій принятія правительствомъ мѣръ для увеличенія платы за урочныя работы или же уменьшенія этихъ работъ, но онъ остался гла-сомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вотъ какъ описываетъ возвращеніе рабочихъ съ енисейскихъ промысловъ въ пятидесятыхъ годахъ одинъ мѣстный писатель: „Когда ополченіе рабочихъ распускалось съ промысловъ, то при обратномъ движеніи его край какъ бы находился на военномъ положеніи. Мало того, что все городское и сельское населеніе вооружалось ночью трещетками, дубинами, перекликались между собою патрули, но верховые казаки и вооруженные винтовками и „дробовиками“ сельскіе обыватели разѣзжали денно и ночью, пока эта „стеклянная посуда“ не „проваливала“ за черту извѣстной мѣстности. Тогда нельзя было хорошенько распознать, для кого и для чего вооружались мѣстныя силы, какого непріятеля они готовились встрѣтить. Обыкновенно, какъ теперь, такъ и тогда, возвращавшіеся съ промысловъ рабочіе *пробирались* (въ полномъ смыслѣ этого слова) на родину безъ особенныхъ скандаловъ, далеко скромнѣе, чѣмъ въ передній путь. Такъ какъ почти каждый изъ нихъ выносилъ съ промысловъ деньжонки, которыхъ въ передній путь у него не было, то они старались скорѣе проѣхать черезъ очень ужъ гостепріимныя мѣста. Собственно вооруженныя силы обязаны были имѣть охранительный характеръ по отношенію къ проходящимъ рабочимъ“, но на дѣлѣ „выходило совершенно иначе: онѣ представляли изъ себя что-то оборонительное. Простому мужику или полицейскому солдату никогда въ голову не приходило, по его взглядамъ на вещи, чтобы „варнака“ слѣдовало охранять; напротивъ, эта охранительная сила понимала, что она вооружается для того, чтобы ихъ бить; такъ на самомъ дѣлѣ по большей части и было. Идутъ объявшіеся трое подгулявшихъ рабочихъ; на нихъ плюсовые поддевки, такіе же шаровары; шапки котиковыя, опушенныя и всепремениѣйшія шали; одинъ изъ товарищей охмѣлѣвшій падаетъ, тѣ его поднимаютъ и силатся дотащить до квартиры. Вдругъ „охранители“ подхватываютъ опьянѣвшаго подъ руки и... въ охранную. Товарищи по прежнему опыту очень хорошо знаютъ, какія послѣдствія ждутъ павшую жертву. Мало того, что онъ въ „елоповникѣ“ окажется переодѣтымъ и избитымъ, но еще „вспрыснутъ“ его за петрезвость; поэтому они не выдаютъ злополучнаго, завязывается споръ „варнаковъ“ съ „охранителями“: одни тащутъ жертву къ

себѣ, другіе противятся. Кончается тѣмъ, что всѣхъ трехъ варнаковъ забираютъ въ кутузку, по выходѣ изъ которой на утро узнать нельзя вошедшихъ въ нее промысловыхъ щеголей. Въ изодранныхъ азямишкахъ или армячишкахъ, въ такихъ же поношенныхъ дабовыхъ штанахъ и въ дырявой шапченкѣ выпускаются злополучные золотари. Протестовать на это некуда и не для чего, ибо всякіе въ этомъ родѣ протесты бесполезны въ силу установившагося мнѣнія о репутаціи промысловыхъ рабочихъ. Кто жъ ему, „варнаку“, повѣрить, что онъ не пропилъ все съ себя въ первомъ попавшемся кабакѣ? Неудивительно послѣ этого, если, освободившись изъ-подъ охраны, плѣнный безъ оглядки улепетывалъ поскорѣе, куда глаза глядятъ“¹⁾.

Вотъ во что на дѣлѣ превратились муравьевскія мѣры объ охранѣ рабочихъ, о благотворномъ вліяніи которыхъ и тщательномъ ихъ исполненіи ежегодно посылались донесенія въ Петербургъ. Изъ этого разсказа мы видимъ также, дѣйствительно ли рабочій всегда пропивалъ остатки своего небольшого заработка, или часть его перепадала и въ руки тѣхъ или другихъ „охранителей“.

Относительно выхода рабочихъ съ присковъ Олекминскаго округа въ Мачинское селеніе на Ленѣ (Витимской волости, Киренскаго округа) мы имѣемъ свѣдѣнія въ одной газетной корреспонденціи²⁾. Киренскіе купцы привозили въ это селеніе ко времени выхода рабочихъ большой запасъ товаровъ, такъ называемыхъ на „крестьянскую руку“, особенно готовое платье—теплое и холодное, рубашки и прочее, все—это приготовленное въ Киренскѣ „изъ самыхъ низкосортныхъ товаровъ, изъ залежавшихся и даже подгнившихъ, которые уже непригодны къ аршинной продажѣ“. Рабочихъ выходило на Мачу, по словамъ автора, тысячъ до трехъ, если не болѣе³⁾. „Этотъ народъ, измученный работою, обносившійся, полунагой, получивъ осенью свободу, первую обязанностью по приходѣ на Мачу считаетъ—приобрѣсти по полъ-осьминѣ вина на брата и имъ залить все минувшее горе. Послѣ выпивки идутъ покупать все необходимое. Купцы давно уже на-сторожѣ: они радушно встрѣчаютъ первыхъ покупателей, зазываютъ ихъ въ лавку, ласкаютъ, угощаютъ и этимъ все продаютъ почти по своей цѣнѣ безъ барыша, прося ихъ только послать къ нимъ и другихъ покупателей. Рабочіе, разгоряченные виномъ и довольные выгодною покупкой, кричатъ въ одинъ голосъ: „Эй, ребята, сюда! Вали валомъ, здѣсь товары дешевле!“ Ну, и дѣйствительно, валить валомъ, человѣкъ по 50 въ разъ, народъ все подъ хмѣльнымъ, требуютъ

¹⁾ „Сибирь“ 1882 г. № 7, стр. 7.

²⁾ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1858 г. № 46.

³⁾ На промыслахъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ было служащихъ и рабочихъ въ 1856 году 3,515, въ 1857 г.—4,708.

всего: и нужное, и ненужное; увидятъ сигары и папиросы,—полавай и ихъ сигаръ и папиросъ и т. д.; три и четыре прикащика едва успѣваютъ удовлетворить требованіе каждаго изъ покупателей. Гдѣ тутъ ужъ торговаться! Купецъ напѣваетъ: „Не торгуйтесь! лишняго не возьмемъ-съ! что вамъ только угодно-съ“—а, между тѣмъ, самъ все соображаетъ. сколько у рабочаго денегъ, когда остановиться. Затѣмъ, купецъ сводитъ счеты и забираетъ у рабочихъ наличныя денежки... Назидательно узнать, какую цѣну тутъ берутъ купцы за свой товаръ: казанскій полшубокъ, купленный, на примѣръ, на Киренской ярмаркѣ не дороже 5 р. 50 к., продается здѣсь отъ 8 до 15 руб. сер., киргизскій, стоившій на ярмаркѣ 3 р. и 3 р. 50 к., здѣсь продается отъ 7 до 10 р. с., и въ такомъ же точно размѣрѣ берется за все“. Иные рабочіе, прокутивъ въ Мачѣ весь свой заработокъ, принуждены были возвращаться на приски и вновь начинать на работы. Зато киренскіе купцы сильно наживались: авторъ полагаетъ, что рабочій выносилъ въ среднемъ съ Олекминскихъ промысловъ до 40 р.,—слѣдовательно, у всѣхъ ихъ на рукахъ въ это время бывало до 120,000 руб. сер. Изъ послѣднихъ словъ видно, что мѣстные наблюдатели находили и у рабочихъ Олекминскихъ присковъ не особенно крупныя додачи.

ГЛАВА VII.

Мастеровые на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ въ 1830—1861 гг.

Военный строй мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Число мастеровыхъ.—Подростки.—Вознагражденіе за трудъ.—Кормовыя деньги.—Старательскія работы.—Безплатная выдача провіанта.—Жилища.—Болѣзни и врачебная помощь.—Назначеніе срока работъ.—Пенсіи и богадѣльни.—Школа.—Тѣлесныя наказанія: розги и шпицрутены.—Исправительная казарма.—Побѣги.—Убійство съ цѣлью избавленія отъ работъ.—Невыгодность обязательнаго горнаго труда.

Горныя работы на Алтайскихъ заводахъ производились не вольнонаемными рабочими, а мастеровыми, которые еще съ 1761 г., съ освобожденіемъ отъ подушнаго оклада, были приравнены къ лицамъ, состоящимъ на военной службѣ, и подчинены военной дисциплинѣ. По учрежденію объ управленіи Колывано-Воскресенскихъ горныхъ заводовъ (16-го апрѣля 1828 г.) мастеровые эти составляли „особенное состояніе людей, обязанныхъ исправлять горныя заводскія работы“. Заводы пополнялись мастеровыми посредствомъ набора рекрутъ съ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ; кромѣ того мастеровыми дѣлались дѣти „мастеровыхъ и рабочихъ людей всѣхъ нижнихъ чиновъ“, состоящихъ на заводской службѣ и находящихся въ отставкѣ, а также незаконнорожденныхъ отъ ихъ вдовъ и дочерей. Никто изъ мастеровыхъ и нижнихъ чиновъ и ихъ дѣтей не могъ быть уволенъ ни въ какое другое состояніе безъ разрѣшенія Кабинета ¹⁾. Мастеровые раздѣлялись на команды, изъ которыхъ каждая находилась въ завѣдываніи горнаго офицера; они содержались „въ порядкѣ и повиновеніи“ по Военному Уставу Петра Великаго, и за разные проступки и преступленія мастеровые и всѣ

¹⁾ Съ переходомъ же этихъ заводовъ (въ 1830 г.) въ вѣдомство министерства финансовъ—безъ согласія министра финансовъ.

нижніе чины, состоящіе на заводской службѣ, судились военнымъ судомъ ¹⁾.

Въ виду всего этого Кабинетъ въ своей запискѣ 1858 г., когда поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи быта горнорабочихъ на сибирскихъ кабинетскихъ заводахъ, выразился, что горнозаводскихъ мастеровыхъ на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ Округѣ (послѣдніе находились въ такомъ же положеніи, какъ и алтайскіе) „слѣдуетъ разсматривать какъ осѣдлыхъ военнослужащихъ“. Министръ Императорскаго Двора не согласился съ этимъ взглядомъ кабинета и высказалъ, что „мастеровыхъ Алтайскаго и Нерчинскаго горныхъ округовъ... нельзя разсматривать какъ рабочихъ военнослужащихъ... или какъ военнорабочихъ. Хотя они подлежатъ рекрутскимъ правиламъ набора, служатъ опредѣленные сроки и, для большей дисциплины въ ихъ трудномъ ремеслѣ, подчинены строгостямъ воинскаго устава, тѣмъ же менѣе... по самому роду занятій, по осѣдлости и праву имѣть свои дома и хозяйства въ селеніяхъ“ они „не имѣютъ характера солдатъ... Рабочіе подвергнуты были строгости военныхъ законоположеній, дабы при такой работѣ сильнѣе поддержать между ними повиновеніе и страхъ, но всѣ эти мѣры, почитавшіяся наиболѣе простыми для учрежденія заводовъ и фабрикъ посредствомъ принудительнаго труда въ то время, когда болѣе имѣлось въ виду созданіе усиленными способами извѣстныхъ отраслей производительности, нежели внутренній экономическій бытъ народонаселенія, ... не могутъ быть нынѣ разсматриваемы съ той же точки зрѣнія и не даютъ достаточнаго основанія считать помянутыхъ рабочихъ, употребленныхъ въ дѣлѣ хозяйственномъ и промышленномъ, наравнѣ съ людьми военными, ибо военная служба не имѣетъ ничего общаго съ горнозаводскимъ или другимъ промышленнымъ предпріятіемъ“ ²⁾. Но это была уже новая точка зрѣнія. навѣянная эпохою реформъ и желаніемъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ преобразовать и бытъ заводскихъ мастеровыхъ, а въ дѣйствительности алтайскихъ и нерчинскихъ мастеровыхъ пожалуй и можно было назвать „осѣдлыми военнослужащими“ (какъ это сдѣлалъ Кабинетъ), на подобіе военныхъ поселанъ, отъ которыхъ они отличались тѣмъ, что занимались не земледѣліемъ, а горнымъ дѣломъ ³⁾. Съ дру-

¹⁾ 2-е П. С. З. т. III, № 1960, стр. 434.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., дѣла Комитета о крестьянахъ казенныхъ, т. 91, л. 46; срав. *Влаховуловъ* „Сводъ законоположеній и распоряженій, относящихся до поземельнаго устройства приписныхъ крестьянъ, мастеровыхъ и урочниковъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ. 1858—1882“, стр. 13—14.

³⁾ По словамъ г. Зобнина; „до 1861—63 г. положеніе горнозаводскаго населенія было чѣмъ-то среднимъ между крѣпостнымъ состояніемъ и бытомъ военныхъ поселеній“. „Алтаѣ. Историко-статист. сборникъ, изд. подъ редакціей Голубева“. Томскъ 1890 г., стр. 154.

гой стороны въ ихъ положеніи есть извѣстныя черты сходства съ посессионными мастерскими уральскихъ горныхъ заводовъ.

Тридцатые и сороковые и пятидесятые годы были крайне тяжелымъ временемъ въ жизни алтайскихъ мастеровыхъ, когда именно болѣе заботились о томъ, чтобы создать „усиленными способами извѣстныя отрасли производства“, хотя бы это и отражалось вредно на экономическомъ бытѣ населенія. Такою новою отраслью производства въ рассматриваемое время была добыча разсыпного золота.

При добычѣ на Колывано-Воскресенскихъ (Алтайскихъ) заводахъ въ XVIII вѣкѣ изъ рудъ серебра попутно добывалось и золото: такого руднаго золота въ 1751—1784 г. было получено болѣе 17 пудовъ, но затѣмъ добываніе его прекратилось до 1830 г. ¹⁾, когда были открыты на Алтаѣ золотосныя россыпи.

Въ 1830 г. былъ устроенъ Егорьевскій приискъ (почти на границѣ Барнаульскаго и Кузнецкаго округовъ), разрабатывающійся и понынѣ; въ 1831 г. открытъ былъ Урскій золотой промыселъ (въ Кузнецкомъ округѣ), а затѣмъ и другіе, такъ что въ 1842 г. дѣйствовали уже десять промысловъ ²⁾.

Что касается числа мастеровыхъ, то въ 1834 г. на золотыхъ промыслахъ здѣсь работало уже 1592 чел., а въ 1845 г. 3002 чел. Къ началу 1856 г. на золотыхъ промыслахъ числилось „нижнихъ чиновъ“ 3639 чел., дѣйствительно же употреблялось въ работы въ 1856 г. 3092, въ 1860 г.—2816 чел. однихъ рабочихъ, не считая ихъ семействъ.

Главный контингентъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ состоялъ изъ мастеровыхъ, переведенныхъ туда съ горныхъ заводовъ и рудниковъ Алтайскаго округа. Такъ, напримѣръ, въ 1834 г. горный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ предписалъ Салаирской горной конторѣ немедленно выбрать изъ ея команды 120 рабочихъ и отправить на Успенскій золотой промыселъ. При этомъ было предписано выбрать преимущественно неимѣющихъ своихъ домовъ и хозяйства здоровыхъ и крѣпкаго сложенія и отнюдь не посылать стариковъ или хворыхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1835 г., было вновь предписано той же конторѣ отправить 112 чел. въ поисковыя партіи для розысковъ золота и 288 чел. на Успенскій золотой промыселъ ³⁾. Въ 1834 г. майоръ Кулибинъ назначенъ былъ управляющимъ казенными (т.-е. кабинетскими) промыслами Колывановоскресенскаго округа ⁴⁾.

¹⁾ „Алтай“, изд. подъ редакц. Голубева, стр. 382.

²⁾ См. Дополненіе IX (въ концѣ этого тома).

³⁾ Архивъ въ Салаирѣ, дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 617, л. 768—769, дѣла Томск. Горн. Конт. столпъ 484, л. 297.

⁴⁾ Дѣла Салаирск. Горн. Конт., столпъ 617, л. 484—489.

Контингентъ заводскихъ мастеровыхъ, какъ уже было упомянуто, пополнялся посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, производимыхъ съ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Иногда эти рекруты прямо отправлялись на золотые промысла. Такъ какъ работа на нихъ была особенно тяжелая, то сюда ссылали также мастеровыхъ за разные провинности съ алтайскихъ заводовъ и рудниковъ ¹⁾. До 1855 г. мастеровые переводились съ мѣста на мѣсто только по предписаніямъ горнаго правленія, но въ этомъ году оно дозволило мѣстнымъ управляющимъ *обмѣниваться* мастеровыми, не спрашивая позволенія у высшаго начальства и требовать недостающихъ по штату мастеровыхъ отъ другихъ горныхъ коиторъ, которыя и посылали, кого хотѣли. Съ этого времени ни одинъ рабочий не былъ обезпеченъ отъ ссылки на золотые промысла ²⁾.

Въ 1831 г. главный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Е. Ковалевскій, бывшій въ то же время томскимъ губернаторомъ, выразилъ желаніе отправлять на кабинетскіе золотые промысла для отработки недоимки инородцевъ Кузнецкаго округа и кузнецкихъ мѣщанъ. Горный начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Бегеръ, сочувственно отнесся къ этой мысли и готовъ былъ принять на золотые промысла 300 и болѣе человекъ, но опасался, что эти недоимщики разбѣгутся какъ по малочисленности военного караула, такъ и потому, что онъ могъ бы быть полезенъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы недоимщиковъ „можно было содержать въ казармахъ въ видѣ арестантовъ, чего, по неимѣнію помѣщенія, исполнить невозможно“, и потому считалъ нужнымъ, чтобы они находились подъ присмотромъ особыхъ старшинъ гражданскаго вѣдомства. Но высшія власти отнеслись къ мысли Ковалевскаго, какъ сейчасъ увидимъ, несочувственно. Главноуправляющій корпусомъ горныхъ инженеровъ предписалъ (въ концѣ 1834 г.) Ковалевскому стараться увеличивать число рабочихъ на алтайскихъ золотыхъ розсыпахъ, нанимая для этого, если возможно, вольныхъ работниковъ изъ ссыльнопоселенцевъ за умѣренную плату. Ковалевскій, высказавшись противъ этого, между прочимъ предложилъ въ 1835 г. отправлять на казенные промыслы для заработка всѣхъ недоимщиковъ изъ крестьянъ, инородцевъ и ссыльнопоселенцевъ Томской губерніи, по крайней мѣрѣ изъ ближайшихъ ея округовъ, съ тѣмъ, чтобы за работы на промыслахъ платить имъ вдвое сравнительно съ мастеровыми. Главноуправляющій корпусомъ горныхъ

¹⁾ Служащимъ на Алтайскихъ заводахъ иногда разрѣшалось также отправлять на время на золотые промысла своихъ крѣпостныхъ въ видѣ наказанія съ правомъ требовать ихъ обратно. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр. (въ Барнаулѣ), по описи о каз. зол. пром., столѣцъ № 21, л. 457—460.

²⁾ *Зобнинъ*. „Мастеровые Алтайскихъ горныхъ заводовъ до освобожденія“. „Сибирскій сборникъ“. Приложение къ „Восточн. Обзорѣнью“. 1891 г. кн. II, стр. 35.

инженеровъ (онъ же и министръ финансовъ), гр. Канкринъ, отвѣчалъ, что отдача на золотые промысла недоимщиковъ для заработка податей и повинностей должна производиться на общихъ основаніяхъ. Не принято было также, къ счастью, министромъ финансовъ и предложеніе Ковалевскаго о томъ, чтобы контингентъ мастеровыхъ на золотыхъ промыслахъ пополнялся не только, наравнѣ съ Алтайскими заводами и рудниками, наборомъ изъ приписныхъ крестьянъ, но также и рекрутами изъ ближайшихъ сибирскихъ губерній ¹⁾).

По мѣрѣ надобности мастеровыхъ переводили съ одного промысла на другой, для новыхъ же промысловъ набиралась команда изъ разныхъ мѣстъ и преимущественно изъ людей, не имѣющихъ собственныхъ домовъ ²⁾. Хотя на промысла старались посылать одинокихъ рабочихъ, но такихъ не всегда находилось достаточное количество, и уже въ первые годы кабинетской золотопромышленности на Алтаѣ на золотыхъ промыслахъ оказывалось не мало семейныхъ рабочихъ ³⁾. Впрочемъ, всетаки ихъ было меньше, чѣмъ холостыхъ, и распространеніе сифилиса въ Успенскомъ промыслѣ инспекторъ медицинской части объяснялъ въ 1835 г. именно недостаточнымъ количествомъ женщинъ ⁴⁾. Бывало и такъ, что семья рабочаго оставалась на заводѣ, а самъ онъ работалъ на далекомъ золотомъ промыслѣ. Иногда рабочимъ приходилось для свиданія съ семьями, жившими въ селеніяхъ, проходить по нѣскольку десятковъ и болѣе верстъ.

Среди рабочихъ на золотыхъ промыслахъ были и подростки съ 12 лѣтъ. Въ положеніи 1828 г. о мастеровыхъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ сказано: „Дѣти причисляются къ командамъ мастеровыхъ не прежде, какъ по прошествіи 12 лѣтъ, но дотолѣ, пока достигнуть совершеннаго возраста и укрѣпленія силъ, употребляютъ только къ разбору рудъ и другимъ легкимъ занятіямъ“; съ семилѣтняго возраста (а съ 1849 г. съ восьмилѣтняго) они опредѣлялись въ заводскія школы, если только отецъ до 12 лѣтъ не пожелаетъ обучать ихъ дома на собственный счетъ. Въ 1838 г. было постановлено въ разрядъ полныхъ работниковъ перечислять въ 18 лѣтъ,—такимъ образомъ подростками назывались имѣвшіе возрастъ 12—18 лѣтъ. Въ 1849 г. было положено

¹⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окp., дѣла о золот. пром., ст. № 10, л. 410—413, ст. 21, л. 511—512, вѣз. 47, дѣло № 815, л. 12, 19.

²⁾ Ibid., ст. № 2, л. 402—403, ст. 21, л. 469.

³⁾ Къ 1 авг. 1834 г. на Урскомъ золотомъ промыслѣ было мастеровыхъ и рудо-разборщиковъ 296, при нихъ было: женъ 178, сыновей 45, дочерей 99. На другихъ промыслахъ бывало и меньше женщинъ: такъ, напр., на Успенскомъ промыслѣ къ 31 іюлю 1834 г. было рабочихъ м. п. 317, при нихъ женъ 117, сыновей 34, дочерей 69. Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 617, л. 182, 185, 186.

⁴⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окp., дѣла по каз. золот. пром., ст. № 21, л. 468 об.

дѣтей, оказавшихъ въ школѣ лучшіе успѣхи, опредѣлять къ занятіямъ по письменной и искусственной части, а прочіе по достиженіи 15 лѣтъ употреблялись въ легкую дневную работу, не болѣе 8 ч. въ сутки. Въ 1852 г. было повелѣно, чтобы подросткамъ, не поступившимъ по окончаніи школы къ занятіямъ по письменной и искусственной части, разрѣшалось помогать семействамъ въ домашнемъ хозяйствѣ и лишь въ случаѣ нужды ихъ употребляли въ работы ¹⁾. Но и послѣ 12 лѣтъ подростки не всегда могли вынести тяжелыя пріисковныя работы ²⁾. Управляющій казенными промыслами при обзорѣ ихъ въ началѣ 1859 г. нашелъ до 120 стариковъ, малосильныхъ подростковъ и ослабѣвшихъ послѣ болѣзни рабочихъ, которымъ принужденъ былъ дать отдыхъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, такъ какъ, „оставшись въ работѣ на открытомъ воздухѣ въ морозы, они неминуемо увеличили бы собою число больныхъ или... заплатились бы окончательнымъ растройствамъ здоровья, а можетъ быть и жизнью“ ³⁾. Но такое, болѣе гуманное, отношеніе къ рабочимъ мы встрѣчаемъ уже въ послѣдніе годы военно-крѣпостного режима.

Работы на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ производились зимою и лѣтомъ. На Урскомъ промыслѣ въ 1832 г. золото промывали на 10 станкахъ лѣтомъ въ одну смѣну, т. - е. работали всѣ, а зимою съ 15 ноября по 1-е января—въ двѣ смѣны, т.-е. одну недѣлю работали одни рабочіе, а другую—другіе ⁴⁾. Въ 1840 г. Горный Совѣтъ Алтайскихъ заводовъ нашелъ полезнымъ допустить въ этомъ году, въ видѣ опыта, на промывкѣ и добычѣ золотосодержащихъ песковъ трехсѣмнныя работы, т.-е., чтобы рабочіе двѣ недѣли работали, а третью отдыхали (на заводахъ при трехсѣмнныхъ работахъ—одну недѣлю работали днемъ, другую—ночью, а третью, „гульную“, отдыхали). По мнѣнію Горнаго Совѣта, введеніемъ трехсѣмнныхъ работъ „увеличится вольная добыча золота работами и сверхъ того представится средство къ упроченію ихъ благосостоянія“. Последнее обстоятельство Совѣтъ призналъ въ особенности полезнымъ для людей, которые должны были прибыть на отдаленные промысла, такъ какъ въ свободныя недѣли они будутъ имѣть возможность лучше устроить свои жилища, отъ чего уменьшатся болѣзни ⁵⁾. Предложеніе Горнаго Совѣта было вѣроятно принято начальникомъ заводовъ, такъ какъ въ 1842 г. на Терсинскомъ золотомъ промыслѣ существовала уже трехсѣмнная работа,

¹⁾ 2 П. С. З. т. III, № 1960, XIII, № 11335, XXIV, отд. II, штаты, стр. 127, т. XXVII, № 26050, л. 1. По штату 1849 г. на Алтайскихъ золотыхъ промыслахъ полагалось 234 подростка, изъ нихъ 111 до 15 лѣтъ. 2 П. С. З. т. XXIV, отд. II, № 23263, стр. 108; ср. „Алтай“, 397.

²⁾ Дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 617, л. 446.

³⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Журн. Горн. Сов. 1859, л. 58.

⁴⁾ Ibid., Вѣдомости Горн. Сов. 1838 г., л. 142.

⁵⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Окр., Журн. Горн. Совѣта, 1840 г.

и при ней рабочіе допускались въ старательскія работы за особую плату, которая немедленно выдавалась ¹⁾. Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ объ алтайскихъ промыслахъ 1852 г. упоминается о трехсѣнной работѣ, какъ объ общемъ правилѣ ²⁾.

При ортовой (подземной) разработкѣ золотыхъ россыпей, очень распространенной на Алтаѣ ³⁾, работали и ночью ⁴⁾. Смѣна происходила въ 4 ч. утра или вечера, слѣдовательно, продолжительность рабочего дня (а также и ночи) равнялась 12 часамъ, очевидно *со включеніемъ* времени на принятіе пищи и на отдыхъ ⁵⁾.

На Успенскомъ золотомъ промыслѣ въ 1837 г. полагалось для выемки 1 куб. саж. на торфахъ 5 чел. въ день, при добычѣ песка — 6 чел. ⁶⁾. По штатамъ 1849 г. полагалось на золотыхъ промыслахъ одному работнику добыть и откатать (на разстояніи въ среднемъ 15-и сажень) одну кубическую сажень песка или торфа лѣтомъ въ 5, а зимою въ 7 рабочихъ смѣнъ ⁷⁾. Окончившіе урокъ всетаки не могли уйти съ мѣста работъ, недоработавшіе же его должны были окончить урокъ въ гульную недѣлю или подвергались наказанію розгами и палкою ⁸⁾. На Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ на каждого рабочего добывалось меньшее количество песка, чѣмъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ ⁹⁾, несмотря на то, что на этихъ послѣднихъ работа обыкновенно продолжалась лишь 7 1/2 мѣсяцевъ, а на первыхъ—весь годъ. Это объясняется многими причинами: во первыхъ рабочій день на казенныхъ Алтайскихъ промыслахъ былъ короче, чѣмъ на частныхъ пріискахъ Западной и Восточной Сибири; затѣмъ здѣсь были болѣе распространены ортовые (подземныя) работы, при которыхъ нужно значительно большее время для добычи того же количества песка, и откатка торфа и песку производились преимущественно ручнымъ трудомъ (который на частныхъ промыслахъ постепенно все болѣе замѣнялся отвозкою на лошадяхъ ¹⁰⁾) и, нако-

¹⁾ Арх. въ Салаирѣ. Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, 1842 г. ст. 125, л. 1464—1465.

²⁾ Арх. Комит. Министровъ, дѣла Сибир. Ком. 1852 г. № 77.

³⁾ 39% всѣхъ добытыхъ песковъ получалось здѣсь въ 1853 г. посредствомъ ортовыхъ работъ. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Жур. Гор. Сов. 1853 г., л. 14.

⁴⁾ Въ 1838 г. на Петропавловскомъ пріискѣ (на Мрасѣ) были ночныя работы въ шахтахъ. Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, 1839 г., ст. 115, л. 362.

⁵⁾ *Зобнинъ*, стр. 14—15.

⁶⁾ Арх. Алт. Горн. Упр., дѣла золотопр., ст. 30, л. 802.

⁷⁾ 2 П. С. З., т. XXIV, отд. 2, № 23263, стр. 121. На частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго округа наиболѣе обычнымъ урокомъ 1843—46 гг. при вскрытіи торфа и добычѣ песка съ отвозкою ихъ на тачкахъ была 1 кубическая сажень на 5—6 человекъ. (см. выше, гл. V).

⁸⁾ *Зобнинъ*, 15.

⁹⁾ См. *Дополненіе X* (въ концѣ этого тома).

¹⁰⁾ Въ 1851 г. на Алтайскихъ заводахъ на каждыя 100 чел. приходилось 10 лошадей, а на частныхъ промыслахъ отъ 20 до 50. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Бѣловые журн. Горн. Сов. 1853 г., л. 141 об.

нецъ, вообще обязательный трудъ былъ менѣе производителенъ, чѣмъ вольнонаемный.

Работы на золотыхъ промыслахъ считались гораздо болѣе тяжелыми, чѣмъ на горныхъ заводахъ и даже въ рудникахъ: не даромъ приски служили каторгою для всѣхъ алтайскихъ мастеровыхъ. „Военно-судныя комиссіи въ своихъ приговорахъ,—говоритъ г. Зобнинъ,—стращали обвиняемыхъ съ заводовъ и рудниковъ отдачей на золотые приски, и дѣйствительно отправляли туда, когда всѣ другія мѣры наказанія (розги и тысячи шпицрутеновъ) оказывались, по мнѣнію комиссіи, недостаточными“. „Казарменная жизнь, холодъ и постоянный дымъ во время зимнихъ работъ (замерзшую землю постоянно должны были оттаивать костромъ), затѣмъ работа по колѣна въ водѣ“ въ дождливое время года, наконецъ, плохая пища—все это вызывало громадную заболѣваемость и смертность преимущественно отъ цынги и ревматизма. Какъ велико было отвращеніе къ присковымъ работамъ, видно изъ слѣдующаго. Четверо рабочихъ бѣжали въ 1840 г. съ Царево-Николаевского приска. Одинъ изъ нихъ обѣщалъ довести товарищей до берега рѣки Томи, но не нашелъ дороги, а воротиться на промыселъ отказался, сказавъ, что предпочитаетъ умереть въ лѣсу. Тогда одинъ изъ товарищей убилъ этого рабочаго, а два другіе просили оговорить ихъ въ убійствѣ, чтобы избавиться отъ работы на золотыхъ промыслахъ ¹⁾. (Нѣсколько другихъ примѣровъ см. ниже).

По воскресеньямъ и праздникамъ обязательной работы на промыслахъ не производилось ²⁾. Въ 1832 г. на Егорьевскомъ промыслѣ промывка шла и лѣтомъ, и зимою въ теченіе 265 рабочихъ дней; на Урскомъ промыслѣ въ томъ же году—лѣтомъ въ одну смѣну, а зимою въ двѣ. Въ 1837 г. на Успенскомъ промыслѣ полагалось въ мѣсяцъ 22 рабочихъ дня, т.-е. въ годъ всего 264. Изъ журнала Горнаго Совѣта 1853 г. видно, что тогда на Алтайскихъ промыслахъ общимъ правиломъ была трехсмѣнная работа: „мастеровые, работая круглый годъ, пользуются гульными недѣлями, т.-е., проработавъ 2 недѣли, третью остаются свободными“ ³⁾. По свѣдѣніямъ 1852 г., мастеровые при трехсмѣнныхъ работахъ работали отъ 242 до 248 дней въ году (изъ свободныхъ дней около 20 они употребляли на кошеніе сѣна для себя) ⁴⁾. Но въ это время въ свободные дни производились уже, какъ увидимъ

¹⁾ Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, ст. 120, л. 599—663.

²⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла по золот., ст. № 21, л. 459 (дѣло 1835 года).

³⁾ Ibid., Вѣдомости Горн. Сов. 1832 г., л. 137, 142; дѣла о казен. золот., ст. 30, л. 808 об., Журн. Горн. Сов. 1853, л. 141.

⁴⁾ Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комит. 1852 г. № 77.

ниже, горныя старательскія работы за возвышенную плату, которыя должны были бы быть добровольными, но не всегда были таковыми въ дѣйствительности.

Мы видѣли, что на кабинетскихъ промыслахъ, въ отличіе отъ частныхъ, не только работы вообще, но даже и промывка золота производились и зимою. Въ 1859 г. управляющій казенными промыслами, Ястржембскій, предлагалъ увольнять на зиму мастеровыхъ, не выдавая имъ провіанта и жалованья ¹⁾. Но Горный Совѣтъ не принималъ этого предложенія изъ опасенія, что вслѣдствіе этого уменьшится годовая промывка золота ²⁾.

Мастеровые на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ и на заводахъ, получали годовое жалованье ³⁾. За найденные самородки выдавались награды, но въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ ⁴⁾. По штатамъ 1849 г. на золотыхъ промыслахъ и въ развѣдочныхъ партіяхъ назначено было слѣдующее годовое жалованье, считая на серебро: уставщикамъ 90 — 180 руб., нарядчикамъ по 12 руб., работникамъ при промывкѣ песковъ 6 руб. 70 коп. — 10 руб., при добычѣ песковъ и торфа, подъемъ песковъ изъ шахтъ и при доставкѣ ихъ на мѣсто промывки — 6 руб. 70 к. — 7 руб. 50 к., подросткамъ 3 руб. 50 к. — 5 руб. сер. въ годъ ⁵⁾.

Кромѣ жалованья и, какъ увидимъ, готоваго провіанта, „казенные“ рабочіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, на основаніи положенія

¹⁾ Въ своемъ рапортѣ Горному Совѣту онъ доказываетъ, что казна немного теряетъ отъ отпуска людей въ зимнее время. „Соразмѣрное увольненіе по мѣрѣ трудовъ и лишеній по службѣ произведетъ благотворное нравственное послѣдствіе: не будутъ уклоняться отъ службы на дальнихъ промыслахъ, гдѣ много невыгодъ для жизни; не будутъ стараться избѣгать трудной работы, ничѣмъ теперь не вознаграждаемой; истребится упадокъ духа отъ безвыходнаго тяжелаго положенія, а это будетъ причиною если не совершеннаго прекращенія побѣговъ и преступленій на промыслахъ, то по крайней мѣрѣ значительнаго уменьшенія ихъ.... Зимой задолжаются люди на съѣмку торфа и предъготовительныя работы, а въ теплое время будутъ производить промывку болѣе на машинахъ безъ устройства теплыхъ фабрикъ, отопленія ихъ, трудной чистки канавъ.... и прочихъ расходовъ“.

²⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Журналы Горн. Сов. 1859 г., л. 55—56, 59—60.

³⁾ Въ 1831—35 гг. на золотыхъ промыслахъ получали штейгеръ 225 руб. въ годъ, унтеръ-штейгеръ—60—225 руб., штейгерскій ученикъ 36—120 руб., бергайеръ 60—120 руб., рабочіе разнаго званія по 36 руб., рудоразборщики или промывальщики по 24 руб., караульщики по 20 руб. ассигнаціями въ годъ. Ibid., вѣз. 47, дѣло № 815, л. 5; Вѣдом. Горн. Сов. 1832 г., л. 137—143.

⁴⁾ На Успенскомъ промыслѣ промывальщикамъ въ награду за найденные самородки было выдано въ 1834 г. всего въ апрѣлѣ 1 р., въ іюнѣ 1 р., въ іюлѣ 2 р. 40 к., въ августѣ 2 р. 80 к. Дѣло Салавр. Горн. Конт., ст. 336, л. 236.

⁵⁾ По штатамъ 1849 г. въ награду за найденные самородки было назначено на всѣхъ промыслахъ 500 р. въ годъ.

комитета министровъ 1826 г., получали кормовыя, „порцовыя“ или „порціонныя“ деньги: въ 1835 г. штейгеръ получалъ 20 к. ассигн. въ сутки, унтеръ-штейгеръ 10—20 к., а остальные рабочіе по 10 к. Въ поисковыхъ партіяхъ получавшимъ одиночное жалованье выдавались въ 30-хъ годахъ кормовыя деньги по 30 к. ассигн. въ день на каждого человѣка какъ въ рабочіе, такъ въ праздничные дни за все то время, которое они будутъ находиться въ партіяхъ ¹⁾.—По штатамъ 1849 г. рабочимъ на золотыхъ промыслахъ выдавались порціонныя деньги по 4 к. сереб. въ сутки.

Изыскивая средства къ увеличенію добычи золота на кабинетскихъ промыслахъ, главный начальникъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ, Е. Ковалевскій, въ январѣ 1835 г. предложилъ министру финансовъ, бывшему въ то же время главноуправляющимъ корпусомъ горныхъ инженеровъ ²⁾, позволить мастерамъ, паходящимся на золотыхъ промыслахъ, производить вмѣстѣ съ ихъ семействами работы въ праздники и въ свободное отъ казенныхъ занятій время съ двойною за это платою сверхъ обыкновеннаго ихъ содержанія. Министръ финансовъ, гр. Канкринъ, одобрилъ эту мѣру, и Ковалевскій приказалъ извѣстить о томъ управляющаго золотыми промыслами, маіора Кулибина, съ тѣмъ, чтобы эти работы за двойную плату въ свободное отъ обязательныхъ занятій время производились лишь съ согласія рабочихъ. 1-го декабря 1835 г. главный начальникъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ, полковникъ Бегеръ, донесъ начальнику штаба корпуса горныхъ инженеровъ, что такъ какъ рабочіе получаютъ 36 руб. (ассигн.) въ годъ и кормовыхъ по 10 к. въ день, то двойная плата рабочимъ съ кормовыми деньгами составляетъ по 40 к. (ассигн.) въ сутки, вольнымъ же рабочимъ изъ крестьянъ (которыхъ старались заманить на промыслы, но которые, по словамъ Бегера, не являлись туда вслѣдствіе отдаленности работъ отъ населенныхъ мѣстъ) была положена плата съ кубической сажени. Вслѣдствіе этого рабочіе изъ мастеровыхъ на золотыхъ промыслахъ отказались работать за свою удвоенную плату, считая ее недостаточною, и Бегеръ просилъ разрѣшить ему производить мастерамъ за вольныя работы на промыслахъ плату съ кубической сажени, равную той, которая назначена крестьянамъ и другимъ вольнымъ рабочимъ. Министръ финансовъ нашелъ, что, если взять въ расчетъ всѣ издержки полного содержанія мастерового и разложить ихъ на одно рабочее, за исключеніемъ праздниковъ, время, то на работы, производимыя казенными мастерами, причтется почти столько же расходовъ,

¹⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Гор. Окр., вяз. 47, дѣло № 805; л. 5; Вѣдом. Горн. Сов. 1832 г., л. 229; Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаир. горн. конт. ст. 336, л. 17—28.

²⁾ Съ 1830 по 1855 г. Алтайскіе заводы состояли въ вѣдѣніи министерства финансовъ, а затѣмъ опять переданы въ вѣдѣніе Кабинета.

какъ на работы по цѣнамъ, назначеннымъ для вольныхъ людей. Поэтому онъ разрѣшилъ Бегеру производить мастеровымъ за вольныя ихъ работы въ праздники и другое свободное время, а также за работы ихъ женъ и семействъ плату, „неполна соотвѣтственную той, которая назначена для людей вольныхъ (см. ниже), но соразмѣрную дѣйствительной стоимости казенной работы“, а именно, въ среднемъ за выработку 1 кубической сажени торфа или песку по 3 руб., а за промывку 1 пуда песку по 1¼ к. ассигн. ¹⁾). Мастеровые стали тогда производить эти старательскія работы въ „гульные“ недѣли, но все-таки, несмотря на то, что въ 1840 г. плата мастеровымъ была повышена (въ виду возвышенія цѣнъ на жизненныя потребности) до 4 руб. ассигн. съ кубической сажени въ среднемъ ²⁾, на кабинетскихъ промыслахъ не удалось привлечь ихъ къ работамъ въ свободное время въ такой степени, какъ это произошло на частныхъ промыслахъ. По штатамъ 1849 г. полагалось при добычѣ „казенною“ работою 31 пуда золота добыть вольнымъ трудомъ 5 пуд., т.-е. около 14% всего количества, въ 1851 г. старательскою работою было добыто тоже 5 пуд. (1/3 всего количества), между тѣмъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ старательскими работами добывалось почти 1/4 всего получаемого золота ³⁾). Въ виду того, что мастеровые не особенно стремились къ старательскимъ работамъ, на которыя, какъ мы видѣли, должно было посылать ихъ лишь съ ихъ согласія, дѣло не обошлось безъ насилія со стороны начальства, и это насиліе доводило нѣкоторыхъ рабочихъ даже до преступленія, чтобы избавиться отъ ненавистныхъ промысловыхъ работъ. Такъ одинъ рабочій Царево-Николаевскаго золотого промысла въ комиссіи военнаго суда въ 1841 г. показалъ: послѣ наказанія розгами за уходъ со старательской работы, „я, не надѣясь избавиться назначенной намъ работы, въ которую мы хотя и не каждую... гульную недѣлю употреблялись, но все же доводилось иногда находиться въ оной *противъ желанія нашего*“, въ тотъ же день сговорился съ другимъ рабочимъ убить кого нибудь. Показаніе это подтверждается и официальною справкою, изъ которой видно, что 13 сентября 1841 г. трое рабочихъ *посланы были* съ прочими изъ казармы въ гульную недѣлю на старательскую работу къ сѣмѣтѣ торфа за плату съ кубической сажени по 1 руб. 20 к. серебр..., гдѣ пребыли до обѣда

¹⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла о каз. зол. пром., ст. № 21, л. 511, 518, 531—532; вѣз. 47, дѣло № 815, л. 12, 19, 27—30, 35.

²⁾ По штатамъ 1849 г. на вольной работѣ положено было платить за каждую кубическую сажень песковъ или торфа съ откаткою на разстояніе 15 сажень 1 руб. 14 к. *серебромъ* въ среднемъ, а за промывку 100 пуд. песка съ подкаткою его къ мѣсту промывки по 50 к. въ среднемъ.

³⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., Журн. Горн. Сов. 1840 г., бѣлов. Журн. Горн. Сов. 1853 г., л. 140—141.

и, отговариваясь только трудностью работы, ничего не сдѣлали, между тѣмъ какъ, работая наравнѣ съ прочими, могли бы получить въ день каждый по 30 к. серебр. (что послужило бы имъ къ заведенію перемѣннаго бѣлья и теплой одежды). За такую же лѣность и упрямство наказаны по мѣрѣ вины ложами¹⁾. Все это было совершенно противозаконно, такъ какъ старательскія работы, какъ мы видѣли, должны были производиться съ *согласіем* мастеровыхъ.

Плата за старательскую работу немедленно выдавалась мастерамъ²⁾.

Кромѣ мастеровыхъ, обязанныхъ работать на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, на нихъ находилось, съ первыхъ годовъ золотопромышленности, нѣкоторое количество вольнонаемныхъ рабочихъ, преимущественно изъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. 23 мая 1831 г. бѣлоярскій (барнаульскаго уѣзда) земскій управитель Олоровскій донесъ горному начальнику Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, что, по приказанію послѣдняго на Егорьевскіе золотые промыслы къ 1 іюня „вольнорабочихъ крестьянъ“ будетъ выслано до 50 чел., а нѣсколько позднеѣ, продолжалъ онъ, „вѣдѣніемъ своимъ надѣюсь высылку усилить“. Однако вольные работники не охотно шли на промыслы: къ іюлю 1831 г. на Егорьевскомъ золотомъ промыслѣ вольныхъ рабочихъ, трудившихся за трехрублевую плату съ кубической сажени, „разнаго званія людей“ было 70 чел., къ 15 ч. іюля—30, а къ 15 ч. августа осталось всего 15 чел. Въ 1832 г. на Егорьевскомъ промыслѣ вольныхъ возчиковъ не хватило, и пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию „урочныхъ служителей“ т.-е. мастеровыхъ — „урочниковъ“, въ число обязанностей которыхъ входила возка дровъ, руды и проч. за задѣльную плату³⁾.

Въ ноябрѣ 1834 г. министръ финансовъ Канкринъ предложилъ главному начальнику Алтайскихъ заводовъ рассмотреть, нельзя ли для увеличенія добычи золота сверхъ опредѣленныхъ казенныхъ служителей употребить за умѣренную плату вольныхъ работниковъ, по примѣру частныхъ золотопромышленниковъ, изъ числа ссыльно-поселенцевъ. На это главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ Е. Ковалевскій отвѣчалъ министру финансовъ подробнымъ донесеніемъ, которое наглядно показываетъ, что мастеровые, обязанные работать на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, были въ экономическомъ отношеніи въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ссыльнопоселенцы и другіе рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ, а далѣе мы увидимъ, что положеніе это еще болѣе ухуд-

¹⁾ Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, ст. 125 л. 1157, 1160.

²⁾ Ibid., ст. 125, л. 1464—1465.

³⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., ст. 10, л. 143, 152, 169, 387; Вѣдом. Горн. Сов., 1832 г., л. 142.

шалось суровою военною дисциплиною и самыми жестокими тѣлесными наказаніями. „Крестьяне“, писалъ Е. Ковалевскій, „выступаютъ весьма неохотно и въ самомъ незначительномъ числѣ въ работы на золотые промыслы, и то тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ ближайшихъ къ онымъ селеніяхъ; между тѣмъ важнѣйшіе казенные примски находятся въ мѣстахъ необитаемыхъ и весьма отдаленныхъ отъ деревень. Остаются, такъ называемые, поселщики или ссыльные, которые наполняютъ частные золотые промыслы“. Но употреблять и ихъ на казенныя промысловыя работы оказывалось неудобнымъ: „1) среднее содержаніе мастероваго на казенныхъ золотыхъ промыслахъ жалованьемъ, порціонами и провіантомъ, по сложности нѣсколькихъ лѣтъ, обходится казнѣ въ годъ 81 руб. 74 к., а въ мѣсяцъ 6 руб. 81 к. На частныхъ золотыхъ промыслахъ вольные работники, болѣею частью изъ ссыльныхъ, получаютъ среднимъ числомъ денежной платы 12 руб. 50 к., да содержаніе ихъ пищею стоитъ около 7 руб. 25 к., что составитъ въ мѣсяцъ 19 руб. 75 к. (ассигн.). Сверхъ того они имѣютъ, такъ называемыя, старательскія работы, производимыя въ праздники и вообще въ свободное время, при которыхъ получаютъ за золотникъ добытаго золота и за снятіе . . . турфа съ куб. сажени по 4 руб. (ассигн.). Сіе доставляетъ имъ почти столько же, если не болѣе, какъ плата съ цѣною пищи вмѣстѣ взятая. Принимая же только половину такового расхода, содержаніе рабочаго изъ ссыльныхъ на частныхъ промыслахъ будетъ простираться въ мѣсяцъ болѣе 30 руб., т.-е. почти въ 4¹/₂ раза болѣе противъ содержанія мастероваго на казенныхъ промыслахъ“. Золотопромышленники теряютъ еще задатки неявившихся и неотработанныя деньги бѣжавшихъ рабочихъ.—„Если розсыпи богаты содержаніемъ золота, то всѣ сіи расходы . . . не составятъ большаго расчета, и промышленники, не смотря на то, получаютъ огромныя прибыли. Но при маломъ содержаніи золота они должны довольствоваться самыми небольшими, такъ сказать, купеческими процентами. Колывано-Воскресенскіе же заводы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ лаутъ отъ золотого промысла (не смотря на бывшую до сего времени убогость розсыпей) на 1 руб. до 2 руб., а вообще отъ всего валоваго производства на 1 руб. почти 4 руб. чистой прибыли. 2) Но сколько ни значительны были бы расходы казны на наемъ вольныхъ работниковъ изъ ссыльныхъ“, продолжаетъ Ковалевскій, „нравственное неудобство, отъ сего произойти долженствующее, еще гораздо важнѣе. Въ одно и то же время за одну и ту же работу честный и безпорочный мастеровой долженъ бы былъ получать вчетверо меньше, чѣмъ ссыльный, заклеянный преступленіемъ и изгнанный изъ своей отчизны. Наполнять отдѣльно какіе либо казенные золотые промыслы одними работниками изъ ссыльныхъ невозможно, потому что при нихъ должны быть по крайней мѣрѣ главные промышальщики, нарядчики, унтеръ-штейгеры и проч. изъ сословія масте-

выхъ. Содержаніе рабочихъ изъ ссыльных далеко будетъ превосходить жалованье сихъ приставниковъ, непосредственныхъ ихъ начальниковъ, а иногда можетъ даже равняться съ окладами командующихъ офицеровъ (если они не изъ горныхъ инженеровъ)⁴. — Вслѣдствіе всего этого Ковалевскій считалъ неудобнымъ нанимать рабочихъ изъ ссыльных на казенные промыслы и вмѣсто того предлагалъ: „1) пріохочивать, сколько возможно, приписныхъ (къ заводамъ) крестьянъ въ производству хоти на близкихъ промыслахъ (Егорьевскомъ, Касминскомъ и Урскомъ) работу, сообразныхъ съ ихъ бытомъ, какъ то: съемки турфа, перевозки песковъ къ фабрикамъ и проч. по вольной платѣ“; 2) отправлять на казенные золотые промыслы для отработки всѣхъ недоимщиковъ-крестьянъ, инородцевъ и ссыльнопоселенцевъ по крайней мѣрѣ изъ ближайшихъ округовъ Томской губерніи и 3) позволить мастеровымъ казенныхъ промысловъ работать въ праздничное и свободное время за двойную плату. Второе предложеніе, какъ мы уже знаемъ, было отклонено министромъ финансовъ, а первое и третье — приняты. О старательскихъ работахъ мастеровыхъ мы уже говорили, что же касается попытки привлечь на золотые промысла вольныхъ рабочихъ изъ приписныхъ крестьянъ, то она не увѣнчалась успѣхомъ.

Въ маѣ 1835 г. Алтайское горное правленіе составило положеніе о платѣ на казенныхъ промыслахъ вольнымъ рабочимъ, которое было затѣмъ утверждено и главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ. При этомъ найдено было всего удобнѣе назначить плату съ куб. сажени, принимая во вниманіе глубину, на которой залегаютъ золотоносные пески¹⁾. — Пристава кабинетскихъ золотыхъ промысловъ должны были оповѣстить крестьянъ ближайшихъ селеній, мѣщанъ г. Кузнецка и инородцевъ, не пожелаютъ ли они производить работы на золотыхъ промыслахъ по вольному найму. Но до 1 декабря 1835 г. желающихъ работать на казенныхъ промыслахъ не оказалось²⁾, что безъ сомнѣнія объясняется невыгодностью этихъ работъ, различными злоупотребленіями и вообще неблагоприятными условіями, въ которыхъ находились даже и вольные рабочіе на этихъ промыслахъ. Надо полагать, что и позднѣе вольнонаемныхъ рабочихъ не находилось или было очень мало, и если по штатамъ 1849 г. изъ 36 п. золота 5 добывалось „вольною работою“, то это была старательская, хотя и не всегда, какъ мы видѣли, добро-

¹⁾ За выработку куб. сажени торфа и рыхлаго песку съ относомъ на носилкахъ и откаткою на тачкахъ назначена была плата отъ 2 р. 50 к. до 5 р. ассигн.; при работѣ ортами отъ 3 р. до 4 р. съ куб. сажени. За добычу торфа безъ относки на мѣсто по 2 р. съ сажени.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла золот. пром., ст. 21, л. 511—526, вѣз. 47, дѣло № 815, л. 1—3, 9—12, 19—30.

вольная работа мастеровых¹⁾. Только въ 1858 г. въ связи съ предстоящимъ уничтоженіемъ обязательнаго горнаго труда стали обсуждать вопросъ о добычѣ золота вольнонаемными рабочими²⁾.

Мастеровымъ на заводахъ и рудникахъ выдавался бесплатно по положенію 1828 г. провіантъ всѣмъ находившимся въ работахъ: взрослому 2 пуда, подростку 1—1½ п. въ мѣсяцъ³⁾. Въ имѣющихся у насъ свѣдѣніяхъ о снабженіи мастеровыхъ провіантомъ на золотыхъ промыслахъ въ 1832 и 1835 гг. упоминается о выдачѣ провіанта на всѣхъ по 2 пуда: такъ въ 1835 г. на 1592 чел. выдавалось провіанту по 24 п. въ годъ⁴⁾. Съ 1849 г. бесплатная выдача провіанта всѣмъ мастеровымъ Алтайскихъ заводовъ (и золотыхъ промысловъ) распространена и на семейства рабочихъ: жены стали получать 2 п., подростки 1½—2 п., всѣ дѣти мальчики (неработающіе) по 1 п., столько же получали и дочери до 18 лѣтъ, когда дача провіанта имъ прекращалась. Провіантъ выдавался нерѣдко въ весьма неудовлетворительномъ видѣ: по словамъ г. Зобнина, „заготовляемая на три года впередъ мука отъ сырости превращалась въ глыбы, которыя поддавались только лому и кайлѣ“⁵⁾.

Отъ казны выдавалась только мука, остальные же припасы, а также одежду, рабочіе должны были покупать на деньги. При открытіи Петропавловскаго прииска главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ въ 1835 г. предписалъ до времени не дѣлать вычетовъ изъ жалованья мастеровыхъ за выдаваемые имъ съѣстные припасы и вещи, а считать плату за нихъ въ долгу до особаго распоряженія⁶⁾. Вслѣдствіе этого въ 1837 г. за нѣкоторыми мастеровыми Петропавловскаго прииска числилось долговъ до 25 р. ассигн. Въ 1842 г. Алтайское горное правленіе увѣряло, что на казенныхъ приискахъ всѣ жизненные припасы, обувь и платье заготавливается и отпускается рабочимъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Но такъ какъ тутъ же это правленіе утверждало, будто бы работы на промыслахъ легче, чѣмъ на заводахъ, то и къ показанію о дешевизнѣ цѣнъ на вещи и жизненные припасы приходится отнестись скептически⁷⁾. Въ 1859 г. въ виду того, что Царево-Александровскій промыш-

¹⁾ Поэтому въ штатахъ и сказано было, что „на плату казеннымъ работникамъ за вольную работу“ назначено 20.759 р. 51 к. и не ассигновано никакой другой суммы на вознагражденіе вольнонаемными рабочими.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., „Изложеніе“ (о Горномъ Совѣтѣ), 1858 г., л. 139—141, „Изложеніе“ 1859 г., л. 98—102.

³⁾ Зобнина, 19.

⁴⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., влз. 47, дѣло № 815, л. 6; срав. „Вѣдом. Горн. Сов.“ на 1832 г., л. 139—143.

⁵⁾ П. С. З. т. XXIV, отд. II, Штаты, стр. 127.

⁶⁾ Арх. Алт. Горн. Упр. ст. 10, л. 393.

⁷⁾ Арх. въ Салаирѣ, дѣла Томск. Горн. Конт., ст. 257, л. 153—154, дѣла Салаир. Комм. Военн. Суда, ст. 125, л. 1464—1465. Въ 1837 г. на Петропавловскомъ

селъ, еще новый, мѣсто „не обжилось, не отопталось, кругомъ лѣсъ и горы, вездѣ сырость“, инспекторъ алтайскихъ госпиталей призналъ не бесполезнымъ мастеровымъ, работающимъ въ промывальной фабрикѣ и другихъ сырыхъ мѣстахъ этого пріиска, для предупрежденія развитія цынги, выдавать передъ обѣдомъ по чаркѣ вина и противоцинготную окрошку для закуски *на счетъ рабочихъ* ¹⁾.

Получая только жалованье, кормовыя деньги и провіантъ, мастеравые на золотыхъ промыслахъ, безъ сомнѣнія, также стремились обзавестись своимъ хозяйствомъ, какъ это удавалось весьма многимъ, жившимъ на заводахъ. Однако на промыслахъ было очень много людей безъ своихъ хозяйствъ ²⁾. На Алтайскихъ заводахъ на каждаго рабочего, имѣющаго лошадей или корову, отводилось по 2 десятины покосовъ, но на отдаленныхъ золотыхъ промыслахъ, лежащихъ въ мѣстахъ каменистыхъ и лѣсистыхъ, безъ сомнѣнія рѣдко надѣляли покосами въ такомъ количествѣ ³⁾.

На новыхъ золотыхъ промыслахъ мастеровымъ самимъ приходилось строить себѣ жилища ⁴⁾. Въ ноябрѣ 1831 г. рабочей командѣ, прибывшей на Сухаринскую золотую россыпь, приходилось жить въ землянкахъ, пока не выстроена была сначала офицерская, а потомъ служительская казарма ⁵⁾. Въ 1835 г. инспекторъ медицинской части объяснялъ сильное развитіе гнилой горячки и цынги на золотыхъ промыслахъ „первоначальною тѣснотою и сыростью въ выстроенныхъ на скорую руку изъ сырого лѣса избушкахъ, не имѣющихъ сначала часто ни крышъ, ни половъ“. Онъ предлагалъ весной и въ началѣ лѣта давать рабочимъ достаточно свободнаго времени для постройки порядочныхъ жилищъ, которыя могли бы высохнуть въ продолженіе лѣта и осени и не были бы вредны для здоровья зимою, а „для безпечныхъ или не имѣющихъ способовъ завести свои дома и не пользующихся съ удобностью въ

пріискѣ пара чирковъ (обувь) стоила 1 р. 40 к., пара рукавицъ 1 р. ассигн. Ibid., дѣла том. горн. конт. ст. 257, л. 111, 153—154.

¹⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., вѣз. 5360, дѣло № 380.

²⁾ Въ 1838 г. на одномъ золотомъ промыслѣ у мастеровыхъ было всего 85 лошадей и 68 коровъ на 125 домовъ, т. е. по крайней мѣрѣ 40 домовъ было безлошадныхъ и еще болѣе безкоровныхъ, а въ среднемъ выводѣ приходилось 0,7 лошадей и 0,6 коровъ на одинъ дворъ. Въ томъ же году на другомъ промыслѣ было 40 дворовъ, а скота всего 2 коровы, лошади ни одной. *Н. Зобнина* „Приписные крестьяне на Алтаѣ“. „Алтайскій сборникъ“ 1895 г., т. I, стр. 57.

³⁾ *Гатемейстеръ*. „Стат. обзор. Сибири“, т. II, стр. 397. На Егорьевскомъ промыслѣ съ 22 іюля по 22 сентября 1831 г. еженедѣльно отпускали по 30 чел. для поставки собственного сѣна. Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., ст. 10, л. 158—195.

⁴⁾ Такъ на Егорьевскомъ пріискѣ въ апрѣлѣ 1831 г. изъ 641 чел. рабочихъ — 300 были заняты постройкою для себя избушекъ.

⁵⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., дѣла по золот. пром. ст. 10, л. 103, 585.

частныхъ квартирахъ" построить казенныя казармы ¹⁾. По донесенію 1859 г. инспектора Алтайскихъ госпиталей, Преображенскаго, послѣ посѣщенія Царево-Александровскаго, Спасо-Александровскаго и нѣкоторыхъ другихъ промысловъ, во многихъ жилищахъ мастеровыхъ, не смотря на то, что они построены уже болѣе двухъ лѣтъ и что ихъ просушивали чугунными печами, „до сихъ поръ замѣтна значительная сырость“. Это объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что „жилища эти строены изъ толкаго лихтоваго дѣса, который чрезвычайно пористъ, удобно всасываетъ влажность и при большихъ морозахъ промерзаетъ насквозь, при оттепели совершенно отсырѣваетъ такъ, что по стѣнамъ“ видны капли. Для уничтоженія сырости въ избахъ сдѣлано было распоряженіе о заготовленіи негашеной извести ²⁾.

На золотыхъ промыслахъ болѣзненность рабочихъ была очень велика, при чемъ всего болѣе свирѣпствовали горячки, цынга и сифились. Инспекторъ медицинской части Колывано-Воскресенскихъ заводовъ въ 1835 г. писалъ: „Четырехлѣтній опытъ доказалъ, что на вновь открытыхъ золотыхъ промыслахъ заводскаго вѣдомства въ первую зиму и весну свирѣпствуютъ гнилыя горячки въ сильной степени и со значительною смертносью и, уменьшаясь лѣтомъ и осенью, на второй годъ въ то же время вновь усиливаются, но въ меньшей степени; но за то оказывается тогда цынготная болѣзнь, хотя не столь смертоносная, но распространяющаяся на большее число рабочихъ и дѣлающая ихъ на долгое время неспособными къ тяжелымъ работамъ“. Главныя причины этихъ болѣзней „сырое и суровое мѣстоположеніе золотоносныхъ розсыпей, глубокіе снѣга и позднее наступленіе теплой погоды въ тѣхъ мѣстахъ, работы, хотя и не очень тяжелыя (?), но почти во всегдашней сырости“, а особенно тѣснота и сырость въ наскоро выстроенныхъ избушкахъ „въ лазаретахъ, въ которыхъ вдругъ накапливается неожиданно большое число больныхъ. Современемъ всѣ эти причины болѣзней . . . устраняются, такъ что число больныхъ и въ опасное время значительно уменьшается, какъ доказываютъ промыслы Егорьевскій и Касменскій“ ³⁾. Мѣстныя власти считали въ началѣ 50-хъ годовъ, что во время зимнихъ работъ число больныхъ доходило до 17% и болѣе, а въ лѣтніе мѣсяцы бывало въ 3—4 раза менѣе. Въ 1856 г. на всѣхъ золотыхъ промыслахъ къ 1 января 1856 г. больные составляли 2,5%, къ 1 февралю до 4%, къ

¹⁾ Ibid., ст. 21, л. 469—470.

²⁾ Ibid., вѣд. 5360, дѣло № 380.

³⁾ Ibid., дѣла о каз. пром., ст. 21, л. 468—469. На Егорьевскомъ промыслѣ въ 1831 г. больныхъ въ разныя мѣсяцы было отъ 5 до 19% рабочихъ, а въ среднемъ за весь годъ 12%. На Успенскомъ промыслѣ больныхъ въ мартѣ 1835 г. было 20%. Ibid., ст. 10, л. 8—277, ст. 21, л. 418, 468.

1 іюня 3⁰/₀, къ 1 іюля 2,5⁰/₀. Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ стали гуманнѣе обращаться съ мастеравыми и болѣе заботиться о нихъ, ихъ болѣзненность уменьшилась ¹⁾.

Изъ болѣзней всего болѣе распространены были, какъ мы уже упоминали, цынга, горячка и сифилисъ ²⁾. Цынга свирѣпствовала не только въ 30-хъ годахъ, но на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ концѣ 50-хъ годовъ, въ 1858 и въ 1859. Опасаясь вновь развитія цынгы, а главное недомывки золота, какъ въ 1858 г., управляющій золотыми промыслами, Ястржембскій, въ январѣ 1859 г. просилъ прислать лѣкарствъ и особаго лекаря. Инспекторъ Алтайскихъ госпиталей, Преображенскій, приказалъ тяжело больныхъ цынгою на Царево-Александровскомъ приискѣ содержать въ госпиталѣ, больныхъ въ меньшей степени, которые могутъ перенести дорогу, перевозить на Спасо-Александровскій промыселъ подъ присмотромъ фельдшера, снабдивъ ихъ на дорогу теплою одеждою и обувью и необходимыми припасами, такъ чтобы ихъ два раза въ сутки кормили щами съ говядиною и крупою, а остальныхъ помѣстить въ казармѣхъ подъ медицинскимъ надзоромъ и употреблять на легкія работы.

Когда въ кабинетѣ Е. В. было получено донесеніе о развитіи скорбута на Царево-Александровскомъ золотомъ промыслѣ, предсѣдатель кабинета, баронъ Мейендорфъ, разрѣшилъ употреблять ежегодно до 2000 руб. для выдачи заболѣвшимъ рабочимъ мясныхъ и винныхъ порцій *на счетъ заводовъ* и вообще на улучшеніе ихъ содержанія впредь до прекращенія болѣзни, съ тѣмъ, чтобы расходъ этотъ производить, когда это признано будетъ необходимымъ для сохраненія здоровья рабочихъ ³⁾.

По донесенію инспектора медицинской части Геблера (1835 г.), главными болѣзнями на Успенскомъ промыслѣ оказались венерическая, гнилая горячка и цынга. Распространеніе первой вызывалось малочисленностью женщинъ на промыслахъ. Для уничтоженія ея онъ нашелъ нужнымъ, чтобы „служащій при лазаретѣ медицинскій чиновникъ“ освидѣтельствовалъ всѣхъ рабочихъ и затѣмъ зараженные, въ виду „неустройства“ мѣстнаго лазарета, были отправлены для лѣченія въ Салаирскій

¹⁾ Ibid. Бѣлов. Журн. Горн. Сов., 1853 г., л. 140; вѣз. 175, дѣло № 6487, л. 4—5.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., ст. 21, л. 467 об., Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаир. Горн. Конт., ст. 796, л. 109, 184—185.

³⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр. Врачъ Алтайскихъ золотыхъ промысловъ, Θεоктистовъ, въ статьѣ о цынгѣ на этихъ промыслахъ („Томскія Губернскія Вѣдомости“, 1859 г. № 23) указываетъ между прочимъ слѣдующія причины этой болѣзни: „холодныя и сырыя жилища мастеровыхъ, какія постоянно бываютъ на вновь открываемыхъ золотыхъ промыслахъ“, продолжительное пребываніе ихъ въ мокрой одеждѣ во время ненастной весны и недостатокъ весной свѣжей говядины и въ продолженіи большей части года свѣжихъ овощей.

госпиталь; онъ считалъ также необходимымъ освидѣтельствовать „женъ зараженныхъ женатыхъ и любовницъ зараженныхъ холостыхъ служителей“ и если среди нихъ окажутся больные этою болѣзною, то отправлять ихъ для лѣченія на казенный счетъ въ Салаиръ. Вслѣдствіе этого Алтайское горное правленіе командировало лѣкаря съ заводовъ на Успенскій промыселъ для того, чтобы онъ освидѣтельствовалъ сначала мужчинъ, а затѣмъ тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, на которыхъ будетъ указано зараженными мужчинами. При опросѣ рабочихъ, лѣчившихся въ Салаирскомъ госпиталѣ, только одинъ изъ заразившихся заявилъ, что считаетъ виновною въ томъ свою жену, остальные же не назвали именъ женщинъ, а высказали предположеніе, что заразились отъ товарищей ¹⁾.

Въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находились иногда промысловые лазареты, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго донесенія инспектора медицинской части Геблера, о лазаретѣ на Успенскомъ промыслѣ въ 1835 г. По его словамъ, лазаретъ этотъ „по неожиданно большому числу больныхъ терпитъ нынѣ во всемъ большой недостатокъ: въ помѣщеніи, въ бѣльѣ, одеждѣ, обуви, посудѣ и проч. Самое большое изъ двухъ отдѣленій его сыро и имѣетъ нары вмѣсто коекъ, а въ другомъ послѣднія, какъ и столы, самой грубой работы; для бѣлья и для аптеки никакихъ ящиковъ или шкафовъ не имѣется и даже въ лѣкарствахъ“ онъ нашелъ „чувствительный недостатокъ“. Геблеръ, на основаніи четырехлѣтняго опыта алтайской золотопромышленности, говоритъ вообще о „тѣснотѣ и сырости“ въ промысловыхъ лазаретахъ, „въ которыхъ вдругъ накапливается неожиданно большое число больныхъ“. Впрочемъ, въ 1835 г. лазареты на Касминскомъ и Егорьевскомъ промыслахъ Геблеръ нашелъ гораздо болѣе исправными, чѣмъ на Успенскомъ ²⁾.

По штатамъ 1849 г. на казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагалось два лѣкаря, 12 фельдшеровъ и 12 фельдшерскихъ учениковъ. На содержаніе 150 больныхъ и на лѣченіе было назначено по 30 руб. сер. въ годъ на каждого. — По тѣмъ же штатамъ мастеровые во время нахожденія въ госпиталѣ получали половинное жалованье.

Инспекторъ медицинской части, Геблеръ, въ 1835 г. предложилъ при отправленіи мастеровыхъ на золотые промыслы съ рудниковъ и заводовъ подвергать ихъ медицинскому осмотру и отправлять только способныхъ къ тамошнимъ работамъ и не страдающихъ хроническими болѣзнями. Предложеніе это было одобрено Алтайскимъ горнымъ правленіемъ.

¹⁾ Арх. Главн. Управ. Алт. Горн. Окр., дѣла о золотопр., ст. 21, л. 468, 479, 481, 483.

²⁾ Ibid. л. 468, 469, 470 об.

Мастеровые Алтайскихъ заводовъ первоначально производили работы безсрочно до потери способности къ труду. По положенію 1828 г. никто изъ мастеровыхъ не освобождался „отъ непремѣнной обязанности производства работъ, какъ токмо полученіемъ отставки, данной отъ горнаго правленія“; основательно же причиною отставки считалась только „неспособность къ работѣ по болѣзнямъ, увѣчью или старости“ ¹⁾. Съ 1849 г. мастеровые, *безмороочно* прослужившіе 35 лѣтъ (съ 18-лѣтняго возраста) стали получать отставку; если же они предпочитали оставаться на службѣ и мѣстное начальство признавало это полезнымъ, то имъ производилось полуторное, противъ прежняго, жалованье. По положенію комитета министровъ 11 марта 1852 г., вслѣдствіе замѣчаній ревизовавшаго западную Сибирь генералъ-адъютанта Анненкова, Высочайше повелѣно было мастеровыхъ, взятыхъ посредствомъ рекрутскаго набора изъ крестьянъ, увольнять въ отставку по истеченіи 25 лѣтъ безпорочной службы. Такъ какъ случаи такой службы были не особенно часты, то многіе находились на обязательныхъ работахъ до дряхлаго возраста ²⁾. По Высочайшему повелѣнію 1853 г. предписано было не увольнять ни въ отставку, ни въ отпускъ не только штрафованныхъ мастеровыхъ, но и тѣхъ изъ нихъ, кто будетъ оставленъ въ подозрѣніи и затѣмъ будетъ „не вполне одобрительно“ вести себя.

Отставнымъ выдавалась пенсія по положенію 1797 г. въ слѣдующемъ размѣрѣ: рабочимъ унтеръ-офицерскаго званія 20 руб. и рядовымъ 10 руб.; вдовы получали 5 руб., сироты по 3 руб. въ годъ. Съ 1836 г. низшій размѣръ пенсій опредѣленъ въ 6 руб. ассигн., а съ 1840 г., съ переводомъ на серебро, въ 1 руб. 72 к. *въ юды*! Съ 1828 г. пенсионеры получали бесплатно провіантъ по 2 пуд. въ мѣсяцъ ³⁾. Земли, отведенныя мастеровымъ, оставались въ ихъ пользованіи по выходѣ въ въ отставку ⁴⁾. Въ положеніи о мастеровыхъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ 1828 г. сказано: „мастеровой, по отставкѣ, если пожелаетъ, принимается въ заводскую богадѣльню“; въ такомъ случаѣ пенсія ему уже не выдавалась ⁵⁾. Въ 1851 г. въ заводскихъ богадѣльняхъ Алтайскаго округа приарѣвалось *всего* 33 мужчины и 2 женщины ⁶⁾, что очень немного на всѣхъ мастеровыхъ, работавшихъ на алтайскихъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ.

По штатамъ 1849 г. на золотыхъ промыслахъ учреждена была школа на 100 учениковъ. въ которой было три учителя съ жалованьемъ

¹⁾ 2-е П. С. З. т. III, № 1960.

²⁾ Арх. Ком. Мин., дѣло 1852 г. № 77, сводъ зак. изд. 1857 г., т. VII, ст. 1728.

³⁾ *Зобнинъ* въ „Сибир. Сбор.“ 1891 г., кн. II, стр. 11—12.

⁴⁾ *Галемейстера*, II, 397.

⁵⁾ 2 П. С. З. т. XXIV, Отд. II, Прилож. стр. 129.

⁶⁾ Арх. Ком. Мин., дѣла Сибир. Комит. 1852 № 77.

отъ 36 до 54 руб. серебр. въ годъ. Ученикамъ выдавалось въ годъ жалованья по 1 руб. 8 к. серебр. На учебныя пособія школы опредѣлено было 30 руб.

Жизнь рабочихъ на Алтайскихъ золотыхъ промыслахъ была вообще очень тяжела, но она дѣлалась особенно ужасною вслѣдствіе тѣхъ суровыхъ тѣлесныхъ наказаній, какія здѣсь существовали. Наказанія розгами налагались или административно—мѣстною властью на промыслѣ (приставомъ) и по предписанію горнаго управленія, или военнымъ судомъ; первыя бывали со внесеніемъ и безъ внесенія въ формуляръ рабочаго, вторыя всегда со внесеніемъ. За неисполненіе урока наказывали розгами и палками; за первый побѣгъ, особенно если бѣжавшій самъ возвращался, обыкновенно наказывали розгами отъ 50 до 150 ударовъ, причемъ иногда ихъ переводили на работу въ рудники, но чаще отсылали на тотъ же золотой промыселъ. Наказаніе розгами налагалось иногда и за кражу. Виновныхъ въ первомъ побѣгѣ военный судъ, кромѣ наказанія розгами, предписывалъ еще иногда употреблять въ работу (очевидно изъ „гульных“ недѣль) столько времени, сколько они были изъ бѣгахъ, или записывать въ формуляръ какъ это время, такъ и проведенное подъ слѣдствіемъ для того, чтобы оно было затѣмъ исключено изъ дѣйствительной службы ¹⁾).

За второй, третій и слѣдующіе побѣги, а иногда и за первый, если онъ осложнялся какими либо другими провинностями, а также за взведеніе на себя уголовнаго преступленія, чтобы избавиться отъ работы на жомытыхъ промыслахъ, рабочіе подвергались наказанію шпицрутенами. Обыкновенно коммиссія военного суда приговаривала мастеровыхъ къ особенно ужаснымъ наказаніямъ; Алтайское горное правленіе, а затѣмъ и главный начальникъ заводовъ или утверждали приговоръ, или смягчали его. Въ концѣ концовъ обвиненные приговаривались къ наказанію шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ одинъ, два, три раза, черезъ 1000 человѣкъ два, три раза. Кромѣ наказанія шпицрутенами военный судъ приговаривалъ еще иногда къ содержанію въ исправительной казармѣ въ теченіе 3, 6, 12 мѣсяцевъ, откуда посылали отработать время, проведенное въ бѣгахъ ²⁾, и къ обриванію волосъ съ половины головы. Съ середины 50-хъ годовъ наказанія смягчались, и наименьшею единицею наказанія шпицрутенами становятся уже не 500, а 200 человѣкъ, т.-е. за побѣгъ наказываютъ черезъ 200 человѣкъ одинъ, два, три раза и такъ далѣе ³⁾. За убійство виновные приговаривались и къ наказанію кну-

¹⁾ Арх. въ Салаирѣ, дѣла Конторъ и Ком. Воен. Суда; Арх. Главн. Управ. Алт. Го; н. Окр., Военносудныя дѣла; ст. *Зобнина* въ „Сиб. Сборн.“ 1891, т. II, 15.

²⁾ Въ исправительную казарму сажали и за намѣреніе бѣжать.

³⁾ Чтобы показать, какъ много шпицрутеновъ приходилось вынести въ свою жизнь одному рабочему, приведемъ свѣдѣнія о мастеровомъ Зыряновскаго рудника,

тожъ со ссылкой въ каторжную работу, но кнутъ главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ замѣнялъ иногда двумя-тремя тысячами шпицрутеневъ со ссылкой на каторгу.

О наказаніи шпицрутенами вообще кн. Н. А. Орловъ въ своей запискѣ (1861 г.) „объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній“ говоритъ: „При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что, по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ идти по фронту, то его должно вести вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ этого, кажется, нынѣ не исполняютъ. Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей, и при каждой экзекуціи начальство вынуждено повторять офицерамъ: „Господа, смотрите, чтобъ люди били крѣпче“ ¹⁾. Извѣстный ученый Д. А. Ровинскій, бывшій въ 50-хъ годахъ московскимъ губернскимъ прокуроромъ, такъ описываетъ наказаніе шпицрутенами, очевидно, по собственнымъ наблюденіямъ: „Съ арапчеевской „манеры“ „проводка сквозь строй въ гарнизонъ“ свѣшѣ 500 ударовъ часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ „гарнизонные“ гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію); ему дали всего 400 ударовъ, и онъ померъ на третьи сутки. А что сказать о шпицрутенкахъ „сквозь тысячу двѣнадцать разъ, безъ медика“. Надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ — шпицрутенъ; живая „зеленая улица“, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухъ. Выводятъ преступника, обнаженного до пояса и привязаннаго за руки въ двухъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ“; сзади вы-

Кузнецовъ, который уже на тридцатипятилѣтнемъ возрастѣ судился за пятый побѣгъ. Въ 1849 г., за первый побѣгъ, онъ былъ наказанъ шпицрутенами чрезъ 500 человекъ одинъ разъ, въ 1851 г., за второй побѣгъ, чрезъ 1000 человекъ одинъ разъ, въ 1852 г. за третій побѣгъ, чрезъ 500 человекъ три раза, въ 1853 г., „за ложное показаніе на себя смертоубійства“ (что дѣлалось для избавленія отъ работъ), чрезъ 500 человекъ два раза; въ 1854 г., за четвертый побѣгъ также чрезъ 500 человекъ два раза; въ 1856 г., за пятый побѣгъ, чрезъ 200 чел. три раза съ опредѣленіемъ на службу на Царево-Николаевскій золотой промыселъ. Такимъ образомъ въ теченіе 7 лѣтъ онъ вынесъ 5600 шпицрутеновъ. Арх. Главн. Управл. Алт. Горн. Окр., дѣла Военносудныя, вѣд. 6, дѣло № 109, л. 7—10.

¹⁾ „Русская Старина“ 1881 г. № 5, стр. 101.

возится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздаются зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два.... и пошла хлестать *зеленая улица* справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровавыя брызги.... „Братцы, пощадите“!.... прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить — значитъ самому тутъ же быть пороту, и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями, — и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутками, безумно выкативъ оловянные глаза свои.... Вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и *рубятъ* кровавую кашу. Смолкли стоны; слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалить, да трещать зловѣщіе барабаны“ ¹⁾).

Когда я проѣзжалъ въ 1891 г. чрезъ Салаиръ, мнѣ показывали площадь, на которой производилось наказаніе шпицрутенами. Два ряда наказывающихъ, тянущіеся черезъ площадь, примыкали къ больницѣ, куда и вносили подвергнутого истязанію, иногда уже мертвого. Наказывали по 500, 1000, 1500 шпицрутеновъ, но иногда производилось наказаніе и 5000-ми ударовъ, — такъ называемый „полнякъ“. Докторъ, присутствовавшій при наказаніяхъ, рассказывалъ, что ему приходилось, идя за наказываемымъ, уговаривать его вытерпѣть наказаніе до конца, такъ какъ иначе окончаніе наказанія въ другой разъ по только что поджившему мѣсту было особенно мучительно. Одинъ изъ жителей Салаира говорилъ мнѣ, что если мастеровые наказывали легко, то на спинѣ повиннаго въ потворствѣ ставили знакъ мѣломъ, и тутъ же подвергали его наказанію. Онъ помнитъ еще, какъ ихъ, маленькихъ мальчиковъ, выводили изъ школы смотрѣть на наказаніе шпицрутенами, которое, по его наблюденіямъ, ужаснѣе, чѣмъ наказаніе плетью: дѣло доходило до того, что просто летѣли клочки мяса. Мнѣ рассказывали также, что, въ случаѣ побѣга изъ заключенія, при наказаніи пойманнаго, просились иногда наказывать солдаты, товарищей которыхъ бѣжавшій подвелъ своимъ побѣгомъ подъ отвѣтственность, и тогда уже наказаніе производилось самымъ беспощаднымъ образомъ. И теперь еще на Алтаѣ можно встрѣтить пожилыхъ интеллигентныхъ людей, отцы или родственники которыхъ еще подвергались жестокому наказанію.

Положеннаго наказанія многіе сразу не выдерживали, и тогда оно производилось въ два или нѣсколько пріемовъ, черезъ извѣстные про-

¹⁾ Д. Ровинскій. „Русскія народныя картинки“, кн. V, „Сборникъ отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ“, т. XXVII, Спб. 1881 г., стр. 328—324.

межутки. Хотя и рѣдко, но иногда врачъ давалъ заключеніе, что приговоренный къ шпичрутенамъ вовсе не можетъ вынести этого наказанія ¹⁾.

Жестокая система наказаній, какъ мы видимъ изъ постоянного повторенія побѣговъ, не могла до такой степени устрашить мастеровыхъ, чтобы удержать ихъ отъ попытокъ избавиться отъ каторжной жизни, которую имъ приходилось выносить на золотыхъ промыслахъ. Но въ этой атмосферѣ розогъ и шпичрутеновъ воспитывались мѣстные представители власти, о которыхъ вспоминаютъ съ ужасомъ и отвращеніемъ: таковъ былъ Бекманъ, главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ въ 1851—57 гг. По свидѣтельству одного современника, „это былъ тиранъ, какихъ Европа не знаетъ уже со временъ инквизиціи. Онъ нерѣдко пыталъ людей; и даже находилъ въ этомъ наслажденіе. Обыкновенный его приемъ состоялъ въ засовываніи несчастному допрашиваемому мокраго платка въ ротъ, пока не начиналъ человѣкъ задыхаться и кровь не показывалась изъ горла. Но бывали приемы и лучше. Нѣкоторыхъ онъ раздѣвалъ и приказывалъ бить перышкомъ по такимъ частямъ тѣла, которыя быстро у того распухали, производя ощущеніе невыносимой боли“ ²⁾.

Тяжелую жизнь свою на заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ, рабочіе изображали въ слагаемыхъ ими безыскусственныхъ пѣсняхъ, вродѣ слѣдующей ненапечатанной пѣсни подростковъ:

„На разборъ насъ посылають, шибко насъ деруть и мають, а сами за что не знаютъ, въ отдаленны края посылають. Поѣдемъ въ Бельмесову ³⁾, запасемъ пѣсню веселу; приѣдемъ въ Шадрину ⁴⁾, растеребимъ старшину; приѣдемъ въ Саушку ⁵⁾, попросимъ бабунку напоить-накормить и спать положить. Утромъ вставемъ, кошельки свои достанемъ, сухариковъ поѣдимъ и вдалѣ поглядимъ. Видимъ на горкѣ на горѣ, на высокой на крутой, надъ плотинной надъ водой стоятъ рудники Змѣевъ золотой, да намъ противный онъ какой. Наши горняги работы даютъ

¹⁾ Такъ въ 1856 г. одинъ мастеровой Александровскаго золотого промысла (20-ти лѣтъ) за побѣгъ и другія провинности въ 1856 г., т.-е., когда уже началось смягченіе наказаній, былъ приговоренъ къ 1000 ударовъ шпичрутеновъ. Такъ какъ по болѣзни, удостовѣренной врачемъ, онъ не могъ перенести этого наказанія, то горное правленіе приказало выдержать его подъ арестомъ одну недѣлю на хлѣбѣ и водѣ и потомъ оставить на работѣ въ Барнаульскомъ заводѣ. Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., вяз. 3605, дѣло № 911; вяз. 3603, дѣла №№ 868, 869 и 888; дѣла военносудныхъ, вяз. 1, №№ 21, 23, 25, 27, 29, 33, 41, 43, 47, 53, 55, 56, 61; вяз. 6, № 109; вяз. 8, № 146, 153; вяз. 533, № 130. Арх. въ Салаирѣ, дѣла Салаирской Конторы и Салаир. Ком. Воен. Суда.

²⁾ „Сибирь“. Лейпц., 1879 г. стр. 29. Нерѣдко подвергаясь сами истязаніямъ, мастеровые, чрезъ посредство начальства, могли подвергать тѣлесному наказанію и своихъ женъ.

³⁾ Деревня въ 12 верстахъ отъ Барнаула.

⁴⁾ Деревня въ 24 верстахъ отъ Барнаула.

⁵⁾ Деревня Саушка, Бійскаго округа, въ 12 верстахъ отъ Змѣиногорскаго рудника.

нашъ заботы. На промывкѣ на ручной есть нарядчикъ некошной (чортъ, гѣшій)¹⁾. Онъ идетъ, шары (глаза) установить, работать насъ заставить, ходить — насъ розгами дереть и волоса на головѣ рветъ; въ праздникъ робить оставляетъ и самъ за что не знаетъ. Жаловаться не знаемъ кому, — только Богу одному; до Его высоко, до Царя далеко, и говоримъ охо-хо, жнѣе намъ плохо: въ казармѣ мы живемъ, хлѣбъ съ водой только жуемъ; съ работы убѣжимъ, по цѣлымъ днямъ въ кустахъ лежимъ; насъ поймають и тогда до смерти задирають и замають“.

А вотъ и другія пѣсни Алтайскихъ мастеровыхъ:

„Наши горныя работы
Всѣмъ чертямъ даютъ заботы:
Всякъ стараться очень радъ,
Чтобъ подрудокъ былъ богатъ..
А забота наша въ томъ,
Чтобъ раздѣлаться съ уркомъ,
Чтобъ нарядчики на насъ
Не косили своихъ глазъ,
Своихъ глазъ бы не косили,
У насъ денегъ не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтобъ не выдрали пять разъ,
Пока выробишь наказъ...
Не успеешь, значить, лечъ,
Какъ валится кожа съ плечъ...
Да оттудова валится.
О чемъ пѣть намъ негодится“.

„Какъ ударить часовъ цать—
На работу мы опять,
Частный кличетъ и кричить,
Своей палочкой грозить:
Кто не явится на зовъ,
Тому ею сто лозовъ...
На бергамтъ въ перекличку
Всѣ собираются въ отличку,
Перекличку отведутъ—
По работамъ поведутъ:
Того въ шахту, того въ гору,
А того къ зеленому бору—
Иль деревья ожигать,
Или воду отливать.
Какъ урокъ мы кончимъ свой,
Всѣхъ отпустить насъ домой;
Мы по улицѣ поидемъ,
Громко пѣсню запоемъ:
Какъ начальство любить насъ,
Какъ начальство дуеть насъ“²⁾.

¹⁾ „Опытъ областн. великорус. словаря, изд. II, отд. Акад. Наукъ“ 1852 г., стр. 127.

²⁾ Блюммеръ. „На Алтай“, стр. 105, 123—124.

Болѣе зажиточные мастеровые откупались иногда хоть на время отъ тяжелыхъ промысловыхъ работъ: есть указанія, что съ отдаленныхъ промысловъ управляющіе отпускали нѣкоторыхъ мастеровыхъ за 140 р. ассигн. (40 руб. серебр. въ годъ). Но тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе остальныхъ, которые не могли дать взятки начальству: они должны были работать и за себя, и за уволенныхъ товарищей, такъ какъ нужно было добыть не менѣе опредѣленнаго по смѣтѣ количества золота. Бѣжали рабочіе съ золотыхъ промысловъ цѣлыми партіями до 10 человекъ, несмотря на угрожавшія имъ за это суровыя наказанія ¹⁾. Такъ напримѣръ, въ 1836—37 гг. въ Салаирской слѣдственной комиссіи военнаго суда разсматривалось дѣло сразу о десяти рабочихъ, бѣжавшихъ съ золотыхъ промысловъ. Одни изъ нихъ показали, что бѣжали для того, чтобы „сколько ни есть отбыть отъ казенной работы“; вторые, кромѣ этой причины, еще болѣе для того, чтобы повидаться съ родными, и, наконецъ, третьи хотѣли „явиться въ Салаирскій рудникъ въ команду, чтобы тамъ остаться на службѣ“. Другіе рабочіе также показывали на допросахъ, что желали пройти въ Барнауль къ главному начальнику заводовъ и „во избѣжаніе тяжелой работы испросить куда нибудь перевода въ другое мѣсто“. На Касминскомъ промыслѣ въ октябрѣ 1834 г. бѣжавшіе составляли 8,8% всѣхъ рабочихъ.

Для избавленія отъ работъ на золотыхъ промыслахъ рабочіе не отступали и предъ убійствомъ или покушеніемъ на убійство своихъ товарищей, иногда даже безъ всякой ссоры съ ними. Такъ, напримѣръ, въ 1840 г. на Мунгашскомъ золотомъ промыслѣ работникъ Калачиковъ, получившій ушибы на работѣ, трижды отпрашивался въ лазаретъ, но не добился исполненія своей просьбы. Потомъ, работая съ своимъ товарищемъ, онъ ударилъ его камнемъ. На слѣдствіи онъ показалъ, что ссоры съ товарищемъ у него не было, а сдѣлалъ онъ это, чтобы „сколько можно отбыть отъ казенной работы“. Онъ собирался нанести ударъ даже совершенно другому лицу, приходившему въ казарму инвалиду за то, что тотъ называлъ его „одногривымъ“ (Калачиковъ содержался въ исправительной тюрьмѣ, и у него была обрита половина головы). Послѣ нанесенія удара онъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что просилъ нарядчика отправить его, куда слѣдуетъ, чтобы онъ не убилъ кого нибудь ²⁾. Бывали случаи убійства одного изъ товарищей во время побѣга съ промысла; мотивомъ также обыкновенно служило, по словамъ виновныхъ, желаніе окончательно отдѣлаться отъ промысловыхъ работъ ³⁾. Иногда мастеровые подговаривали другъ друга убить „кого-нибудь“, все

¹⁾ *Зобнинъ*, стр. 43.

²⁾ Дѣла Салаирск. Комм. Воен. Суда, ст. 120, л. 285—286.

³⁾ *Ibid.*, лл. 446—529, 599—603.

съ тою же завѣтною цѣлью. Такъ въ 1842 г. трое рабочихъ Царево-Николаевскаго золотого промысла: Черепановъ, Слободчиковъ и Тимофеевъ, обвинялись „въ намѣреніи лишить кого нибудь жизни“. Черепановъ на слѣдствіи показалъ, что работникъ Тимофеевъ подговаривалъ его къ лишенію „кого нибудь“ жизни единственно съ тою цѣлью, чтобы попасть въ тюрьму. Тимофеевъ сознался и показалъ слѣдующее: „Чтобы не платить хозяину квартиры платы, я, по недостаточному состоянію, содержался въ исправительной казармѣ; эта жизнь и тамошнія работы... показались мнѣ первая—скучною, а послѣднія—тягостными; пожелавъ отъ того и другого избавиться, я думалъ что еслибы заключиться по какому нибудь дѣлу, то, вѣроятно, меня съ Царево-Николаевскаго золотого промысла удалить“. Не имѣя прямого намѣренія лишить кого нибудь жизни, онъ подговаривалъ Черепанова въ надеждѣ, что тотъ, не согласившись на его предложеніе, донесетъ на него. Черепановъ въ свою очередь говорилъ Слободчикову: „Мишанка, сегодня убьемъ кого нибудь, и тѣмъ избавимся отъ здѣшней работы“. Эти академическіе разговоры окончились тѣмъ, что Черепановъ и Тимофеевъ, по приговору военного суда, были наказаны шпипрутенами по одному разу чрезъ 500 человѣкъ, а Слободчиковъ, отрицавшій свое участіе въ этихъ намѣреніяхъ, былъ освобожденъ отъ кары по суду, такъ какъ его уже наказалъ розгами промысловый приставъ ¹⁾.—Служитель Тумашевъ оговорилъ себя въ убійствѣ человѣка, вовсе не существовавшего (и при этомъ подробно нарисовалъ картину убійства) для того только, чтобы хоть на время избавиться отъ казенной работы на Успенскомъ промыслѣ. Онъ былъ наказанъ шпипрутенами чрезъ 500 человѣкъ два раза ²⁾. Бывали и другіе подобные случаи. Однако, подговаривая друга друга, рабочіе иногда и дѣйствительно убивали ни въ чемъ неповиннаго товарища: вознамѣрившись убить одного, они умерщвляли другого, такъ какъ для убійства первого не представлялось удобнаго случая ³⁾.

Въ 1842 г. одинъ рабочій Терсинскаго золотого промысла, Хабаровъ, обвинялся въ намѣреніи задавить свою жену, „чтобы только не служить на промыслѣ“. Онъ даже дѣйствительно продѣлалъ комедію покушенія. Повальный обыскъ подтвердилъ, что мужъ и жена жили вполне согласно. По приговору комиссіи военного суда Хабаровъ былъ наказанъ шпипрутенами чрезъ 500 человѣкъ одинъ разъ и возвращенъ на тотъ же Терсинскій промыселъ, отъ работы на которомъ онъ хотѣлъ избавиться ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., ст. 125, л. 738—772.

²⁾ Ibid., ст. 84, л. 461—501.

³⁾ Ibid., ст. 125, л. 769—815, 1842 г.

⁴⁾ Ibid., ст. 125, л. 1464—1507.

Тяжелыя работы и разныя притѣсненія доводили иногда мастеровыхъ и до убійства своихъ начальниковъ: извѣстны два случая убійства приставовъ золотыхъ промысловъ. Рабочій Печенкинъ зарѣзалъ пристава (управляющаго золотого промысла на рѣкѣ Терси). Поводомъ къ убійству было требованіе начальства, чтобы всѣ жены рабочихъ поочередно мыли полы въ казенныхъ домахъ, въ томъ числѣ и въ квартирѣ управляющаго, а эта работа сплошь и рядомъ соединялась съ тою совершенно особою повинностью, которую иногда устанавливали помѣщики относительно своихъ крѣпостныхъ женщинъ. Жена Печенкина, по просьбѣ мужа, отказалась „мыть полы“. Призванный къ отвѣту Печенкинъ захватилъ съ собою ножъ и убилъ управляющаго-ловеласа. На Царево-Николаевскомъ промыслѣ рабочій Пальниковъ въ 1858 г. застрѣлилъ пристава Пирожкова. Есть извѣстіе, что причиною убійства были приставанья пристава къ родственницѣ Пальникова ¹⁾; я же слышалъ во время пребыванія на Алтай, что Пирожковъ потребовалъ къ себѣ для мытья половъ жену Пальникова, что тотъ готовъ былъ нанять за нее другую женщину и, встрѣтивъ отказъ, покончилъ съ Пирожковымъ выстрѣломъ изъ окна. Изъ подлиннаго дѣла видно, что Пальниковъ на слѣдствіи поводомъ къ преступленію объявилъ свое личное неудовольствіе на Пирожкова по службѣ и подговоръ его, Пальникова, къ убійству служанкою Пирожкова, чтобы воспользоваться деньгами этого послѣдняго, и потомъ показъ, что убилъ Пирожкова въ безпамятствѣ, но врачъ нашелъ убійцу въ нормальномъ состояніи, а служанка отвергла сдѣланное на нее указаніе; команда же рабочихъ объявила, что была довольна Пирожковымъ. Горный аудиторіатъ постановилъ наказать Пальникова шпицрутенами черезъ 100 человекъ 20 разъ и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока. Министръ финансовъ докладывалъ объ этомъ дѣлѣ императору Александру II-му, который утвердилъ приговоръ горнаго аудиторіата. Пальниковъ въ два пріема выдержалъ наказаніе шпицрутенами черезъ 100 человекъ 16 разъ и затѣмъ содержался въ барнаульскомъ госпиталѣ, такъ какъ, по свидѣтельству мѣстныхъ врачей, онъ „одержимъ кровохарканіемъ“ и „при общемъ изнуреніи имѣетъ органическое разстройство печени, а потому не можетъ быть подвергнутъ неоконченному наказанію шпицрутенами черезъ 100 человекъ 4 раза“. Въ виду этого государь, по докладу гр. Адлерберга, повелѣлъ отмѣнить оставшееся Пальникову наказаніе шпицрутенами и сослать его по конфирмаціи въ каторжную работу, что было исполнено уже въ 1863 г. ²⁾.

¹⁾ *Зобнинъ*, стр. 43—44.

²⁾ Арх. Глав. Упр. Алт. Горн. Окр., влз. 15, дѣло № 175, л. 132—137. Мастеровые старики, какъ говорятъ, до сихъ поръ съ уваженіемъ вспоминаютъ о Печенкинѣ и Пальниковѣ и, съ жаромъ рассказывая о нихъ, всегда называютъ ихъ по имени

Въ январѣ 1838 г. служители Курносенковъ и трое его товарищей ночью убили на Петропавловскомъ золотомъ промыслѣ (на Мрасѣ) нарядчика Бутина, нанеся ему удары кайлой и гребкомъ (всѣ они, послѣ недавняго побѣга, были на работѣ, какъ арестанты, но особаго караула при нихъ не было). Оказалось, что приставъ приказалъ не отпускать арестантовъ до тѣхъ поръ, пока они не выполнятъ заданнаго урока. Курносенковъ подговорилъ товарищей убить Бутина, если онъ не отпустить ихъ съ работы, но тотъ отвѣчалъ, что не смѣетъ этого сдѣлать и стегнулъ Курносенкова по спинѣ прутомъ. Послѣдній ударилъ нарядчика кайлою въ затылокъ, а товарищи добили его гребкомъ, камнемъ и полѣномъ, хотя прежде обидѣ и притѣсненій, по ихъ собственнымъ словамъ, не имѣли, и убійство было совершено, чтобы избавитися отъ работы на промыслѣ. Курносенковъ и его товарищи выдержали наказаніе, въ которому они были приговорены, въ нѣсколько пріемовъ ¹⁾.

Въ 1855 г. команда рабочихъ, посланная для развѣдокъ въ киргизскую степь, отказалась повиноваться своему начальнику, поручику Порѣцкому. Чѣмъ кончилось это дѣло, неизвѣстно ²⁾.

Обязательный трудъ на алтайскихъ золотыхъ промыслахъ несмотря на всѣ строгости наказаній при военно-крѣпостномъ строѣ мастеровыхъ, оказывался невыгоднымъ сравнительно съ вольнонаемнымъ трудомъ, которымъ пользовались частные золотопромышленники. Въ мартѣ 1853 г. главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ предложилъ горному совѣту рассмотреть отчеты и „сдѣлать заключеніе, почему обработка песковъ невыгодна въ сравненіи съ уральскою и частною золотопромышленностью въ Сибири и при этомъ обратить вниманіе, не задолжается ли излишней команды на . . . приготовительныя работы“. Изъ журнала горнаго совѣта (1853 г.), которымъ произведено было это сравненіе, видно, что, если мы возьмемъ данныя о среднемъ содержаніи золота на частныхъ промыслахъ разныхъ округовъ, гдѣ добывалось его болѣе 5 пуд., и о количествѣ золота, полученнаго на одного человѣка въ день, то окажется, что оба ряда цифръ идутъ почти безъ исключенія параллельно, т.-е., чѣмъ болѣе содержаніе золота, тѣмъ большее количество его въ день добывалъ рабочій. Казенные пріиски Алтайскаго округа по содержанію золота занимали мѣсто между частными промыслами Томскаго и Канскаго—Нижеудинскаго округовъ и содержали въ себѣ въ среднемъ 67 долей золота въ 100 пуд. песку. При тѣхъ же условіяхъ труда, какъ и на частныхъ промыслахъ, въ нихъ должно было бы добываться однимъ

и отчеству. Характерный рассказъ о наказаніи Печенкина кнутомъ см. у *Зобнина*, стр. 44.

¹⁾ Дѣла Салаир. Ком. Воен. Суда, ст. 115, л. 312—448.

²⁾ *Зобнинъ*, 47.

рабочимъ въ день minimum 19 долей (какъ на частныхъ промыслахъ Томскаго округа) и maximum 34 доли (какъ въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ) или 30 долей (какъ въ Верхнеудинскомъ); между тѣмъ на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ добывалось однимъ рабочимъ всего $16\frac{1}{3}$ доли въ день. Въ объясненіе такого явленія, горный совѣтъ привелъ слѣдующее соображеніе. Частные золотопромышленники производятъ зимою только подготовительныя работы, а лѣтомъ „обрабатываютъ всѣхъ своихъ людей почти исключительно (?) на добычу и промывку песковъ и потому въ состояніи вполнѣ воспользоваться и обиліемъ лѣтней воды въ рѣчкахъ для дѣйствія золотопромывательныхъ машинъ, и всѣми другими удобствами лѣтней промывки“, между тѣмъ золотые промыслы алтайскіе (очевидно благодаря постоянному жительству на нихъ мастеровыхъ) „принуждены на большей части пріисковъ своихъ производить промывку въ продолженіе зимы, по недостатку протока воды въ рѣчкахъ, на ручныхъ полустанкахъ, дѣйствіе которыхъ весьма невыгодно какъ въ отношеніи чистоты промывки, такъ по большому задолженію въ нихъ рабочихъ“. Мы видѣли, что управляющій золотыми промыслами нѣсколько лѣтъ позднѣе предлагалъ увольнять мастеровыхъ на зиму, не выдавая имъ въ это время провіанта и жалованья; онъ доказывалъ, что это будетъ выгодно для промысловаго управленія, но горный совѣтъ не согласился на это изъ опасенія недомывки золота. Между тѣмъ въ журналѣ 1853 г. горный совѣтъ справедливо указываетъ на то, что „частные золотопромышленники, производя работы вольнымъ наймомъ, нанимаютъ только здоровыхъ людей, которые легко выносятъ лѣтнія работы, почему и число больныхъ ихъ весьма незначительно, а на казенныхъ промыслахъ одни и тѣ же рабочіе задолжаются въ работахъ круглый годъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и потому весьма естественно, что на казенныхъ промыслахъ число больныхъ гораздо значительнѣе“. Затѣмъ всѣ припасы и вещи, необходимыя для дѣйствія промысловъ,—сѣно, деготь, смолу, таратайки, колеса для нихъ и проч. частные золотопромышленники приобретаютъ покупкою и даже устанавливаютъ машины вольнымъ наймомъ, между тѣмъ казенные промысла заготавливаютъ все это посредствомъ своихъ людей, для чего и назначено штатами Алтайскихъ золотыхъ промысловъ 360 человекъ, и большую часть припасовъ заготавливаютъ въ лѣтнее время, такъ что въ теченіе лѣта приходится употреблять для этой цѣли болѣе 500 человекъ. Вслѣдствіе этого, а также и вслѣдствіе отдѣленія до 300 человекъ въ партіи для поисковъ золота, въ самое лучшее время для производства работъ оказывается весьма значительный недостатокъ въ людяхъ, а зимою въ три и четыре раза сравнительно съ лѣтомъ увеличивается количество больныхъ, доходщее „часто“ до 500 человекъ, что влечетъ за собою необходимость держать больше служителей при госпиталяхъ. Вслѣдствіе всего этого на казенныхъ промыслахъ при

вспомогательныхъ цехахъ приходится держать гораздо болѣе людей, нежели на частныхъ промыслахъ ¹⁾).

Изъ всего этого, казалось бы, не трудно было сдѣлать выводъ, что для управленія алтайскими промыслами было выгоднѣе освободить мастеровыхъ отъ обязательнаго труда и замѣнить ихъ вольнонаемными рабочими, но горный совѣтъ не пришелъ къ этому выводу, и попытку введенія вольнонаемнаго труда было рѣшено произвести на одномъ изъ алтайскихъ промысловъ лишь въ 1860 г.

Въ 1858 г., когда въ Петербургѣ уже дѣятельно разсматривался вопросъ объ упраздненіи во всей Россіи крѣпостнаго права, главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ сдѣлалъ мѣстному горному совѣту слѣдующее предложеніе: „имѣя въ виду, что въ округѣ Алтайскихъ заводовъ считаются золотonosныя россыпи въ значительномъ количествѣ и большая часть ихъ въ настоящее время не разрабатываются, съ одной стороны по недостатку въ рабочей силѣ, съ другой—по убогости содержанія золотonosныхъ песковъ, не позволяющей готовить золотники золота по штатной цѣнѣ, горный совѣтъ въ видахъ возвышенія доходовъ Кабинета Е. И. В. имѣетъ обсудить: не возможно ли нѣкоторыя изъ россыпей разрабатывать вольнонаемными рабочими, хотя бы при этомъ цѣнность вымытаго золотника золота превышала штатную“. Горный совѣтъ рѣшилъ собрать свѣдѣнія отъ частныхъ золотопромышленниковъ объ условіяхъ, на которыхъ они нанимаютъ рабочихъ, въ принципѣ же высказался за введеніе вольнонаемнаго труда ²⁾.

Въ сентябрѣ 1859 г. горный совѣтъ слушалъ донесеніе управляющаго золотыми промыслами, подполковника Версилова о разработкѣ въ слѣдующемъ году россыпей по рѣкѣ Яковлевкѣ (системы рѣки Усы) вольнонаемнымъ трудомъ. Въ своемъ донесеніи Версильовъ объяснилъ.

¹⁾ Горный совѣтъ указалъ также на то, что на алтайскихъ промыслахъ очень значительную часть песковъ (именно 39%) приходится добывать ортовыми работами, тогда какъ на частныхъ промыслахъ такіа работы мало распространены, что на казенныхъ промыслахъ содержится сравнительно незначительное число лошадей, что прински эти очень удалены отъ селеній и другъ отъ друга (такъ что ближайшіе между собою промысла Егорьевскій и Успенскій находятся на разстояніи 170 верстъ), вслѣдствіе чего на каждомъ промыслѣ приходится содержать отдѣльные вспомогательные цехи. Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., Бѣловне журналы 1853 г., т. 187—164.

²⁾ По его мнѣнію, „работая россыпи только лѣтомъ, безъ сомнѣнія съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ зимою, мѣстное управленіе, не будучи стѣснено ни числомъ рабочихъ рукъ, ни штатной цѣною золотника золота, можетъ допустить добычу его изъ мѣсторожденій менѣе богатыхъ при менѣе выгодныхъ условіяхъ. Хотя при этихъ данныхъ и при возвышенной платѣ рабочимъ безъ сомнѣнія возвысится цѣнность добытаго золотника золота, но съ другой стороны эта мѣра при извѣстной цифрѣ оборотнаго капитала дастъ возможность развить кругъ дѣйствія золотыхъ промысловъ и, увеличивъ массу производимаго металла, возвыситъ доходы Кабинета Е. И. В.“.

что дѣйствующіе уже промысла терпятъ недостатокъ въ людяхъ и потому не могутъ отдѣлать необходимое ихъ число на вновь открытую золотonosную мѣстность по рѣкѣ Усѣ. Кромѣ того, если бы и была возможность выдѣлать людей, то неудобно водворить ихъ въ новомъ краѣ, удаленномъ отъ жилыхъ мѣстъ болѣе, чѣмъ на 200 верстъ, и безъ увѣренности, что тамъ можетъ быть основанъ долготѣнній и прочный промыселъ. Горный совѣтъ согласился, чтобы работа производилась только лѣтомъ (съ 1 марта по 15 сентября), зимою же дѣлались бы самыя необходимыя приготовленія незначительнымъ числомъ людей. Для всѣхъ работъ рѣшено было нанимать крестьянъ какъ приписанныхъ къ заводамъ, такъ и другихъ и поселенцевъ Томской губерніи (на лѣто 250, на зиму 25 человекъ) и начать работы, если, по утвержденіи этой мѣры Кабинетомъ можно будетъ успѣть нанять рабочихъ, въ 1860, а не то въ 1861 г. ¹⁾.

Но въ 1861 г. на Алтайскихъ заводахъ вообще, а слѣдовательно и на золотыхъ промыслахъ Алтайскаго округа была произведена гораздо болѣе крупная реформа.

¹⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., „Изложеніе“ (о горномъ совѣтѣ) 1858 г., л. 139—141 об., „Изложеніе“ 1859 г., л. 98—102.

ГЛАВА VIII.

Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинских золотых промыслах съ начала 30-хъ гг. до 1861 г.

Мастеровые.—Ссыльно-каторжные.—Урочники.—Вознагражденіе за трудъ.—Продовольствіе.—Одежда.—Жилища.—Управленіе Разгильдѣва.—Болѣзни.—Долги рабочихъ.—Побѣги.—Убійства надзирателей.—Лихоимство начальства.—Жестокія наказанія.—Вольнонаемные рабочіе на Бальджинскомъ промыслѣ.

До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія золото въ Нерчинскомъ округѣ не добывалось отдѣльно отъ другихъ металловъ, такъ какъ двукратныя открытія руднаго золота (въ 1777 и 1825 гг.), вслѣдствіе бѣдности содержанія драгоцѣннаго металла оставлены были безъ обработки, но нѣсколько десятковъ пудовъ его было получено въ XVIII вѣкѣ и двухъ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX столѣтія попутно при выплавкѣ серебра ¹⁾. Съ 1830 г., т.-е. со времени передачи Нерчинскихъ заводовъ вмѣстѣ съ Алтайскими изъ вѣдомства Кабинета (при главномъ наблюденіи на мѣстѣ генераль-губернатора Восточной Сибири) въ вѣдѣніе министерства финансовъ начались розысканія розсыпного золота, которыя и увѣнчались успѣхомъ, но первыя найденныя розсыпи имѣли весьма скудное содержаніе, такъ что съ 1832 по 1838 г. въ округѣ было добыто изъ нихъ золота всего немногимъ болѣе двухъ пудовъ. Наконецъ, въ 1838 г. было открыто болѣе богатое золото въ долинѣ рѣки Кары, впадающей въ Шилку, и съ тѣхъ поръ добыча его увеличивается: въ 1845 г. она достигла уже 21 пуда, въ 1849 г. поднялась до 25 пудовъ.

¹⁾ *Озерскій*. Очеркъ геологій, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья. Спб. 1867 г., стр. 48—49, 64. *Эйхвальдъ*. Краткій очеркъ золотого производства Нерчинскаго округа. „Горн. Журн.“ 1868 г. № 11, стр. 165—166. *И. Боголюбскій*. „Историко-стат. очеркъ производства Нерчинскаго горн. округа съ 1703 по 1871“. Спб. 1872 г., стр. 8, 16—17.

Это привело къ рѣшенію, по предложенію генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьева, уменьшить добычу серебра и направить главные усилія на добычу золота съ тѣмъ, чтобы съ 1850 г. ежегодно добывать по 100 пудовъ лигатурнаго или 95 пудовъ чистаго золота. Усерднаго, даже слишкомъ усерднаго исполнителя своихъ предположеній Муравьевъ нашелъ въ управляющемъ Карійскими промыслами Разгильдѣевъ, который въ 1852 г. сдѣланъ былъ горнымъ начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ (объ его управленіи печальной памяти см. ниже). Первые годы, однако, не удалось исполнить смѣтное назначеніе, т.-е. добыть 100 пуд. шихового золота ¹⁾. Но въ 1853 г. была развѣдана Шахтаминская розсыпь, которая мѣстами обнаружила небывалое содержаніе—до 1 фунта золота въ 100 пудахъ песку, среднее же содержаніе въ значительной части развѣдки было принято въ 5 золотниковъ ²⁾. Въ 1853 г. Муравьевъ съ торжествомъ доложилъ государю, что на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ было добыто болѣе 171 пуда золота ³⁾. Но поднявшися до этого количества, добыча золота стала быстро падать ⁴⁾.

До 1858 г. Нерчинскія золотыя розсыпи раздѣлялись на два главныхъ округа: южный или Александровскій, ближайшій къ рудникамъ и заводамъ, и сѣверный или Шилкинскій, болѣе удаленный отъ заводскихъ селеній. Въ первомъ округѣ считалось въ 1858 г. 13 золотыхъ розсыпей, въ сѣверномъ округѣ 16 присковъ ⁵⁾.

Рабочіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа, какъ и на тамошнихъ заводахъ, состояли изъ двухъ главныхъ составныхъ элементовъ: мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ. Юридическое положеніе нерчинскихъ мастеровыхъ было совершенно такое же, какъ и алтайскихъ ⁶⁾: точно также они были подчинены суровой дисциплинѣ. точно также ихъ контингентъ пополнялся наборомъ рекрутъ изъ крестьянъ, приписанныхъ къ мѣстнымъ горнымъ заводамъ (до тѣхъ поръ, пока эти крестьяне не были освобождены въ 1851 г. отъ заводскихъ работъ и обращены въ казаки), а также дѣтьми мастеровыхъ, которыя должны были наследовать профессію своихъ отцовъ. Сыновья рабочихъ изъ ссыль-

¹⁾ Въ 1850 г. изъ всѣхъ розсыпей Нерчинскаго округа было получено 73 п. 31 ф. золота, въ 1851 г.—67 п. 38 ф., въ 1852 г.—72 п. 19 ф.

²⁾ *Озерскій*, 49—52.

³⁾ *И. Барсуковъ*. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“, I, 341. Среднее содержаніе золота во *всѣхъ округахъ* также достигло въ этомъ году максимальной цифры—2 зсл. 36 д. *Боголюбскій*, „Золото“, стр. XIII.

⁴⁾ Въ 1854 г. шиховаго золота было получено 142 п. 5 ф., въ 1855 г.—98 п. 9 ф., въ 1856—60 гг. добыча золота колебалась между 60 и 70 пудами. *И. Боголюбскій*. „Золото“, стр. XIII—XIV.

⁵⁾ Арх. Ком. Министр., дѣло Сибирск. Комит. 1858 г. № 255. У *Гагемейстера* (II, 417) сѣверный округъ названъ Николаевскимъ.

⁶⁾ Св. зак. т. VII, изд. 1842 г., ст. 2039; изд. 1857 г. ст. 2142.

ныхъ также поступали по достиженіи надлежащихъ лѣтъ въ заводскіе мастерове ¹⁾).

Мастерове частію были переселены съ заводовъ на золотые промысла, частію ходили на лѣтнія работы на прииски, а на зиму опять возвращались на заводы. „Болѣе десяти лѣтъ“, до освобожденія Нерчинскихъ горнозаводскихъ служителей въ 1861 г., говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель, совершался обязательный перегонъ людей сотнями, въ видѣ „рабочей команды“, по промысламъ и на зимовку домой. Поэтому лучшія рабочія силы совершенно отвыкли отъ осѣдлости и домохозяйства ²⁾. Какъ на главнѣйшую причину разстройства хозяйства „семейныхъ служителей“. Озерскій, въ донесеніи Муравьеву, указывалъ на частыя передвиженія рабочей команды съ Кары въ Шахтану, на заводы и обратно ³⁾. Не лучше было положеніе и тѣхъ мастеровыхъ, которыхъ переселяли съ заводовъ на золотые промысла, тѣмъ болѣе, что при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, семейныхъ разлучали съ ихъ семьями. Оффиціальная коммиссія, назначенная для изслѣдованія рудниковъ и приисковъ Нерчинскаго округа въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ своемъ заключеніи говоритъ: „Усиленное дѣйствіе золотыхъ промысловъ, требуя передвиженія рабочихъ изъ мѣстъ прежняго, постояннаго ихъ жительства на серебро-свинцовыхъ рудникахъ и въ заводахъ плавильныхъ, разстроивало ихъ хозяйство и вредило семейнымъ отношеніямъ. Изъ 1300 рабочихъ, переведенныхъ на золотые промысла до 1853 г., *только 560 перешли съ семействами*, а 740 оставили ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства“. По словамъ той же коммиссіи, „команда малая, здоровая обыкновенно переводилась на золотые промысла и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока отъ болѣзни или изнуренія не дѣлалась малоспособною къ промышленнымъ работамъ, и въ этомъ видѣ обращалась снова къ серебро-свинцовому производству“ ⁴⁾. Сибирскій комитетъ въ Высочайше одобренномъ положеніи 3 февраля 1859 г. свидѣтельствуетъ, что „положеніе рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ въ прежнее время было несравненно лучше нынѣшняго. Разстройство ихъ состоянія и нравственный ихъ упадокъ начались съ того времени, когда былъ усиленно развитъ въ Нерчинскихъ заводахъ золотой промыселъ. Посылка рабочихъ на промысла, удаленіе ихъ отъ жилищъ и оставленіе ихъ въ продолженіе долгаго времени безъ достаточнаго призрѣнія и даже наблюденія не можетъ не разстроить ихъ состоянія вообще“. И Кабинетъ въ это время признавалъ

¹⁾ Ibid., изд. 1842 г., ст. 2042, изд. 1857 г. ст. 2144.

²⁾ *Багашевъ*. „Письма изъ Приаргунья“. Сборн. Газ. „Сибирь“, т. I, Сиб. изд. редакц. газ. „Сибирь“, 1876 г., стр. 248.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. к. 1837, № 3/11, л. 47.

⁴⁾ Арх. Ком. Министр., дѣло Сибирск. Ком. 1858 г. № 225, л. 330—336.

переселеніе семейныхъ рабочихъ на отдаленные золотые промысла для нихъ „разорительнымъ“ ¹⁾). Въ известной пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева на Карѣ въ 1850 г. сказано:

„И съ весны того же лѣта
Начался походъ.
Со всѣхъ рудниковъ, заводовъ
Какъ на Турцію походы
Партіями шли.
Изъ Петровскаго завода
Пришло разнаго народа
Сотъ пять человѣкъ.
Съ Кутомары, съ Акатуя,
Длишь бѣду эту почуя,
Много разбѣглось.
Съ Алгачей, Клички, Дучару
Пили ту же горьку чару—
Всѣ шли на Кару,
Съ Благодатскаго и Горной—
Тамъ народъ власти покорный—
Плакали да шли.
Опустѣлъ заводъ Нерчинскій
И промыселъ Култуминскій,—
Народъ былъ въ Карѣ“ ²⁾).

Къ 1 января 1859 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ было учениковъ разныхъ мастерствъ 26, мастеровъ и подмастерьевъ 56, служителей 1674, подростковъ, употреблявшихся въ работы 149 ³⁾).

Другимъ составнымъ элементомъ рабочихъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ были ссыльно-каторжные. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Муравьевъ, въ запискѣ отъ 15 мая 1849 г., представленной государю, обсуждая вопросъ объ уничтоженіи невыгоднаго серебро-плавильнаго производства, ежегодные дефициты котораго въ это время стала покрывать лишь добыча золота, говоритъ: „Куда же дѣвать каторжныхъ, если работу эту прекратить? На этотъ старинный вопросъ я имѣю теперь право отвѣчать, что всѣхъ каторжныхъ должно обратить къ добыванію золота въ Нерчинскомъ округѣ“ ⁴⁾).

Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ запискѣ 15 ноября 1849 г. Муравьевъ предлагалъ не только всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, но и всѣхъ заводскихъ рабочихъ, занятыхъ безвыгоднымъ серебро-плавильнымъ

¹⁾ Ibid., л. 242—244, 248—253.

²⁾ „Владивостокъ“ 1893 г. № 37. (Мѣстами мы исправляемъ по рукописи, сообщенной намъ Л. О. Пантелѣевымъ).

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1843, № 61/42, л. 127 об.

⁴⁾ Б. Струве. „Воспоминанія о Сибири, 1848—1854 г.“ Спб. 1889 г., стр. 61.

производствомъ, обратить на добычу золота изъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа. 1-го ноября 1850 г. имп. Николай повелѣлъ, для разсмотрѣнія предположеній Муравьева о Нерчинскихъ заводахъ (въ числѣ этихъ предположеній было и обращеніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ въ казаки), учредить особый комитетъ, въ составъ котораго входили слѣдующія лица: кн. Волконскій, кн. А. Чернышевъ, гр. Блудовъ, гр. Вронченко и Муравьевъ. Комитетъ этотъ призналъ необходимымъ предварительно потребовать отъ Муравьева представленія составленныхъ имъ проектовъ о преобразованіи Нерчинскихъ горныхъ промысловъ и о ссыльно-каторжныхъ Восточной Сибири. Въ февралѣ 1851 г. Муравьевъ представилъ проектъ положенія объ управленіи Нерчинскими горными промыслами, въ которомъ заключались и правила о тюремно-казарменномъ помѣщеніи для ссыльно-каторжныхъ; при этомъ онъ уже предлагалъ не прекращать вовсе выплавку серебра и свинца, а ограничить добычу серебра всего 50-ю пудами и свинца 6000 пудовъ. Предположеніе Муравьева объ обращеніи всѣхъ каторжныхъ на работы въ золотыхъ промыслахъ вызвало сомнѣніе въ членахъ особаго комитета, такъ какъ оно „тѣсно связано съ основными началами нашего уголовного законодательства“. По мнѣнію главноуправляющаго II-го Отдѣленія Е. В. канцеляріи, если будетъ признано нужнымъ измѣнить или дополнить дѣйствующія постановленія о ссылкѣ на каторгу вслѣдствіе уменьшенія работъ въ рудникахъ и расширенія промысловыхъ работъ, то слѣдовало бы ясно и подробно опредѣлить: а) какими работами или какиимъ инымъ родомъ наказанія предполагается замѣнить работы въ рудникахъ, составляющія по нашимъ законамъ высшій родъ уголовныхъ наказаній; б) могутъ ли для этого быть назначены работы на золотыхъ промыслахъ; в) какому надзору будутъ подвергнуты каторжные на этихъ работахъ; г) „достаточны ли онѣ, по свойству своему, какъ для того, чтобы спасительнымъ ужасомъ сего высшаго уголовного наказанія удерживать людей отъ преступленій, такъ и для занятій осужденныхъ въ теченіе всего года“ и „не умножатся ли отъ сего случаи къ побѣгамъ и не отъ обращенія ли каторжныхъ на золотые промыслы (что по дѣйствующимъ нынѣ законамъ не было допущено) считается теперь въ бѣгахъ до двухъ тысячъ каторжныхъ, т.-е. почти половина всего числа ихъ, и не будетъ ли вредныхъ отъ того послѣдствій для самаго общественнаго спокойствія и безопасности“.

Муравьевъ на это отвѣчалъ, что „работы на золотыхъ приискахъ не только соотвѣтствуютъ по тяжести своей работамъ въ рудникахъ, но даже болѣе тяжки и, слѣдовательно, ими можетъ быть такъ же или и лучше достигнута цѣль уголовного закона, какъ работами въ рудникахъ“. Работы эти продолжаются на приискахъ непрерывно и въ теченіе всей зимы; надзоръ за каторжными на золотыхъ промыслахъ гораздо удобнѣе;

наконецъ, нѣтъ возможности употреблять въ подземныя работы всѣхъ, ссылаемыхъ въ рудники Нерчинскаго округа, вслѣдствіе ихъ многочисленности. Особый комитетъ нашелъ, что „сравненіе работъ въ Нерчинскихъ рудникахъ съ работами на золотыхъ приискахъ совершенно новое, до сихъ поръ, сколько извѣстно, никѣмъ еще сдѣлано не было и никакими доказательствами не поддержано“, и потому прежде, чѣмъ установить правило объ обращеніи каторжныхъ на эти промыслы, необходимо подвергнуть этотъ вопросъ разсмотрѣнію нѣсколькихъ специалистовъ, такъ какъ только они могутъ дать заключеніе о томъ: точно ли возможно производить въ Нерчинскомъ краѣ работы на золотыхъ приискахъ въ теченіе всей зимы. Поэтому особый комитетъ возложилъ на Муравьева обязанность удостовѣриться, на основаніи мнѣнія лицъ, управлявшихъ горными заводами и золотыми приисками, въ какой степени работы въ рудникахъ могутъ быть замѣнены для каторжныхъ работами на промыслахъ, и, если такая замѣна окажется возможною, составить подробный проектъ, сообразуясь съ дополнительными постановленіями, Высочайше утвержденными 15 августа 1845 г. Государь согласился съ мнѣніемъ комитета 27 апрѣля 1851 г. ¹⁾.

Однако вопросъ этотъ не былъ разрѣшенъ еще и въ 1858 г. ²⁾. Послѣ того, какъ Нерчинскіе промысла вмѣстѣ съ заводами были переданы въ 1855 г. опять въ вѣдѣніе Кабинета, послѣдній нашелъ невыгоднымъ принять на себя всѣ расходы по содержанію ссыльно-каторжныхъ. По поводу записки Муравьева 1858 г. о необходимости преобразованіи устройства и управленія Нерчинскихъ заводовъ, Кабинетъ въ своихъ „соображеніяхъ“, между прочимъ, считалъ необходимымъ, чтобы генералъ-губернаторъ Восточной Сибири немедленно вошелъ въ разсмотрѣніе положенія ссыльно-каторжныхъ на Нерчинскихъ заводахъ и изыскалъ средства, „чтобы расходы на содержаніе ссыльно-каторжныхъ падали на счетъ Кабинета Е. В. только въ мѣрѣ дѣйствительной пользы, трудомъ ихъ горному промыслу приносимой, такъ какъ Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что не мастеровые нерчинскіе въ тягость заводамъ, но ссыльно-каторжные, трудъ которыхъ по неискусству, непривычкѣ и нерадѣнію ихъ къ техническимъ занятіямъ, *а также по требованіямъ, закономъ установленнымъ въ отношеніи обращенія съ преступниками*, не можетъ сравниться съ работою первыхъ“. Муравьевъ въ запискѣ 1859 г. предлагалъ попрежнему употреблять ссыльно-каторжныхъ на заводахъ, рудни-

¹⁾ Арх. Комит. Министр., дѣло Сиб. Комит. 1852 г. № 157, л. 15—30.

²⁾ Ibid., дѣло Сиб. Ком. 1858 г. № 102. По поводу предложенія Муравьева объ употребленіи каторжныхъ исключительно на золотыхъ промыслахъ министръ финансовъ гр. Вронченко выразилъ опасеніе, что вслѣдствіе того увеличатся похищеніе золота и побѣги каторжныхъ съ промысловъ, лежащихъ большею частью въ мѣстахъ пустынныхъ. Ibid., дѣло № 255.

какъ и золотыхъ промыслахъ, но изъять ихъ изъ заводскаго вѣдомства, передать въ непосредственное вѣдѣніе мѣстнаго областного начальства и предоставить ему назначать на работы въ Нерчинскомъ округѣ и преимущественно на золотые промысла съ производствомъ содержанія соразмѣрно ихъ труду и занятиямъ¹⁾. Впослѣдствіи, уже при генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, ссыльно-каторжные были сосредоточены на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, и содержаніе ихъ отнесено на счетъ казны, за исключеніемъ той суммы, какую они могли заработать за счетъ Кабинета Е. В.²⁾

Къ 1 января 1859 г. на золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго округа было ссыльныхъ 2059 чел. (слѣдовательно, болѣе, чѣмъ мастеровыхъ) и „ссыльныхъ женокъ“ 146.

Всѣхъ работниковъ, безъ различія званія, къ 1 января 1859 г. на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ было 4110 чел., въ томъ числѣ полносильныхъ 3651, слабосильныхъ 459³⁾.

Работы на Нерчинскихъ, какъ и на Алтайскихъ, золотыхъ промыслахъ производились зимою и лѣтомъ, распредѣляясь такимъ образомъ. Съ начала весны, въ маѣ мѣсяцѣ, приготавливали много песку, потому что съ мая до половины іюня идутъ дожди и воды для промывки достаточно. Затѣмъ до конца іюля или начала августа бывала совершенная засуха, не дававшая возможности заниматься промывкою золота, между тѣмъ какъ отъ сильныхъ жаровъ земля въ это время совершенно растанываетъ, и такимъ образомъ легко добывать пески. Съ августа снова наступаютъ дожди, и вслѣдствіе этого промывка золота можетъ продолжаться даже въ сентябрѣ, отличающемся ясною и сухою погодою. Несмотря на наступающіе въ октябрѣ холода, почва до декабря замерзаетъ только сверху, и это время можетъ быть употреблено для приготовления песку, въ сильные же морозы зимою добывался только торфъ;

¹⁾ Арх. Ком. Министр., дѣло Сиб. Комит. № 255.

²⁾ В. Толстой. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1848—61 гг.“. „Рус. Стар.“ 1890 г. т. 65. стр. 128. *Фоймицкий*. Ученіе о наказаніи, стр. 296.

³⁾ Всего населенія золотыхъ промысловъ въ это время числилось 6037 чел., въ томъ числѣ пѣшаго и коннаго казачьяго войска 709 чел., урядниковъ 65, писцовъ и кандидатовъ 49, лѣкарскихъ, аптекарскихъ и ветеринарныхъ учениковъ 32, богатыльниковъ 36, малолѣтнихъ мальчиковъ 936. Арх. Иркут. Гор. Управ. кн. 1343 № 64/42, л. 127 об. Число рабочихъ, „задолжавшихся по расчету на одинъ день“, т. е. фиветивныхъ годовыхъ рабочихъ, было въ 1842 г.—718, въ 1844 г.—1413, въ 1845 г.—1297, въ 1847 г.—1623, въ 1849 г.—1496, въ 1851 г.—3236. „Горн. Журн.“ 1843 г. № 9, стр. 459, 1845 № 6, стр. 389, 1846 г. т. II, стр. 451—452, 1848 г. № 3, стр. 363, 1850 г. № 6, стр. 465, 1852 г. № 5, стр. 335. По другому источнику въ 1850 г. считалось 4560 годовыхъ рабочихъ. Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1638, № 8, л. 3—4.

въ мартѣ и апрѣлѣ, кромѣ дровъ при снятіи торфа и отчасти песковъ, разогрѣванію земли содѣйствовало уже и солнце ¹⁾).

Мы видѣли, что на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ съ 1840 г. стали вводить трехсмѣнные работы (при которыхъ мастеровой двѣ недѣли работалъ, а третью отдыхалъ или трудился на старательскихъ работахъ), и въ началѣ 50-хъ годовъ такая работа на Алтайскихъ промыслахъ была уже общимъ правиломъ. Муравьевъ въ январѣ 1851 г., во время пребыванія своего въ Петербургѣ, приказалъ Разгильдѣеву, управляющему Нерчинскими золотыми промыслами, по пріѣздѣ на промысла, внимательно рассмотреть, какая изъ работъ болѣе полезна для выгодъ правительства, двухсмѣнная (когда рабочіе работаютъ постоянно въ двѣ смѣны днемъ или ночью) или трехсмѣнная, когда послѣ двухъ рабочихъ недѣль они имѣютъ одну недѣлю отдыха. Возвратясь изъ Петербурга на Карійскіе промысла, Разгильдѣевъ нашелъ, что рабочая команда во время зимы 1850—51 гг. сильно уменьшилась отъ эпидеміи тифа (см. ниже), и потому, чтобы наверстать недостатокъ рабочихъ рукъ, вмѣсто трехсмѣнной работы, которая, какъ мы увидимъ ниже, была введена въ видѣ опыта въ 1850 г., приказалъ ввести двухсмѣнную. Донося объ этомъ Муравьеву (23 апрѣля 1851 г.), Разгильдѣевъ писалъ, что „при объявленіи этого распоряженія команда приняла его безъ малѣйшаго ропота. Хотя ослабленные въ численности рукъ, при двухсмѣнной работѣ золотые промысла будутъ еще довольно сильны..., а при трехсмѣнной работѣ, гдѣ одна третъ команды постоянно должна быть въ отгулѣ, нѣтъ средствъ вдругъ побороть рудничное и фабричное дѣло“ (т.-е. добычу и промывку песковъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ Разгильдѣевъ сообщилъ Муравьеву, что на представленіе его Нерчинскому горному правленію о недостаткѣ рабочихъ на промыслахъ, оно отвѣчало, что въ заводахъ и рудникахъ нѣтъ лишнихъ людей. Черезъ два года, въ іюнѣ 1853 г., предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, генералъ-маіоръ Венцель, обратился къ Разгильдѣеву, который въ это время уже исправлялъ должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, съ запросомъ относительно двухъ- и трехсмѣнныхъ работъ. Указавъ на то, что, въ донесеніи Муравьеву отъ 23 апрѣля 1851 г., Разгильдѣевъ не представилъ по этому вопросу „рѣшительнаго заключенія“ и что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ имѣлъ возможность выполнить предложеніе Муравьева, Венцель продолжаетъ, что, еслибы „благоприятное“ распоряженіе Муравьева, основанное на 1620-й статьѣ горнаго

¹⁾ Гагемейстеръ П, 419, срав. Арх. Ирк. Горн. Управл. к. 1337, № 3/11, л. 18—20. Въ 1850—52 гг. на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ употреблялось при техническихъ работахъ 43% рабочихъ, на подворныхъ вспомогательныхъ до 20% и не употреблялось въ работы 37 %.

устава ¹⁾, по какимъ бы то ни было причинамъ не было приведено въ исполненіе, то онъ, съ своей стороны, полагалъ бы постепенно вводить трехсмѣнные работы. Разгильдѣевъ на это отвѣчалъ: 1) трехсмѣнная работа на золотыхъ промыслахъ была введена въ 1850 г. въ видѣ опыта, но, вслѣдствіе необходимости имѣть большее число рукъ во время лѣта, найдена неудобною. 2) При отпускѣ людей въ „отгулъ“ встрѣчены большія затрудненія въ расчетахъ и повѣркѣ команды. 3) По, смыслу закона, каторжные, неодобрительнаго поведенія и безпрестанно дѣлавшіе побѣги, не должны пользоваться трехсмѣнною работою. Но чтобы исполнить волю генералъ-губернатора Муравьева, рѣшено теперь допустить на золотыхъ промыслахъ учрежденіе „земляныхъ урочниковъ“ изъ людей хорошаго поведенія и семейныхъ. Они работаютъ на своихъ лошадяхъ и при помощи работниковъ только во время лѣта и сдаютъ назначенный имъ годовой урокъ, а зимою совершенно свободны; остальная же свободная команда употребляется на золотыхъ промыслахъ въ двухсмѣнные работы, что признается „болѣе удобнымъ и полезнымъ“ ²⁾. Такимъ образомъ въ это время на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ существовали или двухсмѣнные работы, или работы урочниковъ, но, повидимому, позднѣе распространились и работы трехсмѣнные ³⁾.

Урочники на Алтайскихъ заводахъ занимались перевозкою дровъ, бревенъ, руды, камней, изготовленіемъ кирпича, поставкою дегтя, смолы и сѣры. Они, какъ и остальные мастеровые, пользовались льготою отъ податей и государственныхъ повинностей, но, какъ они же, были подчинены военному суду. Жалованья и провіанта имъ не шло, но, по выполненіи урока или по частямъ, они получали задѣльную плату. Исполнивши положенное, урочникъ освобождался отъ всякихъ работъ до слѣдующаго года. На Алтаѣ такихъ урочниковъ мы не встрѣчаемъ на золотыхъ промыслахъ, на Нерчинскихъ же промыслахъ, какъ мы видѣли изъ только что приведеннаго донесенія Разгильдѣева (1853 г.), для облегченія мастеровыхъ хорошаго поведенія и семейныхъ имъ дозволено было переходить въ урочники, при чемъ ихъ положеніе здѣсь нѣсколько иное, чѣмъ на Алтаѣ. Вотъ что сообщаетъ о нихъ прот. Боголюбскій въ своемъ описаніи Шахтаминскихъ золотыхъ промысловъ. По его словамъ, въ урочники выпускались изъ семейныхъ и имѣющихъ хозяйство людей, преимущественно далеко живущіе отъ промысловъ. Они обязывались разработать лѣтомъ розсыпь и выполнить урокъ въ 50 куб. саж.

¹⁾ „Нижніе чины и рабочіе, назначенные къ работамъ горнымъ въ рудникахъ и плавильнымъ въ заводахъ, продолжаютъ онны двѣ недѣли сразу, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, а на третью недѣлю отъ всякихъ работахъ освобождаются“ Св. Зак. изд. 1842 г., т. VII.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. к. 1638, № 8, л. 3—9, 16.

³⁾ Срав. Максимовъ, „Сибирь и Каторга“, I, 161.

съ отвозкою торфа на своихъ лошадяхъ на мѣста отваловъ; эту выработку старательный урочникъ съ однимъ работникомъ и двумя лошадьми можетъ произвести въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и затѣмъ на все остальное время года онъ оставался свободнымъ отъ работъ, получая отъ казны содержаніе деньгами и хлѣбомъ на себя и свое семейство ¹⁾. На Алтаѣ урочники не получали жалованья и провіанта, но за то нерчинскимъ урочникамъ не производилось задѣльной платы за исполненіе урока. За вскрытый нерчинскими „казенными земляными урочниками“ торфъ *сверхъ урока* они получали, по крайней мѣрѣ въ концѣ 50-хъ годовъ, задѣльную плату наравнѣ съ вольнонаемными, а именно по 1 руб. 50 к. за куб. сажень торфа, съ маленькимъ вычетомъ за инструменты ²⁾.

На Нерчинскихъ промыслахъ были еще половинные урочники: такъ назывались люди, находившіеся въ услуженіи у мѣстныхъ служащихъ (смотрителей, урядниковъ, уставщиковъ, писцовъ, штейгеровъ, унтеръ-штейгеровъ, подмастеровъ, лѣварскихъ учениковъ), которые обязаны были сдать за этихъ, находящихся у нихъ въ отпуску людей, половинный урокъ. Озерскій предлагалъ въ 1852 г. принять за правило не увольнять на одно лицо болѣе одного половиннаго урочника ³⁾.

Работы производились на Нерчинскихъ промыслахъ и днемъ, и ночью. На Шахтаминскихъ промыслахъ (а вѣроятно и на другихъ) *днемъ* работали ссыльно-каторжные, содержавшіеся въ тюрьмѣ и оковахъ, и частью ссыльные, а *ночью заводскіе служители* и частью ссыльные, уволенные за хорошее поведеніе отъ содержанія въ тюрьмѣ. На ночь промысловыя машины освѣщались фонарями, а разрѣзы росыпей—пылающими кострами ⁴⁾. Видъ огней ночью и кипучая дѣятельность рабочихъ представляли интересную картину, но нельзя не отмѣтить ту аномалію, что мастеровые „честнаго имени“ исполняли работы ночью, что конечно тяжелѣе, а ссыльно-каторжные работали днемъ ⁵⁾.

Въ началѣ 50-хъ год. вскрытіе торфовъ производилось зимою при искусственной протайкѣ дровами, но эта работа оказалась невыгодной ⁶⁾. Во время пребыванія на Карѣ Озерскаго (зимою 1852—53 гг.) торфъ убирался рабочими на носилкахъ, лѣтомъ же настилались дороги, по которымъ его откатывали въ тачкахъ и отвозили на таратайкахъ. Озерскій считалъ необходимымъ употребить для отвозки тяжестей круглый годъ

¹⁾ „Записки Сибир. отдѣла Геогр. Общ.“ 1856 г., кн. II.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. кн. 1343, № 64/142, л. 87.

³⁾ Ibid., кн. 1337, № 3/11, л. 30.

⁴⁾ „Записки Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ 1856 г., кн. II.

⁵⁾ Въ концѣ 50-хъ годовъ мастеровые на Нерчинскихъ промыслахъ работали 240—250 дней въ году. Арх. Ком. Министр., дѣло Сибир. Ком. 1858 г. № 255, л. 247—254.

⁶⁾ „Горный Журн.“ 1868 г. № 11, стр. 195.

лошадей съ таратайками или саними ¹⁾. Однако тачки и даже носилки употреблялись здѣсь для уборки торфовъ и доставки песковъ на промысловую машину еще въ 1861 г. Успѣшность работы сильно-капторжныхъ уменьшалась еще тѣмъ, что часть ихъ трудилась въ кандалахъ ²⁾.

Въ 1856 г. былъ составленъ проектъ урочнаго положенія, по которому, между прочимъ, на добычу 1 куб. сажени положено было употреблять 4 челов. въ день. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, при примѣненіи правилъ этого проекта, исполнить этотъ урокъ нерѣдко оказывалось весьма труднымъ въ виду различія свойствъ золотоноснаго пласта на разныхъ промыслахъ, и потому въ ноябрѣ 1859 г. горный совѣтъ ³⁾ раздѣлилъ росыпи Нерчинскихъ промысловъ на четыре разряда и назначилъ на *выработку* 1 куб. саж. песку отъ 2³/₄ до 4¹/₂ поденщинъ, на съемку мерзлаго торфа 6 поденщинъ, кромѣ особыхъ рабочихъ для откатки ⁴⁾.

Что въ началѣ 50-хъ годовъ уроки были очень тяжелы, видно изъ слѣдующихъ словъ пѣсни, воспѣвающей дѣйствія на Карѣ Разгильдѣева въ 1850 г.:

„На разрѣзѣ соберутся,
Слезой горькою зальются,
Лишь примуть урокъ.
Попадетъ сажень, другая
Одна галька лишь сливная,
А урокъ отдай.
Не беретъ ни клинъ, ни молотъ,
Да къ тому жъ всеобщій голодъ
Сдѣлааъ всѣхъ безъ силъ“ ⁵⁾.

Техника первоначально была въ очень несовершенномъ видѣ на Нерчинскихъ промыслахъ. „Принявъ въ соображеніе достоинство и степень богатства золотоносныхъ росыпей Нерчинскихъ“, говоритъ г. Озерскій, „число людей, употреблявшихся для ихъ разработки и количество ежегодно извлеченнаго металла, удивляться должно слабому развитію этого дѣла. Съ самаго начала введенія его, т.-е. съ 1830 по 1850 г., постоянно употреблялась въ дѣйствіе одна человѣческая сила безъ пособія механики; вода шла только на промывку. Съ 1850 г.“, продолжаетъ Озерскій, „данъ техническому вопросу этому другой оборотъ и... по вве-

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., к. 1337, № 3/11, л. 30.

²⁾ Ibid., к. 1648, № 29/183, л. 18.

³⁾ Горнымъ начальникомъ въ это время былъ О. А. Дейхманъ.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1489, № 127/370, л. 1—16.

⁵⁾ „Владивостокъ“ 1893 г. № 37.

деніи Разгильдѣевымъ приличныхъ устройствъ, правильнаго водяного хозяйства, распредѣленія работъ, нѣрно приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ геологическимъ и климатическимъ, золотое производство сдѣлало таки блестящіе успѣхи¹⁾. Но, при посѣщеніи Нерчинскихъ промысловъ въ 1852 г., Озерскій нашелъ промывальныя машины часто еще въ весьма несовершенномъ видѣ²⁾, и даже позднѣе (въ 1861 г.) въ нихъ чувствовался недостатокъ³⁾.

Благодаря всѣмъ техническимъ несовершенствамъ—носкѣ торфа и песковъ на носилкахъ, плохимъ промывальнымъ машинамъ, а также и непроизводительности обязательнаго труда мастеровыхъ и ссыльно-кааторжныхъ, на Нерчинскихъ промыслахъ обрабатывалось меньшее, чѣмъ гдѣ либо, количество песковъ на одного человѣка въ день, а именно въ 1851 г. всего по 12 пуд. 1 ф., тогда какъ даже на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ обрабатывалось по 25 пуд. 9 ф., а на частныхъ промыслахъ Иркутскаго округа это количество доходило до 84 пуд. 16 ф. въ день⁴⁾. Тѣмъ не менѣе работы на золотыхъ промыслахъ были крайне тяжелы: онѣ считались высшею мѣрою наказаній для каторжныхъ⁵⁾. Но это были по крайней мѣрѣ преступники, мастеровые же, не совершившіе никакого преступленія, исполняли тѣ же работы (кааторжанъ не назначали только на промывку золота), и даже ихъ положеніе было хуже, такъ какъ при двухсѣмьнахъ работахъ каторжные работали днемъ, а мастеровые ночью; наконецъ, сосланные за самыя тяжкія преступленія назначались на работу не болѣе, какъ на 20 лѣтъ⁶⁾, мастеровые же, какъ ихъ тамъ называли, „честнаго имени“, трудились первоначально безсрочно, до потери способности къ труду, а затѣмъ съ 1849 г.—въ теченіе 35 лѣтъ, и послѣ того увольнялись въ отставку съ ничтожною пенсіею. Кромѣ того, часть мастеровыхъ, работавшихъ на золотыхъ промыслахъ, переводили съ заводовъ на приски и обратно, такъ что они

¹⁾ *Озерскій*. „Очеркъ геологій, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья“, 1867 г., стр. 52. Дѣйствительно въ 1851 г. количество промывальныхъ машинъ значительно увеличилось. „Горн. Журн.“ 1852 г. № 5, (стр. 335., срав. 1843 г., № 9, стр. 459, 1845 г. № 6, стр. 389, 1846 г. т. II, 451, 1848 г. № 3, стр. 362, 1850 г. № 6, стр. 465.

²⁾ Такъ что по его расчету на промывку 1 к. с. песку требовалось 4,4 чел., тогда какъ на частныхъ промыслахъ Вост. Сиб. для этого было достаточно всего 1,5 чел. Арх. Ирк. Горн. Управ. к. 1837, № 3/11, л. 22—23; *Галейстеръ* II, 418.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1840, № 29/183, л. 18.

⁴⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. Горн. Окр., бѣлов. Журн. Горн. Сов., 1853 г., л. 163—164.

⁵⁾ *Максимовъ*. „Сиб. и Кат.“ I, 90/163.

⁶⁾ Св. Зак. изд. 1842 г. т. XIV, ст. 1552. *Фойтшикий*. Ученіе о наказаніи, стр. 280, 292.

вели бродячую жизнь, и это мешало имъ обзавестись, какъ слѣдуетъ, своимъ хозяйствомъ ¹⁾.

Мы видѣли, что на Алтайскихъ заводахъ по штатамъ 1849 г. жалованье простымъ казеннымъ рабочимъ на золотыхъ промыслахъ равнялось 6 руб. 70 к.—10 руб. въ годъ. Въ Нерчинскомъ округѣ оно бывало и менѣе ²⁾: въ 1858 г. на Бальджинскомъ золотомъ промыслѣ казенные рабочіе получали собственно жалованья *во весь годъ* 3 руб. 57 к. ³⁾. На Шахтаминскомъ приискѣ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ заводскіе служители получали жалованья 6 руб. 90 к. серебр. въ годъ. По смѣтѣ на 1861 г. чернорабочимъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ, кромѣ кормовыхъ денегъ и провіанта, было назначено жалованье 9 руб. въ *годъ* (кромѣ хлѣбнаго пайка) ⁴⁾. Специалисты горнаго дѣла (установщики, надсмотрщики за работами и разные мастера) получали жалованья отъ 36 до 90 руб. въ годъ. Конечно всѣ они при удобномъ случаѣ старались вознаграждать себя похищеніемъ золота, и услѣдить за ними было почти невозможно ⁵⁾.

Ссылно-каторжные въ первой половинѣ 50 годовъ получали на Шахтаминскихъ золотыхъ промыслахъ жалованья, также какъ и заводскіе служители, по 6 руб. 90 к. серебр. въ годъ; въ 1861 г. жалованье ссылно-каторжныхъ, также какъ и мастеровыхъ, было нѣсколько выше ⁶⁾.

На Нерчинскихъ заводахъ мастеровымъ полагалось годовое жалованье и провіантъ, на золотыхъ же промыслахъ мастеровые, а наравнѣ съ ними и ссылно-каторжные, получали еще кормовыхъ или суточныхъ по 5 к. въ день, т. е. 18 руб. 25 к. въ годъ ⁷⁾. Въ извѣстной намъ пѣснѣ о происшествіяхъ на Карѣ въ 1850 г. прибавка рабочимъ на золотыхъ промыслахъ кормовыхъ суточныхъ денегъ объяснена хлопотами о томъ Разгильдѣева:

„Прежде не было кормовыхъ
Для семействъ, сиротъ и вдовныхъ,—
Онъ ископотаѣ“.

¹⁾ Срав. *Властополовъ*. „Сводъ законоположеній, относящихся до поземельнаго устройства принисныхъ крестьянъ, мастеровыхъ и урочниковъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ въ 1858—82 гг.“, стр. 2.

²⁾ Въ началѣ 50-хъ годовъ нерчинскіе заводскіе мастеровые получали жалованья по 56½ к. въ мѣсяцъ (въ годъ 6 руб. 84 к.), а на золотыхъ промыслахъ, какъ увидимъ ниже, имъ выдавались еще суточные кормовыя деньги. *Галейстеръ* II, 415.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ., к. 1343, № 64/142, л. 11.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1639, № 21/35, л. 57.

⁵⁾ *В. Толстой*. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій“, „Рус. Стар.“, 1890 г., т. 65, стр. 129.

⁶⁾ Арх. Горн. Деп. № 68/650, ч. II, л. 286 об.

⁷⁾ Статья прот. *Богоявленскаго*; *Галейстеръ* II, 415; Арх. Ком. Мин., дѣло Слѣд. Ком. 1858 г. № 255, л. 330—335; Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1639, № 21/35, л. 57. На Алтайскихъ заводахъ по штатамъ 1849 г. назначены были порціонныя деньги по 4 к.

Полковникъ Озерскій, послѣ осмотра Карійскихъ золотыхъ промысловъ въ 1851 г. предложилъ, при переселеніи семейныхъ заводскихъ служителей на золотые промыслы не по собственной ихъ просьбѣ, а по распоряженію начальства, выдавать единовременное пособіе по 15 руб. на душу мужскаго пола, примѣнительно къ тому, что такія пособія выдаются забайкальскимъ казакамъ, переселяемымъ на новыя мѣста ¹⁾, а при передвиженіи съ мѣста на мѣсто служителей хорошаго поведенія далѣе 50 верстъ выдавать имъ за время прохода по расчету двойныя кормовыя деньги. Генералъ-губернаторъ Муравьевъ нашелъ и то, и другое полезнымъ и просилъ министра финансовъ сдѣлать о томъ распоряженіе ²⁾, но была ли удовлетворена его просьба, мы не знаемъ.

На Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ, какъ и на Алтайскихъ, были, по крайней мѣрѣ въ 50 годахъ, вольностарательскія работы за особую плату ³⁾. Въ 1858 г. за выработку торфоваго и промывку золота „вольностарателямъ“, за исключеніемъ вычета за инструменты, заплачено болѣе 5000 руб. При раздѣленіи этой суммы на все число рабочихъ, этотъ добавочный заработокъ оказывается ничтожнымъ ⁴⁾.

Кромѣ жалованья и кормовыхъ, мастеровые на Нерчинскихъ промыслахъ, какъ и на Алтайскихъ, получали отъ казны провіантъ: въ 50-хъ годахъ выдавалось 2 пуд. въ мѣсяцъ рабочимъ мужскаго пола, кромѣ того семейные получали еще въ мѣсяцъ 2 пуд. на жену и по 1 пуд. въ мѣсяцъ на малолѣтнихъ дѣтей (мужскаго пола до 12 лѣтъ и женскаго—до 16 лѣтъ). Такой же провіантъ получали и ссыльно-каторжные. Вдовамъ и сиротамъ какъ заводскихъ служителей, такъ и ссыльно-каторжныхъ, а также и незаконно-рожденнымъ ихъ дѣтямъ безъ различія пола выдавался отъ казны провіантъ въ выше указанномъ размѣрѣ ⁵⁾. Холостые заводскіе служители, жившіе въ общемъ казенномъ помѣщеніи, имѣли общую артель, которою завѣдывалъ артельный староста; онъ принималъ изъ казны нужные для артели вещи и припасы, а также кормовыя деньги, на которыя покупалъ изъ казны, такъ называемый, приварокъ, т. е. говядину для щей, масло для каши и проч. Женатыя получали жалованье и провіантъ на руки и жили въ собственныхъ домахъ ⁶⁾. Провіантъ выдавался иногда въ крайне неудовлетворительномъ

¹⁾ Положеніе о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ, Выс. утв. 17 марта 1851 г. § 79. П. С. З. т. XXVI, № 25039.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1482, № 3/11, л. 269, 272.

³⁾ Объ нихъ упоминаетъ еще Озерскій въ 1852 г., к. 1337, № 3/11, л. 30, 53.

⁴⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/142, л. 87.

⁵⁾ Статя прот. Боголюбскаго; Максимовъ I, 161; Арх. Ирк. Горн. Упр. к. 1639, № 21 135, л. 57.

⁶⁾ Ст. прот. Боголюбскаго.

видѣ. Въ извѣстной пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева, составленной Мо-
кѣевымъ, сказано:

„А къ тому-жъ всеобщій голодъ
Сдѣлалъ всѣхъ безъ силъ.
Отчего же голодали?
Провіантъ имъ выдавали,—
Спросите меня.
Были правда, но чего—
Цѣликомъ кругло зерно,
Только лишь свистить.
И еще скажу причину:
Были камень половину,
Данный въ провіантъ“ ¹⁾.

Вслѣдствіе нераспорядительности мѣстнаго начальства случались иногда сильныя затрудненія въ прокормленіи рабочихъ на промыслахъ. По словамъ Д. И. Завалишина, зимою 1852 г. нечѣмъ было прокормить рабочихъ на Карійскихъ золотыхъ пріискахъ, и генераль-губернаторъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прискакалъ кругомъ Байкала въ Читу послѣ того, какъ и гражданское, и казачье начальство въ Забайкальѣ отказалось достать провіантъ. Если вѣрить Завалишину, только благодаря ему удалось приобрести 45,000 пуд. муки у скрывавшихъ ее изъ опасенія, чтобы она не была отнята у нихъ, и доставить ее изъ Верхнеудинска на Кару ²⁾. Кабинетъ, въ одной запискѣ 1858 г., утверждалъ, что, хотя по принятымъ на заводѣ правиламъ запасы провіанта должны равняться двухгодичной потребности въ немъ, „въ Нерчинскомъ округѣ наличные запасы хлѣба едва составляютъ полугодовую пропорцію, и были примѣры, что дѣйствія нѣкоторыхъ золотыхъ промысловъ должно было ограничивать по неимѣнію запасовъ для продовольствія рабочихъ“ ³⁾. Въ началѣ декабря 1852 г. на Карійскихъ промыслахъ было такое затрудненіе въ продовольствіи, что мѣстное начальство принуждено было у всей рабочей команды, „вольной и въ артеляхъ“, удерживать по $\frac{1}{2}$ пуд. провіанта въ мѣсяцъ и взамѣнъ его давать лишнихъ по $\frac{3}{4}$ ф. говядины, „чтобы въ сутки человѣкъ имѣлъ $1\frac{1}{2}$ ф. говядины въ приварокъ“.

При осмотрѣ Озерскимъ въ 1852 г., по порученію Муравьева, золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа, онъ нашелъ, что продовольствіе ссыльно-каторжныхъ неудовлетворительно, „хотя выдаваемое колодникамъ мясо доброкачественно, хлѣбъ хорошо выпеченъ На Шахтаминскомъ промыслѣ они довольствуются кирпичнымъ чаемъ, тѣмъ же коли-

¹⁾ „Владивостокъ“, 1893 г., № 87.

²⁾ „Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и государство“. „Русская Старина“, 1881 г., т. XXXII, 82.

³⁾ Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Комит. 1858 г., № 102.

чествомъ хлѣба и фунтомъ мяса съ приваркомъ кислой капусты и крупъ. Въ тюрьмахъ же Карійскихъ выдача кирпичнаго чая съ іюля 1852 г. отмѣнена частію по дороговизнѣ и невозможности покрыть издержки, сопряженныя съ улучшеннымъ содержаніемъ ссыльныхъ изъ назначенныхъ имъ окладовъ, частію по настоянію врача, приписывающаго усиленіе больныхъ, одержимыхъ повосомъ, употребленію чая въ жаркое время года. По встрѣтившемуся затрудненію въ приготовленіи капусты, въ ноябрѣ выдавалось колодникамъ карійскимъ ежедневно по $\frac{3}{4}$ ф. сырого мяса, вѣсъ котораго послѣ варки уменьшается до 32 золотниковъ и не доходитъ свыше 39 золотн., по 4 ф. хорошо испеченнаго хлѣба, по 1 ф. крупъ ячныхъ и по $9\frac{1}{2}$ золотн. соли. Сравнивая содержаніе на Шахтамъ и Карѣ, оказывается, что на Карѣ „арестанты, по крайней мѣрѣ во время осмотра, находились въ худшемъ положеніи и ѣли безъ перемѣнъ однообразную и при томъ пресную пищу“. Озабочиваясь улучшеніемъ продовольствія ссыльно-каторжныхъ на выдаваемую имъ плату (кормовыя деньги и жалованье), Озерскій составилъ проектъ положенія о ихъ содержаніи въ тюрьмахъ при Карійскихъ промыслахъ по справочнымъ мѣстнымъ цѣнамъ зимы 1852 г.; онъ предполагалъ выдавать въ день: мяса $\frac{3}{4}$ ф., крупы $\frac{1}{8}$ ф., чаю кирпичнаго около 1 золотн., соли 8 золотн. ¹⁾, муки-затуранъ $6\frac{1}{2}$ золотн., жиру на $\frac{1}{8}$ коп. Стоимость такого продовольствія равнялась въ день $2\frac{1}{2}$ коп., а въ мѣсяцъ 75 к. Лѣтомъ, вслѣдствіе большой дороговизны мяса, продовольствіе обойдется на $10\frac{3}{4}$ к. дороже, вслѣдствіе чего предполагалось лѣтомъ уменьшить выдачу чая, затурана и жира. Если имѣлась квашеная капуста и лукъ, то для разнообразія пищи ихъ выдавали на $3\frac{3}{4}$ к. въ мѣсяцъ съ уменьшеніемъ на это время на половину выдачи крупы. Изъ 2 пуд. провіанта положено было ежемѣсячно выдѣлять по $\frac{1}{2}$ ф. муки на вареніе кваса для артели. Отпускъ кирпичнаго чая, особенно зимою, Озерскій призналъ весьма полезнымъ и питательнымъ. Мнимое зловерное вліяніе его, предрасполагавшее, какъ думали, къ разстройству желудка, по произведенному разслѣдованію, объяснилось прибавленіемъ въ котлы сырой воды и питьемъ чая, недостаточно вскипаченнаго. Въ 1850 г. при каторжныхъ тюрьмахъ были разведены первые огороды; черезъ два года застѣяно было 3 десятины картофелемъ и кромѣ того 15 десятинъ рожью при Усть-Карѣ; предполагалось рожь, собранную и обмолоченную ссыльно-каторжными женщинами, продать и вырученныя деньги обратить въ пользу артелей. Озерскій находилъ полезнымъ увеличить учрежденные при тюрьмахъ огороды и разводить въ нихъ лукъ, капусту, картофель, свеклу. для обработки же огородовъ употреблять преимущественно жен-

¹⁾ Т. е. $2\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ; прежде выдавалось по 3 ф., но соль выходила не вся, и мѣстный врачъ одобрилъ уменьшеніе ея количества.

шинъ. Всѣ эти предположенія Озерскаго были сообщены исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, Разгильдѣеву, съ порученіемъ подвергнуть ихъ строгому разсмотрѣнію и, если они окажутся удобоисполнимыми, принять ихъ въ руководство.

Оказалось, что проектъ положенія о продовольствіи, составленный Озерскимъ, могъ быть примѣненъ немедленно, безъ затрудненій: въ промысловыхъ магазинахъ нашлись запасы чая и необходимая для варенія его посуда, а также и другіе припасы, кромѣ квашеной капусты, взамѣнъ которой можно было употреблять лукъ, привезенный въ бытность Озерскаго на Карѣ. Со введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія, содержаніе ссыльно-каторжныхъ должно было быть распредѣлено такъ: по утру, до выхода на работу, завтракъ сухимъ хлѣбомъ; въ 11 час. утра выносятся на разрѣзы котлы съ горячимъ чаемъ, вслѣдствіе чего отмѣняется разкладываніе на работахъ въ зимнее время костровъ, около которыхъ грѣются „кандальники“, такъ какъ быстрый переходъ на стужу вредилъ ихъ здоровью. По возвращеніи съ работъ — обѣдъ и для питья квасъ. Разгильдѣевъ предписалъ управляющему золотыми промыслами принять это положеніе въ руководство ¹⁾. Такъ какъ провіантъ отпускался ссыльно-каторжнымъ, находящимся въ тюрьмахъ и казармахъ, въ видѣ муки, а семейнымъ въ видѣ зерна (по 2 пуд. на душу), между тѣмъ какъ назначено отпускать по 2 пуд. муки, то Озерскій предложилъ въ ожиданіи поставки муки, продолжать отпускъ зерна, но съ установленною прибавкою „на примоль“, которое и взимать съ поставщиковъ при сдачѣ ими зерноваго хлѣба. Семейные обязаны были ходить за провіантомъ на Усть-Кару за 15 верстъ два раза въ мѣсяцъ, 15 и 25 числа, такъ какъ, по неимѣнію рабочаго скота, полного количества хлѣба на Кару не переводили. По мнѣнію Озерскаго, неудобство это должно было быть устранимо при увеличеніи на Карѣ скота. Предположенія Озерскаго были одобрены Муравьевымъ, и ихъ предписано было исполнить ²⁾.

Въ ноябрѣ 1852 г. на Карійскихъ промыслахъ артельная сумма арестантовъ составляла 3697 руб. ³⁾. Къ началу 1859 г. при Карійскихъ и Лунжакинскихъ промыслахъ были артели, имѣющія 2613 р. денегъ, 16 быковъ, разныя огородныя овощи и припасы и проч., такъ что все ихъ имущество оцѣнивалось въ 3123 р.; при промыслахъ же Александровскаго округа артельныхъ суммъ не имѣлось, и арестанты удовлетво-

¹⁾ Озерскій предложилъ не дозволить мѣстному начальству измѣнять положеніе о пищѣ и одеждѣ (см. ниже) по своему произволу, а о вынуждаемыхъ обстоятельствахъ переимѣнахъ доносить горному начальнику и ежегодно составлять новую табель на основаніи справочныхъ цѣнъ и представлять ее на утвержденіе генералъ-губернатора Восточной Сибири.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1337, № 3/11, л. 30, 48, 51—52, 54—56, 58—59.

³⁾ Ibid., л. 34—50.

вались заготовленными отъ казны припасами въ такомъ размѣрѣ: $\frac{3}{4}$ ф. мяса, $\frac{1}{4}$ ф. крупы и $\frac{1}{8}$ ф. луку въ сутки съ прибавленіемъ овощей, разводимыхъ въ огородахъ ¹⁾).

Что касается одежды ссыльно-каторжныхъ, то Озерскій, при осмотрѣ промысловъ зимою 1852 г., нашелъ, что, хотя она и „приличная“, но „не совсѣмъ соответствующая суровому времени года“; такъ какъ, по его мнѣнію, „по дороговизнѣ овчинъ затруднительно снабжать команду полушубками“, то онъ предлагалъ, нельзя ли замѣнить ихъ тарбоганными тулупами, доставляемыми изъ окрестностей Акши, и цѣна которыхъ, 2 руб. 40 к. за штуку, немногимъ превосходить цѣну суконныхъ шинелей (2 руб. 16 к.). По положенію, установленному Озерскимъ въ 1852 г., ссыльно-каторжнымъ полагалось: одна рубаха холщевая на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, одни холщевые порты на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, три пары (юфтевыхъ) чирковъ на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, одна пара рукавицъ кожаныхъ на 3 мѣсяца, двѣ пары рукавицъ суконныхъ на зиму, одна шинель сермяжного сукна на годъ съ четвертью, т. е. на 15 мѣсяцевъ, одни онучи суконныя на зиму, одинъ куртъ (sic) суконный на 8 мѣсяцевъ. По разсчету на одинъ мѣсяць одежда эта обходилась 1 руб. 30 к., а пища арестантовъ 75 к., что вмѣстѣ въ мѣсяць изъ 30 дней составляло 2 руб. 5 к., а въ мѣсяць изъ 31 дня 2 руб. 11 $\frac{5}{8}$ к. По положенію Озерскаго опредѣлено было такимъ образомъ расходовать на каждого въ годъ 25 руб. 1 к. По расчисленію, писалъ Озерскій, „плата, выдаваемая каждому ссыльно-каторжному отдѣльно, достаточна безъ остатка, не обременяя казну новыми долгами на покрытіе расходовъ“, указанныхъ въ табели. Плата эта состояла изъ кормовыхъ по 5 к. въ день, что составляетъ въ годъ 18 руб. 25 к., и мѣсячнаго жалованья ²⁾). Мы не знаемъ сроковъ носки вещей до 1852 г., но, очевидно вещи носились скорѣе, чѣмъ это было опредѣлено по казенной табели, такъ какъ Озерскій объясняетъ весьма неравномѣрное распредѣленіе долговъ на ссыльно-каторжныхъ „болѣе или менѣе хозяйственною носкою одежды вещей“. Муравьевъ, одобрявшій вообще предположенія Озерскаго относительно одежды, приказалъ между прочимъ озаботиться и заготовленіемъ тарбоганныхъ тулуповъ, если это можетъ быть полезно для рабочихъ и не безвыгодно для казны ³⁾). Прот. Боголюбскій относительно ссыльно-каторжныхъ на Шахтаминскихъ промыслахъ говоритъ: „Одежда и обувь какъ для зимы, такъ и для лѣта, у каждого есть, а въ случаѣ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/42, л. 129 об.—130.

²⁾ Въ отчетѣ о Нерчинскихъ промыслахъ за 1858 г. сказано, что ссыльно-каторжнымъ „выдается казною необходимая одежда, и за все, что изъ казны въ артели отпускается, возмѣщаются въ оную деньги изъ платы, получаемой арестантами“. Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/42, л. 130.

³⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., к. 1343, № 64/42, л. 130.

износа отпускаются изъ казны по таксѣ потребные матеріалы или даже готовая одежда и обувь". Но какова была эта одежда ссыльно-каторжныхъ, видно изъ слѣдующихъ словъ записки одного частнаго золотопромышленника Восточной Сибири (1861 г.): „одежда ссыльно-каторжныхъ извѣстна; иногда ее нельзя назвать даже лохмотьями, потому что они довольствуются всѣмъ тѣмъ бракомъ, который остается вслѣдствіе совершенной негодности для какого бы то ни было сбыта, да и на такую одежду полагается срокъ, который не можетъ выдержать товаръ самаго лучшаго качества, изъ своего же, такъ называемаго, жалованья ни одинъ рабочій ничего купить для себя не въ состояніи“ ¹⁾.

На Шахтаминскихъ промыслахъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ холостые заводскіе служители жили на казенной квартирѣ въ особомъ зданіи съ помѣщеніями на 500 чел., женатые же жили въ собственныхъ домахъ, построенныхъ по большей части съ пособіемъ отъ казны.

Ссыльно-каторжные, по закону 1845 г., причислялись къ разряду испытуемыхъ и содержались въ острогахъ, безсрочные каторжные содержались въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ, прочіе же каторжные въ однихъ ножныхъ. Время испытанія для каторжныхъ разныхъ разрядовъ продолжалось отъ одного года до восьми лѣтъ, послѣ чего хорошо ведшіе себя въ это время перечислялись въ разрядъ исправляющихся, содержались безъ оковъ и, если возможно, помѣщались отдѣльно отъ испытуемыхъ. Черезъ извѣстное время (отъ одного года до трехъ лѣтъ для разныхъ разрядовъ) каторжные могли съ разрѣшенія горнаго правленія получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ жилищахъ заводскихъ мастеровыхъ или построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу, и вступать въ бракъ, при чемъ имъ выдавалось пособіе деньгами и натурою изъ заработанныхъ ими денегъ ²⁾.

Ссыльно-каторжные, работавшіе на Шахтаминскихъ промыслахъ, по словамъ прот. Боголюбскаго, раздѣлялись на три разряда: 1) испытуемыхъ, которые содержались въ тюрьмѣ и въ оковахъ за постояннымъ военнымъ карауломъ; 2) исправляющихся, свободныхъ отъ тюрьмы и оковъ, но находящихся подъ строгимъ надзоромъ мѣстной полиціи и большею частью живущихъ въ самомъ зданіи полиціи своею артелью и 3) испытанныхъ, семейныхъ, имѣющихъ свои дома и хозяйства, пользующихся своей свободой наравнѣ съ заводскими служителями, а впоследствии, по выслугѣ въ работахъ урочныхъ лѣтъ, поступавшихъ въ разрядъ поселенцевъ и становившихся постоянными жителями края. Тюрьма, въ которой жили каторжные перваго разряда на Шахтаминскихъ промыслахъ, было огромное двухэтажное деревянное зданіе въ 30 саж.

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. II, л. 286 об.

²⁾ П. С. З., т. XX, № 19284, п. 9, 10, 24, 26, 31.

въ длину и 15 въ ширину, раздѣленное корридоромъ во всю длину; по обѣимъ сторонамъ корридора устроены были палаты или жилыя комнаты съ антресолями, которыя освѣщались окнами, такъ что въ каждой палатѣ можно было помѣщаться и вверху на антресоляхъ, и внизу на нарахъ. Передъ главнымъ входомъ въ тюрьму выстроена была гауптвахта для военного караула, а съ правой стороны находилась кухня и баня. Каждая сотня ссыльно-каторжныхъ, содержимыхъ въ тюрьмѣ, имѣла своего артельного старосту подъ главнымъ начальствомъ тюремнаго смотрителя, который выдавалъ старостѣ въ артель какъ провіантъ, такъ и прочіе припасы и вещи, нужные рабочимъ, по установленнымъ цѣнамъ въ счетъ ихъ жалованья и кормовыхъ денегъ.—Тюремные смотрители допускали различныя злоупотребленія, и потому Озерскій потребовалъ, чтобы ихъ выбирали изъ людей отличнаго поведенія и до увольненія ихъ отъ должностей собирали справки чрезъ разспросы команды, не ставили ли они на счетъ каторжныхъ что-либо лишнее ¹⁾).

Семейные заводскіе мастеровые могли имѣть не только дома, но и землю, но Озерскій нашелъ ихъ экономическій бытъ мало удовлетворительнымъ. Онъ объяснилъ это отчасти мѣстными условіями,—тѣмъ, что почва камениста, климатъ суровъ, выгонныхъ мѣстъ мало, травы худосочны, и это препятствовало заведенію домашнего скота; но главною причиною разстройства ихъ быта Озерскій, какъ онъ убѣдился изъ разспросовъ многихъ мастеровыхъ, были частыя передвиженія рабочей команды съ Кары въ Шахтану, въ заводы и обратно ²⁾).

Самое ужасное время пережили мастеровые и каторжные на Карѣ зимою 1850—51 г., когда Разгильдѣвъ хотѣлъ въ угоду Муравьеву довести добычу золота на Нерчинскихъ промыслахъ до 100 пуд. въ годъ. Мы уже упоминали имя этого дѣятеля, оставившаго по себѣ самую печальную память; нужно познакомиться съ нимъ нѣсколько подробнѣе.

Горный инженеръ Разгильдѣвъ, какъ мы слышали, служилъ прежде на Уралѣ, но его начальникъ пожелалъ отъ него отдѣлаться. Разгильдѣвъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, какъ видно изъ официальныхъ источниковъ, представилъ проектъ объ усовершенствованіи золотопромышленности въ Россіи въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ нашелъ заслуживающими особаго вниманія изобрѣтенную имъ золотопромывальную машину, разнаго рода снаряды, облегчающіе добычу и перевозку песковъ и проч. и постановилъ поручить ему испытать ихъ въ какомъ либо изъ горныхъ округовъ, напр., въ Нерчинскомъ, гдѣ золотое производство начинало развиваться и гдѣ, по мнѣнію комитета, всего удобнѣе примѣнить на дѣлѣ тѣ изъ

¹⁾ Арх. Ирк. Гор. Упр., к. 1337, № 3/11, л. 57.

²⁾ Максимовъ I, 161. Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1337, № 3/11, л. 47.

предположеній, которыя окажутся полезными ¹⁾). Министръ финансовъ согласился съ этимъ предложеніемъ и рѣшилъ отправить Разгильдѣва на службу въ Нерчинскій округъ.

Въ началѣ февраля 1849 г. онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ и очень понравился Муравьеву, который, по его словамъ въ официальномъ доносеніи министру финансовъ, тѣмъ болѣе обрадовался пріѣзду Разгильдѣва, что „со времени личнаго обзора Нерчинскаго горнаго округа въ августѣ и сентябрѣ“ 1848 года „получилъ самъ твердое убѣжденіе въ возможности развитія тамъ золотого производства несравненно въ большемъ прѣставу нынѣшняго размѣрѣ“. Муравьевъ немедленно отправилъ Разгильдѣва въ Нерчинскій округъ съ приказаніемъ осмотрѣть россыпи, открытыя по рѣчкамъ Карѣ и Багачѣ, текущимъ въ р. Шилку, по долині Лопатихѣ, находящейся близъ Дучарскаго завода и по рѣчкѣ Тайнѣ, изливающейся въ Газимуръ. Въ концѣ марта того же года Разгильдѣвъ донесъ, что мѣстность по ту сторону Яблоннаго хребта богата золотомъ, что мѣсторожденія осмотрѣнной имъ Карійской системы мощны и обильны золотомъ, водою и лѣсомъ и сулятъ Забайкальскому краю великую будущность, что весь лѣвый берегъ р. Шилки отъ слободы Куенгской до рѣчки Горбицы, на протяженіи 210 верстъ, золотососенъ, и что въ первый же годъ своей службы, если ему будетъ дано достаточное количество людей, лошадей, машинъ и всего необходимаго для горныхъ работъ, онъ надѣется добыть отъ 100 до 125 пудовъ золота. Нужно замѣтить, что Муравьеву это обѣщаніе было особенно кстати, такъ какъ казна не могла дать въ то время достаточно средствъ для его пріятій на Амурѣ.

По желанію Муравьева, Разгильдѣвъ въ іюнѣ 1849 г. былъ назначенъ управляющимъ Нерчинскими золотыми промыслами и непосредственно подчиненъ ему, а не начальнику Нерчинскихъ заводовъ ²⁾). Разгильдѣвъ объявилъ, что ему нужно 3000 мастеровыхъ. Обѣзжая разныя горныя селенія Нерчинскаго округа, онъ произносилъ рѣчи, возбуждалъ охоту работать на Карійскихъ промыслахъ и, кромѣ того, требовалъ, чтобы ему дали болѣе 600 каторжныхъ. Къ осени 1850 г., по словамъ Ю. И. Эйхвальда, рассказывавшаго намъ это, было намыто около 60 пуд. золота. Разгильдѣвъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тогда находился Муравьевъ, приказавъ продолжать работы. Между тѣмъ теплыхъ жилищъ не было, мастеровые не имѣли и зимняго платья. Наскоро построили теплыя промывальни; такъ какъ онѣ переполнялись паромъ, то

¹⁾ Описаніе Разгильдѣвской промывальной машины см. *Максимовъ „Сибирь и кагорга“*, III, 357—359.

²⁾ Общій Архивъ Минист. Двора, по описи № 478, связ. № 2506, дѣло № 21, л. 1—8, 16—31.

работать въ нихъ было очень тяжело. Начались болѣзни, тифъ все болѣе усиливался. Лазареты были такъ тѣсны, что больные лежали не только на кроватяхъ, но на полу между кроватями и подъ кроватями. Стѣны больницъ такъ плохо защищали отъ холода, что волосы больныхъ примерзали къ подоконнику. Эйхвальдъ совѣтовалъ помощнику Разгильдѣева распустить команду, но тотъ не рѣшился. Дали знать въ Иркутскъ; пріѣхалъ врачебный инспекторъ, пробѣжалъ по лазаретамъ и опять уѣхалъ. Смертность стала до того усиливаться, что едва успѣвали хоронить. Надъ изготовленіемъ гробовъ постоянно работало 12 плотниковъ; зарывать приходилось не особенно глубоко (и отъ этого впоследствии началась сибирская язва). Трупы сваливали до похоронъ безъ разбора, но солдаты изъявили желаніе хоронить своихъ съ барабаннымъ боемъ; приходилось вытаскивать наудачу любой трупъ и хоронить по военному. На промыслахъ, по словамъ Эйхвальда, умерло отъ тифа около 1000 чел.; сколько погибло на пути, когда распустили команду, неизвѣстно ¹⁾.

По словамъ Д. И. Завалишина, „лишенные собственнаго крова, пригнанные въ суровое время года туда, гдѣ для нихъ ничего не было приготовлено, вынужденные жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, люди подвергались всѣмъ послѣдствіямъ голода и холода: развился сильный повальный тифъ, унесшій слишкомъ 1000 чел. изъ самаго лучшаго здороваго населенія“ ²⁾. По словамъ С. В. Максимова, на Карѣ погибло въ 1850 г. болѣе 1000 чел. въ одинъ годъ ³⁾.

Въ пѣснѣ о дѣяніяхъ Разгильдѣева, сочиненной ссыльнымъ Моѣвскимъ ⁴⁾ и которую до сихъ поръ поютъ ссыльно-каторжные ⁵⁾, такъ говорится о смертности рабочихъ:

„Сильно машины гудѣли,
А толпы людей рѣдѣли,
Мерли на повалъ.
За работою слѣдили,
А въ Ключевкѣ положили
Тысячи больша:
Кто съ печали, кто съ заботы,
Больше съ тягостной работы,—
Вѣчный имъ покой!
Положенья не намыли,
До трехъ тысячъ (?) схоронили—
Вотъ были года“.

¹⁾ Б. А. Милютинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Муравьевѣ также говоритъ, что быстрое увеличеніе добычи золота „достигалось цѣною тысячи жизней, погибшихъ отъ жара и истощенія“. „Ист. Вѣст.“ 1888, т. XXXIV, 317.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1881, т. XXXII, 82.

³⁾ „Сибирь и каторга“, III, 359.

⁴⁾ *Бакашевъ*. „Письма изъ Приаргунья“. Сбор. газ. „Сибирь“, т. I, Спб. 1876, стр. 247.

⁵⁾ „Русск. Жизнь“ 1893, № 338.

На Верхне-Карійскомъ промыслѣ, по словамъ пѣсни:

„Тѣ-жъ работы работали,—
Зарывать не успѣвали
Мертвыя тѣла.....
Трупы тѣла въ амбаръ таскали
И въ погѣбницы тамъ клали
На обѣдъ мышамъ.
Мыши такъ ихъ обѣдали,
Что родня не узнавали,
Кого провожать.
Да и мертвыхъ уже клали
Не въ гроба, а зарывали
Просто безъ гробовъ“.

Разгильдѣевъ съумѣлъ обратить въ свою пользу даже эту смертность, сославшись на нее, какъ на причину недомывки золота:

„И винилъ въ промывкѣ Бога,
Что отнялъ народу много,
А самъ въ сторонѣ“.

Мокѣевъ довольно вѣрно передалъ тонъ донесеній Разгильдѣева, въ одномъ изъ которыхъ (отъ 23 апрѣля 1851 г.) сказано: „возвратясь изъ Петербурга на Карійскіе золотые промыслы“, писалъ онъ Муравьеву, „я къ сожалѣнію нашелъ, что рабочая команда на здѣшнихъ промыслахъ, постигнутая во время зимы эпидемическою тифозною горячкою, потеряла много силъ, вслѣдствіе чего и зимнія промысловыя работы были значительно ослаблены“. По смѣтѣ на 1851 г. на добычу 110 пуд. золота исчислено рабочихъ съ присматривающими за ними—4560 чел., „съ задолженіемъ ихъ въ круглый годъ. Въ настоящее время считается на промыслахъ до 3478 чел.“. Слѣдовательно убыло 1082 годовыхъ работниковъ ¹⁾.

Д. Завалишинъ говоритъ, что тифъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ „сдѣлался, по показанію самого Забайкальскаго военнаго губернатора, почти постояннымъ явленіемъ“ ²⁾. Другою болѣзью, свирѣпствовавшею на Нерчинскихъ промыслахъ, была цынга. Въ іюлѣ 1850 г. Муравьевъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр. К. 1638, № 1/8, л. 3—4, 6 об. По официальнымъ вѣдомостямъ о числѣ больныхъ и умершихъ, съ сентября 1850 и по май 1851 г. включительно умерло здѣсь всего 473 чел., а по вѣдомостямъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ съ октября 1850 г. по мартъ 1851 г. включительно 650 человекъ. Первая, меньшая цифра представляетъ, какъ видно, число умершихъ мастеровыхъ („нижнихъ чиновъ“), а второе общее число умершихъ на Карѣ. Судя по показаніямъ очевидцевъ, цифра эта вѣроятно менѣе дѣйствительной. Общ. Арх. Мин. Двора, по описи № 478, св. 2507, дѣла № 28 и 32, св. 2508, дѣла № 53 и 56. Петербургскія официальныя сферы отнеслись къ этой страшной смертности довольно равнодушно: директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ министерства финансовъ потребовалъ только свѣдѣній о томъ, „какія мѣры предприняты для сокращенія болѣзни“.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1881 г. т. XXXII, 100.

писалъ одному лицу: „я понимаю, что васъ должна была тронуть картина цыгги на Карѣ, но вы были именно въ то время, когда она наиболѣе развилась; въ іюлѣ обыкновенно свирѣпство ея прекращается и начинается опять съ ранней весны; примемъ противъ нея рѣшительныя мѣры“ ¹⁾. Но, какъ видно, мѣры были недостаточно энергичны, такъ какъ 23 апрѣля 1851 г. Разгильдѣевъ писалъ Муравьеву, что „каждо-годно господствуетъ на Карійскихъ промыслахъ съ наступленіемъ весны скорбутъ, который хотя и обнаружился здѣсь въ настоящее время, но къ счастью число одержимыхъ цынготною болѣзнію нынѣ гораздо менѣе противъ прошедшаго года“ ²⁾.

Въ началѣ лѣта 1851 г. Нерчинскіе заводы посѣтилъ Муравьевъ ³⁾, и Разгильдѣевъ умѣлъ показать товаръ лицомъ: не даромъ знавшіе его люди называютъ его фокусникомъ и шарлатаномъ. На стрѣчу Муравьеву на Шилку въ селеніе Шилкинское онъ выслалъ г. Эйхвальда. Муравьевъ принялъ его на баркѣ въ сооруженномъ на ней домиѣ, подробно разспрашивалъ его и сказалъ, что на другой день утромъ будетъ въ Усть-Карѣ. Разгильдѣевъ выѣхалъ на встрѣчу генераль-губернатору въ полной парадной формѣ и, завидѣвъ судно, на которомъ Муравьевъ еще спалъ (было около 6 час. утра), вѣхалъ верхомъ въ воду, какъ бы горя нетерпѣніемъ и усердіемъ, и совершенно промокъ, пока не подали съ барки лодку. Муравьеву это очень понравилось. Къ пріѣзду его были построены и выкрашены огромныя здавія казармъ и лазаретовъ, подлѣ которыхъ въ ночь наканунѣ пріѣзда были воткнуты срубленные березки. Муравьевъ, нуждавшійся въ деньгахъ на амурское дѣло, говаривалъ впоследствии о Разгильдѣевѣ: „а все-таки онъ поддерживалъ меня“.

Въ апрѣлѣ 1853 г. Муравьевъ писалъ, что „при полномъ населеніи Карійскихъ промысловъ, состоящемъ изъ 3 тысячъ человекъ, на попеченіи одного врача находится постоянно до 300 больныхъ“ ⁴⁾. Въ 1858 г. на всѣхъ Нерчинскихъ промыслахъ при населеніи въ 6037 чел. (въ томъ числѣ 4110 чел. собственно рабочей команды) въ теченіе года состояло среднимъ числомъ больныхъ до 249 чел. ⁵⁾.

Посѣтивъ Нерчинскіе золотые промыслы зимою 1852—53 г., Озерскій нашелъ, что въ Верхне-Карійскомъ госпиталѣ одержимые накожными болѣзнями, умалишенные и женщины содержатся въ одной палатѣ съ другими больными. Для цынготныхъ считали болѣе полезною молочную

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1883 г. т. XXXVIII, стр. 637.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1638, № 1/8, л. 6 об.

³⁾ Во время этой поѣздки приписаннымъ къ горнымъ заводамъ крестьянамъ объявляли освобожденіе отъ заводскихъ работъ и обращеніе ихъ въ казаки. *И. Барсуковъ*, I, 290.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1482, т. I, № 3/11, л. 269.

⁵⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. кн. 1343, № 14/42, л. 127 об., 130.

пищу, но въ исходѣ зимы, когда развивается цынга, молоко не всегда могли заготовить. Озерскій считалъ полезнымъ попробовать замѣнить его сердцемъ, т.-е. квашенымъ молокомъ, которое въ большомъ количествѣ приготавливалось бурятами ¹⁾. Озерскій обратилъ также особенное вниманіе мѣстнаго начальства на то, что тамошній край, производящій дикорастущій лукъ и мангиръ или черемшу, а также голубицу и бруснику, доставляетъ весьма сильныя естественныя средства для борьбы съ цынгою, обыкновенно развивающеюся въ февралѣ и мартѣ, и потому нужно стараться заготовить ихъ какъ можно болѣе для употребленія въ тюрьмахъ и госпиталяхъ. Озерскій поставилъ мѣстному начальству на видъ, что неудобство, вызванное неурожаемъ въ то время капусты, легко было до нѣкоторой степени устранить этими дешевыми средствами, „для сбора которыхъ можно было бы послать женщинъ и подростковъ“. Муравьевъ предписалъ исполнить всѣ эти указанія Озерскаго, а на Верхне-Карійскомъ промыслѣ отдѣлить больныхъ накожными болѣзнями отъ умалишенныхъ, женщинъ же содержать совершенно отдѣльно отъ мужчинъ въ особой палатѣ ²⁾.

Озерскій нашелъ также, что одного врача на Карійскихъ промыслахъ недостаточно и что нужно содержать тамъ по крайней мѣрѣ двухъ медиковъ, изъ которыхъ одному завѣдывать Нижне-Карійскими и Усть-Карійскими госпиталями и отдѣленіями, а другому подчинить госпитали на Верхне-Карійскомъ промыслѣ и надзоръ за отдѣленіями въ Лунжанкинскомъ и Багачинскомъ промыслахъ. Муравьевъ вслѣдствіе этого приказалъ отправить на Нерчинскіе заводы трехъ медиковъ ³⁾.

Въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находились нѣкоторые карійскіе госпитали, видно изъ слѣдующаго предписанія отъ 7 сентября 1853 г.: оказалось что на Усть-Карѣ „больные тамошняго госпиталя помѣщены были подъ непокрытымъ кровлею зданіемъ, отъ чего отъ бывшаго въ тотъ день дожда не только полы, но и самыя постели были пропитаны водою до того, что люди при всемъ слабомъ ихъ положеніи не въ состояніи были болѣе тамъ оставаться и въ сырое позднее время принуждены были находиться на крыльцѣ госпиталя“. За это исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, Разгильдѣеву, было сдѣлано строгое замѣчаніе и предписано принять безотлагательно мѣры къ устраненію подобнаго безпорядка, подвергнувъ виновныхъ законному взысканію.

¹⁾ „Вещество это,—говоритъ Озерскій,—похоже на творогъ, удобопереваримо и, разведенное въ водѣ и принимаемое внутрь, какъ увѣряютъ, производитъ спасительное дѣйствіе“. Пріобрѣтеніе сердца и доставка на Кару „не обременять госпитальнаго хозяйства“.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1337, № 3/11, л. 54, 55, 57, 58, 59.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1482, т. I, 269—270, 272.

Относительно школьнаго дѣла на золотыхъ промыслахъ мы знаемъ только, что въ 1853 г. Муравьевъ приказалъ перенести карійскую школу на Екатерино-Николаевскій промыселъ и снабдить ее учебными пособиями ¹⁾).

При посѣщеніи Нерчинскихъ промысловъ въ 1852 г. Озерскій обратилъ вниманіе на накопленіе долговъ за мастеровыми и ссыльно-каторжными. Онъ нашелъ, что допущеніе новыхъ выдачъ въ долгъ за выдаваемые вещи и припасы и въ то же время вычеты для покрытія прежнихъ долговъ „составляютъ источникъ многочисленной переписки, злонамѣренныхъ и неумышленныхъ ошибокъ“. Но онъ полагалъ, что было бы правильнѣе расходовать на содержаніе команды все на нее отпускаемое, воспретивъ допущеніе новыхъ долговъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости, напр., снабженіе одеждою привозимыхъ или возвращающихся бѣглецовъ, которые являлись назадъ на промыслы нерѣдко нагими. Долги ссыльно-каторжныхъ распредѣлялись весьма неравномѣрно: при одинаковой продолжительности пребыванія въ тюрьмѣ, одни совѣмъ не имѣли ихъ, другіе были ими обременены, что Озерскій ставилъ въ зависимость отъ болѣе или менѣе бережливаго ношенія одежды. Порядокъ полученія одежды былъ такой: заключенные заявляли о своихъ желаніяхъ тюремному смотрителю, который забиралъ вещи у комиссара для раздачи ихъ на руки. Со вступленія въ должность Разгильдѣева были заведены печатные ярлыки, выдававшіеся на руки каждому арестанту, и въ нихъ отмѣчались взятые вещи и стоимость ихъ ²⁾). Для покрытія нѣкоторыхъ долговъ Озерскій предложилъ высылать артелями задолжавшихъ ссыльно-каторжныхъ и заводскихъ служителей два раза въ мѣсяцъ по воскресеньямъ и праздникамъ на старательскія земляныя работы съ платою, назначенною за вольныя работы, и удерживать это вознагражденіе въ счетъ долга. Онъ полагалъ, что занятія работами въ два праздничныхъ дня въ мѣсяцъ не будутъ для нихъ изнурительно. При разборѣ частныхъ жалобъ Озерскій нашелъ, что наростаніе долговъ не подчинено строгому контролю и допускается до произвольныхъ размѣровъ, при чемъ бываютъ и злоупотребленія: такъ на нѣкоторыхъ арестантовъ записываютъ въ счетъ долга вмѣсто одной нѣсколько шинелей или до 70 арш. холста на рубашки, выдаютъ дабу (родъ холста) цѣлыми кусками, отпускаютъ несоразмѣрное число рукавицъ, чирковъ и проч. Для

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1337, № 3/11, л. 58.

²⁾ Введеніе ярлыковъ, по свидѣтельству Озерскаго, уничтожило много „безпорядковъ и злоупотребленій“, но онъ нашелъ, что было бы полезно приказать комиссарамъ выдавать тюремнымъ надзирателямъ вещи для раздачи колодникамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія промысловыхъ смотрителей, а тѣ должны были удостовѣряться, дѣйствительно ли нужны эти вещи и строго наблюдать, чтобы онѣ не имѣли какого либо иного употребленія.

уничтоженія злоупотребленій Озерскій нашелъ нужнымъ въ первый рабочий день послѣ начала каждаго мѣсяца, по окончаніи денежнаго расчета, объявлять вольной командѣ черезъ надзирателей, а заключеннымъ въ тюрьмахъ черезъ старостъ о состоящемъ на каждомъ долгѣ, и смотрителя должны были разбирать предъявляемыя при этомъ жалобы. Изъяснивъ неудовольствіе на допущеніе долговъ за ссыльно-каторжными, Муравьевъ одобрилъ предложенія Озерскаго (между прочимъ и принудительную посылку рабочихъ на старательскія работы) и приказалъ Разгильдѣеву исполнить ихъ ¹⁾.

Тяжесть работъ на золотыхъ промыслахъ вызывала побѣги съ нихъ, особенно ссыльно-каторжныхъ. Такъ въ теченіе 1858 г. со всѣхъ золотыхъ промысловъ Нерчинскаго округа бѣжало заводскихъ служителей 77 (4,6%, всего ихъ числа), ссыльно-каторжныхъ 488 (до 24%) и „ссыльныхъ женокъ“ 14 (10%) ²⁾. Изъ всѣхъ бѣжавшихъ поймано было 28%. Въ пѣснѣ Мокѣева сказано, что какъ только Разгильдѣевъ сталъ переводить мастеровыхъ на Кару:

„Съ Кутомары, Акатуя
Лишь бѣду эту почувъ,
Много разбѣглось“.

А на Карѣ жестокости одного надзирателя, часто наказывавшаго рабочихъ плетью, приводили къ тому, что

„Отъ такой его ухватки
Бѣжалъ въ сопку безъ оглядки
Рабочій народъ“.

Побѣги бывали очень часто, несмотря на то, что за три дня вторичной и послѣдующихъ отлучекъ казенные мастеровые предавались военному суду и подвергались наказанію, которое вносилось въ формуляръ. Разъ наказанный шпицрутенемъ, замаравшій такимъ образомъ свой послужной списокъ, навсегда лишился права на увольненіе отъ работъ, когда же былъ назначенъ срокъ службы, и по выслугѣ лѣтъ не получалъ пенсіона. Озерскій нашелъ, что „побѣговъ, достойныхъ военнаго суда по продолжительности времени, по дальней отлучкѣ, по имѣнію фальшивыхъ видовъ и по другимъ преступленіямъ, весьма немного; они часты между ссыльно-каторжными, между служителями они рѣдки, цѣль побѣга послѣднихъ—отдыхъ и бродяжество“. Озерскій предложилъ смягчить наказаніе и въ видѣ опыта дозволить за недѣльную отлучку

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1387, № 3'11, л. 47 об., 48—50, 52—53, 56, 58—59.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1343, № 64'42, л. 128.

мастеровыхъ не отдавать ихъ подъ судъ, а приказывать имъ заработать прогульные дни въ праздники съ содержаніемъ до отработки подъ арестомъ; если же срокъ отлучки не выше трехъ недѣль, „сажать виновнаго безъ суда подъ арестъ, заставить вознаграждать время прогула праздничной отработкой и производить въ примѣръ другимъ „полицейское взысканіе“ (т.-е. тѣлесное наказаніе) по уставу. Въ числѣ другихъ предложеній Озерскаго Муравьевъ въ доносѣніи министру финансовъ призналъ и это полезнымъ, но повидимому не нашелъ возможнымъ прямо просить о его принятіи: очевидно онъ полагалъ, что такая мѣра должна быть принята не административнымъ, а законодательнымъ путемъ, а быть можетъ онъ руководился при этомъ и тѣмъ соображеніемъ, что не задолго до того представилъ проектъ положенія для управленія Нерчинскими заводами, гдѣ такіе случаи могли быть предусмотрены ¹⁾).

Не ограничиваясь пассивнымъ протестомъ въ формѣ бѣгства, рабочіе на золотыхъ промыслахъ не отступали иногда и предъ убійствомъ лицъ особенно имъ ненавистныхъ. Такъ въ пѣснѣ Мокѣева послѣ описанія тяжелыхъ работъ, разныхъ злоупотребленій и жестокостей сказано:

„Штейгеръ отставки добился,
Но отъ мщенія не укрывся
Общаго судьи.
Ему молотомъ въ расквасъ
По затылку до трехъ ²⁾ разъ
Ссылный отхватилъ.
А Терентью той порой
Продолбили лобъ кайлой,
Выбрали зубки“ ³⁾).

Да и не мудрено: присковские порядки могли довести до раздраженія самыхъ терпѣливыхъ людей. Горные чины составили себѣ такую репутацію, что, по словамъ Б. А. Милютина, Муравьевъ „съ особеннымъ недоверіемъ относился къ горному вѣдомству вообще, а къ кабинетскому въ особенности... Горный офицеръ или чиновникъ, въ какомъ бы чинѣ онъ ни былъ, не имѣлъ права подойти къ вашгерду и взглянуть на пробное золото, чтобы его не сопровождалъ казачій урядникъ, на лицѣ коего ясно выражалось: „хоть ты и офицеръ, а все-таки причастенъ извѣстной заповѣди“ ⁴⁾). По примѣру высшихъ чиновъ не вляли охулки

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ., кн. 1842, т. I, № 3:11, л. 268, 272.

²⁾ Варіантъ: „восемь разъ“.

³⁾ „Владивостокъ“, 1893 г., № 43.

⁴⁾ „Генераль-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ въ Сибири (изъ воспоминаній Б. А. Милютина)“. „Истор. Вѣстн.“, 1888 г., т. XXXIV, 353.

на руку и низшіе. По словамъ пѣсни Мокѣева, „съ кого рубль—полтину взяли“, тѣмъ „задавали работу въ половину“.

„Но хоть паръ сейчасъ изъ тѣла,
Имъ какъ будто нѣтъ и дѣла,
Если кто не дастъ“.

„Кавальи-комиссары“ пользовались также смертностью рабочихъ и записывали выдачу дабы на мертвыхъ, какъ на живыхъ. Рабочіе, какъ видно изъ пѣсни Мокѣева, думали, что только съ помощью „маза“ (взятки?) удалось оправдаться и Разгильдѣеву, такъ что „генераль“ (Муравьевъ) „вмѣсто презрѣнья, объ немъ сдѣлалъ донесенье

„Батюшкѣ царю.
Подполковника чинъ дали
И начальникомъ избрали,
Снова зажилъ онъ...
На базарѣ, средь завода
Онъ собралъ толпу народа,
Пзбранныхъ своихъ.
„Я цѣнилъ заслуги ваши,
Далъ вамъ пить изъ полной чаши“, —
Онъ имъ говорить.
Вы упившись забыли
Кто вамъ жизнь далъ, кѣмъ вы жили,
Стройтесь же въ ряды“.
Тутъ огнища раскладали
И цирюльники срывали
Съ бѣдныхъ галуны¹⁾“.

Можетъ быть эта расправа съ повинными въ разныхъ злоупотребленіяхъ была произведена по приказанію Муравьева, какъ результатъ его собственныхъ наблюденій или дѣйствій слѣдственной комиссіи, учрежденной на Нерчинскомъ заводѣ. Это, впрочемъ, вполне соответствовало суровой дисциплинѣ, не спасавшей, однако, рабочихъ отъ злоупотребленій начальства. На Нерчинскихъ заводахъ и промыслахъ „не въ рѣдкость“ было „штрафованіе розгами надзирателей рудниковъ, нарядчиковъ изъ унтеръ-шхтмейстеровъ и столоначальниковъ горныхъ конторъ; а служащіе и урядники (нынѣ канцелярскіе служители) посылались трудиться въ разрѣзахъ наравнѣ съ рабочими. Мало того, при публичномъ сборѣ чиновниковъ и служащихъ въ Нерчинскомъ заводѣ объявлялась однимъ благодарность, а другимъ наказаніе съ такою обстановкою, что опальныхъ лицъ цирюльники тутъ же садили на барабанъ и обрывали у нихъ галуны, которые бросались въ нарочно разло-

¹⁾ „Владивостокъ“, 1893 г., № 44.

женный костеръ" ¹⁾). Это свидѣтельство показываетъ, что картина, нарисованная въ пѣснѣ Мокѣева, могла быть вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности.

Если такъ мало церемонились съ разными чиновниками и надзирателями, то и мастеровые подвергались тѣмъ же суровымъ наказаніямъ, какъ на Алтаѣ, а ссыльно-каторжные, клейменные по тогдашнему закону буквами: *С*—(на одной щекѣ), *О*—(на лбу), *К*—(на другой щекѣ), что означало—„ссыльно-каторжный“, разумѣется выносили еще болѣе ужасныя кары, и эта, особенно суровая, атмосфера каторжныхъ тюремъ должна была вредно отражаться и на, такъ называемыхъ, рабочихъ „честнаго имени“.

Разгильдѣевъ былъ очень жестокъ: случалось, что въ видѣ простой административной расправы, онъ приказывалъ давать по 300 розогъ въ двѣ руки. Грозно карая виновныхъ, онъ для пушаго эффекта хотѣлъ въ тоже время казаться иной разъ и милостивымъ. Вотъ что разсказывалъ намъ Ю. И. Эйхвальдъ. Однажды былъ заданъ непосильный урокъ, такъ что каторжные возмутились. Смотритель работъ наказалъ плетью троицъ собственною властью, но этимъ дѣло не кончилось. На другой день были выведены всѣ каторжные, окружены войсками, призванъ на лацъ и трое наказанныхъ были еще разъ жестоко высѣчены плетью, закованы кругомъ, т. е. не только по рукамъ и ногамъ, но еще руки и ноги были соединены желѣзными перекладинами, такъ что они не могли повернуться, и отправлены въ другое мѣсто. Но тутъ же по списку, предварительно составленному надзирателемъ, Разгильдѣевъ выкликнулъ каторжныхъ примѣрнаго поведенія и выдалъ имъ награду въ 25 руб.

Не даромъ пѣсня подъ заглавіемъ „Дѣйствія на Карѣ въ бытность Разгильдѣева въ 1850 г.“, сочиненная Мокѣевымъ, начинается такъ:

„Какъ въ недавнихъ то годахъ,
На Карійскихъ промыслахъ
Царствовалъ Иванъ!
Не Иванъ Васильичъ Грозный.
Инженеръ-отъ былъ онъ горный
Разгильдѣевъ самъ!
Въ наказанье сего края
Его сбросило съ Алтая ²⁾
Видно за грѣха“ и т. д.

Примѣру начальника слѣдовали и подчиненные: такъ на Нижне-Карійскомъ промыслѣ былъ надзиратель Морозовъ, который имѣлъ „та-

¹⁾ Багашевъ. „Письма изъ Приаргунья“. „Сборникъ газетъ Сибирь“, т. I. Сиб. 1876 г., стр. 248.

²⁾ Т. е. съ Урала?

кую ухватку: каждую зорю изъ десятка подбивать плетью“, за тѣ, „что поздно встали“, или „мало сработали“, или „не такъ стоятъ“. На Верхне-Карійскомъ промыслѣ въ коллекціи смотрителей и уставщиковъ, избранныхъ Мокѣевымъ, былъ нѣкій Шабанка, для котораго въ пѣснѣ естественною рѣимою служить „*вязанка бато говъ*“. На Нижне-Карійскомъ промыслѣ

Барковъ штейгеромъ считался

И не хуже отличался

Пашки палача.

Да и промысла смотритель

Превосходный былъ мучитель,

Варваръ, право, былъ.

Онъ съ бичемъ всегда ходилъ,

Безъ пощады имъ лупилъ,

До кого дойдетъ“.

Этотъ „мертвый домъ“ для казенныхъ мастеровыхъ продержался до 1861 г., а для ссыльно-каторжныхъ и долѣе.

Въ 1855 г. была открыта золотая розсыпь въ глухомъ необитаемомъ юго-западномъ углу Нерчинскаго округа, близъ восточной подошвы Яблоноваго хребта, на рѣкѣ Бальджѣ. Отдаленность этой розсыпи (на 700 верстѣ) отъ другихъ горныхъ промысловъ, опасенія подвергнуть рабочую команду, въ случаѣ ея переселенія, всѣмъ опасностямъ отъ болѣзней, столь легко развивающихся на новомъ промыслѣ, ожиданіе побѣговъ рабочихъ въ мѣстахъ удобныхъ для укрывательства и желаніе сохранить для другихъ Нерчинскихъ золотыхъ промысловъ и безъ того ограниченныя рабочія силы побудили мѣстное начальство ходатайствовать о дозволеніи разрабатывать Бальджинскую розсыпь только небольшимъ числомъ казенныхъ людей, крайне необходимомъ для надзора за работами и для занятій, требующихъ нѣкотораго искусства и навыка, для обыкновенныхъ же работъ нанять вольныхъ людей. Предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, генералъ-лейтенантъ Венцель, препроводилъ объясненіе по этому поводу исправляющаго должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ на усмотрѣніе Кабинета. Принимая въ соображеніе затрудненія въ разработкѣ отдаленнаго промысла обыкновеннымъ способомъ и отзывъ генералъ-губернатора, что онъ не находитъ для этого другихъ средствъ, кромѣ вольныхъ работъ, Кабинетъ 15 марта 1858 г. испросилъ высочайшее разрѣшеніе генералъ-адъютанту Муравьеву исполнить это предположеніе въ текущемъ году въ видѣ опыта ¹⁾.

Въ числѣ рабочихъ Бальджинскаго промысла въ 1858 г. было нанято 91 чел. (явилось на работу 85, изъ нихъ бѣжавшихъ не было), казенныхъ служителей 38, „ссыльно-каторжныхъ вольныхъ“ (т. е. пере-

¹⁾ Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Ком. 1858 г., № 102.

веденныхъ въ вольную команду) было 57 (изъ нихъ бѣжало 2). Вольнонаемнымъ рабочимъ платили жалованье по 4 р. 28¹/₂ к. въ мѣсяцъ, кромѣ четырехъ рабочихъ, получавшихъ по 6 руб., и то не во все время года; казенные же рабочіе получали жалованье во весь годъ по 3 р. 57 к. Кромѣ того на плату за вольностарательскія работы, по вскрытію торфовъ, за промывку золота и за найденные самородки всего было истрчено 1655 руб. ¹⁾. На каждого рабочаго было добыто золота около 1¹/₂ ф., тогда какъ на другихъ промыслахъ причиталось на каждого по 48 золотниковъ. Правда тутъ было болѣе богатое содержаніе золота, но за то значительная часть рабочихъ занималась обстройкою промысла и подготовительными работами. Не смотря на отдаленность промысла, дороговизну закупокъ и перевозки, а также произведенныя постройки, каждый рабочій въ первый годъ разработки обошелся въ 147 руб., включая сюда и расходы на мѣстное управленіе ²⁾.

Въ 1859 г. вольнонаемныхъ рабочихъ на Бальджинскомъ промыслѣ было нѣсколько болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, а именно 117 чел. Наняты они были по общему контракту, вообще сходному съ тѣми, по которымъ въ это время и частные золотопромышленники нанимали рабочихъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе выгодному для рабочихъ. Срокъ работъ былъ назначенъ по этому контракту съ 1 мая по 1 октября; рабочіе „твердо обязывались проработать полныхъ лѣтнихъ пять мѣсяцевъ“, между тѣмъ какъ управленіе всегда могло уволить по своему усмотрѣнію, кого пожелаетъ. Работать они должны были ежедневно, кромѣ табельныхъ дней (ниже увидимъ, что приходилось трудиться и въ табельные дни) съ четырехъ часовъ утра (хотя по закону 1838 г., начало работъ назначено было въ 5 час.) до 8 час. вечера съ отдыхомъ пополудни не болѣе 1¹/₂ часа, слѣдовательно, рабочій день равнялся 14¹/₂ часамъ. Мѣсячное жалованье, какъ и въ предыдущемъ году, равнялось 4 руб. 28¹/₂ к., конечно на готовой пищѣ, для приготовленія которой отпускалось въ мѣсяцъ 30 ф. мяса, 7¹/₂ ф. крупы, 3¹/₂ ф. соли, ¹/₄ ф. кирпичнаго чая, 1 ф. сала и печенаго хлѣба безъ вѣсу (впрочемъ хлѣбъ выдавался только въ общей столовой, при сборѣ всѣхъ рабочихъ ³⁾). Рабочіе обязывались исполнять старательскія работы во всѣ воскресные и табельные дни, за исключеніемъ „высокоторжественныхъ“ и особо чтимыхъ церковныхъ праздниковъ, которыхъ во все лѣто насчи-

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., вв. 1843, № 64/142, л. 11—14.

²⁾ Арх. Ком. Мин., дѣло Сиб. Ком. 1858 г., № 255.

³⁾ Рабочіе обязывались исполнять слѣдующіе уроки. На торфахъ 5 человекъ и 2 лошади должны были „отдать“ въ день или въ одну смѣну 3 куб. саж., причемъ третья кубическая сажень считалась старательскою работою. Если выше двухъ сажень эти рабочіе выработаютъ полную сажень, то промышленное управленіе обязывалось платить за нее 3 р., а если менѣе или поль-сажени сверхъ „хозяйскихъ сажень“, выработываемыхъ за мѣсячное жалованье, то только по расчету изъ 2 р. 50 к. На пе-

тывалось не болѣе 6. За старательскую работу полагалась особая плата съ сажени ¹⁾. Рабочіе обязывались, въ случаѣ надобности, трудиться и ночью, а также и доставлять пески на тачкахъ, т. е. ручною откаткою. Жили рабочіе на промыслѣ въ землянкахъ, которыя должны были приготовить сами, не требуя за то никакой платы (въ контрактахъ частныхъ золотопромышленниковъ для этого обыкновенно назначалось время по приходѣ рабочихъ на приискъ). На пути на приискъ и обратно рабочимъ не полагалось никакого продовольствія (частные золотопромышленники на проходѣ ненаселенныхъ мѣстъ выдавали по крайней мѣрѣ сухари). Заболѣвшіе рабочіе за лѣчение и пищу въ больницѣ должны были платить по 10 к. въ сутки (плату за лѣчение мы встрѣчаемъ у очень немногихъ золотопромышленниковъ, и въ началѣ 60 годовъ на частныхъ промыслахъ Восточной Сибири взиманіе такой платы было запрещено). За самовольныя отлучки съ промысла, за оставленіе работы до окончанія казенныхъ и старательскихъ уроковъ, за уклоненіе отъ работъ подѣ предлогомъ болѣзни, а также за побѣги рабочіе предоставляли какъ распорядителю работъ, штабсъ-капитану Лебедину, такъ и другимъ чиповникамъ, служащимъ на промыслѣ и имѣющимъ за ними надзоръ, полное право налагать наказаніе „соотвѣтственно званію каждаго“ рабочаго; за другіе проступки рабочіе могли быть подвергнуты штрафу ²⁾.

Уже этотъ контрактъ производитъ тяжелое впечатлѣніе, а что и дѣйствительность была не хороша, видно изъ слѣдующаго мѣста письма изъ Читы (18 января 1861 г.) декабриста Завалишина къ предсѣдателю комиссіи о преобразованіи системы податей и сборовъ статсъ-секретарю Гагемейстеру, автору извѣстнаго „Статистическаго Обзорѣнія Сибири“.

скахъ 3 человѣка на одной лошади обязывались выработать и „подать на машину“ при всякомъ разстояніи забоя отъ машины 1 куб. саж. За всякую недоработку, т. е. если 5 человѣкъ сработаютъ менѣе 2 саж. торфовъ и 3 человѣка менѣе одной сажени песковъ, съ рабочихъ можно было дѣлать вычеты по расчету на торфахъ изъ 3 р. съ сажени, а на пескахъ изъ 7 р. съ сажени, причѣмъ кубическая сажень назначена была нѣсколько большаго размѣра, чѣмъ обыкновенно, а именно 1300 п., не принимая въ расчетъ валуновъ. (На Карійскихъ промыслахъ вѣсь 1 куб. сажени по опытамъ, произведеннымъ Озерскимъ въ 1852 г., равнялся съ *валунами* въ среднемъ 1200 п. „Горн. Журн.“ 1868 г., № 11, стр. 199). Урокъ на пескахъ былъ не великъ, но такъ какъ исполненіе его оплачивалось лишь ничтожнымъ мѣсячнымъ жалованьемъ, то рабочіе принуждены были выработывать болѣе въ расчетѣ на повышенное старательское вознагражденіе.

¹⁾ За каждую старательскую сажень торфовъ назначено было 3 р., за добычу и промывку 1 куб. саж. песковъ—7 р., а за самородки, найденные при старательской промывкѣ песковъ, по 60 к. съ золотника. Каждый находимый при добычѣ песковъ самородокъ долженъ былъ дѣлиться между 6 рабочими.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Упр., кн. 1492, № 32/72, л. 40—43 об. Въ мартѣ 1860 г. было приказано не выдавать *мѣсячной* платы (т. е. по расчету изъ 4 р. 28¹/₂ к.) въ праздничные дни находящимся на отдыхѣ и не выходящимъ на работу, а также находящимся въ госпиталѣ (на частныхъ промыслахъ мѣсяцъ считался въ 30 рабочихъ дней) Ibid. л. 172—173.

„Для того, чтобы *доказать*, что управление Корсакова будто бы лучше, чѣмъ управление горнаго начальства, что оно будто бы доставляетъ болѣе дохода кабинету, вольный трудъ сдѣлали только выѣскою, а на дѣлѣ во всемъ ввели самые гнусные обманъ и насилие, и всѣ тѣ злоупотребленія, о которыхъ сами кричатъ, что будто бы они возстаютъ противъ нихъ и хотятъ ихъ искоренить. Въ наймѣ рабочихъ (чтобы привлечь ихъ меньшими расходами) допустили тѣ же воспрещаемыя закономъ злоупотребленія, что и вездѣ, отчего у нихъ при свободномъ трудѣ не явилось больше вольныхъ рабочихъ, чѣмъ сколько бѣгаютъ ссыльно-каторжныхъ (?); для закупки продовольствія тѣ же раскладки и реквизиціи, какъ и во всемъ; для проложенія дороги къ принску, состоящему на частной отчетности, три года насильственно споняютъ за самовольно назначенную плату (да и ту еще Богъ знаетъ, когда выдадутъ!) тунгусовъ и бурятъ; вслѣдствіе чего на принскѣ образцовомъ, гдѣ будто бы введенъ свободный трудъ, *воинные* (soi-disant) рабочіе разбѣгаются ¹⁾. Дозволяютъ, чтобы дешевле обошлось сѣно (не успѣвъ вынуть положеннаго количества золота, желаютъ) по крайней мѣрѣ выказать расходъ меньше, чтобы тѣмъ возвысить чистую прибыль), позволяютъ, говорю, горному управляющему принскомъ захватить казачьи покосы. Наконецъ опять таки, чтобы выказать расходъ меньше, прибѣгаютъ къ натяжкамъ, къ фальшивымъ выкладкамъ, относя на другія мѣста тѣ расходы, которые должны быть отнесены на Бальджу; со всѣмъ тѣмъ, пропавшій 1860 годъ, вмѣсто положенныхъ 35 п., добыли кажется только 15! — А между тѣмъ, всѣ эти свои безправственныя и возмутительныя дѣйствія осмѣлились прикрывать тѣмъ, что это будто бы дѣлается для *личной* выгоды государя, такъ какъ-де принскъ составляетъ его личную собственность, будучи принадлежностью Кабинета его“..... и потому народъ „гонять насильно на работу.... Вотъ они! вѣрныя-то слуги царя, Муравьевы, Корсаковы, и т. п.! вотъ вамъ и вольный трудъ, который, однако, вездѣ даетъ иной результатъ! вотъ введеніе новаго начала! Вотъ и послѣдствія измѣненія въ постановленіяхъ! А кто же виновать? Развѣ вы вправѣ были ожидать чего либо отъ одного измѣненія слова, названія? не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы слова были дѣломъ, даже подавляя стремленія и старанія частныхъ лицъ уничтожить противорѣчіе между ними хотя общественнымъ, если не правительственнымъ дѣйствіемъ, заставя обвиненіемъ исполнять законъ прежде всего тѣхъ, кто служить его представителемъ. А развѣ какое либо государство было въ состояніи вынести подобное противорѣчіе между возникшимъ уже общественнымъ сознаніемъ и дѣлами; а вы, объявивъ общее сознаніе своимъ собственнымъ, и въ то же время продолжая допускать безнаказанно прежнія дѣла и даже подавляя ихъ обвиненіе, развѣ не усилили еще чрезъ мѣру это противорѣчіе между словами и дѣломъ?“ ²⁾

Кое что въ этомъ письмѣ не совсѣмъ точно, но, откинувъ преувѣличенія автора, все такъ очевидно, что не все было ладно въ этомъ первомъ опытѣ примѣненія вольнаго труда на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ.

¹⁾ Въ 1858 г., какъ мы видѣли, изъ вольныхъ рабочихъ не было ни одного бѣжавшаго.

²⁾ Арх. Горн. Деп. № 68/650, ч. II, л. 147 — 152. Срав. письма къ Завалишину въ „Русск. Стар.“ 1881 г. № 10.

ГЛАВА IX.

Измельчание частной золотопромышленности и появленіе старателей-золотничниковъ.

Число и составъ рабочихъ.—Наемъ рабочихъ и размѣръ задатковъ.—Путешествіе на пріиски.—Контракты.—Право передавать рабочихъ на промыслы другихъ компаній.—Попытка выработать нормальный контрактъ.—Американскій способъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Урочная система.—Вознагражденіе за трудъ.—Мѣсячное жалованье.—Урочная и поденная плата.—Старательскія работы.—Жилища рабочихъ.—Семьи рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Хозяйскія лавки.—Таксы и совѣщанія о нихъ енисейскихъ золотопромышленниковъ.—Тайная продажа вина.—Болѣзни, лѣченіе и смертность рабочихъ.—Тѣлесныя наказанія.—Денежныя штрафы.—Похищеніе золота.—Пріисковая администрація.—Побѣги и волненія.—Заработки.—Заборъ до расчета, додача и долги.—Отработка долга.—Разсчетъ.—Старатели-золотничники.

Частная сибирская золотопромышленность въ шестидесятыхъ годахъ, если судить по количеству добытаго золота, мало развилась сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, несмотря на открытіе новыхъ мѣстностей для золотого промысла ¹⁾. Изъ этихъ мѣстностей золотопромышленность стала развиваться въ Алтайскомъ округѣ (въ 1869 году здѣсь уже было добыто 57 п.), въ Нерчинскомъ округѣ (въ 1869 г.—138 п.) и въ Амурской области (въ томъ же году—почти 102 п.). Что же касается прежнихъ золотопромышленныхъ системъ, то въ Марин-

¹⁾ Въ 1862 г. частная золотопромышленность была дозволена въ той части Алтайскаго горнаго округа, которая лежитъ по правую сторону р. Томи, въ 1863 г.—въ юго-западной половинѣ Нерчинскаго горнаго округа, въ 1865 г.—въ обѣихъ областяхъ Амурскаго края, за исключеніемъ участка, приграниченнаго къ Нерчинскому округу; въ 1866 году расширены предѣлы частной золотопромышленности въ Алтайскомъ округѣ. Въ 1861 г. частная горнозаводская промышленность вообще была дозволена въ прибрежныхъ мѣстахъ Восточнаго океана близъ Амурскаго лимана. П. С. З. т. XXXVI, № 37231, XXXVII, № 38055, XXXVIII, № 40188, XL, № 42328, XLI, № 42976.

скомъ округѣ, Томской губерніи, въ Семипалатинской области и въ Ачинскомъ округѣ, Енисейской губерніи, добыча золота на частныхъ промыслахъ въ теченіе шестидесятихъ годовъ стояла почти на одномъ уровнѣ, а въ остальныхъ округахъ Енисейской губерніи начала падать въ большей или меньшей степени. Въ Верхнеудинскомъ округѣ, Забайкальской области, въ концѣ первой половины шестидесятихъ годовъ золото стали промывать въ меньшемъ количествѣ, а въ Баргузинскомъ округѣ добыча его претерпѣвала значительныя колебанія, но къ концу шестидесятихъ годовъ также стала быстро уменьшаться. Изъ прежнихъ системъ быстрое возрастаніе золотопромышленности мы находимъ только въ Олекминскомъ округѣ Якутской области (съ 149 п. въ 1860 году до 565 п. въ 1869 году).

Несмотря на нѣкоторое увеличеніе количества добытаго золота на частныхъ сибирскихъ золотыхъ промыслахъ ¹⁾, число рабочихъ нѣсколько уменьшилось: по даннымъ горнаго вѣдомства, среднее количество рабочихъ въ 50-хъ годахъ (въ 1850 — 57 и 59 гг.) равнялось въ годъ 31,200 чел. ²⁾, а въ 60-хъ годахъ болѣе 30,000 чел. (это уменьшеніе можетъ объясняться дальнѣйшимъ улучшеніемъ техники промывки золота). Но, во всякомъ случаѣ, и увеличеніе количества добытаго золота, и уменьшеніе числа рабочихъ на сибирскихъ промыслахъ весьма ничтожно, и не въ этомъ характерное отличіе двухъ десятилѣтій въ исторіи золотопромышленности, т.-е. 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оригинальнымъ явленіемъ 60-хъ годовъ сравнительно съ предшествующею эпохой является *измельчаніе промысла* на большинствѣ золотоносныхъ системъ: между тѣмъ какъ въ 50-хъ годахъ (по даннымъ 1850—57 и 59 гг.) на одинъ промыселъ приходилось въ среднемъ 131 человекъ рабочихъ, въ 60-хъ годахъ эта средняя цифра равнялась всего 67 чел., т.-е. была ровно вдвое менѣе. Правда, въ нѣкоторыхъ богатыхъ системахъ, какъ, напримеръ, въ Олекминскомъ округѣ, Якутской области, на одинъ пріискъ приходилось въ 60-хъ годахъ среднимъ числомъ по 140 рабочихъ, въ Нерчинскомъ округѣ, Забайкальской области, во второй половинѣ 60-хъ годовъ по 217 чел. (не говоря уже объ Амурской области, гдѣ въ 1868 году былъ всего одинъ пріискъ съ 755 чел., а въ 1869 году—два пріиска съ 789 рабочими на обоихъ вмѣстѣ), но зато на промыслахъ Западной Сибири (Маріинскаго и Алтайскаго округовъ и Семипалатинской области) въ среднемъ въ это же десятилѣтіе на одинъ пріискъ приходилось по 36 рабочихъ и въ южной части Енисейскаго округа по 65 чел. (въ

¹⁾ Въ 50-хъ годахъ было добыто 10,758 пуд., въ шестидесятихъ — 11,054 пуда.

²⁾ *Раселли*. „Свѣдѣнія о частномъ золотомъ промыслѣ въ Россіи“. Изд. 2. Спб., 1863 г. (*Труды коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ*, т. VIII, ч. I). Данную о 1853 годѣ опускаемъ, такъ какъ тутъ явная опечатка.

сѣверной части Енисейскаго округа нѣсколько болѣе — 82 чел.). Въ 50-хъ годахъ золотые промыслы изъ мануфактуръ превратились въ промышленныя учрежденія съ преобладающимъ *при промывкѣ золота* машиннымъ производствомъ. Казалось бы, золотопромышленность должна была идти далѣе по пути капитализаціи, но препятствіе явилось въ ограниченномъ количествѣ добываемаго металла: на очень многихъ системахъ, и особенно въ славившемся прежде своимъ богатствомъ Енисейскомъ округѣ, „содержаніе“ золота въ золотоносномъ пескѣ стало быстро оскудѣвать и потому, вмѣсто дальнѣйшей капитализаціи, на промыслахъ Маринскаго и Енисейскаго округовъ (а быть можетъ и нѣкоторыхъ другихъ) пришлось въ значительной степени перейти къ иной системѣ, а именно — вмѣсто хозяйскихъ работъ съ такъ называемыми общеконтрактными и отрядными рабочими, состоящими на хозяйскомъ содержаніи, являются на многихъ промыслахъ артели старателей-золотничниковъ на своемъ содержаніи и получающія вознагражденіе съ золотника золота. Въ техническомъ отношеніи ихъ работы представляли несомнѣнный регрессъ, но безъ этихъ артелей на многихъ промыслахъ пришлось бы совсѣмъ бросить работы. Что число такихъ старателей-золотничниковъ было довольно значительно, видно изъ того, что въ 1869 году они составляли въ Енисейскомъ округѣ почти 15% всѣхъ рабочихъ.

Общее число рабочихъ на промыслахъ Западной Сибири увеличилось въ теченіе 60-хъ годовъ, но въ среднемъ за все десятилѣтіе было нѣсколько болѣе 3,000 человекъ въ годъ. На промыслахъ Восточной Сибири средняя цифра за все десятилѣтіе превосходитъ въ годъ 26,000 рабочихъ (по даннымъ горнаго вѣдомства) ¹⁾.

Въ предшествующія десятилѣтія преобладающимъ элементомъ среди приисковыхъ рабочихъ были ссыльно-поселенцы; но постепенно число ихъ стало уменьшаться. Въ 1834 г. ссыльно-поселенцы составляли 82% всѣхъ приисковыхъ рабочихъ; въ 1847 г. на промыслахъ въ Енисейской губерніи ихъ было уже 68%, а въ 1850 г. даже 53%; но въ 60-хъ годахъ ихъ относительное число вновь нѣсколько увеличилось, а именно въ 1850—54 гг. ссыльно-поселенцы составляли на промыслахъ Енисейской губ. въ среднемъ за эти пять лѣтъ—50,5% всѣхъ рабочихъ, а въ 1863—68 гг.—52%. Быть можетъ, это увеличеніе числа ссыльно-поселенцевъ объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя компаніи стали нанимать ихъ преимущественно предъ другими рабочими, вѣроятно, находя, что съ людьми, лишенными правъ, легче расправляться, чѣмъ съ полноправными рабочими.

Количество рабочихъ, пришедшихъ изъ Европейской Россіи, составляло на промыслахъ Маринскаго округа въ 1860 г.—5%, а на при-

¹⁾ См. Дополненіе XI (въ концѣ этого тома).

искахъ киргизскихъ округовъ — около 2% всѣхъ рабочихъ. На промыслахъ Енисейской губ. количество рабочихъ, пришедшихъ изъ Великороссіи, сильно увеличилось къ концу 50-хъ годовъ (въ 1858 г. оно равнялось 26⁰/₀, въ 1859 г. — 21⁰/₀ всѣхъ рабочихъ); въ 1860 г. оно опять возрасло (26,3⁰/₀), но потомъ стало быстро падать, затѣмъ вновь подниматься (въ 1867 г. — 14⁰/₀), а въ среднемъ за 8 лѣтъ (1860—67 гг.) на промыслахъ Енисейской губерніи составляло 13,3%, т.-е. нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, когда оно равнялось 16,1%.

На промыслы старались нанимать рабочихъ въ полномъ цвѣтѣ силъ: такъ, по инструкціи К⁰ Малевинскаго 1868 г. (сѣв. ч. Енис. окр.), предписывалось нанимать людей совершеннолѣтнихъ и не старѣе 40 лѣтъ, и изъ документовъ этой компаніи за предшествующій годъ видно, что дѣйствительно на ея промыслахъ были рабочіе не моложе 19 и не старѣе 45 лѣтъ; но, вѣроятно, на другихъ промыслахъ были и несовершеннолѣтніе работники, по крайней мѣрѣ, въ Киргизской степи на пріискахъ Кокбектинскаго округа употреблялись и мальчики отъ 12 до 14 лѣтъ, которые служили качальщиками на бутарахъ, а при машинной промышленности употреблялись для подчистки почвы въ забояхъ ¹⁾.

Для найма рабочихъ на пріиски золотопромышленники или подговаривали особаго агента, заключая съ нимъ формальный договоръ, или посылали одного изъ служащихъ, снабжая его подробною инструкціей. Такъ, наприм., по договору, заключенному въ ноябрѣ 1868 года однимъ мѣщаниномъ съ уполномоченнымъ К⁰ Малевинскаго (въ сѣверной части Енисейскаго округа), первый обязался нанять въ Енисейской губерніи на промыслы этой компаніи 150 человекъ, причемъ долженъ былъ нанимать людей съ узаконенными видами и на годовой срокъ, совершенно здоровыхъ, не моложе 18 и не старше 45 лѣтъ: онъ не долженъ былъ нанимать рабочихъ съ „наружными болѣзнями, какъ-то: грыжею, скорбутомъ, сифилисомъ и одержимыхъ падучими болѣзнями“, въ противномъ случаѣ компанія можетъ ихъ не принять и весь расходъ по найму такихъ людей падаетъ на счетъ нанимателя; онъ не долженъ былъ также нанимать разночинцевъ и отставныхъ солдатъ, „какъ положительно неспособныхъ къ горнымъ работамъ и, вообще, всѣхъ тѣхъ людей, которые прежде не занимались черною работою“. Наниматель долженъ былъ позволять женамъ рабочихъ слѣдовать за мужьями на промыслы лишь въ известномъ количествѣ, а именно не болѣе 5 на 100 работниковъ мужского пола, и, притомъ, „женщинъ не старыхъ и не больныхъ, но исключительно способныхъ и годныхъ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ“. Если рабочіе предоставятъ нанимателю полученіе ихъ видовъ, то всѣ издержки по этому предмету онъ долженъ отнести на счетъ рабочихъ. „Выдача

¹⁾ „Рус. Слово“ 1860 г. № 6, ст. Гр. П—на (Гр. Н. Потапина).

рабочимъ задатковъ при наймѣ и отправкѣ на промыслы, полагая въ томъ числѣ уплату за нихъ податей и другихъ повинностей, одежду, обувь и путевыя издержки до г. Енисейска, не должна превышать въ сложности на всѣхъ до 35 р., а въ частности до 40 р. на человѣка¹⁾, причемъ наниматель обязывался всѣми мѣрами стараться уменьшить и эту цифру. Всѣхъ нанятыхъ рабочихъ онъ обязался доставить въ Енисейскъ къ 25 марта и долженъ былъ отправить ихъ туда партіями не менѣе 50 человѣкъ въ каждой. Что касается неявки рабочихъ вслѣдствіе побѣговъ или безъ всякихъ законныхъ причинъ, то потерю выданныхъ имъ задатковъ компанія принимала не болѣе какъ 3 человѣкъ на 100, всѣ же прочіе неявившіеся ставились на счетъ нанимателя. За каждого нанятаго, годнаго къ работамъ и доставленнаго въ срокъ, человѣка компанія Малевинскаго платила нанимателю по 5 руб. сер.¹⁾

Компанія Родственной, арендовавшей пріиски К^о Рязановыхъ въ южно-енисейской системѣ, поручила своему довѣренному въ январѣ 1869 г. нанять 200 человѣкъ, причемъ въ данной ему инструкціи было предписано въ задатокъ рабочимъ на покупку одежды и обуви и на взносъ податей выдавать не болѣе 50 р. на человѣка, нанимать *преимущественно ссильно-поселенцевъ*, рабочимъ, желающимъ взять съ собою на пріиски женъ, объявлять, что за женщинъ, не работающихъ на промыслахъ, будетъ вычитаться изъ платы ихъ мужьямъ за хлѣбъ, соль и помѣщеніе по 5 руб. въ мѣсяцъ, и нанятыхъ рабочихъ отправлять не пѣшкомъ, а партіями, на подводахъ, подъ присмотромъ прикащиковъ²⁾.

О томъ, какъ производилась наемка, мы встрѣчаемъ не мало указаній въ тогдашней печати. „Рабочихъ заставляютъ наниматься большею частью пьяныхъ и, пользуясь этою слабостью, обманываютъ ихъ, обольщаютъ, наконецъ, въ число денегъ выдаютъ имъ гнилые товары, которые волей-неволей долженъ брать рабочій“³⁾. Покойный О. А. Дейхманъ, долго служившій въ Сибири и заслуживающій полного довѣрія, говоритъ о „наемкѣ подъ пьяную руку“, какъ о явленіи обычномъ⁴⁾. „Безобразный способъ наемки людей при посредствѣ сельскихъ и волостныхъ писарей,—читаемъ въ третьей статьѣ,—спайваніе и привлеченіе людей почти силой къ наемкѣ на работы,—все это факты, извѣстные каждому и не подлежащіе сомнѣнію“⁵⁾.

Печатныя свидѣтельства подтверждаются и заявленіями составителей записокъ, присланныхъ, по вызову министра, въ министерство финансовъ.

¹⁾ Архивъ В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ, операція 1868—69 г., № 25/199.

²⁾ Сообщ. А. К. Субботиннымъ.

³⁾ „Амуръ“ 1861 г., № 37, стр. 291.

⁴⁾ „Горный Журналъ“ 1871 г., № 5, стр. 296

⁵⁾ „Амуръ“ 1861 г., № 65, стр. 569.

Въ запискѣ, обратившей на себя особенное вниманіе этого министерства и посланной въ разсмотрѣніе сибирской администраціи, сказано, что цифры казенныхъ и общественныхъ сборовъ, взыскиваемыхъ съ поселенцевъ волостнымъ начальствомъ, „бываютъ изумительны, потому что никто ихъ не контролируетъ, все зависитъ отъ волостного писаря“. Золотопромышленникъ Пестуновъ упоминаетъ въ своей запискѣ (1863 г.) о разныхъ темныхъ поборахъ въ размѣрѣ отъ 5 до 10 р., кромѣ трехрублеваго сбора за выдачу паспорта, въ счетъ задатка рабочаго ¹⁾). Золотопромышленникъ Латкинъ указываетъ на случай платежа податей, волостныхъ повинностей и поборовъ до 40 руб., а Асташевъ въ своей запискѣ говоритъ, что за одного рабочаго приходится уплачивать до 50 р. И изъ одного предписанія предсѣдателя совѣта главнаго управленія Восточной Сибири (1869 г.) мы узнаемъ, что въ волостяхъ при наймѣ съ рабочихъ удерживали иногда по 45 руб. съ человѣка, въ томъ числѣ по 10 руб. „подъ предлогомъ исправленія дорогъ“ ²⁾). Такія же жалобы раздавались въ 50-хъ годахъ, раздаются и въ настоящее время.

Рабочіе изъ ссыльно-поселенцевъ, по словамъ корреспонденціи изъ Красноярска ³⁾), присылаются „на прински, какъ слышно, при содѣйствіи волостныхъ писарей“; къ посредничеству этихъ писарей прибѣгали при наймѣ рабочихъ еще въ 40-хъ годахъ, а для первой половины 60-хъ годовъ этотъ фактъ подтверждается запиской золотопромышленника Пестунова ⁴⁾).

О наймѣ рабочихъ на прински марининской системы мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ статьѣ Гр. П.—на (Гр. Н. Потанина): „Наемка

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золот., № 68/650, ч. III.

²⁾ Арх. Енис. Округ. Полиц. Упр., дѣло 1870 г. № 472.

³⁾ „С.-Петербург. Вѣдом.“ 1865 г. № 137.

⁴⁾ „Писаря волостные,—говоритъ онъ,—стараятся какъ можно болѣе выпроводить на промыслы людей. Нѣкоторые могли бы обойтись безъ принсковъ, особенно крестьяне, но ихъ торопятъ головы и старшины по приказанію засѣдателя и волостного писаря податями. Писаря спрашиваютъ довѣренныя: есть ли къ найму люди; если нѣтъ, то поѣдутъ въ другую волость. Писарь проситъ подождать: когда будетъ сборъ податей, тогда поневолѣ пойдутъ на промыслы, а ранѣе принудить нельзя. Всѣми этими собиравшими деньгами писарь дѣлится съ земскимъ исправникомъ, засѣдателемъ и прочими земскими чинами. Головы, старосты и старшины... тоже имѣютъ свою пользу. Имъ кажется завиднымъ, если которая волость выпуститъ болѣе народу на прински. Когда бываетъ много народу нанято въ волости, это время они считаютъ самымъ выгоднымъ для нихъ, а когда мало—тужать, что плохая пожива. И сотеннымъ писарямъ, и старшинамъ за выдачу увольненія отъ общества для найма тоже есть своя польза. Поселенцевъ также притѣсняютъ выдачею билетовъ на промыслы... Случается, что прибѣгаютъ на судахъ и баркахъ со сплавомъ и хотятъ наняться на промыслы, но ихъ не нанимаютъ, потому что у него билетъ вольный, а не принсковый, т. е. волость не получаетъ своихъ трехъ рублей и лишаетъ человѣка заработка“. Арх. Горн. Департ., дѣло отд. частн. золот. № 68/650, ч. III.

рабочихъ на пріиски производится тотчасъ послѣ расчета и даже во время расчета между тѣми же самими людьми, которые въ это время работали на пріискѣ; также нанимаются рабочіе и съ чужихъ пріисковъ, потому что въ это время начинаются переходы отъ одного хозяина къ другому: это время—здѣшній „Юрьевъ день“. Получивъ задатки и отдавъ паспорта въ пріисковую контору, рабочіе уходятъ отдохнуть на недѣлю, на двѣ въ деревни, лежащія у окраины тайги, а нѣкоторые съ самаго начала наемки остаются на пріискѣ; какъ тѣ, такъ и другіе очень скоро растрачиваютъ свои деньги на вино, а изъ вышедшихъ въ деревни многіе возвращаются почти голыми и съ долгами на шеѣ; для „выгона“ ихъ (мѣстное выраженіе) высылаются на пріиски служащіе, которые выкупаютъ и отправляютъ на пріискъ. Послѣ этой предварительной наемки бываетъ другая, главная; для этого сами хозяева или ихъ управляющіе выѣзжаютъ въ извѣстныя сборныя мѣста: деревни Баннова, Кедровка, Танбаръ и Тисуль. Если и здѣсь рабочихъ недостаетъ по заранѣ составленной смѣтѣ, то посылаются особые довѣренныя въ Томскъ, въ разные округа Томской губерніи, на Иртышъ, Семипалатинскъ и даже въ Тобольскую губернію, въ которой они доѣзжаютъ до Тюмени¹⁾.

Въ Томской губерніи, на основаніи предписанія генераль-губернатора Западной Сибири (1854 г.), ежегодно командировался чиновникъ казенной палаты для наблюденія за правильностью найма рабочихъ на золотыя промыслы и прекращенія при этомъ всевозможныхъ злоупотребленій. Но эти чиновники были сами не прочь отъ лихоимства: въ 1860 г. до свѣдѣнія генераль-губернатора Западной Сибири дошло, что чиновникъ, командированный для наблюденія за наймомъ рабочихъ, производитъ незаконныя и крайне обременительныя поборы съ ссыльно-поселенцевъ при наймѣ ихъ на золотыя промыслы и вообще позволяетъ себѣ противозаконныя дѣйствія²⁾. Томскій губернаторъ напечаталъ въ 1862 году объявленіе, въ которомъ, указавъ на незаконныя поборы писарей, оповѣщалъ, чтобы крестьяне платили за паспортный бланкъ лишь 1 р. 40 к., а ссыльно-поселенцы—20 к.³⁾.

На промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа, рабочими

¹⁾ „Русское Слово“ 1861 г., № 6, стр. 11. Есть указанія, что нѣкоторые томскіе золотопромышленники-аферисты нанимали безпаспортныхъ рабочихъ и заставляли ихъ работать на пріискахъ, а потомъ прогоняли, причѣмъ рабочіе не имѣли возможности жаловаться. А. III. „Уголки золотопромышленнаго міра“ („Дѣло“ 1870 г., № 7, стр. 52).

²⁾ Арх. Том. Горн. Упр., т. 1184, № 280—257—2268, л. 3, 11—12.

³⁾ Том. Губ. „Вѣдом.“ 1862 г. № 24, часть неоф. Здѣсь упомянуто, что съ нанимающихся сверхъ денегъ, слѣдующихъ въ казну, взыскиваютъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р., и деньги эти довѣренныя золотопромышленниковъ вычитаютъ изъ задатковъ, а между тѣмъ въ расчетныхъ листахъ записываютъ полныя задатки.

были почти исключительно киргизы. Наемъ рабочихъ здѣсь начинался не по окончаніи работъ, а съ половины іюля, иногда съ первыхъ чиселъ августа. Сначала наемъ производился изъ числа тѣхъ людей, которые въ то время уже находились на пріискѣ; вѣсть о началѣ найма разносилась по степи, и тогда на пріискѣ наѣзжали толпами желающіе наняться киргизы, такъ что къ 1 октября, т.-е. къ расчету, большинство рабочихъ уже было нанято, а остальная часть пополнялась въ теченіе зимы. „При наймѣ рабочихъ,—говорить П—нъ,—вмѣсто контрактовъ, здѣсь служить порука. Поручитель обязывается, если рабочій не явится на пріискъ къ сроку, уплатить золотопромышленнику данный рабочему задатокъ. Если и поручитель, и рабочій оба остаются должниками золотопромышленника, то послѣдній обращается къ волостному начальнику, чтобы тотъ или доставилъ ихъ на работу на будущее лѣто, или взыскалъ съ нихъ скотомъ, при чемъ золотопромышленникъ принимаетъ скотъ не иначе, какъ за половинную цѣну“ ¹⁾. По другимъ свѣдѣніямъ, наемъ на пріиски рабочихъ-киргизъ производился при помощи волостныхъ управителей, начальниковъ киргизскихъ волостей, состоящихъ обыкновенно въ дружбѣ съ пріисковымъ начальствомъ ²⁾.

Наемъ рабочихъ-киргизъ отличался нѣкоторыми особенностями, порядки же найма русскихъ рабочихъ были во всей Сибири болѣе или менѣе одинаковы. Относительно Витимской системы Забайкальской области есть извѣстіе, что большинство рабочихъ на тамошнихъ промыслахъ были поселенцы, которыхъ золотопромышленники считали лучшими рабочими. Старались нанимать преимущественно бездомныхъ и холостыхъ поселенцевъ, такъ какъ они требовали меньше задатка. Наемъ сопровождался, какъ вездѣ, безшабашною гулянкой и пропиваньемъ забранныхъ впередъ денегъ, а иной разъ и одежды и обуви ³⁾.

Начать отработывать полученный имъ задатокъ рабочій могъ только по приходѣ на пріискъ, между тѣмъ, его обязывали со дня найма не отлучаться съ мѣста жительства и быть готовымъ къ отправкѣ въ тайгу по первому требованію. Такимъ образомъ, у рабочаго, нанятаго лишь на лѣтную операцію (а такихъ было большинство), иногда пропадало даромъ мѣсяца три.

Мы видѣли, какія большія суммы взыскивали съ нанимающихся рабочихъ въ волостныхъ правленіяхъ для уплаты податей и недоимокъ. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ контрактахъ, какъ и въ 50-хъ годахъ, рабочіе оговариваются, что принимаютъ въ счетъ задатка то количество податей и повинностей, какое будетъ за нихъ уплачено, „но, во вся-

¹⁾ „Рус. Слово“ 1861 г. № 6, стр. 17, 19.

²⁾ „Сѣвер. Почта“, 1866 г. № 169.

³⁾ „Медицинскій Вѣстникъ“ 1866 г. № 7.

комъ случаѣ, платежъ податей за поселенцевъ ограничивается тѣмъ, что не долженъ превышать за податного повинностей за 1 годъ, а за льготнаго по 15 коп. сер.⁴.

Размѣръ задатка далеко превышалъ норму, установленную закономъ для ссыльно-поселенцевъ (7 руб. 50 коп.). «Золотопромышленники, — говоритъ авторъ одной газетной статьи, — вынуждены обходить законъ подъ разными предлогами и выдавать поселенцамъ наравнѣ съ крестьянами и мѣщанами задатковъ отъ 30 до 50 рублей. Обыкновенно такое количество денегъ расписывается по разнымъ предметамъ, какъ-то: на одежду и обувь, на проходъ или содержаніе въ дорогѣ, ставится уплатою долга, а цифра задатка остается неизмѣнною въ 7 руб. 50 коп.»¹⁾. По словамъ другихъ авторовъ, задатки бываютъ отъ 30 до 70 руб.²⁾. Золотопромышленники въ своихъ запискахъ (1860—61 гг.) чаще всего говорятъ о задаткахъ въ 50—60 руб. Они жалуются также на пьянство рабочихъ, на пути и на промыслахъ: «дорогой требуютъ насильно денегъ, точно своихъ собственныхъ, ими уже заработанныхъ, говорятъ: моя шея будетъ отвѣчать»³⁾.

Въ 1862 г., по окончаніи лѣтнихъ работъ, нѣкоторые енисейскіе золотопромышленники и ихъ уполномоченные предполагали войти между собою въ соглашеніе о невыдачѣ задатковъ болѣе 30 руб. и о томъ, чтобы не нанимать впредь рабочихъ, не явившихся на работу; однако, это предположеніе, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, не осуществилось. Въ слѣдующемъ. 1863 году большинство золотопромышленниковъ южной части Енисейскаго округа составили объ этомъ обязательное постановленіе; однако, и на этотъ разъ общаго соглашенія достигнуть не удалось. Въ ноябрѣ 1863 г. мѣстному горному исправнику уполномоченные К^о Зотовыхъ подали заявленіе, въ которомъ они говорятъ, что уполномоченный этой компаніи подписалъ заявленіе золотопромышленниковъ и ихъ представителей объ уменьшеніи задатка до 30 руб. на человека, такъ какъ «имѣлось въ виду», что на эту мѣру согласятся не только золотопромышленники сѣверной части Енисейскаго округа, но и другихъ системъ, «потому что тогда только и могла быть достигнута цѣль постановленія; между тѣмъ, даже въ южной системѣ... нѣкоторые вовсе не подписали постановленія, какъ, наприм., компаніи Лопатина и Асташева, а другіе, и подписавши, отказались отъ него». На этомъ основаніи, — продолжаетъ уполномоченный К^о Зотовыхъ, — «и мы, имѣвшіе въ виду при сокращеніи задатковъ пользу другихъ компаній..., отказываемся совершенно отъ означеннаго постановленія, считая его вовсе не состояв-

¹⁾ „Амуръ“, 1861 г., № 54.

²⁾ „Амуръ“, 1860 г., № 12; „Сынъ Отечества“, 1862 г., № 123.

³⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. зол., № 68/650, ч. II и III.

шимся, точно также какъ отказались отъ постановленія золотопромышленниковъ сѣверной системы». Изъ послѣднихъ словъ видно, что было соглашеніе и въ сѣверной части Енисейскаго округа, но также не единоголосное. Авторъ одной статьи въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ поясняетъ, что «немногія лица, не участвовавшія въ соглашеніи, продолжая выдавать при наймѣ большіе задатки, выбирали людей наиболѣе сильныхъ и способныхъ къ работамъ». Это заставило и остальныхъ золотопромышленниковъ держаться прежняго порядка¹⁾.

А затѣмъ начались новыя жалобы золотопромышленниковъ на слишкомъ большіе задатки. Такъ, В. Латкинъ въ брошюрѣ «О золотопромышленности въ Сибири» (1864 г.) говоритъ: «Задатку выдаютъ отъ 50 до 70 руб., да на проходъ ему дай, да обуи и одѣнь его, когда придетъ на пріискъ, и выйдетъ всего самое меньшее 70 или 85 р. с... Когда же онъ отработаетъ эту сумму?» Авторъ одной статьи въ «Енис. Губ. Вѣдом.», въ виду неудачи частнаго соглашенія золотопромышленниковъ, предлагалъ правительству регулировать размѣръ задатковъ. Напротивъ, другіе требовали отміны ограниченія размѣра задатковъ, выдаваемыхъ ссильно-поселенцамъ, и предоставленія вообще выдачи задатковъ добровольному соглашенію²⁾.

Авторъ одной статьи, написанной въ защиту золотопромышленниковъ, К. Ч—въ, говоритъ: не всѣ «изъ этихъ денегъ выдаются на руки, а часть удерживается на уплату податей и повинностей и на паспортъ... Если довѣренному приходится платить податей и повинностей по 50 р. за государственныхъ крестьянъ³⁾, то это, конечно, не его вина». Въ счетъ задатка, «по настоящему требованію нанимающихся», выдаются деньги на обувь и одежду, а часть также и на уплату долговъ. Золотопромышленникъ Тарасовъ откровеннѣе: онъ не скрываетъ, что не только обувь и одежду рабочіе получаютъ въ счетъ задатка натурою, а не деньгами, но что и для уплаты долговъ поселенцы забираютъ вещи, съ тѣмъ, чтобъ обратить ихъ въ деньги, конечно, съ значительною для себя потерей. «Въ настоящее время, — продолжаетъ К. Ч—въ, — дѣло найма рабочихъ находится въ такомъ положеніи, что если бы кто-нибудь рѣшился выдавать задатки, не доходящіе до 35 руб., то онъ рисковалъ бы остаться безъ рабочихъ. Сами золотопромышленники очень

¹⁾ Арх. Испр. южн. части Енис. окр., дѣло 1864 г., № 7, л. 298—301, 1863 г., № 36, л. 10—11; „Енис. Губ. Вѣдом.“, 1865 г., № 37.

²⁾ *Шелковниковъ* въ газетѣ „Амуръ“ 1861 г., № 54, и кап. *Бьлоносозъ* въ „Горномъ Журналѣ“ 1862 г., т. II, стр. 407.

³⁾ По словамъ *Н. Латкина*, въ его книгѣ „Очеркъ сѣв. и южн. сист. золот. промысл. Енис. окр., 1869 г., наиболѣе обыкновенною цифрою податей и повинностей было 20—30 слишкомъ рублей.

были бы рады избавиться отъ необходимости затрачивать такія деньги на задатки...»¹⁾. Укоры золотопромышленникамъ за выдачу «огромныхъ» задатковъ мы встрѣчаемъ и послѣ того и въ печати, и со стороны администраціи. Посмотримъ, однако, такъ ли велики въ дѣйствительности были задатки рабочихъ, какъ это утверждали и золотопромышленники, и нѣкоторые писатели, и представители администраціи.

Г. Н. Потанинъ въ своей статьѣ о положеніи рабочихъ въ Маріинской тайгѣ говоритъ: «Задатки бываютъ различны: для нанятыхъ на пріиски» и въ ближайшихъ деревняхъ «отъ 7 до 25 руб., для нанятыхъ въ округахъ Томской и Тобольской губ. и на Иртышѣ и въ городахъ Семипалатинскѣ и Усть-Каменогорскѣ—25—30 руб., но изрѣдка они достигаютъ здѣсь и до 40 руб.»²⁾. Это свидѣтельство совершенно справедливо: изъ имѣющихся у насъ контрактовъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ 60-хъ годовъ мы видимъ, что наиболѣе обычными задатками можно считать 10—30 руб. и только въ двухъ контрактахъ задатокъ доходитъ до 50 руб., а въ одномъ равняется 67 руб.

Отмѣтимъ еще слѣдующую мысль г. Потанина: указавъ на то, что рабочіе сплошь и рядомъ выносятъ съ промысловъ ничтожные додачи или даже остаются въ долгу вслѣдствіе эксплуатаціи ихъ въ пріисковыхъ лавкахъ и тайной продажи вина на промыслахъ, онъ говоритъ: «Зная это, рабочій и старается въ задатокъ вогнать все свое жалованье». Противъ ограниченія задатковъ ссыльно-поселенцевъ „золотопромышленники протестовали, потому что безъ большихъ задатковъ они рисковали вовсе остаться безъ рабочихъ. Рабочіе не хотѣли идти за пятирублевые задатки; для нихъ это было все равно, что за 5 руб. работать цѣлое лѣто». Это замѣчаніе даетъ, по нашему мнѣнію, болѣе правильное освѣщеніе вопроса о размѣрѣ задатковъ, чѣмъ жалобы прессы на то, что большими задатками хотѣли закабалить рабочихъ. Весьма многіе изъ нихъ, дѣйствительно, оказывались промысловыми кабальными, такъ какъ, въ виду небольшихъ заработковъ, а не то и долговъ, они вновь принуждены были наниматься на пріиски; но эта кабальность обуславливалась не величиною задатковъ, а всѣмъ строемъ золотопромышленности. Во время поѣздки въ Сибирь въ 1891 г. я видѣлъ, что даже въ Олекминскомъ округѣ рабочіе нерѣдко нанимаются съ ничтожными задатками или вовсе безъ нихъ, но едва ли можно считать это выгоднымъ для рабочихъ. Нужно помнить, что пока рабочій долженъ хозяину, послѣдній безъ крайней надобности не рассчитаетъ его; при ничтожныхъ же

¹⁾ К. Ч—съ. Замѣчаніе на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ („Журн. Мануф. и Торг., издав. при минист. финансовъ“, 1866 г., т. VI).

²⁾ Гр. П—а—нъ. „О рабочемъ классѣ въ ближней тайгѣ“ („Русское Слово“ 1861 г., № 6, стр. 12).

задаткахъ золотопромышленники могутъ безъ церемоніи прогонять рабочихъ¹⁾).

На промыслахъ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ округѣ, по словамъ г. Потанина, задатки при наймѣ лѣтнихъ рабочихъ выдавались за 3 мѣсяца впередъ: за полтора мѣсяца деньгами и за полтора мѣсяца товаромъ; слѣдовательно, при мѣсячномъ окладѣ жалованья въ 5 руб., задатокъ состоялъ изъ 7 руб. 50 коп. деньгами и изъ товаровъ на такую же сумму. Рабочіе, нанимавшіеся на одинъ мѣсяцъ, задатка деньгами вовсе не получали,—имъ отпускался только товаръ.

Изъ общихъ контрактовъ шестидесятихъ годовъ южной части Енисейскаго округа (мы имѣемъ ихъ 37) видно, что и здѣсь задатки въ 50 и болѣе рублей выдавались сравнительно рѣдко (они встрѣчаются только въ 6 договорахъ), чаще же всего задатки равняются 5—30 рублями. Не крупнѣе, а еще мельче задатки такъ называемыхъ отрядныхъ рабочихъ, нанимающихся на вскрышу турфа или торфа, т.-е. незолотоноснаго пласта, причемъ обыкновенно всѣ такіе рабочіе на одномъ прискѣ получали одинаковые задатки. Въ сѣверной части Енисейскаго округа задатки всего чаще колебались между 5 и 45 рублями; они нѣсколько крупнѣе, чѣмъ въ южно-енисейской системѣ и для отрядныхъ рабочихъ: это объясняется большею дальностью сѣверной системы отъ населенныхъ мѣстностей. Нерѣдко отрядные рабочіе изъ Европейской Россіи, такъ называемые „нижегороды“, и вовсе не брали задатковъ. Въ Олекминскомъ округѣ при наймѣ рабочихъ осенью 1867 г. на прискахъ К^о Промышленности задатки ихъ колебались между 3 и 40 рублями, а въ Прибрежно-Витимскомъ товариществѣ нѣкоторые рабочіе были наняты на операцію 1867/8 года вовсе безъ задатка; наибольшій же задатокъ равнялся 74 рублямъ; но что большинство рабочихъ получили впередъ незначительныя суммы, видно изъ того, что средній задатокъ 322 рабочихъ равнялся 19 руб. 60 коп., а другихъ 258 рабочихъ—почти 17 руб. Что касается амурскихъ присковъ, то относительно ихъ есть указаніе, что размѣръ задатка доходилъ тамъ иногда до 100 руб.²⁾, но, не имѣя контрактовъ амурскихъ присковъ этого времени, мы не можемъ опредѣлить наиболѣе обычнаго размѣра задатка.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что свидѣтельствомъ о громадныхъ размѣрахъ задатковъ промысловыхъ рабочихъ несправедливо. Но тутъ мы указали только размѣръ задатковъ, полученныхъ при подписаніи контрактовъ или назначенныхъ по контракту, а были еще путевые рас-

¹⁾ По характерному выраженію Л. О. Пантелѣева, *habeas corpus* рабочихъ составляли: 1) задатокъ, 2) сравнительная легкость побѣга (для поселенцевъ) и 3) недоработки уроковъ.

²⁾ О. Дейхманъ. „Горная промышленность на Амурѣ“. „Горный Журналъ“ 1871 г., № 5, стр. 289.

ходы, увеличивавшіе размѣръ забора до начала работы. Рабочихъ отправляли на пріиски то пѣшкомъ, то на подводахъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ всѣ путевыя издержки падали на ихъ счетъ, и только для прохода по ненаселенной тайгѣ отпускалось на счетъ золотопромышленниковъ известное количество сухарей. «Нерѣдко наниматели», по словамъ одного официального доклада совѣта главнаго управленія Восточной Сибири (1862 г.), «желая избѣжать и неявки, и несвоевременной явки на промыслы рабочихъ, отправляютъ ихъ до промысловъ на подводахъ, относя этотъ довольно значительный расходъ на ихъ счетъ». Обязанность рабочихъ, если они будутъ отправлены на подводахъ, принять на свой счетъ путевыя расходы опредѣлялась и нѣкоторыми контрактами. Въ 1862 году горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, вѣроятно, по предписанію высшаго начальства, разослалъ циркуляръ съ запросомъ, въ какихъ округахъ производится наемъ рабочихъ и во что обошлась доставка каждого человѣка на промыслы. Изъ донесеній 16 пріисковыхъ управленій этого округа видно, что наемъ рабочихъ чаще всего производился въ Красноярскомъ и Ачинскомъ округахъ Енисейской губ., въ Томскомъ и Мариинскомъ—Томской губ., рѣже въ Канскомъ—Томской губ., Канскомъ—Енисейской губ. и Нижне-Удинскомъ—Иркутской губ. Доставка рабочихъ отъ сборнаго мѣста до Климовскаго заведенія (резиденціи)¹⁾, села Усть-Тунгускаго²⁾ или Стрѣлки³⁾ почти всегда призывалась на лошадяхъ, а оттуда до пріисковъ обыкновенно пѣшкомъ; путешествіе продолжалось отъ 5 до 23 дней; стоимость доставки (продовольствіе, прогоны, а иногда и выдача разныхъ вещей) въ среднемъ на каждого рабочаго колебалась между 3 и 20 рублями. Если прибавить указанные путевыя расходы въ приведеннымъ выше размѣрамъ задатка въ Южно-Енисейскомъ округѣ, то, все-таки, мы не получимъ такихъ громадныхъ суммъ, какія любили называть нѣкоторые золотопромышленники.

Что касается сѣверной части Енисейскаго округа, то мы видимъ, что въ 1867 г. при наймѣ для компаніи Малевинскаго задатокъ колебался между 21 и 54 рублями (лишь въ одномъ случаѣ онъ поднялся до 81 рубля), въ среднемъ же равнялся почти 38 рублямъ; дорожныя расходы (за провозъ до Енисейска на подводахъ, содержаніе въ дорогѣ и въ Енисейскѣ и выдача товарныхъ вещей) обошлись отъ 2 до 25 р., въ среднемъ 17—18 р., слѣдовательно, рабочій являлся на пріиски съ долгомъ въ среднемъ 55—56 руб. При наймѣ на операцію 1869 г. ра-

¹⁾ На р. Енисей, въ 70 верст. отъ г. Енисейска, противъ с. Усть-Тунгусскаго, на правомъ берегу Енисея.

²⁾ При впаденіи Ангара въ Енисей, въ 68 в. отъ Енисейска.

³⁾ Въ 75 в. отъ Енисейска, также при впаденіи Ангара въ Енисей.

бочій приходилъ на пріиски съ долгомъ въ среднемъ 41—44 р., а въ другомъ случаѣ въ ту же операцію съ долгомъ въ 38 руб. Такимъ образомъ, съ путевыми расходами задатки рабочихъ въ сѣверно-енисейской системѣ принимаютъ уже довольно значительные размѣры.

Въ показаніяхъ современниковъ мы встрѣчаемъ не мало жалкихъ словъ о пьянствѣ рабочихъ на пути на промыслы; изъ приведенныхъ выше цифръ *естя* путевыхъ расходовъ (со включеніемъ прогоновъ, пропитанія и проч.) видно, что пропивать приходилось не особенно-то много.

При наймѣ рабочихъ, какъ и въ прежніе годы, заключались контракты. Кромѣ прежнихъ общихъ контрактовъ (на всѣ работы), контрактовъ на вскрытіе турфа и, наконецъ, договоровъ съ разными служащими и ремесленниками, въ 60-хъ годахъ впервые появляются еще контракты съ золотничниками (см. ниже) въ двухъ видахъ: или съ цѣлою артелью золотничниковъ, или съ подрядчикомъ, обязавшимся поставить отъ себя золотничныхъ рабочихъ. Въ 50-хъ годахъ договоры съ рабочими утверждались горнымъ исправникомъ только въ Олекминскомъ округѣ; то же мы видимъ и въ 60-хъ годахъ, по крайней мѣрѣ, относительно старательскихъ работъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Условія относительно этихъ работъ представлялись на утвержденіе олекминскому горному исправнику Измайлову, и онъ дѣлалъ на нихъ такія надписи: „Найдя настоящее условіе вполне удовлетворительнымъ для рабочаго класса людей, утверждаю таковое подписомъ съ приложеніемъ казенной печати“; или: „Находя настоящее условіе для рабочихъ людей не обременительнымъ, а сопряженнымъ съ пользою, утверждаю“. Въ 1862 году Измайловъ написалъ управляющему Прибрежно-Ленской компаніи слѣдующее: „Найдя съ своей стороны представленное вами условіе съ рабочими людьми на старательскія работы не безъ выгоды для послѣдней стороны, я, таковое утвердивъ своимъ подписомъ, при семъ для должнаго руководства препровождаю. Причемъ не могу не высказать моего мнѣнія о неуравненіи на мой глазъ платы: въ будничные дни, наприм., за 45 таратаекъ урка (т.-е. урочныхъ) 25 коп. и 25 же коп. за 15 таратаекъ старательскихъ; не лучше ли было бы назначить прямо 50 коп. за 60 таратаекъ и, въ случаѣ недовоза кѣмъ-нибудь, по расчету дѣлать вычетъ. Управление отъ этого ничего не потерпитъ и имѣетъ ту выгоду, что даетъ возможность большей части работниковъ заработать денегъ и тѣмъ самымъ избѣжить должниковъ“. Предложеніе Измайлова было вполне справедливо, но пріисковья управленія держались другой системы: низкой платы за урочную работу и гораздо болѣе повышеннаго вознагражденія за старательскую, съ тою цѣлю, чтобы приманкою повышенной платы за старательскій трудъ побудить рабочаго возможно болѣе напрягать свои силы и исполнять такую работу, какую едва ли они стали бы выпол-

при равномерномъ вознагражденіи за весь трудъ и пропорціональномъ вычетѣ за недоработку. Въ 50-хъ годахъ замѣчанія Измайлова не всегда отличались такимъ академическимъ характеромъ: иной разъ онъ прямо не утверждалъ условій, которыя находилъ несправедливыми, и требовалъ ихъ измѣненія. И теперь онъ обращалъ вниманіе на такіе случаи, когда рабочіе не согласились на условія, предложенныя имъ присковымъ управленіемъ. Такъ, въ іюнѣ 1862 г. „отрядной командиръ олекминскихъ промысловъ“ (т.-е. находящихся на нихъ козаковъ) донесъ Измайлову, что вслѣдствіе его предписанія онъ спрашивалъ рабочихъ на Ленскомъ прискѣ Катышевцева, почему они не подписали составленнаго управленіемъ условія о лѣтнихъ старательскихъ работахъ. Рабочіе единогласно отвѣчали, что они желаютъ исполнять лѣтнія работы безъ письменнаго условія, какъ и въ предшествующіе годы, и предложенныя имъ управленіемъ урочныя работы находятъ соответствующими ихъ силамъ, а также назначенную за нихъ плату достаточною, но не рѣшаются подписать условіе потому, что хотя они и исполняютъ въ настоящее время при удобныхъ мѣстныхъ условіяхъ назначенныя договоромъ урочныя работы, но опасаются, что эти мѣстныя условія „при почвенной подчисткѣ каменистаго пласта“ легко могутъ измѣниться, и въ такомъ случаѣ, хотя бы и при всегдашнемъ ихъ усердіи, они едва ли и въ половину могутъ исполнить назначенный урокъ, а между тѣмъ, если они подпишутъ условіе, то управленіе можетъ не принять во вниманіе этихъ обстоятельствъ, сочтетъ невыполненіе уроковъ даже на неудобной мѣстности „предлогомъ лѣности къ работамъ“ и „прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе побудительнымъ“, что „и дѣлалось съ нѣкоторыми изъ нихъ на Ленскомъ прискѣ“ минувшимъ лѣтомъ. Изъ дѣла не видно, какъ отнесся Измайловъ къ этому разногласію рабочихъ съ присковымъ управленіемъ ¹⁾.

Въ Енисейскомъ округѣ или, по крайней мѣрѣ, въ южной его части (дѣла 60-хъ годовъ въ архивѣ исправника сѣверно-енисейской системы, какъ мы уже упоминали, не сохранились) мы не встрѣтили ни одного случая вмѣшательства исправника въ составленіе контрактовъ золотопромышленниковъ съ рабочими, хотя нашли тамъ сотни договоровъ, засвидѣтельствованныхъ имъ въ разсматриваемый періодъ времени. Относительно Ачинскаго и Минусинскаго округовъ мы знаемъ только одинъ случай, когда горный исправникъ желалъ заставить золотопромышленника переимѣнить контрактъ. Въ іюлѣ 1862 года енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ обратилъ вниманіе высшей администраціи Восточной Сибири на контрактъ, заключенный въ этомъ году съ рабочими золотопромышленниками Минусинскаго и Ачинскаго округовъ

¹⁾ Арх. Олекм. Горн. Исправ., дѣла 1862 г. № 543 и 1863 г. № 599.

братьями Озеровыми. По словам Борка въ письмѣ М. С. Корсакову, изъ этого договора можно видѣть, „до какой степени нашъ рабочій классъ, нанимаемый въ одиночку, повидимому, покорно и безсознательно подписываетъ всякіе договоры, какъ бы ни были они тягостны и даже невыносимы для него“. Въ виду этого „неумѣнья“ рабочихъ „оградить себя“, Боркъ полагалъ, что „правительственная, самая внимательная опека“ для нихъ „и до настоящаго времени составляетъ полную необходимость“, и былъ, конечно, гораздо правѣ тѣхъ членовъ комиссіи, вырабатывавшей новый золотопромышленный уставъ, которые, подобно проф. Вернадскому, содѣйствовали составленію правилъ объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ въ духѣ либерально буржуазной политической экономіи. Впрочемъ, Боркъ признавалъ желательность и возможность нѣкоторой самостоятельности рабочихъ, но при поддержкѣ со стороны законодательства: онъ высказывалъ мысль, что, „только группируясь въ артели“, рабочіе могутъ „постепенно приучиться заботиться сами о себѣ“. „Прилагаемый контрактъ,—продолжаетъ Боркъ,—свидѣтельствуетъ самымъ положительнымъ образомъ о возможности подчинить рабочій классъ самому широкому произволу. Въ немъ сказано все для этого и ничего для огражденія правъ рабочихъ“; естественнымъ результатомъ „подобныхъ договоровъ“ бывають безконечныя жалобы, *остипующіяся безъ послѣдствій*. По мнѣнію Борка, контрактъ Озеровыхъ составляетъ исключеніе, однако, такой случай оказывается, все-таки, возможнымъ. „Золотопромышленникъ Василій Озеровъ,—продолжаетъ Боркъ,—есть довольно замѣчательное явленіе: владѣя, за исключеніемъ уже многихъ, отошедшихъ въ казну, нѣсколькими десятками промысловъ, заявленныхъ на разные имена, и не имѣя достаточно средствъ обстановить надлежащимъ образомъ для разработки даже одного прииска, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ и выдумкамъ, лишь бы удержать ихъ за собой, нанимая рабочихъ по образцу прилагаемаго контракта. Несчастные рабочіе не всегда сполна получаютъ и ничтожную трехрублевую въ мѣсяцъ плату; Озеровъ или уклоняется подъ разными предлогами, или заставляеть ихъ брать, вмѣсто денегъ, гнилой товаръ собственнаго издѣлія и приобрѣтенный имъ какъ бракъ“. Далѣе Боркъ рассказываетъ, что въ прошломъ году горный исправникъ формально доносилъ енисейскому губернатору о неисполненіи Озеровыми его законныхъ требованій и распоряженій, но губернаторъ передалъ этотъ рапортъ «на распоряженіе губернскаго правленія, которое, сдѣлавъ выговоръ исправнику за то, что онъ беспокоить начальство (!), приказало ему дѣйствовать на основаніи законовъ. Въ нынѣшнемъ году горный исправникъ, получивъ списокъ съ контракта, съ марта мѣсяца разыскиваетъ Озерова, чтобы заставить его переимѣнить контрактъ; поиски его даже съ помощью земской полиціи остаются до сихъ поръ тщетными, а, между тѣмъ, онъ (Озеровъ) не выѣзжаетъ изъ Минусинскаго и

Ачинскаго округовъ". Это свидѣтельство жандармскаго офицера Борка многое объясняетъ въ бездѣятельности исправниковъ. Находясь при своемъ тогдашнемъ ничтожномъ жалованьи въ полной эконоимической зависимости отъ золотопромышленниковъ, даяніями которыхъ они, главнымъ образомъ, существовали, горные исправники и сами не особенно хлопотали о раскрытіи злоупотребленій присковыхъ управленій, но, разумѣется, они стали еще менѣе заботиться объ этомъ, узнавъ, что не слѣдуетъ „безпокоить начальство“ донесеніями о совершаемыхъ золотопромышленниками безобразіяхъ ¹⁾).

Какъ мы видѣли, олекминскій горный исправникъ внимательнѣе другихъ исправниковъ относился къ договорамъ, заключаемымъ рабочими съ золотопромышленниками, но и въ Олекминскомъ округѣ встрѣчались контракты, обращающіе вниманіе высшей администраціи нѣкоторыми незаконными постановленіями. Нужно замѣтить, что олекминскому горному исправнику представлялись на утвержденіе лишь заключаемые весною на промыслахъ договоры относительно старательскихъ работъ ²⁾. Намъ не извѣстно ни одного замѣчанія исправника относительно общихъ контрактовъ, а, между тѣмъ они иной разъ заслуживали не меньшаго вниманія.

Послѣ того, какъ въ 1860 году, по случаю значительныхъ побѣговъ рабочихъ съ присковъ въ Олекминскомъ округѣ и другихъ безпорядковъ, было произведено на мѣстѣ дознаніе, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, рассматривая это дѣло въ слѣдующемъ году, замѣтилъ, что контрактъ Рукавишникова составленъ съ большими отступленіями отъ установленныхъ въ законѣ правилъ и явно стѣснителенъ для рабочихъ: въ немъ было, напримѣръ, сказано, что присковое управленіе можетъ оставлять рабочихъ на промыслѣ и послѣ 10 сентября по личному своему усмотрѣнію, безъ ихъ согласія; время работъ назначено съ 4 час. утра до 8 час. вечера, тогда какъ по закону работа должна была начинаться съ 5 час.; плата за старательскую работу и вознагражденіе за самородки производятся по назначенію и расчету Рукавишникова;

¹⁾ Для того, чтобы дать понятіе о контрактѣ, заключенномъ Озеровыми съ рабочими, мы приведемъ только два параграфа: 1) Относительно старательскихъ работъ было сказано, что ихъ „свойство, составъ и плата за нихъ опредѣляются управляющимъ, чему мы (рабочіе) подчиняемся безпрекословно и съ непрѣмнымъ тѣмъ условіемъ, что никто изъ насъ и никогда не въ правѣ не выйти въ праздникъ на такіа работы, а кто это допуститъ себѣ изъ глупости, такого предоставляемъ высылать (и побуждать) другими болѣе строгими мѣрами“. 2) „Уроки, задаваемые намъ въ работахъ, должны выполнить тѣ, какіе будутъ опредѣлены управляющимъ и его прикащиками безпрекословно“ (размѣръ ихъ въ контрактѣ не опредѣленъ). „Арх. Иркут. Горн. Управ.“. К. 1673 № 27/30, л. 201—207.

²⁾ Заключеніе особыхъ условій о старательскихъ работахъ предписывалось закономъ 1838 г.

въ контрактѣ постановлено, чтобы рабочіе не требовали кваса, хотя жажда во время горныхъ работъ очень велика; условленную плату за особыя подрядныя работы они могли требовать только тогда, если будутъ вырабатывать каждый день заданные имъ уроки, въ противномъ случаѣ плата назначается по усмотрѣнію хозяина, и проч. Совѣтъ по этому поводу постановилъ подтвердить, кому слѣдуетъ, чтобы рабочіе не были обременены большими уроками, чтобы работы производились не долѣе указаннаго въ законѣ времени, чтобы не было допускаемо жестокаго обращенія съ рабочими и заболѣвшіе не принуждались бы работать, чтобы плата за старательское золото и другія старательскія работы выдавалась по особымъ, заключеннымъ на мѣстѣ, условіямъ, а не по произволу хозяевъ или управляющихъ. Имѣя въ виду ст. 2484 горнаго устава (изд. 1857 г.), гдѣ указано, что должно быть обозначаемо въ договорѣ съ рабочими, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири высказалъ убѣжденіе, что если бы городская и земская полиція, свидѣтельствующія договоры съ рабочими, и присковая полиція, наблюдающая за исполненіемъ ихъ, точно держались установленныхъ закономъ правилъ, то не могло бы случиться ни недоразумѣній, ни отягощенія рабочихъ. Журналъ совѣта былъ утвержденъ Корсаковымъ ¹⁾ и затѣмъ въ напечатанномъ по этому поводу въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ ²⁾ официальномъ объявленіи было сообщено постановленіе совѣта и въ заключеніе сказано, что исправляющій должность генералъ-губернатора предписалъ подтвердить подлежащимъ властямъ, чтобы онѣ не свидѣтельствовали контрактовъ, составленныхъ съ отступленіями отъ требованій закона и наблюдали за исполненіемъ договоровъ ³⁾.

Такимъ образомъ, на основаніи этого распоряженія, мѣстныя власти имѣли полную возможность не свидѣтельствовать контрактовъ, не соответствующихъ требованіямъ закона, а между тѣмъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, какъ въ дѣлѣ Озерова, горный исправникъ желалъ ограничить самоуправство золотопромышленника, онъ могъ встрѣтить сопротивленіе съ его стороны и отсутствіе поддержки въ губернской администраціи.

Въ контрактахъ 60-хъ годовъ, какъ и въ прежнее время, сплошь и рядомъ не обозначалось срока явки рабочихъ на приски, и они обязывались быть „всегда готовыми, по первому извѣщенію“, отправиться на промысла. Въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлялось, что рабочіе не должны

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. зол. 1857 г. № 68/650, ч. III, л. 192 и слѣд.

²⁾ 1861 г. № 40.

³⁾ 30 сентября 1861 г. исправникъ южной части Енисейскаго округа предписалъ присковымъ управленіямъ вывѣсить въ казармахъ рабочихъ выписки главныхъ пунктовъ изъ контрактовъ относительно срока работъ, долговъ, пищи, количества рабочихъ часовъ и проч.

уклоняться отъ явки на пріиски, если бы даже ихъ потребовали въ теченіе зимы. Быть можетъ, потому, что въ печати (какъ, наприм., въ статьяхъ Вагина и Кривошапкина) было обращено вниманіе на серьезныя неудобства для рабочихъ отъ того, что они не знаютъ времени, когда ихъ потребуютъ на промыслы, въ проектѣ общей формы контракта, составленной золотопромышленникомъ Крутовскимъ (см. ниже), была попытка установить болѣе удобный для рабочихъ порядокъ, и вліяніе этой попытки мы видимъ въ слѣдующемъ постановленіи договора съ Асташевымъ 1867 г.: „Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть къ 1 января готовы, если кто изъ насъ будетъ раньше того нанятъ, а до того времени“ имѣемъ „полное право производить частныя работы въ жилыхъ мѣстахъ: съ 1 же января обязываемся не отлучаться изъ мѣстъ причисленія, по повѣстѣ же, не уклоняясь ни подъ какимъ предлогомъ, должны немедленно являться на сборныя мѣста и артелями должны слѣдовать на пріиски на собственный нашъ счетъ“. Однако, въ данномъ случаѣ предоставленіе рабочимъ свободы по 1 января не имѣло смысла, такъ какъ контрактъ былъ заключенъ 5 января. Въ другихъ договорахъ болѣе или менѣе точно назначенъ срокъ явки на пріиски, обыкновенно въ февралѣ или мартѣ. Самое тяжелое время работъ въ енисейскомъ округѣ по изнурительности и недостаточности вознагражденія — это мартъ и первая половина апрѣля (а иногда и весь апрѣль); между тѣмъ многіе золотопромышленники, соблазненные дешевизной зимней платы, начинали работы съ конца января.

Напротивъ, срокъ окончанія работъ обыкновенно точно обозначался, какъ это и требовалось закономъ. Хотя горный уставъ требовалъ прекращенія промысла золота 10 сентября вездѣ, гдѣ не было устроено теплыхъ зимнихъ промысловъ, однако, изъ 11 извѣстныхъ намъ общихъ контрактовъ 60-хъ годовъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ въ восьми срокомъ окончанія договора назначено 1 октября, въ двухъ—20 сентября и лишь въ одномъ—10 сентября. На промыслахъ Киргизской степи расчетъ съ рабочими производился 1 октября. Напротивъ, въ Южно-Енисейскомъ округѣ наиболѣе обычнымъ срокомъ найма на лѣтнюю операцію было 10 или 11 сентября; впрочемъ, нѣкоторые золотопромышленники предоставляли себѣ право продолжить работы до 20 сентября, а нѣкоторые прямо назначали днемъ расчета 1 октября. Почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ контрактахъ сѣверно-енисейской системы, а также и во всѣхъ договорахъ Олекминскаго округа срокъ работы, въ виду болѣе суроваго климата этихъ мѣстностей, назначенъ 10—11 сентября.

Совершенно противорѣчитъ закону договоръ 4 крестьянъ съ Асташевымъ (1863 г.), по которому они обязались быть у него на промыслахъ въ работѣ, какую имъ назначать, 4 года за 800 руб., получен-

ныхъ ими для найма рекрута ¹⁾). Здѣсь, такимъ образомъ, годовой заработокъ рабочаго на готовой пищѣ оцѣнивался въ 50 руб. Хотя при выдачѣ денегъ впередъ трудъ рабочихъ могъ быть оцѣненъ и дешевле обычнаго, но все-таки, этотъ договоръ показываетъ, что заработки прискоковыхъ, рабочихъ не считались особенно значительными.

Требуя отъ рабочаго, чтобы онъ не оставлялъ присковокъ, даже на время, до истеченія срока контракта, безъ разрѣшенія прискоковаго управленія, золотопромышленники предоставляли себѣ право рассчитывать рабочихъ, когда имъ вздумается, причемъ оставшіеся въ долгу обязывались уплатить его или отработать (въ нѣкоторыхъ контрактахъ прибавлено: „во всякое время года, гдѣ управленіе укажетъ“). Золотопромышленники предоставляли себѣ право увольнять до срока и нанявшихся для вскрыши турфа отрядныхъ рабочихъ, притомъ какъ „всю артель“, такъ и часть ея; за оставшіеся при этомъ долги обыкновенно отвѣчала вся артель ²⁾).

Золотопромышленники предоставляли себѣ также право переводить нанятыхъ рабочихъ на другіе свои приски; въ нѣкоторыхъ договорахъ дозволялось отправлять рабочихъ изъ сборнаго пункта даже на другую систему промысловъ; въ другихъ контрактахъ сдѣлана только оговорка, что при переводѣ съ одного приска на другой рабочимъ даются хозяйскіе харчи (т.-е. сухари); въ третьихъ — что на проходѣ съ приска на прискъ полагалось на каждыя 30 верстъ по одному дню въ счетъ мѣсячной платы и рабочіе обязывались ничего болѣе за это не требовать.

Въ контрактахъ хозяевамъ предоставлялось также право передавать нанятыхъ рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ, иногда безъ всякихъ оговорокъ, въ иныхъ же договорахъ прибавлялось условіе, чтобы у новыхъ хозяевъ они имѣли бы тѣ же права и несли тѣ же обязанности, какія указаны въ договорѣ. Напротивъ, въ контрактахъ съ золотопромышленникомъ Флягинымъ (1865 г.) и съ Цыбульскимъ (1865 г., Маріинскаго округа) было прямо сказано, что при передачѣ другимъ хозяевамъ рабочіе должны будутъ у нихъ „разсчитываться по тѣмъ же условіямъ, какими будутъ обязаны тамъ другіе работники“, — слѣдовательно, рабочіе могли оказаться въ необходимости исполнять такіа обязательства и за такую плату, какихъ они не прелвидѣли при

¹⁾ Арх. исправ. южн. ч. енис. окр., книга на записку договоровъ 1863 г., л. 6—8.

²⁾ Въ операцію 1869—70 г. на Гавриловскомъ прискѣ К^о Рязановыхъ и др. (сѣверной части Енисейскаго округа) изъ 412 рабочихъ было разсчитано до срока 14, т.-е. около 3%. На промыслахъ и резиденціяхъ Прибрежно-Витимской К^о (Олекминскаго округа) въ операцію 1865—66 г. изъ 1,308 рабочихъ было разсчитано до срока 51 (около 4%). На олекминскихъ промыслахъ И. Базилевскаго въ операцію 1869—70 г. изъ 502 рабочихъ разсчитано до срока 20 человекъ (4%).

своемъ наймѣ¹⁾. Между тѣмъ, въ контрактахъ 50-хъ годовъ такая передача на промыслы другихъ владѣльцевъ обуславливалась согласіемъ рабочихъ.

Вагинъ, въ своей статьѣ²⁾, справедливо возмущается тѣмъ, что золотопромышленники присвоили себѣ право передавать рабочихъ на принскіе другихъ хозяевъ. „Правда, — говоритъ онъ, — законъ не запрещаетъ подобнаго дѣйствія, но не очевидно ли, что онъ отдаетъ въ распоряженіе компаніи не только трудъ, но и личность рабочаго, которою хозяинъ распоряжается по своему произволу, что онъ нѣкоторымъ образомъ вводитъ особый родъ торга людьми?... Это право и на дѣлѣ превращается въ торгъ людьми. Намъ извѣстны, — продолжаетъ г. Вагинъ, — случаи, что одна компанія передавала рабочихъ другой, получивъ съ послѣдней ту сумму, какую, по ея расчетамъ, рабочіе оставались ей должны. Рабочіе въ такихъ случаяхъ прямо говорятъ, что компанія продала ихъ“³⁾. „Законъ, очевидно, не предвидѣлъ такого случая: онъ старался предупредить только самовольные переходы рабочихъ отъ одного хозяина къ другому (Уставъ Горный, ст. 2505). По общимъ законамъ, переходъ позволенъ только по взаимному согласію рабочаго съ прежнимъ хозяиномъ, и въ такомъ случаѣ должно составиться *новое условіе* (Зак. Гражд., ст. 2262). Но при наймѣ рекрутъ строжайше запрещены не только передача наемниковъ, но и какое бы то ни было посредство при наймѣ“.

Золотопромышленникъ А. Лопатинъ старается доказать въ своей статьѣ, что условія о передачѣ рабочихъ другой компаніи полезны не только золотопромышленникамъ, но и рабочимъ⁴⁾. Что такіа условія

¹⁾ Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К^о Олекминскаго округа (1867 г.) дозволялось передавать рабочихъ другому золотопромышленнику на промыслы или въ поисковыя партіи, но не иначе, какъ въ томъ же округѣ и на тѣхъ же условіяхъ.

²⁾ „Амуръ“ 1860 г. №№ 30—34.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ прямо указано, что долги рабочихъ обязано уплатить то лицо, которому они будутъ переданы.

⁴⁾ „Такое условіе не можетъ назваться торгомъ людьми, — говоритъ онъ, — оно вводится въ контрактъ для обоюдной пользы золотопромышленника и рабочихъ. Часто случается, что на томъ принскѣ, который разрабатывается, неожиданно бѣднѣетъ содержаніе золота или вовсе превращается золотоносная розсыпь, или же во время половодья разрушаются, а иногда и вовсе уничтожаются водою каналы, машины и даже разрывы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ остановка работъ, а иногда и совершенное прекращеніе ихъ на все лѣто необходимо. Тогда золотопромышленнику приходится перевести рабочихъ на другой свой принскъ, если у него есть таковой въ запасѣ, или передать ихъ въ другую компанію; иначе онъ долженъ разсчитать рабочихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, сверхъ тѣхъ убытковъ, которые неизбѣжны при остановкѣ работъ, золотопромышленникъ потерпитъ еще и отъ пропажи долговъ за рабочими, а рабочіе, возвратясь за нѣсколько сотъ и тысячъ верстъ съ долгомъ на шеѣ, потеряютъ и время, и заработокъ, какой надѣялись получить“. „Извѣстія Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4, Иркут. 1872.

выгодны для золотопромышленниковъ, этого нечего и объяснять, если же они полезны и для рабочихъ, то почему бы не обусловливать передачу этихъ послѣднихъ другой компаніи ихъ согласіемъ, какъ это было въ 50-хъ годахъ, иначе все сказанное Лопатинымъ не опровергаетъ замѣчанія Кривошапкина, что, благодаря этому условію, рабочіе могутъ попасть на пріиски такой компаніи, къ которой они ни за какія деньги не нанялись бы добровольно. О возвращеніи рабочихъ „съ долгомъ на шеѣ“ въ томъ случаѣ, если работы были прерваны не по ихъ винѣ, по настоящему не должно бы быть и рѣчи, такъ какъ слѣдовало бы вознаграждать рабочихъ за понесенные ими убытки отъ потери возможности заработка, ради котораго они пришли за нѣскольکو сотъ и тысячъ верстъ.

Рабочіе, опоздавшіе явиться на промыслы къ назначенному сроку, обыкновенно обивались въ контрактахъ отработать всѣ просроченные дни послѣ расчета иногда въ двойномъ размѣрѣ, хотя бы и не были у хозяина въ долгу, а въ иныхъ договорахъ золотопромышленнику предоставлялось право сдѣлать за просроченное время вычетъ изъ заработка (по 50 к. и по 1 р. за день, а по договору съ золотопромышленникомъ южно-енисейской системы Лопатинымъ, авторомъ только что цитированной статьи, и по 2 р. въ день) ¹⁾.

Во многихъ договорахъ пріисковому управленію предоставляется право, въ случаѣ неявки рабочаго (иногда сказано, по первому извѣщенію въ назначенное мѣсто), нанять на ихъ счетъ другихъ, хотя бы и за большую плату ²⁾.

Изъ общаго числа рабочихъ, нанятыхъ на пріиски Енисейской губ., не являлось въ 60-хъ годахъ отъ 1,2 до 2% ³⁾. Сравнительно съ первою половиною 50-годовъ процентъ неявившихся въ Енисейской губерніи гораздо ниже. Въ другихъ горныхъ округахъ Восточной Сибири процентъ неявившихся бывалъ иногда больше. Такъ, напр., въ 1864 г. въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ Забайкальской области не явилось 3,6% нанятыхъ рабочихъ ⁴⁾, но въ 1869 г. только 1,9%. Въ Олекминскомъ округѣ не явилось въ 1869 г. даже 5,6%. Въ Нерчинскомъ—4,2%, но во всей Восточной Сибири, со включеніемъ Енисейскаго округа, не явилось въ этомъ году лишь 2,4% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ ⁵⁾.

¹⁾ По договорамъ съ отрядными рабочими, нанявшимися для вскрыши торфа, назначался за просрочку штрафъ и по 3 р. въ день.

²⁾ Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ южно-енисейской системы Григоровымъ (1869 г.) ему предоставлялось право просить о высылкѣ неявившихся рабочихъ „черезъ сельскую стражу“ со взысканіемъ съ виновныхъ расходовъ по пересылкѣ.

³⁾ Ст. *Лопатина* въ „Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1686, № 64/69, л. 81.

⁵⁾ Арх. Енис. Округн. Полиц. Управ., дѣло № 472.

Изъ всего сказаннаго видно, что контракты, заключаемые золото-промышленниками съ рабочими, не только не обезпечивали правъ этихъ послѣднихъ, но во многихъ отношеніяхъ предоставляли ихъ полному произволу хозяевъ ¹⁾. Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири пришелъ въ 1862 году къ слѣдующему заключенію: „Принявъ во вниманіе, что со стороны золотопромышленниковъ при заключеніи контрактовъ съ рабочими, въ изложеніи взаимныхъ ихъ условій, иногда допускались выраженія не ясныя... или двусмысленныя, или, наконецъ, и произвольныя, которыя обращались къ непредвидѣнной рабочими невыгодѣ ихъ, Совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири полагаетъ, что для отвращенія подобныхъ случаевъ будетъ полезно введеніе формы, по которой бы всѣ взаимныя условія золотопромышленниковъ съ рабочими излагались въ контрактахъ и ясно, и подробно. Составленіе подобной формы слѣдуетъ возложить на горныхъ исправниковъ, обязавъ ихъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи по соглашенію съ золотопромышленниками и подъ наблюденіемъ горныхъ ревизоровъ“; окончательное же утвержденіе формы контрактовъ должно зависѣть отъ высшей администраціи Восточной Сибири.

Послѣ того, какъ заключеніе совѣта было утверждено Корсаковымъ ²⁾, ему были представлены до марта 1865 года формы контрактовъ отъ двухъ горныхъ исправниковъ: сѣверной части Енисейскаго округа и Забайкальской области. Поэтому главное управленіе Восточной Сибири разослало къ остальнымъ горнымъ исправникамъ, и, между прочимъ, къ исправнику южной части Енисейскаго округа, циркуляры, въ которыхъ настаивало на немедленномъ составленіи формы контрактовъ.

Но еще ранѣе этого, 29 іюня 1864 года, у исправника южной части Енисейскаго округа состоялось совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ, на которомъ они постановили, чтобы копіи съ контрактовъ всѣхъ промысловыхъ управленій съ рабочими были доставлены къ золотопромышленнику и управляющему промыслами К^о Ризановыхъ Мих. Андр. Крутовскому, который и долженъ былъ составить общую для всѣхъ форму контракта; затѣмъ она должна быть сообщена на разсмотрѣніе по всѣмъ промысламъ, а окончательное совѣщаніе предположено было созвать не позже второй половины августа. Потребовалось, однако, нѣсколько совѣщаній, прежде чѣмъ составленная на нихъ форма контракта была отправлена въ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири (въ апрѣлѣ 1865 г.).

Въ архивѣ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа

¹⁾ Выводы Вагина относительно контрактовъ см. въ его статьѣ въ „Амурѣ“ 1860 г. № 34, стр. 505.

²⁾ Оно было напечатано въ „Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1863 г., № 42.

сохранился проектъ формы контракта въ двухъ редакціяхъ: первоначальной, вѣроятно, составленной Крутовскимъ, и окончательной, принятой на совѣщаніи золотопромышленниковъ. Любопытно сравнить нѣкоторые параграфы обѣихъ редакцій, такъ какъ это наглядно покажетъ отношеніе золотопромышленниковъ къ рабочимъ. Какъ мы видѣли, въ контракты обыкновенно включалось условіе, что рабочіе должны быть готовы къ отправкѣ на промыслы по первому требованію, безъ точнаго обозначенія срока отправки, что мѣшало имъ наниматься въ еще свободное время на другія работы (на это неудобство указывалось и въ печати). Поэтому Крутовскій внесъ въ свой проектъ слѣдующее условіе: „Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть готовы къ 1 числу января мѣсяца (если кто изъ насъ раньше нанятъ), *а до того времени имѣемъ право производить частныя работы въ жилищахъ мѣстѣхъ*; съ 1 же января обязываемся ожидать повѣстки со стороны управленія въ мѣстахъ причисленія“ и проч. Между тѣмъ, въ окончательной редакціи этотъ пунктъ изложенъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно устанавливалось въ контрактахъ: „Къ отправкѣ на пріиски мы должны быть готовы *по первому требованію*, не уклоняясь отъ сего ни подъ какимъ предлогомъ“, и проч. Напротивъ относительно осенняго срока работъ общее собраніе золотопромышленниковъ оказалось милостивѣе: Крутовскій желалъ продлить его до 1 октября, а золотопромышленники назначили 20 сентября. Въ окончательной редакціи сказано, что пріисковое управленіе даетъ рабочимъ, если они пожелаютъ, по одному льготному дню въ мѣсяцъ. Жилища рабочихъ на вновь разрабатывающихся пріискахъ должны были по первой редакціи строиться рабочими въ свободное время бесплатно, а по второй редакціи „изъ поденной платы“. При опредѣленіи пищевого пайка рабочаго въ первоначальной редакціи назначено каждому по 1 ф. говядины, а по окончательной „не менѣе 1 ф.“. За леченіе въ больницѣ платы не полагалось ¹⁾. Въ окончательной редакціи было прибавлено, что за прогульные дни управленіе можетъ дѣлать вычеты съ каждаго по 2 р. 50 к. за каждый день. Такимъ образомъ, измѣненія, сдѣланныя общимъ собраніемъ золотопромышленниковъ въ первоначальной редакціи, хотя иногда и клонились въ пользу рабочихъ, но нѣрѣдко были для нихъ и невыгодны. Впрочемъ намъ придется еще возвращаться

¹⁾ Впрочемъ, съ такою многозначительною оговоркой: „но если бы кто изъ насъ скрылъ при наемѣ какія-либо застарѣлыя болѣзни или подъ предлогомъ болѣзни выходилъ на излеченіе въ пріисковой больницѣ съ цѣлью уклоненія отъ работъ, то компанія имѣетъ полное право не только дѣлать вычетъ за всѣ употребленныя во время леченія медикаменты, но и заставить отработать всѣ дни нахожденія въ больницѣ и послѣ срока работъ“; въ окончательной редакціи еще прибавлено: „если же этого кто изъ насъ не исполнитъ, то платитъ за каждый неотработанный день штрафъ по 1 р. с.“.

къ этому проекту при рассмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ жизни приско-
выхъ рабочихъ.

Подлинный экземпляръ окончательной редакціи былъ подписанъ,
по предложенію горнаго исправника, управляющими и довѣренными
золотопромышленныхъ компаній. При этомъ большинство подписывалось,
что принимается эту форму контракта „къ руководству“ или „къ испол-
ненію“, нѣкоторые же приняли ее только „къ свѣдѣнію“ ¹⁾.

Проекты формы контракта, составленные въ другихъ округахъ
Восточной Сибири, намъ не извѣстны: мы знаемъ только, что въ 1866 г.
генералъ-губернаторъ Корсаковъ представилъ въ министерство финан-
совъ форму контрактовъ для найма рабочихъ на частные золотые про-
мыслы, проектированную совѣтомъ главнаго управленія Восточной Си-
бири, но правительство отвергло мысль о составленіи такихъ формъ ²⁾.

Въ назначенное время рабочіе являлись на сборный пунктъ и от-
туда пѣшкомъ или на подводахъ отправлялись на промыслы ³⁾. По не-
официальнымъ свѣдѣніямъ, даже и въ енисейской тайгѣ дороги были
не вездѣ удовлетворительны. На сѣверно-енисейскую систему вело 6 до-
рогъ, но, по словамъ Н. Латкина, не было „ни одной хорошей“; въ южной
же системѣ, по его показанію, „дороги устроены довольно порядочно“,
однако, для экипажей лѣтомъ была доступна только одна дорога (изъ
д. Мотыгиной) ⁴⁾.

Кромѣ обычнаго способа горныхъ работъ на золотыхъ промыслахъ,
уже описаннаго выше ⁵⁾, въ концѣ 50-хъ годовъ былъ заимствованъ изъ
Америки новый способъ снятія турфа и промывки песковъ. Вывезъ его
изъ Америки Пакулевъ, а впервые онъ былъ примѣненъ въ 1858 г. на
промыслахъ К^о Зотовыхъ. Золото по этому способу промывалось такимъ
образомъ, что золотосодержащіе пески бросали въ длинные, большою
частью 5-ти-аршинные деревянные желоба или ящики, установленные

¹⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. енис. окр., дѣло 1864 г. № 7, л. 308 — 316, дѣло
1864/5 г., № 11, л. 49—70.

²⁾ „Справочная книга для золотопромышленниковъ“, вып. II, подъ редакціею
Н. Сурина, Иркут. 1871 г., стр. 484—492. См. ниже, главу XI.

³⁾ Относительно присковокъ дорогъ въ официальномъ отчетѣ о золотопромыш-
ленности въ Восточной Сибири мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: „Къ золотымъ про-
мысламъ Енисейскаго округа дороги находятся въ удовлетворительномъ состояніи,
какъ равно и къ прискамъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ; къ прискамъ же
Олекминскаго округа онѣ улучшаются съ каждымъ годомъ; наконецъ, къ прискамъ
Витимской системы и къ верховьямъ Чикоя, Верхнеудинскаго округа, дороги *едва*
только возможны для верховой пѣды, особенно во время или послѣ дождей. Къ при-
скамъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ дороги возможны только для верховой
пѣды“. „Горн. Журн.“ 1863 г., № 5, стр. 350; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 17.

⁴⁾ „Очеркъ зол. пром. енис. окр.“, стр. 55, 123—124.

⁵⁾ См. главу VI.

наклонно на деревянныхъ подставкахъ и вставленные одинъ въ другой, въ которые пускали сильную струю воды. Землистыя части песковъ, а также и мелкіе камешки уносились по желобамъ въ канаву или подставленную деревянную колоду, золото должно было осаждаться на днѣ желоба въ укрѣпленныхъ тамъ рѣшеткахъ или деревянныхъ доскахъ съ просверленными или выдолбленными въ нихъ отверстіями, крупные же камни отбрасывались изъ желобовъ желѣзными вилками или рогульками въ сторону. Почти такимъ же образомъ снимались и торфа или пустые наносы, лежащіе на золотоносномъ пласту ¹⁾.

Уже первые опыты примѣненія американскаго способа показали, что онъ несравненно дешевле добычи золота по обыкновенной системѣ, но, требуя извѣстныхъ условій мѣстности, не можетъ быть введенъ вездѣ. Опыты примѣненія этого способа въ большомъ размѣрѣ на промыслахъ К^о Зотовыхъ, а затѣмъ К^о Григорова, были неудачны, и обѣ компаніи понесли значительные убытки, но опытъ на одномъ приискѣ Латкина былъ успѣшенъ. Послѣдній горячо защищаетъ этотъ способъ въ своей книгѣ, главнымъ образомъ, въ виду его дешевизны. Скарятинъ полагалъ, что этому способу предстоитъ большое будущее, такъ какъ онъ можетъ содѣйствовать измѣненію всего строя золотопромышленности въ Сибири; при немъ, по мнѣнію Скарятина, „могутъ работать хоть 10 человекъ, и работать если не съ большею, то ужъ никакъ не съ меньшею выгодой, какъ и сотня рабочихъ. Такимъ образомъ, золотой промыселъ дѣлается доступнымъ самымъ мелкимъ капиталистамъ, а, можетъ быть, современемъ *сдѣлается доступнымъ даже и простымъ артелямъ рабочихъ*“. Онъ выражалъ надежду, что, благодаря этому способу, „произойдетъ устраненіе монополіи большого капитала. Промыселъ пойдетъ въ разбродъ“. Онъ считалъ даже возможнымъ, что современемъ „*хозяиномъ сдѣлается рабочая артель* (какъ было въ Калифорніи)“ ²⁾. Пакулевскій способъ почти нигдѣ не привился ³⁾, но что потребность въ примѣненіи къ золотопромышленности артельного труда дѣйствительно назрѣла, показываетъ появленіе въ половинѣ 60-хъ годовъ въ горныхъ округахъ Томской и Енисейской губерній артелей старателей-золотничниковъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Къ сожалѣнію, вторая мысль Скарятина, что современемъ *хозяиномъ* промысла сдѣлается рабочая артель, до сихъ поръ еще не осуществлена, но эта мысль живая и плодотворная, и обѣ осуществленіи ея должна позаботиться высшая горная администрація.

¹⁾ Н. Латкинъ. „Очеркъ сѣверной и южной системы золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа“. Сиб., 1869 г., стр. 150 — 171. Таскинъ. „Объ американскомъ способѣ промывки золото-содержащихъ песковъ“ („Горный Журналъ“ 1860 г., т. IV).

²⁾ Скарятинъ II, 152—169.

³⁾ „Горн. Журн.“ 1862 г., т. II, 401.

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и прежде, болѣе или менѣе точно обозначалось количество рабочихъ часовъ, хотя иной разъ при этомъ дѣлались такіа оговорки, которыя показывали, что учетъ работы количествомъ часовъ не имѣетъ никакого значенія для горныхъ рабочихъ. По контрактамъ самое раннее начало работъ (по крайней мѣрѣ, когда оно точно обозначалось)—3 ч. утра, между тѣмъ какъ по закону (Св. Зак. т. VII, ст. 2484), рабочій долженъ былъ трудиться каждый день „не болѣе, какъ съ 5 ч. утра до 8 пополудни, съ означеніемъ, сколько изъ того дается на обѣденный отдыхъ, и съ исключеніемъ воскресныхъ и торжественныхъ дней“; но такъ какъ далѣе упоминалось о „старательской работѣ“, какъ о „работѣ сверхъ условленнаго времени“, то золотопромышленники, вродѣ г. Безобразова, и толковали это постановленіе такимъ образомъ, что указанное количество рабочихъ часовъ относится только къ урочнымъ работамъ, упуская изъ вида, что если старательская работа превратилась уже въ обязательную, то на нее должно распространяться правило объ ограниченіи количества ежедневнаго труда. Такъ это дѣло понималъ и совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, когда въ своемъ официальномъ, напечатанномъ въ газетахъ, постановленіи (1861 г.) указывалъ на то, что „время работъ назначается съ 4 ч. утра до 8 ч. вечера, а на нѣкоторыхъ прискахъ работаютъ и до 8½ ч. вечера“¹⁾. Въ официальномъ докладѣ одного изъ отдѣленій главнаго управленія Восточной Сибири (1862 г.), какъ на одну изъ причинъ побѣговъ рабочихъ, указывалось на „непомѣрную работы съ 4 ч. утра до 11 ч. вечера, что при маломъ отдыхѣ совершенно обезсиливаетъ рабочаго“²⁾. Въ печати мы встрѣтили даже указаніе, что работы продолжались иногда отъ 2 ч. утра до 10 ч. вечера, т. е., если принять отдыхъ въ 2 ч., продолжались 18 часовъ³⁾. Что такіе случаи дѣйствительно бывали, это засвидѣтельствуетъ намъ одинъ золотопромышленникъ, вовсе не склонный рисовать быть рабочихъ въ особенно мрачномъ свѣтѣ (см. ниже).

Въ общихъ контрактахъ 60-хъ годовъ съ золотопромышленниками Марійинскаго и Алтайскаго округовъ обыкновенное количество рабочихъ часовъ въ день 13—14½, но условія объ этомъ сопровождаются нерѣдко такими оговорками, которыя давали возможность заставить работать и болѣе, а въ договорѣ съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.) при обозначеніи времени начала и окончанія работъ оставлено даже бѣлое мѣсто, и въ такомъ видѣ контрактъ и былъ вписанъ въ книгу дмитріевскаго волостнаго правленія въ с. Тисулѣ. Въ контрактѣ съ Петровымъ (Мар.

¹⁾ „Амуръ“ 1861 г., № 81.

²⁾ Арх. Ирк. Горн. Управл., кн. 1673, № 27/30, л. 42.

³⁾ Статья *Пишикова* въ „Сынѣ Отечества“ 1861 г., № 50.

окр. 1864 г.) количество рабочихъ часовъ обозначено такимъ образомъ: „на работу выходить, не исключая и праздниковъ, каждое число не позже 5 ч. утра, а сходить не ранее 8 ч. пополудни безъ всякихъ отговорокъ на неудобство времени. На обѣдъ же намъ вмѣстѣ съ отдыхомъ въ половинѣ дня полагается не больше 1½ ч.“. Понятно, что подобный контрактъ нисколько не гарантировалъ рабочихъ отъ чрезмернаго напряженія ихъ силъ присковымъ управленіемъ¹⁾. По словамъ автора одной статьи о золотопромышленности южной части Томской губ., рабочіе должны были трудиться „отъ 4 ч. утра до окончанія урока, съ отдыхомъ по получасу утромъ и вечеромъ для чая и по часу въ полдень для обѣда²⁾“.

На промыслахъ Кокбетинскаго округа въ Семипалатинской области работа начиналась съ пятого часа утра и продолжалась до 12; затѣмъ рабочіе обѣдали и отдыхали до третьяго часа пополудни, а потомъ работали до седьмого или восьмого часа вечера³⁾,—слѣдовательно, рабочий день продолжался 11—12 часовъ. И въ настоящее время рабочий день здѣсь короче, чѣмъ въ другихъ округахъ Сибири.

Въ общихъ контрактахъ Южно-Енисейскаго округа количество рабочихъ часовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно точно обозначено, бывало отъ 12½ до 14 часовъ. Въ договорѣ съ Асташевымъ 1861 г. рабочіе обязываются работать съ 5 до 8 часовъ, за исключеніемъ 2½ часовъ на обѣдъ и отдыхъ, «но мы не будемъ,—сказано далѣе,—имѣть ни претензій, ни ропота на управленіе промысла, если иногда занатіе наше работами и продолжится болѣе вышеозначенныхъ часовъ, ибо при такомъ условіи, какое поставлено ниже... относительно производимой намъ платы (за старательскую работу) продолженіе работъ будетъ зависѣть отъ собственной воли нашей, дабы болѣе слѣлать выработки, а потому болѣе получить и платы». Въ договорѣ же съ Асташевымъ 1862 г., послѣ опредѣленія времени горныхъ и плотничныхъ работъ (съ 5 до 8 час., съ отдыхомъ въ 1 часъ, т.-е. 14 рабочихъ часовъ), далѣе прибавлено: «а съ 8 до 10 часовъ для себя за особую плату по обоюдному съ управляющимъ промысла согласію» съ золотника добываемаго золота, «для чего

¹⁾ По договору съ К^о Рязановой и Триполитова (Мар. окр.) работа должна была продолжаться съ 4 ч. утра до 8 ч. вечера, за исключеніемъ на обѣдъ и отдыхъ 1½ часовъ, слѣдовательно, всего 14½ часовъ. Въ договорѣ съ Цибульскимъ, золото. промышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ, не были точно обозначены начало и конецъ работъ („не позже 5 ч. утра, не ранее 8 ч. пополудни“) и, кромѣ того, вовсе не опредѣлена продолжительность отдыха, который названъ только „небольшимъ“.

²⁾ А. Ш. „Уголки золотопромышленнаго міра“. „Дѣло“, 1870 г., № 6, стр. 54.

³⁾ См. ст. Н. Абрамова о золотопромышленности въ этомъ округѣ въ 1867 г. въ „Тобольск. Губерн. Вѣдом.“ 1870 г., № 1.

намъ и будетъ къ заданному уроку примѣриваться на стараніе излишекъ часовъ по усмотрѣнію управляющаго». Слѣдовательно, въ случаѣ согласія рабочихъ на эту добавочную работу, ихъ рабочій день доходилъ уже до 16 часовъ. Въ договорѣ съ М. Крутовскимъ (1868 г.) опредѣлено было работать съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера, причемъ времени на отдыхъ не было вовсе назначено. Это не значитъ, конечно, чтобы рабочихъ заставляли трудиться безъ перерыва 15 часовъ, но слѣдовательно, продолжительность отдыха вполне зависѣла отъ произвола пріисковаго управленія¹⁾. Такъ какъ при существованіи опредѣленныхъ размѣровъ урока постановленія контрактовъ о продолжительности рабочаго дня не соблюдались и рабочіе не отпускались съ работъ до окончанія урока, то нѣкоторые золотопромышленники и не скрывали этого въ своихъ договорахъ, вовсе не стѣсняясь предписаніемъ закона. Такъ, въ договорѣ съ К^о Рязановыхъ (1861 г.) рабочіе обязывались начинать работу съ 4 ч. утра (въ договорѣ съ Завадскимъ 1869 г. даже съ 3 часовъ утра) и оканчивать ее не прежде, какъ по окончаніи урока²⁾.

Въ контрактѣ на вскрышу турфа съ Баладиннымъ (1865 г.)³⁾ опредѣлена продолжительность рабочаго дня съ 3 ч. утра до 9 ч. вечера, причемъ не обозначено даже время для отдыха, т.-е. если принять часть на отдыхъ, то рабочій день могъ быть доведенъ до 17 часовъ. Это бывало и въ дѣйствительности, какъ показываетъ свидѣтельство золотопромышленника Н. Латкина (см. ниже). Между тѣмъ, въ 50-хъ годахъ наибольшая продолжительность рабочаго дня, опредѣляемая контрактомъ, равнялась 15 час. Любопытно, что наибольшую продолжительность рабочаго дня мы встрѣчаемъ на нѣкоторыхъ промыслахъ сравнительно крупныхъ золотопромышленниковъ: тутъ, безъ сомнѣнія, сказывалось вліяніе введенія машиннаго производства при промывкѣ золота, какъ, и

¹⁾ Тоже самое въ договорѣ съ г-жею Бевадъ.

²⁾ Въ договорѣ съ К^о Зотовыхъ (1860 г.) сказано: „Хотя на основаніи горныхъ положеній опредѣлено время съ 5 ч. утра до 8 вечера, но мы, зная по опыту, что здоровый и усердный работникъ заданную ему работу можетъ окончить и скорѣе этого времени и, слѣдовательно, выработаетъ болѣе другого, желаемъ для собственной пользы своей производить работу, не стѣсняясь временемъ, поучрочно, и за выработку уроковъ получать и самую плату на особыхъ условіяхъ; на этомъ основаніи, если бы уроковъ своихъ къ 8 часамъ не окончили, то обязываемся продолжать ихъ и далѣе этого времени; но если успѣемъ окончить уроки свои и ранѣе, то ранѣе можемъ быть отъ работъ уволены“. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Поповымъ (1868 г.) опредѣлено было: „на работу выходить по усмотрѣнію управляющаго“ и оканчивать ее „не иначе, какъ по совершенной выработкѣ своего урока, для обѣда полагая полтора часа съ 10 мая по 10 августа, а въ остальные мѣсяцы *меньше часа*, такъ какъ дни короче“.

³⁾ Книга горн. исправ. южн. ч. Енис. окр. на записку контрактовъ и договоровъ на 1865 г., л. 58 об.

въ 50-хъ годахъ. Крупнымъ компаниямъ, къ тому же, вѣроятно, болѣе мирволили и исправники, допуская нарушение закона о продолжительности рабочаго дня. Что дѣйствительность была въ этомъ отношеніи не лучше контрактовъ, видно, между прочимъ, изъ словъ золотопромышленника Безобразова: въ своемъ возраженіи на печатное официальное объявленіе (1861 г.) о различныхъ злоупотребленіяхъ на промыслахъ, Безобразовъ писалъ въ слѣдующемъ году М. С. Корсакову, что работа на приискахъ, т.-е., конечно, въ лѣтнюю операцію, всегда начиналась въ 3 ч. утра¹⁾. На недостаточность времени, даваемого рабочимъ для ночного отдыха, обратила вниманіе и мѣстная администрація. Въ іюнѣ 1865 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа разослалъ слѣдующій циркуляръ: „Я замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ промыслахъ будить рабочихъ людей иногда часа за два до выгонки ихъ на работу. Это изнуряетъ людей, такъ какъ при усиленномъ физическомъ трудѣ лишній часъ отдыха могъ бы въ восстановленіи ихъ силъ принести значительную пользу, а между тѣмъ, этотъ часъ, проводимый въ докучныхъ тяжелыхъ сборахъ или ожиданіяхъ раскомандировки, ослабляетъ людей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ охоту къ дѣятельности“. „Признавая это вреднымъ и тяжелымъ порядкомъ“, горный исправникъ просилъ промысловыя управленія „сейчасъ же принять мѣры къ устраненію его и для сего распорядиться: будить рабочихъ всѣхъ вообще въ одно время, напримѣръ, часомъ позже, безъ замедленія группировать ихъ на раскомандировку, раскомандировывать и ставить на работу сейчасъ же безъ всякой потери времени. Я увѣренъ, что эта мѣра будетъ полезна и для рабочихъ, и въ промысловомъ дѣлѣ“. Распоряженіе это исправникъ просилъ „объявить рабочимъ и служащимъ къ исполненію“.

Въ извѣстныхъ намъ договорахъ сѣверной части Енисейскаго округа продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ $12\frac{1}{2}$ — $13\frac{1}{2}$ часовъ, но иногда съ оговоркою, что „для собственной пользы“ рабочіе желаютъ трудиться, „не стѣсняясь временемъ, а поурочно“.

Что продолжительность рабочаго дня бывала въ дѣйствительности и болѣе обычной нормы контрактовъ, видно изъ указаній самихъ золотопромышленниковъ: такъ, Н. Латкинъ, въ статьѣ „О причинахъ побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ Восточной Сибири“, указываетъ на „тяжелыя, утомительныя работы, иногда продолжающіяся на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17 часовъ въ сутки“ (!)²⁾. Далѣе въ этой статьѣ авторъ говоритъ: „Усиленная работа по 16—17 часовъ въ сутки должна быть

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. част. з-сти 1857 г., № 68/650, т. II, л. 548—554.

²⁾ „Содѣйствіе русской промышленности и торговли“ 1862 г., прибав. къ № 3. Статья эта подписана: Н. Латкинъ, но мы получили извѣщеніе отъ Н. В. Латкина, что имя его искажено опечаткою и что статья принадлежитъ ему.

положительно запрещена, чтобы нигдѣ работы не производились долѣе 9 ч. вечера (!) и не начинались бы ранѣе 5 ч. утра и притомъ съ извѣстнымъ двухчасовымъ отдыхомъ на обѣдъ и на ужинъ“, слѣдовательно, авторъ предлагалъ не дозволить работать болѣе 14 часовъ въ сутки. Въ своей книгѣ, вышедшей въ концѣ 60-хъ годовъ, Н. В. Латкинъ говоритъ, что „работы начинаются лѣтомъ обыкновенно въ 4 ч. утра“; на завтракъ, обѣдъ и ужинъ давалось $2\frac{1}{2}$ часа, и затѣмъ продолжаются работы „обыкновенно до 8 или 9 ч. вечера; но есть промыслы, гдѣ работы заканчиваютъ въ 10 ч. и поздне; впрочемъ такихъ немного“. Слѣдовательно, по словамъ Н. Латкина, обычная продолжительность рабочаго дня $13\frac{1}{2}$ — $14\frac{1}{2}$ часовъ, но бываетъ и $15\frac{1}{2}$ и даже болѣе. Относительно промысловъ сѣверной части Енисейскаго округа онъ говоритъ: „Въ прежнее время, лѣтъ 6—7 тому назадъ, во многихъ компаніяхъ обращались съ рабочими не совсѣмъ гуманно“. Относительно „отягощенія работами славилась одна почтенная (!) и сильная К^о Г. и Б. (Голубкова и Бенардаки), и надо правду сказать, что нигдѣ не было столько больныхъ, бѣглыхъ и изнуренныхъ рабочихъ, какъ на ея промыслахъ... Я самъ былъ очевидцемъ, — говоритъ Н. Латкинъ, — какъ работы продолжались на нѣкоторыхъ ея промыслахъ до 11 или даже 12 ч. ночи, а начинались онѣ въ четвертомъ часу утра“, т.-е. если принять въ день $2\frac{1}{2}$ часа отдыха, то, все-таки, получимъ 18 рабочихъ часовъ, именно столько, сколько указывалъ Пищикова въ цитированной выше статьѣ. „Утомленные люди нерѣдко не уходили ужинать и засыпали на забояхъ на сырой землѣ. Благодаря Бога и нынѣшняго взгляда начальства и общества, — продолжаетъ Латкинъ, — нынѣ этого уже не дѣлается ¹⁾ и въ этой компаніи, но все же воспоминаніе о возмутительности дѣйствій управленія этой К^о не скоро изгладится; при этомъ надо замѣтить, что управленіе этой К^о считалось образцовымъ, и лицо, руководившее имъ, было въ свое время великимъ авторитетомъ“ ²⁾).

На промыслахъ Олекминскаго округа, какъ мы видѣли, въ 1861 году контрактъ Рукавишниковъ вызвалъ замѣчаніе со стороны главнаго управленія Восточной Сибири, что на основаніи этого договора работы начинались съ 4 ч. утра и кончались въ 8 ч. вечера. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе официального выговора, въ договорѣ съ Рукавишниковымъ слѣдующаго года начало работъ назначено было въ 5 часовъ, а окончаніе даже въ 7 ч., но зато неизвѣстно, какъ продолжителенъ былъ отдыхъ. Въ другихъ договорахъ Олекминскаго округа продолжительность рабо-

¹⁾ Рецензентъ книги Латкина въ журналѣ „Дѣло“ (1869 г., № 11) выражаетъ относительно этого сомнѣніе: „говорятъ, что на нѣкоторыхъ пріискахъ работы начинаются въ 2 ч. ночи и продолжаются до 11 и 12 ч. слѣдующей ночи“.

²⁾ Н. Латкинъ. „Очеркъ сѣверной и южн. сист. пром. Енис. окр.“, стр. 55, 123—124.

чаго дня опредѣляется въ 13^{1/2}—14 часовъ, а въ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.) рабочіе обязываются трудиться въ лѣтнее время не менѣе 14 часовъ.

При обозначеніи количества рабочихъ часовъ всегда дѣлается оговорка, что въ экстренныхъ случаяхъ при укрѣпленіи плотинъ, устройствѣ водопроводныхъ канавъ, укрѣпленіи ортъ и шурфовъ, въ случаѣ пожара и т. п., рабочіе обязаны безпрекословно и усердно работать во всякое время и во всякую погоду; иногда прибавлено даже: подѣ опасеніемъ взысканія за убытки. Ни о какомъ особомъ вознагражденіи за эти труды нѣтъ и рѣчи ¹⁾.

Въ началѣ 60-хъ годовъ работы на нѣкоторыхъ золотыхъ промыслахъ производились въ двѣ смѣны, такъ что одни работали днемъ, другіе ночью ²⁾. Но, по словамъ Лопатина, это бываетъ „только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ“, и такія работы „бываютъ непроизводительны“ ³⁾. Что, дѣйствительно, ночныя работы были весьма рѣдкимъ явленіемъ, видно и изъ того, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ съ приисковыми рабочими мы встрѣтили упоминаніе о нихъ въ договорахъ всего двухъ золотопромышленныхъ компаній: одномъ—Томской губерніи и одномъ Олекминскаго округа ⁴⁾. Но все таки при усиленной промыслѣ ночныя работы бывали иногда и въ открытыхъ разрѣзахъ. „Ортовныя“ (подземныя) работы упоминаются въ контрактахъ также весьма рѣдко ⁵⁾.

Относительно поисковыхъ партій, занятыхъ приисканіемъ новыхъ золотоносныхъ мѣстъ, въ общихъ контрактахъ нерѣдко встрѣчается обязательство рабочихъ тамъ, гдѣ нельзя проѣхать ни на лошадяхъ, ни на лодкахъ, переносить на себѣ припасы и необходимыя для работъ инструменты, иногда подѣ страхомъ (въ случаѣ уклоненія отъ этого) возмѣщенія всѣхъ убытковъ отъ происшедшей остановки работъ ⁶⁾.

¹⁾ Только въ одномъ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ Баснина и Катшевецова (1863 г.) сказано: „Отъ экстренной необходимой работы отказываться мы, рабочіе, не должны ни въ какое время, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ управляющій платилъ намъ каждому въ будничные дни обыкновенную плату изъ 3 р. с. оклада въ мѣсяцъ (т.-е. по 10 коп. въ день), и въ воскресные и праздничные дни каждому задолжающемуся въ работѣ человѣку по 50 к. с. въ день“.

²⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. зол., № 68/650, ч. II, л. 43.

³⁾ „Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, т. II, № 4 (1871 г.), стр. 34.

⁴⁾ Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К^о Олекминскаго округа (1867 г.) сказано: „если встрѣтится надобность на производство, вмѣсто дня, въ ночное время работъ, то отъ таковыхъ отказываться мы не должны и выполнять ихъ въ точности, какъ бы и днемъ“.

⁵⁾ Изъ многихъ извѣстныхъ намъ договоровъ южной части Енисейскаго округа ортовныя работы упоминаются только въ двухъ: съ Асташевымъ и Логиновымъ.

⁶⁾ Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Маринскаго и Ачинскаго округовъ

Уже въ 50-хъ годахъ стали, вмѣсто извѣстнаго количества часовъ работы, назначать опредѣленные уроки, и въ дѣйствительности урочная система работъ была общепринятою. Въ 60-хъ годахъ размѣръ уроковъ сталъ указываться во всѣхъ контрактахъ, хотя и весьма возможно, что опредѣленіе контракта въ этомъ отношеніи не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ показаній свѣдущихъ людей, въ 50-хъ годахъ начала распространяться система такъ называемыхъ полуторныхъ уроковъ, т.-е. *обязательныя* прибавки половины или хотя бы и меньшей доли къ нормальному уроку на условіяхъ старательской работы (при работѣ на пескахъ ранѣе, чѣмъ на торфахъ), между тѣмъ, въ контрактахъ такой порядокъ скрывается лишь въ концѣ этого десятилѣтія. Быть можетъ, контракты потому отставали отъ жизни, что золотопромышленники стѣснялись постановленіями закона, требовавшаго точнаго обозначенія въ договорахъ количества рабочихъ часовъ. Пока существовало такое точное обозначеніе, въ рамки опредѣленнаго рабочаго дня трудно было уместить извѣстный размѣръ урока съ *опредѣленною* прибавкою; поэтому на бумагѣ все еще оставался и старый порядокъ распредѣленія работъ, между тѣмъ какъ свѣдущіе люди еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ свидѣтельствовали о началѣ распространенія системы полуторныхъ уроковъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ 60-хъ годахъ на огромномъ большинствѣ приисковъ стараніе въ праздники было обязательно и производилось въ томъ же порядкѣ и обыкновенно съ тѣми же уроками, какъ и въ будни, а въ будни работа сверхъ урока, было или нѣтъ нормировано контрактомъ ея количество, обыкновенно также составляла прямое продолженіе урочной работы, т.-е. была общимъ стараніемъ на торфахъ или пескахъ.

Изъ контрактовъ съ промысловыми управленіями Западной Сибіри наиболѣе типичнымъ для первой половины 60-хъ годовъ является договоръ съ золотопромышленницею Маринскаго округа Лавровскою (1864 г.), въ которомъ размѣръ урока опредѣленъ такимъ образомъ: „Вскрышу каждый куб. сажени торфа производить при мерзлой землѣ такимъ числомъ рабочихъ, какое, по усмотрѣнію промысловаго управленія, необ-

Цыбульскимъ (1864 г.) мы встрѣтили слѣдующее странное условіе: „Если будетъ мнѣ командировка для развѣдки мѣстъ шурфовкою или по другимъ занятіямъ внѣ промысла, то въ этихъ случаяхъ должны имѣть повиновеніе, *не требуя за то время вознагражденія или особой платы* (!) и старанія, если этого не дастъ намъ самъ хозяинъ или его довѣренный“. Быть можетъ, это означаетъ, что рабочіе не должны въ подобныхъ обстоятельствахъ требовать прибавки къ обычной мѣсячной платѣ, но и въ такомъ случаѣ это мѣсто любопытно для характеристики и контрактовъ вообще, и золотопромышленница Цыбульскаго въ особенности, въ договорахъ котораго и при опредѣленіи количества рабочихъ часовъ мы находимъ подобныя же, весьма опасныя для рабочихъ, неточность и неопредѣленность.

ходимо будетъ нужно, при талой же землѣ безъ лошадей, т.-е. съ откаткою на тачкахъ, четырьмя человѣками, а при одной хозяйской лошади двумя человѣками. Добычу каждой куб. сажени золотосодержащихъ песковъ, вывозку къ машинѣ и промывку ихъ съ уборкою эфеля въ указанное мѣсто производить не болѣе какъ тремя человѣками съ потребнымъ количествомъ лошадей". Точно такое же опредѣленіе урокамъ находимъ и въ нѣсколькихъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. По свидѣтельству Разгильдѣева, въ 1853 г. въ южной части Енисейскаго округа при работѣ съ лошадыю ставилось при добычѣ торфа также два человѣка на куб. сажень, а при ручной откатѣ отъ 4 до 6 человѣкъ; что же касается добычи и промывки песковъ, то при вододѣйствующей чашѣ на кубическую сажень песку (считая въ ней 1200 пудовъ) требовалось отъ 3 до 4 человѣкъ. Такимъ образомъ уроки Лавровской, по крайней мѣрѣ, при ручной откатѣ торфа и при добычѣ и промывкѣ золота, совпадали съ максимальными, а не съ минимальными уроками 50-хъ годовъ. Но въ другихъ извѣстныхъ намъ контрактахъ съ золотопромышленниками Маринскаго округа въ 60-хъ годахъ уроки были болѣе ¹⁾. Такимъ образомъ, напряженность труда все болѣе и болѣе увеличивалась.

Въ нѣсколькихъ договорахъ южной части Енисейскаго округа (1860—63 гг.) опредѣленіе размѣра уроковъ на торфахъ и пескахъ точно такое же, какъ и въ контрактѣ съ маринскою золотопромышленницей Лавровской (1864 г.), но и здѣсь уроки современемъ возросли ²⁾.

¹⁾ Такъ, въ договорѣ съ К^о Рязановой и Триполитова (1863 г.) урокъ при вскрытіи турфовъ до 1 марта былъ назначенъ по 1 куб. саж. на 2 человѣка съ лошадыю (между тѣмъ какъ, по официальному свидѣтельству 1863 г., въ зимнее время прибавлялось по 2—3 чел. на сажень, смотря по качеству турфа), а съ 1 марта до окончанія срока полагалось добывать и отвозить торфовъ и песковъ по 1¼ саж. на 2 человѣка. Въ контрактѣ съ маринскимъ и ачинскимъ золотопромышленникомъ Цибульскимъ 4 человѣка съ 2 лошадьми должны были лѣтомъ добывать и отвозить 3 саж. торфа (т.-е. болѣе чѣмъ въ К^о Рязановой и Триполитова, гдѣ 4 человѣка вскрывали 2½ саж.); размѣръ же уроковъ при добычѣ и промывкѣ песковъ былъ вовсе не опредѣленъ въ контрактѣ и назначеніе его предоставлялось усмотрѣнію промысловаго управленія. По договору съ золотопромышленникомъ Шитиковымъ, при добычѣ и промывкѣ песковъ 2 человѣка должны были промывать не менѣе 1 куб. саж. съ добычей и вывозкой песку и отвозомъ эфеля и гальки, между тѣмъ какъ, по договору съ Лавровскою, это количество добывалось и промывалось тремя человѣками.

²⁾ По договору съ Асташевымъ 1867 г. при добычѣ турфа (при талой землѣ и ручномъ откатѣ) на куб. сажень ставилось уже не 4, а 3 чел., а при 1 хозяйской лошади считалось 1½ чел., вмѣсто 2, т.-е. 3 чел. на 2 куб. сажени; добывать 4 саж. золотосодержащихъ песковъ должны были 5 чел. (т.-е. на добычу 1 сажени считался 1¼ чел.), а добыть 1 куб. саж. песку, промыть на машинѣ и отвезти гальку и эфель въ отвалы должны были не болѣе 2½, человѣкъ (вмѣсто прежнихъ 3), т.-е. 5 чел.— 2 куб. сажени съ необходимымъ количествомъ хозяйскихъ лошадей. Подобное же увели-

Въ трехъ договорахъ южной части Енисейскаго округа (съ Удереискою К^о 1861 г., съ Зубовою 1863 г. и съ Асташевымъ 1868 г.) мы встрѣтили при опредѣленіи урока на торфахъ и пескахъ обязательное соединеніе урочныхъ и старательскихъ работъ, а именно, прибавку $\frac{1}{4}$ старательской сажени. По договору съ А. Лопатынымъ (1862 г.) „на выработку 1 куб. сажени какъ золотоноснаго песка съ отвозкою на машину или къ механическому подъему, такъ и турфа въ отвалы или тоже къ механическому подъему“, ставилось по 2 чел. на сажень, причемъ отмѣнялось въ стараніе уже не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{2}$ сажени, такъ что при такомъ грунтѣ они должны были вырабатывать каждый день золотоноснаго пласта или турфа по $1\frac{1}{2}$ саж., не требуя особыхъ возчиковъ ¹⁾. По договору съ К^о Хотинскаго и Макарова (1868 г.) урокъ былъ назначенъ при вскрышкѣ турфа и добычѣ песковъ—1 куб. саж. двумя человѣками съ 1 лошадыю; сверхъ того, для увеличенія своей „заработки“ рабочіе обязались сверхъ кубической сажени двумя человѣками съ лошадыю вырабатывать „со вступленія въ работы на пріисѣ по 10 мая еще $\frac{1}{4}$ сажени“, а съ мая, т.е. съ начала промывки песковъ, опредѣленные на вскрышу турфа должны были, сверхъ указаннаго „хозяйскаго урока, безпрепятственно принимать себѣ въ замѣръ турфа въ каждый день для старанія на 2 чел. и 1 лошадь по $\frac{1}{2}$ куб. саж.“, а назначенные на добычу песковъ, подвозку ихъ на машину, отвозку гальки и эфеля и др. работы обязывались забойщикъ и возчикъ въ „хозяйскій урокъ“ добыть и свезти на машину 1 куб. саж. песковъ и сверхъ этого урока „принимать себѣ каждый день въ стараніе на 1 забойщика и возчика по $\frac{1}{4}$ саж.“, если же, сказано далѣе, «кто-либо изъ насъ подъ разными предлогами захотѣлъ бы уклониться и не принимать... старательскаго замѣра торфовъ и песковъ, то изъ насъ никто этого сдѣлать не можетъ и съ работъ самовольно отлучаться не долженъ, а если кто это учинить, то управленіе, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, имѣетъ взыскать по всей строгости закона за неповиновеніе и ослушаніе“. Эти слова показываютъ, что введеніе прибавочной старательской четверти или половины

ченіе напряженности труда произошло и на промыслахъ Исаева, по договору съ которымъ (1865 г.) количество промываемыхъ песковъ еще болѣе увеличено (на 1 куб. саж. полагалось уже не $2\frac{1}{2}$, а только $2\frac{1}{4}$ чел.). Въ договорѣ съ К^о Мясникова на 1861—62 годъ мы находимъ огромный урокъ на торфахъ: при талой землѣ съ *ручною откаткой на тачкахъ* должно было добыть и вывезти 1 куб. саж. двумя человѣками (во всѣхъ другихъ договорахъ тремя или четырьмя чел.), а при одной хозяйской лошади $1\frac{1}{2}$ чел., т.е. тремя человѣками 2 саж.

¹⁾ При вскрышкѣ турфа ручнымъ откатомъ на тачкахъ ставилось по этому договору на выработку 1 куб. саж. при откаткѣ на разстояніи до 15 саж. по 2 чел. на сажень, при разстояніи до 25 саж.—3 чел. и т. д., при мерзломъ же грунтѣ прибавлялось людей по усмотрѣнію промысловаго управленія.

сажени было сдѣлано не безъ нѣкоторой борьбы: очевидно, рабочимъ болѣе нравился тотъ порядокъ, когда старательская работа въ будни не была обязательною, а предоставлялась ихъ собственному желанію и усмотрѣнію. Наконецъ, этотъ процессъ сліянія урочныхъ и старательскихъ работъ завершился тѣмъ, что о немъ стало упоминаться въ нѣкоторыхъ договорахъ въ видѣ особаго заявленія, какъ, наприм., въ договорѣ съ Григоровымъ 1869 г. ¹⁾). Не касаясь пока размѣра платы, мы укажемъ только величину уроковъ. На турфахъ талыхъ конною отвозкой рабочіе обязались по этому договору вырабатывать каждый день двумя человѣками отъ одной до двухъ (!) куб. саж. ²⁾, а ручнымъ откатомъ двумя (!), тремя и никакъ не болѣе четырьмя человѣками ³⁾, смотря по свойству турфа и близости откатки въ отвалы. При добычѣ и отвозкѣ песковъ на машину они должны были вырабатывать 3—4 куб. саж. тремя или четырьмя человѣками при 2 лошадахъ. Сравнивъ это количество работъ съ тѣмъ, какое было опредѣлено въ договорѣ съ Лавровскою и другими золотопромышленниками начала 60-хъ годовъ, мы, если даже и примемъ во вниманіе нѣкоторую прибавку въ то время на стараніе (около $\frac{1}{4}$ урока), все-таки увидимъ, какъ сильно увеличилась напряженность труда. При промывкѣ песка это отчасти еще можетъ объясняться усовершенствованіемъ промывальныхъ машинъ, хотя собственно работа забойщиковъ осталась въ столь же первобытномъ видѣ, какъ и прежде, относительно же вскрытія торфа мы не видимъ и этого, и лишь изрѣдка въ договорахъ упоминается объ искусственныхъ приспособленіяхъ для подъема торфа. Различіе въ размѣрѣ уроковъ на разныхъ промыслахъ можетъ объясняться различіемъ въ свойствахъ почвы и разстоянія отвозки, а иногда давностью или новостью разработки, но все-таки увеличеніе уроковъ съ теченіемъ времени несомнѣнно.

Въ Олекминскомъ округѣ, какъ мы уже упоминали, весной заключались съ рабочими особые договоры на старательскія работы. Въ договорѣ 1 мая 1863 г. съ ленскимъ товариществомъ Баснина и Катывцева рабочіе съ начала промывки песковъ обязались „въ каждый ра-

¹⁾ „За каждый рабочій день на пріискахъ,—сказано здѣсь,—опредѣляется плата по 10 коп. каждому рабочему. Сверхъ того, дозволяются золотопромышленниками и ихъ управляющими старательскія работы на золотѣ и на турфѣ въ будни и въ праздники, за которыя, по усмотрѣнію ихъ, и производится еще особая плата. Но такъ какъ неопредѣлительность старательскихъ работъ и самое вознагражденіе за оныя не обезпечиваютъ... заработокъ нашихъ, а равно золотопромышленники и ихъ управляющіе безъ опредѣлительности работъ нашихъ не могутъ основать на нихъ своихъ соображеній, то, во избѣжаніе сего, по взаимному согласію между нанимателемъ и нами, признали для себя нужнымъ и полезнымъ соединить урочныя работы вмѣстѣ со старательскими и получать за тѣ и другія нераздѣльную плату“.

²⁾ Въ договорѣ съ К^о Григорова и Семенова (1870 г.) отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 саж.

³⁾ Въ договорѣ 1870 года двумя или тремя чел.

бочій будничный день вскрыть торфа и отвезти его въ отвалы или добыть и отвезти на машину золотосодержащихъ песковъ двумя чело­вѣками при 1 лошади по 1 куб. сажени за обыкновенную мѣсячную плату, на отвозку же въ кучу гальки и эфеля на каждыя 3 куб. сажени песковъ должны становиться по 2 лошади¹⁾. Сверхъ только что указанной урочной работы, рабочіе обязались за особую ежедневную плату „двумя чело­вѣками при одной лошади добывать песковъ и подвозить на машину, а торфа вскрыть и отвозить въ отвалы по $\frac{1}{4}$ куб. саж., а смотря по удобству добычи песковъ и вскрыши торфа—и болѣе“²⁾. Въ праздни­чный день полагались такіе же уроки для урочныхъ и старательскихъ работъ. Если же кто изъ рабочихъ „сверхъ выполненія урочной и ста­рательской работы изъявить желаніе, составя между собою небольшія артели, промывать пески или вскрывать торфа“, то управляющій не долженъ былъ имъ въ томъ отказывать, а обязанъ былъ указать имъ мѣсто для работъ. Такимъ образомъ, по этому договору, такъ называемая, частно-старательская работа (сверхъ урочной въ размѣрѣ 1 саж. и ста­рательской— $\frac{1}{4}$ саж. на указанное количество людей) была не обяза­тельна. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же день особымъ дополнительнымъ условіемъ рабочіе и эту работу превратили въ обязательную³⁾, и, та­кимъ образомъ, по этому добавочному условію 2 рабочихъ съ 1 лошады должны были обязательно вырабатывать въ день уже не $1\frac{1}{4}$, а $1\frac{1}{2}$ куб. саж.⁴⁾ Въ договорѣ Прибрежно-Витимской компаніи (1867 г.) мы также встрѣчаемъ полуторные уроки, т.-е. обязательную прибавку половины урока въ видѣ старанія.

Пищиковъ въ своей статьѣ говоритъ, что обременительность уроч­ныхъ промысловыхъ работъ „выходить изъ всякаго вѣроятія“: „Напри­мѣръ, есть ли какая-либо возможность на разстояніи отъ 200 до 300 саж. отъ мѣста добычи песковъ до промывальной машины перевезти на 1 лош. и 2 чел. рабочихъ $1\frac{1}{2}$ куб. саж., составляющихъ тяжести до двухъ тысячъ пудовъ, и этотъ урокъ отъ того только такъ малъ, что лошадь не въ состояніи больше вывезти; еслибы лошадь могла вывозить 2 саж. въ смѣну,

¹⁾ Для разравниванія отваловъ гальки, эфеля и торфа присковое управленіе должно было поставить особыхъ людей. Разстояніе отваловъ отъ мѣста работъ не должно было ни въ какомъ случаѣ превышать 150 сажень.

²⁾ Но для отвоза гальки, эфеля и торфа въ отвалы особыхъ людей они не должны были требовать.

³⁾ Въ этой дополнительной „подпискѣ“ сказано: „Каждые изъ насъ 2 чело­вѣка рабочихъ при одной лошади должны, кромѣ 1 саж. за мѣсячную плату и $\frac{1}{4}$ саж. изъ поденной платы, вырабатывать еще $\frac{1}{4}$ саж. частно-старательской работы или же, считая въ каждой куб. сажени 40 таратаекъ песковъ“, рабочіе обязывались „вывозить на машину по 10 таратаекъ по частно-старательской работѣ“, получая добавочную плату за пески съ каждой таратайки, а за турфъ съ сажени.

⁴⁾ Арх. Олекм. Горн. Исправ., дѣла 1862 и 1863 гг., №№ 543 и 599.

двѣ положили бы на урокъ, т.-е. на каждого человѣка сажень". Какъ мы видѣли, къ концу 60-хъ годовъ дѣло дошло и до этого. „Обыкновенно,—продолжаетъ Пищиковъ,—2 чел. съ лошадыю и на вышеозначенномъ разстояніи могутъ добыть и вывезти кубическую сажень безъ большого труда, и этотъ урокъ достаточенъ для хозяина и не обременителенъ для рабочихъ". „Большіе уроки ведутъ свою родословную,—говоритъ Пищиковъ въ другомъ мѣстѣ,—отъ громадныхъ выработокъ отрядными рабочими, потому что уполномоченные, видя постоянно у отрядныхъ большія выработки... вообразили себѣ, что рабочіе, нанятые по такъ называемому общему контракту... могутъ выработать такіе же уроки", и „приняли себѣ за правило задавать на 2 чел. и 1 лош. 1½ куб. саж., не соображая того, что эти уроки почти никогда не вырабатываются", и „если иногда показываютъ ихъ „выработанными", то „только тогда, когда рабочіе воровски сами или съ согласія служащаго, находящагося при смотрѣніи за рабочими, передвигаютъ на ¼ или ½ аршина ближе къ началу работъ... шнуръ, означающій окончаніе заданнаго урока" ¹⁾. Но часто уменьшать, такимъ образомъ, урокъ оказывалось, разумѣется, невозможнымъ, а что неотработка урока не проходила рабочему даромъ, это мы увидимъ ниже. Лопатинъ въ своей статьѣ (1871 г.) говоритъ: „Назначеніе уроковъ при всѣхъ земляныхъ работахъ не одинаково и зависитъ отъ различныхъ условій. Если торфа мерзлые или мясниковатые (глинистые) и отвозка ихъ отдалена, то на выработку одной куб. сажени ставится отъ 7 до 15 человѣкъ; если же грунтъ состоитъ изъ сыпучаго песку съ мелкимъ камнемъ (галькою) и не мерзлый, то 1 сажень вырабатываютъ 2 человѣка при 1 лошади" ²⁾. Но если таковъ былъ урокъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, то 10 лѣтъ позднѣе, когда писалъ Лопатинъ, уроки были уже гораздо болѣе, и у самого Лопатина еще въ 1862 году 2 человѣка (виѣстѣ съ обязательнымъ стараніемъ) должны были вырабатывать каждый день пласта или турфа по полторы сажени. Увѣряя въ своей статьѣ, что „урочную работу хорошіе рабочіе зачастую кончаютъ въ 5—6 часовъ вечера", Лопатинъ не упоминаетъ, что кромѣ урочной сажени у него была еще обязательная добавка въ видѣ лишней старательской половины сажени на 2 рабочихъ. Люди, жившіе въ это время на промыслахъ, говорили намъ, что дѣйствительно уроки нерѣдко отрабатывались къ указанному времени и сверхурочной прибавкой, но какъ велико должно было быть для этого напряженіе силъ рабочаго! Корреспондентъ одной петербургской газеты утверждалъ даже, что пріиски были „страшнѣе ваторги" ³⁾.

¹⁾ „Сынъ Отечества" 1861 г., №№ 31 и 50.

²⁾ Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1871 г. т. II, № 4, стр. 34—35.

³⁾ Въ доказательство своихъ словъ онъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „Въ 1861 году ссылался на заводы Енисейской губерніи бѣглый каторжникъ Черниковъ.

Въ то время, какъ общіе контракты представляютъ большое разнообразіе въ размѣрѣ уроковъ, контракты съ отрядными рабочими на вскрышу торфа гораздо менѣе отличаются въ этомъ отношеніи другъ отъ друга, что, по всей вѣроятности, объясняется задѣльной платой отрядныхъ рабочихъ, при которой они сами старались наработать какъ можно болѣе и выше нормы, установленной въ контрактѣ; усердіе къ труду поддерживалось въ нихъ и тѣмъ, что они нанимались на принсковыя работы артелями. Въ огромномъ большинствѣ контрактовъ и Маринскаго, и Енисейскаго округовъ, въ теченіе всего десятилѣтія 60-хъ годовъ, отрядные рабочіе обязывались вскрывать 1 куб. саж. (иногда не менѣе 1 куб. саж.) двумя человѣками на хозяйской лошади; въ нѣкоторыхъ контрактахъ къ этому прибавлено, что сработанное сверхъ урока засчитывается въ стараніе, т.-е. оплачивается по повышенной платѣ ¹⁾. Въ договорѣ съ компаніей Квятковской и Королева (южной част. Енис. окр. 1865 г.) постановлено, чтобы въ будни лишняя старательская выработка была не болѣе $\frac{1}{4}$ саж., а въ праздники полагалось выработать $\frac{1}{4}$ куб. сажени; въ договорѣ же съ Поротовымъ (южн. част. Енисейск. окр. 1865 г.), при такомъ же условіи относительно будней, въ праздники назначено вырабатывать по $1\frac{1}{2}$ куб. сажени. Въ договорѣ съ компаніей Малевинскаго (сѣв. част. Енис. окр. 1865 г.) выработка 1 куб. саж. съ ручной отвозкой на тачкахъ должна была производиться тремя человѣками при разстояніи отваловъ отъ 3 до 50 саж., а въ договорѣ съ компаніей Голубкова и Кузнецова (сѣв. част. Енис. окр. 1867 г.) на тачкахъ—четырьмя человѣками, на лошадяхъ—двумя человѣками. Что и этотъ послѣдній урокъ былъ не малъ, видно изъ слѣдующаго письма довѣреннаго компаніи Голубкова: „О платѣ за излишнюю сверхъ урока выра-

Дорогою онъ сошелся съ поселенцемъ Федоровымъ, пересылавшимся по этапу на принскъ компаніи Рязановыхъ. Черниковъ и Федоровъ поѣхали между собою званіемъ, именами и фамиліями. Черниковъ ушелъ на прински, а Федоровъ—на мѣсто Черникова въ каторгу. На принскахъ Черниковъ пробылъ только до 15 апрѣля и, испытавъ принсковыя работы, чистосердечно самъ объявилъ о себѣ, что онъ каторжникъ“ („С.-Петерб. Вѣдом.“ 1865 г. № 137). Авторъ опроверженія на эту корреспонденцію пытался объяснить приведенный случай тѣмъ, будто бы бѣжать съ каторги удобнѣе, чѣмъ съ принска (°), вслѣдствіе его отдаленности отъ жилыхъ мѣстъ („Журн. Мануфакт. и Торг.“, изд. при Мин. Финансовъ, 1866 г. т. VI), забывая, что не мало народа бѣжало, однако, съ принсковъ и что бѣглому каторжнику также приходилось обыкновенно пробираться по лѣснымъ трупцамъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ.

¹⁾ По договору съ Лопатиннымъ (1862 г.) принсковому правленію предоставлено право заставить рабочихъ вскрывать турфы съ отвозомъ на тачкахъ, но съ тѣмъ, чтобы ручная откатка продолжалась не долѣе 10 сентября. Болѣе частая ручная откатка турфа въ сѣверно-енисейской системѣ объясняется тѣмъ, что стоимость содержанія тамъ лошадей была очень дорога, вдвое дороже содержанія человѣка („Гор. Журн.“ 1860 г., т. IV, стр. 15—16).

ботку турфовъ въ будни въ условіи не было слова, потому что я не предполагалъ, чтобы они могли вырабатывать лишнее“, и затѣмъ слѣдуетъ дозволеніе назначить праздничную плату за излишнюю старательскую выработку сверхъ назначеннаго урока. Мы видимъ, слѣдовательно, что если большіе уроки, какъ думалъ Пищиковъ, „ведутъ свою родословную“ отъ уроковъ отрядныхъ рабочихъ, то послѣдніе умѣли, по крайней мѣрѣ, мѣшать ихъ дальнѣйшему увеличенію въ контрактахъ, и уроки въ 1¹/₂ саж. на 2 человекъ съ лошадью очень рѣдки, хотя, можетъ быть, въ дѣйствительности они иной разъ и вырабатывали болѣе назначеннаго.

Въ случаѣ недоработки назначеннаго урока, рабочіе должны были или отработать его на другой день сверхъ урочнаго назначенія, лишаясь, тѣмъ не менѣе, платы за эту недоработку, или подвергались особому вычету (по одному договору отъ 50 коп. до 3 р., смотря по количеству недоработаннаго урока) ¹⁾. Въ договорахъ съ отрядными рабочими, нанявшимися на вскрытіе турфа, мы встрѣчаемъ, въ случаѣ недоработки урока, или отработку его на другой день, или отработку въ праздничные дни по будничной платѣ, или вычетъ изъ праздничнаго или вообще старательскаго заработка, соотвѣтственно количеству недоработаннаго. Иногда же отрядные рабочіе выговариваютъ въ контрактахъ, чтобы вычета за недоработку съ нихъ не дѣлали.

При началѣ золотопромышленности въ Сибири вознагражденіе за трудъ на промыслахъ было гораздо однообразнѣе и состояло изъ ничтожнаго мѣсячнаго жалованья и болѣе значительной платы за старательскій трудъ. И въ позднѣйшее время въ основѣ вознагражденія за трудъ горнорабочихъ лежитъ та же система, но когда старательская работа слѣвалась обязательною и превратилась въ простое продолженіе урочной работы, вознагражденіе за трудъ горнорабочихъ приняло нѣсколько болѣе разнообразныя формы.

Мѣсячное жалованье для горнорабочихъ продолжало существовать и, притомъ, въ прежнемъ ничтожномъ размѣрѣ, хотя обыкновенно оно примѣнялось лишь въ тѣ мѣсяцы, когда не было промывки золота. Мѣсячное вознагражденіе ремесленниковъ и, такъ называемыхъ, „разночинцевъ“ было попрежнему значительно выше жалованья чернорабочихъ. Пищиковъ въ своей статьѣ говоритъ: „Чернорабочій, зарабатывающій хозяину всѣ расходы, потому что золото добывается его руками, этотъ

¹⁾ По договору съ Даниловымъ (южн. част. Енис. окр. 1863 г.), въ случаѣ недоработки, — или лишеніе платы за невыработанное количество, или отработка на другой день. По договорамъ Олекминскаго округа съ Рукавишниковымъ (1862 г.) и Марковымъ (1862 г.) за недоработку полагался денежный вычетъ, въ первомъ пропорціонально количеству, недостающему до урока, во второмъ — по 15—25 к. въ день.

человѣкъ, находящійся постоянно на трудной земляной работѣ подѣ влияніемъ всѣхъ пережѣтъ въ воздухѣ, всегда грязный, оборванный, измученный, обиженный продовольствіемъ, живущій иногда въ тѣсныхъ, сырыхъ, душныхъ лачугахъ или землянкахъ, получаетъ жалованья только 3 р. 15 коп. въ мѣсяцъ, *состоящій изъ 30 рабочихъ дней*, или просто 10¹/₂ коп. с. въ день, а въ праздники, не получая и этого жалованья“, пользуется лишь вознагражденіемъ за стараніе. Напротивъ, „конюхъ, хлѣбопекъ, плотникъ или одинъ изъ такъ называемыхъ на пріискахъ разночинцевъ ¹⁾, пользующійся хорошею квартирой, полуторнымъ продовольствіемъ, всегда разодѣтый, какъ на праздникъ, не отягощенный работой, получаетъ жалованья отъ 10 до 15 р. въ мѣсяцъ или отъ 35 до 50 коп. въ день, не исключая и праздниковъ“ ²⁾. Н. Латкинъ, разсматривая вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ и увеличеніи ихъ заработковъ, говорить: „Прежде всего, должна быть уничтожена обязательная трехрублевая мѣсячная плата, которая до сихъ поръ еще помѣщается почти что въ каждомъ условіи съ рабочими и даетъ мѣсто широкому произволу. Замѣтна ея болѣе раціональнымъ и справедливымъ расчетомъ много помогла бы дѣлу... Въ нѣкоторыхъ компаніяхъ, какъ это мнѣ хорошо извѣстно, въ особенности начиная съ прихода рабочихъ на промысла, въ февралѣ и мартѣ, до начала промывки, а также зимою и лѣтомъ, рабочимъ, работающимъ въ такъ называемыхъ поторжныхъ работахъ, существуетъ подобная трехрублевая плата“. Однако, „у многихъ благоразумныхъ хозяевъ,—продолжаетъ Латкинъ,—подобной низкой мѣсячной платы не существуетъ, а если и рассчитываются рабочіе изъ поденной платы, то таковая бываетъ отнюдь не ниже 25, 30 или 40 коп. въ сутки“ ³⁾.

Въ дѣйствительности вознагражденіе было не одинаково не только у разныхъ золотопромышленниковъ, но и у одного и того же хозяина въ разные годы. Такъ, наприм., рабочіе, нанявшіеся въ 1864 году на дѣтнюю операцію къ золотопромышленницѣ Лавровской (Маріинск. округа), должны были получать мѣсячную плату въ 3 р. въ мѣсяцъ и, кромѣ того, особую старательскую плату. Напротивъ, по договору съ нею же, заключенному въ ноябрѣ того же года, рабочіе должны были получать трехрублевую мѣсячную плату только съ поступленіемъ на пріискъ до начала промывки (а въ праздничные дни въ это время особую повышенную плату), съ начала же промывки поденную плату за исполненіе извѣстнаго урока. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Колчинымъ (въ мартѣ 1865 г.) мѣсячное жалованье назначено

¹⁾ Скарятинъ называетъ разночинцами промывальщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ, хлѣбопеконъ, кашеваровъ, конюховъ и т. п. „Замѣтки золотопр.“ II, 69.

²⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 50.

³⁾ „Содѣйствіе русской промышленности и торговли“, 1862 г. Прибав. къ № 3.

выше обычнаго, а именно отъ 6 до 9 р. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней (а въ праздники плата съ золотника добытаго золота), но съ тѣмъ, что если они не будутъ выполнять назначенныхъ имъ уроковъ, то, вмѣсто 6—9 р., они должны были получать по 5 р. въ мѣсяцъ. Изъ числа горнорабочихъ возвышенную мѣсячную плату получали рабочіе, опредѣленные на шурфовку. По договору съ золотопромышленникомъ Флягинымъ (1865 г.) они должны были получать по 12—15 р. въ мѣсяцъ, но если не будутъ выполнять назначеннаго имъ урока, то, кромѣ общей мѣсячной платы въ 3 р. 50 коп., такіе рабочіе должны были „разсчитываться по усмотрѣнію управленія“.

На золотыхъ промыслахъ въ Киргизской степи, въ Кокбектинскомъ округѣ, мѣсячная плата была отъ 2 до 5 р.: первая полагалась мальчишкамъ отъ 12 до 14 лѣтъ; остальные рабочіе получали увеличенное жалованье, смотря по силѣ и проворству, но не болѣе 5 р. Жены киргизъ часто нанимались въ работу съ мѣсячною платой въ 3—4 р. и большею частью употреблялись для ручного отвоза въ тачкахъ вскрываемаго торфа ¹⁾.

На промыслахъ Восточной Сибири наиболѣе обычнымъ мѣсячнымъ жалованьемъ для чернорабочихъ,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно существовало,—было также 3 рубля. Жандармскій штабъ-офицеръ Енисейской губ. Боркъ писалъ (1861 г.) о трехрублевой мѣсячной платѣ, какъ объ общераспространенномъ явленіи. Скарятинъ въ своей книгѣ, написанной въ 1860 году ²⁾, свидѣтельствуетъ, что собственно „жалованье рабочему, по контракту, какъ было опредѣлено съ самаго начала золотопромышленности по 3 р. въ мѣсяцъ, такъ и осталось до сихъ поръ“. Но постепенно,—по крайней мѣрѣ, для лѣтнаго времени,—мѣсячная плата вытѣснялась платою въ день за исполненіе назначеннаго урока. Кромѣ того, и мѣсячная плата бывала иногда въ дѣйствительности выше назначенной по контракту ³⁾. По договору 1865 г. съ Окуловымъ было постановлено, что „такъ какъ въ зимнее время старательскихъ работъ не бываетъ, то рабочіе должны были получать съ 11 сент. по 1 апр. 1866 г. отъ 6 до 15 р. на человѣка въ мѣсяцъ“, смотря по трудамъ cadaго, въ лѣтнее же время было иное вознагражденіе. По договору съ Крутовскимъ чернорабочіе должны были получать съ 10 сент. 1868 г. по 1 мая 1869 г. за вскрытіе торфа 4 р. 50 коп. до 6 р. въ мѣсяцъ,

¹⁾ „Рус. Слово“ 1861 г. № 6, стр. 17—18; „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1870 г. № 1.

²⁾ Ч. II, 217.

³⁾ Такъ, наприм., по общему контракту К^о Бевадъ, на операцію 1861—62 г. чернорабочіе должны были получать по 3 р. 43 коп. въ мѣсяцъ, въ донесеніи же горному исправнику о размѣрѣ вознагражденія рабочимъ на этихъ промыслахъ въ 1862 г. сказано, что чернорабочіе получали зимою отъ 6 до 8 р. въ мѣсяцъ, а лѣтомъ вознагражденіе было подневное за исполненіе извѣстнаго урока.

а находящіеся въ разныхъ поторжныхъ работахъ, кромѣ мастеровыхъ, 4—5 р., а съ 1 мая до 10 сент. повышенную поденную плату.

Такія же различія при опредѣленіи мѣсячной платы мы встрѣчаемъ и въ общихъ контрактахъ сѣверной части Енисейскаго округа ¹⁾, а также и въ Олекминскомъ округѣ ²⁾.

Мѣсячное жалованье рабочимъ на шурфовкахъ въ поисковыхъ партіяхъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа колебалась между 5 и 20 руб. Въ Олекминскомъ округѣ, по договору съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.), рабочіе въ поисковыхъ партіяхъ должны были получать по 6 р. въ мѣсяцъ, если имъ будетъ положена старательская плата, какъ чернорабочимъ на прискахъ; въ противномъ же случаѣ отъ 10 до 12 р. въ мѣсяцъ, смотря по усердію въ работѣ.

Что касается мѣсячнаго жалованья разнымъ мастеровымъ, ремесленникамъ и т. п., то въ контрактахъ, въ различныхъ документахъ присковыхъ архивовъ и въ донесеніяхъ присковыхъ управленій горному исправнику мы встрѣчаемъ плату въ южной части Енисейскаго округа въ слѣдующемъ размѣрѣ: кузнецамъ 8—33 р., хлѣбопекамъ, поварамъ и плотникамъ 6—20 р., столярамъ 7—20 р., конюхамъ 6—25 р., дровопиламъ 6—12 р., квасоварамъ и кашеварамъ 4—15 р. въ мѣсяцъ, причемъ въ лѣтнюю операцію жалованье было всегда больше, чѣмъ въ зимнюю. Женщины (страпки, коровницы, прачки) получали 3—5 р. въ мѣсяцъ ³⁾. Въ Олекминскомъ округѣ мы встрѣтили слѣдующія данныя относительно жалованья мастеровымъ: кузнецамъ 9—30 р., хлѣбопекамъ и поварамъ 6—15 р., конюхамъ 10—30 р., плотникамъ 7—30 р. Сравнивая мѣсячное жалованье мастеровымъ и разночинцамъ въ 60-хъ

¹⁾ По договору съ К^о Толкачева (1869 г.) рабочіе должны были получать до начала промывки песковъ по 3 р. 15 коп. въ мѣсяцъ, а съ начала промывки, сверхъ 10 коп., въ будни еще старательскую плату. Напротивъ, по договору на всѣ работы съ К^о Малевинскаго съ 11 сент. 1868 по 1 марта 1869 г. рабочіе должны были получать жалованье по 10 р. въ мѣсяцъ. По словамъ Л. О. Пантелѣева, подобную же плату (или немного менѣе) получали въ это время рабочіе зимою въ большинствѣ компаній сѣверно-енисейской системы.

²⁾ Въ договорѣ съ Ленскимъ товариществомъ (1863 г.) упоминается объ „обыкновенной платѣ изъ трехрублеваго оклада въ мѣсяцъ“, а по общему контракту съ Прибрежно-Витимскою К^о (1867 г.) рабочіе должны были получать весь годъ въ будни плату, считая по 4 р. 50 коп. въ мѣсяцъ (лѣтомъ къ этому прибавлялась старательская плата).

³⁾ Наибольше обычное жалованье мастеровымъ въ южной части Енисейскаго округа (во второй половинѣ 60-хъ годовъ), по словамъ Н. Латкина, было слѣдующее: кузнецы получали 10—20 р. въ мѣсяцъ, хлѣбопеки и повара—10—15 р., промывальщики—15—20 р., конюхи—10—15 р., быководы, дровоилы, квасовары, кашевары и другіе второстепенные мастеровые—8—12 р., плотники и столяры—10—15 р., машинисты и старшіе плотники—20—25 р. „Очеркъ зол. пром. енис. окр.“ Сиб. 1869 г., стр. 122.

годах съ вознагражденіемъ въ предшествующее десятилѣтіе, мы не находимъ въ немъ существенныхъ измѣненій, и если произошло нѣкоторое повышение, то развѣ только для времени промывки золота. Въ нѣкоторыхъ общихъ контрактахъ назначеніе платы мастеровымъ предоставлялось усмотрѣнію пріисковаго управленія.

Еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ на нѣкоторыхъ промыслахъ стало входить въ обыкновеніе платить не мѣсячную плату по 3 руб. въ мѣсяцъ за 30 рабочихъ дней, а урочную плату (за исполненіе извѣстнаго урока), причемъ въ праздничные дни плата была гораздо болѣе, чѣмъ въ будни, такъ какъ она соотвѣтствовала прежней праздничной старательской платѣ. Эта система была довольно развита и въ 60-хъ годахъ, причемъ на нѣкоторыхъ промыслахъ до начала промывки существовала мѣсячная плата, а во время лѣтной операціи—урочная. По словамъ Н. Латкина, „обыкновенно на хорошо устроенныхъ промыслахъ (Енисейскаго округа), гдѣ желаютъ привязать къ себѣ хорошихъ работниковъ и избѣжать ихъ побѣговъ, тамъ плата назначается съ выработки куб. саж. пласта и турфа, избѣгая произвольной поденной или помѣсячной платы, а если и даютъ таковую, то соображаясь съ прочею задѣльной платой, чтобъ она была съ нею, по возможности, соразмѣрна. Къ сожалѣнію,—продолжаетъ Латкинъ,—до сихъ поръ есть промыслы, гдѣ на это мало обращаютъ вниманія и, руководствуясь рутинной, стараются, вопреки мѣстнымъ условіямъ и контрактамъ съ рабочими, давать рабочимъ плату, не соотвѣтственную работѣ и низшую противъ другихъ промысловъ, отчего на такихъ промыслахъ рабочіе бываютъ недовольны, и частые побѣги ихъ бываютъ послѣдствіемъ таковыхъ неблагоприятныхъ распоряженій и достойнымъ за это наказаніемъ“ ¹⁾.

По договору 1864 г. съ Лавровскою (Маріинскій округъ) назначено было слѣдующее вознагражденіе: до начала промывки въ будни по 10 коп., т. е. 3 руб. за 30 дней, а въ праздники и табельные дни—по 50 коп. въ день; съ начала же промывки за вскрышу 1 куб. саж. торфа съ отвозкою его въ отвалы двумъ человѣкамъ, при одной хозяйской лошади, въ будни—80 коп. (по 40 коп. каждому), а въ праздники—1 руб. 60 коп.; за добычу золотоносныхъ песковъ, вывозку на машину и промывку ихъ, съ уборкою эфеля и гальки, за каждую выработанную и промытую на машинѣ куб. сажень въ будни — 1 руб. 20 коп., въ праздники — 2 руб. 40 коп. Въ договорѣ было указано, какъ должно было распредѣляться вознагражденіе за добычу и промывку песковъ между рабочими: изъ только что указанной платы (1 руб. 20 коп. въ будни и 2 руб. 40 коп. въ праздники съ выработанной и промытой куб. сажени) промывальщики должны были получать постоянно съ на-

¹⁾ Ibid., стр. 121.

чала промывки золота на приискѣ въ будни по 70 коп. и въ праздники по 1 руб. 40 коп., остальная же затѣмъ плата за выработку и промывку песковъ распредѣлялась между забойщиками, отвальщиками гальки и эфеля и другими, находившимися при добычѣ и промывкѣ песковъ рабочими (кромѣ машинистовъ, получавшихъ особую плату отъ управленія), изъ которыхъ каждый забойщикъ получалъ въ будни на 10 коп., а въ праздники на 20 коп. въ день *болѣе, чѣмъ каждый изъ остальныхъ рабочихъ*; оставшаяся сумма должна была дѣлиться между этими послѣдними или поровну, или сообразно трудамъ каждаго, по усмотрѣнію приискаго управленія.

Изъ общихъ контрактовъ и донесеній исправнику мы узнаемъ, что въ Маринскомъ и Енисейскомъ округахъ существовала въ 60-хъ годахъ слѣдующая урочная плата: при вскрышѣ торфа съ конною отвозкой за куб. сажень двумя человѣками въ будни всего чаще 60—80 коп. и только за мерзлый торфъ 1 руб. (слѣдовательно, на каждаго работника по 30—50 коп. въ день), а въ праздники за сажень—1 руб. 20 коп.—2 руб. (за мерзлый торфъ 2 руб. 40 коп.); ручнымъ откатомъ 3—4-ми работниками всего чаще въ будни 1 руб. 20 коп.—1 руб. 60 коп. (въ К^о Бенардаки и Латкина „не менѣе 75 коп.“), въ праздники 2 руб. 80 коп.—3 руб. 20 коп. (у К^о Бенардаки и Латкина—2 руб., у Поповыхъ—2 руб. 40 коп., у Мясниковыхъ—4 руб. 20 коп.). За добычу и вывозку куб. сажени песковъ въ будни—70 коп.—1 руб., въ праздники—1 руб. 40 коп.—2 руб.; за добычу, вывозку и промывку песковъ съ куб. сажени въ будни—1 руб.—1 руб. 20 коп., въ праздники—2 руб.—2 р. 40 коп.; плата эта дѣлилась между всѣми, участвовавшими въ работѣ, но обыкновенно, какъ мы видѣли изъ договора съ Лавровскою, не поровну ¹⁾).

Въ Олекминскомъ округѣ, по одному договору, рабочіе за выработку 1 куб. саж. при вскрышѣ талаго торфа 2-мя человѣками, а мерзлаго—сколькими потребуется, должны были получать съ 10 сентября по 1 мая по 15 к. въ будни и по 50 к. въ праздники; съ 1 же мая они обязывались вырабатывать еще по $\frac{1}{2}$ куб. саж. старательскою работою и должны были получать за урочную куб. сажень по 50 коп. ²⁾),

¹⁾ На Гавриловскомъ приискѣ К^о Рязановыхъ и др. (сѣверная часть Енисейскаго округа) въ операцію 1869—70 гт., при добычѣ торфа общеконтрактными рабочими, оказалось, что при вознагражденіи мѣсячною платою, одна поденщина обошлась въ 40 коп. въ день, а добыча сажени—1 руб. 71 коп.; урочными работами одна поденщина обошлась въ 45 коп. и добыча сажени въ 1 руб.; старательскими работами—одна поденщина около 90 коп., добыча сажени—болѣе 2 руб. При промывкѣ песковъ поденщина обошлась въ 52 коп., а добыча и промывка куб. сажени песковъ—1 р. 35 к., старательскими работами—поденщина около 1 руб. 5 коп., а сажень—2 руб. 80 коп.

²⁾ Изъ этого видно, какъ введеніе обязательныхъ полуторныхъ уроковъ возмѣнило плату за урочную работу.

а за старательскую работу, какъ въ будни, такъ и въ праздники, по 1 руб. 40 коп. съ сажени. При ручномъ откатѣ 4 человѣка должны были получать за урочную выработку 1 руб. 50 к., за старательскую— 3 руб. за сажень. При работѣ на пескахъ полагалась подневная плата.

Выше, чѣмъ общеcontrактныхъ, было вознагражденіе рабочихъ, нанимавшихся артелями исключительно на выработку торфа или на плотничныя работы, такъ называемыхъ отрядныхъ или подрядныхъ рабочихъ. Хотя еще въ концѣ 50-хъ годовъ вознагражденіе этихъ рабочихъ понизилось сравнительно съ первою половиною 50-хъ годовъ и на этомъ болѣе низкомъ уровнѣ оно стояло въ теченіе всего десятилѣтія 60-хъ годовъ, но, все-таки, вознагражденіе, получаемое ими, было выше платы общеcontrактныхъ. Въ запискѣ комитета, учрежденнаго въ Иркутскѣ Корсаковымъ въ октябрѣ 1861 г., сказано объ отрядныхъ рабочихъ слѣдующее: „Рабочіе изъ Великороссійскихъ губерній обыкновенно нанимаются на промысла въ отрядныя работы артелями. Обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи несравненно болѣе поселенцевъ, нравственнѣе и воздержнѣе сихъ послѣднихъ, а потому независимѣе отъ нужды и свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, они получаютъ за свою работу болѣе возвышенную плату, чѣмъ сибирскіе рабочіе, нанимающіеся въ такія же работы одиночно, по такъ называемымъ общимъ контрактамъ... Золото-промышленники... соглашались на уплату возвышенныхъ цѣнъ, потому что труды этихъ рабочихъ находятъ для себя и необходимыми, и производительными. Между артельными рабочими не случается ни побѣговъ, ни уклончивости отъ работъ, ни болѣзненности въ такихъ размѣрахъ“, какъ „между общеcontrактными; задатковъ они требуютъ самыхъ ничтожныхъ, а иногда нанимаются въ работу и вовсе безъ задатковъ“¹⁾. Изъ 38 извѣстныхъ намъ контрактовъ на вскрытіе турфа (60-хъ годовъ) южной части Енисейскаго округа въ 35 говорится о вскрытіи турфа исключительно на лошадяхъ, въ одномъ—на лошадяхъ и ручнымъ откатомъ и въ двухъ—только ручнымъ откатомъ. При конной отвозкѣ турфа наиболѣе обычнымъ урокомъ была выработка 1 куб. сажени въ день на 1 лошади для 2 человѣкъ (К^о Квятковскаго и Королева увеличила праздничный урокъ въ одномъ договорѣ до 1¹/₄, а въ другомъ—до 1¹/₂ куб. саж., хотя праздничное вознагражденіе по этимъ договорамъ было не выше, а ниже средняго уровня: въ первомъ—1 руб. 80 коп., во второмъ—2 руб. съ сажени). Вознагражденіе за исполненіе урока въ будни, т.-е. за добычу сажени 2-мя рабочими, при отвозкѣ турфа на лошадяхъ, колебалось между 70-ю коп. и 1 рублемъ за исполненіе урока въ будни, если же взять среднюю цифру изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ, то получимъ 86 коп. (на двоихъ) за урочную сажень. Воз-

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III.

награжденіе за исполненіе урока на турфахъ въ праздничный день колебалось между 1 руб. 70 коп. и 3 руб. за сажень (на двоихъ), а въ среднемъ получаемъ 2 руб. 18 коп.¹⁾; слѣдовательно, на каждого рабочаго въ среднемъ (если они не вырабатывали болѣе урока) приходилось на торфахъ въ будни по 43 коп., въ праздники—по 1 руб. 9 к. Объ отвозкѣ турфа-ручнымъ откатомъ упоминается, какъ мы уже говорили, только въ 3 договорахъ съ отрядными рабочими южной части Енисейскаго округа²⁾. При обозначеніи платы въ праздничные дни обыкновенно прибавляется, что по такой же нормѣ производится вознагражденіе рабочихъ и за сверхурочную (старательскую) работу въ будни. Слѣдовательно, если отрядные рабочіе вырабатывали въ день болѣе, чѣмъ назначено въ контрактѣ, то они получали и болѣшую плату, но въ нѣкоторыхъ контрактахъ встрѣчается при этомъ оговорка, что такая сверхурочная работа не должна превышать $\frac{1}{4}$ куб. саж., и, слѣдовательно, на каждого рабочаго въ такомъ случаѣ приходилось по $\frac{1}{4}$ к. с. Если взять среднее праздничное вознагражденіе за сажень (2 р. 18 к.), то это составитъ прибавку къ будничному заработку въ 27 коп.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа, безъ сомнѣнія вслѣдствіе большой дороговизны содержанія лошадей, было гораздо болѣе распространено добываніе торфа съ ручной откаткой. Изъ 13 извѣстныхъ намъ договоровъ этого округа отрядныхъ рабочихъ (на вскрышу турфа) въ 6-ти дѣло идетъ объ отвозкѣ исключительно на лошадяхъ, въ 2 исключительно о ручной откаткѣ и въ 5—о томъ и другомъ способѣ отвоза торфа. При конной отвозкѣ плата за выполненіе урока колебалась въ будни между 60 к. и 1 р. 50 к., въ среднемъ двое получали 94 к. или 47 к. на каждого (за исполненіе урока). При ручномъ откатѣ 3-мя людьми (а въ одномъ договорѣ 4-мя) за исполненіе урока платили въ будни отъ 80 коп. (на троихъ—въ договорѣ К^о Малевинскаго 1868 г.) до 1 р. 50 к., т.-е. 27—50 к. въ день на каждого, а въ среднемъ 1 р. 14 к. за сажень; въ праздники отъ 1 р. 80 к. (въ томъ же договорѣ К^о Малевинскаго) до 2 р. 70 к. (60—90 к. въ день на каждого), а въ среднемъ за сажень 2 р. 40 к.³⁾.

¹⁾ Общеконтрактные рабочіе получали, какъ мы видѣли, за урочную сажень въ будни обыкновенно 60—80 коп., въ праздники—1 руб. 20 коп.—2 руб.

²⁾ Въ контрактѣ съ Сидоровымъ (1863 г.) 3 рабочихъ за добычу и откатку на тачкахъ 1 куб. с. получали вмѣстѣ въ будни 1 р. 30 к. (по 43 к. на каждого), въ праздники 3 р. (по 1 р. на каждого); въ договорѣ съ К^о Зотовыхъ (1863 г.) также 3 рабочихъ получали въ будни за сажень 1 р. 60 к. (53 к. на каждого), въ праздники 3 р. 20 к. (1 р. 7 к. на каждого) и, наконецъ, въ договорѣ съ Лопатиннымъ (1862 г.) за вскрышку и откатку 1 куб. с. торфа 4-мя людьми въ будни получали 2 р. (по 50 к. на каждого), въ праздники 4 р. 50 к. (по 1 р. 12 к.).

³⁾ При вскрышѣ торфа по особому условію на Гавриловскомъ приискѣ Рязановыхъ и К^о въ операцію 1869—70 гг. урочными работами поденщина обошлась въ

Н. Латкинъ, сходно съ показаніями контрактовъ, утверждаетъ, что подрядные рабочіе или нижегороды получали въ Енисейскомъ округѣ за вскрышу торфа (очевидно, при конной отвозкѣ) отъ 80 к. до 1 р. 20 к. и даже 1 р. 50 к. за сажень, смотря по свойству торфа. Въ воскресные и табельные дни и за старательскую перевыработку въ будни отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 50 к. за сажень (какъ мы видѣли, бывало вознагражденіе и въ 3 руб.).

Жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ свидѣтельствуетъ, что „нижегороды всегда остаются довольными, зарабатываютъ хорошія деньги, никогда не бѣгаютъ и почти никогда не жалуются“; онъ же говоритъ, что нижегороды нерѣдко являлись на промысла даже съ собственными лошадьми. Н. Латкинъ также говоритъ: „Вообще подрядные рабочіе значительно отличаются въ работѣ отъ неподрядныхъ; они всегда старательны, никогда не бѣгаютъ съ промысловъ, а потому ихъ нанимаютъ охотно“ (стр. 123).

Оригинальный договоръ былъ заключенъ съ рабочими компаніею Бенардаки (южной части Енисейскаго округа) въ маѣ 1861 г.: рабочіе нанимались на *всю* работы (слѣдовательно, это были общеконтрактные) до 10 сентября, „а въ случаѣ надобности и до 1 октября 1861 г. за постоянную плату по 25 руб. каждый мѣсяцъ, заключающій въ себѣ 30 дней будничныхъ и *праздничныхъ*“, въ которые они „должны быть неуклонно каждый день на работѣ *безъ всякой особой за стараніе платы*“,—слѣдовательно, было уничтожено всякое различіе между урочными и старательскими работами. Въ каждый мѣсяцъ по очереди или по усмотрѣнію управляющаго имъ полагался *1 день отдыха* безъ всякой платы за него. За дни перехода при шурфовкѣ изъ одной мѣстности въ другую рабочимъ полагалась обычная плата. По договору съ К^о Бенардаки (1870 г. южной части Енисейскаго округа) „за всякую промысловую работу“ рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ по 30 р. Мы встрѣтили и еще въ южной части Енисейскаго округа нѣсколько болѣе или менѣе сходныхъ съ этимъ договоровъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ. Такъ, по договору съ Завадскимъ (1869 г.) чернорабочіе должны были получать въ зимніе мѣсяцы до 1 мая 4 руб. 50 к. — 6 руб., а съ перваго мая или съ открытія промывки: забойщики 18 — 21 р. въ мѣсяцъ, т.-е. въ будни и праздники, по 60—70 к. въ день, возчики — 15 р. или по 50 к. въ день, хвостовые и поторжные — 10 р. 50 к. —

60 к., а вскрыша 1 к. с. торфа 1 р., старательскими работами — поденщина 2 руб. 32 к., а сажень—2 р. (по договорамъ на турфы этой компаніи 1865—67 гг. вскрытие производилось только съ конною отвозкой). Слѣдовательно, здѣсь при урочныхъ работахъ отрядныхъ рабочихъ сажень (при конной вывозкѣ) вырабатывалась менѣе, чѣмъ двумя людьми, а при старательскомъ вознагражденіи даже одинъ человѣкъ вырабатывалъ болѣе сажени.

12 руб. въ мѣсяцъ или 35—40 въ день ¹⁾. По контракту съ Вилямовскимъ (1870 г.) вознагражденіе въ лѣтніе мѣсяцы назначено было „по степени работъ“ и способностямъ каждаго—отъ 25 р. въ мѣсяцъ“. Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ уже на нѣкоторыхъ промыслахъ мѣсячное вознагражденіе болѣе значительнаго размѣра, но зато съ уничтоженіемъ всякаго различія между урочною и старательскою работою, между буднями и праздниками и съ огромными уроками.

На нѣкоторыхъ промыслахъ для всѣхъ рабочихъ, на другихъ лишь для части ихъ существовала, вмѣсто урочной, поденная плата. Н. В. Латкинъ относительно поденной платы гогоритъ: „Рабочіе при промывкѣ песковъ у машинъ, возчики песковъ, отвозчики эфеля и гальки получаютъ поденную плату отъ 40 до 50 к. с. въ будни и отъ 80 к. до 1 р. въ воскресные и табельные дни; прочіе поленщики, обыкновенно рабочіе средней руки, получаютъ отъ 20, 30 до 35 к. с. въ будни, а въ воскресные и табельные дни по 70 и 80 к. с.“ (стр. 122). Мы видѣли выше, что при добычѣ и промывкѣ золота въ нѣкоторыхъ договорахъ назначалась плата съ каждой сажени промытаго песку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалось, какъ поденно должно было распредѣляться вознагражденіе между рабочими ²⁾.

До начала промывки въ будни горнорабочимъ выдавалась обыкновенно мѣсячная плата, а въ праздники иногда поденная (50 к.—1 р.), на другихъ же промыслахъ въ зимнюю операцію особой праздничной платы не было. Поденная плата иногда назначалась и мастеровымъ. Если, на основаніи поденной платы мастеровыхъ и разночинцевъ, мы вычислимъ мѣсячное жалованье, то увидимъ, что при поденномъ вознагражденіи они получали столько же, сколько и при мѣсячномъ.

¹⁾ За такую плату забойщики и возчики должны были вырабатывать огромные уроки, а именно торфа съ отвозкою въ отвалахъ на 1 лошади 2-мя человѣками не менѣе 2 куб. саж., а при мерзлотѣ не менѣе 1½ к. с., песковъ добыть и подвезти на машину на 2 лошади 4-мя рабочими, полагая въ томъ числѣ и возчика—2¼ и не менѣе 2½ куб. с., а 5-ю рабочими тоже на 2 лошади 3½, и не менѣе 3 куб. с. Въ случаѣ ненастья, управленіе обязывалось сбавлять урокъ, но не болѣе, какъ на ¼ куб. саж.

²⁾ По договорамъ съ К^о Бенардаки и Сидорова 1860—61 гг. (южной части Енисейскаго округа) промывальщики получали въ будни 50—60 коп., въ праздники 1 р.—1 р. 20 к. На принскѣ г-жи Бевадь (1862 г., южно-енисейская система) полагалась поденная плата не только при промывкѣ, но и при добычѣ песковъ, а именно забойщики получали по 50 к., возчики гальки, эфеля и песковъ по 30 к., свальщики по 40 к., а въ праздники старательскихъ 1 р.—2 р. На промыслахъ Олекминскаго округа К^о Катшинева при добычѣ и промывкѣ песковъ полагалось (1862 г.) слѣдующее поденное вознагражденіе: забойщикамъ, свальщикамъ и промывальщикамъ въ будни по 50 к., въ праздники по 1 р. 50 к., пробщики, разборщики, возчики песковъ и гальки, а также шурфовщики и за вскрышу турфовъ и прочія горныя работы по 35 к. въ будни и по 1 р. 20 к. въ праздники.

Въ шестидесятихъ годахъ старательскія работы были почти всегда обязательны для рабочихъ; такъ какъ вслѣдствіе этого трудно говорить объ урочныхъ работахъ отдѣльно отъ старательскихъ, то намъ и пришлось уже сообщать свѣдѣнія о старательскомъ вознагражденіи на тѣхъ промыслахъ, гдѣ мѣсячное жалованье замѣнилось урочнымъ или поденнымъ вознагражденіемъ. Въ печати уже встрѣчаются въ это время протесты противъ самой системы старательскихъ работъ: вмѣсто того, чтобы установить равномѣрное и соотвѣтственное труду вознагражденіе, золотопромышленники предпочитали оплачивать по низкой нормѣ урочную или хозяйскую работу и по масштабу вдвое-втрое большому праздничный трудъ или добавочный трудъ въ будни. Такимъ образомъ, высокая старательская плата какъ будто скрашивала ничтожность вознагражденія за урочный трудъ и притомъ заставляла рабочихъ такъ напрягать свои силы, какъ они не стали бы этого дѣлать при равномѣрномъ вознагражденіи. Авторы нѣкоторыхъ статей о положеніи приисковъ рабочихъ ¹⁾ съ негодованіемъ говорятъ о системѣ старательскихъ работъ или, какъ выражается одинъ изъ нихъ, „хитрообдуманнаго, убійственнаго старанія“. Насколько важную роль играли въ золотопромышленности старательскія работы, видно изъ словъ Пищикова, что у многихъ посредствомъ старанія добывается треть, у нѣкоторыхъ—четверть и лишь у немногихъ—пятая часть золота.

Объ обязательности старательскихъ работъ въ праздники мы находимъ, во-первыхъ, указанія въ современной печати. Пищиковъ говоритъ: „Если рабочій, выбившійся изъ силъ, просить отдыха хотя въ праздничный день (жертвуя для этого старательской платой), ему не дають этого отдыха“ ²⁾. Въ одной газетной корреспонденціи сказано, что „законъ исключаетъ изъ обязательной работы табельные и праздничные дни и дозволяетъ въ эти дни только добровольную старательную работу. Но золотопромышленники давно уже превратили эти старательныя работы въ обязательныя“ ³⁾. Авторъ возраженія на эту корреспонденцію, признавая, что *будничныя* старательскія работы сдѣлались для рабочихъ обязательными, утверждаетъ, что работа въ праздники вполнѣ зависитъ отъ желанія рабочихъ ⁴⁾. Но это опровергается показаніями самихъ золотопромышленниковъ. Н. Латкинъ какъ будто и не представляетъ себѣ возможности прекращать въ праздники работу на золотыхъ промыслахъ: „По краткости лѣта, — говоритъ онъ, — работы на промыслахъ про-

¹⁾ См., напримѣръ, „Амуръ“ 1861 г., № 61, стр. 530

²⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г., № 50, стр. 1503.

³⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1865 г., № 137.

⁴⁾ „Журн. Мануф. и Торгов.“ 1866 г., т. VI, К. 4—6; „Замѣч. на письмо изъ Красноярска о золотомъ промыслѣ“.

изводятся во всё воскресные и табельные дни" (стр. 122). Лопатинъ говорить совершенно категорично: „Въ воскресные и праздничные дни ведутся одні старательскія работы... за особую, условную, возвышенную плату, съ тѣмъ, чтобы стараніе это было общее, обязательное... Промывка золота требует общности въ работѣ; нежеланіе нѣсколькихъ чело-вѣкъ принять участіе въ такой работѣ можетъ остановить все дѣло... поэтому, чтобы не было уклоненія со стороны лѣнливыхъ, признана она обязательною для всѣхъ" (стр. 34).

Это подтверждаютъ и договоры золотопромышленниковъ съ рабочими. Авторъ одной статьи о золотыхъ промыслахъ Томской губерніи говорить о включеніи въ контракты обязательства работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, какъ объ общераспространенномъ явленіи ¹⁾.

Въ общихъ контрактахъ южной части Енисейскаго округа мы почти всегда находимъ обязательство рабочихъ трудиться во всё праздники, причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ прибавлено: „чтобы послѣ не роптать на малость заработка" (ясное свидѣтельство о недостаточности платы за урочныя работы). Но такъ какъ работать непрерывно было невозможно, то въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаются указанія о дняхъ отдыха, предоставляемыхъ рабочимъ (см. ниже) ²⁾.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ контрактовъ 60-хъ годовъ необязательными старательскія работы въ праздники оказались для горнорабочихъ только въ контрактахъ съ Безобразовымъ (1861 г.) и съ К^о Ще-

¹⁾ А. III. „Уголки золотопромышленнаго міра" („Дѣло" 1870 г., № 7, стр. 53). Укажемъ нѣкоторые отдѣльные примѣры. Въ договорѣ съ Лавровскою (Мар. окр., 1864 г.) сказано: „Чтобы отработать выданные намъ управляющимъ задатки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заработать деньги на взносъ государственныхъ податей и повинностей, равно какъ и на содержаніе своихъ семействъ, обязаны мы, для пользы управленія и своей собственной, особенно стараться по вскрытіи турфовъ и добычѣ и промывкѣ золото-содержащихъ песковъ въ табельные и воскресные дни, производа эти старательскія работы, гдѣ будутъ указаны, и непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ въ будніе дни". Далѣе еще разъ подтверждается, что рабочіе должны „стараться непремѣнно всё праздничные дни". По договору съ золотопромышленникомъ Маріинскаго и Ачинскаго округовъ Цыбульскимъ (1864 г.) рабочіе обязывались „въ воскресные и табельные дни непремѣнно выходить на такъ называемыя старательскія работы полною командой... Всѣ старательскія работы — вскрышу торфа кубическими сажнями съ отвозкою въ отвалъ, добычу и подвозку песковъ на машины таратайками и все прочее" они должны были „исполнять тѣми же уроками, какіе установлены по буднямъ".

²⁾ Обязательность старательскихъ работъ въ праздничные дни устанавливается и въ извѣстныхъ намъ общихъ контрактахъ сѣверной части Енисейскаго округа. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ Озеровымъ (1864 г.) уклоняющихся отъ старательскихъ работъ въ праздники пріисковому управленію предоставлялось понуждать „строгими мѣрами". Объ обязательности старанія въ праздники упоминается и въ договорахъ на вскрытіе турфа, а также въ особыхъ условіяхъ съ мастерами и ремесленниками.

голевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.), а также въ договорѣ съ Асташевымъ (1862 г.). Въ этомъ послѣднемъ контрактѣ сказано, что рабочіе освобождаются отъ работъ въ праздничные дни, по имѣ *дозволялись* старательскія работы, которыя они, однако, должны были производить въ томъ же размѣрѣ на хозяйскихъ машинахъ и снявъ предварительно торфъ съ отведеннаго имъ мѣста ¹⁾. Въ контрактѣ съ Безобразовымъ (1861 г., южн. ч. Енисейск. окр.) сказано: „Въ работѣ находится намъ каждодневно, въ воскресные же, праздничные и табельные дни отъ работы хотя увольняемся, но необходимыя работы и занятія, какъ-то: хлѣбопекоть, конюховъ и прочія исполнять, а равно и въ случаѣхъ экстренныхъ“ (пожары, устройство и поправка плотинъ и т. п.) они должны были являться во всякое время „безъ малѣйшаго послушанія“. Относительно старательскихъ работъ въ этомъ договорѣ было сказано: „Старательскія работы за особое вознагражденіе и производимыя въ свободное время“ могутъ быть „дозволены“ и „предоставлены“ рабочимъ „не иначе, какъ по произволу управленія“, но объ обязательности этихъ работъ нѣтъ ни слова. Такъ же и по договору съ К^о Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.) старательская работа въ праздники и будни „дозволялась“ рабочимъ, но не сказано, чтобы она была для нихъ обязательною. Нельзя не замѣтить, что всѣ эти три договора относятся къ самому началу 60-хъ годовъ, и въ позднѣйшихъ контрактахъ мы не встрѣчаемъ уже подобныхъ условій относительно не-обязательности старательскихъ работъ. Возможно, однако, что такіе редакціи этихъ контрактовъ были для данного времени уже не имѣющими дѣйствительнаго значенія переживаніемъ и, быть можетъ, на дѣлѣ старательскія работы были уже и тогда обязательны на пріискахъ названныхъ компаній, какъ и на другихъ золотыхъ промыслахъ ²⁾

Необязательными старательскія работы въ праздники (а также и въ будни) были лишь на промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа. Тамъ не соблюдалось никакихъ другихъ праздниковъ, кромѣ воскресеній: въ эти послѣдніе дни рабочіе не были обязаны исполнять старательскія работы. Въ эти дни киргизы отдыхали, но нѣкоторые, особенно семейные, работали, вскрывая торфъ или промывая золото ³⁾.

Мы видѣли, что авторъ возраженія на корреспонденцію о положеніи пріисковыхъ рабочихъ въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1865 г.),

¹⁾ Далѣе въ договорѣ было указано вознагражденіе за старательское золото съ золотника и за вскрышу торфа старательскими работами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ дозволено рабочимъ промывка песковъ.

²⁾ Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ на вскрытіе турфа прямо обусловлена согласіемъ рабочихъ старательская работа въ праздники лишь въ одномъ договорѣ съ Ж^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова (1865 г., сѣв. часть Енис. окр.).

³⁾ „Рус. Слово“ 1861 г., № 6; „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1870 г., № 1.

пытаясь утверждать, что старательскія работы въ праздники не обязательны для рабочихъ, считалъ, однако, безспорною обязательность старательскихъ работъ въ будни ¹⁾. В. Латкинъ, въ своей брошюрѣ „О золотопромышленности въ Сибири“ (1864 г.), также говоритъ объ общей старательской работѣ въ будни, какъ о вполнѣ обычномъ явленіи. Есть указанія и 50-хъ годовъ о томъ, что общая старательская работа въ будни сдѣлалась еще въ то время обязательною. Наконецъ, разсматривая размѣръ дневного урока горныхъ работъ въ 60-хъ годахъ, мы привели не мало свидѣтельствъ объ обязательной прибавкѣ къ урочной сажени еще $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ сажени въ видѣ старательской работы. Къ фактамъ, уже приведеннымъ, прибавимъ свидѣтельство Н. Латкина въ его книгѣ объ енисейскихъ промыслахъ (1869 г.): „Старательская перевыработка опредѣляется условіемъ отъ $\frac{1}{4}$ до 1 куб. саж. ²⁾ и ежедневный рабочій урокъ задается обыкновенно съ этою перевыработкой, которую, впрочемъ, — по словамъ Латкина, — иногда рабочіе не вырабатываютъ, особенно въ дождливое время“, но, какъ мы уже знаемъ, эта недоработка не проходила имъ даромъ. Такимъ образомъ, весьма не рѣдко въ договорахъ опредѣлялось количество ежедневной старательской прибавки къ уроку, но иногда размѣръ старательской работы не былъ точно указанъ въ контрактѣ ³⁾.

Впрочемъ по нѣкоторымъ, весьма немногимъ, договорамъ старательская работа въ будни была не обязательна; такъ мы уже упоминали, что по договору К^о Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.) какъ праздничная, такъ и будничная старательская работа на торфахъ и пескахъ „дозволялась“ рабочимъ, но не сдѣлана была для нихъ обязательною. По договору съ К^о Венардаки, Щеголева и Кузнецова (1862 г.) также лишь „дозволялась“ старательская работа въ будни на торфахъ и пескахъ, между тѣмъ какъ по праздникамъ была установлена ея обязательность. Наконецъ, мы имѣемъ два договора съ рабочими К^о Логинова (1862 г., южн. части Енисейскаго округа), изъ которыхъ въ первомъ сказано: „Тѣмъ изъ насъ, на которыхъ будетъ возложена урочная работа, по окончаніи оной, если это будетъ прежде срока, положеннаго... для всендневной работы (т.-е. ранѣе 8 час. вечера), *предоставляется*

¹⁾ „Журн. Ман. и Торг.“ 1866 г., т. VI.

²⁾ Въ концѣ 50-хъ годовъ добавочная старательская работа въ Енисейскомъ округѣ равнялась $\frac{1}{4}$ куб. саж. („Горный Журналъ“ 1862 г., № 3, стр. 562), но по договору съ Асташевымъ 1859 г. установлены были полуторные уроки.

³⁾ Такъ, въ договорѣ 1863 г. съ Даниловымъ (южн. ч. Енисейск. окр.) рабочіе обязывались для пользы хозяина „и своей собственной особенно стараться на вскрышѣ торфа и добычѣ и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ *послѣ уроковъ* и въ старательскіе дни производить работы, гдѣ будетъ указано, непремѣнно въ томъ же порядкѣ и составѣ, какъ и урочная, только за особую плату“.

быть свободными и заниматься старательскою работою, а въ воскресные и табельные дни таковая старательская работа *предоставляется* намъ всѣмъ. Впрочемъ, никто изъ насъ старательскихъ работъ ни требовать, ни избирать не долженъ, а предоставляетъ это усмотрѣнію хозяина¹⁾. Въ другомъ договорѣ съ Логиновымъ того же года будничныя старательскія работы также остаются не обязательными¹⁾, — напротивъ того, „въ табельные дни“ рабочіе условились „работать безпрекословно, тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ будничные дни“. Мы считали необходимымъ отмѣтить эти переживанія прежнихъ отношеній въ нѣсколькихъ контрактахъ, но вовсе не увѣрены въ томъ, чтобы въ дѣйствительности работы въ будни и на этихъ пріискахъ не были для всѣхъ обязательными; этому могла содѣйствовать самая неясность выраженій въ контрактѣ: съ одной стороны, рабочимъ *предоставляется* старательская работа, съ другой — никто изъ рабочихъ *не долженъ* ее не долженъ, и отъ пріисковаго управленія какъ будто зависитъ не только установленіе той или другой формы старательской работы, но и самое разрѣшеніе ее. Между тѣмъ, если старательскія работы были необходимы для пріисковаго управленія, то онѣ были не менѣе необходимы и для рабочихъ, по крайней мѣрѣ, при той системѣ вознагражденія, какая была введена на всѣхъ пріискахъ, и при которой урочныя работы обыкновенно оплачивались такою ничтожною платой, что только старательскія работы, какъ это признавалось и во многихъ договорахъ, давали возможность рабочимъ отработать задатки и кое-что вынести съ пріисковъ. Впрочемъ, при всемъ томъ, мы считаемъ весьма важнымъ для рабочихъ право, прежде имъ принадлежавшее, соглашаться на старательскія работы или отказываться отъ нихъ, такъ какъ это должно было заставлять пріисковое управленіе не раздражать ихъ жестокииъ обращеніемъ, не притѣснять тяжелыми уроками, не вызывать неудовольствія дурною пищею. Но еслибъ управленіе вздумало вовсе отказать рабочимъ въ старательской работѣ, не назначая имъ иной повышенной платы, то они просто разбѣжались бы съ пріисковъ, какъ это и бывало въ Западной Сибири при началѣ золотопромышленности. Однимъ словомъ, при томъ стромъ отношеній между хозяевами и рабочими, при той системѣ вознагражденія, какіе установились на золотыхъ пріискахъ въ Сибири въ 60-хъ годахъ, и на тѣхъ немногихъ пріискахъ, гдѣ введеніе старательскихъ работъ было какъ бы необязательно для управленія, а исполненіе ихъ — для рабочихъ, по всей вѣроятности, на дѣлѣ онѣ исполнялись всѣми рабочими, были общими старательскими работами и въ будни, и въ праздники.

¹⁾ „Тѣмъ изъ насъ, которые пожелаютъ послѣ окончанія работы урочной въ будничное время работать ту же работу по старательской платѣ, въ томъ не отказывать намъ, но это зависитъ будетъ отъ воли хозяина“.

Впрочемъ обязательнаго старанія въ будни дѣйствительно не было на промыслахъ Киргизской степи, гдѣ вольныя старательскія работы исполнялись артелями въ свободное отъ урочныхъ работъ время и въ воскресные дни.

Пищиковъ, указывая въ своей статьѣ на громадную разницу въ положеніи простаго горнорабочаго на прискахъ и мастерового или разночинца, говоритъ о праздничныхъ старательскихъ работахъ и распределеніи заработанныхъ такимъ образомъ денегъ слѣдующее: „Закономъ для прекращенія хищничества золота воспрещено одиночное стараніе, а введено общее или артельное“; но это не значитъ, что всѣ находящіеся на прискахъ должны быть на этомъ стараніи. „Нѣтъ, идутъ на работу одни и тѣ же бѣдные труженики-чернорабочіе, потому что разночинцамъ идти некогда: они всѣ находятся при своихъ ежедневныхъ занятіяхъ... Стараніе распределяется такъ: съ песковъ, которые должны быть промыты въ этотъ день, по количеству ихъ, торфа снимаются тѣми же старателями, слѣдовательно, люди такъ и разставляются: одни на вскрышку торфовъ, другіе на добычу и отвозку песковъ на машину, при машинѣ вся прислуга, т.-е. промывальщики, мутьильщики, машинисты, свальщики, галешники, эфельные и отвальные“. Но „плата за старательское золото, добытое въ этотъ день, одними чернорабочими, росписывается на всѣхъ наличныхъ людей, находящихся на прискѣ и по зимовьямъ, по равной части, какъ на работавшихъ, такъ и на не бывшихъ совершенно въ этомъ стараніи“. „Разночинцы за этотъ день получили жалованье, которое за то только, чтобы они въ праздники исполняли свои каждодневныя обязанности безотговорочно, дается не 3 р. 15 к., а 10 или 15 р. сер. въ мѣсяцъ сполна, безъ вычета и въ праздники; тогда какъ чернорабочіе въ праздники пользуются только однимъ стараніемъ, не получая своего жалованья 10¹/₂ к. въ день, да еще должны подѣлиться равною съ собою частью изъ своего праздничнаго старанія со всѣми не бывшими съ ними на этомъ стараніи“ ¹⁾. Авторъ другой статьи говоритъ, что присковаго рабочаго „въ праздничные и торжественные дни, подъ видомъ добровольнаго старанія, заставляютъ работать, а, между тѣмъ, деньги за стараніе выдаютъ тѣмъ, которые и не старались“ ²⁾. Въ договорѣ съ г-жею Бевадъ (1861 г., южн. част. Енисейск. окр.) такъ и сказано: „Раскладка старанія должна быть общая изъ всей суммы на всякаго изъ насъ, кто бы и гдѣ бы ни находился въ работѣ, или назначается намъ постоянная праздничная плата“. Но въ такой формѣ правило о распределеніи старательскихъ денегъ мы только и встрѣтили въ этомъ договорѣ. Напротивъ, въ дого-

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 50, стр. 1503.

²⁾ „Амуръ“ 1861 г., № 37.

ворѣ съ К^о Хотимскаго и Макарова (1868 г.), при опредѣленіи вознагражденія за старательскую вскрышу торфовъ до 10 мая, сказано: „Общую сумму (заработанную на вскрышѣ торфовъ) управленіе должно раздѣлить по равной части на тѣхъ, кто только находились въ работѣ въ работѣ въ тотъ день, и если кто-либо изъ насъ въ эти же дни особо будетъ управленіемъ отраженъ на другія работы, какъ-то: подвозку разнаго лѣса и другія поторжныя работы, то эти люди должны за каждый старательскій день получать таковую же плату, какая будетъ причитаться на каждаго человѣка при вскрышѣ торфа, *но не изъ нашей заработной платы на старательскомъ торфѣ суммы, а собственно особо от управленія*“. Съ 10 мая по 10 сентября за праздничную работу на торфахъ и пескахъ и была назначена праздничная плата по 1 руб. каждому, *не исключая и разночинцевъ*. Какъ мы видѣли и по только что цитированному договору съ Бевадь (1861 г.), раскладка на всѣхъ вознагражденій за стараніе могла быть замѣнена назначеніемъ для всѣхъ или части рабочихъ постоянной праздничной платы. Очевидно, эта замѣна и совершилась въ теченіе 60-хъ годовъ. Раздѣленіе на всѣхъ рабочихъ суммы, полученной за стараніе, быть можетъ, было болѣе удобно при стараніи на золотѣ, при замѣнѣ же этого послѣдняго стараніемъ на торфахъ и пескахъ съ повышеною платой признана была болѣе удобною уплата праздничнаго вознагражденія изъ суммъ присковаго управленія ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго видно, что общія старательскія работы въ будни и праздники сдѣлались обязательными для рабочихъ. Но такъ какъ золотопромышленники находили выгоднымъ для себя какъ можно болѣе напрягать силы рабочихъ, чтобы получить большее количество золота, то *сверхъ урочной и обязательной старательской работы* въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ еще условіе о старательскихъ работахъ по взаимному соглашенію между хозяевами и рабочими о такъ называемыхъ „частно-старательскихъ“ работахъ, обыкновенно отдѣльными артелями ²⁾. Мы указывали выше, какъ рабочіе Ленскаго товарищества

¹⁾ По договору съ Соловьевымъ (1862 г., Олекминск. окр.) вознагражденіе за стараніе на пескахъ должно было раздѣляться лишь между участвовавшими въ горныхъ работахъ.

²⁾ По договору съ Марковымъ (Олекминск. окр., 1862 г.) при вскрышѣ торфа полагалось вывезти 75 паръ таратаекъ (въ числѣ которыхъ полагалось 10 паръ старательскихъ), за „старательскую“ же „вскрышу торфовъ, сверхъ опредѣленнаго срока“ (т-е. сверхъ 75 таратаекъ) назначена была плата по 4 р. за куб. сажень, „какимъ бы количествомъ людей она ни была выработана“. По договору съ Прибрежно-Ленскою К^о (1862 г.) къ урочной сажени на торфахъ обязательно прибавлялось $\frac{1}{4}$ саж. старательскихъ; за „старательскую“ же вскрышу торфа сверхъ опредѣленнаго на двухъ рабочихъ количества ($\frac{1}{4}$ саж.) полагалась, какъ и въ договорѣ съ Марковымъ, плата по 4 р. за сажень и также „какимъ бы количествомъ людей она ни была вскрыта“.

Баснина и Катышевцева (1 мая 1863 г.) выговорили себѣ право сверхъ добычи урочной куб. сажени торфа или песку и $\frac{1}{4}$ сажени старательской, „состави между собою небольшія артели, промывать пески или вскрывать торфа“ вольно-старательскими работами (причемъ артель полагалась не менѣе 10 человекъ и плата за золото назначена въ 60 коп. съ золотника), и какъ затѣмъ въ дополнительномъ условіи, составленномъ въ тотъ же день, эти рабочіе Ленскаго товарищества *обязались* каждые 2 человека при 1 лошади, кромѣ 1 саж. за мѣсячную плату и $\frac{1}{4}$ саж. за поденную, вырабатывать еще $\frac{1}{4}$ саж. „частно-старательской“ работы или же 10 таратаекъ (считая по 40 таратаекъ въ сажени), причемъ за каждую сажень, выработанную частно-старательскими работами, назначена была плата: за сажень золотодержащихъ песковъ по 4 р. или по 10 коп. за таратайку, а за каждую выработанную сажень торфа по 2 р. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ $1\frac{1}{4}$ куб. сажени, то же количество людей должны были вырабатывать $1\frac{1}{2}$ в. саж., но напряженіе силъ рабочихъ шло и далѣе. Въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К^о (1867 г.) сказано: „Если, по выполненіи нами урочной и старательской работы (полуторнаго урока), кто изъявитъ желаніе стараться на золотѣ, то управленіе не должно намъ отказывать, а предоставлять“ такое стараніе на указанныхъ мѣстахъ съ платою съ золотника добываемаго золота.

До сихъ поръ мы говорили только о стараніи на торфахъ и пескахъ; это объясняется тѣмъ, что общее стараніе на золотѣ почти совершенно вывелось и обновленно только при частномъ или вольномъ стараніи плата рассчитывалась съ золотника этого металла. Н. Латкинъ, въ статьѣ о побѣгахъ рабочихъ, называетъ „ложною методой“ вознагражденіе старательскихъ работъ по количеству добываемаго золота. „Теперь стараніе на золото,—говоритъ онъ, преимущественно имѣя въ виду Енисейскій округъ,—по всеобщему почти убожеству розсыпей, уже не приноситъ такихъ выгодъ рабочему, какія приносило прежде, и на тѣхъ промыслахъ, гдѣ оно еще употребляется, рабочимъ въ праздники и въ воскресные дни за ихъ трудъ достается весьма немого. При этой методѣ вознагражденія рабочій рискуетъ своимъ трудомъ и конечно, не видя въ немъ выгоды, не старается работать, тогда какъ получая, двойную посаженную и поденную плату противъ будничной, онъ съ охотою ¹⁾ идетъ на работу въ праздники и знаетъ, что онъ получаетъ вѣрную, вполнѣ зависящую отъ него самую заработку. Впрочемъ, надо отдать справедливость хозяевамъ промысловъ, что теперь очень рѣдко можно встрѣтить прински, гдѣ существуетъ подобная ложная система вознагражденія за старательскія работы въ праздничные и воскресные

¹⁾ Не съ охотою, а поневодѣ, потому что вознагражденіе за урочныя работы слишкомъ ничтожно, да и старательскія работы сдѣлались уже обязательными.

дни, и что если иногда и дается стараніе на золото, то это дѣлается въ видѣ награды и поощренія хорошимъ мастеровымъ или другимъ работникамъ, которые стараются большею частью въ старыхъ выработкахъ, въ бортахъ разноровъ или на почвѣ. По мнѣнію Н. Латкина, было необходимо „уничтоженіе старанія на золото, *столь выгоднаго въ прежнее время рабочимъ*, и повсемѣстная замѣна его увеличенной платой за самую работу“ ¹⁾. Какъ мы видѣли, это и совершилось въ теченіе 60-хъ годовъ, такъ что Н. Латкинъ въ своей книгѣ, изданной въ концѣ этого десятилѣтія, могъ уже сказать: „Въ нынѣшнее время рѣдко случается, что рабочимъ даютъ стараться на золотѣ, какъ это дѣлали прежде: хотя это и случается, но какъ исключеніе для хорошихъ мастеровыхъ“ ²⁾. Но вознагражденіе съ золотника золота вновь появилось въ 60-хъ годахъ и, притомъ, какъ единственный видъ платы, замѣняющей не только вознагражденіе за урочную и старательскую работу, но и пищевое довольствіе рабочихъ, въ артеляхъ старателей-золотничниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Наиболѣе обычною платой за старательское золото Пищиковъ считалъ 70 к.—1 р. за золотникъ. По словамъ автора одной записки, присланной въ началѣ 60-хъ годовъ въ министерство финансовъ, за золото, добытое во время добровольнаго старанія въ праздничные дни, рабочіе получали по 1 руб. за золотникъ, „и то товаромъ, который ставится имъ втридорога“, такъ что они получаютъ за золотникъ золота не болѣе 75 коп. ³⁾.

На промыслахъ Томской губерніи хозяева въ 1860 году платили рабочимъ за старательское золото 80 к.—1 р. 20 к. за золотникъ; въ концѣ этого десятилѣтія плата немного повысилась и равнялась 1 р.—1 р. 50 к. ⁴⁾. На промыслахъ Кокбектинскаго округа плата за золотникъ старательскаго золота равнялась въ 60-хъ годахъ 80 к.—1 р. 20 коп., причемъ нерѣдко она выдавалась товаромъ. На промыслахъ Енисейскаго округа за золотникъ старательскаго золота въ началѣ 60-хъ годовъ платили 70 коп.—1 руб. и только въ одномъ договорѣ въ концѣ этого десятилѣтія мы нашли плату по 1 р. 50 к. за золотникъ. На промыслахъ Олекминскаго округа плата за старательское золото была ниже, въ виду большого обилія драгоцѣннаго металла на приискахъ этой мѣстности: въ извѣстныхъ намъ договорахъ она равнялась 60—80 к. за золотникъ.

За подъемное золото, т.-е. находимое во время работъ и которое

¹⁾ „Содѣйствіе русской промышленности и торговли“ 1862 г. Приб. къ № 3.

²⁾ „Очеркъ золот. пром. енис. окр.“, 1869 г., стр. 123.

³⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. части. зол. № 68/650, ч. II.

⁴⁾ Арх. Том. Горн. Упр. вѣд. 1134, дѣло 288—264—2275, л. 1—3, „Дѣло“ 1870 г., №17, стр. 53.

работчіе обязаны были представлять присковому управленію, подѣ страхомъ строгаго наказанія за утайку, и за самородки назначалась плата съ каждаго золотника, обыкновенно тѣмъ менѣе, чѣмъ больше былъ самородокъ. По извѣстнымъ намъ контрактамъ Маріинскаго и Енисейскаго округовъ 60-хъ годовъ, эта плата колебалась между 48 к. и 1 р. 50 к.; но всего чаще она не превышала 1 р. Въ Олекминскомъ округѣ плата за подъемное золото, такъ же какъ и за старательское, была ниже, чѣмъ въ Енисейскомъ (55—70 к.). Въ 1869 г. Главное Управление Восточной Сибири поставило на видъ золотопромышленникамъ Забайкальской области, что для предотвращенія кражи золота „полезно“ платить за золотникъ подъемнаго золота не менѣе 2 руб. Въ слѣдующемъ году эта мѣра была предложена и золотопромышленникамъ Иркутской и Якутской областей¹⁾.

Что касается вознагражденія рабочимъ по новому американскому способу, который, впрочемъ, былъ мало распространенъ, то въ нѣкоторыхъ договорахъ сказано, что работчіе въ этомъ случаѣ должны получать плату не менѣе того, какъ при обыкновенномъ способѣ. На присекѣ компаніи бар. Корфа и Базилевскаго (южн. част. Енис. окр. въ 1862 г.), при американскомъ способѣ добычи золота, забойщикъ получалъ по 50 к. въ будни и по 1 р. 30 к. въ праздники за исполненіе всего урока, а простой рабочій или отвальный по 45 к. въ будни и по 1 р. 20 к. въ праздники. На прискахъ Латкиныхъ (Енис. окр.) сильный и ловкій забойщикъ, по свидѣтельству Н. В. Латкина, могъ заработать до 1 р. 20 к. въ день, но они вырабатывали и менѣе. Работчіе, находившіеся на, такъ называемой, хвостовой канавѣ, куда стекаетъ вода съ самаго нижняго сплотка, зарабатывали менѣе, — не болѣе 50 к. въ будни и 80 к. въ праздники. Н. Латкинъ говоритъ, что за то ихъ работа, сравнительно съ забойщиками, легче и проще, но они должны были постоянно находиться въ сырости и мокротѣ и потому работали въ спитой изъ сырой, невыдѣланной кожи обуви, надѣваемой на ноги сверхъ бродней²⁾. Исслѣдователи, менѣе, чѣмъ Латкинъ, пристрастные къ американскому способу, указываютъ на неблагопріятное вліяніе его на здоровье рабочихъ. По словамъ Таскина, при работѣ по американскому способу рабочій „находится постоянно въ водѣ, особенно при вскрышѣ турфова, и не имѣетъ почти никакого во время работы отдыха“. Это очень вліяетъ на здоровье рабочаго и утомляетъ его. „Сгребальщику гальки достается всего болѣе, особенно при проворномъ забойщикѣ. Послѣдній набрасываетъ сразу нѣсколько лопатъ въ ящикъ и можетъ минуты 2—3 отдохнуть, пока вода успѣетъ промыть заброшенную массу песковъ,

1) Арх. Полн. Упр. г. Енисейска, № 472 (сообщено г. Бакаемъ).

2) „Очеркъ золот. пром. Енис. окр.“, стр. 165—166.

между тѣмъ какъ сгребальщикъ долженъ постоянно сгребать гальку, чтобы не запруживалась вода. При старомъ способѣ работа легче: тамъ забойщики, наполнивъ таратайку и накайливъ еще для одной, отдыхаютъ до возвращенія ея. Возчики песковъ, гальки и эфеля отдыхаютъ во время самой возки, когда они только сопровождаютъ лошадей¹⁾. Кривошапкинъ также указываетъ на то, что при американскомъ способѣ „рабочіе обрызгиваются водою и почти всегда бродятъ въ грязи и водѣ, да, кромѣ того, при большихъ работахъ накапливаются по обѣ стороны горы отваловъ и образуютъ родъ ортъ, заслоняя притокъ и свѣжаго воздуха, и солнечнаго свѣта“. Не мудрено поэтому, что, по свидѣтельству Кривошапкина, съ примѣненіемъ американскаго способа, увеличивались побѣги рабочихъ. Въ виду такихъ условій работы, нельзя не радоваться, что при настоящемъ строѣ золотопромышленности американскій способъ не получилъ распространенія²⁾.

Относительно помѣщеній рабочихъ на промыслахъ въ большинствѣ контрактовъ сохранилось старинное условіе, что рабочіе должны строить ихъ въ свободное отъ работы время, не требуя никакой платы. На дѣлѣ же, — говоритъ Кривошапкинъ, — бываетъ два случая: либо пріискъ уже старый, работающійся нѣсколько лѣтъ, гдѣ есть достаточно помѣщеній и хозяину, и всѣмъ рабочимъ; либо пріискъ совершенно новый, и тогда надобно все строить. „Въ первомъ случаѣ такъ бы и сказать (въ договорѣ), что всякое помѣщеніе уже готово; во второмъ случаѣ — строить „въ свободное время отъ пріисковыхъ работъ“ положительно невозможно, и потому Кривошапкинъ требовалъ, чтобы за время, которое рабочіе потратятъ на постройку для себя жилищъ, они получали бы вознагражденіе отъ хозяевъ³⁾. По контракту съ Асташевымъ (1863 г.) рабочимъ на постройку жилищъ, если они не будутъ готовы, полагалось дать три льготныхъ дня, по приходѣ ихъ на пріискъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ договоровъ 60-хъ годовъ только въ трехъ безусловно постановлено, что помѣщеніе должно быть отъ хозяевъ.

На золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа, въ большинствѣ случаевъ, избы были заготовлены въ прежніе годы, и въ нихъ помѣщались артели холостыхъ работниковъ; семейные же рабочіе тотчасъ по приходѣ на пріискъ выстраивали для себя отдѣльныя избушки. Нѣкоторые холостяки жили не въ артеляхъ, а у женатыхъ. На золотыхъ промыслахъ Киргизской степи въ Кокбектинскомъ округѣ въ сторонѣ отъ работъ были разсыяны войлочныя юрты, въ которыхъ жили киргизскія

¹⁾ „Горный Журналъ“ 1860 г., т. IV, стр. 19.

²⁾ М. Кривошапкинъ. „О состояніи медицинскою части на золотыхъ промыслахъ Сибири“. „Сѣв. Почта“, 1862 г., № 84. Его же „Енис. окр.“, стр. 185, 187, 195.

³⁾ „Енис. окр.“, стр. 176.

семьи, такъ что пріискъ представлялъ видъ большого аула. Другихъ помѣщеній для рабочихъ не строилось; только для служащихъ на лѣтнее время сооружались домики изъ дерна и камня; зимою всѣ служащіе выѣзжали въ городъ Усть-Каменогорскъ, а киргизы откочевывали, и пріиски до 1 апрѣля оставались почти совершенно пустыми ¹⁾).

На промыслахъ Енисейскаго округа рабочіе помѣщались въ такъ называемыхъ казармахъ; „прежде, во времена оны,—говоритъ Н. Латкинъ,—они сами строили избышки, но нынѣ, слава Богу, это совершенно вывелось, и казармы много сберегли здоровья и жизни рабочихъ. Казармы дѣлаются внутри отъ 4 до 5 арш. вышины; въ нихъ устроивается деревянный полъ, нары и желѣзные печки. Обыкновенно казармы бываютъ построены на 25, на 40 и на 50 человѣкъ, хотя нельзя не желать, чтобы въ устройствѣ казармъ произошла переимѣна къ лучшему“, такъ какъ на иныхъ промыслахъ рабочіе „помѣщены довольно тѣсно“ (стр. 120). Авторъ одной газетной корреспонденціи изъ Красноярска ²⁾ упоминаетъ о сырости и тѣсотѣ жилищъ рабочихъ на промыслахъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ, наблюдавшій за промыслами Чикойской и Витимской системъ Забайкальской области и Олекминской системы, донесъ въ 1861 г. въ Главное Управление Восточной Сибири, что во вѣреннныхъ ему системахъ промысловъ помѣщенія рабочихъ съ каждымъ годомъ улучшаются, особенно въ Олекминской системѣ, „гдѣ казармы большія, свѣтлыя и сухія; это вводится и на Витимской системѣ“. Черезъ три года то же лицо писало: „Большую частью нынѣ на пріискахъ обращено вниманіе на помѣщеніе рабочихъ, въ особенности на Ниграхъ у Баснина, гдѣ работы шли всего второй годъ, но помѣщеніе выстроено превосходное; несмотря на то, что лѣто было дождливое, *рабочіе могли обсушиться и спокойно отдыхать*“. Последнія слова показываютъ, какъ не великъ былъ уровень требованій жандармскаго офицера относительно рабочихъ казармъ, но и эти требованія оказались слишкомъ высоки. На Спасскомъ пріискѣ Олекминской системы, арендуемомъ Базилевскимъ, „рабочіе приносили жалобу, что крыши скверно крыты“ и что при продолжительныхъ дождяхъ они „не могли обсушиться“, вслѣдствіе чего работы шли плохо и было много больныхъ. Жандармскій офицеръ потребовалъ отъ пріисковаго управленія исправленія крышъ ³⁾. Очень можетъ быть, что помѣщенія рабочихъ нѣсколько улучшились, сравнительно съ прежнимъ, но вообще они не могли быть особенно удовле-

¹⁾ „Рус. Слово“ 1861 г., № 6. По свидѣтельству Л. О. Пантелѣева, постройка казармъ во второй половинѣ 60-хъ гг. въ сѣверной системѣ Енисейскаго округа производилась на счетъ хозяевъ.

²⁾ „С.-Петербург. Вѣд.“ 1865 г., № 187.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1858, № 52/185, л. 151, кн. 1866, № 64/69, л. 15.

творительными; при посѣщеніи Олекминскаго округа въ 1891 г. я могъ убѣдиться, что всѣ старыя казармы отличались большими недостатками: низкими потолками, тѣсною помѣщеніемъ и проч.

Въ контрактахъ съ рабочими 60-хъ годовъ, какъ и въ предыдущее десятилѣтіе, имъ воспрещалось приводить на промысла своихъ женъ и дѣтей безъ разрѣшенія пріисковаго управленія; иногда разрѣшалось привести жену лишь подъ условіемъ, чтобъ она исполняла всѣ тѣ работы, какія прикажутъ, напримѣръ, мыла полы (что нерѣдко означало обязанности другого рода относительно служащихъ), а женъ, пришедшихъ съ мужьями безъ разрѣшенія, пріисковое управленіе могло выслать вонъ или потребовать за содержаніе ихъ ежемѣсячной платы. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ ставилось условіемъ, чтобы женщины были вполне здоровы. По договору съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.) за содержаніе женъ и дѣтей, приведенныхъ безъ разрѣшенія довѣреннаго, пріисковое управленіе могло вычитать по 5 руб. въ мѣсяцъ или же выслать ихъ съ промысла во всякое время. Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Мар. и Ачин. окр. 1864 г.), весь контрактъ котораго принадлежитъ къ числу наиболѣе невыгодныхъ для рабочихъ, размѣръ платы за содержаніе семейства рабочаго не опредѣленъ, а предоставляется усмотрѣнію хозяина. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, договорахъ нѣтъ прямого запрещенія приводить на промысла свои семейства, причемъ рабочіе обязывались или содержать ихъ на свой счетъ, или платить за хозяйскіе припасы по назначеннымъ цѣнамъ. Въ южной части Енисейскаго округа, по договору съ К^о Рязановыхъ (1861 г.), женъ, дѣтей и родственниковъ рабочіе не должны были имѣть при себѣ, „развѣ по особому какому уваженію“, но „во всякомъ случаѣ“ они обязывались сами прокармливать на промыслахъ свои семейства, за „продовольствіе же однимъ хлѣбомъ“ должны были „платить конторѣ наличными деньгами“ или подвергаться вычету изъ заработка. По договору съ К^о Зотовыхъ (1862 г.), если кому будетъ дозволено привести съ собою жену, то она должна была безплатно исполнять возлагаемыя на нее обязанности „въ домашнемъ быту“, иначе содержаніе ея ставится на счетъ мужа. Требованіе относительно обязательныхъ работъ женщинъ подробнѣе развито въ договорѣ съ Асташевымъ (1867 г.): если кому „будетъ дозволено брать съ собою законныхъ женъ“, то онѣ „должны на пріискахъ въ помѣщеніяхъ мыть полы, бѣлье на служащихъ¹⁾, не требуя за это платы, кромѣ продовольствія хлѣбомъ; послушницъ управленіе имѣетъ

¹⁾ По договору съ Завадскимъ (1869 г.), женщины должны были еще лѣтомъ собирать траву-козубу для цынготныхъ рабочихъ, готовить вѣники, собирать грибы и ягоды, и все-таки съ нихъ полагался вычетъ за хлѣбъ не менѣе 3 рублей въ мѣсяцъ.

полное право тотчас же отправлять съ промысловъ, а тѣ, которыя помѣщены будутъ, по усмотрѣнію управленія, въ какія-либо работы, назначеніе платы имъ зависѣть будетъ отъ управленія“. Въ договорѣ съ Поповымъ (1869 г.) не упоминается о необходимости разрѣшенія управленія для привода женъ, если же онѣ не будутъ заниматься женскими работами, то за содержаніе ихъ положено вычитать по 3 рубля¹⁾. Въ договорѣ съ золотопромышленникомъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ Озеровымъ (1861 г.) сказано: „если кто изъ насъ поступитъ на пріискъ съ женами, то послѣднія въ вознагражденіе за содержаніе ихъ *хотьбы* должны исполнять всѣ женскія работы или тѣ наряды, куда будутъ посылаться“.

Въ лѣтнюю операцію женщинъ на пріискахъ бывало весьма немного. Въ 1861 г. на промыслахъ Маріинскаго округа, Томской губерніи, находилось рабочихъ 91% мужчинъ и 9% женщинъ, на промыслахъ въ Киргизскихъ округахъ 93% мужчинъ и 7% женщинъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа было рабочихъ 95% мужчинъ и 5% женщинъ (именно столько женщинъ допускала при наймѣ на свои промысла К^о Малевинскаго по договору съ своимъ довѣреннымъ 1861 г.), а въ южной части Енисейскаго округа мужчинъ около 94%, женщинъ около 6%. Но обыкновенно въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о пріисковыхъ рабочихъ ихъ жены обозначались вмѣстѣ съ дѣтьми, и потому нельзя точно опредѣлить процентнаго отношенія одного пола къ другому. Гораздо болѣе процентъ составляли женщины на промыслахъ зимою: такъ, въ декабрѣ 1863 г. на промыслахъ Енисейской губерніи было 4,137 мужчинъ и 1,712 женщинъ, т.-е. женщины составляли почти 30% всѣхъ рабочихъ, между тѣмъ, лѣтомъ 1864 г. женщины вмѣстѣ съ дѣтьми *обою пола* составляли тамъ же менѣе 9%²⁾.

Общеконтрактные рабочіе получали отъ хозяевъ пищу, о качествѣ которой мы истрѣчаемъ въ печати совершенно противоположные отзывы. „Въ вознагражденіе потери силъ рабочаго, изнуренныхъ чрезмерною работою,—говоритъ Пищиковъ,—даютъ ему въ пищу одинъ фунтъ мяса, въ коемъ половина костей, тогда какъ въ то же время и на томъ же пріискѣ какой-нибудь конюхъ, плотникъ или караульный у амбаровъ (такъ называемые на пріискахъ разночинцы) и вообще всѣ люди трудящіеся на легкихъ работахъ, получаютъ того же мяса 1½ фунта“³⁾. Цвѣтолюбовъ также неодобрительно отзываясь о пищѣ рабочихъ: „Обѣдъ

¹⁾ На Гавриловскомъ пріискѣ К^о Рязановыхъ, Горохова и друг. (сѣв. ч. Енис. окр.) въ операцію 1864 г. женщины, находившіяся на пріискѣ безъ занятій и получавшія на свое содержаніе ржаной муки по 2½ пуда въ мѣсяцъ, платили за него по 4 р. 20 к.—5 р. ежемѣсячно.

²⁾ „Горный Журналъ“ 1865 г., т. IV, 141.

³⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31.

заключается въ одномъ фунтѣ говядины, большею частью солонины, сваренной въ какой-то жиденькой кашницѣ водянистой, да въ хлѣбѣ, котораго, впрочемъ, дается работнику столько, сколько онъ можетъ съѣсть¹⁾. Напротивъ, золотопромышленники даютъ благопріятные отзывы о питаніи рабочихъ. В. Латкинъ въ своей брошюрѣ „О золотопромышленности въ Сибири“ говоритъ, что на прискахъ „пища сытная, хлѣба дается безъ учета, мясныя щи да каша, да квасъ; почти всѣ рабочіе, кромѣ однихъ лѣнтяевъ, пьютъ кирпичный чай и съ сахаромъ еще, утромъ, вмѣсто завтрака, послѣ обѣда, вмѣсто паужина“ (стр. 42). Чай, какъ видно изъ словъ самого Латкина, а также и изъ контрактовъ, рабочіе пили на свой счетъ; что же касается щей, то авторъ напрасно умалчиваетъ, что они были почти всегда безъ капусты, а лишь съ крупю, почему въ контрактахъ сплошь и рядомъ говорится не просто о щахъ, а о „такъ называемыхъ щахъ“. Составители записокъ, представленныхъ въ министерство финансовъ въ началѣ 60-хъ годовъ, также несогласны между собою въ оцѣнѣ пищи присковскихъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, мѣщанинъ Федченко, говоритъ: „Пища дается рабочимъ чрезвычайно скудная и въ малой пропорціи“, напротивъ, уполномоченные по управленію дѣлами К^о Зотовыхъ, старающіеся вообще представить положеніе рабочихъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, утверждаютъ, что пищевой паекъ рабочихъ составляетъ „ежедневная порція мяса среднимъ числомъ для каждаго рабочаго 1¹/₄ ф. (?), коровье масло для ваши три раза въ недѣлю, кирпичъ чаю въ мѣсяцъ (?), а хлѣбъ и квасъ—безъ мѣры и вѣсу“²⁾. Мы увидимъ, что среднее количество мяса было меньше, кирпичнаго чая не полагалось, а иной разъ рабочіе терпѣли стѣсненіе даже и въ квасѣ³⁾.

Восхваленію присковой пищи золотопромышленниками мы можемъ противопоставить свидѣтельство одного изъ нихъ—Н. Латкина. Указывая на необходимость многихъ измѣненій въ жизни присковскихъ рабочихъ, онъ говоритъ: „Самая пища рабочихъ при этихъ трудныхъ работахъ, хотя и не скудная, потребуетъ необходимаго улучшенія“. Въ другомъ мѣстѣ статьи онъ разъясняетъ это подробнѣе. Утверждая, что „содержаніе рабочихъ вездѣ довольно удовлетворительное“, Н. Латкинъ опять повторяетъ, что „желательно было бы еще *хоть нѣсколько* улучшить его въ виду трудности работъ и многихъ неудобствъ въ таежной жизни“. При всей скромности желаній нашего автора, изъ его дальнѣйшихъ словъ—и для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ жизнью присковскихъ рабочихъ,—будетъ ясно несоотвѣтствіе ихъ питанія съ условіями тяжелаго,

1) „Амуръ“ 1860 г., № 12.

2) Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золотопр. № 68/650, ч. II.

3) „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г. № 40.

каторжнаго труда: „Рабочимъ,—говорить Латкинъ,—слѣдовало бы давать... мяса нѣсколько болѣе, чѣмъ они получаютъ теперь; надобно отпускать имъ, вмѣсто одного фунта, по крайней мѣрѣ, $1\frac{1}{4}$ ф. въ сутки, выдачу крупъ увеличить, вмѣсто 8, до 12 ф. въ мѣсяцъ. Наконецъ, весной, въ апрѣлѣ и маѣ, полезно было бы выдавать рабочимъ кислую капусту, лукъ и чеснокъ для предупрежденія развитія цынги. Увеличеніе содержанія не будетъ стоить дорого, а послужить къ лучшему сохраненію здоровья рабочихъ и уменьшить число больныхъ и хилыхъ“¹⁾. Эта программа улучшенія пріисковой пищи болѣе чѣмъ скромна, да иной и не могъ бы предложить золотопромышленникъ, который, для ограниченія непомерной тяжести пріисковаго труда, совѣтовалъ запретить работу лишь позже 9-ти часовъ вечера, тогда какъ даже по закону 1838 г. не дозволялось работать долѣе 8 часовъ, и, тѣмъ не менѣе, эти пожеланія, какъ мы увидимъ изъ контрактовъ съ рабочими и показаній современниковъ, почти нигдѣ не были выполнены въ теченіе 60-хъ годовъ.

Въ Западной Сибири (Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ) мяса свѣжаго или соленая вездѣ назначено по 1 ф. въ день для каждаго рабочаго, крупъ (обыкновенно ячныхъ) $7-7\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ; хлѣбъ выдавался или ржаною мукой въ количествѣ 2 п. 10 ф. въ мѣсяцъ (изъ которой по одному договору долженъ приготовляться и квасъ), или въ видѣ печенаго хлѣба; количество послѣдняго опредѣлено въ одномъ договорѣ ($3\frac{1}{4}$ ф.), но чаще его выдавалось сколько понадобится, такъ же, какъ и соль. О выдачѣ масла или сала упоминается рѣдко²⁾. Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Мар. и Ачин. округ. 1864 г.) есть оговорка, что необходимые для приготовленія пищи припасы рабочіе должны получать „со времени прихода на пріиска или, лучше сказать, со времени дѣйствительнаго вступленія въ работу“; здѣсь мы находимъ условіе и относительно постной пищи: а именно желающіе поститься должны были въ постные дни получать, вмѣсто говядины, 1 ф. муки или гороху въ сутки и болѣе этого ничего не требовать. По договору съ Лавровскою (1864 г.) 1 ф. говядины замѣнялся въ такомъ случаѣ даже $\frac{1}{4}$ ф. крупы. Въ поисковыхъ партіяхъ по этому договору полагалось сушеной говядины $\frac{3}{4}$ ф. или столько же крупы, одно взамѣнъ другого, и затѣмъ никакой другой пищи рабочіе обязались не требовать. Въ договорахъ, гдѣ количество выдаваемого хлѣба не было ограничено, мы встрѣчаемъ еще

¹⁾ „Содѣйств. рус. промышл. и торгов.“ 1862 г. Приб. къ № 3.

²⁾ Въ договорѣ съ Лавровскою (1864 г.) сказано, что сверхъ ежедневной выдачи $\frac{1}{4}$ ф. крупы по воскресеньямъ и четвергамъ должно давать рабочимъ кашу съ масломъ или саломъ: не менѣе $\frac{1}{4}$ ф. крупы и 3 золотниковъ масла или сала на каждаго человѣка“. О выдачѣ топленнаго сала и коровьяго масла упоминается, какъ о явленіи обычномъ, и въ договорѣ К^о Рязановой и Триполитова (1863 г.).

постановленіе относительно вычета или наказанія за его растрату ¹⁾. По свидѣтельству Г. П—на (1861 г.), сала или масла выдавалось на промыслахъ Маринскаго округа въ мѣсяцъ по $\frac{3}{4}$ ф. на каждаго; „хлѣба прежде давали безъ ограниченія, нынѣ же опредѣлено по 4 ф. въ день“.

На пріискѣ Мезенцева давали мяса по $1\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, но за то не полагалось крупъ. Тѣ изъ холостыхъ рабочихъ, которые жили не въ артеляхъ, а на квартирахъ у женатыхъ, платили за приготовленіе завтрака, обѣда и ужина по 30 коп. въ лѣто и столько же за зиму; сверхъ того, они обязывались въ свободное время помогать хозяину избы въ заготовленіи дровъ. Впрочемъ, по другому свидѣтельству, рабочіе на промыслахъ Томской губерніи не были обязаны готовить для себя кушанье: для этого хозяинъ долженъ былъ имѣть кашевара, хлѣбопека и т. д., которыхъ рабочимъ предоставлялось выбирать изъ своей среды ²⁾.

Пропитаніе рабочихъ киргизъ на промыслахъ Кокбектинскаго округа обходилось золотопромышленникамъ гораздо дешевле: они получали отъ хозяина только по 4 ф. хлѣба въ день; мяса, крупъ и соли не давали, потому что киргизы прикочевывали къ пріиску со всѣми своими семьями, имуществомъ и скотомъ и, кромѣ хлѣба, питались своимъ айраномъ (кислымъ молокомъ) ³⁾.

Въ южной части Енисейскаго округа почти вездѣ рабочимъ назначено въ контрактахъ по 1 ф. свѣжей или соленой говядины; только въ договорѣ съ К^о Бенардаки и Н. Латкина полагается $1\frac{1}{8}$ ф., по договорамъ съ Безобразовымъ (1864 г.), Поповымъ (1868 г.) и Черныхъ (1869 г.) опредѣлено по $1\frac{1}{4}$ ф. и, наконецъ, по договору съ Вилямовскимъ (1870 г.) по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса (часть рабочихъ по этому послѣднему контракту выговорила себѣ по 1 ф. сахару и 1 кирпичу чаю). Въ оригинальномъ общемъ контрактѣ К^о Бенардаки (1861 г.), по которому рабочіе за исполненіе огромныхъ уроковъ, вмѣсто обычныхъ условій вознагражденія, получали мѣсячное жалованье въ 25 руб., имъ полагалось по $1\frac{1}{2}$ ф. свѣжей или соленой говядины, но за то, кромѣ печенаго хлѣба или сухарей, они должны были ничего не требовать отъ К^о ⁴⁾, причемъ было особо оговорено, что кирпичный чай они обязаны были имѣть на свой счетъ. Крупы ячной

¹⁾ Всего чаще рабочіе за такую растрату должны были уплатить „по стоящей цѣнѣ“, но иногда этимъ не ограничивается: такъ, по договору съ Лавровскою (1864 г.) каждый разъ за такую растрату въ расчетный листъ рабочаго должно было записывать по 1 р. 50 к. и сверхъ того ему грозили наказаніемъ, „какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности“.

²⁾ „Дѣло“ 1870 г. № 7, стр. 53—54.

³⁾ „Рус. Слово“ 1861 г. № 6, стр. 17—18; „Тоб. Губ. Вѣдомост.“ 1870 г. № 1.

⁴⁾ По другому, подобному же договору съ Бенардаки (1870 г.) при мѣсячномъ жалованіи въ 30 р. рабочіе должны были получать по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса въ день и по 8 ф. крупы и $3\frac{1}{2}$ ф. сала въ мѣсяцъ.

для щей („такъ называемыхъ щей“) или для щей и каши въ праздники назначалось обыкновенно по $7\frac{1}{2}$ —8 ф. въ мѣсяцъ, но иногда бывало и менѣе, и болѣе. О маслѣ или салѣ упоминается лишь въ немногихъ договорахъ (отъ $\frac{1}{2}$ ф. до $3\frac{3}{4}$ ф. въ мѣсяцъ). Соль обыкновенно выдавалась въ неограниченномъ количествѣ, но иногда назначается ея отъ $\frac{1}{2}$ до 4 ф. въ мѣсяцъ на каждого: о квасѣ говорится также въ немногихъ договорахъ. Количество хлѣба, если оно опредѣлялось, выдавалось въ количествѣ 3—4 ф. печенаго хлѣба въ день или въ мѣсяцъ $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ п. муки ¹⁾. Въ договорѣ съ К^о Бенардаки и Н. Латкина (1861 г.), по которому вообще пища была лучше, чѣмъ у другихъ золотопромышленниковъ, съ 1 апрѣля до 20 мая полагалось до $\frac{1}{3}$ ведра капусты на каждого. За растрату хлѣба въ контрактахъ полагался штрафъ по 1 р. 50 к.—3 р., или по усмотрѣнію присковаго управленія, а по нѣкоторымъ договорамъ вдвое и даже вчетверо болѣе стоимости, и кромѣ того по многимъ договорамъ грозило еще наказаніе, какъ за умышленное уничтоженіе чужой собственности. Въ постные дни фунтъ говядины замѣнялся $\frac{1}{2}$ ф. или 1 ф. крупы, или 1 ф. гороха безъ масла; по одному договору фунтъ мяса замѣнялся $\frac{1}{20}$ ф. постнаго масла. Въ поисковыхъ партіяхъ обыкновенно полагалось по $\frac{3}{4}$ —1 ф. сушеной говядины (которая иногда замѣнялась крупю) и, кромѣ того, известное количество сухарей, а иногда и крупы ²⁾. Относительно распредѣленія времени ѣды мы встрѣчаемъ постановленія лишь въ немногихъ договорахъ въ южной части Енисейскаго округа. Въ договорѣ съ Логиновымъ (1862 г.) сказано: „обѣдъ и ужинъ имѣть намъ по одному разу въ день, не требуя завтраковъ и паузиновъ“. По двумъ договорамъ 1869 г. рабочіе обязывались работать съ 5 ч. утра до 8 ч. веч.. „за исключеніемъ времени, обыкновенно даваемого на чай утромъ и на обѣдъ пополудни съ отдыхомъ“. Такъ какъ чая отъ хозяевъ не полагалось, то рабочіе могли пить его лишь на свой счетъ, но упоминаніе о времени для чая указываетъ, что употребленіе его сдѣлалось уже въ концѣ 60-хъ годовъ явленіемъ весьма обычнымъ ³⁾.

Въ Олекминскомъ округѣ по договору съ Прибрежно-Витимскою К^о

¹⁾ При установленіи нормы расхода муки хозяева, кромѣ огражденія рабочихъ, имѣли въ виду и учетъ, такъ называемыхъ, матеріальныхъ (прикашиковъ, завѣдующихъ вещами и припасами).

²⁾ Укажемъ на нѣкоторую разницу между договоромъ Шенетковскаго на операцию 1861—62 г. и „положеніемъ“ на Сергѣевскомъ прислѣ его же съ 1 апрѣля 1862 г.: по договору о выдачѣ капусты не упоминалось, по „положенію“ же она выдавалась.

³⁾ Въ 1865 г. высшая администрація Восточной Сибири предписала, чтобы не допускалось вычета съ рабочихъ за кашеваровъ и артельныхъ старостъ и чтобы не свидѣтельствовали договоры, гдѣ говорится о такихъ вычетахъ. До этого подобный вычетъ производился на прискахъ К^о Бенардаки, Сидорова и Латкина. Арх. Горн. Исправ. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1865 г. № 11, л. 511, 513, 517—518.

(1867 г.) рабочіе должны были получать ржаного печенаго хлѣба сколько потребуется, говядины по 1 ф. и крупы по $\frac{1}{4}$ ф. ежедневно. Если вѣрить официальнымъ свидѣтельствамъ, продовольствіе было весьма удовлетворительно. „На всѣхъ промыслахъ Олекминской и обѣихъ системъ Забайкальской области,—по словамъ жандармскаго офицера (1861 г.),—продовольствіе весьма хорошее; рабочіе получаютъ въ обѣдъ и ужинъ по $\frac{1}{2}$ ф. мяса, прекрасныя щи и два-три раза въ недѣлю кашу“. Въ 1864 г. подрядчики несвоевременно доставили скотъ на пріиски и потому въ августѣ мѣсяцѣ варили солонину ¹⁾.

Пища отрядныхъ рабочихъ была вообще лучше, чѣмъ общеконтрактныхъ: въ большинствѣ контрактовъ имъ полагалось по $1\frac{1}{2}$ ф., рѣже по $1\frac{1}{4}$ ф. мяса. Кромѣ большого количества мяса, отряднымъ почти постоянно выдавалось масло или сало, хотя обыкновенно и въ незначительномъ количествѣ ²⁾. Впрочемъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа, если судить по имѣющимся у насъ 12 договорамъ, содержаніе отрядныхъ рабочихъ было нѣсколько хуже, чѣмъ въ южной части того же округа; во-первыхъ, сравнительно чаще назначалось $1\frac{1}{4}$ ф. мяса, вмѣсто $1\frac{1}{2}$ ф., а затѣмъ остальное содержаніе выдавалось наравнѣ съ общеконтрактными чернорабочими.

Въ особыхъ договорахъ съ ремесленниками и разночинцами почти всегда назначено по $1\frac{1}{2}$ ф. мяса и затѣмъ нѣкоторые выговаривали себѣ улучшенное содержаніе: такъ, по одному договору поваръ выговорилъ себѣ 1 кирпичъ чаю и 1 ф. сахару въ мѣсяцъ, а по другому контракту кузнецъ и плотникъ выговорили себѣ содержаніе по положенію служащихъ, а не рабочихъ. Ремесленники и разночинцы, нанявшіеся по общему контракту, обыкновенно получали нѣсколько улучшенное содержаніе, какъ, наприм., конюхамъ давался кирпичный чай.

Н. Латкинъ въ своей книгѣ о промыслахъ Енисейскаго округа (1869 г.) сообщаетъ о пищѣ рабочихъ свѣдѣнія, весьма сходныя съ тѣми, какія мы находимъ въ контрактахъ. По его словамъ, печеный хлѣбъ выдавался рабочимъ безъ ограниченія, дѣтомъ они получали квасъ, мяса мастеровые и подрядные турфовщики—до $1\frac{1}{2}$ ф., а остальные рабочіе 1— $1\frac{1}{4}$ ф.; крупы ячмой и гречневой для каши и щей 8—10 ф., сала или масла 1—2 ф., соли 3 ф. въ мѣсяцъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что дѣйствительная выдача вполне соответствовала тому, что мы встрѣчаемъ и въ контрактахъ, и, слѣдовательно, если изрѣдка на дѣлѣ содержаніе рабочаго было лучше назначеннаго въ договорѣ, то, въ большинствѣ случаевъ, контракты, все-таки, вѣрно рисуютъ пищевое довольствіе на пріискахъ.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., К. 1358 № 52/185, л. 151 и № 57/207, л. 119—120, К. 1686 № 64/69, л. 15.

²⁾ Масла отъ $\frac{1}{4}$ до 1 ф. или сала отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ ф. въ мѣсяцъ.

Сравнительно съ пятидесятыми годами въ пищѣ рабочихъ незамѣтно никакого улучшенія; начавшаяся въ то время выдача масла или сала производится еще далеко не всегда и, притомъ, въ чрезвычайно ничтожномъ количествѣ. Мяса общеконтрактнымъ рабочимъ выдается обыкновенно по 1 ф. и лишь весьма рѣдко въ количествѣ 1¹/₄ ф. Введеніе въ пищевой паекъ капусты составляетъ также явленіе исключительное; кирпичный чай, выдававшійся мѣстами въ 50-хъ годахъ отъ хозяевъ, теперь приобрѣтается общеконтрактными рабочими и большинствомъ ремесленниковъ и разночинцевъ на свой счетъ (напомнимъ, что Кривошапкинъ объяснялъ выдачу кирпичнаго чая на счетъ хозяевъ въ концѣ 50-хъ годовъ дороговизною хлѣба). Однимъ словомъ, золотопромышленниками не были исполнены въ то время даже весьма скромныя предложенія Н. Латкина.

Тотъ же Н. Латкинъ указывалъ еще на одно настоятельно необходимое улучшеніе въ содержаніи рабочихъ: „Винная порція,—говоритъ онъ,—въ особенности весною, должна была бы выдаваться имъ, по крайней мѣрѣ, 2 или 3 раза въ недѣлю; конечно, эта порція должна ограничиться одною чаркой“, которая „въ сырую погоду приносить гораздо больше пользы, чѣмъ стаканъ, подаваемый однажды или два раза въ мѣсяцъ, который, кромѣ опьяненія и расслабленія рабочаго, не ведетъ ни къ чему другому¹⁾“. Въ контрактахъ о выдачѣ винной порціи упоминается крайне рѣдко, и то обыкновенно въ такой формѣ, которая ни къ чему не обязываетъ присковое управленіе. Такъ, наприм., въ контрактѣ съ Асташевымъ (1861 г., Енисейскаго округа) сказано: «Промысловое управленіе въ награду нашего усердія въ теченіе лѣта общаетъ намъ отпустить нѣсколько винныхъ порцій въ дни праздничные²⁾». Въ договорѣ, предложенномъ рабочимъ Катышевцевымъ весною 1862 г. (Олекм. окр.), сказано, что „первый окончившій урокъ получаетъ винную порцію по 1/100 ведра“. Въ дѣйствительности же, по донесенію жандармскаго офицера (1861 г.), на прискахъ Олекминской системы Соловьева винная порція подавалась рабочимъ каждый день, а на прочихъ прискахъ этого округа по „торжественнымъ днямъ“³⁾. В. Латкинъ въ своей брошюрѣ о золотопромышленности (1864 г.) говоритъ: „На нѣкоторыхъ прискахъ водку давали прежде въ каждое воскресенье, и многіе даютъ, особенно весной, когда работа труднѣе, черезъ день“.

Въ октябрѣ 1863 г. главное управленіе Восточной Сибири разо-

¹⁾ „Содѣйствіе рус. пром. и торг.“ 1862 г. Приб. къ № 3.

²⁾ И дѣйствительно, изъ счетовъ Прокопьевскаго приска Асташева видно, что въ операцію 1861 г. на винныя порціи было употреблено 27 ведеръ спирту и въ 1863 г. 30 ведеръ (по 13 р. ведро).

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 1358, № 52/185, л. 151.

сладко горнымъ исправникамъ циркуляръ, которымъ, по желанію исп. должн. ген.-губ. Вост. Сиб. М. С. Корсакова, предписывало, въ видахъ уменьшенія пьянства при выходѣ рабочихъ съ промысловъ, „войти въ совѣщаніе съ золотопромышленниками: не лучше ли употребленіе вина ввести ежедневными порціями во все время отправленія работъ на частныхъ промыслахъ съ постановленіемъ нормальной порціи вина и на чей счетъ, въ томъ предположеніи, что когда умѣренное употребленіе вина войдетъ въ обыкновеніе, то рабочіе не будутъ предаваться пьянству въ жилыхъ мѣстахъ, по выходѣ съ золотыхъ промысловъ, какъ это дѣлается нынѣ“. О результатахъ этого предписанія мы имѣемъ свѣдѣнія лишь относительно южной части Енисейскаго округа.

На созванномъ горнымъ исправникомъ совѣщаніи по этому вопросу золотопромышленниковъ и управляющихъ 14 ноября 1863 г. было постановлено: „Ежедневное употребленіе рабочими ограниченнаго порціи вина на промыслахъ, безъ всякаго сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ полезно, но привести въ исполненіе эту мѣру можно *на счетъ рабочихъ* тогда только, когда выдаваемые задатки, при наймѣ рабочихъ, не будутъ превышать на каждого, съ обмундировочными и доставкой на мѣсто работъ 45 р., а при настоящемъ наймѣ людей съ огромными задатками выдача ежедневной винной порціи будетъ служить надбавкою къ увеличенію долговъ, остающихся неотработанными, въ видимый ущербъ капитала промысловыхъ владѣльцевъ“. Постановленіе это было разослано по всѣмъ промысламъ южной части Енисейскаго округа для утвержденія его подписями „съ оговорками или безъ нихъ, смотря по тому, какое будетъ мнѣніе объ этомъ вопросѣ“¹⁾.

Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, сообщивъ въ декабрѣ 1863 г. главному управленію Восточной Сибири постановленіе мѣстныхъ золотопромышленниковъ о выдачѣ винныхъ порцій, въ своемъ донесеніи говоритъ: „Кромѣ этого бывшія на совѣщаніи лица...

¹⁾ Управляющій пріискамп К^о Мисниковыхъ, выражая свою солидарность съ упомянутымъ постановленіемъ, сдѣлалъ оговорку, что на промыслахъ этой компаніи „принято за обыкновеніе подавать порціи вина рабочимъ во время, трудное для работъ, какъ-то: весною и осенью, въ остальное же время порціи вина даются всѣмъ рабочимъ, окончившимъ заданный урокъ“. Шепетковскій заявлялъ, что на его пріискахъ заведено въ ненастное время давать порціи вина всѣмъ рабочимъ и, кромѣ того, ежедневно тѣмъ изъ нихъ, которые работаютъ въ сырыхъ мѣстахъ. Управляющій промыслами К^о Рязановой, выражая согласіе съ приведеннымъ постановленіемъ, заявилъ, что на промыслахъ этой К^о порціи подавались рабочимъ въ ненастные дни, въ особенности весною и осенью, на компанейскій счетъ. На промыслахъ К^о Зотовыхъ, по заявленію управляющаго, вино подавалось рабочимъ въ большомъ количествѣ „безъ всякаго обязательства и смотря по времени года, а также постоянно оно употребляется и въ больницахъ для тѣхъ, кои страдаютъ скорбутомъ“, а потому онъ выразилъ желаніе предоставить подачу винныхъ порцій усмотрѣнію пріисковскихъ управленій.

присовокупили..., что подача рабочимъ винныхъ порцій бесплатно производится на нѣкоторыхъ промыслахъ и въ настоящее время, но только не постоянно, а смотря по надобности, именно: въ ненастные дни и въ такихъ случаяхъ, когда работа требуетъ или усиленнаго труда, или успѣшнаго исполненія. Въ послѣднихъ случаяхъ винная порція играетъ роль или мѣры поощрительной, или награды. Она служитъ для промысловыхъ управленій средствомъ, заохочивающимъ рабочихъ къ дѣятельности и усердному исполненію требуемыхъ отъ нихъ услугъ, иногда экстренныхъ и важныхъ; поэтому нѣкоторые полагаютъ, что винная порція, со введеніемъ выдачи оной ежедневно, не будетъ уже имѣть того вліятельнаго свойства, какое имѣетъ нынѣ¹⁾. Но въ томъ-то и дѣло, что выдача винной порціи, по усмотрѣнію присковаго управленія, являлась въ его рукахъ орудіемъ для крайняго напряженія силъ рабочихъ, и введеніе обязательной выдачи вина положило бы этому предѣлъ.

Въ іюнѣ 1865 г. совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири разослалъ новый циркуляръ горнымъ исправникамъ, которымъ предписывалось, „для представленія соображенія въ С.-Петербургъ“, сообщить свѣдѣніе, въ какомъ видѣ и размѣрѣ выдаются винныя порціи рабочимъ, какой порядокъ наблюдается при этомъ, какъ великъ расходъ на порцію каждому рабочему въ теченіе года и на чей счетъ относится этотъ расходъ.

На запросъ горнаго исправника сообщены были свѣдѣнія о выдачѣ вина, изъ которыхъ видно, что на разныхъ промыслахъ въ теченіе времени съ начала апрѣля до конца іюля рабочіе получили отъ 14 до 48 порцій по $\frac{1}{100}$ ведра (а на прискѣ Шепетковскаго и по $\frac{2}{100}$) на счетъ присковаго управленія. Напротивъ, на Прікутинскомъ прискѣ Данилова порціи выдавались постоянно, *по желанію рабочихъ*, въ ненастное время, но на ихъ счетъ, по $\frac{1}{100}$ ведра по 5 к. с. за порцію. Такимъ образомъ, управленіе Данилова избавлялось отъ расхода, который дѣлали нѣкоторые другіе золотопромышленники; впрочемъ, назначенная имъ плата за вино была умѣренная, такъ какъ, по донесенію мѣстнаго горнаго исправника въ 1863 г., ведро полугара обходилось въ 4—7 р.

6 августа 1865 г. горный исправникъ донесъ главному управленію Восточной Сибири, что, по его наблюденіямъ, винныя порціи „подаются цѣлымъ командамъ рабочихъ по годовымъ праздникамъ, и то необязательно, а по усмотрѣнію промысловыхъ управленій; подача же порцій ежедневныхъ нѣкоторымъ рабочимъ производится... за особенно какіе-либо усиленные труды или за услугу въ экстренныхъ надобностяхъ. Ежедневная подача порцій всѣмъ рабочимъ“ на счетъ золотопромышленниковъ „до сихъ поръ еще не вводилась“, и вопросъ объ этомъ,

¹⁾ Арх. горн. исправ. южн. ч. Енис. окр. 1863 г. № 36.

„несмотря на всѣ убѣжденія въ выгоды этой мѣры, до сихъ поръ поръ подвигается очень медленно, и едва ли можно ожидать, чтобы онъ разрѣшился удовлетворительно“¹⁾. Въ 70-хъ годахъ высшая администрація Восточной Сибири еще болѣе настойчиво рекомендовала присковымъ управленіямъ увеличить выдачу вина на промыслахъ, а по закону 1895 г. горнозаводскимъ присутствіямъ предоставляется установить обязательную выдачу вина на золотыхъ промыслахъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, въ 60-хъ годахъ вопросъ объ обязательной выдачѣ рабочимъ ежедневныхъ винныхъ порцій не былъ рѣшенъ, но, судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ присковыми управленіями южной части Енисейскаго округа, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ стали давать рабочимъ гораздо большее количество вина на счетъ промысловаго управленія, сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Н. В. Латкинъ въ своей книгѣ объ Енисейскомъ округѣ говоритъ, что винная порція у однихъ промышленниковъ подается еженедѣльно, у другихъ 3 раза въ мѣсяцъ и, кромѣ того, при всякой экстренной работѣ, а хорошимъ мастеровымъ подавали ее по 2 или по 3 раза въ недѣлю (стр. 120).

Стоимость пропитанія рабочаго обходилась, по словамъ Лопатина, (1871 г.), въ Енисейскомъ округѣ 7—8 р. въ мѣсяцъ, а въ началѣ 60-хъ годовъ и нѣсколько менѣе²⁾.

Одежду и обувь рабочіе приобрѣтали, также какъ и необходимые для нихъ припасы, сверхъ получаемыхъ ими отъ хозяевъ, изъ присковыхъ складовъ въ счетъ своего заработка, причемъ въ контрактахъ съ рабочими устанавливаются иногда въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія, именно предписывалось „въ излишествѣ“ вещей не требовать и никому не перепродавать, а также предоставлялось присковому управленію право продолжать или прекратить отпускъ вещей рабочему, смотря по его заработку. По договору съ Асташевымъ (1862 г.), они могли получать бродни, чарки (обувь), армяки, рукавицы, а вещей, „рабочимъ неприличныхъ“, требовать не имѣли права. Относительно цѣнъ вещей въ контрактахъ обыкновенно говорится такъ: „по установленнымъ К^о цѣнамъ“, „по цѣнамъ, стоящимъ К^о съ доставкой на прискъ“, „за установленную отъ управленія общую по таксѣ цѣну“. Въ договорѣ Олекминскаго округа, напечатанномъ Аврамовымъ³⁾, было сказано, что рабочіе могли получать вещи „по стоимости ихъ на прискъ и съ наложеніемъ процентовъ по утвержденной таксѣ“; при этомъ, хотя они

¹⁾ Арх. исправ. южн. ч. Енис. округа, 1865 г. № 32.

²⁾ На Покровскомъ прискѣ Бенкендорфа (южн. ч. Енис. окр.) въ 1862 г. содержание рабочаго обходилось по 5 р. 75 к. въ мѣсяцъ, а на Прокопьевскомъ прискѣ Асташева въ 1861 г. 6 р. 60 к., въ 1863 г.—менѣе 5 р.

³⁾ „Очеркъ золотопромышленной Олекмы“, приложение, стр. 12—15.

обязывались не требовать предметов роскоши, не свойственных ихъ званію, но таковыми поставлено было „не считать припасовъ, полезныхъ для поддержанія силъ и здоровья, каковы: чай, сахаръ, масло и мука пшеничная“. Еще болѣе важное и рѣдкое условіе находимъ мы въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К^о (1867 г.), гдѣ было сказано, что если рабочимъ установленная цѣна „покажется несообразною съ достоинствомъ товара“, то они были „вольны“ покупать ихъ „у постороннихъ людей“. Хотя, въ виду отдаленности промысловъ Олекминскаго округа отъ жилыхъ мѣстъ, это условіе было едва ли осуществимо, но, все-таки, оно представляетъ любопытное отступленіе отъ общаго правила.

Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ 60-хъ годовъ мы встрѣчаемъ не мало указаній на эксплуатацію присковыхъ рабочихъ, вслѣдствіе торговой монополіи хозяевъ на промыслахъ. При существованіи хозяйскихъ лавокъ,—говорить о промыслахъ Томской губ. г. Ц—нъ,—рабочникъ „немедленно попадаетъ въ совершенную кабалу... Золотопромышленникъ можетъ назначить самыя высокія цѣны, высокія при начетѣ на работника и низкія при скидкѣ съ него“. Съ рабочими сплошь и рядомъ бываетъ такъ: „Понадобится ему ситецъ на рубашку, ему выдадутъ изъ хозяйской лавки и запишутъ въ счетъ жалованья, но потомъ онъ раздумаетъ и промѣняетъ ситецъ на что-нибудь другое, на чай или на водку... Ситецъ, полученный отъ рабочаго обратно, вписывается назадъ въ книгу золотопромышленника, но по цѣнѣ уже ниже той, которая была выставлена при выдачѣ его; такимъ образомъ, рабочій, не сдѣлавъ дѣйствительнаго займа, посредствомъ одного передвиженія товара изъ хозяйскихъ рукъ въ свои и обратно можетъ образовать громадный долгъ“ ¹⁾. По словамъ автора другой статьи о промыслахъ Томской губерніи, написанной девять лѣтъ позднѣе, золотопромышленники, „рѣдко имѣя наличныя деньги“, забираютъ всѣ необходимые матеріалы въ лавкахъ и магазинахъ подъ векселя съ расплатою по окончаніи промывки и сдачи золота. „Вся тяжесть лишнихъ процентовъ (за кредитъ) падаетъ не на самого золотопромышленника, а на трудъ его рабочихъ... Хозяинъ, гарантированный своимъ правомъ“ монопольной продажи „и вполне убѣжденный въ невозможности внѣшней конкуренціи“, назначаетъ самыя высокія цѣны. „Подобная эксплуатація рабочихъ силъ существуетъ, конечно, не на всѣхъ прискахъ и *бываетъ сильнѣе тамъ, гдѣ бѣднѣе хозяинъ*. Вотъ одинъ изъ обрашковъ произвольно накладываемыхъ процентовъ: наприм., бродни стоятъ въ лавкахъ въ городѣ отъ 1 р. до 1 р. 20 к. за пару, а золотопромышленникъ беретъ ихъ въ кредитъ по 1 р. 50 к. и продаетъ рабочему по 1 р. 80 к. и даже дороже,—

¹⁾ „Русское Слово“ 1861 г. № 6.

стало быть, 50% лишних падает на потребителя; то же можно сказать про сахаръ, чай и т. п.“¹⁾).

На золотыхъ промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинского округа, золотопромышленники, также какъ и въ тайгѣ, имѣли свои лавки для снабженія рабочихъ товарами. Выдавая ихъ въ задатокъ и въ счетъ заработка, хозяева назначали высокія цѣны, да и товаръ привозился туда самаго послѣдняго сорта и такой гнилой, что онъ рвался при отмѣриваніи аршиномъ, вслѣдствіе чего его мѣрили „по зарѣзкамъ, сдѣланнымъ на прилавкѣ“. Хотя и здѣсь золотопромышленники обязаны были продавать товары по установленной таксѣ²⁾, но она не исполнялась³⁾. Киргизы забирали въ счетъ заработка ситцы и другія бумажныя матеріи, платки, кожи на обувь, кирпичный чай, табакъ, чугуны и мѣдныя котлы, фарфоровыя чайники, чайную посуду и разныя желѣзныя издѣлія⁴⁾. Относительно золотопромышленниковъ Енисейскаго округа мы также встрѣчаемъ указанія о заготовленіи вещей и товаровъ въ кредитъ, что, конечно, повышало ихъ цѣну⁵⁾. Несмотря на запрещеніе по закону продажи присковымъ рабочимъ предметовъ роскоши, о чемъ иногда упоминалось и въ контрактахъ, они, все-таки, нерѣдко сбывались рабочимъ, разумѣется, по выгоднымъ для продавцевъ цѣнамъ. По свидѣтельству Пищикова, для обхода закона, эти товары записывались въ расчетныя листы рабочихъ подъ видомъ выдачи денегъ, которыхъ, прибавляетъ онъ, „во время лѣтнаго производства почти ни на одномъ прискѣ не бываетъ“⁶⁾.

Въ Западной Сибири для золотыхъ промысловъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ стали ежегодно составляться и утверждаться администраціею таксы отпускаемыхъ рабочимъ изъ присковыхъ лавокъ вещей и товаровъ (насколько онѣ соблюдались, это—другой вопросъ). Что касается Восточной Сибири, то, какъ мы уже упоминали, въ 1858 г. главнымъ управленіемъ Восточной Сибири былъ разосланъ циркуляръ, предписывавшій горнымъ исправникамъ „имѣть тщательнѣйшее наблюденіе... чтобы на каждомъ изъ дѣйствующихъ промысловъ существовали таксы

¹⁾ „Дѣло“ 1870 г. № 7, стр. 54—55.

²⁾ Такса составлялась на каждое лѣто горнымъ ревизоромъ и утверждалась военнымъ губернаторомъ.

³⁾ Въ примѣръ того, какъ возвышались здѣсь цѣны, г. П.—нъ приводитъ слѣдующій фактъ: „Грѣховъ вымѣнялъ въ Тюмени за два сурковые мѣха 700 чашекъ, которыя обошлись такимъ образомъ по 10 и 20 к. *ассии*., но рабочимъ ставились они по 10 и 30 к. *сереб.*., а самый большой сортъ въ цѣну барана, т.-е. въ рубль *серебр.* Также неумѣренно возвышается цѣна линейному табаку, который осенью покупается на линіи по 80 к. пудъ, а рабочимъ выдается по 4 р. с.“.

⁴⁾ „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1870 г. № 1.

⁵⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. к. 1673, № 127/30, л. 16.

⁶⁾ „Сынъ Отеч.“ 1861 г. № 50, стр. 1502.

ча всё безъ исключенія припасы и матеріалы, отпускаемые рабочимъ¹⁾, и „чтобы онѣ не были для нихъ обременительными“. Затѣмъ 10 августа 1861 г. совѣтъ главнаго управленія, принявъ въ соображеніе, что стоимость товаровъ и припасовъ не можетъ быть одинакова по всѣмъ пріискамъ, вслѣдствіе разницы условій ихъ заготовленія и доставки, постановилъ, что для предотвращенія назначенія высокихъ произвольныхъ цѣнъ на вещи и припасы горные исправники должны приглашать золотопромышленниковъ или ихъ управляющихъ въ общее собраніе въ своемъ присутствіи для установленія на пріискахъ таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ.

Енисейское губернское управленіе въ октябрѣ 1861 г. предписало, чтобы таксы отпускаемыхъ рабочимъ товаровъ, по составленіи ихъ на каждомъ промыслѣ предъ началомъ работъ, свидѣтельствовались бы мѣстнымъ горнымъ исправникомъ и затѣмъ прибывались на дверяхъ магазиновъ¹⁾. Еще и ранѣе, лѣтомъ, 1861 г., таксы въ южной части Енисейскаго округа присылались горному исправнику для свѣдѣнія, теперь же, послѣ указа енисейскаго губернскаго управленія, онѣ стали представляться съ 1862 г. для „утвержденія“, причемъ горный исправникъ Бакшевичъ дѣлалъ иногда на представляемыхъ ему донесеніяхъ различныя замѣчанія²⁾. Управляющій Николаевскимъ пріискомъ М. А. Безобразова представилъ копію съ таксы, утвержденной его хозяиномъ, а также и съ предписанія, даннаго Безобразовымъ по этому предмету пріисковому управленію. На донесеніи управляющаго исправникъ написалъ: „Копію съ таксы оставить при дѣлахъ, а другую, какъ ненужную, возвратить: я не выѣшиваюсь въ хозяйственныя распоряженія, и мнѣ хорошо извѣстно, что такое право собственности, и потому теорію собственности изучать изъ предписаній конторъ я не считаю для себя полезнымъ“. Нужно полагать, что въ предписаніи своему пріисковому

¹⁾ Арх. Горн. Испр. Южн. ч. енис. окр., дѣло 1861 г. № 30, л. 68—71. Такую же мѣру предполагалось ввести въ 1862 г. и на промыслахъ Том. губ. и киргизской степи. Ibid., дѣло 1862 г. № 35, л. 88—90.

²⁾ Такъ, на донесеніи управляющаго пріискомъ Калинина-Шушляева онъ написалъ: „Почему мука пшеничная дорога?“ (самой таксы не сохранилось); на донесеніи Логниова: Кому для продажи имѣются табаки высшихъ сортовъ, сигары, папиросы и проч. предметы роскоши и съ чьего дозволенія?“ Управленіе промыслами Асташева выставило въ представленной таксѣ прошлогоднія цѣны, вслѣдствіе неполученія свѣдѣнія отъ главной конторы, отъ которой зависѣло заготовленіе припасовъ и товаровъ. Исправникъ потребовалъ присылки новой таксы, „такъ какъ промедленіе, можетъ стать, обращается во вредъ рабочимъ, ибо припасы и товарныя вещи нынѣшняго заготовленія могутъ быть дешевле прошлогоднихъ цѣнъ“. И дѣйствительно, само пріисковое управленіе въ представленной таксѣ отмѣтило, что пшеничная мука вмѣсто 2 р. 10 к. за пудъ, какъ было въ 1861 г., въ операцію 1862 г. будетъ не дороже 1 р. 60 к., а ржаная мука, вмѣсто 1 р. 50 к., не дороже 1 р.

управленію Безобразовъ написалъ нѣчто подобное тому, что онъ говоритъ въ запискѣ, посланной Корсакову въ августѣ того же 1862 г., гдѣ онъ предлагалъ отбросить слово такса „потому, что на хозяйственную собственность никакихъ таксъ не допускается и на прискахъ торговли вовсе нѣтъ и быть не можетъ, но заготовляются вещи только для снабженія рабочихъ“. Управляющій прискомъ Безобразова отвѣчалъ горному исправнику, что копію съ предписанія своего хозяина онъ представилъ „не для изученія по ней теоріи собственности золотопромышленниковъ“, а для указанія на то, чѣмъ онъ руководствовался, представляя копію съ таксы, вмѣсто подлинной. У Безобразова, очевидно, произошло столкновение съ исправникомъ сѣверной части Енисейскаго округа, такъ какъ въ своей запискѣ, посланной Корсакову, онъ жаловался, что исправникъ требуетъ составленія таксы по данной формѣ на всѣ вещи и припасы и утверждаетъ ее своею подписью, т.-е. дѣлается хозяиномъ, вопреки закону и распоряженіямъ начальства.

Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, по полученіи таксъ, представилъ ихъ енисейскому губернатору съ поясненіемъ, что помѣщаемые въ нихъ „предметы роскоши, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ потребностей людей рабочаго класса, имѣются въ магазинахъ для служащихъ, рабочимъ же ничего подобнаго не отпускается“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, таксы стали представлять въ Енисейскомъ округѣ на утвержденіе горнаго исправника, но собраніи золотопромышленниковъ для соглашеній по этому вопросу подѣ председательствомъ горнаго исправника, необходимость которыхъ была признана совѣтомъ главнаго управленія Восточной Сибири въ 1861 г., очевидно, не происходило. Совѣтъ въ 1863 г. вспомнилъ объ этомъ постановленіи и подтвердилъ объ исполненіи этой мѣры съ тѣмъ, чтобы росписи вещей съ обозначеніемъ цѣнъ вывѣшивались въ магазинахъ для вѣдома рабочихъ.

Въ іюнѣ 1864 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа собралъ въ своей квартирѣ совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ по вопросу о таксахъ и къ этому времени подготовилъ сводную таблицу о цѣнахъ, по которымъ товары и припасы отпускались въ этомъ году рабочимъ изъ присковыхъ амбаровъ 24 промысловъ ²⁾. Сравнивая эту таблицу съ данными о цѣнахъ на товары и припасы въ началѣ 50-хъ годовъ, мы находимъ общее и значительное увеличеніе цѣнъ, за исключеніемъ чая. По разсмотрѣніи сводной таблицы, — сказано въ протоколѣ совѣщанія, — „оказывается, что цѣны вообще на товарныя вещи и припасы немного разнятся между собою и только на нѣсколь-

¹⁾ Арх. Горн. Исправ. Южн. части Енис. округа, дѣло 1862 г. № 35. Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III.

²⁾ См. Дополненіе XII (въ концѣ этого тома).

нихъ промыслахъ значительно возвышены“, и, притомъ, „на такіе предметы, которые составляютъ необходимую потребность рабочаго класса, а, между тѣмъ, покупаются съ самою небольшою разницею въ цѣнахъ, напр., сахаръ, чай кирпичный, табакъ черкасскій, холстъ, даба, вареги, рукавицы. Цѣны на эти предметы замѣтно произвольны и простираются до слѣдующихъ размѣровъ: сахаръ отъ 50 ¹⁾ до 70 коп. за фунтъ, чай кирпичный отъ 90 ²⁾ к. до 1 р. 20 к. за кирпичъ, табакъ 23—35 к. ф., холстъ 1-го сорта 10—16 к. арш., даба 2 р. 10 к.—3 р. 10 к. за конецъ, вареги 20—30 к. за пару, рукавицы 40—60 к., полшубки простые 2 р. 75 к.—5 р., бродни 1 р. 80 к.—2 р. 30 к. за пару и сукно крестьянское 18—35 к. арш., на остальные же предметы, отпускаемые рабочимъ, хотя цѣны и составляютъ значительную разницу, но оцѣнить таковыя, даже приблизительно, безъ оцѣнщиковъ невозможно, потому что эти предметы въ покупкѣ бываютъ разныхъ сортовъ, разныхъ фабрикъ, а слѣдовательно и разныхъ цѣнъ, наприм., армяки, начиная отъ 4 р. 75 к., доходятъ постепенно до 10 р. 20 к. за штуку,—последніе, видимо, составляютъ уже предметъ роскоши. Такимъ образомъ, разсматривая цѣны, выбранныя изъ таксъ, существующія здѣсь на промыслахъ на самыя необходимыя предметы, отпускаемые въ плату рабочимъ. и разсуждая о причинахъ несходства цѣнъ, на нѣкоторыхъ промыслахъ весьма возвышенныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что неразительная разница вещамъ неизбежна, потому что самая покупка товаровъ производится съ разницею въ цѣнѣ: одинъ покупаетъ своевременно и за наличныя деньги, поэтому и дешевле, другой опоздаетъ въ покупкѣ или покупаетъ въ долгъ и оттого дороже. Что касается значительно возвышенныхъ цѣнъ на необходимыя для рабочихъ предметы, то мы находимъ, что *повышеніе это есть произволъ, неумѣстный въ дѣлѣ золотопромышленности и весьма непростительный*, ибо повышеніе цѣны допущено въ видахъ полученія съ рабочихъ значительныхъ, повидимому, на затраченный капиталъ процентовъ, и поэтому признаемъ необходимымъ назначить высшія цѣны, какъ предѣлъ, до котораго можетъ достигать цѣнность товарныхъ вещей, отпускаемыхъ рабочимъ, и симъ своимъ совѣщательнымъ актомъ устанавливаемъ на предметы вышеозначенныя слѣдующія цѣны: сахаръ до 50 к. за фунтъ, чаю кирпичъ до 1 р., табакъ черкасскій до 25 к. за фунтъ, холстъ 1-го сорта до 12 к., 2-го до 10 к. за аршинъ, даба, какъ обыкновенно, до 2 р. 50 к. конецъ, вареги до 25 к., рукавицы до 50 к., бродни до 2 р. за пару, полшубки простые до 3 р. 50 к. и сукно крестьянское до 25 к. за арш. Цѣны эти должны быть приняты въ руководство на всѣхъ тѣхъ промыслахъ, гдѣ онѣ были

¹⁾ Однако, на одномъ привскѣ онъ стоялъ 46 к.

²⁾ Правильнѣе было бы сказать—отъ 80 к.

выше сейчас определенных, и все сделанные ранее на тех промыслах рабочим отпуска должны быть учтены по сей цене, о чем мы просим г. горного исправника настоять и с своей стороны наблюдать, чтобы заключение наше было выполнено.. Для сообщения по сему же предмету собираться ежегодно в апрѣль мѣсяцъ¹⁾. Постановление это было разослано при циркулярѣ исправника по всемъ промысламъ южной части Енисейскаго округа для подписи всемъ золотопромышленникамъ и ихъ управляющимъ.

Нельзя не признать, что постановление это, еслибъ оно строго исполнялось, дѣйствительно до нѣкоторой степени оградило бы произволъ золотопромышленниковъ въ назначеніи ценъ,—по крайней мѣрѣ, на наиболѣе нужные рабочимъ припасы и товары. Сравнивъ норму, принятую этимъ постановленіемъ, съ данными сводной таблицы, составленной горнымъ исправникомъ²⁾, мы увидимъ, что назначенные максимумы ценъ принадлежатъ въ разрядъ средних изъ существовавшихъ въ то время. Нельзя не замѣтить, что слѣдовало бы назначить также максимумъ цены топленого сала (которое колебалось между 12 и 25 коп.) и коровьяго масла (20—35 к.), такъ какъ эти припасы составляли одну изъ самыхъ

¹⁾ Подъ этимъ постановленіемъ мы находимъ 10 подписей: золотопромышленниковъ А. Лопатина, А. Шепетковского и А. Ягунова, золотопромышленника и довереннаго Асташева, А. Квятковского и др. Управляющій промыслами К^о Бенардаки, Рязановыхъ и друг. А. Субботинъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Не касаясь правъ чужой собственности, симъ удостоверяю, что выше требуемыхъ этимъ сообщеніемъ ценъ на сахаръ и проч. указанные предметы на управляемыхъ мною промыслахъ въ производство текушаго промысловаго 1864 г. не будетъ“. Напротивъ, управляющій Герасимовъ сдѣлалъ надпись, не налагающую на него никакого точнаго обязательства, а именно: „На промыслахъ г. Герасимова отпускъ рабочимъ людямъ нужныхъ предметовъ производиться будетъ согласно рыночныхъ ценъ, съ наложеніемъ провозной и расходной суммы отъ доставки таковыхъ на промыслы съ мѣстъ заготовленія“.

²⁾ Сахаръ былъ дороже назначеннаго постановленіемъ максимумъ (50-ти коп.) на 8-ми приискахъ (55—70 к.; на Ефимовскомъ приискѣ Крутовскаго 65 к., на Пріютинскомъ приискѣ Данилова 70 к. ф.), дешевле только на Анненскомъ приискѣ Зотовыхъ (46 к.); кирпичъ чаю стоилъ дороже назначеннаго максимумъ (1 р.) на 7-ми приискахъ (1 р. 10 к.—1 р. 20 к.; послѣдняя цена на приискахъ Данилова, Мясниковыхъ и Родственной); дешевле только на 3-хъ приискахъ (80—90 к.); черкасскій табакъ дороже 25 к. на 9-ти приискахъ (28—35 к.) и немного дешевле на 4-хъ промыслахъ. Холстъ 1-го сорта 1 арш. стоилъ дороже 12 коп. на 10-ти приискахъ (на приискѣ Лопатина 16 к.), дешевле на 7-ми (10—11 к.); 2-й сортъ дороже 10 к. на 5-ти приискахъ, дешевле на 7-ми приискахъ (7—9 к.); лаба дороже 2 р. 50 к. на 8-ми приискахъ (у Шепетковского 3 р. 10 к.), дешевле также на 8-ми приискахъ; вареги дороже 25 к. на 2-хъ и дешевле на 7-ми приискахъ; рукавицы дороже 50 к. на 5-ти и дешевле на 10-ти приискахъ; пара бродней дороже 2 руб. на 13-ти и дешевле на 8-ми приискахъ; простые полушубки дороже 3 р. 50 к. на 13-ти и дешевле на 6-ти приискахъ; наконецъ, крестьянское сукно дороже 25 к. на 3-хъ приискахъ (у Рязановыхъ 35 к.) и дешевле на 10-ти приискахъ (низшая цена 18 к.).

насущенных потребностей рабочих; цѣны пшеничной и ржаной муки вовсе не были выставлены въ таблицѣ горнаго исправника.

30 августа 1864 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа Бакшевичъ далъ своему помощнику Поротову предписание: „при посѣщеніи промысловъ непремѣнно ранѣе общаго разсчета удостовѣриться“ какъ изъ таксъ, „которые должны быть выставлены при амбарахъ или магазинахъ“, такъ и „изъ разсчетныхъ листиковъ рабочихъ, не превышала ли значущаяся тамъ цѣна на предметы, упомянутые въ постановленіи, той нормы, которая опредѣлена“ постановленіемъ 29 іюля. 10 сентября Поротовъ донесъ, что, какъ оказалось изъ произведенной имъ провѣрки, припасы и вещи выдавались рабочимъ „по тѣмъ самымъ цѣнамъ, какія значатся въ вывѣшенныхъ на амбарахъ таксахъ и которые вполнѣ согласуются“ съ сдѣланною исправникомъ выборкой, „а не съ совѣщательнымъ актомъ, составленнымъ золотопромышленниками и довѣренными 29 іюля“. Поэтому Поротовъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ присковымъ управленіямъ, чтобы они сбавили цѣны на выданные ими рабочимъ вещи и припасы до той цифры, какая значится въ совѣщательномъ актѣ, и причитающуюся рабочимъ послѣ этой сбавки сумму присчитали бы къ ихъ заработку. 6 октября горный исправникъ разослалъ по промысламъ своего округа циркуляръ, въ которомъ требовалъ объясненія, „почему осталось безъ исполненія постановленіе объ уменьшеніи цѣнъ на товарныя вещи и припасы, если же оно исполнено, то въ чемъ именно“ ¹⁾.

Въ донесеніи главному управленію Восточной Сибири (30 октября

¹⁾ На этомъ циркулярѣ большинство управляющихъ сдѣлало надпись, что на ихъ прискахъ товары и припасы продаются по цѣнамъ не выше опредѣленныхъ въ совѣщательномъ актѣ 29 іюля. На Крестовоздвиженскомъ прискѣ К^о Щеголева и Кузнецова дали отвѣтъ, что цѣны вещей и припасовъ не только не превышали нормы, опредѣленной въ постановленіи, но нѣкоторыя вещи продавались и дешевле, а на Сергеевскомъ прискѣ Латкина „товарныя вещи отпускались по цѣнамъ низшимъ противъ постановленія“. Управляющій прискомъ Герасимова писалъ, что, какъ онъ заявилъ и на совѣщаніи, установленныя на немъ цѣны онъ не можетъ признать для себя обязательными. (Резолюція: „исправника. справиться съ таксами и разъяснить Герасимову“). Управляющій Степановскаго и Станиславскаго присковъ Шубинъ расписался только въ чтеніи циркуляра, такъ что горный исправникъ потребовалъ отъ него объясненія, почему онъ сдѣлалъ надпись, „неотносящуюся къ дѣлу“, и почему сахаръ продавалъ по 60 к. въ то время, когда на другихъ промыслахъ Асташева онъ стоилъ 50 к., т. е. не выше нормы, установленной на совѣщаніи. Горный исправникъ послалъ также запросъ на приски—Пріютинскій Данилова и Петропавловскій Родственной, приведено ли тамъ въ исполненіе постановленіе 29 іюля (на этихъ промыслахъ цѣны были прежде одні изъ наиболѣе высокихъ). Управление Данилова отвѣтило на этотъ вопросъ утвердительно, а управление Родственной—что теперь постановленіе исполняется, но что неизвѣстно, возможно ли это будетъ при тѣхъ цѣнахъ, по которымъ будетъ сдѣлана закупка въ февралѣ мѣсяцѣ. Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1864 г. № 38.

1864 года) горный исправникъ говорить: „По вытребованіи къ себѣ подлинныхъ расчетныхъ листовъ, я нашелъ, что дѣйствительно цѣны, утвержденныя совѣщаніемъ, къ руководству не приняты и поэтому о причинахъ неисполненія совѣщательнаго акта я спрашивалъ промысловыя управления. Нѣкоторые изъ нихъ объяснили мнѣ, что хотя въ расчетныхъ листахъ цѣны не убавлены до опредѣленной нормы, но это допущено собственно для того, чтобы не поправлять расчета въ листахъ, ежемѣсячно балансируемаго; взаимнѣ же излишнихъ денегъ, записанныхъ въ листахъ рабочихъ за товарныя вещи и припасы, имѣ сдѣлана соотвѣтственная надбавка задѣльной платы. Точный контроль этого почти невозможенъ, потому что заработная плата рабочимъ контрактами съ точностью не обозначается и заработка поэтому бываетъ въ разное время весьма различна. Я бы думалъ, что для больше-успѣшнаго достиженія цѣли, кромѣ установленія на совѣщаніяхъ таксъ, было бы полезно таксы, какъ существующія отъ управленій, такъ и устанавливаемыя на совѣщаніяхъ, публиковать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: я полагаю, что публикованіе это стѣснить нѣсколько произволъ, допускаемый въ назначеніи высокихъ цѣнъ“. Кромѣ того, исправникъ предлагалъ „установить какое-нибудь обязательное правило о явкѣ по приглашенію на совѣщанія, ибо многіе, какъ это показалъ нынѣшній опытъ, отъ этого уклонялись; необходимо было бы имѣть въ руководство какое-нибудь узаконеніе или распоряженіе вышшаго начальства, по которому актъ совѣщательный, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣлъ бы значеніе обязательное, даже и для не явившихся на совѣщанія“. Впрочемъ, исправникъ оговаривался, что опытъ нынѣшняго года не даетъ еще возможности сдѣлать окончательнаго заключенія о цѣлесообразности предпринятой мѣры¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1865 г., 18 апрѣля, состоялось, по приглашенію горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, новое совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ для установленія таксъ на операцію этого года. Разсмотрѣвъ представленныя таксы, совѣщаніе постановило оставить для большинства припасовъ и товаровъ прежнія цѣны, за исключеніемъ холста и дабы, цѣны которыхъ были повышены: холста 1-го сорта до 15 к. арш. (вмѣсто 12), 2-го сорта до 12 к. (вмѣсто 10) и дабы до 3 р. (вмѣсто 2 р. 50 к.)²⁾.

Какъ видно изъ дѣла о таксахъ 1865 г., исправникъ южной части Енисейскаго округа утверждалъ ихъ лишь въ такомъ случаѣ, если цѣны были не выше установленныхъ совѣщаніемъ, а въ противномъ случаѣ понижалъ ихъ до условленной нормы³⁾.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управл. К. 1673, № 27/30, л. 280—281.

²⁾ Арх. Горн. Исправ. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1864—65 г., № 11, л. 134.

³⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1865 г., № 37.

Въ апрѣлѣ 1866 г. вновь состоялось собраніе золотопромышленниковъ съ тою же цѣлью, и исправникъ при утвержденіи таксъ дѣлалъ иногда оговорку, что онѣ должны быть согласны съ принятою на совѣщаніи нормой. Но, повидимому, онѣ относился къ этому дѣлу недостаточно внимательно: намъ неизвѣстенъ совѣщательный актъ о таксахъ этого года, но мы видимъ, что въ таксахъ, присланныхъ золотопромышленниками, цѣны значительно разнятся: такъ, наприм., въ утвержденныхъ исправникомъ таксахъ цѣна сахара колеблется между 45 и 60 к. На Сергіевскомъ прискѣ Шепетковского цѣна сахара назначена была даже 70 к. за фунтъ, и не видно, чтобы это встрѣтило возраженіе со стороны исправника; напротивъ, на прискахъ Латвннхъ фунтъ сахара стоилъ 45 к.¹⁾

Въ Олекминскомъ округѣ горный исправникъ Измайловъ въ предписаніи управленію Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ ноябрѣ 1860 г. указалъ на то, что цѣны въ его таксѣ „на все несравненно выше цѣнъ, положенныхъ на промыслахъ прочихъ золотопромышленниковъ и даже тѣхъ, которые, по своей отдаленности, имѣли бы на это болѣе причинъ“, и требовалъ пониженія цѣнъ до нормы хотя бы этихъ послѣднихъ промысловъ. Исправникъ замѣтилъ также, что и количество заготовленныхъ присковымъ управленіемъ товарныхъ вещей менше, чѣмъ на другихъ промыслахъ.

Изъ таксы этого товарищества приведемъ цѣны тѣхъ предметовъ, которые были регулированы въ южной части Енисейскаго округа въ 1864 г.: 1 ф. сахара стоилъ рабочимъ К^о Баснина и Катышевцева 55 коп., чай кирпичный 70 к. (въ южн. ч. Енис. окр. назначено 1 р.), табакъ черкасскій 30 к., холстъ 8—12 к., даба 1-го сорта конецъ 2 р. 30 к. (въ Енис. окр. 2 р. 50 к.), вареги 26 к., рукавицы барановыя 45—55 к., бродни 2 р.—2 р. 30 к., полшубки киргизскіе 4 р. Такимъ образомъ, если нѣкоторые товары немного дороже таксы, установленной совѣщаніемъ енисейскихъ золотопромышленниковъ, то за то другіе дешевле, и, однако, Измайловъ потребовалъ пониженія этихъ цѣнъ (до регулированія, какъ мы знаемъ, цѣны на многихъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа были выше установленной совѣщаніемъ 1864 г. таксы). Однако, эта мѣра Измайлова могла бы порадовать насъ лишь

¹⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г., № 21. На промыслахъ Вирсинской системы, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, по донесенію горнаго исправника, въ 1864 г. были слѣдующія (очевидно, среднія) цѣны: кирпичъ чай 1 р. 12 к., табакъ черкасскій 12 р. 74 к. пудъ, слѣдовательно, фунтъ около 32 к., холстъ 1-го сорта 12½ к., 2-го сорта 9¼ к., даба 1-го сорта 2 р. 85 к. конецъ, вареги 23 к., бродни 1-го сорта 2 р. 12 к., полшубки киргизскіе 2 р. 66 к., сукно крестьянское 26 к. арш.; почти всѣ цѣны нѣсколько выше установленныхъ въ этомъ году совѣщаніемъ золотопромышленниковъ южной части Енисейскаго округа. Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673 г., № 27/30, л. 286—287.

въ томъ случаѣ, еслибѣ она не была совершенно единичною. Если мы сравнимъ цѣны Ленскаго т-ва съ цѣнами 4-хъ другихъ золотопромышленниковъ того же 1860 г.¹⁾, то окажется, что цѣны не всѣхъ названныхъ товаровъ на этихъ пріискахъ были ниже, чѣмъ на промыслахъ Ленскаго т-ва²⁾, и не совсѣмъ понятно, почему замѣчаніе было сдѣлано лишь этому управленію. Но, какъ бы то ни было, при сравненіи цѣнъ Олекминскаго и южной части Енисейскаго округа мы убѣждаемся, что въ началѣ 60-хъ годовъ (какъ это было и въ предшествующемъ десятилѣтіи) цѣны на олекминскихъ промыслахъ, если принять во вниманіе отдаленность доставки, были *сравнительно* умѣреннѣе, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ. Это можетъ отчасти объясняться болѣе крупными размѣрами производства въ Олекминскомъ округѣ и возможностью закупать припасы въ большемъ количествѣ, а, слѣдовательно, по болѣе дешевой цѣнѣ, отчасти большимъ богатствомъ олекминскихъ промысловъ, при которомъ мѣстныя компаніи менѣе стремились къ наживѣ на пріисковыхъ товарахъ.

Что замѣчаніе, сдѣланное Ленскому т-ву, было мѣрою случайною, видно и изъ того, что изъ дѣла о таксахъ, присылаемыхъ къ олекминскому исправнику за 1861—1863 гг. „къ свѣдѣнію“, не видно никакихъ мѣръ его для пониженія цѣнъ, хотя для этого были поводы; такъ, на примѣръ, въ таксѣ Бенардаки на 1862—63 г. фунтъ сахару на пріискахъ назначенъ въ 70 к., а на промыслахъ Ленскаго т-ва Катывшевцева цѣны или остались тѣ же, какъ и въ 1860 г., или даже повысились, такъ что, наприм., сахаръ былъ назначенъ уже по 60 к. ф.³⁾

Изъ дѣла о таксахъ Олекминскаго округа 1864 г. не видно, чтобы здѣсь въ этомъ году происходило какое-либо собраніе золотопромышленниковъ для регулированія цѣнъ; но, тѣмъ не менѣе, вниманіе къ этому вопросу Главнаго Управленія Восточной Сибири отразилось до нѣкоторой степени и здѣсь. Мы находимъ, что мѣстная администрація относится какъ будто нѣсколько внимательнѣе къ составленію таксъ и требуетъ свѣдѣній о томъ, по какой цѣнѣ была сдѣлана заготовка товаровъ и припасовъ⁴⁾.

¹⁾ Сахаръ на пр. Желтуктинскаго т-ва и Рукавишникова былъ дешевле (50 к.), на пр. Соловьева и Спаскомъ пр. Базилевскаго дороже (60 к.), чай кирпичный вездѣ былъ дороже (75 к. — 1 р. 20 к.), табакъ черкасскій на двухъ промыслахъ былъ дешевле (25 к.), на двухъ—стоилъ столько же (30 к.), холстъ или столько же или дороже (8 — 12 к.), даба на одномъ промыслѣ дешевле, на другомъ дороже (2 р. 50 к.), рукавицы барановыя дешевле (40—42 к.), бродни на трехъ пром. дешевле (1 р. 80 к. — 2 р.), на одномъ—2 р. 10 к., полшубки киргизскіе дешевле (3 руб. 50 коп.—3 р. 80 к.).

²⁾ Арх. Олекм. Горн. Испр. № 380.

³⁾ Ibid. дѣло № 595.

⁴⁾ На одномъ изъ двухъ сохранившихся экземплярахъ таксы И. О. Базилевскаго мы находимъ такую надпись горнаго исправника: „настоящая такса съ документами конторы свѣрена и *утверждается*“. См. *Дополн. XIII* (въ концѣ этого тома).

Изъ данныхъ о цѣнахъ на олекинскихъ промыслахъ въ 1864 году видно, что цѣны эти были почти совершенно тѣ же, что и въ южной части Енисейскаго округа въ этомъ году *до ихъ регулированія*¹⁾; но если принять во вниманіе большую дороговизну доставки, то, повторяемъ, нельзя не считать эти цѣны *сравнительно* болѣе дешевыми. Правда, на совѣщаніяхъ 1864 — 65 гг. цѣны на многихъ промыслахъ Енисейскаго округа были значительно понижены, но, какъ мы видѣли, постановленія эти плохо исполнялись.

Олекинскіе золотопромышленники сами заявляли, что они продаютъ припасы и товары не по той цѣнѣ, во что они обошлись имъ съ доставкой на пріиски, а съ наложеніемъ значительнаго процента. Такъ, Трапезниковы заявили въ 1864 г. горному исправнику, что они налагаютъ по 20 к. на каждый затраченный рубль, а расходы по доставкѣ опредѣлили въ 70 к. за пудъ. Сохранился также подробный реестръ управленія пріисковъ И. О. Базилевскаго, въ которомъ обозначено количество закупленныхъ товаровъ, расходъ по содержанію служащихъ, закупавшихъ товары, стоимость провоза этихъ послѣднихъ и прогоны служащихъ и, наконецъ, цѣны, по которымъ товары будутъ пролаваться, и въ результатъ расчета оказывалось, что предполагается получить барыша 17 к. на рубль. Тамъ, гдѣ указаны виѣсты процентъ на капиталъ и плата за провозъ, мы видимъ, что эта прибавка къ первоначальной стоимости была весьма значительна: такъ, наприм., на 1 арш. крестьянскаго сукна она составляла отъ 3 до 9 к. (у Базилевскаго 66% первоначальной стоимости сукна)²⁾. А такъ какъ мы знаемъ, что весьма значительную часть вознагражденія рабочіе получали натурою, то большіе барыши золотопромышленниковъ составляли прямой вычетъ изъ заработка рабочихъ, чѣмъ отчасти и объясняется ничтожное количество наличныхъ денегъ, выносимыхъ ими съ пріисковъ. Золотопромышленникъ Лопатинъ въ своей статьѣ объ енисейскихъ промыслахъ (1871 г.) увѣрялъ, что въ пріисковыхъ складахъ этого округа товары продавались рабочимъ всего на 10% дороже того, во что они обошлись хозяину, но редакция „Извѣстій Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества“, гдѣ

¹⁾ Фунтъ сахара 52—65 к. (Енис. окр. 46—70 к.), кирпичъ чай 67 к.—1 р. 20 к. (Енис. окр. 80 к.—1 р. 20 к.), 1 фунтъ черкасскаго табаку 25—35 к. (Енис. округа 23—35 к.), аршинъ холста 11—15 к. (Енис. окр. 7—15 к.), даба 2 р. 10 к.—2 р. 80 к. копецъ (Енис. окр. 2 р. 10 к.—3 р. 10 к.), вареги 20—32 коп. (Енис. округа 20—30 к.), рукавицы 35—67 коп. (Енис. окр. 40—60 коп.), бродни 2 р.—2 р. 40 к. (Енис. окр. 1 р. 80 к.—2 р. 30 к.), киргизскіе полшубки 3 р. 10 к.—4 р. 50 к. (въ Енис. окр. простые полшубки 2 р. 75 к.—5 руб.), крестьянское сукно 23—33 коп. аршинъ (южн. ч. Енис. окр. 18—35 к.). Въ 1867 г. цѣны на промыслахъ Олекинскаго округа были почти тѣ же, что и въ 1864 г. Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1673, 27/30, л. 325—332.

²⁾ Арх. Олекм. Горн. Испр., дѣло 1864 г., № 656.

была напечатана его статья, отнеслась съ большимъ недоувѣріемъ къ этому заявленію. Мы видѣли, что, по собственному показанію Трапезникова и Базилевскаго, барышъ хозяина по операціи съ товарами равнялся въ Олекминскомъ округѣ 17 — 20%, а въ Енисейскомъ округѣ, какъ мы полагаемъ, на основаніи почти совершеннаго равенства цѣнъ съ Олекминскимъ округомъ, при большей дешевизнѣ доставки, барышъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ К^о, долженъ былъ быть еще болѣе.

Кромѣ узаконенной эксплуатаціи рабочихъ посредствомъ монопольной продажи изъ пріисковыхъ лавокъ, нѣкоторые золотопромышленники еще тайно эксплуатировали рабочихъ посредствомъ запрещенной продажи вина. По словамъ автора корреспонденціи изъ Енисейской губ., хозяева пріисковъ „торгуютъ, вопреки строгому запрещенію закона, и виномъ, получая 1 р. с. за стаканчикъ водки и рублей по 5 за бутылку ея“ ¹⁾. По словамъ другого автора, продажа вина устраивалась иногда такимъ образомъ: „На многихъ пріискахъ,—говоритъ Цвѣтолюбовъ,—есть, такъ называемыя, харчевки, въ которыхъ избранные отъ хозяевъ и управляющихъ люди тайно торгуютъ запретнымъ на пріискахъ плодомъ—водкою. Тутъ любитель сильныхъ ощущеній можетъ выпить за рубль сер. стаканчикъ водки, а подчасъ приюлокнуться за смазливою хозяйкой харчевки. Разумѣется, на эти ухаживанья мужъ-спекулянтъ смотритъ хладнокровно и глазами разсчета. Содержатель пріисковой харчевки зарабатываетъ въ годъ отъ 200 до 300 и 500 р. сер., доставитъ огромный барышъ патрону и пріобрѣтетъ его милость и расположеніе и на будущее время. Кромѣ того есть и другой промыселъ у харчевки: сюда еще стекается украденное рабочими на своемъ и на сосѣднихъ пріискахъ золото и скупается содержателями харчевки для ихъ покровителей“ ²⁾. На всѣхъ промыслахъ Маріинскаго округа водка, несмотря на запрещеніе, по словамъ г. П—на, продавалась, тайкомъ, и, притомъ, на половину разбавленная водою ³⁾. Водку продавали и не одни золотопромышленники: козаки, обязанные наблюдать за тѣмъ, чтобы не было тайной торговли на промыслахъ, сами сплошь и рядомъ привозили вино (козака обыскать никто не смѣлъ), и такъ какъ у рабочихъ наличныхъ денегъ на пріискахъ не бывало, то обмѣнивали вино на разные, забираемыя ими въ хозяйской лавкѣ, вещи.

По положенію о частной золотопромышленности (1838 г.), питейныя выставки не дозволялось устраивать около промысловъ ближе 50 верстъ, но въ 1863 г. это разстояніе было сокращено до 20 верстъ ⁴⁾. Въ де-

¹⁾ „С.-Петербург. Вѣдом.“ 1865 г. № 137.

²⁾ „Амуръ“ 1860 г., № 12.

³⁾ „Рус. Слово“ 1861 г., № 6.

⁴⁾ Общ. Прод. 1863 г. къ 2538 ст. Горн. Уст.

кабрѣ того же года исправл. должн. генералъ-губернатора Восточной Сибири далъ слѣдующее предписаніе енисейскому губернатору: „Нѣкоторые изъ мѣстныхъ начальствъ, доноси мнѣ, что, при дозволеніи питьевой продажи въ 20-ти-верстномъ разстояніи отъ золотыхъ промысловъ, находящіеся на нихъ рабочіе люди находятъ возможность покупать вино, отчего происходятъ пьянство между рабочими, кражи и другіе безпорядки на промыслахъ, ходатайствуетъ о возстановленіи закона, воспреещающаго продажу вина ближе 50 верстъ отъ присковъ; кромѣ того, золотопромышленники Олекминской системы просятъ отдалить по тѣмъ же причинамъ продажу вина отъ резиденціи на 30 верстъ въ ту и другую сторону“. Въ виду этого Корсаковъ просилъ енисейскаго губернатора представить свои соображенія относительно продажи вина на резиденціяхъ и вблизи ихъ, а также есть ли надобность въ возстановленіи прежняго закона о продажѣ вина не ближе 50 верстъ отъ золотыхъ промысловъ, и нельзя ли найти другія средства къ устраненію пьянства среди присковскихъ рабочихъ. Енисейскій губернаторъ далъ секретное предписаніе горнымъ исправникамъ, въ которомъ, указывая на то, что „весьма многія лица занимаются тайною торговлей виномъ не только на золотыхъ промыслахъ дѣйствующихъ, но и по близости ихъ въ таежныхъ мѣстахъ“, просилъ горныхъ исправниковъ представить свои мнѣнія о мѣрахъ къ устраненію этого злоупотребленія. Намъ извѣстенъ отвѣтъ только исправника южной части Енисейскаго округа въ февралѣ 1864 г. Въ этомъ отвѣтѣ горный исправникъ сообщаетъ, что на трехъ дорогахъ, ведущихъ на приски его округа, находятся кордоны изъ 2 или 3 козаковъ, которымъ вѣнчается въ обязанность преслѣдовать тайный ввозъ вина, но мѣра это недостаточна, во-первыхъ, потому, что нѣтъ возможности контролировать козаковъ, а, во-вторыхъ, они и не могутъ исполнить возлагаемыя на нихъ обязанности.

„Въ зимнее время, когда производится усиленное движеніе транспортовъ съ тяжестями, доставляемыми на промыслы, транспорты эти, заключающіе въ себѣ каждый отъ 10 и до 50 и болѣе возовъ, по большей части группируются по нѣскольку вмѣстѣ для ночлеговъ на зимовьяхъ и на кордонахъ и, такимъ образомъ, составляетъ иногда до 200 и болѣе возовъ. Воза обыкновенно увязываются плотно и тщательно, какъ этого требуетъ перевозка ихъ по таежной дорогѣ. Чтобы при обыскѣ на кордонахъ воза развязывать, во-первыхъ, нужно много времени, много трудовъ, а, во-вторыхъ, пришлось бы стѣснять возчиковъ тяжестей, дорого оцѣнивающихъ сохранность владн, защищенной на всю поѣздку старательною упаковкой. Такимъ образомъ, осмотръ возовъ и въ особенности съ стѣномъ козакъ успѣваютъ произвести только поверхностно съ помощью желѣзныхъ шуповъ. Въ зимнее время собственно торговцы, занимающіеся тайнымъ ввозомъ на промыслы вина для распродажи, появляются лишь изрѣдка. Главный ввозъ вина производится по пути съ ввозомъ какого-нибудь сорта тяжести. Лѣтомъ виноторговцы появляются чаще... Сбытъ вина производится по большей части рабочими. Изъ нихъ болѣе склонные къ пьянству платятъ до 3 руб. за бу-

тылку водки и отъ 2 до 5 руб. за бутылку спирту. Случается, что за вино безденежные рабочіе отдають одежду, обувь и товарныя вещи. Существующее между рабочими общее правило скрывать виноторговцевъ служитъ весьма большимъ препятствіемъ къ ихъ преслѣдованію“.

По мнѣнію горнаго исправника, слѣдующія мѣры могутъ повести къ искорененію продажи вина на промыслахъ: 1) ввести подачу винныхъ порцій рабочимъ, хотя бы на ихъ собственный счетъ, если не всякій день, то, по крайней мѣрѣ, 2 или 3 раза въ недѣлю, а для облегченія присковымъ управленіемъ приобрѣтенія вина устроить въ центрѣ промысловъ винный складъ въ 2,000 ведеръ; 2) слѣдуетъ возстановить прежній законъ о томъ, чтобы не было питейныхъ домовъ ближе къ промысламъ 50 верстъ; 3) „необходимо установить законъ, по которому занимающійся тайнымъ ввозомъ и продажей вина на промыслахъ подвергался бы отвѣтственности, подходящей къ отвѣтственности контрабандистовъ или корчемниковъ“¹⁾. Но мѣры эти приняты не были.

Тайная продажа вина продолжалась въ большихъ размѣрахъ и во второй половинѣ 60-хъ годовъ. „Въ послѣднее время“,—говоритъ Латкинъ (1869 г.),—на сѣверной системѣ Енисейскаго округа „расплодилось очень много спиртовозовъ, т. е. торговцевъ спиртомъ и водкой; обширность системы и множество дорогъ, въ особенности нынѣ заброшенныхъ, на которыхъ не существуетъ кордоновъ, даютъ большую свободу этой запрещенной торговлѣ, которая приноситъ занимающимся ею значительныя выгоды, почему на промыслахъ пьянство нынѣ“ усилилось, „хотя далеко не можетъ сравниться съ тѣмъ, что происходитъ въ жилыхъ мѣстахъ“²⁾.

Кромѣ странствующихъ спиртовозовъ или спиртоносовъ, къ концу 60-хъ годовъ появились и осѣдлые продавцы спирта подъ видомъ арендаторовъ покосовъ въ тайгѣ, гдѣ находятся промыслы. По официалъному свидѣтельству (1870 г.), „хищничеству золота способствуетъ отдача съ торговъ оброчныхъ статей подъ покосы: аферисты снимаютъ эти покосы за такія цѣны, которыхъ они никогда не въ состояніи выручить отъ продажи сѣна: высокія цѣны даются за мѣста, расположенныя около богатыхъ присковъ съ большимъ числомъ рабочихъ. Эти сѣмшики луговъ, подъ предлогомъ выдачи винныхъ порцій своимъ рабочимъ, имѣютъ всегда спиртъ и сбываютъ его рабочимъ; были случаи, что рабочіе входили въ помѣщенія вышеозначенныхъ лицъ совершенно трезвые, а вы-

¹⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1863 г., № 36, л. 19—28.

²⁾ „Очеркъ зол. пром. Енис. окр.“, стр. 54. Рецензентъ книги Латкина по этому поводу говоритъ: „Какъ во времена откупа золотопромышленники спавали рабочихъ своею водкой, такъ и теперь многіе“ изъ нихъ, „въ то же время, винокуры; не ихъ ли агентовъ подразумѣваетъ г. Латкинъ“, говоря о спиртовозахъ? „Дѣло“ 1869 г., № 11.

ходили мертвецы пьяные; но уликъ къ обвиненію нѣтъ....; кромѣ вреда отъ пьянства, продажа спирта сопряжена со скупомъ золота, потому что рабочій никогда не имѣетъ при себѣ денегъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ К^о, гдѣ за старательское золото, представляемое въ промысловую контору, имъ немедленно уплачиваютъ наличными деньгами) и, слѣдовательно, не имѣетъ чѣмъ расплатиться, кромѣ добытаго имъ золота ¹⁾. Въ 70-хъ годахъ появились, такъ называемые, придорожные пріиски. Въ спорѣ между золотопромышленниками и посторонними лицами о томъ, кому должны отдаваться въ аренду оброчныя статьи, собственно говоря, шелъ вопросъ лишь о томъ, какъ говорятъ на промыслахъ, чтобы „мыть золото на деревянной бочкѣ“, т. е. заниматься тайнымъ скупомъ золота.

Съ больныхъ рабочихъ, по однимъ договорамъ, золотопромышленники не брали никакой платы за леченіе, по другимъ—дѣлали вычетъ за ихъ содержаніе и лѣкарства ²⁾. По договору съ Цыбульскимъ (Маринск. и Ачин. окр. 1864 г.), хворать бесплатно дозволялось лишь нѣсколько дней; по другимъ контрактамъ, за время болѣзни рабочіе должны были платить отъ 30 до 50 к. въ день. Въ договорахъ Асташева съ общеконтрактными рабочими 60-хъ годовъ то устанавливаются вычеты съ рабочихъ за леченіе, то это условіе отпускается, въ договорахъ же съ отрядными рабочими, вскрывавшими торфъ, вычетовъ не полагалось (и иногда еще воспрещалось понуждать артель выполнять работу, падающую на больного). Плату за леченіе назначали въ договорахъ и нѣкоторые другіе золотопромышленники южной части Енисейскаго округа, наприм., К^о Бенардаки и Латкина, Логиновъ (1862 г.), К^о Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.), но по многимъ другимъ контрактамъ за леченіе не взымалось никакой платы.

Въ мартѣ 1865 г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири сообщилъ енисейскому губернатору, что „леченіе рабочихъ по золотымъ промысламъ... производится во всѣхъ промысловыхъ больницахъ безвозмездно, за исключеніемъ 7 пріисковъ южной системы Енисейскаго округа К^о Бенардаки, Сидорова и Латкина (состоящихъ подъ управленіемъ почетнаго гражданина Николая Латкина), которая вычитаетъ деньги съ рабочихъ за медикаменты“. (Мы видѣли выше, что по общимъ контрактамъ съ рабочими ни одна эта К^о имѣла право дѣлать такіе вычеты, но, быть можетъ, было въ не обычай пользоваться этимъ правомъ). „Хотя по силѣ 2484 ст. горнаго устава изд. 1857 г. леченіе нанимающихся на частныя золотыя промыслы рабочихъ

¹⁾ Арх. Енис. окружн. полиц. упр., дѣло № 472.

²⁾ Во всякомъ случаѣ, жалованья или платя рабочему въ дни болѣзни не полагалось.

людей должно быть ясно обусловливаемо въ договорахъ, т.-е. съ вычетомъ ли изъ платы наемниковъ за пользованіе ихъ въ промысловыхъ больницахъ, или же безъ вычета, но такъ какъ, во-первыхъ, подобнаго вычета на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири никѣмъ изъ гг. золотопромышленниковъ, кромѣ Николая Латкина, дѣлаемо не было; во-вторыхъ, по 1987 и 1992 ст. горнаго же устава, служащія на казенныхъ заводахъ, а также и рабочіе принимаются для излеченія въ госпитали, содержимые на счетъ заводовъ, и пользуются лѣкарствами безденежно и, въ-третьихъ, по § 60 Высочайше утвержд. въ 31-й день марта 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ вообще ¹⁾, подрядчикъ обязанъ содержать больного, требующаго врачебнаго пособия и временнаго призрѣнія въ лазаретѣ *безъ всякаго вычета изъ условной платы*, то по изложеннымъ основаніямъ слѣдуетъ нынѣ же со стороны начальниковъ губерній и областей Восточной Сибири сдѣлать строгое внушеніе горнымъ исправникамъ, чтобы устранили безъ всякаго отлагательства вычеты съ рабочихъ за медикаменты..., а городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы не свидѣтельствовали подобныхъ договоровъ, заключенныхъ съ рабочими“.

На запросъ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа управленіе Второпавловскаго приска К^о Бенардаки и Латкина донесло, что „вычетъ съ рабочихъ *сдѣланъ* за больницу“ на основаніи контрактовъ 1862—64 гг.; „въ настоящемъ же году подобнаго вычета не производится, также какъ и на будущее время производиться не будетъ“. По объясненію управленія, вычетъ за лѣкарства и больницу производился потому, что это допускалось горнымъ уставомъ, и къ тому же, условія съ рабочими заключались по взаимному согласію и претензіи съ ихъ стороны на это не было. „Условія, на основаніи которыхъ сдѣланъ вычетъ, засвидѣтельствованныя“ въ волостномъ правленіи, „имѣли законную силу и не должны подлежать отмѣнѣ...“ „А такъ какъ расчеты съ возвращеніемъ расчетныхъ листовъ рабочими послѣ 10 сентября считаются законченными, то управленіе и не находитъ себя обязаннымъ выслать вычтенныя законно, по условіямъ, деньги“, какъ этого, очевидно, требовалъ горный исправникъ ²⁾. Лопатинъ въ своей статьѣ ³⁾ утверждаетъ, что только на прискахъ, состоявшихъ подъ управленіемъ Латкина, вычитались изъ платы рабочихъ расходы на лѣкарства и стоимость содержанія фельдшеровъ, хотя мы видѣли, что такой вычетъ устанавливался договорами со многими золотопромышленниками. „Но теперь,—продолжаетъ Лопатинъ,—и у г. Латкина вездѣ леченіе производится безвозмездно“. Не

¹⁾ Ср. и ст. 58 и 59.

²⁾ Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1865 г. № 11, л. 511, 513, 517—518.

³⁾ „Извѣст. Сибир. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4, Иркут. 1872 г., стр. 39.

знаемъ, было ли такъ въ дѣйствительности, но, по крайней мѣрѣ, въ договорахъ съ К^о Малевинскаго (въ сѣв. части Енисейск. окр.) и послѣ приведеннаго распоряженія Корсакова назначался вычетъ за лѣчение ¹⁾).

Однимъ изъ главныхъ антигигиеническихъ условий въ жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ былъ чрезвычайный трудъ. Въ контрактахъ обыкновенно различается дѣйствительная болѣзнь отъ уклоненія отъ работы; за послѣднее, какъ мы увидимъ ниже, грозили штрафы и другія кары. Отдыхать нельзя было и въ праздники (еслибы даже рабочій пожелалъ пожертвовать возвышеннымъ старательскимъ заработкомъ), такъ какъ старательскій трудъ сдѣлался обязательнымъ. Рабочій, по словамъ Пищикова, „прибѣгаетъ къ другому способу отдыха: говорить, что онъ боленъ; спросить промысловаго фельдшера (почти всегда какого-нибудь поселенца, нанятаго по общему контракту въ число рабочихъ, и очень верѣдко даже безграмотнаго), тотъ, согласно приказанію хозяина, находитъ его здоровымъ, и бѣднаго рабочаго, вдобавокъ къ его изнуренію, колотятъ хуже, чѣмъ скота“ ²⁾). Послѣ того, какъ стараніе въ праздники сдѣлалось обязательнымъ, явилась настоятельная необходимость установить льготные дни отдыха, но упоминаній о нихъ мы почти не встрѣчаемъ въ договорахъ съ рабочими. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ 60-хъ годовъ мы встрѣтили всего въ четырехъ установленіе льготныхъ дней, въ большинствѣ случаевъ, по одному дню въ мѣсяцъ, и лишь въ одномъ договорѣ ³⁾ по 2 дня.

Трудиться на золотыхъ промыслахъ рабочимъ приходилось въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. „Рабочіе,—говоритъ д-ръ Кривошапкинъ,—вдыхая постоянно воздухъ, наполненный твердыми, рѣжущими частицами минеральной пыли, стоятъ постоянно въ мокротѣ, въ дыривой обуви и одеждѣ, потому что, одѣваясь на свой счетъ, они поневолѣ стараются экономить“, хотя бы „въ ущербъ здоровью“... „Рабочіе перѣдко не раздѣваются не только дни, но и цѣлыя недѣли; непросыхающая обувь... и бѣлье, пропитанное потомъ и грязью, до невозможности разобрать, изъ чего оно сдѣлано“, крайне вредны для здоровья. Суровый, негосте-

¹⁾ По договору съ этою К^о, заключенному въ ноябрѣ 1866 г., рабочіе обязывались „заплатить К—ин за медикаменты, какіе будутъ употреблены на леченіе“. Правда этотъ договоръ былъ засвидѣтельствованъ въ одномъ изъ волостныхъ правленій Томской губ., на которую распоряженіе Корсакова распространяться не могло, но и по договору съ тою же К^о 1869 г., заключенному ея уполномоченнымъ В. И. Базилевскимъ и засвидѣтельствованному въ Енисейскѣ, сказано было: „за лѣчение въ больницѣ ... доктору и (за) лѣкарства обязанъ всякій изъ нихъ заплатить К^о по 1 р. с.“

²⁾ Нанимались на прінски и такіе, которые, по слабости и болѣзненности, совсемъ плохо работали; перѣдко оказывалось, что ихъ заставило наняться волостное правленіе.

³⁾ Прибрежно-Витимской К^о Олекминскаго округа 1867 г.

примный климатъ тайги также содѣйствуетъ заболѣваніямъ. „Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ — страданія катарральныя и лихорадки; люди, пришедшіе на пріискъ, въ мартѣ больны уже цынгой, въ апрѣлѣ начинаютъ чаще ревматизмы, а съ началомъ работъ отъ вдыхаемой минеральной пыли—воспаленіе въ легкихъ и эмфизема. Дожди, если начинаютъ въ апрѣлѣ, бываютъ особенно холодны...; когда же хорошъ апрѣль, то для работъ гибельны майскіе дожди; также и осенью, если хорошъ августъ, дождливъ сентябрь, и наоборотъ. Цынга, начавшаяся въ февралѣ и мартѣ, при апрѣльскихъ дождяхъ крайне усиливается. Усиленная работа вызываетъ огромный аппетитъ; наѣвшись съ жадностью, и особенно чернаго хлѣба, рабочій лѣтомъ хочетъ непрерывно пить, и воду употребляютъ, конечно, самую холодную, прямо изъ ключа, отчего верѣдки воспаленія желудка; въ обѣденный отдыхъ онъ, усталый, радъ лечь безъ разбору на сырую, мокрую землю, отчего получаетъ лихорадки, поносы и даже кровавые“ ¹⁾.

Быть можетъ, рабочіе на промыслахъ Витимской системы Забайкальской области находились въ нѣсколько лучшихъ климатическихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ въ специально-медицинскомъ органѣ мы находимъ указаніе (1866 г.), что „больныхъ на пріискахъ“ этого округа „много не бываетъ“²⁾; иногда скорбуть наѣщаетъ пріиски, но это бываетъ весьма рѣдко“. Авторъ статьи сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о ходѣ и леченіи этой болѣзни:

„Рабочіе, заболѣвшіе скорбутомъ, стараются достать пихты, дѣлаютъ отваръ и этимъ отваромъ на ночь обертываютъ себѣ ноги и пьютъ его; отъ страданія десенъ они избавляются дикимъ лукомъ, который ѣдятъ въ огромномъ количествѣ. Къ обѣду, въ свободное отъ работъ время, они набираютъ себѣ стебли и корни дикаго ревеня, который, будучи сваренъ съ мясомъ, даетъ шамъ пріятный, кисловато-горькій и пріятный вкусъ. Въ больницу онъ идетъ уже тогда, когда скорбуть окончательно не даетъ ему возможности работать. Язвъ скорбутныхъ бываетъ очень мало; большею частью показываются сначала прыщи сухіе и весьма часто насаженные на передней части голени; мало-по-малу прыщи эти соединяются въ пятно сине-багроваго цвѣта, и тогда начинается стягиваніе ноги въ колѣнномъ суставѣ; боль въ деснахъ и опухоль появляются уже послѣ. Очень рѣдко на сказанныхъ пятнахъ ногъ начинается приподниматься кожа, образуя какъ бы водяной пузырь, который лопается, и вотъ начало цынготной язвы; она быстро растетъ въ ширину и въ вышину, если не остановить ея хода приличнымъ леченіемъ... Съ появленіемъ язвъ замѣтно появляется истощеніе силъ больного, водянка здѣсь рѣдко сопровождаетъ скорбуть... Большею частью скорбуть бываетъ сопряженъ съ поносомъ, который очень рѣдко уступаетъ леченію, тѣмъ болѣе.

¹⁾ М. Кривошапкинъ. „О состояніи медицинской части на золотыхъ пріискахъ Сибири“. „Сѣв. Почта“ 1862 г., № 84.

²⁾ Однако, изъ этой же статьи видно, что опухоль въ суставахъ и въ подмышечныхъ железахъ, вслѣдствіе чрезмѣрно утомительной работы, составляетъ явленіе весьма рѣдкое.

что чрезвычайно быстро ослабляет организм... Ушибы и ушибленные раны весьма частая вещь на приисках¹⁾; число таких больных „тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе непривычныхъ къ работѣ людей, такъ называемыхъ первоходковъ“¹⁾.

Современная наука доказала, что при сильномъ утомленіи можно посредствомъ кровопусканія временно усилить мышечную дѣятельность: этимъ и объясняется сильное развитіе кровопусканія на приискахъ, поддерживаемое также и обычаемъ давать послѣ него день отдыха, въ которомъ такъ нуждались рабочіе. Любопытно, что мѣстами приисковые рабочіе прививали любовь къ кровопусканію и крестьянамъ, съ которыми они входили въ соприкосновеніе на пути, и даже иногда сами превращались въ кровопускателей, если къ тому побуждало ихъ безденежье по возвращеніи съ приисковъ. „Болѣе энергическій изъ промотавшихся рабочихъ,—говоритъ Ангерманъ, авторъ статьи о Витимскихъ промыслахъ Забайкальской области,—отточить какой-нибудь ножичекъ и начинаетъ практику свою между крестьянами съ кровопусканія, необходимаго, по его увѣренію, осенью для крестьянъ послѣ лѣтнихъ тяжелыхъ работъ. Такъ онъ пускаетъ кровь, смотря по вознагражденію: пускаетъ на 50 к. с., на 25 к., на 12½ к. и на 7 к. крови, но никакъ не менѣе, или, переводя это на крестьянскій общепонятный языкъ, пускаетъ за штофъ, полуштофъ, козуску и шкаликъ водки,—менѣе мѣры нѣтъ, и онъ не можетъ пустить менѣе; болѣе чѣмъ за штофъ онъ тоже не пускаетъ изъ одной руки, потому что для него и этого достаточно на одинъ пріемъ, даже слишкомъ; да и пациентъ едва ли черезъ мѣсяць оправится силами послѣ такой операціи. Отъ этого по траету, ведущему къ промысламъ, можно встрѣтить гораздо болѣе“ крестьянъ обоего пола, „страдающихъ анеміей, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ поодаль. Мнѣ случалось видѣть,—продолжаетъ авторъ,—очень много печальныхъ случаевъ этого неистоваго кровопусканія изъ-за водки. Такой импровизированный врачъ пускаетъ кровь откуда угодно: изъ руки, по всему ея протяженію, начиная отъ локтевого сустава и кончая кистью руки; точно такъ же онъ поступаетъ и съ ногою. Онъ нисколько не затрудняется метать кровь изъ шеи, висковъ и темени, вслѣдствіе чего очень часто случаются поврежденіе нервовъ лица и сведеніе рукъ и ногъ“. Эта картинка вызываетъ на серьезныя размышленія. Этотъ импровизированный кровопускатель является какъ бы олицетвореніемъ золотопромышленности, которая и въ буквальномъ смыслѣ вызывала обильную потерю крови рабочихъ при частыхъ кровопусканіяхъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго труда, и эксплуатировала ихъ, не только не давая имъ возможности вынести съ промысловъ значительный заработокъ, но очень

¹⁾ И. Ангерманъ. „Замѣтки о золотыхъ промыслахъ Витимской системы“. „Медицинскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 7.

часто обременяя ихъ долгами, заставлявшими вновь закабалывать себя, или дѣлая увѣчными, навсегда потерявшими здоровье.

Медицинская часть на пріискахъ была болѣе, чѣмъ въ неудовлетворительномъ положеніи. Извѣстно авторитетное свидѣтельство д-ра Кривошапкина о состояніи енисейскихъ больницъ¹⁾, въ виду котораго мы можемъ не придавать значенія показаніямъ енисейскихъ губернаторовъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ начала 60-хъ годовъ, что все обстоитъ благополучно. Оtmѣтимъ только слѣдующія слова въ отчетѣ за 1863 г.: „больные содержатся исправно, за исключеніемъ больницы, находящейся на Николаевскомъ пріискѣ Безобразова; о приведеніи ея въ удовлетворительное состояніе сдѣлано надлежащее распоряженіе“²⁾. А, между тѣмъ, этотъ же самый Безобразовъ въ запискѣ, поданной въ 1862 г. Корсакову, выражая негодованіе на то, что въ своемъ официальном объявленіи³⁾ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири требовало (1861 г.), чтобы больныхъ не принуждали на золотыхъ промыслахъ къ работѣ, развязно заявлялъ: „На пріискахъ южной и сѣверной системы Енисейскаго округа больницы содержатся прекрасно; онѣ снабжены всѣми медицинскими пособіями и за больными хорошій уходъ“⁴⁾. Хороша же должна была быть больница самого Безобразова, если на нее обратила вниманіе даже снисходительная сибирская администрація. Впрочемъ, въ отчетѣ за 1865 г. енисейскій губернаторъ нарисовалъ и вообще печальную картину состояніи больницъ на пріискахъ. „Съ постояннымъ упадкомъ золотопромышленности, — говоритъ онъ, — видимо падаютъ и промысловыя больницы; въ нихъ нѣтъ уже той обстановки, какою онѣ отличались во время процвѣтанія промысла; теперь нерѣдко встрѣчаются въ больницахъ неопрятность, полное отсутствіе бѣлья и недостаткъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей. Причина подобнаго явленія та, что въ настоящее время значительныхъ золотопромышленныхъ дѣлъ въ Енисейской губ. почти не осталось, преобладающая же масса мелкихъ золотопромышленниковъ, при совершенномъ недостаткѣ оборотныхъ капиталовъ и веденіи дѣлъ лишь однимъ кредитомъ, поставлена въ необходимость сокращать расходъ до послѣдней крайности“. Гораздо печальнѣе то, что и богатые К^о не исполняли, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей относительно рабочихъ въ дѣлѣ медицинской помощи. „Почетный гражданинъ Николай Латкинъ, — продолжаетъ енисейскій губернаторъ, — вынужденный прекратить введенные имъ на состоящихъ въ его распоряженіи нѣсколькихъ промыслахъ К^о Бенардаки

¹⁾ Срав. также въ его статьѣ въ „Сѣв. Почтѣ“ 1862 г., № 84.

²⁾ Арх. Комит. Министр., дѣло Сибир. Комит. 1864 г., № 56.

³⁾ „Иркут. Губ. Вѣдом.“ 1861 г., № 40.

⁴⁾ Арх. Горн. Деп. дѣло отд. частн. зол. № 68/650, ч. II, л. 548 и сл.

и на собственномъ присскѣ вычеты съ рабочихъ за медикаменты..., призналъ излишнимъ приглашать въ истекшемъ году медика для завѣдыванія промысловыми больницами, которыя и оставались безъ должнаго врачебнаго пособія и надзора, несмотря на то, что на промыслахъ сѣверной системы Енисейскаго округа было 4 врача, между тѣмъ, во всѣ предшествующіе годы при другихъ распорядителяхъ К^о Бенардаки постоянно имѣла особаго промысловаго медика, болѣе необходимаго, чѣмъ въ другихъ К^о, такъ какъ главная группа ея промысловъ расположена по р. Нойбѣ, мѣстности нездоровой и весьма отдаленной, гдѣ въ прошломъ году былъ развитъ въ значительной степени между рабочими тифъ¹⁾. Послѣ такого официальнаго свидѣтельства о томъ, какъ относился Н. Латкинъ къ дѣлу медицинской помощи рабочимъ, мы не можемъ придавать значенія его одобрительному отзыву о присковскихъ больницахъ Енисейскаго округа. И Латкинъ, и Лопатинъ очень одобряютъ внѣшнюю обстановку больницъ, которую хвалятъ и Кривошапкинъ, но, къ сожалѣнію, только внѣшностью дѣло и ограничивалось, какъ это видно, между прочимъ, и изъ свидѣтельства врачей 70-хъ годовъ.

Большую пользу, по словамъ Лопатина, принесло разрѣшеніе поступать фельдшерами присковской больницы сосланнымъ по политическимъ преступленіямъ полякамъ²⁾: „многіе изъ нихъ оказались очень хорошими медиками и фельдшерами“ и „занимались очень внимательно“, но фельдшера изъ политическихъ ссыльныхъ составляли, все-таки, незначительное меньшинство, а остальные вообще были очень плохи. О врачахъ Кривошапкинъ говоритъ: „Врачи присковские завѣдуютъ разомъ множествомъ больницъ и многихъ хозяевъ. Они не назначаются правительствомъ, а нанимаются золотопромышленниками и ихъ управляющими, какъ и всякій другой служащій. Плату получаютъ они не общимъ жалованьемъ, а по числу рабочихъ людей, по 80 к. съ каждаго. По окончаніи рабочаго сезона, врачъ свободенъ отъ службы и снова надобно хлопотать ему, чтобы наняться на слѣдующую операцію. Судите изъ этого: можетъ ли врачъ имѣть значеніе, выражать свое мнѣніе“ и предъявлять „разныя полезныя для рабочихъ требованія? Очевидно, нѣтъ. За свободомысліе нигдѣ не получишь мѣста“³⁾.

¹⁾ Арх. Канц. Иркут. Ген.-губ., кн. 1898, № 611/36, л. 11—12.

²⁾ Бывали при этомъ и курьезы: въ 1867 г. одному доктору поляку изъ политическихъ ссыльныхъ было разрѣшено въ Енисейскомъ округѣ завѣдывать присковскою больницею безъ права лечить.

³⁾ „Сѣверная Почта“ 1862 г., № 84. Лазареты промысловъ Маринскаго окр. находились въ 1861 г. въ завѣдываніи окружнаго врача. Въ Семипалатинской области главный надзоръ за промысловыми больницами имѣлъ медикъ кокбетинскаго военнаго госпиталя. На промыслахъ Енисейскаго округа 1860 г. состояло 7 лекарей, дантистъ и акушерка, а въ 1870 г. было уже только 3 врача (2 въ сѣверной и одинъ въ южной

Фельдшера въ контрактахъ, заключаемыхъ ими съ золотопромышленниками, обыкновенно обязывались быть въ безусловномъ послушаніи пріисковому управленію, которое могло смѣнить ихъ всегда по своему желанію, фельдшера же не могли оставить мѣста до истеченія срока контракта.

Въ Западной Сибири смертность не превышала въ 1861 г. нормальной для всей Россіи, а именно умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ 20 чел. (0,7% рабочихъ об. п.) ¹⁾. Напротивъ, въ Восточной Сибири смертность была значительно выше той, какая бываетъ въ Россіи для возраста отъ 15 до 50 л. ²⁾. Въ 1865 г. умерло на пріискахъ Енисейской губ. 1,3% рабочихъ, въ 1866 г. 1,2%, въ 1867 г. даже 2,2%, въ 1868 г. 1%, въ 1869 г. 1,4% ³⁾. На промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1860 г. умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ 1,2%, въ 1861 г. 0,9%, въ 1862 г. 1%, въ 1863 г. 1,1% ⁴⁾.

О количествѣ заболѣвшихъ и процентѣ смертности изъ числа заболѣвшихъ мы свѣдѣній не имѣемъ; только изъ отчета горнаго исправника южной части Енисейскаго окр. за операцію 1865—1866 г. мы знаемъ, что изъ 5,465 чел. об. пола, бывшихъ на пріискахъ, было больныхъ 3,841 чел. (70% рабочихъ); быть можетъ, впрочемъ, въ число заболѣвшихъ включены и пускавшіе себѣ кровь. Изъ числа заболѣвшихъ умерло 2,7% ⁵⁾.

Процентъ смертности на пріискахъ понижался еще тѣмъ, что больныхъ рабочихъ нерѣдко рассчитывали до срока. „Если больной рабочій ненадеженъ къ скорому излеченію,—говоритъ авторъ корреспонденціи изъ Красноярска,—то нерѣдко его рассчитываютъ и выгоняютъ съ пріиска съ однимъ проходнымъ видомъ, не только безъ денегъ, необходимыхъ на путевое продовольствіе, но еще съ значительнымъ задолжа-

системъ). Въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ въ 1860 г. было 2 врача; въ Кавскомъ и Нижнеудинскомъ (Бирюсинская система) былъ въ 1860 г. временный врачъ, посланный Иркутскимъ губернаторомъ, и только въ 1863 г. былъ приглашенъ постоянный врачъ. Въ Олекминскомъ округѣ въ 1860 г. было 3 медика; въ Забайкальской области въ Витимской системѣ въ 1863 г. также 3 врача. Число кроватей въ больницахъ намъ извѣстно лишь на промыслахъ южн. ч. Енис. окр. въ 1865—1866 г.: ихъ было 350 на 6,465 рабочихъ об. п., т.-е. по одной кровати на 18 ч. *Раселли*, 236, 237; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г., № 7 и 1864 г., № 17, часть неоф.; „Горн. Журн.“ 1863 г., № 5, стр. 350—351; „Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г., № 26, л. 419, 422.

¹⁾ *Раселли*, 234.

²⁾ Справ. *Эрисманъ*. „Курсъ гигиены“, т. II, прилож., стр. 61—75.

³⁾ *Допатинъ*, стр. 45.

⁴⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“, 1861 г. № 7 и 1864 г. № 17 ч. неоф.; *Раселли*, 234; „Горн. Журн.“, 1863 г. № 5, стр. 348.

⁵⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г. № 26, л. 422.

ніемъ золотопромышленной конторѣ" ¹⁾. Правда, Лопатинъ увѣряетъ, что „разсчитываютъ съ пріисковъ больныхъ съ застарѣлыми хроническими недугами, требующими особаго рода леченія и ухода, и не такихъ, которые заболѣли на пріискѣ, а которые нанялись обманомъ, скрывъ отъ нанимателя свои недуги“; но изъ показаній Кривошапкина и официальныхъ распоряженій 50-хъ годовъ видно, что слова красноярскаго корреспондента совершенно справедливы. „Ихъ высылаютъ,—продолжаетъ Лопатинъ,—потому, во-первыхъ, что невозможно требовать, чтобы пріискъ обратился въ общественную богадѣльню (!), а, во-вторыхъ, потому, что больнымъ легче выбраться изъ тайги въ теплое лѣтнее время, нежели осенью“ (стр. 40). Напротивъ, Кривошапкинъ требовалъ, чтобы золотопромышленникамъ не было дозволено „разсчитывать съ пріисковъ всякаго, заболѣвшаго хроническою болѣзнью, и пускать на произволъ судьбы“ ²⁾.

Золотопромышленники старались въ контрактахъ сложить съ себя отвѣтственность за несчастные случаи съ рабочими. Корсаковъ, исправлявшій должность генераль-губернатора Восточной Сибири, замѣтивъ изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ Енисейскаго округа за 1860 г., что, несмотря на многія подтвержденія о принятіи мѣръ къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ при веденіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, случаи эти, часто стоящіе жизни рабочимъ людямъ, не прекращаются, поручилъ горному ревизору этого округа составить правила о производствѣ работъ съ изложеніемъ необходимыхъ предосторожностей. Правила эти были имъ составлены, и слѣдить за ихъ исполненіемъ было поручено горнымъ исправникамъ, которые должны были о результатахъ слѣдствія немедленно представлять въ судебныя мѣста, а эти послѣднія—назначать законныя взысканія съ виновныхъ въ слабомъ надзорѣ за производствомъ работъ ³⁾.

Какъ мало человѣколюбія обнаруживали золотопромышленники относительно увѣчныхъ рабочихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ есаула Озерова въ донесеніи (1861 г.) Корсакову: „Замѣчено мною, что нѣкоторыя К^о (Енис. окр.) не только не обезпечиваютъ рабочихъ, совершенно потерявшихъ здоровье и получившихъ увѣчье на пріискахъ, всѣмъ необходимымъ для существованія или хотя бы для прибытія къ мѣсту жительства, но часто даже записываютъ долги въ ихъ паспорта“ ⁴⁾. Без-

¹⁾ „С.-Петерб. Вѣд.“ 1865 г. № 137.

²⁾ „Енис. Окр.“, стр. 11—12.

³⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1861 г. № 21, л. 1—2.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. к. 1673, № 27/30, л. 19. Въ дѣлахъ богатой компаніи Малевинскаго мы нашли нѣсколько подписокъ, данныхъ въ началѣ сентября 1868 г., гдѣ рабочіе заявляютъ, что, находясь на излеченіи въ промысловой больницѣ, вслѣдствіе полученнаго по несчастному случаю перелома той или другой ноги, въ на-

помощность такихъ рабочихъ видна и изъ слѣдующихъ словъ Н. Латкина: „Желательно и даже совершенно необходимо золотопромышленникамъ основать хотя небольшой денежный фондъ для вспомошествованія впадшимъ по какимъ-либо причинамъ въ безпомощное состояніе рабочимъ, какъ-то вслѣдствіе значительныхъ ушибовъ и искалѣченія во время работъ“¹⁾).

Въ контрактахъ 60-хъ годовъ рабочіе, какъ и въ прежніе годы, обязывались вести себя „добропорядочно“, „благопристойно“, слушаться управляющихъ, приказчиковъ, смотрителей, штейгеровъ и нарядчиковъ, не пьянствовать, въ карты, кости, орлянку и другія азартныя игры не играть, не грубить, не упрямствовать, не вступать въ драку, самовольно (или безъ письменнаго дозволенія) съ приска никуда не отлучаться, съ ворами и подозрительными людьми связи не имѣть, постороннихъ людей безъ вѣдома управляющаго и особенно безъ письменныхъ видовъ къ себѣ не принимать и въ своемъ помѣщеніи не держать, а также они обязывались наблюдать другъ за другомъ и о всемъ недозволенномъ доводить до свѣдѣнія управляющаго. Въ нѣкоторыхъ договорахъ, за несоблюденіе ихъ, рабочимъ грозила отвѣтственность по суду, а за причиненные этимъ убытки они должны были отвѣчать своею собственностью; въ другихъ упоминалось объ исправительномъ наказаніи.

Впрочемъ, сами золотопромышленники даютъ одобрительные отзывы о поведеніи рабочихъ: по словамъ Скарятина, они „ведутъ себя на прискѣ не только не хуже, но, напротивъ, лучше, чѣмъ въ деревняхъ и городахъ. Случается, конечно, что рабочій успѣвалъ достать водки и на прискѣ, но это рѣшительное исключеніе, нисколько не относящееся до массы рабочихъ... Понятно, что они на прискѣ гораздо смирнѣе, чѣмъ вблизи кабаковъ“²⁾.

Переходя къ вопросу о наказаніяхъ рабочихъ на прискахъ въ 60-хъ годахъ, мы, прежде всего, остановимся на тѣлесныхъ наказаніяхъ. Несмотря на несомнѣнное существованіе жестокихъ расправъ съ рабочими, мы имѣемъ о нихъ мало современныхъ свидѣтельствъ. Обыкновенно

стоящее время сростагося, они продолжать леченія не хотятъ, „добровольно“ желаютъ отправиться на свое мѣстожительство, и такъ какъ увѣче получено ими по ихъ неосторожности, то „никакой претензіи“ къ компаніи Малевинскаго они не имѣютъ. Ни о какомъ вознагражденіи рабочимъ въ этихъ подпискахъ нѣтъ и рѣчи. (Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ).

¹⁾ „Содѣйств. рус. пром. и торг.“ 1862 г., приб. къ № 3. По официальнымъ свѣдѣніямъ умершихъ отъ несчастныхъ случаевъ во время работъ, какъ-то: ушибовъ, полученныхъ при дѣйствіи машинъ, отъ обваловъ торфа, отъ паденія камней, дѣла и т. п. было на промыслахъ Западной Сибири въ 1861 г.—2, Восточной Сибири въ 1860—12, въ 1861—8, въ 1862 г.—9, 1863 г.—5, въ 1869 г.—6 чел.

²⁾ „Зам. Золотопр.“, ч. II, 218—219.

мы узнаемъ о нихъ, такъ сказать, заднимъ числомъ изъ болѣе позднихъ показаній, когда объ этихъ жестокостяхъ говорятъ уже, какъ о явленіяхъ, если не вполне исчезнувшихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени потерявшихъ свою прежнюю интензивность. То же повторяется и въ 60-е годы, когда писатели конца этого десятилѣтія говорятъ о крутыхъ нравахъ самаго недавняго прошлаго, несомнѣнно свидѣтельствуя такимъ образомъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ суровыя традиціи предшествующей эпохи еще сохраняли, особенно на промыслахъ нѣкоторыхъ К^о, свою силу и значеніе. Обратимъ, прежде всего, вниманіе на упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ съ рабочими этой эпохи.

По контракту съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.), за уклоненіе отъ работы и самовольную отлучку съ пріиска рабочему, сверхъ вычета за прогульные дни, грозило „полицейское исправленіе при артели“; за дурное поведеніе, пьянство, грубость и проч. управленіе имѣло право подвергать виновныхъ „законнымъ исправительнымъ наказаніямъ“. Когда въ договорѣ не упоминается объ артельной расправѣ, очевидно, предпочитали обращаться къ горному исправнику. И дѣйствительно, по договору съ Лавровскою того же года, вовсе не упоминается объ артельной расправѣ, а за уклоненіе отъ работы и небрежность грозитъ штрафъ или „полицейское исправленіе“, на основаніи 2502 и 2538 ст. горнаго устава ¹⁾. По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Шитиковымъ (1868 г.), за сношенія съ жителями селъ и деревень безъ разрѣшенія хозяина рабочіе „подвергали себя“ полицейскому исправленію или вычету изъ жалованья.

Въ контрактахъ южной части Енисейскаго округа также нерѣдко встрѣчаемъ упоминанія о тѣлесныхъ наказаніяхъ, а именно въ общихъ контрактахъ съ К^о Бенардаки и Сидорова (1860 г.) за уклоненіе отъ работъ и небрежность въ нихъ (также въ договорахъ съ Лопатынымъ 1862 г., Даниловымъ 1863 г. и Асташевымъ 1862 г.), по договору съ Логиновымъ (1862 г.)—за дурное поведеніе, игру въ карты и кости, наконецъ, за неповиновеніе въ работѣ—по договорамъ съ Безобразовымъ (1862 и 1864 гг.), съ Бенардаки (1870 г.), съ Поповымъ (1868 г.): во всѣхъ этихъ договорахъ опредѣлялось или „исправительное наказаніе“, „домашнее исправленіе“ по приговору артельной расправы, или полицейское исправленіе, подъ которымъ разумѣлось наказаніе иногда по усмотрѣнію горнаго исправника, а иногда по приговору артельной расправы.

¹⁾ Вторую изъ этихъ статей предоставляется исправнику право подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію“ за дурное поведеніе и друг. проступки, а 2502 ст. хозяину, недовольному рѣшеніемъ артельной расправы, разрѣшается жаловаться на ея рѣшеніе горному исправнику.

Гораздо рѣже встрѣчается упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ съ отрядными рабочими.

Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Ачин. и Минус. окр. 1864 г.) сказано: „Согласно 2397 ст. VII тома Горнаго устава“ (изд. 1842 г.) ¹⁾, должны мы составлять артели, выбрать въ каждой по 2 выборныхъ, а со стороны управляющихъ и станowychъ прикащиковъ имѣть быть назначенъ артельный староста, который (sic!) по силѣ 2396 ст. за проступки наши, лѣность и вообще дурное поведеніе можетъ насъ наказывать. Но если предоставленныя мѣры на исправленіе не будутъ достигать цѣли или будутъ превышать его власть, то о таковыхъ долженъ вести свой журналъ, на случай представленія его горному исправнику на зависящее распоряженіе“. Г. Вагинъ въ своей извѣстной статьѣ приводитъ подобное же условіе изъ болѣе ранняго договора Цыбульскаго, но въ нѣсколько иномъ видѣ. По этому послѣднему договору старостѣ (со ссылкой на 2396 ст.) предоставлялось наказывать рабочихъ за проступки, лѣность и дурное поведеніе, выборные же должны были завѣдывать артелями, производить разбирательство, а въ случаѣ поноровки своимъ артельщикамъ, староста, „если предоставленная ему мѣра исправленія не будетъ достигать цѣли или превышаетъ его власть“, обязанъ вести о таковыхъ свой журналъ и представлять его горному исправнику на зависящее распоряженіе. По поводу этого условія Вагинъ говоритъ:

„К^о Ц. (Цыбульскаго), включивъ въ свой договоръ правила объ артеляхъ, сдѣлала ссылку на ст. свода законовъ—и очень не кстати. Въ этихъ статьяхъ... дѣйствительно говорится объ учрежденіи артели, но совсѣмъ противное тому, что сказано въ договорѣ. По точному смыслу ихъ, староста и выборные должны составлять артельную расправу, и этой расправѣ, коллегіальному учрежденію, предоставлено разбирать поступки рабочихъ и подвергать ихъ взысканіямъ. Это—ничто иное, какъ сельскія расправы государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ. Законъ придаетъ этому правильно организованному суду такую важность, что совершенно освобождаетъ его отъ вліянія хозяина. Послѣдній, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе расправы, можетъ, какъ и рабочіе, жаловаться горному исправнику или ревизору (смотря по роду дѣла), но не имѣетъ права самъ отминая рѣшенія (ст. 2502). По договору (Цыбульскаго) значеніе расправы совершенно уничтожено. Право разбирать проступки предоставлено не всей расправѣ, а каждому изъ выборныхъ особо, право наказывать за проступки—опять не всей расправѣ, а лично старостѣ. Отдѣливъ разбирательство отъ наказанія, договоръ, однакожъ, не поставилъ точныхъ границъ между ними и запутывается во фразахъ. Такимъ образомъ, на мѣсто правильнаго коллегіальнаго суда, предписаннаго закономъ, договоръ ставитъ личный произволъ старосты или выборныхъ (въ редакціи 1864 г. этого договора—одного старосты). Кромѣ того, неизвѣстно, на чемъ основано условіе, что артельный староста обязанъ записывать въ книгу и представлять горному исправнику о проступкахъ тѣхъ рабочихъ, надъ которыми недѣйствительны исправительныя мѣры, или проступки которыхъ превы-

¹⁾ Соответственныя ст. въ изд. 1857 г.: 2500—2502

шаютъ власть старостъ (т.-е. расправы). Проступки, подлежащія вѣдѣнію артельной расправы, всегда разбираются ею, а до прочихъ проступковъ ей, а слѣдовательно и старостѣ нѣтъ никакого дѣла“ ¹⁾.

Что постановленія контрактовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ не оставались мертвою буквой, видно изъ современныхъ свидѣтельствъ. „Необходимо обратить вниманіе,—писалъ Н. Латкинъ въ 1862 г.,—и на нравственную сторону быта рабочихъ, такъ какъ обращеніе съ рабочими на промыслахъ должно было бы смягчиться, что уже въ послѣднее время значительно подвинулось впередъ, и *столь частыя въ прежнее время потасовки, побои и тѣлесное наказаніе* уступили теперь мѣсто болѣе кроткому и человѣколюбивому обращенію“. Однако, Н. Латкинъ не скрываетъ, что „всѣ эти грустныя сцены экзекуціи рабочихъ повторяются изрѣдка“, выражая при этомъ желаніе, чтобы „онѣ вовсе вывелись изъ употребленія, а въ особенности, чтобы промысловые прикащики какъ можно меньше давали бы волю своему языку, столь щедрому на крѣпкія выраженія, и своимъ рукамъ, столь нѣкогда щедрымъ на расправу, а болѣе входили бы въ нужды и интересы рабочаго“ ²⁾. Впрочемъ, авторъ одной статьи о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, напечатанной годомъ позже замѣтки Н. Латкина, говоритъ о зуботычинахъ и ударахъ нагайкою на нѣкоторыхъ прискахъ не въ прошломъ, а въ настоящемъ времени ³⁾.

Одна изъ экзекуцій, произведенная, къ тому же, надъ несовершеннолѣтнимъ рабочимъ на прискѣ Безобразова (сѣв. ч. Енис. окр. въ 1862 г.), возмущала даже мѣстнаго горнаго исправника. 16-тилѣтній крестьянскій мальчикъ Быдаевъ бѣжалъ съ приска Безобразова съ другимъ рабочимъ, вслѣдствіе „тяжкихъ изнурительныхъ работъ“ (слова исправника). Оба бѣжавшіе были пойманы и присланы къ исправнику съ присковымъ козакомъ „опухшими, въ болѣзненномъ состояніи“. Исправникъ распорядился отправить ихъ къ управляющему золотыми присками Безобразова, инженеръ-технологу Степанову, съ приказаніемъ помѣстить ихъ въ присковую больницу, а по выздоровленіи наказать розгами не болѣе 50-ти ударовъ. При этомъ исправникъ приказалъ Степанову справиться, дѣйствительно ли Быдаевъ несовершеннолѣтній, какъ онъ заявилъ при разспросѣ, и если это окажется справедливымъ, то освободить его отъ опредѣленнаго закономъ наказанія и, какъ несовершеннолѣтняго, разсчитать, такъ какъ, на основаніи законовъ гражданскихъ (ст. 228 и 2285) ⁴⁾, онъ не имѣлъ права заключать контракта для по-

¹⁾ „Амуръ“ 1860 г., № 84.

²⁾ „Содѣйств. русск. промышл. и торгов.“ 1862 г. Приб. къ № 3.

³⁾ Е. Золотиловъ. „Сибир. тайга“. „Рус. Вѣстн.“ 1863 г. № 1, стр. 339, 340.

⁴⁾ „Дѣтскіе малолѣтнихъ (ниже 17 лѣтъ) хотя и могутъ отцы и матери отдавать въ легкую работу, какъ-то: въ пастушество и тому подобное, и составлять за нихъ

ступленія въ промысловыя работы. Между тѣмъ, Степановъ велѣлъ, въ присутствіи козака, вытащить этихъ двухъ рабочихъ изъ тѣлги и затѣмъ (очевидно, безъ всякаго участія артельной расправы) одного изъ нихъ „наказалъ до такой степени, что этотъ послѣдній самъ не въ силахъ былъ подняться, и его унесли на рукахъ въ больницу“; Степановъ не исполнилъ и другого требованія исправника: не разсчиталъ малолѣтняго и продержалъ его на работахъ до ихъ окончанія ¹⁾.

По словамъ Н. Латкина (1862 г.), „грустные сцены экзекуціи рабочихъ“ сдѣлались рѣдкими на приискахъ ²⁾, но повѣрить этому намъ мѣшаетъ свидѣтельство того же лица, такъ какъ въ своей книгѣ о промыслахъ Енисейскаго округа 1869 г. Н. Латкинъ говоритъ: „Въ прежнее время, лѣтъ 6—7 тому назадъ (слѣдовательно, именно въ началѣ 60-хъ годовъ), во многихъ К^о обращались съ рабочими не совсѣмъ гуманно, чтобы не сказать болѣе, и наказывали ихъ часто и иногда даже жестоко, но нынѣ, благодаря Бога и уничтоженію тѣлеснаго наказанія, все это повывелось, хотя кое-гдѣ и обращаются еще съ рабочими не совсѣмъ ласково (?), но теперь, кажется, всѣ уже сознали, что рабочій, хотя и поселенецъ, все же человѣкъ“ (стр. 54—55). Однако, въ другомъ мѣстѣ авторъ долженъ былъ выразиться точнѣе, а именно, что тѣлесныя наказанія не вывелись (къ концу 60-хъ годовъ), а только „выводятся изъ употребленія“, рабочіе подвергаются имъ, но „не иначе, какъ по распоряженію исправника или по суду артельной расправы, но это случается не часто“ (стр. 124). Изъ этихъ словъ ясно, что прежде приисковыя управленія не находили нужнымъ всегда обращаться къ артельной расправѣ или содѣйствію горнаго исправника, а считали возможнымъ расправляться съ рабочими такъ, какъ, наприм., инженеръ-технологъ Степановъ, управляющій Безобразова, въ 1862 г. Рецензентъ книги Латкина, по поводу его словъ о тѣлесномъ наказаніи, замѣчаетъ: „напрасно г. Латкинъ ссылается на указъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія... поселенцы... до сихъ поръ подлежатъ тѣлесному наказанію“. „Заболѣвшему рабочему рѣдко повѣрятъ съ перваго разу; бывали случаи, что больныхъ сѣкли за мнимую лѣность“ ³⁾. Енисейскій золотопромышленникъ

условія, но не иначе, какъ съ дозволенія у сибирскихъ обывателей волостного правленія... и то не болѣе, какъ на одинъ годъ... Кто приметъ таковыхъ въ работу безъ дозволенія начальства, тотъ въ случаѣ неустойки терпѣть искъ и право, а по возрастѣ малолѣтняго подвергается, по жалобѣ его, и взысканію по законамъ“ (Св. Зак. изд. 1857 г., т. X, ч. I, стр. 2285).

¹⁾ Несмотря на то, что фактъ этотъ, благодаря донесенію исправника Чайковского, дошелъ до свѣдѣнія совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, изъ дѣла не видно, чтобы онъ вызвалъ какія-нибудь непріятныя послѣдствія для Степанова. Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 2530, № 16/72, л. 7—8.

²⁾ „Содѣйств. рус. пром. и торг.“ 1862, приб. къ № 3.

³⁾ „Дѣло“ 1869 г. № 11.

Лопатинъ въ своемъ возраженіи на эту рецензію говорить: „сѣкли ли больныхъ за мнимую лѣность? Мы слышали, что сѣкли лѣнтяевъ за мнимую болѣзнь, — впрочемъ, мало ли что бывало въ давно прошедшее время“. Такъ какъ различіе больныхъ и уклоняющихся отъ работъ производилось какимъ-нибудь невѣжественнымъ фельдшеромъ, то слова Лопатина лишь подтверждаютъ показанія рецензента книги Латкина, а этотъ послѣдній свидѣлствуетъ, что тѣлесныя наказанія практиковались еще въ концѣ 60-хъ годовъ, а не въ „давно прошедшее время“; слышать же о тѣлесныхъ наказаніяхъ Лопатину было тѣмъ легче, что онъ не только бывалъ на своихъ промыслахъ въ южной части Енисейскаго округа, но и въ его собственномъ договорѣ съ рабочими (1862 г.), и, притомъ, не съ общеконтрактными, положеніе которыхъ было вообще хуже, а съ плотниками, упоминается о томъ, что за уклоненіе отъ работъ и оставленіе ихъ ранѣ срока рабочіе, сверхъ вычета, должны были подвергаться „полицейскому исправленію или артельной расправѣ“¹⁾.

Кромѣ тѣлесныхъ наказаній, были и другія исправительныя мѣры: такъ, на промыслахъ Маріинскаго округа — „козачья“, т.-е. землянка, служила тюрьмою для присковыхъ рабочихъ. Кромѣ того, на золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа существовалъ обычай, въ предупрежденіе побѣга, сбивать подозрительному человѣку волосы съ половины головы, чтобы легче было поймать его, если онъ уйдетъ²⁾.

Отъ кулачной расправы и разныхъ истязаній плохо защищали тѣ пункты контрактовъ, которые включались въ нихъ съ этою цѣлью и которыми золотопромышленники обыкновенно обязывались обходиться съ рабочими „безъ обиды и притѣсненія, челоуѣколюбиво“, не причиняя имъ „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, здоровью вредныхъ“. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ это обязательство выражалось формулой, указывающей уже не на столь суровыя нравы, когда не допускались лишь тяжкіе побои и вредныя для здоровья жестокости. Нѣкоторыя присковыя управленія обязывались обходиться съ рабочими челоуѣколюбиво и добросовѣстно или „безъ обиды и притѣсненія, не подвергая ихъ никакимъ несправедливымъ взысканіямъ“.

Если не во всякомъ общемъ контрактѣ 60-хъ годовъ мы находимъ упоминаніе о „домашнемъ“ или „полицейскомъ исправленіи“, т.-е. тѣлесномъ наказаніи, то неумѣнно въ каждомъ устанавливаются штрафы или вычеты за какія-либо провинности рабочихъ, почти всегда за укло-

¹⁾ По словамъ Л. О. Пантелѣва, золотопромышленникъ сѣверно-енисейской системы Ильинъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ засѣкъ рабочаго и посадѣлъ за это въ тюрьмѣ. Послѣ этого управляющіе стали побавиваться съ рабочихъ по своему усмотрѣнію и начали отправлять ихъ къ исправнику.

²⁾ Статья Г. Н. Потанина въ „Рус. Словѣ“ 1861 г., № 6.

неніе отъ работы, а иной разъ за неявку, разбрасываніе хлѣба и т. п. По договору съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.), за несвоевременную явку на работу, за уклоненіе отъ нея подъ предлогомъ болѣзни и въ особенности за самовольную отлучку съ приска присковое управление могло *сверхъ* „полицейскаго исправленія при артели“ вычитать съ рабочихъ по 2 р. за каждый прогульный день. По другому договору съ тою же золотопромышленницей, за несвоевременный выходъ на работу и оставленіе ея виновные подвергались штрафу — за каждый недоработанный часъ по 50 к., за полдня — 2 р. и за цѣлый день — 3 р., а „за непротирку песковъ при малѣйшемъ знаѣ золота въ отвозѣ, какъ бы за золотникъ“ — по 4 руб. *или* виновные подвергаются полицейскому исправленію. Размѣръ штрафа съ общеконтрактныхъ рабочихъ за прогульные дни — отъ 50 коп. до 3 руб. въ день. Вычеты или штрафы назначались и по договорамъ съ отрядными рабочими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вычеты производились не деньгами, а убавленіемъ изъ счета рабочихъ дней ¹⁾. Такой вычетъ, разумѣется, въ расчетныхъ книгахъ и листахъ замѣтить невозможно; денежные штрафы также могли записываться подъ видомъ выдачи рабочимъ денегъ, но иной разъ они прямо записывались на приходъ ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ упоминается еще о переводѣ виновныхъ въ видѣ наказанія на другую работу съ уменьшенной платой. Такъ, наприм., мастеровымъ грозилъ переводъ на горную работу или присковому управленію предоставлялось право перевести нерадивыхъ рабочихъ на другую работу съ выдачею одной мѣсячной платы (3 руб. 15 коп.). Иногда присковому управленію предоставлялось нанять на счетъ виновныхъ другихъ рабочихъ, причѣмъ рабочіе отвѣчали даже всѣмъ своимъ имуществомъ. Самымъ тяжелымъ для рабочаго наказаніемъ былъ расчетъ его до срока, такъ какъ онъ могъ и не найти тогда мѣста на другихъ прискахъ и сплошь и рядомъ долженъ былъ возвращаться домой совершенно безъ денегъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ упоминается объ отвѣтственности рабочихъ и по суду, въ случаѣ самовольнаго прекращенія работъ ранѣе условленнаго срока по общему сговору.

Въ числѣ преступленій на золотыхъ промыслахъ, особенно сурово караемыхъ закономъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ кража золота рабочими, причѣмъ сплошь и рядомъ истинные виновники такихъ кражъ, — хозяева, торгующіе виномъ и обмѣнивающіе его на золото, — безнака-

¹⁾ Напр. по договорамъ съ Логиновымъ (1862 г., южн. ч. Енис. окр.) и съ Прибрежно-Витимской К^о (1867 г., Олекм. окр.).

²⁾ Такъ, напр., въ „Счетѣ платы рабочимъ по Гавриловскому приску 1869—70 г.“ сказано: „взыскано съ рабочихъ за буйные поступки и за самовольныя отлучки съ промысла штрафу“ 19 р.

занно продолжали свой промыселъ, между тѣмъ какъ уличенные въ немъ рабочіе подвергались за него тяжелому наказанію. „Я лично зналъ, — говоритъ г. Цвѣтолюбовъ, — одного управляющаго, который виномъ (по 5 р. бутылка) до того увлекалъ рабочихъ къ воровству золота, что сосѣдніе пріиски были кругомъ обворованы. Знали это и мѣстныя власти, но, задобренныя плутомъ, молчали, были слѣпы и глухи. По милости этого управляющаго три или четыре человѣка въ теченіе года были наказаны шпицрутенами и сосланы на каторжную работу. Говорятъ, дерзость его доходила до того, что онъ свободно записывалъ краденое золото въ книги въ число добытаго на старательскихъ работахъ въ праздники“¹⁾. О томъ, что сами золотопромышленники покровительствовали кражѣ золота, свидѣлствуютъ и другія лица какъ въ печати²⁾, такъ и въ запискахъ, представленныхъ въ министерство финансовъ. По уложенію о наказаніяхъ, за кражу золота при добываніи и промывкѣ песковъ, а также за участіе подговоромъ или содѣйствіемъ въ похищеніи этихъ металловъ виновные подвергались лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылке на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; если же они по закону не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, то и наказанію плетьюми отъ 20 до 30 ударовъ (Св. Зак. т. XV изд. 1857 г., ст. 22, 642, 652). Съ уничтоженіемъ плетей для нелишенныхъ правъ состоянія наказаніе смягчилось, но ссылки поселенцы должны были подлежать ему попрежнему. За утайку золота въ урочную рабочую пору, съ намѣреніемъ выдать его за добытое во время старательской работы, виновные подвергаются: въ первый разъ (по приговорамъ мѣстныхъ земскихъ судовъ) наказанію розгами отъ 20 до 30 ударовъ; во второй (по приговорамъ военныхъ судовъ) отъ 30 до 40 ударовъ съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства; въ третій разъ они приговаривались къ наказанію какъ за кражу золота (ст. 659). Къ счастью для рабочихъ, похищеніе золота рѣдко раскрывалось³⁾.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, похищеніе золота было сильно развито и нѣсколько дополняло скудный заработокъ рабочихъ. Авторъ статьи о промыслахъ Томской губ. (1870 г.) говоритъ: „Воруется золото всякій, кто можетъ: воруетъ рабочій, если онъ настолько зорокъ, что увидитъ крупную золотину на лопатѣ при накладываніи песку въ тарайку; воруетъ машинистъ при осмотрѣ хода машины во время промывки; воруетъ приказчикъ при... съемкѣ съ машины золота; воруетъ промывальщикъ при пусканіи шлиховыхъ песковъ, и нужно имѣть самую тщательную наблюдательность, навыкъ и знаніе всевозможныхъ утон-

¹⁾ „Амуръ“ 1860 г. № 12.

²⁾ „Амуръ“ 1861 г. № 37, *Скарятинъ* II, 122—124.

³⁾ *Расселинъ*, 286.

ценныхъ способовъ воровства, чтобы слѣдить за похитителями и ловить ихъ на мѣстѣ преступленія. Иногда случается, что рабочаго поймаютъ въ моментъ воровства; не видя другого выхода, онъ проглатываетъ золотину, если она не очень велика. Тогда его запираютъ въ отдѣльную комнату и возвращаютъ потерю¹⁾.

Рабочіе Маринской тайги сбывали краденое золото въ селѣ Тисюлѣ, а стремленіе продавать его на сторону поддерживалось тою низкою платой, которую золотопромышленники давали рабочимъ за старательское и подъемное золото. Скупщики золота въ свою очередь также всячески старались надуть рабочихъ²⁾.

Похищеніе золота производилось въ немалыхъ размѣрахъ и на енисейскихъ промыслахъ. Въ 1869 г. въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 191) помещены были замѣтки объ этихъ промыслахъ, и въ нихъ указывалось, что тамъ почти открыто производится торговля виномъ, а вслѣдствіе этого усилилась и кража золота. На запросъ генераль-губернатора Восточной Сибири Корсакова, обратившаго вниманіе на эту корреспонденцію, исправникъ южной части Енисейскаго округа отвѣчалъ, что „тотъ, кто захочетъ украсть золото, всегда можетъ это сдѣлать“, такъ какъ усмотрѣть за рабочими „нѣтъ никакой возможности“³⁾. Въ томъ же году енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ замѣтилъ, что хищничеству золота способствуетъ отдача съ торговъ оброчныхъ статей подъ покосы. Латкинъ также свидѣтельствуетъ, что тайная торговля золотомъ на енисейскихъ промыслахъ была очень развита. Одну изъ причинъ этого онъ видитъ въ усиленіи работъ такъ называемыхъ „вольно-старателей“ или „золотничниковъ“. Впрочемъ, по словамъ Латкина, въ старые годы тайная торговля золотомъ была еще сильнѣе (этимъ, быть можетъ, и объясняются рассказы о громадныхъ заработкахъ рабочихъ въ прежнее время); уменьшеніе же ея произошло отъ обѣднѣнія промысловъ. „Золото провозится и проносится рабочими, спиртовозами и сбывается татарамъ или евреямъ по выходѣ рабочихъ изъ тайги; не безгрѣшны въ этомъ отношеніи и русскіе торговцы въ жилыхъ мѣстахъ и въ самомъ г. Енисейскѣ“ (стр. 54). О роли въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ хозяевъ пріисковъ Латкинъ умалчиваетъ⁴⁾.

Какое значительное количество золота рабочіе могли иногда выносить съ промысловъ, видно изъ того, что въ 1869 г. у находившагося въ работѣ на пріискахъ Прибрежно-Витимской К^о поселенца, при обыскѣ

1) А. III. «Уголки золотопр. міра», «Дѣло» 1870 г., № 7, стр. 56—58.

2) Том. Губ. Архивъ, вѣз. 1134, дѣло № 268—264—2275, л. 1—3.

3) Арх. Иркут. Гор. Управ. К. 1708 № 162/168, л. 5, 18.

4) О кражѣ золота рабочими см. также въ ст. *Золотилы*. «Сиб. тайга» («Рус. Вѣстн.» 1863 г. № 1, ст. 344—346).

на Бодайбинской резиденціи, во время выхода рабочихъ было найдено золото въ самородкахъ до 3 ф. 20 золотн. Въ этомъ же году урядникъ, сопровождая рабочихъ съ витимскихъ промысловъ, нашелъ дорогою свертокъ съ шликовымъ золотомъ, вѣсомъ въ 2 ф. 4 зол. Подобные случаи были, вѣроятно, весьма рѣдки, но вынести съ присковъ известное количество золотниковъ могли многіе рабочіе. Такъ, наприм., въ 1869 г. у одного рабочаго уже обѣднѣвшей въ то время енисейской тайги (южной ея части) нашли 45 золотн. золота ¹⁾. Въ 40-е годы такіе случаи въ енисейской тайгѣ должны были быть гораздо чаще, чѣмъ вѣроятно и объясняются преданія о громадныхъ заработкахъ рабочихъ въ это время, которыхъ мы вовсе не находимъ при изученіи расчетныхъ книгъ.

Относительно представителей присковой правительственной администраціи и въ печати, и въ запискахъ, присланныхъ въ министерство финансовъ, мы встрѣчаемъ очень много неблагопріятныхъ отзывовъ. По словамъ Цвѣтолюбова, они почти ничего не дѣлаютъ, а только „пьютъ, ѣдятъ и проч.; имъ платятъ усердно, кормятъ и доставляютъ все необходимое для жизни, — они знаютъ ничего не хотятъ“, не заботятся о нуждахъ рабочихъ ²⁾. Скарятинъ также съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о дѣйствіяхъ присковой администраціи, о „поголовной подати“, о „разѣздахъ съ приска на прискъ на 20 — 30 лошадей (въ самое горячее время работъ), не только съ семьей“, но даже и съ оркестромъ музыкантовъ, о крупныхъ взяткахъ. Многіе указывали на ненадобность для присковъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, находивъ, что они только увеличиваютъ, такъ называемые, экстраординарные расходы золотопромышленниковъ ³⁾. „Да и можно ли требовать чего-либо отъ этихъ офицеровъ, — говоритъ Пищикова, — они на приски пріѣзжаютъ одинъ разъ въ годъ, и то на какихъ-нибудь полчаса: у него округа его разѣздовъ простирается на нѣсколько тысячъ верстъ (какъ въ Енисейской губ.), доступныхъ къ проѣзду только въ 3 лѣтнихъ мѣсяца. Что представили эти господа правительству къ усовершенствованію управленія промыслами? Вглядѣлись ли они въ дѣйствія золотопромышленниковъ? Дознали ли они, отчего побѣги увеличились и кто тутъ виноватъ? Разсмотрѣли ли они присковыя работы, выходящія изъ всякаго вѣроятія тяжести?“ ⁴⁾. Разумѣется, жандармскіе офицеры совершенно не отвѣчали этимъ серьезнымъ требованіямъ, но, благодаря тому, что они были болѣе независимы отъ золотопромышленниковъ, чѣмъ горные исправники, они, все-таки, чаще, чѣмъ эти послѣдніе, сообщали неблагопріятные факты относительно

¹⁾ Арх. Енис. Округ. Полиц. упр., дѣло № 472.

²⁾ „Амуръ“ 1860 г. № 12.

³⁾ Ч. II, 95—97, 124—125.

⁴⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31.

дѣйствій того или другого прискоковаго управленія. О горныхъ исправникахъ авторъ записки, представленной въ министерство финансовъ въ 1861 г., говоритъ, что права ихъ необходимо ограничить, а, главное, слѣдуетъ ограничить тотъ произволъ, который теперь господствуетъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. «По настоящему положенію, лицо это самовластно въ своихъ распоряженіяхъ. Онъ самъ собою творитъ судъ и расправу, самъ назначаетъ, по своему усмотрѣнію, слѣдствія»¹⁾.

Эти свидѣтельства показываютъ, что отъ мѣстной администраціи рабочимъ трудно было ждать защиты, и если какой-либо исправникъ и начиналъ за нихъ вступаться, то иной разъ это могло дѣлаться въ пику не угодившему ему золотопромышленнику.

Такъ, канскій купецъ Пестуновъ въ поданной въ министерство финансовъ запискѣ, между прочимъ, жаловался, что горный исправникъ и его помощникъ „очень тяжелы нынѣшнимъ золотопромышленникамъ“. Горный исправникъ Б. и его помощникъ, которыхъ золотопромышленники содержали на свой счетъ, „сами назначаютъ себѣ, кому и сколько чего нужно: расписываютъ всѣ припасы и продукты по числу народа“, находящагося на промыслахъ. „Во-первыхъ, подаютъ на промыслы раскладку жалованья и содержанія людямъ, находящимся у нихъ въ прислугахъ и тоже данныхъ имъ отъ промысловъ, а у каждого изъ нихъ бываетъ прислугъ отъ 12 до 15 чел., какъ-то: кучера, дроворубы, садовники, караульные, лакеи, кормилицы, горничныя, няньки, стряпчи, прачки, повара, птичники, коровницы и проч., и каждому изъ прислугъ назначаютъ по 15 руб. сер. въ мѣсяцъ,—разумѣется, все это на счетъ К^о, а имъ платятъ не болѣе, какъ по 7 руб. Потомъ точно такая же раскладка начинается на припасы: у кого 250 чел., то (золотопромышленникъ) долженъ доставить: мяса 20 пуд., муки 30 п., овса 30 п., сахару 1 п., чаю фамильнаго 3 ф., кирпичнаго 3 кирпича, масла скромнаго 1 п., свѣчъ сальныхъ 1½ п., крупы, муки пшеничной, соли, мыла, сѣна—80 п., для дровъ по 100 бревенъ и деньгами отъ 1 р. до 1½ р. съ человѣка, и это все должно доставлять непремѣнно, чтобъ избѣжать непріятностей и притѣсненія... Случилось на одномъ присскѣ, что почему-то не было доставлено припасовъ, когда исправникъ находился въ отпуску“. Возвратившись, онъ, если вѣрить Пестунову, „началъ притѣснять присскъ и управляющаго въ работахъ и распоряженіяхъ, принимать несправедливыя жалобы, назначалъ выписку вещей изъ амбара, не справляясь о томъ, долженъ ли рабочій, или нѣтъ, даже не вѣрилъ словамъ своего помощника, урядника изъ казаковъ, который находится на присскѣ, назначалъ часы для работъ рабочихъ, несмотря на то, что они всѣ находятся на урокахъ, а оканчивать велѣлъ въ 7 час.,—это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г. Изъ такого его распоряженія, наконецъ, вышло то, что рабочіе стали слишкомъ худо и лѣниво работать: до пріѣзда его къ 8 час. вечера недоработки оставалось у рабочихъ не болѣе, какъ 2 урока изъ 10-ти²⁾, а послѣ... его распоряженія изъ 80 чел. учениковъ на 10 урокахъ недоработки оставалось по 8 уроковъ. даже часто рабочіе самовольно уходили съ работъ“, не слушая приказчика, „а если онъ начиналъ что говорить, то его начинали ругать, замахиваться на него

¹⁾ Арх. Горн. Деп. Отд. частн. з-сти, дѣло № 68/650, ч. II, л. 354—356.

²⁾ Значить, 20% рабочихъ не кончали урока въ 8 час. Это доказываетъ, какъ тяжелы были уроки.

и даже драться, и это все было“ (будто бы) „исправникомъ доушено, съ угрозою каждому приказчику, съ удаленіемъ съ пріиска и съ запрещеніемъ принимать на другіе пріиски. Заставилъ фельдшера принимать ихъ въ больницу, не смотря на то, боленъ ли онъ, или нѣтъ, а если пришелъ въ больницу, то значить боленъ, и ихъ оказывалось каждый день изъ 100 ч. по 20 больныхъ... Хотя исправникъ,—продолжаетъ Пестуновъ,—и получилъ по раскладкѣ своей всѣ припасы за прошедшій и настоящій годъ, но дѣла отъ этого не поправились, и онъ, все-таки, продолжаетъ дѣлать свое“.

Каковы бы ни были побужденія описываемаго исправника, защита имъ рабочихъ была, во всякомъ случаѣ, явленіемъ исключительнымъ. Это признаетъ и Пестуновъ, утверждая, что „и на прочихъ системахъ частныхъ промысловъ происходитъ то же самое“ (т.-е. взимаются исправникомъ тѣ же поборы), „исключая только тѣхъ вредныхъ безпорядковъ, которые производитъ горный исправникъ Б. въ отношеніи... рабочихъ“ ¹⁾. Вообще рабочимъ нечего было и думать жаловаться на золотопромышленниковъ, во-первыхъ, потому, что пріисковая администрація была ими закуплена, а, во-вторыхъ, потому, что многіе пріиски, лежащіе вдали отъ большого пріисковаго тракта, по цѣлымъ годамъ не посѣщались начальствомъ ²⁾.

Вѣроятно, въ виду сознанія своей беспомощности, рабочіе рѣдко рѣшались на протестъ, и почти единственнымъ средствомъ выразить свое неудовольствіе пріисковыми порядками были побѣги съ пріисковъ. Печать начала 60-хъ годовъ старалась разяснить истинныя причины этого явленія. Пищиковъ въ своей статьѣ указывалъ на то, что причинами побѣговъ являются изнурительная работа и „нѣчно не зарабатываемый долгъ рабочихъ“. Даже Скарятинъ признавалъ, что „если рабочій не обиженъ, содержится хорошо, „стараніе“ положено удовлетворительное, такъ что у рабочаго есть надежда скоро отработать долгъ и получить деньги на руки, то онъ не бѣжитъ; напротивъ того, если всѣ эти условія не соблюдены..., то никакіе Юпитеры съ синими околышами, никакія цѣпи казаковъ не помогаютъ ³⁾. Скарятинъ поясняетъ, въ какое время года бываютъ рѣже и когда чаще побѣги. „Побѣги рѣдки весною, когда обнаженный лѣсъ и еще покрытый снѣгомъ горы не даютъ надежнаго убѣжища бродягѣ, а скованныя льдомъ рѣки не помогаютъ бѣгству; тогда легко настичь бѣглаго на лыжахъ, да и видно кругомъ, слѣдъ остается, а по снѣгу безъ дороги, безъ лыжъ далеко

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золот. пром., № 68/650, ч. III, л. 115 и слѣд.

²⁾ Срав. А. III. „Уголки золотопр. міра“. „Дѣло“ 1870 г., № 7, стр. 55.

³⁾ „Я знаю случай,—говоритъ Скарятинъ,—что изъ 300 рабочихъ бѣжало въ какія нибудь 2 недѣли 60. И бѣжали у такого золотопромышленника, съ которымъ таежные чиновники были въ самыхъ нандружественнѣйшихъ отношеніяхъ, а, слѣдовательно, готовы были принять самыя *притѣлныя* мѣры къ прекращенію побѣговъ“.

не уйдешь“. „Побѣги сильны въ первой половинѣ лѣта, когда рабочій еще не отработалъ денегъ, забранныхъ въ задатокъ, когда онъ состоитъ еще въ долгу золотопромышленнику“; но они „почти вовсе прекращаются во второй половинѣ лѣта; тутъ бѣжать ужъ не расчетъ, бѣжить развѣ какой шальной или такой, которому бродяжество.., вслѣдствіе долготѣйшей привычки, вошло въ плоть и кровь...; бѣжить иногда еще и такой, который по болѣзни или другимъ причинамъ не умѣлъ отработать долга. Во второй половинѣ лѣта большинство рабочихъ уже отработали не только задатокъ, полученный при наемѣ, но и заборъ одежды, табаку, чаю и проч., и, слѣдовательно, рабочій видитъ заманчивое получение денегъ на руки къ 10 сентября, когда кончаются работы на всѣхъ приискахъ“. Нужно замѣтить, что даже Скарятинъ протестовалъ противъ слишкомъ суровыхъ мѣръ для прекращенія побѣговъ. „Находятся и такіе господа,—говоритъ онъ,—которые предлагаютъ судить военнымъ судомъ за побѣги съ прииска. Побѣги эти дѣйствительно наносятъ золотому промыслу весьма значительный ущербъ, но противъ этого зѣла надо искать спасенія не въ военномъ судѣ надъ бѣглецами, а въ такихъ мѣрахъ, которыя устраняютъ общіе недостатки нашего законодательства по исполненію договоровъ и обязательствъ“¹⁾ Съ послѣднимъ указаніемъ Скарятина согласиться нельзя: дѣло, конечно, не въ законахъ, гарантирующихъ исполненіе договоровъ и обязательствъ, а въ общемъ строѣ приисковыхъ работъ.

Н. Латкинъ въ своей статьѣ о причинахъ побѣговъ съ промысловъ Восточной Сибири приписываетъ ихъ частью желанію рабочихъ уклониться отъ исполненія договора и ихъ страсти къ бродяжничеству, частью же недостаткомъ приисковаго строя, въ числѣ которыхъ онъ называетъ „чрезмѣрное увеличеніе задатковъ“ (?), „значительное уменьшеніе заработковъ на нѣкоторыхъ приискахъ (авторъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду Енисейскій округъ), не вполне удовлетворительную пищу, наемъ хилыхъ, увѣчныхъ и пожилыхъ рабочихъ и, наконецъ, тяжелыя, утомительныя работы, иногда продолжающіяся на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17 час. въ сутки“. Наконецъ, авторъ жалуется и на бездѣйствіе полицейскихъ и волостныхъ властей²⁾. По мнѣнію того же автора, въ книгѣ, изданной въ 1869 г., „побѣги рабочихъ бывають чаще всего или отъ дурного обращенія съ ними, или отъ ничтожности вознагражденія за работу, въ особенности при трудныхъ работахъ“; и лишь въ числѣ другихъ причинъ онъ указываетъ на „нравственныя свойства самихъ рабочихъ“ и на бездѣйствіе волостныхъ правленій³⁾.

¹⁾ „Замѣтка золотопр.“, ч. I, 141—143, II, 17—23, 221.

²⁾ „Содѣйств. рус. промысл. и торгов.“ 1862 г., приб. къ № 3

³⁾ „Очеркъ золот. промысл. Енис. окр.“, стр. 125.

А, между тѣмъ, тотъ же Н. Латкинъ въ запискѣ, поданной въ министерство финансовъ въ 1861 г., указывалъ, какъ на главную причину побѣговъ, на „лѣность, привычку къ бродячей и беззаботной жизни и тунеядство рабочихъ“ (а отчасти и на огромныя подати, взимаемыя съ рабочихъ волостными правленіями и доходящими до 40 руб. съ работника ¹⁾). Такимъ образомъ, въ печати золотопромышленники стѣснялись бранить рабочихъ такъ, какъ это они дѣлали въ запискахъ, подаваемыхъ въ правительственные учрежденія, а должны были указывать и на печальныя стороны въ ихъ жизни.

Золотопромышленники были очень недовольны установленіемъ болѣе легкихъ взысканій за побѣги по распоряженію министра государственныхъ имуществъ и нерѣдко доводили свои претензіи по этому поводу до свѣдѣнія начальства. Главное управленіе Восточной Сибири лѣтомъ 1861 года постановило: „подвергнуть внимательному разсмотрѣнію“ вопросъ „объ устраненіи или пресѣченіи побѣговъ съ присковъ рабочихъ, такъ какъ эти побѣги значительно увеличились въ послѣднее время“ ²⁾, по объясненію золотопромышленниковъ, „отъ слабости дисциплинарнаго взысканія“, опредѣленнаго за побѣги министерствомъ государственныхъ имуществъ въ концѣ 1858 г. Въ докладѣ, представленномъ вслѣдствіе этого Корсакову въ январѣ 1862 г. II-мъ отдѣленіемъ главнаго управленія Восточной Сибири, мы находимъ весьма гуманныя воззрѣнія: „Въ послѣднее время доказано, что тѣлесное наказаніе ни къ чему не служитъ и не согласно съ человѣческимъ достоинствомъ. Въ побѣгахъ рабочихъ съ присковъ, если въ этомъ нѣтъ бродячества, является только гражданскій проступокъ, нарушеніе самовольно договора, а за подобное преступленіе справедливымъ представляется только понужденіе къ исполненію договора, а отнюдь не наказаніе тѣлесное, ведущее еще къ большому нарушенію“. Далѣе въ докладѣ указывалось на то, что жалобы золотопромышленниковъ на увеличеніе побѣговъ, вслѣдствіе смягченія наказаній, за нихъ, не подтверждены никакими убѣдительными доказательствами, а между тѣмъ, наказаніе „вовсе не такъ слабо, какъ кажется: оно восходитъ для крестьянина до 50 ударовъ, а для ссыльнаго до 100 ударовъ розгами“. Въ докладѣ указывались далѣе слѣдующія причины побѣговъ: „а) большіе задатки при наймѣ, сродненномъ, притомъ, съ разными пакостями, и покупка, по произвольнымъ цѣнамъ, одежды рабочими на прискахъ у хозяевъ при началѣ работъ“; забравъ, такимъ образомъ, плату почти за все время работъ, рабочіе весьма тяготятся ими; б) непомѣрные работы съ 4 час. утра до 11 вечера, что при маломъ отдыхѣ совершенно обезсиливаетъ рабочаго; в) не-

¹⁾ Арх. Горн. Дец., дѣло отд. части. золотопр., ч. II, л. 411 и слѣд.

²⁾ Мы увидимъ ниже, въ какой степени это справедливо.

рѣдко строгость хозяевъ, управляющихъ и приказчиковъ съ рабочими; г) нерѣдко скудость пищи и д) невозможность, при договорѣ, перехода рабочаго на другой приискъ, въ случаѣ нежеланія его остаться почему-либо у прежняго своего хозяина“, вслѣдствіе чего хозяева „совершенно не обращаютъ вниманія на положеніе рабочихъ. Изъ любви же и привычки къ бродяжеству... едва ли рабочіе бѣгутъ: это одна общая всѣхъ золотопромышленниковъ отговорка, ни на чемъ не основанная. Ужели бѣглець не знаетъ, что его ожидаетъ наказаніе; бѣжать же по привычкѣ къ розгамъ или плетямъ, коихъ безъ побѣга нельзя получить, едва ли мыслимо и вѣроятно сколько-нибудь“. По резолюціи Корсакова, докладъ этотъ былъ препровожденъ въ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири ¹⁾, и, вѣроятно, результатомъ его было собраніе въ 1862 г. свѣдѣній о числѣ бѣжавшихъ рабочихъ и количествѣ оставшихся за ними долговъ, которыми (относительно южной части Енисейскаго округа) мы воспользуемся ниже.

Такимъ образомъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, при обсужденіи вопроса о побѣгахъ приисковыхъ рабочихъ, была высказана мысль, что побѣгъ есть только „гражданскій проступокъ“; отсюда естественно было сдѣлать выводъ, что нарушеніе рабочими договора съ нанимателемъ должно влечь за собою лишь гражданскую отвѣтственность: такое мнѣніе и высказывалось иногда въ печати; мы встрѣчаемъ его также въ постановленіи совѣта общаго губернскаго управленія Енисейской губ. въ 1862 г., по поводу представленія красноярскаго земскаго суда о высылкѣ пойманныхъ бѣглыхъ рабочихъ на прииски, въ которомъ совѣтъ призналъ побѣгъ рабочихъ вопросомъ гражданскаго права и (на основаніи 2228 ст. I ч., X т.) постановилъ, что обратная высылка рабочихъ на прииски можетъ быть допускаема лишь въ томъ случаѣ, когда условіе объ этомъ будетъ включено въ договоръ и когда исполненія этого пункта контракта потребуетъ наниматель ²⁾. Это постановленіе очень взволновало енисейскихъ золотопромышленниковъ, и въ январѣ 1863 г. они подали губернатору докладную записку, въ которой старались доказать, что распоряженіе енисейскаго губернскаго совѣта противно законамъ и грозитъ весьма опасными послѣдствіями. Но, „прежде чѣмъ обжаловать превышеніе власти и вредъ, наносимый мнѣніемъ совѣта общаго губернскаго управленія“, енисейскіе золотопромышленники обращались къ губерна-

¹⁾ Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 1673. № 27/30, л. 35—42.

²⁾ В. Латкинъ. „О золотопромышленности въ Сибири“. Спб. 1864 г., стр. 24—25. Подобное же мнѣніе высказано было О. Квистомъ и Е. Энгельгардтомъ въ 1869 г. въ комиссіи по разсмотрѣнію проекта устава о частной золотопромышленности. (см. ниже, гл. XI).

тору въ надеждѣ, что онъ „отстранить гибельныя послѣдствія сдѣланнаго распоряженія“ ¹⁾.

Нѣсколько ранѣе представленія этой записки енисейскому губернатору, а именно, въ августѣ 1862 года, управляющій приисками Безобразовыхъ (сѣв. ч. Енис. окр.) Степановъ послалъ ему же жалобу на то, что мѣстный горный исправникъ отказывается принимать явки о бѣглыхъ, дѣлая на нихъ надписи, что, вслѣдствіе непредставленія промышленнымъ управленіемъ кормовыхъ денегъ на продовольствіе при пересылкѣ бѣжавшихъ, какъ этого, по словамъ исправника, требовалъ указъ енисейскаго губернскаго правленія 23 марта 1862 г., донесенія возвращаются промышленному управленію безъ исполненія. Степановъ выражалъ сомнѣніе, правильно ли повѣлъ исправникъ указъ губернскаго правленія ²⁾. Въ 1866 г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири сообщилъ, что проектированныя енисейскимъ губернскимъ совѣтомъ правила о кормовыхъ деньгахъ при пересылкѣ бѣжавшихъ съ промысловъ могутъ быть введены не иначе, какъ по утвержденіи ихъ законодательнымъ порядкомъ. Горный исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа Трапезниковъ предлагалъ, чтобы волостныя правленія отдавали бѣжавшихъ съ промысловъ и явившихся въ мѣста жительства на общественныя работы и затѣмъ спрашивали золотопромышленниковъ, желаютъ ли они возвращенія имъ бѣжавшихъ или же полученія выданныхъ въ задатокъ денегъ изъ заработка на общественныхъ работахъ. Наконецъ, енисейскій губернский совѣтъ предлагалъ предоставить золотопромышленникамъ право требовать высылки бѣжавшихъ рабочихъ на ту же или слѣдующую операцію и вошелъ объ этомъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири ³⁾.

Толкованіе побѣга рабочихъ, какъ нарушенія лишь гражданскаго договора, къ сожалѣнію, не было осуществлено тогда на практикѣ, и рабочихъ не только попрежнему возвращали на приискъ, но еще и подвергали за побѣгъ тѣлесному наказанію. „Прежде за побѣги съ промысловъ,—говоритъ Н. Латкинъ,—наказывали жестоко, доходило дѣло до плетей; нынѣ же это отиѣнено, и дѣло ограничивается высылкою рабочаго обратно на промыслы, для отработки компаніи долга, и полицейскимъ взысканіемъ“ ⁴⁾. Впрочемъ, нѣсколько позднѣе, если вѣрить Лопатину, тѣлесное наказаніе рабочихъ за побѣгъ (на енисейскихъ про-

¹⁾ Въ числѣ золотопромышленниковъ, подписавшихъ эту записку, мы находимъ Петра Кузнецова, Григорова, А. Шепетковскаго, М. Сидорова, П. Родственнаго и др. Арх. Иркут. Гор. Упр. К. 1673. № 27/30, л. 211—214., извѣст. у В. Латкина „О золотопр. въ Сибирѣ“. 1864 г., стр. 25—29.

²⁾ Арх. Горн. Департ., дѣло отд. частн. золот. № 68/650, ч. III, л. 84—85.

³⁾ Арх. Горн. Испр. Южн. ч. енис. окр., дѣло 1866 г. № 4, л. 144 и слѣд.

⁴⁾ „Очеркъ зол. пром. енис. окр.“ 1869 г., стр. 125.

мыслахъ) прекратилось. „Теперь, — писалъ этотъ золотопромышленникъ въ началѣ 70-хъ годовъ, — рабочаго за побѣги съ приска даже не наказываютъ, а высылаютъ обратно или ограничиваются взысканіемъ оставшагося за нимъ долга. Судъ признаетъ въ побѣгѣ одно только неисполненіе контракта, но, — продолжаетъ Лопатинъ, — подобный взглядъ мы находимъ не вполне справедливымъ, потому что каждый бѣжавшій уноситъ съ собою забранныя у хозяина и неотработанныя деньги и вещи, слѣдовательно, кромѣ неисполненія контракта, совершаетъ обманъ и захватъ (?) чужой собственности“ ¹⁾.

Мы видѣли, что въ началѣ 60-хъ годовъ золотопромышленники Восточной Сибири нерѣдко жаловались на увеличеніе побѣговъ, вследствие смягченія за нихъ наказанія. Изъ ниже приведенныхъ цифръ видно, что увеличеніе побѣговъ въ Восточной Сибири было вовсе не настолько значительно, какъ можно было бы думать на основаніи жалобъ владѣльцевъ промысловъ.

Съ промысловъ всей Восточной Сибири въ 1860 г. бѣжало 5,8%, рабочихъ, изъ нихъ поймано 25%; въ 1861 г. бѣжало 4,9%, поймано 29% бѣжавшихъ; въ 1862 и 1863 гг. бѣжало 3,8%, изъ нихъ поймано 29 и 31%; въ 1864 г. бѣжало 4,3%, поймано 17% бѣжавшихъ; въ 1869 г. бѣжало 4,9%, изъ нихъ поймано 19% ²⁾. Въ 50-хъ годахъ съ промысловъ Восточной Сибири обыкновенно бѣжало отъ 3,5 до 4% рабочихъ, слѣдовательно, количество побѣговъ увеличилось, но весьма немного. Если мы возьмемъ данныя промысловъ одной Енисейской губерніи, то окажется, что количество бѣжавшихъ съ промысловъ въ 60-хъ годахъ колебалось между 3,4 и 4,9%, а въ 50-хъ годахъ между 2 и 4,8%; средній процентъ бѣжавшихъ съ енисейскихъ промысловъ въ 50-хъ годахъ за 9 лѣтъ равняется 2,9%, а въ 60-хъ годахъ за 7 лѣтъ — 4,2% ³⁾. Съ присковъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и съ промысловъ Забайкальской области бѣжало въ 1860 г. съ первыхъ 5,8%, со вторыхъ 7%; въ 1861 г. съ тѣхъ и другихъ 6,8%; но затѣмъ побѣги съ Олекминскаго округа значительно уменьшаются: въ 1862 г. съ этихъ промысловъ бѣжало 2,2%, а съ забайкальскихъ 5,5%, въ 1869 г. съ первыхъ 3,7%, со вторыхъ 6%. На нѣкоторыхъ отдѣльных промыслахъ число бѣжавшихъ значительно превышало среднюю норму. Въ 1861 г. самое

¹⁾ „Изв. Сиб. отд. геогр. общ.“ т. II, № 4, Иркут. 1872.

²⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г. № 7, 1864 г. № 17; *Раселли* I, 233, „Горн. Журн.“ 1863 г. № 5, стр. 349; ст. *Лопатина*, стр. 44; Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1686. № 64—69, л. 81. О золотопромышленникѣ Ачинскаго и Маріинскаго округовъ, Цибульскомъ, мы слышали, что у него было соглашеніе съ живущими по близости промысловъ татарами, чтобы они ловили бѣглыхъ.

³⁾ Арх. Ком. Министровъ, дѣло Сиб. Ком. 1861 г. № 100; ст. *Лопатина*, стр. 45, 46.

большое число бѣжавшихъ въ Олекминскомъ округѣ было на пріискахъ Прибрежно-Ленской К^о (почти 27%), что, по словамъ мѣстнаго жандармскаго офицера, объясняется „невниманіемъ къ рабочимъ со стороны управленія“; напротивъ, у Базилевскаго на пріискахъ Спасскомъ и Нижне-Иннокентіевскомъ не было за этотъ годъ ни одного бѣжавшаго. Въ слѣдующемъ году болѣе всего бѣжало съ Ленскаго пріиска, арендуемаго Катышевцевымъ и Шмотиннымъ (почти 7%); жандармскій офицеръ объясняетъ это „тяжелыми работами по каменному грунту“. Въ 1861 г. въ Забайкальской области въ Чикойской системѣ съ пріисковъ К^о Кандинскаго бѣжало 19% и на Витимской системѣ на пріискѣ Герасимовой—23%, что жандармскій офицеръ объяснилъ недостаткомъ внимательности къ рабочимъ и отчасти близкимъ разстояніемъ пріисковъ отъ жилыхъ мѣстъ. Въ слѣдующемъ году въ Чикойской системѣ болѣе всего бѣжало съ Иннокентьевскаго пріиска Нѣмчинова (12% рабочихъ)¹⁾.

Въ Енисейскомъ округѣ побѣги съ разныхъ промысловъ были, разумеется, также неодинаковы. Н. Латкинъ въ своей статьѣ (1862 г.) говоритъ: „Въ настоящее время есть много пріисковъ, откуда рабочіе не бѣгаютъ и куда на работы они нанимаются изъ года въ годъ каждое лѣто. Такъ, на пріискахъ Лопатина, Родственнаго, Зотовыхъ, Григорова, Шепетковскаго и друг., сколько мнѣ извѣстно, за послѣдніе 3—4 года процентъ побѣговъ не достигалъ и 2% всей команды, а въ этихъ К^о работали и работаютъ ежегодно болѣе 4,500 чел. Но нельзя умолчать, что, въ то же время, въ нѣкоторыхъ К^о побѣги достигали отъ 7 до 10%²⁾. Эти К^о по большей части, кромѣ одной, принадлежали къ болѣе мелкимъ фирмамъ и несутъ сами первое наказаніе за свое неразуміе и безтактность, лишившись въ нужное время значительнаго числа рукъ, и принуждены были нанимать болѣе дорогихъ рабочихъ, а вдобавокъ еще потеряли значительныя суммы за бѣжавшими, которыхъ они уже не вернутъ ни въ какомъ случаѣ“³⁾. Тотъ же авторъ въ книгѣ (составленной имъ въ 1867 г. и напечатанной въ 1869 г.) говоритъ, что „побѣги рабочихъ съ промысловъ сѣверной системы въ настоящее время, сравнительно съ предъидущими недавними годами, уменьшились, въ особенности, когда въ К^о Б. (Бенардаки) обращеніе сдѣлалось гуманнѣе. Въ прежнее, даже недавнее время они были довольно сильны. Такъ, въ 1864 г. въ К^о Б. бѣжало чуть не $\frac{1}{3}$ часть всей рабочей команды изъ

¹⁾ Арх. Ирк. Горн. Управ. К. 1858, № 52/185, л. 150, № 57/207, л. 19.

²⁾ Изъ донесеній пріисковыхъ управленій видно, что въ операцію 1861—62 г. въ южной части Енисейскаго округа на Николаевскомъ и Молестовскомъ пріискахъ барона Корфа и Базилевскаго бѣжало болѣе 9% рабочихъ, на Иннокентіе-Громовскомъ Акимова 11% и на промыслахъ Логинова 12%. Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38, л. 21—26, 93—97, 234—254.

³⁾ „Сод. рус. промышл. и торг.“ 1862 г. Приб. къ № 3.

800 челов.; немного менѣе они были и въ нѣкоторыхъ другихъ К^о; вообще можно принять цифру побѣговъ въ прежнее время до 5%, но съ улучшеніемъ быта рабочихъ за послѣднее время они стали замѣтно уменьшаться и теперь врядъ ли достигаютъ болѣе 2% всей рабочей команды въ общей сложности“. Напротивъ, въ южной системѣ Латкинъ находитъ увеличеніе побѣговъ; онъ говоритъ, что они были тамъ особенно „паразитично велики“ въ 1866 г. „и доходили до небывалой цифры 300 ч., т.-е. 7%“. Но изъ отчета горнаго исправника южной части Енисейскаго округа за операцію 1865—66 г. оказывается, что тогда бѣжало даже 406 рабочихъ, а такъ какъ всѣхъ рабочихъ обоюго пола исправникъ считалъ тамъ 6,465, то бѣжавшихъ было 6,3% всего числа. Н. Латкинъ, и въ своей книгѣ указываетъ на незначительность (до 2%) побѣговъ въ К^о Лопатина, Шепетковскаго и Родственнаго (умалчивая о Григоровѣ и Зотовыхъ); „за то,—по его словамъ,—съ промысловъ Герасимова, Крутовскаго, Поротова, Исаева и др. бѣжало отъ 10 до 12%“¹⁾. Мы не имѣемъ отдѣльныхъ данныхъ о числѣ бѣжавшихъ съ сѣверной и южн. системъ Енисейскаго округа съ 1864 г., но общій процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ всей Енисейской губерніи мало измѣняется въ теченіе 60-хъ годовъ.

Если побѣги съ присковъ не были явленіемъ рѣдкимъ, то, наоборотъ, волненій рабочихъ на промыслахъ, какъ и въ предъидущее десятилѣтіе, почти не было: какъ мы уже знаемъ, долготерпѣніе и добродушіе рабочихъ было весьма велико. Вотъ каковъ былъ случай въ Маринскомъ округѣ. Одинъ золотопромышленникъ поручилъ управленіе своими промыслами знающему присковое дѣло мѣщанину. Среди рабочихъ уже давно былъ ропотъ противъ этого управляющаго, деспотически распоряжавшагося какъ простымъ народомъ, такъ и мелкими служащими, между тѣмъ хозяинъ полагалъ, что на прискѣ существуютъ самыя гуманные порядки. Выраженія неудовольствія противъ управляющаго немедленно подавлялись, а, между тѣмъ, онъ до 70 чел. отвлекалъ отъ присковыхъ работъ на свои собственныя и вообще съ полнымъ произволомъ распоряжался средствами хозяина; кончилось тѣмъ, что золота было намыто менѣе, чѣмъ предполагалось по смѣтѣ, и не достало денегъ на расплату съ рабочими. Еще за мѣсяцъ, предвидя это, рабочіе оставили разрѣзы, пришли толпой къ конторѣ, сложили инструменты и объявили, что болѣе работать не будутъ. Хозяинъ и управляющій заперлись и выслали къ толпѣ конторщика, который указывалъ имъ на контрактъ и на обязательство работать до 10 сентября; но толпа не слушала и требовала расчета или выдачи головой управляющаго. Офицеръ,

¹⁾ Н. Латкинъ. „Очеркъ зол. пром. Енис. окр.“, стр. 56, 125. Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1866 г., № 26, л. 419.

находившійся въ это время въ гостяхъ у хозяина, зазвалъ въ комнату вожакъ рабочихъ и ударилъ одного изъ нихъ; тотъ пожаловался товарищамъ, и толпа двинулась къ дому, требуя выдачи управляющаго и грозя раскатать по бревну домъ золотопромышленника. Снова вышелъ офицеръ и предложилъ рабочимъ составить списокъ ихъ претензій на хозяина, обѣщая отвезти его въ городъ и представить губернатору. Рабочіе согласились, отиѣтили въ списокъ противъ каждаго имени, сколько считаютъ долгу за хозяиномъ, и разошлись. Разрѣзы опустѣли, шумъ промывальныхъ машинъ затихъ, и рабочіе лежали у своихъ избушекъ. Черезъ нѣсколько дней они рѣшили не дожидаться расплаты, махнули рукой на пропажу денегъ и ушли съ приска, на которомъ осталось, однако, около 50 рабочихъ: это были люди, работавшіе у хозяина до 10 лѣтъ сряду и не желавшіе оставить его; они даже собрали въ складчину 100 р. и принесли золотопромышленнику, полагая въ простотѣ души, что у него нѣтъ денегъ, чтобы выѣхать въ Томскъ и хлопотать тамъ о поправленіи своего дѣла ¹⁾).

Лопатинъ въ своей статьѣ о рабочихъ на енисейскихъ промыслахъ утверждаетъ, что, кромѣ волненія 1842 г., никто не слыхалъ тамъ ни о какихъ бунтахъ; если вѣрить ему, не было даже коллективныхъ протестовъ, а только „случаи упорства или непослушанія отдѣльныхъ рабочихъ“ ²⁾).

Относительно забайкальскихъ присковъ намъ извѣстенъ случай коллективного протеста 45 рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Переяславцевой, Витимскаго округа, осенью 1868 г. При производствѣ слѣдствіи 30 рабочихъ, задержанныхъ въ Тарбогатойской волости, которыхъ присковое управленіе считало наиболѣе виновными, показали слѣдующее. Работая на промыслахъ Переяславцевой лѣтомъ 1868 г., они рассчитывали, что наняты до 10 сентября, какъ обыкновенно нанимались прежде всѣ рабочіе на витимскіе промыслы (довѣренный, нанимавшій ихъ на работу, контрактовъ имъ не прочелъ). 10 сентября всѣ рабочіе (526 чел.) были собраны управляющимъ Горстомъ и уволены съ приска, а 45 человѣкамъ велѣно было оставаться на работахъ до 1 ноября, и только тутъ они узнали, что этотъ срокъ назначенъ въ ихъ контрактѣ. Командиръ витимскаго козачьяго отряда уговаривалъ ихъ остаться, а управляющій прискомъ Горстъ обѣщалъ, что послѣ 1 ноября, когда они будутъ возвращаться домой, для продовольствія ихъ при проходѣ тайгой приготовить сухари въ двухъ мѣстахъ, а въ случаѣ ненастной и холодной погоды, ихъ имущество и больныхъ отвезутъ на присковыхъ лошадяхъ, и, кому будетъ нужно, дадутъ теплую одежду до резиденціи въ деревнѣ Попе-

¹⁾ „Русское Слово“ 1861 г., № 6, стр. 6—7, ст. Г. Н. Потанина.

²⁾ „Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ т. II, № 4, Иркут. 1872.

речной (на большой дорогѣ изъ Верхнеудинска въ Читу). Рабочіе соглашались остаться на этихъ условіяхъ до 1 ноября, но требовали, чтобы управляющій далъ имъ въ томъ письменное обязательство, а Горстъ отъ этого отказался. Тогда рабочіе, не надѣясь на исполненіе обязательства, зная, какъ далекъ и труденъ путь тайгой до жилого мѣста и особенно опасаясь холодной и ненастной погоды, не согласились долѣе оставаться на пріискѣ и, получивъ отъ промысловаго управленія сухари, ушли, не производя никакихъ безпорядковъ. Урядникъ и двое козаковъ, бывшіе на пріискѣ Переяславцевой, подтвердили это показаніе рабочихъ; они прибавили только, что, когда отрядный командиръ, послѣ ихъ отказа остаться на пріискѣ, арестовалъ двоихъ изъ нихъ, болѣе другихъ говорившихъ, то они вырвались, ушли въ казармы, и остальные рабочіе, загородивъ входъ, „угрожали отбиваться стягами“. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, производившій слѣдствіе чиновникъ Ѳедоровъ прибавилъ, что состоявшіе подъ надзоромъ въ Тарбогатайской волости 30 чел. жили тамъ у разныхъ крестьянъ бесплатно, въ надеждѣ получить заработокъ съ пріиска Переяславцевой, но, по сношенію съ горнымъ исправникомъ Витимской системы, выяснилось, что эти рабочіе не только не получаютъ денегъ съ управленія пріисковъ Переяславцевой, но еще на нихъ „можетъ пасть взысканіе убытковъ, понесенныхъ пріискомъ чрезъ самовольную ихъ отлучку“ (значить, условія въ контрактахъ о взысканіи убытковъ съ рабочихъ въ случаѣ оставленія ими работы не оставались вовсе безъ примѣненія). По полученіи этого отвѣта, Ѳедоровъ и мѣстный застѣдатель совѣтовали рабочимъ наняться на винокуренный заводъ, гдѣ имъ предлагали плату по 15 р. въ мѣсяцъ, а плотникамъ по 25 р., но они отказались, заявивъ, что у нихъ нѣтъ теплой одежды. Между тѣмъ, мѣстные крестьяне не соглашались долѣе бесплатно кормить ихъ, и рабочимъ приказано было пропитываться сельскими работами, но тѣ и отъ этого отказались, заявивъ, что если ихъ считаютъ виновными въ самовольной отлучкѣ, то они предпочитаютъ сидѣть въ острогѣ, чѣмъ заниматься мѣстными работами (нужно помнить, что у нихъ не было теплой одежды). Мы не знаемъ дальнѣйшаго хода этого дѣла, но оно должно было тянуться еще долго послѣ донесенія Ѳедорова (3 дек. 1868 г.) о вышеизложенномъ, такъ какъ предстоялъ допросъ нанимавшихъ рабочихъ довѣренныхъ, мѣсто жительства которыхъ было неизвѣстно пріисковому управленію ¹⁾).

Вотъ одно изъ весьма скромныхъ столкновеній рабочихъ съ пріисковымъ управленіемъ: тутъ нѣтъ бунта, нѣтъ усмиренія военною силой, но 45 человѣкъ, введенные въ заблужденіе довѣреннымъ, или нанявшіеся,

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1700, № 183/143, л. 10—11.

не читая контракта, лишаются заработка за все лето и принуждены томиться въ чужомъ мѣстѣ, быть можетъ, далеко отъ родины, безъ копѣйки денегъ и даже безъ теплой одежды.

Заработки приисковыхъ рабочихъ въ 50-хъ годахъ уменьшились сравнительно съ 40-ми годами; въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ указанія на то же явленіе относительно енисейскихъ промысловъ. Н. Латкинъ говоритъ о промыслахъ Енисейскаго округа, что заработки рабочихъ „значительно противъ прежняго уменьшилась“ ¹⁾. Жандармскій офицеръ Енисейской губерніи въ 1861 г. замѣтилъ, что „съ постепеннымъ упадкомъ золотопромышленности, вслѣдствіе выработки богатыхъ промысловъ и бѣднаго содержанія новѣйшихъ россыпей, заработки стали сравнительно незначительны“ ²⁾. Наконецъ, Н. Латкинъ въ своей книгѣ изд. въ 1869 г. говоритъ: „Положеніе рабочихъ на промыслахъ въ послѣднее десятилѣтіе значительно улучшилось, *хотя теперь и нѣтъ такихъ огромныхъ заработковъ*, какъ это было въ доброе старое время, когда рабочіе, стараясь на богатомъ золотѣ, выносили сотни рублей“ (стр. 118). Мы видѣли, что обычные заработки рабочихъ (помимо хищеній золота, развѣръ которыхъ не подлежитъ никакому учету), вовсе не были велики даже въ 40-хъ годахъ, во время расцвѣта енисейской золотопромышленности, а мѣстные наблюдатели, какъ видно изъ словъ Латкина, полагали, что заработки въ 60-хъ годахъ были еще меньше. Посмотримъ, можно ли это считать общимъ правиломъ.

Относительно развѣра заработковъ въ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ 60-хъ годовъ мы имѣемъ не мало вполне точныхъ данныхъ. Въ 1862 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе предписанія высшаго начальства, потребовалъ отъ приисковыхъ управленій свѣдѣній о развѣрѣ додачи и долговъ, оставшихся за рабочими; сообщая эти свѣдѣнія, нѣкоторые управленія присоединили данныя и объ общемъ развѣрѣ заработка ³⁾.

¹⁾ „Сод. рус. пром. и торгов.“ 1862 г., Приб. къ № 3, ср. ст. Цеттолюбова въ газетѣ „Амуръ“ 1860 г., № 13.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1678, № 27/30, л. 6. ср. л. 16.

³⁾ На Прокопьевскомъ приискѣ Асташева средній заработокъ — 74 р. (копѣйки отбрасываемъ), на Спасо-Преображенскомъ его же — 84 р., на Казанскомъ — 57 р., на промыслахъ Легинова — 76 р., на Успенскомъ и Рождественскомъ П. Н. Латкина — 93 р., на Успенскомъ и Дмитріевскомъ Ш. Э. Латкиной — 87 р., на Алексѣевскомъ Латкиныхъ — 83 р. (Арх. южн. Енис. горн. испр. 1862 г., № 138). По другимъ свѣдѣніямъ, на промыслахъ Удереиской К^о Бенардаки, Рязановыхъ и друг. въ 1860 и 62 гг. средній заработокъ — 79 р., въ 1863 г. — 67 р. (Арх. Воскрес. пр., аренд. Саввиныхъ), на Преображенскомъ промыслѣ Бенардаки, Щеголева и Кузнецова — 96 р. (Арх. Кузнецовыхъ въ Красноярскѣ). *Максимумъ* заработка на названныхъ промыслахъ кромѣ К^о Латкиныхъ) колебался отъ 181 до 557 р.

Средній размѣръ заработка на указанныхъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа равнялся minimum 57 р. и maximum 96 р.; если же мы возьмемъ всю сумму заработка на названныхъ промыслахъ за эти годы и раздѣлимъ на все число рабочихъ, то получимъ средній заработокъ—80 р. ¹⁾.

Сравнимъ теперь данныя 60-хъ годовъ съ данными предшествующаго времени на Прокопьевскомъ приискѣ Асташева. Въ 1843 г. средній заработокъ мы высчитали въ 75 р., а въ 1862 г. онъ равнялся 74 руб., т.-е. остался безъ измѣненія. На Казанскомъ приискѣ Асташева въ 1847 г. средній заработокъ былъ 57 руб., въ 1852 г.—67 руб. (но тутъ пришлось взять преимущественно мастеровыхъ), въ 1862 г.—57 руб. Такъ какъ по указанной причинѣ заработокъ 1852 г. нѣсколько выше нормальнаго, то можно принять, что и тутъ вообще за 25 лѣтъ средній заработокъ не измѣнился. На приискѣ Удереиской К^о въ 1847 г. средній заработокъ равнялся 76 руб., въ 1850 г. на Митрофановскомъ приискѣ ея же—44 руб., въ 1854 г. на приискахъ Удереиской К^о около 37 руб., въ 1858 г. на Митрофановскомъ и Воскресенскомъ промыслахъ той же К^о—71 р., въ 1860—63 гг. на приискахъ этой К^о—74 р. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ заработокъ Удереиской К^о сильно понизился и даже въ 1858 г. былъ менѣе, чѣмъ въ 1847 г., но въ началѣ 60-хъ годовъ былъ почти такой же, какъ въ 1847 г. На промыслахъ К^о Щеголева и П. Кузнецова въ 1858 г. средній заработокъ равнялся 59 р., а въ 1861 г. на Преображенскомъ приискѣ той же К^о—96 р. Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что средніе заработки 40-хъ и первой половины 60-хъ годовъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа близки между собою, а заработки 50-хъ годовъ менѣе и тѣхъ, и другихъ ²⁾.

¹⁾ По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ управленіемъ промысловъ Анны Рязановой и наслѣдниковъ Игн. Рязанова въ операцію 1862/3 г. чернорабочіе заработали отъ 59 до 85 р., на торфахъ 60—100 р., на пескахъ 70—90 р., разнотинцы 85—188 р. (Арх. Гор. Исп. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1863 г., № 34, л. 79).

Вознагражденіе за старательскія работы составляли на промыслахъ Удереиской К^о въ 1860 и 1862 г. и на Преображенскомъ приискѣ К^о Бенардаки, Щеголева и Кузнецова въ 1861 г.—44%, а на промыслахъ Удереиской К^о въ 1863 г.—41% всего заработка. Въ 1850 и 1858 г. на приискахъ Удереиской К^о вознагражденіе за старательскія работы составляло 46%, а на промыслахъ Щеголева и Кузнецова въ 1858 г.—53%. Слѣдовательно въ первой половинѣ 60-хъ г. заработокъ на старательскихъ работахъ составлялъ здѣсь меньшій процентъ всего заработка, чѣмъ въ 50-хъ годахъ.

²⁾ Въ 1863 г. горный исправникъ южной ч. Енис. округа потребовалъ отъ приисковыхъ управленій свѣдѣній о томъ, сколько *хорошій* рабочихъ на приискахъ зарабатывалъ въ мѣсяцъ. Изъ полученныхъ въ отвѣтъ на это свѣдѣній видно, что забойщики на пескахъ зарабатывали въ мѣсяцъ 15—25 р., въ среднемъ около 20 р., на торфахъ 12—29 р., въ среднемъ около 17 р. (зимомъ на Преображенскомъ приискѣ

Повышеніе заработковъ рабочихъ сравнительно съ 50 годами, не смотря на сравнительный упадокъ енисейской золотопромышленности можетъ объясняться съ одной стороны возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ Енисейской губ. рыночныя цѣны четверти ржи равнялись: въ 1847 г.—8 р. 22 к. сер., въ 1848 г.—6 р. 48 к., въ 1849 г.—3 р. 69 к., въ 1850 г.—2 р. 18 к., въ 1851 г.—1 р. 92 к., въ 1852 и 1853 гг.—2 р. 13 к. (Въ Иркутской губ. средняя цѣна за эти годы была даже немного ниже) ¹⁾. Между тѣмъ, во второй половинѣ 60-хъ гг. заготовительныя цѣны за четверть ржаной муки по даннымъ интендантскаго вѣдомства въ Восточно-Сибирскомъ военномъ округѣ равнялись: въ 1865 г.—9 р. 63 к., въ 1866 г.—10 р. 33 к., въ 1867 г.—10 р. 61 к., въ 1868 г.—11 р. 34 к., въ 1869 г.—8 р. 53 к. ²⁾. Даже и признавъ, что цѣны интендантскаго вѣдомства выше дѣйствительныхъ, мы все-таки видимъ значительное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ сравнительно съ первою половиною 50-хъ годовъ. Съ другой стороны золотопромышленники могли давать рабочимъ вознагражденіе большее, чѣмъ въ 50-хъ годахъ, потому что вексельный курсъ нашъ въ 60-хъ годахъ сильно упалъ сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, а слѣдовательно цѣна золота возвысилась ³⁾.

Гораздо менѣе свѣдѣній имѣемъ мы относительно рабочихъ сѣв. части Енисейскаго округа. На Ольгинскомъ приискѣ Малевинскаго средній заработокъ рабочихъ м. п. (въ числѣ которыхъ были и годовые, но большинство работало лишь по нѣскольку мѣсяцевъ осенью или лѣтомъ) равнялся 78 руб. (мах. 275 р.); если же взять 93 рабочихъ только лѣтной операциі, то ихъ средній заработокъ равнялся 90 руб. ⁴⁾. На Гавриловскомъ и Никольскомъ приискахъ и Усть-Шитской резиденціи К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцию 1860 г. средній заработокъ равнялся 80 руб. (мах. заработка 201 р., выдано же въ среднемъ деньгами и вещами по 88 руб.). Такъ какъ въ среднемъ они работали по 114 дней, то это составляетъ заработокъ по 65 коп. въ день (старатель-

Асташева 7—9 р.), разночинцы 10—26 р., въ среднемъ около 16 р. (зимой на Преображенскомъ приискѣ Асташева 6—25 р.). Арх. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1863 г., № 9, л. 1—2, дѣло № 34, л. 39, 62—87.

¹⁾ А. Егуповъ. „О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи“. М. 1855, табл. VII.

²⁾ И. Кауфманъ. „Цѣны на провіантъ и фуражъ по даннымъ интендантскаго вѣдомства“. „Времен. центр. стат. комит.“ 1889 г., № 4, стр. 46.

³⁾ И. Кауфманъ. „Вексельные курсы въ Россіи за 50 лѣтъ. 1841—90 гг.“ „Врем. центр. стат. ком.“ 1892 г., № 22, стр. 3.

⁴⁾ Семь женщинъ, служившихъ въ лѣтнюю операцию въ должности прислуги—стряпки, мукосѣйки и кусочницы заработали въ среднемъ по 24 р. (Расчетн. книга съ рабочими Ольгинскаго пр. Малевинскаго на операц. 1866 г., ч. I. Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ).

ская плата — поденная, въ праздники за вскрышу торфа и за добычу золота—составляла 49⁰/₁₀₀ всего заработка) ¹⁾. На Гавриловскомъ приискѣ той же К⁰ въ операцію 1869—1870 гг. средній заработокъ равнялся 84 руб. ²⁾. Слѣдовательно, средніе заработки на промыслахъ этихъ двухъ К⁰ сѣв. части Енисейскаго округа были не выше заработковъ въ Южно-Енисейской системѣ. Но Н. В. Латкинъ утверждаетъ, что вообще заработки здѣсь были немного выше, благодаря нѣскольکو большей высотѣ рабочей платы сравнительно съ южною частью Енисейскаго округа. Въ операцію 1851 г. средній заработокъ на Гавриловскомъ приискѣ былъ нѣсколько выше, а именно по 108 руб.; это заставляеть думать, что тогда золото было обильнѣе.

По словамъ Н. В. Латкина (1869 г.), общій годовой заработокъ мастеровыхъ равнялся 120—250 руб., а прочихъ рабочихъ, работающихъ обыкновенно съ половины марта или съ половины февраля по 10 сентября, отъ 80 до 120 и 150 руб. на человѣка. По имѣющимся у насъ матеріаламъ, максимальныя цифры заработка были даже гораздо выше и колебались на всѣхъ названныхъ промыслахъ между 180 и 557 руб., но среднимъ заработкомъ является, какъ мы видѣли, только низшая изъ цифръ, указанныхъ Латкинымъ, да и ему самому пришлось сдѣлать слѣдующую оговорку: „Конечно, бываетъ, что на величину заработка имѣютъ вліяніе нездоровье работника ³⁾, поздній его приходъ на приискъ, мѣстные обстоятельства, неблагоприятная погода лѣтомъ“, свойство россыпи и другія побочныя причины.

Въ Олекминскомъ округѣ заработки рабочихъ были выше, чѣмъ въ Енисейскомъ; такъ, на промыслахъ Прибрежно-Витимскаго т-ва въ операцію 1865—66 гг. 1,291 чел. рабочихъ заработали въ среднемъ по 122 руб. ⁴⁾; на промыслахъ И. О. Базилевскаго въ операцію 1869—70 гг. средній заработокъ рабочихъ равнялся 123 руб. ⁵⁾ и, наконецъ, на промыслахъ Ленскаго т-ва Васнина и Катывцевца въ операцію 1868—69 гг. 1,103 рабочихъ заработали въ среднемъ по 119 руб. ⁶⁾ Но если заработокъ на олекминскихъ промыслахъ былъ выше, то нужно помнить, что рабочіе на проходъ туда тратили болѣе времени, чѣмъ на промыслахъ Енисейскаго округа, да и среднее количество рабочихъ дней, вслѣдствіе

¹⁾ Архивъ Гаврилов. пр. Кытмановыхъ, Расчетная кн. 1860 г., № 27 (съ № 1218—1401).

²⁾ „Экстрактъ рабочимъ по Гаврил. приску за опер. 1869—70 г.“ (Арх. Кытмановыхъ).

³⁾ По словамъ Н. Латкина (стр. 119), плохому работнику „съ трудомъ бываетъ отработать задатокъ въ 35 руб.“.

⁴⁾ Арх. К⁰ Промышл., расчетъ операціи 1865—66 г. (кз № 58).

⁵⁾ Арх. Базилевскаго на Надеждинскомъ пр. Олекм. окр.

⁶⁾ Арх. Ленскаго Т-ва.

существованія тамъ шахтовыхъ работъ, могъ быть значительно выше, чѣмъ на большинствѣ промысловъ Енисейскаго округа. Дѣйствительно, оказывается, что рабочіе на промыслахъ Прибрежно-Витимскаго т-ва въ операцію 1865—66 гг. работали въ среднемъ по 201 дню, а такъ какъ весь ихъ средній заработокъ равнялся 123 рублямъ, то, слѣдовательно, среднимъ числомъ они получали за поденщину по 61 коп., т.-е. даже немного менѣе, чѣмъ на промыслахъ К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова сѣв. части Енисейскаго округа.

Посмотримъ теперь, какую часть заработка рабочіе забирали до разсчета (деньгами и припасами, въ видѣ задатка при наемѣ и на самихъ промыслахъ). Оказывается, что на промыслахъ Асташева и Латкиныхъ южн. ч. Енис. окр. весь заборъ до разсчета составлялъ 67—87% заработка, а на 2 промыслахъ Асташева превосходилъ даже весь заработокъ ¹⁾.

Сравнимъ заборъ *до разсчета* въ 60-хъ годахъ съ заборомъ въ предшествующее время. Въ 1843 г. заборъ до разсчета на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева составлялъ 32% и на Казанскомъ пріискѣ, его же, въ 1847 г.—63% и въ 1851—52 гг.—68%, а въ 1862 г. онъ превосходилъ весь заработокъ. На пріискахъ Удереysкой К^о. заборъ до разсчета составлялъ въ 1847 г. 55% всего заработка. Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ рабочіе значительно меньшій процентъ заработка выносили съ промысловъ, чѣмъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а иногда, въ среднемъ, не только ничего не выносили, а даже оставались въ долгу ²⁾.

На Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго (сѣв. части Енисейскаго округа) въ операцію 1866 г. заборъ до разсчета составлялъ 74% всего заработка. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ и Усть-Питской резиденціи К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. заборъ до разсчета составлялъ 84% ихъ заработка.

Относительно размѣра додачи ³⁾ и долговъ въ южной части Ени-

¹⁾ Арх. Горн. Испр. Южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38.

²⁾ Относительно нѣкоторыхъ другихъ золотыхъ промысловъ южной части Енисейскаго округа мы имѣемъ данныя о процентномъ отношеніи забора деньгами и вещами не до разсчета, а *относительно всего заработка*. Такъ на промыслахъ Удереysкой К^о Бенардаки и Рязановыхъ въ операцію 1860 г. рабочіе получали деньгами 69%, вещами 21% всего заработка; въ операцію 1862 г. деньгами 76%, вещами 24%, въ операцію 1863 г. деньгами 77%, вещами 23%, въ операцію 1867 г. деньгами 57%, вещами 43%. (Въ пятидесятихъ годахъ въ той же К^о было выдано: въ 1850 г. деньгами 63%, вещами и припасами 37%, въ 1858 г. деньгами 70%, вещами 30%).—На Преображенскомъ пріискѣ Бенардаки, Щеголева и Кузнецова въ операцію 1861 г. выдача деньгами составляла 78%, вещами 22% всего заработка (тоже и въ 1858 г.).

³⁾ Т.-е. денегъ, получаемыхъ рабочими при разсчѣтѣ.

сейскаго округа мы имѣемъ много данныхъ, благодаря тому, что они были собраны мѣстнымъ горнымъ исправникомъ въ 1862 г. ¹⁾ На основаніи свѣдѣній болѣе чѣмъ о 4,000 рабочихъ мы можемъ сказать, что въ операцію 1861—62 гг. на промыслахъ южн. части Енисейскаго округа только 60% рабочихъ получили додачу (на разныхъ промыслахъ процентъ получившихъ додачу колебался между 27 и 99); максимум додачи на всѣхъ промыслахъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, равнялся 364 руб., но это былъ крайне рѣдкій случай, средній же размѣръ додачи всѣхъ рабочихъ, ее получившихъ (2,594 чел.), равнялся 28 руб. 60 коп., на различныхъ же промыслахъ средній размѣръ додачи колебался между 15 и 47 руб. ²⁾).

Изъ промысловъ сѣв. части Енисейскаго округа на Ольгинскомъ приискѣ Малевинскаго въ операцію 1866 г. средній размѣръ додачи для всѣхъ получившихъ ее равнялся 32 руб. (максимум 188 руб.) ³⁾. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ и Усть-Питской резиденціи К^о Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. получили додачу лишь 62% рабочихъ, причемъ средняя додача равнялась 33 руб. (максимум 101 руб.) ⁴⁾. Такимъ образомъ, и въ сѣв. части Енисейскаго округа средній размѣръ додачъ былъ не великъ.

В. Латкинъ въ брошюрѣ о золотопромышленности Сибири (1864 г.) говоритъ: „Рабочимъ недурно на золотыхъ промыслахъ; несмотря на большой задатокъ, на заборъ въ магазинѣ, усердные рабочіе выносятъ порядочныя деньги. Круговая выдача при расчетѣ бываетъ до 40 и болѣе рублей на каждаго: иные получаютъ меньше, другіе—больше, есть и такіе, которые ничего не получаютъ“ (стр. 43). Имѣющіяся у насъ данныя относительно приисковъ южн. части Енисейскаго округа не подтверждаютъ словъ Латкина: 38% рабочихъ не только ничего не получали при расчетѣ, но даже оставались должными, а тѣ 60% рабочихъ, которымъ выдавалась додача, получили ее, въ среднемъ, въ размѣрѣ всего 28 р. 60 к. Гораздо вѣрнѣе взглянуть на дѣло учрежденный въ 1861 г. въ Иркутскѣ комитетъ для разсмотрѣнія условій найма на золотыя промыслы, который пришелъ къ такому выводу: „Значительная часть рабочихъ, особенно ссыльно-поселенцевъ, при выходѣ по окончаніи лѣтнихъ работъ съ промысловъ, не только не имѣютъ нужнаго количества денегъ на проходъ до мѣста жительства, но нерѣдко остаются еще должными тѣмъ золотопромышленникамъ, у которыхъ находились

¹⁾ См. *Дополненіе XIV* (въ концѣ этого тома).

²⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38.

³⁾ На основаніи свѣдѣній о 143 рабочихъ изъ расчетной книги за операцію 1866 г. Арх. В. И. Базилевскаго въ Енисейскѣ.

⁴⁾ На основаніи свѣдѣній о 181 рабочемъ.

въ работѣ. Это обстоятельство и есть главная причина жалобъ рабочихъ на оскудѣніе заработковъ и на неправильность ихъ расчетовъ съ золотопромышленниками, управленіями и конторами“ ¹⁾.

На промыслахъ южн. части Енисейскаго округа въ 1862 г. не получило додачи, но и не осталось въ долгу 2% рабочихъ, а 38% рабочихъ остались должниками, причѣмъ средній размѣръ долга равнялся почти 25 руб. (махімум 101 руб.) ²⁾. Въ сѣверной части Енисейскаго округа, на Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго, въ 1866 г. 9% рабочихъ не получили додачи, но и не остались въ долгу, а 8% остались должниками, причѣмъ средній размѣръ долга равнялся почти 24 руб. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ К^о Рязановыхъ и др. въ 1860 г. должниковъ было 28%, средній размѣръ долга почти 29 руб., а на Гавриловскомъ пріискѣ той же К^о въ операцію 1869—70 гг. должники составляли 41% всѣхъ рабочихъ, со среднимъ размѣромъ долга почти въ 23 руб. ³⁾.

Въ Олекминскомъ округѣ, на пріискѣ Прибрежно-Витимскаго т-ва, въ операцію 1865—66 г. изъ числа явившихся рабочихъ должники составляли 11%, съ среднимъ долгомъ въ 30 руб. ⁴⁾. На промыслахъ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ операцію 1868—69 гг. изъ числа явившихся рабочихъ осталось должниками 6%, съ среднимъ долгомъ въ 21 руб. (махімум долга 105 руб.).

Немало указаній на задолженность пріисковыхъ рабочихъ мы находимъ и въ тогдашней прессѣ. Авторъ статьи въ газетѣ „Амуръ“ (1861 г.) говоритъ, что рабочій сплошь и рядомъ „выходитъ съ пріиска безъ копійки въ карманѣ“ и, „чтобы дойти до родного селенія, долженъ закабалить себя на слѣдующій годъ“. По свидѣтельству Пищикова (1861 г.), долги рабочихъ составляютъ одну изъ главныхъ причинъ ихъ побѣговъ. Положеніе пріисковыхъ рабочихъ, по словамъ того же автора, такъ печально, что они сами называютъ себя „вольно-каторжными“.

Въ контрактахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ условіе, что оставшіеся должными обязаны или внести долгъ немедленно, или остаться на зимнія работы, или явиться въ слѣдующую лѣтнюю операцію; пріисковыя управленія предоставляли себѣ право взысканія долговъ даже съ тѣхъ рабочихъ, которые будутъ рассчитаны противъ своего желанія ⁵⁾.

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. частн. золот. 1857 г., № 68/650, ч. 3-я.

²⁾ Арх. Горн. Испр. южн. ч. Енис. окр., дѣло 1862 г., № 38.

³⁾ Арх. Гавр. пр. Кнѣмановыхъ, дѣло по описи № 81.

⁴⁾ Арх. К^о Промышленности, расчеты съ рабоч. Прибреж. Вит. Т-ва 1865/6 г., къ дѣлу № 88.

⁵⁾ По контракту съ томскимъ золотопромышленникомъ Шитиковымъ (1868 г.), оставшіеся въ долгу рабочіе обязывались отработать его, не переходя къ другому хозяину, „хотя бы этотъ долгъ не былъ въ два или три года заработанъ“.

Въ очень многихъ общихъ контрактахъ, а также въ договорахъ на- вскрытіе турфа и артелей плотниковъ, мы находимъ круговую поруку рабочихъ другъ за друга или, вообще, въ соблюденіи договора, или въ отработкѣ взятыхъ задатковъ, или въ уплатѣ долговъ.

Вагинъ въ своей статьѣ „Договоры найма на золотые прииски“ ¹⁾ доказываетъ, что „обязательство рабочихъ зарабатывать или уплачивать должныя ими деньги послѣ срока—совершенно противозаконно. Во-первыхъ, имъ уничтожается правило, чтобы въ договорахъ былъ поставленъ рѣшительный срокъ, долѣе котораго наниматель не имѣетъ права требовать работы“; затѣмъ, „оно прямо противорѣчитъ какъ 2488 ст. уст. горн., по которой срокъ найма не можетъ простирается долѣе одного года со времени явки договора, такъ и 2489 ст., по которой деньги, впередъ выдаваемыя, не должны превышать всей платы по договору, а а также 2256 ст. зак. гражд., что хозяинъ, выдавшій рабочимъ деньги впередъ болѣе годовой платы, лишается всего иска, и 2268 ст., что если работникъ по расчету останется должнымъ хозяину болѣе 1 руб. 50 к., то долгъ этотъ не подлежитъ никакому иску. „Рабочій, — продолжаетъ г. Вагинъ, —оставаясь для отработки долга, снова должна К°, потомъ опять, на тѣхъ же основаніяхъ, оставляется для отработки и т. д., на неопредѣленное время. Образуется что-то похожее на пожизненное рабство,—кабала, которую правительство старается истребить всѣми силами и отъ которой особенно стремился избавить рабочихъ Сперанскій, составляя свои правила объ отношеніи ихъ къ хозяевамъ... Именно противъ кабалы придуманы правила о наймѣ не долѣе года... и о недѣйствительности долговъ рабочихъ. Золотопромышленники ввели кабалу снова и, какъ видно, очень дорожатъ этимъ видомъ крѣпостного состоянія, потому что условіе о немъ повторяется во всѣхъ договорахъ“.

Золотопромышленники всегда представляли дѣло въ такомъ видѣ, что всѣ долги, оставшіеся за рабочими, пропадали; извѣстную сумму, дѣйствительно, приходилось заносить въ графу невозвратныхъ долговъ, но далеко не всѣ, такъ какъ часть ихъ отработывалась должниками въ слѣдующія операціи. На промыслахъ Киргизской степи задолжавшаго рабочаго оставляли на другой годъ; если онъ самъ не являлся, то его высылали родовой начальникъ, который постоянно получалъ пособія отъ золотопромышленника. Рабочіе также, какъ и на другихъ системахъ приисковъ, входили въ большіе долги, изъ которыхъ уже не могли выпутаться. На приискѣ Грѣхова работалъ киргизъ, который послѣ 8 лѣтъ службы, все-таки, еще долженъ былъ хозяину 70 руб. Авторъ одной газетной статьи говоритъ: „Нерѣдко при расчетѣ К° насчитываетъ на рабочаго долгъ, котораго онъ не признаетъ или не хочетъ отработать,

¹⁾ „Амуръ“ 1860 г., № 30—34.

и К^о задерживаетъ у него паспортъ ¹⁾; онъ уходитъ безъ вида, попадаетъ гдѣ-нибудь какъ бродяга, заключается въ острогъ и тамъ остается нѣсколько мѣсяцевъ, пока не будутъ собраны справки“. Наконецъ, рабочаго „или высылаютъ въ мѣсто жительство, или посылаютъ на пріиски отрабатывать долгъ, хотя бы по закону этого, по окончаніи срока контракта, и не слѣдовало“ ²⁾. Подтвержденіемъ этихъ словъ служить донесеніе есаула Озерова Корсакову осенью 1861 г. относительно промысловъ Енисейскаго окр.: „Почти всѣ должники по большей части безъ расчетныхъ листовъ и безъ билетовъ ушли съ пріисковъ въ г. Енисейскъ ³⁾, гдѣ обращались съ просьбами своими къ каждому офиціальному лицу; ихъ отправляли къ горному исправнику, который въ городѣ не всегда могъ разобрать ихъ жалобы (ибо многія К^о имѣютъ свои конторы на промыслахъ и при разборкѣ промышленники, основываясь на общемъ контрактѣ, остаются вполне правыми) и долженъ былъ высылать ихъ обратно на пріиски“. Впрочемъ, помощникъ горнаго исправника южной системы убѣдилъ „промышленниковъ дозволить рабочимъ наняться въ другія К^о съ тѣмъ, чтобы послѣдніе уплатили за должниковъ состоявшіе на нихъ долги“. О томъ же доносилъ и енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ: по его словамъ, „самовольно“ ушедшіе съ промысловъ и явившіеся въ Енисейскъ должники „нѣсколько дней сряду массами ходили по городу, останавливая почти каждое офиціальное лицо съ предъявленіемъ своихъ жалобъ“; его квартира была „буквально осаждена“, и каждое появленіе на улицѣ привлекало цѣлыя толпы съ безконечными жалобами. Въ слѣдующемъ году то же лицо писало еще рѣшительнѣе: „Въ настоящее время, когда въ цѣлой Россіи уничтожается обязательный и крѣпостной трудъ, на промыслахъ онъ существуетъ въ полной силѣ: иначе нельзя назвать работъ, на которыя привлечены люди *не зарабатываютъ деньги, а отрабатываютъ долги*“ ⁴⁾. Напрасно, слѣдовательно, Лопатинъ увѣрилъ въ своей статьѣ, что „на дѣлѣ никакой *кабалы рабочихъ* не существуетъ“.

Иногда не рабочіе оставались должны золотопромышленнику, а пріисковое управленіе рабочимъ; вѣроятно, это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда, нанимаясь работать на томъ же пріискѣ на слѣдующую опера-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ договорахъ находимъ правило, что должники не могутъ требовать отъ пріисковаго управленія своихъ паспортовъ.

²⁾ „Амуръ“ 1861 г., № 14.

³⁾ Озеровъ насчитываетъ около 5,000 человекъ, а такъ какъ въ этомъ году на пріискахъ всего Енисейскаго округа находилось 16,094 рабочихъ, то это составляетъ около 31%, всѣхъ рабочихъ.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1673, № 27—30, л. 8, 18, 39. Тѣ же слова повторяетъ въ своей запискѣ и комитетъ, учрежденный въ Иркутскѣ въ 1861 г. Арх. Горн. Деп. № 68—650, ч. III.

цію, рабочіе оставляли свои деньги на сохраненіе въ присковой конторѣ. Довольно частымъ такое явленіе было на пром. Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева: по крайней мѣрѣ, въ операцію 1868—69 г. т-во оставалось должнымъ 263 рабочимъ (24⁰/₁₀₀ всѣхъ явившихся рабочихъ), причеиъ въ среднемъ на каждаго изъ нихъ приходилось 52 р. ¹⁾).

Относительно разсчета съ рабочими въ контрактахъ всего чаще встрѣчается правило, чтобы разсчетъ производился на самыхъ промыслахъ или въ первомъ жиломъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ было постановлено, что рабочіе не должны были требовать денегъ на промыслахъ до окончательнаго разсчета; иногда дѣлалась еще оговорка, что плата за старательскія работы производится также при окончательномъ разсчетѣ; но нѣкоторыя К^о въ концѣ 60-хъ годовъ расплачивались за старательское золото наличными деньгами немедленно по представленіи его въ контору ²⁾). Общій разсчетъ производился обыкновенно около 10 сентября: такъ, въ 1866 г. въ южной части Енисейскаго округа разсчетъ былъ начатъ 8 и конченъ 13 сентября.

Додачи рабочихъ, какъ мы видѣли, были весьма не велики, но и ихъ они не всегда получали безъ задержки. Енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ осенью 1861 г. писалъ:

„Въ настоящемъ году отъ невысылки во-время въ алтайское горное управленіе и въ енисейскій приказъ общественнаго призрѣнія общаннхъ правительствомъ авансовъ для выдачи подъ залогъ золота, *большая часть золотопромышленниковъ оказалась безъ денегъ* и въ невозможности послѣ окончанія осеннихъ работъ разсчитать рабочихъ. Большія массы послѣднихъ изъ сѣверныхъ промысловъ явились въ г. Енисейскъ и, не имѣя ни пріюта, ни продовольствія, обращались съ просьбами приказать разсчитать ихъ и отпустить по домамъ или, по крайней мѣрѣ, дать пристанище и продовольствіе до полученія разсчета. Жалобы эти за всеобщимъ недостаткомъ денегъ не могли быть удовлетворены своевременно“. Нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ, „въ ожиданія съ часу на часъ привоза денегъ изъ Барнаула, куда давно было отправлено золото и гдѣ ожидали довѣренныя, наняли своимъ рабочимъ въ городѣ временныя квартиры съ продовольствіемъ, другіе уклонялись и отъ этого, и между рабочими продолжались неудовольствія и жалобы ³⁾“. Неудобство это новымъ мѣрами правительства, уже выславшаго въ енисейскій приказъ общественнаго призрѣнія 5 м. руб. для выдачи подъ залогъ золота, на будущее время, вѣроятно, устранился. Теперь же почти все золото уже отправлено въ сдачу въ алтайское горное управленіе въ Барнаулъ. Есть и въ настоящее время золотопромышленныя конторы, которыя, имѣя на своихъ промыслахъ даже тысячи рабочихъ, умѣютъ вести дѣла такъ, что люди выходятъ безъ долговъ и никогда не жалуются. Но встрѣчаются и такіе золотопромышленники, которые, не имѣя ни денегъ, ни кредита, ставятъ работы кое-какъ, въ надеждѣ на будущее, обманываются сами, обманываютъ рабочихъ, ставя

¹⁾ „Краткій счетъ съ рабочими за операцію 1868/9 г.“ (Арх. Ленскаго Т-ва).

²⁾ Арх. Енис. Окруж. Полиц. Управ., дѣло № 472, 1869 г.

³⁾ Тѣмъ не менѣе, рабочіе вели себя весьма скромно, никакихъ буйствъ не было, и число пьяныхъ было весьма незначительно.

себя и ихъ въ критическое положеніе“. Со стороны рабочихъ въ этомъ году предъявлялось „множество жалобъ на ничтожность платы, хотя она, за весьма рѣдкими исключеніями, превышаетъ вообще норму контракта; разборъ этихъ претензій дѣлается крайне затруднительнымъ, и управляющіе, ссылаясь на общій контрактъ, оказываются почти всегда правыми“¹⁾).

Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ золотопромышленники сѣв. части Енисейскаго окр. весьма часто разсчитывали рабочихъ не на промыслахъ, а въ Енисейскѣ, но въ 1866 г. енисейское губернское начальство заявило генераль-губернатору Восточной Сибири, что разсчетъ рабочихъ въ этомъ городѣ вызываетъ скопленіе въ немъ „разнаго званія людей, отчего происходятъ безпорядки, развратъ и мотовство выходящихъ съ присковъ рабочихъ, и что переносъ разсчетовъ въ городъ служить только предлогомъ нѣсколькимъ тысячамъ празднаго народа бывать и оставаться безъ нужды въ городѣ, причемъ рабочіе удобнѣе всего могутъ проматывать“ выданную за труды плату „и затѣмъ рѣшаться на всякія преступленія“. Вслѣдствіе этого совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири въ декабрѣ 1866 г. постановилъ, чтобы золотопромышленныя К^о разсчитывали рабочихъ не въ городахъ, а на самомъ мѣстѣ работъ, въ присковыхъ конторахъ²⁾.

Мы приводили официальное свидѣтельство 1859 г. высшей администраціи Восточной Сибири, что нѣкоторые золотопромышленники-откупщики производили разсчетъ съ рабочими въ кабакахъ и такимъ образомъ умѣли возратить въ свои карманы выданную рабочимъ плату (см. гл. VI). Въ 1869 г. напечатана была³⁾ замѣтка о разныхъ злоупотребленіяхъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго окр. и, между прочимъ, объ открытой торговлѣ виномъ и о томъ, что нѣкоторые золотопромышленники даже разсчитывались съ рабочими виномъ, а не деньгами: у одной К^о въ 1868 г., за неимѣніемъ денегъ, предоставлено было рабочимъ получить всю задѣльную плату водкою. На эту корреспонденцію обратилъ вниманіе генераль-губернаторъ Корсаковъ. Мѣстный горный ревизоръ рѣшительно отрицалъ фактъ, сообщенный въ корреспонденціи, указывая на невозможность его въ виду того, что разсчетъ рабочихъ производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр., кн. 1673, № 27 - 30, л. 7, 10, 12.

²⁾ Арх. Горн. Деп., отд. част. зол., дѣло 1871 г., № 58. Скарятинъ сообщаетъ что одно время мѣстное начальство, заботясь о томъ, чтобы рабочіе изъ ссыльных не пропивали заработанныхъ денегъ по выходѣ съ присковъ, распорядилось, чтобы присковыя конторы не выдавали денегъ на руки рабочимъ, а отсылали ихъ въ волостныя правленія. Золотопромышленники сдѣлали все возможное, чтобы уклониться отъ исполненія этого требованія, такъ какъ это вызвало бы совершенно основательное неудовольствіе рабочихъ („Зам. Зол.“ II, 22).

³⁾ „Биржев. Вѣдом.“ № 191.

горнаго исправника, его помощника и казачьяго командира ¹⁾). Однако, въ концѣ 50-хъ годовъ этотъ надзоръ не помѣшалъ производить иногда расчетъ рабочихъ въ кабакахъ.

По выходѣ съ присковъ, рабочіе, по крайней мѣрѣ, получившіе подачу, старались вознаградить себя за тяжелый трудъ и долгое воздержаніе. Къ мѣстамъ выхода ватагъ набѣзжали въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ повѣренные откупа съ огромными запасами вина и купцы сосѣднихъ городовъ съ залежалымъ товаромъ. Въ домахъ крестьянъ устраивались лавки. Поселенцы и крестьяне, наполнивъ баклаги 2—3 ведрами вина, спѣшили въ тайгу на встрѣчу рабочимъ, зная, что тѣ будутъ платить имъ по 50—60 к. за чайную чашку отвратительной бурды. Вотъ, наконецъ, голодные и усталые рабочіе входятъ въ первыя селенія, кабаки немедленно наполняются, и начинается кутежъ.

„Выходя съ присковъ, — рассказываетъ Цвѣтолюбовъ, — счастливый и не совсѣмъ ободранный и обчитанный рабочій несетъ 50, а иногда и болѣе руб., другіе отъ 5 до 20 р... и не жалъ ему этихъ денегъ, не мучить его мысль, что онѣ „не на одинъ годъ укоротили его жизнь. Все остается въ кабакахъ и другихъ пріятныхъ мѣстахъ. Немногіе несутъ деньги домой, помня, что у нихъ есть домъ, жена и дѣти“. Цѣловальники нагло обчитываютъ рабочихъ. „Толпы рабочихъ быстро прибываютъ. Въ одно мгновеніе переряжаются они изъ оборванныхъ подшубковъ, распоротыхъ и продырявленныхъ шароваръ съ жалкими подобіями шапокъ и сапоговъ, въ суконные и верблюжьи аямы, красныя рубахи, плисовые шаровары, заправленные въ новыя кунгурскіе сапоги. На головахъ новыя, заломленные на бекренъ или, смотря по степени опьяненія, заброшенные на затылокъ шапки всѣхъ возможныхъ матерій и формъ. На груди красуются крестообразно расположенныя и завязанныя за спиной бумажныя и шерстяныя крестьянскія шали, а у другихъ, несмотря на теплую осеннюю пору, вѣроятно, для пущей важности, шенъ обвязаны такими шалами, закрывающими лицо почти до самыхъ глазъ. У рѣдкаго не увидите подъ мышкой разнаго яркаго товара, накупленнаго по высокимъ цѣнамъ“. Одни намгрываютъ на гармоникѣ, другіе пляшутъ, выкидывая невообразимыя колѣна. „Въ городахъ, ближайшихъ къ прискамъ, повторяется все это, съ тою только разницей, что къ числу удовольствій пьяной публики принадлежатъ неизбѣжныя шарманки съ маленькими пласунами и пѣвицами и непрерывная ѣзда изъ одного кабака въ другой на извозикахъ, да вмѣсто простыхъ деревенскихъ шалей покупаются городскія“. Вечеромъ изъ кабаковъ отправляются въ квартиры. „Тамъ начинается разгулъ другого рода, и сцены грязныя, отвратительныя, съ ихъ безчисленными послѣдствіями: болѣзнями, кражами изъ кармановъ, дѣтупродавствомъ и проч. и проч.“ На другой день, опохмѣлившись, отправляются дальше, „повторяя тѣ же сцены вездѣ, гдѣ есть кабаки. Накупленные обновы пропиваются и раздариваются и затѣмъ, если путь длиненъ, нужно идти, прося подаянія“ ²⁾).

Этотъ разсказъ подтверждается и свидѣтельствомъ золотопромышленника Пестунова, который сообщаетъ еще, что непьющихъ рабочихъ

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр., кн. 1703, № 162—168.

²⁾ „Амуръ“ 1860 г., № 13.

крестьяне окармливаютъ въ кушаньяхъ дурманомъ и обираютъ. Если въ лавкѣ или кабакѣ „рабочій дастъ 25 р. и требуетъ сдачи, ему не даютъ, увѣряютъ, что онъ далъ пѣлковый; десятники и старшины нарочно его затрогиваютъ, чтобъ онъ ругался или даже подрался, и его, несчастнаго, берутъ подъ арестъ, обираютъ все, что найдутъ при немъ“. Если у рабочаго осталось что нибудь, то крестьяне иной разъ отбираютъ и послѣднее, увѣряя, что онъ задолжалъ за квартиру: защиты искать негдѣ, потому что крестьяне дѣйствуютъ заодно съ мѣстными и волостными властями. До засѣдателя же бѣдному рабочему далеко ¹⁾). Кутежъ рабочихъ, при выходѣ съ промысловъ, повгорался изъ году въ годъ. Отчасти большая строгость надзора, но, главное, уменьшеніе заработковъ привели къ тому, что, по словамъ Цвѣтолюбова, въ это время уже не ѣздили на боровахъ или не ходили по грязи, устланной ситцами и платками, а также меньше находили пріисковыхъ рабочихъ „съ раздробленными черепами или удавками на шеяхъ“.

Въ началѣ 40-хъ годовъ былъ случай, что сотни рабочихъ, желая выбраться изъ тайги сокращеннымъ путемъ, сбились съ дороги. „Хотя рѣдко и не въ большихъ размѣрахъ,—разсказываетъ Цвѣтолюбовъ,—но, къ несчастію, подобные случаи повторяются, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя начальствомъ. Рабочіе, какъ сорвавшіеся съ цѣпи, слѣзая съ пріисковъ, не ожидая проводниковъ..., сбиваются съ пути... и гибнутъ или отъ холода, или отъ недостатка въ хлѣбѣ“ ²⁾).

Пріисковымъ рабочимъ предстояли при возвращеніи домой и другія опасности. Такъ какъ многіе изъ нихъ несли съ собою заработанный деньжонки, то иной разъ и товарищи, польстясь на заработокъ болѣе счастливаго и бережливаго работника, могли убить его, а не то можно было попасть подъ пулю и профессиональнаго охотника за „горбачами“ (какъ называли пріисковыхъ рабочихъ), охотившагося за людьми, какъ другой охотился за звѣрями ³⁾).

Часть рабочихъ оставалась на промыслахъ на зимнюю операцію. Нѣкоторые нанимались, по свидѣтельству Н. Латкина (1869 г.), на промыслахъ Енисейскаго округа до 1 марта, когда бывалъ „малый рассчетъ“, но онъ оговаривается, что это обыкновеніе установилось недавно и что обыкновенно рабочіе или расчитавшись вовсе уходили изъ тайги, или снова нанимались до главнаго расчета, т.-е. до 10 сентября. Зимой

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. част. зол., № 68/650, ч. III.

²⁾ Верхне-Амурская К^о вывозила рабочихъ на своемъ пароходѣ въ Горбицу, а при высокой водѣ Шилки до Срѣтенска. „Горн. Журн.“ 1871 г., № 5, стр. 288.

³⁾ См. разсказъ о такомъ охотникѣ за „горбачами“, у котораго нашли въ половинѣ 60-хъ годовъ до 50 прострѣленныхъ армяковъ и полушубковъ, въ газетѣ „Сибирь“ 1873 г., № 15, стр. 4.

на промыслахъ бывало всегда гораздо менѣе рабочихъ, чѣмъ лѣтомъ: наприм., лѣтомъ 1864 г. на промыслахъ Енисейской губ. было 20.027 рабочихъ, а въ декабрѣ 1863 г.—4,137 мужчинъ и 1,712 женщинъ¹⁾.

Мы описывали до сихъ поръ положеніе рабочихъ общекоонтрактныхъ, а также нанявшихся для вскрыши торфа и такъ называемыхъ цеховыхъ рабочихъ. Но въ половинѣ 60-хъ годовъ на промыслахъ Западной Сибири и Енисейскаго округа мы замѣчаемъ появленіе новаго вида рабочихъ артелей, такъ называемыхъ „золотничниковъ“.

Золотопромышленники въ пятидесятыхъ годахъ доказывали, что прежняя система вознагражденія за старательскія работы, — по количеству добытаго золота, — невыгодна для рабочихъ вслѣдствіе своей неравномѣрности. Справедливость ихъ показаній опровергается тѣмъ, что въ половинѣ 60-хъ годовъ эта система возродилась въ другой формѣ, въ видѣ особыхъ артелей „золотничниковъ“, въ которыхъ обыкновенно вознагражденіе за весь трудъ производилось съ золотника, т.-е. по количеству добытаго золота. „Кромѣ урочной и старательской работъ, — говоритъ Лопатинъ, — завелась въ послѣднее время еще артельная работа. Тутъ плата производится не по количеству снятыхъ торфовъ и промытыхъ песковъ, а за добытое золото отъ 1 р. 20 к. до 2 и болѣе (?) руб. за золотникъ. Такою добычею занимаются и отдѣльно подрядчики, которые набираютъ артель, дѣли съ нею барыши или выдавая условную помѣсячную плату. Эта система особенно нравится рабочимъ и полезна на выработанныхъ приискахъ, гдѣ въ бортахъ разрывовъ такъ называемые „золотничники“ добываютъ оставшееся золото“... Эти „артельные работы, — продолжаетъ Лопатинъ, — составляютъ начало ассоціацій рабочихъ въ золотопромышленности“ (стр. 35). Въ 1868 году, по свидѣтельству мѣстнаго горнаго ревизора, на приискахъ всего Енисейскаго округа было 1,800 чел. „золотничниковъ“, т.-е. почти 15% всѣхъ рабочихъ²⁾.

Для характеристики положенія „золотничниковъ“ въ шестидесятыхъ годахъ мы располагаемъ коллекціею договоровъ (числомъ 31) съ приисковыми управленіями или непосредственно самихъ артелей, или подрядчиковъ, набирающихъ артель для золотничныхъ работъ въ округахъ Алтайскомъ и Маріинскомъ и южной части Енисейскаго округа. Самые ранніе изъ этихъ договоровъ относятся къ 1864 г. и были заключены съ золотопромышленниками Алтайскаго и Маріинскаго округовъ; въ книгахъ 1862, 1863 и 1865 гг. горнаго исправника южн. части Енисейскаго окр. для записки договоровъ между золотопромышленниками и рабочими мы не нашли еще ни одного контраста съ зо-

¹⁾ „Енис. Губ. Вѣд.“ 1865 г., № 34.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ., кн. 1703, № 162/168, л. 11.

лотничниками ¹⁾, между тѣмъ какъ въ книгу 1869 г. внесено уже нѣсколько такихъ контрактовъ, слѣдовательно, артели золотничниковъ къ концу 60-хъ годовъ становятся болѣе частымъ явленіемъ. Но что и въ Енисейскомъ окр. они встрѣчались уже въ половинѣ 60-хъ годовъ, доказываетъ, кромѣ приведеннаго газетнаго свидѣтельства, найденный нами въ архивѣ Асташевыхъ договоръ мѣстнаго присковаго управленія съ золотничниками (1865 г.). Изъ всѣхъ имѣющихся у насъ договоровъ 21 (1864 — 70 гг.) заключены съ артелями золотничниковъ и 10 съ подрядчиками ²⁾.

Въ двухъ договорахъ Прокопьевскаго пр. Асташева (южн. ч. Енисейскаго округа) съ артелями золотничниковъ назначенъ годовой срокъ, въ остальныхъ же наемъ производился почти всегда лишь на лѣтнюю операцію (съ апрѣля или мая), причемъ въ договорахъ наиболѣе обычный срокъ 10—11 сентября; впрочемъ, въ 2 договорахъ онъ могъ быть продолженъ до 21 сентября, а въ контрактахъ Маринскаго окр. срокъ обыкновенно 1 октября, въ договорѣ же 1866 г. Ильина съ подрядчикомъ окончаніе работъ назначено 1 ноября или ранѣе, но не прежде 1 октября.

Артели золотничниковъ нанимались иной разъ безъ всякаго задатка, въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ получали его, размѣръ задатка колебался между 5 и 60 р., но наиболѣе обыкновенными были задатки въ 5—15 р. Подрядчики рѣже брали задатки по числу рабочихъ: только въ одномъ договорѣ подрядчикъ выговорилъ задатокъ по 15 р. на cadaго рабочаго, въ другихъ же случаяхъ назначалась отредѣленная сумма (50—180 руб.), выдаваемая подрядчику впередъ на предварительные расходы („на обстановку дѣла“).

Артели золотничниковъ нанимались съ круговою другъ за друга порукою, какъ въ исполненіи договора, такъ и въ уплатѣ или отработкѣ долга за cadaго изъ нихъ. По договору съ Асташевымъ (1865 г.) такая отработка должна была производиться на положеніи общеконтрактныхъ рабочихъ.

Золотничныя артели обязывались работать не только въ будни,

¹⁾ Впрочемъ, въ одной корреспонденціи изъ Енисейска (1873 г.) сказано: „десятокъ лѣтъ тому назадъ среди енисейской золотопромышленности появились артели золотничниковъ“. „Камско-Волжская газета“ 1873 г., № 73, стр. 289.

²⁾ Первые по годамъ располагаются такъ: одинъ договоръ 1864 г., 3 договора 1865 г., 2—1866 г., 8—1869 г. и 7—въ первой половинѣ 1870 г. (до новаго устава о золотопромышленности); изъ числа вторыхъ: 1 договоръ 1864 г., 4—1865 г., 1—1866 г., 1—1868 г., 2—1869 г. и 1—1870 г. По мѣсту работъ эти договоры располагаются такъ: изъ числа договоровъ съ артелями золотничниковъ 5 Маринскаго округа и 16 южно-енисейской системы; изъ числа договоровъ съ подрядчиками: 1 Алтайскаго округа, 6 Маринскаго и 3 южной части Енисейскаго округа.

но и въ праздники „на общемъ пріисковомъ основаніи“; въ одномъ договорѣ къ этому прибавлено: „въ чемъ должна быть наша существенная польза“, а въ другомъ обязательная работа въ праздники оказывалась нужною для того, чтобы не вовлечь К^о въ убытки. Только въ 2 договорахъ съ Асташевымъ (1869 г.) рабочіе выговорили себѣ по 1 льготному дню въ мѣсяцъ ¹⁾.

Начало работъ назначалось обыкновенно въ 5 часовъ или „не позже 5 час.“ ²⁾, а окончаніе въ 8 час. или не ранѣе 8 час., хотя въ нѣкоторыхъ договорахъ время начала и конца работъ вовсе не обозначено. *Продолжительность отдыха чаще всего не опредѣлена вовсе* (впрочемъ, въ договорѣ съ К^о Зотовыхъ 1869 г. южн. ч. Енис. окр. она опредѣлена въ 2½ час.: для завтрака и паужина 1 час. и для обѣда 1½ час., такъ что продолжительность рабочаго дня установлена въ 12½ час.). Между тѣмъ, въ общихъ контрактахъ продолжительность рабочаго дня всегда точно указана; но за то въ договорахъ съ золотничниками не назначается начала работъ въ 3 час. и окончанія ихъ въ 9 час., какъ въ нѣкоторыхъ общихъ контрактахъ. Въ договорѣ съ Н. Латкинымъ (1870 г.) продолжительность отдыха не только не опредѣлена, но сказано, что съ работъ золотничники самовольно не должны были отлучаться, „еслибы къ этому и предстояла надобность, а должны спрашиваться“. Въ договорѣ съ Вилимовскимъ (1870 г. южн. ч. Енис. окр.) назначено только время начала работъ („не позже 5 час.“), времени окончанія ихъ не указано, но поставлено въ условіе намыывать въ день не менѣе ¾ золотн. золота на каждого рабочаго.

Иногда артель золотничниковъ обязывалась произвести всѣ подготовительныя работы. Такъ по контракту съ Вилимовскимъ (1870 г.) они обязались укрѣпить плотину, принять воду, устроить необходимыя для работъ бутары или американскіе желоба и вашгерды на свой счетъ, не требуя за это никакой особой платы, а довольствуясь лишь платою съ золотника золота. Напротивъ, по договорамъ съ управленіемъ Прокопьевскаго пр. Асташева (1866 и 1869 гг.) рабочіе-золотничники условились, что промывательная машина со всѣми къ ней принадлежностями должна быть отъ владѣльца промысла. Нужные для работы инструменты по однимъ договорамъ золотничники должны были получать бесплатно, а по другимъ (съ Родственною и Зотовыми) за пользованіе инструмен-

¹⁾ Въ договорѣ съ Н. В. Латкинымъ (1870 г. южн. части Енис. окр.) сказано: „если въ какой-нибудь изъ праздниковъ артель вздумала бы отдохнуть и не работать, то на это должна спрашивать разрѣшеніе пріисковаго управленія“.

²⁾ Одинъ подрядчикъ, взявши въ южн. части Енис. окр. пріискъ, арендуемый Саламатовымъ (1870 г.), обязался „выгонять“ рабочихъ на работу не позже 4½ час.

тами и „посудом“ полагался вычесть въ размѣрѣ 50% ихъ стоимости ¹⁾. Въ договорахъ съ подрядчиками обозначалось иногда количество рабочихъ, которыхъ они должны были поставить: по однимъ не менѣе 10—15, по другимъ—40—50 чел.

Относительно порядка работъ въ договорахъ съ Асташевымъ (1869 г.) золотничники выговорили слѣдующія условія: „добычу песковъ мы можемъ производить какъ ортовыми (подземными), такъ и отрядными работами во всѣхъ мѣстахъ на площади, гдѣ найдемъ для себя удобнымъ и выгоднымъ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ ведутся капитальныя работы, и на розысканныя нами мѣста промысловое управленіе не должно допускать къ работамъ другую артель рабочихъ, если только мы въ состояніи это мѣсто выработать съ 10 сентября, а въ противномъ случаѣ можетъ усилить работы своими рабочими, не удаляя и насъ. Также можемъ работать галечные и эфельные отвалы“. Между тѣмъ, въ нынѣшнее время, присковое управленіе нерѣдко удаляетъ золотничниковъ съ розысканнаго ими богатаго золотомъ мѣста и ставитъ тутъ общеконтрактныхъ рабочихъ. Менѣе самостоятельности въ веденіи работъ предоставлено золотничникамъ договоромъ ихъ съ г-жею Родственною (1869 г. южн. ч. Енис. окр.): безъ вѣдома управляющаго, они не должны были приступать ни къ какимъ работамъ и вести ихъ обязывались согласно указаніямъ управляющаго, причемъ на каждую артель, во избѣжаніе споровъ между ними, управляющій отводитъ не болѣе 30 кв. саж. ²⁾. Подрядчики въ нѣкоторыхъ договорахъ съ золотопромышленниками выговаривали, чтобы присковое управленіе не ставило на открытія ими мѣста своихъ рабочихъ, а въ одномъ договорѣ присковое управленіе и подрядчикъ условились не ставить рабочихъ ближе 20 саж. къ работамъ другой договаривающейся стороны.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ золотничники обязывались участвовать въ извѣстной степени и въ общихъ хозяйскихъ работахъ ³⁾. Въ особенно

¹⁾ По договору съ Родственною (1870 г.), если золотничники будутъ пользоваться бугарами и другими необходимыми снарядами, а также пиленнымъ и инымъ лѣсомъ, то изъ слѣдующей имъ платы долженъ былъ производиться вычесть по 15 р. съ человека.

²⁾ При работахъ въ ортахъ золотничники обязывались вести ихъ правильно и принимали на себя необходимыя поправки и починки.

³⁾ Такъ, въ договорѣ съ Родственною (1869 г.) сказано: „если управленію потребуются рабочіе для заработка другихъ присковъ, то мы на сей предметъ обязуемся изъ своей артели удѣлить не менѣе 1 чел. на 1 мѣсяцъ, получая на нихъ содержаніе отъ управленія. Равно мы обязуемся по требованію управляющаго давать рабочихъ и на приски, гдѣ будемъ работать, для разныхъ хозяйскихъ работъ, за что получать намъ ту же плату, какую будутъ зарабатывать прочіе нашей артели люди“. По договору съ Зотовымъ (1869 г.), „если управленію потребуются рабочіе для раз-

значительныхъ размѣрахъ участіе золотничниковъ въ хозяйскихъ работахъ было выговорено въ договорѣ съ Федоровымъ (1869 г., Маріинск. окр.), а именно, если хозяину „потребуется люди для заработка и развѣдки промысловъ“, то золотничники обязывались „отработать каждый въ теченіе лѣта 25 дней или поденно, получая плату отъ Федорова по 40 к. въ день на человѣка“.

Относительно сдачи золота въ договорахъ золотничниковъ съ Родственной и Зотовыми (1869 г.) установлено было слѣдующее правило: „все добываемое нами золото ежедневно въ обѣдъ и вечеромъ обязуемся сдавать въ конторѣ управляющему приискомъ, золото при сдачѣ должно взвѣшиваться въ присутствіи не менѣе 3 челов. отъ артели и тутъ же записываться въ выданную артельному старостѣ шнуровую тетрадь съ означеніемъ точнаго количества золота и промытыхъ песковъ, и каждая такая статья должна быть подписана управляющимъ и артельнымъ старостой или вмѣсто него другимъ грамотнымъ изъ артели“.

Артели „золотничниковъ“ потому и назывались такъ, что обыкновенно получали плату съ золотника золота. Плата эта въ южной части Енисейскаго округа въ 1865—70 гг. колебалась между 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. Въ Маріинскомъ округѣ, по договору съ Никифоровымъ (1869 г.), золотничники должны были получать по 1 р. 40 к. за золотникъ и по договору съ нимъ же (1866 г.)—по 1 р. 50 к.; но если рабочій намоетъ болѣе 1 ф. золота на человѣка, то за каждый золотникъ другого фунта золота онъ долженъ получать по 1 р. 70 к. По договору съ Петровымъ, заключенному 20 декабря 1864 г. и на основаніи котораго рабочіе должны были отправиться на промысла по подписаніи контракта, когда имъ будетъ приказано, и находиться тамъ до 20 сентября 1865 г., постановленіе относительно платы сформулировано условно (что собственно противорѣчило закону 1838 г.), такимъ образомъ: „за работу мы договорились получать по 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ“ (а, между тѣмъ, далѣе нѣтъ никакого условія относительно сверхурочныхъ старательскихъ работъ, безъ которыхъ никто не согласился бы работать за 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, и пишу рабочіе обязываются имѣть свою), а если хозяину угодно будетъ плату намъ назначить съ золотника, то мы за каждый вымытый и добытый золотникъ золота получаемъ по 1 р. 30 к. и тогда за исполненіе другихъ какихъ либо работъ, какъ-то: устройство машинъ для промывки песковъ, проводъ канавъ, за шурфовку для работъ мѣстности и т. п. обязуемся уже никакой особой платы не требовать, а исполнять все это, по распоряженію и указанію хозяина или его прикащика, безпрекословно... За вскрышу

ныхъ хозяйскихъ работъ“, золотничники обязывались „давать отъ артели не болѣе 2 человѣкъ“, за что получать по 50 к. с. за поденщину.

торфа, если намъ будетъ положена плата съ золотника, обязуемся мы особой платы отнюдь не вымогать и не выпрашивать самовольно... а исполнять это за условленную плату". Нужно полагать, что по этому договору рабочіе въ зимніе мѣсяцы производили подготовительныя работы и довольствовались мѣсячнымъ жалованьемъ въ 3 р. 50 к. на хозяйскихъ харчахъ, а со времени начала промывки золота получали плату съ золотника на своей пищѣ.

Подрядчики Маріинскаго округа выговаривали себѣ нѣсколько болѣшую плату съ золотника, чѣмъ самостоятельныя артели золотничниковъ, а именно, по договорамъ первыхъ съ присковыми управляющими (1864—69 г.) назначалась плата отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 80 к. съ золотника ¹⁾. Подрядчики южной части Енисейскаго округа по извѣстнымъ намъ договорамъ (1868—70 гг.) должны были получать за золотникъ золота по 1 руб. 50 к.—2 р. Такимъ образомъ, вопреки приведенному выше свѣдѣтельству Лопатина, ни въ одномъ договорѣ, ни съ самостоятельными артелями золотничниковъ, ни съ подрядчиками мы не нашли платы болѣе 2 р. за золотникъ.

Въ одномъ изъ договоровъ съ Асташевымъ (1869 г.) золотничники сдѣлали оговорку, что еслибы для нихъ „оказалось невыгоднымъ быть на золотничной работѣ“, то они обязывались вскрывать торфъ на хозяйскомъ содержаніи, наравнѣ съ общеконтрактными, но маса въ такомъ случаѣ они выговорили себѣ по 1½ ф. въ день.

Если золотничники брали отъ присковаго управленія для своихъ работъ лошадей и людей, то изъ получаемой ими платы производился извѣстный вычетъ, а именно, по договору съ Асташевымъ (1865 г.), по 1 золотнику за каждую лошадь и рабочаго, а по договору съ нимъ же слѣдующаго года, до открытія промывки золота, за cadaго человека и лошадь по 70 к. въ сутки, съ открытія же промывки — по 1 р. 50 к. или по золотнику золота. По договору съ Родственною (1869 г.) золотничники должны были нужныхъ для работъ лошадей имѣть своихъ.

За леченіе золотничниковъ по нѣкоторымъ договорамъ также производились значительные вычеты. Такъ, по договору золотничниковъ съ Родственною (1869 г.) изъ платы за добытое ими золото должно было

¹⁾ По одному договору подрядчика съ Цибульскимъ (1865 г.), первый долженъ былъ получать за золотникъ золота по 1 р. 80 к.; но если въ теченіе условленнаго срока (лѣта 1866 г.) онъ добудетъ менѣ фунта золота на cadaго рабочаго, то Цибульскій можетъ понизить плату съ золотника до 1 р. 50 к. Въ договорѣ подрядчика съ золотопромышленникомъ Алтайскаго округа Колчиннымъ, первый обязался намыть золота по 1 ф. на cadaго изъ 10 рабочихъ и въ такомъ случаѣ долженъ былъ получить плату по 1 р. 75 к. съ золотника. Если же онъ всего намоетъ золота болѣе 10 ф., то за каждый, сверхъ этого добытый, золотникъ онъ долженъ былъ получать по 2 р.

вычитать „съ каждого человека по 5 р. на содержание медика, дороги и проч.“: Такое же условие установлено было и въ другомъ договорѣ съ Родственною (1870 г.), который и былъ подписанъ нѣсколькими рабочими, но остальные при подписаніи контракта сдѣлали оговорку, въ которой отказывались отъ обязательства платить по 4 р. за присковаго врача и другіе расходы. По договору съ Зотовымъ (1869 г.) съ тою же цѣлью производился вычетъ по 3 р., а по договору съ Хотимскимъ (1870 г., южной части Енисейскаго округа) рабочіе предоставили присковому управленію право *при выдачѣ имъ задатковъ записать въ расчетъ* по 3 р. на каждого на случай болѣзни и непредвидѣнныхъ расходовъ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ на золотничниковъ возлагалась обязанность выбрать артельного старосту или артельщика, на обязанности котораго должны были лежать всѣ расчеты и заботы о нуждахъ артели; ему же должны были быть выданы двѣ прошнурованныя тетради: одну для записыванія ими вещей, припасовъ, товаровъ и матеріаловъ, а другую для записыванія сдаваемого золота.

Продовольствоваться золотничники на прискахъ должны были сами, забирая припасы въ счетъ заработка изъ присковаго амбара. Въ договорахъ съ Федоровымъ (1869 г., Маріинскаго округа) и К^о Зотовыхъ (южн. части Енисейской системы) они обязывались сами печь хлѣбъ и готовить пищу, не требуя отъ присковаго управленія ни дровъ, ни хлѣбопека, ни стряпки. Въ нѣкоторыхъ договорахъ было опредѣлено, не болѣе какого количества припасовъ могли забирать золотничники изъ присковой лавки, обыкновенно ржаной муки 2 п. 20 ф. въ мѣсяцъ и мяса по 1¹/₂ ф. въ день²⁾. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ установлены цѣны, по которымъ золотничники могли забирать припасы въ присковыхъ амбарахъ.

Подрядчики въ договорахъ съ золотничниками выговаривали себѣ право брать для себя и рабочихъ припасы и отчасти товары изъ присковыхъ лавокъ или по „стоющей“ присковому управленію цѣнѣ, или по утвержденной таксѣ, по которой они отпускаются рабочимъ. Иногда въ договорѣ приводятся и самыя цѣны. Въ нѣкоторыхъ договорахъ подрядчикъ принималъ содержаніе артели рабочихъ „на собственное свое по-

¹⁾ По договору съ Латкинымъ (1870 г.) Саломатовъ, „въ распоряженіи“ котораго находился арендуемый Латкинымъ прискъ, принималъ на свой счетъ леченіе „дѣйствительно больныхъ рабочихъ“, причемъ предварительнаго вычета съ нихъ по этому договору не устанавливалось.

²⁾ Въ договорахъ съ маріинскими золотопромышленниками Вавиловымъ (1865 г.) и Федоровымъ (1869 г.) дозволялось забирать муки 2 п. 10 ф. въ мѣсяцъ, мяса по 1 ф. въ день; количество крупы (7¹/₂ ф.) и соли (по 2 ф.) въ мѣсяцъ опредѣлено лишь въ немногихъ договорахъ.

печеніе“, предоставляя, однако, себѣ право дѣлать заборы изъ приско-выхъ амбаровъ въ счетъ слѣдующей ему платы.

По договорамъ артели золотничниковъ съ Родственной и Зотовымъ (1869 г.) рабочіе брали на себя исправленіе своихъ жилищъ, отопленіе и освѣщеніе ихъ.

Золотничники всегда обязывались хорошо вести себя на прискѣ и иногда ручались въ этомъ другъ за друга¹⁾. Подрядчики въ своихъ договорахъ съ присковыми управленіями давали обязательства относительно хорошаго поведенія не только за своихъ рабочихъ, но и за себя самихъ.

За отлучку съ работъ, просрочку и неповиновеніе рабочіе подлежали по договорамъ штрафамъ отъ 50 к. до 5 р.

Въ числѣ наказаній, устанавливаемыхъ договорами старателей съ присковыми управленіями, мы встрѣчаемъ еще обращеніе золотничниковъ въ общеcontrактные. Въ договорахъ золотничниковъ съ Асташевымъ (1865—66 гг.) сказано: „если кто изъ насъ будетъ дѣлать грубости и непослушанія приставникамъ или будетъ уклоняться отъ работъ, то въ наказаніе за это лишается нашей артели и обязанъ поступить въ общій контрактъ въ число чернорабочихъ“. По договору съ Асташевымъ (1869 г.) та же мѣра примѣнялась къ рабочему и за буйство, пьянство, картежныя игры и другіе „противозаконные поступки“. Обращенію въ общеcontrактные золотничники подвергались также за похищеніе золота и продажу вина и даже за недонесеніе объ этомъ. Въ договорѣ съ Асташевымъ (1865 г.) пояснено, что въ такомъ случаѣ золото, которое должно было приходиться во все время промывки до 10 сентября на пай виновнаго въ этихъ преступленіяхъ, поступаетъ въ пользу управленія. Въ договорѣ съ Латкинымъ (1870 г.) мы встрѣчаемъ постановленіе, что совершенно удалить кого либо изъ своей артели въ теченіе операціи золотничники могли лишь съ согласія присковаго управленія. Напротивъ, присковыя управленія въ нѣсколькихъ договорахъ предоставляли себѣ право досрочнаго расчета отдѣльныхъ рабочихъ золотничниковъ съ тѣмъ, что лежащій на нихъ долгъ обязаны были принять на себя его товарищи. Въ договорѣ съ Н. Латкинымъ (1870 г.) мы встрѣчаемъ еще такое условіе: „если на разработкѣ Второпавловскаго приска“ (на которомъ рабочіе порадилась производить золотничныя работы) „по предварительной и тщательной развѣдкѣ добыча золота не будетъ приносить той и другой сторонѣ пользы“, то присковое управленіе можетъ уво-

¹⁾ Такъ, по договору съ Асташевымъ (1869 г.) они обязывались „на прискѣ во все условленное время находиться въ полномъ повиновеніи у управляющаго и приставниковъ, въ той же степени, какъ и общеcontrактные рабочіе, безъ разрѣшенія съ промысла не отлучаться, а равно и къ себѣ никого изъ постороннихъ не принимать“.

лить ихъ и ранѣе назначеннаго срока, причемъ они обязуются внести оставшіеся за ними долги.

По договорамъ золотничниковъ съ Асташевымъ, при несчастныхъ случаяхъ, происшедшихъ отъ ихъ недосмотра или ошибки, рабочіе принимали отвѣтственность на себя, также какъ въ нѣкоторыхъ договорахъ и подрядчики.

Расчетъ съ артелями золотничниковъ производился при окончаніи операціи, подрядчики же выговаривали себѣ право полученія денегъ въ два или нѣсколько сроковъ, а не то и по мѣрѣ надобности, смотря по количеству сданнаго золота.

Если кто-либо изъ золотничниковъ оставался въ долгу, то они обязывались уплатить долгъ или отработать его немедленно послѣ срока или въ качествѣ общеконтрактныхъ рабочихъ въ слѣдующую операцію. То же обязательство приваля на себя и артель, нанявшаяся въ 1869 г. къ Асташеву, за которую послѣдній уплатилъ К^о Грязнова и Пастухова до 600 р. „или сколько будетъ причитаться“ (артель состояла изъ 11 чел.).

Такимъ образомъ, на основаніи разобранныхъ контрактовъ, можно думать, что положеніе золотничниковъ было весьма незавидно; но мы не имѣемъ права предполагать, чтобы ихъ положеніе было во всѣхъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ общеконтрактныхъ, такъ какъ переводъ въ общеконтрактные считается наказаніемъ. Хуже общеконтрактныхъ могло быть развѣ положеніе тѣхъ золотничниковъ, которые нанимались подрядчиками безъ всякихъ письменныхъ договоровъ и, слѣдовательно, были ничѣмъ не гарантированы отъ разныхъ притѣсненій; но, съ другой стороны, такой подрядчикъ долженъ былъ находиться до извѣстной степени въ зависимости отъ своей артели, такъ какъ въ случаѣ какой-нибудь несправедливости рабочіе могли оставить его.

ГЛАВА X.

Введеніе свободнаго труда на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ.

Положеніе 8 марта 1861 г. и его примѣненіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Вольнонаемные общеконтрактные рабочіе въ 1861—1873 гг.—Уменьшеніе добычи золота и количества рабочихъ.—Контракты.—Продолжительность рабочаго дня и размѣръ уроковъ и старательскихъ работъ.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Размѣръ заработковъ.—Прекращеніе золотопромышленности на средства заводовъ.

Старый крѣпостническій строй жизни алтайскихъ и нерчинскихъ мастеровыхъ съ его военной дисциплиной, сковывавшей всю ихъ жизнь, не могъ устоять противъ новыхъ, освободительныхъ вѣяній, сказавшихся вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра II-го. 31-го декабря 1857 г. государь повелѣлъ учредить особый комитетъ для обсужденія мѣропріятій по устройству быта крестьянъ удѣльныхъ, дворцовыхъ, государственныхъ и горнозаводскихъ. Въ составъ этого комитета, между прочимъ, вошли министръ двора и удѣловъ графъ Адлербергъ, предсѣдатель кабинета баронъ Мейендорфъ и хорошо знакомый по прежней своей службѣ съ положеніемъ горнозаводскихъ крестьянъ главноуправляющій путями сообщеній Чевкинъ ¹⁾. Коснувшись положенія крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, этотъ комитетъ не могъ, конечно, оставить безъ вниманія и заводскихъ мастеровыхъ.

Планъ нашего труда не позволяетъ намъ излагать исторію вопроса объ освобожденіи горнозаводскихъ крестьянъ и мастеровыхъ, и даже однихъ мастеровыхъ, въ составъ которыхъ входили и работавшіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ.

¹⁾ Арх. Гос. Совѣта; Главн. Комитетъ по крестьянск. дѣлу, дѣла Комитета о крестьянахъ казенныхъ, 1857—60 г., т. 91-й, л. 1—2.

Черезъ три съ небольшимъ года послѣ того, какъ вопросъ этотъ былъ поставленъ, а именно 8 марта 1861 г., было издано Положеніе, по которому всѣ горнозаводскіе мастеровые Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводовъ освобождались отъ обязательныхъ работъ и повинностей: въ 1861 г. должны были получить свободу всѣ прослужившіе не менѣе 20 лѣтъ, въ 1862 г. прослужившіе 15 лѣтъ и, наконецъ, 8 марта 1863 г. остальные. Горнозаводскіе мастеровые получили въ собственность только усадьбныя земли (ст. 18); остальныхъ угодій поступало въ ихъ пользованіе и то лишь тамъ, гдѣ мастеровымъ уже были даны покосы) не болѣе 1 десятины на ревизскую душу (ст. 20—24) ¹⁾. Въ виду опасенія, что для заводскихъ, рудничныхъ и промысловыхъ работъ будетъ мало рабочихъ, законъ предоставилъ нѣкоторые льготы тѣмъ мастеровымъ, которые на нихъ наймутся; всякій, непрерывно прослужившій по контракту 3 года на заводскихъ работахъ, могъ откупиться отъ воинской повинности за 300 р., а прослужившій въ первое десятилѣтіе 6 лѣтъ избавлялся совсѣмъ отъ этой повинности; за контрактныхъ рабочихъ заводоуправленіе должно было исполнять натуральныя общественныя повинности (ст. 39) и выдавать имъ бесплатно каждый годъ нѣкоторое количество дровъ (ст. 26) ²⁾.

Мы не имѣмъ возможности говорить здѣсь о томъ, какъ примѣнялось Положеніе 8 марта 1861 г. во всемъ его объемѣ къ мастеровымъ Алтайскаго округа и будемъ разсматривать этотъ вопросъ лишь по столько, по сколько это необходимо для пониманія измѣненія быта мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтай.

При открытіи мѣстнаго Горнаго Совѣта (въ Барнаулѣ), въ засѣданіи 6 апрѣля 1861 г. было выслушано предложеніе исправляющаго должность главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ (съ приложеніемъ предложенія Кабинета Е. В. по высочайшему повелѣнію), въ которомъ онъ между прочимъ просилъ Совѣтъ „обсудить, какіе изъ золотыхъ промысловъ выгодно оставить на этотъ годъ, по увольненіи рабочей команды и невозможности, по позднему времени, подрядить вольнонаемныхъ работниковъ... Оставшихся людей, если нѣтъ по близости дѣйствующихъ промысловъ, куда“ можно было бы „перевести ихъ для сосредоточенной и усиленной работы“, предписывалось „распредѣлить на развѣдку лучшихъ площадей оставленной росыпи“, отчислить въ поисковыя партіи, а на такихъ промыслахъ, дѣйствіе которыхъ можетъ быть скоро возобновлено вольнымъ трудомъ, употребить на сѣмку торфа и другія подготовительныя работы. Горному Совѣту предписано было также обсудить,

¹⁾ Поземельный оброкъ равнялся $21\frac{3}{4}$ к. съ ревизской души. „Алтай“, стр. 405.

²⁾ П. С. З., т. XXXVI, № 36717, 36719. Нанявшимся рабочимъ отводили по 2 десят. покосовъ на каждого. „Алтай“, стр. 405.

какое число мастеровыхъ нужно для полного дѣйствія заводовъ и рудниковъ (а слѣдовательно и золотыхъ промысловъ) и озаботиться составленіемъ проекта правилъ и „коренныхъ условій“, требуемыхъ Положеніемъ 8 марта 1861 г. (ст. 43 и 46). Определить добычу золота слѣдовало въ размѣрѣ меньшемъ сравнительно съ предшествовавшими годами.

Въ упомянутомъ выше предложеніи Кабинета было предписано главному начальству Алтайскихъ заводовъ принять для исполненія Положенія 8 марта 1861 г. слѣдующія мѣры: 1) По объявленіи Положенія на мѣстѣ должно было немедленно составить по каждому заводу, руднику и промыслу списки „нижнимъ и рабочимъ чинамъ“, подлежащимъ увольненію за выслугу 20 лѣтъ, и представить горному начальнику, который по мѣрѣ полученія списковъ утверждаетъ увольненіе людей въ отставку съ выдачею имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, „не допуская никакого незаконнаго повода къ задержанію людей на обязательной службѣ“. 2) При этомъ управляющіе заводами и прочіе, имѣющіе команду офицеры должны были „объяснить увольняемому рабочему, что, сдѣлавшись свободнымъ и съ тѣмъ вмѣстѣ лишился жалованья и дарового провіанта, онъ можетъ продолжать горнозаводскія занятія по добровольному найму“ для пропитанія себя и своей семьи и для уплаты денежныхъ повинностей, что заводъ, предоставляя ему выгодный заработокъ на мѣстѣ жительства, „обеспечиваетъ его въ болѣзняхъ, нуждахъ и старости“ и что такимъ образомъ собственная выгода должна побуждать его не уклоняться отъ постоянного горнаго труда въ званіи мастеровыхъ или рабочихъ, изъ которыхъ будутъ учреждены горнозаводскія товарищества, дающія членамъ его „особыя льготы и преимущества“ (ст. 55 Положенія 8 марта 1861 г.). 3) При наймѣ, впредь до утвержденія подробныхъ правилъ и коренныхъ условій, опредѣляющихъ обязанности вольнонаемыхъ рабочихъ, должно было руководствоваться общими основаніями, изложенными въ ст. 37—50 новаго Положенія. Согласно съ этимъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, назначенныхъ для окончательнаго увольненія прослужившихъ 20 лѣтъ мастеровыхъ, главный начальникъ заводовъ, по соглашенію съ управляющими заводами и приставами отдѣльныхъ рудниковъ и промысловъ, обязаны были составить проекты условій для тѣхъ изъ уволенныхъ людей, которымъ будетъ предложено наняться на работы. При этомъ слѣдовало обратить главное вниманіе на рабочую плату и принять въ расчетъ при опредѣленіи ея размѣра, между прочимъ, цѣнность всего содержанія натурою, которое получали уволенные въ послѣднее время, и дѣйствительныя потребности рабочаго для безбѣднаго существованія и уплаты денежныхъ повинностей. Составленный такимъ образомъ условіи, съ обозначеніемъ нормальной платы за трудъ, послѣ того, какъ на нихъ согласятся нанимающіеся, утверждаются главнымъ начальникомъ заводовъ, которому въ этомъ отношеніи

Кабинетъ рекомендовалъ въ первое время особенную осторожность, „дабы съ одной стороны не подать на будущее время примѣра тяжелыхъ и убыточныхъ для казны требованій отъ вольнонаемныхъ людей, а съ другой не лишить заводовъ способныхъ мастеровыхъ и рабочихъ и тѣмъ не поставить заводы въ крайнее затрудненіе по исполненію лежащихъ на нихъ нарядовъ“. Для предупрежденія требованія вольнонаемными рабочими непомерной платы, дозволялось приостановить хотя на время часть заводскихъ работъ, не составляющихъ существенной необходимости.

Обсуждая предложенія, сдѣланныя испр. должн. главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ, Горный Совѣтъ, между прочимъ, рѣшилъ остановить дѣйствія Пезасскаго золотого промысла, если не будетъ новыхъ открытій, по неимѣнію тамъ запасовъ золотоносныхъ росыпей, заслуживающихъ разработки. „За увольненіемъ по силѣ Высочайшаго манифеста“, сказано въ журналѣ Горнаго Совѣта (15-го іюля 1861 г.), „въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 г. мастеровыхъ, выслужившихъ 15 и болѣе лѣтъ на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ остается 1962 ч. мастеровыхъ, расположенныхъ въ 9 селеніяхъ 5 промысловъ: Царево-Николаевскаго, Царево-Александровскаго, Спасскаго, Пезасскаго и Егорьевскаго. Только одинъ послѣдній, въ двухъ его селеніяхъ (собственно Егорьевскій и Касминскій) представляетъ всѣ выгоды для осѣдлаго жительства, а слѣдовательно и возможность образовать горныя общины. Остальные промысла, разбросанные по пустымъ и удаленные отъ жилыхъ мѣстъ безъ всякаго сомнѣнія не удержатъ нынѣшнихъ ихъ жителей и по окончательномъ увольненіи мастеровыхъ по силѣ Высочайшаго манифеста будутъ ими покинуты. Въ мартѣ будущаго 1862 г., т.-е. въ началѣ послѣдняго заводскаго года съ обязательными работниками, этихъ послѣднихъ останется 1962 ч. и слѣдовательно недостаточно для годичнаго дѣйствія промысловъ ¹⁾. Эта команда распредѣлится на 1862 г. на тѣ промысла, которые по непрочности запасовъ, какъ Егорьевскій промыселъ, или особенно неблагоприятнымъ условіямъ, какъ Царево-Александровскій, не представляютъ возможности ввести на нихъ въ настоящее время вольный трудъ, но дадутъ возможность для окончательно уволенныхъ въ мартѣ 1863 г. поселиться или на Егорьевскомъ, или избрать, по удобнымъ путямъ сообщенія, для выхода въ жилыя мѣста временное годичное пребываніе въ Царево-Александровскомъ промыслѣ. Остальные (золотые) промысла Алтайскихъ заводовъ ²⁾ должны будутъ дѣйствовать вольнонаемными людьми, кромѣ Пезасскаго, который необходимо... остановить въ 1862 г.“.

¹⁾ Въ 1860 г. работа производилась на только что названныхъ 5 промыслахъ, и на нихъ употреблялось 2816 рабочихъ.

²⁾ Царево-Маринскій, Царево-Николаевскій и Спасскій.

Въ предложеніи главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ Горному Совѣту (17 іюля 1861 г.) было между прочимъ сказано, что при выработкѣ проекта объ устройствѣ обществъ и управленія горнозаводскихъ людей „золотые промысла, кромѣ Егорьевскаго и Касминскаго, вовсе не слѣдуетъ принимать въ соображеніе, ибо работы на нихъ“ производятся „кочевымъ населеніемъ, которое по отмѣнѣ обязательнаго труда и по введеніи на всѣхъ промыслахъ работъ вольнонаемныхъ, по всей вѣроятности, переселится въ мѣста осѣдлаго и постояннаго жительства“¹⁾. „Опытъ увольненія мастеровыхъ, выслужившихъ съ правами отставныхъ 20-и лѣтній срокъ, показалъ“, по мнѣнію главнаго начальника заводовъ, „что вслѣдъ за полученіемъ паспортовъ или свидѣтельствъ многіе изъ нихъ или продали дома свои за безцѣнокъ, или покинули ихъ и разѣхались по деревнямъ, выдавъ подписки о причисленія сыновей своихъ въ податное состояніе“. Составленіе смѣтъ на добычу золота вольнымъ трудомъ (сказано въ журналѣ Горнаго Совѣта 26 іюля 1861 г.) должно было быть основано на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существуетъ частная золотопромышленность въ Россіи. Изъ того же журнала видно, что впредь до утвержденія правилъ и „коренныхъ условій“, опредѣляющихъ обязанности вольнонаемныхъ людей, представлены были въ Алтайское Горное Правленіе образцы временныхъ условій, заключенныхъ конторами съ лицами, которыя были уволены за 20-и лѣтнюю и болѣе продолжительную службу. Условія эти были по возможности примѣнены къ ст. 37—50 Положенія 8 марта 1861 г., одобрены Алтайскимъ Горнымъ Правленіемъ и получили обязательную силу до утвержденія подробныхъ правилъ и коренныхъ условій.

Прежніе мастеровые вообще не охотно нанимались на заводскія работы. Въ журналѣ засѣданія Горнаго Совѣта 19 декабря 1861 г. по этому вопросу сказано слѣдующее: „Въ настоящее время въ рудникахъ и заводахъ не изъявляетъ никто желанія наниматься въ горнозаводскія работы по контракту не только на 3 года, но даже на нѣсколько мѣсяцевъ, исключая рѣдкихъ случаевъ найма на одинъ годъ нижнихъ чиновъ и караульщиковъ. Являются работать на нѣкоторое время только изъ задѣльной платы и понежѣльно. Причины уклоненія мастеровыхъ отъ заключенія контрактовъ на продолжительные сроки слѣдующія: освобожденные весьма недавно отъ обязательной службы мастеровые считаютъ заключеніе контрактовъ равносильнымъ прежней обязательной работѣ, и всѣ старанія управляющихъ заводами и приставовъ рудниковъ убѣдить

¹⁾ „О золотыхъ промыслахъ Егорьевскомъ и Касминскомъ“, по свидѣтельству журнала Горнаго Совѣта 26 іюля 1861 г., „въ настоящее время сказать съ увѣренностью нельзя, могутъ ли образоваться тамъ общества до тѣхъ поръ, пока совершится окончательное освобожденіе“.

ихъ въ различіи того и другого рода найма, относительно приобрѣтенія правъ, остаются до сихъ поръ напрасными. Самая существенная льгота, даруемая 39 ст. Положенія, утвержденнаго 8 марта 1861 г.,—избавленіе отъ рекрутской повинности за прослуженіе въ заводахъ или рудникахъ 6 лѣтъ,—не заключаетъ для мастеровыхъ въ настоящее время ничего важнаго, потому что уволенные нынѣ работники за выслугу 20 и болѣе лѣтъ, получивъ права отставныхъ, и безъ того уволены отъ этой повинности“¹⁾).

Въ 1861 г. работы производились на 5 промыслахъ²⁾. Кромѣ добычи золота обязательнымъ трудомъ на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ Горный Совѣтъ еще въ 1859 г. постановилъ (какъ мы видѣли въ главѣ VII) разработать въ 1861 г. вольнонаемными рабочими вновь открытыя золотоносныя росыпи по рѣчкамъ Яковлевкѣ и Сабакѣ, названныя Царево-Марининскимъ промысломъ³⁾).

Въ предложеніи главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ, прочитанномъ въ засѣданіи Горнаго Совѣта 27 марта 1862 г., было между прочимъ указано на то, что „наемъ людей въ заводскія работы по контрактамъ идетъ неуспѣшно“.—„Вслѣдствіе повелѣнія, даннаго въ 8 день марта 1861 г.“ (сказано въ опредѣленіи Совѣта по этому поводу) „всѣ обязательные мастеровые Алтайскихъ заводовъ должны быть съ 8 марта 1863 г. уволены изъ заводской работы, такъ что заводы, рудники и золотые промысла съ этого дня, лишась послѣдней части обязательныхъ мастеровыхъ, перейдутъ вполнѣ на вольнонаемный трудъ“. Къ предупрежденію могущихъ встрѣтиться затрудненій въ заводахъ, рудникахъ и золотыхъ промыслахъ при наймѣ рабочихъ по контрактамъ, послѣ освобожденія всѣхъ мастеровыхъ, Горный Совѣтъ считалъ „единственною и весьма надежною мѣрою“ для привлеченія вольнонаемныхъ рабочихъ въ заводскія работы, выдачу имъ, при заключеніи годовыхъ контрактовъ, задатковъ отъ 20 до 40 р. на человѣка по примѣру частныхъ золото-промышленниковъ. „Подобный наемъ рабочихъ людей уже былъ начатъ въ Алтайскомъ округѣ для золотыхъ промысловъ, дѣйствующихъ на вольномъ трудѣ, куда преимущественно нанимались крестьяне, инородцы и

¹⁾ Арх. Глав. Управ. Алтайскаго Горнаго Округа. „Изложеніе Горнаго Совѣта 1861 г.“, л. 1—19, 34, 276, 286, 292, 295, 301, 307; Журналы Горнаго Совѣта 1861, л. 222—223.

²⁾ На нихъ работало 2349 ч. и добыто было шихового золота 22 п. 37 ф. 18 з., такъ что золотникъ обошелся въ 2 р. 65 к.

³⁾ Въ 1861 г. на немъ работало 208 ч. вольнонаемныхъ рабочихъ; получено было шихового золота 2 п. 29 ф. 55 з., и 1 золотникъ обошелся въ 3 рубля. Изъ одного позднѣйшаго оффиціальнаго свидѣтельства видно, что въ 1861—62 гг. Царево-Марининскій пріискъ былъ въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе недостатка рабочихъ.

часть мастеровыхъ, служившихъ на промыслахъ; только одинъ недостатокъ наличныхъ денегъ въ заводской суммѣ не позволилъ на нынѣшній годъ нанять полнаго комплекта рабочихъ для промысловъ¹⁾.

Въ 1862 г. на 5 промыслахъ работало 1684 ч. обязанныхъ рабочихъ²⁾. Кроме того, на промыслахъ Царево-Маринскомъ и Суетинскомъ промывка золота производилась вольнонаемными рабочими³⁾:

Къ 8 марта 1863 г. мастера были окончательно уволены отъ обязательной службы⁴⁾. Въ то же время для продолженія работъ въ рудникахъ, заводахъ и на золотыхъ промыслахъ были наняты вольнонаемные рабочіе съ выдачею имъ впередъ задатковъ. Такимъ образомъ, по выраженію мѣстнаго начальства, была „поддержана неразрывная связь дѣйствія заводовъ при переходѣ отъ обязательнаго къ свободному труду“. Большая часть рабочихъ явилась на промыслы къ 15 февраля и приступила къ работамъ⁵⁾.

Однако первые опыты примѣненія вольнонаемнаго труда не обошлись безъ затрудненій. Приставъ Царево-Маринскаго золотого промысла въ своемъ донесеніи въ Алтайское Горное Правленіе (27 августа 1865 г.) сообщаетъ слѣдующее. Такъ какъ въ предшествовавшіе годы на этомъ промыслѣ рабочіе, взятые изъ горнаго вѣдомства, были не въ состояніи выполнить работъ, приходящихся по смѣтѣ на каждую рабочую единицу, то при наймѣ осенью 1862 г. горное управленіе принуждено было разрѣшить наемку рабочихъ людей во всѣхъ классахъ народонаселенія. Чиновники, командированные для этого, съ первыхъ же шаговъ встрѣтили въ частныхъ золотопромышленникахъ конкурентовъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что они въ этихъ мѣстахъ были уже „давнишними хозяевами“, а горные чиновники должны были еще знакомиться съ людьми, „по праву и характеру совершенно не похожими на рабочихъ“, къ которымъ они привыкли. Такъ какъ въ тотъ годъ понадобилось много

¹⁾ Арх. Главн. Управл. Алтайск. Горн. Округа, „Изложеніе Горнаго Совѣта 1862 г.“, л. 2, 12—14, 16—17, 33—34.

²⁾ Вымито было шлиховаго золота 15 п. 7 ф. 53 з., и золотникъ обошелся въ 3 руб.

³⁾ На нихъ работало 543 ч., получено было шлиховаго золота 4 п. 32 ф. 35 з., и золотникъ обошелся въ 4 р. 47 к.

⁴⁾ Приставъ Царево-Александровскаго золотого промысла донесъ въ Алтайское Горное Правленіе 27 іюня 1863 г., что такъ какъ мастера, находившіеся прежде на этомъ промыслѣ, „были временно командированы съ заводовъ, рудниковъ и болѣею частью поступили изъ рекрутовъ“, то они были уволены 8 марта въ прежнія мѣста ихъ жительства съ тѣмъ, что каждый мастерской по истеченіи года или ранѣе долженъ приписаться въ податное состояніе и избрать мѣстомъ жительства одинъ изъ рудниковъ, промысловъ или заводовъ. Арх. Глав. Управ. Алтайск. гор. окр. вѣд. 1868, л. 460.

⁵⁾ Арх. Глав. Упр. Алтайск. гор. окр., „Изложеніе Горнаго Совѣта 1863 г.“ л. 1—2, 14, 32.

рабочихъ (до 1000 чел.), то эти послѣдніе потребовали увеличенія задатковъ. „Наемка производилась въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, сборъ же команды на промысла былъ къ 1 числу февраля; въ этотъ продолжительный промежутокъ времени многіе изъ рабочихъ укрылись въ отдаленныя мѣста, другіе нанялись по фальшивымъ свидѣтельствамъ въ инныя компаніи, наконецъ, остальные пропились окончательно, и многіе являлись на назначенные сборные пункты чуть не въ однихъ рубашкахъ, такъ что приходилось одѣвать ихъ съ ногъ до головы“; на пути многіе изъ рабочихъ успѣвали проматывать данную имъ одежду и по прибытіи на промыселъ приходилось вновь снабжать ихъ ею. Такимъ образомъ, рабочій, взявши 30 или 40 р. задатку, приходилъ на промыселъ съ 50-ю или 60-ю и болѣе рублями долгу. При освидѣтельствovanіи на промыслѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались заразительныя дурныя болѣзни, вслѣдствіе чего ихъ тотчасъ же отправляли въ госпиталь; другіе же заболѣвали во время самыхъ работъ или получали увѣчья и къ концу операціи оставались въ большомъ долгу ¹⁾).

Нѣкоторое количество „казенныхъ“ мастеровыхъ все-таки нанималось на золотыя промыслы. Это видно изъ слѣдующаго. Мастеровымъ на время законтрактованія ихъ въ горнозаводскія работы производились добавочные отводы покосовъ безоборочно или за пониженную плату. Изъ данныхъ 1867 г. видно, что на золотыхъ промыслахъ Егорьевскомъ, Урскомъ и Касминскомъ потребовалось для надѣла служащихъ 20 десят. и отдано было въ аренду 270 дес. покосовъ ²⁾).

Послѣ реформы 1861 г. на Алтайскихъ промыслахъ стали получать золота менѣе, чѣмъ прежде, и количество его все уменьшалось, такъ что въ 1861 г. было добыто болѣе 25 п., а въ 1872 г. лишь 13 сляшкомъ пудовъ ³⁾. Такимъ образомъ, добыча золота значительно упала сравнительно съ 50-ми годами.

Въ 1863 г. на 4 разрабатывавшихся промыслахъ было 1003 вольнонаемныхъ рабочихъ ⁴⁾, въ 1864 г.—809 чел., въ 1865 г.—704 ч., въ 1866 г.—800 ч. и въ 1867 г.—682 ч. вольнонаемныхъ ⁵⁾).

Въ 1862 г. сибирскій комитетъ, заслушавъ отношенія предсѣдателя кабинета Е. В. и генералъ-губернатора Западной Сибири о дозволеніи въ видѣ опыта на 3 года нанимать ссыльно-поселенцевъ для работъ на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Алтайскаго горнаго округа, не встрѣтилъ къ тому препятствій, но съ тѣмъ, чтобы употребленіе ссыльно-по-

¹⁾ Арх. Глав. Управ. Алтайск. гор. окр., по описи № 32, дѣло № 6582—5, л. 427.

²⁾ Арх. Глав. Управ. Алтайск. горн. окр., „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1867 г., л. 115, 121.

³⁾ См. *Дополненіе XV* въ концѣ этого тома.

⁴⁾ „Изложеніе Горнаго Совѣта“, 1864 г., л. 41.

⁵⁾ Тоже, на 1865 г., л. 22,—на 1866 г., л. 23, на 1867 г. л. 27., на 1868 г. л. 27.

селенцевъ на работы ограничивалось тѣми мѣстностями, которыя находятся не въ близкомъ разстояніи отъ болѣе населенныхъ пунктовъ горнозаводскаго района, во избѣжаніе вреднаго вліянія поселенцевъ на прочихъ заводскихъ рабочихъ ¹⁾).

Въ числѣ рабочихъ, нанимавшихся въ 1863—72 гг. на кабинетскіе золотые промысла Алтайскаго округа, были поселенцы и водворяемые рабочіе, уволенные и отставные мастеровые, крестьяне, мѣщане, инородцы и проч.; болѣе всего было крестьянъ, поселенцевъ, инородцевъ и мѣщанъ, а прежнихъ мастеровыхъ самое ничтожное количество ²⁾).

При наймѣ рабочихъ кабинетское управленіе заключало съ ними контракты, какъ и частные золотопромышленники. Мы имѣемъ образцы такихъ контрактовъ 1862, 1864 и 1867 гг. Наемъ производился осенью или зимою, по контракту 1862 г.—на годовой срокъ, по слѣдующимъ договорамъ до 1 октября. Явиться на промыселъ рабочіе должны были по контракту 1862 г. по первому требованію, по договору же 1867 г.—къ сроку, который будетъ назначенъ при наймѣ и вписанъ въ расчетный листъ. Главная масса рабочихъ являлась на промысла въ январѣ ³⁾. Рабочіе должны были оставаться на пріискѣ до назначеннаго въ контрактѣ срока, промысловое же управленіе предоставляло себѣ право рассчитывать ихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, когда ему вздумается. Въ исполненіи договора рабочіе ручались другъ за друга круговою порукою.

При наймѣ рабочихъ немедленно сказалась невозможность исполненія закона, предписывавшаго выдавать поселенцамъ задатки не болѣе 7 рублей. Управляющій казенными золотыми промыслами подполковникъ Корженевскій въ своемъ донесеніи въ Алтайское горное правленіе 14 апрѣля 1865 г. указывалъ на то, что частные золотопромышленники обыкновенно выдаютъ задатки отъ 40 до 60 руб., и при задаткахъ въ 7½ р. невозможно нанять ни одного поселенца, „которые вездѣ считаются лучшими работниками на промыслахъ“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вновь возвращается къ этому вопросу по поводу предписанія Горнаго Правленія, возлагающаго ответственность за долги рабочихъ на пріисковыя власти. „Только увѣренность рабочихъ въ правильности расчета на казенныхъ промыслахъ“, говоритъ онъ, „дала возможность уменьшить задатки до размѣра отъ 30 до 50 руб. на чело-

¹⁾ П. С. З. т. XXXVII, № 36062.

²⁾ Нанимались на кабинетскіе промысла и безпаспортные: такъ изъ 87 человекъ, нанятыхъ на Комиссаровскій золотой промыселъ зимою 1866—67 г., 27 человекъ не имѣло паспортовъ; изъ нанятыхъ въ то же время на Царево-Марининскій промыселъ 247 чел. было 30 ч. безпаспортныхъ. Арх. Главн. Упр. Алт. горнаго округа, по описи № 420, вяз. 33.

³⁾ Ibid., по описи № 32, дѣло 2582—5, л. 415.

вѣка и произвести наемку нынѣшняго года при среднихъ задаткахъ не-много менѣе 40 р. По его словамъ, законность выдачи задатковъ до 40 руб. на человѣка была признана Горнымъ Совѣтомъ въ 1862 г. и самимъ Горнымъ Правленіемъ. Поэтому онъ просилъ дозволить выдачу задатковъ среднимъ числомъ по 40 р. на каждаго ннятаго рабочаго ¹⁾).

Дѣйствительная величина задатковъ видна изъ разсчетныхъ книгъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о размѣрѣ задатковъ 612 человѣкъ, выбранныя изъ разсчетныхъ книгъ Суетинскаго промысла 1863 г., Царево-Маринскаго 1864 и 1865 г. и Царево-Николаевскаго 1870 и 1872 гг. Изъ этихъ данныхъ видно, что средній размѣръ задатковъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ (31—39 руб.) былъ выше, чѣмъ въ началѣ 70-хъ годовъ (22—23 р.), въ среднемъ же относительно всѣхъ рабочихъ равнялся 32 руб. 62 коп. (minimum задатка—50 к., maximum—100 р.). 80% всѣхъ нанятыхъ рабочихъ получили задатокъ; почти всѣ остальные были въ долгу по прежнимъ операціямъ, впрочемъ 2% не получили задатка и не имѣли долга ²⁾.—Изъ данныхъ объ этихъ 612 рабочихъ видно, что въ среднемъ задатокъ составлялъ 26% всего заработка.

О путешествіи на промысла въ контрактахъ съ рабочими говорилось слѣдующее: „Если нанимателю угодно будетъ отправить насъ съ мѣсто наемки до промысловъ, или докуда это возможно, на перемѣнныхъ лошадяхъ, то мы употребленные на провозъ насъ и харчи въ дорогѣ деньги принимаемъ на свой счетъ, для чего выбранныя изъ среды нашей старосты должны выдаваемымъ деньгамъ вести счетъ, но требовать непремѣнно, чтобы насъ везли на лошадяхъ не имѣемъ права, и если наниматель не пожелаетъ отправить насъ на лошадяхъ, то обязаны идти на пріискъ къ означенному времени“. О выдачѣ сухарей въ мѣстахъ ненаселенныхъ въ контрактахъ не упоминается.

Управляющій казенными золотыми промыслами въ донесеніи отъ 10 сентября 1865 г. о путешествіи рабочихъ на промысла говоритъ: „Между наймомъ рабочаго и явкою его на промысла проходитъ отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ. Въ это время рабочій успѣваетъ пропить не только задаточныя деньги, но и всю одежду съ себя. и. не имѣя въ чемъ отправиться на промыселъ, оказывается съ перваго шага несостоятельнымъ къ исполненію контракта.. Вслѣдствіе этого наниматель находится вынужденнымъ собирать рабочихъ въ извѣстныхъ пунктахъ, лежащихъ на дорогѣ въ тайгу, одѣвать ихъ и отправлять на прогонахъ или по найму. Подобная отправка стоитъ обыкновенно отъ 5 до 20 руб. на человѣка и совершенно необходима, потому что въ противномъ случаѣ не только затянулось бы начало работъ (что болѣе убыточно, нежели потеря извѣстной части долговъ), но многіе рабочіе вовсе не явились бы на промысла (по неимѣнію средствъ къ тому), а это могло бы совершенно измѣнить промысловое хозяйство и повести

¹⁾ Ibid, т. 182, 413—415, 420—423.

²⁾ Если вычислить средній задатокъ на всѣхъ рабочихъ (и не получившихъ его), то онъ будетъ равенъ 26 р. 27 ф.

къ значительнымъ убыткамъ. Отправивъ рабочаго и выдавъ ему кормовыя, наниматель еще не избавляется отъ расходовъ. Каждый кабакъ въ проѣзжаемыхъ деревняхъ привлекаетъ рабочихъ, и многіе тутъ же продаютъ за бездѣнокъ полученную въ дорогу отъ нанимателя одежду, а вырученныя деньги пропиваютъ, вслѣдствіе чего приходится снова одѣвать пропившихся. Наниматель не имѣетъ никакихъ средствъ воспрепятствовать пьянству рабочихъ, а также не можетъ оставлять ихъ безъ одежды, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ привести ихъ на промыселъ съ отмороженными членами и неспособными къ работѣ, чрезъ что потеряетъ всякую возможность къ возмѣщенію прежде израсходованныхъ денегъ. Расходы по доставкѣ увеличиваются еще отъ того, что во время, проходящее между наемкой и отправкой, рабочіе успѣваютъ не только пропить съ себя все, но и значительно задолжать хозяевамъ и другимъ лицамъ, которыя предъявляютъ свои иски нанимателю. До 1864 г. въ подобныхъ случаяхъ выдавались квитанціи отъ имени должниковъ съ означеніемъ, что деньги будутъ взысканы по заработкѣ ими казеннаго долга. Но въ прошедшемъ году была произведена выдача денегъ домохозяевамъ, и я опасаясь, чтобы подобная расплата не вошла въ силу, какъ укоренившійся обычай, несмотря на то, что она по закону вовсе не обязательна для нанимателя, который къ тому же не можетъ провѣрить правильности этихъ долговъ, такъ какъ рабочіе часто входятъ въ сдѣлку съ домохозяевами, чтобы тѣмъ выманить денегъ отъ нанимателя. Въ прошедшемъ году выдавалось домохозяевамъ до 20 р. на одного рабочаго ¹⁾.

Въ апрѣлѣ 1864 г. Алтайское горное правленіе довело до свѣдѣнія Кабинета, что въ 1863 г. изъ нанятыхъ рабочихъ многіе не явились на работу, а мѣстныя волостныя правленія не оказываютъ содѣйствія въ понужденіи рабочихъ къ исполненію заключенныхъ ими условій. Кабинетъ обратилъ на это вниманіе томскаго губернатора ²⁾.

По контракту 1862 г. рабочіе должны были выходить на работу не позже 5 час. утра и сходить съ нея не ранѣе 8 час. пополудни, каковы бы ни были холодъ и венастье; въ продолженіе дня имъ давалось время для обѣда и послѣобѣденнаго отдыха, всего же ежедневно въ дѣйствительной работѣ они должны были находиться около 12 час. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. было сказано, что рабочіе должны были „находиться въ обязательной работѣ каждый день, исключая воскресныхъ и табельныхъ дней, а въ праздники и табельные дни работать на стараніи“ (слѣдовательно и праздничное стараніе было обязательно). Время работы на основаніи положеній, существовавшихъ на горныхъ заводахъ, было назначено съ 5 час. утра до 8 час. вечера, исключая 2 часа на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня опредѣлена въ 13 часовъ.

¹⁾ Арх. Главн. Управ. Алт. горнаго округа, по описи № 32, дѣло № 6582—6, л. 415—417. Въ случаѣ надобности рабочіе обязывались перейти и на другой пріискъ, и по договору 1862 г. должны были дѣлать при этомъ 30 верстъ въ день; на дорогу имъ выдавались только сухари, а за время, употребленное на проходъ, они получали только поденную плату по расчету изъ мѣсячнаго жалованія.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. горнаго округа по архивной описи № 32, л. 21.

Выѣстъ съ тѣмъ въ договорахъ обозначался и размѣръ уроковъ. По договору 1862 г. на вскрышу 1 куб. сажени торфа и ручную откатку его на разстояніи 15 сажень должно было ставить на талыхъ торфахъ не болѣе трехъ человѣкъ, а если даны будутъ казенныя лошади, то Артель изъ 4 человѣкъ при двухъ лошадяхъ должна была вскрывать и отвозить въ отваль 2 куб. сажени; прочія же урочныя работы, какъ то: добычу, подвозку, пробойку и промывку песковъ и ортовую подземную работу рабочіе предоставляли пріисковымъ властямъ назначать „по своему усмотрѣнію, соображаясь въ томъ со временемъ года, мѣстностью и по опыту, сколько въ продолженіе 12 рабочихъ часовъ безъ лѣности и безъ большого отягощенія сработать можно; во всякомъ случаѣ однако на двухъ рабочихъ съ лошадыю добыть и подвезти не менѣе 1 сажени песковъ или 35 таратаекъ“. Недоработку они обязывались пополнять въ праздничные дни. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. размѣръ уроковъ былъ обозначенъ подробнѣе и количество работы нѣсколько увеличено. Одну кубич. сажень талаго торфа трое рабочихъ должны были вскрывать не только при откаткѣ, но и при отнискѣ его на разстояніе до 20 сажень. „При мерзломъ же торфѣ (мерзлымъ торфомъ называется тотъ, который промерзъ съ поверхности на $\frac{3}{4}$ и болѣе глубины) и при большемъ разстояніи откатки или отнски урокъ разсчитывается сообразно положенію и опыту“. Выработка торфа съ лошадью оставлена въ томъ же размѣрѣ, „не смотря на разстояніе“. При добычѣ песковъ 2 рабочихъ съ одною лошадыю должны были добыть и отвезти на машину уже не 1, а отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ вб. саж., причемъ меньшій урокъ, т.-е. одна сажень полагается только при подвозкѣ далѣе 120 сажень и толщинѣ пласта менѣе $\frac{1}{2}$ сажени. „Вообще же“ рабочіе „должны“ были „отдавать такое количество работы, какое назначено особыми положеніями, имѣющимися на каждомъ промыслѣ“¹⁾. По донесенію управляющаго кабинетскими золотыми промыслами (1865 г.), каждый человѣкъ, находясь на земляной работѣ, долженъ былъ отдавать ежемѣсячно 12 куб. саж. *хозяйскихъ*, т.-е. работою въ будни. При этомъ управляющій считалъ обычнымъ урокомъ $\frac{1}{2}$ куб. саж. въ будни на человѣка²⁾.

Но этимъ, какъ и на частныхъ промыслахъ, не ограничивалась работа: за исполненіемъ урока слѣдовало обязательное стараніе въ опредѣленномъ размѣрѣ; старательскія работы были обязательны и въ праздники. Въ договорѣ 1862 года было сказано: „по окончаніи назначеннаго и выполненнаго дневного урока, мы въ каждый рабочій день обя-

¹⁾ Объ отработкѣ въ праздники урока, недоработаннаго въ будни, въ договорахъ 1864 и 1867 гг. не упоминается.

²⁾ Арх. Главн. Управ. Алт. горнаго округа, по описи № 32, дѣло № 6582-5, л. 418.

зуюсь добыть и вывезти каждый при добычѣ песковъ или на торфахъ находящіеся люди не менѣе 5 таратаекъ песковъ на промывку въ видѣ старанія“ (въ каждой таратайкѣ по 30 пудовъ) „или же на мѣру— $\frac{1}{4}$ сажени“. Въ праздничные и табельные дни“ (когда не бывало урочныхъ работъ) „мы должны выходить на такъ называемыя старательскія работы, либо на добычу золота золотниками, либо на пески, либо на торфа“. По договорамъ 1864 и 1867 гг. сверхурочная старательская работа была нѣсколько увеличена, а именно ежедневно сверхъ урока съ 1-го апрѣля по 1 ноября ¹⁾ набавлялась $\frac{1}{2}$ куб. саж. на торфахъ и пескахъ, „а зимою по мѣрѣ силъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ“. Въ праздничные и табельные дни рабочіе должны были „выходить на старательскія работы, на пески и промывку ихъ, либо на торфа, работая въ день не менѣе 1 куб. саж. торфа на каждыхъ 2 человекъ и отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ куб. саж. песковъ сообразно съ будничнымъ урокомъ“. Управляющій казенными промыслами въ донесеніи (1865 г.) въ Алтайское горное правленіе опредѣляетъ нѣсколько иначе размѣръ старательской работы, а именно, каждый рабочій „обязывается отдавать стараніе въ каждый праздникъ не менѣе $\frac{1}{2}$ сажени и въ каждыя лѣтнія будни не менѣе $\frac{1}{2}$ аршина песковъ и торфовъ“ ²⁾.

Вычисливъ среднюю продолжительность операціи по названнымъ выше пяти расчетнымъ книгамъ, мы получили, что она равнялась minimum 6 мѣсяцамъ 15 днямъ, maximum—8 мѣс. 28 днямъ, а въ среднемъ—7 мѣс. 24 днямъ. Въ контрактахъ не упоминалось о назначеніи рабочимъ какихъ либо праздничныхъ дней, въ расчетныхъ же книгахъ изрѣдка встрѣчаются на нихъ указанія. Но, разумѣется, рабочіе были не въ состояніи трудиться безъ отдыха, и число дней, во время которыхъ рабочій освобождался почему либо (кромѣ болѣзни) отъ работы, такъ называемыхъ здѣсь „уволенныхъ дней“ (въ числѣ которыхъ значились иногда и дни, проведенные подъ арестомъ), равнялось на Царево-Николаевскомъ приискѣ въ среднемъ на рабочаго за всю операцію въ 1870 г.—11,2 дня, въ 1872 г.—7,4, а въ одинъ мѣсяць въ 1870 г.—1,5 дня, а въ 1872 г. 1,1 дня. За такіе „уволенные“ дни вознагражденія рабочіе не получали, такъ какъ за нихъ дѣлался соотвѣтственный вычетъ изъ мѣсячнаго жалованія.

За работу въ каждый мѣсяць, считая его въ 30 рабочихъ дней, полагалось по контракту 1862 г. съ ноября по 1 апрѣля мѣсячное жалованье по 4 руб., въ прочіе мѣсяцы по 3 руб. 15 коп., а если кто будетъ избранъ плотникомъ, кузнецомъ, хлѣбопекомъ, кашеваромъ, служащимъ, конюхомъ или другимъ какимъ либо рабочимъ, то плата должна быть назначена дру-

¹⁾ По договору 1867 г.—до 1 октября.

²⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр., по описи № 32, дѣло № 6582—5, л. 418.

гая, сообразно ремеслу и заслугѣ его по усмотрѣнію управляющаго или пристава. Въ договорѣ 1864 г. всѣмъ рабочимъ назначено вышеуказанное жалованье, только кузнецы должны были получать зимою и лѣтомъ отъ 12 до 20 руб. въ мѣсяцъ¹⁾. По договору 1867 г. чернорабочимъ назначено то же жалованье, какъ и въ договорѣ 1862 года; мастеровые же получали повышенную плату, на примѣръ, кузнецы въ теченіе всего года отъ 12 до 20 р. въ мѣсяцъ, коноваль, староста конюшенный и промывальщикъ 12 руб., артельный староста, хлѣбопекъ, шорникъ, столяръ, плотникъ машинный и колесникъ 10 руб., кашеваръ 9 р., конюхъ и простой плотникъ получали зимою 8, лѣтомъ 10 руб., молотобоецъ зимою 8, лѣтомъ 12 руб., свальщикъ, протирщикъ и машинистъ лѣтомъ 10 руб., галешникъ лѣтомъ 8 руб., дроворубъ, дрововозъ и углевозъ зимою 6, лѣтомъ 7 рублей.

Плата за сверхурочную работу въ будни по договору 1862 г. была назначена по 10 коп. за каждую таратайку, а за старательскія работы въ праздники за 1 куб. саж. песковъ—3 руб., за 1 саж. торфа 2 руб. По договору 1864 г. горнорабочіе получали за торфъ ту же плату, а за сажень песку 2 р. 50 к. или по 10 к. съ таратайки. За стараніе мастеровымъ производилась въ праздникъ поденная плата, большая или меньшая, сообразно жалованью рабочихъ, а именно, зимою отъ 20 до 70 коп., лѣтомъ отъ 30 к. до 1 р. 25 к., причемъ было пояснено, что назначеніе наибольшей или наименьшей платы зависѣло отъ усмотрѣнія пристава, смотря по усердію рабочего²⁾.

Въ будни на мастеровыхъ отписывалось отъ рабочихъ, добывавшихъ пески, по 1 коп. съ каждой старательской таратайки.

За золото, находимое во время старательскихъ праздничныхъ работъ, по договору 1862 г., назначена плата по 1 р. 20 к. за золотникъ (плата же за самородки зависѣла отъ усмотрѣнія управляющаго); по договорамъ 1864 и 1867 гг. за золото, находимое во время обыкновенныхъ и старательскихъ работъ, платили 75 к.—1 р. 25 за золотникъ. Въ дѣйствительности, какъ видно изъ расчетной книги, въ 1867 г. платили на Яковлевскомъ промыслѣ за старательское золото по 1 р. 50 к. съ золотника, и здѣсь плата эта выдавалась на руки немедленно. Въ 1870 г. была вездѣ назначена плата по 1 р. 50 к. съ золотника золота.

¹⁾ Въ случаѣ командировокъ для развѣдки не далѣе 15 верстъ, рабочіе не должны были требовать повышеннаго вознагражденія или особой платы и старанія, а предоставляли это усмотрѣнію пристава. Если же шурфовка будетъ производиться далѣе 15 верстъ, то рабочіе должны были получать 12—15 руб. за 30 рабочихъ дней (безъ различія будней и праздниковъ).

²⁾ По договору 1867 г. назначена такая же старательская плата за 1 куб. саж. песковъ, причемъ изъ платы за пески удерживалось по 10 к. съ рубля въ пользу галечниковъ и рабочихъ при промывкѣ песковъ „и у смотрѣнія за добычею ихъ“.

Со дня вступленія въ дѣйствительную работу рабочіе должны были получать по договору 1862 г. пищевой паекъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: говядины, свѣжей или соленой, по 1 пуду въ мѣсяцъ (слѣдовательно около $1\frac{1}{3}$ фун. въ день), муки ржаной (въ томъ числѣ и на квасъ) по 2 п. 20 фун. въ мѣсяцъ, ячной крупы по $\frac{1}{4}$ фун. въ сутки. Если нѣкоторые рабочіе въ постные дни не пожелаютъ ѣсть скоромнаго, то они должны были довольствоваться вмѣсто говядины — 1 фун. крупы или 1 фун. гороху въ сутки и болѣе ничего не могли требовать. Обѣдать и ужинать рабочіе должны были за общимъ столомъ, кромѣ семейныхъ людей, если они того не пожелаютъ. Въ слѣдующихъ договорахъ пищевой паекъ рабочихъ былъ нѣсколько улучшенъ. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. было упомянуто еще о выдачѣ 3—4 фунт. соли и $\frac{1}{2}$ фун. масла или 1 фун. сала въ мѣсяцъ; сверхъ того по большимъ праздникамъ назначена винная порція, постящимся же прибавлено по $\frac{1}{2}$ фун. коноплянаго масла въ мѣсяцъ. Получившіе дозволеніе держать на промыслѣ семью должны были уплачивать, сколько слѣдуетъ, за ихъ пропитаніе. По смѣтѣ на 1870 г. стоимость продовольствія одного рабочаго, кромѣ винныхъ порцій, равнялась 4 р. 29 коп. ¹⁾

О жилищахъ рабочихъ упоминается только въ договорѣ 1862 г., гдѣ сказано: „помѣщеніе для жилища своего должны мы готовить въ свободное отъ работы время“.

Нужные имъ одежду, обувь и разные припасы рабочіе могли получать по установленной таксѣ изъ пріисковыхъ магазиновъ, какъ и у частныхъ золотопромышленниковъ, въ счетъ заработка.

Больныхъ рабочихъ промысловое управленіе по договорамъ 1862 и 1864 гг. обязывалось лечить въ больницахъ безъ всякаго вычета за содержаніе и лекарство въ теченіе трехъ недѣль, за болѣе же продолжительное время болѣзни они должны были отработать или уплатить стоимость содержанія и леченія.

За дни, въ которые рабочіе по болѣзни не были на работѣ, въ большинствѣ случаевъ производился соотвѣтственный вычетъ изъ жалованья: такъ изъ расчетныхъ книгъ Царево-Маринскаго пріиска 1864, 1869, 1870 и 1872 гг., Коммисаровскаго 1868 и 1869 гг. и Яковлевскаго 1864 г. видно, что вычетъ изъ жалованья по расчету мѣсячнаго оклада производился даже и въ томъ случаѣ, когда рабочій былъ боленъ всего одинъ или два дни. Напротивъ, на Суетинскомъ пріискѣ въ 1863 г. за „больные дни“, если ихъ было въ теченіе мѣсяца не болѣе 21, вычета не дѣлалось и рабочій получалъ полностью мѣсячное жалованье, если же онъ былъ боленъ въ теченіе мѣсяца болѣе 21 дня, то вычетъ изъ жалованья производился только за лишніе, сверхъ 21-го, дни бо-

¹⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр. „Журналы Горн. Сов.“ 1869 г. л. 113—118.

лѣзни. Но если рабочій былъ боленъ весь мѣсяцъ, то онъ ничего не получалъ за него, такъ что прохворавшій, напримѣръ, въ іюлѣ 29 дней получалъ 2 р. 33 коп., а проболѣвшій 31 день, т.-е. всего на 2 дня больше, не получалъ ничего. Опредѣляя число больныхъ дней на основаніи расчетныхъ книгъ¹⁾, мы получили относительно 612 рабочихъ, что число дней болѣзни въ теченіе всей операціи колебалось на каждомъ рабочаго отъ 17 до 29, а въ среднемъ равнялось 23 днямъ; на каждые же 100 дней пребыванія на промыслахъ приходилась 7—12 дней, а въ среднемъ 10 дней, слѣдовательно, 10% времени, проведеннаго на промыслахъ, рабочіе хворали.

Рабочіе обязывались, какъ и на частныхъ промыслахъ, хорошо вести себя, не играть въ карты и орлянку, не грубить, самовольно не отлучаться, а присковое управленіе должно было обходиться съ ними человѣколюбиво, безъ обидъ и притѣсненій.

Кары, которымъ подвергались рабочіе, были денежные штрафы, арестъ и тѣлесное наказаніе.

Въ случаѣ неявки на промысла въ срокъ рабочіе должны были платить за каждый просроченный день по договору 1862 г. по 1 руб., по договорамъ же 1864 и 1867 гг. по 50 коп., въ томъ случаѣ, если не будетъ представлено свидѣтельствъ о болѣзни. За прогульные дни и уклоненіе отъ работъ подъ предлогомъ болѣзни по договору 1862 г. былъ назначенъ вычетъ по 20 коп. По договору 1864 г., если кто не выйдетъ на старательскую работу въ праздники или не исполнитъ сверхурочной работы въ лѣтній рабочій день, то съ такихъ взыскивается приставомъ штрафъ по 1 р. за сажень торфа и по 1 р. 25 к. за сажень песковъ. По договору 1867 г. съ уклоняющихся вообще отъ работъ предоставлялось вычитать по старательской оцѣнкѣ столько, сколько будетъ причитаться на одного человѣка урока за все пропущенное время и за всякую недоработку урока, „подвергаясь кромѣ того взысканію по разбирательствѣ дѣла артельнымъ старостой“.

По договору 1862 г. рабочіе на основаніи 2397 ст. VII т. Св. Зак., (изд. 1842 г.) должны были составлять артели и выбрать въ каждой по два выборныхъ, а управляющій или приставъ назначаетъ артельного старосту, „который по 2396 ст.“ того же тома Св. Зак.²⁾ можетъ наказывать рабочихъ за лѣность и дурное поведеніе, „выборный же долженъ завѣдывать артелями, дѣлая разбирательство, а въ случаѣ поноровки своимъ артелямъ—избранный староста; если же предоставлен-

¹⁾ Суетинскаго промысла 1863 г., Царево-Маринскаго 1864 и 1865 гг., Царево-Николаевскаго 1870 и 1872 гг.

²⁾ По этой статьѣ къ наказанію долженъ былъ приговаривать рабочихъ не староста, а артельная расправа.

ная мѣра не будетъ достигать цѣли или превышаетъ его власть, то долженъ объ ослушникахъ и другихъ поступкахъ, кто ихъ сдѣлаетъ, вести объ этомъ свой журналъ, который долженъ представлять господину управляющему". По договорамъ 1864 и 1867 гг. рабочіе „согласно 2501 ст. VII т. Св., Зак. Устава Горнаго изд. 1857 г., должны были составлять артели, выбирая отъ себя для управленія" ими „старосту, который...¹⁾ за проступки, лѣность и дурное поведеніе можетъ наказывать и штрафовать и производить всѣ разбирательства между рабочими". „Если со стороны старосты замѣчено будетъ попоровка своимъ артельщикамъ, то промышленное управленіе вправе смѣнить его и заставить" рабочихъ „избрать другого". „Артельная расправа могла и оштрафовать рабочаго, и подвергнуть его тѣлесному наказанію.

Заработокъ рабочихъ на кабинетскихъ, какъ и на частныхъ, промыслахъ складывался изъ двухъ частей: жалованья и платы за старательскія работы. Вычисливъ на основаніи названныхъ выше пяти расчетныхъ книгъ 1863 по 1872 гг. средній заработокъ рабочихъ, мы получили, что среднее жалованье въ это время на всѣхъ этихъ промыслахъ (выводъ сдѣланъ на основаніи данныхъ о 612 рабочихъ) равнялось 25 р. 4 к. (махімум жалованья—56 р. 35 к., мінімум—12 к., средняя получка въ видѣ жалованья въ мѣсяцъ 3 р. 20 к.), средній заработокъ на старательскихъ работахъ — 75 р. 97 к. (махімум 202 р., мінімум 30 к., средній мѣсячный заработокъ на стараніи 9 р. 71 к.), *весь* средній заработокъ (т. е. жалованье вмѣстѣ со стараніемъ) — 101 р. 3 к., причемъ жалованье составляетъ въ томъ числѣ 25%, а старанье 75%, (махімум всего заработка 207 р., мінімум 40 к.), *весь* средній мѣсячный заработокъ 12 р. 92 к. Такъ какъ *весь* средній заработокъ составляетъ 101 р. 3 к., а средняя продолжительность операции равна 238 днямъ, то, слѣдовательно, средній дневной заработокъ равняется 42 к.

Заработокъ рабочаго могъ частію идти на покрытіе стараго долга, на путевые расходы, а затѣмъ получался въ видѣ задатка, забора до расчета деньгами и припасами въ видѣ податей (отдѣльно отъ задатка). По вычисленію на основаніи пяти расчетныхъ книгъ трехъ названныхъ промысловъ за 1863 — 1872 г. оказывается, что весьма значительная часть рабочихъ (а именно 25%) нанималась со старымъ долгомъ. Средній долгъ на одного должника равнялся 31 р. 52 к. (махімум долга 137 р.). Если даже раздѣлить сумму долга не на однихъ должниковъ, а на *всѣхъ* рабочихъ, о которыхъ мы извлекли данныя изъ названныхъ расчетныхъ книгъ, т. е. о 612 человекѣхъ (которые составляютъ 60% изъ всѣхъ 1018 рабочихъ, числящихся въ этихъ расчетныхъ книгахъ),

¹⁾ И по 2501 ст. VII т. изд. 1857 г. къ наказанію приговариваетъ не староста, а артельная расправа.

то окажется, что на каждого из этих рабочих пришлось бы по 7 р. 98 к. долгу. Въ среднемъ выводѣ относительно всѣхъ рабочихъ старый долгъ составлялъ 7,9% всего заработка.

Средній задатокъ, какъ мы уже упоминали, равнялся 32 р. 62 к., но такъ какъ задатокъ получили только 80% рабочихъ, то въ среднемъ на всѣхъ рабочихъ задатокъ равнялся 26 р. 27 к. Рабочихъ же, нанявшихся безъ стараго долга и въ то же время не получившихъ задатка, было всего 2%. Задатокъ составлялъ въ среднемъ 26% всего заработка.

Путевыхъ расходовъ въ среднемъ на одного, получившаго деньги (въ счетъ заработка) на эти расходы, было 10 р. 22 к. (minimum 41 к., maximum 37 р. 83 к.), но такъ какъ путевые расходы были лишь у 77% всѣхъ рабочихъ, то въ среднемъ при раздѣленіи на всѣхъ рабочихъ на каждого придется 7 р. 91 к. путевыхъ расходовъ. Путевые расходы поглощали въ среднемъ 7,8% всего заработка.

Средній заборъ деньгами въ счетъ заработка до расчета на одного, бравшаго деньги на промыслахъ, равняется 22 р. 77 к., но такъ какъ получившихъ деньги на промыслахъ до расчета было всего 3%, то при дѣленіи на всѣхъ рабочихъ въ среднемъ выводѣ это составляетъ 71 к. на каждого. Этотъ заборъ деньгами составляетъ всего только 0,7% всего заработка.

Уплачено въ подати въ среднемъ на одного изъ тѣхъ, за кого была произведена такая уплата 8 р. 63 к. (maximum 47 р. 22 к.); такъ какъ уплачены были подати лишь за треть рабочихъ (34%), то при дѣленіи на всѣхъ рабочихъ окажется, что за каждого въ среднемъ было уплачено 2 р. 96 к. Уплата податей составляетъ 2,9% всего заработка.

Самая большая часть заработка, а именно въ среднемъ 40% его, поглощалась заборомъ припасовъ на промыслахъ. Брали припасы почти всѣ рабочіе (99,3%); средній заборъ на одного, бравшаго припасы, равнялся 41 р. 7 к. (наибольшій—135 р.), при расчетѣ же на всѣхъ рабочихъ придется на каждого 40 р. 80 к.

При окончательномъ расчетѣ получившіе деньги на руки (додачу) составляли 61,3% всѣхъ рабочихъ, должниковъ было 37,7%, не получившихъ и недожныхъ 1%.

Средній размѣръ додачи на одного, получившаго ее, равнялся 45 р. 92 к. (maximum — 141 р.), въ среднемъ же на всѣхъ рабочихъ додача составляла 26 р. 50 к.¹⁾ Въ среднемъ выводѣ додача составляетъ 14,2% всего заработка.

¹⁾ Изъ пяти расчетныхъ книгъ по расчету относительно рабочихъ Царево-Николаевского пріиска 1872 г. получается въ среднемъ выводѣ, что общая сумма забора не покрываетъ заработка, и, слѣдовательно, рабочіе остаются въ долгу. Это объясняется излишкомъ большимъ заборомъ вещей и припасовъ (76% всего заработка).

Изъ всѣхъ, кому приходилась додача, получили менѣе 1 р.—6,6% всѣхъ 612 рабочихъ, отъ 1 до 10 р.—8,8%, отъ 10 до 50 р.—46,7%, болѣе 50 руб.—38,9%.

Средній размѣръ долга на одного должника—32 р. 33 к. (maximum 137 р.), при расчетѣ же на всѣхъ рабочихъ это составило бы въ среднемъ долгъ въ 12 р. 20 к. на каждого. Остались должными менѣе 1 р.—0,9% должниковъ, отъ 1 до 10 р.—14,7%, отъ 10 до 50 р.—66,2%, болѣе 50 р.—18,2%. Изъ этого видно, какъ велика была задолженность рабочихъ на кабинетскихъ промыслахъ.

Въ договорѣ рабочихъ съ промысловымъ управленіемъ 1862 г. относительно отработки долга сказано, что должники не имѣютъ права требовать расчета наравнѣ съ другими и обязываются оставаться на промыслахъ до отработки долговъ, а приставъ обязанъ испросить для нихъ новые увольнительные листы. Въ договорахъ 1864 и 1867 гг. къ этому прибавлено: „Впрочемъ, если г. приставъ найдетъ нужнымъ разсчитать насъ, несмотря на остающіяся за нами деньги, то можетъ это сдѣлать и выдать намъ при этомъ видъ, съ отпѣткою на нихъ, сколько за нами состоитъ долгу и къ какому сроку мы должны явиться на промыселъ для заработка причитающихся на насъ денегъ, и объ этомъ увѣдомить мѣста нашего причисленія“. Это послѣднее правило, о надписяхъ на паспортахъ должниковъ, какъ видно изъ донесенія управляющаго кабинетскими золотыми промыслами въ 1865 г., дѣйствительно исполнялось ¹⁾.

Значительную часть долговъ рабочіе отработывали на промыслахъ, но все-таки постепенно въ 1865 г. за рабочими накопилось долгу 30,589 руб. Въ іюнѣ 1865 г. Алтайское горное правленіе предписало управляющему и приставамъ казенныхъ золотыхъ промысловъ, „что такъ какъ несоразмѣрное одолженіе рабочихъ въ долгъ деньгами производится приставами не только въ противность надлежащихъ узаконеній и неоднократныхъ распоряженій горнаго правленія и вообще съ отступленіемъ установленныхъ на то въ законѣ правилъ и даже безъ всякихъ обезпеченій, то горное правленіе, хотя и принимаетъ въ настоящее время на себя обязанность о взысканіи означенныхъ долговъ..., но не можетъ однакожъ ручаться въ полномъ взысканіи ихъ, и потому, въ случаѣ потраты этихъ долговъ..., правленіе вынуждено будетъ возмѣстить ихъ съ виновныхъ, допустившихъ такое непомѣрное одолженіе рабочихъ.. Что же касается до долговъ, могущихъ образоваться на рабочихъ на будущее время... то горное правленіе предоставляетъ уже самому промысловому управленію о взысканіи этихъ долговъ..., а потому вся отвѣтственность въ исправномъ возмѣщеніи... таковыхъ значительныхъ одолженій на одно

¹⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр., по описи № 32, дѣло № 6582—5, л. 178.

лицо, и при томъ безъ всякаго обезпеченія, должна уже упасть единственно на управляющаго промыслами или на господъ приставовъ“.

Это предписаніе заставило управляющаго промыслами описать весь порядокъ найма и доказывать, что отвѣтственность за непокрытіе долговъ рабочими не можетъ быть отнесена на приставовъ и управляющаго ¹⁾).

Мы видѣли, что кабинетская золотопромышленность на Алтаѣ все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, количество добываемаго золота все уменьшалось и дошло въ 1872 г. до 13 пудовъ. 4 апрѣля 1873 г. состоялось распоряженіе кабинета о прекращеніи въ Алтайскомъ округѣ добычи золота на средства заводовъ: добычу золота на отдаленныхъ промыслахъ по рѣкамъ Мрасѣ и Кондомѣ и другимъ предписано было прекратить и поисковыхъ партій въ эти мѣстности не посылать, а на Егорьевскомъ и другихъ ближнихъ промыслахъ продолжать добычу золота только посредствомъ старателей-золотничниковъ въ видѣ временной мѣры по правиламъ, утвержденнымъ кабинетомъ ²⁾).

Въ 1862 г. была дозволена частная золотопромышленность въ той части Алтайскаго округа, которая лежитъ по правую сторону рѣки Томи въ границахъ, точно опредѣленныхъ ³⁾). Въ 1873 г. вмѣстѣ съ прекращеніемъ золотопромышленности въ Алтайскомъ округѣ на средства заводовъ была увеличена территорія, открытая въ немъ для частной золотопромышленности ⁴⁾).

¹⁾ Ibid., л. 177—182, 276—283, 412—423.

²⁾ Арх. Главн. Управ. Алт. горн. окр., дѣло № 3,109—39, л. 102, 147. О старателяхъ-золотничникахъ на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ см. во II т. нашего труда.

³⁾ Ц. С. З. т. XXXVII, № 38055.

⁴⁾ Арх. Главн. Упр. Алт. горн. окр., дѣло № 6109—39, л. 102, 147—152.

ГЛАВА XI.

Выработка правил о наймѣ рабочихъ 1870 г.

Записки золотопромышленниковъ, присланныя въ министерство финансовъ.—Предложенія администраціи Западной и Восточной Сибири.—Труды комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ.—Узаконенія о приисковыхъ рабочихъ, изданныя въ 60-хъ годахъ.—Вопросъ о трудѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.—Проектъ контракта для найма рабочихъ 1866 г.—Пересмотръ проекта правилъ о наймѣ рабочихъ.

Несмотря на разныя облегченія, предоставленныя частной золотопромышленности съ 1854 г. ¹⁾, добыча золота въ Сибири во второй половинѣ 50-хъ годовъ не усиливалась, сравнительно со второю половиною 40-хъ годовъ. Въ виду этого Министръ Финансовъ въ декабрѣ 1860 г. пригласилъ, посредствомъ публикацій, напечатанныхъ въ газетахъ, всѣхъ лицъ, знакомыхъ съ золотымъ промысломъ, сообщить письменно свои замѣчанія о причинахъ его медленнаго развитія, а также свои соображенія о томъ, какія мѣры могли бы быть приняты правительствомъ для его поощренія. Вслѣдствіе этого многія изъ частныхъ лицъ, преимущественно занимающіяся золотопромышленностью, доставили въ Министерство Финансовъ свои замѣчанія и предположенія, другія же помѣстили въ разныхъ временныхъ изданіяхъ статьи по этому предмету.

Всего въ министерство финансовъ было доставлено около 30 записокъ, но не всѣ онѣ касаются частной золотопромышленности въ Сибири; этой послѣдней посвящены записки: Пермикина, В. Д. Скарятинъ (извѣстнаго впоследствии редактора газеты „Вѣсть“ и автора книги „Замѣтки золотопромышленника“), извѣстнаго декабриста Д. И. Завалишина (прислана изъ Читы), записка, подписанная 8 лицами ²⁾, записки: Асташева,

¹⁾ См. *Раселли*, 98—105.

²⁾ Тайн. сов. Ив. Яковсоновъ, извѣстнымъ уже намъ по своему протесту въ 1839 г. противъ распоряженій ген. губ. Вост. Сибири Руперта, поруч. Дм. Бенардаки,

С. Шелковникова, А. Шепетковского (изъ Красноярска), Ив. Персина (изъ Иркутска), уполномоченныхъ К^о Зотовыхъ (Двинянинова и Эрна), Г. Чернышева (изъ Минусинска), золотопромышленника А. Розщектаева, Н. В. Латкина, издаваемаго нѣсколько позднѣе книгу „Очеркъ сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго Округа“ (1869 г.), барнаульскаго мѣщанина А. Федченко, С. Ф. Соловьева и нѣсколькихъ неизвѣстныхъ лицъ. Кромѣ того золотопромышленники сѣверной системы Енисейскаго Округа, „находящіеся на лицо въ городѣ“ (Енисейскѣ?) „и уполномоченные отъ отсутствующихъ“ сообщили свое постановленіе, состоявшееся 17 марта 1861 г., по поводу вызова министра финансовъ ¹⁾. Кромѣ того 16 и 23 мая 1861 г. были собранія золотопромышленниковъ въ Иркутскѣ; замѣчанія и мысли, высказанныя здѣсь, были сгруппированы въ газетѣ „Амуръ“ (1861 г., № 45). Всѣ эти записки и постановленія были отправлены въ министерство финансовъ, начиная съ декабря 1860 г. до осени 1861 г. Позднѣе былъ присланъ „проектъ о частной золотопромышленности вообще“, составленный канскимъ 3-ей гильдіи купцомъ Пестуновымъ въ 1863 г. ²⁾.

На основаніи присланныхъ въ министерство записокъ былъ составленъ и напечатанъ въ 1862 г. „Сводъ замѣчаній, представленныхъ частными лицами на нѣкоторыя статьи устава о частной золотопромышленности и предположеній ихъ по предмету развитія сего промысла въ Россіи“ ³⁾. Сводъ этотъ впрочемъ недостаточно полонъ ⁴⁾, и это заставляетъ насъ, принимая его въ свѣдѣнію, какъ officialный выводъ изъ заявленій частныхъ лицъ, преимущественно золотопромышленниковъ,

ст. сов. Ив. Базилевскимъ, купцомъ 1-ой гильдіи И. Иконниковымъ, И. и А. Мясниковыми и двумя Нениковыми.

¹⁾ Постановленіе это подписано 14 лицами, въ томъ числѣ: уполномоченными: К^о Зотовыхъ—Эрномъ, К^о Рязановыхъ—Триполитовымъ, уполномоченнымъ Базилевскаго, главноуправляющимъ К^о Красильникова П. Шумахеромъ и другими.

²⁾ Эти записки и постановленія см. въ Арх. Горн. Деп., дѣло отдѣленія части. зол. промысловъ № 68—650, ч. II и III.

³⁾ „Труды комиссіи, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ, т. VIII. О государственномъ доходѣ съ золотыхъ промысловъ“. Ч. I. Сиб. 1863 г.

⁴⁾ При составленіи этого свода имѣлись въ виду и нѣкоторыя газетныя статьи о золотопромышленности,—въ отдѣлѣ о рабочихъ, впрочемъ, только одна статья Пищикова („Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31), быть можетъ потому, что она, какъ показываетъ ея заглавіе, была прямо вызвана объявленіемъ министра финансовъ. Составитель „Свода“ не воспользовался ни замѣчательною статьею В—на (Вагина) „Договоры найма на золотыя прииски“, напечатанною въ газетѣ „Амуръ“ (1860 г. №№ 30—32, 34), ни важною работою Кривошапкина „Взглядъ на состояніе золотопромышленности въ Енисейскомъ Округѣ“ (въ журналѣ „Промышленность“ 1861 г. кн. 2 и 3), ни нѣсколькими статьями въ газетѣ „Амуръ“. Постановленія, принятія на собраніи золотопромышленниковъ 16 и 23 мая 1861 г., перепечатаны въ концѣ „Свода“.

обратиться къ подлиннымъ ихъ заявленіямъ, хранящимся въ Архивѣ Горнаго Департамента.

Въ печатномъ „Сводѣ замѣчаній“ въ особомъ отдѣлѣ приведены мнѣнія о „порядкѣ найма рабочихъ на золотые промыслы“. Отдѣлъ этотъ раздѣленъ на слѣдующіе параграфы: 1) порядокъ найма ссыльно-поселенцевъ и другихъ рабочихъ податного состоянія; 2) объ установленіи правилъ относительно поимки бѣглыхъ и взысканія числящихся на рабочихъ долговъ и 3) о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Въ этомъ порядкѣ мы и будемъ излагать замѣчанія частныхъ лицъ, отмѣчая, разумеется, лишь тѣ, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для нашей цѣли.

Говоря о порядкѣ найма рабочихъ, всего болѣе вниманіи составители записокъ посвятили паспортной системѣ и вопросу о задаткахъ. При составленіи устава о частной золотопромышленности 1838 г. было принято за общее правило, что срокъ найма не долженъ простирается долѣе года. Безъ сомнѣнія, правительство, устанавливая годовой срокъ найма, желало предупредить закабаленіе рабочихъ золотопромышленниками, что вызывало неудовольствіе этихъ послѣднихъ. Въ своей обширной запискѣ золотопромышленникъ С. Ф. Соловьевъ, настаивая на выдачѣ рабочимъ двухгодичныхъ паспортовъ, предлагаетъ однако сохранить постановленіе о годовомъ срокѣ договоровъ, но съ тѣмъ, чтобы они могли возобновляться по желанію обѣихъ сторонъ и чтобы для этого было достаточно засвидѣтельствованной подписи нанимающагося, что онъ остается еще на годъ. Очевидно, что порядокъ, предлагаемый Соловьевымъ, облегчилъ бы болѣе продолжительное задерживаніе рабочихъ, оставшихся въ долгу предпринимателю, и тогда годичный срокъ найма обыкновенно не соблюдался бы.

Мы видѣли выше, что золотопромышленники неоднократно заявляли о неудобствѣ для нихъ постановленія, ограничивающаго размѣръ задатка ссыльно-поселенцевъ, и о неудобности исполнимости этого правила; это не разъ признавала и администрація. Особенно огорчало золотопромышленниковъ то, что излишекъ задатка, сверхъ установленнаго закономъ размѣра, не подлежалъ взысканію, если его не отработывалъ нанявшійся. По поводу этого правила золотопромышленникъ, отставной полковникъ Шепетковскій (изъ Красноярска) писалъ: „Наемъ рабочихъ на пріиски производится съ октября мѣсяца, а отправка ихъ начинается съ января, слѣдовательно, три-четыре мѣсяца нанятые рабочіе остаются въ мѣстахъ жительства,—и какъ въ зимнюю пору здѣсь почти нѣтъ по деревнямъ работъ, то они проживаютъ безъ всякихъ занятій на квартирахъ. Исключивъ изъ назначенныхъ закономъ 7 р. 50 коп. задаточныхъ денегъ около 2 руб. въ подати (не говоря о ссыльно-поселенцахъ, обложенныхъ крестьянскими податями), остается 5 р. 50 коп. на прокормленіе въ те-

ченіе 4-хъ мѣсяцевъ; между тѣмъ въ деревняхъ самая меньшая плата за содержаніе человѣка въ сутки 15 коп., что составляетъ въ 4 мѣсяца 18 р. сер. Сверхъ того, отправляя рабочаго зимою на пріискъ, золотопромышленникъ обязанъ одѣть и обуть его въ счетъ будущей платы, иначе дорогою онъ замерзнетъ. Изъ всего этого ясно видно, что существующій законъ не выполнимъ". Поэтому Шепетковскій предлагалъ предоставить хозяевамъ и рабочимъ полную свободу относительно выдачи задатковъ и вообще платы за работу съ тѣмъ, чтобы не отработавшій забранныя деньги обязанъ былъ или отработать долгъ на слѣдующій годъ, или уплатить его деньгами, въ противномъ случаѣ не могъ бы получить паспорта для поступленія къ другому предпринимателю. Соловьевъ въ своей запискѣ также подробно говоритъ о неисполнимости правила относительно задатковъ ссыльнопоселенцевъ, въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ Сибири, и требуетъ его отмены. На то же указывали и другіе золотопромышленники, напримѣръ, Якобсонъ, Базилевскій, Бенардаки и проч. въ своей общей запискѣ, С. Шелковниковъ въ своей статьѣ ¹⁾). Кривошапкинъ предлагалъ уничтожить ограниченіе размѣра задатка ссыльно-поселенцевъ, такъ какъ для обхода этого правила имъ поневолѣ приходится брать вещи вмѣсто денегъ, не рядясь въ цѣнѣ, и разрѣшить выдачу задатковъ, по крайней мѣрѣ, до 25 руб. ²⁾). Купецъ Пестуновъ также предлагалъ опредѣлить максимумъ задатковъ въ 25 или 30 руб. Напротивъ, Пищиковъ высказался въ печати противъ дозволенія давать рабочимъ при наймѣ значительныя суммы ³⁾).

Золотопромышленники жаловались на дороговизну и недостатокъ рабочихъ рукъ. На собраніяхъ въ Иркутскѣ 1861 г. было высказано, что дороговизна рабочихъ началась особенно „въ послѣднее время, когда всѣ свободныя руки устремились на Амуръ“. По словамъ одного золотопромышленника, недостатокъ рабочихъ объясняется малочисленностью и разбросанностью населенія Сибири, которое, и не нанимаясь на пріиски, живетъ безъ нужды, особенно съ того времени, когда золотопромышленность вызвала продажу и перевозку различныхъ припасовъ; что же касается поселенцевъ, то они предпочитаютъ болѣе легкія работы. Мы видѣли однако, что все-таки множество поселенцевъ навивалось на пріиски, и потому возможно болѣе удобное утилизированіе ихъ рабочей силы входило въ расчеты золотопромышленниковъ. И дѣйствительно, ихъ

¹⁾ „Амуръ“, 1861 г., № 51.

²⁾ „Промышленность“, 1861 г. т. II, кн. 2 и 3, стр. 173—174.

³⁾ „Къ чему рабочіе берутъ эти большіе задатки?“ спрашиваетъ онъ: „собственно для того, чтобы пропить; значить, золотопромышленники хлопочутъ объ увеличеніи въ Сибири пьянства..., потому что большая часть ихъ — питейные откупщики или участвующие въ откупахъ“. „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31.

собрание въ маѣ 1861 г. нашло весьма желательнымъ, чтобы, „согласно прежнему порядку“, ссыльно-поселенцевъ „приселяли“ въ округа, смежные съ золотыми приисками. Въ виду того, что такіе „опороченные“ люди „должны бы для пользы общества быть, какъ можно болѣе, на виду“ и находиться по возможности подъ надзоромъ и присмотромъ, а не пользоваться немедленно по прибытіи въ Сибирь полною свободою. какъ теперь, одинъ золотопромышленникъ предлагалъ, чтобы всѣ, вновь прибывающіе ссыльные, приписывались къ волостямъ, ближайшимъ къ золотопромышленнымъ округамъ, и имъ вмѣнялось бы „въ *непремѣнную обязанность*“ ¹⁾ или немедленно обзаводиться домомъ и хозяйствомъ, или, если они не имѣютъ для этого возможности, послѣ прииски къ волости, наниматься у перваго же приказчика, прибывшаго для найма людей на прииски, и притомъ „не меньше, какъ на три года или три лѣта“ ²⁾. Можно даже, по мнѣнію автора записки, опредѣлить размѣръ рабочей платы „такъ, чтобы она была не отяготительна для золотопромышленниковъ и между тѣмъ достаточна и для рабочихъ“ ³⁾. „Однако слѣдующимъ имъ деньги“, продолжаетъ авторъ, „за исключеніемъ проходныхъ на прииски и обратно, какъ заработанныя, такъ и задаточныя, лучше оставлять на храненіи въ волостномъ правленіи“, на руки же рабочимъ выдавать лишь по истеченіи срока найма и по возвращеніи въ волость съ одобрительными на ихъ выдахъ подписями, слѣданными золотопромышленниками или управляющими приисками. Если же такого одобренія не будетъ, то на деньги, причитающіяся рабочему по условію, волостное правленіе, по полученіи ихъ, обязано купить, что будетъ нужно „такому неблагонадежному члену общества“ ⁴⁾.

Другіе золотопромышленники считали желательною выписку рабочихъ изъ Европейской Россіи, по мнѣнію собравшихся въ маѣ 1861 г.— преимущественно изъ Финляндіи ⁵⁾. Нѣкоторые мечтали и о содѣйствіи правительства въ этомъ отношеніи; такъ золотопромышленникъ Персинъ въ своей запискѣ говоритъ: „Новый и значительный приливъ народа въ Восточную Сибирь болѣе нежели необходимъ при будущемъ вѣроятномъ развитіи золотого промысла, которое безъ этой мѣры невозможно. Безъ

¹⁾ На поляхъ этой записки написано карандашомъ: „Хлопоча о свободѣ капитала, авторъ не хочетъ знать *свободы труда*. Не ошибается ли онъ въ своихъ предположеніяхъ?“

²⁾ На поляхъ написано карандашомъ: „т.-е. поступить въ кабалу“.

³⁾ На поляхъ: „вотъ тебѣ и свобода дѣйствій!“

⁴⁾ Противъ всего этого мѣста на поляхъ написано: „нелѣпо“.

⁵⁾ Другіе въ этомъ собраніи желали выписать на прииски китайцевъ. С. Шелковниковъ въ своей статьѣ („Амуръ“ 1861 г., № 54) предлагалъ дозволить нанимать работниковъ на прииски не только въ Японіи и Китаѣ, но даже на островахъ Тихаго океана.

сомнѣнія“, продолжаетъ онъ, „иниціатива добровольнаго вызова рабочей силы изъ Россіи должна идти отъ казны съ подробнымъ и яснымъ изложеніемъ всѣхъ выгодъ и льготъ даже для временнаго переселенія, т.-е. на извѣстное число лѣтъ. Малоземельныхъ мѣстъ и, слѣдовательно, мѣстъ бѣдныхъ въ Россіи весьма много. Уничтоженіе крѣпостнаго права даетъ неисчерпаемый рудникъ для приобрѣтенія рабочихъ силъ; безсрочноотпускные солдаты, бесполезные для земледѣлія, составятъ также немаловажное число рукъ, — слѣдовательно надъ этимъ задумываться нечего, тѣмъ болѣе, что золотопромышленники охотно помогутъ правительству въ передвиженіи людей, необходимыхъ имъ во всякомъ случаѣ, а при взаимной и вѣрной пользѣ казны, рабочихъ и золотопромышленниковъ въ успѣхѣ этой мѣры сомнѣнія быть не должно“.

Нѣкоторые золотопромышленники шли далѣе временнаго вызова рабочихъ изъ Европейской Россіи, — именно указывали на необходимость колонизаціи Сибири въ видахъ развитія золотопромышленности, при чемъ одни предоставляли это усиліямъ частныхъ лицъ, другіе же взывали къ содѣйствію казны. Къ числу первыхъ принадлежитъ С. Шелковниковъ, который въ своей запискѣ говоритъ: „не мѣшало бы разрѣшить золотопромышленникамъ производить колонизацію изъ многолюдныхъ губерній въ тѣ присковья мѣстности, которыя соотвѣтствуютъ удобствамъ переселенія“. Къ числу вторыхъ относится неизвѣстный золотопромышленникъ, который въ своей запискѣ (№ 23) говоритъ: „желательно, чтобы изъ Россіи приходило большее число работниковъ, и въ особенности теперь, при освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости... Но великороссійскаго крестьянина останавливаютъ дальность пути и дороговизна перехода. Правда люди, бывавые въ Сибири, находятъ возможность совершать этотъ пятитысячный переходъ за 25 руб. сер. съ чело-вѣка, если они отправляются артелью и въ удобное для сообщенія время; но все же это не легко сдѣлать для крестьянина“. Соинтуя облегчить имъ этотъ переходъ, авторъ замѣчаетъ, что „золотопромышленность не можетъ быть вполне обезпечена такими временными приходами людей изъ Россіи“, да и самимъ рабочимъ „неудобно, оставляя семью, ходить на работу въ такой отдаленный край“; поэтому онъ желаетъ совершеннаго переселенія ихъ въ Сибирь, въ особенности изъ губерній малоземельныхъ и бѣдныхъ, „что было бы въ видахъ самого правительства“. Этимъ переселеніемъ, по мнѣнію автора, одновременно „достигались бы двѣ цѣли... и развитіе въ Сибири золотопромышленности, и устройство быта крестьянъ“¹⁾.

¹⁾ Для увеличенія количества рабочихъ Шелковниковъ предложилъ также отмѣнить различныя ограниченія, установленныя закономъ, относительно найма великороссійскихъ крестьянъ, такъ какъ эти ограниченія только усложняютъ переписку, не

Между тѣмъ, какъ золотопромышленники все плакались на недостатокъ рабочихъ и требовали содѣйствія имъ въ этомъ отношеніи со стороны правительства, въ печати мы встрѣчаемъ разъясненія, почему нѣкоторые владѣльцы золотыхъ промысловъ не находили достаточнаго количества рабочихъ рукъ. „Многіе золотопромышленники жалуются на недостатокъ въ Сибири людей и на трудность наемки рабочихъ на промыслы“, говоритъ въ своей статьѣ Пищиковъ, „предполагаютъ испрашивать позволенія производить наемку изъ Европейской Россіи (какъ будто это запрещено), или изъ Китая“. Взглянувъ на цифру народонаселенія Восточной и Западной Сибири (безъ Якутской и Амурской областей), надо удивляться, какъ изъ 2¹/₂ милліоновъ жителей и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, пришедшихъ для работъ изъ Россіи, не наберется какихъ нибудь тридцати тысячъ рабочихъ. Когда же взглядишься хорошенько, то увидишь, что дѣйствительно нѣтъ людей, и отчего? Оттого, что изъ каждой тысячи наличныхъ работниковъ, которые ходили или могли бы ходить на прииски, не набираешь и 300,—остальныхъ набирать нельзя: каждый изъ нихъ долженъ нѣсколькимъ золотопромышленникамъ отъ 50 до 200 руб. сер., а многіе изъ этихъ еще трехсотъ человѣкъ, бывавъ однажды на приискахъ и проработавъ безвыходно три или четыре года за взятый ими задатокъ отъ 15 до 20 руб., потому что не знаютъ приискаго порядка, въ каждомъ году къ расчету оставались должны; ежели же имъ удавалось выйти изъ этого долга (отказывая себѣ на приискахъ во всемъ необходимомъ), то они не возьмутъ въ задатокъ ста рублей, не пойдутъ и безъ задатка, въ особенности на извѣстные знаменитые прииски, на коихъ можно отдѣлаться отъ долга только двумя способами — побѣгомъ или смертью, — къ этимъ-то знаменитостямъ и наемка бываетъ трудна“. У добрыхъ же и разсудительныхъ хозяевъ „наемка бываетъ легка и безъ большихъ задатковъ; они не жалуются на недостатокъ въ Сибири людей“¹⁾).

Въ запискѣ, подписанной Якобсономъ, Бенардаки, Ив. Базилевскимъ и др., находимъ предложеніе отиѣнить сборъ съ рабочихъ ссыльно-поселенцевъ, явившихся на приискъ, по 1 р. 50 коп. въ экономическій капиталъ ссыльныхъ и по 1 р. для устройства осыдлости ссыльно-поселенцевъ. „Собранныя уже такимъ образомъ деньги“, по словамъ составителей записки, „остаются безъ всякой пользы для ссыльно-поселенцевъ, между тѣмъ каждый золотопромышленникъ, хотя и не вычитаетъ эти 2 р. 50 коп. изъ жалованья ссыльно-поселенца“ (это было запрещено

принося „истинной“ пользы. Шелковниковъ находилъ необходимымъ дозволить золотопромышленникамъ свободно нанимать рабочихъ повсемѣстно въ Европейской Россіи.

¹⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г., № 50.

закономъ), „но разсчитываетъ ихъ, при наймѣ рабочаго, который, такимъ образомъ, лишается ихъ, безъ всякой для него пользы...“ Золотопромышленники желали избавиться отъ сбора, съ нихъ взимававшегося въ казну, но въ дѣйствительности они сплошь и рядомъ вычитали его изъ задатка нанимаемыхъ рабочихъ. Шелковниковъ, повидимому, хотѣлъ избавиться отъ взысканія этихъ денегъ за рабочихъ; правда, не упоминая прямо объ отмѣнѣ указаннаго сбора, онъ говоритъ: „Для лучшаго устройства быта ссыльно-поселенцевъ, преимущественно составляющихъ классъ рабочихъ на приискахъ Сибири, и для обезпеченія ихъ будущности необходимо образовать особый сборъ изъ заработной платы по 10% съ рубля. Сборъ этотъ, нисколько не отягощая рабочихъ, могъ бы составить въ обществахъ ихъ вспомогательный капиталъ, который послужилъ бы предохраненіемъ отъ нищенства одряхлѣвшихъ и увѣченныхъ и большимъ пособіемъ для тѣхъ, которые думали бы упрочить свою осѣдлую жизнь“. Взиманіе этого сбора съ рабочихъ онъ предлагаетъ возложить на золотопромышленниковъ, а распоряженіе капиталомъ подъ контролемъ мѣстной власти ввѣрить самому (поселенческому) обществу, которое лучше знаетъ потребности свои вообще и нужду каждаго изъ своихъ членовъ въ отдѣльности“.

Многіе золотопромышленники ходатайствовали о продленіи установленнаго закономъ срока окончанія лѣтныхъ работъ, о чемъ уже не разъ они хлопотали безуспѣшно. Въ „Сводѣ замѣчаній“ ихъ положенія сформулированы такимъ образомъ: разрѣшить нанимателямъ „заключать условія съ рабочими (изъ ссыльнопоселенцевъ и изъ другихъ сословій)“ не по 10 сентября, какъ это предписано въ Горномъ Уставѣ, а по личному соображенію золотопромышленника, безъ чего нѣтъ возможности удержать рабочихъ никакими выгодными предложеніями. Мѣра эта полезна была бы въ томъ отношеніи, что по окончаніи промывки золота можно еще, и даже необходимо, производить приуготовительныя для слѣдующей операніи работы, какъ, напримѣръ, по вскрытіи турфовъ и тому подобное, дабы съ наступленіемъ весны избавить рабочихъ отъ этихъ чрезвычайно утомительныхъ занятій, которыя осенью менѣе тягостны для нихъ, вслѣдствіе сдѣланной ими привычки къ труду въ теченіе лѣта“ (?). Что же касается возвращенія людей съ промысловъ позднею осенью, то, вопреки справедливымъ показаніямъ администраціи объ опасности такого путешествія рабочихъ, золотопромышленники старались увѣрить, что „въ этомъ отношеніи настоящее положеніе края, имѣющаго уже удобныя дороги и станціи съ теплымъ помѣщеніемъ, не представляетъ никакихъ затрудненій“. Золотопромышленники, собравшіеся въ маѣ 1861 г., высказались за то, чтобы назначеніе срока найма было предоставлено соглашенію обѣихъ сторонъ, и полагали, что работы мо-

гутъ быть продолжены до 1 октября и даже болѣе „по ближайшему усмотрѣнію хозяевъ“¹⁾).

Золотопромышленникъ Соловьевъ указалъ на то, что по 2484 ст. Горнаго Устава, если на промыслахъ не устроено зимнихъ промысловъ, промышленникъ не можетъ заставить рабочихъ трудиться позже 10 сентября и долженъ увольнять ихъ, если нѣтъ другихъ занятій на пріискахъ. „Изъ статьи этой ясно“, говоритъ Соловьевъ, что лѣтная промывка золота должна быть закончена 10 сентября, и золотопромышленникъ можетъ 11 сентября уволить часть рабочихъ, „а другую часть имѣетъ право оставить для необходимыхъ занятій на пріискахъ“, а между тѣмъ въ дѣйствительности 10 сентября „всѣ рабочіе, какіе есть на пріискахъ, настоятельно требуютъ себѣ разсчета и увольненія, и не только никто изъ нихъ не хочетъ оставаться“ ни для какихъ работъ, но весьма трудно кого-либо изъ нихъ оставить для охраненія пріисковаго имущества²⁾. Однако далѣе авторъ записки самъ признаетъ, что находятся желающіе остаться, но только имъ нужно платить болѣе жалованья и давать одиночныя старательскія работы. Соловьевъ предлагалъ: 1) назначить срокъ окончанія лѣтней промывки золота 13—17 сентября въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири; 2) яснѣе указать, что затѣмъ золотопромышленникъ имѣетъ право часть рабочихъ, на основаніи контракта, оставить для осеннихъ и зимнихъ работъ, но не долѣе, какъ до 1 Января слѣдующаго года, и 3) постановить, что рабочіе, оставшіеся на пріискѣ съ предшествовавшей осени или зашедшія туда въ зимнее время (ранѣе 15 марта), не могутъ быть оставляемы на осеннія и зимнія работы безъ ихъ согласія, а рабочіе, явившіеся на пріиски послѣ 15 марта и особенно съ мая мѣсяца, ни подъ какимъ видомъ не могутъ, по окончаніи лѣтней промывки, требовать увольненія и разсчета, и, если промышленникъ пожелаетъ, должны оставаться на осеннія и зимнія работы, но не позже 1 января. При этомъ онъ совершенно не принимаетъ во вниманіе, какъ неудобенъ выходъ рабочихъ съ промысловъ зимою, при крайней суровости сибирскаго климата. В. Латкинъ справедливо говоритъ, что допустить продленіе работъ на пріискахъ до 1 или 10 октября нельзя, что поздній выходъ рабочихъ опасенъ. „Въ первые годы золотопромы-

¹⁾ Необходимость отмѣнить установленный срокъ окончанія промывки золота старался доказать также Скарятинъ въ своей книгѣ „Замѣтки золотопромышленника“, при чемъ, чтобы сдѣлать безопаснымъ выходъ рабочихъ въ болѣе позднее время, онъ предлагалъ высылать ихъ артелями, въ сопровожденіи выучныхъ лошадей, съ припасами и еще запасными лошадьми, которыя могли бы довести до мѣста заболѣвшихъ или изнурившихся въ пути рабочихъ (ч. II, 208—210).

²⁾ Мы видѣли однако, что въ началѣ 50-хъ годовъ на промыслахъ въ Енисейской губерніи для зимнихъ работъ оставалось 15—21% рабочихъ, нававшихся на лѣтнюю операцію.

шленности“, по его словамъ, „бывали такіе случаи, что сотни рабочихъ“ не находили дороги при выходѣ съ промысловъ и погибали съ голоду ¹⁾).

Сильно озабочивали золотопромышленниковъ неявка рабочихъ на прииски и побѣги съ промысловъ. Въ большинствѣ записокъ золотопромышленниковъ предлагалась та или другая мѣра по этому вопросу, и въ официальномъ „Сводѣ замѣчаній“ эти предложенія сгруппированы такимъ образомъ: 1) Не выдавать неявившимся на приискъ или бѣжавшимъ съ него рабочимъ билетовъ ни имъ самимъ, ни другимъ нанимателямъ, а высылать ихъ къ прежнему на нимателю, у котораго они состоятъ въ долгу. 2) Согласно съ этимъ всякій рабочій не можетъ получить новаго вида, не представивъ стараго. 3) Получившіе свои паспорта отъ прежнихъ хозяевъ могутъ безпрепятственно наниматься у другихъ золотопромышленниковъ на томъ основаніи, что паспорта возвращаются рабочимъ не прежде, какъ по окончательномъ съ ними расчетѣ. 4) Волостныя правленія и другія мѣста и лица, отъ которыхъ зависитъ выдача видовъ, должны заботиться о точномъ и буквальномъ выполненіи всѣхъ условій найма. За выдачу бѣжавшимъ (о которыхъ волостныя правленія получаютъ извѣщеніе отъ промысловыхъ конторъ или отъ самихъ золотопромышленниковъ) новыхъ видовъ для найма къ другимъ промышленникамъ, виновные должны быть подвергнуты такому же наказанію, какъ за фальшиво выданный видъ, и сверхъ того взысканію въ пользу золотопромышленника всѣхъ должныхъ ему бѣжавшими денегъ. 5) Объяснять въ паспортахъ, состоятъ ли рабочіе на очереди для выполненія какихъ-либо общественныхъ повинностей для того, чтобы золотопромышленники были увѣрены, что рабочіе, ранѣе извѣстнаго срока, не будутъ вытребованы съ промысловъ. 6) Ввести на каждомъ приискѣ списки хворымъ и слабымъ рабочимъ и такихъ впредь на промысла не принимать.

Вообще золотопромышленники жаловались на чрезмѣрную, по ихъ мнѣнію, мягкость новыхъ правилъ о наказаніи бѣглыхъ (1858 г.). Одинъ золотопромышленникъ писалъ (1860 г.): „Съ изданіемъ новаго закона о бѣглыхъ.... побѣги стали вновь возрастать, такъ что нынѣшнимъ лѣтомъ рабочіе уходили съ приисковъ не по одиночкѣ, а цѣлыми артелями, и я самъ былъ очевидцемъ, какъ артель въ 12 человекъ днемъ проходила по дорогѣ въ деревню безъ паспортовъ и билетовъ, говоря, что они законъ знаютъ и что теперь имъ побѣгать можно. Къ счастью еще... сельскія власти по возможности старались ловить и цѣлыми артелями высылали бѣглецовъ обратно на прииски, желая избавиться отъ непрошенныхъ гостей“. Авторъ записки предлагалъ: 1) возстановить прежнія, болѣе

¹⁾ „О золотопромышленности въ Сибирѣ“. 1864 г., стр. 35.

строгія, правила; приказать земскому начальству возвращать бѣглыхъ на промысла, съ платою имъ за каждаго пойманнаго и представленнаго бѣглаго по 5 руб. сер.; взыскивать долги съ должниковъ или, въ случаѣ неплатежа ими, высылать для отработки на принскъ, а самое лучшее—внушить рабочимъ чрезъ горнаго исправника, что всякій, оставшійся должнымъ, рабочій обязанъ остаться на принскѣ и послѣ 10 сентября для отработки долга: „теперь, хотя это постановленіе и есть, но положительно не исполняется, и послѣ 10 сентября, хотя бы эта статья была помѣщена въ условіи съ рабочими“, низято „не удастся удержать должниковъ: они уйдутъ съ принсковъ, даже безъ всякаго вида“. Золотопромышленникъ Пермикинъ также просилъ отмѣнить „законъ“ (т.-е. правила, составленныя министерствомъ государственныхъ имуществъ по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и II Отдѣленіемъ Соб. Е. В. канцеляріи), „въ силу котораго, бѣжавшіе съ принсковъ рабочіе, если они бѣжали въ мѣста своей осѣдлости (домой), не подлежатъ суду, какъ бѣгле. Съ введеніемъ въ дѣйствіе этого законоположенія въ 1860 г.“, продолжаетъ Пермикинъ, „рабочіе цѣлыми сотнями бѣжали съ принсковъ“. По мнѣнію Пермикина, слѣдуетъ „закономъ постановить взысканіе, какъ съ нанявшихся, такъ и съ бѣжавшихъ съ принсковъ“ не деньгами, а работою, и притомъ за всякій день просрочки или проведенный въ бѣгахъ штрафовать двумя днями работы. Золотопромышленникъ Н. Латкинъ также указывалъ въ своей запискѣ на невыгодныя для золотопромышленниковъ послѣдствія отмѣны прежняго закона, по которому бѣжавшіе съ промысловъ подвергались наказанію плетью отъ 15 до 30 ударовъ и за третій побѣгъ ссылались въ отдаленныя мѣста Сибири ¹⁾. „Не защищая“ тѣлеснаго наказанія и не считая его универсальнымъ средствомъ къ прекращенію побѣговъ, „потому что и теперь наказаніе розгами очень мало дѣйствуетъ, если не сказать, что даже вовсе не дѣйствуетъ“, Н. Латкинъ считалъ однако „необходимымъ принять очень строгія мѣры для прекращенія зла“ и предлагалъ уже за второй побѣгъ наказывать, какъ за уголовное преступленіе. „Денежные штрафы за побѣгъ“, по его мнѣнію, „принесутъ мало пользы: рабочіе наши, пропивающіе въ первомъ кабакѣ заработокъ, мало дорожатъ деньгами“; небольшіе штрафы „не будутъ имѣть никакого значенія, большіе—поведутъ

¹⁾ Побѣги съ промысловъ дѣйствительно увеличились: съ принсковъ Енисейской губерніи въ 1857 г. бѣжало 2,2%, въ 1858 г.—2%, въ 1859 г.—2,4%, въ 1860 же году 3,4%, въ 1863 и 64 гг.—4,5%, но, во-первыхъ, процентъ бѣжавшихъ былъ все-таки не великъ, а во-вторыхъ увеличеніе побѣговъ вѣроятно объясняется не ослабленіемъ взысканій за нихъ, а крайнимъ увеличеніемъ напряженности принсковаго труда. Нужно кромѣ того не забывать, что значительную часть бѣжавшихъ ловили и возвращали на промысла (въ 1857 г.—41%, въ 1858 г.—38%, въ 1859—19%, въ 1860—23%, въ 1863—39% бѣжавшихъ съ промысловъ Енисейской губерніи).

къ злоупотребленіямъ и послужать закабаленію рабочихъ". Латкинъ считалъ самыми дѣйствительными такіа мѣры: за первый побѣгъ, за каждый день, проведенный въ бѣгахъ, требовать съ виновнаго два дня работы сверхъ того времени, какое онъ обязался по условію; за второй разъ тюремное заключеніе на мѣсяцъ и тѣ же два штрафные дня работы; за третій—тюремное заключеніе на два мѣсяца и запрещеніе наниматься въ теченіе трехъ лѣтъ на промысла, а за слѣдующій послѣ того побѣгъ—тюремное заключеніе на три мѣсяца и совершенное запрещеніе когда-либо наниматься на пріиски.

Золотопромышленникъ Соловьевъ предлагалъ, чтобы правительство за извѣстную сумму взяло на себя охраненіе промысловъ отъ неявки и побѣга рабочихъ; онъ доказывалъ, что вслѣдствіе этого казна, и при нынѣшнемъ размѣрѣ неявки и побѣговъ, получила бы значительныя выгоды, но онъ быстро возрастуть, такъ какъ при такомъ порядкѣ будутъ смотрѣть на неявку и побѣгъ рабочихъ уже не какъ на частное зло, а какъ на ущербъ казнѣ, т.-е. онъ желалъ отождествить интересы казны и частныхъ золотопромышленниковъ. Сверхъ того, для прекращенія неявки и побѣговъ Соловьевъ предлагалъ правительству принять слѣдующія мѣры: За первую неявку или первый побѣгъ рабочій штрафуется тѣмъ, что на слѣдующій годъ не увольняется для работъ на частныя пріиски и препровождается на казенныя (т.-е. кабинетскіе) золотыя промысла, гдѣ въ теченіе года и отработываетъ свой долгъ, послѣ чего вновь получаетъ право наниматься къ частнымъ золотопромышленникамъ, если же отработаетъ только часть долга, то для отработки остального отсылается на тотъ пріискъ, на который не явился или съ котораго бѣжалъ. Второй разъ онъ отправляется такимъ же порядкомъ на казенныя промысла на два года. За третью такую же вину рабочій окончательно лишается права наниматься на частныя промысла и послѣ отработки долга золотопромышленнику на казенныхъ промыслахъ отсылается на годъ въ арестантскія роты (!). За увольненіе неявившагося или бѣжавшаго рабочаго волостное правленіе штрафуется 20 рублями въ пользу казны и сверхъ того обязано возратить золотопромышленнику долгъ, числящійся за такимъ рабочимъ. Если неявившіеся или бѣжавшіе рабочіе будутъ доставлены на пріискъ мѣстнымъ начальствомъ, то они подвергаются наказанію по приговору артельной расправы, обязаны отработать свой долгъ золотопромышленнику и до отработки могутъ быть неувольняемы съ пріиска. Золотопромышленники просили также рабочихъ, неотработавшихъ къ сроку контракта своего долга, оставлять на пріискѣ до полной отработки.

Золотопромышленники Сѣверной системы Енисейскаго округа высказали мысль, что никакой надзоръ со стороны хозяевъ и никакая полиція не въ состояніи остановить побѣги рабочихъ, что это можетъ быть

достигнуто лишь составленіемъ изъ рабочихъ артелей съ круговою порукою другъ за друга, но съ тѣмъ, чтобы она не оставалась пустымъ звукомъ. За широкое развитіе артелей высказался также мѣщанинъ Гладышевъ въ своемъ прошеніи Наслѣднику Цесаревичу (1861 г.)¹⁾. Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Сильно жалуясь на побѣги рабочихъ и предлагая для прекращенія ихъ самыя суровыя мѣры, золотопромышленники не упоминали о томъ, какими причинами вызываются эти побѣги. Поэтому составитель официальнаго „Свода замѣчаній“ очень кстати воспользовался статьею золотопромышленника Пищикова (въ „Сынѣ Отечества“ 1861 г., № 50), сокращенно изложивъ такимъ образомъ главные поводы къ побѣгамъ рабочихъ: „Несоразмѣрность въ назначеніи горнорабочимъ относительно такъ называемыхъ разночинцевъ (хлѣбопеконъ и т. п.) мѣсячнаго жалованья, неправоуѣрное раздѣленіе вознагражденія за старательное золото между всѣми наличными людьми, находящимися на приискѣ, и тѣми, кто дѣйствительно участвовалъ въ добываніи старательскаго золота, и наконецъ торговля, со стороны служащихъ на приискѣ лицъ, предметами роскоши, которые приобрѣтаются рабочими въ долгъ,—все это, независимо отъ дурного перѣдко обращенія съ людьми, по мнѣнію автора, ведетъ къ тому, что рабочіе, будучи обременены долгами, не имѣютъ возможности честнымъ трудомъ освободиться въ скоромъ времени отъ этого долга, а потому вынуждены бываютъ прибѣгать къ различнаго рода обманамъ и даже къ побѣгамъ, чтобы избавиться отъ кабалы, этого тягостнаго и безвыходнаго положенія“.

Что касается урегулированія взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, то по этому вопросу были высказаны слѣдующія предложенія. Относительно урочныхъ работъ Пищиковъ въ своей статьѣ²⁾ предложилъ установить тахшумъ для выработки торфовъ и золотоносныхъ песковъ въ хозяйскіе дни, а именно не болѣе 1 куб. сажени на двухъ человѣкъ и одну лошадь въ смѣну (мы видѣли, что сверхъ урочной сажени въ 50-хъ годахъ стали задавать еще добавочные уроки). Шелковниковъ говоритъ: „чтобы золотопромышленники, пользуясь покровительствомъ закона, не могли злоупотреблять предоставляемыми имъ правами“ относительно рабочихъ, необходимо опредѣлить размѣръ работъ и ясно обозначить его въ контрактахъ. Шелковниковъ предлагалъ на выработку кубической сажени твердыхъ или мерзлыхъ породъ, при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ, назначать 7 человѣкъ при ручной откатѣ или 4 человѣка и лошадь при конной отвозкѣ. На выработку талыхъ, мяг-

¹⁾ Въ этомъ прошеніи Гладышевъ представляетъ цѣлый проектъ прекращенія злоупотребленій въ золотопромышленномъ дѣлѣ.

²⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31.

кихъ и разрушистыхъ породъ, не отягачая силъ рабочихъ, онъ предлагаетъ ставить на двѣ сажени 9 человѣкъ при ручномъ откаѣ ¹⁾ и 5 человѣкъ съ 1¹/₂, лошадей при конной отвоевѣ, но отнюдь не менѣе, къ подземнымъ же работамъ примѣнять этой нормы невозможно, такъ какъ онѣ производятся при совершенно другихъ условіяхъ. Шелковниковъ предлагаетъ вовсе не допускать на золотыхъ приискахъ ортовыхъ подземныхъ работъ, потому что онѣ требуютъ большой осторожности, весьма тяжелы для рабочихъ и при производствѣ ихъ всегда теряется много золотоноснаго пласта, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и золото; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Олекминскомъ округѣ, это требованіе было бы совершенно невыполнимо. На собраніяхъ золото-промышленниковъ въ маѣ 1861 г. одинъ изъ присутствующихъ также указалъ на необходимость составленія нормальнаго урочнаго положенія для работъ на приискахъ. Пищиковъ въ своей статьѣ предложилъ опредѣлить даже размѣръ вознагражденія за урочную работу и именно назначить рабочимъ: въ зимніе мѣсяцы—5 руб., въ лѣтніе—4 руб. сѣмѣсто 3 р. 15 к., считая каждый мѣсяць отъ 1 до 30 или 31 чиселъ, а не въ 30 рабочихъ дней, „какъ всегда полагается на приискахъ, такъ что въ году рабочихъ мѣсяцевъ насчитываютъ менѣе 9“. Последніе слова Пищикова подтверждаются приведенными нами данными изъ расчетныхъ книгъ 50-хъ годовъ.

Относительно старательскихъ работъ одинъ изъ золотопромышленниковъ въ своей запискѣ говоритъ: „Чтобы не было рабочимъ притѣсненія со стороны приискаго управленія“, необходимо въ контрактахъ стараніе на золото замѣнить стараніемъ съ кубической сажени. „Нынѣ уже нѣтъ богатыхъ присковъ, гдѣ стараніе на золото доставляло выгоды рабочимъ, а потому рабочіе при этомъ всегда теряютъ и, сравнительно съ тѣми, которые получаютъ старательскую плату съ работы, зарабатываютъ менѣе“. Недавно „на одномъ приискѣ золото шло не совсѣмъ хорошо,—рабочіе, получая стараніе съ золота, большею частью остались должниками“. Нужно замѣтить, что отдѣльные случаи ничего не доказываютъ, вообще же, какъ мы видѣли въ главѣ VI, со введеніемъ общихъ старательскихъ работъ съ кубической сажени вознагражденіе рабочихъ понизилось, особенно, если принять во вниманіе увеличеніе продолжительности и напряженности труда. Напротивъ, Шелковниковъ, по вопросу о томъ, допускать ли одиночное стараніе на золото или только артелями, высказалъ въ своей запискѣ мнѣніе, что это необходимо предоставить усмотрѣнію золотопромышленниковъ; онъ находилъ, что предписаніе закона допускать къ старанію на золото артели не менѣе 10 человѣкъ—лишаетъ рабочихъ полезнаго заработка, а вла-

¹⁾ Обыкновенно при ручномъ откаѣ на сажень и назначалось 4—5 человѣкъ.

дѣльцамъ пріисковъ наносить убытокъ отъ утраты золота въ почвѣ, „гдѣ нерѣдко оно можетъ быть извлечено только тщательнымъ разысканіемъ въ разбивку рабочими золотоносныхъ углубленій,... а при общихъ валовыхъ работахъ золото это или ускользаетъ отъ вниманія, или не окупаетъ затратъ на выработку его цѣлою артелью“. Къ тому же, продолжаетъ Шелковниковъ, „ограниченіе закономъ одиночнаго старанія, въ видахъ прекращенія хищничества золота съ пріисковъ, не достигаетъ своей цѣли, а пожалуй еще болѣе увеличиваетъ это зло“, такъ какъ „рабочій, не имѣя возможности представить похищенное имъ золото въ пріисковую контору въ видѣ отдѣльнаго старанія, поневолѣ или отбрасываетъ его куда нибудь, или, разъ испусившись и жалѣя потерять приобрѣтенное, уноситъ съ собою золото“ и, попадаясь съ нимъ, „судится, какъ преступникъ“. Пищиковъ въ своей статьѣ предложилъ одинаковый размѣръ старательской платы за праздничную работу и сверхурочную въ будни ¹⁾. Купецъ Пестуновъ предложилъ „рабочимъ назначить заработки: лѣтнимъ, т.-е. на шесть мѣсяцевъ, не менѣе 100 р. сер.“ (тутъ очевидно плата и за урочную, и за старательскую работу), а зимнимъ съ сентября до марта не по 3 р., а по 5 или 6 р. въ мѣсяцъ, въ праздничные же дни отъ 50 до 70 коп.

Параграфъ о „взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ“ въ печатномъ „Сводѣ“ начинается такимъ образомъ: „Вопросъ объ отношеніи рабочихъ къ хозяевамъ по своему совершенно *частному* ²⁾ характеру (?) удобнѣе было бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, обсудить на общемъ съѣздѣ самимъ золотопромышленникамъ, которые, зная по опыту всю важность привлеченія къ золотому промыслу вѣрныхъ и честныхъ работниковъ, ближе всего могли бы изыскать средства къ обезпеченію благосостоянія сихъ послѣднихъ, безъ особеннаго ущерба хозяйственныхъ своихъ интересовъ. Но какъ независимо отъ этой стороны настоящаго вопроса отношеніе хозяевъ къ рабочимъ во многихъ случаяхъ, несмотря на взаимную связь ихъ личныхъ выгодъ, бываютъ подчинены внѣшнему вліянію мѣстной административной власти, вліянію, выходящему нерѣдко изъ круга прямыхъ ея обязанностей, а главное препятствующему успѣшному ходу промысловыхъ операцій, то, въ видахъ устраненія этихъ препятствій, предоставляются слѣдующія, на усмотрѣніе правительства, замѣчанія. Производство работъ на промыслахъ по закону предоставлено непосредственному распоряженію каждаго золотопромышленника, между тѣмъ горные исправники часто, безъ всякой

¹⁾ За выемку турфовъ 2 р., за промывку песковъ—2 р. 50 коп. съ кубической сажени (но въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, рабочіе нерѣдко получали и болѣе); на прочихъ же работахъ назначить въ праздники поденную плату: зимой 60—70 коп., а лѣтомъ до 1 р. сер., считая зимніе мѣсяцы отъ 1 октября до 1 апрѣля.

²⁾ Курсивъ подлинника.

основательной къ тому причины, *воспринимаютъ ночныя работы*, собственно отъ того, что о нихъ не было донесено имъ заранѣе. Такое выѣшательство въ частное хозяйское распоряженіе очевидно стѣснительно для золотопромышленности“ и должно быть устраниено. Слѣдующее затѣмъ замѣчаніе состоитъ въ предложеніи отмѣнить опросы рабочихъ, производившіеся исправниками, ревизорами и другими властями, въ отсутствіе золотопромышленника или управляющаго пріискомъ, о томъ, довольны ли они содержаніемъ, не обременяютъ ли ихъ работами и проч., такъ какъ, по мнѣнію составителя записки, это ведетъ только къ неосновательнымъ жалобамъ и притѣсненіямъ золотопромышленниковъ со стороны начальства. Каждый рабочій, въ случаѣ дѣйствительной обиды, можетъ подавать жалобу безъ всякихъ предварительныхъ опросовъ. Но насколько осуществимо было предложеніе подавать жалобы официальнымъ порядкомъ, видно изъ слѣдующихъ словъ барнаульскаго мѣшанина Федченко о пріисковыхъ рабочихъ въ его запискѣ министру финансовъ: „Этотъ несчастный народъ не смѣетъ... приносить, кому слѣдуетъ, жалобы; да, впрочемъ, еслибы кто изъ рабочихъ и рѣшился пожаловаться на пріиска-теля или его управляющаго на противузаконныя, безчеловѣчныя ихъ дѣйствія, то его же сочтутъ бунтовщикомъ и сами собой жестоко накажутъ, и тогда уже горе, горе ему будетъ, по русской пословицѣ „до Бога высоко, до Царя далеко“ или „пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ“, и потому, продолжаетъ Федченко, „многіе изъ рабочихъ отправляются на тотъ свѣтъ для подачи апелляціи Богу. За что же такое рабство, угнетеніе и безчеловѣчіе? Развѣ за то, что бѣдный человѣкъ трудится до кроваваго пота все лѣто богачу, безъ малѣйшаго вознагражденія за его труды“.

Относительно пищи рабочихъ Шелковниковъ предлагалъ постановить, чтобы на каждаго рабочаго отпускалось ежедневно хорошо выпеченнаго хлѣба и соли, сколько онъ можетъ съѣсть, безъ вѣсу, крупы по $\frac{1}{4}$ фунта, масла по 8 золотниковъ и мяса по одному фунту ¹⁾, также доброкачественныхъ. „За исполненіемъ всего этого долженъ наблюдать мѣстный горный исправникъ“. Пищиковъ же въ своей статьѣ ²⁾ предлагалъ давать мяса въ день не менѣе $1\frac{1}{2}$ фунта, а хлѣба—по желанію, но однако не болѣе 2 п. 10 фун. въ мѣсяцъ, т.-е. 3 фун. въ день. Пестуновъ предлагалъ давать мяса $1\frac{1}{4}$ фунта и кашу варить не два раза въ недѣлю, а каждый день. Шелковниковъ въ запискѣ и въ печатной статьѣ ³⁾ предложилъ, въ виду того, что вино полезно рабочимъ „въ гигиеническомъ отношеніи“, вмѣнить въ обязанность золотопромыш-

¹⁾ Мы видѣли, что въ концѣ 50-хъ годовъ мѣстами стали давать и по $1\frac{1}{4}$ фунта.

²⁾ „Сынъ Отечества“ 1861 г. № 31.

³⁾ „Амуръ“ 1861 г. № 55.

ленникамъ давать рабочимъ порцію вина разъ въ недѣлю „для поддержанія ихъ силъ и здоровья“. Обыкновенная порція на человека составляла $\frac{1}{100}$ ведра, и потому, по мнѣнію Шелковникова, это не можетъ быть обременительно для владѣльцевъ пріисковъ. Пестуновъ предлагалъ давать винную порцію два раза въ недѣлю.

Шелковниковъ въ своей статьѣ выражаетъ мнѣніе, что управление рабочими на пріискахъ должно зависѣть отъ золотопромышленника „безъ всякаго вмѣшательства сторонней власти“ (1), если между рабочими не произойдетъ уголовного преступленія или не случится ропота на хозяина цѣлой артели, „когда неизбежно присутствіе административной полицейской власти“.

Соловьевъ предлагалъ разрѣшить каждому золотопромышленнику ходатайствовать (хоть одинъ разъ въ 5 лѣтъ) предъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, чтобы рабочимъ ссыльно-поселенцамъ, которые по нѣскольку лѣтъ сразу служатъ у одного и того же золотопромышленника и отличаются усердіемъ и безукоризненною нравственностью, были возвращены потерянные ими званіе и права. Соловьевъ трогательно расписываетъ, что правосудіе должно „не только карать, но и миловать“, умалчивая конечно о томъ, какъ могло бы содѣйствовать прикрѣпленію рабочихъ къ одному пріиску такое право, предоставленное золотопромышленникамъ.

Мы не встрѣтили въ предыдущіе періоды исторіи золотопромышленности никакихъ указаній относительно вознагражденія рабочихъ, потерпѣвшихъ увѣчье на пріискахъ. По этому вопросу Соловьевъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей запискѣ. Выдача вознагражденія рабочимъ, потерпѣвшимъ какое либо увѣчье на пріискахъ, и семействамъ тѣхъ рабочихъ, которые погибли на пріисковыхъ работахъ; говоритъ Соловьевъ, „оставалась на доброй волѣ золотопромышленниковъ“; но „одной доброй воли недостаточно и необходимы положительныя правила“. По мнѣнію Соловьева, весьма полезно было бы примѣнить къ частнымъ золотымъ промысламъ слѣдующія правила, уже установленныя правительствомъ 31 марта 1861 г. для подрядчиковъ: „1) Если рабочій при производствѣ работъ подвергнется тяжкому увѣчью и останется калѣкою, то подрядчикъ обязанъ вознаградить его выдачею двойной за весь наемный срокъ платы; при легкомъ увѣчьи, требующемъ врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія, подрядчикъ оставляетъ больного въ лазаретѣ до совершеннаго выздоровленія, безъ всякаго вычета изъ условной платы“. 2) „Если рабочій убитъ до смерти, умереть отъ ушиба или полученной раны, то его семейству, въ видѣ вознагражденія, выдается удвоенная наемная плата“ ¹⁾. 3) Къ этимъ правиламъ нужно, по мнѣнію

¹⁾ П. С. З. т. XXXVI, № 36793, §§ 60 и 61.

Соловьева (согласному съ замѣчаніемъ газеты „Амуръ“), присоединить слѣдующее: если указанныя выше несчастія произошли отъ неудовлетворительности механизмовъ, употребляемыхъ на работахъ, или же отъ крайней невнимательности и неосторожности самихъ золотопромышленниковъ“, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ увеличить вознагражденіе, а именно, справедливо было бы, по мнѣнію Соловьева, выдавать пострадавшимъ *ежемесячныя пенсіи отъ 3-хъ до 6, 9 и даже 12 руб. сер.*, соразмѣряя ихъ со степенью причиненнаго вреда или съ величиною семейства пострадавшаго. 4) Наблюденія за исполненіемъ этихъ правилъ вѣнчить въ обязанность горнымъ исправникамъ ¹⁾.

Одинъ золотопромышленникъ предложилъ для призрѣнія получившихъ увѣчья на пріискахъ учредить въ ближайшихъ къ промысловымъ районамъ городахъ особыя богадѣльни при городскихъ больницахъ. „Устройство этихъ помѣщеній, примѣрно въ Енисейскѣ, на 50 человекъ не будетъ стоить дорого: три—четыре тысячи рублей. Расходы по содержанию увѣчныхъ авторъ предлагаетъ взыскивать съ хозяевъ тѣхъ промысловъ, гдѣ случилось несчастіе, если же оно произошло при проходѣ на промысла или по выходѣ оттуда, то на общій счетъ; „содержаніе это никакъ не будетъ стоить дороже 60—100 рублей на человека въ годъ“. Предложенія о пенсіяхъ и богадѣльняхъ для пострадавшихъ рабочихъ и пенсіяхъ для ихъ семействъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не осуществлены.

Для оказанія медицинской помощи рабочимъ Шелковниковъ предложилъ постановить, чтобы владѣлецъ пріиска, на которомъ болѣе 200 рабочихъ, имѣлъ бы доктора и больницу, если же рабочихъ менѣе, то по крайней мѣрѣ опытнаго лѣкарскаго ученика, на случай подачи скорой помощи заболѣвшимъ и раненымъ.

Пишиковъ предложилъ въ своей статьѣ выдавать рабочимъ товары изъ пріисковыхъ лавокъ въ счетъ платы не иначе, какъ по таксъ, утверждаемой каждый годъ мѣстнымъ губернаторомъ, назначивъ цѣны, согласно тому, во что обошлись вещи хозяевамъ съ доставкой на промысла безъ всякихъ барышей ²⁾. Пестуновъ предложилъ дозволить свободно пріѣзжать на пріискъ торговцамъ съ разными товарами и припасами: чаемъ, сахаромъ, матеріями, пшеничною мукою, разною рыбою и проч. Онъ выражалъ надежду, что вслѣдствіе этого всѣ вещи будутъ продаваться по цѣнѣ, доступной каждому, какъ въ жилыхъ мѣстахъ ³⁾.

¹⁾ Предложеніе Соловьева кратко изложено и въ печатномъ „Сводѣ замѣчаній“ (стр. 54—55).

²⁾ Мы видѣли, что на пріискахъ Енисейскаго округа золотопромышленники въ 50-хъ годахъ еще устанавливали цѣны по своему произволу.

³⁾ Желаніе это и до сихъ поръ еще не осуществлено.

Торговля эта запрещена для охраненія рабочихъ отъ роскоши, а по выходѣ съ приисковъ ихъ обираютъ въ одинъ день, и они остаются голодными и neodѣтыми, пока опять не наймутся на приискъ; слѣдовательно, охраненіе оказывается бесполезнымъ.

На собраніи золотопромышленниковъ въ маѣ 1861 г. нѣкоторыми лицами былъ возбужденъ вопросъ: не способствуютъ ли побѣгамъ злоупотребленія со стороны хозяевъ? Присутствующіе, не отвергая возможности этого, высказали однако мнѣніе, что злоупотребленія прекратятся, когда будетъ дано болѣе свободы при наймѣ людей, „а лучшимъ средствомъ къ предупрежденію взаимныхъ неудовольствій и злоупотребленій, какъ со стороны хозяевъ, такъ и со стороны рабочихъ, было бы артельное устройство, которому слѣдовало бы дать по закону полнѣйшее развитіе. Каждая жалоба на промышленника должна быть принимаема въ уваженіе, когда она подтвердится артелью. Кроме того, артели должно быть предоставлено право разбора не только взаимныхъ неудовольствій, но въ извѣстной степени право суда и расправы надъ рабочими“ ¹⁾.

Мысль о необходимости артели на приискахъ горячо доказывалъ также жившій въ Томскѣ мѣщанинъ Гладышевъ въ своемъ прошеніи Наслѣднику. По его мнѣнію, нужно, чтобы всѣ рабочіе на приискѣ заключали, какъ теперь, одинъ контрактъ, но съ ручательствомъ другъ за друга; артели должны избирать изъ своей среды старостъ и десятниковъ. Съ начала промывки слѣдуетъ назначить плату съ золотника добытаго золота, записывая его и въ казенныя, и въ артельные книги. „Это будетъ общій трудъ“, продолжаетъ Гладышевъ, „общій и капиталъ, и общія ихъ пользы; тогда не нужно и набавлять поденную плату“ (очевидно въ праздники) „и старательскую, равно и за подъемное золото, а должны быть всѣ прибыли общія; тогда ни одинъ не пробудетъ праздно, не пролежитъ и не прошляется, а главное не можетъ быть хищничества золота: они будутъ за этимъ наблюдать и смотрѣть лучше всякаго военнаго караула“, въ случаѣ же похищенія кѣмъ либо золота, артель должна платить значительный штрафъ хозяину; не будетъ и побѣговъ, такъ какъ, въ виду круговой поруки, будутъ смотрѣть другъ за другомъ. „Тогда могутъ быть общій трудъ и общія пользы, уменьшатся зло и преступленія; артель—основной камень... пользы народныхъ“. Это предложеніе Гладышева отчасти осуществилось: съ 60-хъ годовъ начинаютъ появляться, какъ мы видѣли, на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ артели старателей-золотничниковъ.

Многіе изъ золотопромышленниковъ жаловались на отяготительность правительственной приисковой администраціи, а одинъ изъ нихъ

¹⁾ „Сводъ замѣчаній“, стр. 92.

предложилъ изъять приски изъ вѣдѣнія жандармскихъ штабъ-офицеровъ ¹⁾, упразднить горныхъ ревизоровъ и горныхъ исправниковъ и образовать взамѣнъ ихъ мировые суды изъ мировыхъ посредниковъ, *избираемыхъ изъ среды золотопромышленниковъ* (1), а также изъ двухъ депутатовъ отъ золотопромышленниковъ и двухъ отъ рабочихъ, назначить для производства слѣдствій судебныхъ слѣдователей, а для наказанія рабочихъ и объявленія распоряженій начальства сохранить отрядныхъ казацкихъ офицеровъ съ ихъ командою ²⁾.

Отмѣтимъ еще слѣдующее замѣчаніе В. Скарятина: „За преступленія, совершенныя на прискѣ, судятъ во многихъ случаяхъ военнымъ судомъ. Нѣкоторые золотопромышленники считаютъ такой порядокъ весьма полезнымъ для большей остроты рабочихъ. Я рѣшительно не раздѣляю такого страннаго, чтобы не сказать больше, воззрѣнія. Ни въ какой особенной остротѣ присковыя рабочіе не нуждаются, да и плохо вѣрится въ могущество такихъ остротокъ“ ³⁾.

Изъ всего сказаннаго по вопросу о присковыхъ рабочихъ въ запискахъ, которыя были доставлены въ министерство финансовъ, наибольшее вниманіе министерства обратила на себя записка, подъ заглавіемъ „О рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“, несмотря на то, что она вовсе не выдвигается изъ ряда другихъ трудовъ какими либо особенными достоинствами ⁴⁾. Министерство финансовъ въ іюнѣ 1861 г. разослало копіи съ нея главнымъ начальникамъ алтайскихъ и уральскихъ заводовъ и генералъ-губернаторамъ Восточной и Западной Сибири, съ требованіемъ доставить о ней свои заключенія. Замѣчанія эти любопытны для насъ, такъ какъ они являются отзывомъ на пожеланія, высказанныя не однимъ неизвѣстнымъ авторомъ обратившей на себя вниманіе министерства финансовъ записки, но повторившіяся и во многихъ другихъ запискахъ золотопромышленниковъ.

Прежде всего авторъ разсматриваемой записки жалуется на не-

¹⁾ Пищиковъ въ своей статьѣ указывалъ на бесполезность надзора жандармскихъ офицеровъ и для самихъ рабочихъ.

²⁾ Золотопромышленникъ М. Безобразовъ шелъ еще далѣе; онъ предлагалъ дозволить хозяевамъ каждой системы выбрать и содержать на свой счетъ по одному соотѣнику въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири. Напомнимъ, что наше изложеніе предложеній золотопромышленниковъ основано на ихъ запискахъ, хранящихся въ Архивѣ Горнаго Департамента, дѣло отд. частныхъ золот. пром. № 68—650, ч. II и III.

³⁾ „Замѣтки золотопромышленника“, II, 217. Цвѣтолюбовъ, авторъ любопытной статьи „Нѣсколько словъ о бытѣ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ“, стремится хотя ограничить подсудность рабочихъ военнымъ судамъ за кражу золота. „Амуръ“ 1860 г. № 12.

⁴⁾ Составитель печатнаго „Свода замѣчаній“ въ своемъ изложеніи не разу ею не воспользовался.

удобство запрещенія промывать золото послѣ 10 сентября, иначе какъ въ теплыхъ промывальняхъ. Убытки происходятъ также отъ несвоевременной явки рабочихъ на промысла, отъ явки не въ полномъ количествѣ, „отъ несоразимѣрно увеличивающихся съ каждымъ годомъ задатковъ, требуемыхъ рабочими“ и отъ ихъ неотработки. Задатки эти часто доходятъ до 70 руб. на каждого рабочаго, а его потомъ приходится еще снабдить одеждою—во-первыхъ, при выходѣ на работы съ мѣста, затѣмъ, послѣ того, какъ эти вещи пропьютъ на дорогѣ, ихъ приходится выдать вторично и наконецъ въ третій разъ въ Енисейскѣ при отправкѣ на промысла. „Все это составляетъ иногда сумму болѣе 100 руб. на человѣка“ ¹⁾. Находясь на присскахъ, рабочіе не отказываютъ себѣ и въ нѣкоторыхъ прихотяхъ, напримѣръ, въ болѣе щеголеватой одеждѣ, въ питьѣ чая, въ куреніи табаку, что также увеличиваетъ сумму забора и „только самый лучшій рабочій въ состояніи отработать весь заборъ, большая же часть (?) съ прекращеніемъ 10 сентября работы остаются должниками, и долги эти составляютъ у каждого золотопромышленника значительныя суммы, ко изысканію которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ, потому что за исполненіемъ со стороны рабочихъ условій контракта никто не наблюдаетъ и никто ихъ къ тому не принуждаетъ“. Авторъ жалуется и на бѣгство рабочихъ съ промысловъ. Затѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что при выдачѣ поселенцу билета на промыслы, волостное начальство требуетъ уплаты казенныхъ и общественныхъ сборовъ въ изумительномъ размѣрѣ, такъ какъ никто его не контролируетъ, и все зависитъ отъ волостного писаря. „Въ Сибири никогда, можно сказать, не было обращено надлежащаго вниманія на классъ ссыльно-поселенцевъ. А сколько тысячъ ихъ переселено и исчезло безслѣдно“. „Мѣстное начальство не воспользовалось“ и „средствами золотого промысла“ для устройства ихъ благосостоянія. Авторъ предлагаетъ начать съ того, чтобы при наймѣ рабочихъ на золотые промысла, въ особенности изъ ссыльно-поселенцевъ, волостное начальство не взидало съ нихъ никакихъ сборовъ, кромѣ 15 коп. за бланкъ билета; сумму же казенныхъ податей означало бы на билетахъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги золотопромышленники обязаны были вносить по окончаніи работъ. Это „разомъ сократитъ цифру задатковъ и не одинъ рубль сбережетъ въ карманѣ рабочаго. Для охраненія золотопромышленниковъ отъ обмановъ со стороны рабочихъ, авторъ предлагаетъ постановить: 1) чтобы рабочій, не отработавшій своего забора, не могъ уходить съ присска безъ согласія хозяина даже по окончаніи лѣтнихъ работъ; 2) чтобы за бѣжавшихъ отвѣчала артель; 3)

¹⁾ Имѣя въ виду, что заработки въ среднемъ были невелики, можно съ увѣренностью сказать, что такіе задатки и заборы до начала работъ могли быть лишь очень рѣдко. (См. главу VI).

чтобы условіе въ контрактахъ о круговой порукѣ не оставалось мертвою буквою. Эти мѣры, по мнѣнію автора, сразу прекратятъ побѣги ¹⁾).

На запросъ министра финансовъ о доставленіи заключенія относительно изложенной записки, Корсаковъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, отвѣчалъ 7 августа 1861 г. Препровождая утвержденный имъ журналъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири съ разборомъ этой записки, Корсаковъ съ своей стороны нашелъ нужнымъ возразить противъ упрека, что мѣстное начальство въ Сибири не обращаетъ никакого вниманія на бытъ ссыльно-поселенцевъ. Онъ указалъ на извѣстныя мѣры Муравьева объ охраненіи отъ пьянства выходящихъ съ присковъ рабочихъ и на распоряженіе его же (1859 г.), сдѣланое черезъ начальниковъ губерній, „вообще о пресѣченіи между простыми народами пьянства и безпорядковъ“ ²⁾. Въ заключеніе Корсаковъ замѣтилъ, что пьянство въ Сибири, какъ вездѣ, можетъ уменьшиться не прежде измѣненія откупной системы и распространенія народнаго образованія, а до того всякія мѣстныя мѣры будутъ мало дѣйствительны. Всѣ эти указанія Корсакова не подрывали силы замѣчанія, что для улучшенія быта ссыльно-поселенцевъ не принималось никакихъ серьезныхъ мѣръ, несмотря на то, что съ этою цѣлью производился особый сборъ по числу рабочихъ на промыслахъ.

Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири подробно разобралъ записку неизвѣстнаго автора. Относительно ходатайства золотопромышленниковъ о продленіи срока работъ послѣ 10 сентября Совѣтъ напомнилъ, что такія ходатайства были уже отклонены съ согласія министра финансовъ въ 1855 г., и прибавилъ къ этому, что оставлять рабочихъ для промывки песку на промыслахъ послѣ 10 сентября неудобно не только изъ опасенія, что рабочимъ будетъ затруднительно возвращаться домой, но и въ интересахъ самихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ продленіе срока работъ можетъ отнять у рабочихъ желаніе наниматься на золотые промысла. Что касается другихъ предположеній автора записки, то, по мнѣнію Совѣта, они за немногими исключеніями, уже осуществлены или въ Горномъ Уставѣ, или въ распоряженіяхъ Главнаго Управленія Восточной Сибири. Такъ на прискахъ воспрещено продавать рабочимъ предметы роскоши, но къ нимъ „едвали можно относить чай и табакъ“, такъ какъ

¹⁾ Арх. Горн. Деп. № 68/650, ч. II, л. 324—334. Предложеніе, дѣлаемое авторомъ этой записки, объ устройствѣ богадѣленъ при городскихъ больницахъ для увѣчныхъ рабочихъ было приведено нами выше.

²⁾ Корсаковъ упомянулъ также, что при иркутскомъ приказѣ общественного призрѣнія открыта въ 1860 г. сберегательная касса, и еще въ 1859 г. Главное Управленіе Восточной Сибири представило въ министерство внутреннихъ дѣлъ свои соображенія о распространеніи дѣйствія этой кассы на присковъ рабочихъ, но отвѣта еще не получено.

ъ питьемъ чая и куреніемъ табаку населеніе Сибири „свыкается съ молодыхъ лѣтъ и отстать отъ нихъ будетъ не въ состояніи“. Относительно долговъ на рабочихъ, остающихся за ними по окончаніи лѣтнихъ работъ, еще въ 1853 г. Главнымъ Управленіемъ Восточной Сибири сдѣлано распоряженіе, чтобы рабочимъ, которые не отработали забранныхъ ими денегъ и вещей, если этотъ заборъ не превышаетъ ихъ годовой платы, не давали дозволенія наниматься къ другимъ промышленникамъ до тѣхъ поръ, пока они не отработаютъ или не заплатятъ долга прежнимъ хозяевамъ. Далѣе Совѣтъ заявилъ, что вслѣдствіе жалобъ золотопромышленниковъ на слабость взысканія, опредѣленнаго за побѣги правилами 1858 г., вопросъ этотъ будетъ имъ внимательно разсмотрѣнъ. Совѣтъ считалъ возможнымъ допустить, чтобы артели присковскихъ рабочихъ уплачивали за бѣжавшихъ забранные ими деньги, но подобная отвѣтственность возможна лишь въ томъ случаѣ, если артели будутъ составлены самими рабочими. Призрѣніе рабочихъ, получившихъ увѣчья на прискахъ, въ богадѣльныхъ при городскихъ больницахъ на счетъ золотопромышленниковъ, какъ это предлагалъ авторъ записки, Совѣтъ нашелъ неосуществимымъ (?!), „потому что могутъ встрѣтиться большія въ тому затрудненія (?) какъ по устройству и наблюденію больницъ, такъ и по взысканію съ промышленниковъ на содержаніе увѣчныхъ необходимой суммы“; Совѣтъ полагалъ, что будетъ проще и полезнѣе распространить на работающихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ 60 и 61 §§ Выс. Утв. 31 марта 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ, „имѣя въ виду, что неизлечимые поселенцы поступаютъ въ больницы указовъ общественнаго призрѣнія, въ пользу которыхъ съ этою цѣлью и взыскивается по 1 р. 50 коп. съ рабочаго ссыльнаго“ ¹⁾. Такъ какъ это послѣднее ходатайство не имѣло никакихъ результатовъ, то 15 мая 1864 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Корсаковъ напомнилъ о немъ министру финансовъ и просилъ о возможно скорѣйшемъ разрѣшеніи предположенія Совѣта Главнаго Управленія, въ виду того, что „при производствѣ земляныхъ и другихъ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири, рабочіе люди часто подвергаются увѣчьямъ, а иногда и самой смерти вслѣдствіе недостатка предусмотрительности наблюдающихъ за работами прикащиковъ или же и отъ непредвидѣнныхъ причинъ; нерѣдко“, продолжаетъ Корсаковъ, „рабочіе подвергались переломамъ руки или ноги и, пролежавъ долгое время въ больницахъ, высылаются съ присковъ уже неспособные работать, не

¹⁾ Въ заключеніе Совѣтъ упомянулъ, что объ увеличеніи задатка рабочимъ при наймѣ ихъ на золотые приски до 30 рублей, недавно Главное Управленіе Восточной Сибири сдѣлало представленіе министерству финансовъ (см. ниже).

только безъ всякаго со стороны промышленника пособія, но часто даже безъ средствъ на путевыя издержки“¹⁾).

Генераль-губернаторъ Западной Сибири, Дюгамель, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ министерства финансовъ, по поводу той же записки о прискоковыхъ рабочихъ, сообщилъ, что, имѣя въ виду предполагаемый министерствомъ пересмотръ Горнаго Устава, онъ учредилъ въ Омскѣ особый комитетъ изъ товарища военного губернатора области сибирскихъ киргизовъ, горнаго ревизора этой области и члена совѣта главнаго управленія въ Западной Сибири для разсмотрѣнія возбужденныхъ вопросовъ и поступившихъ къ нему, вслѣдствіе вызова министерства финансовъ, соображеній частныхъ лицъ. Доставленная изъ министерства записка была также разсмотрѣна въ этомъ комитетѣ и съ его заключеніемъ согласился генераль-губернаторъ.

Относительно увеличенія задатковъ представленіе генераль-губернатора Гасфорда не было уважено министерствомъ финансовъ; теперь изъ присланной министерствомъ записки видно, что размѣръ задатковъ возросъ до 70 руб. и это, по мнѣнію комитета, доказываетъ, что „всякое новое постановленіе для опредѣленія мѣры задатковъ будетъ нарушено самими золотопромышленниками. Большіе задатки обольщаютъ бѣдняковъ, нанимающихся въ работу, служатъ къ согнатию ихъ на меньшую годовую плату, и наемка на приски рабочихъ очень часто похожа на вербовку, въ которой разгуль и пьянство употребляются какъ средство для выгоднаго найма“. Комитетъ нашелъ, что золотопромышленники нарушаютъ существующіе законы болѣе безнаказанно, чѣмъ рабочіе. Если хозяева промысловъ, несмотря на запрещеніе, отпускаютъ рабочимъ вещи, „не свойственныя ихъ званію“ и „принадлежащія къ роскоши“, то такіе заборы по закону не подлежатъ уплатѣ, тѣмъ болѣе, что можетъ быть въ расчеты промышленниковъ входитъ снабженіе рабочихъ „прихотливыми вещами“, „или въ видахъ большаго задолженія рабочаго для удобнѣйшаго найма его на слѣдующее лѣто, или для извлеченія выгодъ отъ самой продажи такихъ вещей по цѣнамъ произвольнымъ, потому что онѣ, какъ недопускаемыя закономъ къ отпуску на прискахъ рабочимъ, не могутъ показываться въ утверждаемыхъ губернскимъ начальствомъ таксахъ“. Артельное устройство допускается закономъ, и если золотопромышленники не пользуются въ этомъ случаѣ своимъ правомъ, то напрасно жаловаться, подобно автору записки, что это учрежденіе мало извѣстно на сибирскихъ промыслахъ. Что касается круговой поруки членовъ артели, то слѣдовало бы пояснить, что это ручательство распространяется только на дозволенный закономъ задатокъ и на тѣ заборы каждаго члена артели, кеторые сдѣланы съ ея согласія.

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло отд. част. золот. № 68/650, ч. III, л. 252.

Обязывать артель отвѣчать за всѣ заборы, сдѣланные безъ общаго согласія, было бы несправедливо. По поводу предложенія разрѣшить золотопромышленникамъ удерживать у себя на промыслахъ задолжавшихъ рабочихъ долѣе срока найма, комитетъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ основанія предоставлять хозяевамъ такое право, такъ какъ оно противорѣчило бы „коренному сибирскому закону, что срокъ найма не долженъ простираться долѣе одного года (2255 ст. т. X, ч. I Зак. Гражд.)“ и дало бы возможность промышленникамъ оставлять у себя рабочихъ на неопредѣленное время; устранить это невозможно, какія бы ограниченія ни были сдѣланы относительно долговъ рабочихъ, такъ какъ на промыслахъ весьма трудно услѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ. Къ предложенію автора записки продлить срокъ промывки золота позже 10 сентября комитетъ отнесся отрицательно въ виду суровости сибирскаго климата. Наконецъ комитетъ рѣшительно отвергъ мнѣніе автора записки о благотвѣльномъ вліяніи золотопромышленности на нравственность и благосостояніе рабочаго населенія: „опытъ доказалъ“, по словамъ комитета, „что самое напряженное развитіе золотого промысла въ 1840-хъ годахъ не токмо не послужило къ устройству домообзаводства поселенцевъ, но и разстроило сельское хозяйство тысячи крестьянъ, обольщенныхъ“ заработками на пріискахъ, съ которыхъ „они внесли въ свои семейства одно лишь пьянство, нравственное развращеніе и нищету“. Въ заключеніе комитетъ призналъ заслуживающимъ уваженія лишь указанія на недостаточное значеніе круговой поруки артелей рабочихъ и потому считалъ полезнымъ постановить, чтобы при круговой порукѣ артелей это ручательство распространялось какъ на узаконенный задатокъ, такъ и на тотъ заборъ, который каждый членъ артели дѣлалъ съ ея согласія¹⁾.

Въ ноябрѣ 1860 г. золотопромышленники Якутской и Забайкальской областей подали генералъ-губернатору Восточной Сибири записку объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій о частной золотопромышленности. Они между прочимъ указывали на недостаточность вышшаго размѣра задатка (7 р. 50 к.), которые разрѣшено было выдавать ссильно-поселенцамъ, и просили дозволить повысить тахѣишъ такого задатка до 36 р. Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири нашелъ необходимымъ увеличить задатокъ до 30 р., о чемъ и предложилъ представить на разрѣшеніе министра финансовъ²⁾.

¹⁾ Главный начальникъ Алтайскихъ заводовъ напротивъ отнесся сочувственно къ запискѣ, доставленной министерствомъ финансовъ, и нашелъ, что предложенныя въ ней мѣры заслуживаютъ полнаго одобренія. Арх. Горн. Деп., дѣло № 68/650, ч. III, л. 25—43, 54—65.

²⁾ Горный исправникъ Чайковскій въ своей запискѣ предложилъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ почвы и времени года, ежегодно съ точностью опредѣлять: 1)

Помощникъ генераль-губернатора Восточной Сибири, генераль-маіоръ Корсаковъ, которому за отсутствіемъ Муравьева пришлось высказать свое мнѣніе по вышеуказаннымъ вопросамъ, препровождая въ февралѣ 1861 г. министру финансовъ журналъ совѣта Главнаго Управленія, призналъ съ своей стороны необходимымъ: 1) при наймѣ изъ ссыльно-поселенцевъ чернорабочихъ допускать задатки не болѣе 30 р., а мастеровымъ, получающимъ высшую плату, дозволить выдавать впередъ и большія суммы, но не болѣе всей наемной платы съ тѣмъ, чтобы подати за нанимающагося были взыскиваемы впередъ изъ задатка, согласно 2489 ст. Горнаго Устава, и 2) не подвергая золотопромышленниковъ штрафу за выдачу противузаконнаго задатка, „держаться коренного правила, изложеннаго въ 2256 ст. X т. Свода Зак. Гражд., на основаніи которой хозяинъ, давшій впередъ работнику болѣе всей годовой платы, лишается своего иска“¹⁾. Однако ходатайство это не было уважено высшею администраціей. Мы видѣли выше, что рассматривая сообщенную министромъ финансовъ въ 1861 г. записку о присковыхъ рабочихъ, совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири, въ виду жалобъ золотопромышленниковъ на слабость взысканія, опредѣленнаго за побѣги въ 1858 году, рѣшилъ вновь рассмотреть этотъ вопросъ, но второе отдѣленіе главнаго управленія, которому поручено было это дѣло, не нашло основаній для увеличенія наказаній рабочимъ за побѣги съ присковъ²⁾. Въ докладѣ этомъ была высказана справедливая мысль, что побѣги съ промысловъ есть лишь „гражданскій поступокъ“, который можетъ вызывать только побужденіе къ исполненію приговора, а не тѣлесное наказаніе.

Мы видѣли, что генераль-губернаторъ Западной Сибири, въ виду предполагаемаго пересмотра Горнаго Устава, образовалъ въ Омскѣ особый комитетъ для рассмотрѣнія возбуждаемыхъ по этому предмету вопросовъ. Подобно тому и Корсаковъ призналъ необходимымъ въ октябрѣ 1861 г. для рассмотрѣнія мѣстныхъ обстоятельствъ по найму присковыхъ рабочихъ, образовать особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ горнаго инженера генераль-маіора Клейменова изъ полковниковъ Таски-

норму посильной, задѣльной и урочной работы; 2) размѣръ платы съ кубической сажени, какъ за урочныя, такъ и за старательскія работы и 3) форму контракта подъ строжайшею отвѣтственностью и угрозою болѣе или менѣе значительнаго штрафа. Горные ревизоры съ своей стороны считали совершенно невозможнымъ „опредѣлить урокъ задѣльной работы на прискахъ“ въ виду различія мѣстныхъ условий, а вмѣстѣ съ тѣмъ не находили возможнымъ и опредѣленіе размѣра задѣльной платы; но они предлагали поручить золотопромышленникамъ представить начальству проектъ контракта съ рабочими. Совѣтъ Главнаго Управленія, отнеся отрицательно ко всѣмъ предложеніямъ Чайковского.

¹⁾ Арх. Гор. Деп., дѣло № 68/650, ч. III, л. 1—13.

²⁾ Докладъ по этому вопросу II Отд. Главн. Упр. В. С. см. въ главѣ IX.

на и Фитингофа, подполковника Таскина и горного исправника южной части Енисейскаго округа Бакшевича.

Обсудивъ имѣвшіеся въ его распоряженіи матеріалы, комитетъ, какъ сказано въ запискѣ, представленной имъ Корсакову, „пришелъ къ убѣжденію, что ненормальное положеніе рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ и неправильность ихъ отношенія къ промышленникамъ выражается слѣдующими явленіями: А) со стороны рабочихъ: 1) значительной неявкой на промысла изъ числа нанявшихся, составляющей отъ 5 до 10%¹⁾; 2) еще болѣе значительными побѣгами, усилившимися въ послѣдніе два года“ (на нѣкоторыхъ промыслахъ до 15% рабочихъ)²⁾ и 3) „безденежемъ рабочихъ, простирающимся до того, что значительная часть ихъ, особенно ссыльно-поселенцевъ, при выходѣ по окончаніи лѣтнихъ работъ съ промысловъ, не только не имѣютъ нужнаго количества денегъ на проходъ до мѣста жительства, но нерѣдко остаются еще должными тѣмъ золотопромышленникамъ, у которыхъ находились въ работѣ. Это послѣднее обстоятельство и есть главная причина неудовольствій и жалобъ рабочихъ на оскуднѣніе заработковъ и на неправильность ихъ расчетовъ золотопромышленными управленіями и конторами. В) Со стороны золотопромышленниковъ: 1) выдачей рабочимъ подъ разными наименованіями задатковъ въ размѣрахъ, превышающихъ нерѣдко условленную плату за все время найма; 2) невозможностью сдѣлать вѣрный учетъ предполагаемымъ работамъ, потому что неявка и побѣги значительно измѣняютъ весь расчетъ; 3) потерей значительнаго количества задатковъ и неотработанныхъ долговъ; 4) желаніемъ всѣ эти убытки и недочеты покрыть хотя отчасти возвышеніемъ цѣны на товарныя вещи, выдаваемые рабочимъ вмѣсто платы и уменьшеніемъ платы за трудъ... На нѣкоторыхъ промыслахъ, гдѣ плата назначается съ количества добытаго золота, заработка (sic) въ лѣтніе мѣсяцы едва доходитъ до 12—13 р. сер.³⁾, между тѣмъ какъ осеннія и зимнія работы производятся изъ платы только 3 руб. въ мѣсяцъ, считая послѣдній въ 30 дней; иногда къ ней прибавляютъ еще праздничныя старанія, но съ окончанія лѣтнихъ работъ до открытія промысли они бывають малоцѣнны».

Для доказательства, что и при существовавшихъ тогда правилахъ

¹⁾ Эти цифры сильно преувеличены: въ 1860-хъ годахъ на промыслахъ Енисейской губерніи не явилось всего 1,2—2% нанятыхъ рабочихъ (если считать всѣхъ рабочихъ, а не нанятыхъ только въ промысловъ).

²⁾ Приведемъ болѣе точныя данныя по официальнымъ свѣдѣніямъ: въ 1858 г. съ промысловъ Восточной Сибири бѣжало 3,5% рабочихъ (изъ нихъ поймано 38% бѣжавшихъ); въ 1861 г. бѣжало 4,9% рабочихъ, находившихся на промыслахъ (изъ нихъ поймано 29%); въ 1862 г. бѣжало 3,8% (изъ нихъ поймано 29%). Изъ этого видно, что побѣги были вовсе незначительны.

³⁾ Мы видѣли, что это совершенно справедливо.

о наймѣ была возможность рабочимъ войти въ правильныя отношенія къ золотопромышленникамъ, „если только они сами объ этомъ позаботятся“, комитетъ считалъ нужнымъ привести въ примѣръ рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній. „Они обыкновенно нанимаются на промысла въ отрядныя работы артелями. Обеспеченные въ матеріальномъ отношеніи несравненно болѣе поселенцевъ, нравственнѣе и воздержаннѣе сихъ послѣднихъ, а потому независимѣе отъ нуждъ и свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, они получаютъ за свою работу болѣе возвышенную плату, чѣмъ сибирскіе рабочіе, нанимающіеся въ такія же работы одиночно, по, такъ называемымъ, общимъ контрактамъ; контракты ихъ опредѣлены ясно, потому что артель съ своей стороны включаетъ въ нихъ условія, ограждающія ея интересы. Не предоставляя ничего произволу случайности, не полагаясь на чужую опеку, рабочіе эти сами защищаютъ свои выгоды, они охотно поступаютъ въ работы, потому что работу на сознательно заключенныхъ условіяхъ считаютъ для себя выгодной; золотопромышленники въ свою очередь соглашаются на уплату возвышенныхъ цѣнъ, потому что труды этихъ рабочихъ находятъ для себя и необходимыми, и производительными. Между артельными рабочими не случается ни побѣговъ, ни уклончивости отъ работъ, ни болѣзненности въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она встрѣчается между общеконтрактными; задатковъ они требуютъ самыхъ ничтожныхъ, а иногда нанимаются въ работу и вовсе безъ задатковъ“.

Во всемъ этомъ введеніи очень много справедливаго, но его заключенія, проникнутыя принципомъ *laissez faire, laissez aller* заставляло ожидать мало полезнаго отъ предложеній комитета. Комитетъ находилъ возможнымъ сформулировать всю сущность дѣла въ слѣдующемъ положеніи: „Рабочій классъ на промыслахъ, предвидя возможность уклоняться отъ исполненія заключенныхъ имъ добровольно съ золотопромышленниками контрактовъ, не вникаетъ въ сущность послѣднихъ; жалуясь на уменьшеніе заработковъ, онъ въ то же время не принимаетъ никакихъ мѣръ ни къ настоящей оцѣнкѣ своего труда, ни къ сбереженію заработка, — съ его стороны не видно никакой инициативы въ его собственномъ дѣлѣ; онъ находится въ какомъ-то апатическомъ состояніи и какъ будто ждетъ попеченія о себѣ извнѣ. При такомъ состояніи дѣла положеніе комитета становится затруднительнымъ. Невозможно, не поколебавъ начало свободнаго соглашенія и добровольной сдѣлки, предлагать насильственные мѣры: заставлять одну сторону вознаграждать за труды другой платой болѣе возвышенной; инициатива въ этомъ должна исходить отъ самихъ рабочихъ путемъ запроса; правительство можетъ только поставить рабочій классъ въ такое положеніе, чтобы онъ имѣлъ возможность заключать контракты съ полнымъ сознаніемъ; оно можетъ установить норму, выше которой не должны быть выдаваемы задатки, оно мо-

жетъ мѣрами и законодательными, и административными гарантировать ненарушимость добровольно и сознательно заключенныхъ условий. Въ этой-то гарантіи и лежитъ начало правильного устройства между золотопромышленниками и рабочимъ классомъ. Остальную мѣру, какъ-то наемку артелями, оно можетъ только предлагать, не дѣлая ее отнюдь обязательною“.

Предположенія комитета для регулированія найма рабочихъ на золотые промыслы были сообщены начальникамъ Иркутской и Енисейской губерній и Якутской и Забайкальской областей для разсмотрѣнія въ губернскихъ совѣтахъ и общихъ присутствіяхъ областныхъ управленій, съ тѣмъ, чтобы губернаторы вмѣстѣ со своими соображеніями и заключеніями представили ихъ въ Главное Управленіе Восточной Сибири.

Разсмотрѣвъ весь полученный вслѣдствіе этого матеріалъ, совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири 20 іюня 1863 г.¹⁾ пришелъ къ слѣдующему заключенію: 1) еще въ февралѣ и августѣ 1861 г. совѣтъ представилъ на усмотрѣніе министра финансовъ свои соображенія объ увеличеніи задатковъ при наймѣ рабочихъ на золотые прииски и вознагражденіи какъ изувѣченныхъ на промысловыхъ работахъ, такъ и ихъ семействъ и наконецъ о продленіи срока работъ на приискахъ долѣе 10 сентября²⁾. Поэтому и нѣтъ надобности дѣлать заключенія по тѣмъ пунктамъ предложеній особаго комитета, которые касаются этихъ вопросовъ. 2) Вопросъ о формѣ контрактовъ съ рабочими, необходимость которой признавалъ комитетъ, также разсматривался въ 1861 г. въ совѣтѣ главнаго управленія, но тогда не была признана необходимою такая форма, потому что всѣ условія, которыя должны быть включаемы въ этого рода контракты, указаны въ Горномъ Уставѣ, и слѣдуетъ только наблюдать за исполненіемъ соответственныхъ узаконеній. Теперь же, принявъ во вниманіе, что золотопромышленники при заключеніи контрактовъ съ рабочими иногда допускаютъ выраженія „неясныя, двусмысленныя и произвольныя, которыя обращались къ непредвидѣнной рабочими невыгодѣ ихъ“, совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири нашелъ, что для предупрежденія подобныхъ случаевъ будетъ полезно введеніе указанной формы, составленіе которой слѣдуетъ возложить на горныхъ исправниковъ по соглашенію съ золотопромышленниками и подъ наблюденіемъ горныхъ ревизоровъ; окончательное же утвержденіе формы

¹⁾ Подписанъ журналъ 16 августа 1863 г.

²⁾ Какъ мы видѣли выше, Совѣтъ Главнаго Управленія высказался противъ дозволенія промывки золота долѣе 10 сентября, но въ томъ же 1861 г. объявлено было распоряженіе, которымъ золотопромышленникамъ предоставлялось право производить другія работы, напримѣръ, съемку турфовъ и послѣ 10 сентября, если онѣ будутъ обусловлены въ договорахъ. „Труды Ком. Выс. утвержд. для пересм. сист. под. и сбор.“ т. VIII, ч. II, докладъ III отд. комиссіи, № 28, стр. 8.

контрактовъ и введеніе ея будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора Восточной Сибири. Предлагая привести эту мѣру въ исполненіе, совѣтъ считалъ полезнымъ, чтобы копіи съ контрактовъ печатались въ расчетныхъ листахъ и чтобы подробности отправленія работъ и плата за нихъ обозначались въ пробѣлахъ печатныхъ экземпляровъ. Что же касается урочнаго положенія на промысловыя работы, то, имѣя въ виду различія климатическихъ и другихъ мѣстныхъ условий, а также зависимость размѣра работъ отъ взаимнаго соглашенія между нанимателями и наемниками, совѣтъ призналъ составленіе такого урочнаго положенія неудобноисполнимымъ. 3) На разсмотрѣніи совѣта уже находился вопросъ о снабженіи рабочихъ на промыслахъ одеждою и разными припасами. Совѣтъ въ журналѣ 10 августа 1861 г. (по дѣлу Рукавишниковъ), принявъ въ соображеніе, что стоимость заготовленія промышленниками вещей и припасовъ не можетъ быть одинаковою по всѣмъ прискамъ, вслѣдствіе различія времени и способа ихъ заготовленія, доставки на приски и проч., пришелъ къ заключенію, что для предупрежденія назначенія высокихъ произвольныхъ цѣнъ, горные исправники должны приглашать золотопромышленниковъ или ихъ управляющихъ въ общее собраніе въ своемъ присутствіи для установленія по прискамъ таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ. Заключеніе это исправляющимъ должностъ генералъ-губернатора приведено уже въ исполненіе чрезъ начальниковъ губерній и областей. Совѣтъ предложилъ напомнить объ исполненіи этой мѣры съ тѣмъ, чтобы росписи съ обозначеніемъ цѣнъ вещей вывѣшивались въ магазинахъ для вѣдома рабочихъ. Допущеніе же на золотыхъ промыслахъ вольной продажи припасами и вещами для рабочихъ, какъ это предлагалъ енисейскій губернаторъ Замятинъ, несмотря на вѣкоторую пользу для нихъ отъ конкуренціи торговцевъ, совѣтъ нашелъ неумѣстнымъ, такъ какъ это можетъ повлечь за собою большіе безпорядки и злоупотребленія, какъ, напримѣръ, скупъ золота, недозволенную торговлю виномъ, столкновеніе золотопромышленниковъ и торговцевъ и проч. 4) Совѣтъ нашелъ, что возложеніе на волостныя правленія веденія списковъ всѣхъ бѣжавшихъ съ золотыхъ промысловъ и неспособныхъ къ работамъ отъ увѣчья или хроническихъ болѣзней, какъ это предлагалъ комитетъ, можетъ вызвать обременительную для этихъ правленій переписку. Къ тому же подобные списки едва ли бы могли принести какую-нибудь пользу, еслибы даже они велись аккуратно, такъ какъ засвидѣтельствованіе контрактовъ совершается по закону не въ однихъ волостныхъ правленіяхъ, но и въ земскихъ судахъ, у смотрителей поселеній и въ инородческихъ управахъ, и наемъ людей производится не только тамъ, гдѣ есть волостныя правленія, а вообще по городамъ и селеніямъ, гдѣ, при конкуренціи нанимателей, некогда будетъ справляться въ волости, быть можетъ за нѣсколько десятковъ верстъ, о

бѣглихъ или неспособныхъ, тѣмъ болѣе, что изъ поселенцевъ вѣроятно весьма немногіе окажутся недѣлавшими побѣговъ съ пріисковъ. Поэтому совѣтъ Главнаго Управленія, согласно предложенію иркутскаго губернскаго совѣта, полагалъ ограничиться тѣмъ, чтобы волостныя правленія предъ засвидѣтельствованіемъ контрактовъ предупреждали нанимателей, что такіе-то изъ рабочихъ дѣлали побѣги, не являлись на пріиски или были высланы съ нихъ по неспособности къ работамъ. 5) Наемъ рабочихъ артелями, а также (какъ предложилъ иркутскій губернаторъ въ своемъ заключеніи на мнѣнія губернскаго совѣта) увеличеніе найма работниковъ изъ великороссійскихъ губерній, по мнѣнію совѣта, были бы дѣйствительно полезны, но то и другое зависитъ отъ доброй воли золото-промышленниковъ и частію рабочихъ. Изданіе особой брошюры о наймѣ артелями, какъ это предлагалъ особый комитетъ, едва ли, по мнѣнію совѣта, поможетъ дѣлу, такъ какъ сами промышленники и рабочіе видятъ на опытъ пользу работъ артелями, но все же остаются при прежнемъ порядкѣ, несмотря на то, что Горный Уставъ возлагаетъ на промышленника обязанность стараться нанимать рабочихъ артелями съ круговою другъ за друга порукою. Относительно же найма рабочихъ въ великороссійскихъ губерніяхъ совѣтъ, имѣя въ виду увольненіе на работы въ Амурскій край сильно-поселенцевъ на 3 года, а также 2214 ст. X т. Св. Зак. объ обязательствахъ по договорамъ (по которой срокъ найма въ 7 лѣтъ допускался лишь для Американской компаніи), призналъ весьма полезнымъ, чтобы мѣщане, крестьяне и вообще лица свободныхъ состояній великороссійскихъ губерній отпускались для работъ въ Восточную Сибирь на срокъ до 7 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы условія объ исполненіи работъ по частнымъ золотымъ промысламъ совершались, на основаніи существующихъ на то правилъ, не болѣе, какъ на одинъ годъ. Объ этой мѣрѣ совѣтъ предлагалъ представить на усмотрѣніе министра финансовъ. 6) Предположенія комитета объ обязательномъ увеличеніи мѣсячной платы (такъ какъ трехрублевая плата очень низка), совѣтъ предложилъ оставить безъ послѣдствій: по его мнѣнію, оно не можетъ быть соглашено съ буквою закона, по которому наемъ зависитъ отъ добровольнаго соглашенія нанимателя съ наемщикомъ, а, слѣдовательно, такимъ образомъ устанавливаются и плата за трудъ, и другія условія контракта, не противныя законамъ. 7) Относительно засвидѣтельствованія контрактовъ и высылки на промысла нанявшихся и бѣжавшихъ совѣтъ предложилъ подтвердить, кому слѣдуетъ, о неупустительномъ исполненіи закона и распоряженій Главнаго Управленія Восточной Сибири подъ опасеніемъ отвѣтственности по закону—какъ за преступленіе по должности, но безъ взысканія съ виновныхъ въ пользу промышленника долговъ бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ, такъ какъ подобная мѣра въ законѣ не указана, а къ ходатайству о принятіи ея совѣтъ не

видитъ основанія, такъ какъ большая часть долговъ происходитъ отъ выдачи непомѣрныхъ задатковъ самими нанимателями, найма ими стариковъ и слабосильныхъ и проч. При томъ совѣтъ Главнаго Управленія считалъ необходимымъ обязать мѣста и лица, свидѣтельствующія контракты, прочитывать ихъ ранѣе засвидѣтельствованія нанимающимся рабочимъ¹⁾.

Изложенное заключеніе совѣта Главнаго Управленія было представлено на утвержденіе Корсакова, который въ сентябрѣ 1863 г. положилъ на него слѣдующую резолюцію: „Исполнить съ тѣмъ, чтобы о мѣрахъ къ прекращенію пьянства между рабочими при выходѣ ихъ съ промысловъ особо составить предположеніе по собраніи необходимыхъ по тому свѣдѣній“. Затѣмъ Корсаковъ, препроводивъ министру финансовъ списокъ съ журнала совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, ходатайствовалъ предъ нимъ „въ виду увеличивающейся потребности въ рабочихъ людяхъ“ на прискахъ „и непомѣрнаго возвышенія платы за отправленіе работъ“ (?), происходящаго отъ недостатка рабочихъ, о содѣйствіи къ принятію мѣръ, предложенной совѣтомъ, относительно отпуска людей свободныхъ состояній на работы въ Сибирь изъ великороссійскихъ губерній на сроки до 7 лѣтъ²⁾.

Въ отвѣтъ на полученную имъ копію съ изложеннаго журнала совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, якутскій губернаторъ въ февралѣ 1865 г., по вопросу объ учрежденіи сберегательныхъ кассъ, отвѣтилъ, что въ Якутской области ихъ не существуетъ ни въ одномъ обществѣ. Къ тому же въ Якутской области и особенно въ самомъ Якутскѣ нанимаются на промысла большею частію такіе ссыльные, которые сосланы въ эту область на срокъ и которые по истеченіи его обыкновенно перечисляются въ другія губерніи, а потому они будутъ опасаться, что въ случаѣ перечисленія ихъ вклады въ кассу достанутся другимъ. Учрежденіе же такихъ кассъ для присковъ рабочихъ на самихъ промыслахъ, по мнѣнію горнаго исправника Измайлова, также неудобно-исполнимо вслѣдствіе временнаго пребыванія на нихъ присковъ рабочихъ³⁾.

Обсужденіе вопроса, не въ дѣйствующихъ ли постановленіяхъ о частномъ золотомъ промыслѣ заключается причина его упадка, министръ финансовъ возложилъ на комиссію, Высочайше утвержденную для пере-

¹⁾ По случаю изданія Высочайше утвержденнаго 16 октября 1861 г. положенія о городскихъ сберегательныхъ кассахъ, Совѣтъ Главнаго Управл. Восточ. Сибири рѣшилъ предложить губернаторамъ сообразить при учрежденіи подобныхъ кассъ, каковымъ образомъ ими могли бы пользоваться и присковые рабочіе.

²⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло № 68,650, ч. III, л. 138—217; Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30.

³⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30, л. 314

смотрa системы податей и сборовъ, куда были переданы, какъ предположенія официальныхъ лицъ и учреждений, поступавшія съ 1856 г. по предмету развитія золотопромышленности, такъ и записки частныхъ лицъ, полученныя вслѣдствіе публикацій, сдѣланной министромъ въ 1860 году.

Предварительное обозрѣніе всего собраннаго матеріала показало, что для удовлетворительнаго разрѣшенія предстоящей задачи, заключающейся преимущественно въ возвышеніи дохода съ частнаго золотого промысла, необходимо коснуться главныхъ основаній Горнаго Устава. Поэтому III Отдѣлъ Коммиссіи, приступая къ исполненію возложеннаго на него порученія, счелъ прежде всего необходимымъ собрать подробныя свѣдѣнія о частной золотопромышленности. Съ этою цѣлью составлены были слѣдующіе предварительные труды: во-первыхъ, на основаніи заключающихся въ дѣлахъ Горнаго Департамента официальныхъ данныхъ, составлены: а) историческій очеркъ развитія частной золотопромышленности и изданныхъ о ней узаконеній; б) статистическое обозрѣніе настоящаго положенія этого промысла и в) таблица общей добычи золота и дохода, поступившаго въ казну со времени допущенія частныхъ лицъ къ разработкѣ золотоносныхъ росыпей по 1861 г. включительно. Трудъ этотъ былъ исполненъ вице-директоромъ Горнаго Департ. дѣйств. стат. сов. Ф. Раселли, но нужно замѣтить, что въ исторической его части авторъ почти не тронулъ неизданныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ Горнаго Департамента и главнымъ образомъ пользовался Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Другою предварительною работою было составленіе „Свода предположеній частныхъ лицъ“ по вопросу объ облегченіи и развитіи золотого промысла; Сводъ этотъ былъ, какъ мы видѣли, далеко не полонъ.

Къ разсмотрѣнію вопроса о наймѣ рабочихъ на золотыхъ приискахъ III Отдѣлъ Коммиссіи нашелъ возможность приступить лишь тогда, когда были получены соображенія сибирской администраціи вообще и особенно труды извѣстнаго намъ комитета, учрежденнаго въ Иркутскѣ, со всѣми вызванными ими заключеніями.

При изученіи всего полученнаго матеріала относительно рабочихъ на золотыхъ приискахъ III Отдѣлъ Коммиссіи сопоставлялъ существующія узаконенія съ предположеніями золотопромышленниковъ и мѣстной администраціи и затѣмъ высказывалъ свои соображенія.

Отдѣлъ нашелъ, что установленный закономъ порядокъ найма рабочихъ не представляетъ особенныхъ неудобствъ, а потому и долженъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ остаться безъ измѣненія. Что же касается правилъ, на стѣснительность которыхъ указывали золотопромышленники, то, имѣя въ виду отзывы мѣстной администраціи, отдѣлъ призналъ возможнымъ: не постановлять въ законѣ (вопреки мнѣнію Со-

вѣта Главнаго Управленія) общаго *сроки для окончанія* промысловыхъ работъ, а предоставить это добровольному соглашенію промышленниковъ съ рабочими, при чемъ многіе могли и прежде оставаться на пріискахъ долѣе 10 сентября, какъ для вскрытія турфовъ, прорытія канавъ и другихъ промысловыхъ работъ, такъ и для промывки золотосодержащихъ песковъ, если это было условленно въ договорахъ и если на пріискахъ были устроены зимнія промывальни, но при этомъ онъ нашелъ нужнымъ постановить, что, въ случаѣ удержанія рабочихъ на пріискахъ долѣе 10 сентября, золотопромышленники обязаны принимать надлежащія мѣры для благополучнаго доставленія рабочихъ до тѣхъ пунктовъ, откуда дальнѣйшее возвращеніе ихъ на мѣста жительства становится безопаснымъ.

По вопросу о размѣрѣ задатка, выдаваемого при наймѣ ссильно-поселенцамъ, послѣдовало разногласіе. Меньшинство членовъ отдѣла ¹⁾, имѣя въ виду съ одной стороны, что существующее въ законѣ ограниченіе относительно выдачи ссильно-поселенцамъ задатковъ не болѣе 7 р. 50 коп., „вслѣдствіе незначительности этого размѣра и возвышенія вообще задѣльной платы (?) на практикѣ не исполняется, а съ другой, что выдача ссильно-поселенцамъ большихъ задатковъ... вредно дѣйствуетъ на нравственность наемщиковъ, которые всѣ полученныя деньги пропиваютъ на мѣстѣ же и затѣмъ... бѣгутъ съ промысловъ, чтобы избавиться отъ трудныхъ работъ“, полагалъ, примѣняясь къ Высочайше утвержденнымъ въ 1861 г. временнымъ правиламъ для найма рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній, разрѣшить выдачу ссильно-поселенцамъ задаточныхъ денегъ не свыше половины всей договорной платы, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ выдачи имъ въ задатокъ болѣе этой суммы, промышленникъ лишился права взыскивать ее съ рабочихъ согласно 2256 ст. I ч. X т. Св. Зак. Гражд. Но большинство членовъ Отдѣла ²⁾ нашло, что если постановленіе о выдачѣ ссильно-поселенцамъ задатковъ не болѣе 7 р. 50 коп. не исполняется и промышленники предпочитаютъ лучше потерять капиталъ, затрачиваемый на выдачу рабочимъ денегъ впередъ болѣе опредѣленнаго для этого закономъ размѣра, нежели остаться вовсе безъ рабочихъ, то это доказываетъ крайнюю нужду золотопромышленниковъ въ рабочихъ въ виду возрастающей между предпринимателями конкуренціи. Большинство членовъ Отдѣла не видѣло основанія стѣснять свободу

¹⁾ А. Гернгроссъ, Г. Пермикинъ (золотопромышленники), Ф. Раселли, Л. Соколовскій (членъ Кабинета Е. В.) и В. Самарскій-Быховецъ (предсѣдательствующій въ коммиссіи по пересмогру Горнаго Устава).

²⁾ И. Вернадскій (профессоръ-экономистъ), Н. Веселовскій, А. Гирсъ (помощникъ предсѣдателя коммиссіи), В. Клейменовъ, С. Мордвиновъ, В. Скарятинъ, С. Соловьевъ и Г. Эрнъ.

нанимателей и рабочихъ какъ въ назначеніи наемной платы, такъ и въ размѣрѣ задатка.

Въ видахъ привлеченія рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній на сибирскіе золотые промыслы, Отдѣлъ нашель возможнымъ (какъ объ этомъ ходатайствовалъ и Совѣтъ Глав. Уп. В. С.), примѣняясь къ 2214 ст. т. X Св. Зак. Гражд., ч. I, отпускъ мѣщанъ, крестьянъ и другихъ лицъ свободнаго состоянія великороссійскихъ губерній для работъ въ Восточной Сибири разрѣшить на сроки до 7 лѣтъ (по указанной статьѣ максим. срокъ найма въ 7 лѣтъ дозволялся лишь для Американской компаніи) съ тѣмъ, чтобы наемъ этихъ людей на золотые прииски совершался безъ отступленія отъ существующихъ правилъ не болѣе, какъ на одинъ годъ.

Что касается вопроса, возбужденнаго нѣкоторыми золотопромышленниками объ увеличеніи размѣра заработной платы, то Отдѣлъ нашель, что онъ не можетъ даже подлежать разсмотрѣнію, въ виду того, что, по его мнѣнію, всякое вмѣшательство правительства въ это дѣло противорѣчило бы кореннымъ постановленіямъ по этому предмету, по которымъ всякій договоръ совершается не иначе, какъ по добровольному согласію договаривающихся сторонъ.

По вопросу о явкѣ нанятыхъ людей на условенныя мѣста работъ, Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири предлагалъ поставить волостнымъ правленіямъ въ обязанность при засвидѣтельствованіи контрактовъ о наймѣ предупреждать нанимателей о томъ, кто изъ нанимаемыхъ ими бывалъ въ бѣгахъ, кто не являлся на прииски и кто оказывался неспособнымъ къ работамъ. Третій Отдѣлъ коммисіи, находя, что эта мѣра можетъ отчасти оградить золотопромышленниковъ отъ найма людей неблагонадежныхъ, полагалъ предоставить главнымъ мѣстнымъ начальствамъ Сибири сдѣлать распоряженія объ исполненіи этого предложенія съ тѣмъ, чтобы при заключеніи съ рабочими контрактовъ нанимателямъ сообщалось о тѣхъ наемникахъ, которые состоятъ на очереди для выполненія какихъ-либо общественныхъ повинностей. Независимо отъ этого Отдѣлъ призналъ полезнымъ ввести рабочія книжки, подобно тому какъ это постановлено было въ правилахъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и служителей (Высочайше утвержденное мнѣніе Государствен. Совѣта 1 апрѣля 1863 г., п. VI—XIV). Отдѣлъ полагалъ предоставить Сибирскимъ генералъ-губернаторамъ обсудить эту мѣру и, если къ приведенію ея въ исполненіе не встрѣтятся затрудненій, то представить министерству подробныя соображенія по этому предмету.

Сверхъ того Отдѣлъ считалъ необходимымъ постановить, что если рабочіе не явятся къ условленному въ договорѣ сроку, то за лишніе, проведенные въ дорогѣ, дни будетъ вычитаться съ cadaго просрочившаго рабочаго условленный по контракту штрафъ изъ договорной платы,

но если просрочка произошла отъ тяжелой болѣзни или прекращенія сообщеній вслѣдствіе разлива рѣкъ, или по другой причинѣ, то вычета не дѣлать.

Относительно порядка расчета предпринимателей съ рабочими Отдѣлъ призналъ полезнымъ для обѣихъ сторонъ, чтобы наемъ рабочихъ производился преимущественно артелями съ круговой другъ за друга порукою какъ въ полученномъ задаткѣ, такъ и въ деньгахъ, забранныхъ во время работъ на присскахъ.

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ на промыслахъ Отдѣлъ призналъ совершенно достаточными и исполнѣ необходимыми мѣры, принятія Совѣтомъ главнаго управленія В. С. для устраниенія различныхъ недоразумѣній. Относительно же призывнія увѣчныхъ онъ также предложилъ примѣнить постановленія, изложенныя въ Выс. утв. въ 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы выдача увѣчнымъ денежнаго вознагражденія со стороны золото-промышленниковъ равнялась бы тройной (а не двойной, какъ предлагалъ Сов. Глав. Упр.) платѣ за весь наемный срокъ и была бы обязательна для хозяевъ лишь по надлежащемъ удостовѣреніи ближайшаго врача и мѣстнаго горнаго исправника, что подвергшійся увѣчью рабочій дѣйствительно лишился чрезъ это возможности снискивать себѣ пропитаніе трудомъ. Семейству рабочаго, убишагося до смерти или умершаго отъ ушиба или раны, также слѣдуетъ выдавать утроенную наемную плату. Отдѣлъ нашелъ нужнымъ пояснить, что увеличеніе единовременнаго вознагражденія увѣчнымъ рабочимъ до тройной платы за весь срокъ онъ призналъ необходимымъ потому, что договорная плата въ Сибири, по отзывамъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ, не превышаетъ 3 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ.

Относительно поимки бѣглыхъ Отдѣлъ полагалъ полезнымъ постановить, что виновные въ выдачѣ бѣжавшимъ рабочимъ новыхъ видовъ для найма къ другимъ промышленникамъ, подвергаются, кромѣ опредѣленнаго въ законѣ наказанія, взысканію съ нихъ въ пользу золотопромышленника всѣхъ должныхъ имъ бѣжавшими рабочими денегъ ¹⁾.

¹⁾ При этомъ Отдѣлъ призналъ небезполезнымъ для привлеченія ссыльно-поселенцевъ къ труду и отвращенія ихъ отъ побѣговъ съ приссковъ, опредѣлить въ законѣ какое либо съ этою цѣлью поощреніе. Въ 731 ст. XIV т. Уст. о ссылн. постановлено, что сосланные въ Сибирь по судебнымъ приговорамъ съ лишеніемъ правъ состоянія или за бродяжество могутъ перечисляться въ государственные крестьяне не прежде, какъ по истеченіи десятилѣтняго пребыванія ихъ въ Сибири; сокращеніе же этого срока допускается, по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства, только въ видѣ награды за какія либо особенныя заслуги или за примѣрное поведеніе и нравственность. По мнѣнію Отдѣла, цѣль этого узаконенія была бы исполнѣ достигнута, если бы въ отношеніи къ ссыльно-поселенцамъ, добросовѣстно исполнявшимъ въ продолженіе 5 лѣтъ

Всѣ свои соображенія и предположенія съ проектомъ правилъ для найма рабочихъ на частные золотые промыслы, III Отдѣлъ комиссіи для разсмотрѣнія системы податей и сборовъ опредѣлилъ внести его въ Общее собраніе Коммиссіи ¹⁾. Въ Уставѣ о частной золотопромышленности, выработанномъ тѣмъ же Отдѣломъ, между прочимъ было предложено постановить, что въ случаѣ добычи золота посредствомъ подземныхъ работъ (ортами, штреками и т. п.) разработка пріисковъ должна производиться по правиламъ горнаго искусства безъ вреда и опасности для жизни рабочихъ ²⁾.

Общее собраніе Коммиссіи ³⁾ одобрило въ 1864 г. основныя начала предположеній III Отдѣла для развитія частной золотопромышленности и систему, принятую при составленіи проектовъ.

При разсмотрѣніи статьи правилъ о наймѣ рабочихъ, гдѣ подробно указывались главныя условія, которыя должны входить въ составъ договора промышленниковъ съ рабочими (2484 ст. Гор. Уст. Св. Зак. т. VII, изд. 1857 г.) нѣкоторые изъ членовъ, руководясь принципами буржуазной политической экономіи, замѣтили, что нѣтъ никакой надобности опредѣлять въ законѣ всѣ подробности, которыя должны входить въ договоры рабочихъ съ хозяевами, такъ какъ эти договоры заключаются по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ. На это Ф. Раселли замѣтилъ, что, по свидѣтельству главнаго мѣстнаго начальства, жалобы промышленниковъ на неисполненіе рабочими своихъ обязанностей и возникающіе вслѣдствіе этого споры происходятъ преимущественно отъ того, что сами промышленники не обозначаютъ въ заключаемыхъ съ рабочими договорахъ со всею точностію всѣхъ условій найма и взаимныхъ отношеній ихъ между собою. Въ виду этого Совѣтъ Главнаго Управленія В. С. уже поручилъ горнымъ исправникамъ, по предварительномъ соглашеніи съ золотопромышленниками, составить однородную и обязательную для всѣхъ промышленниковъ форму контракта, а потому нельзя уничтожать законъ, гдѣ говорится о тѣхъ главныхъ условіяхъ, которыя необходимо

работы на частныхъ золотыхъ промыслахъ и непохвергавшимся штрафованію за побѣги, опредѣленный въ ст. 731 срокъ перечисленія ихъ въ государственные крестьяне сокращенъ былъ на половину.

¹⁾ Труды Коммис. Высоч. Утвер. для пересм. сист. подат. и сборовъ, т. VIII, ч. 2. Докладъ III Отд. Коммис. № 28, стр. 1—45 и далѣе проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ.

²⁾ Ibid. „Проектъ Устава о частн. золот.“, стр. 41.

³⁾ Въ составъ котораго входили: помощникъ предсѣдателя А. Гирсъ и члены: П. Басинъ, Д. Бенардаки, В. Безобразовъ, А. Бутовскій, И. Вернадскій, М. Веселовскій, Герингроссъ, Гулькевичъ, Колошинъ, Е. Ламанскій, Наржимскій, Ненюковъ, Ф. Раселли, В. Ржевскій, К. Рѣпинскій, В. Самарскій-Быховецъ, П. Семеновъ, В. Скарятинъ, Л. Соколовскій, С. Соловьевъ, О. Тернеръ, Н. Тютчевъ, П. Шампинъ, Штубендорфъ, А. Шумахеръ и И. Яковсонъ.

помѣщать въ договорахъ; но Расселли допускалъ, что можно упростить и сократить указанную статью. Основываясь на этомъ мнѣніи, Общее Собраніе Коммисіи признало полезнымъ оставить въ законѣ указанія лишь на тѣ предметы, которые необходимо должны быть внесены въ договоры для огражденія интересовъ обѣихъ сторонъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такое сокращеніе этой статьи закона не могло не быть вреднымъ для рабочихъ, такъ какъ установленная административнымъ путемъ форма контрактовъ (если бы она и была принята) едва ли могла имѣть такое значеніе, какъ прямое предписаніе закона. Такъ, напримѣръ, въ новой редакціи было исключено указаніе на то, что рабочій не долженъ трудиться болѣе, чѣмъ съ 5 часовъ утра до 8 час. вечера, за вычетомъ времени, опредѣленнаго на обѣденный отдыхъ, а между тѣмъ это указаніе давало возможность мѣстной администраціи вчинать дѣла о чрезмерномъ обремененіи рабочихъ на нѣкоторыхъ пріискахъ. Въ новой редакціи эта статья приняла слишкомъ сжатый и неопредѣленный видъ; такъ взаимно подробнаго указанія на то, что въ договорѣ слѣдуетъ обусловить: кѣмъ должно быть устроено помѣщеніе для рабочихъ, чья должна быть одежда и обувь, какую пищу долженъ получать рабочій, въ правѣ ли наниматель дѣлать вычеты за прогульные дни по болѣзни или другимъ причинамъ, какъ велика должна быть плата за работу и проч.,—въ новой редакціи мы встрѣчаемъ весьма общее указаніе, что договоръ долженъ содержать въ себѣ „обязательство нанимателей относительно порядка управленія рабочими и удовлетворенія ихъ пищею и прочимъ денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ на золотыхъ пріискахъ“.

Общее собраніе рѣшило исключить изъ проекта Устава статью о порядкѣ отдачи неисправныхъ въ платежѣ денежныхъ сборовъ ссыльно-поселенцевъ въ работы золотопромышленникамъ, такъ какъ изложенныя въ этой статьѣ правила были изданы въ видѣ опыта на три года, и они составляютъ лишь административную мѣру, которая на практикѣ, по отзыву золотопромышленниковъ, рѣдко исполняется.

Относительно порядка слѣдованія рабочихъ на условленные мѣста для работъ артелями Общее собраніе признало полезнымъ сохранить существующій законъ не только относительно ссыльно-поселенцевъ, но и относительно всѣхъ рабочихъ ¹⁾).

Собраніе предоставило рабочимъ право жаловаться горному исправнику на рѣшеніе на пріискѣ артельной расправы, состоящей изъ старосты, назначаемаго промышленникомъ, и двухъ выборныхъ отъ рабочихъ. По поводу статьи, запрещающей рабочимъ самовольно переходить съ одного промысла на другой, было замѣчено (членами-экспертами

¹⁾ Право наказанія рабочихъ за буйство на пути Общее Собраніе предоставило не артельному старостѣ, а большинству членовъ артели.

В. Скарятинымъ и С. Соловьевымъ), что необходимо постановить болѣе подробныя правила относительно отвѣтственности рабочихъ за неисполненіе условій договора и должностныхъ лицъ, которыя оказываютъ рабочимъ послабленіе, такъ какъ вслѣдствіе этого золотопромышленники при малой населенности Сибири и дороговизнѣ рабочихъ рукъ терпятъ большіе убытки. вмѣстѣ съ тѣмъ Общему Собранію было доложено мнѣніе начальника Томской губерніи (1864 г.), о необходимости принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ устраненію неявки рабочихъ на пріиски, такъ какъ число неявившихся по отъѣзду золотопромышленниковъ составляетъ постоянно отъ 10 до 15% ¹⁾.—Общее Собраніе Коммиссіи признало полезнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія и дополненія статей, касающихся порядка выдачи рабочимъ новыхъ видовъ и высылки бѣжавшихъ и неявившихся рабочихъ на промысла и положило установить слѣдующія мѣры: 1) неявившихся на промысла и бѣжавшихъ съ нихъ рабочихъ препровождать къ золотопромышленникамъ для отработки долга и срочнаго времени для работъ. 2) „Оставшіеся въ долгу у прежняго хозяина рабочіе могутъ получить новый видъ для найма у другого промышленника не иначе, какъ по уплатѣ долга, а въ случаѣ нежеланія должника отправиться для отработки долга къ прежнему хозяину или уплатить свой долгъ чрезъ другого изъ нанимателей, обязать волостное начальство высылать таковыхъ для отработки долга полицейскими мѣрами“. 3) Виновныхъ въ выдачѣ новыхъ видовъ неявившимся на промысла и бѣжавшимъ рабочимъ подвергать взысканію числящихся на нихъ долговъ. Въ статьѣ о порядкѣ пайма рабочихъ изъ губерній Европейской Россіи на пріиски Общее Собраніе признало излишнимъ сохранять правило, которымъ стѣсняется свободное движеніе рабочихъ безъ дозволенія мѣстнаго полицейскаго начальства, такъ какъ эта мѣра была принята при существованіи крѣпостнаго права.

Наконецъ Общее Собраніе Коммиссіи, соглашаясь съ соображеніями III Отдѣла относительно сокращенія сроковъ исправнымъ рабочимъ изъ ссыльно-поселенцевъ для перечисленія въ государственные крестьяне и о предварительномъ сношеніи министра финансовъ съ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ о введеніи въ употребленіе рабочихъ книжекъ, которыя замѣняли бы собою контракты, а для ссыльно-поселенцевъ и увольнительные билеты, заключило: возбужденные III Отдѣломъ Коммиссіи по этимъ предложеніямъ вопросы представить на ближайшее усмотрѣніе министра финансовъ ²⁾.

¹⁾ Цифра эта сильно преувеличена, если считать всѣхъ рабочихъ, а не нанятыхъ только въ промысловъ; въ Енисейской губерніи въ 60-хъ годахъ не являлось въ пріиски всего отъ 1,2 до 2% рабочихъ.

²⁾ „Труды Коммиссіи Высоч. Утверж. для пересм. сист. податей и сборовъ“ т. VIII, ч. II, журналъ Общаго Собранія Коммис. № 21, стр. 59—73. Мнѣніе Томскаго губернатора см. Архивъ Горн. Департ., № 68/650, ч. III, л. 256—258.

Такимъ образомъ Труды Общаго Собранія Комиссіи по составленію проекта Устава о частной золотопромышленности и правилъ о наймѣ рабочихъ, закончились въ 1865 году. Между тѣмъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, министръ финансовъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ Устава о золотопромышленности лишь въ 1867 году, и тамъ онъ былъ разсмотрѣнъ только въ 1869 году. Мы возвратимся ниже къ судьбѣ этого проекта, а теперь остановимся на нѣкоторыхъ частныхъ узаконеніяхъ относительно пріисковыхъ рабочихъ, изданныхъ въ 60-хъ годахъ.

Вслѣдствіе частыхъ побѣговъ рабочихъ съ золотыхъ промысловъ Восточной Сибири, въ Енисейской губерніи возникло предположеніе о принятіи особыхъ мѣръ для пресѣченія побѣговъ. Предположеніе это состояло въ томъ, чтобы, по поимкѣ рабочихъ, бѣжавшихъ съ промысловъ, горные исправники возвращали ихъ туда и взыскивали съ хозяевъ промысловъ по 3 р. сер. за cadaго бѣглаго для вознагражденія тѣхъ, которые поймали бѣглецовъ съ зачисленіемъ этихъ денегъ на счетъ бѣжавшимъ, которые и обязаны ихъ отработать. Къ этому предположенію сочувственно отнеслась высшая администрація Восточной и Западной Сибири, и Выс. Утвер. 21 декабря 1861 г. положеніемъ Сибирскаго Комитета было повелѣно: установленную въ ст. 101 и 606 Уст. о Пасп. и бѣглыхъ (т. XIV Св. Зак. изд. 1857 г.) выдачу наградъ нижнимъ чинамъ воинскихъ командъ за поимку бѣглыхъ рабочихъ съ частныхъ Сибирскихъ золотыхъ промысловъ распространить вообще на всѣхъ лицъ, которыми будутъ пойманы и представлены въ распоряженіе начальства бѣжавшіе съ пріиска рабочіе, съ тѣмъ, чтобы наградныя деньги по 1 р. 50 коп. и по 3 руб. за cadaго человѣка казенныя палаты или уѣздныя казначейства тотчасъ выдавали изъ общихъ губернскихъ доходовъ поймавшимъ бѣглыхъ и деньги эти зачисляли въ недоимку для взысканія съ пристанодержателей, если они окажутся, а въ противномъ случаѣ съ золотопромышленниковъ, предоставивъ имъ обращать эти деньги на счетъ пойманныхъ бѣглыхъ. Мѣру эту повелѣно было допустить въ видѣ опыта на 3 года, если же она окажется полезною, то предоставить главному начальству Сибири продлить дѣйствія ея и на будущее время ¹⁾.

Въ 1862 году Сибирскій Комитетъ въ виду того, что разрѣшено было допустить частную золотопромышленность въ нѣкоторыхъ частяхъ Алтайскаго округа, нашелъ возможнымъ допустить ссыльно-поселенцевъ и на частныя пріиски этой мѣстности. Наемъ ссыльно-поселенцевъ на пріиски Алтайскаго округа Сибирскій Комитетъ положилъ дозволить въ видѣ опыта на 3 года, но съ тѣмъ, чтобы имъ было попрежнему воспрещено постоянное водвореніе въ крестьянскихъ селеніяхъ горнаго вѣ-

¹⁾ П. С. З. т. XXXVI, № 37786.

домства и приписка къ тамошнимъ сельскимъ обществамъ и чтобы они, по окончаніи работъ, возвращались въ мѣста своего причисленія. Государь повелѣлъ 15 марта 1862 года исполнить это положеніе Комитета, а въ 1866 году повелѣнно было продолжить срокъ найма ссыльно-поселенцевъ на частные и казенные алтайскіе золотые промыслы впредъ до указанія опыта и съ сохраненіемъ условій, установленныхъ 15 марта 1862 г. ¹⁾.

Мы видѣли, что и прежде правительству приходилось принимать мѣры для обезпеченія рабочихъ въ исправномъ полученіи на золотыхъ промыслахъ заработанныхъ ими денегъ. 30-го мая 1867 года Выс. утв. мнѣніемъ Комитета министровъ были установлены по этому предмету слѣдующія временныя правила. Лица, завѣдующія полицейскою частью на приискахъ до наступленія времени расчета рабочихъ и до отправленія золота, добытаго во второй половинѣ промысловаго года, удостоверяются опросомъ золотопромышленниковъ, есть ли у нихъ достаточное количество денегъ для расчета съ рабочими. Если денегъ окажется мало и при томъ не представится никакихъ другихъ средствъ, то лицо, завѣдующее полицейскою частью, дѣлаетъ распоряженіе объ отправленіи промысловою конторою въ ближайшее отдѣленіе Государственного банка для выдачи ссудъ такого количества золота, какое необходимо будетъ для покрытія выданныхъ подъ него въ ссуду недостающихъ для расчета съ рабочими денегъ, а по полученіи денегъ вмѣстѣ съ промысловымъ управленіемъ рассчитываетъ рабочихъ. До окончанія расчета золотопромышленникъ обязанъ содержать рабочихъ на свой счетъ и платить имъ за каждыя сутки, со дня окончанія срока контракта по день расчета, по 30 коп. каждому. Деньги подъ залогъ золота для расчета съ рабочими велѣно было выдавать, несмотря ни на какія другія наложенныя запрещенія ²⁾.

По окончаніи всѣхъ работъ по пересмотру Устава о частной золотопромышленности въ министерство финансовъ поступило отъ главнаго мѣстнаго начальства Восточной Сибири два представленія: одно объ установленіи законодательнымъ порядкомъ формы для контрактовъ, составленной на основаніи данныхъ, выработанныхъ въ особо учрежденномъ для этого Комитетѣ и рассмотрѣнныхъ въ Совѣтѣ Главнаго Управленія В. С., а другое объ установленіи особыхъ правилъ о наймѣ на частные золотые промыслы несовершеннолѣтнихъ. Поводомъ для возбужденія второго вопроса послужило слѣдующее обстоятельство.

Управляющій приисками Безобразовыхъ въ сѣверной системѣ Ени-

¹⁾ П. С. З. т. XXXVII, № 38062, т. XLI, № 42977.

²⁾ П. С. З. т. XLII, № 44638. „Труды Ком. Выс. утверж. для пересм. сист. под. и сборовъ“ т. VIII, ч. III, стр. 103.

сейскаго округа, инженеръ-технологъ Степановъ, обратился въ 1862 г. къ и. д. генераль-губернатора Восточной Сибири съ жалобой на горнаго исправника Сѣверной системы, который неоднократно требовалъ, чтобы Степановъ расчиталъ и уволилъ съ пріисковъ рабочихъ, „какъ не имѣвшихъ права обязываться контрактомъ“. Исполненіе этого требованія, по словамъ Степанова, „равносильно прекращенію работъ“ на управляемомъ имъ пріискѣ и почти во всей тайгѣ, такъ какъ почти всѣ песковые и турфовые возчики моложе 21 года. По мнѣнію Степанова, требованіе горнаго исправника „идеть совершенно наперекоръ существующему порядку, не согласно съ закономъ и выхлѣить изъ границъ предоставленнаго ему права“, такъ какъ нѣтъ закона, который запрещалъ бы недостижимъ 21 года идти на заработки для прокормленія себя и своего семейства. Если даже „буквально примѣнить въ этомъ случаѣ законъ объ обязательствахъ несовершеннолѣтнихъ, то съ согласія родителей или попечителей несовершеннолѣтніе могутъ давать всякаго рода обязательства; увольнительное же свидѣтельство о безпрепятственности найма, въ выдачѣ коего участвуетъ крестьянское общество и родственники наемника, доказываетъ, что таковое согласіе послѣдовало, и тѣмъ самымъ отстраняется даже съ этой стороны поводъ къ нарушенію контракта“¹⁾.

Спрошенный по поводу этой жалобы, горный исправникъ Чайковский объяснилъ, что пріисковыя работы слишкомъ тяжелы, что малолѣтніе не только не имѣютъ права сами заключать договоры (222 ст. X т. ч. 1 Св. Зак. Гражд.), но даже не могутъ быть отдаваемы въ наемъ ихъ отцами и матерями, такъ какъ статья 2285 тѣхъ же законовъ дозволяетъ отдачу отцами и матерями малолѣтнихъ (моложе 17 лѣтъ) только въ легкую работу съ дозволенія начальства. Къ этому Чайковский добавилъ, что ни у кого изъ золотопромышленниковъ его системы, кромѣ Безобразовыхъ, малолѣтнихъ рабочихъ не было, Степановъ же не только нанялъ 16 лѣтняго мальчика, но еще, когда тотъ бѣжалъ и былъ пойманъ, жестоко наказалъ его розгами и не расчиталъ его, вопреки требованію исправника, до окончанія срока работъ.

Вслѣдствіе этого дѣла въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, въ засѣданіи 30 декабря 1863 года, былъ возбужденъ общій вопросъ о несовершеннолѣтнихъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Совѣтъ нашелъ, что въ положеніи о частной золотопромышленности, а также и въ гражданскихъ законахъ не заключается правилъ о наймѣ несовершеннолѣтнихъ на золотые промысла и что 52—54 статьи положенія 8 марта 1861 г., объ освобожденіи горнозаводскаго населенія казенныхъ земель²⁾, относятся къ употребленію несовершеннолѣтнихъ въ

¹⁾ Арх. Горн. Деп., дѣло № 63/650, ч. III, л. 86—87.

²⁾ Этими статьями воспрещалось употреблять въ заводскія работы дѣтей моложе 12 лѣтъ; несовершеннолѣтнихъ отъ 12 до 18 лѣтъ разрѣшалось нанимать съ согласія

горнымъ работы, а о наймѣ ихъ на золотые промысла необходимо особое разъяснительное постановленіе, для чего необходимо потребовать мнѣніе горныхъ ревизоровъ. Горный ревизоръ частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейской губ. обратился въ свою очередь къ горнымъ исправникамъ. „Хотя на промыслахъ ввѣренной мнѣ системы“, отвѣчалъ въ февралѣ 1864 г. горный исправникъ Сѣверной части Енисейскаго округа Трапезниковъ (замѣстившій Чайковского), „несовершеннолѣтніе рабочіе бываютъ въ незначительномъ количествѣ, но, по мнѣнію моему, и эти послѣдніе не должны быть нанимаемы, потому что они, не принося существенной пользы промысловому дѣлу, могутъ приносить вредъ, какъ себѣ, такъ и обществамъ, которымъ принадлежать.... Родители несовершеннолѣтняго, довольные получаемымъ имъ задаткомъ, поступающимъ въ распоряженіе ихъ, не прекословятъ этому найму, а, коль скоро послѣдовало согласіе съ ихъ стороны, то волостнымъ правленіямъ нѣтъ надобности стѣснять свободу несовершеннолѣтняго, который, не имѣя никакого понятія о промысловомъ трудѣ, а нерѣдко вынуждаемый даже родителями.... рѣшается на этотъ опасный шагъ... Между тѣмъ, присковый трудъ ему не по силамъ; онъ долженъ или подвергать разстройству свое здоровье, чтобы не отстать отъ совершеннолѣтнихъ, или, что всего вѣрнѣе, бѣжать, оставаясь въ долгу“. Его возвращаютъ по этапу, „въ кругу спутниковъ, болѣею частью окончательно испорченной нравственности“, которые имѣютъ на него самое вредное вліяніе. Онъ бѣжитъ во второй и третій разъ, „мало-по-малу развращается и дѣлается въ тягость не только обществу, своимъ родителямъ, но и самому себѣ. Въ заключеніе Трапезниковъ предложилъ увольненіе несовершеннолѣтнихъ на промысла въ качествѣ чернорабочихъ воспретить, но дозволить наемъ ихъ по особымъ условіямъ—для письма, услуженія, присмотра за работами, какого либо мастерства, словомъ, для всѣхъ тѣхъ занятій, которыя соотвѣтствуютъ ихъ возрастамъ и силамъ.—Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа Бакшевичъ высказалъ мнѣніе, что несовершеннолѣтнихъ можно нанимать на промысла, но съ тѣмъ, чтобы употреблять ихъ преимущественно на легкія работы: водить лошадей, на которыхъ возятъ песокъ и торфъ или быть погонщиками лошадей при конныхъ приводахъ, устраиваемыхъ въ случаѣ недостатка воды; но и это занятіе, по мнѣнію Бакшевича, „должно быть сокращено на $\frac{1}{7}$ часть времени“, сравнительно съ тѣмъ, сколько работаютъ совершеннолѣтніе ¹⁾. По всей вѣроятности онъ имѣлъ въ виду 14-часовой рабочій день взрослыхъ и, слѣдовательно, предлагалъ, чтобы несовершеннолѣтніе работали не болѣе 12 часовъ.

родителей, но съ тѣмъ, чтобы до 15 лѣтъ работали не болѣе 8 ч. въ сутки, только днемъ и въ горныхъ работахъ только на поверхности земли. П. С. З. т. XXXVI, № 36719.

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2545, № 58/113, л. 6—11, 21—25.

Чтобы дать понятие о проектѣ контракта для найма рабочихъ на золотые промысла, одобренномъ въ 1866 г. Совѣтомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири и представленномъ на утверждение министра финансовъ, приведемъ нѣкоторые изъ пунктовъ этого контракта.

Если по пути на пріиски кто либо изъ рабочихъ промотаетъ одежду и взамѣнъ промотанной получить новую, то за стоимость такихъ вещей рабочіе отвѣчаютъ всею артелью, при чемъ артель „имѣетъ право подвергнуть виновныхъ наказанію, по правиламъ артельной расправы, и убытки, происшедшіе отъ растраты, отнести на его счетъ“. При опредѣленіи осенняго срока пріисковыхъ работъ (10 сентября) сдѣлана оговорка, что и послѣ того для вскрытія торфовъ и выемки песковъ рабочіе могутъ оставаться на пріискахъ по добровольному ихъ на то согласію и за особую плату; „по наступленіи же холоднаго времени или первой зимней дороги, пріисковое управленіе обязано безъ замедленія отправить“ рабочихъ „артелями до перваго селенія, снабдивъ лошадьми для своза“ ихъ „багажа и припасовъ. а также заболѣвшихъ дорогою“. Повторяя правило закона 1838 г., что работы должны происходить съ 5 ч. утра до 8 вечера, проектъ замѣняетъ неопредѣленное постановленіе этого закона относительно продолжительности отдыха точнымъ правиломъ, что „изъ числа рабочихъ часовъ“ слѣдовало давать рабочимъ „на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ не менѣе двухъ часовъ“. Кромѣ того въ проектѣ 1866 г. „для поддержанія здоровья рабочихъ“ былъ назначенъ „одинъ будничный день на роздыхъ по очередному порядку“; впрочемъ желающіе и въ этотъ день могли заниматься старательскими работами. Что касается пищевого пайка рабочихъ, то по проекту 1866 г. хлѣба, соли и квасу должно было выдавать рабочимъ, сколько они въ состояніи съѣсть и выпить, говядины не менѣе 1 ф., крупы 10 ф. и масла только 8 золотниковъ. Для предохраненія отъ цынги рабочимъ одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, должна была, на счетъ пріисковаго управленія, выдаваться винная порція не менѣе $\frac{1}{100}$ ведра. Рабочіе „нерадивые и дурного поведенія“ могли быть удаляемы съ пріисковъ „съ разрѣшенія горнаго исправника“. За недоработку уроковъ устанавливалась круговая отвѣтственность артели. Споры „о качествѣ грунта, т.-е. мягкоѣ онъ и разрушистъ или твердъ и крѣпокъ“, съ чѣмъ связанъ былъ размѣръ уроковъ, могли разрѣшаться горнымъ исправникомъ или горнымъ ревизоромъ. „Однакожь грунтъ земли иловато-глинистый и мерзлый долженъ работаться не урокомъ или замѣромъ, а лишь по способности и возможности добывать его, такъ какъ опытъ показалъ, что подобнаго качества земля съ величайшимъ трудомъ поддается кайлѣ и лому, и нерѣдко на выработку одного кубическаго аршина требуется нѣсколько человѣкъ“. За прогулъ и за лѣность установленъ былъ штрафъ по 2 р. 50 к. за каждый „самовольно прогульный“ день.—Печатный экземпляръ кон-

тракта долженъ былъ присоединяться къ расчетному листу каждаго рабочаго ¹⁾).

Разсмотрѣвъ вопросы, возбужденные послѣ окончанія работъ по Уставу о частной золотопромышленности, министр финансовъ Рейтернъ нашелъ съ своей стороны, что такъ какъ въ дѣйствующемъ Горномъ Уставѣ и въ проектѣ правилъ о наймѣ рабочихъ на промысла достаточно подробно изложены условія, которыя должны входить въ контракты золотопромышленниковъ съ рабочими и такъ какъ порядокъ найма несовершеннолѣтнихъ вполне выясненъ въ законахъ гражданскихъ (ст. 2202, 2203 и 2285 т. X ч. 1 Св. Зак.), то будетъ совершенно излишнимъ устанавливать въ законодательномъ порядкѣ особую форму для контрактовъ съ рабочими и дополнительныя правила о наймѣ „малолѣтокъ“ въ работы на промысла. Увѣдомляя объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ 1 апрѣля 1867 г., министр финансовъ препроводилъ на его усмотрѣніе представленія генералъ-губернатора Восточной Сибири о формѣ для контрактовъ и о наймѣ несовершеннолѣтнихъ. Только въ апрѣлѣ 1869 г. министерство внутреннихъ дѣлъ собралось снести по этому вопросу съ податною комиссіей и получило отвѣтъ, что министр финансовъ уже внесъ въ Государственный Совѣтъ 22 Сентября 1867 г. представленіе по этому предмету, о чемъ въ іюнѣ 1869 г. министерство и сообщило генералъ-губернатору Восточной Сибири Корсакову ²⁾.

По полученіи этого извѣщенія министерства внутреннихъ дѣлъ, Корсаковъ разослалъ губернаторамъ В. С. слѣдующій циркуляръ: „На основаніи 2202 ст. X т. 1 ч. Св. Зак. Гражд. изд. 1857 г. не могутъ наниматься въ работу дѣти несовершеннолѣтнія безъ позволенія родителей или опекуновъ. По ст. 2203, не могутъ быть отдаваемы въ наемъ дѣти родителями безъ особеннаго ихъ согласія, но родителямъ не запрещается отдавать дѣтей въ ученіе на опредѣленные сроки; наконецъ въ ст. 2285 постановлено, что дѣтей малолѣтнихъ (ниже 17 лѣтъ), хотя и могутъ отцы и матери или опекуны отдавать въ легкую работу, какъ-то: въ пастушество и т. п. и составлять за нихъ условія, но не иначе какъ съ дозволенія волостныхъ правленій или родового начальства и не больше, какъ на одинъ годъ. Между тѣмъ изъ дѣлъ горнаго отдѣленія Главнаго Управленія оказывается, что на нѣкоторые частныя золотыя промысла были нанимаемы несовершеннолѣтніе, которые употреблялись въ тяжелыя работы, несоотвѣтствующія ихъ силамъ и возрасту“. Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ просилъ губернаторовъ сдѣлать распоряженіе и строго наблюдать, чтобы, при наймѣ и употребленіи въ ра-

¹⁾ „Справочная книга для золотопромышленниковъ“, вып. II, подъ редакціей Н. Сурина, Иркут. 1871 г., стр. 484—492.

²⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 1673, № 27/30, л. 423.

боты по частнымъ золотымъ промысламъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, вышеприведенныя узаконенія соблюдались неупустительно ¹⁾.—Возвращаемся къ проекту новаго Устава о частной золотопромышленности.

Соединенные департаменты экономіи и законовъ Государственнаго Совѣта. разсмотрѣвъ въ маѣ 1869 г. проектъ, представленный министромъ финансовъ, нашли, что онъ не можетъ подлежать окончательному разсмотрѣнію, такъ какъ: 1) со времени составленія проекта изданы многія узаконенія, съ которыми онъ не былъ согласованъ и 2) труды по настоящему предмету основаны на свѣдѣніяхъ о золотомъ промыслѣ, собранныхъ до 1862 г. Между тѣмъ изъ новыхъ статистическихъ данныхъ видно особенно важное значеніе золотопромышленности Восточной Сибири, и потому главнѣйшее вниманіе при составленіи правилъ о наймѣ рабочихъ и управленіи ими должно быть обращено на эту мѣстность, гдѣ главную рабочую силу на промыслахъ составляютъ ссыльно-поселенцы. Вслѣдствіе этого соединенные департаменты положили представленіе министра финансовъ съ проектомъ новаго Устава о частной золотопромышленности возвратитъ ему для пересмотра проекта при участіи представителя отъ министерства Двора. Вслѣдствіе этого министромъ финансовъ была образована особая Коммиссія ²⁾, которой и порученъ пересмотръ проекта устава о частной золотопромышленности.

При разсмотрѣніи обязанностей полиціи относительно золотого промысла, двое изъ членовъ коммиссіи О. И. Квистъ и С. С. Энгельгардтъ высказали мнѣнія, что постановленіе о поимкѣ бѣглыхъ съ пріисковъ должно быть отмѣнено. Бѣглымъ можетъ быть названъ, по мнѣнію этихъ членовъ коммиссіи, „лишь тотъ, кто уклоняется отъ обязанности, принудительно налагаемой на него правительствомъ, а не нарушающій только договоръ. Большая часть такихъ бѣглыхъ съ промысловъ—ссыльно-поселенцы; еслибы они были отдаваемы своимъ начальствомъ въ работы на золотые промыслы, въ такомъ случаѣ поимка бѣжавшихъ и возвращеніе ихъ на работы были бы лишь прямымъ послѣдствіемъ принудительной отдачи въ работы“. А такъ какъ „ссыльно-поселенцы сами нанимаются на промыслы, т. е. заключаютъ съ нанимателемъ свободный договоръ“, то нарушеніе его „должно влечь за собою только гражданскую отвѣтственность, принудительное же исполненіе договоровъ по нашему законодательству не существуетъ и къ тому же совершенно невозможно:

¹⁾ Арх. Иркут. Горн. Упр. К. 2545, № 58/113, л. 164.

²⁾ Подъ предсѣдательствомъ А. К. Гирса изъ членовъ отъ министерства финансовъ Ф. Раселли, О. И. Квиста, Коренева, Николаева, Ахматова, отъ министерства юстиціи фонъ-Бенкендорфа, Бурлакова, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. И. Небольсина, отъ министерства Двора А. Д. Озерскаго и отъ II Отдѣленія Соб. Е. В. Канцеляріи С. С. Энгельгардта.

если рабочій, возвращаемый на пріискъ, тѣмъ не менѣе не будетъ работать, какъ принудить его къ тому? Наконецъ, долготѣнная практика показала, что обсуждаемое постановленіе не достигаетъ своей цѣли; далеко не всѣ, бѣгущіе съ промысловъ, были ловимы, что доказывается самымъ количествомъ ежегодныхъ побѣговъ, и кромѣ того едва ли пойманный и возвращенный насильно рабочій приноситъ значительную пользу промыслу“ ¹⁾. Но другіе члены комиссіи, Гирсъ, Озерскій, Расселли и Небольсинъ не согласились съ этимъ мнѣніемъ и находили, что значительное число бѣглыхъ съ промысловъ, составляющее будто бы до $\frac{1}{4}$ всѣхъ нанятыхъ ²⁾, не позволяетъ правительству оставить эти побѣги безъ вниманія, такъ какъ отъ нихъ „страждетъ не только золотой промыселъ, но и общественный порядокъ: большинство бѣглыхъ обращается въ грабителей (?); можно ожидать, что число побѣговъ еще болѣе увеличится, если будетъ отмѣненъ законъ о поимкѣ ихъ, существующій уже 30 лѣтъ, законъ, котораго нельзя отмѣнить безъ предварительнаго сношенія съ мѣстными властями. Что же касается права правительства на возвращеніе бѣжавшихъ, то не должно забывать, что оно относится къ ссыльно-поселенцамъ: предоставляя имъ ваниматься на промыслы, правительство можетъ за то требовать, чтобы, разъ нанявшись, они не оставляли принятыхъ на себя обязанностей“. По этимъ соображеніямъ предложеніе Квиста и Энгельгардта большинствомъ голосовъ было отклонено.

При разсмотрѣніи правила о разработкѣ пріисковъ было замѣчено, что опасность для рабочихъ можетъ явиться при работахъ не только подземныхъ, но и поверхностныхъ (напримѣръ, отъ обваловъ, при передвиженіи валуновъ и т. п.); кромѣ того предписаніе производить подземныя работы „по правиламъ горнаго искусства“ рѣшено было исключить, такъ какъ оно чрезвычайно неопредѣленно и можетъ подать поводъ къ притѣсненію золотопромышленниковъ. Вслѣдствіе этого соотвѣтственная статья приняла такой видъ: „добычу золота, какъ поверхностными, такъ и подземными работами, производить безъ опасности и вреда для

¹⁾ Подобное же мнѣніе высказалъ совѣтъ общаго губернскаго управленія Енисейской губерніи, который въ первой половинѣ 60-хъ годовъ призналъ побѣгъ рабочихъ съ пріисковъ дѣломъ гражданскимъ и на основаніи 2228 ст. 1 ч. X т. Св. Зак. постановилъ, что обратная пересылка не можетъ быть допускаема въ отношеніи всѣхъ вообще рабочихъ, но, какъ нарушеніе обязательства, должна быть разрѣшаема лишь въ томъ случаѣ, когда въ договорѣ золотопромышленника съ рабочими есть условіе объ обратной пересылкѣ и когда исполненіе этого условія потребуетъ наниматель. Этимъ постановленіемъ были очень раздражены енисейскіе золотопромышленники. *В. Ламкинъ*. „О золотопромышленности въ Сибири“, 1864 г., стр. 24—29; *Арх. Ирк. Горн. Упр.* К. 1673, № 27/30, л. 211—214.

²⁾ Это, какъ мы знаемъ, совершенный вздоръ.

жизни рабочихъ". Въ такомъ видѣ эта статья едва ли могла принести существенную пользу.

Относительно статьи, устанавливающей общимъ правиломъ, что срокъ найма не можетъ простирается долѣе одного года, но договоръ можетъ быть возобновленъ по прошествіи этого времени, послѣ разсчета между рабочимъ и нанимателемъ, коммиссія нашла, что существенная сторона этого постановленія заключается въ требованіи ежегоднаго разсчета, но для этой цѣли нѣтъ надобности измѣнять общій законъ о личномъ наймѣ, опредѣляющій для него иной срокъ; достаточно постановить, что разсчетъ между золотопромышленникомъ и рабочимъ совершается ежегодно. Коммиссія нашла также лишнимъ постановленіе, что сборы съ золотопромышленника не должны быть вычитаемы изъ задатка рабочаго, „такъ какъ нельзя запретить включать въ условія о задаточныхъ деньгахъ по соглашенію сторонъ и вычетъ изъ нихъ упомянутыхъ сборовъ, безъ соглашенія же вычетъ этотъ не можетъ быть произведенъ". — По поводу статьи, вѣннавшей рабочимъ въ обязанность отправляться на мѣсто присковъ артелями съ круговою порукою относительно неотлучки во время пути, государственная канцелярія замѣтила, что круговая порука несовмѣстима съ обязательнымъ составленіемъ артели, будучи возможна только при взаимномъ довѣріи членовъ артели; при томъ нельзя, по мнѣнію Государственной канцеляріи, утверждать, что при слѣдованіи рабочихъ толпою, порядокъ будетъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ при одиночномъ ихъ отправленіи; къ тому же путешествіе артелями представляетъ такія значительныя удобства для рабочихъ, что безъ всякаго сомнѣнія они, въ большинствѣ случаевъ, будутъ составлять артели добровольно. Коммиссія съ своей стороны нашла, что требованіе круговой поруки не можетъ повести ни къ какимъ полезнымъ результатамъ и что для слѣдованія свободныхъ людей нѣтъ надобности въ какихъ либо особыхъ правилахъ, но относительно ссыльно-поселенцевъ необходимо принять мѣры для огражденія порядка во время ихъ путешествія на приски, тѣмъ болѣе, что управление ссыльно-поселенцами заинтересовано въ томъ, чтобы всѣ нанавшіеся достигли въ срокъ до мѣста назначенія, такъ какъ за каждого рабочаго ссыльно-поселенца золотопромышленникъ вноситъ нѣкоторую сумму въ экономическій капиталъ. Поэтому коммиссія рѣшила, исключивъ лишь правила о круговой поруцѣ, поставить ссыльно-поселенцамъ въ обязанность слѣдовать на приски „партіями", (такъ какъ слово „артель" „не примѣнимо къ обществамъ, составляемымъ принудительно"). Рѣшено было при этомъ опредѣлить наказаніе, которому большинство партіи можетъ подвергать своихъ членовъ за неповиновеніе старостѣ: коммиссія, „примѣняясь къ 101 ст. Общ. Полож. о крестьянахъ и выбирая изъ наказаній, въ ней упомянутыхъ, единственное, возможное на пути въ Сибирской тайгѣ, постановило подвер-

гать виновныхъ наказанію розгами до 20 ударовъ. Государственная канцелярія нашла, что статья, устанавливающая надзоръ полиціи, волостныхъ правленій, смотрителей поселеній и сельскихъ начальниковъ за отправленіемъ и слѣдованіемъ нанятыхъ людей на пріиски, не удобна и можетъ послужить лишь поводомъ къ незаконнымъ притязаніямъ полиціи; комиссія, находя и съ своей стороны, что статья эта не нужна по отношенію къ свободнымъ людямъ, считала полезнымъ сохранить ее для ссыльно-поселенцевъ. Комиссія нашла также необходимымъ, чтобы между золотопромышленниками и рабочими заключались непременно письменные договоры и чтобы они всегда были засвидѣтельствованы¹⁾, въ виду того, что на золотыхъ промыслахъ расчетъ дѣлается разъ въ годъ, слѣдовательно, непризнание хозяиномъ существованія договора лишило бы рабочаго заработка всего промысловаго года, и подобные случаи, вызывая неудовольствіе на хозяина, могутъ повлечь за собою даже безпорядки и преступленія.

По поводу статей, касающихся артелей рабочихъ на пріискахъ²⁾, О. И. Квистъ и С. С. Энгельгардтъ сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: „Артели рабочихъ на пріискахъ для производства работъ составляются промышленниками, что и должно быть, потому что такое раздѣленіе рабочихъ вызывается потребностями работы; но раздѣленіе рабочихъ на артели для внутреннего порядка не можетъ, кажется, быть предоставлено усмотрѣнію золотопромышленника, потому что установленіе внутреннего порядка между рабочими вызывается государственною потребностью въ такомъ порядкѣ, а не выгодами промышленника; независимо отъ сего“, соотвѣтственные статьи проекта даютъ артели такія права, „которыя могли бы принадлежать ей (и то не всѣ), развѣ только въ случаѣ составленія ея добровольно самими рабочими. Артельной расправѣ, состоящей большею частію изъ ссыльно-поселенцевъ,—людей, признанныхъ закономъ преступниками,—здѣсь дается право судить и наказывать своихъ членовъ, между которыми встрѣчаются и полноправныя лица. Правда, промышленникамъ и рабочимъ предоставлено жаловаться на рѣшеніе расправы, но право жалобы, во многихъ случаяхъ, можетъ оказаться бесполезнымъ, напримѣръ, когда расправа опредѣлитъ и исполнить тѣлесное наказаніе“. Одна изъ этихъ статей устанавливаетъ „новые виды преступленій, не существующіе по общимъ законамъ; таковы: лѣность, нетрезвость, порываніе къ побѣгу, которое могло бы быть признано преступленіемъ только въ томъ случаѣ, еслибы работа на пріис-

¹⁾ Уставъ о золотопромышленности 1838 г. допускалъ и неавочные договоры.

²⁾ Труды Ком. для пересм. сист. под. и сбор. т. VIII, ч. II, проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на част. золот. промыслы, приложение къ ст. 97 проекта о частн. золот., стр. 10—11, ст. 26—28.

какъ была принудительна. Если признать подобныя постановленія необходимыми для Сибири, то пришлось бы допустить ихъ и въ Европейской Россіи, гдѣ также въ рабочую пору хозяева бываютъ вовлечены лѣнностью или побѣгомъ рабочихъ въ невознаградимые убытки. Еслибы даже и въ договорѣ съ рабочимъ было помѣщено условіе подчиняться рѣшеніямъ расправы,—это было бы только условіемъ противнымъ законамъ: договоръ, которымъ создается преступленіе, не дѣйствителенъ. Единственное взысканіе, которому¹⁾, по мнѣнію двухъ названныхъ членовъ, „рабочіе могутъ быть подвергнуты за дѣйствія, нарушающія интересы промышленника, это штрафы, условленные въ договорѣ о наймѣ; что же касается такихъ ихъ дѣйствій, которыми нарушается общественный порядокъ и спокойствіе, — право наказанія за нихъ можетъ быть предоставлено единственно правительству, т. е. по мелкимъ проступкамъ — общей полиціи и горнымъ исправникамъ“. — Но другіе члены комиссіи (Гирсъ, Озерскій, Небольсинъ, Раселли и Бурлаковъ) полагали, что „на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ нельзя избѣгнуть необходимости въ нѣкоторомъ особомъ порядкѣ суда и наказанія за мелкіе проступки, какъ вредящіе промышленнику, такъ и нарушающіе общественный порядокъ. Въ мѣстностяхъ населенныхъ можно, въ случаѣ нарушенія договора со стороны рабочаго, найти на него судъ у мирового судьи, произвести вычеты изъ платы, наконецъ отказать ему отъ мѣста. Въ сибирской тайгѣ, напротивъ, большею частію нельзя тотчасъ въ случаѣ надобности найти полицейскаго чиновника (такъ какъ на всю енисейскую тайгу существуютъ два горныхъ исправника); вычетъ часто также не исполнимъ, потому что большею частію не промышленникъ въ долгу у рабочаго, а рабочій получилъ уже впередъ весь свой заработокъ; отказъ же ему отъ работы невозможенъ по недостатку людей. Если не установитъ особаго скорого порядка суда и взысканій за мелкіе проступки, золотой промыселъ неминуемо долженъ будетъ упасть... На основаніи этихъ соображеній большинство Комиссіи полагало, что на время до введенія въ Сибиріи мировыхъ учреждений и новыхъ судебныхъ уставовъ или вообще до наступленія въ ней условій жизни, болѣе близкихъ къ существующимъ въ Европейской Россіи, необходимо сохранить обсуждаемое постановленіе, составляющее существенную гарантію для золотопромышленниковъ и условія существованія въ настоящее время золотого промысла въ Сибиріи“.

По поводу статьи 32 проекта правилъ о наймѣ рабочихъ на частныя золотыя промыслы ¹⁾, О. И. Кнись и С. С. Энгельгардтъ не разъ,

¹⁾ „Неявившіеся на пріиски рабочіе, а также бѣжавшіе препровождаются мѣстнымъ, сельскимъ и полицейскимъ начальствомъ къ золотопромышленникамъ какъ для *отработки дома*, такъ и для выполненія своихъ по найму обязанностей до истеченія срочнаго времени“ и проч.

какъ мы видѣли, возвышавшіе голосъ въ защиту правъ рабочихъ, высказали слѣдующія замѣчанія: „Статья эта заключаетъ въ себѣ постановленія, идущія въ разрѣзъ съ общими гражданскими законами. Во-первыхъ, ею устанавливается особая гражданская обязанность—отработка долга. Понятіе о принудительной отработкѣ долга существовало у насъ въ XVIII столѣтіи, но тогда были и правила, опредѣлявшія эту отработку; теперь же никакихъ правилъ, относительно того, въ чемъ состоитъ отработка, какъ она производится, не существуетъ. Во-вторыхъ, принудительное исполненіе договора съ золотопромышленниками, устанавливаемое этою статьею, ставитъ рабочихъ на прискахъ въ такую зависимость отъ хозяина, подобная которой представляется лишь въ крѣпостномъ правѣ“. По мнѣнію названныхъ двухъ членовъ Коммиссіи, „едва ли можетъ быть столь важное для государства производство, которое стоило бы сохранять такую дорогою цѣною, и если бы золотопромышленность не могла существовать безъ подобнаго правила, то полезнѣе было бы для государства отказаться отъ нея, чѣмъ отъ того начала свободы, которое недавно признано имъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и которое прямо подрывается разбираемою статьею. Установивъ принудительное исполненіе договора съ золотопромышленникомъ и оставаясь послѣдовательнымъ, законъ долженъ бы былъ для тѣхъ рабочихъ, которые, будучи высланы обратно на приски, все-таки не будутъ работать, снова ввести и тѣлесное наказаніе, какъ единственно возможное для человѣка, лишеннаго свободы, какимъ предполагаетъ сдѣлать рабочаго обсуждаемая статья проекта“. — Но большинство Коммиссіи (Бурлаковъ, Гирсъ, Небольсинъ и Раселли), „соглашаясь съ тѣмъ, что принудительное исполненіе договора не должно быть введено для рабочихъ вполнѣ свободныхъ, полагало однако, что невозможно избѣжать этого по отношенію къ рабочимъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Для нихъ уже введены многія правила, которымъ нельзя подчинить людей свободныхъ, таково, напримѣръ, требованіе надзора начальства за ихъ отправленіемъ и слѣдованіемъ на приски; нѣтъ поэтому основанія не принять и обсуждаемаго ограниченія ихъ правъ, настоятельно требуемаго мѣстными обстоятельствами... Не должно забывать при этомъ, что золотопромышленникъ въ Сибири принимаетъ на себя совершенно исключительныя обязанности относительно рабочихъ: онъ не только даетъ имъ значительныя задатки, но и снабжаетъ ихъ одеждою, пищею, платитъ за нихъ подати и недоимки, такъ что рабочій рѣдко не состоитъ во время промысловыхъ операций въ долгу у своего хозяина; понятно, что бѣгство рабочаго влечетъ при такихъ обстоятельствахъ совершенно невозвратимыя потери для промышленника“. По этимъ соображеніямъ большинство Коммиссіи считало необходимымъ сохранить постановленіе о возвращеніи ссыльно-поселенцевъ, бѣжавшихъ съ присковъ. Статью о невыдачѣ пас-

порта оставшимся въ долгу рабочимъ, пока они не отдадутъ долга, и о недозволеніи имъ паниматься у другого хозяина, если онъ не приметъ на себя уплаты долга прежнему, Коммиссія рѣшила также отнести только къ ссыльно-поселенцамъ.

Относительно статей, опредѣляющихъ вознагражденіе рабочему или его семейству за увѣчья отъ работъ, Коммиссія полагала, что онѣ должны примѣняться лишь тогда, когда увѣчья произошли не по винѣ золото-промышленника, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣдній подвергается отвѣтственности по ст. 657—661 Законовъ Гражданскихъ ¹⁾.

Министръ финансовъ, согласившись съ сдѣланными Коммиссіею измѣненіями, 26 декабря 1869 г. внесъ проектъ новаго устава о золото-промышленности въ Государственный Совѣтъ ²⁾.

¹⁾ Труды Коммисіи Высоч. Утверж. для пересм. сист. податей и сборовъ, т. VIII, ч. III, журналъ особой ком. по пересмотру проекта устава о частной золото-промышл., стр. 1—3, 7—8, 18—19, 67—68, 70—72, 84—105.

²⁾ При пересмотрѣ проекта устава о частной золотопром. (1869 г.), Особая Коммиссія между прочимъ положила отдѣлить отъ этого проекта раздѣлъ, содержащій правила о взысканіяхъ и наказаніяхъ за нарушеніе постановленій о частномъ золотомъ промыслѣ. При пересмотрѣ Коммиссіею этихъ правилъ, вниманіе ея было обращено (С. С. Энгельгардтомъ) на ст. 618 проекта устава о золотопромышленности, которую рѣшено было измѣнить такимъ образомъ: „Рабочіе, при частныхъ золотыхъ... промыслахъ на земляхъ казенныхъ и Кабинета, за явное неповиновеніе хозяину, повѣренному его или прикащику, оказанное на принскѣ цѣлою артелью, подвергаются наказаніямъ по ст. 263—266, 268, 269 и 273 о возстаніи противъ властей, правительствомъ установленныхъ“. „Труды Ком. для пересм. сист. подат. и сборовъ“ т. VIII, ч. III, Журн. Особ. Ком. по перес. проекта устава о золотопром. № 81, стр. 12—13.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I (къ стр. 1). Въ 1677 г. получены были первыя указанія на существованіе золотой руды въ Нерчинскомъ краѣ, но попытка разрабатывать ее была неудачна; лишь въ 1752 г. изъ нерчинскаго серебра стали отдѣлять золото¹⁾. Въ 1700 г. всѣмъ разрѣшено было искать золотыя и серебряныя руды по всему государству²⁾. На сѣверѣ Россіи жильное золото было открыто въ 1732 г. — въ Кемскомъ уѣздѣ на р. Выгѣ (впадающей черезъ озеро Выго въ Бѣлое море) въ Воицкомъ рудникѣ. Работы начались здѣсь съ 1745 г. и продолжались въ теченіе всего царствованія имп. Елизаветы, потомъ рудникъ былъ три раза оставленъ и возобновляемъ пока, наконецъ, въ 1794 г. былъ затопленъ и развѣдки прекратились. Всего золота было здѣсь добыто нѣсколько болѣе $4\frac{1}{2}$ пудовъ³⁾. Въ 1627 г. Акинф. Никит. Демидовымъ были основаны мѣдиплавильные заводы въ Алтайскихъ горахъ и лѣтъ черезъ десять было приступлено къ разработкѣ павѣстнаго Змѣиногорскаго рудника, который содержалъ въ себѣ болѣе серебряныхъ рудъ, нежели мѣдныхъ, и который между прочимъ давалъ очень много самороднаго серебра, соединеннаго съ золотомъ; часто встрѣчалось и самородное золото. Это послужило поводомъ къ отобранію у Демидова въ 1747 г. Алтайскихъ или, какъ ихъ называли до 1850 г., Колывано-Воскресенскихъ заводовъ въ казну за незначительное денежное вознагражденіе. Почти въ одно время съ основаніемъ сереброплавильнаго производства на Алтаѣ открыты золотыя рудники въ окрестностяхъ Екатеринбурга на Уралѣ. Первые признаки золота въ этихъ казенныхъ рудникахъ, получившихъ общее названіе Березовскихъ, найдены въ 1745 г., и вскорѣ началось извлеченіе золота изъ рудъ толченіемъ и промывкою въ большомъ размѣрѣ. Лучшее время дѣйствія золотыхъ рудниковъ Екатеринбургскаго округа было въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1808—10 гг., когда тамъ добывалось по 22 пуд. ежегодно⁴⁾.

¹⁾ *Озерскій*. „Очеркъ геологій, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья“. Спб. 1867 г., стр. 36; *Меньшенинъ*. „Объ успѣхахъ горнаго промысла въ Россіи“. „Горный Журналъ“, 1829 г. № 2, стр. 192.

²⁾ I-е П. С. З., № 1815.

³⁾ *Боголюбскій*. „Золото, его запасы и добыча“. Спб. 1877 г., стр. 44—45; *Меньшенинъ*, стр. 193, 200.

⁴⁾ *Филлипсъ*. „Способы добычи и статистика золота, съ дополненіями И. По-

II (къ стр. 93). Въ Киргизской степи въ Кокбектинскомъ округѣ началъ добывавіе золота коммерціи совѣтникъ Степанъ Поповъ. Пески оказались здѣсь весьма бѣдными золотомъ ¹⁾. Въ киргизскихъ округахъ (Кокбектинскомъ и Кокчетанскомъ):

Годъ.	Находилось въ дѣйстви пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Число рабочихъ „по разсчету въ одинъ день“.	Добыто лигатурнаго золота.	Среднее содержаніе золота въ 100 п. песку.
1843	14	5.727,500	731	6 п. 17 ф. — з	41 дол. ²⁾
1844	11	4.213,800	732	5 „ 5 „ 18 „	44 ³ / ₄ „ ³⁾
1845	11	3.224,500	559	2 „ 38 „ 93 „	34 „ ⁴⁾
1846	5	2.805,950	421	2 „ 31 „ 55 „	36 ⁵ / ₈ „ ⁵⁾
1847	7	2.624,066	424	2 „ 12 „ 68 „	32 ¹ / ₂ „ ⁶⁾
1848	3	1.633,160	279	1 „ 18 „ 49 „	—
1849	5	2.240,030	—	1 „ 38 „ 10 „	— ⁷⁾

На частныхъ золотыхъ промыслахъ Томскаго округа:

Годъ.	Находилось въ дѣйстви пріисковъ.	Промыто пуд. песку.	Число рабочихъ „по разсчету въ одинъ день“.	Добыто лигатурнаго золота.	Среднее содержаніе золота въ 100 п. песку.
1843	37	27.633,374	3,704	80 п. 11 ф. 86 з.	1 в. 11 д. ⁸⁾
1844	48	29.183,550	4,321	62 „ 8 „ 45 „	— „ 76 ⁷ / ₈ „ ⁹⁾
1845	45	24.811,648	3,964	48 „ 32 „ 95 „	— „ 72 ¹ / ₂ „ ¹⁰⁾
1846	27	27.589,765	3,640	48 „ 1 „ 15 „	— ¹¹⁾
1847	32	19.011,100	2,776	38 „ 21 „ 40 „	— „ 74 ⁵ / ₈ „ ¹²⁾
1848	44	13.486,324	2,460	36 „ 36 „ 92 „	—
1849	41	20.358,611	2,929	38 „ 6 „ 12 „	— ¹³⁾

летики“. Спб. 1869 г., стр. 114—117. Кулибинъ. „Описаніе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ“. „Гор. Жур.“ 1836 г. № 2.

¹⁾ Галемейстеръ. I, 206.

²⁾ „Гор. Жур.“, 1844 г., № 4, стр. 133—135.

³⁾ „Гор. Жур.“, 1845 г., № 3, стр. 415.

⁴⁾ Ibid., 1846 г., № 3, стр. 505—506.

⁵⁾ Ibid., 1847 г., № 6, стр. 393.

⁶⁾ Ibid., 1848 г., № 3, стр. 361.

⁷⁾ Галемейстеръ. I, 356—357.

⁸⁾ „Гор. Жур.“, 1844 г., № 4, стр. 121—125.

⁹⁾ Ibid. 1845 г., № 3, стр. 431—436.

¹⁰⁾ Ibid. 1846 г., № 4, стр., 159—165.

¹¹⁾ Галемейстеръ. I, 353—357.

¹²⁾ „Гор. Жур.“, 1848 г., № 4, стр. 125—129.

¹³⁾ Галемейстеръ. I, 353—357.

Въ Томской губерніи золотопромышленность быстро падала: еще въ 1840 г. на тамошнихъ приискахъ считалось 8,767 ч.¹⁾, а въ 1843 г. ихъ было только 3,704 чел.

Въ вѣдѣніи Алтайскаго горнаго правленія кромѣ золотыхъ приисковъ Киргизской степи и Томскаго округа находились еще прииски Ачинскаго, Минусинскаго и Красноярскаго округовъ Енисейской губ. Въ этихъ округахъ:

Годъ.	Находилось въ дѣйствиіи приисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто лагатурнаго золота.
1843	33	14.187,245	1,746	35 п. 69 ф. 79 з. ²⁾
1844	27	21.584,108	3,027	54 „ 27 „ 82 „ ³⁾
1845	26	25.044,579	2,524	51 „ 8 „ 24 „ ⁴⁾
1846	30	30.422,730	2,780	59 „ 8 „ 74 „
1847	35	30.972,843	2,859	68 „ 12 „ 7 „
1848	34	33.751,626	3,062	69 „ 35 „ 38 „
1849	28	41.344,381	3,632	73 „ 27 „ 7 „ ⁵⁾

Всего на приискахъ, подвѣдомственныхъ Алтайскому горному правленію, находилось рабочихъ: въ 1843 г.—6,181 чел., въ 1844 г.—8,080 ч., въ 1845 г.—7,047 ч., въ 1846 г.—6,841 ч., въ 1847 г.—6,059 г., въ 1848 г.—5,801 ч.

Въ Енисейскомъ округѣ по системамъ рѣкъ Удерея, Мурожной, Рыбной, Пита, Подкаменной Тунгузки и другимъ, впадающимъ въ Енисей, находилось въ работѣ на промыслахъ въ 1841 г. до 3,500 чел. и въ развѣдочныхъ партіяхъ до 300 чел., а всего до 3,800 чел. Въ округахъ Канскомъ и Нижнеудинскомъ было въ работѣ по системамъ рѣкъ Бирюсы—3,035 ч., Кана—245 ч. и Оки—30 ч.; въ округѣ Киренскомъ, по системѣ рѣки Лены—25 ч., и въ розыскныхъ партіяхъ по всѣмъ этимъ системамъ до 145 чел. Всего же въ работѣ было на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири (кромѣ Ачинскаго, Минусинскаго и Красноярскаго округовъ) до 7,280 чел. (Въ 1840 г. тамъ же считалось до 7,000 ч.). Всего разрабатываемыхъ промысловъ было 58, слѣдовательно, если исключить рабочихъ, находившихся въ поисковыхъ партіяхъ, на каждый приискъ приходилось среднимъ числомъ по 118 чел., т. е. здѣсь золотопромышленность приняла форму болѣе крупныхъ предпріятій, чѣмъ въ Западной Сибири. Золота всего было добыто болѣе 229 пуд. Вынуто песковъ 25.269.695 п., слѣдовательно, на cadaго изъ 6,835 чел. рабочихъ, работавшихъ на приискахъ, было промыто 3,697 п. песку. Среднее содержаніе золота въ 100 п. песку по Бирюсинской системѣ было 2 зол. 57 дол., по Кану—90¹/₂ дол., по системѣ Удерея—4 зол. 44³/₄ дол., по Рыбной—2 зол. 36¹/₂ дол., по Мурожной—8 зол. 29¹/₂ дол., по системѣ Подкаменной Тунгузки—4 зол. 11¹/₄ дол. Изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ 1841 г. промысловъ оказа-

¹⁾ Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V-го Отд. Соб. Е. В. Канц. № 315, т. IV, л. 194.

²⁾ „Гор. Жур.“, 1844 г., № 4, стр. 125—131. Среднее содержаніе золота рѣдко превышало 1 зол. на 100 п. песку, обыкновенно же было менѣе.

³⁾ „Гор. Жур.“, 1845 г., № 3, стр. 437—440.

⁴⁾ Ibid. 1846 г., № 4, стр. 166—170.

⁵⁾ Гилемейстеръ. I, 353—357.

лись самыми богатыми: поручика Малевинскаго Ольгинскій по р. Октолику съ среднимъ содержаніемъ золота 11 зол. 79 дол., К^о купцовъ Щеголева и Кузнецова Крестовозвиженскій по р. Мурожной—10 зол. 56 дол., К^о Голубкова и Кузнецова Никольскій по р. Калами—8 зол. и Платоновскій по Октолику—7 зол. 28 дол., Никиты Мясникова Спасскій—7 зол. 14 дол.¹⁾

Въ 1842 г. было добыто въ Восточной Сибири 479 п. 17 ф. золота. Рабочихъ на приискахъ Енисейскаго округа было 7,931, а въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ 3344²⁾, всего на промыслахъ, числившихся въ Восточной Сибири, было 11,275 рабочихъ, да еще въ поисковыхъ партіяхъ до 550 чел. Среднее содержаніе золота въ Енисейскомъ округѣ было 5 зол. 29 дол. въ 100 п. песку³⁾. На Бирюсинской системѣ среднее содержаніе золота было не болѣе 3 зол.⁴⁾

Золотопромышленность быстро развивалась въ Восточной Сибири, и въ 1843 г. ею было уже занято около 20,000 чел.⁵⁾

Въ 1845 г. на всѣхъ приискахъ Восточной Сибири было 22,725 рабочихъ, а съ находившимися въ золотоискательныхъ партіяхъ считали до 25,000 чел.⁶⁾

Въ сѣверной части Енисейскаго округа:

Годъ.	Число приисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	63	64.315,076	8,835	649 п. 39 ф. 51 в.
1847	43	85.425,292	9,943	895 " 22 " 80 "
1848	42	96.106,610	8,667	902 " 13 " 45 "
1849	45	124.388,291	9,638	734 " 38 " 3 "

Въ южной части Енисейскаго округа:

Годъ.	Число приисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	74	65.227,816	10,949	430 п. 4 ф. 94 в.
1847	56	60.241,418	9,196	316 " 29 " 51 "
1848	42	48.828,690	6,143	250 " — " 93 "
1849	45	70.709,762 ⁷⁾	7,552	308 " 28 " 33 "

¹⁾ „Гор. Жур.“, 1842 г., № 11, стр. 223—226, 233, 1842 г., № 1, стр. 107—118.

²⁾ Въ 1842 г. по отчету горнаго ревизора въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ округахъ было 3787 рабочихъ. „Гор. Жур.“ 1844 г., т. I, 158.

³⁾ Арх. Гор. Департ., по описи всепод. доклад. дѣло 1843 г., № 3, л. 146—153; „Гор. Жур.“, 1842 г., № 12, вѣдомость стр. I—X.

⁴⁾ Зедделеръ. „Частн. золот. пром. Удер. сист.“. „Сѣвер. Пчела“. 1846 г. № 86.

⁵⁾ „Гор. Жур.“, 1843 г., № 10, стр. 123—133.

⁶⁾ Шукинъ. „Вліяніе золотыхъ промысловъ на дѣйность жизненныхъ припасовъ въ Восточной Сибири“. „Жур. Мин. Внут. Дѣлъ“, 1848 г., т. XXI, стр. 412—420.

⁷⁾ Въ сѣверной Енисейской системѣ въ 1846—49 гг. на одного рабочаго среднимъ числомъ промывалось въ годъ по 9,984 п. песку, въ южной—по 7,240 п.

Въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ, Иркутскомъ, Олекминскомъ и Верхнеудинскомъ округахъ:

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	24	30.432,974	4,728	88 п. 17 ф. 42 з.
1847	26	30.938,209	2,516 ¹⁾	18 „ 16 „ 6 „ ²⁾
1848	20	22.924,500	3,772	64 „ — „ 77 „
1849	24	21.933,485	2,363	56 „ 32 „ 59 „

Всего въ Восточной Сибири на частныхъ прискахъ:

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто золота.
1846	161	159.975.866	24,512	1,168 п. 21 ф. 88 з.
1847	125	176.604,919	21,665	1,230 „ 28 „ 41 „
1848	104	167.859,800	18,582	1,216 „ 9 „ 75 „
1849	114	217.031,538	19,553	1.100 „ 18 „ — „ ³⁾

Во всей Сибири рабочихъ, занятыхъ частною золотопромышленностью, было въ 1846 г.—81,353 чел., въ 1847 г.—27,724, въ 1848 г.—24,383 ч. ⁴⁾

Но въ другомъ мѣстѣ своего труда Гагемейстеръ (II, 462) даетъ болѣе значительныя цифры присковъ рабочихъ на частныхъ промыслахъ Сибири; при этомъ промыслы Красноярскаго, Ачинскаго и Минусинскаго округовъ (принадлежащія по технической части золотого промысла къ Алтайскому горному начальству) онъ относитъ къ Восточной Сибири. По этимъ даннымъ въ 1847 г. въ Западной Сибири было рабочихъ на прискахъ—1,854 чел., въ Восточной—30,664, и того 32,518 ч.; въ 1848 г. въ Западной Сибири—2,036 ч., въ Восточной—25,427, и того 27,463 ч.; въ 1849 г. въ Западной Сибири—2,659 ч., въ Восточной—26,549, и того 29,208 ч. ⁵⁾

¹⁾ Судя по неизданнымъ даннымъ, сообщеннымъ намъ г. Савинскимъ, эта цифра относится только къ Канскому, Нижнеудинскому и Иркутскому округамъ, а въ Верхнеудинскомъ и Олекминскомъ округахъ было еще 1,964 рабочихъ.

²⁾ По даннымъ Савинскаго эта цифра относится только къ Верхнеудинскому и Олекминскому округамъ, а въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ округахъ было добыто еще 58 п. 23 ф. 91 з.

³⁾ *Гагемейстеръ*. I, 353—357.

⁴⁾ *Ibid.*, ср. *Раселли*, 228. Цифры *Раселли* почти совершенно совпадаютъ съ цифрами, взятыми изъ сочиненія Гагемейстера.

⁵⁾ Въ одномъ неизданномъ официальномъ источникѣ мы находимъ такія же данныя о числѣ рабочихъ въ Восточной Сибири. См. Арх. Гор. Департ. по описи № 91, дѣло 1851 г. № 3/39, вѣзка 2, л. 239 и слѣд. Въ другомъ официальномъ источникѣ находимъ слѣдующія данныя относительно присковъ одной *Енисейской губ.*

Золота добыто было частными лицами во всей Сибири: въ 1840 г.—216 п.¹⁾, въ 1841 г.—321 п., въ 1842 г.—595, въ 1843 г.—908, въ 1844 г.—939, въ 1845 г.—959, въ 1846 г.—1,278, въ 1847 г.—1,337, въ 1848 г.—1,324, въ 1849—1,214 пудовъ. Такимъ образомъ въ 1847 г. золотопромышленность въ Сибири достигла своего апогея. Нужно замѣтить, что съ 1844 до 1851 г. была прекращена выдача дозволенныхъ на розыски золота свидѣтельствъ²⁾.

III (къ стр. 128). Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ цѣны, установленныя въ таксѣ 1842 г. для промысловъ Томскаго уѣзда, а также заимствованныя изъ расчетныхъ книгъ Южно-Енисейскаго округа: Прокопьевскаго прииска Асташева, 1843 г., Казанскаго промысла Асташева 1847 г., Удереиской К^о 1846—47 гг. и Николаевскаго прииска Заангарской К^о 1847 г.

	Такса 1842 г. для Томскаго округа.		Прокоп. пр. Асташ. 1843 г.	Казан. пр Асташева 1847 г.	Пр. Уде- рейск. К ^о 1846—48г.	Николаевскій пр. Заангарской К ^о 1847 г.
	Цѣна на асс.	Цѣна на сер.	Цѣны на ассигнаціи.			
Рукавицы 1-го сорта . 1 п.	1 5	— 30	(конин.) 60, 65 к.;	1 р. 25 к. (баран.).	1 р. 30 к.	90 к., 1 р. 50 к. (конинныя).
„ 2-го „ . 1 „	— 81	— 24	1 р., 1 р. 5 к., 1 р. 40 к.			1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 50 к., 1 р. 60 к. (бараньи).
Варьги 1 „	— 65	— 18	60, 80 к.	60 к.	80 к.	66, 70 к.
Чарки 1-го сорта . . . 1 „	1 61	— 46	2 р. 35 к., 2 р. 50 к.	2 р. 62 к.	2 р. 60 к.	1 р. 80 к., 2 р., 2 р. 25 к., 2 р. 50 к.
„ 2-го „ 1 „	1 40	— 40	1 р. 55 к.	—	1 р. 20 к.	
Бродни Тюменскія . . 1 „	5 60	1 60	1 с. 6-50 к.	5 р. 25 к.	5 р. 75 к.	6 р., 6 р. 50 к., 6 р. 60 к.
„ Томскія 1 „	4 20	1 20	2 с. 4-50 к.			
Армяки 1 сорта съ обшив.	10 50	3 —	—	14 р. (Азавъ Нижнегор.).	—	
„ 2 „ 7 —	2 —	—	6 р. 80 к.	10 р.	10 р., 15 р.	7 р., 14 р., 15 р.
„ 3 „ 5 25	1 50	—	7 р. 40 к.			
Табакъ російскій . . 1 ф.	— 84	— 24	80, 85 к.	Таб. чер- кас. 60 к.	1 р.	Табакъ чер- касскій 70 к., 80 к., 1 р., 1 р. 10 к.
„ линейный . . . 1 „	— 25	— 7 ¹ / ₄				

(очевидно со включеніемъ Ачинскаго, Красноярскаго и Минусинскаго округовъ): въ 1847 г.—26,449 чел., въ 1848 г.—23,089, въ 1849 г.—25,214 ч. Арх. Гор. Департ., по описи № 91, дѣло 1851 г. № 3/39, часть 7-я, л. 45.—Генералъ-адъютантъ Анненковъ, ревизовавшій Западную Сибирь въ 1851 г., говоритъ, что въ Томской тайгѣ въ 1847—50 гг. употреблялось отъ 3,000 до 3,500 рабочихъ. Эта цифра больше приведенныхъ выше и, вѣроятно, представляет количество дѣйствительныхъ, а не среднегодовыхъ рабочихъ.

¹⁾ Фунты и золотники опускаемъ.

²⁾ *Галемейстеръ*. I, 215. П. С. З, т. XIX, прибавленіе къ нему, стр. 36—37, № 17877 а).

	Такса 1842 г. для Томскаго округа.		Прокон. пр. Асташ. 1843 г.	Казан. пр. Асташева 1847 г.	Пр. Уде- рейск. К ^о 1846—47 г.	Николаевскій пр. Заангарской К ^о 1847 г.
	Цѣна на асс.	Цѣна на сер.	Цѣны на ассигнаціи.			
	Р. К.	Р. К.				
Холстъ ленный . . . 1 ар.	— 35	— 10	} 2 с. 26 к., 27 к., 29 к. 3 сорта 22 к.	} 2-го сорта 32 к. 3-го сорта 25 к.	} 2 торта 30 к.	} 1 сорта 45, 50 к. 2 сорта 30, 35, 40 к. 3 сорта 25, 30, 35, 40 к.
„ пачесной . . 1 „	— 28	— 8				
„ подкладъ . . 1 „	— 21	— 6				
Сукно крест. (овечье). 1 „	— 70	— 20	80 к., 1 р., 1 р. 50 к.	80, 85 к.	Сукно 1 р.	70 к., 1 р., 1 р. 20 к.
„ половинчатое . 1 „	— 42	— 12	—	—	—	—
Сапоги кунгурск. 1 сор. 1 п.	8 61	2 46	} Сапоги 6 р. 15 к.	} Кунгурск. сап. 9 р.	} Кунгур. сапоги 10 р. 50 к.	} Кунгурскіе сапоги 10 р., 12 р. 50 к.
„ „ 2 „ 1 „	7 —	2 —				
Полушубки 1-го сорта 1 ш.	10 50	3 —	} 7 р., 7 р. 95 к.	} 10 р. 50 к.	} 12 р.	} 9 р., 18 р.
„ 2-го „ 1 „	8 61	2 46				
Голяшки (голен.) брод. 1 п.	1 75	— 50	—	—	—	—
Почвы, подошвы. . . 1 „	— 70	— 20	80 к.	60 к., 1 р. 25 к.	1 р. 20 к.	—
Рубаха ситцевая. . . 1 ш.	— —	— —	—	—	7 р.	—
„ выбойковая . 1 „	— —	— —	—	—	4 р. 50 к.	—
Подштанники . . . 1 п.	— —	— —	—	—	3 р. 50 к.	—
Опояска гарусная . . 1 ш.	— —	— —	—	—	2 р. 50 к.	—
Шалка 1 „	— —	— —	—	—	3 р. 50 к., 5 р., 6 р. 50 к.	4 р.
Сѣтка 1 „	— —	— —	—	—	2 р. 50 к.	—
ЧулOCKъ шерстяныхъ . 1 п.	— —	— —	—	—	1 р. 50 к.	—
Мыло 1 ф.	— —	— —	50 к.	75 к.	60 к., 1 р.	60 к.
Свѣчи салныя . . . 1 „	— —	— —	—	60 к.	1 р.	—
Чай кирпичный . . 1 кирп.	— —	— —	—	3 р. 75 к.	4 р. 50 к.	—
„ фамильный . . . 1 ф.	— —	— —	—	—	8 р.	—
Сахаръ 1 „	— —	— —	—	—	2 р., 2 р. 50 к., 3 р.	2 р., 3 р.
Медъ 1 „	— —	— —	—	—	70 к., 1 р.	—
Масло коровье. . . 1 „	— —	— —	—	—	60 к., 80 к., 1 р.	—
„ постное. . . . 1 „	— —	— —	—	—	80 к., 1 р.	—
Пшеничная мука . . 1 „	— —	— —	—	—	20, 30 к.	—
Свѣжее мясо „	— —	— —	—	27 к.	25 к.	25 к.
Сало 1 „	— —	— —	—	—	40 к.	—

IV (къ стр. 165). Въ Киргизской степи добывалось немного золота: въ 1850—52 гг. около 3½ п. Въ 1850 г. на десяти золотыхъ приискахъ киргизскихъ округовъ было 280 ч., а въ 1851 г. на восьми приискахъ—695 рабочихъ¹⁾. Въ 1855 г. на промыслахъ Семипалатинской области находилось 702 ч., въ 1857 г.—757 ч. рабочихъ²⁾.

Въ Томскомъ округѣ въ 1850—51 гг. было 53 прииска, на которыхъ въ 1850 г. было промыто болѣе 25 мил. пуд. песку и добыто 38 п. 28 ф. 55 з. шлихового золота, а въ 1851 г. промыто болѣе 26 мил. песку и добыто 33 п. 39 ф. 76 з. шлихового золота. Рабочихъ было въ 1850 г. 3271 ч., въ 1851 г. 2815 ч. Въ 1852 г. въ Томскомъ округѣ на 76 приискахъ было промыто болѣе 32 мил. п. песку и добыто 38 п. 37 ф. 57 з. золота (содержаніе въ 100 п. песку—43½ дол.). Рабочихъ было 3,487 ч.³⁾

Такимъ образомъ по свѣдѣніямъ, приводимымъ Гагемейстеромъ, на приискахъ Киргизской степи и Томскаго округа было всего въ 1850 г.—3,551 ч., въ 1851 г.—3,510 ч.⁴⁾

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ въ 1850 г. на 35 приискахъ было промыто болѣе 38 мил. п. песку и добыто 51 п. 6 ф. 47 з. золота; число рабочихъ—3,611; въ 1851 г. на 44 приискахъ промыто болѣе 50 мил. пуд. и добыто 63 п. 25 ф. 13 з. золота; рабочихъ было 3,721. Въ 1852 г. на 49 приискахъ промыто 63 мил. пуд. песку, добыто 80 п. 19 ф. 37 з. золота; рабочихъ было 4,364⁵⁾

Всего на приискахъ, подвѣдомственныхъ Алтайскому горному управленію было по даннымъ Гагемейстера въ 1850 г. на 98 приискахъ—7,162 раб., въ 1851 г. на 105 приискахъ—7,231 раб. Среднимъ числомъ приходится въ Западной Сибири по 71 чел. на одинъ приискъ.

Переходимъ къ приискамъ, подвѣдомственнымъ генераль-губернатору Восточной Сибири.

Въ сѣверной части Енисейскаго округа по однимъ даннымъ было:

въ 1850 г. прииск.	58,	пром. песк.	118.404,851 п.,	ч. раб.	9,133,	доб. зол.	572 п. 8 ф. 59 з.
" 1851 "	" 54 "	" "	165.525,746 "	" "	11,285 "	" 612 "	26 " 28 " ⁶⁾
" 1854 "	" — "	" "	176,134,894 "	" "	11,123 "	" 503 "	2 " 79 " ⁷⁾

По отчету же Енисейскаго губернатора на приискахъ сѣверной части Енисейскаго округа въ 1851 г. было болѣе рабочихъ, а именно 12,557 ч. м. п. и 163 ж. п.,

¹⁾ Гагемейстеръ. I, 206, 358, 359; „Гор. Жур.“, 1852 г., № 2, стр. 311—312; 1853 г., № 1, стр. 163

²⁾ Арх. Томск. Гор. Упр., дѣла № 420—20—14, л. 6 и № 421—21—62, л. 5.

³⁾ Гагемейстеръ. I, 358—359; „Гор. Жур.“, 1852 г., № 1, стр. 149—154; 1853 г., № 2, стр. 297—305.

⁴⁾ Напротивъ, генераль-губернаторъ Западной Сибири даетъ относительно этихъ двухъ мѣстностей другія цифры, а именно въ 1850 г.—2592 ч., въ 1851 г.—2597 ч. Арх. Горн. Департ. по описи № 91, дѣло № 3/39, часть 7-я, л. 47. Тѣ же цифры у Гагемейстера II, 462.

⁵⁾ Гагемейстеръ. I, 358—359; „Гор. Жур.“, 1852 г., № 1, стр. 154—159; 1853 г., № 2, стр. 306—312. Напротивъ, по отчету енисейскаго губернатора въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ было въ 1851 г. рабочихъ—4174 муж. п. и 143 ж. п., и того 4317 ч.; въ 1852 г. 4810 м. п., 166 ж. п., и того 4976 ч. Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета, отчеты Енис. губ. за 1851—52 гг.

⁶⁾ Гагемейстеръ. I, 358—359.

⁷⁾ „Записки Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1856 г. I, 39.

итого 12,720. По отчетамъ того же лица въ сѣверной части Енисейскаго округа было рабочихъ въ 1852 г.—12,344 м. п. и 458 ж. п., итого 12,802 ч.; въ 1853 г.—12,852 м. п., 594 ж. п., итого 13,446 ч., въ 1854 г.—14,161 м. п., 495 ж. п., итого 14,656¹⁾

Въ южной части Енисейскаго округа было:

въ 1850 г. приск. 49, пром. песк.	78,881,983 п., ч. раб.	8,022, доб. зол.	299 п. 22 ф. 66 в.
" 1851 " " 45 " "	93,932,649 " " "	8,134 " " 299 " 22 " 69 "	²⁾
" 1854 " " — " "	117,224,930 " " "	9,444 " " 305 " 15 " 94 "	³⁾

По отчетамъ Енисейскаго губернатора въ южной части Енисейскаго округа было рабочихъ:

въ 1851 г. ⁴⁾	9,956 мужчинъ,	569 женщинъ,	итого 10,525 чел.
" 1852 " "	10,458 " "	536 " "	10,994 " "
" 1853 " "	10,523 " "	616 " "	11,139 " "
" 1854 " "	12,213 " "	823 " "	13,036 " "

Въ Канскомъ, Нижнеудинскомъ, Иркутскомъ, Олекминскомъ и Верхнеудинскомъ округахъ было:

въ 1850 г. приск. 31, пром. песк.	30,088,573 п., ч. раб.	3,398, доб. зол.	70 п. 33 ф. 78 в.
" 1851 " " 32 " "	35,841,175 " " "	3,397 " " 67 " 29 " 6 "	⁵⁾
" 1854 " " — " "	35,661,242 " " "	8,129 " " 113 " 15 " 20 "	⁶⁾

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ Гагемейстера, мы получаемъ, что въ 1850—51 гг. въ сѣверной части Енисейскаго округа на одинъ прискъ среднимъ числомъ приходилось 182 рабочихъ, въ южной части—172 рабочихъ, въ остальныхъ округахъ 108 чел.

Всего по свидѣніямъ Гагемейстера, въ округахъ, подвѣдомственныхъ генералъ-губернатору Восточной Сибири было:

въ 1850 г. приск. 138, пром. песк.	227,357,407 п., ч. раб.	20,553, доб. зол.	942 п. 25 ф. 12 в.
" 1851 " " 131 " "	295,299,570 " " "	22,812 " " 979 " 38 " 17 "	

Если же присоединить сюда Ачинскій и Минусинскій округа, то окажется, что, по свидѣніямъ Гагемейстера, на прискахъ Восточной Сибири было въ 1850 г.—24,164 рабочихъ, въ 1851 г.—26,533, а во всей Сибири въ 1850 г.—27,715 ч. въ 1851 г.—30,043 чел. рабочихъ. Но самъ Гагемейстеръ въ другомъ мѣстѣ своего, труда (II, 462) даетъ гораздо большія цифры, а именно: находилось на промыслахъ Восточной Сибири въ 1850 г.—28,822 чел., въ 1851 г.—31,920. Данные, приведенныя въ отчетѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири⁷⁾, совпадаютъ съ послѣдними цифрами Гагемейстера, но только въ этомъ отчетѣ сказано, что сверхъ того не явилось на приски Восточной Сибири 1,384 чел., а Гагемейстеръ полагалъ, что количество неявившихся включено въ приведенной имъ цифрѣ. Въ 1852 г., по отчету генералъ-губернатора Восточной Сибири, на тамошнихъ частныхъ прискахъ было 32,222 чел., да еще не явилось около 1,000 чел.; въ 1853 г.—33,152 чел., да еще не явилось 1,445 чел.⁸⁾ Въ 1856 г. на прискахъ Восточной

¹⁾ Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета.

²⁾ Гагемейстеръ. I, 358—359.

³⁾ "Записки Сибир. Отд. Геогр. Общ." 1856 г., I, 53.

⁴⁾ Т. е. съ 10 сентября 1850 г. по 10 сентября 1851 г.

⁵⁾ Гагемейстеръ. I, 358—359.

⁶⁾ "Записки Сибир. Отд. Геогр. Общ." 1856 г., II, Прилож. стр. 13.

⁷⁾ Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета 1852 г., № 154, л. 50.

⁸⁾ Арх. Комитета Министровъ, дѣла Сибирскаго Комитета 1854 г., № 6, л. 45, № 130, л. 29.

Сибири со включеніемъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ было 37,391 муж. и 860 ж., итого 38,251 чел.; въ 1857 г. на тѣхъ же приискахъ было 37,509 муж. и 614 ж., итого 38,123; въ 1858 г. на промыслахъ Восточной Сибири было 34,960 р.¹⁾.

Въ официальномъ трудѣ о золотопромышленности въ Россіи мы находимъ цифры, по всей вѣроятности, заимствованныя изъ свѣдѣній горнаго вѣдомства:

Годъ.	Число приисковъ.	Промыто пудовъ песку.	Число рабочихъ.	Добыто шликового золота.
1850	207	294.961,900	27,655	1,010 п. 24 ф. 36 з.
1851	198	376.771,212	30,151	1,035 „ 24 „ 68 „
1852	239	397.824,967	31,017	900 „ 11 „ 86 „
1853	190	378.461,386	28,636	878 „ 6 „ 84 „
1854	228	435.114,584	35,195	1,025 „ 2 „ 78 „
1855	234	511.563,461	30,345	1,110 „ 25 „ 34 „
1856	281	542.072,376	34,587	1,177 „ 19 „ 16 „
1857	249	559.325,962	33,759	1,275 „ 17 „ 89 „
1858	326	607.157,324	— ²⁾	1,230 „ 20 „ 70 „
1859	322	561.063,776	29,461	1,114 „ 7 „ 53 „

Мы видимъ такимъ образомъ въ теченіе этого десятилѣтія значительное возрастаніе числа приисковъ и количества промытаго песку; количество рабочихъ колеблется по этимъ даннымъ въ предѣлахъ 27—35 тысячъ человѣкъ, въ среднемъ же за 9 лѣтъ (1850—57, 1859) приходится въ годъ по 31,200 чел. Количество золота, достигнувъ своего апогея въ 1847 г. (1,396 п.), до 1853 г. довольно быстро уменьшается, затѣмъ начинается вновь возрастать до 1857 г., и въ этомъ году, хотя и не сравнивается съ количествомъ, добытымъ въ 1847 г., но все-таки достигаетъ 1,275 п., а затѣмъ начинается новая убыль. Среднее годовое количество добываемаго золота въ теченіе всего десятилѣтія равняется почти 1076 п. Количество рабочихъ въ среднемъ на одинъ приискъ равняется 131 чел.

Сравнивъ итоги этой таблицы за 1850 и 51 гг. съ данными относительно всей Сибири, приведенными нами въ текстѣ (стр. 165), мы видимъ, что число дѣйствительныхъ рабочихъ превосходитъ число среднеголовыхъ (по даннымъ горнаго вѣдомства) приблизительно на 5,000 чел. Мы видѣли, что и въ 40-хъ годахъ разница между минимальными и максимальными данными о числѣ рабочихъ доходила также до 3—5 тысячъ человѣкъ.

Если мы возьмемъ отдѣльно золотые промысла Енисейской губ., то на нихъ (въ Енисейскомъ, Канскомъ, Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ) было по отчетамъ мѣстнаго губернатора въ 1850 г.—27,191 ч. раб., въ 1851 г.—28,998 муж.

¹⁾ „Иркутскія Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2, 1858 г. № 23, 1859 г. № 11.

²⁾ Цифру рабочихъ за 1858 г. опускаемъ. У Раселии здѣсь стоитъ 48960 ч., что это опечатка, видно, во-первыхъ, изъ того, что количество промытыхъ песковъ не до такой степени возросло, какъ это должно было бы быть при указанномъ числѣ рабочихъ по сравненію съ 1857 г., а затѣмъ по официальнымъ свѣдѣніямъ на промыслахъ Восточной Сибири въ этомъ году было всего 34,960 чел. рабочихъ („Иркут. Губ. Вѣд.“ 1859 г. № 11).

и 1,015 жен.¹⁾ По отчетамъ того же губернатора на золотыхъ промыслахъ этой губернии находилось:

въ 1852 г.	29,246	мужчинъ,	1,266	женщинъ,	итого	30,512	чел.
„ 1853 „	29,592	„	1,507	„	„	31,099	„
„ 1854 „	31,845	„	1,537	„	„	33,382	„

Въ 1855 г. было всего 29,971 ч., въ 1856 г.—34,523 ч., въ 1857 г.—32,330 ч., въ 1858 г.—28,002 ч., въ 1859 г.—24,343 чел.²⁾

На частныхъ пріискахъ остальныхъ мѣстностей Восточной Сибири было незначительное количество рабочихъ, за исключеніемъ Витимо-Олекминскаго округа. Приводимъ нѣкоторые данныя, почерпнутыя изъ официальныхъ отчетовъ о золотопромышленности Восточной Сибири³⁾. Въ Канскомъ и Нижнеудинскомъ округахъ было рабочихъ въ 1854 г.—1,399 ч.; служащихъ и рабочихъ въ 1856 г.—2,749, въ 1857 г.—2,044. Канскій округъ составляетъ часть Енисейской губернии и слѣдовательно уже вошелъ въ составъ общей данной объ этой губернии⁴⁾, а потому на долю Нижнеудинскаго округа Иркутской губ. остается весьма небольшое число рабочихъ. Въ Иркутскомъ округѣ было на промыслахъ въ 1854 г.—115 рабочихъ, въ 1856 г.—302, въ Верхнеудинскомъ въ 1854 г.—695, въ 1856 г.—911 чел. рабочихъ и служащихъ, въ 1857 г. въ Верхнеудинскомъ и Иркутскомъ округахъ—1,082 чел. Наконецъ, въ Олекминскомъ и Киренскомъ округахъ было служащихъ и рабочихъ: въ 1854 г.—5,930, въ 1856 г.—3,515, въ 1857 г.—4,708, въ 1858 г.—4,662, въ 1859 г.—4,787.

V (къ стр. 168). Правила эти для Западной и Восточной Сибири состояли въ слѣдующемъ. При отпускѣ изъ великороссійскихъ губерній крестьянъ или мѣщанъ для работъ на золотыхъ пріискахъ, мѣстное ихъ начальство должно было отбѣчать на паспортахъ время отбытія каждого уволеннаго. Если изъ одного селенія, волости или города отпускали нѣсколько человѣкъ, то имъ вѣнялось въ обязанность отправляться на мѣста работъ артелями, поставивъ надъ собою въ каждой артели одного старосту для охраненія порядка, которому они и должны были вручать свои паспорта и виды „съ круговою порукою въ неотлучкѣ отъ артели и должномъ ему повиновеніи“. На пути они обязаны были предъявлять свои паспорта въ полицію одного изъ трехъ городовъ—Тюмени, Кургана и Ялуторовска. Предъ наступленіемъ выхода рабочихъ съ пріисковъ горные исправники отбираютъ отъ крестьянъ великороссійскихъ губерній показанія, кто изъ нихъ и гдѣ именно будетъ проживать до новаго найма на промыслы. На основаніи этихъ показаній горные исправники составляютъ списки этимъ крестьянамъ съ означеніемъ ихъ примѣтъ и отсылаютъ въ тѣ полиціи, въ вѣдомствѣ которыхъ они будутъ проживать. Городскія и земскія полиціи дѣлаютъ по этимъ спискамъ

¹⁾ Арх. Горн. Департ., дѣло № 3/39, часть 7-я, л. 45. Тоже у Галемейстера П, 466.

²⁾ Арх. Комит. Министр., дѣла Сибир. Комитета, отчеты Енисейскаго губернатора за соответственные годы.

³⁾ „Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, 1856 г. II, Прилож., стр. 5; „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1857 г. № 2, 1858 г. № 23.

⁴⁾ Въ одномъ Канскомъ округѣ, по отчетамъ енисейскаго губернатора, было рабочихъ: въ 1851 г.—2311 м. и 140 ж., и того 2,451 чел., въ 1852 г.—1,634 м., 106 ж., и того 1,740 чел.; въ 1853 г. 1,627 муж., 139 ж., и того 1,766 чел.; въ 1854 г.—1704 м., 130 ж., и того 1,834 чел.

первую повѣрку не позже 1-го октября и затѣмъ ежемѣсячно повторяютъ ее (1) до выхода крестьянъ вновь на промыслы. Еслибы при этомъ кого-либо изъ крестьянъ не оказалось на лицо, то мѣстная полиція принимаетъ мѣры къ розысканію скрывшагося. Отлучка изъ мѣста, избраннаго для временнаго жительства, дозволяется крестьянамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія: въ округѣ—участковаго засѣдателя, въ городѣ же—полицеймейстера или городничаго. За всякую отлучку безъ разрѣшеній съ мѣста, избраннаго имъ для временнаго жительства, крестьянинъ подвергается выисканію, какъ за самовольную отлучку безъ паспорта, на основаніи общихъ узаконеній. Что касается Киргизской степи, то тамъ всѣ рабочіе не только великороссійскихъ, но и сибирскихъ губерній должны были, идя на принскп, предъявлять свои паспорта въ прилинейныхъ таможенныхъ; при обратномъ же выходѣ золотопромышленники или ихъ управляющіе должны были выдавать особые удостовѣренія въ томъ, что рабочіе выполнили принятія ими на себя обязательства, а таможенное начальство должно было наблюдать, чтобы не было тайнаго перехода рабочихъ какъ въ Киргизскую степь на принскп, такъ и обратно¹⁾.

VI (къ стр. 173). Золотопромышленники нерѣдко ходатайствовали объ увеличеніи размѣра задатковъ при наймѣ на промысла, и Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири по поводу одного изъ такихъ ходатайствъ пришелъ къ заключенію (въ августѣ 1853 г.), что слѣдуетъ допустить выдачу задатковъ до 10 р. сереб. на человека, о чемъ и представить на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора; но Муравьевъ положилъ на этомъ журналѣ (въ апрѣлѣ 1854 г.) слѣдующую резолюцію: „Полагаю отложить представленіе объ этой мѣрѣ до предстоящаго большаго развитія промысловъ,—и тогда войти въ особое разсмотрѣніе“. Въ 1857 г. Енисейскій гражданскій губернаторъ представилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири прошеніе золотопромышленниковъ и журналъ Енисейскаго Губернскаго Совѣта о мѣрахъ къ устраненію разныхъ затрудненій по частной золотопромышленности. Въ числѣ этихъ мѣръ было между прочимъ ходатайство золотопромышленниковъ, чтобы при наймѣ рабочихъ (очевидно, изъ ссыльно-поселенцевъ) и заключеніи съ ними явочныхъ договоровъ „дозволено было выдавать впередъ деньги не болѣе годового оклада платы, назначенной въ договорѣ“. Енисейскій губернский совѣтъ пришелъ по этому вопросу къ такому заключенію, что не слѣдуетъ запрещать золотопромышленникамъ сверхъ задатка выдавать ссыльно-поселенцамъ столько денегъ, сколько будетъ договорено по взаимному соглашенію, съ тѣмъ, чтобы эта выдача „не превышала всей годовой платы и чтобы всѣ подати и повинности за наемника были оплачены сполна“. Напротивъ, Енисейскій губернский прокуроръ высказалъ мнѣніе, что существующій законъ о задаткахъ долженъ быть сохраненъ и что совѣтъ не можетъ от-

¹⁾ П. С. З. т. XXVIII, № 27798. * Относительно Киргизской степи еще ранѣе изданія этихъ правилъ состоялось постановленіе пограничнаго управленія сибирскими киргизами 28 февраля 1851 г., одобренное Главнымъ Управленіемъ Западной Сибири, по которому золотопромышленники въ этой мѣстности или ихъ довѣренныя, по прибытіи людей на мѣста работъ, обязаны были предъявлять въ мѣстныя окружныя приказъ паспорта и условія найма, и эти приказъ должны были наблюдать за точнымъ выполненіемъ договоровъ между золотопромышленниками и рабочими и въ случаѣ „неустойки“ которой либо изъ договаривавшихся сторонъ понуждать неисправныхъ къ исполненію ихъ обязанностей. Арх. Гор. Департ. по описи № 91, дѣло № 3/39, часть 7-я, л. 53—54.

мѣнить его собственною властью. Енисейскій губернаторъ высказался за увеличеніе задатковъ ссыльно-поселенцамъ на томъ основаніи, что задатки „выдаваемые и нынѣ въ увеличенномъ размѣрѣ вслѣдствіе необходимости, употребляются поселенцами несравненно съ большею пользою, нежели деньги, выносимыя ими съ золотыхъ промысловъ по окончаніи лѣтнихъ работъ, ибо изъ задатковъ они уплачиваютъ подати, приобретаютъ для себя необходимую одежду и обувь“ и помогаютъ своимъ семействамъ, тогда какъ выносимыя съ пріисковъ деньги „большею частью истрачиваются на вино и на разныя прихоти, въ чемъ легко убѣдиться при сравненіи расхода на вино въ осенніе мѣсяцы съ прочимъ временемъ года. При томъ нельзя оставить безъ вниманія, что поселенцы, зная весьма хорошо правило, на основаніи котораго золотопромышленникъ, давшій задатки болѣе назначеннаго въ законѣ, терлеть право иска безспорнымъ порядкомъ, не упускаютъ.. пользоваться этимъ во вредъ золотопромышленникамъ“. Но Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири не согласился съ мнѣніемъ Енисейскаго губернскаго начальства и, имѣя виду, что послѣ 1854 г. со времени приведенной выше резолюціи генералъ-губернатора золотопромышленность не сдѣлала значительныхъ успѣховъ, постановилъ, что необходимо строго держаться существующаго закона ¹⁾).

VII (къ стр. 218). Въ слѣдующей таблицѣ приведены данныя изъ извѣстныхъ намъ таксъ и росписаній цѣнъ первой половины 50-хъ годовъ Томскаго и Енисейскаго округовъ.

	Печатя, такса Томскаго окр.		Енисейскій округъ.		
	Цѣны 1851 г.	Цѣны 1852 г.	Казанскій пріискъ Асташева 1851— 1852 г. ²⁾ .	Николаевскій пр. Асташева и Яков- лева 1853—54 г. ³⁾ . Пр. Удѣльской къ Ве- нцарамъ, Разанова и Це- голева (одно-енисейск. смет.) 1851—52 г. ⁴⁾ . Гавриловскій и Никола- евскій пр. къ Разановыхъ (сѣверо-енисейской смет.) 1851 г. ⁵⁾ .	
	На серебро.				
Рукавицы 1-го сорта . . . 1 п.	— 30	— 30	36 к.	— 30 — 40	Бараньи — 40
„ 2-го „ . . . 1 „	— 25	— 27			
Варьги Нижегородск. . . 1 „	— 18	— 15	17½ к.	— 20 — 23	— 22
Чарки (головки броден.) 1 с. 1 „	— 51	— 60	64½ к.	— 70 — 70	— —
„ „ „ 2 „ 1 „	— 39	— 40			

¹⁾ Арх. Гор. Департ. дѣло отд. частн. золот. 1857 г. № 68, часть 3-я, л. 3—5.

²⁾ Разсчетная книга 1851—52 г. Арх. дополнительнаго участка Пропошев. пріиска Асташева.

³⁾ Такса *ibid.* по описи № 29.

⁴⁾ Разсчетная книга (Арх. Воскресенскаго пріиска, арендуемаго А. А. Саввинныхъ).

⁵⁾ Разсчетная книга лѣтней операціи 1851 г. (Арх. Гавриловскаго пріиска Кытмановыхъ).

	Печати. такса Томскаго окр.		Енисейскій округъ.					
	Цѣны 1851 г.	Цѣны 1852 г.	Казанскій приискъ Асташева 1851— 1852 г.	Николаевскій пр. Асташева и Яков- лева 1853—54 г. Пр. Удѣльской К ^о Бе- нардаки, Глазкова и Це- голева (южно-енисейск. смет.) 1851—52 г. Гавриловскій и Никола- евскій пр. К ^о Глазковыхъ (сѣверо-енисейской смет.) 1851 г.				
	На серебро.							
Бродни Тюменскія 1 п.	1 45	1 70	1 р. 57 ¹ / ₄ к.	1 25	1 80	1 75		
„ Томскія 1 „	1 35	1 50				1 60		
Армяки отборные 1 ш.	— —	— —	—	4 20	— —	— —		
„ (азямы) 1-го сорта. 1 „	5 75	6 —	5 р. 30 к.	4 —	— —	5 10		
„ „ 2-го „ . 1 „	2 85	3 —	3 р.	3 —	4 50	3 55		
„ „ 3-го „ . 1 „	1 90	2 60	—	1 80	3 —	— —		
Полушубки 1-го сорта . . . 1 „	3 20	2 30	2 р. 43 к.	2 50	3 50	— —		
„ 2-го „ . . . 1 „	2 90	1 75						
Табакъ Россійскій. 1 п.	6 75	7 —	—	— —	— —	— —		
„ Черкасскій 1 ф.	— —	— —	20 к.	— 20	— 25	— 25		
„ Линейный 1 „	2 40	1 50	—	— —	— —	— —		
Холстъ ленный 1 ар.	— 8 ³ / ₄	— 10	10 к.	1 сортъ — 9	— —	— 12		
„ пачесный 1 „	— 6 ¹ / ₂	— 8	—	2 сортъ — 8	— 10	— 10		
„ подкладочный . . . 1 „	— 4 ¹ / ₂	— 6	—	3 сортъ — 6	— —	— 8		
Сукно овечье крестьянское. 1 „	— 24	— 30	23 к.	— 20	— 25	— 25		
„ половинчатое 1 „	— 11	— 15	—	— —	— —	— —		
Голяшки (голенищи) броден. 1 п.	— 39	— 60	64 ¹ / ₂ к.	— —	— —	— —		
Почвы (подшвы) 1 „	— 19	— 20	25 к.	— 25	— 35	— 30		
Сапоги кунгурскіе 1 сорта. 1 „	2 40	2 50	2 р. 43 к.	2 —	3 —	2 75		
„ „ 2 „ . 1 „	1 90	2 —			2 —			
Шуба 1 ш.	— —	— —	—	орчип. 4 —	6 —	— —		
Шаровары кожаные . . . 1 п.	— —	— —	—	— —	1 50	1 30	лосил.	

	Печатн. такса Томскаго окр.		Енисейскій округъ.				
	Цѣны 1851 г.	Цѣны 1852 г.	Казанскій прѣискъ Асташева 1851— 1852 г.	Николаевскій пр. Асташева и Яков- лева 1853—54 г.	Пр. Удѣр-ской К ^о Бе- нарала, Раванова и Ше- голева (ожино-енисейск. смет.) 1851—52 г.	Гаринскій и Никола- евскій пр. К ^о Равановыхъ (сѣверо-енисейскій смет.) 1851 г.	
	На серебро.						
	Р. К.	Р. К.		Р. К.	Р. К.	Р. К.	
Стѣтка волосная 1 ш.	—	—	—	—	—	— 40	
Чекмени 1 „	—	—	—	3 80	—	—	
Кушаки (гарусные) 1 „	—	—	50 к.	— 50	— 60	— 75	
Шапка 1 „	—	—	—	— 52	—	—	
Муки крупчатой 1 п.	—	—	—	2 30	—	—	
„ пшеничной 1 „	—	—	1 р. 15 к.	1 30	1 50	—	
Мясо 1 п.	—	—	—	2 —	3 —	—	
Масло коровье 1 ф.	—	—	15 к.	— 14	— 25	—	
„ постное 1 „	—	—	—	— 15	—	—	
Сало топленое 1 „	—	—	—	— 10	— 15	—	
Крупа 1 п.	—	—	—	1 30	—	—	
Горохъ 1 „	—	—	—	1 30	—	—	
Чай байховый 1 ф.	—	—	фамилн. 2 р.	2 50	фам. 2 —	—	
„ кирпичный черный . 1 кирп.	—	—	1 с. 1 р. 15 к.	1 80	} 1 30	—	
„ „ зеленый . 1 „	—	—	2 с. 71½ к.	1 50		—	
Сахаръ 1 ф.	—	—	50 к.	— 42	— 50	—	
Медъ 1 „	—	—	—	— 14	— 25	—	
Мыло 1 „	—	—	сѣрое 11½ к	— 10	— 25	—	
Сальныя свѣчи 1 „	—	—	15 к.	— 15	— 15	—	

VIII (къ стр. 219). Извлечение изъ сводной таблицы таесть на промыслахъ Олекминскаго округа въ операцію 1856—57 г. ¹⁾

	На Васильевскомъ прискѣ Рукавишниковъ.	На пр. Вознесенскомъ Трапезникова.	Соловьева Благодатск. или Золот. Яръ, Золотое устье.	Пр. Л. К ^о Воскресенскомъ и Митрофанъ-Аннинскомъ.	Персина Анненскомъ.	Молви. тов. Александрин. и Зинаидинскомъ.	Ленск. тов. Баснина и Кат. Благодатно-Преоб. и Павл.	Желутинскаго тов., Оль- гинск. и Петропавловск.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Азямы 1-го сорта 1 ш.	4 50	5 —	5 50	5 50	6 —	5 50	4 75	6 50
„ 2-го „ 1 „	3 80	4 —	4 —	4 —	4 20	4 —	3 70	3 50
„ 3-го „ 1 „	2 63 ¹	3 25	3 —	3 —	3 50	3 —	3 —	3 —
Бродни тюменскія 1 сортъ 1 п.	1 80	1 80	1 80	—	1 60	1 90	1 70	1 75
Варьги шерстяныя 1 „	— 21	— 17	— 20	— 20	— 15	— 20	— 20	— 18
Головки броденныя 1 с. . . 1 „	— 87	— 90	— 70	1 10	— 80	1 —	— 90	— 80
Дахи барловыя 1 ш.	— —	— —	— —	8 50	— —	— —	12 50	— —
							16 —	— —
Кушаки гарусныя 1 „	— 60	— 60	— 70	— 50	— 55	— 50	— —	— —
Мыло жировое 1 ф.	— 15	— 20	— 12	— 15	— 16	— 15	— —	— 20
Полуш. казанскіе 1 ш.	8 —	— —	8 —	12 —	7 —	12 —	— —	— —
„ дубл. шадринск. . . 1 „	— —	4 —	— —	— —	— —	7 —	— —	— —
„ кирг. бѣл. и дымл. 1 „	3 66	3 30	4 —	5 —	3 50	4 50	— —	3 50
Плисъ широкій 1 ар.	— —	— 35	— —	— 45	— —	— —	— —	— —
Полусаложки кунгурскіе. 1 п.	— —	2 50	— —	— —	2 —	2 25	— —	— —
Подшвы 1 сортъ 1 „	— 35	— 40	— —	— —	— 35	— —	— —	— 50
„ 2 „ 1 „	— —	— 30	— 30	— 30	— 20	— 35	— —	— 30
Рукавицы барановыя . . . 1 „	— —	— 40	— 40	— 50	— 35	— 40	— —	— 40
„ лосинныя больш. 1 „	— 50	— 65	1 —	— 90	— —	— 50	— —	— —
Рубахи ситцовыя лучшія. 1 ш.	— —	— —	2 75	1 80	— —	— —	— —	— —
„ среднія 1 „	— —	— —	1 50	— —	1 35	— —	— —	— —
Сукно фабричное 1 ар.	— —	1 —	— —	1 —	— —	— —	— —	— —
„ крестьянское 1 „	— 23	— 24	— 30	— 30	— 23	— 25	— —	— 30
Сапоги кунгурскіе 1 с. . . 1 п.	2 50	3 50	3 —	3 —	2 50	— —	— —	3 —
„ „ 2 „ 1 „	— —	— —	2 50	2 50	— —	— —	— —	— —
Ситецъ 1 сорта 1 ар.	— —	— —	— —	— 35	— 30	— —	— —	— —
„ 2 „ 1 „	— —	— —	— —	— 25	— 18	— —	— —	— —
„ 3 „ 1 „	— —	— —	— —	— 18	— —	— —	— —	— —

¹⁾ Арх. Олекмин. Горн. Исправ., дѣло № 229, л. 79—85

	На Васильевскомъ приискѣ Гуданшикова.	На пр. Вознесенскомъ Трапезникова.	Соловьева Благодатск. или Золот. Ярѣ, Золотое устье.	Пр. Л. К ^о Воскресенскомъ и Митрофанъ-Аннинскомъ.	Персина Анненскомъ.	Молни. тов. Александр. и Зинаидинскомъ.	Денск. тов. Басинна и Кат. Благодатно-Преоб. и Павл.	Желтугинскаго тов., Оль- гинск. и Петропавловск.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Сѣтки волосяныя	1 ш.	— 46	— 50	— —	— —	— 50	— —	— —
Свѣчи салныя	1 ф.	— 15	— 18½	— —	— 25	— 16	— 25	— 20
Табакъ Жукова 2 сорта . 1 „	— —	— —	— —	1 30	1 10	1 20	— —	— 80
„ черкасскій	1 „	— 20	— 30	— 30	— 25	— 25	— 30	— 30
Холстъ ленный	1 ар.	— 12	— 12	— 12	— 15	— 11	— 12	— 12
„ подкладочный	1 „	— 8	— 8	— —	— —	— —	— —	— —
„ пачесной 1 сортъ . 1 „	— 9	— 10	— 9	— 10	— 8	— 10	— —	— 8
Шапки бархатн. выхола. 1 ш.	— —	2 —	— —	— —	— —	1 50	— —	— —
Шаровары кожан. киргиз. 1 „	1 50	1 50	2 —	1 50	1 50	1 50	— —	— —
Шубы овчин. больш. дымл. 1 „	6 50	— —	8 —	9 —	8 —	— —	— —	6 50
„ „ „ бѣл.	— —	— —	— —	— —	5 —	— —	— —	— —
Мука пшеничная	1 п.	1 20	2 40	2 50	1 20	1 40	1 20	— 1 80
„ круничатая 2 с.	1 „	— —	— —	3 —	— —	— —	— —	— 1 60
„ ржаная	1 „	— 80	— —	1 50	— —	1 —	80 —	— 1 30
Мясо свѣжее и соленое . 1 „	2 60	— —	3 —	— —	3 20	2 60	— —	3 50 3 80
Масло скоромное	1 ф.	— 14½	— 18	— 25	— 25	— 16	— 25	— 20
Сахаръ бѣлый (рафинадъ) 1 „	— 50	— —	— 80	— 60	— 60	— 60	— —	— 60
Чай байховый	1 „	2 —	— —	2 50	2 —	1 70	2 —	— 1 60 — 1 40
„ кирпичн. больш. разм. 1 к.	1 —	1 25	1 50	1 60	1 10	1 60	— —	— 1 20
„ „ малаго „ 1 „	— 60	— —	— 80	— —	1 —	1 —	— —	— —
„ зеленый	1 „	— —	— —	— —	— 80	— —	— —	— —

IX (къ стр. 265). Въ 1837 г. на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ было добыто 26 п. 29 ф. 4 з., въ 1842 г.—31 п. 13 ф. 34 з., въ 1843 г.—33 п. 28 ф. 87 з.¹⁾ По штатамъ Алтайскихъ заводовъ 1849 г. было назначено добывать ежегодно 36 п. розсыпного золота. Въ 1856 г. было добыто болѣе 46 п. 27 ф. шлихового золота: это было максимальное количество, послѣ котораго добыча начала уменьшаться, а именно въ 1859 г. было получено 42 п. 19 ф. 82 з., въ 1860 г. уже гораздо менѣе—33 пуда слишкомъ. Если распредѣлить количество

¹⁾ „Гор. Журн.“ 1843 г. № 9, стр. 458 и 1844 г. № 8, стр. 283.

добываемого золота по пятилѣтіямъ, то окажется, что въ теченіе пятилѣтія ежегодно добывалось въ среднемъ пшиховаго золота:

		Среднее содержаніе золота въ 100 пуд. песку.
Въ 1830—34 гг.	5 пуд. 36 фун. 23 зол.	— зол. 91 ⁷ / ₈ дол.
" 1835—39 "	24 " 1 " — "	1 " 9 ⁴ / ₅ "
" 1840—44 "	33 " — " 94 "	— " 90 ¹ / ₅ "
" 1845—49 "	35 " 37 " 50 "	— " 69 ⁴ / ₅ "
" 1850—54 "	39 " 17 " 8 "	— " 56 ¹ / ₂ "
" 1855—60 "	42 " 17 " 70 "	— " 49 ⁴ / ₅ " ¹⁾

Средняя толщина золотосодержащихъ пластовъ по штатамъ 1849 г. считалась въ 1¹/₄ арш. Въ свѣдѣніяхъ объ Алтайскихъ горныхъ заводахъ, представленныхъ въ Сибирскій комитетъ въ 1852 г. сказано, что при толщинѣ торфа въ 4 арш. и менѣе росыпи разрабатываются открытыми разрѣзами, при большей же глубинѣ пластовъ считается выгоднымъ вести подземныя работы ²⁾.

Что касается числа мастеровыхъ, то на Егорьевскомъ промыслѣ въ концѣ 1830 г. ихъ было 248—293 чел., въ 1831 г. ихъ число колебалось на этомъ промыслѣ между 348 (въ мартѣ) и 834 (въ ноябрѣ); на Урскомъ промыслѣ въ декабрѣ 1831 г. было 454 чел. ³⁾, въ декабрѣ 1834 г. на Егорьевскомъ промыслѣ было 479 рабочихъ, на Урскомъ—242, на Касимовскомъ—336, на Успенскомъ—535, итого 1592 чел. ⁴⁾. На 1845 г. горный совѣтъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ приказалъ употребить на 10 золотыхъ промыслахъ 3,002 чел. (въ томъ числѣ всего болѣе—1532 ч.—на Царево-Николаевскомъ приискѣ въ Кузнецкомъ округѣ) ⁵⁾. Къ 1 января 1856 г. на золотыхъ промыслахъ числилось „внѣшнихъ чиновъ“ 3,639 ч. ⁶⁾; дѣйствительно употреблялось въ работы въ 1856 г. 3,092 ч., въ 1857 г.—3,326 ч., въ 1858 г.—3,151 ч., въ 1859 г.—2,842 ч., въ 1860 г.—2,816 ч. ⁷⁾ однихъ рабочихъ, не считая ихъ семействъ.

Въ „вѣдомостяхъ о казенныхъ золотыхъ промыслахъ“, печатавшихся въ „Горномъ Журналѣ“ 40-хъ годовъ, свѣдѣнія о рабочихъ приводились „по расчету въ одинъ день“, т. е. вычислялось число годовыхъ рабочихъ по расчету 365 поенщинъ на каждаго. Въ 1842 г. такихъ (фиктивныхъ) рабочихъ считалось 1,295, въ 1843 г.—1,255, въ 1844 г.—1,015, въ 1846 г.—1,027 ⁸⁾, въ 1851 г.—2,510 ⁹⁾.

¹⁾ „Списки населенныхъ мѣстъ Росс. Имп. Томская губ.“, стр. XIX.

²⁾ Арх. Комит. Министр., дѣло Сибир. Комитета 1852 г. № 77.

³⁾ Арх. Алтайскаго Гор. Управ., по описи дѣлъ золот. пром., стол. № 10, л. 8—277, 536—537.

⁴⁾ Ibid., вязка № 47, л. 5 или Арх. Томскаго Горн. Управ., вязка № 52, л. 808.

⁵⁾ Арх. Алтайск. Горн. Управ., журналъ Горн. Совѣта 1845 г.

⁶⁾ Ibid., вязка № 175, дѣло № 6487, л. 4—5.

⁷⁾ Ibid. „Изложеніе“ (о Горномъ Совѣтѣ), 1856 г., л. 16, 19; 1859 г., л. 18; 1860 г., л. 20; 1861 г., л. 34.

⁸⁾ „Горн. Журн.“, 1843 г. № 9, 1844 г. № 8, 1845 г. т. III, стр. 173, 1847 г. № 9.

⁹⁾ Арх. Алтайск. Горн. Управ., бѣловые журналы 1853 г., л. 163—164.

Изъ опредѣленнаго по штатамъ 1849 г. числа—2,905 „нижнихъ чиновъ и рабочихъ“ на золотыхъ промыслахъ—1,817 чел. были заняты „на главномъ золотомъ производствѣ“, а 1,088 чел. „при вспомогательныхъ цехахъ“¹⁾.

X (къ стр. 269). Въ 1851 г. на Алтайскихъ казенныхъ промыслахъ приходилось въ день на одного человѣка обработанныхъ золотосодержащихъ песковъ (т.-е. добытыхъ и промытыхъ), „принимая въ расчетъ число рабочихъ, задолжавшихся только при главномъ производствѣ“ (т.-е. при горныхъ работахъ, — „въ 1847 г.—26 п. 33 ф., въ 1848 г.—28 п. 14 ф., въ 1849 г.—29 п. 30 ф., въ 1850 г.—31 п. 4 ф., въ 1851 г.—34 п., между тѣмъ какъ штатами назначается 26 п. 15 ф. Принимая въ расчетъ все число людей, задолжавшихся на промыслахъ, на одного человѣка въ день обработанныхъ песковъ причитается въ 1847 г.—21 п. 17 ф., въ 1848 г.—21 п. 20 ф., въ 1849 г.—20 п. 38 ф., въ 1850 г.—23 п. 37 ф., въ 1851 г.—25 п. 9 ф., а Высочайше утвержденными штатами полагается 18 п. 18 ф.“. Въ то время, какъ въ 1851 г. на Алтайскихъ кабинетскихъ промыслахъ приходилось на одного человѣка въ день обработанныхъ песковъ 25 п. 9 ф., въ киргизскихъ округахъ на промыслахъ Кокбектинскаго округа приходилось 26 п. 34 ф., Кокчетавскаго—35 п. 20 ф., на промыслахъ Ачинскаго округа 33 п. 17 ф., Томскаго—42 п. 11 ф., Минусинскаго—66 п. 15 ф., Южно-Енисейскаго—51 п. 10 ф., Сѣверно-Енисейскаго—65 п. 9 ф., Канскаго и Нижнеудинскаго—48 п. 16 ф., Олекминскаго—41 п. 34 ф., Верхнеудинскаго—37 п. 22 ф., Иркутскаго—84 п. 16 ф. На кабинетскихъ же промыслахъ Нерчинскаго округа обрабатывалось на одного человѣка въ день еще менѣе, чѣмъ на Алтайскихъ, а именно по 12 п. 1 ф.²⁾.

XI (къ стр. 331). На частныхъ золотыхъ промыслахъ:

Маринскаго округа:

Годъ.	Число приисковъ.	Промпто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на приискахъ.	Количество добытаго шлиховаго золота.
1860	—	32.331,860	35 ¹ / ₄ д.	1,806	30 п. 39 ф. 58 з. ³⁾
1861	76	33.480,505	34 ¹ / ₈ "	1,871	31 " 1 " 59 " ⁴⁾
1862	83	34.956,961	37 ¹ / ₂ "	1,894	35 " 26 " 63 " ⁵⁾
1863	81	30.498,138	30 ³ / ₈ "	1,449	25 " 5 " 11 " ⁶⁾
1864	66	27.523,308	35 ⁷ / ₈ "	1,410	26 " 32 " 62 " ⁷⁾

¹⁾ Ibid., л. 142. Всѣхъ же горнозаводскихъ мастеровыхъ на Алтай, т.-е. находившихся на службѣ и работѣ на заводахъ и промыслахъ (со включеніемъ урочниковъ и подростковъ) было въ 1849 г.—19,000, въ 1860 г.—21,867 ч. „Алтай“, стр. 395.

²⁾ Арх. Главн. Управ. Алтайск. округа, бѣловые журналы Горнаго Совѣта 1853 г., л. 185, 145, 163—164.

³⁾ „Памятная книжка для русск. горн. людей. Изд. Комитета Корпуса горныхъ инженеровъ“. Спб, 1862 г. Годъ I, стр. 87.

⁴⁾ Тоже. Годъ II. Спб. 1863 г., стр. 126.

⁵⁾ „Сборн. стат. свѣдѣній по горн. части на 1864 г. Изд. Ученаго Комит. Корп. горн. инжен.“, стр. 120.

⁶⁾ Тоже на 1865 г., стр. 218.

⁷⁾ Тоже на 1866 г., стр. 161.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число работ. на прискахъ.	Количество добытаго шпиховаго золота.
1865	74	30.297,763	29 ¹ / ₄ д.	1,570	24 п. 21 ф. 39 з. ¹⁾
1866	59	29.822,295	35 "	1,685	29 " 2 " 26 " ²⁾
1867	60	34.148,104	34 "	2,004	31 " 24 " 78 " ³⁾
1868	67	25.379,785	38 ¹ / ₄ "	1,489	26 " 11 " 94 "
1869	70	30.525,850	34 "	1,741	28 " 7 " 34 " ⁴⁾

Алтайскаго округа:

1863	1	305,350	— з. 45 ³ / ₄ д.	13	— п. 15 ф. 15 з.
1864	7	5.353,400	— " 89 ³ / ₄ "	328	13 " 1 " 54 "
1865	12	8.712,050	1 " 24 "	491	28 " 14 " 57 "
1866	17	15.508,400	1 " 17 "	694	47 " 25 " 24 "
1867	23	21.656,660	— " 78 ¹ / ₂ "	1,126	46 " 5 " 88 "
1868	19	17.522,150	1 " 22 "	846	56 " 8 " 19 "
1869	18	30.376,850	— " 69 "	1,209	57 " 17 " 77 "

Бирюзскихъ округовъ Семипалатинской области:

1860	—	12.196,000	22 ⁵ / ₈ д.	1,044	7 п. 20 ф. 10 з.
1861	8	11.418,000	18 ⁷ / ₈ "	1,174	5 " 34 " 84 "
1862	8	13.234,000	18 ³ / ₈ "	1,102	6 " 24 " 23 "
1863	8	12.631,500	17 ³ / ₈ "	1,062	5 " 38 " 18 "
1864	8	12.203,000	19 ¹ / ₄ "	1,024	6 " 15 " 94 "
1865	7	16.326,000	22 "	1,031	9 " 29 " 77 "
1866	11	15.971,000	23 "	1,340	10 " 5 " 3 "
1867	11	17.078,100	19 "	1,435	9 " — " 26 "
1868	15	19.900,000	19 "	1,666	10 " 4 " 65 "
1869	19	19.828,400	18 "	1,383	9 " 32 " 3 "

Всего рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Западной Сибири было въ 1860 г.—2,850 ч., въ 1861 г. на 84 прискахъ—3,045 ч., въ 1862 г. на 91 при-

¹⁾ Тоже на 1867 г., стр. 185. Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Томской губ.“ на 1865 г. указано 2061 чел. рабочихъ (стр. СII).

²⁾ „Горн. Жур.“ 1866 г. № 9, „Горнозавод. произ. Россіи въ 1866 г.“, стр. 479.

³⁾ *Планеръ*. „Горноз. производ. Россіи за 1867 г.“ „Гор. Жур.“ 1869 г. № 12, стр. 3.

⁴⁾ Свѣдѣнія за 1868—69 гг. взяты у *Замарина* „Матеріалы для статист. добычи золота въ Россіи частными лицами въ 1868—70 гг.“ „Гор. Жур.“ 1871 г., № 7, стр. 136—138, 142.

искъ—2,996 ч. ¹⁾), въ 1863 г. на 90 приискахъ—2,529 ч., въ 1864 г. на 81 приискъ—2,762 ч., въ 1865 г. на 93 приискахъ—3,092 ч., въ 1866 г. на 87 приискахъ—3,719 ч., въ 1867 г. на 94 приискахъ—3,130 ч., въ 1868 г. на 101 приискъ—4,001 ч., въ 1869 г. на 107 приискахъ—4,333 ч. Такимъ образомъ золотопромышленность Западной Сибири находилась въ теченіе этого десятилѣтія почти въ одномъ положеніи.

Сѣверной части Енисейскаго округа:

Годъ.	Число приисковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число работъ на приискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
1860	—	198.659,423	83 ¹ / ₂ д.	10,269 ²⁾	425 п. 8 ф. 10 з.
1861	79	209.903,861	69 ¹ / ₂ „	8,873 ²⁾	397 „ 37 „ 30 „
1862	113	322.901,650	71 ³ / ₄ „	11,610	376 „ 19 „ 28 „
1863	79	223.277,344	65 „	9,039	394 „ — „ 80 „
1864	116	230.001,867	55 ¹ / ₂ „	9,318	345 „ 38 „ 61 „
1865	86	195.261,403	70 ³ / ₄ „	8,988	404 „ 13 „ 76 „
1866	122	195.916,971	70 ³ / ₄ „	9,122	374 „ 36 „ 60 „
1867	107	189.527,625	63 ¹ / ₁₀ „	8,373	324 „ 25 „ 89 „
1868	112	104.179,080	61 ¹ / ₂ „	4,681	174 „ 1 „ 45 „
1869	129	156.541,500	62 „	7,587	265 „ 17 „ 92 „

Въ южной части Енисейскаго округа:

1860	—	101.334,517	68 ³ / ₄ д.	5,090	188 п. 30 ф. 29 з.
1861	61	123.141,957	79 ³ / ₄ „	7,221 ⁴⁾	206 „ 28 „ 36 „
1862	83	127.194,386	68 ¹ / ₂ „	6,862	181 „ 32 „ 66 „
1863	63	125.833,600	48 „	5,878	164 „ 3 „ 88 „
1864	87	118.396,254	39 ³ / ₄ „	5,857	153 „ 13 „ 43 „
1865	90	133.345,340	43 ³ / ₄ „	6,627	164 „ 3 „ 12 „
1866	112	120.990,609	32 ¹ / ₂ „	6,055	133 „ 14 „ 77 „
1867	85	75.147,773	58 ¹ / ₂ „	4,549	119 „ 2 „ 56 „
1868	97	60.790,000	54 „	3,291	90 „ — „ 18 „
1869	111	94.603,500	51 „	4,691 ⁵⁾	131 „ 36 „ 37 „

¹⁾ По другимъ источникамъ 3,240 рабочихъ. „Труды Комм. Выс. Утв. для пересм. сист. подат. и сборовъ“ т. VIII, часть II, Докладъ III-го Отд. Ком., № 28, стр. 38.

²⁾ По другому официальному источнику 11,051 душа об. п. „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г., № 7, стр. 4.

³⁾ Иная цифра въ „Горн. Журн.“ 1861 г., т. I, стр. 586.

⁴⁾ Иная цифра въ „Горн. Журн.“ 1861 г., т. I, стр. 586.

⁵⁾ Иныя цифры о числѣ рабочихъ въ Енисейской губ. въ 1863—68 гг. см. въ статьѣ *Лопатина* въ „Извѣст. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1871 г., т. II, № 4, стр. 45.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку	Среднее число рабоч. на прискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
-------	--------------------	------------------------	--	---	--

Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ Енисейской губ.:

1860	—	78.010,970	33 ¹ / ₂ д.	2,711	68 п. 36 ф. 29 з.
1861	62	65.688,475	31 ¹ / ₄ —56 ¹ / ₄ д.	3,358	79 " 28 " 56 "

Въ одномъ Ачинскомъ округъ:

1862	22	16.446,030	33 ¹ / ₂ д.	763	14 п. 36 ф. 64 з.
1863	24	20.341,650	30 "	786	16 " 27 " 52 "
1864	17	20.559,100	32 "	702	18 " 9 " 58 "
1865	23	22.012,450	31 ¹ / ₂ "	879	18 " 34 " 86 "
1866	25	25.507,730	29 ¹ / ₂ "	958	20 " 2 " 77 "
1867	24	25.622,075	38 ¹ / ₈ "	949	21 " — " 71 "
1868	25	25.760,900	28 "	—	20 " 2 " — "
1869	18	27.208,670	29 "	— ¹⁾	21 " 4 " 32 "

Въ Минусинскомъ округъ:

1862	58	49.734,400	30 ³ / ₄ д.	1,898	53 п. 23 ф. 38 з.
1863	32	35.367,850	57 ¹ / ₈ "	1,667	54 " 33 " 85 "
1864	42	41.504,600	22 "	1,820	42 " 20 " 25 "
1865	34	39.435,900	—	1,285	32 " 16 " 79 "
1866	43	31.702,900	36 ³ / ₈ "	1,408	31 " 15 " 6 "
1867	44	34.270,401	34 "	1,235	31 " 27 " 57 "
1868	37	28.512,670	34 "	—	23 " 15 " 54 "
1869	39	30.058,100	36 "	—	30 " 4 " 17 "

Въ Канскомъ округъ Енисейской губ. и въ Нижнеудинскомъ округъ Иркутской губ.:

1860	—	20.746,057	55 ¹ / ₈ д.	1,002	31 п. 6 ф. 79 з.
1861	16	21.954,349	49 ¹ / ₄ "	1,045	29 " 7 " 68 "
1862	11	22.275,720	49 "	813	29 " 24 " 84 "
1863	21	31.166,875	42 ¹ / ₄ "	1,402	35 " 27 " 12 "
1864	48	27.111,946	45 ¹ / ₄ "	1,469	33 " 4 " 19 "
1865	20	26.409,660	36 "	1,100	26 " 13 " 8 "
1866	20	36.408,625	37 ¹ / ₈ "	1,238	36 " 29 " 1 "
1867	17	22.553,522	43 ¹ / ₄ "	918	26 " 17 " 15 "
1868	19	12.678,674	40 ¹ / ₂ "	616	14 " 3 " 64 "
1869	21	18.609,630	40 ³ / ₄ "	700	20 " 23 " 92 "

¹⁾ Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ вмѣстѣ въ 1868 г. было 1,535 ч., въ 1869 г. 1,813 ч. рабочихъ.

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 100 пуд. песку.	Среднее число рабоч. на прискахъ.	Количество добытаго шлихового золота.
-------	--------------------	------------------------	---	---	--

Въ Верхонскомъ округъ Иркутской губ.:

1867	2	123,828	12 ³ / ₈ д.	52	1 п. 65 ф. 19 з.
1868	1	2,011,000	34 "	114	2 " 38 " 67 "
1869	1	2,390,000	34 "	152	2 " 10 " 5 "

Въ Верхнеудинскомъ и Баргузинскомъ округахъ Забайкальской области:

1860	—	34,822,964	1 з. 12 ¹ / ₄ д.	2,776	101 п. 11 ф. 52 з.
1861	34	41,592,460	1 " 9 "	3,224	118 " 7 " 33 "

Въ Верхнеудинскомъ округъ:

1862	9	15,607,550	37 ³ / ₄ д.	784	16 п. — ф. 39 з.
1863	9	19,157,032	51 ³ / ₈ "	1,053	26 " 33 " 32 "
1864	16	27,360,450	40 ⁷ / ₈ "	1,744	30 " 13 " 36 "
1865	12	28,392,717	57 ¹ / ₂ "	1,430	36 " 26 " 12 "
1866	14	10,705,728	55 ³ / ₈ "	873	16 " 3 " 70 "
1867	24	11,749,084	41 ¹ / ₈ "	1,215	13 " 5 " 27 "
1868	16	8,100,355	51 ¹ / ₂ "	411	11 " 12 " 51 "
1869	23	12,792,464	50 ⁸ / ₁₀ "	916	17 " 25 " 92 "

Въ Баргузинскомъ округъ:

1862	25	32,661,908	1 з. 52 ⁵ / ₈ д.	2,598	181 п. 28 ф. 93 з.
1863	23	30,662,297	1 " 40 "	2,447	113 " 7 " 33 "
1864	16	26,603,527	1 " 35 ¹ / ₈ "	2,383	94 " 26 " 2 "
1865	22	21,929,900	1 " 67 "	2,113	97 " 1 " 22 "
1866	22	30,586,947	1 " 25 ¹ / ₄ "	2,324	100 " 26 " 68 "
1867	22	25,720,400	1 " 39 ¹ / ₂ "	1,985	94 " 11 " 50 "
1868	19	24,914,700	1 " 36 "	1,290	92 " 14 " 61 "
1869	27	23,811,517	1 " 8 ¹ / ₂ "	1,562	67 " 24 " 44 "

Въ Нерчинскомъ округъ Забайкальской области:

1865	2	8,010,400	1 з. 51 ¹ / ₂ д.	645	32 п. 1 ф. 55 з.
1866	6	19,068,953	1 " 48 ¹ / ₂ "	1,199	74 " 31 " 45 "
1867	8	37,880,350	1 " 7 "	2,249	105 " 33 " 51 "
1868	19	53,192,465	1 " 1 ¹ / ₂ "	3,483	140 " 24 " 26 "
1869	17	97,405,669	— " 84 "	3,741	138 " 17 " 34 "

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пуд. песку.	Содержаніе золота въ 10 ^м пуд. песку.	Среднее число рабоч. на прискахъ.	Количество добытаго шанховаго золота.
-------	--------------------	------------------------	---	---	--

Въ Олекминскомъ округѣ Якутской области:

1860	29	68.531,852	1 з. 1 ¹ / ₄ д.	3,601	199 п. 19 ф. 56 з.
1861	31	68.206,102	1 " 9 ¹ / ₂ "	4,103	195 " 8 " 47 "
1862	33	74.187,610	1 " 11 ⁷ / ₈ "	4,079	217 " 2 " 62 "
1863	26	47.061,577	1 " 49 ¹ / ₈ "	4,873	185 " 14 " 54 "
1864	28	66.602,085	— " 94 ⁷ / ₈ "	3,678	171 " 16 " 55 "
1865	35	73.830,374	1 " 26 "	3,758	245 " 11 " 28 "
1866	34	79.710,665	1 " 6 ³ / ₈ "	4,117	246 " 14 " 93 "
1867	34	70.611,765	1 " 35 "	4,658	267 " 1 " 90 "
1868	30	72.028,375	2 " 20 "	5,460	415 " 24 " 19 "
1869	33	106.412,280	2 " 11 "	5,673	565 " 30 " 15 "

Въ Амурской области:

1868	1	6.100,300	3 з. 15 д.	755	50 п. 11 ф. 7 з.
1869	2	7.434,442	3 " 49 "	789	101 " 37 " 15 "

Такимъ образомъ по содержанію золота промысла Баргузинскаго и Нерчинскаго округовъ Забайкальской области, Олекминскаго округа Якутской области и особенно Амурской области принадлежали въ числу наиболее богатыхъ, по количеству добываемаго золота въ Баргузинскомъ округѣ падало, а въ Нерчинскомъ и Олекминскомъ возрастало.

Общее число рабочихъ на прискахъ Восточной Сибири (со включеніемъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ) было слѣдующее: въ 1860 г.—25,449 ч.¹⁾, въ 1861 г. на 283 прискахъ—27,824 ч., въ 1862 г. на 354 пр.—29,407²⁾, въ 1863 г. на 277 пр.—27,145 ч.³⁾, въ 1864 г. на 370 пр.—26,971 ч.⁴⁾, въ 1865 г. на 324 пр.—26,825 ч.⁵⁾, въ 1866 г. на 398 пр.—27,294 ч., въ 1867 г. на 367 пр.—26,183 ч., въ 1868 г. на 376 пр.—21,636 ч., въ 1869 г. на 421 пр.—27,624 ч.

¹⁾ Въ отчетѣ за 1860 г., помѣщенномъ въ „Иркут. Губ. Вѣд.“ за 1861 г., № 7, стр. 4, мы находимъ нѣныя данныя за 1860 г. и общій итогъ рабочихъ на промыслахъ Восточной Сибири составляетъ 29,538 ч.

²⁾ По отчету о золотопромышленности Восточной Сибири за 1862 г.—28,912 ч. об. п. „Горн. Журн.“ 1863 г., № 5, стр. 349.

³⁾ По отчету о золотопромышленности Восточной Сибири за 1863 г.—27,813 ч. „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 17.

⁴⁾ Въ официальномъ отчетѣ о частной золотопромышленности Восточной Сибири за 1864 г. мы находимъ нѣныя цифры и общій итогъ — 28,428 рабочихъ об. п. Арх. Иркут. Горн. Упр., кн. 1866, № 64/69.

⁵⁾ По официальномъ отчету о частной золотопромышленности Восточной Сибири за 1865 г. въ этомъ году было 28,361 ч. рабочихъ. „Недѣля“ 1866 г., № 63 (Изъ „Забайкальскихъ Вѣдомостей“).

Годъ.	Число присковъ.	Промыто пудовъ песку.	Среднее число рабочихъ на золот. прискахъ.	Количество добы- таго шлиховаго золота.
-------	--------------------	--------------------------	--	---

Во всей Сибири на частныхъ золотыхъ промыслахъ:

1860	—	546.133,643	28,299	1,053 п. 12 ф. 39 в.
1861	367	575.385,709	30,869	1,063 " 34 " 33 "
1862	445	709.200,215	32,403	1,063 " 19 " 84 "
1863	367	576.253,483	29,674	1,022 " 7 " 6 "
1864	451	603.229,537	29,733	935 " 32 " 34 "
1865	417	598.963,957	29,917	1,119 " 27 " 77 "
1866	485	611.900,823	31,013	1,121 " 7 " 77 "
1867	461	566.089,687	30,748	1,089 " 39 " 1 "
1868	478	461.135,854	25,637	1,127 " 13 " 78 "
1869	529	658.083,872	31,957	1,457 " 17 " 70 "

Мы видимъ такимъ образомъ значительное увеличеніе количества частныхъ присковъ, которое будетъ особенно замѣтно, если мы сравнимъ его съ 50-ми годами, когда въ разные годы количество присковъ колебалось между 190 и 326 въ среднемъ же равнялось 247 прискамъ въ годъ. Количество промытыхъ песковъ также увеличилось сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, напротивъ, количество рабочихъ по даннымъ горнаго вѣдомства нѣсколько уменьшилось и менѣе измѣнялось по годамъ, колеблясь между 25 и 32 тысячами, тогда какъ въ предшествующее десятилѣтіе колебанія были въ предѣлахъ 27—35 тысячъ. Количество золота, добытаго въ 60-хъ годахъ въ Сибири на частныхъ промыслахъ нѣсколько болѣе, чѣмъ въ 50-хъ годахъ (въ 50-хъ—10,758 п., въ 60-хъ—11,034 п.); среднее годовое количество въ 50-хъ годахъ—1,076 п., въ 60-хъ—1,103 п. Для добычи одного пуда золота въ одну операцію нужно было въ 50-хъ годахъ 31 чел., а въ 60-хъ—26 чел. Но эти среднія цифры не даютъ понятія о большомъ разнообразіи отдѣльных системъ. Въ то время, когда на такихъ богатыхъ промыслахъ, какъ Амурская область, въ 1869 г. для добычи пуда золота въ теченіе одной операціи требовалось менѣе 8 чел. рабочихъ, въ Енисейскомъ округѣ въ 60-хъ годахъ въ среднемъ ихъ нужно было 28 чел. (въ 50-хъ—25 чел., въ 40-хъ—21 чел.).

Мы имѣемъ очень немного свѣдѣній о составѣ присковъ рабочихъ въ 60-хъ годахъ. Въ 1861 г. на промыслахъ Маринскаго округа Томской губерніи было: изъ числа 1,871 ч. рабочихъ мѣщанъ, крестьянъ и ссыльно-поселенцевъ сибирскихъ губерній 1,622 м. п. и 165 ж. п., итого 1,787 ч. (95%) и мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ великороссійскихъ губерній 77 ч. м. п. и 7 ж. п., итого 84 ч. (5%). Въ киргизскихъ округахъ въ томъ же году изъ общаго числа 1,174 ч. рабочихъ было: сибирскихъ уроженцевъ 1,075 м. п. и 76 ж., итого 1,152 ч. (98%), уроженцевъ же великороссійскихъ губерній—17 ч. м. п. и 5 ж. п., итого 22 чел. (около 2%)¹⁾. Другихъ свѣдѣній о составѣ присковъ рабочихъ Западной Сибири мы не имѣемъ. Нѣсколько обильнѣе въ этомъ отношеніи данныя о рабочихъ Восточной Сибири.

¹⁾ *Раселли*, 233.

Годъ.	Южная часть Енисейскаго округа.							
	Жители Сибири (со включеніемъ ссылныхъ).				Великороссійскіе обыватели.			
	м. п.	ж. п.	итого.	%	м. п.	ж. п.	итого.	%
1860	—	—	—	90	—	—	—	10 ¹⁾
1861	6,033	372	6,405	89	786	30	816	11 ²⁾
1862	—	—	—	—	—	—	—	—
1863	—	—	—	89	—	—	—	11 ²⁾
1864	—	—	—	91	—	—	—	9 ⁴⁾
1868	—	—	—	91	—	—	—	9
1869	—	—	—	89	—	—	—	11 ³⁾

Такимъ образомъ въ сѣверной части Енисейскаго округа среди приско-
ныхъ рабочихъ было сибирскихъ обывателей отъ 76 до 89%, великороссійскихъ—
отъ 11 до 24%; въ южной части Енисейскаго округа первыхъ 89—91%, вторыхъ
9—11%; на промыслахъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ первыхъ до 90—94%,
вторыхъ 6—10%.

По отчетамъ енисейскихъ губернаторовъ на промыслахъ этой губерніи
было въ 1860 г. рабочихъ изъ обитателей Сибири (вмѣстѣ съ сильно-поселе-
нцами) 74%, жителей Великороссіи—26%, въ 1861 г. первыхъ—82%, вторыхъ 18%,
въ 1862 г. первыхъ 84%, вторыхъ 16%, въ 1863 г. первыхъ 89%, вторыхъ 11%⁵⁾.

По даннымъ Лопатина среди рабочихъ на промыслахъ Енисейской губ.
было сильно-поселенцевъ: въ 1863 г.—53%, въ 1864 г. почти 58%, въ 1865 г.—
51%, въ 1866 г. почти 53%, въ 1867 г.—52%, въ 1868 г.—46%. По даннымъ того
же Лопатина среди рабочихъ на промыслахъ Енисейской губ. было въ 1863 г.

¹⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1861 г., № 7, стр. 4.

²⁾ *Раселли*, 233.

³⁾ „Иркут. Губ. Вѣд.“ 1864 г., № 17, стр. 4.

⁴⁾ Арх. Иркут. Горн. Управ. К. 1686, № 64/69, л. 81.

⁵⁾ „Горн. Журн.“ 1871 г., № 7, стр. 138.

⁶⁾ Арх. Комит. Министр.

Сѣверная часть Енисейскаго округа.								Ачинскій и Минусинскій округа.	
Жители Сибири (со включеніемъ ссыльныхъ).				Великороссійскіе обыватели.				Жители Сибири.	Великороссійскіе обыватели.
м. п.	ж. п.	итого.	‰	м. п.	ж. п.	итого.	‰	‰	‰
—	—	—	—	—	—	—	—	92	8
6,546	439	6,985	80	1,888	—	1,888	20	93	7
—	—	—	—	—	—	—	—	94	6
—	—	—	82	—	—	—	18	93	7
—	—	—	87	—	—	—	13	92	8
—	—	—	80	—	—	—	20	90	10
—	—	—	86	—	—	—	14	93	7

мѣщанъ, крестьянъ и разночинцевъ Великороссійскихъ губерній 11‰, мѣщанъ и крестьянъ Сибирскихъ губерній (не считая ссыльно-поселенцевъ) 36‰, въ 1864 г. первыхъ 11‰, вторыхъ 31‰, въ 1865 г. первыхъ 6‰, вторыхъ 43‰; въ 1866 г. первыхъ 6‰, вторыхъ 41‰; въ 1867 г. первыхъ 6‰, вторыхъ 42‰; въ 1868 г. первыхъ 14‰, вторыхъ 40‰¹⁾).

На промыслахъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ въ 1860—64 и 1868 гг. обыватели Сибири со включеніемъ ссыльно-поселенцевъ составляли среди присланныхъ рабочихъ почти 99‰, а обыватели великороссійскихъ губерній около 1‰.

На промыслахъ Забайкальской области въ 1860 г. обыватели Сибири составляли почти 99‰, обыватели Великороссіи 1‰, въ 1861 г. первые 98‰, вторые 2‰; въ 1862 г. на промыслахъ Верхнеудинскаго и Баргузинскаго округовъ Забайкальской области первые 94‰, вторые 6‰; въ 1863 г. первые—менѣе 98‰, вторые—болѣе 2‰, въ 1864 г. жители Великороссіи составляли менѣе 2‰.

¹⁾ „Извѣстія Сиб. Отд. Геогр. Общ.“ 1871 г., т. II, № 4, стр. 46. Нужно замѣтить, впрочемъ, что абсолютное количество рабочихъ по даннымъ Лопатина значительно отличается отъ указаннаго нами выше по официальнымъ источникамъ.

XII (къ стр. 404). Табсы на промыслахъ Южно-Енисейскаго округа 1864 г.

	К ^о Асташева.				К ^о Рязан.		Донат.	Латкина.	
	Прокон.	Леонт.-Никол.	С.-Преоб.	Стетан.	Успенск.	Петрон.	К. Елен.	ПоМурож.	ПоОлон.
<i>Припасы:</i>	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Мясо	1 пудъ	3 —	2 40	2 60	3 —	2 60	—	2 75	2 40
Сало топленое	1 ф.	— 15	— 15	— 12	— 20	— 12	—	— 20	— 18
Масло коровье	1 "	— 25	— 20	— 20	— 22 ^{1/2}	— 20	—	— 25	— 20
Чай фамильный	1 "	1 50	1 50	1 40	1 50	—	—	1 75	1 30
" кирпичный	1 шт.	1 10	1 —	1 —	1 —	1 —	1 —	1 —	1 —
Сахаръ	1 ф.	— 50	— 50	— 50	— 60	—	—	— 50	— 50
<i>Товары:</i>									
Армяки 1 сорта	1 шт.	5 —	5 —	—	5 —	6 —	5 —	9 —	4 75
" 2 "	1 "	4 —	4 —	4 15	4 —	4 50	4 —	6 —	4 50
" 3 "	1 "	2 80	3 —	3 15	3 —	3 60	3 —	5 —	4 —
Шубы или тулупы	1 "	4 80	5 —	5 45	5 —	6 —	6 —	6 —	—
Полшубки казанскіе	1 "	—	—	—	4 50	8 50	—	10 —	6 50
" простые	1 "	3 50	3 10	3 20	3 50	3 50	3 75	5 —	3 —
Рукавицы	1 пара.	— 42	— 45	— 45	— 42	— 45	— 40	— 60	— 50
Варьги	1 "	— 22	— 22	— 25	— 20	— 25	— 25	— 30	— 25
Шаровары кожаные	1 шт.	1 70	—	1 50	2 —	1 50	1 70	2 —	1 40
Нитки	1 пачк.	— 2	— 2	— 2	— 2	— 1 ^{1/2}	— 2	— 1 ^{1/2}	— 1
Даба синяя	1 ков.	2 20	—	—	2 20	—	—	2 75	2 10
Холстъ 1 сорта	1 арш.	— 10	— 10	— 10	— 10	— 12	— 12	— 16	— 12
" 2 "	1 "	— 9	— 9	— 9	— 9	— 10	— 9	— 12	— 10
" 3 "	1 "	— 8	— 8	— 8	— 8	— 8	— 8	— 10	— 8
Сукно крестьянское	1 "	— 20	— 20	— 22	— 25	— 25	— 35	— 25	— 20
Пестрядь	1 "	— 8	— 8	— 8	— 10	—	—	—	— 10
Сапоги кунгурскіе	1 пара.	3 50	3 50	3 70	3 50	3 50	3 40	5 —	3 80
Бродни	1 "	2 —	1 85	1 90	1 80	2 20	1 90	2 25	1 95
Чарки и головки	1 "	— 90	— 90	— 95	— 80	1 —	— 90	1 5	— 90
Голяшки броденные	1 "	— 80	—	— 60	— 80	— 70	— 60	—	—
Подошвы	1 "	— 40	— 40	— 38	— 40	— 40	— 35	— 45	— 40
Заплаты	1 "	— 30	— 30	— 22	— 30	— 20	— 30	— 25	— 20
Мыло жировое	1 ф.	— 15	— 16	— 18	— 20	— 20	—	— 20	— 16
Табакъ черкасскій	1 "	— 25	— 25	— 24	— 25	— 25	— 30	— 25	— 24
Свѣчи салныя	1 "	— 20	— 20	— 22	— 25	— 25	—	— 25	— 20
Дратва	1 пач.	—	—	— 2	—	— 1 ^{1/2}	—	— 1 ^{1/2}	— 1

Дан.		Исаева.		Родст.		Всез.		Анвский К ^о Зотовых.		К ^о Бев.		Шепетков.		Круг.		Ягунов.		Мас.		Череп.		Герас.		Балад.	
Пригн.	Александр.	Успенск.	Петропав.	Никольск.	Анвский К ^о Зотовых.	Благов.	Аркадьев.	Сергеевск.	Ефимов.	Алексеев.	Спаск.	Надежн.	Александр.	Благов.											
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
3 —	3 —	3 —	3 10	3 —	3 20	2 80	2 50	2 80	2 60	2 53	2 80	2 50	2 50	2 —	53	2 80	2 50	2 50	2 50	2 50	2 50	2 50	—	—	—
— 20	— —	— 25	— —	— 15	— 15	— 15	— —	— —	— 15	— 15	— 16	— 15	— 13	— —	—	— 16	— 15	— 13	— 13	— 13	— 13	— 13	— —	— —	— —
— 25	— 25	— 30	— 25	— 35	— 20	— 20	— —	— 25	— 28	— 25	— 30	— 25	— 25	— —	—	— 30	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— —	— —	— —
2 —	1 50	1 50	1 60	1 75	1 20	1 30	1 50	1 50	2 —	1 42 1/2	— —	1 60	1 25	1 75	—	— —	1 60	1 25	1 25	1 25	1 25	1 25	1 75	—	—
1 20	1 —	1 10	1 20	1 —	— 80	— 90	1 —	1 10	1 15	1 —	1 20	1 —	90	1 —	—	— 1 20	1 —	— 90	1 —	— 90	1 —	— 90	1 —	—	—
— 70	— 50	— 55	— 60	— 60	— 46	— 50	— 60	— —	— 65	— 60	— —	— 50	— 50	— 50	—	— —	— 50	— 50	— 50	— 50	— 50	— 50	— 50	—	—
7 —	5 —	5 —	7 15	10 20	5 50	5 50	5 —	— —	5 50	6 —	— —	6 20	8 —	7 —	—	— —	6 20	8 —	7 —	7 —	7 —	7 —	7 —	—	—
6 —	3 —	3 —	4 45	5 10	4 70	3 50	4 50	4 31	4 60	4 —	— —	4 12	5 50	3 25	5 50	— —	4 12	5 50	3 25	3 25	3 25	3 25	5 50	—	—
3 50	— —	— 25	— —	— 3 —	2 60	2 50	— —	— —	3 75	— —	— —	3 20	4 —	— —	—	— —	3 20	4 —	— —	— —	— —	— —	4 —	—	—
7 —	6 —	5 —	— —	8 25	6 50	5 —	— —	6 —	9 —	4 40	6 50	— —	7 50	6 —	—	— —	6 50	— —	7 50	6 —	6 —	6 —	6 —	—	—
10 —	8 —	6 50	— —	10 20	8 —	3 20	— —	— —	9 20	— —	7 10	— —	7 50	— —	—	— —	7 10	— —	7 50	— —	7 50	— —	— —	—	—
4 —	3 —	3 50	4 35	2 75	3 70	— —	4 —	4 50	4 —	— —	3 60	4 —	4 50	4 —	—	— —	3 60	4 —	4 50	4 —	4 50	4 —	4 —	—	—
— 55	— 50	— 55	— 55	— 50	— 50	— 45	— 41	— 55	— 50	— 50	— 47	— 45	— 50	— 50	—	— —	— 47	— 45	— 50	— 50	— 50	— 50	— 50	—	—
— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— 20	— 22	— 30	— 25	— 20	— 23	— 25	— 25	— 25	—	— —	— 23	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	—	—
2 —	— —	— —	— —	— 1 80	1 70	— —	1 90	— —	1 70	1 40	1 70	1 80	2 —	— —	—	— —	1 70	1 80	2 —	— —	— —	— —	— —	—	—
— 2 —	— 3 —	— 2 —	1 1/2 —	— 1 —	— 1 —	— 1 —	— 1 —	— 1 1/2 —	— 2 —	— 1 —	— —	— 1 1/2 —	— 1 1/2 —	— 2 —	—	— —	— 1 1/2 —	— 1 1/2 —	— 1 1/2 —	— 1 1/2 —	— 1 1/2 —	— 1 1/2 —	— 2 —	—	—
2 80	2 50	2 50	2 40	2 65	2 60	2 40	— —	3 10	2 50	2 40	2 30	2 70	2 80	2 75	—	— —	2 30	2 70	2 80	2 80	2 80	2 80	2 75	—	—
— 15	— 15	— 13	— 15	— 14	— 13	— 10	— 11	— 13	— 13	— 12	— 12	— 11	— 12	— 13	—	— —	— 12	— 11	— 12	— 12	— 12	— 12	— 13	—	—
— 13	— 12	— 11	— 10	— 10	— 12	— 7	— 10	— 10	— 10	— 10	— 10	— 9	— 10	— 10	—	— —	— 10	— 9	— 10	— 10	— 10	— 10	— 10	—	—
— —	— 10	— 9	— —	— 8	— 9	— —	— 8	— —	— 8	— 8	— 8	— —	— 9	— 8	—	— —	— 8	— —	— 9	— 9	— 9	— 9	— 8	—	—
— 30	— 25	— 25	— 30	— 23	— 25	— 18	— 18	— 25	— —	— 25	— 20	— 25	— 25	— 23	—	— —	— 20	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— 23	—	—
— —	— 12	— 8	— 12	— 12	— 13	— —	— —	— —	— 12	— —	— 10	— —	— —	— —	—	— —	— 10	— —	— —	— —	— —	— —	— —	—	—
4 50	4 —	3 50	4 80	3 85	4 —	3 50	3 65	4 50	3 80	4 —	4 —	3 75	4 —	4 50	—	— —	4 —	3 75	4 —	4 —	4 —	4 —	4 50	—	—
2 25	2 25	2 30	2 16	2 —	2 10	1 80	1 95	2 10	2 20	2 —	2 10	2 10	2 20	2 30	—	— —	2 10	2 10	2 20	2 20	2 20	2 20	2 30	—	—
— —	— 90	— 90	— 97	— 80	— 90	— 50	— 70	— 90	— 95	— 85	— 90	— 80	— 95	— 1	—	— —	— 90	— 80	— 95	— 95	— 95	— 95	— 1	—	—
— —	— 1 —	— —	— —	— —	— 50	— 70	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	—	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— 1	—	—
— 55	— —	— 45	— 50	— 45	— 50	— 45	— 35	— 35	— 40	— 30	— 42	— 4	— 40	— 40	—	— —	— 42	— 4	— 40	— 40	— 40	— 40	— 40	—	—
— 20	— 40	— —	— 30	— 15	— 25	— 20	— 15	— 15	— 20	— 15	— 15	— 20	— 15	— 10	—	— —	— 15	— 20	— 15	— 15	— 15	— 15	— 10	—	—
— 25	— —	— 20	— 20	— 20	— 20	— 20	— 18	— 20	— 22	— 20	— 25	— 22	— 20	— 25	—	— —	— 25	— 22	— 20	— 20	— 20	— 20	— 25	—	—
— 30	— 25	— 30	— 30	— 25	— 30	— 25	— 25	— 28	— 35	— 25	— 30	— 25	— 30	— 23	—	— —	— 30	— 25	— 25	— 25	— 25	— 25	— 23	—	—
— 20	— 25	— 30	— —	— 25	— 20	— 15	— —	— 20	— 25	— 20	— 24	— 25	— 20	— 22	—	— —	— 24	— 25	— 20	— 20	— 20	— 20	— 22	—	—
— 2 —	— —	— 2 —	— —	— —	— —	— 1	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	—	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	—	—

XIII (къ стр. 410). Таксы на прискахъ Олекминскаго округа въ операцію 1863/4 г.

	Денскаго Товарищества Баснина и Катинцевца.										На прискахъ Катинцевца.	
	Стоимость въ погупкѣ.	По р. Кевактѣ.				На Ныграхъ.						
		Процент. и провоз.		Цѣны.		Процент. и провоз.		Цѣны.				
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Мясо свѣжее 1 п.	3	—	—	70	3	70	1	50	4	50	3	50
„ соленое 1 „	3	—	—	80	3	80	1	50	4	50	—	—
„ сушеное 1 „	3	90	—	80	4	70	1	60	5	50	—	—
Масло скоромное 1 „	11	—	1	40	12	40	2	20	13	20	12	—
Чай кирпичный 1 к.	—	60	—	7	—	67	—	9	—	69	—	70
„ фамильный 1 ф.	1	35	—	16	1	51	—	18	1	53	1	50
Сахаръ рафинадъ 1 „	—	50	—	6	—	56	—	8	—	58	—	65
Мука ржаная 1 п.	—	65	—	45	1	10	1	30	1	95	1	40
„ пшеничная 1 „	1	15	—	45	1	60	—	85	2	—	1	70
Мыло жировое 1 ф.	—	18	—	3	—	21	—	5	—	23	—	25
Сальныя свѣчи 1 „	—	18	—	3	—	21	—	5	—	23	—	25
Табакъ черкасскій 1 „	—	27	—	4	—	31	—	5	—	32	—	32
Армяки или азымы 1 сорт. 1 ш.	4	60	—	65	5	25	—	70	5	30	5	55
„ „ „ 2 „ 1 „	3	60	—	65	4	25	—	70	4	30	4	55
„ „ „ 3 „ 1 „	3	—	—	65	3	65	—	70	3	70	3	55
Шубы (русскія) 1 „	8	20	1	20	9	40	1	30	9	50	10	25
„ (киргизскія) 1 „	7	50	—	70	8	20	1	—	8	50	7	75
Полушубки русскіе 1 „	5	65	—	85	6	50	1	35	7	—	—	—
„ киргизскіе 1 „	3	70	—	50	4	20	—	70	4	40	4	25

Примѣчаніе. Таблица эта составлена на основаніи таксъ, представленныхъ Олекмин

1) „Наложено на рубль по 20 к.“; за провозъ по 70 коп. за пудъ.

Пріиски Соловьева.				Прибрежно-Ленской Компаніи.				Пріиски И. О. Базилевскаго.				На пріискахъ Вознесенскомъ, Сергѣевскомъ и Константинов. 1) Грабенниковыхъ.		Пророко-Ильинск. пр Маркова.		На пріискахъ Пожекина.	
Покупная цѣна безъ провозу.		По таксѣ.		Въ покупкѣ.		Съ до-ставкою на пріиск.		Цѣна при покупкѣ.		Цѣна на пріискѣ.							
Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
2	60	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	{ 3 3	60 70	2	70	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1 ф.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	20	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	25	—	32
—	65	—	80	—	90	1	—	—	—	—	—	{ 1 1	18 20	1	10	—	90
1	20	1	50	1	35	1	50	—	—	—	—	1	40	1	50	1	70
—	45	—	60	21	35	24	—	—	—	—	—	—	60	—	60	—	52
—	75	1	50	—	—	—	—	—	—	—	—	{ 1 —1	60 75	—	95	1	25
1	20	1	60	—	—	—	—	—	—	—	—	2 —2	— 15	1	30	1	60
—	15	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	20	—	25
—	18 3/4	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—
—	20	—	25	—	—	—	—	пудъ. 5	20	—	30	—	32	—	30	—	35
6	—	7	—	5	85	6	50	5	50	6	50	4	80	7	50	7	25
4	—	4	50	4	95	5	50	—	—	—	—	4	35	5	50	5	35
2	50	3	—	2	92 1/2	3	25	2	25	3	—	2	90	4	—	2	—
1 сор. 10	—	11	50	5	40	6	—	—	—	—	—	дубленины —	—	1 сор. 14	—	—	—
2 с. 8	50	9	50					7	50	10	80	7	—	2 с. 11	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	20
3	25	3	50	3	60	4	—	2	40	3	10	{ 3 —4	50 50	4	50	4	20

скому горному исправнику въ 1864 г. (Арх. Олекм. Горн. Испр., дѣло № 656).

	Денскаго Товарищества Басинна и Катывцевца.										На приисках Катывцевца.	
	Стоимость въ погупѣ.		По р. Кевактѣ.				На Ныгряхъ.					
			Процент. и провоз.		Цѣны.		Процент. и провоз.		Цѣны.			
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Полушубки шадринскіе . . 1 "	9	10	1	40	10	50	1	90	11	—	8	25
" казанскіе . . . 1 "	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рукавицы барановыя . . . 1 п.	—	60	—	6	—	66	—	7	—	67	—	60
" простыя. 1 "	—	50	—	6	—	56	—	7	—	57	—	55
Вареги 1 "	—	24	—	6	—	30	—	7	—	32	—	20—27
Шаровары кожаные . . . 1 "	1	80	—	25	2	5	—	28	2	8	2	10
Даба 1 сор. 1 "	2	30	—	30	2	60	—	40	2	70	2	45
" 2 " 1 "	2	—	—	25	2	25	—	30	2	30	2	30
Холстъ левный отбор. . . 1 "	—	12	—	2	—	14	—	3	—	15	—	15
" пачесный сортов. 1 "	—	9	—	2	—	11	—	3	—	12	—	9—13
Сукно крестьянское . . . 1 "	—	28	—	4	—	32	—	5	—	33	—	30
Сапоги кувгурскіе 1 сор. 1 п.	3	40	—	50	3	90	—	60	4	—	4	—
" " 2 " 1 "	3	—	—	35	3	35	—	50	3	50	3	—
Бродни 1 сорта 1 "	1	80	—	35	2	15	—	40	2	20	2	30
Головки броденныя 1 сор. 1 "	—	75	—	15	—	90	—	20	—	95	} 1	—
" " 2 " 1 "	—	55	—	10	—	65	—	15	—	70		
Голяшки броденныя . . . 1 "	—	90	—	13	1	3	—	15	1	5	1	—
Подшвы 1 сорта 1 "	—	50	—	7	—	57	—	10	—	60	—	60
Сѣтки отъ мошекъ 1 "	—	75	—	7	—	82	—	10	—	85	—	70

Пріиски Соловьева.				Прибрежно-Ленской Компаніи.				Пріиски И. О. Базилевскаго.				На пріискахъ Вознесенскомъ, Сергѣевскомъ и Константинов. Трапезниковыхъ.		Пророко-Ильинск. пр. Маркова.		На пріискахъ Похунна.	
Покупная цѣна безъ провозу.		По таксѣ.		Въ покупкѣ.		Съ доставкою на пріиск.		Цѣна при покупкѣ.		Цѣна на пріискѣ.							
Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
—	—	—	—	9	—	10	—	—	—	—	—	3 —4	50	8	50	—	—
7	50	9	—	27	—	30	—	6	50	8	20		50	15	50	—	—
}	32	—	35	42 ¹ / ₂	—	45	50	38 ¹ / ₂	—	—	60	—	48	—	50	}	40
	—43	—	—45		—45	—		—	—	—	—	—	—	—	—		—
—	18	—	20	—	20	—	22	—	16	—	25	—	26	—	25	—	—
1	50	1	80	1	80	2	—	1	20	1	50	1	70	2	—	2	—
2	40	2	70	2	16	2	40	1	80	2	80	2	60	2	50	2	45
2	—	2	10									2	40	2	20	2	40
—	—	—	—	—	11	—	12	—	9	—	12	—	14	—	15	—	13
—	6	—	7	—	9	—	10	—	9	—	10	—	10—11	—	10	—	10
—	—11	—	—12	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—12	—	—	—11
—	25	—	30	—	22	—	25	—	14	—	23	—	25	—	30	—	25
3	75	4	50	3	60	4	—	3	25	4	50	4	25	3	50	4	20
3	—	3	50	2	80	3	10					4	—	—	—	3	60
1	95	2	—	1	98	2	20	1	75	2	30	2	30	2	—	2	40
—	80	—	90	—	90	1	—	—	80	—	90	1	10	—	90	1	20
—	39	—	40	—	50	—	50					—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	85	—	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	30	—	35	—	35	—	40	—	—	—	45	—	—	—	35	—	40
—	—	—	—	—	43	—	45	—	61 ¹ / ₂	—	60	—	56	—	—	—	—

XIV (въ стр. 450). На промыслахъ Южно-Енисейской системы въ операціи 1861/2 г. 1)

НАЗВАНІЕ ПРИСКА.	Число явившихся рабочихъ.	Число получившихъ додачу.	% полу- чившихъ додачу.
На пром. Удереиской К ^о Бенардаки, Рязановыхъ и др.	417	299	72
„ Иннокентіе-Громовскомъ пр. Авимова	79	37	47
„ Второпавловскомъ пр. Бенардаки и Латкина . .	316	264	83
„ Благовѣщенскомъ пр. Г-жи Бевадъ.	77	76	99
„ Прокопьевскомъ пр. Асташева и К ^о	553 ²⁾	146	27
„ Спасо-Преображенскомъ пр. Асташева и К ^о . .	311	208	67
„ промыслахъ Логинава	144	79	55
„ Казанскомъ пр. Асташева	129	36	28
„ Успенскомъ и Рождественскомъ пр. П. Н. Латкина	194	178	92
„ Успенскомъ и Дмитріевскомъ Ш. Э. Латкиной .	152	128	85
„ Алексѣевскомъ К ^о Латкиныхъ	78	56	72
„ Ильинскомъ пр. Шушляева	664	432	65
„ Новопетропавловскомъ пр. Лопатина	188	159	84
„ Успенскомъ и Троицкомъ пр. Игнатія Рязанова.	443	292	66
„ Спасскомъ пр. К ^о Бенардаки и Сидорова	322	110	34
„ Никол. и Модестовск. пр. бар. Корфа и Базилевск.	232	94	40
	4,299	2,594	60

1) Арх. Горн. Исправника южной части Енисейскаго округа, дѣло 1862 г., № 38.

2) Сюда не включены 188 рабочихъ подрядныхъ, нанятыхъ по особымъ условіямъ исслѣ-
вѣкъ такихъ же подрядныхъ рабочихъ получили на Прокопьевскомъ приискѣ отъ 25 до 80 р.,

Средній размѣръ додачн.		Макси- мумъ додачн.	Число не получившихъ додачн и оставшихся въ долгу.	% такихъ рабочихъ.	Число должни- ковъ.	% долж- никовъ.	Средній размѣръ долга.		Макси- мумъ долга.
Р.	К.	Р.					Р.	К.	Р.
24	48	125	—	—	118	28	24	27	65
15	11	71	—	—	42	53	31	—	68
25	19	162	11	4	41	13	32	53	71
21	96	121	—	—	1	1	19	24	—
32	97	289	—	—	407	73	29	52	101
28	51	348	21	7	82	26	31	64	85
21	6	104	—	—	65	45	23	19	67
38	57	154	3	2	90	70	15	73	85
36	51	166	6	3	10	5	35	18	65
29	28	202	4	2	20	13	20	—	67
25	67	64	7	9	15	19	27	86	47
28	43	364	33	5	199	30	16	94	89
42	48	302	5	3	24	13	21	84	65
20	2	100	—	—	151	34	15	99	54
47	24	187	2	1	210	65	25	66	83
15	67	112	6	3	132	57	25	32	68
28	60	—	98	2	1,607	38	24	81	—

чительно для вскрыши торфа; всѣ они получили додачу отъ 20 до 70 руб. Въ 1859 г. 28 чело-
среднемъ 53 р. Архивъ дополнительнаго участка Прокопьевскаго прииска, дѣло 1860 г., № 46, л. 18.

XV (къ стр. 474). На Алтайскихъ промыслахъ:

Въ 1861 г. было получено золота	25 п. 26 ф. 74 з. ¹⁾
" 1862 " " " " "	19 " 39 " 88 " ²⁾
" 1863 " " " " "	21 " 15 " 29 " ³⁾
" 1864 " " " ших. зол.	24 " 9 " 74 " ⁴⁾
" 1865 " " " " "	27 " 17 " 78 " ⁵⁾
" 1866 " " " " "	22 " 2 " 66 " ⁶⁾
" 1867 " " " " "	22 " 12 " 41 " ⁷⁾
" 1868 " " " " "	17 " 14 " 31 "
" 1869 " " " " "	17 " 10 " — "
" 1870 " " " " "	19 " 26 " 13 " ⁸⁾
" 1872 " " " " "	13 " 21 " 81 " ⁹⁾

¹⁾ „Памятная книжка для русск. горн. людей“, годъ II-й, 1863 г., стр. 33.

²⁾ Тоже на 1864 г., стр. 30.

³⁾ „Сборникъ статист. свѣд. по горн. части на 1866 г.“, стр. 55.

⁴⁾ Да кромѣ того отъ промывки кварцевъ и шиховъ Зыряновскаго и Риддерскаго рудниковъ получено шиховаго же руднаго золота 1 п. 15 ф. 27 з. „Сборникъ стат. свѣд. по горн. части на 1866 г.“, стр. 55—56.

⁵⁾ Арх. Глав. Управ. Алтайск. гор. окр. „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1866 г., л. 23. Всего золота (очевидно вмѣстѣ съ руднымъ) было получено 29 п. 12 ф. 84 з. „Алтай“, 380.

⁶⁾ „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1867 г., л. 28.

⁷⁾ „Изложеніе Горнаго Совѣта“ 1868 г., л. 28. А всего золота было получено 23 п. 29 ф. 63 з. *Кеппенъ*. „Стат. очеркъ горн. промысл. Россіи съ 1860—1877 г.“, стр. 6.

⁸⁾ „Алтай“, 380.

⁹⁾ *Кеппенъ*, 7.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА.

СТРАН.

Предисловіе	III
Введеніе	XXIX
Глава I. Рабочіе на частныхъ золотыхъ промыслахъ до 1838 г. Начало золотопромышленности въ Сибири.—Поисковыя партіи.—Число рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ.—Наемъ рабочихъ и договоры ихъ съ хозяевами.—Пріисковыя работы.—Рабочая плата.—Старательскія работы.—Жилища и пища рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Медицинская помощь.—Наказанія рабочихъ.—Побѣги и волненія	1
Глава II. Положеніе 1838 г. о частной золотопромышленности въ Сибири	48
Глава III. Законодательныя и административныя мѣры относительно сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ	59
Глава IV. Проекты введенія обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ	82
Глава V. Бытъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ. Число и составъ рабочихъ въ сороковыхъ годахъ.—Поисковыя партіи.—Наемъ рабочихъ.—Размѣръ задатка.—Контракты.—Путешествіе на пріиски.—Число неявившихся.—Количество рабочихъ часовъ.—Размѣръ уроковъ.—Рабочая плата.—Старательскія работы.—Жилища и пища.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Введеніе таксъ на промыслахъ Западной Сибири.—Волѣзны и врачебная помощь.—Наказаніе рабочихъ.—Пріисковая полиція.—Побѣги и волненія.—Общій размѣръ заработка.—Величина додачи, забора до расчета и долговъ.—Похищеніе золота.—Выходъ съ пріисковъ послѣ осенняго расчета.—Мѣры Муравьева 1848 г.—Наемъ на зимнюю операцію	92
Глава VI. Вліяніе введенія золотопромышленныхъ машинъ на положеніе рабочихъ. Новый періодъ сибирской золотопромышленности.—Число и составъ рабочихъ.—Наемъ и размѣръ задатковъ.—	

Контракты.—Усовершенствованіе золотопромышленной техники.—Огромные доходы золотопромышленниковъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Размѣръ уроковъ.—Мѣсячное жалованье.—Измѣненіе въ системѣ старательскихъ работъ.—Удешевленіе рабочей силы.—Отрядные рабочіе.—Жилища и пища рабочихъ.—Употребленіе вина.—Семейства рабочихъ.—Пріисковыя лавки.—Болѣзненность и смертность на промыслахъ.—Пріисковыя больницы; пріисковые фельдшера и врачи.—Наказаніе рабочихъ изъ ссыльно-поселенцевъ и мѣщанъ.—Денежные штрафы.—Тѣлесныя наказанія.—Досрочный расчетъ.—Бѣгство съ промысловъ.—Размѣръ заработковъ.—Величина додачи.—Недоразумѣніе при расчетѣ.—Должники.—Возвращеніе рабочихъ.—Расчетъ съ ними въ кабакахъ.—Какъ охраняли рабочихъ отъ пьянства. 161

Глава VII. Мастеровые на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ въ 1830—1861 гг. Военный строй мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Число мастеровыхъ.—Подростки.—Вознагражденіе за трудъ.—Кормовыя деньги.—Старательскія работы.—Безплатная выдача провіанта.—Жилища.—Болѣзни и врачебная помощь.—Назначеніе срока работъ.—Пенсіи и богадѣльни.—Школа.—Тѣлесныя наказанія: розги и шпидреты.—Исправительная казарма.—Побѣги.—Убійство съ цѣлю избавленія отъ работъ.—Невыгодность обязательнаго горнаго труда. 263

Глава VIII. Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ съ начала 30-хъ гг. до 1861 г. Мастеровые.—Ссыльно-каторжные.—Урочники.—Вознагражденіе за трудъ.—Продовольствіе.—Одежда.—Жилища.—Управленіе Разгильдѣва.—Болѣзни.—Долги рабочихъ.—Побѣги.—Убійства надзирателей.—Лихомство начальства.—Жестокія наказанія.—Вольнонаемные рабочіе на Бальдинскомъ промыслѣ 295

Глава IX. Измельчаніе частной золотопромышленности и появленіе старателей-золотничниковъ. Число и составъ рабочихъ.—Наемъ рабочихъ и размѣръ задатковъ.—Путешествіе на пріиски.—Контракты.—Право передавать рабочихъ на промыслы другихъ компаній.—Попытка выработать нормальный контрактъ.—Американскій способъ.—Продолжительность рабочаго дня.—Ночныя работы.—Урочная система.—Вознагражденіе за трудъ.—Мѣсячное жалованье.—Урочная и поденная плата.—Старательскія работы.—Жилища рабочихъ.—Семьи рабочихъ.—Пища.—Винныя порціи.—Хозяйскія лавки.—Таксы и совѣщанія о нихъ енисейскихъ золотопромышленниковъ.—Тайная продажа вина.—Болѣзни, гнѣчение и смертность рабочихъ.—Тѣлесныя наказанія.—Денежные штрафы.—Похищеніе золота.—Пріисковая администрація.—Побѣги и волненія.—Заработки.—Заборъ до расчета, додача и долги.—Отработка долга.—Расчетъ.—Старатели золотничники. 329

Глава X. Введеніе свободнаго труда на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ. Положеніе 8 марта 1861 г. и его приѣненіе на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ.—Вольнонаемные общеконтрактные рабочіе въ 1861—1873 гг.—Уменьшеніе добычи золота и количества рабочихъ.—Контракты.—Продолжительность рабочаго дня и размѣръ уроковъ и старательскихъ работъ.—Вознагражденіе за трудъ.—Пища.—Размѣръ заработковъ.—Прекращеніе золотопромышленности на средства заводовъ. 467

Глава XI. Выработка правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 г.	
Записки золотопромышленниковъ, присланныя въ министерство финансовъ.—Предложенія администраціи Западной и Восточной Сибири.—Труды комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ.—Узаконенія о приисковыхъ рабочихъ, изданныя въ 60-хъ годахъ.—Вопросъ о трудѣ несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.—Проектъ контракта для найма рабочихъ 1866 г.—Пересмотръ проекта правилъ о наймѣ рабочихъ	487
Дополненія	539

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>стр.:</i>	<i>строка:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно быть:</i>
xxv	6 снизу	прінскѣ	прінскѣ),
xxix	9 "	предъявптъ	предъявлялѣ
lxxiv	25 "	10	110
50	4 сверху	земскихъ	зимнихъ
121	8 "	мяса	масла
189	18 "	на	не
195	6 снизу	крѣпостныхъ".	крѣпостныхъ.
216	15 сверху	своего	всего
279	9 снизу	17 ⁰ / ₀	17 ⁰ / ₀ поденщинѣ
343	1 сверху	при	нять при
484	7 снизу	додача	додача за вычетомъ дол-
			га должниковъ
484	6 снизу	26 р. 50 к.	15 р. 94 к.
528	4 сверху	съ прінсковъ	съ прінсковъ несовершен-
			нолѣтнихъ
539	10 "	1627	1727
564	18 снизу	76 до 89	80 до 87
—	17 "	11 до 24	10 до 20

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. СЕМЕВСКАГО:

1. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I (53,+517 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р.

2. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. II (625 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р.

3. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. I (LXXXIV+574 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича).

4. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Т. II (914 стр.). Спб., 1898 г. Ц. 3 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича).

5. Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ, съ портретомъ. Ц. 50 к.

6. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. I. Введеніе. Крѣпостные крестьяне въ Великороссіи. Поссессионные крестьяне. Спб., 1881 г. Ц. 3 р. (Распродано, готовится въ печати новое изданіе).

Цѣна 3 р.
